

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Проверено 1955
Л. М. П.

P Slav 236.4 $\left(\frac{1883}{5-6}\right)$

ПРОВЕРЕНО
1940 г.

НОЯ 1947

ПРОВЕРЕНО
1955 г.

HARVARD
COLLEGE
LIBRARY

МАЙ.

1883.

ДѢЛО

ГОДЪ СЕМНАДЦАТЫЙ

№ 5

СОДЕРЖАНІЕ.

ВЫСОЧАЙШІЙ МАНИФЕСТЪ.

1. ЗЛАЯ ВОЛЯ. Повѣсть. (Гл. VIII—XIV). В. І. Дмитриевой.
2. * * * СТИХОТВОРЕНІЕ П. Ф. Якубовича.
3. «AU BONHEUR DES DAMES». Романъ. (Глава X—XII) Э. Золя.
4. ЧИНШЕВИКИ В. Н.
5. ПРИВАЛОВСКІЕ МИЛЛІОНЫ. Романъ въ 5 ч. Часть третья. (Гл. I—VII). Д. Сибиряна.
6. ГУСЯТНИЦА. Повѣсть. (Гл. I—XIV). Жана Роллана.
7. РАЗДУМЬЕ. Стихотвореніе П. Ф. Якубовича.
8. МАРГО ПЕЙЕ. Разсказъ Паріа-Коригана.

Р. 16442

(См. на оборотъ).

8001
39M
69-3

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

9. ПАБАИ И ШАБАЙСТВО Ф. Щербины.
10. ХАРАКТЕРИСТИКИ СОВРЕМЕННЫХЪ
ДѢЯТЕЛЕЙ. (М. Е. Салтыковъ) М. А. Протопопова.
11. РЕНАНЪ ОБЪ ЕВРЕЯХЪ И. Н.
12. НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРА-
ТУРЫ Л. М.

Французское легкомысліе и нѣмецкая обстоятельность. — Новая при-
тязавія нѣмецкой учености (Karl Wilhelm Nitsch). — Жизнь и заработки
въ Парижѣ („*La vie et les salaires à Paris*“, par O. d'Haussonville; „*Le
travail des femmes*“, par M-me de Varreau; „*Le choix d'un état*“, par
M-lle Pichart). — Повстанческая нервность („*Les névroses*“, par Maurice
Rollinat). — Реализмъ и натурализмъ въ новой французской беллетри-
стикѣ. — О перепискѣ маленькихъ людей.

13. НОВЫЯ КНИГИ:

Страница изъ исторіи судебной реформы. Д. Н. Замятинъ. Г. Дженши-
ва. Москва. 1883 г. — Дѣятельность женщинъ. И. П. Лазаревича. Харь-
ковъ. 1883. — Н. Страховъ. Борьба съ Западомъ въ нашей литературѣ.
Историческіе и критическіе очерки. Книжка вторая. Спб. 1883 г. —
А. З. Соколовскій. Царь-избавитель. Новый русскій оригинальный ро-
манъ (изъ крестьянскаго быта). Въ четырехъ частяхъ. Спб. 1883 г. —
На далекомъ Востоцѣ. Рассказы и очерки А. Я. Максимова. Спб. 1883. —
Что сдѣлалъ для науки Чарльзъ-Дарвинъ. Съ портретомъ Ч. Дарвина,
гравированнымъ на стали въ Лондонѣ. Изданіе Ф. Павленкова. Спб.
1883 г. — Сборникъ статистическихъ свѣдѣній по Рязанской губерніи. Вып.
первый. Курскій уездъ. Изд. Курскаго губ. земства. Москва. 1883. —
Сборникъ статистическихъ свѣдѣній по Курской губерніи. Сызранскій уездъ.
Изд. Рязанскаго губернскаго земства. Москва. 1882. — Крымскія цѣлебныя ми-
неральныя грязи въ деревнѣ Сани и морскія купанья въ городѣ Евпаторіи.
Изъ воспоминаній признательнаго пациента. А. Н. Н.—на Спб. 1883.

14. ИЗЪ ДОМАШНЕЙ ХРОНИКИ Н. В.

Либеральное еразерство г. Евг. Маркова и его обвиненіе современнаго
общества въ отсутствіи идеала. — Точно-ли идеалъ былъ только у 60-хъ
годовъ, а у 80-хъ его нѣтъ? — Въ чемъ обязанность публициста и
нѣтъ-ли онъ право бросать въ лицо обществу обвиненіями, умалчивая
о причинахъ, почему дурные инстинкты берутъ перевѣсъ надъ хороши-
ми? Отчего лучшія и справедливыя идеи оказываются иногда подъ спу-
домъ. — Подтасовка фактовъ. — Какія случайныя причины помогли осу-
ществленію судебной реформы и началу реформы крестьянской. — Ме-
лочность и уловки противниковъ перемѣнъ. — Преувеличенный взглядъ на
отсталую публицистику. — Что съ особенной любовью преслѣдуетъ она
теперь и какъ нападеніями на общество она хочетъ подорвать наше
самоуправленіе во всѣхъ его видахъ. — Обвиненія с.-петербургской го-
родской думы. — На сколько эти обвиненія справедливы. — Переходное,
зависимое положеніе городскихъ управленій.

15. ИРЛАНДСКІЯ ДѢЛА (Политическая и
общественная хроника) Жикѣ.
16. КАРТИНКИ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ. Откровеннаго Писателя.
17. ВЪ ЗАЛѢ СУДА Х.
18. ПОЖЕРТВОВАНІЯ ВЪ ПОЛЬЗУ ЖЕН-
СКИХЪ ВРАЧЕВНЫХЪ КУРСОВЪ.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Объ изданіяхъ журнала «Дѣло», объ изданіяхъ М. К. Цибряковой, книжнаго
магазина Мамонтова и объ изданіяхъ Бяблбина.

Окончаніе статьи „Французское Духовенство“ будетъ по-
мѣщено въ Іюльской книжкѣ.

ДѢЛО

ЖУРНАЛЬ

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКІЙ

ГОДЪ СЕМНАДЦАТЫЙ

№ 5.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Н. А. Ливедова, Невск. пр., д. № 8.

1883.

Инд. № 24532

PSlav

236.4

1883

5-6

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 13-го Мая 1883 г.

BA 2

Священное коронованіе Ихъ Величествъ.

Телеграмма г. министра внутреннихъ дѣлъ изъ Москвы отъ 15-го мая:

«Священное коронованіе Ихъ Императорскихъ Величествъ совершилось сегодня, въ 1 часъ пополудни. Въ сей великій для Россіи день, сердца русскихъ солютъ воедино свои горячія молибы ко Господу о здравіи и благоденствіи Ихъ Императорскихъ Величествъ, и народное торжество, при возгласеніи многолѣтія, ознаменуется салютомъ ста одного выстрѣла повсемѣстно, гдѣ имѣется крѣпостная или полевая артиллерія.»

ВЫСОЧАЙШІЙ МАНИФЕСТЪ

о дарованныхъ въ день Священнаго Коронованія Ихъ Императорскихъ Величествъ милостяхъ.

БОЖІЕЮ МИЛОСТІЮ,

МЫ, АЛЕКСАНДРЪ ТРЕТІЙ,

ИМПЕРАТОРЪ И САМОДЕРЖЕЦЪ

всероссійскій,

ЦАРЬ ПОЛЬСКІЙ, ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ ФИНЛЯДСКІЙ

и прочая, и прочая, и прочая.

Объявляемъ всѣмъ вѣрнымъ Нашимъ подданнымъ:

По повеленію Божію, возложивъ на Себя вѣнецъ Царственныхъ Предковъ съ пріятіемъ Святаго Мучокозанія, Мы всѣмъ сердцемъ молимъ Господа Вседержителя Царей и Царствъ, да благословитъ сей Священный день и часъ, въ который, передъ Лицемъ Его, на мѣстѣ, отъ древнихъ дѣтъ освященномъ вѣрою и молитвою всей Земли Русской, повторили Мы великій обѣтъ Царскаго Званія! Да укрепитъ Онъ всесильными Своими Духомъ Державу Нашего правленія и да подастъ Намъ мудрость и силу — къ умиротворенію всего смятеннаго, къ укрѣпленію порядка и правды въ дѣлахъ, къ просвѣщенію народа въ истинахъ вѣры, къ утвержденію въ каждомъ званіи вѣрности долгу и за-

кову, къ охраненію предоставленныхъ каждому правъ и всеобщей безопасности, къ возвеличенію благоденствія и славы возлюбленнаго Нашего Отечества!

Желая въ Священный и торжественный для Насъ день сей явить милость Нашу всѣмъ подданнымъ Нашимъ, Мы нынѣ обращаемся къ тѣмъ въ особенности, нуждающимся и удрученнымъ, кои, по недостаточному положенію или по несчастнымъ обстоятельствамъ, не въ состояніи были выполнить всѣхъ лежащихъ на нихъ передъ Правительствомъ обязательствъ; не изъедемъ отъ Царской милости Нашей и тѣхъ, которые впали въ противозаконныя дѣянія по заблужденію, легкомыслію и небреженію, или же хотя омрачили жизнь свою преступленіями, но, вслѣдствіе понесенной ими кары закона или по другимъ обстоятельствамъ, заслуживаютъ прощенія или облегченія участи. Въ сихъ видахъ Всемилостивѣйше повелѣваемъ:

1. Даровать нижеслѣдующія облегченія въ уплатѣ недоимокъ по разнаго рода окладнымъ и неокладнымъ сборамъ:

1) Простить всѣ недоимки, числившіяся къ 1 января 1883 г.: по подушной подати во всей Имперіи; по взимаемымъ въ Бессарабской губерніи бирю, даждію, оброкъ и личной подати; по кибиточному сбору; по подымной подати въ Кубанской и Терской областяхъ и въ Западной Сибири; по ясачному сбору и оброчной подати, платимымъ кочевыми, бродячими и осѣдлыми инородцами Кабинету Нашему и по шестикотвечному сбору въ Сибири.

2) По выкупнымъ платежамъ, платимымъ крестьянами всѣхъ разрядовъ; по оброчной подати и по лѣсному налогу, платимымъ бывшими государственными крестьянами; по лѣсному налогу, платимому населеніемъ горнозаводскихъ округовъ; по повземельному оброку, платимому крестьянами казенныхъ имѣній въ Прибалтійскихъ губерніяхъ, и по половинно-оброчной подати, платимой переселенцами, — сложить и изъ счетовъ исключить ту часть накопившихся къ 1 января 1883 г. недоимокъ, которая превышала годовой окладъ этихъ сборовъ, исчисленный въ разгѣрѣ оклада за 1882 г. Уплата той части вышепоименованныхъ недоимокъ, которая не подлежитъ сложенію, должна производиться ежегодно въ разгѣрѣ не менѣ одной пятой части годового оклада. Крестьяне же, коиимъ предоставлена разсрочка недоимки на срокъ свыше пяти лѣтъ, пользуются ранѣ имъ дарованною льготою, за уменьшеніемъ общей суммы недоимки въ указанномъ выше разгѣрѣ.

3) Оставить безъ взысканія недоимки въ платежахъ по окладнымъ сборамъ, поименованнымъ въ предшествующихъ пунктахъ настоящей статьи сего Манифеста, слѣдовавшихъ къ поступленію за время по 1 января 1883 г., которые по какимъ-либо причинамъ не зачислены по день Коронованія Нашего по счетамъ казначествъ. Изъ сего изъемяются взысканія выкупныхъ платежей съ бывшихъ временно-обязанныхъ крестьянъ Западныхъ губерній, перебранныхъ помѣщиками.

4) Сложить всѣ образовавшіяся къ 1 января 1883 г. недоимки въ горныхъ податяхъ, въ отдѣльности не превышающія пятидесяти рублей; по не-

доникамъ же въ сихъ податяхъ на большую сумму — исключитъ по пятидесяти рублей изъ каждой статьи.

5) Простить причитающіяся ко дню Нашего Коронованія: пени по взимаемымъ въ суммы государственнаго казначейства налогамъ государственному поземельному и съ недвижимыхъ имуществъ въ городахъ, посадахъ и мѣстечкахъ какъ основному, такъ и дополнительному на квартирную повинность, а также по взимаемымъ въ Западныхъ губерніяхъ сборамъ: процентному съ недвижимыхъ имуществъ лицъ польскаго происхожденія и поземельному на содержаніе духовенства; штрафы и пени за прописку по ревизіи душъ и за неподачу въ срокъ ревизскихъ сказокъ; слѣдующіе въ доходъ казны экзекуціонные штрафы и пени, по губерніямъ Царства Польскаго — за несвоевременный взносъ налоговъ, податей и всякихъ другихъ сборовъ или платежей; пени за несвоевременный платежъ крѣпостныхъ и эсдигвизорскихъ пошлинъ; и всякаго рода взыскапія и пени съ бывшихъ государственныхъ крестьянъ, а равно съ тѣхъ крестьянъ, которые водворены въ казенныхъ мѣстностяхъ, наложенныя какъ лично на означенныхъ крестьянъ, такъ и на общества и селенія — за пользованіе казенными землями и оброчными статьями, внослѣдствіи отведенными этимъ крестьянамъ въ надѣль.

6) Сложить накопившіяся ко дню Коронованія Нашего не поступившія въ казну процентныя и штрафныя деньги, начисляемыя за несвоевременный взносъ разсроченныхъ платежей акциза и поудныхъ денегъ за соль, а также за несвоевременный взносъ разсроченной при покупкѣ казенной соли платы. По тѣмъ солянымъ недоимкамъ, которыя частію взысканы, всѣ поступившія суммы отнестн сначала на пополненіе капитальнаго долга, а затѣмъ уже процентовъ и штрафа, дальнѣйшаго же взыскапія процентныхъ и штрафныхъ денегъ, по день Коронованія Нашего причитающіхся, не производить.

7) Сложить со счетовъ всѣ числящіяся по 1 января 1883 года недоимки въ пошлинахъ за право торговли и промысловъ.

8) Оставить безъ взыскапія недоимки въ пошлинахъ съ межовыхъ плановъ и книгъ опредѣленныхъ ко взыскапію за пять и болѣе лѣтъ до дня Коронованія Нашего.

9) Сложить числящіяся по день Коронованія Нашего недоимки: по денежнымъ взносамъ за пожалованіе орденами, а также по взыскапіямъ по случаю увеличенія окладовъ содержанія; не начисленныя же по сей день недоимки въ сихъ сборахъ не начислять.

10) Оставить безъ взыскапія числящіяся ко дню Коронованія Нашего въ недоимкѣ за дворянствомъ разныхъ губерній суммы, слѣдующія за содержаніе пансіонеровъ дворянства въ учебныхъ заведеніяхъ вѣдомства Министерства Народнаго Просвѣщенія до 1 января 1878 г., а также суммы, начисленныя по добровольнымъ за прежнее время сборамъ дворянства за содержаніе и воспитаніе дѣтей дворянъ въ военно-учебныхъ заведеніяхъ, если самыя сборы призваны были затѣмъ, въ установленномъ порядкѣ, необязательными и вовсе прекращены за пять и болѣе лѣтъ назадъ.

1) Все недоимки, накопившіяся на день Коронованія Нашего на лицахъ, перебравшихъ изъ казны пенсін — простить, если противъ такихъ лицъ не возбуждено обвиненіе въ преступленіи или казнь умерба выдана со корист-
 2) Сложить съ государства причитающіяся въ казенныя недоимки и пенн

3) Сложить изъ казенныхъ на послѣднихъ оборотахъ, до выданныхъ, кромѣ

4) Освободить содержателей казенныхъ и частныхъ дворовыхъ и принадле-
 5) Вызвать роды начатыя в недоимки, послѣдствіи по контрактамъ, срокъ

6) Простить невзысканныя до дня Коронованія Нашего убытки и на-
 7) Не налагать на содержателей казенныхъ и частныхъ дворовыхъ и принадле-

8) Изъ убытковъ казенныя начтенныхъ на основаніи ст. 1868 в 1916

9) Простить невзысканныя до дня Коронованія Нашего убытки и на-

10) Простить невзысканныя до дня Коронованія Нашего убытки и на-

11) Простить невзысканныя до дня Коронованія Нашего убытки и на-

12) Простить невзысканныя до дня Коронованія Нашего убытки и на-

отъ заключенія контрактовъ, — сложить ту сумму, которая превышаетъ раз-
нѣрѣ залоговъ.

III. Предоставить по возврату ссудъ, произведенныхъ въ указное время на-
намъ, обществамъ и сословіямъ, нижеслѣдующія облегченія:

1) Простить и со счетовъ сложить числящіяся по день Коронованія На-
шего долги по ссудамъ, выданнымъ изъ государственнаго казначейства, а
равно изъ капиталовъ Министерства Государственныхъ Имуществъ и госу-
дарственныхъ крестьянамъ, а также ящикамъ, перешедшимъ въ крестьяне
собственники и въ другія сословія, какъ до восшествія на престолъ
деннаго, 9 июня 1869 г., изъ Государственнаго Совета объ устройствѣ
ящиковъ, водворенныхъ въ губерніяхъ Московской, Новгородской, Олонецкой,
Полтавской и Тверской, такъ и послѣ 9 июня 1869 года — на покупку скота, на
постройку домовъ и церквей, на образованіе вспомогательныхъ классовъ и на дру-
гіе предметы; казакамъ Черниговской губерніи — на содержаніе въ казенныхъ
учрежденіяхъ названной губерніи членовъ отъ казаковъ и кандидатовъ на эту
должность; крестьянамъ-собственникамъ бывшихъ колонистамъ Вятской
своей губерніи, Новомосковского уѣзда, въ 1825 г. — на водвореніе и на дру-
гіе предметы, стонцамъ въ 1862—1866 гг. — на водвореніе и на дру-
гіе предметы въ Сибиря — на обзаведеніе по случаю вступленія въ бракъ
поселенкамъ.

2) Всѣ произведенные изъ казенныхъ суммъ на покрытие расходовъ по
переселенію съ 1860 г. въ Таврическую губернію славянъ разныхъ наимено-
ваній, на выдачу имъ ссудъ по разнымъ предметамъ, на покупку въ поур-
ядочные годы хлѣба, расходы, подлежащіе по смѣт. ст. 290, 293 и 296
ком. (свод. зак. т. XII ч. II) возврату съ бывшихъ колонистскихъ обществъ
нымъ крестьянъ-собственниковъ, — съ означенныхъ обществъ не взыскивать,
принявъ эти расходы на счетъ казны безвозвратно.

3) Сложить со счетовъ накопившіяся по день Коронованія Нашего недо-
лики въ размѣрѣ, не превышающемъ ста пятидесяти рублей по каждой отдѣль-
ной ссудѣ изъ числа выданныхъ Мурманскимъ переселенцамъ, которые
пользовавшись таковыми ссудами, дѣйствительно приняли осѣдлость на
Мурманскомъ берегу.

4) Исключить изъ счетовъ суммы, употребленныя за границею на одѣр-
жаніе, леченіе и возвращеніе въ Россію разныхъ лицъ недостаточнаго
стоянія.

5) Оставить безъ взысканія числящіяся по день Коронованія Нашего
недѣлимыя за дворянствомъ разныхъ губерній денежные позаймствованія изъ
бывшаго государственнаго земскаго сбора на разныя нужды дворянства, если
со времени первоначальнаго распоряженія о позаймствованіи протекло болѣе
десяти лѣтъ.

6) Изъ числа остающихся невзысканными по день Коронованія Нашего
процентовъ за просрочку платежей по ссудамъ, выданнымъ изъ государствен-
наго казначейства и изъ фундушскаго капитала частнымъ лицамъ и обще-

ствамъ, по особымъ Высочайшимъ повелѣніямъ и на основаніи закона о ссудахъ изъ фондушеваго капитала, — простить и изъ счетовъ исключить сумму таковыхъ процентовъ, накопившуюся за время не далѣе десяти лѣтъ, а съ тѣхъ заемщиковъ, на которыхъ упомянутые проценты числятся за большее время, сложить эти проценты лишь за десять лѣтъ.

7) Сложить со счетовъ числящиеся по день Коронованія Нашего долги и недоимки изъ казенныхъ и горнозаводскихъ суммъ, выданныхъ по разнымъ случаямъ въ ссуду и въ счетъ заратотка бывшимъ мастеровымъ, непрѣлнымъ и урочнымъ работникамъ до увольненія ихъ отъ обязательной службы, а также не подвергать взысканію долговъ на сумму не свыше ста пятидесяти рублей, образовавшихся на мастеровыхъ и рабочихъ при исполненіи ими работъ и при поставкѣ матеріаловъ и припасовъ на казенные горные заводы; по недоимкамъ же въ сихъ послѣднихъ долгахъ на большую сумму — исключить по ста пятидесяти рублей изъ каждой статьи.

8) По ссудамъ, выданнымъ изъ казны по день Коронованія Нашего лицамъ и обществамъ по случаю пожаровъ, наводненій и другихъ несчастныхъ обстоятельствъ, а равно по ссудамъ, выданнымъ, въ прежнее время, обывателямъ форштадтовъ Динабургской и Вобруйской крѣпостей по Высочайшимъ повелѣніямъ, на переносъ домовъ на вновь назначенныя мѣста, — сложить со счетовъ и простить всѣ недоимки и проценты за просрочку, числящиеся на такихъ заемщикахъ, съ которыхъ поступившіе по день Коронованія Нашего платежи, вмѣстѣ съ процентами и пенею, покрываютъ первоначальный капитальный долгъ; а съ прочихъ заемщиковъ сложить по таковымъ ссудамъ проценты за просрочку платежей, равно числящиеся по день Коронованія Нашего недоимки, не превышающія по каждой отдѣльной ссудѣ трехсотъ рублей; съ тѣхъ же заемщиковъ, на конхъ недоимки по сказаннымъ ссудамъ превышаютъ этотъ размѣръ, — исключить изъ недоимки триста рублей съ каждаго заемщика. По ссудамъ, вполнѣдствіи пересроченнымъ, сложению подлежатъ только недоимки новыхъ срочныхъ платежей, хотя бы въ разсроченномъ вновь капиталѣ и заключались причисленные къ оному при такой пересрочкѣ недоимки срочныхъ платежей по первоначальной разсрочкѣ.

9) Сложить также суммы, числящіяся по день Коронованія Нашего въ недоимкѣ по ссудамъ, выданнымъ въ разное время изъ бывшаго конно-заводскаго капитала по случаю пожаровъ жителямъ слободъ, состоящихъ при Хрѣновскомъ, Ново-Александровскомъ и Деркульскомъ государственныхъ конскихъ заводахъ.

VI. Силу предшествовавшихъ статей I и III настоящаго Манифеста, за исключеніемъ особо указанныхъ въ сихъ статьяхъ случаевъ, не распространять какъ на недоимки по бывшимъ питейнымъ откупамъ, по казеннымъ подрядамъ и поставкамъ, на недоимки въ патентномъ и акцизномъ съ разныхъ статей сборахъ и въ платежѣ за акцизные свидѣтельства на право приготовленія и продажи табуку, на недоимки и недоборы по сборамъ таможеннымъ такъ и на недоимки въ земскихъ повинностяхъ, въ капиталахъ народнаго продовольствія,

по ссудамъ изъ государственныхъ кредитныхъ установлений и государственнаго казначейства, на взысканія суммъ, принадлежащихъ къ городскимъ доходамъ, общественнымъ и мирскимъ сборамъ и вообще къ сборамъ и доходамъ сословнымъ и особымъ учрежденій.

V. Простить и сложить на нижеслѣдующихъ основаніяхъ невзысканные еще казенные по службѣ начеты и утраты, причиненные такими дѣйствіями или упущеніями, которыя послѣдовали до дня Коронаванія Нашего:

1) Тѣ ущербы и утраты, по которыхъ дѣла ко дню Коронаванія Нашего еще окончательно не рассмотрѣны или и не начаты, оставить безъ преслѣдованія, когда сумма оныхъ составляетъ не болѣе трехсотъ рублей по каждой отдѣльной отчетности за годовой періодъ времени, или не болѣе трехсотъ рублей на каждое подлежащее отвѣтственности лицо.

2) Изъ начетовъ, ущербовъ и утратъ, кои ранѣе дня Коронаванія Нашего уже предписаны ко взысканію, или дѣла по коимъ окончательно рассмотрѣны, сложить тѣ, которыя въ первоначальномъ составѣ или въ остаткахъ, за произведеннымъ взысканіемъ или сложеніемъ, не превышаютъ какъ общую сумму, такъ и по раскладкѣ ихъ на отвѣтственныхъ лицъ трехсотъ рублей съ каждаго лица.

3) Изъ начетовъ, ущербовъ и утратъ, превышающихъ означенную въ предшествующихъ п.п. 1 и 2 настоящей статьи сего Манифеста сумму, сложить съ каждаго лица, взысканію подлежащаго, триста рублей.

4) Всѣ начеты по ревизіи отчетности за послѣднюю войну съ Турціею, за переборъ жалованья, столовыхъ, суточныхъ, порціоновъ, прогонныхъ денегъ и иныхъ видовъ личнаго довольствія, упадающіе на офицеровъ и врачей частей войскъ, принимавшихъ въ сей войнѣ участіе, — сложить, безъ ограниченія суммы, по дѣламъ какъ окончательно рассмотрѣннымъ, такъ и находящимся въ производствѣ. Новыхъ дѣлъ по взысканію начетовъ этого рода за время послѣдней съ Турціею войны не возбуждать.

5) Изъ начетовъ за время той-же войны, по перетребованію разныхъ видовъ денежнаго и матеріальнаго довольствія войскъ, когда начеты сіи слѣдуютъ къ пополненію изъ экономическихъ или хозяйственныхъ суммъ частей войскъ, принимавшихъ участіе въ войнѣ, сложить тѣ, которыя не превышаютъ тысячи двухсотъ рублей на каждую часть и по каждому виду довольствія. Изъ начетовъ, превышающихъ эту сумму, сложить по тысячѣ двѣсти рублей съ каждой части войскъ по каждому виду довольствія.

6) Дѣла объ убыткахъ казны отъ неправильнаго или небрежнаго храненія казеннаго имущества въ продовольственныхъ, вещевыхъ и иныхъ матеріальныхъ складахъ на театрѣ бывшей войны съ Турціею, въ Румыніи и прилегающихъ мѣстностяхъ Имперіи, объявленныхъ на военномъ положеніи, — прекратить, если по дѣламъ симъ не возникаетъ обвиненія въ растратѣ, а также въ причиненіи ущерба казнѣ завѣдомо съ корыстною или иною противозаконною цѣлію, и убытки тѣ оставить безъ преслѣдованія.

7) Начеты за выдачи, безъ разрѣшенія надлежащаго начальства и внѣ

установленнаго порядка, наградъ и пособій всякаго рода изъ остатковъ штатныхъ или конфискаціонныхъ суммъ, произведенныя до дня Коронованія Нашего, — оставить безъ преслѣдованія.

8) По ущербахъ и утратамъ, причиненнымъ казнѣ по день Коронованія Нашего упущеніями по службѣ, равно по перетребованію по сей день казенныхъ денегъ или инаго имущества, когда признанный недостатокъ подлежитъ взысканію въ пользу казны съ виновныхъ, или съ поручителей ихъ, или же съ другихъ прикосновенныхъ къ дѣлу лицъ, вдвое — взыскать только одну капитальную сумму. Процентовъ, гдѣ таковыя за нарушеніе казенныхъ интересовъ по дѣламъ сего рода полагаются и кои еще не поступили куда слѣдовало, — не взыскивать за время до дня Коронованія Нашего, независимо отъ суммъ ихъ.

9) Всѣ казенные денежные начеты по службѣ, падающіе на наслѣдниковъ лицъ, подлежавшихъ взысканію и умершихъ прежде настоящаго дня, а равно и на пенсіи вдовъ и сиротъ ихъ, — простить, не подвергая взысканіямъ и тѣмъ лицъ, которыя, въ случаѣ недостатка имѣнія означенныхъ наслѣдниковъ, должны были за нихъ отвѣтствовать.

10) Всѣ казенные начеты, подлежащіе къ пополненію съ лицъ, привлекаемыхъ къ денежной отвѣтственности, вслѣдствіе несостоятельности прямыхъ отвѣтственныхъ лицъ, а также и наслѣдниковъ ихъ, по ущербахъ, убыткамъ и утратамъ, причиненнымъ казнѣ до дня Коронованія Нашего, — сложить безъ ограниченія суммы.

11) Оставить безъ преслѣдованія всѣ казенные по службѣ убытки, ущербы и утраты, причиненные дѣйствіями или упущеніями, со времени которыхъ до дня Коронованія Нашего протекло не менѣе десяти лѣтъ.

12) Силу предыдущихъ пунктовъ настоящей статьи сего Манифеста не распространять: на суммы, казнѣ не принадлежація и хотя находящіяся въ распоряженіи Правительства, но имѣющія специальное назначеніе; на похитившихъ или растратившихъ казенную или принадлежащую учрежденнымъ отъ Правительства установленіямъ какого либо рода собственность, когда храненіе оной было имъ ввѣрено постоянно или временно, а также на причинившихъ ущербъ казнѣ заведомо съ корыстною или иною противозаконною цѣлю, и на дѣйствія, по которымъ отчеты еще не представлены ко дню Коронованія Нашего.

VI. Простить и не взыскивать начтенные или причитающіеся, но еще не поступившіе въ казну до дня Коронованія нашего: тѣ изъ штрафовъ за нарушеніе правилъ устава о гербовомъ сборѣ 17 апрѣля 1874 года, которые опредѣлены ко взысканію за пять и болѣе лѣтъ до дня Нашего Коронованія; штрафы за неимѣніе установленныхъ документовъ кагъ по первой и второй гильдіи, такъ и промысловыхъ (на мелочной, развозный и разносный торгъ, на мѣщанскіе промыслы) и прикащикьихъ; штрафы за вступленіе разныхъ лицъ въ подряды и поставки на суммы, превышающія права ихъ по торговлѣ и за другія нарушенія, предусмотрѣнныя въ положеніи о пошлинахъ, за право торговли и промысловъ (ст. 113, 115—123 прил. къ ст. 464 свод. зак. т. V ус-

о пошлин. по прод. 1876 г.), и наложенные прежними судебными установлениями штрафы за неправильное вчинаніе исковъ и за неправую апелляцію. Дѣйствіе настоящей статьи не распространяется на тѣ части штрафовъ, которые слѣдуютъ въ пользу богоугодныхъ заведеній, судей и секретарей присутственных мѣстъ и открывателей нарушеній, а также въ городскую доходъ.

VII. Лицамъ, учинившимъ по день Коронаванія Нашего преступленія и проступки, даровать милости и льготы на нижеслѣдующихъ основаніяхъ:

1) Всѣхъ, совершившихъ преступленіе или проступокъ, за которые опредѣлены, по закону, какъ высшее наказаніе, денежное взысканіе не свыше трехсотъ рублей, внушенія, замѣчанія и выговоры, арестъ, заключеніе въ тюрьмѣ, заключеніе въ смертельномъ домѣ и крѣпости, не соединенное съ лишеніемъ нѣкоторыхъ особенныхъ правъ и преимуществъ, лично и по состоянію присвоенныхъ, или служебныя взысканія, въ п.п. 2—9 ст. 65 улож. о наказ. исключенныя; всѣхъ виновныхъ въ составленіи подложныхъ на жительство видовъ или въ прожительство съ видами подложныхъ (ст. 975—977 улож. о наказ.); буде они при семъ не обвиняются въ преступленіяхъ болѣе важныхъ; равно всѣхъ виновныхъ въ учиненіи нарушеній лѣснаго устава, произведенныхъ въ лѣсахъ казенныхъ, удѣльныхъ, дворцовыхъ, кабинетскихъ, военнаго ведомства, бывшихъ моравельныхъ и горнаго вѣдомства, а также въ нарушеніяхъ правилъ по судоходству и сплаву лѣса и дровъ, въ нерасчисткѣ рѣкъ и каналовъ отъ затопившихъ судовъ и въ неумышленномъ поврежденіи сооружений на водныхъ путяхъ, хотя бы таковыя лица подлежали за сіи дѣянія денежнымъ взысканіямъ и свыше трехсотъ рублей, — противу коихъ, по день Коронаванія Нашего, не было возбуждено уголовное преслѣдованія, или не послѣдовало судебного приговора, или постановленный о коихъ обвинительный приговоръ не вошелъ въ законную силу — отъ суда и наказанія освободить.

Милость сія не распространяется на лицъ, совершившихъ кражу, похищеніе, присвоеніе и растрату чужаго имущества, издомство и лихоимство; на учинившихъ оскорбленія чести, преслѣдуемыхъ по частвой жалобѣ; а равно на совершившихъ дѣянія, по коимъ денежныя взысканія поступаютъ не въ пользу казны, удѣла, дворцоваго вѣдомства и Кабинета Нашего и не въ капиталъ на устройство мѣстъ заключенія.

Освобожденіе, за силою сего Манифеста отъ наказанія не избавляетъ виновнаго: отъ обязанности вознагражденія за вредъ и убытки, отъ уплаты, стоимости патента, торговаго или промысловаго свидѣтельства, причитающагося акциза или иного сбора, за исключеніемъ той части слѣдующихъ съ него денежныхъ суммъ, которая подлежитъ сложенію въ силу предъидущихъ статей сего Манифеста, и не устраняетъ, въ установленныхъ законами случаяхъ, отбранія вещей и вредитовъ, подлежащихъ конфискаціи, или сломки и исправленія неправильно построеннаго (ст. 68 уст. о нак., налаг. шпр. суд.). Дѣла о нарушеніяхъ лѣснаго устава въ общихъ казенныхъ и частныхъ владѣльцевъ дачахъ, а равно спорныхъ между казною и частными лицами и въѣзжихъ должны быть приводимы къ окончанію, по установленнымъ для того правиламъ для

опредѣленія мѣры вознагражденія, которое можетъ притомъ слѣдовать частныхъ лицамъ или сословіямъ.

2) По всѣмъ преступленіямъ и проступкамъ, по коимъ уголовное преслѣдованіе на основаніи сего Манифеста не подлежитъ прекращенію, учиненнымъ по день Коронованія Нашего, уменьшать сроки давности, законами уголовными установленные, на одну треть.

3) Со всѣхъ приговоренныхъ къ денежному взысканію не свыше трехсотъ рублей, а по нарушеніямъ лѣснаго устава, произведеннымъ въ лѣсахъ казенныхъ, удѣльныхъ, дворцовыхъ, кабинетскихъ, коннозаводскихъ, бывшихъ карабельныхъ и горнаго вѣдомства, а также въ нарушеніяхъ правилъ по судоходству и сплаву лѣса и дровъ, въ нерасчисткѣ рѣкъ и каналовъ отъ затонувшихъ судовъ и въ неумышленномъ поврежденіи сооружений на водяныхъ путяхъ и свыше сей суммы, — о коихъ приговоръ вошелъ по день Коронованія Нашего въ законную силу, но не приведенъ въ исполненіе, взысканія сложить. Со всѣхъ же совершившихъ по день Коронованія Нашего дѣянія, подлежащія взысканію, превышающему триста рублей, назначать оное съ уменьшеніемъ на триста рублей, не распространяя однако такого сложенія или уменьшенія на взысканія за вредъ и убытки, уплату стоимости патента, торговаго или промысловаго свидѣтельства, причитающагося акциза или иного сбора, за исключеніемъ той части слѣдующихъ съ нихъ денежныхъ суммъ, которая подлежитъ сложенію въ силу предъидущихъ статей сего Манифеста, и не устраняя отобранія вещей и предметовъ подлежащихъ конфискаціи, и обязанности сломки и исправленія неправильно построеннаго, а равно не уменьшая взысканій, кои поступаютъ не въ пользу казны, удѣла, дворцоваго вѣдомства и Кабинета Нашего и не на устройство мѣстъ заключенія.

4) За совершенныя по день Коронованія Нашего дѣянія, подлежащія такимъ денежнымъ взысканіямъ, кои поступаютъ въ пользу казны, удѣла, дворцоваго вѣдомства и Кабинета нашего или въ капиталы на устройство мѣстъ заключенія, въ случаѣ несостоятельности виновныхъ къ уплатѣ оныхъ лично задержанію и отдачѣ въ общественныя работы или заработка не подвергать; тѣмъ, къ коимъ нынѣ пригнѣваются сіи мѣры взаимно означенныя выше денежныхъ взысканій — отъ личнаго задержанія и работъ освободить.

5) Всѣхъ, кои приговорены къ выговору, замѣчанію или внушенію, аресту, заключенію въ тюрьмѣ, заключенію въ смиренномъ домѣ и крѣпости, не соединенному съ потерей нѣкоторыхъ особенныхъ правъ и преимуществъ, но о коихъ приговоры, вошедшіе по день Коронованія Нашего въ законную силу, не приведены въ исполненіе, или кои отбываютъ нынѣ сіи наказанія, — простить и отъ наказанія освободить.

Милость сія не распространяется на осужденныхъ или отбывающихъ вышеисчисленныя наказанія за кражу, мошенничество, присвоеніе и растрату чужаго имущества, издомство и лихоимство, а равно и за оскорбленія чести, преслѣдуемая по частной жалобѣ. Наказаннымъ же или приговореннымъ за сіи преступленія уменьшить назначенные судомъ сроки заключенія на одну треть.

Въ той же мѣрѣ уменьшить сроки сихъ родовъ заключенія совершившимъ сѣ преступленія по день Коронованія Нашего, о конгъ приговоры еще не вошли въ законную силу, или о конгъ производства не было еще возбуждено.

Равношѣрно даруемъ Мы прощенье и освобождаемъ отъ наказанія всѣхъ осужденныхъ по день Коронованія Нашего за составленіе подложныхъ на жителство видовъ и за прожительство съ видами подложныхъ, предоставляя тѣмъ изъ нихъ, кои были лишены всѣхъ или нѣкоторыхъ особенныхъ, лично и по состоянію присвоенныхъ, правъ и преимуществъ, права и преимущества, до осужденія имъ принадлежавшія.

6) Всѣмъ совершившимъ по день Коронованія Нашего преступленія и проступки, за кои они будутъ подлежать заключенію въ спирительномъ домѣ и крѣпости, съ потерей нѣкоторыхъ особенныхъ правъ и преимуществъ, заключенію въ рабочемъ домѣ и въ исправительныхъ арестантскихъ отдѣленіяхъ, — уменьшить при опредѣленіи наказанія назначаемый судомъ срокъ на одну треть; въ той же мѣрѣ сократить сроки лицамъ, по день Коронованія Нашего приговореннымъ къ сизъ наказаніямъ, или отбывающимъ таковыя.

7) Всѣмъ совершившимъ по день Коронованія Нашего преступленія и проступка, за кои они будутъ подлежать ссылкѣ на житье въ Сибирь или въ отдаленныя губерніи, крогъ Сибирскихъ, а равно осужденнымъ или отбывающимъ имѣ сѣ наказанія, даровать право: для сосланныхъ въ отдаленныя губерніи, крогъ Сибирскихъ, по истеченіи десяти лѣтъ, а для сосланныхъ на житье въ Сибирь, по истеченіи пятнадцати лѣтъ со дня вступленія приговора въ законную силу, — свободнаго избранія мѣстожителства въ предѣлахъ Европейской и Азіатской Россіи, за исключеніемъ столицъ и столичныхъ губерній и безъ восстановленія въ правахъ.

8) Въ видахъ облегченія участи лицъ, совершившихъ по день Коронованія Нашего преступленія, за кои они будутъ подлежать ссылкѣ на поселеніе: лицъ, нымъ приговоренныхъ къ сѣму наказанію или отбывающимъ оное; лицъ, перешедшихъ понымъ изъ каторжныхъ работъ въ разрядъ ссыльнопоселенцевъ, а равно имѣющихъ быть переведенными изъ каторги въ разрядъ ссыльнопоселенцевъ, буде они совершили преступленія до дня Коронованія Нашего, — предоставляемъ Министру Внутреннихъ Дѣлъ и Генералъ-Губернатору Восточной Сибири, по принадлежности, сокращать назначенный закономъ для перечисленія ссыльнопоселенцевъ въ крестьяне десятилѣтній срокъ для тѣхъ изъ ссыльнопоселенцевъ, которые втеченіи четырехъ лѣтъ вели себя совершенно одобрительно, занимались полезнымъ трудомъ и приобрѣли осѣдность; а ссыльнопоселенцамъ, перечисленнымъ въ крестьяне, по истеченіи десяти лѣтъ со дня перечисленія разрѣшать избранія мѣста жителства, за исключеніемъ столицъ и столичныхъ губерній, съ отдачею ихъ на пять лѣтъ подъ надзоръ мѣстной полиціи и съ признаніемъ ихъ, взаимѣвъ лишеныя всѣхъ правъ состоянія, лишенными по ст. 43 улож. о нак. всѣхъ особенныхъ, лично и по состоянію присвоенныхъ, правъ и преимуществъ, токмо безъ восстановленія правъ по ниушеству.

9) Предоставляемъ Министру Внутреннихъ Дѣлъ и Генералъ-Губернатору Восточной Сибири, по принадлежности, уменьшать тѣмъ изъ отбывающихъ нынѣ каторжныя работы, осужденныхъ за общія преступленія, кои добрымъ поведеніемъ и прилежаніемъ къ труду окажутся достойными снисхожденія, — назначенныя судомъ сроки каторги, но не болѣе какъ на одну треть, а безрочную каторгу замѣнить срочною на двадцать лѣтъ.

10) Лицамъ должностнымъ, подвергнутымъ по день Коронованія Нашего взысканіямъ въ п. п. 2—9 ст. 65 улож. о нак. исчисленнымъ, — не считать таковыя взысканія препятствіемъ къ дальнѣйшему прохожденію службы и къ полученію пенсій и наградъ, за исключеніемъ знаковь отличія безпорочной службы и ордена св. Владимира, за выслугу лѣтъ.

VIII. Лицъ, учинившихъ такія противозаконныя дѣянія, или такія нарушенія установленныхъ правилъ, за которыя они подлежатъ или подвергнуты денежному взысканію, налагаемому въ порядкѣ административномъ, — освободить отъ такового взысканія въ тѣхъ-же размѣрахъ и съ тѣми-же изъятіями, которые опредѣлены въ п. п. 1, 3 и 4 предъидущей ст. VII сего Манифеста, если только взысканія сія не подлежатъ сложенію въ болѣе широкій размѣръ по другимъ статьямъ сего Манифеста.

IX. Лицамъ чиновъ и стражей, или, при несостоятельности сихъ послѣднихъ, крестьянъ всѣхъ наименованій, подвергнутыхъ или подлежащихъ денежнымъ взысканіямъ, за недосмотръ неизвѣстно кѣмъ совершенныхъ до дня Коронованія Нашего лѣсопреступленій или другихъ нарушеній уставовъ о лѣсахъ, — отъ означенныхъ взысканій освободить. Сія милость не распространяется на лѣсныхъ чиновъ и стражей, завѣдомо дозволившихъ кому либо нарушить существующія по лѣсной части постановленія.

X. Наслѣдниковъ виновныхъ лицъ, а также подлежащихъ отвѣтственности вслѣдствіе несостоятельности самихъ виновныхъ, на которыхъ не распространяются льготы, указанныя въ п. п. 9 и 10 ст. V сего Манифеста, — отъ денежной передъ закономъ отвѣтственности освободить, если со времени преступнаго дѣянія до дня Коронованія Нашего истекло десять лѣтъ.

XI. Платежи, уже поступившіе ко дню Коронованія Нашего на исполненіе упомянутыхъ въ сего Манифеста денежныхъ взысканій и недоимокъ, по всѣмъ сборамъ и платежамъ, за исключеніемъ упомянутыхъ въ п. п. 1, 2 и 6 ст. I сего Манифеста, а равно суммы, имѣющіяся на пополненіе оныхъ въ распоряженіи разныхъ правительственныхъ учрежденій, возврату или зачету за другіе платежи не подлежатъ.

XII. Осужденнымъ по день Коронованія Нашего за бродяжество, кои обнаружатъ званіе свое и состояніе, по удостовѣреніи сего мѣстныхъ судовъ, дозволить возвратиться въ ихъ общества, или дозволить приписаться въ другія общества, буде тѣ или другія общества изъявятъ на то согласіе; лицамъ-же, не обязаннымъ приписаться къ обществамъ, дозволить возвратиться въ предѣлы Европейской Россіи.

XIII. Лицамъ, сосланнымъ въ Сибирь въ административномъ порядкѣ по

приговорахъ обществъ, состоявшихся до дня Коронаванія Нашего, а равно высланныхъ на водвореніе за неправоудіе ихъ до того же дня обществами, если они одобряются въ поведеніи, разрѣшаются, но истеченіи трехъ лѣтъ со времени ихъ водворенія въ мѣстахъ поселенія, дозволяется имъ, закономъ (т. XIV, уст. о ссыльн., ст. 896, по прод. 1875 г.) переходъ къ другія губерніи и общества, за исключеніемъ только тѣхъ, изъ которыхъ они удалены.

XIV. Дарованное Намъ отъ Бога право даровать и давать прощенье на лицъ, совершившихъ преступныя дѣянія, Мы въ селѣ Манифестѣ, повелеваемъ отъ прощенія преступниковъ, могущихъ по своему свойству видны ихъ заслуживать полного снисхожденія, объемлемъ милостію Нашей и тѣхъ изъ числа болѣе тяжкихъ преступниковъ, кои смиреніемъ въ наказаніи, поведеніемъ и трудолюбивою жизнью обнаруживаютъ нравственное исправленіе.

Не сомнѣваясь, что такихъ, проявляющихъ искреннее раскаяніе и возвращающихся на путь добра, закона и истиннаго долга, возможно обрести даже среди тѣхъ, кои, отступивъ отъ святой клятвы вѣрности Престолу, закону и отечеству, впали въ преступленія государственныя, Мы въ настоящій день Коронаванія Нашего за благо признали открытъ и сему разряду преступниковъ путь къ милости Нашей.

Носему, не изъема и государственныхъ преступниковъ отъ облегченій, даруемыхъ п. п. 1—7 статьи VII сего Манифеста, лицамъ, учинившимъ общегрѣбныя преступленія или проступки:

1) Разрѣшеніемъ Министру Внутреннихъ Дѣлъ пріимать, согласно особымъ указаніямъ Нашимъ, къ ссыльнопоселенцамъ изъ государственныхъ преступниковъ облегченія, указанныя въ п. 8 ст. VII сего Манифеста, а къ отбывающимъ каторжныя работы облегченія, указанныя въ п. 9 той-же ст. VII настоящаго Манифеста.

2) Разрѣшаемъ также Министру Внутреннихъ Дѣлъ, по соглашенію съ Министромъ Юстиціи, о тѣхъ учинившихъ преступленія государственныя, кои раскаяніемъ въ совершенныхъ ими преступленіяхъ и добрымъ поведеніемъ заслуживали-бы смятченія, превышающаго размѣры, въ вышеприведенной статьѣ VII сего Манифеста установленныя, войти съ особымъ Намъ докладомъ.

3) Предоставляемъ Министру Внутреннихъ Дѣлъ повергать на Наше усмотрѣніе участь тѣхъ изъ сосланныхъ въ административномъ порядкѣ или подчиненныхъ особому полицейскому надзору за преступленія государственныя, кои по свойству вины ихъ, или по проявленному ими раскаянію заслуживаютъ снисхожденія, а равно освобождать отъ воспрещенія жительства въ опредѣленныхъ мѣстностяхъ тѣхъ изъ подвергшихся сему ограниченію, возвращенію: концы въ эти мѣстности совѣстно съ требованіями общественнаго порядка и спокойствія.

4) Разрѣшаемъ Министру Внутреннихъ Дѣлъ представлять Намъ ходатайства тѣхъ самовольно оставившихъ отечество, кои, удалившись за предѣлы

Государства вслѣдствіе совершенныхъ или государственныхъ преступленій, не изобличаются въ злодѣніяхъ, наказуемыхъ по 241 ст. улож. о наказ., а между тѣмъ пожелаютъ возвратиться на родину и вѣрностью Престолу и отечеству искупить свою прежнюю вину.

5) Тѣ дѣла о преступленіяхъ государственныхъ, по закону, давности не подлежащія (ст. 161 улож. о нак.), кои по день Нашего Коронованія въ теченіи пятнадцати лѣтъ оставались безгласными, повелѣваемъ предать забвенію и противъ виновныхъ въ сихъ преступленіяхъ уголовного преслѣдованія не возбуждать.

6) Повелѣваемъ также предать забвенію дѣла о преступленіяхъ, предусмотрѣнныхъ въ ст. 246—248 ул. о наказ., кои по день Коронованія Нашего оставались безгласными. Лицъ, обвиняемыхъ въ сихъ преступленіяхъ, или отбывающихъ за вину свою наказанія, отъ отвѣтственности и наказанія со всѣми онаго послѣдствіями освободить, даровавъ осужденнымъ къ лишенію правъ состоянія, вѣсть съ законными дѣтьми, рожденными послѣ произнесенія надъ родителями ихъ приговоровъ, всѣ права имъ лично и по состоянію до осужденія принадлежавшія, токмо безъ правъ на имущество.

7) Горцакъ, высланнымъ разновременно, по распоряженію административной власти, за участіе въ происходившихъ на Кавказѣ беспорядкахъ, даруемъ полное и совершенное прощеніе.

8) Тѣмъ изъ понесшихъ наказаніе за участіе въ мятежѣ 1863 г. въ губерніяхъ Царства Польскаго и Западныхъ, лицамъ различныхъ свѣтскихъ сословій и званій, кои, за облегченіями ихъ участи, дарованными Всемилостивѣйшими Незабвеннаго Родителя Нашего повелѣніями, 25 мая 1868 г., 13 мая 1871 г. и 9 января 1874 г., воспрещено лишь жительство въ столицахъ и губерніяхъ столичныхъ Царства Польскаго, Западнаго края и другихъ, а также вступленіе въ государственную и общественную по выборамъ службу, или кои остаются еще по нынѣ подъ полицейскимъ надзоромъ, — предоставляемъ, по совершенномъ освобожденіи ихъ изъ подъ надзора полиціи, право свободнаго избранія мѣстожительства, безъ всякихъ ограниченій, а равно право вступать въ государственную и общественную по выборамъ службу. Милость сія, однако, не можетъ распространиться на лицъ, осужденныхъ за убійства, истязанія, грабежи и поджоги, совершенные для содѣянія мятежу. Лица эти, а равно и тѣ изъ бывшихъ участниковъ мятежа 1863 г., кои впали въ Сибири или другихъ мѣстностяхъ въ новыя преступленія, подчиняются токмо милостямъ, для общеуголовныхъ преступниковъ симъ Манифестомъ постановляемымъ.

9) Лицъ, на коихъ распространится дѣйствіе указанной въ предъидущемъ пунктѣ милости и кои, по особымъ Всемилостивѣйшимъ повелѣніямъ еще не возвращены принадлежавшія имъ до осужденія права, — восстанавлиемъ, вѣсть съ законными дѣтьми ихъ, рожденными послѣ осужденія, въ прежнихъ правахъ происхожденія, но безъ возвращенія, однако, этимъ лицамъ чиновъ,

орденовъ, знаковъ отличія и правъ, службою приобретенныхъ и безъ восстановления въ правахъ по имуществу.

10) Ссылноводвореннымъ, переселеннымъ изъ губерній Царства Польскаго и Западныхъ въ Сибирь и въ отдаленныя губерніи Имперіи, — даруемъ права, присвоенныя вообще податнымъ сословіямъ по ихъ состоянію. Тѣ изъ нихъ, которые, оставаясь въ податныхъ состояніяхъ, пожелаютъ водвориться на родинѣ, обязаны представить приемный приговоръ того общества, къ которому намѣрены приписаться и уплатить въ мѣстахъ водворенія всѣ числящіяся на нихъ и не сложенные, по сему Манifestу, казенныя недоимки. Не представившіе приемныхъ приговоровъ могутъ водвориться на родинѣ, съ согласія мѣстнаго начальства, по усмотрѣнію котораго и приписываются къ обществамъ, но безъ восстановления правъ ихъ по имуществу.

11) Выходцевъ изъ губерній Царства Польскаго и изъ Западныхъ губерній, какъ принявшихъ иностранное подданство, такъ и не принявшихъ оного, по возвращеніи въ отечество, повелѣваемъ преслѣдованію за участіе въ мятежѣ 1863 г. не подвергать, подчинивъ лишь надзору полиціи на родинѣ или въ другихъ мѣстностяхъ Имперіи, на два года; по истеченіи-же сего срока разрѣшаемъ Министру Внутреннихъ Дѣлъ освобождать таковыхъ выходцевъ отъ надзора по ходатайствамъ мѣстныхъ Генералъ-Губернаторовъ и Губернаторовъ по принадлежности, но безъ восстановления правъ ихъ по имуществу. Милость сія также не распространяется на лицъ, осужденныхъ за убійства, истязанія, грабежи и поджоги, совершенныя для содѣйствія мятежу; относительно сихъ послѣднихъ лицъ сохраняетъ свою силу установленный Высочайшимъ повелѣніемъ 18 июня 1871 г. порядокъ разсмотрѣнія ходатайствъ выходцевъ изъ губерній Царства Польскаго и Западныхъ, кои изъявятъ желаніе возвратиться въ Россію.

XV. Тѣ изъ состоящихъ подъ слѣдствіемъ и судомъ, кои силою сего Манifestа подлежатъ освобожденію отъ суда и наказанія, но по убѣжденію въ своей невинности пожелаютъ оправдаться предъ судомъ, могутъ, въ теченіи шести мѣсяцевъ со дня обнародованія Манifestа, просить о продолженіи или возобновленіи надъ ними слѣдствія и суда. Равнымъ образомъ, кто за дѣянія, до обнародованія сего Манifestа учиненныя, будетъ впоследствии подведенъ подъ силу оного и не пожелаетъ тѣмъ воспользоваться, тотъ можетъ, въ теченіи одного мѣсяца со дня объявленія состоявшагося о семъ постановленія, просить объ окончаніи дѣла его въ установленномъ закономъ порядкѣ. Тѣ и другія лица, въ случаѣ обвиненія ихъ, уже не могутъ подлежать прощенію по силѣ сего Манifestа.

XVI. О могущихъ возникнуть, относительно примѣненія правилъ сего Манifestа, сомнѣніяхъ, всѣ правительственныя мѣста обязаны входить съ представленіями въ Правительствующій Сенатъ, который въ случаяхъ, превышающихъ его власть, испрашиваетъ Наше разрѣшеніе установленнымъ порядкомъ.

XVII. О льготѣхъ и другихъ облегченіяхъ для подданныхъ Нашихъ Великаго Княжества Финляндскаго издается особое постановленіе.

Данъ въ Первопрестольномъ Градѣ Москвѣ въ пятнадцатый день мая, въ лѣто отъ Рождества Христова тысяча восемьсотъ восемьдесятъ третіе, Царствования же Нашего въ третіе.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою
подписано: **АЛЕКСАНДРЪ.**

15-го мая 1883 года.

ЗЛАЯ ВОЛЯ.

Повѣсть.

(Посвящается Алевтину Александровичу Крушевскому).

Глава VIII.

Разладъ.

Странная какая-то стала Вѣра. Она какъ-то вдругъ точно выросла, сдѣлалась гораздо солиднѣе и серьезнѣе, не заводила по-прежнему дракъ съ мальчишками и совсѣмъ отдалась отъ своихъ маленькихъ товарищей, относясь къ нимъ свысока, покровительственно и не принимая никакого участія въ ихъ дѣлахъ. Теперь она больше сидѣла одна за шитьемъ или за вязаньемъ, и все о чемъ-то думала. Общаго у нихъ съ Андрюшой и Ниной только и было, что совмѣстное хожденіе къ черничкѣ. Читать она уже выучилась порядочно, и теперь Настасья Филипповна учила ихъ писать. Она и сама плохо владѣла перомъ, но буквы съ грѣхомъ пополамъ выводила и, насколько возможно, старалась передать это искусство и дѣтямъ. Андрюша и Нина только этого и дожидались. Выучившись выводить кое-какъ буквы, они по цѣлымъ днямъ сидѣли за письмомъ, списывая съ книгъ излюбленныя мѣста. Андрюша со слезами выпросилъ себѣ у матери денегъ, приобрѣлъ цѣлый пузырекъ чернилъ, спилъ тетрадку изъ сѣрой бумаги и со страстью принялся за сочинительство. Мечты его, наконецъ, осуществились: теперь онъ могъ записывать все, что тѣснилось въ его головѣ, и всѣ эти тревожившія его, бывало, по ночамъ видѣнія не разлетались безслѣдно вмѣстѣ съ сіяніемъ дня, а укладывались въ порядкѣ въ его тетрадку.

Вѣра училась писать не такъ охотно, а скоро и совсѣмъ перестала ходить къ черничкѣ.

Подходили конецъ Великаго поста: Снѣга стояли; по до-гогамъ, по оврагамъ журчали мутные, теплые потоки полойд воды. Алмазово купалось въ грязи. Хоперь взломало въ одну ночь. Еще наканунѣ дяконовъ работникъ переѣзжалъ на дровняхъ на ту сторону за хворостомъ, а на утро рѣка уже ревѣла и бурлила въ своихъ лѣсистыхъ берегахъ, съ грохотомъ ломая льдины, бурнымъ потокомъ разливаясь по лѣсу и стремясь все впередъ, — далеко-далеко въ степь, къ тихому Дону.

На обрывѣ, крѣпко прижавшись другъ къ другу, стоятъ Андрюша и Нина и смотрять внизъ на бушующія волны, уносящія на своихъ пѣнистыхъ гребняхъ громаднаыя ледяныя глыбы. Онѣ звенять, опрокидываются, громоздятся другъ на друга, то появляясь, то исчезая въ вихрѣ сверкающихъ брызгъ и пѣны... Въ ухахъ стонъ стоитъ отъ этого ужасающаго рева и грохота; глазамъ больно отъ этого непрерывнаго движенія и блеска.

— Ишь, ишь, какъ ломаетъ! вскрикивалъ повременамъ Андрюша, хватая Нину за руку. — Смотри-ка, смотри-ка, Нинка, вотъ льдина-то какая! Словно стеклянная, — вся свѣтится...

Предъ ними, дѣйствительно, точно какой-то волшебный дворецъ въ миниатюрѣ, проплываетъ громадная льдина. Она вся узорчатая, вся въ причудливой рѣзбѣ, фантастическихъ башенкахъ и колоннахъ, и свѣтится насквозь въ солнечныхъ лучахъ, переливаясь чудными разноцвѣтными огнями. Долго слѣдятъ за нею дѣти, пока она, покачиваясь съ тихимъ, нѣжнымъ звономъ, не исчезаетъ вдаль, среди желтоватой пѣны волнъ...

— И куда это онѣ теперь плывутъ? задумчиво спрашиваетъ Нина.

— Куда? Въ море...

Они снова замолкаютъ. Но вотъ надъ головою ихъ проносятся странные, мелодическіе звуки. Дѣти вздрагиваютъ и поднимаютъ головы вверхъ.

— Ахъ, Нинка, Нинка! восторгается снова Андрюша. — Смотри-ка...

Это журавли. Сверкая на солнцѣ бѣлыми животами, цѣ-

лою вереницей тянутся они через рѣчку, оглашая воздухъ тихимъ курлыканьемъ.

Вдругъ дѣти вспоминаютъ, что имъ давно пора домой.

— Пойдемъ, спѣшать они,—а то Вѣрка опять заругается... скажетъ,—опять ноги промочили...

Они весело бѣгутъ домой. Носы у нихъ посинѣли отъ весенняго холодка, ноги проваливаются въ рыхломъ снѣгу, но они смѣются. На умѣ у нихъ небо, журавли, льдины.

— Гдѣ вы шаетесь до коихъ?... сурово встрѣчаетъ ихъ Вѣрка.—Обѣдать ждали, ждали...

— Мы ледъ ходили смотрѣть, оправдываются дѣти и спѣшать на печь грѣться.

А вечеромъ, когда на улицахъ подмерзнуть лужицы и солнце потонетъ въ голубомъ сіяніи весенней ночи,—надъ селомъ торжественно гудитъ великопостный колоколъ. Церковь мерцаетъ огнями, и ея темный куполь слабыми очертаніями вырисовывается среди наступающей тьмы. Говѣющіе группами идутъ по улицѣ, тихо разговаривая и шлепая по грязной дорогѣ; вдали слышится глухой гулъ половодья.

Дѣти, вмѣстѣ съ другими, тоже идутъ въ церковь. Давно уже они не говѣли, и теперь съ особеннымъ жаромъ ходятъ молиться. Теперь имъ все понятно, что читается въ церкви, и когда они входятъ подъ этотъ закоптѣлый, разрисованный ангелами и святыми, сводъ—ихъ охватываетъ странное чувство радости и страха. Пахнетъ ладономъ и дублеными тулупами; голубыя волны дыма колеблются подъ сводами, тихимъ пламенемъ горятъ предъ образами свѣчи, освѣщая темныя, неподвижныя лица святыхъ и золотыя ихъ ризы. Церковь полна молящимися. Сѣрые армяки, поношенныя въ заплаткахъ тулупы, красныя платочки и бѣлыя полотенца на головахъ старухъ,—все это крестится, движется, вздыхаетъ.. Съ клироса монотонно раздается чтеніе дьячка.

На минуту воцаряется тишина, нарушаемая только трескомъ догорающихъ свѣчей и удушливымъ кашлемъ блѣдной женщины, стоящей въ углу у придѣла. Но вотъ зазвенѣли стальныя кольца и отдернулась съ слабымъ шелестомъ завѣса у царскихъ вратъ. На амвонъ выходитъ священникъ, облаченный въ траурныя ризы.

«Духъ кротости, смиренномудрія и любви даруй ми Господи...», слышится молитва Ефрема Сирина.

Сладкій трепеть пробѣгаетъ у дѣтей по тѣлу. Они оглядываются на толпу и сами становятся на колѣни. Они молятся не одни, а вмѣстѣ со всѣми. У нихъ много общаго съ этими людьми, — и эта сѣрая молящаяся толпа вовсе имъ не чужая.

«Господи, помилуй насъ бѣдныхъ!» шепчетъ рядомъ съ нею блѣдная женщина съ больной грудью.

«Господи, помилуй всѣхъ православныхъ христіанъ!» повторяетъ Нина со слезами старинную молитву, которой выучила ихъ когда-то бабка, и припадаетъ лбомъ къ холодному, сырому полу. Она молится и плачетъ за всю эту сѣрую толпу, которую любить и которая такъ близка и понятна ей со всѣми своими человѣческими нуждами и горемъ.

Облака дыма становятся гуще; свѣчи меркнутъ и жаркія молитвы несутся къ небу...

Одна Вѣра не молится. Ея глаза широко открыты и неподвижно глядятъ впередъ, губы слабо шевелятся.

«И чего молятся? думаетъ она. — Выйдутъ изъ церкви, — и сейчасъ-же готовы другъ-другѣмъ напакоститъ. А это-то... подумаешь, святой...»

Она съ ненавистью взглядываетъ на отца Квинтиліана, въ это время самымъ благочестивымъ образомъ воздѣвующаго руки къ небу и съ умиленіемъ возглашающаго «и къ тебѣ славу возсылаемъ, во имя Отца и Сына и Святаго Духа...»

— «Святаго Духа»... шепчетъ за нимъ Вѣра, не сводя своихъ горящихъ глазъ съ его благообразной фізіономіи, украшенной красивой бородкой и расчесанными на обѣ стороны волнистыми волосами. — А когда мы тогда съ голоду издыхали, — небось не пришелъ, «во имя Святаго Духа...» Пудъ муки одинъ разъ прислалъ... нищенствомъ попрекалъ. Платья послѣднія ему продавали... мать плакала... О, подлые, — убилъ бы всѣхъ...»

Она стискивала зубы, и къ ея горлу съ болью подступали жгучія слезы.

Вѣра перестала ходить въ церковь. Мать нѣсколько разъ принималась ее ругать за это, — она упорно молчала.

Зато Андрюша и Нина ходили въ церковь съ увлеченіемъ и каждый разъ возвращались оттуда веселые, спокойные, радостные. Хорошо было имъ тамъ, въ темномъ уголку, у придѣла, гдѣ вѣчно горѣла лампада предъ строгимъ ликомъ Бо-

гоматери въ золоченомъ вѣнцѣ; хорошо было идти потомъ домой по влажной землѣ, скованной тонкой ледяной корою, подъ зеленымъ, таинственно-безпредѣльнымъ небомъ, искрящимся тысячами звѣздъ.

А дома уже мерцаетъ огонекъ. Вѣра сумрачная сидитъ у стола и ковыряетъ иглой дырявую рубаху.

— Что себѣ вымолили? встрѣтить она ихъ вопросомъ.— Вонъ, гляди, Андрюшка, что папаша пишетъ. Ъхать съ нимъ собирайся.

— Куда ѡхать? съ недоумѣніемъ спросилъ Андрюшка, и у него дрогнуло сердце. Онъ развернулъ письмо съ тайнымъ предчувствіемъ страшной бѣды...

«Къ Пасхѣ я приѣду самъ, писалъ отецъ, — а вы соберите пока Андрею кой-что изъ бѣлья и одежки, — я его возьму съ собой. Будетъ ему болтаться по огородамъ съ дѣвчонками, — пора приниматься за дѣло. Не маленькій ужъ, кажется 14 лѣтъ. Слава Богу, нашлись добрые люди, обѣщали пристроить въ телеграфисты на станціи... Выучится, — все хлѣбъ будетъ. А тамъ, дастъ Богъ...»

Андрюша не дочиталъ письма — и заплакалъ. Нина присоединилась къ нему.

— Не хочу я въ телеграфисты... сквозь слезы бормоталъ мальчикъ.—Я въ учителя пойду... учиться буду.—Какого чорта тамъ на станціи дѣлать! Не хочу... ни за что не поѣду.

Они еще разъ прочли роковое письмо — и еще пуще разрыдались.

— Будетъ вамъ ревѣть-то! прикрикнула на нихъ Вѣра.— Въ учителя!.. такъ тебя и послушались. Учиться!.. у насъ на ученые денегъ нѣту. Пропить мы пропьемъ, а на что другое — нѣту...

— Ну, а ты не очень! предостерегла ее бабка, уколотая въ самое сердце этимъ намекомъ.

— Чего не очень? Я не съ вами вѣдь говорю, огрызнулась Вѣра.—Андрюшка... замолчите вы!

Дѣти отошли къ сторонкѣ, а бабка съ своей стороны принялась ихъ утѣшать, говоря, что «отецъ худа не пожелаетъ», что «это дѣло хорошее» и т. д.

Никандръ Васильевичъ приѣхалъ на первый день Пасхи, недовольный, угрюмый, и сейчасъ-же ушелъ къ попу, даже хорошенько не поздоровавшись съ домашними. «Денегъ вѣрно

нѣту, — всѣ прокутилъ...» ворчала бабка, ужасно недовольная тѣмъ, что для «перваго дня» этого, можно сказать, «Великаго праздника» и вдругъ не придется напиться. Но деньги оказались, и на другой-же день Пасхи и бабка, и мать напились до положенія ризь...

Въ домѣ землемѣра царствовало небывалое уныніе. Нина и Андрюша ходили какъ въ воду опущенные и все совѣщались между собою, — какъ-бы имъ устранить бѣду.

— Я ему скажу! говорилъ Андрюша съ рѣшимостью. — Я ему скажу, что не хочу въ телеграфисты. Я ему въ ножки поклонюсь, — пусть въ учителя отдастъ...

Но Никандръ Васильевичъ всю Пасху кутилъ на пропалую и ни одной минуты не бывалъ трезвымъ, такъ что поговорить съ нимъ никакъ не удавалось. Бѣдныя дѣти терялись въ мысляхъ и страшно тосковали. Не съ кѣмъ имъ было посовѣтоваться, подумать... Бабка и мать лежали пьяныя; Тимоха пересталъ къ нимъ ходить, къ Вѣрѣ приступить было нельзя. Она рвала и метала, ругалась на мать, бабку, на отца, — на весь свѣтъ; все ее злило, раздражало.

— Проклятые! кричала она, заставъ бабку гдѣ-нибудь въ сѣняхъ съ косушкой. — Только-бы вамъ шкаликъ да шкаликъ И такъ все ужъ пропили... житья нѣту!

— Ишь ты, бойкая какая стала! шамкала старуха, силась отнять у Вѣры конфискованную косушку. — Мало тебя, дылду, учили, на мать эдакъ смѣешь кричать. Отдай, тебѣ говорить... а то вотъ возьму за космы-то, да оттреплю хорошенько...

— Такъ я вамъ и далась, злобно стискивая зубы восклицала Вѣра. — Попробуй только... Учили, когда поперекъ лавки ложилась, а теперь я васъ сама поучу!

Разъ мать по-старому вздумала было схватить Вѣру за косы, но Вѣра такъ ее отъ себя толкнула, такой ненавистью сверкнули ея черные глаза, что Софья Петровна оставила ее въ покоѣ и только рыдала, безсвязно бормоча сквозь пьяныя рыданья:

— Господи, до чего я дожила... дочь родная... Да будь ты проклята, мерзавка, проклята, проклята...

На Красную Горку Никандръ Васильевичъ проспался, опохмѣлился и объявилъ Андрюшѣ, чтобы онъ укладывался въ дорогу.

Андрюша совсѣмъ упалъ духомъ. До сихъ поръ ему все

думалось, что, авось, это какъ нибудь само-собою уладится и онъ снова останется въ Алмазовѣ, съ своей Ниной, — но теперь и эта надежда исчезла. Сордце у него облилось кровью—ноги и руки похолодѣли, языкъ высохъ и не шевелился... Онъ такъ привыкъ бояться отца, что теперь, очутившись съ нимъ лицомъ къ лицу, не могъ выговорить слова...

— Папаша, я не поѣду! крикнулъ онъ вдругъ сдавленнымъ голосомъ и замеръ.

— Какъ не поѣдешь? не понялъ его Никандръ Васильевичъ.

— Такъ и не поѣду... уже ничего не сознавая продолжалъ Андрюша. — Не хочу...

— Что? закричалъ отецъ грозно.—Ахъ ты шенокъ эдакій! Да какъ ты смѣешь... Собирайся!

— Не поѣду! Въ учителя меня отдайте! Я убѣгу... Я не стану! захлебывался Андрюша.

— Молчать! заревѣлъ Никандръ Васильевичъ и, схвативъ Андрюшу за волосы, тутъ-же оттащаль его.

Но черезъ часъ, послѣ нѣсколькихъ рюмокъ, у него отошло отъ сердца, и онъ, подозвавъ къ себѣ Андрюшу, велѣлъ ему просить прощенья и ласково принялся его усовѣщивать.

— Кто я тебѣ? Отецъ или нѣтъ? А? Долженъ ты меня слушаться или нѣтъ? А?

Андрюша туло молчалъ, уставившись въ землю.

— Да, продолжалъ Никандръ Васильевичъ. — Осель ты эдакій! Привыкъ здѣсь съ дѣвчонками! Вѣдь я тебѣ добра желаю! И чтобъ у меня этихъ глупостей—ни-ни! Собирайся, — слышишь?

И Никандръ Васильевичъ принялся расписывать предъ сыномъ блестящую перспективу будущей его карьеры. Нина тихонько всхлипывала; Андрюша ковырялъ пальцемъ заплату на своемъ рукавѣ и ровно ничего не слышалъ. Онъ думалъ, какъ, должно быть, теперь хорошо въ Лукѣ за затономъ. Деревья покрылись нѣжною, сѣрвато-зеленою дымкою молодой листвы, клейкія душистыя почки развертываются, выпуская на волю сморщенный мокрый листочекъ; а на прогалинкахъ, небось, уже зацвѣли голубые и желтые подсиѣжники. Хорошо-бы завтра утромъ пораньше пойти съ Ниной туда и нарвать ихъ цѣлый пукъ, пока еще не сошла роса. А тамъ зацвѣтутъ ландыши, прачась отъ свѣта въ свои темные листья; распустится

шиповникъ съ оныявляющимъ запахомъ, въ рѣкѣ будутъ плескаться серебряныя рыбки...

Андрюша вдругъ отчаянно зарыдалъ.

На утро, чуть-чуть забрезжила на небѣ зорька, — въ домѣ землемѣра шла необычайная суматоха. На столѣ кипѣлъ самоваръ; Андрюша наскоро пилъ чай, захлебываясь слезами и давая сухими баранками, которыя ему совала Нина; озабоченный Никандръ Васильевичъ сидѣлъ за столомъ, подогрѣвая себя «внутренней шубой», какъ называлъ онъ водку, — а у крыльца давно уже стояла ямщицкая тройка, позвякивая колокольчиками. Вѣра была мрачна и всёмъ грубила; Софья Петровна плакала. Наконецъ, все было готово къ отъѣзду, — пора было прощаться, а Андрюша вдругъ куда-то исчезъ. Отецъ ругался, въ избѣ поднялась невообразимая кутерьма... Насилу розыскали Андрюшу гдѣ-то на чердакѣ.

— Ну, Господи благослови, — присѣсть-бы надобно... прослезилась уже выпившая бабка, надѣвая Андрюшѣ на шею образъ Тихона-Задонскаго.

Сѣли. Въ избѣ на минуту воцарилось тяжелое молчаніе; за окномъ нетерпѣливо фыркали лошади и томительно брякали колокольчики... Пора!

Вѣра первая встала съ мѣста и порывисто подошла къ брату. Ея глаза наполнились слезами.

— Ну, прощай, Андрюшка... выговорила она. — Не плачь — будетъ! Съ *ними* ничего не подѣлаешь. Пиши намъ, когда за-скупаешь, а мы...

Она не договорила и отошла къ окну, — по лицу ея потекли горячія слезы. Господи, сѣла-бы на эту тройку — и уѣхала-бы скорѣй-скорѣй отсюда...

Нину едва оторвали отъ Андрюши, — она повисла у него на шеѣ и кричала въ голосъ. А Андрюша ужъ и говорить ничего не могъ и, усѣвшись на телѣжку, то надѣвалъ, то снималъ картузь со своей стриженной, словно точеной головы.

— Ну, мальчики, — трогай!.. крикнулъ ямщикъ и подобралъ вожжи. Лошади встрепенулись, и телѣжка бойко покатила по селу. Въ послѣдній разъ предъ Андрюшей мелькнуло заплаканное блѣдное личико Нины... кучка ребятишекъ, возившихся въ навозѣ... баба съ коромысломъ... и затѣмъ все исчезло въ непроглядномъ туманѣ горькихъ слезъ.

Глава XI.

Н а к и п ъ л о.

Нина осталась совсѣмъ одна. Въ домѣ ее и не слыхать было: сидитъ себѣ гдѣ-нибудь въ уголку и или читаетъ, или работаетъ. А то уходила къ черничкѣ и цѣлые дни проводила у нея, въ ея тихой кельѣ. Настасья Филипповна очень ее полюбила, называла ее «Божье дитя» и пророчила ей недолгую жизнь. «Такіе—не жильцы на бѣломъ свѣтѣ, говорила она.—Такіе—больше Богу нужны, чѣмъ людямъ...» И правда,—Нина день ото-дня становилась все страннѣе, все болѣе «не отъ міра сего». Тихая-тихая такая, а глаза большіе, свѣтлыя, вѣчно какъ будто о чемъ-то вопрошающіе, чего-то доискивающіеся. И на самомъ дѣлѣ — цѣлый особый міръ жилъ въ этой маленькой бѣлокурой головкѣ,—міръ никому невѣдомый, загадочный, какъ таинственная глубь моря. Что таилось въ этой глубинѣ? Какая работа шла тамъ? Прежде Нина хотъ Андриушѣ повѣряла свои думы, а теперь, оставшись одна, она окончательно замкнулась въ себѣ и потихоньку прокладывала себѣ путь въ туманную даль, разстилавшуюся впереди.

Послѣ отъѣзда Андриуши, въ землемѣровомъ домѣ произошли значительныя перемѣны. Вѣра ударилась въ хозяйство. Суровымъ тономъ потребовала она у матери деньги и ключи и принялась распоряжаться. Мать, а особенно бабка, сначала было протестовали, но потомъ смирились и уступили. Теперь имъ приходилось кланяться Вѣрѣ и выпрашивать у нея гривенники на водку, и хотя онѣ за глаза ругали ее нещадно за то, что она имъ отказывала, но предъ нею трепетали и боялись ее.

Съ этого времени дѣла землемѣровой семьи пошли лучше. Деньги не уходили цѣликомъ въ кабакъ, посуда была въ порядкѣ, за квартиру всегда заплачено, платѣе не въ лохмотьяхъ. За всѣмъ слѣдилъ зоркій глазъ Вѣры, и ея сердитый голосъ по цѣлымъ днямъ раздавался то на дворѣ, то на улицѣ. Даже сосѣди стали ее побаиваться, особенно съ тѣхъ поръ, какъ она выгнала вонъ жену солдата Каюка, явившуюся требовать какой-то, будто-бы ея собственный, ухватъ.

Въ этой повседневной колготнѣ изъ-за гроша, въ этихъ хозяйственныхъ дрызгахъ и заботахъ Вѣра забывалась. Ей становилось не то чтобы легче, но какъ-то все равно. Мысль за-

сыпала, сердце переставало ныть тупую болью, бурные порывы умчались. Днем — хлопотливая возня по хозяйству, стирка, расчеты, брань съ сосѣдкой изъ-за кувшина, а ночью — только-бы довалиться до постели да заснуть. И во снѣ снились все тѣ-же горшки, ухваты, сковородники. Чаще-же всего ничего не снилось, и Вѣра перестала, какъ бывало, вскакивать среди ночи въ ужасѣ и послѣ долго ворочаться на постели въ невыносимой тоскѣ.

Впрочемъ и теперь на Вѣру нападало иногда отчаяніе. Она видѣла, что хозяйство ихъ держится на шаткихъ основаніяхъ и всѣ хлопоты ея пропадаютъ даромъ. Мать и бабка мѣшали ей и здѣсь. Изъ дому постоянно исчезала разная посуда, кое-какъ собранная Вѣрой, и оказывалась потомъ въ ярыгинскомъ кабакѣ; пропадали стѣстные припасы, бѣлье и платье. Часто Вѣрѣ случалось ловить бабу на мѣстѣ преступленія, — съ мукой, съ чаемъ, съ сахаромъ, которые вымѣнивались на шкаликъ; случалось даже, что онѣ, послѣ тщетныхъ просьбъ «дать имъ хоть на рюмочку», — прибѣгали къ взлому, сбивали замки и тащили изъ сундуковъ скудное добро. Вѣра выходила изъ себя, бросала ключи и убѣгала изъ дому. Но, проплакавшись до усталы, до полного отупѣнія, она возвращалась и снова машинально принималась за стряпню и починку заплата. Больше нечего было дѣлать.

Голова болить... руки не поднимаются... все тѣло разслабло и ноетъ. Заснуть-бы, что-ли, да такъ и не просыпаться. Но вѣдь все равно, — навѣрнѣе проснешься, и опять потянется та-же канитель. Погонять въ стадо коровъ... Надо печку затоплять, къ Авдотѣ за молокомъ сбѣгать. До обѣда дѣлать нечего... бабка станетъ ворчать... мать охаетъ на постели съ похмѣлья. Послѣ обѣда всѣ спать. Нина къ черничкѣ уйдетъ или уткнется въ книжку. Потомъ опять самоваръ... Тѣни отъ избъ уходить все дальше, а съ ними уходятъ и солнце. Коровы изъ стада возвращаются, бабы бранятся, кнуты хлопаютъ, овцы, какъ угорѣлыя, мечутся по улицѣ. Село утопаетъ въ сумеркахъ, на небѣ зажигаются звѣзды. Пора спать...

Каждый день, каждый день такъ! Развѣ только, въ видѣ разнообразія, вспыхнетъ гдѣ-либо пожаръ и выхватитъ сразу полсела, или зайдетъ Терентьевна и расскажетъ какой-нибудь

«деревенскій случай». Господи! Вотъ тоска-то! Въ работницы что-ли уйти, — все-таки дѣло будетъ. Да и то не возьмутъ...

Вѣра все болѣе и болѣе раздражалась, сидя у окна съ шитьемъ въ рукахъ. Шитье рвалось у нея, иглы ломались... Наконецъ, она швырнула шитье въ сторону и, облокотившись на подоконникъ, устремила мрачный взглядъ на пустынную улицу.

Солнце спускалось книзу. Косые лучи его ворвались въ окно и веселыми зайчиками заиграли по стѣнамъ. Но словно обидѣвшись, что ихъ появленіе никого не обрадовало, они такъ-же быстро исчезли, и въ избѣ опять водворилась унылая тишина и сумракъ.

Скрипнула дверь. Въ избу вошла мать, спросонья, измятая, опухшая, съ сѣномъ въ волосахъ и съ тоскою похмѣлья на лицѣ.

— Вѣра... а, Вѣра! начала она умоляющимъ тономъ.

Вѣра молчала, только плечи ея передергивались.

— Вѣра, а? Ты-бы мнѣ пятачекъ... Ей Богу въ послѣдній разъ выпью, право. Выпью рюмочку—и будетъ... Вѣра,—а? Животь у меня что-то болить...

Вѣра вдругъ вскочила съ мѣста, опрокинувъ скамью, и обернулась къ матери.

— Да отстаньте вы отъ меня къ чорту! Слышите къ чорту! закричала она отчаянно.

— Къ чорту,—вотъ какъ? Хорошо! Это мать-то къ чорту? Отлично, отлично... Я тебя родила, выкормила, воспитала,— а тебѣ для матери пятачка жалко?

— Вотъ они, дѣтки-то! подтвердила Лукинишна съ печи, пробудившись при словѣ «пятачекъ». — Доживешь до старости, — куска хлѣба не дадутъ. Это ужъ помани мое слово...

— Нѣтъ у меня денегъ... продолжала Вѣра, и въ ея голосѣ дрожали слезы. — Пьянствуете, а не подумаете, что завтра ѣсть нечего... Гдѣ я вамъ пятачекъ возьму? И такъ все пропши, на людей стыдно глядѣть. Убирайтесь отъ меня...

— Смотри, какъ поговариваетъ, — вотъ такъ дочка! Послалъ Господь... Такъ ты ужъ лучше подавись своимъ пятачкомъ, коли жалко. Пусть мать издыхаетъ...

Бабка поддакивала. Вѣра вся тряслась и задыхалась.

— Проклятые... пьяницы! крикнула она вдругъ, не помня себя. — Всю жизнь изуродовали, да еще попрекаете... За что

мнѣ васъ благодарить, что я отъ васъ видѣла, проклятые вы эдакіе!.. Доканали...

Мать обидѣлась.

— Ну, что-же, пьяницы такъ пьяницы, возразила она. — Пьяницы, да за то честныя. Какія ни на есть, а честныя. По огородамъ съ парнями не шлялись, законъ соблюдали. А тебя, мерзавку, никто и замужь не возьметъ. Потому, — мерзавка ты, мерзавка и есть. Распутница... огородница... по начамъ на огородахъ таскаешься, всякій знаетъ...

Вѣра вся побѣдѣла и широко открытыми, горящими глазами смотрѣла на мать, беззвучно шевеля губами... Ее точно обухомъ по головѣ ударили.

— Что... что ты сказала?.. выговорила она наконецъ.

— То и сказала! еще смѣлѣе и громче повторила Софья Петровна. — Распутница!..

Она не договорила. Дочь съ страшно искажившимся лицомъ налетѣла на нее и со всего размаху ударила ее.

Тутъ произошла безобразно-дикая, отвратительная сцена.

Софья Петровна вскрикнула. Потомъ схватила со стола большой кухонный ножъ и съ ругательствами пустила въ Вѣру. Ножъ свиснулъ въ воздухъ и ударился Вѣрѣ въ лицо; густая, горячая кровь широкой струей брызнула изъ раны. Вся окровавленная, съ какимъ-то нечеловѣческимъ визгомъ бросилась Вѣра къ матери и схватила ее за горло.

— Вѣра, что ты дѣлаешь!.. съ плачемъ крикнула Нина, подбѣгая къ нимъ.

Но Вѣра ничего не понимала, не слышала, не сознавала. Она обезумѣла. Нина отлетѣла въ уголъ, ударившись головою о косякъ; бабка въ ужасѣ читала молитвы. Нѣсколько мгновеній длилась борьба, но Вѣра была сильнѣе, и Софья Петровна уже лежала на полу и храпѣла, закативъ глаза... Нина кричала о помощи.

Вдругъ Вѣра поднялась на ноги и, шатаясь, побѣжала изъ избы. Косы ея распустились, на губахъ запеклась кровь. Съ тѣмъ-же безумнымъ остановившимся взглядомъ, бормоча какія-то несвязныя рѣчи, она взбѣжала на обрывъ и схватилась за голову руками...

Внизу блеснулъ тихій Хоперь. Но Вѣра ничего уже не видѣла: густая, черная мгла разосталась, предъ нею. Она рванулась впередъ...

— Эй, эй, стой!.. гдѣ-то будто вдалекѣ крикнулъ чей-то голосъ, и сильная рука схватила Вѣру сзади за платье.

Вѣра всѣмъ тѣломъ покачнулася назадъ и упала на землю.

И все въ ней вдругъ точно упало. Руки и ноги онѣмѣли, сердце перестало биться, вся она ослабѣла, устала. И безсильно припавъ головою къ землѣ, она мучительно зарыдала...

Долго она плакала. И вмѣстѣ съ ливнемъ слезъ, казалось, разсѣвался и тотъ удушливый безпросвѣтный мракъ, въ которомъ она находилась нѣсколько минутъ тому назадъ. Такъ бываетъ лѣтней порой, послѣ грозы, когда послѣ грома, молніи и шумныхъ потоковъ дождя, мрачная туча, до того завлакивавшая небо, мало-по-малу блѣднѣетъ, таетъ, расплзается на клочки... и снова свѣтлое небо глядитъ на землю, снова солнце играетъ въ его бездонной синей глубинѣ.

Помраченный умъ Вѣры прояснился; она начинала приходить въ себя. Понемногу рыданья утихли, и, поднявъ свою отяжелѣвшую отъ слезъ голову, она оглядѣлась вокругъ.

Предъ ней стоялъ Тимоха Ярыгинъ и не то съ недоумѣніемъ, не то съ испугомъ вопросительно смотрѣлъ на нее своими добрыми, свѣтлыми глазами.

— Ты зачѣмъ здѣсь? едва выговорила Вѣра, медленно подымаясь съ земли.

— Зачѣмъ? протянулъ Тимоха, все еще недоумѣвая. — Ты здѣсь топиться будешь, а я глядѣть стану? Дура! А послѣ отвѣчай за тебя? Ловко! Спасибо еще лошадь пойлъ на тотъ случай, а то-бы ты ужъ теперича гдѣ была...

— И не нужно было, уже оправившись, сурово выговорила Вѣра. — Кто тебя просиль-то?

— Ты, дѣвка, должно совсѣмъ рехнулася, покачалъ головой Тимоха, еще болѣе недоумѣвая. — Вѣдь здѣсь омутина вонъ какой... такъ бы и завертѣлася. А я стой, да смотри...

— Дуракъ ты и есть. Вездѣ съ своимъ носомъ суется.

— Ну, дуракъ такъ дуракъ! добродушно согласился парень, — а ты вотъ, умница, лучше скажи, — на кой лядъ ты топиться вздумала? Прямо вѣдь, дурища, въ омутино полѣзла... И кто это тебѣ лицо-то эдакъ ободралъ? А?

— Не твое дѣло, оборвала его Вѣра и пошла домой.

Тимоха изумленно ударилъ себя руками по бедрамъ и, взявъ лошадь подъ уздцы, пошелъ вслѣдъ за Вѣрой, которая почти бѣгомъ шла черезъ огородъ.

Теперь она почти совсѣмъ уже успокоилась, только сердце у ней ныло, до порывъ на лицѣ нѣсколько беспокоило. Рана садѣла и горѣла; запекаясь кровь стянула кожу. Но Вѣра мало думала о своей ранѣ... ей хотѣлось лечь и уснуть,—такъ она устала...

Однако, домой она не пошла, а возвратилась опять назадъ къ обрыву. Равнодушно взглянула внизъ,—тамъ синѣлъ глубокий таинственный омутъ, въ которомъ она часъ тому назадъ хотѣла утопить свою горькую жизнь. Но Вѣра какъ будто забыла объ этомъ. Она спустилась подъ обрывъ, умылась и, забравшись въ густые тальники, легла на траву. Надъ нею тихо шептали деревья; въ Хопрѣ укали лягушки; изрѣдка всплескивалась рыба. На минуту Вѣра забылась, убаюканная ласковымъ шепотомъ лѣса и нѣжнымъ плескомъ воды.

Вдругъ ее точно что-то укололо въ самое сердце. Она очнулась, и въ памяти ея съ поразительной ясностью встала вся предшествовавшая сцена съ матерью. Она опять заплакала. Жгучая тоска сжала ея сердце. Ей было стыдно и горько; жаль было обиженную мать, Нину, бабушку. За что она такъ противъ нихъ озлобилась? Развѣ имъ-то легче живется? При счастья не пьянствуютъ...

Худое, измученное лицо матери съ преждевременными морщинами и выпрѣвѣвшими слезящимися глазами нарисовалось въ памяти Вѣры. Вспомнилось ей недавнее прошлое, вспомнилось, какъ мать, бывало, по ночамъ тихонько плакала, натерпѣвшись за день униженій изъ-за куска хлѣба... какъ бѣгала она въ страшную стужу продавать попу послѣднія сережки, чтобы утѣшить ихъ же, голодныхъ, плачущихъ дѣтей. Вѣдь и ей не сладко жилось; можетъ она съ того и пить начала. Бывало, пѣсни имъ пѣвала, а теперь ужъ и не поетъ. Старая стала... высохла вся... платишко чуть на плечахъ держится... а прежде вѣдь любила принарядиться, красива была. Косы какія... глаза какъ угольки были.

Вѣра терзалась этими воспоминаніями, — а они одно за другимъ выплывали въ ея отуманенной памяти и пуще разѣвдали ей сердце. А Нина? Кроткая, безотвѣтная, съ скорбнымъ взглядомъ и ласковой, невинной улыбкой. Она — ребенокъ... чѣмъ она виновата? За что и ее Вѣра обидѣла? За что она всѣхъ ихъ отъ себя оттолкнула?

— Охъ, больно, больно... рыдала Вѣра, колотясь головою

о землю.—Я, я во всемъ виновата... Я подлая... Лучше бы мнѣ утопиться,—лучше будетъ...

И опять во всемъ своемъ безобразіи встала предъ ея глазами ужасная сцена...

Между тѣмъ совсѣмъ уже свечерѣло. Тихій лѣсъ одѣлся въ сѣрыя волны тумана; гдѣ-то робко зацокалъ запоздалый соловей. Съ Хопра потянуло влагой. Высоко-высоко въ блѣдномъ небѣ загорѣлась одинокая звѣзда.

Вѣру пробрала дрожь. Она бессмысленно глядѣла въ темную воду, по зеркальной глади которой нѣтъ-нѣтъ да и пробѣгутъ какія-то серебряныя искры. Рыданія ея утихли, сердце перестало ныть, въ головѣ—пустота. Надо идти домой.

Она медленно приподнялась и отряхнулась, — платье ея насквозь пропиталось росой. Въ травѣ синимъ огонькомъ сверкнулъ свѣтлячокъ, — она подняла его, подержала на ладони и опять бросила.

«Пойду... копошилось въ ея головѣ... Поклонюсь въ ноги, попрошу, чтобы простили... Всѣмъ поклонюсь... и бабушкѣ. Потомъ... потомъ утоплюсь... да».

И Вѣра бѣгомъ пустилась домой.

Въ избѣ свѣтился огонь. За столомъ сидѣла какая-то баба и вздыхала, качала головой, въ сотый разъ выслушивая рассказъ о томъ, какъ родная дочь хотѣла задушить мать свою. Рассказывала Лукинична, мать плакала. Онѣ обѣ были уже выпивши. При этомъ показывались рубцы на шеѣ, царапины и синяки. Нины не было.

Вѣра порывисто распахнула дверь и съ стѣсненнымъ сердцемъ бросилась къ матери.

— Не подходи ко мнѣ, душегубка! закричала на нее мать.— Бить что-ли пришла?.. убійца... Ну, бей... Вотъ отецъ придетъ,—все ему расскажу. Чтобы не было тебя здѣсь, мерзавки,—иди куда хочешь, распутничай... Душегубка эдакая!..

Вѣра остановилась какъ вкопаная. Слова любви, раскаянія, мольбы о прощеньи замерли у нея на губахъ. Тотъ образъ, который стоялъ предъ нею тамъ, надъ Хопромъ,—образъ больной, измученной, жалкой матери,—онъ теперь куда-то отходилъ... ступевался... поблѣднѣлъ. Теперь она видѣла мутные глаза, блуждающій взглядъ, румянецъ хмѣля на щекахъ... слышала заплетающуюся, пьяную рѣчь. Ей стало противно.

— Неладно, дѣвушка, неладно! подтвердила наставитель-

нымъ тономъ гостя. Отъ нея тоже несло сивухой.—Нешто можно на матеръ руку подымать? Господь-то онъ, батюшка, видить... да и люди не похвалятъ...

Вѣра туло поглядѣла на нее и, пошатываясь, пошла изъ избы. Все, что было въ ея груди хорошаго, добраго, свѣтлаго за минуту тому назадъ,—все это замерло, застыло. Осталась ѣдкая горечь... чувство недоумѣнія и ноющая, нестерпимая боль.

Опять туда что-ли, на Хоперь... Тамъ тихо; искрется и бѣгутъ звонкія струйки; на днѣ вьются красивыя водоросли, сверкаютъ камешки и ракушки. Туда!

Вся кровь бросилась ей въ голову и горячимъ, огненнымъ ключемъ залокотала въ груди. Слезы высохли, дыханіе перекватило.

— Нѣтъ, нѣтъ! вскрикнула она вся въ жару.—Ни за что, ни за что... На зло имъ жить буду, не утоплюсь... Имъ все равно, — они еще рады будутъ. Скажутъ: Богъ наказалъ... Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ... не хочу! Ха, ха, ха...

Со ней сдѣлалась истерика.

Г л а в а X.

Женихи.

Разладъ въ землемѣровой семьѣ еще болѣе увеличился. Вѣрѣ не было проходу. Вѣру ругали, Вѣру всячески честили, Вѣрѣ не было другаго названія, какъ «душегубка», «распутница», «змѣя подколодная». Сосѣди на нее косились и при видѣ ея начинали какъ-то подозрительно перешептываться; мать встрѣчала и провожала ее проклятіями; бабка всегда ворчала ей вслѣдъ: «у-у-у... разбойница»... Даже кроткая Нина робко жалась отъ нея въ уголъ, и Вѣра часто ловила на себѣ ея пристальный укоризненный взоръ. Ни откуда ласки и привѣта... одна, одна, одна, точно отверженный Богомъ Каинъ.

Но Вѣра какъ будто и знать ничего не хотѣла. На брань она отвѣчала бранью-же, за попреки платила ненавистью. Со всѣмъ словно окаменѣла. И языкъ выработался злой, ядовитый, какъ жало у змѣи.

Только на Хопрѣ ей и было хорошо, только здѣсь утихла въ ней накипѣвшая злость. По цѣлымъ часамъ сидѣла

она на обрывѣ, ни о чемъ не думая, не помышляя о мщениі. Чудныя картины мерещились ей въ синихъ струяхъ рѣки. Обрывки слышанныхъ нѣкогда сказокъ толпились въ головѣ, дополнялись воображеніемъ и сливались въ одно стройное цѣлое. Предъ Вѣрой воздвигались цѣлые города, дворцы, храмы... волшебные сады выросли въ одно мгновеніе... и всюду Вѣра видѣла себя царицей, которая можетъ сдѣлать все, что захочетъ, и предъ которой все преклоняется со страхомъ и восторгомъ.

Время шло обычнымъ чередомъ. На Успенье Вѣрѣ сравнялось 16 лѣтъ.

— Матеряя у тебя дѣвка-то становится, сказала Терентьевна Софья Петровна, поглядывая на Вѣру. — Невѣста... То-то молодежь-то растетъ, — и не видишь! Чай, женихи скоро сватать будутъ.

— Ну ужь, какіе женихи! уныло выговорила Софья Петровна. — Безъ приданого, да съ эдакимъ-то норомомъ — кто возьметъ?

— За-то красива... продолжала старуха. — Красавица она у васъ растетъ, — право!

Вѣру эти разговоры выводили изъ себя. Она злилась, говорила всѣмъ дерзости и уходила изъ избы, хлопая что есть силы дверьми.

— Что я, — корова или лошадь? огрызалась она. — Продавать, чтоль, хотите, — на базаръ вести?..

Однако, на Вѣру стали заглядываться. Ея яркая красота бросалась всѣмъ въ глаза; у нея явились поклонники.

Первымъ, предложившимъ ей руку и сердце, былъ подвальный винокуреннаго завода изъ сосѣдняго села Крутояра. Увидѣвъ онъ Вѣру въ церкви и влюбился. Сталъ разспрашивать, разузнавать стороною — кто такая? и рѣшился завести знакомство.

Въ одно яркое зимнее утро, къ крыльцу землемѣровой квартиры бойко подкатили маленькія щегольскія санки, выпрошенные на этотъ случай у крутояровскаго управляющаго, и изъ нихъ выскочилъ низенькій, черненькій человѣчекъ, нѣсколько смахивавшій на жидка. Сдѣлавъ на ходу распоряженіе бородатому кучеру, онъ вошелъ на крыльцо и, встрѣтивъ въ сѣняхъ Нину, освѣдомился любезно — дома-ли будетъ Никандръ Васильевичъ?

Въ избѣ между тѣмъ страшно всполошились, — думали, что «самъ прїѣхалъ». Бабка простоволосая металась по избѣ, прибирая нѣсколько дней немнутую посуду; Софья Петровна съ просовья кинулась умываться; Вѣра пропрыгнула въ чуланъ и тамъ притаилась.

Гость вошелъ, отрекомендовался и сѣлъ. Пожалѣлъ, что не засталъ хозяина, потомъ оглядѣлся по сторонамъ и спросилъ:

— А гдѣ же... другая ваша дочка? Вѣдь у васъ ихъ, кажется, двѣ?

— А она у сосѣдей... у сосѣдей вѣрно... заикаясь отвѣчала бабка.

— Жаль. А я было съ ними очень желалъ познакомиться... очень!

Вѣра такъ и не показала. Подвальный посидѣлъ, подождать и уѣхалъ.

— Надо быть, свататься прїѣзжалъ... рѣшили въ Воровскомъ переулкѣ.

Послѣ того подвальный былъ у землемѣровыхъ еще раза два, встрѣтилъ на крыльцѣ Вѣру и, окончательно очарованный ея огненными глазами, рѣшился ѣхать къ Никандру Васильевичу объясняться.

— Чтожъ, я не прочь, согласился Никандръ Васильевичъ. — Только вѣдь, батенька, она у меня безприданница, — какъ хотите. Я приданого дать за ней не могу.

— Да Боже мой, — на что мнѣ приданое! увѣралъ подвальный. Онѣ и безъ приданого довольно хороши. Мнѣ онѣ до того понравились, что я просто сна рѣшился...

Они ударили по рукамъ. — «Вотъ породнимся, шутили землемѣръ, по крайности спиртъ свой будетъ...»

Но не пришлось Никандру Васильевичу имѣть «свой спиртъ». Когда Вѣрѣ объявили, что она просватана, — въ землемѣровомъ домѣ поднялась цѣлая буря. Вѣра раскричалась на весь домъ, надѣлала всѣмъ грубостей и объявила въ концѣ-концовъ, что если «эта рожа» осмѣлится еще къ нимъ явиться, то она его выгонитъ кочергой и всего изуродуетъ.

Подвальному отказали.

Не успѣла Вѣра успокоиться отъ перваго сватовства — сталъ приставать волостной писарь. Этотъ все больше насчетъ свободной любви прохаживался, такъ какъ былъ человѣкъ ци-

визированный и жениться хотѣлъ не иначе, какъ на купчихѣ съ тысячнымъ приданымъ. Онъ преслѣдовалъ Вѣру повсюду. Идетъ Вѣра по улицѣ—онъ за ней; за водой на рѣчку отпра- вится, — писарь тутъ какъ тутъ. Нѣсколько разъ писалъ ей любовныя записки, тайкомъ подсылалъ кухарку, чтобы какъ-нибудь заманила Вѣру къ нему на квартиру,—Вѣра и внима- ния не обращала. Наконецъ она совсѣмъ осерчала.

— Слушайте, сказала она ему при встрѣчѣ.—Если вы ко мнѣ еще будете привязываться, — ей-Богу я вамъ при всѣхъ въ лицо плюну. Вотъ вамъ и сказъ.

Писарь призадумался и долго не спалъ ночью. Чуть за- дремлетъ—стоитъ предъ нимъ Вѣра, какъ живая... Статная, высокая, губки алыя,—а сама такъ и манитъ, такъ и зоветъ къ себѣ. На утро онъ всталъ пасмурный и долго ходилъ изъ угла въ уголъ, насвистывая «комаря». Потомъ одѣлся, по- вязалъ атласный галстукъ, папомадился «серполетомъ» и от- правился въ Воровской переулокъ, уже официальнымъ поряд- комъ свататься.

Вѣра упрямо отвѣчала: «не хочу». А вечеромъ, встрѣтив- ши писаря на улицѣ, она задорно подняла носъ кверху и, обзывая его въ лицо «посконной бородой», со смѣхомъ убѣ- жала.

Третье сватовство кончилось уже совсѣмъ скандаломъ; на- вѣки погубившимъ репутацію упрямой дѣвушки.

Этотъ третій женихъ былъ человѣкъ настойчивый, привык- шій дѣйствовать напроломъ, такъ какъ происходилъ изъ ку- печескаго рода и потому никогда никакихъ препонъ не зналъ. Онъ торговалъ въ Крутоярѣ мелочнымъ и краснымъ товаромъ, а отецъ его держалъ въ городѣ трактиръ. Часто заѣзжалъ онъ и въ Алмазово по торговымъ дѣламъ и случайно увидѣлъ Вѣ- ру. Понравилась она ему «до зарѣзу», а рассказы о ея кру- томъ нравѣ и своеобразности еще болѣе привели его въ вос- торгъ. Даже неудачныя попытки его предшественниковъ, о ко- торыхъ онъ былъ уже слышанъ, ни мало его не охладили, а напротивъ, еще болѣе раззадорили.

— Огонь-дѣвка,—люблю! восклицалъ онъ.—Я ее сейчасъ за прилавокъ поставлю, — въ нашемъ дѣлѣ эдакія за первый сортъ. Ужъ эта небо-ось! Ужъ эту не нагрѣешь; она-те само- го во какъ объегорить, — сейчасъ умереть. А что ежели она съ норовомъ, такъ это плевать. Постегалъ раза три кнути-

комъ ремненнымъ,—вся дурь вылетитъ. Это ужъ съ тѣмъ возьмите. Опять ежели приданого нѣтъ, такъ и это—тѣфу! Аль у насъ своихъ-то нѣту? По крайности она у меня завсегда въ струнѣ будетъ, потому безъ рубахи взята, — такъ пушай и помнись это. Да ей-Богу! А забыла,—въ зубы... Живо у меня отшлифуется... Во всякомъ разѣ статья подходящая...

Напрасно его отговаривали отъ женитьбы на Вѣрѣ,—загорѣлось Ивану Климычу жениться, да и шабашъ. Прослышалъ про это и отецъ, самъ прїѣзжалъ изъ города, разузнавалъ ругался, но Иванъ Климычъ былъ упрямъ и непремѣнно хотѣлъ поставить на своемъ.

Была масляница. По улицамъ то и дѣло носились тройки съ бубенцами; слышались нестройные напѣвы, ухарскія взвизгиванія, пьяные выкрики. Иванъ Климычъ сидѣлъ-сидѣлъ за прилавкомъ, — вздумалось прокатиться и ему. Онъ принарядился франтомъ, велѣлъ заложить въ сани лучшихъ лошадей и, лихо заломивъ шапку на бекрень, отправился въ Алмазово. Пристяжныя вились кольцомъ, развѣвались по воздуху розовыя ленты, вылетенныя въ гривы лошадей, колокольчикъ захлебывался. Съ рывканьемъ и гиканьемъ, размахивая казацкой нагайкой, влетѣлъ Иванъ Климычъ въ село, распугалъ цѣлую толпу дѣвокъ, игравшихъ въ «селезня» и, прокатившись раза два по селу, шагомъ поѣхалъ въ Воровской переулокъ.

На крыльцѣ землемѣровой квартиры какъ разъ стояла Вѣра и, закутавшись въ большой черный платокъ, задумчиво смотрѣла на улицу.

— Мое почтеніе, барышня! прїостановился Иванъ Климычъ. — Прокатиться не желаете-ли? Съ нашимъ удовольствіемъ...

Вѣра молчала, хмуро поглядывая на него.

— Аль сѣмечковъ не желаете-ли? Пряничковъ, карамельцу?

Вѣра нахмурилась еще больше и ушла.

Эта неудача совсѣмъ развеселила Ивана Климыча. Онъ пришелъ въ восхищеніе.

— Ахъ, унеси-те нечистая сила! Какова? рассказывалъ онъ прїятелямъ, возвратившись въ Крутойяръ.— Да не я буду, ежели я ее не скручу—право слово. Какъ глянеть, какъ поведетъ бровью—пропади ты совсѣмъ... Сваху, сваху безпремѣнно...

И на другой-же день онъ отправилъ въ Алмазово свою тетку въ качествѣ свахи.

Все это дѣло вначалѣ велось тайно. Сваха ѣздила въ Алмазово, расхваливая купца, угощала старухъ водкой и наконецъ добилась приглашенія пріѣхать какъ-нибудь въ праздникъ съ купцомъ, «посмотрѣть» товаръ.

Вѣра ничего этого не подозрѣвала. И вотъ въ одинъ изъ теплыхъ февральскихъ вечеровъ, возвратившись съ улицы, она застала дома неожиданныхъ гостей.

Въ избѣ все было прибрано и вымыто; на столѣ, вмѣсто ночника, горѣла стеариновая свѣча и стояла водка и закуска. Въ переднемъ углу засѣдала сваха, -- крикливая молодая баба въ шелковомъ платѣ и съ пунцовыми щеками, а рядомъ съ ней сидѣли: Софья Петровна, Лукинична и Иванъ Климычъ. Онъ былъ принаряженъ въ щегольской триковый сюртукъ, красную, расшитую галунами рубаху и при часахъ; на среднемъ пальцѣ руки у него блестѣлъ массивный золотой перстень съ алмазомъ, который онъ постоянно старался держать такъ, чтобы камень «игралъ». Отъ всей его здоровой, красивой фигуры вѣяло самодовольствомъ и сознаниемъ собственного достоинства.

— А, Вѣра Никандровна! возгласилъ онъ при входѣ Вѣры. — Наше вамъ съ кисточкой... съ пальцемъ девять, съ огурцомъ пятнадцать...

Вѣра, молча, прошла въ уголь и стала раздѣваться. Она замѣтила, что всѣ были уже порядочно выпивши.

— Вотъ она и невѣста наша... отрекомендовала бабка, стараясь, чтобы все вышло прилично, и въ то-же время чувствуя себя какъ на иголкахъ, въ ожиданіи, что вотъ-вотъ Вѣра выкинетъ какую-нибудь каверзу.

— Больно сурово что-то принимаетъ! ввернула тетка жениха. — Въ нашихъ мѣстахъ этого не водится. Надо-бы выдти поближе...

— Молчи ты, дура! оборвалъ ее женихъ. — Дѣло дѣвичье, — конфузно. А вотъ ежели поговорить по душѣ, да эдакъ съ подходцемъ, — много способнѣе выдуть...

И онъ, немного шатнувшись въ сторону, всталъ съ лавки и подошелъ къ невѣстѣ.

— Позвольте... сѣсть, икнувъ, выговорилъ онъ, и заглянулъ ей въ лицо.

Отвѣта не было. Бабка тревожно ерзала на мѣстѣ.

— Молчанье — знакъ согласія! рѣшился Иванъ Климычъ и, грузно опустившись на лавку, одной рукой полѣзъ въ карманъ за гостинцами, а другой весьма безцеремонно обלאпил Вѣру, приготовляясь начать объясненіе въ любви.

Но не успѣлъ онъ открыть рта, — Вѣра вскочила съ мѣста, и оглушительная пощечина раздалась на его румяной щекѣ.

Произошло весьма непріятное смятеніе. Бабка и мать окаменѣли на мѣстѣ, сваха бросилась на помощь жениху, а онъ, держась за щеку, разразился самыми площадными ругательствами.

— Да какъ ты смѣла? кричалъ онъ, топая ногами. — Да я тебя, во какъ осрамлю... Я те...

— Вонъ! посинѣлыми отъ злости губами выговорила на-конецъ Вѣра, указывая гостямъ на дверь. — Вонъ, — и чтобы духу вашего не было...

— Имъ-же нищимъ одолженіе дѣлаешь — и что-же... визжала въ свою очередь сваха, налѣзая на Вѣру съ кулаками. — Явились честно-благородно, какъ слѣдуетъ быть, — и вотъ вамъ благодарность. Да это послѣ того не стоять вниманія связываться. Это срамота одна на всю губернію...

— Я вамъ сказала — вонъ! задыхаясь, повторила Вѣра.

— Не очень, не очень! Ишь фрѣя какая! хорохорился Иванъ Климычъ, все еще держась за щеку и размахивая кулаками. — Ничего больше какъ...

Вѣра, не помня себя, схватила съ лавки попавшійся ей подъ руку горшокъ и со всего размаху швырнула имъ въ голову жениху.

Горшокъ ударился въ стѣну и разлетѣлся въ дребезги. Посыпались черепки, задѣли на столѣ посуду, — и все это со звономъ, съ трескомъ полетѣло на полъ.

— О, Господи! взывала Лукинична въ ужасѣ.

Иванъ Климычъ и его тетка мгновенно ретировались къ дверямъ, но тутъ, держась за ручку, женихъ на минуту приостановился и, грозя кулакомъ, обратился къ Вѣрѣ.

— Погоди-жѣ ты у меня... я-те такъ раздѣлаю подъ орѣхъ... Ты у меня...

— И слѣдуетъ, поддакнула сваха.

— Во-о-онъ! уже не своимъ голосомъ закричала Вѣра, дѣлая движеніе впередъ.

Гости исчезли. Еще нѣсколько минутъ за дверью слышалась возня, — неистовый крикъ Ивана Климыча, отчаянная ругань и визгливый голосъ свахи, потомъ проскрипѣли подъ окнами полозья, — и все затихло.

Вѣра постояла-постояла и, не говоря ни слова, легла на лавку, укутавшись съ головой шубой. Ее трясла лихорадка.

А бабка и Софья Петровна долго шушукались и вздыхали, убирая со стола перебитую посуду и ругая Вѣру.

Исторія этого послѣдняго сватовства быстро разнеслась по селу. Вѣру корили, надъ Иванъ Климычемъ смѣялись, дѣлали разные догадки и предположенія. Нѣкоторые намекали даже, что чуть-ли у Вѣры не было полюбовника, стараясь объяснить этимъ обстоятельствомъ ея странное упорство и нежеланіе выходить замужъ... А самъ Иванъ Климычъ пуще всѣхъ ругалъ землемѣрву дочь, увѣряя, что она «самая послѣдняя тварь» и что онъ живъ не будетъ, ежели ей не «напакостить»...

И дѣйствительно, вскорѣ послѣ этого случая двери землемѣровой квартиры оказались вымазанными дегтемъ. Деготь смыли, — но о Вѣрѣ по селу стали ходить недобрые слухи...

Глава XI.

Любовь.

Смеркалось. Въ землемѣровой квартирѣ уже совсѣмъ стемнѣло, но огонь зажигать было еще рано. Нина ушла, — она теперь днюетъ и ночуетъ у чернички, — бабушка храпитъ на печи; монотонно тянетъ свою вечернюю пѣсню сверчокъ. И Вѣрѣ надоѣло сидѣть у запушеннаго инеемъ окна, да думать одну и ту-же горькую думу. Цѣлый день она сегодня бѣлье стирала, всѣ руки истерла въ кровь, — а все тоска не унимается. Только спину разломилло, да въ голову бьетъ...

— Вотъ, чего замужъ за Климыча не пошла! сказала ей нынче Терентьевна, глядя, какъ она вся въ поту и мыльной пѣнѣй ворочала въ печи огромные чугуны со щелокомъ. — Богатѣй-парень... ручки-бы марасть не привелось...

«И то, — чего не пошла? думала Вѣра, вспоминая эти слова. Жила-бы себѣ купчихой .. наряжалась-бы лучше всѣхъ, ѣла всласть, кататься ѣздила-бы. А Климычъ сталь-бы нагайкой полосовать... говорить, общался...»

Она усмѣхнулась—и вдругъ жгучія слезы навернулись у нея на глазахъ.—Чего-же въ самомъ дѣлѣ ждать-то? На что надѣяться?

Вѣра вскочила съ мѣста, схватила коромысло съ ведрами и почти бѣгомъ бросилась къ двери. Ей какъ можно скорѣй хотѣлось уйти изъ этой темной, тихой избы на воздухъ, на улицу; хотѣлось услышать хоть голосъ человѣческой, увидѣть хоть небо, усѣянное звѣздами.

Выйдя на улицу, Вѣра перевела духъ, и на сердцѣ у нея какъ будто отлегло. Перекинувъ коромысло черезъ плечо, она бодро шла по знакомой тропинкѣ внизъ, къ проруби. Снѣгъ весело хрустѣлъ подъ ногами; легкій туманъ стоялъ надъ Хопромъ. Кое-гдѣ уже зажигались огоньки; далеко за селомъ лаяли собаки.

Вѣра уже подъ обрывомъ. — Внизу бѣлой скатертью стелется Хоперь; черныя проруби зияютъ по краямъ. Лѣсъ спрятался въ туманѣ. Двѣ узкія черныя борозды, прорѣзанныя полозьями, извиваясь, бѣгутъ черезъ Хоперь и исчезаютъ въ голубоватой дали. Тихо, морозно, просторно.. вольготно дышется полной грудью...

— Эй, берегись! крикнулъ кто-то наверху, и позади Вѣры завизжали полозья и послышалось тяжелое дыханье лошади.

Вѣра посторонилась и обернулась. По кручѣ, раскатываясь и ныряя, ползли дровни; лошадей правилъ Тимоха Ярыгинъ, подергивая возжами.

— Здорово, Вѣра, крикнулъ онъ ей, поровнявшись.— Садись,—подвезу.

— А ты куда? остановилась Вѣра.

— За Хоперь.—камышу набрать.

— Ты-бы меня покатай...

— Ладно,—садись. Тпру...

Онъ дернулъ возжами, — лошадь стала, прядая ушами и косо поглядывая на Вѣру своими большими глазами. Вѣра проворно усѣлась, поклатала рядомъ ведра и взглянула на смѣющагося Тимоху.—Трогай!..

Дровни во весь духъ полетѣли по гладкому, укатанному льду. По обѣимъ сторонамъ клубились бѣлыя волны морознаго тумана; безмолвный лѣсъ, одѣтый инеемъ, толпился кругомъ; по тѣлу пробѣгала пріятная дрожь,—духъ захватывало... Вѣра все забыла: приливъ безотчетнаго молодого, веселья охватилъ

ее съ ногъ до головы, и всѣ мрачныя мысли, волновавшія ее нѣсколько минутъ тому назадъ, словно потонули въ этомъ туманѣ.

— Шибче, шибче! кричала она на лошадь, размахивая руками и захлебываясь отъ восторга.— Тимоша, голубчикъ, да погоняй-же... Погоняй!

Вѣра, наконецъ, не вытерпѣла, выхватила возжи изъ рукъ Тимохи и, вставъ на передокъ, гикнула на лошадь. Крикъ ея повторился нѣсколько разъ въ лѣсу и жалобнымъ стономъ замеръ вдали... лошадь дернула и понесла. Снѣгъ колючими иглами сыпался въ лицо, взлетая изъ-подъ копытъ; полозья визжали, дровни неслись.

— Ухъ, какъ хорошо... Гей-ей-ей! вскрикивала Вѣра, подергивая возжами.

Тимоха смѣялся, глядя на нее. Лицо ея разгорѣлось, глаза сверкали влажнымъ блескомъ въ сумракѣ зимняго вечера; черныя кудри выбились изъ-подъ платка.

Наконецъ лошадь пріустила и пошла шагомъ. Они заѣхали довольно далеко отъ села,—даже собачьяго лая не было слышно. Совсѣмъ уже стемнѣло; кругомъ была глушь, и мертвая тишина царила среди снѣжной пустыни. По бокамъ только величаво и безмолвно высились деревья, словно серебромъ, обвитыя инеемъ. Изрѣдко гдѣ-то въ лѣсу слышенъ сухой, рѣзкій трескъ, да проносился издалека не то вой, не то стонъ...

Вѣра опустила возжи и задумалась, всматриваясь въ неподвижную щазу серебрянаго лѣса. Потомъ опять встряхнулась и, обернувшись къ Тимохѣ, засмѣялась.

— А что, ежели волки вдругъ?

— Ну, какіе волки! равнодушно отвѣчалъ Тимоха, не сводя съ нея глазъ.

— А если? Ты не боишься?

— Вона,—чего бояться! Миѣ нешто впервой сюда заѣзжать-то,—я и дальше ѣздила...

— Ишь ты какой храбрый... протянула Вѣра и опять призадумалась. Но сейчасъ-же сама засмѣялась, задергала возжами и повернула лошадь назадъ.

— Ну, поѣдемъ, что-ли, за камышами-то. А то, чай, батя браниться будетъ... прибавила она и, лукаво прищурившись, поглядѣла на Тимоху.

— А пуцай его бранится! Побранится, да и перестанет...

— Ты и его не боишься? Молодец... Ну, трогай!

Набрали камышу и поѣхали домой. Вѣра также была весела, покрикивала на лошадь, смѣялась, пѣсни затягивала. Тимоха больше молчалъ и глядѣлъ на нее.

Вотъ и обрывъ. Наверху замелькали огоньки; повѣяло тепломъ и дымомъ. Тру!..

— Ну, спасибо, что покаталъ, говорила Вѣра, слѣзая. — Что-бы эдакъ-то почаще!

— Да что-же, выходи вотъ завтра ввечеру, опять за камышомъ поѣду...

— Ладно, можетъ выйду. Прощай... Нѣтъ, постой на минутку... Скажи, отчего ты къ намъ ходить пересталъ?

— Да къ кому-же я ходить-то у васъ буду? Андрюшки нѣту...

— А, ты къ Андрюшкѣ ходилъ... А говорить, тебя отецъ къ намъ не пускаетъ—правда?

Тимоха хотѣлъ было отвѣтить, но Вѣра засмѣялась, схватила ведра и скрылась внизу, утонувъ въ туманѣ. Тимоха тоже усмѣхнулся и поворотилъ къ избѣ.

— Что это ты такъ долго? встрѣтилъ его отецъ.—Мы ужь думали, либо волки напали. Теперича ихъ, окаянныхъ, много шляется.

— Ну, волки... запинаясь выговорилъ Тимоха. — Лошадь маненько... распряглась, шельма...

И онъ, сбросивъ полушубокъ, полѣзъ на печь. Вѣра правду сказала: ни за что-бы Тимоха не рассказалъ своимъ семейнымъ о томъ, какъ онъ провелъ этотъ вечеръ, во-первыхъ, потому, что ему дѣйствительно досталось-бы за это, а во-вторыхъ, онъ самъ не зналъ почему. Только ни за что, ни за что-бы не рассказаль...

Весь вечеръ Тимоха пролежалъ на печи, думая о Вѣрѣ. Въ его ухахъ все еще отдавался ея насмѣшливый хохоть, сливавшійся со скрипомъ полозьевъ; передъ глазами неотступно рисовалось ея смуглое лицо съ яркимъ румянцемъ и огненными глазами, таинственно сверкавшими среди снѣжной мглы. Внизу, за дубовымъ столомъ, слышался шумный говоръ и смѣхъ; гудѣла Аленкина праха, возились ребятишки; дѣдушка Никита, кашляя, читалъ акафистъ, но Тимохѣ не

хотѣлось идти туда. Онъ ворочался съ боку на бокъ, зажмуривалъ глаза, стараясь вызвать въ памяти своей мельчайшія подробности сегодняшняго вечера, и все думалъ, думалъ...

А Вѣра въ это время сидѣла за шитьемъ и тоже думала о Тимохѣ. Совсѣмъ не въ Ярыгинскую семью вышла, — ласковый, добродушный, простой.

«Однако, смолчалъ, когда ему про отца-то помянула, что не пускаетъ къ намъ. Вѣрно правда, Терентьевна не совретъ. Небось и тамъ про меня-то и-и-и что говорятъ. Дегтемъ ворота вымазали... Непутевая, моль... А Тимоха, поди, слушаетъ... Вѣра на минуту нахмурилась. — Неужто и Тимоха тоже, какъ и всѣ, считаетъ ее непутевой? Непремѣнно... А впрочемъ, наплевать ей».

Несмотря на это рѣшеніе, сердце Вѣры больно-больно сжалось. Она опустила шитье на колѣни и угрюмо уставилась глазами въ уголъ. Но уголъ вдругъ словно ушелъ куда-то... на мѣсто его передъ Вѣрой развернулся снѣжный просторъ... холодкомъ повѣяло... серебряныя деревья, словно заколдованныя, неподвижно стоятъ вокругъ... Лицо Вѣры, мало-по-малу разгладилось, она улыбалась.

«Такъ-бы и уѣхала куда-нибудь подальше, подальше, — и не вернулась. И Тимошка... Съ Тимошкой и уѣхать-бы. Пойду завтра, онъ опять обѣщался покатать. Завтра еще дальше заѣдемъ, — къ самой Чечорѣ.»

При этой мысли Вѣрѣ стало опять страшно весело...

Но на утро Вѣра проснулась сѣрдитая и такъ проходила цѣлый день, швыряя все, что ей ни попадалось подъ руку, и на всѣхъ огрызалась. Ей было не до катанья.

«Не пойду... что я тамъ дѣлать стану. Еще говорить будутъ, что на чужой лошади повадилась ѣздить. Да Тимошка первый на смѣхъ подыметъ. Не пойду...»

Такъ и не пошла. Тимоха подождать-подождалъ ее у проруби и поѣхалъ одинъ.

Ему сдѣлалось не то чтобы грустно, но какъ-то неловко на душѣ. Цѣлый день вѣдь онъ сегодня продумалъ объ этомъ катаньи, какъ торопился запрягать лошадь, съ какимъ волненіемъ ѣхалъ подъ кручу, нетерпѣливо понукая лошадь..

«И отчего не пришла? думалъ онъ. — Мать что-ли не пустила, аль сама раздумала... Да нѣтъ, вѣдь обѣщалась. Либо захворала...»

Возвращаясь домой, онъ нарочно проѣхалъ шагомъ мимо землемѣрова двора, пристально взглядываясь въ ночную тьму. Никакъ у крыльца стоитъ кто-то... Сердце Тимохино сильно забилось... Но, подѣхавъ ближе, онъ убѣдился, что это былъ столбъ, и, понурившись, дернулъ лошадь къ дому...

Прошло нѣсколько дней, Вѣра страшно тосковала. Одурающее однообразіе этой жизни доводило ее до безумія. Въ ней ключемъ кипѣла молодая, горячая кровь, а она по цѣлымъ днямъ должна была сидѣть молча на одномъ мѣстѣ; ей хотѣлось пѣсень, смѣха, шумнаго веселья, а вокругъ нея раздается только старушечья воркотня, брань и попреки. Уйти некуда. Днемъ—тоска, а ночью—страшные сны одолеваютъ.

Особенно Вѣру раздражала сестра Нина. Въ послѣднее время она ее видѣть не могла и постоянно къ ней придиралась. Смѣялась надъ ея Четъи-Миней, надъ ея черничкой, швыряла ея книги, злилась на нее за кроткій «постный» видъ, незлобивость и молчаливость. И что она думаетъ? Чѣмъ она довольна? И Вѣрѣ становилось завидно и больно за себя.

Въ одну изъ такихъ минутъ, когда Вѣра особенно была зла и придирчива, Нина вдругъ горько заплакала. При видѣ этихъ слезъ Вѣра какъ-то оторопѣла, и слова замерли у нея на губахъ. Съ недоумѣніемъ глядѣла она на сестру.

— Ну, что ты дѣвку-то обижаешь! вступилась бабка. — Житья отъ тебя ей нѣту, въ гробъ вколотишь. Гляди, на себя вѣдь дѣвка не похожа стала... А ты маешься!

Вѣру словно что-то кольнуло,—ей стало и стыдно, и жалко плачущую дѣвочку.

— Ну, не плачь... съ усиліемъ выговорила она, подходя къ Нинѣ.—Не буду больше, ей-Богу.

Нина зарыдала еще пуще. Вѣра накинула платокъ и поспѣшно выбѣжала изъ избы.

Было воскресенье. На селѣ пѣли пѣсни, слышались веселые звуки гармоники. Мимо крыльца пробѣжали двѣ дѣвки въ пестрыхъ платкахъ; ихъ звонкіе голоса и серебристый смѣхъ долго дрожали въ тишинѣ наступающаго вечера.

«Ишь вѣдь, весело людямъ, горько думала Вѣра, облокотясь на перила крыльца. — А я... словно собака цѣпная стала. Господи, Господи!»

На глазах у нея навернулись слезы, но она вдруг выпрямилась и быстро смахнула ихъ. Къ ней подходилъ Тимоха.

— Съ праздникомъ! выговорилъ онъ весело и въ то-же время смущенно. У него сердце ёкало отъ радости.

— Здравствуй. Что-же ты не гуляешь?

— Да не хочется... Сидѣль вотъ на крыльцѣ, сѣмечки грызъ. Хочешь? прерывающимся голосомъ говорилъ Тимоха и улыбался своей добродушной, веселой улыбкой.

— Давай, пожалуй... вало сказала Вѣра, протягивая руку.

— А ты, что-же... кататься-то не выходила? Я тебя ждалъ-ждалъ — три дня поцъ рядъ... нѣту! Ажъ лихоманку схватилъ...

— Была охота! сквозь зубы вымолвила Вѣра.

— Да, вѣдь, какже — общалась. А я-то, дурень, жду, мерзну... Поругалъ я тебя тутъ здорово!

Вѣра засмѣялась, Тимоха тоже.

— А я съ тобой кататься больше не буду... сказала она уже серьезно.

— Ну? Отчего не будешь? съ испугомъ спросилъ Тимоха, и лицо его омрачилось.

— Такъ... не буду, да и все. Про меня, небось, и такъ Богъ знаетъ что у васъ говорятъ, а тогда и вовсе... Небось, вы меня тамъ во-какъ костите... я знаю...

Тимоха долго молчалъ, потомъ съ жаромъ воскликнулъ:

-- Попробуй только при мнѣ сказать... я нешто смолчу? Я тоже...

Вѣра опять засмѣялась и недовѣрчиво покачала головой.

— Ты что? Ей-Богу, правда! продолжалъ Тимоха.— Вотъ, намени, въ кабакѣ... слушай, Вѣрка... въ кабакѣ... Пришелъ нашъ подносчикъ и началъ при мужикахъ про дѣвокъ болтать. А тутъ сидѣль этотъ... какъ его? Писаревъ помощникъ, знаешь?

— Ну, ну? нетерпѣливо понукнула его Вѣра.

— Ну и говорить, вотъ, говорить, землемѣрова дочь... Такая она и сякая—это про тебя-то то-есть... Не даромъ ей, говорить, и ворота дегтемъ... Она, говорить...

— А ты что? перебила его Вѣра, вся пылая отъ негодованія.

— А я ему морду разбилъ. Не ври при мужикахъ, сволочь эдакая...

Вѣра хотѣла засмѣяться, и, вмѣсто того, слезы градомъ хлынули у нея изъ глазъ.

Тимоха растерялся.

— Да чего-же ты... Вотъ нужно еще очень плакать-то! Сволочь всякая... Ну, будетъ, Вѣрка, — да ей-Богу... Нешто я не знаю? утѣшалъ онъ.

Но Вѣра уже утирала глаза, и всхлипывая, и смѣясь, въ то-же время.

— Подлецы эдакіе... говорила она сквозь слезы — Ха-ха-ха... А ты ему морду разбилъ? Чудной ты, Тимоха...

— Тимошка! Тимофей!.. Ужинать иди... А, Тимошка! кликали Тимоху съ Ярыгинскаго крыльца.

— Ахъ, черти-бы васъ взяли! Приду сейчасъ! откликнулся сердито Тимоха. — Ну, прощай, пойду... Ишь разорались. Выходи что-ли кататься-то?

— Ладно, выйду, отвѣтила Вѣра уже изъ сѣней.

«Эко, день-то какъ долго тянется!.. Утромъ встанешь, уберешь скотину, съѣздишь за водой,—глядишь, и дѣлать нечего, а до обѣда еще далеко. Пойдешь въ кабакъ, тамъ посидишь,—а все нѣту... все скучно. Да и какое-же веселье въ кабакъ? На пьяныхъ глядѣть тошно... иной придетъ—послѣднюю одеженку пропиваетъ. Плачетъ, а пропиваетъ. Жена прибѣжить, въ голосъ, сердечная, воетъ,—ажъ сердечушко надрывается. Ни за что-бы, кажись, кабакъ не сталъ держать! Ни въ жисть! Деньги деньгами, а безпокойства-то сколько, брани-то сколько примешь. Иной идетъ изъ кабака-то — чертыхаешь, чертыхаешь, «грабители, молъ, мошенники...» Веселье! Какъ оглашенный въ кабакъ-то сидишь»...

Тимоха задумался и, опустивъ топоръ, которымъ онъ раскалывалъ огромныя березовыя плахи на мелкія полѣнья, уставился глазами въ землю.

— Тимошка... а Тимошка! слышался изъ-за плетня знакомый шопоть.

Тимоха встрепенулся и, бросивъ топоръ въ сторону, однимъ махомъ очутился у плетня. Тамъ стояла Вѣра и дѣлала какіе-то таинственные знаки руками.

— Ты что? спросилъ Тимоха, нѣсколько оправившись отъ волненія.

— Экій! сердито вскрикнула Вѣра.—Иди, говорю, къ намъ... нашихъ нѣту... ушли на цѣлый вечеръ къ Терентьевнѣ и навѣрное просидать до полночи. Иди, посиди со мной... скука, смерть. Поговоримъ.

— Да какже... А ну какъ придуть? затруднился Тимоха, и радуясь, и волнуясь.

— Не придуть! убѣдительно и торопливо шептала Вѣра.— Махай черезъ плетень... ну, скорѣй... вотъ такъ!

Плетень затрещалъ, и Тимоха очутился на землѣбровомъ дворѣ. Вѣра схватила его за руку и потащила въ избу. Оба смѣялись.

— Ну, вотъ! воскликнула Вѣра, когда они вбѣжали въ жарконатоленную избу, гдѣ уже по всѣмъ угламъ сгустился вечерній сумракъ.—Садись теперь... гость будешь.

Тимоха снялъ шапку, перекрестился и усѣлся на скамью, предварительно оглядѣвшись по сторонамъ, словно боясь, что вотъ-вотъ изъ угла кто-нибудь выльзетъ... Вѣра помѣстилась рядомъ и, какъ-то по дѣтски сложивъ руки на груди, смотрѣла ему въ лицо своими блестящими глазами. Только одни эти глаза и видны были Тимохѣ въ темнотѣ. Нѣсколько минутъ оба молчали.

— Такъ ты говоришь,—скучно тебѣ? спросилъ наконецъ Тимоха.

— Смерть-тоска! быстро заговорила Вѣра. — Сидишь-сидишь одна-то... Нинка къ черничкѣ уйдетъ. Чего-чего не передумаешь!

— А ты отчего къ черничкѣ не ходишь?

— Ну ее! Сначала-то было она мнѣ полюбилась,—ласковая, тихая такая, — а потомъ нѣтъ... Все молчить, все молчить, ни пошутить, ни посмѣется... Правда ее Андрюшка «каменной» называлъ.. Не люблю я этого!

— А отчего ты, Вѣра, замужъ не вышла?

— Замужъ? — Вѣра засмѣялась.—И ты тоже какъ Терентьевна... Да не хочу! Что тамъ замужемъ-то будетъ? Все тоже! Придирки, да попрeki, да колотушки. Раздумалась было я какъ-то: хоть-бы, думаю, замужъ выдти, да за богатаго, чтобы любилъ, наряжалъ, угождалъ всячески... а какъ приѣхалъ

Климьчъ свататься,—глядѣть не могу! Пьяный, да безобразный, да охальникъ... Ни за что!

Она замахала руками и вскочила съ мѣста. Тимоха смѣялся, глядя на нее.

— Ну, коли скучно, такъ на посидѣлки-бы къ намъ ходила, заговорилъ онъ опять, когда Вѣра успокоилась и сѣла.—Тамъ все-же веселѣе. А либо къ попу пошла,—у него дочери-дѣвки большія.

— Ну ужъ! полупечально, полупрезрительно выговорила Вѣра.—Что я у васъ на посидѣлкахъ дѣлать стану? А къ попу и вовсе... Когда побогаче были—дѣло другое, а теперь онъ рыло-то вонъ куда завернулъ—не подойдешь! Ну ихъ къ чорту! Да и въ чемъ я пойду, когда платышка нѣту? Поди-ка—осмѣютъ еще...

Вѣра замолчала и задумалась. Ёдкая горечь поднялась въ ея душѣ при воспоминаніи обо всѣхъ этихъ обидахъ, униженіи и несправедливостяхъ...

— Знаешь, Тимоха... заговорила она вдругъ тихо.—Какіе сны страшные я все вижу. Лежу, будто, я въ могилѣ,—живую меня, будто, зарыли. И холодно такъ мнѣ, да темно... Хочу я подняться,—и не въ мочь, хочу крикнуть,—голосу нѣту. И доски... знаешь, холодныя, скользкія такія... и трещинка на нихъ. Ай, страшно!..

Она вздрогнула всѣмъ тѣмъ и ухватила за Тимоху. Въ глазахъ ея свѣтился ужасъ, руки были холодны, какъ ледь.

— Э, Вѣра! ласково выговорилъ Тимоха.—Сердце его сладко ныло.—Вотъ еще... сны! Эка важности! Это все отъ тоски... я самъ что-то все скучаю. Ходишь-ходишь день-деньской и все точно чего ищешь, точно что потерялъ.

— И съ тобой значить *это* бываетъ? оживилась Вѣра.—Тебѣ-то отчего скучать?

— А самъ не знаю! простодушно сказалъ—Тимоха. Не мило мнѣ все,—да и шабашъ. На своихъ семейскихъ—и то не глядѣл-бы. Дѣдушка все акафисты свои бунить, отецъ то и дѣло лается, братъ—Мотыка по кабакамъ, а остальные—прочіе...

— Слушай! уже весело перебила его Вѣра.—Разскажи, какъ ты писаренку въ морду далъ, а? Разскажи, Тимоша!

— Да вѣдь я рассказывалъ? Опять ревѣтъ будешь!

— Ей Богу не стану,—разскажи. Смерть мнѣ это понравилось!

Тимоха засмѣялся и повторилъ разсказъ о происшествіи въ кабацкѣ. Вѣра заливалась хохотала, хлопая въ ладоши и каждую минуту понукая разсказчика.

— И какъ это ты такъ? воскликнула она.—Прямо ему въ морду? А онъ что? Господи, вѣдь ухитрился-же... Ну, послушай, Тимоша, страсть я тебя за это полюбила. А вѣдь и зла я на тебя была прежде. Ругала... Помнишь?

Тимоха глядѣлъ на нее... и вдругъ схватился за шапку и всталъ съ лавки.

— Куда ты? крикнула Вѣра, хватая его за рукавъ.—Посиди... а то я одна опять останусь. Немножко посиди!

— Нѣтъ, пора, запинаясь, говорилъ Тимоха.—Хватятся пожалуй... пора!

Онъ поспѣшно нахлобучилъ шапку и вышелъ.

Цѣлую недѣлю послѣ этого они не видѣлись другъ съ другомъ. Вѣра каждый вечеръ выходила на крыльцо, поджидала Тимоху и подъ обрывомъ, украдкой заглядывала черезъ плетень на ярыгинскій дворъ,—Тимоха не являлся. Разъ, выйдя въ сѣни, она услышала за плетнемъ стукъ топора. Сердце у нея сильно забилося, кровь бросилась въ голову... Но, подбѣжавъ къ плетню, она увидѣла, вмѣсто стройнаго парня, сторбленнаго дѣдушку-Никиту, усердно пыхтѣвшаго надъ сучковатой корягой, и грустная возвратилась въ избу.

Однажды, возвращаясь съ рѣчки, она увидѣла, наконецъ, Тимоху у своего крыльца. У нея захватило духъ отъ радости, и она, не чуя подъ собою ногъ, поспѣшила къ нему навстрѣчу. А Тимоха уже издали улыбался и кланялся.

— Гдѣ это ты былъ? Что тебя не видно? запыхавшись и оглядывая Тимоху съ ногъ до головы, спрашивала Вѣра, поставивъ ведра на снѣгъ.

— На заводъ посылали, отвѣчалъ Тимоха.—А тамъ, провалиться-бы имъ, задержали.

— Кто задержалъ? ревниво спросила Вѣра, хмурясь.

— Прикащики... съ виномъ. Эхъ, не любя мнѣ эта кабацкая служба! воскликнулъ вдругъ паренъ съ тоскою въ голосѣ.

— Отчего?

— Да такъ. Не по нутру она мнѣ... уклончиво выгово-

рилъ Тимоха, и потомъ прибавилъ:—Я лучше готовъ въ полѣ работѣть одинъ, чѣмъ въ кабакѣ сидѣть. Больно тошно — ей Богу. Обиды одной... Да вотъ,—словно рѣшившись высказать все сразу молвилъ Тимошка:—вчера на заводѣ одинъ спрашиваетъ: «ну что, мошь,—много съ тятенькой небось денегъ-то нагребали?..» А самъ подмигиваетъ. Таково мнѣ не хорошо стало,—и не сказалъ я ему ничего...

— А ты-бы отказался... Нешто нельзя? задумчиво сказала Вѣра.

— Поди, откажись! горячо воскликнулъ Тимоха.—Ругаются... Я было началъ говорить—пошлите, мошь, Мотьку за виномъ,—нѣтъ! «Мотька мнѣ при кабакѣ нуженъ... Ежели хочешь,—оставайся ты торговать, онъ поѣдетъ»... Ну и поѣхалъ. Нѣтъ, ежели тятенька другой кабакъ откроетъ, какъ сказывалъ, ни за что не стану торговать!

Онъ энергически тряхнулъ головой и поглядѣлъ на Вѣру. Оба вдругъ засмѣялись,—и всѣ мрачныя мысли, тревожившія ихъ за минуту, разомъ отлетѣли прочь.

— А вѣдь я на заводѣ видѣлъ подвального, уже совсѣмъ другимъ тономъ сказалъ Тимоха, лукаво подмигивая Вѣрѣ,—про тебя спрашивалъ...

— Ну ужъ еще... вся вспыхнувъ возразила Вѣра полусмѣясь, полусердито.

— Ей Богу. Про тебя спрашивалъ, что, мошь вышла замужь-то, аль нѣтъ еще? А то, мошь, вдругорядъ свататься поѣду, авось одумается.

Онъ смѣялся и пытливо глядѣлъ въ лицо Вѣры. Вѣра подняла на плечи коромысло и, сверкнувъ въ сумеркахъ глазами, вызывающе тряхнула головой.

— А что, думаешь, нешто не выйду? прищурившись выговорила она, не сводя глазъ съ Тимохи.—Выйду... Хочешь? подзадоривала она.

— Да выходи... мнѣ что, нетвердо вымолвилъ Тимоха,—подвигаясь къ ней ближе.

— И выйду... И выйду... повторяла Вѣра и вдругъ, громко засмѣявшись, побѣжала къ крыльцу.

— Вѣра,—постой-ка!.. крикнулъ было ей вслѣдъ Тимоха, но ея уже и слѣдъ простылъ.—Эка дѣвка, эка дѣвка... вслухъ подумалъ онъ.—Вертитъ тебя, да и шабашъ. На нашихъ деревенскихъ и не глядѣлъ-бы...

Сердце его сжалось непонятной тоской, и онъ задумчиво отошелъ отъ крыльца.

ГЛАВА XII.

Подъ качелями.

Въ воздухѣ снова вѣяло тепломъ, весной. Дни становились длиннѣе, небо—прозрачнѣе, солнце—ярче. По цѣлымъ днямъ уныло гудитъ великопостный благовѣсть; птички весело играютъ въ жаркихъ солнечныхъ лучахъ; ласково и нѣжно журчатъ водяныя струйки, пробираясь по грязной дорогѣ. Пахнеть прѣлымъ навозомъ и молодой травкой. Весна, весна!.. поютъ и птицы, и голубое небо, и струйки, и все живое, повинувшись этому призыву, выползаетъ на волю. Пѣтухи съ зари до зари неумолкаемо орутъ на крышахъ; скотина, наскучивъ продолжительнымъ сидѣньемъ въ заперти и почувавъ запахъ травы, нетерпѣливо мычитъ, ржетъ, блещетъ внутри дворовъ; все село, въ продолженіи многихъ-многихъ дней и ночей спавшее подъ снѣговыми сугробами, оживаетъ и копошится. «Идетъ-гудеть зеленый шумъ...»

Эта весна принесла алмазовцамъ особенно много хлопотъ и тревоги. Такъ, приблизительно около Благовѣщенья, неожиданно пріѣхалъ изъ города уже знакомый алмазовцамъ членъ училищнаго совѣта и, собравъ сходъ, категорически заявилъ мужикамъ, чтобы непременно въ этомъ году открывали у себя школу. Алмазовцы попробовали было попржнему отвертѣться, ссылаясь на недоймки, на неурожай, наконецъ просто на свое нежеланіе имѣть школу,—членъ оставался при своемъ.

— Что за срамъ,—вездѣ школы, а у васъ до сихъ поръ нѣтъ! горячился усердный ревнитель крестьянскаго просвѣщенія. — Ну ежели вы не въ силахъ открыть школу,—земство вамъ поможетъ. А школа непременно должна быть... Подписывайте приговоръ, да выбирайте попечителя, и дѣло съ концомъ...

— Попечителя еще! ужаснулся сходъ. — Господи,—это и попечителю деньги плати,—мало учителя одного... Да это смерть чистая...

— Дурачье вы эдакое! Какія деньги? Попечитель выбирается для того, чтобы за школой наблюдать,—жалованья ему платить не нужно. Попечитель—это...

Мужики сомнительно покачивали головами на всѣ разъясненія члена.

— Мало учителя — надо попечителя... острили въ толпѣ. Провалиться-бы и съ школой-то... Не надо намъ ее... Гдѣ мы учителя возьмемъ?

— Учителя вамъ земство пришлетъ...

Наконецъ, послѣ двухдневныхъ переговоровъ, приговоръ былъ подписанъ, попечитель выбранъ, —этой чести удостоился о. Квинтилианъ, —а членъ уѣхалъ въ городъ, поздравляя себя съ побѣдой надъ «темнымъ царствомъ».

Уѣзжая, онъ строго внушилъ «міру» его обязанности по отношенію къ школѣ и обѣщалъ къ Пасхѣ прислать учителя.

— Теперь ужъ поздно, весна... Когда учиться-то? послышались было голоса.

— Ничего, — присмотрится... отвѣчалъ членъ, сѣдѣша садиться въ сани.

Послѣ его отъѣзда попечитель новой школы немедленно принялся хлопотать. Наняли помещеніе подъ школу, купили въ Крутоярѣ пары двѣ подержанныхъ столовъ съ скамейками, и школа была готова. Попечитель оказался очень усерднымъ и рачительнымъ, тѣмъ болѣе, что съ открытіемъ школы его бюджетъ увеличивался на цѣлыхъ 30 р. въ годъ, которыя онъ долженъ былъ получать въ качествѣ законоучителя.

Но алмазовцы долго не могли примириться съ этой «оказіей», какъ они говорили, и каждый разъ, проходя мимо пустой школы, вздыхая, шептали: «ахъ, на тотъ-те свѣтъ... школа!.. Сколько годовъ не было и вдругъ на... Ахъ, пусто тебѣ будъ...»

Только одинъ человекъ во всемъ Алмазовѣ совершенно безкорыстно и искренно радовался и ликовалъ по случаю открытія училища. Это была Нина. Все это время, когда въ волостномъ шли переговоры, она находилась въ возбужденномъ состояніи, разузнавала, спрашивала и безпрестанно бѣгала къ черничкѣ.

— Какъ вы думаете, Настасья Филипповна, — откроютъ школу, аль нѣтъ? приставала она къ ней, волнуясь.

— Велятъ—такъ и откроютъ... невозмутимо отвѣчала та.

— Ахъ, Господи! А ну какъ вдругъ раздумаютъ? Ну какъ откажутся?

Она убѣгала, но черезъ часъ, черезъ два являлась снова сіяющая.

— Подписались! запыхавшись объявляла она.—Какъ вы думаете, теперь ужь непременно откроютъ, а? А можетъ и нѣтъ еще?

Въ голосѣ ея звучало безпокойство. Черничка улыбалась, глядя на нее.

Однако, скоро ей и безпокоиться стало не о чемъ.

— Избу наняли! торжественно сообщила она Настасьѣ Филипповнѣ дня черезъ три. — Полъ будетъ по-церковному учить, а по-граждански—учитель изъ города прійдетъ. Теперь лучше будетъ, а? Теперь всѣ ученые будутъ...

— Кто-е-знаеть... выговорила Настасья Филипповна. — Впередь загадывать нечего...

— Да ужь конечно лучше! съ увѣренностью воскликнула Нина и, простившись, въ самомъ веселомъ настроеніи пошла домой.

На дорогѣ она зашла взглянуть на новую школу и долго ходила вокругъ нея, заглядывая въ маленькія, давно немытыя оконца, на которыхъ отъ времени образовались какіе-то радужные узоры. Солнце ослѣпительно сверкало въ нихъ. Скоро эта пустая изба наполнится деревенскими ребятами... Они будутъ учиться здѣсь... выучатся, будутъ много-много знать. Больше, чѣмъ сама Нина. Что Нина знаетъ? Только Священное Писаніе, да писать кое-какъ. А вѣдь на свѣтѣ много и другихъ наукъ есть...

И вдругъ сердечко Нины больно сжалось. Она вспомнила Андрюшу, одинокаго, заброшеннаго гдѣ-то далеко, на глухомъ полустанкѣ.

— Бѣдный Андрюша! И школы не дождался. А вѣдь какъ радоваться-то сталъ-бы... подумала она, и слезы затуманили ея свѣтлые глаза.

Она повернулась и пошла къ Воровскому переулку.

А дома никто и не думалъ ни о школѣ, ни объ Андрюшѣ. Некогда было; тамъ шли дѣятельныя приготовленія къ празднику. Бабка, по обыкновенію ворча, мыла и скребла косыремъ окна, столы, стѣны; Софья Петровна, тоже сердитая и озабоченная, возилась около печи, приготовляя тѣсто для куличей. Одна Вѣра почему-то была весела и, отжимая на рѣшетѣ творогъ для пасхи, даже напѣвала про себя пѣсню. На смугломъ

лицѣ ея проступилъ яркій, жгучій румянецъ — словно огненный отблескъ солнечнаго заката; глаза блестяли, нечесанныя косы темной волной распустились по плечамъ, и солнечные лучи, играя, разсыпали въ нихъ золотистыя искорки.

— Будеть, будетъ тебѣ, грѣховодница! ворчала на нее бабка.— На дворѣ эдакій праздникъ, а она пѣсни играть. Бога, чтоль, нѣту у васъ...

Вѣра усмѣхнулась и еще громче запѣла пѣсню.

Ровно въ полночь ударъ большого колокола всколыхнулъ торжественную тишину яркой весенней ночи и возвѣстилъ алмазовцамъ о воскресеніи Спасителя міра. Церковь, усѣянная сотнями разноцвѣтныхъ плашекъ, словно громадная свѣча, теплилась въ прозрачныхъ сумеркахъ, окутавшихъ село. Тамъ и сямъ мелькали огоньки; слышался тихій, сдержанный говоръ; кучки народа усыпали дорогу, направляясь къ церкви. Ночь была тихая, теплая; пламя свѣчей не колыхалось. Полный мѣсяцъ въ голубомъ сіяніи величаво плылъ среди бѣлыхъ облаковъ. Испаренія распускающагося лѣса и травъ оспыняли...

Въ землемѣровой избѣ тишина,— даже сверчокъ примолкъ. Предъ образами теплится лампадка,— всѣ уже ушли къ заутрени. Только одна Вѣра еще дома и прихорашивается передъ зеркаломъ. На ней новое сѣрое платье съ пунцовыми лентами; волосы приглажены, на плечи наброшенъ бѣлый вязанный платокъ. Не наглядится на себя Вѣра, и на губахъ у нея бродить не то радостная, не то насмѣшливая улыбка...

Въ церкви жарко и душно. Голубыя облака ладона плывутъ надъ головами молящихся; свѣчи гаснутъ, и бѣлыя струйки дыма съ трескомъ выются надъ ними. Съ крылоса гремитъ ликующая, торжественная пѣснь; у всѣхъ на сердцѣ становится радостно и легко. Забываются всѣ житейскія невзгоды, вражда, заботы... всѣ сердца бьются однимъ чувствомъ, сливаются въ одномъ общемъ ликованіи. «Христосъ воскресе изъ мертвыхъ, смертью смерть поправъ»...

Толпа всколыхнулась,— нѣсколько потухшихъ свѣчей съ шумомъ попадали съ паникадила на полъ. Слышатся поцѣлуи, поздравленія... Смутный, неясный гулъ голосовъ. Церковный староста въ синей, подпоясанной краснымъ кушакомъ чуйжѣ,

жирно вымазанный деревяннымъ масломъ, съ важнымъ умилненнымъ лицомъ проталкивается сквозь толпу, звеня колокольчикомъ. На тарелку сыплются мѣдныя деньги...

— Другъ-друга обьемемъ... вполголоса повторяетъ Нина слова молитвы и съ восторгомъ глядитъ на цѣлующійся народъ.— Господи, вотъ-бы всегда такъ...

— Домой пора... думаетъ въ это время Вѣра, которой порядкомъ наскучило стоять въ душной церкви.— Пойду,— а то еще куличи вынимать надо...

Она протискалась сквозь толпу и очутилась на паперти. Ароматная свѣжесть ночи всю охватила ее; съ неба также безмолвно и величественно глядѣлъ мѣсяцъ. На востокъ уже слабо заалѣла занимающаяся заря.

— Вѣрка... Вѣрка... послышались за нею чьи-то торопливые шаги.

Вѣра приостановилась. За оградой ее догналъ Тимоха, на ходу вытирая вспотѣвшій лобъ яркимъ бумажнымъ платкомъ:

— Христось воскресе... выговорилъ онъ прерывающимся голосомъ, останавливаясь предъ ней въ нерѣшимости.

Вѣра молчала. Мѣсяцъ, словно смѣясь, лукаво заглядывалъ въ ихъ взволнованныя, смущенныя лица.

— Христось воскресе... повторилъ Тимоха еще типе.— Его бросило въ жаръ.

— Воистину... прошептала наконецъ Вѣра и, вся вздрогнувъ, подалась впередъ.

Тимоха словно ждалъ этого. Онъ порывисто бросился къ ней и крѣпко впился ей въ губы.

Мѣсяцъ все смѣялся; съ рѣвки подулъ вѣтерокъ—и снова затихъ. На колокольнѣ затрезвонили; народъ хлынулъ изъ церкви по паперти.

Вѣра опомнилась первая. Съ легкимъ крикомъ вырвалась она изъ объятий Тимохи и бѣгомъ пустилась по селу.

А парень долго стоялъ, словно пьяный, у ограды, слѣдя за удаляющимся бѣлымъ платкомъ и концомъ алой ленты. Въ глазахъ у него туманъ стлался, губы горѣли, по тѣлу пробѣгала дрожь.

Въ полдень, когда всѣ уже, какъ слѣдуетъ, разговѣлись и поотдохнули послѣ бессонной ночи,—село оживилось и на улицы хлынули пестрыя толпы народа. Всѣмъ было весело;

всѣ были охвачены праздничнымъ настроеніемъ. Да и день выдался веселый. Солнце играло, воробьи и ласточки такъ и заливались; небо было такое голубое, свѣтлое, чистое. Завалинки были усыяны праздничными группами; на просохшихъ буграхъ ребятишки катали яйца, или играли въ коршуна.

Вотъ цѣлая орава малъ-мала меньше съ гамомъ, визгомъ, хлопаньемъ въ ладоши устанавливается въ кругъ.

— Кому коршуна играть, кому коршуна играть! надсѣдается-кричитъ бѣлоголовый мальчуганъ въ яркой «александрической» рубахѣ.

— Канаться давайте, канаться! пищитъ толпа.— Становитесь, ребята,—Мишка, Пяшка, Лизка... Канаться будемъ...

Становятся. Бѣлоголовый въ серединѣ.

— На камени-каменецъ, панафида-огурецъ, начинаетъ онъ на-распѣвъ, тыча каждого по-очереди пальцемъ въ грудь.— Златымъ листомъ-кипаристомъ, стульчикъ-мальчикъ, самъ-король!

«Король» выходитъ. Остальные канаются опять, пока наконецъ въ кругѣ не остается одинъ.

-- Мишка—коршунъ, Мишка—коршунъ! голосятъ ребятишки, прыгая.

— А я насѣдкой буду! вызывается длинноногая дѣвочка въ розовомъ сарафанѣ.— Кш-кш, дѣтки! Коршунъ близко! сзываетъ она дѣтей.

Дѣти собираются около нея, держа другъ-друга за платье. Коршунъ садится на землю.

— Около коршуна хожу, я жерельцы нижу! Я къ обѣденкѣ спѣшу... приговариваетъ насѣдка, ходя съ своей вереницей вокругъ коршуна, сосредоточенно ковыряющаго палочкой въ землѣ.

— ... Я жерельцы нижу, на три нитки, на четыре, на четыре золотыхъ, на серебряныхъ! Коршунъ, коршунъ, что дѣлаешь? останавливается она.

— Ямку копаю... угрюмо отвѣчаетъ коршунъ.

— На что тебѣ ямку?

— Иголочку ищу...

— Зачѣмъ иголочку?

— Сумочку сшить...

— Зачѣмъ сумочку?

— Сольцы купить.—Голосъ коршуна становится угрожающимъ,—дѣти робко жмутся къ матери.

— На что тебѣ сольцы? продолжаетъ мать.—На что сольцы, коршунье-дурачье...

— Твоихъ дѣтей солить!.. вскрикиваетъ коршунъ, вскакивая.

Насѣда и дѣти рассыпаются въ разные стороны; коршунъ, растопыривъ руки, во весь духъ несется за ними...

Веселый гулъ праздничнаго трезвона неумолкаемо дрожить въ тепломъ, влажномъ воздухѣ. На завалинкахъ идетъ своя бесѣда.

— Вотъ, братецъ ты мой, дрались этта мы въ Венгріи, въ 47-мъ году... гудить басъ солдата Трушки.—И былъ у насъ солдатикъ одинъ,—ирой-человѣкъ, одно слово. И зналъ онъ заговоръ такой, и ни одна то есть пуля; милый ты человѣкъ, его не трогала. Только что-же случилось? Отъ переду-то онъ зналъ, значить,—отъ груди, отъ живота, а отъ спины-то и не зналъ. И полѣвъ онъ снова въ траншею...

— Будя тебѣ, Сидорычъ, срамиться то,—будя! уговариваетъ своего пьянаго мужа какая-то баба, увлекая его домой.

— Кто это срамится,—я-то? возражаетъ тотъ, стараясь выкинуть какое-то колѣнцо, и вслѣдъ затѣмъ запѣваетъ: «ахъ, пить буду и гулять буду»...

— Да ты же и есть,—кто же еще? Праздникъ эдакій,—а ты, прости Господи...

— Что-жь что праздникъ! Вотъ я и выпилъ... Мнѣ что?

Ахъ, пить буду и гулять буду,
А смерть придетъ—помирать буду...

— У, чортъ-дуракъ... ворчить жена.

Вѣра сидѣла у окна, раствореннаго настезь. Она была что-то скучна, несмотря на свои пунцовыя ленты, придававшія ей праздничный видъ.

Къ окну подошла Терентьевна. Похристосовались.

— Аль дома никого нѣту? спросила старуха, пытливо заглядывая въ окно.

— Спать всѣ, лаконично отвѣчала Вѣра.

— А ты-то чего-же, дѣвушка, сидишь одна-то? Пошла-бы, разгулялась. Ты глеко-ся, что на улицѣ-то... Тамъ пѣсни, тамъ плясъ! Моя Лизатка какъ позавтракала даве, такъ и до

сихъ поръ нѣту—подъ рели *) ушла. А подъ релями что дѣется—и Господи! Ты слыхада, чтоль?

— А что? разсѣянно спросила Вѣра.

— Да какже, дѣвушка! Вѣдь Островской конторщикъ кабакъ открылъ, да и пусти слухъ, что у него, вишь, водка дешевле продаваться будетъ. Наше мужичье-то къ нему и повалило. А Никитичъ нашъ разлютовался страсть. Сейчасъ оково своего кабака рели поставилъ,—иди, дескать, ко мнѣ, ребя! Народъ къ нему... А Пѣвка—это конторщикъ то,—опять своимъ манеромъ... Коли такъ, говорить,—такъ всю ночь, говорить, мужиковъ даромъ буду поить. А Ярыгинъ ему: «ночью, говорить, торговать воспрещено...» Теперь страсть что тамъ. Свалка, драка,—упаси Господи... Тимошка ажъ убѣгъ изъ кабака-то, сказываютъ... Парень тихій! Шуму этого не уважаетъ.

При имени Тимохи лицо Вѣры разомъ облилось горячимъ румянцемъ. Разболтавшаяся Терентьевна отошла, еще разъ посовѣтовавъ дѣвушкѣ «прогуляться».

— Аль пойти въ самомъ дѣлѣ? подумала Вѣра.—А ну какъ Тимошка—то тамъ?.. Такъ что-же? Ну, поцѣловались. Эка важность! На Пасхѣ всѣ цѣлуются.

Утѣшая себя этими мыслями, Вѣра накинула платокъ и вышла изъ избы.

На улицѣ ее сразу охватило праздничнымъ весельемъ. Немолчный гулъ трезвона, пѣсни, выкрики, захлебывающіеся звуки гармоники,—все это сливалось въ одинъ нестройный, дикій, но нелишенный особой оригинальной музыкальности концертъ. Надъ селомъ стонъ стоялъ. Толпы разряженныхъ дѣвокъ, пьяныхъ мужиковъ, ребятишекъ запруживали всю площадку предъ кабакомъ Ярыгина, надъ которымъ побѣдоносно развѣвался трехцвѣтный флагъ, играя въ огненныхъ лучахъ заходящаго солнца. Съ Хопра тянуло вѣтеркомъ, а далѣе, за площадкой, синѣлъ въ туманѣ еще обнаженный лѣсъ, надъ которымъ съ гамомъ носились черныя тучи воронъ и галокъ.

Вѣра подошла ближе, протискиваясь сквозь толпу. Среди площадки возвышались огромныя качели. Черезъ переметь, утвержденный на двухъ козлахъ, перекинута была толстая веревка съ доскою. На доскѣ помѣщалась цѣлая толпа дѣвокъ, и два здоровенныхъ парня, крѣпко ухватившись за веревку,

*) Качели

то присѣдая, то выпрямляясь, что есть мочи раскачивали доску. Козлы скригѣли, дѣвки визжали, а парни знай подбрасывали доску. Духъ захватывало у зрителей, когда доска взвивалась подь самый переметь и вотъ-вотъ, кажется, перекувыркнется черезъ него...

— Любо! кричали снизу.—Выше подбрасывай,—э-эхъ, гуляй душа... Выше!

Доска подь самымъ переметомъ. Видно только, какъ треплются яркіе сарафаны дѣвокъ, да мелькають красныя, потныя лица качающихся.

— Онъ, дѣвушка, страсть какъ высоко качаетъ! сообщаютъ другъ другу двѣ дѣвочки въ нагольныхъ тулупчикахъ.—Я одна сѣла...

— Будеть, будетъ! кричатъ съ качелей.

— Нѣтъ, еще,—пушай ихъ попадаютъ! упорствуетъ одинъ изъ парней, натуживаясь, — словно желая перекинуть качели черезъ переметь. Становь полштофъ — съедемъ. Раскачивай, Семка! Вотъ такъ, — выше!

Изъ кабака хлынула толпа мужиковъ. Народъ около качелей разступился, толкаясь и тѣсясь. Завыла гармоника...

Съ петербургской новой дачи
Выѣзжалъ мужикъ на клячѣ,
Чево-й-то везеть!

Вѣра протискалась на площадку и оглядѣлась. Здѣсь было просторнѣе, и лучше можно было оглядѣть собравшуюся публику. У самыхъ качелей увидѣла она писаря, любезничавшаго съ сестрою фельдшера, поповыхъ дочерей, при каждомъ взмахѣ качелей жмурившихъ глаза съ видомъ паническаго ужаса,—и другихъ. Всѣ собрались поглазѣть на народное веселье. Среди массы лицъ Вѣрѣ вдругъ бросилась въ глаза фигура совершенно незнакомаго ей человѣка. Это былъ маленький, черненькій юноша, лѣтъ 22, не болѣе, съ жидкими длинными волосами и блѣднымъ худощавымъ лицомъ. Онъ стоялъ какъ разъ напротивъ Вѣры и не сводилъ съ нея своихъ тусклыхъ черныхъ глазъ, машинально пощипывая рѣденькую курчавую бородку. Вѣрѣ это не понравилось, она отвернулась. Сердце ея вдругъ сжалось тоскою: она почувствовала себя совсѣмъ-совсѣмъ одинокою среди этой пьяной, веселой толпы...

А толпа все прибывала. Двери кабака отворались и затво-

рались; пьяныхъ становилось больше. Вотъ сквозь толпу къ качелямъ пробралась странная фигура въ изодранномъ старомъ подрасникѣ, въ измятой шляпѣ, изъ-подъ которой трепались сѣдые космы, съ растрепанной рѣденькой бородежкой. Въ рукахъ у него палка съ набадашникомъ.

— Гдѣ тутъ мнѣ... Ѳедоръ Максимыча? еле выговорилъ онъ, обводя блуждающимъ взглядомъ пеструю толпу.

— Какого тебѣ Ѳедоръ Максимыча?

— Вотъ такого... не знаешь?—пьяный крѣпко выругался. Толпа захохотала.

— Эй, дѣдушка! кричали съ качелей.—Покачаться не хочешь-ли? А?

Пьяный хотѣлъ-было погрозиться, но покачнулся и свалился на землю. Народъ захохоталъ, загикалъ, засвисталъ... Упавшій барахтался на землѣ.

— Ну что же... упалъ! бормоталъ онъ, сился подняться.—А вы... вы смѣяться не смѣй. Я самъ дьяконъ... хоша и за штатомъ... а чинъ имѣю...

Наконецъ кое-какъ поднялся. Вѣтеръ свободно игралъ его сѣдыми космами, лицо было все въ пыли и грязи. Шляпенка вмѣстѣ съ палкой валялась на землѣ. Шатаясь, онъ нагнулся было, чтобы поднять ихъ—и снова упалъ.

— Ой, важно! грохотала толпа.—Ну-ко, какъ малые ребята горохъ воровали... Гдѣ сухо, тамъ брюхомъ... Э-эхъ-ну, какъ старья старухи въ банѣ парилися...

Старикъ бессильно ворочался въ пыли съ палкой въ рукахъ. Веселость окружающихъ достигла крайнихъ предѣловъ... Послышались непечатныя прибаутки...

— Ахъ, зачѣмъ-же, зачѣмъ такъ смѣяться! крикнулъ вдругъ чей-то жалобный нѣжный голосокъ, и изъ толпы выскочила Нина. Вся пылая отъ негодованія, со слезами на глазахъ подбѣжала она къ старику и помогла ему подняться. Онъ бессмысленно поглядѣлъ на нее мутными глазами и, нахлобучивъ шапку, побрелъ куда-то...

— «Святый-ый Бо-о-же, святый крѣпкій...» послышался его дребезжащій голосъ, но вѣтеръ подхватилъ эти нескладные звуки и далеко отнесъ ихъ въ сторону.

— Эхъ вы, безпортошны!.. ревѣлъ кто-то у кабака, наяривая на гармоникѣ. Слышался топотъ трепака, ругань, не-

стовые выкрики. — «Караул!!» заоралъ кто-то, — звязалась драка...

Нина шла домой почти бѣгомъ, смигивая на ходу навертывающіяся слезы. Ей было душно, горько, тяжело... Какъ было легко ей утромъ! И вотъ, возвращаясь отъ чернички, она завернула подъ качели и какъ разъ наткнулась на всю эту возмутительную сцену, на все это пьяное безобразіе.

— Господи, Господи! шептала она. — Какіе они всѣ несчастные... Давеча въ церкви-то... а теперь перепились, дерутся...

Бѣдная дѣвочка путалась въ мысляхъ, сжимая руками пылающую голову.

Надъ селомъ легли розовыя сумерки. Кое-гдѣ зажглись огни. Съ рѣки подымался туманъ, охватывая тѣло теплой влагой. Вѣрѣ наскучило стоять у качелей, — она была сердита и недовольна. А тутъ еще этотъ смѣшной эпизодъ съ дьякономъ и Ниной.

— Ишь вѣдь, дурища, полѣзла! думала она. — Съ пьяными связалась, — только смѣху будетъ... Такъ юродивая какая-то ростеть...

Она повернулась уходить, — и вдругъ звуки знакомаго голоса остановили ее на мѣстѣ. — Невдалекѣ отъ нея стоялъ Тимоха, смѣялся и угощалъ окружившихъ его дѣвокъ сѣмечками и орѣхами. Но, увидѣвъ Вѣру, онъ побросалъ сѣмечки на землю и сталъ торопливо пробираться къ ней.

Оба стояли другъ противъ друга молча, въ смущеньи.

— Тимоха, — не знаешь, кто это такой вонъ тамъ стоялъ, — черный. Спросила наконецъ Вѣра, оправившись.

— Гдѣ? Ахъ, вонъ энтотъ-то? Да учитель новый, говорить, пріѣхалъ...

Оба замолчали снова, избѣгая смотрѣть другъ на друга.

— Вѣра, хочешь качаться? Давай покачаемся... выговорилъ Тимоха.

— Не хочу... отрѣзала-было Вѣра упрямо, но Тимоха уже остановилъ качели и тащилъ ее за руку впередъ.

Они сѣли. Тимоха, для удобства, чтобы ловчѣе сидѣть, смѣло охватилъ Вѣру рукою и scomандовалъ: «Валяй, — да повыше!» Но Вѣра чуяла, какъ рука его дрожала, и ее самое бросило въ жаръ.

Качели медленно взмахнули разъ — и другой... Потомъ все

выше и выше... и все окружающее поплыло куда-то далеко-далеко... Голова у Вѣры закружилась.

— Шибче... едва могла она крикнуть, захлебываясь отъ восторга.

— Ладно, подожди, барышня, — еще не такъ подкинемъ! отовзался одинъ изъ качающихся — мухортый мужиченко въ сбитой на бекрень рваной шапкѣ.

Доска залетала все выше... въ ушахъ свистѣлъ вѣтеръ. Духъ захватывало. Вѣра вскрикнула и прижалась къ Тимохѣ.

...И вдругъ, что-то знойное, жгучее охватило ихъ обоихъ. Словно какая-то огненная струя обвила ихъ и опутала крѣпкою сѣтью... Неподвижно, тяжело дыша, сидѣли они, крѣпко обнявшись — и чудилось имъ, что они одни во всемъ мірѣ и летятъ они среди какого-то необъятнаго пространства въ невѣдомую безпредѣльную даль. И вмѣстѣ съ ними несутся и звѣзды, и мѣсяць, и вѣтерокъ, ласкающій ихъ лица...

— Ну, слѣзайте, будетъ вамъ! кричали имъ снизу.

Качели остановились. Мухортый мужиченко, безъ шапки, вытирая со лба потъ, стоялъ передъ ними.

— Ну, слѣзайте. Ай заснули? шутилъ онъ. — Лихо качалъ, — ажъ вспотѣлъ во-какъ...

Вѣра спустилась съ качелей и, шатаясь, отошла въ сторону. Тимоха — за ней. Они оба были въ забытѣ; они оба словно еще купались въ той теплой, сладкой ваннѣ, которая уносила ихъ за минуту назадъ въ безпредѣльное пространство.

— Ты куда, — домой? очнулся наконецъ Тимоха. — Я тебя провожу...

Они завернули за уголъ и пошли внизъ къ Хопру, все въ томъ-же странномъ забытѣ. Теплая сырость рѣки охватила ихъ; мѣсяць уже высоко стоялъ въ небѣ, и отъ него по Хопру бѣжали серебряныя струи. Лѣсъ стоялъ темный-темный и неподвижный. И эти опьяняющія испаренія рѣки, ночи, лѣса окончательно ихъ одурманили...

Они остановились подъ большой старой раkitой, печально поникнувшей вѣтвями и, взглянувъ другъ другу въ лицо, безъ словъ обнялись.

А въ кабакѣ шла драка. Опоенные даровымъ виномъ, мужики обезумѣли и рѣшили взять оба кабака приступомъ, требуя вина. Звенѣли разбиваемыя стекла, визжали пробои на дверяхъ, кто-то дико оралъ: «Караулъ, — рѣжутъ!...»

Ярыгинъ съ Пѣнкой блѣдные стояли за своими прилавками, уговаривая бѣшеную толпу разойтись. Но мужики и слышать не хотѣли.

— Давай вина! За насъ казна заплатитъ!.. ревѣли они, сокрушая боченки съ водкой, посуду и прилавки.

Послали за старостой и десятскими...

Глава XIII.

СОЛОВЬИНЫЯ НОЧИ.

Никогда прежде не бывало столько соловьевъ на Хопрѣ, никогда такъ роскошно не расцвѣтали шиповникъ, черемуха и сирень, какъ въ эту раннюю жаркую весну. По вечерамъ трудно было дышать напоеннымъ ароматами воздухомъ; а соловьиныя пѣсни всю ночь не давали спать...

Шумные праздники уже отошли. Гулъ колоколовъ смолкъ; улицы опустѣли, — алмазовцы отрезвились и принялись за работу. О буйствѣ, происшедшемъ въ достопамятный вечеръ перваго дня Пасхи, уже и говорить перестали. Напротивъ, буяны даже и вспоминать о немъ не желали и, встрѣчаясь другъ съ другомъ на улицѣ, конфузливо потупляли глаза въ землю, словно стыдясь невольнаго напоминанія о своихъ безобразіяхъ. Одинъ конторщикъ Пѣнка долго не могъ забыть о томъ днѣ, такъ какъ, во-первыхъ, онъ былъ жестоко избитъ въ то время, а во-вторыхъ, — потерпѣвъ большіе убытки, принужденъ былъ закрыть кабакъ. Несмотря на даровое угощеніе и прочія приманки, тягаться съ алмазовскимъ царемъ, — Ярыгинымъ, ему было не подъ силу...

Утомительно долго и тоскливо тянутся знойные удушливые дни. Солнце невыносимо жжетъ, ослѣпительно сверкая среди роскошнаго неба; горячій вѣтеръ пронесется по селу — и затихнетъ. Село словно вымерло, на улицахъ ни души. Молодежь вся переселилась на рѣку, въ лѣсъ, а взрослые либо въ молѣ, либо гдѣ-нибудь въ холодкѣ. Вотъ уже другая недѣля, какъ съ неба не выпало ни росинки дождя. Поля потемнѣли; озимь томится и тоскуетъ. Нѣсколько разъ алмазовцы уже подымали въ поле иконы, — а дождя все нѣтъ. Вотъ почему такое безмолвіе и уныніе царитъ повсюду.

Спитъ село, утонувъ въ клубахъ удушливой пыли; спать

и лѣсъ, и рѣка, закутавшись въ синюю мглу отъ палящихъ солнечныхъ лучей. Ни звука...

Но едва только солнце скрывалось за огненными вершинами лѣса, едва на село опускалась прохладная тѣма,—картина разомъ измѣнялась. Съ рѣки вѣяло прохладой; небо зажигалось тысячами огней, лѣсъ просыпался, и изъ темной глубины его гремѣли чудные соловьиные хоры. Не до сна было въ эти волшебныя ночи, когда вся природа праздновала великій праздникъ весны.

И Вѣра тоже праздновала свою весну, свою молодѣсть. Она ужасно измѣнилась за это время. Въ чемъ заключалась эта перемѣна,—никто не могъ-бы хорошенько опредѣлить, но всѣ замѣчали, что Вѣра стала какъ будто не та. Одно уже то бросалось всѣмъ въ глаза, что ея совсѣмъ не слышно стало. Прежде, бывало, далеко по Воровскому переулку разносится ея звонкая брань, а теперь она по цѣлымъ днямъ сидитъ молча, задумавшись, и изрѣдка шепчетъ что-то про себя. А глаза такіе свѣтлые, глубокіе сдѣлались, и на губахъ бродитъ счастливая, понятная только ей одной, улыбка.

— Стихъ нашель... ворчала бабка, удивляясь вмѣстѣ съ другими на Вѣру. — Она вѣдь у насъ своеобразная, — ее не разберешь...

Хозяйство Вѣра совсѣмъ забросила. Ей теперь было не до него... Она вся ушла въ свою любовь, и ни тоскѣ, ни злобѣ, ни житейскимъ заботамъ не было больше мѣста въ ея душѣ. Она нашла свое счастье, котораго такъ жаждала и искала...

Дни она, какъ было уже сказано, проводила въ мечтахъ, а вечеромъ, отказавшись отъ ужина, накидывала на голову платокъ и пропадала гдѣ-то до зари. Домашніе не придавали этимъ прогулкамъ большого значенія, — они уже давно привыкли къ странностямъ «своеобычной» дѣвушки.

... Ночь. Сторожъ уже давно отзвонилъ на колокольѣхъ полночь. На селѣ побрехиваютъ собаки; откуда-то издалека несутся дрожащіе, за душу хватающіе, звуки заунывной мужицкой пѣсни. Хоперь искрится въ своихъ лѣсистыхъ берегахъ; звѣзды тихо мерцаютъ въ небѣ, а надъ лѣсомъ гремятъ чарующія соловьиныя пѣсни. И все замерло вокругъ,—и очарованный лѣсъ, и рѣка, и молчаливое небо. Изрѣдка только у берега бултыхнется шальной сомъ и всколыхнетъ неподвиж-

ную поверхность рѣки, да въ камышахъ кто-то зашуршитъ и застонетъ. И опять все затихнетъ...

На берегу, подъ старой знакомой ракитой, сидятъ Вѣра и Тимоха — одни среди этого ночнаго пѣнья, свиста и шороха. Она тоже молчатъ и только крѣпко прижимаются другъ къ другу; вполне отдаваясь сладкимъ ощущеніямъ своей любви. Да и о чемъ имъ говорить? Не первый годъ они знаютъ другъ друга, притомъ у нихъ раньше еще обо всемъ переговорено и все рѣшено. Имъ хорошо... они любятъ и вѣрятъ... а больше имъ пока ничего и не надо.

— Вотъ какъ осень придетъ, — такъ и свадьбу сыграемъ! говорилъ ей Тимоха въ первые дни послѣ роковаго поцѣлуу подъ ракитой. — Дѣдушка меня любитъ, — упрошу его, чтобы къ тебѣ сватовъ засылали.

Вѣра молчатъ и ближе къ нему жметъся.

— Дѣдушка обѣцалъ мнѣ четыреста рублей деньгами дать... продолжалъ Тимоха. — Какъ жениюсь, такъ сейчасъ-же... И какъ повѣнчаемся, — сейчасъ отдѣлюсь. Не хочу съ отцомъ жить, — будетъ! съ внезапнымъ раздраженіемъ прибавилъ онъ. — Помыкали, довольно. Выстроимъ себѣ избу хорошую, дѣдушка пчельникъ свой намъ отдастъ, — и заживемъ. Работника найму, — будемъ посѣвы дѣлать, хлѣбъ скупать, мельницу поставимъ. А то лавку откроемъ въ Крутоярѣ, — чаемъ будемъ торговать, сахаромъ, кренделями. Живо расторгнемся! Ты у меня за прилавкомъ стоять будешь... Любо!

Такимъ образомъ они уже заранѣе все обдумали и порѣшили, и теперь, сидя по ночамъ подъ ракитой, не тревожили себя больше мыслями о будущемъ, наслаждаясь настоящимъ своимъ счастьемъ, охватившимъ ихъ съ головы до ногъ.

А соловьи все заливались, и плакала старая ракита, поникнувъ своею печальной, сѣдой вершиной.

Не одни влюбленные не спали этими томительными, поющими ночамп. Не спала также и Нина, старавшаяся кое-какъ разобраться въ хаосѣ перепутавшихся въ ея головѣ евангельскихъ истинъ съ одной стороны, и житейской неурядицы — съ другой; не спалъ еще и новый алмазовскій учитель — Сергѣй Васильевичъ Полубояриновъ.

Первое время онъ ужасно скучалъ въ Алмазовѣ. Ученки

не ходили, знакомыхъ никого еще не было, читать нечего. Собственно говоря, слѣдовало-бы уѣхать, но въ томъ-то и было дѣло, что уѣхать совершенно ему некуда. Онъ былъ круглый сирота; родители его, бѣдные, захудалые дворяне, померли, когда онъ не вышелъ еще изъ младенческаго возраста, и единственной попечительницей и воспитательницей его была какая-то старая барыня, безвыѣздно жившая въ своей разоренной усадьбѣ. Сергѣй Васильевичъ помнить, какъ она то ласкала и кормила его пирогомъ, то собственноручно сѣкла ременной плеткой. Но все-же ему жилось у нея сносно, и никто не препятствовалъ мальчику шалить и баловаться. Потомъ и она померла. Сергѣй Васильевичъ остался совершенно одинъ. На его счастье, одинъ изъ ближайшихъ сосѣдей покойной барыни принялъ участіе въ заброшенномъ мальчикѣ и, по знакомству съ предсѣдателемъ мѣстной земской управы, выхлопоталъ ему въ земствѣ стипендію. Мальчика отвезли въ «губернію» и помѣстили въ учительскій институтъ.

Ученическіе годы шли весело и незамѣтно. Сергѣй Васильевичъ не сгнѣшилъ учиться и засиживался въ классѣ по два года. Онъ зналъ, что, какъ земскій стипендіатъ, онъ долженъ будетъ прослужить земству обязательно нѣсколько лѣтъ въ качествѣ сельскаго учителя, и потому не унывалъ.

— Еще надоѣстъ тянуть учительскую лямку-то! думалъ онъ.

— Успѣешь еще наслужиться-то! говорили ему товарищи.—Земство тоже зря денегъ платить не станетъ,—оно соки-то изъ тебя повытянетъ...

И дѣйствительно — будущее учительство гдѣ-нибудь въ глуши, среди невѣжественнаго народа, можетъ быть при самыхъ неблагоприятныхъ условіяхъ — вовсе не представлялось заманчивымъ для юноши. А тутъ веселое товарищество, беззаботная школьная жизнь, знакомства, — изрѣдка кутежи и театръ съ какою-нибудь примадонной, къ которой непременно каждый школьникъ считаетъ долгомъ питать платоническую любовь... Все это наполняло время и вовсе не заставляло Сергѣя Васильевича снѣнить съ окончаніемъ курса.

Только послѣдніе два года пребыванія его въ институтѣ, въ ихъ замѣнутую жизнь ворвалась какая-то новая струя. Въ классахъ, кромѣ разговоровъ о доходныхъ мѣстахъ, о хорошенькой актрисѣ, объ отмѣткахъ и учителяхъ — слышала-

лись инныя рѣчи. Болѣе серьезные и передовые ученики читали Добролюбова и Писарева, толковали о народѣ, о значеніи школы и учителя, — остальные прислушивались къ ихъ толкамъ, и въ ихъ головахъ тоже забродили какія-то смутныя мысли... Сергѣй Васильевичъ былъ въ числѣ этихъ «остальныхъ». Въ самомъ дѣлѣ, — что за «народъ» такой, къ которому онъ идетъ съ свѣточемъ знанія и истины въ рукахъ? И въ чемъ собственно заключается эта «истина», долженствующая пролить обильные снопы свѣта въ темную, невѣжественную массу?

Но какъ человѣкъ «толпы», человѣкъ не сильнаго ума, не привыкшій думать своей головой, — Полубояриновъ немедленно ударился въ другую крайность. Въ дѣтствѣ онъ не разъ слыхалъ отъ своей барыни-благодѣтельницы, что мужикъ — это «воръ и разбойникъ, пьяница и негодяй», и самъ часто называлъ его такъ-же; теперь же, соорудивъ изъ прочитанныхъ книжекъ пьедесталь, онъ поставилъ на этотъ пьедесталь мужика и поклонился ему. Мужикъ предсталъ предъ нимъ кроткій, обиженный, многотерпѣливый, всепрощающій, гениальный, но угнетенный. Стоить только придти къ нему, пролить свѣтъ, — и мужикъ воспрянетъ духомъ и на пустомъ мѣстѣ воздвигнется вертоградъ, въ которомъ всѣ люди будутъ братья, и потекутъ рѣчки меда и млека.

Вотъ какимъ оригинальнымъ образомъ воспринялъ Сергѣй Васильевичъ крупницы новаго ученія, выпавшія на его долю, и съ этими крупницами полетѣлъ въ деревню. Ему не пришлось долго ждать мѣста, и онъ очутился въ самомъ центрѣ народа. Но при непосредственномъ столкновеніи съ дѣйствительностью, съ настоящимъ, а не отвлеченнымъ мужикомъ, у него сразу опустились крылья. Пьедесталь рухнулъ; розовый ореоль, которымъ онъ старательно окружилъ «мужичка», разсѣялся, какъ дымъ, и Сергѣй Васильевичъ со всѣми своими благожеланіями почувствовалъ себя очень скверно... Оказалось, что къ мужику подойти труднѣе, чѣмъ онъ думалъ, и что прежде, чѣмъ что-либо «пролить», «посвятить», нужно еще разбить огромную, несокрушимую стѣну, которая загораживала народъ отъ всѣхъ благопожелателей и сѣятелей.

Сергѣя Васильевича на это не хватило. Онъ огуломъ обозвалъ народъ «звѣремъ» и пересталъ о немъ думать. «Благородное», святое призваніе учителя, о которомъ такъ много

толковали послѣднее время въ стѣнахъ института, свелось теперь на извѣстную сумму денежнаго вознагражденія. Представься гдѣ-либо другое мѣсто съ вознагражденіемъ на рубль больше,—Сергій Васильевичъ, не задумавшись, промѣнялъ-бы это «привзаніе» на рубль. И онъ подумывалъ уже бросить учительство и уйти куда «подходяще». Впослѣдствіи онъ сталъ совсѣмъ равнодушенъ къ тому казусу, который сыграла съ нимъ деревня, и даже посмѣивался, вспоминая свое увлеченіе соціальными идеями. Впрочемъ, иногда, въ публикѣ, въ особенности, когда случалось быть навеселѣ, онъ не прѣчь былъ порадикальничать, и давно забытыя фразы, когда-то будившія мысль, а теперь потерявшія для него всякое значеніе,—срывались словно мимоходомъ съ его губъ...

Въ Алмазово его перевели по прошенію, такъ какъ жалованья здѣсь назначено было больше, чѣмъ на прежнемъ его мѣстѣ. И вотъ онъ скучаетъ теперь въ незнакомомъ селѣ, сидя одинъ въ своей учительской невзрачной квартирѣ. Былъ два раза у священника,—но неловко-же толкаться туда каждый день, благо хорошо принимаютъ. Познакомился съ писаремъ, съ старшиной, съ фельдшеромъ,—и все-таки времени дѣвать некуда. Особенно донимали его алмазовскія ночи. Ахъ, эти ночи соловьиныя,—онъ просто раздражали его.. Днемъ еще туда-сюда: закроешь ставни и спишь до чаю, а чуть смерклось,—такъ и томить тебя, такъ и тянетъ куда-то... И страшно, жутко дѣлается на душѣ—и хорошо...

Крылечко его квартиры выходило на уголь Воровского переулка. Отсюда видны были и серебряные извивы Хопра, и спускъ къ водоюу, и лѣсъ. Выйдетъ Сергій Васильевичъ на крылечко, сядетъ на приступку, да такъ и сидитъ до зари. И Богъ знаетъ что лѣзетъ въ голову подъ звуки соловьиныхъ переливовъ...

Особенно часто вспоминалось ему матовое, словно выточенное личико черноволосой дѣвушки, которую видѣлъ онъ на пасху подъ качелями. Онъ уже зналъ, что это была старшая дочь землемѣра, что живетъ она съ матерью, бабкой и сестрой, что мать у нея «и не приведи ты Господи!» какъ пить, что сестра у нея не то дурочка, не то юродивая, а сама Вѣра... Тутъ обыкновенно рассказчикъ скромно заминался, покашливалъ и добавлялъ: «Богъ знаетъ... непутевая она что-ли... а може и такъ это болтають — доподлинно неизвѣстно.

А что красива и жениховъ хорошихъ много сватали ее—это вѣрно!»

Учитель очень заинтересовался дѣвушкой. Ея красота заставляла биться его сердце, а слухи объ ея легкомъ поведеніи будили въ немъ нескромныя желанія и помыслы.

«Вѣдь красавица на рѣдкость! думалъ онъ.—Я, по крайней мѣрѣ, такихъ только на картинкахъ видѣлъ. Хороша, шельма!»

И въ его воображеніи снова вставало смуглое личико съ жгучимъ румянцемъ, длинными рѣсницами и полузакрытыми сверкающими глазами. Оно носилось предъ нимъ въ вечернемъ туманѣ, оно глядѣло на него изъ голубыхъ струй Хоппра—всюду преслѣдовало его и не давало ему покоя. Нѣсколько разъ проходилъ онъ мимо ихъ квартиры, въ надеждѣ хоть мелькомъ увидѣть красавицу, но она не показывалась, и кроме сердитой бабки онъ никого не видѣлъ на крыльцѣ.

Учитель совсѣмъ съ ума сходилъ отъ алмазовскихъ ночей, соловьиныхъ пѣсень и любви...

Глава XIV.

Пигмалионъ и Галатея.

Жара достигла крайнихъ предѣловъ. На улицу просто показаться было нельзя—того и гляди солнечный ударъ хватить; яркая зелень лѣса потускнѣла, даже собаки не лаяли, а только взвизгивали, высунувъ языки и неподвижно растанувшись въ холодкѣ. Спать при закрытыхъ ставняхъ—и то стало положительно невозможно.

Сергѣй Васильевичъ изнемогалъ.

— Это чортъ знаетъ что! воскликнулъ онъ съ негодованіемъ. — Просто пекло какое-то. Пойду искупаюсь, что-ли, авось лучше будетъ...

И онъ свирѣпо намотавъ себѣ на шею полотенце, пошелъ къ Хоппру. На улицѣ его такъ и обдало жаромъ, словно въ сильно натопленной банѣ.

Спустившись внизъ по знакомой тропинкѣ, онъ углубился въ кусты, осторожно раздвигая руками колючіе стебли терна и шиповника. Здѣсь было прохладнѣе, и потому кругомъ кипѣла своеобразная жизнь. Надъ пышными розовыми шапками малявы суетливо жужжали пчелы; въ молодыхъ побѣгахъ черноклена, разубраннаго черно-красными сережками, возился

ежъ; стараясь спрятаться, черезъ дорогу, извиваясь, прыгнула гадюка, сверкая на солнцѣ зеленою спинкой. Въ травѣ жужжалъ, пѣлъ, стрекоталъ невидимый хоръ разныхъ букашекъ; пахло медомъ и грибами.

Сергѣй Васильевичъ уже у Хопра. Слышно меланхолическое уканье лягушекъ... Но, подойдя къ знакому мѣсту, онъ вдругъ услышалъ плескъ и остановился.

На берегу, склонившись надъ водою, сидѣла Нина и, снявъ башмаки, болтала голыми ногами въ водѣ. На колѣняхъ у нея лежалъ наполовину связанный чулокъ изъ толстой, сѣрой шерсти; очевидно, она здѣсь сидѣла уже давно.

Сергѣй Васильевичъ подошелъ ближе, почтительно снялъ передъ Ниной свою бѣлую фуражку и, не дождавшись отвѣта на поклонъ, опустился на траву въ нѣкоторомъ отдаленіи. Нина равнодушно поглядѣла на него и, отвернувшись, снова продолжала свое занятіе.

Нѣсколько минутъ длилось молчаніе. Наконецъ учитель рѣшился заговорить. Произошелъ курьезный діалогъ.

— Вы... кажется, дочка здѣшняго землемѣра? спросилъ онъ нерѣшительно.

Нина молча кивнула головой.

— Гмъ... гмъ... И что-же вы дѣлаете? ни съ того, ни съ сего спросилъ онъ, чувствуя, въ то-же время, всю нелѣпость этого вопроса.

— Нешто не видите! невозмутимо отвѣчала Нина, продолжая болтать въ водѣ ногами.

Учитель съ недоумѣніемъ поглядѣлъ на ея ноги и поспѣшилъ поправиться.

— То есть, я не то... я хотѣлъ спросить, какъ вы вообще время проводите, чѣмъ занимаетесь, ну... работаете...

— Ахъ, да! поняла Нина.—Что дѣлаю... да ничего!..

«Да она въ самомъ дѣлѣ юродивая какая-то!», подумалъ Сергѣй Васильевичъ и вслѣдъ затѣмъ вслухъ промолвилъ:

— То-есть, какъ это ничего? Вѣдь работаете-же что-нибудь... ну, шьете, напимѣръ, вяжете тамъ, по хозяйству...

— Да нешто это дѣло? усмѣхнулась въ отвѣтъ Нина и прибавила:—«Марфо, Марфо, печешься и молвиши о мно-зѣмъ»...

Учитель окончательно изумился и во всѣ глаза поглядѣлъ на дѣвочку.

— Вонъ что! протянулъ онъ. — Гмъ... ну, а что-же повашему нужно дѣлать?

— Да что дѣлать? повторила Нина, видимо затрудняясь отвѣтомъ.—Ну, какъ это? Вотъ, напримѣръ, дѣтей учить — это дѣло. Потомъ...

„Ишь ты какая!“ подумалъ Сергій Васильевичъ, совсѣмъ заинтересованный. И ему вспомнились вдругъ дѣвочки-гимназистки, съ которыми онъ встрѣчался когда-то въ городѣ и которыя съ жаромъ говорили то-же, что и Нина, мечтая о широкой дѣятельности, о пользѣ обществу и т. д. Только тѣ вѣдь все-таки учились, почитывали умныя книжки, слышали умные разговоры,—а эта?.. Гдѣ она всего этого нахваталась? Какъ додумалась?

— Такъ что-же вы,—учительницей желаете быть? Это хорошо... отлично! одобрилъ онъ.

— Да вѣдь я ничего не знаю! наивно вскрикнула Нина.—Я сама ничего не читала, кромѣ Четы-Минеи да Евангелія...

— Что-же, это не бѣда... задумчиво проговорилъ учитель. — Подготовьтесь немного, да осенью съ Богомъ и держите экзаменъ на учительницу.

Нина молчала, разглядывая длинную розовую нить, которую она вытянула изъ воды.

— Послушайте-ка! заговорилъ опять Сергій Васильевичъ. Хотѣлъ я васъ спросить... Вѣдь это вы подняли этого пьянаго... какъ его? Дьячка, что-ли... Помните, подъ качелями?

— Я, спокойно вымолвила Нина.

— Ну, а зачѣмъ вы это сдѣлали?

Нина въ первый разъ вскинула на него свои глаза и изумленно взглянула прямо ему въ лицо.

«А вѣдь она тоже хорошенькая!» воскликнулъ про себя учитель, встрѣтивъ ея взглядъ.

— Какъ зачѣмъ? медленно и не сразу заговорила Нина. Человѣкъ валяется на землѣ, не можетъ подняться самъ, и ему не помочь? Нешто лучше было потѣшаться-то надъ нимъ?

— Да вѣдь онъ былъ пьянъ...

— Такъ что-жь, что пьянъ? укоризненно молвила Нина.—

Пьянъ, такъ пускай и валяется? Все-таки онъ человѣкъ, а не свинья какая...

«Прелюбопытная!», изумлялся все болѣе и болѣе учитель.

— Да, ну такъ какъ-же учиться-то? сказалъ онъ уже вслухъ.—Хотите, я васъ подбучу?

— Да нѣтъ ужъ, гдѣ! помолчавъ съ минуту отвѣчала дѣвочка и вздохнула.—Трудно вамъ со мной будетъ. А вотъ ежели у васъ книжки какія есть, дайте...

Вслѣдъ затѣмъ она вынула ноги изъ воды, подобрала свои башмаки и, кивнувъ головой учителю, ушла. Сергѣй Васильевичъ остался одинъ.

«Презанимательное приключеніе! размышлялъ онъ, лежа въ душистой травѣ. — Я думалъ, она въ самомъ дѣлѣ дурочка, а, оказывается, она очень неглупа... очень... Престранная! Неразвита... Надо съ ней заняться... отъ скуки. Ужасно смѣшная! Глаза у нея хороши... и здоровая эдакая, кровь съ молокомъ. Та худощавѣе... но за то хороша-то какъ...»

Онъ мысленно сравнивалъ обѣихъ сестеръ, жмурясь и потягиваясь.

«Впрочемъ, ничего и эта... Нѣтъ, надо съ ней заняться! Въ ней есть эдакій огонекъ, только надо его раздуть... Кто это, бишь, статую-то оживилъ? Пигмаліонъ? Или нѣтъ? Нѣтъ, Пигмаліонъ, еще стихи я читалъ гдѣ-то... Такъ вотъ, я Пигмаліономъ буду, ха-ха-ха...»

Въ первое-же воскресенье, послѣ обѣдни, Сергѣй Васильевичъ увидѣлъ Нину у ограды и направился къ ней. Нина еще издали улыбалась ему, какъ знакомому.

— Здравствуйте! началъ учитель. — Ну, книгъ я вамъ досталъ; ко мнѣ что-ли за ними зайдете, или мнѣ занести къ вамъ?

Нина подумала.

— Нѣтъ, я къ вамъ не пойду. А лучше вы принесите къ намъ.

— Ну, ладно. А учиться-то когда-же? Я готовъ...

— Да ей-Богу я не знаю... Приходите нынче, тогда я вамъ скажу...

Послѣ обѣда Сергѣй Васильевичъ собрался къ своей будущей ученицѣ. Надо сознаться, однако, что онъ чувствовалъ

себя въ очень затруднительномъ положеніи. Съ одной стороны,—къ чему, собственно, онъ навязался съ этими уроками? Чортъ ее дери, въ самомъ дѣлѣ, очень ему нужно было навязать себѣ на шею эту обузу. Но съ другой стороны,—коли общался, надо же сдержать слово. Вѣдь никто не просилъ—самъ вызвался...

И вотъ онъ, забравъ подъ мышку нѣсколько книжекъ, отправился къ землемѣровой квартирѣ. Вошелъ въ сѣни, заглянулъ въ избу—никого, только черная, худая кошка торопливо шмыгнула у него подъ ногами, оцетинивъ облѣзлую наполовину спину. «Однако, они живутъ-то не очемь!», подумалъ учитель и въ нерѣшимости повернулъ назадъ. Но на порогѣ онъ лицомъ къ лицу столкнулся съ Вѣрой и ужасно сконфузился.

— Вамъ кого? спросила Вѣра сурово, смѣривъ его взглядомъ съ ногъ до головы.

Сергѣй Васильевичъ, запинаясь, объяснилъ кое-какъ причину своего визита.

— А! протянула Вѣра.— Подождите, я вамъ сейчасъ ее пришлю...

И она исчезла въ сѣняхъ. Учитель сѣлъ на скамью и сталъ ждать. Онъ почему-то вдругъ пришелъ въ сквернѣйшее настроеніе.

— Скверная дѣвчонка! думалъ онъ. — Зоветь, а потомъ ставить чортъ знаетъ въ какое положеніе! И эта тоже... Словно царица какая. Тьфу!

Стукъ двери прервалъ его мысли. Въ избу не вбѣжала, а вихремъ влетѣла Нина. Она была вся красная, съ растрепанными волосами, въ заношенномъ бѣленькомъ ситцевомъ платишкѣ и съ ребенкомъ на рукахъ.

— А вѣдь я думала, что вы не придете... не то весело, не то смущенно замѣтила она, становясь передъ учителемъ и укачивая ребенка.

— Не знаю, почему вы это могли думать... раздраженно вымолвилъ Сергѣй Васильевичъ. — Можетъ быть это у васъ принято звать гостей и самимъ прятаться потомъ отъ нихъ, а я привыкъ всегда держать свое слово...

Нина большими глазами взглянула на учителя. Она мало поняла его громкую тираду, но видѣла, что онъ сильно на что-то злится.

— А гдѣ-же это вы были? продолжалъ между тѣмъ учитель.

— Да тутъ, у сосѣдей. Анна пошла холсты стлать, а меня попросила вотъ съ этимъ помянчиться. У, чумазыи! отнеслась она уже къ ребенку и съ любовью ущипнула его за пухляя, замазанная соской щечки. Ребенокъ испустилъ радостное восклицаніе и вцѣпился Нинѣ въ волосы.

Эта сцена окончательнo вывела изъ себя Сергѣя Васильевича. Ему очень хотѣлось побить и Нину, и этого бѣлобрысаго мальчугана въ его пестромъ, сшитомъ изъ разноцвѣтныхъ лоскутковъ шлякѣ.

— Охота со всякою дрянью возиться... процѣдилъ онъ сквозь зубы и, вставъ съ мѣста, направился къ двери.

Нина съ изумленіемъ поглядѣла ему вслѣдъ и, проводивъ его глазами, принялась разсматривать оставленные имъ на столѣ книги.

Между тѣмъ учитель свирѣпо шелъ домой, мысленно давая себѣ клятвы никогда больше не связываться съ «этою дрянью». Въ сущности онъ самъ хорошенько не сознавалъ, — на что онъ собственно злится? — но злился въ то-же время ужасно...

Однако, нѣсколько дней спустя, онъ совершенно успокоился и вспомнилъ о своихъ новыхъ знакомыхъ. «Надо сходить!» рѣшилъ онъ и, какъ ни въ чемъ не бывало, даже посвистывая, отправился къ землемѣровой квартирѣ.

На этотъ разъ онъ засталъ всѣхъ въ сборѣ, за чаемъ. При его неожиданномъ появленіи, всѣ засуетились: Лукинична бросилась доставать изъ шкафа единственный въ домѣ стаканъ, Софья Петровна накидывала на плечи какую-то шаль, чтобы прикрыть не совсѣмъ исправную кофту, а Нина, неловко улыбаясь, приглашала его садиться. Одна Вѣра, сидѣвшая поодаль, у окна, осталась совершенно спокойной. Небрежно отвѣтивъ на его поклонъ и мелькомъ бросивъ на него огненный взглядъ, она потомъ отвернулась къ окну и молча принялась за чай. Эта гордая и даже какъ будто немножко презрительная холодность съ ея стороны опять было кольнула учителя и онъ подумалъ:

— Ишь ломается, фря эдакая! Право, фря!

Но это было на минуту и онъ скоро забылъ о своемъ огорченіи. Завязался разговоръ, — въ которомъ впрочемъ, говорилъ больше одинъ Сергѣй Васильевичъ, — Нина заразительно хохотала, Лукинична поддакивала, и время прошло неза-

мѣтно. Когда, часа черезъ три, онъ сталъ прощаться, — ему стало какъ-то грустно и жаль уходить. Разстались они совершенно дружелюбно, и, уходя, Сергѣй Васильевичъ еще разъ напомнилъ Нинѣ, что онъ готовъ учить ее «всѣмъ наукамъ, какими только она пожелаетъ».

Они начали заниматься. Каждый день Сергѣй Васильевичъ послѣ обѣда надѣвалъ на голову свой бѣлый картузь и шагаль по Воровскому переулку къ знакомой избѣ. У стола, на которомъ дежала грифельная доска и учебники, уже ожидала его Нина. Онъ садился напротивъ, — и урокъ начинался. Нина слушала его объясненія внимательно, глядя на него своими большими свѣтлыми глазами, — и часа два-три пролетали незамѣтно. А потомъ на столѣ являлся кривобокий самоваръ съ своимъ неизбѣжнымъ товарищемъ — безносымъ чайникомъ, посылалось въ кабакъ за связкой кренделей, — и учитель оставался чай пить. Нина всегда разливала чай и ужасно смѣялась, когда Сергѣй Васильевичъ съ видомъ отчаянія старался разгрызть окаменѣлый крендель, а бабка въ это время принималась на нее ворчать, чѣмъ еще болѣе смѣшила Нину. Все это было очень весело и очень нравилось Сергѣю Васильевичу. Онъ чувствовалъ себя какъ дома и, возвращаясь домой, въ свою одинокую, мрачную квартиру, находился всегда въ самомъ благодушномъ настроеніи. На душѣ было легко и въ то-же время какъ-то грустно. Вспоминалось давно-забытое дѣтство... послѣдующая бездомовная жизнь въ качествѣ приемыша... и становилось жаль прожитаго зря времени, становилось больно за свое одиночество и скитальческую жизнь. «Неужели всегда будетъ такъ?» думалось учителю, и сердце сжималось тихою тоскою. Но почему-то всегда въ эту минуту припоминался ему серебристый дѣтскій смѣхъ Нины, ея серьезные, задумчивые глазки — и на душѣ чувствовалось легче.

Во время этихъ посѣщеній землемѣровой квартиры учителю ни разу не привелось вымолвить слова съ Вѣрой. Она приходила, садилась и опять куда-то уходила совершенно молча. Сначала это всегда раздражало учителя, и каждый разъ при видѣ ея онъ не могъ удержаться отъ того, чтобы не подумать: «фря!» Но потомъ онъ привыкъ къ ея поведенію и, наконецъ, совершенно пересталъ обращать на нее вниманіе. Даже къ красотѣ ея онъ приглядѣлся, и ея античный профиль пересталъ сниться ему по ночамъ.

Занятія шли съ большимъ успѣхомъ. Нина оказалась замѣчательно усердной и способной ученицей. Ни разу не случилось такъ, чтобы она не выучила урока или позабыла прежде выученное. Только каллиграфія ей никакъ не давалась, и буквы у нея выходили ужасно искалѣченными и безобразными, несмотря на всѣ ея старанія. Когда она выводила подъ диктовку свои неуклюжія, кривыя строчки, у нея даже языкъ приходилъ въ движеніе, а все-таки буквы никакъ не хотѣли стоять ровно и красиво. Нина ужасно конфузилась отъ этого и всегда вся пылала при осмотрѣ ея диктанта.

— Вѣрно я никогда не выучусь писать! безнадежно вздыхала она, глядя на свои каракули.

— Ну, вотъ вздоръ какой! важно утѣшалъ ее учитель. — Я васъ выучу, — не безпокойтесь...

Въ семьѣ къ учителю скоро всѣ привыкли. Когда онъ запыдывалъ почему-либо къ назначенному времени, — бабка всегда говорила:

— Что-жь это твой тонконогій-то не идетъ? Либо захворалъ?

По вечерамъ, когда съ поля пригоняли скотину и надъ лѣсомъ зажигалась одинокая красно-голубая звѣздочка, Сергій Васильевичъ заходилъ къ землемѣровой избѣ не въ счетъ абонемента. Они сажались съ Ниной на приступку и заводили разговоры, глядя на серебряныя струи Хопра, убѣгавшія вдаль, среди темныхъ громадъ молчаливаго лѣса. Сергій Васильевичъ принимался вспоминать объ институтѣ, а Нина рассказывала ему, въ свою очередь, о своемъ дѣтствѣ, объ Андрюшѣ, о Настасьѣ Филипповнѣ. Когда Нина заговаривала о братѣ, — у нея всегда голосъ дрожалъ и на глазахъ навертывались слезы.

— Отчего-же вашъ отецъ въ учителя его не хотѣлъ отдать? спрашивалъ учитель.

— Денегъ нѣтъ! Вѣдь учиться нужно было... отвѣчала Нина.

Сергій Васильевичъ задумывался, потомъ, словно про себя, замѣчалъ:

— Оно, положимъ, и учителю-то не больно... А тамъ онъ, можетъ быть, дослужится, жалованье будетъ получать хорошее... Горя еще большого нѣту.

Но Нина, еще не умудренная житейскою опытностью, отрицательно качала головою.

— Нѣтъ, ему страсть хотѣлось въ учителя... Онъ надъ этимъ тосковалъ шибко... А теперь ему... совсѣмъ скверно... добавляла она тихо, едва сдерживая слезы.

Сергѣй Васильевичъ старался скорѣе переменить разговоръ...

— Отчего сестра ваша такая всегда молчаливая? спросилъ онъ однажды Нину.—Гордая что-ли очень, или злится на когонибудь? Я на нее глядѣть просто боюсь...

— Она прежде не такая была. Прежде она и играла съ нами, и разговаривала. Обозлилась очень,—оттого, должно быть...

— Какъ, то-есть, обозлилась? На кого-же?

— На всѣхъ. Ужъ очень житье-то было плохое... со вздохомъ отвѣчала Нина.

Она не скрывала отъ учителя несчастья своей семьи—запой. Да и чего было скрывать, когда это и такъ всему селу было извѣстно!

Иногда, въ эти тихіе прохладные вечера съ румянымъ закатомъ и одинокой звѣздочкой, у нихъ завязывались серьезные разговоры.

— Нѣтъ-ли у васъ какихъ другихъ книжекъ? сказала разъ Нина учителю.

— А что? Развѣ эти вамъ не нравятся?

— Да... нѣтъ, запинаясь выговорила Нина.—Стала было я ихъ читать,—скучно что-то. Вотъ гдѣ еще про звѣрей написано, какъ они живутъ, или про народы разные—то еще ничего. А то все сказки какія-то, либо непонятно совсѣмъ.

— А какихъ-же бы вамъ книгъ хотѣлось? наострилъ уши Сергѣй Васильевичъ. Нина долго думала прежде, чѣмъ отвѣтить, уставившись глазами въ землю.

— Я-бы хотѣла такую книжку прочитати, начала она сначала медленно, потомъ все болѣе и болѣе оживляясь:—такую книжку, гдѣ-бы сказано было,—какъ это устроить, чтобы народъ лучше жилъ. Вѣдь, я думаю, есть такія книжки?..

— Какой-же народъ? перебилъ ее Сергѣй Васильевичъ, вспомнивъ при этомъ свои бывшія увлеченія и затѣмъ разочарованія, и приговаривая разбить Нину въ пухъ и прахъ.

— Да всякій... неожиданно отвѣчала Нина.—Вѣдь вы вотъ напередъ говорили, что вамъ плохо жить, — намъ тоже не больно хорошо, вонъ Федоту небось, Аннѣ, Гаврюхѣ Ситникову—

тоже... Всѣмъ плохо! Всѣ жалуются! Такъ вотъ я къ этому и говорю, какъ-бы это такъ сдѣлать, чтобы и вамъ, и намъ, и всѣмъ—хорошо стало жить...

Привыкшій къ обычнымъ разсужденіямъ о «мужичкѣ», Сергѣй Васильевичъ, при такомъ широкомъ обобщеніи понятія о «народѣ»,—совершенно растерялся.

— И вѣдь есть-же, небось, гдѣ-нибудь такіе умные люди, которые объ этомъ думаютъ, книжки пишутъ? заговорила опять Нина, подымая голову.

— Конечно есть, наобумъ отвѣтилъ Сергѣй Васильевичъ.

— Неужто? востепенулась Нина и съ ожиданіемъ глядѣла на учителя, ожидая отвѣта.

Сергѣй Васильевичъ весь горѣлъ, стараясь вспомнить хоть что-либо изъ прочитаннаго. Напрасно! Все забылось, все исчезло, — какъ выбрасывается вонъ изъ организма непереваренная пища... Въ умѣ только слабо шевелились великія имена... но что значать одни имена?

— Знаете что, сказалъ онъ наконецъ.—Для того, чтобы читать книжки, которыя писались такими людьми, — надо много учиться...

— Я буду учиться! съ жаромъ воскликнула Нина.

Возвращаясь домой послѣ подобныхъ разговоровъ, Сергѣй Васильевичъ чувствовалъ себя очень неловко. Ему не то чтобы стыдно было... но вообще какъ-то не по себѣ. Смутное недовольство собою... сожалѣніе... упрекъ... все было въ этомъ непріятномъ ощущеніи. Даже мечты о жалованьѣ, о хорошемъ мѣстѣ и безбѣдной, сытой жизни въ эти минуты отодвигались куда-то назадъ, а на мѣсто ихъ возникали назойливые вопросы такого свойства: «зачѣмъ?..» «Для чего?..»—И вслѣдъ за симъ самъ собою, роковымъ образомъ, являлся и отвѣтъ: «такъ, чортъ знаетъ для чего,—ни Богу свѣчка, ни чорту кочерга...»

Но стоило Сергѣю Васильевичу хорошенько выспаться и на утро встать веселымъ и бодрымъ, — и назойливые вопросы ступевывались передъ нимъ.

— Знаете что, сказала разъ Нина. — Вѣдь вы пошли въ учителя для того, чтобы научить народъ, какъ ему лучше жить,—да?

— Разумѣется! не задумываясь отвѣчалъ учитель, любуясь ея бѣлокурою головкой.

— И вы всегда будете учителемъ? продолжала дѣвочка.

— Н-не знаю, нерѣшительно сказалъ Сергѣй Васильевичъ. — Если... если найдется друго дѣло полезнѣе, — я оставлю учительское мѣсто.

— Значить, если-бы вдругъ пришелъ сюда одинъ изъ этихъ людей... напримѣръ-бы, апостоль какой-нибудь, въ родѣ Петра или Павла, и сказалъ-бы: идите за мной, оставьте отца и мать свою... вы-бы пошли?

— Пошелъ-бы...—Сергѣй Васильевичъ улыбнулся.

— И я тоже, груднымъ шопотомъ произнесла Нина, подѣтски сложивъ руки на колѣняхъ, и ея глаза блеснули въ сумракѣ розоваго теплаго вечера.

Но вотъ въ окнѣ сверкнулъ огонекъ. — «Нина, домой!» слышится изъ окна отрывистый повелительный голосъ Вѣры. Нина встряхиваетъ головой, словно пробуждаясь отъ сна, и лѣниво, нехотя, встаетъ.

— Ну, до свиданья! Спокойной ночи! прощается учитель, крѣпко сжимая теплую руку Нины. И долго ему не хочется выпускать изъ своихъ рукъ эту руку.

Нина улыбается ему въ отвѣтъ. Потомъ вдругъ выдергиваетъ руку и, указывая на небо, кричить:

— Смотрите, смотрите,—звѣзда упала!.. Это, значить, умеръ кто-нибудь, прибавляетъ она затѣмъ и крестится.

— Чудачка вы! смѣется учитель. — Это вовсе не душа, а метеоръ... А еще въ учительницы собираетесь... Впрочемъ, это до завтра, — прощайте.

«Ужасно милая дѣвочка!», думаетъ онъ, идя по тихой улицѣ, облитой голубымъ сіяніемъ молодого мѣсяца, сверкающаго въ капляхъ росы. «Только странная какая-то...»

(Продолженіе слѣдуетъ.)

В. Дмитріева.

*
*
*

Грёзы уснуть не даютъ мнѣ... Не грёзм,
То—самая жизнь, ея знойныя муки,
Глупыя муки, безумныя слезы.
Слезы глотая, ломаю я руки...

Что за дитя—человѣкъ! Ужь не мы-ли съ тобою
Прахъ отрясали не разъ на порогахъ
Пошлыхъ условій, владѣющихъ глупой толпою?
Что-же? надъ нами все прежніе боги!
Часто съ любовью горячей, со страстью мятежной
Рвусь я къ тебѣ, моя милая: строго,
Властно царить надо мною твой образъ; такъ нѣжно,
Такъ беззавѣтно люблю я, такъ много;
Много сказать я тебѣ, какъ сестрѣ и какъ другу,
Въ эти минуты хочу: всѣ сердечныя раны
Радъ обнажить, чтобъ разсѣять туманы,
Въ сердцахъ смирить непокорную вьюгу.

Что за дитя человѣкъ! Повстрѣчавшись,—сурово,
Кратко и холодно мы говоримъ—и порою,
Сами не зная зачѣмъ, ядовитое слово
Въ сердце другъ другу бросаемъ, съ тоскою...

Слезы глотая, ломаю я руки...
Муки любви,—о, безумныя муки!

П. Янубовичъ.

„AU BONHEUR DES DAMES“.

Романъ Э. Золя.

Глава X.

Въ первое воскресенье августа мѣсяца въ магазинѣ повѣрялся инвентарь; работу эту нужно было окончить къ вечеру. Не смотря на праздничный день, всѣ прикащики, съ раннего утра, были на своихъ мѣстахъ, и въ магазинѣ, закрытомъ для публики, закипѣла работа.

Дениза не приходила въ свой отдѣлъ. Дней пять тому назадъ, подымаясь въ мастерскую, она вывихнула ногу. Теперь ей было гораздо лучше, но она не торопилась, рѣшивъ спуститься въ магазинъ попозже.

Въ новомъ помѣщеніи, устроенномъ для продавщицъ, Дениза, въ качествѣ помощницы начальницы отдѣла, получила самую большую комнату въ два окна, выходившія на улицу. Теперь, достигнувъ благосостоянія, она позволяла себѣ нѣкоторую роскошь: постель была покрыта краснымъ пуховымъ одѣяломъ, обшитымъ кружевомъ; передъ шкапомъ лежалъ небольшой коверъ; на туалетномъ столѣ красовались двѣ синія вазы съ розами.

Прихрамывая и опираясь на мебель, Дениза осторожно ступала по комнатѣ. Она рѣшила побереечь сегодня ногу, отказаться отъ приглашенія дяди Бодю и лечь въ постель пораньше, какъ въ двери тихо постучалась мадамъ Кюбэнъ и съ таинственнымъ видомъ подала ей письмо.

Поспѣшно пробѣжала она письмо и поблѣднѣвшая опустилась на стулъ. Письмо было отъ Мурэ; онъ высказывалъ свое удовольствіе по поводу ея выздоровленія и звалъ ее къ себѣ пообѣдать, въ виду того, что она все-таки еще не выхо-

дить. Фамильярный и отеческій тонъ письма не заключалъ въ себѣ ничего оскорбительнаго; но ей не трудно было понять настоящій его смыслъ. Въ «Bonheur des Dames» всѣмъ были знакомы эти приглашенія; на счетъ ихъ ходили цѣлыя легенды. Такъ обѣдала съ нимъ Клара, обѣдали и многія другія, которыя удостоены были вниманіемъ патрона. По окончаніи обѣда, злословили прикащики, слѣдовалъ, обыкновенно, десертъ. И поблѣднѣвшія щеки Денизы мало-по-малу покрылись краской.

Она выпустила изъ рукъ письмо. Сердце ея громко забилося. Какъ прикованная, сидѣла она на стулѣ, устремивъ неподвижный взоръ на залитое солнечнымъ свѣтомъ окно. Здѣсь, въ этой самой комнатѣ, въ долгія безсонныя ночи, она вынуждена была, наконецъ, признаться, что охватывающій ее при встрѣчѣ съ этимъ человѣкомъ трепеть, происходитъ вовсе не отъ боязни, что испытываемое ею каждый разъ замѣпательство было волненіемъ возникающей любви въ сердцѣ дикарки, неумѣвшей анализировать своихъ чувствъ. Она не рассуждала, но чувствовала теперь всѣмъ своимъ существомъ, что полюбила его съ той самой минуты, какъ встрѣтилась съ нимъ и пролепетала первую свою просьбу.

Она любила его и тогда, когда боялась, какъ суроваго и неумолимаго хозяина, любила его, когда въ заблужденіи чувства, побуждаемая инстинктивной потребностью любви, мечтала о Гютепѣ. Быть можетъ, она была-бы въ состояніи отдаться другому, но любила только этого человѣка, одинъ взглядъ котораго поселялъ въ ней страхъ и трепеть. И въ памяти ея, съ неумолимой отчетливостью, воскресли всѣ событія прошлаго: и суровое обращеніе съ нею въ первые дни, и эта упойтельная прогулка въ Тюльерійскомъ саду, и страстные взгляды, которыми онъ преслѣдовалъ ее со дня вторичнаго ея поступленія въ магазинъ.

Въ дверь постучали опять. Дениза очнулась и спрятала письмо. Вошла Полина.

— Какъ вы себя чувствуете? Васъ совсѣмъ не видать?

По правиламъ, продавщицамъ нельзя было принимать въ своихъ комнатахъ. Дениза взяла Полину за руку и увела въ другой конецъ корридора, въ общую залу, гдѣ продавщицы могли проводить свои вечера. Бѣлые съ позолотой обои, пѣанино, круглый столъ по срединѣ и нѣсколько покрытыхъ бѣ-

ыми чехлами кресель и кушетокъ, придавали комнатѣ обычный характеръ гостинной любого отеля.

— Видите, я уже могу ходить, сказала Дениза. Я собиралась сойти въ отдѣлъ.

— Что за излишнее усердіе! воскликнула Полина;—я провалялась-бы въ волю, если-бъ только у меня былъ предлогъ!

Объ усѣлись рядомъ на кушеткѣ. Съ тѣхъ поръ, какъ Денизу повысили, Полина замѣтно измѣнила къ ней отношеніе; къ прежней пріятельской сердечности примѣшивалась теперь почтительность. Дениза попрежнему была привязана къ ней и изъ двухъ сотъ продавщицъ, служившихъ теперь въ магазинѣ, довѣрялась только одной Полиинѣ.

— Что съ вами? спросила Полина, замѣтившая, что Дениза разстроена.

— Ничего, отвѣчала Дениза, стараясь улыбнуться.

— Нѣтъ, нѣтъ, съ вами что-то случилось... Вы мнѣ не довѣряете, вы не дѣлитесь болѣе со мной своими огорченіями....

Тогда Дениза, которая не въ силахъ была побороть волненіе, призналась во всемъ и показала ей письмо Мурэ.

Имъ ни разу не приходилось еще говорить откровенно о Мурэ. Но самое это молчаніе указывало, что отношеніе къ нему сильно занимало обѣихъ. Прочитавъ письмо, Полина прижалась къ подругѣ и, взявъ ее за талью, тихо прошептала:

— Моя милая, говоря откровенно, я была увѣрена, что между вами давно все улажено... Не возмущайтесь, увѣряю васъ, что всѣ въ магазинѣ думаютъ тоже самое. Согласитесь сами! Онъ такъ скоро назначилъ васъ помощницей, затѣмъ, его постоянно видишь возлѣ васъ,—все это слишкомъ рѣзко бросается въ глаза.

Она поцѣловала Денизу въ волосы и, немного погодя, спросила:

— Вы, конечно, пойдете къ нему обѣдать?

Дениза молча смотрѣла на нее и вдругъ разразилась рыданіемъ, спрятавъ лицо на груди изумленной пріятельницы.

— Что вы! успокойтесь. Тутъ нѣтъ ничего для васъ обиднаго!

— Нѣтъ, оставьте меня, шептала Дениза; — еслибы вы знали, какъ мнѣ тяжело! Я не знаю, что со мной дѣлается,

съ тѣхъ поръ какъ я получила это письмо. Дайте мнѣ хоть наплакаться; можетъ быть, мнѣ станетъ легче!

Ничего непонимавшая Полина старалась ее утѣшить. Во-первыхъ, убѣждала она, онъ больше не видится съ Кларой; говорятъ, впрочемъ, что онъ бываетъ у одной дамы, но это совсѣмъ не доказано. Во-вторыхъ, нельзя-же ревновать человека въ его положеніи: онъ слишкомъ богатъ и, во всякомъ случаѣ, хозяинъ.

Дениза слушала ее и еслибы она еще сомнѣвалась въ своей любви къ Мурѣ, то муки, вызванныя въ ней именами Клары и мадамъ Дефоржъ, могли разсѣять всѣ сомнѣнія. Ей слышался неприятный голосъ Клары и рисовалась высокомерная наружность мадамъ Дефоржъ.

— Вы пошли-бы? спросила Дениза.

— Разумѣется! воскликнула незадумываясь Полина; — развѣ можно отказать!

Но затѣмъ, подумавши, прибавила:

— Не теперь, конечно, а прежде; теперь я выхожу замужъ за Божэ, и это было-бы дурно съ моей стороны.

И дѣйствительно, Божэ, ушедшій изъ Bon Marché и поступившій въ Bonheur des Dames, долженъ былъ жениться на Полинѣ въ первыхъ числахъ августа. Бурдонкль не любилъ семейныхъ прикащиковъ; но они все-таки получили разрѣшеніе и надѣялись даже получить двухнедѣльный отпускъ, чтобы насладиться медовымъ мѣсяцемъ.

— Вотъ видите, замѣтила Дениза, — когда человекъ любить васъ, онъ долженъ жениться... Вѣдь Божэ женится на васъ.

Полина добродушно засмѣялась и опять взяла ее за талью.

— Это совсѣмъ не одно и то-же, моя дорогая. Божэ женится на мнѣ, потому что онъ Божэ. Онъ мнѣ равный — это естественно... Тогда какъ господинъ Мурѣ!.. Развѣ онъ можетъ жениться на своей продавщицѣ?

Она громче засмѣялась и вторично поцѣловала Денизу въ волосы. Ея толстое лицо и маленькіе добрые глаза приняли выраженіе материнской заботливости. Затѣмъ она встала, открыла піанино и, желая, конечно, развеселить пріятельницу, сыграла однимъ пальцемъ мотивъ «короля Дагобера».

Но Дениза снова зарыдала.

— Опять! воскликнула Полина; — это, наконецъ, неблаго-

разумно... Зачѣмъ вы привели меня сюда? Лучше было-бы оставаться въ вашей комнатѣ.

Она опустила передъ Денизой на колѣни и снова начала уговаривать. Сколько другихъ въ ея положеніи сочли-бы себя счастливыми! Наконецъ, если предложеніе ей не нравится — ей незачѣмъ такъ убиваться; она можетъ просто отказаться. Но она должна прежде хорошенько подумать, чѣмъ рѣшиться на такой, ничѣмъ не оправдываемый, отказъ, такъ какъ ее вѣдь не связываютъ никакія другія обязательства. Будто ужъ это такъ ужасно? Увѣщанія скоро перешли въ шуточки и игривый шопотъ, какъ вдругъ изъ коридора послышался шумъ шаговъ.

Полина вскочила и заглянула въ дверь.

— Мадамъ Аврели! прошептала она;—я бѣгу... А вы, Дениза, вытрите глаза, ей незачѣмъ знать.

Оставшись одна, Дениза встала и старалась оправиться. Дрожащей рукой она поспѣшила закрыть піанино; услыхавъ, что мадамъ Аврели стучится въ ея комнату, она вышла изъ салона.

— Какъ! вы встали? воскликнула начальница. — Это большая опрометчивость, дитя мое. Я зашла узнать о вашемъ здоровьѣ и сказать вамъ, что сегодня вы намъ не нужны.

Дениза стала увѣрять ее, что чувствуетъ себя гораздо лучше, что ей полезно заняться немного дѣломъ, что это ее развлечетъ.

— Я не буду себя утомлять. Вы помѣстите меня на стулѣ, а займусь сведеніемъ счетовъ.

Онѣ сошли въ отдѣлъ. Мадамъ Аврели простерла свою любезность до того, что заставила дѣвушку опереться на ея руку. Она такъ всматривалась въ ея лицо, что не могла не замѣтить красноты ея глазъ. Безъ сомнѣнія, ей было все извѣстно.

Противъ ожиданія, Денизѣ удалось, наконецъ, покорить свой отдѣлъ. Прежде, въ десять мѣсяцевъ терпѣнія, кропотли и невыносимыхъ страданій ей не удалось привлечь симпатіи товарокъ, а теперь въ нѣсколько недѣль всѣ склонились передъ нею, окруживъ ее услужливостью и почтеніемъ. Въ этомъ неблагоприятномъ дѣлѣ покоренія сердець ей, конечно, не мало помогла неожиданная нѣжность къ ней мадамъ Аврели. Шепотомъ передавалось, что начальница угрожа-

даетъ страстямъ хозяина и оказываетъ ему разнаго рода деликатныя услуги. Безъ сомнѣнія, онъ поручилъ дѣвушку ея особому вниманію, иначе нельзя было-бы объяснить горячаго къ ней участія.

Помимо этого, для обезоруженія товарокъ, Денизъ пришлось пустить въ дѣло всю силу своей обходительности и граціи. Задача была тѣмъ труднѣе, что нужно было заставить ихъ простить ей столь быстрое назначеніе на должность помощницы. Всѣ эти дѣвицы заговорили о несправедливости, завѣряли, что она обязана этимъ своей связи съ патрономъ, передавая при этомъ массу грязныхъ подробностей. Но, не смотря на всѣ эти протесты, титулъ помощницы оказалъ свое дѣйствіе; всѣ волей-неволей вынуждены были покориться; нашлись льстецы и поклонницы. Ея скромность и кротость довершили побѣду. Маргарита скоро перешла на ея сторону. Продолжала злоствовать одна только Клара, рискуя отъ времени до времени произносить старое прозвище «нерасчесанная», которое теперь не встрѣчало ни въ комъ поддержки. Она воспользовалась кратковременной связью съ Мурз, чтобы ничего не дѣлать и проводить время въ болтовнѣ и лѣнн, и когда онъ охладѣлъ къ ней, она не выказывала ни обиды, ни ревности, довольствуясь тѣмъ, что, не смотря на ея лѣнь и бездѣлье, ее продолжали терпѣть въ магазинѣ. Ее нисколько не привлекала хлопотливая должность мадамъ Фредерикъ, но когда на это мѣсто назначили Денизу, Клара была обижена недостаткомъ вѣжливости со стороны дирекціи: вѣдь она имѣла такіа-же права на это повышеніе, какъ и «нерасчесанная», да кромѣ того еще право первенства.

— Посмотрите-ка, вотъ вывели родильницу, пробормотала она, увидѣвъ Денизу, опиравшуюся на руку мадамъ Аврели. Маргарита пожала только плечами.

— Неужто вамъ это кажется забавнымъ! замѣтила она.

Всѣ окружили Денизу. Работа на минуту была прервана. Посыпались привѣтствія, поздравленія и сочувственныя восклицанія. Наконецъ, мадамъ Аврели усадила ее на стулъ передъ конторкой, гдѣ Дениза должна была записывать товары. Въ день общей провѣрки созывали обыкновенно всѣхъ служащихъ, умѣвшихъ управлять перомъ, всѣхъ инспекторовъ, кассировъ, писцовъ и даже прислугу и распредѣляли ихъ по отдѣламъ для скорѣйшаго окончанія работы. Денизъ при-

шлось помѣститься между кассиромъ Ломомъ и слугой Жо-зефомъ.

Одни выкрикивали названія товаровъ, другіе вносили ихъ въ списки; мадамъ Аврели, при помощи трехъ продавщицъ, считала шелковыя платья. Дениза записывала; Клара складывала платья.

— Послушайте, спрашивала она одну изъ продавщицъ;— прибавляютъ-ли вамъ жалованье? — Вы слышали, что помощницѣ назначаютъ двѣ тысячи въ годъ, что вмѣстѣ съ процентами составитъ около семи тысячъ франковъ?

Не переставая подавать ротонды, продавщица отвѣчала, что если ей не назначать восьми-сотъ франковъ, она броситъ магазинъ. Прибавки происходили на другой день послѣ провѣрки инвентаря; въ этотъ-же день, по сведеніи счетовъ общей годовой выручки, получали свой процентъ съ суммы оборота и начальники различныхъ отдѣловъ. Поэтому, не смотря на суматоху и спѣшность работы, пересуды шли своимъ чередомъ. Шелъ слухъ, что мадамъ Аврели получить болѣе двадцати пяти тысячъ франковъ. Эта сумма произвела большую сенсацию среди продавщицъ. Маргарита, лучшая продавщица послѣ Денизы, получить въ этомъ году четыре тысячи пятьсотъ франковъ—полторы тысячи жалованья и три тысячи процентовъ, тогда какъ Кларѣ придется не болѣе двухъ тысячъ пятисотъ франковъ.

— Мнѣ наплевать на ихъ прибавки, говорила Клара, обращаясь къ той-же продавщицѣ;—если-бы отецъ умеръ—я не осталась-бы здѣсь ни минуты!.. Но меня все-таки выводитъ изъ себя, что эта дѣвченка получаетъ семь тысячъ франковъ. А? какъ вамъ это нравится?

Мадамъ Аврели рѣзко прервала бесѣду.

— Да замолчите, прошу васъ! Изъ-за васъ ничего не слышно! строго сказала она.

И, обернувшись къ Денизѣ, продолжала:

— Семь шелковыхъ мантилій перваго размѣра, сто тридцать франковъ. Три шубки, втораго размѣра, сто пятьдесятъ... Вы успѣваете, мадемуазель Дениза?

— Да, сударыня.

Клара снова занялась работой. Но черезъ минуту оторвалась и обратилась къ подошедшему къ ней прикащику. Это былъ перчаточникъ Миньо, ускользнувшій украдкой изъ своего отдѣла, чтобы попросить у нея въ займы двадцать франковъ.

Онъ уже занялъ у нея тридцать, послѣ того какъ проигралъ на скачкѣ весь свой недѣльный заработокъ; на этотъ разъ онъ впередъ прожилъ свою вчерашнюю получку и ему на сегодня не осталось и пятидесяти сантимовъ.

Клара охотно дала десять франковъ, которые оказались при ней. Они разговорились, вспоминая сдѣланную ими въ прошлое воскресенье въ шестеромъ прогулку въ Буживаль, причемъ женщины сами уплачивали свою долю расходовъ. Миньо, желая все-таки достать остальные десять франковъ, подошелъ и началъ шептаться съ Ломомъ. Не смѣя отказать, кассиръ прервалъ работу и въ замѣшательствѣ сталъ искать въ своемъ кошелькѣ, какъ вдругъ мадамъ Аврели замѣтила у конторки Миньо и тотчасъ поняла, въ чемъ дѣло. Она грубо спровадила Миньо въ его отдѣлъ, говоря, что не можетъ допустить, чтобы посторонніе приходили отвлекать отъ работы ея продавщицъ. Въ сущности-же, она боялась его, какъ ближайшаго пріятеля ея сына, Альберта, и участника въ его кутежахъ, которые рано или поздно угрожали плохо кончиться.

Когда Миньо, получивъ десять франковъ, удалился, она строго обратилась къ мужу.

— Какъ вамъ не стыдно позволять такимъ образомъ себя обирать!

— Нельзя-же мнѣ было, моя милая, отказать ему...

Она прекратила дальнѣйшія объясненія нетерпѣливымъ пожатіемъ плечъ и сурово обратилась къ смѣявшимся продавщицамъ.

— Перестаньте забавляться, мадемуазель Маргарита... Такъ мы никогда не кончимъ.

— Двадцать пальто изъ кашемира, четвертаго размѣра, восемнадцать франковъ, продолжала пѣвучимъ голосомъ Маргарита.

На минуту работа снова закипѣла. Ломъ покорно наклонился надъ конторкой и продолжалъ писать. На прилавки сыпался цѣлый дождь товаровъ. Но скоро Клара придумала новое развлеченіе. Она стала трунить надъ слугой Жозефомъ по поводу его страсти къ недавно поступившей въ отдѣлъ тонней и блѣдней двадцати-восьмилѣтней дѣвушкѣ. Эта дѣвушка была протезе мадамъ Дефоржъ, уговорившей Мурѣ дать ей у себя мѣсто; при этомъ, она рассказывала ему трогательную

исторію: дѣвушка сирота, послѣдній отпрыскъ древняго дворянскаго рода Фонтаней, осталась въ Парижѣ съ пьяницей отцомъ безъ всякихъ средствъ къ жизни, очень честная, но къ сожалѣнію слишкомъ мало образованная, чтобы быть учительницей.

Муръ обыкновенно протестовалъ, когда ему навязывали дѣвухекъ изъ обѣдѣвшихъ дворянскихъ семействъ. Это, говорилъ онъ, самыя несносныя, самыя неспособныя и ложно поведенныя въ мірѣ существа; тогда какъ ремесло продавщицы, — очень сложное и тонкое, нуждается въ продолжительной подготовкѣ. Тѣмъ не менѣе, онъ принялъ протеже мадамъ Дефоржъ и помѣстилъ ее въ контору образчиковъ, точно также, какъ раньше еще, въ угоду своимъ знакомымъ, онъ принялъ двухъ графинь и одну баронессу, помѣстивъ ихъ въ отдѣлъ рекламъ, гдѣ онѣ приготовляли бандероли и конверты. Мадмуазель де-Фонтаней зарабатывала три франка въ день, что давало ей возможность не умереть съ голоду въ своей маленькой комнаткѣ, въ улицѣ Аржантель. Скрывавшееся подъ суровой внѣшностью отставнаго солдата, нѣжное сердце Жозефа было тронута печальной наружностью этой бѣдно одѣтой дѣвухи, и хотя онъ не сознавался въ своей слабости, но краснѣлъ отъ каждаго намека продавщицъ, замѣтившихъ, что онъ вѣчно бродитъ у дверей конторы образчиковъ.

— Жозефъ развлекается, замѣтила Клара; — глаза его устремлены въ отдѣлъ бѣлья.

Въ этотъ день мадмуазель де-Фонтаней, дѣйствительно, находилась въ отдѣленіи бѣлья, гдѣ помогала по составленію инвентаря. А такъ какъ Жозефъ поминутно поглядывалъ въ ту сторону, то продавщицы стали смѣяться. Онъ сконфузился и углубился въ записи. Чтобы подавить одолевшій ее смѣхъ, Маргарита во все горло пропричала:

— Четырнадцать жакетокъ англійскаго сукна, втораго размѣра, по пятнадцати франковъ!

— Немного потише, сударыня! величественно замѣтила мадамъ Аврели; — вы не на рынокѣ... Вѣдь это, наконецъ, неприлично забавляться, когда у насъ такъ мало времени!

Въ эту минуту вся куча платья, которое должна была раскладывать Клара, опрокинулась и съ шумомъ повалилась на полъ.

— Я-же вамъ говорила! закричала внѣ себя мадамъ Авре-

ли;—будьте немного внимательнѣе, мадамъзель Клара, такъ невозможно!

Вдругъ по отдѣлу пробѣжалъ трепеть; показались Мурэ и Бурдонкль, обходившіе магазинъ. Снова выкрикивались цифры, заскрипѣли перья; Клара поспѣшно стала укладывать свалившееся платье. Патронъ стоялъ нѣсколько минутъ молча; его улыбающіяся губы по временамъ слегка вздрагивали. Замѣтивъ Денизу, онъ едва скрылъ изумленіе и глаза его встрѣтились съ глазами мадамъ Аврели. Послѣ минутной нерѣшительности, онъ повернулъ и направился въ отдѣлъ бѣлья.

Въ то же время и Дениза, предупрежденная раздавшимся шепотомъ, подняла голову; но, увидѣвши Мурэ, опять углубилась въ свое занятіе. Механическое записыванье монотонно выкрикиваемого товара нѣсколько успокоило ея нервы. Она вся погрузилась въ работу, рѣшившись совладать съ своимъ сердцемъ, быть мужественной и слушаться только разсудка.

Прошло десять часовъ. По всѣмъ отдѣламъ кипѣла работа. Но среди гула и суматохи изъ устъ въ уста переходила живо интересовавшая всѣхъ новость: всѣ уже знали, что Мурэ написалъ Денизѣ письмо, въ которомъ приглашалъ ее обѣдать. Это разболтала Полина. Уходя отъ Денизы, она встрѣтилась въ отдѣлѣ кружевъ съ Деломемъ и, не замѣтивши стоявшаго возлѣ нихъ Льенара, проговорила:

— Дѣло улажено, другъ мой... Она получила письмо, онъ приглашаетъ ее на сегодня.

Деломъ поблѣднѣлъ. Онъ понималъ смыслъ этого приглашенія, такъ какъ каждый день бесѣдовалъ съ Полиной объ ихъ общей пріятельницѣ, о страсти Мурэ и о возможномъ исходѣ этой исторіи. Полина, при этомъ, всегда бранила молодого человѣка за его тайную любовь къ Денизѣ, которая никогда ему не достанется, и ножимала плечами, когда онъ одобрялъ сопротивление Денизы домогательству патрона.

— Ея ногѣ гораздо лучше, она сошла въ отдѣлъ, продолжала Полина.— Не дѣлайте-же погребальной физиономіи... Вѣдь вся эта исторія послужить къ ея успѣху.

И она поспѣшила въ свой отдѣлъ.

— А! пробормоталъ слышавшій все Льенаръ,—рѣчь идетъ о дѣвушкѣ, что вывихнула ногу... Ну, что?.. Вы теперь видите, что черезъ-чуръ погорячились, защищая ее въ тотъ вечеръ въ кафе.

Онъ убѣждалъ, и раньше, чѣмъ вернулся назадъ, успѣлъ сообщить слышанное пяти другимъ прикащикамъ; въ десять минутъ извѣстіе разошлось по всему магазину.

Послѣдняя фраза Льенара, адресованная къ Делошу, относилась къ сценѣ, происшедшей наканунѣ въ кафе С.-Рошъ. Они подружались теперь и были неразлучны. Делошъ занялъ въ отелѣ «Смирна» комнату Гютена, а Льенаръ, назначенный помощникомъ начальника отдѣла, тутъ-же нанялъ квартиру въ три комнаты. Они вмѣстѣ приходили утромъ въ «Bonheur des Dames» и вмѣстѣ возвращались вечеромъ домой. Ихъ комнаты были смежны и выходили окнами на черный дворъ, отравлявшій своими миазмами воздухъ цѣлаго отеля. Жили они дружно; одинъ — проживая отцовскія деньги, другой — экономничая на свои скудные заработки. Внѣ магазина они почти все время проводили въ кафе С.-Рошъ.

Пустой, въ теченіе дня, это кафе къ восьми — девяти часамъ вечера наполнялся толпой прикащиковъ, высыпающей на улицу изъ огромной двери, выходившей на площадь Гайонъ. Тогда въ кафе подымался оглушительный шумъ игры въ домино, восклицанія и смѣха, среди густыхъ облаковъ табачнаго дыма. Рѣкою текло пиво и кофе. Въ лѣвомъ углу Льенаръ требовалъ дорогіе напитки, тогда-какъ Делошъ довольствовался кружкой пива, которую старался протянуть на цѣлый вечеръ. Здѣсь-то, въ этомъ кафе, Делошъ слышалъ, какъ сидѣвшій за сосѣднимъ столомъ Февье громко рассказывалъ разныя не позволительныя подробности о связи Денизы съ Мурѣ, объ ея кокетствѣ и заигрываніи съ патрономъ.

Онъ едва удержался, чтобы не дать рассказчику пощечины.

— Подлый негодяй! лгунъ!.. кричалъ онъ, внѣ себя отъ бѣшенства, — онъ лжетъ! Слышите-ли — лжетъ!

Непомня себя, онъ пустился въ опроверженія и откровенности.

— Я ее знаю хорошо, мнѣ все извѣстно... Она никого еще не любила и чувствовала расположеніе только къ одному Гютену; да и то онъ этого даже не зналъ и не можетъ похвастаться, что прикоснулся къ ней хоть однимъ пальцемъ.

Это происшествіе въ преувеличенномъ и искаженномъ видѣ уже передавалось изъ устъ въ уста въ магазинѣ, когда подоспѣла исторія съ письмомъ Мурѣ. Прежде всѣмъ сооб-

щилъ Льенаръ эту вѣсть одному продавцу изъ отдѣленія шелка. Работа кипѣла въ этомъ отдѣлѣ; два приващика опорожнивали полки, передавая штуки матеріи стоявшему на серединѣ стола Гютену, который, взглянувъ на ярлыки, выкрикивалъ ея качество и цѣну и бросалъ ее на полъ въ общую кучу. Нѣсколько прикащиковъ, сидѣло и записывало, между ними и Альберъ Ломъ, съ измятымъ отъ бессонной ночи лицомъ. Со стекляннаго потолка, сквозь который видно было ясное голубое небо, на отдѣлъ падало цѣлое море солнечныхъ лучей.

— Спустите шторы! закричалъ Бутмонъ, наблюдавшій за работой;—солнце нестерпимо жжетъ.

— Это просто неозвонительно заперать людей въ такую погоду, проворчалъ сердито Февье. Держать насъ подъ замкомъ, точно каторжниковъ, въ то время, какъ весь Парижъ гуляетъ!

Онъ передалъ Гютену штуку шелка. На ярлыкѣ обозначено было число отрѣзанныхъ отъ нея метровъ, что значительно облегчало работу.

— Цвѣтной шелкъ, двадцать одинъ метръ, по шести франковъ, пятидесяти!

И штука упала за другими въ общую кучу. Прерванный на минуту разговоръ, между тѣмъ, продолжался.

— Такъ онъ хотѣлъ васъ бить? спросилъ Гютенъ.

— Да, отвѣчалъ Февье;—въ то время, какъ я спокойно допивалъ свою кружку пива. Но оказывается, что малый былъ правъ, опровергая меня; дѣвчонка только сегодня получила отъ него приглашеніе... Всѣ говорятъ объ этомъ.

— Какъ! развѣ это еще не уладилось?

— Не правда-ли, продолжалъ Февье, подавая ему новую штуку матеріи,—можно было прозакладывать голову, что они давно въ связи?

— То-же самое, двадцать пять метровъ!.. диктовалъ Гютенъ.

Не прерывая работы, весь отдѣлъ обмѣнивался замѣчаниями, шутили, рассказывали сальности, повторяя поминутно имя Денизы. Даже начальникъ отдѣла, Бутмонъ, большой любитель вольтныхъ шутокъ, не могъ удержаться отъ свабрезнаго замѣчанія и самъ раскохотался отъ удовольствія. Очнувшійся отъ дремоты Альберъ влялся, что видѣлъ Денизу съ двумя

солдатами въ кафе. Вернувшійся только-что съ деньгами красавецъ Миньо, услышавъ исторію письма, позволилъ себѣ замѣчаніе до такой степени грязное, что Бутмонъ вынужденъ былъ выѣпаться.

— Ну, довольно уже, господа. Это насъ не касается... Продолжайте, г-нъ Гютенъ.

— Цвѣтной шелкъ, тридцать два метра, по шести франковъ, пятидесяти! закричалъ Гютенъ.

Перья снова заскрипѣли, товаръ съ глухимъ стукомъ падалъ на полъ; куча, съ минуты-на-минуту, росла и затопляла полъ, точно разлившаяся рѣка. Цвѣтной шелкъ не кончался. Февье въ полголоса замѣтилъ, что такой значительный остатокъ едва-ли понравится дирекціи; это жирное животное Бутмонъ, можетъ быть, и отличный покупатель, но никуда негодный продавецъ. Довольный Гютенъ улыбался, одобрительно подмигивая пріятелю. Подкопавшись подъ Робино, онъ теперь вель ту-же политикѣ въ отношеніи Бутмона, стараясь подорвать его кредитъ и занять его мѣсто. Это было повтореніе войны съ Робино, съ тѣми-же военными приѣмами: предательскими замѣчаніями начальству, указаніями на упущенія и стараніемъ выставить свое усердіе, — словомъ, цѣлая подпольная кампанія съ лицемерно почтительной улыбкой на губахъ.

Въ свою очередь, Февье, которому Гютенъ снова сталъ выказывать расположеніе, смотрѣлъ на него изъ подлобья, хладнокровно выжидая, когда Гютенъ пожретъ Бутмона, чтобы пожрать, въ свою очередь, его. Онъ рассчитывалъ занять мѣсто помощника, когда Гютенъ будетъ назначенъ начальникомъ отдѣла, а затѣмъ — будетъ видно. А пока они мирно бесѣдовали о непроданномъ запасѣ шелка, о вѣроятномъ увеличеніи заработка. Рассчитывали, что Бутмону въ этомъ году придется до тридцати тысячъ франковъ; Гютенъ получить болѣе десяти; Февье около шести тысячъ. Операциі отдѣла каждый годъ расширялись, а съ ними увеличивались и доходы прикащиковъ.

— Бонца нѣтъ этому свѣтлому шелку, раздражительно замѣтилъ Бутмонъ.—Что за подлая весна, все дожди! Раскупались только черные шелки.

При видѣ все возрастающей груды шелка, его обыкновенно веселое толстое лицо затуманилось; а довольный Гю-

тень, между тѣмъ, съ замѣтнымъ торжествомъ въ голосѣ, громко выкрикивалъ:

— Цвѣтной шелкъ, двадцать восемь метровъ, по шести франковъ, пятидесяти!

Еще оставалась цѣлая полка. Уставшій Февье медленно подавалъ штуку за штукой. Подавая, наконецъ, послѣднюю, онъ шепотомъ обратился къ Гютену:

— Послушайте, я совсѣмъ забылъ. Вы знаете, что помощница въ отдѣлѣ готоваго платья была къ вамъ неравнодушна.

Молодой человекъ казался очень удивленнымъ.

— Въ самомъ дѣлѣ! Какимъ образомъ?

— Серьезно, намъ открытъ тайну этотъ чужакъ Делоншъ. Я вспоминаю теперь, какъ она на васъ заглядывалась.

Съ тѣхъ поръ, какъ Гютенъ сдѣлалъ помощникомъ, онъ покинулъ пѣвицъ кафе-шантановъ и занялся учительницами. Въ душѣ очень польщенный, онъ пренебрежительно отвѣчалъ:

— Я не люблю тощихъ женщинъ, мой милый; притомъ, нельзя-же ввязаться со всѣми, какъ нашъ патронъ...

Но въ это время прозвонилъ колоколь, призывавшій къ ко столу вторую партію прикащиковъ, въ которой находился Февье. Онъ сошелъ со скамьи, и его мѣсто тотчасъ-же занялъ другой прикащикъ. На каждомъ шагу ему приходилось перепрыгивать и обходить груды сваленнаго на полъ товара изъ опустѣвшихъ полокъ, ящиковъ и шкаповъ. Изъ всѣхъ отдѣловъ доносился глухой стукъ падающей матеріи, трескъ коробокъ, грохотъ передвигаемой мебели и выкрикиваніе цифръ, и всѣ эти звуки оглашали своды громаднаго зданія, подобно гулу лѣса, въ которомъ зимній вѣтеръ шумитъ и ломаетъ вѣтви.

На лѣстницѣ, ведущей въ столовую, которая со времени перестройки помѣщались въ четвертомъ этажѣ, Февье догналъ Льенара, Делоша и Миньо.

— Чортъ возьми! воскликнулъ онъ, останавливаясь передъ вывѣшенной въ корридорѣ обѣденной; картой — видно, что сегодня день провѣрки инвентаря! Настоящій праздникъ! Циплята, жиго, артишоки!

— Вѣрнѣе всего, что теперь падежъ на птицу! замѣтилъ, расхохотавшись, Миньо.

Сѣвшій между Божэ и Льенаромъ Делоншъ находился

какъ разъ противъ Февье. Они злобно поглядывали другъ на друга. Вокругъ прикащики шептались насчетъ ихъ недавняго столкновения въ кафе. Затѣмъ, стали, по обыкновенію, смѣяться надъ вѣчно голоднымъ Делошомъ, которому какъ на зло попадались самые плохіе куски. Не обращая на нихъ вниманія, онъ молча глодадь почти голыя кости понавшагося ему куска пышенка, заѣдая огромными кусками хлѣба.

— Отчего вы не пожалуетесь? спросилъ его Божэ.

Но онъ пожалъ плечами. Зачѣмъ? Это ни къ чему не приводитъ. Всякій разъ, когда онъ пытался протестовать, наклевалъ только бѣду.

— Вы слышали, что катушечники устроили свой клубъ, рассказывалъ Миньо; — они собираются въ улицѣ Сентъ-Оноре, у виннаго торговца, который по субботамъ уступаетъ имъ залъ.

Рѣчь шла о прикащикахъ суровскаго отдѣла. Всѣ заговорили разомъ, посыпались замѣчанія, сообщались подробности; молчали только страстные читатели, углубившіеся въ свои газеты. По общему наблюденію, въ средѣ коммерческихъ прикащиковъ съ каждымъ годомъ замѣчалось измѣненіе къ лучшему. Почти половина ихъ говорила по-нѣмецки и по-англійски. Въмѣсто прежняго посѣщенія Бюлле и кафе-шантановъ, чтобы поддерживать сомнительныхъ пѣвицъ, они стали группироваться человекъ по двадцать и основывать клубы.

— У нихъ есть пьянино? спросилъ Льенаръ.

— Конечно, есть пьянино! Играють, поють, даже маленькій Баво декламируетъ стихи.

Шумъ усилился, подшучивали надъ Баво, хотя подъ насмѣшками скрывалось уваженіе къ поэту. Потомъ заговорили о пьесѣ въ театрѣ «Водевиль», гдѣ осмѣиваются прикащики. Одни сердились, другіе смѣялись. Со всѣхъ сторонъ огромной столовой доносились восклицанія и споры, сливавшіеся съ возрастающимъ стукомъ посуды. Въ растворенныя окна врвался раскаленный воздухъ улицы и жгучіе лучи полуденнаго лѣтняго солнца.

— Просто непозволительно засаживать людей за работу въ такое воскресенье! сказалъ Февье.

Это замѣчаніе перевело разговоръ на дѣла. Годъ былъ въ высшей степени удачный. Всѣ заговорили о жалованьѣ, о прибавкахъ — этихъ, волновавшихъ каждого, насущныхъ во-

просахъ. Разговоръ становился все громче и оживленнѣе, превращаясь въ оглушительный гулъ, въ которомъ нельзя было различить словъ.

— Кстати, сказала Февье, — вы знаете исторію съ письмомъ...

Но его перебилъ Миньо:

— Кто не любитъ артишоковъ? Я предлагаю свой десертъ за артишоки.

Но никто не отзывался—артишоки нравились всѣмъ. Вообще, обѣдъ въ этотъ день былъ изъ лучшихъ, и на десертъ поданы были даже груши.

— Онъ пригласилъ ее обѣдать, мой милый, рассказывалъ Февье своему сосѣду.—Какъ! Неужто вы этого не знали?

Всѣ уже знали объ этомъ съ самаго утра. Посыпались и переходили изъ устъ въ уста грязныя шутки и замѣчанія. Делошъ снова поблѣднѣлъ и устремилъ свой взглядъ на Февье.

— Если онъ до сихъ поръ не имѣлъ ее, то получить теперь.. Но онъ будетъ не первый, о! нѣтъ, не первый, продолжалъ Февье, глядя въ свою очередь на Делоша;—всякій, кто любитъ кости, можетъ получить ее за пять фр...

Но онъ моментально наклонился. Делошъ, вѣвъ себя отъ бѣшенства, схватилъ свой стаканъ съ виномъ и выплеснулъ ему въ лицо.

— Вотъ тебѣ, наглый лгуны! Я долженъ былъ сдѣлать это еще вчера.

Поднялся шумъ. Только нѣсколько капель вина попало въ голову Февье, остальное пролетѣло, по ту сторону стола. Всѣ закипятились. Любовникъ онъ ея, что-ли, что такъ горячо ее защищаетъ? Этакое животное! Слѣдовало-бы его проучить пощечиной!

Но появленіе инспектора заставило всѣхъ умолкнуть; не зачѣмъ посвящать администрацію въ свои внутреннія столкновенія.

Дрожащій отъ волненія Делошъ поднесъ къ губамъ пустой стаканъ. Поднялся смѣхъ и шутки.

— Дайте Делошу графинъ, онъ хочетъ пить, пошутить Миньо.

Прислуга разносила десертъ, корзины съ грушами; каждый бралъ свою порцію. Делошъ сидѣлъ угрюмый, опустивъ голову и, казалось, не замѣчалъ шутокъ. Онъ уже сожалѣлъ о

своемъ поступкѣ. Эти господа правы: съ какой стати онъ беретъ на себя ея защиту? Вѣдь это только даетъ поводъ къ грязнымъ догадкамъ и еще больше компрометируетъ дѣвушку. Слезы выступили изъ его глазъ; онъ готовъ былъ прибить себя за свое поведеніе. Развѣ не онъ виноватъ въ томъ, что весь магазинъ узналъ о письмѣ патрона къ Денизѣ? Если-бы онъ не позволилъ Полинѣ рассказывать ему это при Льенарѣ, никто-бы ничего не зналъ. Онъ чувствовалъ себя виноватымъ кругомъ.

— Зачѣмъ вы всѣмъ рассказали? обратился онъ съ упрекомъ къ Льенару,—это нехорошо.

— Да я передалъ по секрету только двумъ-тремъ пріятелямъ... Удивительно, какъ быстро распространяются здѣсь вѣсти!

Завтракъ приходилъ къ концу. Развалившись на своихъ стульяхъ, прикащики лѣниво перекидывались замѣчаніями и вопросами. Завтракъ въ этотъ день былъ настолько удовлетворителенъ, что добавочныхъ порцій требовалось мало, даже кофе отпускалось теперь на счетъ магазина. Становилось невыносимо жарко. Раскраснѣвшія потныя лица сверкали сквозь легкую дымку наполнявшаго комнату пара. За шумомъ голосовъ, едва можно было слышать звонъ колокола, призывавшаго третью партію къ завтраку.

Всѣ встали и высыпали въ корридоръ.

Делюшъ вышелъ позже всѣхъ, чтобы избавиться отъ непрекращавшихся насмѣшекъ; онъ переждалъ даже Божэ, который всегда выжидалъ ухода толпы, чтобы имѣть возможность встрѣтиться въ корридорѣ съ Полиной, шедшей завтракать въ партіи женщинъ. Это у нихъ было единственный способъ видѣться въ теченіи дня. На этотъ разъ, въ ту минуту, когда они цѣловались въ уединенномъ углу корридора, на нихъ наткнулась медленно направлявшаяся въ столовую Дениза.

— Ахъ! моя милая, пробормотала вся красная Полина;— вы никому не скажете—не правда-ли?

Гигантъ Божэ дрожалъ какъ мальчишка.

— Насъ прогонять, если узнаютъ... шепталъ онъ;—хоть наша свадьба уже и объявлена. Эти животныя не понимаютъ, что можно цѣловаться...

Сконфуженная Дениза сдѣлала видъ, что ничего не понимаетъ. Божэ поспѣшилъ убраться во свояси, но въ эту ми-

нугу подошелъ Делошъ и началъ лепетать передъ Денизой какое-то извиненіе, которое она сначала не поняла. Затѣмъ, обратившись къ Полинь, онъ упрекнулъ ее въ томъ, что она заговорила съ нимъ въ присутствіи Льенара, разболтавшаго по всему магазину. Дениза поняла, что рѣчь идетъ о письмѣ, что она служить предметомъ пересудъ цѣлаго магазина и ею вновь овладѣло утреннее водненіе.

— Я не знала, бормотала Полина;—притомъ, что за бѣда! Пускай чешутъ языки!

— Моя милая, солидно замѣтила Дениза,—я вовсе не сержусь на васъ... Вы рассказали правду. Я получила письмо—я и отвѣчу на него.

Делошъ удалился огорченный, заключивъ изъ отвѣта Денизы, что она мирится съ положеніемъ и идетъ на свиданіе съ Мурѣ.

Послѣ завтрака, когда Дениза, опираясь на руку Полины, сошла въ свой отдѣлъ, мадамъ Аврели, кончавшая счетъ платьямъ, пожелала удалиться для провѣрки записей въ болѣе уединенное помѣщеніе, подальше отъ шума. Она увела съ собой и Денизу.

— Пойдемте со мной. Мы займемся провѣркой, а вы затѣмъ подведете итоги.

Онѣ удалились въ контору образчиковъ. Это была обширная зала, уставленная только стульями и тремя длинными столами. Въ углу стоялъ механический снарядъ, съ утра до вечера вырѣзывающій огромными ножами образчики изъ шелка, шерстяной матеріи, ситца и парусины. Лоскутья затѣмъ собирали, шивали ихъ въ тетрадки и наклеивали ярлыки съ цѣнами, для печатанія которыхъ у окна стоялъ небольшой печатный станокъ.

Такъ какъ мадамъ Аврели не заперла дверей, чтобы имѣть возможность хоть издали слѣдить за работой подчиненныхъ, въ залу доносился шумъ голосовъ и мѣшала ей сводить счеты.

— Тише-же, господи! кричала она отъ времени до времени;—ничего не слышно!

Окончивъ провѣрку записей, она поручила Денизѣ подведеніе итоговъ, позвавши ей на помощь мадмуазель Фонтаней. Появленіе «маркизы», какъ ехидно называла ее Клара, снова возбудило хохоть, гамъ и остроты, доносившіеся сюда сквозь растворенную дверь.

Но вдругъ все стихло, и дѣвушки опять углубились въ работу; въ отдѣлѣ снова появился Мурэ, продолжавшій обходить магазинъ. Онъ остановился и сталъ искать глазами Денизу, изумленный, повидимому, что ея здѣсь не было. Затѣмъ, онъ подовзвалъ мадамъ Аврели, и отвѣдя ее въ сторону, сталъ шептаться. Она глазами указала на контору образчиковъ.

— Хорошо! громко произнесъ Мурэ;—пожалуйте-ка мнѣ списки.

— Сюда пожалуйте, сударь, отвѣчала мадамъ Аврели;—мы спрятались отъ шума.

Онъ послѣдовалъ за ней въ сосѣднюю комнату. Не сводившая съ нихъ глазъ Клара поняла маневръ и проворчала, что лучше было-бы ужъ прямо послать сейчасъ за кроватью. Но Маргарита прервала ее замѣчаніемъ, что Дениза—отличный товарищъ и никто не имѣетъ права вмѣшиваться въ ея частныя дѣла. Прочіе продавщицы продолжали разговаривать, дѣлая видъ, что ничего не видятъ; Жозефъ и Ломъ еще ниже наклонились надъ столѣмъ, а инспекторъ Жювь, тоже замѣтившій маневръ, мѣрно шагалъ передъ дверью залы образчиковъ, какъ вѣрный слуга, желающій прикрыть шалости своего хозяина.

— Дайте списокъ г. Мурэ, обратилась мадамъ Аврели къ Денизѣ.

Послѣдняя слегка вздрогнула и, поднявъ голову, подала списокъ. Щеки ея были блѣдны. Съ минуту Мурэ просматривалъ списокъ, не обращая вниманія на дѣвушку. Между тѣмъ, мадамъ Аврели подошла къ мадмуазель Фонтаней и какъ-будто недовольная ея работой, сказала ей въ полголоса:

— Ступайте помогать складывать вещи... Вы не умѣете сводить счетовъ.

Дѣвушка удалилась помогать Клэрѣ, которая, обрадовавшись помощи, не пропустила однако случая посмѣяться надъ ней. Этакая дурища! Ну можно-ли любить чернорабочаго, будучи маркизой! Кругомъ раздавался шопотъ и сдержанный смѣхъ.

— Отлично, отлично! повторялъ Мурэ, дѣлавшій видъ, что читаетъ списокъ.

Мадамъ Аврели, между тѣмъ, толкалась изъ угла въ уголъ, отыскивая удобный предлогъ оставить комнату и въ душѣ бѣсилась

на мужа, которому не приходится въ голову вызвать ее подъ какимъ-нибудь предлогомъ. Наконецъ, ее зачѣмъ-то позвала сообразившая все дѣло Маргарита.

— Иду, отвѣчала мадамъ Аврели.

Когда она вышла, Мурэ медленно положилъ списокъ на столъ и посмотрѣлъ въ лицо ожидавшей съ перомъ въ рукѣ дѣвушки. Она не опустила глазъ и только еще больше поблѣднѣла.

— Вы придете сегодня? спросилъ онъ въ полголоса.

— Нѣтъ, сударь, отвѣчала Дениза; — мнѣ нельзя будетъ. Мои братья обѣдаютъ сегодня у дяди и я тоже дала слово придти.

— Но вѣдь ваша нога, вы съ трудомъ ходите?

— О! я дойду, мнѣ сегодня гораздо легче.

Этотъ спокойный отказъ заставилъ его поблѣднѣть. Губы его нервно передергивались. Но онъ совладалъ съ собой и, принявъ любезный тонъ заботливаго патрона, продолжалъ:

— Ну, а если я васъ попрошу... Вы знаете, какъ искренне я васъ цѣню и уважаю.

— Я очень тронута, сударь, вашимъ вниманіемъ ко мнѣ, отвѣчала Дениза тѣмъ-же почтительнымъ тономъ; — и очень вамъ благодарна за приглашеніе обѣдать. Но, повторяю, я не могу, меня ждутъ сегодня у дяди.

Она упорно старалась не понимать. Но въ то-же время ей казалось, что чрезъ растворенную дверь весь магазинъ поощряетъ ее согласиться. Полина дружески назвала ее дурой, всѣ прочія, конечно, будутъ только смѣяться надъ ней, если она откажется. И, вышедшая не безъ умысла мадамъ Аврели, и доносившійся изъ сосѣдней комнаты голосъ Маргариты, и выглядывавшая изъ-за конторки спина Ломма, и отдаленный гулъ и грохотъ падаваго и передвигаемаго товара, — все, казалось ей, ждетъ ея паденія и толкаетъ ее въ объятія хозяина.

На минуту воцарилось молчаніе.

— Когда-же вы придете? Завтра? спросилъ онъ снова.

Этотъ простой вопросъ смутилъ Денизу. Она на минуту потеряла хладнокровіе и пробормотала:

— Не знаю... Я не могу...

Онъ улыбнулся и взялъ было ее за руку, но она ее тотчасъ освободила.

— Чего-же вы боитесь?

Но она уже гордо подняла голову и, глядя ему въ лицо, спокойно отвѣчала:

— Я ничего не боюсь, сударь... Каждый может поступать такъ, какъ ему хочется — не правда-ли? Я не желаю придти—вотъ и все!

Скрипъ затворившейся двери заставилъ ее обернуться. Это усердствовалъ инспекторъ Жувъ, продолжавшій шагать назадъ и впередъ по галлерей. Никто, впрочемъ, не обратилъ на это вниманія, кромѣ Клары, которая прошептала какую-то сальность.

Дениза, между тѣмъ, поднялась съ мѣста.

— Слушайте, я васъ люблю... заговорилъ дрожащимъ голосомъ Мурэ. Вы это сами давно знаете, такъ не имѣйте-же жестокости представляться ничего непонимающей... Вамъ нечего бояться. Я имѣлъ двадцать поводовъ позвать васъ въ свой кабинетъ. Мы были-бы одни, мнѣ стоило только повернуть ключъ. Но я не хотѣлъ этого, вы видите, что я предпочелъ говорить съ вами здѣсь, гдѣ всѣ могутъ насъ слышать... Я васъ люблю, Дениза...

Она стояла блѣдная, какъ смерть, и не сводила съ него глазъ.

— Отчего вы мнѣ отказываете?.. Развѣ вамъ ничего не нужно? Вѣдь на васъ лежитъ забота о братьяхъ. Я сдѣлаю все, что вы ни попросите у меня...

Но она прервала его.

— Благодарю васъ, я зарабатываю теперь больше, чѣмъ мнѣ нужно.

— Но я вамъ предлагаю независимость, удовольствія, роскошь... Вы устройтесь по своему, я обезпечу васъ на всю жизнь...

— Нѣтъ, благодарю васъ, это очень скучно... Я стала зарабатывать себѣ хлѣбъ съ десятилѣтняго возраста.

Онъ былъ въ бѣшенствѣ. Она была первая, рѣшившаяся отказать ему. До сихъ поръ ему стоило только кивнуть, и всѣ эти дѣвицы рабски исполняли всякій его капризъ; а эта упорно твердить «нѣтъ», безъ всякихъ объясненій. Долго сдерживаемая и разжигаемая этимъ неожиданнымъ упорствомъ страсть млокотала въ немъ, отуманивала голову. Быть можетъ, онъ

мало предложилъ?.. И онъ сталъ увеличивать предложенія, усиливая просьбы.

— Нѣтъ, благодарю васъ, отвѣчала она всякій разъ, не измѣняя тона.

— Вы не видите развѣ, что я васъ люблю!.. воскликнулъ онъ, наконецъ, вѣя себя. — Это даже глупо, я страдаю, какъ мальчишка!

Слезы показались на его глазахъ. Снова наступило молчаніе. Изъ-за запертой двери доносился глухой шумъ провѣрки, точно скорбная пѣснь магазина о пораженіи своего владыки.

— Ну, а если я все-таки захочу! воскликнулъ онъ жгучимъ голосомъ, схвативъ ее за руки.

У нея потемнѣло въ глазахъ, силы ее покидали. Теплое прикосновеніе его рукъ наполняло все ея существо какой-то сладостной ѣстой. Боже мой! какъ она любитъ его, съ какой радостью бросилась-бы ему на шею и прижалась-бы къ его груди!

— Я хочу, хочу! повторялъ онъ безумно;—я васъ жду сегодня, иначе, я приму мѣры...

Онъ становился грубъ и бѣшенно сжималъ ея руки. Она вскрикнула отъ боли. Это придавало ей мужества; отчаяннымъ усиліемъ она освободилась отъ него и, гордо выправившись, произнесла:

— Оставьте меня... Я не какая-нибудь Клара, которую можно бросить на другой день. Притомъ, вы вѣдь любите другую женщину... Оставайтесь лучше при ней. Я не умѣю дѣлаться!

Онъ стоялъ изумленный. Чего-же она хочетъ? Ни одна еще изъ выбираемыхъ имъ въ магазинѣ дѣвушекъ не обнаруживала притязанія на любовь. Онъ долженъ былъ-бы расхотаться надъ такой претензіей, но, странное дѣло, она-то и довершила его покореніе!

— Послушайте! сказала она;—отворите лучше дверь. Неловко оставаться такъ долго взаперти.

Онъ повиновался, позвалъ мадамъ Аврели и, чтобы скрыть волненіе и муки неудачи, накинулъ на нее за чрезмѣрное количество непроданныхъ пальто, требуя пониженія цѣны во что-бы то ни стало, пока всѣ, до одинаго, не будутъ распроданы. Это было кореннымъ правиломъ магазина; ни одинъ прошлогодній

товаръ не долженъ былъ оставаться на слѣдующій годъ, хотя бы пришлось продавать его съ убыткомъ въ шестьдесятъ процентовъ.

За дверью уже нѣсколько минутъ въ нетерпѣннн ждалъ его Бурдонкль, не смѣя однако нарушить tête-à-tête патрона, о которомъ шепнулъ ему на ухо инспекторъ Жувъ. Онъ выходилъ изъ себя. — Это непростительно! Въ такое горячее время запирается съ этой тощей дѣвчонкой! Когда Мурэ, наконецъ, выпелъ, Бурдонкль сообщилъ ему о громадномъ остаткѣ непроданнаго шелка. Это даже обрадовало Мурэ, давъ ему возможность въ волю накричаться и на чемъ-нибудь излить горечь неудачи. — Чего-же смотрѣлъ Бутмонъ! кричалъ онъ. — Зачѣмъ было закупать больше, чѣмъ требовалъ сбытъ! Хорошій прикащикъ долженъ угадывать размѣры предстоящаго спроса!

— Что съ нимъ такое? шептала мадамъ Аврели, обиженная неожиданно посыпавшимися на нее упреками.

Продавщицы изумленно переглядывались. Пробило шесть часовъ и провѣрка была окончена. Лѣтнее солнце еще золотило яркими лучами окна и потолокъ обширныхъ галлерей. По душнымъ улицамъ лѣниво двигались возвращавшіяся изъ загороднаго гулянья семьи съ букетами цвѣтовъ и группами усталыхъ дѣтей. Въ различныхъ отдѣлахъ магазина мало-по-малу воцарялась тишина и изрѣдка раздавались только голоса запоздавшихъ прикащиковъ, опоражнивающихъ послѣднія полки.

Отъ дневной суматохи оставалось только умирающее эхо, носившееся надъ горами опрокинутаго товара. Всѣ полки, швапы, ящики и коробки были пусты; повсюду непривѣтливо выглядывали голыя доски и стѣны; а внизу въ беспорядкѣ лежало на шестнадцать милліоновъ франковъ товара, — цѣлое море, затопившее паркетъ, стулья, столы и прилавки. Утопавшіе въ немъ прикащики приступили къ раскладкѣ каждой вещи на прежнее мѣсто. Работа должна была окончиться только къ десяти часамъ.

Возвратившись изъ столовой, мадамъ Аврели принесла въ отдѣлъ свѣдѣння объ общей суммѣ годового оборота. Онъ простирался до восьмидесяти милліоновъ франковъ, и на десять милліоновъ превышалъ сумму оборотовъ прошлаго года. Пониженіе оказалось только въ отдѣлѣ шелковыхъ матерій.

— Если и теперь господинъ Мурэ не доволенъ, то я ужъ

и не знаю, чего ему нужно! замѣтила мадамъ Аврели. — Посмотрите, какъ онъ сердито смотритъ, вонъ тамъ, на главной лѣстницѣ.

Мурэ стоялъ одинъ на центральной площадкѣ и мрачно смотрѣлъ на разстилавшіеся у его ногъ милліоны товара.

— Сударыня, обратилась въ эту минуту къ начальницѣ Дениза;—позвольте мнѣ удалиться. Съ больной ногой, я теперь вамъ не нужна, а у дяди меня ждутъ обѣдать съ братьями.

Послѣдовало общее изумленіе. Неужто она отказала ему? Къ мадамъ Аврели даже вернулась прежняя суровость тона. Клара недовѣрчиво пожала плечами; рассказывайте басни! дѣло гораздо проще — она ему не понравилась! Когда вѣсть объ этой развязкѣ достигла Полины, она разговаривала у прилавка съ Делошемъ. Восторгъ молодого человѣка привелъ ее въ бѣшенство. — И чего онъ обрадовался? Ему-то какой отъ этого толкъ? Развѣ тотъ, что его пріятельница, Дениза, настолько глупа, что сама бѣжитъ своего счастья?.. Даже самъ Бурдонкль, не смѣя прервать угрюмага уединенія патрона, печально ходилъ по магазину, предчувствуя что-то недоброе.

Спустившись внизъ, Дениза наткнулась на группу громко смѣявшихся прикащиковъ. Явственно произносилось ея имя, — обсуждалась, повидимому, все та-же исторія съ письмомъ.

— Пустое! говорилъ Февье;—просто ломается... Я знаю человѣка, къ которому она приставала насильно

При этомъ онъ взглянулъ на Гютена, который въ качествѣ начальника стоялъ въ нѣкоторомъ отдаленіи. Замѣчаніе Февье до того польстило ему, что онъ снисходительно заявилъ:

— Она порядочно-таки мнѣ надоѣдала!

Пораженная прямо въ сердце, Дениза удержалась за перила. Замѣтивъ ее, всѣ со смѣхомъ разбѣжались. Вѣдь онъ правъ, она когда-то думала о немъ, волновалась, принимала это за любовь! Но какъ-же онъ низко и какъ она его презираетъ теперь! Не странно-ли это? — сейчасъ только у нея хватило силы оттолкнуть обожаемаго человѣка, тогда-какъ недавно еще она чувствовала себя безсильной передъ этимъ ничтожнымъ мальчишкой! Ея затуманившаяся головка не могла никакъ разобрать этихъ странныхъ противорѣчій ея существа.

Она послѣдно перешла галерею; но у самой двери инстинктивно подняла голову и увидѣла Мурэ. Онъ все еще стоялъ на той-же центральной площадкѣ, господствовавшей надъ магазиномъ. Но онъ забылъ уже про инвентарь, не заботясь своего царства и разстилавшихся у его ногъ богатствъ. И недавнія побѣды и колоссальное состояніе—все куда-то исчезло. Съ отчаяніемъ во взорахъ онъ слѣдилъ за удалявшейся Денизой, и когда она скрылась за дверь, — все казалось ему погибшимъ и погруженнымъ въ пустоту и мракъ.

XI.

Въ этотъ день Бутмонъ первымъ явился въ сверкающей позолотой и мраморомъ салонъ м-мъ Дефоржъ. Она была одна; увидавъ Бутмона, она нетерпѣливо вскочила.

— Ну, что?

— Ничего, отвѣчалъ молодой человекъ; — когда я сообщилъ ему, что непременно буду у васъ сегодня, онъ положительно обѣщалъ придти.

— Вы ему сказали, что я жду сегодня барона?

— Разумѣется... Это, повидимому, и заставило его обѣщать.

Рѣчь шла о Мурэ. Еще въ прошломъ году Мурэ вдругъ воспыпалъ такой нѣжностью къ Бутмону, что сдѣлалъ его повѣреннымъ всѣхъ тайнъ своей интимной жизни; онъ познакомилъ его даже съ Генріетой и охотно свалилъ на преданнаго пріятеля заботу развлекать надоѣдавшую уже ему возлюбленную. Сдѣлавшись довѣреннымъ лицомъ патрона и хорошенькой вдовушки, Бутмонъ охотно исполнялъ ихъ порученія, служилъ между ними посредникомъ и не рѣдко мирилъ ссорившихся любовниковъ; въ припадкахъ ревности Генріэта часто изумляла его своей откровенностью, переходившей за предѣлы благоразумія и свѣтскихъ приличій.

— Вамъ слѣдовало его привести... Это было-бы вѣрнѣе, раздражительно замѣтила Генріета.

— Вотъ еще! отвѣчалъ онъ съ добродушнымъ смѣхомъ; — я не виноватъ, что въ послѣднее время онъ насъ избѣгаетъ... Но онъ попрежнему ко мнѣ расположенъ, и безъ его заступничества мнѣ пришлось-бы плохо.

Со дня послѣдней провѣрки товаровъ положеніе Бутмона

въ «Bonheur des Dames» пошатнулось. Хотя онъ и ссылался на дождливое и холодное лѣто, ему все-таки не могли простить оставшагося непроданнымъ значительнаго запаса свѣтлаго шелка; къ тому-же, Гютенъ пользовался обстоятельствами, чтобы окончательно подорвать его въ глазахъ дирекціи, и Бутмонъ уже чувствовалъ близость своего паденія. Мурэ, которому этотъ постоянный свидѣтель его закулисной жизни успѣлъ уже надобсть, былъ заодно съ другими членами управленія, но по своему обыкновенію сваливалъ всю вину на Бурдонкля, увѣрялъ Бутмона, что Бурдонкль и остальные члены совѣта каждый разъ настоятельно требуютъ его изгнанія, тогда-какъ онъ, Мурэ, употребляетъ всѣ усилія, чтобы отстоять своего друга.

— Буду ждать — нечего дѣлать, сказала г-жа Дефоржъ; — вы знаете, эта дѣвушка будетъ у меня, въ пять часовъ; я ихъ сведу; мнѣ необходимо наконецъ знать ихъ тайну.

И въ лихорадочномъ волненіи, она рассказала, что по ея просьбѣ мадамъ Аврели пришлетъ къ ней Денизу примѣрить купленное недавно пальто. Когда дѣвушка будетъ въ ея кабинетѣ, она позоветъ туда Мурэ и затѣмъ, смотря по обстоятельствамъ, начнетъ дѣйствовать.

Сидѣвшій противъ нея Бутмонъ дѣлалъ усиліе, чтобы сохранить серьезное выраженіе своихъ смѣющихся красивыхъ глазъ. Взглядывая на свою собесѣдницу, этотъ веселый гуляка-гасконецъ составлялъ себѣ весьма нелестное понятіе о свѣтскихъ дамахъ. Хороши-же онѣ, нечего сказать, думалъ онъ, дай имъ только высказаться; простыя продавщицы, возлюбленныя его товарищей по магазину, навѣрное неспособны были-бы на подобный цинизмъ.

— Послушайте, замѣтилъ онъ наконецъ; — затѣмъ вамъ всѣ эти штуки, когда я васъ увѣряю, что между ними нѣтъ ничего серьезнаго?

— Дѣло въ томъ, что онъ ее любитъ!.. воскликнула она; — мнѣ нѣтъ никакого дѣла до другихъ, до его мимолетныхъ и случайныхъ связей!

Она съ презрѣніемъ заговорила о Кларѣ. Ей было извѣстно, что послѣ отказа Денизы, Мурэ опять связался съ этой блондинкой съ лошадинымъ лицомъ и съ явнымъ расчетомъ представлялъ напоказъ свою связь, осыпая Клару подарками. Вообще, въ эти послѣдніе три мѣсяца, онъ велъ разгульную жизнь

и страшно сорилъ деньгами: купилъ домъ одной актрисѣ и раззорялся на безсмысленныя прихоти еще двухъ другихъ котовъ.

— Виновата во всемъ эта тварь, повторяла Генриэта; — я увѣрена, что онъ раззоряется на другихъ только потому, что она его отвергла... Мнѣ совсѣмъ не жаль его денегъ; бѣднаго я любила-бы его еще больше... Вамъ, какъ другу, извѣстно, какъ я его люблю!

Она остановилась взволнованная, готовая расплакаться и въ какомъ-то отчаяніи протянула Бутмону обѣ руки. Она дѣйствительно любила Мурэ, любила въ немъ его молодость, его побѣды; ни одному челоуѣку до него не удавалось овладѣть до такой степени всѣмъ ея существомъ; при мысли, что она можетъ лишиться его, ей вспомнились ея сорокъ лѣтъ и она съ ужасомъ спрашивала себя, что ей замѣнить теперь эту любовь?

— О! я отмщу за себя, шептала она; — я отмщу ему, если онъ не исправится!

Бутмонъ продолжалъ держать ея руки. Она была еще довольно хороша, но только въ качествѣ любовницы черезчуръ стѣснительна, а онъ этого не любитъ. Тѣмъ не менѣе, дѣло стоило того, чтобы о немъ подумать, хотя-бы пришлось поплатиться скукой.

— Отчего-бы вамъ не завести самостоятельной торговли? спросила она внезапно, освободивъ руки.

— Да оттого, что для этого нужны большія средства... Въ прошломъ году меня сильно занимала эта мысль. Я убѣжденъ, что въ Парижѣ найдется достаточно кліентовъ, чтобы поддержать еще два-три большихъ магазина; только необходимо сумѣть выбрать мѣсто. «Bon Marché» царитъ на лѣвомъ берегу Сены; «Лувръ» въ центральной части города, «Bonheur des Dames» привлекаетъ къ себѣ богатые кварталы восточной части. Остается сѣверная сторона города, гдѣ можно было-бы успѣшно конкурировать съ магазиномъ «Place Clichy». И я выбралъ отличное мѣсто, за оперой.

— Ну, что-же?

Онъ громко разсмѣялся.

— Представьте себѣ, я имѣлъ глупость сказать объ этомъ отцу... Да, я былъ такъ наивенъ, что предложилъ ему искать акціонеровъ въ Тулузѣ.

И онъ разсказалъ про гнѣвъ старика, который ненавидѣлъ въ своей провинціальной берлогѣ эти громадныя базары новаго Парижа и приходилъ въ бѣшенство даже оттого, что сынъ его получаетъ тридцать тысячъ франковъ въ годъ. Старикъ отвѣтилъ сыну, что скорѣе пожертвуетъ свои деньги на богадѣльни, чѣмъ дастъ хоть грошъ на устройство большихъ магазиновъ, которые онъ называлъ домами терпимости новой комерціи.

— Притомъ, заключилъ молодой человѣкъ,—на это нужны миллионы.

— Ну, а если они найдутся? спросила г-жа Дефоржъ.

Онъ посмотрѣлъ на нее и сдѣлался вдругъ серьезень. Она не дала ему сказать слова и прибавила:

— Вы вѣдь знаете, какъ близко я принимаю къ сердцу ваши интересы... Мы еще поговоримъ объ этомъ.

Въ передней раздался звонокъ. Онъ быстро отодвинулъ отъ нея свой стулъ. Она поднялась и стала прислушиваться. Въ салонѣ, густо заставленномъ растеніями, царилъ тишина.

— Это онъ! прошептала Генріэта.

— Господинъ Мурэ, господинъ Валаньоскъ! доложилъ вошедшій въ эту минуту слуга.

Генріэта не могла скрыть выраженіе досады. Отчего онъ не пришелъ одинъ? Онъ навѣрное нарочно заходилъ за пріятелемъ, чтобы не встрѣтиться съ нею глазъ на глазъ. Тѣмъ не менѣе она улыбнулась и протянула гостямъ руку.

— Какъ вы рѣдко стали заглядывать!.. Это относится также и къ вамъ, господинъ Валаньоскъ.

Чтобы скрыть излишнюю полноту, она была туго затянута въ черное шелковое платье, рѣзко обозначавшее ея роскошныя формы; но ея хорошенькая головка съ густыми черными волосами сохранила прежнее изящество и молоджавость. Окунувъ ее взглядомъ, Мурэ фамиліарно замѣтилъ:

— Считаю излишнимъ спрашивать васъ о здоровьи; вы цвѣтете какъ роза.

— О! я себя отлично чувствую, отвѣчала она.—Но я могла умереть, а вы не знали-бы объ этомъ.

Посмотрѣвъ на него въ свою очередь, она нашла его уставшимъ и нервнымъ, съ посинѣвшими вѣками и блѣднымъ лицомъ.

— Что касается васъ, продолжала она, стараясь быть лю-

безной; — я не могу отплатить вамъ тѣмъ-же комплиментомъ: вы выглядите нехорошо.

— Работа! воскликнулъ Валаньоскъ.

Мурэ пожалъ плечами, ничего не отвѣтивъ. Замѣтивъ Бутмона, онъ дружески кивнулъ ему головой. Во время разгара ихъ дружбы, онъ часто самъ отрывалъ его отъ работы и рано уводилъ съ собой къ Генріэтѣ; но время это теперь прошло; наклонившись къ нему, онъ въ полголоса замѣтилъ:

— Вы ушли слишкомъ рано... Ваше отсутствіе было замѣчено и всѣ тамъ взбѣшены.

Онъ намекалъ на Бурдонкля и другихъ компаньоновъ, точно не онъ былъ тамъ хозяиномъ.

— Неужели! пробормоталъ встревоженный Бутмонъ.

— Да, да, мнѣ нужно вамъ кое-что сказать... Подождите, мы выйдемъ вмѣстѣ.

Генріэта, между тѣмъ, сѣла возлѣ Валаньоска, который сообщалъ ей о вѣроятномъ посѣщеніи г-жи де-Бовъ. Но она не сводила глазъ съ Мурэ, молча водившаго глазами по комнатамъ. Когда она шутя пожаловалась на то, что ея салонъ стали удостаивать посѣщеніемъ только мужчины, онъ разсѣянно замѣтилъ, что надѣялся встрѣтить здѣсь барона.

Когда онъ спохватился, было уже поздно. Генріэта поблѣднѣла. Она, конечно, понимала, что онъ посѣщаетъ ее исключительно для того, чтобы имѣть случай встрѣчаться здѣсь съ барономъ; но зачѣмъ-же онъ такъ грубо бросаетъ ей въ лицо свое равнодушіе! Въ эту минуту дверь растворилась и къ ней подошелъ слуга. Наклонившись, онъ шелнулъ ей на ухо:

— Изъ магазина пальто... Дѣвушка ждетъ...

— Пусть подождетъ! громко отвѣтила Генріэта, чтобы всѣ слышали, и въ этой презрительно сказанной фразѣ вылилась вся злоба терзавшей ее ревности.

— Прикажете проводить ее въ кабинетъ? спросилъ слуга.

— Нѣтъ, нѣтъ, пусть подождетъ въ передней!

Когда слуга вышелъ, она продолжала начатый разговоръ съ Валаньоскомъ. Мурэ снова погрузился въ задумчивость и ничего не слушалъ. Но почти въ эту самую минуту раздался звонокъ и вошли двѣ дамы.

— Вообразите, сказала м-мъ Марты; — я выхожу изъ фіакра и вижу подъ аркадами м-мъ де-Бовъ.

— Погода отличная, объяснила послѣдняя;—а такъ-какъ докторъ предписалъ мнѣ продолжительныя прогулки пѣшкомъ...

Затѣмъ, послѣ общаго размѣна рукопожатій, она обратилась къ Генріэтѣ:

— У васъ новая горничная?

— Нѣтъ, отвѣчала изумленная Генріэта;—почему вы думаете?

— Да я встрѣтила въ прихожей незнакомую дѣвушку... Генріэта размѣялась.

— Не правда-ли, всѣ эти дѣвушки изъ магазина похожи на горничныхъ?.. Она пришла примѣрить и поправить мнѣ пальто.

Мурэ пристально взглянулъ на нее, чужа что-то недоброе. Но она съ принужденной веселостью стала рассказывать о купленномъ ею на прошлой недѣлѣ въ «Bonheur des Dames» пальто.

— Развѣ вы не одѣваетесь больше у Соверъ? спросила м-мъ Марти.

— Да, у Соверъ, но я хотѣла попробовать. Первая покупка дорожнаго пальто была удачна, я была имъ очень довольна. Но во второй разъ не повезло... Какъ вы хотите, а въ этихъ большихъ магазинахъ прескверно одѣваютъ. Я не стѣсняюсь, такъ какъ говорю это въ присутствіи господина Мурэ... Никогда вамъ, господа, не удастся удовлетворить сколько-нибудь изысканнаго вкуса.

Мурэ не защищалъ своего магазина, но не сводилъ съ нея глазъ. Тогда за «Bonheur des Dames» вступился Бутмонъ.

— Если-бы всѣ одѣвающіяся у насъ дамы высшаго круга думали, какъ вы, то трудно было-бы объяснить ихъ посѣщеніе магазина... Заказанное у насъ платье нисколько не хуже, чѣмъ у Соверъ, но оно дешевле, поэтому только оно и кажется вамъ хуже.

— Такъ пальто дурно сидитъ? сказала м-мъ де-Бовъ... Я теперь припоминаю эту дѣвушку... Но у васъ въ передней нѣсколько темно.

— Да, прибавила м-мъ Марти;—я все вспоминала, гдѣ я видѣла эту фигурку.. Ну, что-жь, идите, не стѣсняйтесь, моя милая.

— Это не къ спѣху, можно подождать, небрежно отвѣчала Генріэта.

Дамы продолжали разговаривать о костюмахъ. Затѣмъ перешли къ отсутствующимъ.

— У васъ больной видъ, господинъ Мурэ, замѣтила м-мъ де-Бовъ.

— Отъ работы! иронически повторилъ Валяньоскъ.

Мурэ вдругъ очнулся, всталъ и, занявъ свое обычное мѣсто между дамами, снова сдѣлался любезнымъ и разговорчивымъ. Онъ заговорилъ о занимавшихъ его въ настоящую минуту зимнихъ модахъ, объ ожидаемой имъ большой партіи кружевъ. Дамы окружили его, спрашивали о цѣнахъ.

— Баронъ Гартманъ, доложилъ вдругъ слуга.

Отъ вниманія Генріэты не ускользнуло, съ какой радостью встрѣтилъ Мурэ вошедшаго барона, который поклонился дамамъ и лукаво взглянулъ на молодого человѣка.

— Вы вѣчно окружены домами! проговорилъ онъ, улыбаясь.

И, обратившись къ хозяйкѣ, фамильярно замѣтилъ:

— У васъ въ передней стоитъ прехорошенькая дѣвушка; кто это?

— Это продавщица изъ магазина, отвѣтила злымъ голосомъ мадамъ Дефоржъ.

Дверь въ переднюю осталась отворенной, такъ какъ слуга сталъ сервировать чай и поминутно выходилъ и входилъ, внося чашки, тарелки, сэндвичи и бисквиты. Въ углу темной передней стояла неподвижная фигура терпѣливо ждавшей Денизы. Она уже стояла здѣсь около получаса, молча и безъ движенія, не смотря на любопытные взгляды проходившихъ мимо нея гостей. Изъ салона до нея доносился шумъ голосовъ, среди которыхъ она узнала голосъ Мурэ. Скоро и онъ разглядѣлъ ее черезъ растворенную дверь.

— Это одна изъ вашихъ продавщицъ? спросилъ его добродушнымъ тономъ баронъ.

Мурэ силился скрыть волненіе; но голосъ его дрожалъ.

— Да, только я не знаю, кто именно?

— Это маленькая блондинка изъ отдѣла готоваго платья, помощница мадамъ Аврели, обязательно подсказала м-мъ Марти.

Генріэта не спускала съ него глазъ.

— А! произнесъ онъ небрежно и заговорилъ о празднествахъ въ честь прусскаго короля, бывшаго въ это время въ Парижѣ.

Но баронъ снова свелъ разговоръ на продавщицъ большихъ магазиновъ, дѣлая видъ, что глубоко заинтересованъ предметомъ и осыпая Мурэ вопросами объ ихъ происхожденіи, службѣ и нравственности. Завязался споръ.

— Такъ вы утверждаете, что онѣ ведутъ скромную жизнь? спрашивалъ онъ.

Мурэ съ такимъ убѣжденіемъ защищалъ нравственность своихъ продавщицъ, что Валаньоскъ даже разсмѣялся. Тогда на помощь патрону подоспѣлъ Бутмонъ. Разумѣется, заговорилъ онъ, между ними есть и честныя дѣвушки и дѣвушки сомнительной нравственности; но несомнѣнно, что средній уровень нравственности съ каждымъ годомъ подымается. Прежде въ модные магазины поступали только потерянные дѣвушки, поддонки торговаго населенія; тогда какъ теперь цѣлыя семьи изъ улицы Севръ воспитываютъ своихъ дочерей для поступленія въ «Bon Marché». Теперь у нихъ есть возможность порядочной жизни, такъ какъ въ магазинѣ онѣ имѣютъ столъ, квартиру, и имъ нѣтъ надобности бѣгать по тротуарамъ, отелямъ и ресторанамъ, какъ это дѣлаютъ работницы другихъ отраслей труда; существованіе ихъ, конечно, скромное и тяжелое, но вполнѣ обеспеченное. Самое печальное въ ихъ положеніи то, что онѣ составляютъ нѣчто среднее между работницей и барыней; лишеныя часто самаго элементарнаго воспитанія, онѣ усваиваютъ манеры, привычки и вкусы важныхъ барынь, съ которыми сталкиваются въ магазинѣ. Отсюда происходитъ много несчастія.

— По-моему, замѣтила м-мъ де-Бовъ;—это самыя неприятныя существа... Иногда такъ и хочется отхлестать ихъ по щекамъ.

■ — Всѣ онѣ продажны, какъ ихъ товаръ! злобно произнесла Генріэта.

Мурэ сдѣлалъ усиліе, чтобы улыбнуться. Наблюдавшій за нимъ баронъ, тронутый этимъ умѣньемъ скрывать свои чувства, снова свелъ разговоръ на блестящія празднества въ честь прусскаго короля, которыя дадутъ сильный толчекъ парижской торговлѣ. Генріэта молчала и колебалась между желаніемъ заставить Денизу еще подождать въ передней и боязнию, чтобы

догадавшийся объ угрожающей ему опасности Мурэ не ускользнулъ. Наконецъ, она поднялась съ кресла.

— Вы мнѣ позволите?

— Конечно, моя милая! сказала м-мъ Марти;—я буду исполнять за васъ обязанность хозяйки.

Она взяла чайникъ и принялась разливать чай.

— Вы еще посидите? обратилась Генриѣта къ барону.

— Да, мнѣ нужно поговорить съ г. Мурэ. Мы займемъ вашъ маленькій салонъ.

Она вышла, а вслѣдъ за нею баронъ увелъ въ сосѣдній салонъ Мурэ, оставивши дамъ въ обществѣ Бутмона и Валаньоска. У окна они заговорили въ полголоса. Дѣло шло о новой перестройкѣ «Bonheur des Dames». Мурэ давно лелѣялъ планъ захвата подъ свой магазинъ всего четырехугольника между улицами Монсиньи, Мишодьеръ, С.-Огюстенъ и Десятаго Декабря. Вдоль послѣдней улицы находился до сихъ поръ непринадлежащій ему значительный участокъ земли и этого было достаточно, чтобы отравить ему всѣ его успѣхи. Его терзала мысль о завершеніи своей побѣды возведеніемъ монументальнаго фасада на свободномъ еще участкѣ земли. До сихъ поръ, пока парадная дверь магазина выходила на старую и мрачную улицу С.-Огюстенъ, все предпріятіе казалось ему незаконченнымъ и неимѣющимъ цѣли и смысла; ему хотѣлось, чтобы магазинъ его гордо красовался передъ лицомъ цѣлаго Парижа, на широкой, полной свѣта и суеты новой улицѣ, какъ гигантскій храмъ новѣйшей комерціи, покрывая своей тѣнью всѣ окрестныя зданія. Но до сихъ поръ, всѣ усилія Мурэ разбивались объ упорство «Credit Immobilier», не покидавшаго намѣренія построить на новой улицѣ огромную гостиницу, которая конкурировала-бы съ Grand-Hôtel. Планы уже были давно составлены, ждали только окончательной очистки участка отъ старыхъ построекъ. Но въ послѣднюю встрѣчу Мурэ почти удалось уговорить барона Гартмана.

— Ну-съ, началъ послѣдній; — вчера у насъ происходило засѣданіе совѣта и я пришелъ сюда, чтобы познакомить васъ съ положеніемъ дѣла... Они продолжаютъ упорствовать.

Мурэ передернуло.

— Но вѣдь это бессмыслица!.. раздражительно сказалъ онъ;—что-же они говорятъ?

— Да то-же, что не однажды говорилъ вамъ и я, что я и

до сихъ поръ думаю... Вашъ новый фасадъ будетъ только украшеніемъ и расширить магазинъ не больше, какъ на одну десятую его пространства. Это значило-бы затрачивать слишкомъ большія суммы на простую рекламу.

— Реклама!.. нетерпѣливо воскликнулъ Мурэ.— Что-жь, зато эта реклама будетъ изъ камня и переживетъ насъ всѣхъ. Поймите-же, что это удешевитъ наши операціи! Въ два года мы вернемъ затраты. Вы увидите, какъ повалятся къ намъ публика со всѣхъ концовъ города, когда входъ будетъ со свѣтлой и просторной улицы, гдѣ свободно можетъ двигаться шесть рядовъ каретъ.

— Я въ этомъ не сомнѣваюсь, отвѣчалъ, смѣясь, баронъ;— но, повторяю вамъ, — вы въ своемъ дѣлѣ поэтъ. Мои товарищи находятъ, что рискованно расширять ваше предпріятіе; они совѣтуютъ вамъ осторожность.

— Какъ! Осторожность? Я не понимаю этого!.. Развѣ цифры не у всѣхъ на глазахъ, развѣ онѣ не указываютъ на постоянное возрастаніе оборотовъ? Сначала, съ капиталомъ въ пять сотъ тысячъ франковъ, я дѣлалъ на два милліона оборотовъ. Капиталъ оборачивался четыре раза. Затѣмъ, капиталъ возросъ до четырехъ милліоновъ и я сталъ дѣлать десять оборотовъ, т. е. на сумму въ сорокъ милліоновъ. Наконецъ, послѣ послѣдней провѣрки видно, что сбытъ нашъ простирается теперь на восемьдесятъ милліоновъ франковъ, а такъ какъ весь капиталъ не превышаетъ шести милліоновъ, то оборачивается онъ, слѣдовательно, больше двѣнадцати разъ...

Онъ повышалъ голосъ и ударялъ пальцемъ правой руки по лѣвой ладони, точно отсчитывая милліоны.

— Знаю, знаю... прервалъ его баронъ.— Но не рассчитываете-же вы, что обороты ваши будутъ возрастать все въ той-же пропорціи?

— Почему нѣтъ? спросилъ наивно Мурэ.— Имъ нѣтъ никакого резона останавливаться. Капиталъ, какъ я давно уже утверждаю, можетъ обернуться пятнадцать разъ; въ нѣкоторыхъ отдѣлахъ даже двадцать пять и тридцать... Затѣмъ, мы придумаемъ новый способъ ускорить обороты.

— Такъ вы надѣетесь проглотить всѣ деньги Парижа, какъ стаканъ воды?

— Разумѣется. Развѣ Парижъ не во власти женщинъ, а женщины развѣ не въ нашей власти?

Баронъ положилъ руки на его плечи и отечески посмотрѣлъ ему въ лицо.

— Вы славный малый, я васъ люблю... Противъ васъ трудно устоять. Мы еще серьезно это обсудимъ и я надѣюсь убѣдить ихъ. До сихъ поръ мы не имѣемъ причинъ жаловаться на васъ. Вашъ дивидендъ изумляетъ биржу... Вы правы, лучше вложить еще денегъ въ вашу машину, чѣмъ затѣвать рискованную конкуренцію съ «Grand Hôtel».

Мурэ поблагодарилъ барона и съ безпокойствомъ сталъ поглядывать на дверь сосѣдней комнаты. Между тѣмъ, къ нимъ подошелъ Валаньоскъ, замѣтившій, что дѣловой разговоръ оконченъ.

— Послушайте, сказалъ шутливо баронъ; — вѣдь онѣ начинаютъ, кажется, мстить?

— Кто это? спросилъ смущенный Мурэ.

— Да женщины... Имъ наскучило быть вѣчно побѣжденными и онѣ начинаютъ побѣждать васъ: долгъ платежемъ красенъ.

Ему были извѣстны послѣднія похождения Мурэ. Домъ, подаренный актрисѣ, огромныя суммы, израсходованныя на разныхъ кокотокъ, пріятно щекотали въ немъ воспоминанія давно пережитаго.

— Seriously, я ничего не понимаю, повторялъ Мурэ.

— Перестаньте, пожалуйста! сказалъ баронъ; — за ними всегда послѣднее слово. Я всегда думалъ, что вы хвастаете и далеко не такъ сильны! И вотъ вы и влопались! Какъ вы ни эксплуатируете женщину, — въ концѣ-концовъ она всегда свое возьметъ... Одна изъ нихъ высосетъ у васъ больше крови, чѣмъ вы сумѣете высосать у всѣхъ у „нихъ вмѣстѣ“.

Онъ громко смѣялся, а ему, молча, вторилъ Валаньоскъ.

— Что дѣлать! Надо все испытать, сказалъ Мурэ, желая отдѣлаться шуткой.

— О! Что касается развлеченій—я вполне васъ одобряю, продолжалъ баронъ. Веселитесь.— не мнѣ читать вамъ мораль. Иногда необходимо и побѣситься, чтобы чувствовать себя свѣжѣе. Даже и раззориться не грѣшно, когда умѣешь возстановить потерянное состояніе. Деньги— вздоръ, но есть страданія...

Онъ остановился. По лицу его пробѣжало облако грусти, навѣянное воспоминаніями пережитыхъ страданій. Онъ съ

напряженнымъ любопытствомъ слѣдилъ за борьбой между Генріетой и Мурэ и, зная исторію съ Денизой, чувствовалъ приближеніе развязки.

— О! Что касается страданій — это не по моей части, заносчиво возразилъ Мурэ.—Достаточно, если я трачу деньги.

Нѣсколько секундъ баронъ смотрѣлъ на него молча; затѣмъ медленно произнесъ:

— Не старайтесь казаться хуже, чѣмъ вы есть!.. Это обойдется вамъ по-дороже денегъ; вы заплатитесь тутъ плотью и кровью, мой милый!

Онъ остановился и обратился со смѣхомъ къ Валаньоску.

— Не правда-ли, г. Валаньоскъ, часъ наступилъ?

— Повидимому — да, баронъ, коротко отвѣчалъ молодой человѣкъ.

Въ эту минуту изъ сосѣдней комнаты растворились двери. Мурэ вздрогнулъ; всѣ трое обернулись.

Изъ дверей выглянула хорошенькая головка мадамъ Дефоржъ; она весело звала:

— Господинъ Мурэ! Господинъ Мурэ! Господа, обратилась она ко всѣмъ;—вы позволите г. Мурэ оставить васъ на одну минуту. Такъ какъ онъ мнѣ продалъ северное пальто—то пусть-же самъ и отвѣчаетъ. Эта дѣвушка ужасно глупа... Идите-же, я васъ жду.

Онъ колебался, предчувствуя сцену. Но нужно было покориться.

— Ступайте, ступайте, мой милый, сказалъ насмѣшливо и вмѣстѣ нѣжно баронъ;—вы тамъ нужны.

Мурэ медленно вошелъ въ комнату; изъ-за закрывшейся двери ему послышался сдержанный смѣхъ Валаньоска. Ему становилось страшно. Съ той минуты, какъ онъ почувствовалъ, что Дениза въ сосѣдней комнатѣ, во власти этой ревливной женщины, имъ овладѣло мучительное, все возрастающее безпокойство, заставлявшее его прислушиваться къ малѣйшему шороху, точно къ отдаленнымъ звукамъ чьихъ-то глухихъ рыданій. Въ эту минуту онъ не колебался; всѣ его чувства были на сторонѣ дѣвушки. Всѣ его прежнія увлеченія казались ему ничтожными и мелкими въ сравненіи съ этимъ чувствомъ. Его страсть къ хорошенькой Генріетѣ, обладаніе которой до извѣстной степени льстило его самолюбію, была простымъ препровожденіемъ времени, забавой или расчетомъ дѣлового

человѣка, за наслажденіемъ не терявшаго изъ виду выгоды. Онъ уходилъ отъ нея спокойный и довольный собой и своей свободой и беззаботно засыпалъ на своей холостой постели. Тогда-какъ теперь сердце его мучительно сжималось, жизнь казалась ему пустой и безцѣльной, сонъ бѣжалъ отъ его лихорадочно горѣвшихъ глазъ, и мысль о Денизѣ ни на минуту не покидала его. Даже въ эту минуту онъ думалъ только о ней, о той опасности, которая угрожаетъ ей въ этой комнатѣ, и ему вдругъ захотѣлось скорѣе быть возлѣ нея и защитить ее.

Онъ послѣдовалъ за мадамъ Дефоржъ черезъ будуаръ въ сосѣдній кабинетъ. Это была довольно большая комната, обитая краснымъ шелкомъ, съ выходившими во дворъ окнами. По обѣ стороны огромнаго зеркальнаго шкапа горѣло по газовому рожку.

— Ну, сказала Генріэта; — можетъ быть, теперь дѣло пойдетъ лучше.

Дениза села посреди комнаты блѣдная, въ простенькой шляпкѣ, и держала въ одной рукѣ пальто мадамъ Дефоржъ. Замѣтивъ Мурѣ, она слегка вздрогнула.

— Помогите мнѣ, мадемуазель; я хочу, чтобы г. Мурѣ посмотрѣлъ самъ, обратилась Генріэта къ дѣвушкамъ.

Дениза приблизилась и набросила на нее пальто съ прищипленными по швамъ плеча булавками.

— Ну, скажите сами — на что это похоже? спросила мадамъ Дефоржъ, оглядывая себя въ зеркало.

— Вы правы, сударыня, оно очень неудачно, сказалъ Мурѣ, чтобы скорѣе покончить съ этимъ. — Мадемуазель Дениза, будьте любезны, снимите мѣрку, мы сошьемъ новую вещь.

— Нѣтъ, живо вмѣшалась мадамъ Дефоржъ; — я хочу эту, мнѣ она нужна сейчасъ. Только она мнѣ жметъ въ груди и морщитъ сзади... Что вы на меня смотрите мадемуазель, вѣдь отъ этого пальто не станетъ лучше сидѣть!.. Постарайтесь какъ нибудь исправить — это ваше дѣло.

Не говоря ни слова, Дениза принялась прищипывать тамъ и сямъ булавки. На минуту, ей пришлось даже опуститься на колѣни, чтобы поправить сзади. Довольная тѣмъ, что заставляетъ дѣвушку исполнять обязанность горничной, Генріэта нарочно капризничала и сухо отдавала приказанія,

слѣдя вмѣстѣ съ тѣмъ за малѣйшимъ движеніемъ лица Мурэ.

— Приколите булавку вотъ здѣсь! Да нѣтъ-же не тутъ, а возлѣ рукава! Вы не понимаете?.. Не такъ, карманъ опять выглядываетъ... Осторожнѣй, вы меня укололи!

Еще два раза Мурэ безуспѣшно пытался прекратить эту сцену. Сердце его болѣзненно билось при видѣ униженія любимой дѣвушки, покорно исполнявшей обязанности своего ремесла. Если руки ея вздрагивали отъ оскорбительнаго обращенія этой важной дамы, то гордое сознание своего достоинства заставляло ее упорно молчать.

Убѣдившись, что они не выдадутъ себя, мадамъ Дефоржъ прибѣгла къ новой уловкѣ. Она стала заигрывать съ Мурэ и фамиллярничать съ нимъ, какъ съ открытымъ любовникомъ.

— Послушайте, мой другъ, обратилась она къ нему, когда не хватило булавокъ;—посмотрите въ спальнѣ, на каминѣ, вы знаете, тамъ, возлѣ зеркала.

Она говорила съ нимъ, какъ съ человѣкомъ, которому хорошо знакома эта спальня, который знаетъ въ ней мѣсто всякой вещи. Когда онъ вернулся, она стала брать у него по одной булавокѣ, заглядывала ему въ лицо, улыбалась и что-то нашептывала, точно въ комнатѣ никого не было.

— Я, кажется, не горбатая... Попробуйте мои плечи, дайте руку.

Не подымая головы, Дениза продолжала прикалывать булавки. Мурэ могъ видѣть только скрученную на нѣжномъ затылкѣ тяжелую русую косу, по легкому вздрагиванію которой онъ догадывался о волновавшихъ дѣвушку чувствахъ. Теперь она совѣмъ оттолкнетъ его и пошлетъ къ этой женщинѣ, нескрывающей своей связи даже при постороннихъ. Кулаки его нервно сжимались, онъ готовъ былъ въ эту минуту прибить Генріэту. Какъ заставить ее замолчать? Какъ убѣдить Денизу, что онъ обожаетъ одну ее, что онъ пожертвовалъ для нея всѣми прежними связями?.. Ни одна дѣвчонка не позволила бы себѣ такой цинической фамиллярности, какъ эта дама. Онъ освободилъ свою руку и отодвинулся.

— Вы напрасно настаиваете, сударыня, сказалъ онъ; — разъ я самъ признаю, что вещь неудачна.

На минуту въ комнатѣ воцарилось молчаніе; слышалось только шипѣнье двухъ газовыхъ рожковъ, отражавшихся въ зеркалѣ и кидавшихъ на красную стѣну огромныя тѣни двухъ

женщины. Воздухъ былъ пропитанъ ароматомъ, распространившимся изъ незакрытаго флакона съ духами.

— Вотъ все, что я могу сдѣлать, сударыня, сказала, подымаясь, Дениза.

Она выбилась уже изъ силъ и въ волненіи два раза до крови уколола себѣ руку. Неужто и онъ въ разговорѣ и завзвалъ ее сюда, чтобы отместить ей за ея отказъ? Эта мысль леденила ей кровь. Въ эту минуту, больше чѣмъ въ самыя тяжелыя минуты ея жизни, она чувствовала потребность въ поддержкѣ и мужествѣ. Она могла еще перенести униженіе, но видѣть его въ ея присутствіи рука объ руку съ другой женщиной—было выше ея силъ.

Генриэта посмотрѣла въ зеркало и снова разразилась въ жесткихъ упрекахъ.

— Да вы шутите, что-ли? Теперь пальто сидитъ еще хуже... Посмотрите, какъ оно морщитъ на груди. Я похожа въ немъ на мамку.

Выведенная изъ терпѣнія, Дениза, наконецъ, не выдержала.

-- Мадамъ вѣсколько полна... Не можемъ-же мы сдѣлать васъ тоньше!

— Полна, полна, повторила поблѣднѣвшая отъ злости Генриэта;—вы становитесь наглою, сударыня... Совѣтую вамъ быть повѣжливей!

Онѣ стояли другъ противъ друга, блѣдныя и взволнованныя. Вся разница между важной дамой и продавщицей моднаго магазина исчезла. Лицомъ къ лицу стояли двѣ женщины-соперницы. Одна порывисто сбросила съ себя пальто, другая кинула на каминъ коробку съ оставшимися булавками.

— Меня удивляетъ только то, что господинъ Мурэ терпитъ подобную наглость... Я считала васъ болѣе строгимъ въ выборѣ служащихъ.

— Если г. Мурэ держитъ меня въ магазинѣ, спокойно сказала, усмѣхнувшись уже овладѣвъ собою, Дениза,—то вѣроятно потому, что ему не въ чемъ меня упрекнуть... Я готова извиниться передъ вами, если онъ найдетъ это необходимымъ.

Мурэ стоялъ смущенный, не зная какъ прекратить неприятную сцену. Онъ вообще ненавидѣлъ враждебныя столкновенія между женщинами, оскорблявшія его эстетическія чувства.

Генріэта старалась добиться отъ него хоть одного слова въ осужденіе дѣвушки, но такъ какъ онъ упорно молчалъ, она въ порывѣ злости прибѣгла къ послѣднему оскорбленію.

— Такъ вотъ какъ, сударь, вы въ моемъ домѣ позволяете оскорблять меня вашей любовницѣ, дѣвчонкѣ, подобранной на мостовой!

Двѣ давно готовыя слезы скатились съ глазъ Денизы, существо которой порывисто вздрагивало. Увидѣвъ ее плачущей, но попрежнему гордой и сдержанной, Мурѣ не выдержалъ, подошелъ къ ней и, взявъ ее за руку, нѣжно прошепталъ:

— Ухдите скорѣй, дитя мое, и постарайтесь забыть этотъ домъ.

Онъ проводилъ ее до передней и заперъ за нею дверь. Она не произнесла ни слова, только щеки ея покрылись яркимъ румянцемъ и слезы умиленія и признательности снова выступили изъ ея глазъ.

Генріэта смотрѣла на нихъ въ какомъ-то оцѣпененіи. Она кусала губы отъ бѣшенства; весь ея планъ обратился противъ нея и она сама попала въ разставленную ею ловушку. Теперь она уже раскаявалась, что зашла такъ далеко... Быть покинутой для подобной твари! Быть униженной передъ нею! Оскорбленное самолюбіе мучило ее еще больше, чѣмъ потерянная любовь.

— Такъ вотъ эту-то дѣвушку вы любите? съ болью спросила она, когда они остались одни.

Онъ не сразу отвѣтилъ, медленно шагая по комнатѣ и стараясь подавить охватившее его волненіе. Наконецъ, онъ остановился и вѣжливо, но холодно отвѣтилъ:

— Да.

Генріэта опустилась на стулъ и, судорожно сжимая носовой платокъ, сквозь рыданія повторяла:

— Боже мой! Боже мой! Какъ я несчастна!

Нѣсколько секундъ онъ смотрѣлъ на нее молча, потомъ повернулся и спокойно вышелъ изъ комнаты. Оставшись одна, она продолжала плакать подъ нарушавшій мертвую тишину комнаты свистъ газовыхъ рожковъ, среди разбросанныхъ по полу булавокъ.

Въ маленькомъ салонѣ Мурѣ засталъ одного Валадьоска; баронъ сидѣлъ съ дамами. Взволнованный Мурѣ усѣлся на

кушеткѣ въ глубинѣ салона. Замѣтивъ его блѣдность, Поль подошелъ и остановился передъ нимъ, чтобы закрыть его отъ любопытныхъ взглядовъ. Сначала они смотрѣли другъ на друга молча; затѣмъ Валаньоскѣ, которому разстроенный видъ Мурѣ доставлялъ, повидимому, удовольствіе, насмѣшливо спросилъ пріятеля:

— Ну что, тебѣ весело?

Мурѣ не сразу понялъ вопросъ; но когда онъ, наконецъ, вспомнилъ ихъ старые разговоры о бессмысленности и безцѣльныхъ мѣкахъ существованія, то отвѣтилъ:

— Что-жь ты думаешь! Я никогда такъ полно не жилъ... Ахъ, не смѣйся, мой милый, никогда время не уйдетъ такъ быстро и незамѣтно, какъ въ тѣ дни, когда мы мучимся и страдаемъ!..

Онъ понизилъ голосъ и сквозь невысохшія еще слезы весело продолжалъ:

— Ты вѣдь знаешь все, не правда-ли? Онѣ сейчасъ вдвоемъ терзали мое сердце. Но повѣришь-ли, что это даже пріятно, почти такъ-же пріятно, какъ ихъ ласки. Я разбитъ, усталъ, и все-таки люблю жизнь и хочу жить! О! Я возьму свое, я овладѣю этой упрямой дѣвочкой!

— Ну, а затѣмъ? спросилъ Валаньоскѣ.

— Затѣмъ?.. Она будетъ моею! Развѣ этого не достаточно? Ты считаешь себя философомъ, не хочешь быть глупымъ и страдать... Но въ этомъ-то и сказывается твоя простота... Почувствовать влеченіе къ женщинѣ и овладѣть ею, да это въ одну минуту вознаградить за всѣ страданія!

Но Валаньоскѣ стоялъ на своемъ. Зачѣмъ хлопотать и работать, если деньги не могутъ дать всего? Онъ закрылъ-бы лавочку и залегъ-бы на диванъ въ тотъ самый день, когда ему пришлось-бы убѣдиться, что миллионы не въ силахъ доставить ему даже любимой женщины!

Мурѣ задумался. Но черезъ минуту еще съ большей самоувѣренностью заговорилъ о всемогуществѣ своей воли.

— Я хочу ее — и она будетъ моею; это ясно какъ день!.. А если она выскользнетъ изъ моихъ рукъ, я сумѣю придумать себѣ развлеченіе! Я сооружу такую машину, что небу жарко станетъ! Ты не понимаешь этого, мой милый, тебѣ, видно, неизвестно, что дѣятельность сама въ себѣ содержитъ удовлетвореніе. Дѣйствовать, создавать, бороться съ препятствіями,

преодолѣвать ихъ или быть побѣжденнымъ — въ этомъ все счастье, вся жизнь человѣка!

— Это просто особый способъ ошьяненія, пробормотала флегматично Поль.

— Пусть такъ! Лучше погибнуть отъ ошьяненія страстью, чѣмъ отъ скуки!

Оба разсмѣялись, припомнивъ свои старыя школьныя споры. Валаньоскъ снова лѣнивымъ голосомъ заговорилъ о пустотѣ жизни и скукѣ существованія. Онъ увѣренъ, что завтра будетъ такъ-же скучать въ своемъ министерствѣ, какъ скучалъ вчера. За три года службы ему прибавили шестьсотъ франковъ жалованья, такъ-что теперь онъ получаетъ три тысячи шестьсотъ. Не на что даже купить порядочной сигары! Это до невозможности противно, и если онъ до сихъ поръ не покончилъ съ собой, то просто изъ лѣни, изъ нежеланія себя тревожить.

На вопросъ Мурэ объ его женитьбѣ, Поль отвѣтилъ, что хотя тетка упорно не хочетъ умирать, свадьба должна скоро состояться. По крайней мѣрѣ, родители Бланшъ согласны, а онъ поступитъ такъ, какъ ему скажутъ. Ему все равно. Нѣтъ смысла хотѣть или не хотѣть, когда все равно выйдетъ не то, что хочешь. При этомъ, онъ привелъ въ примѣръ своего будущаго тестя, де-Бова, который думалъ найти развлеченіе и утѣху въ мадамъ Гибаль, а вмѣсто того попалъ ей въ лапы и пляшетъ подъ ея дудку.

— И все-таки, онъ счастливѣе тебя, замѣтилъ вставая Мурэ.

— О, конечно! согласился Валаньоскъ — Въ свинствѣ только и есть еще кое-какой интересъ.

Мурэ успѣлъ уже оправиться и думалъ уходить, но ему не хотѣлось, чтобы его уходъ имѣлъ характеръ бѣгства и возбудилъ-бы догадки и толки. Поэтому, онъ рѣшился выпить чашку чаю и вошелъ съ пріятелемъ въ салонъ. На вопросъ барона, онъ отвѣтилъ, что пальто оказалось дѣйствительно неподнымъ и онъ беретъ его назадъ въ магазинъ. Раздались восклицанія. Онъ всталъ отъ м-мъ Марти чашку чаю, усѣлся, наконецъ, возлѣ Бутмона и сообщилъ ему результаты послѣдняго совѣта дирекціи; на этомъ совѣтѣ рѣшено было отставка Бутмону отъ должности. Онъ отстаивалъ его, протестовалъ, поссорился и ушелъ изъ засѣданія внѣ себя

отъ бѣшенства. Но что будешь дѣлать? Нельзя-же ему изъ-за этого расходиться съ компаньонами. Поблѣднѣвшему Бутмону ничего другого не оставалось, какъ поблагодарить пріятеля.

— Ужасное пальто! замѣтила громко м-мъ Марти; — Генріэта совсѣмъ пропала.

Продолжительное отсутствіе хозяйки начинало уже стѣснять гостей. Къ счастью, въ эту минуту появилась Генріэта.

— Такъ вы вернули вещь? весело встрѣтила ее м-мъ де-Бовъ.

— Какъ такъ?

— Господинъ Мурэ уже сказалъ намъ, что пальто на васъ узко.

Генріэта казалась изумленной.

— Г-нъ Мурэ пошутить. Пальто сидитъ теперь превосходно.

Она сидѣла спокойная и улыбающаяся, точно ничего не произошло. На тщательно вымытыхъ глазахъ не замѣтно было ни малѣйшаго слѣда слезъ. Съ обычной свѣтской любезностью, она обращалась къ гостямъ и предлагала имъ чай и сандвичи. Только хорошо ее знавшій баронъ, по легкому подергиванію губъ и странному блеску ея глазъ, могъ догадаться о недавней сценѣ и о томъ, что происходило подъ этой маской спокойствія.

Дамы снова заговорили о большихъ модныхъ магазинахъ — «Bon Marché», «Лувръ», «Bonheur des Dames». Мурэ помѣстился среди ихъ, высказывалъ свои взгляды и старался быть безпристрастнымъ. «Bon Marché» прекрасный домъ, солидный и добросовѣстный, но въ «Лувръ» болѣе блестящая публика.

— Но вы отдаете предпочтеніе «Bonheur des Dames», замѣтила, смѣясь, баронъ.

— Да, спокойно отвѣчалъ Мурэ. — Мы дружелюбнѣе относимся къ своимъ клиенткамъ.

Всѣ дамы въ одинъ голосъ согласились съ этимъ. Это правда: въ «Bonheur» онѣ чувствуютъ себя, какъ дома, и окружены здѣсь заботливостью, лаской и вниманіемъ. Этимъ-то и объясняется необыкновенный успѣхъ магазина.

— Кстати, спросила м-мъ Дефоржъ, стараясь быть какъ можно болѣе развязной; — что подѣлываетъ у васъ моя протеза, господинъ Мурэ?.. Вы помните — мадемуазель де-Фонтеней?

И, обращаясь къ м-мъ Марти, она прибавила:

— Она маркиза, моя милая, — дѣвушка изъ обнищавшаго знатнаго семейства.

— Она зарабатываетъ у меня три франка въ день спиваніемъ образчиковъ, отвѣчалъ Мурэ; — и скоро, вѣроятно, выйдетъ замужъ за одного изъ слугъ въ магазинѣ.

— Это ужасно! воскликнула мадамъ де-Бовъ.

— Почему-же? спокойно спросилъ онъ. — Развѣ не лучше выйти замужъ за честнаго труженника, чѣмъ таскаться по улицамъ со всякимъ встрѣчнымъ?

Тутъ шутливо виѣшался Ваданьоскъ.

— Не противорѣчьте ему, а то онъ сейчасъ станетъ доказывать, что всѣ живые потомки дворянскихъ фамилій должны торговать ситцемъ.

— Я думаю, сказалъ Мурэ, — что для многихъ изъ нихъ это было-бы однимъ изъ лучшихъ исходовъ.

Всѣ разсмѣялись, находя парадоксъ чересчуръ крайнимъ. Но онъ, не смущаясь, продолжалъ прославлять аристократію труда. Легкая краска покрыла щеки вѣчно нуждающейся въ деньгахъ де-Бовъ; м-мъ Марти, напротивъ, одобрительно кивала головой, вспоминая при этомъ о своемъ труженникѣ мужѣ. Какъ разъ въ это время слуга отворилъ двери профессору, пришедшему за женой. Онъ казался еще болѣе прежняго высохшимъ и полинявшимъ въ своемъ неизмѣнномъ потертомъ рединготѣ. Поблагодаривъ м-мъ Дефоржъ за ея хатайство въ министерствѣ, онъ кинулъ на Мурэ робкій взглядъ человѣка, неожиданно наткнувшагося на смертельную опасность и растерялся даже, когда тотъ обратился къ нему съ вопросомъ:

— Не правда-ли, г. профессоръ, что трудъ ведетъ къ счастью?

— Трудъ и экономія, отвѣчалъ онъ, вздрагивая всѣмъ тѣломъ; — прибавьте экономію, сударь.

Между тѣмъ, Бутмонъ неподвижно сидѣлъ въ своемъ креслѣ; въ ушахъ его звучали еще слова Мурэ. Наконецъ, онъ всталъ и, подойдя къ Генриэтѣ, тихо сказалъ ей на ухо:

— Знаете, онъ сообщилъ мнѣ сейчасъ о моей отставкѣ, разумѣется, въ самой любезной формѣ... Но, чертъ меня возьми, если онъ не раскается въ этомъ! Я уже придумалъ

вывѣску: «Четыре времени года» и намѣренъ основаться возлѣ Оперы!

Въ ея глазахъ мелькнулъ злобѣщій огонекъ.

— Разсчитывайте на меня... Обождите минутку.

Она тотчасъ-же подошла къ барону, отвела его къ окну и безъ всякихъ предисловій рекомендовала его вниманію Бутмона, какъ талантливаго малаго, который, въ свою очередь, намѣренъ революціонировать торговлю Парижа. Когда она заговорила о денежной поддержкѣ своему новому протезе, баронъ не могъ скрыть изумленія. Это уже четвертый талантливый молодой человѣкъ, представляемый Генріэтой его вниманію. Онъ почувствовалъ себя, наконецъ, смѣшнымъ. Однако, онъ не рѣшился прямо отказать; напротивъ, ему нравилась идея созданія конкуренціи «Bonheur des Dames», такъ какъ это соответствовало его новой финансовой тактикѣ, состоящей въ созданіи себѣ своихъ собственныхъ конкурентовъ, чтобы отбить къ этому охоту у постороннихъ. Къ тому-же, его интересовала романическая завязка предпріятія, и онъ обѣщала подумать и рассмотреть дѣло.

— Завтра вечеромъ намъ необходимо поговорить, шепнула Генріэта Бутмону; — приходите непременно къ девяти часамъ... Баронъ за насъ.

Въ гостиной, между тѣмъ, шелъ самый оживленный разговоръ. Окончательно овладѣвшій собою Мурэ съ обычной граціей ораторствовалъ посреди дамъ; онъ шутивно защищалъ себя противъ обвиненія въ томъ, что раззоряетъ ихъ на тряпки, и предлагалъ цифрами доказать, что даетъ имъ возможность дѣлать, по крайней мѣрѣ, тридцать процентовъ сбереженія. Баронъ смотрѣлъ на него съ нѣжнымъ восторгомъ стараго ловеласа, которому Мурэ напоминалъ его молодость. «Нѣтъ! думалъ онъ, — дуэль окончена и Генріэта побѣждена. Очевидно, не она та женщина, которой суждено придти и отмстить». И ему вдругъ представилась скромная фигура дѣвушки, замѣченной имъ въ передней, — кроткой, терпѣливой, но непобѣдимой и страшной.

XII.

25-го сентября приступили къ постройкѣ новаго фасада «Bonheur des Dames». Согласно обѣщанію, данному Мурэ,

баронъ Гартманъ отстоялъ дѣло на общемъ собраніи «Credit-Immobilier». Такимъ образомъ Мурэ достигъ, наконецъ, осуществленія своей завѣтной мечты: монументальный фасадъ на улицѣ Десятаго Декабря былъ апогеемъ его коммерческаго честолюбія. Поэтому онъ пожелалъ ознаменовать закладку фундамента блестящимъ празднествомъ, на которомъ раздавалъ своимъ подчиненнымъ подарки и угощалъ ихъ дичью и шампанскимъ. Всѣ замѣтили его веселое настроеніе и побѣдоносный жестъ, съ которымъ онъ ударилъ лопатой по первому камню фундамента. Торжество побѣды, казалось, сразу излечило его отъ мучительнаго, безпокойнаго и раздраженнаго состоянія, въ которомъ онъ находился послѣднее время, и возвратило ему его прежнюю веселость здороваго и довольнаго человѣка. Но это длилось не долго. Вечеромъ, войдя въ столовую, чтобы выпить съ подчиненными бокаль шампанскаго, онъ снова сдѣлался мраченъ и на его нервно искаженномъ лицѣ снова отразилась затаенная душевная мука.

На другой день, въ отдѣлѣ готоваго платья, Кларѣ пришла фантазія досадить Денизѣ. Давно уже знавшая о любви Коломбана, она воспользовалась этимъ, чтобы посмѣяться надъ семьей Бодю.

— Какъ вамъ нравится мой обожатель, напротивъ? обратилась она къ чинившей карандашъ Маргаритѣ; — мнѣ подчасъ становится жаль смотрѣть на бѣдняка въ этой темной лавкѣ, куда не заглядываетъ ни одинъ покупатель.

— Онъ не такъ несчастенъ, какъ вы думаете, отвѣчала Маргарита; — ему предстоитъ скоро женитьба на дочери его патрона.

— Вотъ какъ! воскликнула Клара;—въ такомъ случаѣ будетъ даже интересно его отбить!.. Я сыиграю съ нимъ эту штуку—честное слово!..

Замѣтивъ неудовольствіе Денизы, она долго еще продолжала говорить на эту тему. Дениза простила ей все, но мысль объ умирающей Женевьевѣ, которую доканаетъ эта жестокая шутка, приводила ее въ отчаяніе. Въ эту минуту вошла покупательница и, замѣтивъ вышедшую куда-то мадамъ Аврели, Дениза строго обратилась къ Кларѣ:

— Въмѣсто того, чтобы болтать, лучше займитесь вотъ этой дамой.

— Я не болтала, возразила Клара.

— Не угодна-ли вамъ замолчать и сію-же минуту заняться покупательницей!

Блара замолчала и покорилась. Когда Денизъ приходилось исполнять обязанность старшей, она умѣла заставить повиноваться себѣ, не возвышая тона. Въ ея невозмутимой мягкости и спокойствіи было что-то повелительное.

Всѣ замолчали и принялись за дѣло. Маргарита сосредоточенно чинила карандашъ. Въ цѣломъ отдѣлѣ она одна одобряла поведеніе Денизы и ея упорное сопротивленіе Мурѣ, вспоминая при этомъ о случайно прижитомъ ею самой ребенкѣ и всѣхъ послѣдствіяхъ ея необдуманнаго поступка.

— Вы сердитесь? произнесъ чей-то голосъ за спиной Денизы.

Это была Полина, проходившая черезъ отдѣленіе и видѣвшая всю сцену.

— Что дѣлать, это необходимо, отвѣчала Дениза;— иначе нельзя съ ними справиться.

Полина пожала плечами.

— Если-бы вы только захотѣли, всѣ пали-бы передъ вами ницъ.

Она до сихъ поръ не могла понять отказа пріятельницы. Съ іюля мѣсяца она была повѣнчана съ Божэ и теперь уже, смѣясь, называла свой поступокъ большой глупостью. Страшный Бурдонкъ смотрѣлъ теперь на нее, какъ на женщину, окончательно потерянную для торговли, и они жили въ постоянномъ страхѣ, что ихъ прогонятъ изъ магазина, ибо господа члены управленія смотрѣли на любовь и бракъ, какъ на нѣчто смертельно-вредное для торговли; дошло до того, что, встрѣчаясь случайно въ галлерей, они дѣлали видъ, что не узнаютъ другъ друга. За минуту передъ этимъ Полина едва спаслась отъ инспектора Жува, который замѣтилъ ее болтающей съ Божэ за грудой матеріи.

— Видите-ли, онъ слѣдитъ за мной, шепнула она, разсказавъ Денизѣ это приключеніе.

Изъ отдѣла кружевъ дѣйствительно выступила фигура инспектора въ бѣломъ галстухѣ; но, увидѣвъ Денизу, онъ поклонился съ подобострастной улыбкой и прошелъ мимо.

— Спасена! радостно произнесла Полина.—Задали-же вы ему страха!.. Скажите, милая, вы замолвите за меня словечко, если со мной что-нибудь случится?.. Не удивляйтесь,

пожалуйста, вѣдь всѣ знаютъ, что достаточно одного вашего слова, чтобы поставить верхъ дномъ весь магазинъ.

И она поспѣшила въ свой отдѣлъ. Дружескій намекъ Полины заставилъ покраснѣть Денизу. Въ тайнѣ она сознавала, что та права; она чувствовала свое могущество по той лести и подобострастію, которыми окружали ее въ магазинѣ. Сама мадамъ Аврели съ каждымъ днемъ становилась любезнѣй и предупредительнѣй, видя въ ней могущественную соперницу, которая въ одинъ прекрасный день можетъ вытѣснить ее и занять ея мѣсто. Всѣ чувствовали, что наступаетъ царство Денизы.

Не сдавался только одинъ Бурдонкль, питавшій къ этой дѣвушкѣ какую-то инстинктивную, органическую антипатію. Онъ ненавидѣлъ въ ней все, ея кротость, ея скромную грацію. Онъ страшился ея неотразимаго вліянія, угрожавшаго гибелью магазину въ тотъ злополучный день, когда Мурѣ будетъ окончательно побѣжденъ. Ему казалась, что эта несчастная страсть убьетъ комерческій геній патрона, и все, что создано и пріобрѣтено при посредствѣ женщинъ, будетъ женщиною-же разрушено и уничтожено. Онъ презиралъ ихъ всѣхъ, былъ къ нимъ равнодушенъ и холоденъ, какъ чловѣкъ, чуждый увлеченій и страстей, видящій въ нихъ только предметъ эксплуатаціи, источникъ наживы.

Но передъ этой, достигшей въ короткое время такого неограниченнаго вліянія, маленькой продавщицей, онъ чувствовалъ невольный страхъ и боялся ея тѣмъ болѣе, что не вѣрилъ въ ея безкорыстіе и въ искренность ея сопротивленія патрону. Въ его глазахъ она была актрисой, ловко разыгрывающей свою роль. Отдайся она сразу Мурѣ, онъ безъ сомнѣнія на другой-же день забылъ-бы о ней; тогда какъ своимъ упорнымъ отказомъ она разжигаетъ въ немъ желаніе, доводитъ до безумія, заставляетъ дѣлать глупости. Подъ этой скромной наружностью кроется тонкая, опытная и глубоко расчетливая интригантка. Поэтому, Бурдонкль не могъ видѣть этого кроткаго лица, этихъ ясныхъ, добрыхъ глазъ, всей этой скромной и граціозной фигуры безъ какого-то суевѣрнаго трепета, точно передъ нимъ стояла людоедка, переодѣтая вѣдьма, смерть въ образѣ дѣвственницы. Какимъ образомъ разрушить всѣ ея коварные замыслы и вывести на чистую воду? Навѣрное за ней водятся грѣшки, нужно обнаружить ихъ, пой-

мать ее съ однимъ изъ ея любовниковъ и открыть глаза патрону.

— Слѣдите хорошенько, Жувъ, повторялъ онъ инспектору. — Я васъ щедро отблагодарю.

Но Жувъ не выказывалъ особеннаго рвенія, такъ какъ въ качествѣ травленнаго волка онъ спрашивалъ себя: не лучше ли ему держать сторону этой дѣвушки, которая завтра можетъ сдѣлаться всемогущей любовницей патрона. Притомъ, онъ находилъ ее чертовски привлекательной. Когда-то его полковникъ застрѣлился изъ-за такой-же дѣвочки съ скромной и не бросающейся въ глаза наружностью, но одинъ взглядъ которой покорялъ ей всѣ сердца.

— Я слѣжу, слѣжу, отвѣчалъ онъ; — но честное слово до сихъ поръ ничего не замѣтилъ!

А между тѣмъ, подъ покровомъ лести и уваженія, окружавшихъ со всѣхъ сторонъ Денизу, изъ устъ въ уста передавались самыя возмутительныя сплетни о ея поведеніи. Рассказывали, что еще недавно любовникомъ ея былъ Гютенъ, съ которымъ она и теперь отъ времени до времени встрѣчается. Делошъ, утверждала молва, тоже находился съ нею въ любовной связи, такъ какъ ихъ часто видѣли бесѣдующими по дѣлымъ часамъ въ пустыхъ и уединенныхъ уголкахъ магазина. Просто позоръ!

Болѣе всего надѣялся Бурдонкль поймать ее съ Делошемъ, такъ какъ самъ замѣтилъ однажды, что они пересмѣивались въ корридорѣ подвального этажа. Но до поры до времени онъ старался обращаться съ ней какъ съ равнымъ противникомъ, который легко можетъ раздавить его, если только онъ сплоскаетъ.

— Обратите особенное вниманіе на молодого человѣка въ отдѣлѣ кружевъ. Они постоянно вмѣстѣ. Если вы ихъ накроете, — позовите меня, остальное я беру на себя.

А Мурэ, между тѣмъ, проводилъ время въ постоянной душевной пытки. Что это значить? Какъ можетъ этотъ ребенокъ волновать его до такой степени? Ему вспоминался тотъ день, когда она въ первый разъ пришла въ «Bonheur des Dames» въ грубыхъ башмакахъ, въ потертомъ черномъ платьицѣ, растерявшаяся и запуганная. Она что-то невнятно бормотала, всѣ смѣялись надъ нею, онъ самъ нашель ее сначала некрасивой. Некрасивая! Теперь одинъ ея взглядъ способенъ по-

вергнуть его къ ея ногамъ. Теперь она не иначе представляется ему, какъ окруженной лучезарнымъ сіяніемъ! Сколько времени послѣ того она была паріей магазинна, всѣми осмѣянной и гонимой. Долго онъ самъ смотрѣлъ на нее, какъ на забавную дикарку, старался прослѣдить въ ней предѣсы пробужденія женщины, не подозрѣвая, что ставить тутъ на карту свое сердце. Быть можетъ, онъ полюбилъ ее съ первой встрѣчи, съ той самой минуты, когда ему казалось, что онъ чувствуетъ къ ней состраданіе? Но нѣтъ, первое смутное волненіе, первый невольный порывъ къ этой дѣвушкѣ онъ почувствовалъ въ ту достопамятную вечернюю прогулку подѣ каштанами Тюльрійскаго сада. Съ этого только вечера началась для него новая жизнь; въ его ухахъ и теперь еще раздаются веселый смѣхъ и игравшихъ въ саду дѣтей, отдаленный плескъ воды и чарующій голосъ шедшей возлѣ него скромной дѣвушки. Что было дальше—онъ не помнитъ; съ каждымъ часомъ страсть разгоралась, кипятила кровь, туманила голову, и вотъ онъ весь душею и тѣломъ во власти этого ребенка, шелестъ платья котораго приводилъ его въ сладкій трепеть.

Долго онъ возмущался, негодовалъ, старался отдѣлаться отъ этой безсмысленной страсти. И чѣмъ только она могла на него подѣйствовать? Если-бы еще она была однимъ изъ тѣхъ чудныхъ созданій, которыя очаровываютъ и волнуютъ толпу... а то обыкновенная, ничѣмъ не выдающаяся дѣвочка, почти ничтожество! И наружность у нея—одна изъ тѣхъ не бросающихся въ глаза, о которыхъ нечего сказать. Едва-ли даже она отличается выдающимися способностями, если судить по неудачному дебюту ея какъ продавщицы.

Но послѣ cadaго припадка злобы и протеста страсть овладѣвала имъ съ новой силой и въ какомъ-то священномъ ужасѣ онъ каялся въ оскорбленіи своего кумира. И она снова представлялась ему въ ореолѣ чудной красоты, мужества, кротости и какой-то опьяняющей граціи. Можно было пройти мимо и не замѣтить ея въ толпѣ; но достаточно было одной ея чарующей небесной улыбки, чтобы навѣки приковать къ ней всѣ сердца, чтобы вся ея фигура освѣтилась чуднымъ, божественнымъ сіяніемъ. Онъ снова чувствовалъ себя обезсиленнымъ и побѣжденнымъ и готовъ былъ броситься къ ея ногамъ и просить прощенія за свое богохульство.

Отчего-же она съ такимъ упорствомъ отказывается ему, от-

вергаетъ его любовь? Двадцать разъ онъ умолялъ ее, предлагать золото, много золота. Считая ее честолюбивой, онъ обѣщаль ей мѣсто начальницы отдѣла, какъ только одно изъ этихъ мѣстъ окажется вакантнымъ. Но она все продолжала отказываться. Что-же это значитъ? Чего ей нужно? Ему казалось это чѣмъ-то крайне нелѣпымъ и невозможнымъ и, смотря на женскую добродѣтель какъ на вещь относительную, онъ все еще не терялъ надежды, что рано или поздно эта дѣвочка, наконецъ, сдастся. Эта мысль сдѣлалась его господствующей мыслью; поглотила и вытѣснила всѣ другія цѣли и желанія; казалось, все его существо вылилось въ одну потребность — схватить ее, наконецъ, въ своихъ объятіяхъ и осыпать безконечной лаской и поцѣлуями.

Въ этомъ мучительномъ желаніи проходили дни за днями. Образъ Денизы не покидалъ его ни на минуту. Онъ грезился ему въ долгія бессонныя ночи; слѣдовалъ за нимъ утромъ въ его рабочій кабинетъ, гдѣ Мурэ отъ девяти до десяти часовъ машинально подписывалъ векселя и бумаги, чувствуя воалѣ себя этотъ знакомый образъ, спокойно повторяющій свое неизмѣнное: «нѣтъ». Затѣмъ, въ десять часовъ утра, происходило совѣщаніе двѣнадцати членовъ дирекціи, — настоящій совѣтъ министровъ, на которомъ онъ предсѣдательствовалъ и который разсматривалъ всѣ вопросы внутренняго порядка и организаціи. Но и здѣсь, среди счетовъ и сложныхъ финансовыхъ споровъ, ему слышался нѣжный голосъ Денизы и мерещилась ея кроткая улыбка.

Отсюда образъ ея слѣдовалъ за нимъ по всему магазину, сопровождалъ его при осмотрѣ отдѣловъ, возвращался съ нимъ въ кабинетъ, гдѣ между двумя и четырьмя часами Мурэ принималъ цѣлую толпу фабрикантовъ, крупныхъ промышленниковъ, изобрѣтателей, банкировъ и высшихъ представителей знанія и богатства цѣлой Франціи и гдѣ рѣшались миллионные интересы парижскаго рынка. И тутъ, въ разгарѣ обсуждения участи той или другой отрасли торговли и промышленности, на минуту забытый образъ Денизы ярче выступалъ передъ нимъ, голосъ его обрывался и онъ въ отчаяніи спрашивалъ себя, для чего ему эти богатства, почетъ и вліяніе, когда они не въ силахъ даже вынудить ея согласія. Съ пяти часовъ онъ снова принимался за механическую работу подписыванія бумагъ, не переставая думать о ней весь вечеръ, всю ночь до

слѣдующаго дня, начинавшася той-же машинальной работой и той-же мучительной лихорадочной думой.

Сознаніе его безсилія мучительнѣе всего отзывалось на немъ въ часы ежедневнаго обзора магазина. Быть творцомъ этой гигантской машины, властелиномъ цѣлаго городка и убиваться, не имѣя ни минуты покоя, изъ-за того, что какая-то дѣвочка отказываетъ тебѣ въ любви! Онъ презиралъ себя, стыдился своего безумія и своей слабости; онъ ненавидѣлъ свои успѣхи и могущество, чувствовалъ отвращеніе къ дѣловой сутолокѣ магазина.

Безучастно останавливался онъ передъ входомъ въ контору приѣма товаровъ, выходящимъ попрежнему на улицу С.-Огюстенъ, и, глядя на непрерывно лившійся въ подвалы шумный потокъ товаровъ со всѣхъ концовъ міра, думалъ о томъ, что всѣ эти несмѣтные богатства не могли ему купить ея поцѣлуя.

Онъ входилъ въ контору, освѣщенную блѣднымъ свѣтомъ, падавшимъ изъ отдушинъ. Вокругъ двадцати длинныхъ столовъ суетилась толпа прикащиковъ, опоражнивая ящики, провѣряя товары, обозначая цѣны, среди перекрестнаго крика множества голосовъ и шума падающихъ тюковъ. Медленно пробирался онъ среди смѣшанныхъ грудъ сверкающаго атласа, бѣлоснѣжныхъ полотентъ, мѣховъ, кружевъ, мелкихъ парижскихъ издѣлій и тканей дальняго Востока и, разсѣянно отвѣчая на вопросы встрѣчавшихся ему на пути начальниковъ отдѣловъ, думалъ свою неотвязную думу, думалъ о томъ, что онъ предлагалъ Денизѣ всѣ эти груды произведеній человеческого труда, и она отказалась отъ всего небрежнымъ кивкомъ своей русой головки.

Онъ направлялся дальше, въ другой конецъ подвального этажа, чтобы заглянуть въ контору отправленій. По обѣ стороны, день и ночь освѣщеннаго газомъ, огромнаго корридора тянулись подземныя владовыя съ запасами различныхъ товаровъ, мирно ожидавшихъ своей очереди въ тѣни подземелій. Въ обширной залѣ, на большихъ сортировочныхъ столахъ, лежали кучи тюковъ, связокъ и коробокъ, спускавшихся сюда цѣлыми корзинами изъ кассъ магазина. Двадцать человѣкъ прислуги, подъ наблюденіемъ завѣдующаго конторой Кампюна, распредѣляли эти тюки и связки по ящикамъ, изображавшимъ каждый отдѣльный кварталъ Парижа, а отсюда укладывали

ихъ въ ожидавшіе на тротуарѣ кареты для развозки въ различные концы города. Шумъ, бѣготня и громкіе возгласы напоминали суматоху готоваго сняться съ якоря корабля. Онъ на минуту останавливался и, мрачно слѣдя за удалявшимися каретами, думалъ о томъ, какъ-бы хорошо было бросить все это и самому улетѣть куда-нибудь подальше отъ преслѣдующаго его образа, неизмѣнно повторяющаго свое неумолимое: «нѣтъ».

Онъ выходилъ изъ себя, искалъ ссоры, кипятился, кричалъ, придирался къ разнымъ мелочамъ имъ же самимъ устроеннаго механизма, бѣжалъ дальше, обходилъ все зданіе, и чѣмъ полнѣе и ярче открывалась передъ нимъ картина его успѣховъ и могущества, чѣмъ пунктуальнѣе дѣйствовалъ заведенный имъ механизмъ, чѣмъ послушнѣе казалась огромная толпа подчиненныхъ, тѣмъ глубже онъ чувствовалъ обиду своего безсилія.

Въ конторѣ заграничныхъ и загородныхъ товаровъ двѣсти человѣкъ служащихъ едва успѣваютъ рассортировывать и перечестъ массу получаемыхъ каждый день писемъ, тысячи заказовъ осаждаютъ его со всѣхъ концовъ Европы, а она, эта упрямая дѣвочка, тѣмъ-же невозмутимо-спокойнымъ тономъ твердить свое: «нѣтъ».

Черезъ центральную кассу въ истекшемъ году прошло болѣе восьмидесяти милліоновъ франковъ, продажа каждый день возрастаетъ, а она продолжаетъ на всѣ его мольбы и просьбы отиѣчать: «нѣтъ и нѣтъ!»

«Нѣтъ», всегда и повсюду «нѣтъ», по всѣмъ отдѣламъ, галереямъ, заламъ, по всему магазину! Преслѣдуемый этой мучительной мыслью, этимъ повсюду выступавшимъ передъ нимъ словомъ, онъ блуждалъ по магазину, переходилъ отъ шелковъ къ сукнамъ, отъ бѣлья къ кружевамъ, съ этажа въ этажъ, взбирался по лѣстницамъ, останавливался на мостахъ и площадкахъ, замѣчая всякую мелочь и придираясь къ пустякамъ съ раздражительной назойливостью маниака. Магазинъ разросся до огромныхъ размѣровъ, создано множество новыхъ отдѣловъ, персоналъ его подчиненныхъ могъ-бы населить цѣлый городъ: полторы тысячи продавцевъ и тысяча другихъ служащихъ, въ числѣ которыхъ сорокъ инспекторовъ, семьдесятъ кассировъ и полтора ста человѣкъ ливрейной прислуги. Въ него, въ полномъ смыслѣ, царскихъ конюшняхъ, помѣщавшихся въ улицѣ Монсинья, числится теперь сто сорокъ пять лоша-

дей въ богато убранной сбруѣ. Волновавшіе когда-то все торговое населеніе квартала четыре кареты возросли до сорока двухъ экипажей различныхъ формъ и величинъ, развозившихъ по всѣмъ направленіямъ красную позолоченную вывѣску «Bonheur des Dames». Ихъ встрѣчаютъ по всѣмъ кварталамъ Парижа, по окрестностямъ, вдоль зеленыхъ береговъ Марны, по тѣнистымъ дорогамъ Сень-Жерменскаго лѣса. Онъ мечтаетъ уже разсылать ихъ дальше, по сосѣднимъ департаментамъ, по всѣмъ дорогамъ Франціи. Но зачѣмъ все это тѣперь, когда повсюду слышится одно и тоже: «нѣтъ и нѣтъ».

По привычкѣ, онъ каждый вечеръ подходилъ къ кассѣ Ломма, чтобы взглянуть на вывѣшенную цифру дневной выручки; въ рѣдкій день она падала ниже ста тысячъ франковъ, а въ дни выставокъ и распродажъ достигала восьмисотъ и девяносто тысячъ. Но эти цифры уже не радовали, вызывали не восторгъ торжества и побѣды, а горечь и презрѣніе къ деньгамъ.

Но страданія его съ каждымъ днемъ увеличивались: онъ становился подозрительнымъ и начиналъ ревновать. Однажды, передъ засѣданіемъ совѣта, Бурдонкль рискнулъ замѣтить ему вскользь, что эта дѣвчонка его надуваетъ.

— Какъ такъ? спросилъ страшно поблѣдѣвшій Мурэ.

— Очень просто; у нея есть здѣсь любовники.

Мурэ насильно заставилъ себя улыбнуться.

— О, я уже не думаю о ней, мой милый! Вы можете не стѣсняться. Кто-же ея любовники?

— Гютенъ, какъ увѣряютъ, и еще одинъ продавецъ изъ отдѣла кружевъ, этотъ глупый малый Делюшъ... Я не утверждаю, такъ какъ самъ не видѣлъ ихъ вмѣстѣ, но всѣ здѣсь въ этомъ увѣрены.

Наступило молчаніе. Чтобы скрыть овладѣвшее имъ волненіе, Мурэ углубился въ лежавшія передъ нимъ на письменномъ столѣ бумаги.

— Нужны доказательства, постарайтесь ихъ доставить... Мнѣ, повторяю вамъ, это рѣшительно все равно — она перестала уже меня интересовать. Но не можемъ-же мы допустить подобныхъ вещей въ магазинѣ.

— Будьте покойны, отвѣчалъ Бурдонкль; — на-дняхъ у васъ будутъ доказательства. Я слѣжу.

Съ этого дня Мурэ окончательно потерялъ покой. Не

имѣя мужества заговорить больше объ этомъ, онъ жилъ въ непрерывномъ мучительномъ ожиданіи готовой каждую минуту разразиться катастрофы. Муки неувѣстности сдѣлали его страшнымъ и отзывались на всемъ магазинѣ. Онъ пересталъ теперь прятаться за Бурдонкля и самъ объявлялъ выговоры и отказы съ какой-то болѣзненной потребностью сорвать на комъ попало свою злобу и показать свою неограниченную власть, эту власть, которая, какъ онъ въ бѣшенствѣ сознавалъ, не въ силахъ теперь удовлетворить его главнаго, единственнаго желанія. Всякій его обходъ магазина сопровождался теперь безпощадной расправой съ служащими и производилъ по всемъ отдѣленіямъ панику. Наступленіе зимняго затишья въ торговлѣ давало поводъ къ генеральной очисткѣ служебнаго персонала и повело къ массовому изгнанію прикащиковъ. Первой его мыслью было выгнать Гютена и Делюша; но тутъ-же онъ водумалъ, что такимъ образомъ онъ только лишитъ себя возможности узнать истину и сталъ вымѣщать злобу на другихъ. И только вечеромъ, оставаясь одинъ, онъ въ изнеможеніи и отчаяніи заливался слезами.

Однажды произошла бѣшенная сцена. Одному изъ инспекторовъ показалось, что перчаточникъ Миньо воруетъ. Вокругъ его прилавка вѣчно шаталась толпа подозрительныхъ женщинъ, одна изъ которыхъ была арестована и на груди у нея найдено шестьдесятъ паръ перчатокъ. Стали слѣдить, и Миньо былъ захваченъ на мѣстѣ преступленія: примѣряя перчатку мнимой покупательницѣ, онъ предоставлялъ ей другой рукой набивать себѣ карманы. Затѣмъ, оба отправлялись въ кассу, гдѣ уплачивали за одну только пару.

Къ довершенію несчастья, тутъ-же случился Мурэ. Обыкновенно онъ воздерживался отъ вмѣшательства въ такія дѣла, тѣмъ болѣе, что они происходили довольно часто, и, предоставляя судъ и расправу другимъ, старался только о томъ, чтобы дѣло кончалось домашнимъ образомъ, безъ скандала и вмѣшательства полиціи, компрометирующей магазинъ. Но на этотъ разъ онъ ухватился за лишній случай излить свою злобу и съ бѣшенствомъ напустился ни блѣднаго и дрожащаго отъ страха красавца Миньо.

— Я сейчасъ позову полицію! кричалъ онъ ему, передъ толпой въ испугѣ собравшихся прикащиковъ. Отвѣчайте! кто

эта женщина?.. Даю вамъ слово, что сію минуту пошлю за комиссаромъ, если вы не скажете правды?

Женщину отвели въ особую комнату, гдѣ ее должны были обыскать двѣ продавщицы.

— Я ее не знаю, лепетала Миньо.— Она сама пришла...

— Не лгите! кричалъ все громче и громче Мурэ.— Это ужасно! Ни на кого нельзя положиться! Насъ грабятъ, какъ въ лѣсу! Скоро придется всякаго обыскивать.

Среди прикащиковъ поднялся глухой ропотъ; нѣсколько случившихся здѣсь покупательницъ смотрѣли съ изумленіемъ.

— Молчать! бѣшено закричалъ онъ: — или я всѣхъ вышвырну на улицу!

На шумъ подоспѣлъ встревоженный и испугавшійся скандала Бурлонкль и сталъ шептать что-то на ухо Мурэ. Дѣло принимало серьезный оборотъ. Миньо отвели въ бюро инспектора, гдѣ находилась уже обысканная женщина, назвавшая своимъ сообщникомъ Альбера Лома. Спрошенный объ этомъ Миньо растерялся и сталъ рыдать, увѣряя, что онъ не виновать, что пріятель его, Альберъ, постоянно посылалъ къ нему въ отдѣлъ своихъ любовницъ; сначала онъ доставлялъ только имъ возможность дѣлать дешевыя покупки; но потомъ, когда онѣ стали воровать, онъ былъ уже настолько скомпрометированъ, что боялся донести по начальству.

Затѣмъ, послѣдовали разоблаченія крупныхъ кражъ въ различныхъ отдѣлахъ: дѣвушки легкаго поведенія, при содѣйствіи прикащиковъ уносили подъ платьемъ цѣлыя штуки матерій и другіе товары; кассиры не записывали въ книгу продажу и дѣлились деньгами съ сопровождавшимъ покупательницу къ кассѣ прикащикомъ; дѣлались ложныя отмѣтки о возвращеніи купленного товара и обратной выдачѣ покупательницѣ уплаченныхъ денегъ, не говоря уже объ обычномъ воровствѣ прикащиковъ, уносившихъ каждый вечеръ подъ пальто разныя мелкія вещи. Въ продолженіи послѣднихъ четырнадцати мѣсяцевъ, при содѣйствіи Миньо, въ кассѣ Альбера Лома произведено было такого рода мошенническихъ операцій на весьма значительную сумму.

Проездивше это быстро разнеслось по всему магазину и произвело всеобщую панику не только между тѣми изъ служащихъ, которые чувствовали за собою кое-какіе грѣшки, но и среди невинныхъ, испугавшихся общей расправы, въ кото-

рую, въ суматохѣ, могутъ попасть и они. Позвали въ инспекторское бюро Альбера, за нимъ послѣдовала величественная фигура мадамъ Аврели, а за ней — красный и запыхавшійся отъ волненія и страха старикъ Ломъ. Допросы и объясненія длились довольно долго, но никто не зналъ ихъ содержанія; увѣрали, впрочемъ, что возбѣшенная поворнымъ поведеніемъ сына, мадамъ Аврели дала ему пощечину, что старикъ Ломъ плакалъ, а Мурэ, забывъ свою обычную вѣжливость и грацію, ругался какъ извозчикъ и настаивалъ на приданіи виновныхъ въ руки правосудія. Дѣло, однако, было затушено, и только одинъ Миньо немедленно получилъ расчетъ; что-же касается Альбера, то, въ уваженіе къ просьбѣ мадамъ Аврели, желавшей избѣжать позора немедленнаго изгнанія ея сына, ему предоставлено было оставить магазинъ черезъ два дня. Но паника продолжалась еще нѣсколько дней, такъ какъ разгорячившійся этимъ событіемъ Мурэ бѣшено ходилъ по магазину, придираясь ко всякой мелочи и тутъ-же на мѣстѣ расправлялся съ виновными.

— Чего вы тутъ считаете мухъ?.. кричалъ онъ на зазѣвавагося прикащика; — отправляйтесь въ контору!

Наконецъ, гроза разразилась и надъ Гютенемъ, сдѣланнымъ послѣ отставки Бутмона начальникомъ отдѣла. Назначенный къ нему помощникомъ Февье, по царившему здѣсь обычаю, сталъ въ свою очередь подкапываться подъ Гютена, обращая вниманіе дирекціи на всѣ его промахи. Однажды, проходя черезъ отдѣлъ шелковъ, Мурэ круто остановился передъ Февье, усердно мѣнявшимъ цѣны на ярлыкахъ чернаго бархата.

— Для чего вы понижаете цѣны? кто вамъ это позволилъ? спросилъ Мурэ.

— Господинъ Гютенъ, наивно отвѣчалъ Февье, намѣренно вызвавшій эту сцену.

— Гютенъ!.. Гдѣ же онъ, вапъ Гютенъ?

Появился Гютенъ и началось объясненіе. Какъ онъ смѣетъ самовольно понижать цѣны? — Но Гютенъ выразилъ крайнее изумленіе. Правда, онъ говоритъ съ Февье о томъ, что слѣдовало-бы понизить цѣны, но не дѣлалъ на этотъ счетъ никакихъ распоряженій. Тогда Февье принялъ сконфуженный видъ подчиненнаго, котораго ставятъ въ непріятную необхо-

димость возражать своему начальнику. Что-жь — онъ готовъ принять всю отвѣтственность на себя, если это необходимо.

— Послушайте, господинъ Гютенъ! закричалъ Мурэ; — я не могу терпѣть такого своеволия... Только дирекція можетъ мѣнять цѣны, а никакъ не вы, слышите!

Онъ долго еще кипятился, говорилъ грубости и, не смотра на присутствіе постороннихъ, позволялъ себѣ даже оскорбительные намеки на то, что эта самовольная попытка понизить цѣны имѣла несомнѣнно безкорыстныя цѣли.

— Господинъ Мурэ, повторялъ блѣдный отъ сдержаннаго бѣшенства Гютенъ; — я давно собираюсь предложить вамъ понизить цѣны на этотъ бархатъ... Это необходимо, такъ какъ онъ совсѣмъ не раскупается.

— Ладно, сказалъ, наконецъ, Мурэ, желая прекратить объясненіе; — мы разберемъ это дѣло. А вамъ я все-таки совѣтую не повторять того-же, если вы дорожите мѣстомъ.

Онъ повернулся и ушелъ, а задыхавшійся отъ злобы Гютенъ напустился на Февье.

Последній старался оправдаться, разсыпаясь въ выраженіяхъ преданности.

Согласитесь, долженъ-же онъ былъ отвѣтить патрону? При томъ, развѣ можно было предположить, что изъ-за такого пустяка онъ подыметъ бурю. Просто непостижимо, что съ нѣкотораго времени сдѣлалось съ патрономъ!

— Кто-же этого не знаетъ! отвѣчалъ Гютенъ. — Во всемъ виновата эта смазливая дѣвчонка изъ отдѣленія готоваго платья... Повѣрьте, мой милѣйшій, что въ ней вся причина. Онъ узналъ о моей связи съ нею, ну, ему это и неприятно. А можетъ быть и она сама добивается моего изгнанія, такъ какъ присутствіе мое здѣсь ее стѣсняетъ... Ну и дамъ-же я ей себя знать, пусть только попадетъ мнѣ подъ руку!

Для черезъ два, отправляясь зачѣмъ-то въ мастерскую готоваго платья, Гютенъ чуть не подпрыгнулъ отъ радости, замѣтивъ въ концѣ корридора Денизу и Делоша, стоящихъ у окна. Они такъ завлеклись дружеской бесѣдой, что не слышали шаговъ. Первой мыслью Гютена было захватить ихъ върасплохъ. Но, увидавъ, къ немалому изумленію, что Делошъ плачетъ, онъ тихо удалился и, встрѣтивъ на лѣстницѣ шедшихъ вмѣстѣ Бурдонкля и Жува, направилъ ихъ въ ту сторону подъ какимъ-то вымышленнымъ предлогомъ. Когда

Бурдонкъ увидаль у окна парочку, онъ тотчасъ-же послалъ Жува за патрономъ, а самъ сталъ издали наблюдать за нею. Это былъ самый уединенный уголокъ обширнаго магазина, затерявшійся среди запутаннаго лабиринта корридоровъ и помѣщеній для мастерскихъ, освѣщаемыхъ продѣланными въ цинковой крышѣ окнами. Чтобы добраться до окна, гдѣ стояли Дениза съ Делопемъ, нужно было сдѣлать множество обходовъ по боковымъ извилинамъ корридора; окружавшаго мастерскія. Дениза, почти цѣлый день бѣгавшая изъ отдѣла въ мастерскую, часто встрѣчала здѣсь ожидавшаго ее у окна Делоша. Сначала онъ дѣлалъ видъ, что встрѣчался случайно, но потомъ сталъ поджидать ее открыто, и свиданія сдѣлались правильными.

Молодые люди смотрѣли въ окно на разстилавшуюся надъ ними лазуревую скатерть неба, увлекшись воспоминаніями дѣтства и разсказами о родинѣ.

Они, наконецъ, умолкли, задумчиво устремивъ глаза на выступавшую подъ ними сверкающую подъ солнцемъ стеклянную крышу центральной галлерей. Имъ мерещились безконечныя зеленныя настибыща ихъ далекой родины, покрытыя прозрачной дымкой синеватаго тумана и обвѣваемые теплымъ дыханіемъ морского вѣтра. Доносившійся къ нимъ снизу шумъ разгорѣвшейся торговли, суতোлка наводнившихъ магазинъ двадцати тысячъ посѣтителей, весь этотъ гулъ дѣйствовавшей на всѣхъ парахъ машины казался имъ, въ эту минуту воспоминаній и грезъ, шумомъ вѣтра, качавшаго пышную растительность милой Волоньи.

— Мадемуазель Дениза, Господи! отчего вы такая не ласковая? воскликнулъ вдругъ Делошъ.—Я васъ такъ люблю!..

Слезы выступали на его глазахъ, и такъ-какъ она движеніемъ руки хотѣла заставить его замолчать, онъ поспѣшно продолжалъ:

— Нѣтъ, дайте мнѣ еще разъ высказаться... Я не могу больше молчать... Мы такъ подходимъ другъ къ другу. У насъ такъ много общихъ воспоминаній!..

Онъ тяжело дышалъ, едва сдерживая рыданія. Она перебила его:

— Вы не исполняете обѣщанія. Вы дали мнѣ слово не говорить больше объ этомъ... Это невозможно. Я очень люблю васъ, вы славный малый; но я хочу быть свободной.

— Да, да! заговорилъ онъ снова надорваннымъ голосомъ; — я знаю, вы меня не любите. Говорите прямо, я знаю самъ, что меня не за-что любить... Единственнымъ счастливымъ часомъ въ моей жизни былъ тотъ вечеръ, когда, помните, мы встрѣтились въ Жуанвилѣ. Одну минуту во мракѣ деревьевъ мнѣ показалось, что ваша рука дрожала, и я по глупости вообразилъ...

Но она снова прервала его; до ея слуха донеслись медленные шаги Бурдонкля и Жува.

— Слышите, шаги?

— Нѣтъ, отвѣчалъ онъ, это шумъ воды въ резервуарѣ.

Онъ продолжалъ свои робкія признанія и жалобы; но она почти не слушала его, въ глубокой задумчивости глядя вдаль, откуда доносился отдаленный шумъ города. И только очнувшись, она замѣтила, что онъ держалъ ея руку; но онъ былъ такъ жалокъ и несчастенъ, что она не въ силахъ была отнять ее.

— Простите меня, шепталъ онъ; — вы сдѣлаете меня совсемъ несчастнымъ, если лишите своей дружбы... клянусь вамъ, что все это неволью вырвалось у меня, что я хотѣлъ сказать совсемъ не это... Даю вамъ слово быть впередъ умнѣе... Я давно знаю свой жребій въ жизни и ничего не жду отъ будущаго... Не везло дома, не повезло здѣсь, не везетъ всегда и всюду. Вотъ уже четыре года, какъ я служу здѣсь, я и до сихъ поръ считаюсь послѣднимъ въ отдѣлѣ... Прошу васъ только не бояться меня; я вамъ не стану больше надобдѣть. Будьте счастливы, любите другого... Я буду и этимъ доволенъ... Ваше счастье будетъ моимъ счастьемъ...

Слезы помѣшали ему продолжать и точно для того, чтобы скрѣпить свое обѣщаніе, онъ рабски-почтительно поцѣловалъ ея руку. Глубоко тронутая, она нѣжно произнесла:

— Бѣдный мой мальчикъ!

Но въ ту-же минуту оба вздрогнули и обернулись. Передъ ними стоялъ Мурэ.

Минуть десять Жувъ повсюду искалъ патрона, который въ это время находился у постройки новаго фасада, выходящаго на улицу Десятаго Декабря. Всякій день онъ проводилъ здѣсь по нѣскольку часовъ, стараясь заинтересоваться работами, которыя должны были, наконецъ, осуществить его давнишнюю мечту, и найти убѣжище отъ неотступно преслѣдующей его мучительной думы. Онъ толкался между рабочими,

взбирался по лѣстницѣ, разговаривалъ съ архитекторомъ о предстоящей отдѣлкѣ и украшеніяхъ нововыстроеннаго фасада, спускался даже въ погребъ. Свистъ локомотива, стукъ множества молотовъ и громкій крикъ рабочихъ оглушали его, заставляя на минуту забытья. Онъ уходилъ оттуда весь усыпанный опилками и известкой, съ запачканными грязью ногами, чтобы снова всецѣло отдаться терзавшимъ его чувствамъ. Въ этотъ день онъ съ особеннымъ увлеченіемъ разсматривалъ альбомъ съ рисунками мозаики и барельефовъ, которые должны были украсить новый фасадъ, когда за нимъ пришелъ запыхавшійся Жувъ. Сначала онъ отвѣтилъ, что ему теперь некогда; но когда Жувъ подошелъ ближе и что-то шепнулъ ему на-ухо, онъ вскочилъ и въ какомъ-то трепетномъ волненіи поспѣдовалъ за инспекторомъ въ магазинъ. Все было мгновенно забыто; и этотъ фасадъ съ его украшеніями, и будущее торжество. И на что ему все это, когда тихо сказанное на ухо имя дѣвушки взволновало его до такой степени!

Когда онъ взобрался на верхъ, Бурдонель и Жувъ сочли за лучшее удалиться. Делопъ опроретью убѣжалъ. Липомъ къ лицу съ Мурѣ стояла одна Дениза, блѣдная, но прямо смотрѣвшая ему въ глаза.

— Не угодно-ли вамъ слѣдовать за мною? сухо преговорилъ онъ.

Они молча спустились по двумъ лѣстницамъ и перешли отдѣленія мебели и ковровъ. Подойдя къ кабинету, онъ широко растворилъ дверь и произнесъ:

— Войдите.

И, затворивъ снова дверь, подошелъ къ письменному столу. Новый кабинетъ Мурѣ былъ отдѣланъ съ болыпей роскошью, чѣмъ прежній: репсъ былъ замѣненъ зеленымъ бархатомъ; почти цѣлую стѣну занималъ огромный библіотечный шкафъ, отдѣланный слоновою костью; единственнымъ украшеніемъ другихъ стѣнъ попрежнему оставался портретъ мадамъ Гедуень, красивое лицо которой спокойно улыбалось изъ позолоченной рамки.

— Послушайте, началъ онъ, стараясь придать своему голосу побольше суровости;—есть вещи, которыхъ мы не можемъ допустить... У насъ обязательно хорошее поведение...

Онъ остановился, приискивая выраженія и силясь сдержать овладѣвшее имъ бѣшенство. Возможно-ли это! Она любитъ и

предпочла ему, хозяину, этого несчастнаго прикащика, посмѣ-
шите цѣлаго магазина! Онъ самъ видѣлъ, какъ тотъ цѣловать
ея руку и она не отнимала ея!

— Я былъ слишкомъ добръ въ отношеніи къ вамъ, маде-
муазель, продолжалъ онъ, дѣлая новое усиліе,—и никогда не
думалъ, что вы оплатите мнѣ такимъ образомъ.

Не смотря на волненіе, Дениза не могла оторваться отъ
всѣвшаго передъ нею портрета мадамъ Гедуэнъ. Она всегда
испытывала нѣкоторый страхъ при видѣ этого спокойнаго, но
добраго и ласковаго лица. На этотъ разъ ей казалось, что
только въ немъ она найдетъ поддержку.

— Вы меня извините, г. Мурэ, кротно сказала она; — я
дѣйствительно виновата, что заболталась у окна... Этотъ моло-
дой человекъ, мой землякъ...

— Я его выгоню вонъ! закричалъ Мурэ, и въ этомъ бѣ-
шенномъ крикѣ сказались всѣ терзавшія его душу чувства.

И, не выдержавъ роли хозяина, сурово распекающаго свою
провинившуюся прикащицу, онъ далъ волю овладѣвшему имъ
чувству ревности и разразился градомъ рѣзкихъ и оскорбитель-
ныхъ упрековъ, повторяя всѣ дошедшія до него грязныя сплет-
ни магазина.

— Да, все это ваши любовники!.. Мнѣ давно говорили
объ этомъ, но я былъ такъ глупъ, что не вѣрилъ. . Только я
одинъ не вѣрилъ, одинъ въ цѣломъ магазинѣ!

Растерявшаяся и ошеломленная этимъ потокомъ грубыхъ
обвиненій, Дениза въ первую минуту ничего не понимала.
Боже мой! мелькнуло у ней, наконецъ, онъ принимаетъ ме-
ня, вѣжета, за какую-то ничтожную тварь!

— Позвольте, господичъ Мурэ, если вы вѣрите во все
то, что только-что мнѣ высказали, я не могу ни минуты больш-
е оставаться въ вашемъ магазинѣ. Позвольте мнѣ удалиться.

И, не дожидаясь отвѣта, она повернулась къ выходу. Но
онъ бросился за ней и загородилъ дорогу.

— Оправдайтесь-же по крайней мѣрѣ! Скажите хотя что-
нибудь!

Отвѣтомъ было суровое ледяное молчаніе. Напрасно онъ
съ возрастающимъ нетерпѣніемъ осаждалъ ее вопросами, бѣ-
сился, приходилъ въ отчаяніе, умолялъ, готовъ былъ броситься
къ ея ногамъ, прося разъяснить истину и прекратить эту му-
ку неизвѣстности. Это гордое достоинство простой дѣвушки

обозоружило и поверило его больше, чѣмъ самая тонкая тактика опытной въ любовныхъ интригахъ воеводки.

— Послушайте, вы сказали, что онъ вашъ землякъ... Вы, можетъ быть, встрѣчались тамъ, на родинѣ... Помянитесь, что между вами не было ничего серьезнаго.

Но такъ какъ она все еще продолжала молчать и дѣлала попытки уйти изъ комнаты, онъ окончательно потерялъ голову и заговорилъ голосомъ, въ которомъ сказывались нестерпимыя душевныя муки.

— Боже мой! Я васъ люблю, я васъ люблю, Дениза... Зачѣмъ вы меня мучаете? Вы вѣдь видите, что внѣ васъ для меня ничего не существуетъ, что всѣ названныя мною лица интересуютъ меня только потому, что имена ихъ связаны съ вашимъ именемъ, что я думаю только о васъ, интересуюсь только вами... Подозрѣвая, что вы ревнивы, я отказался отъ своихъ удовольствій. Вамъ говорили о моихъ любовныхъ связяхъ, — теперь я порвалъ всѣ и почти нигдѣ не бываю! Вспомните, что я принялъ вашу сторону въ той сценѣ съ мадамъ Дефоржъ, я порвалъ съ нею, чтобы всецѣло принадлежать вамъ одной. И до сихъ поръ я напрасно ждалъ хоть самой скромной признательности и награды... Если вы еще боитесь, что я вернусь къ ней, то успокойтесь; она теперь мститъ мнѣ помогая одному изъ моихъ бывшихъ прижащиковъ создать мнѣ конкуренцію. Скажите-же, что мнѣ еще сдѣлать, чтобы тронуть ваше сердце? Хотите, я стану на колѣни.

Этотъ гордый миллионеръ-хозяинъ, располагавшій цѣлою арміею подчиненныхъ, по простому капризу десятками выгонявшій своихъ продавщицъ за малѣйшую провинность, готовъ былъ стать на колѣни передъ одной изъ нихъ и, какъ милости, вымаливать ея расположенія, — готовъ былъ простить ей всѣ ея грѣхи и помириться даже съ явной ложью, если-бы она только вздумала унизиться до лжи. Онъ говорилъ правду: ему опротивѣли всѣ эти случайныя и купленные связи, онъ не видѣлся больше съ Кларой и не заглядывалъ къ мадамъ Дефоржъ, гдѣ мѣсто его занялъ Бутмонъ, ожидавшій открытія своего магазина, о которомъ трубили уже всѣ газеты.

— Хотите, я стану на колѣни? повторялъ онъ, сдерживая душившія его рыданія.

Она удержала его, глубоко взволнованная его страданіемъ.

— Вы напрасно так волнуетесь и терзаетесь, господинъ Мурэ, произнесла она, наконецъ. — Клянусь вамъ, что всѣ эти грязныя сплетни — чистѣйшая ложь... Бѣдный Делюшъ также невиненъ, какъ и я.

Она прямо смотрѣла ему въ лицо своимъ яснымъ, правдивымъ взглядомъ.

— Хорошо, я вамъ вѣрю, пробормоталъ онъ; — и не выгоню ни одного изъ вашихъ протеже... Но отчего-же вы отвергаете мою любовь, если никого не любите?..

Она сконфузилась и молчала.

— Можетъ быть вы любите кого-нибудь? продолжалъ онъ дрожащимъ голосомъ. — Вы можете смѣло сказать мнѣ это, я не имѣю никакихъ правъ на ваши чувства... Скажите-же, любите вы кого-нибудь?

Кровь бросилась ей въ лицо, сердце страшно забилося, она чувствовала, что не можетъ лгать, что онъ прочтетъ истину на ея взволнованномъ лицѣ.

— Да, тихо произнесла она; — прошу васъ, не мучьте меня, позвольте мнѣ уйти...

Въ эту минуту она страдала не меньше его. Выдержавъ борьбу съ нимъ, ей приходилось бороться съ собой, съ своимъ собственнымъ чувствомъ. Видя его такимъ взволнованнымъ и несчастнымъ, она начинала чувствовать упадокъ твердости и спрашивала себя, что заставляетъ ее такъ тщательно прятать свои чувства и отвергать его любовь и просьбы. Но въ ту-же минуту въ ней опять пробуждалась пѣломудренная гордость дѣвственницы, чувствующей инстинктивное отвращеніе отъ всякой нечистой мысли, страхъ поруганія своего тѣла, своей личности, и потребность въ спокойствіи и прочной привязанности разсудительной дѣвушки, не желающей отдавать всего своего будущаго первому порыву мимолетнаго чувства.

Мурэ ничего не понялъ. Сдѣлавъ жестъ отчаянія, онъ пошелъ къ своему бюро, схватилъ лежавшія на немъ бумаги, слова бросилъ ихъ и глухо произнесъ:

— Вы можете оставить насъ, мадамъзель, если вамъ угодно. Я не могу васъ удерживать насильно.

— Но я вовсе не хочу уходить, отвѣчала она съ улыбкой; — если вы вѣрите въ мою честность — я остаюсь... Всегда слѣдуетъ вѣрить въ чистоту женщины, господинъ Мурэ. Повѣрьте мнѣ, что честныхъ женщинъ очень много.

Глаза Денизы невольно устремились на красивое лицо мадамъ Гедуэнъ, кровь которой, какъ говорила легенда околodka, принесла счастье магазину. Слѣдившій за ея глазами Мурэ вздрогнулъ; ему вдругъ показалось, что эту столь знакомую ему фразу произнесла его покойная жена. Все въ Денизѣ въ эту минуту напомнило ему мадамъ Гедуэнъ: и здравый смыслъ, и строгая уравновѣшенность характера, и этотъ пріятный ласкающій голосъ, и рѣчь, чуждая пустыхъ и ненужныхъ словъ. На него точно снизошло какое-то откровеніе; онъ сталъ еще печальнѣе.

— Вы знаете, что я въ вашей власти, прошепталъ онъ; — дѣлайте со мною, что хотите.

— Вотъ это такъ, весело сказала она; — никогда не мѣшаетъ прислушиваться къ совѣтамъ всякой женщины, у которой есть хоть капля здраваго смысла... Отдайте себя въ мое распоряженіе, и я сдѣлаю изъ васъ хорошаго чедовѣка.

На ея лицѣ появилось обычное веселое добродушіе. Онъ слабо улыбнулся и почтительно проводилъ ее до двери. На слѣдующій-же день Дениза была назначена начальницей новаго отдѣла. Специально для нея дирекція создала особое отдѣленіе дѣтскихъ костюмовъ, помѣщавшееся рядомъ съ отдѣломъ готоваго платья, которымъ продолжала завѣдывать мадамъ Аврели.

Со времени несчастія, постигшаго ея сына, мадамъ Аврели сильно боялась за свое мѣсто, чувствуя охлажденіе къ себѣ дирекціи и возрастающее съ каждымъ днемъ влияніе Денизы. Ея ожирѣвшее лицо замѣтно похудѣло и осунулось подъ гнетомъ постигшаго династію Ломовъ позора. Еще больше жены, потрясенный поведеніемъ сына, старикъ Ломъ каждую минуту боялся, чтобы и его не заподозрили въ воровствѣ, и по два раза пересчитывалъ дневную выручку, выдѣлывая чудеса своей единственной рукой. Несчастіе, казалось, сблизило ихъ; точно чувствуя, что ихъ семейная неурядица была главной причиной несчастія ихъ сына, они не расходились, какъ прежде, въ разныя стороны, а каждый вечеръ рука объ руку возвращались домой. Когда мадамъ Аврели узнала о назначеніи Денизы начальницей новаго отдѣла, она такъ обрадовалась, что готова была обнять дѣвушку и стала выражать ей самыя вѣжныя чувства, осыпая любезностью, предупредительностью и вниманіемъ.

Дениза достигла теперь высшей ступени вліянія и почета въ магазинѣ. Назначеніе начальницей новаго отдѣла оконча- тельно обезоружило всѣхъ ея враговъ; если про нее, за спи- ной, все еще продолжали сплетничать, просто по свой- ственной людямъ потребности чесать языки, то при встрѣчѣ съ нею всѣ подобострастно гнули спины. Назначенная на мѣсто нея помощницей въ отдѣлѣ готоваго платья Маргарита раз- сыпалась о ней въ похвалахъ. Сама Клара не могла отка- зать въ уваженіи этой дѣвушкѣ, такъ быстро создавшей свою карьеру. Но особенно блестящей была побѣда Денизы надъ Жувомъ, который встрѣчалъ ее не иначе, какъ согнувшись въ три погибели, надъ Гюеномъ, чувствовавшимъ шаткость своего положенія въ магазинѣ, и надъ Бурдонклемъ, вынужденнымъ сознаться въ своемъ безсиліи. Когда онъ увидаль, что послѣ всѣхъ его стараній Дениза вышла изъ кабинета директора сіяющей и спокойной, а на другой день Мурэ потребоваль открытія для нея новаго отдѣла, Бурдонклъ почувствовалъ ка- кой-то суевѣрный страхъ къ этой женщинѣ, одолѣвшей всѣхъ своихъ враговъ, и покорно ждалъ своей гибели вмѣстѣ съ ги- белью околдованнаго ею патрона.

Дениза, между тѣмъ, тихо и ласково пользовалась своей побѣдой. Съ радостью и признательностью принимала она вся- кое выраженіе симпатіи и почтенія со стороны окружающихъ, оплачивая имъ вдвойнѣ и выказывая всегда готовность на по- кровительство, услугу и помощь. Кончилось тѣмъ, что между нею и многими изъ ея товарокъ завязались весьма искреннія дружескія отношенія. Она не могла, впрочемъ, одолѣть от- вращения только къ одной Кларѣ, когда узнала, что та, только для того, чтобы посмѣяться надъ Бодю, завлекла наконецъ къ себѣ Коломбана, который съ этихъ поръ часто не ночеваль дома, что окончательно убивало Женевьеву. Но это единствен- ное огорченіе только по временамъ проходило темнымъ обла- комъ по ея обычному веселому и всегда ровному настроенію. Нужно было видѣть ее въ ея отдѣлѣ, среди толпы ребяти- шекъ разныхъ возрастовъ. Она обожала дѣтей; трудно было для нея придумать лучшее мѣсто. Выпадали дни, когда ея отдѣлъ наводняла разомъ цѣлая сотня дѣвочекъ и мальчиковъ, которымъ нужно было подобрать костюмы по росту и по вку- су. Сами матери теряли здѣсь голову, а она, всегда спокой- ная и улыбающаяся, разсаживала всѣхъ по стульямъ и съ

заботливостью и терпѣніемъ нѣжной матери начинала примѣривать имъ костюмы. По всему отдѣлу раздавался хоръ множества смѣющихся дѣтскихъ голосовъ, нарушаемый плачемъ раскапризничавшагося ребенка и подчасъ суровымъ увѣщаніемъ матери. Дениза невозмутимо урезонивала шалившихъ, успокоивала плачущихъ лаской и всегда имѣвшимися у нея въ запасѣ лакомствами и чувствовала себя среди этой шумной, крикливой толпы точно въ родной семьѣ.

Теперь ей часто приходилось вести дружескія бесѣды съ Мурэ. Когда она являлась въ его кабинетъ за разными справками и разъясненіями, онъ подолгу задерживалъ ее и любилъ ее слушать. Въ ея практической нормандской головкѣ всегда зрѣло нѣсколько новыхъ плановъ улучшенія въ торговлѣ, основанныхъ на тѣхъ идеяхъ современной комерціи, которыя она старалась когда-то внушить Робино и высказывала Мурэ во время ихъ прогулки по Тюильрійскому саду. Она не могла видѣть никакого дѣла безъ того, чтобы тотчасъ не почувствовать потребности завести въ немъ новый порядокъ и ввести улучшеніе въ его механизмѣ.

Такъ, со дня ея вступленія въ «Bonheur des Dames», ее мучило непрочное положеніе прикащиковъ и возмущала нелѣпая система внезапныхъ изгнаній, одинаково вредная для магазина и для служащихъ. Вспоминая страданія во время первыхъ дней своей службы въ магазинѣ, она съ особеннымъ сочувствіемъ и вниманіемъ относилась къ жалкой участи каждой новопоступавшей продавщицы. Эта собачья жизнь среди насмѣшекъ, преслѣдованій и лишеній, говорила она, способна испортить и совратить съ истиннаго пути дѣвушекъ съ самыми лучшими зачатками. Большинство изъ нихъ не доживаетъ до сорока лѣтъ, умирая отъ истощенія и чахотки, вслѣдствіе чрезмѣрнаго труда, плохой пищи и недостатка воздуха; многія не выдерживаютъ и, оставляя работу, поневолѣ попадаютъ на мостовую; и только немногимъ удается выйти замужъ и устроиться гдѣ-нибудь въ провинціи. Гдѣ-же человѣчность, гдѣ-же справедливость въ такомъ безжалостномъ истребленіи людей крупными магазинами? И она горячо отстаивала передъ Мурэ интересы его служащихъ, ссылаясь какъ на требованія человѣчности и справедливости, такъ и на прямыя выгоды хозяина. Кто хочетъ имѣть прочную машину, тотъ долженъ строить ее изъ прочнаго желѣза. Если желѣзо хрупко — ко-

леса будутъ постоянно ломаться, машина останавливаться и потребуются постоянные расходы на починки и большая трата времени.

По временамъ она давала волю фантазіи и рисовала передъ хозяиномъ картину идеальнаго базара, своего рода торговаго фаланстера, въ которомъ всё будутъ имѣть одинаковыя права, обезпеченное будущее и доходы по способностямъ и заслугамъ cadaго. — Тогда Мурэ начиналъ смѣяться, обвинялъ ее, шутя, въ увлеченіи социализмомъ, приводилъ ей возраженія и указывалъ на практическую неосуществимость ея плановъ. Но, отшучиваясь и возражая ей, онъ съ восхищеніемъ слушалъ ея рѣчи и не могъ оставаться глухимъ къ этому звучащему искренней вѣрой голосу любимой дѣвушки и пользоваться всѣмъ, что въ ея указаніяхъ было пракческаго и осуществимаго. Такъ, мало-по-малу, положеніе прикащиковъ было значительно улучшено, массовыя и произвольныя изгнанія прекратились, замѣнившись во время застоя въ торговлѣ особой системой отпусковъ; устроена сберегательная касса для выдачи пособій во время болѣзни и безработицы и назначенія пенсіона въ старости. Это было зародышемъ обширныхъ рабочихъ ассоціацій будущаго.

Но Дениза заботилась не только о непосредственной выгодѣ служащихъ и улучшеніи ихъ матеріальнаго быта. Ей хотѣлось расширить духовныя и эстетическія потребности товарищей. Ея вліянію на Мурэ кассиръ Ломъ былъ обязанъ осуществленіемъ его давнишней мечты — устройству оркестра изъ служащихъ при магазинѣ. Черезъ три мѣсяца, подъ его руководствомъ состояло уже сто двадцать вполне готовыхъ музыкантовъ. По этому случаю магазинъ устроилъ празднество съ концертомъ и баломъ, чтобы имѣть случай представить своихъ музыкантовъ всѣмъ меломанамъ города. Объ этомъ заговорили всѣ газеты, и возстававшій противъ всѣхъ этихъ нововведеній Бурдонкъ вынужденъ былъ, наконецъ, признать всю важность такой рекламы.

Затѣмъ, по мысли Денизы, въ магазинѣ устроенъ былъ залъ для прикащиковъ, въ которомъ стояло два бильярда и нѣсколько столовъ для шахматовъ и триктрака. Далѣе, организованы для желающихъ вечерніе курсы грамматики, арифметики, географіи, англійскаго и нѣмецкаго языковъ; былъ устроенъ даже залъ для гимнастики и фехтованія; тутъ-же на-

ходилась библіотека, предоставлявшая въ распоряженіе прикащиковъ десять тысячъ томовъ различныхъ сочиненій. При магазинѣ находился даровой докторъ, бани, буфетъ и парикмахерская. Словомъ, прикащики имѣли здѣсь столъ, квартиру, развлеченія и удовлетвореніе всѣмъ своимъ духовнымъ потребностямъ. «Bonheur des Dames» самъ удовлетворялъ всѣмъ своимъ нуждамъ среди обширнаго Парижа, съ изумленіемъ глядѣвшаго на эту громадную мастерскую, пышно разросшуюся на развалинахъ стараго города.

Имя Денизы сдѣлалось популярнымъ во всѣхъ отдѣлахъ. Служащіе знали, что ей одной, ея непреклонности и вліянію напатрона они обязаны всѣми улучшеніями. Наконецъ то нашлась одна, которая съумѣла прибрать его къ рукамъ и заставить не ограничиваться пустыми обѣщаніями, а серьезно позаботиться объ участи бѣдныхъ прикащиковъ! Они радовались на нее, гордились ею, готовы были вынести ее на показъ толпѣ. Какъ это странно! думала часто Дениза. Давно ли она пришла сюда бѣдной, ничтожной и запуганной дѣвушкой, терявшейся среди шума и сутолоки гигантскаго магазина? А теперь она центръ, душа кипѣвшей здѣсь жизни, главный двигатель машины, наводившей когда-то на нее паническій страхъ. Однимъ изъ наибольшихъ удовольствій Денизы въ это время была возможность быть полезной Полинь. Послѣдняя была беременна и со страхомъ ждала, что ей откажутъ отъ мѣста, такъ какъ за короткое время выгнаны были изъ магазина двѣ продавщицы, бывшія на седьмомъ мѣсяцѣ беременности. Дирекція не терпѣла подобныхъ проступковъ, и беременность преслѣдовалась какъ вещь неудобная и скандализирующая. Въ крайнемъ случаѣ, допускался бракъ, но съ тѣмъ, чтобы не было дѣтей. Хотя у Полины былъ законный мужъ, служившій тутъ-же въ магазинѣ, но беременность ея все-таки считалась непозволительнымъ соблазномъ; поэтому она старательно стягивала животъ, рѣшившись скрывать свое несчастье до послѣдней минуты.

Опытный глазъ Бурдонкля давно замѣчалъ странную пережѣву въ лицѣ Полины и какую-то незамѣченную прежде неуклюжесть ея походки. Однажды, когда онъ проходилъ черезъ отдѣленіе бѣлья, рабочій, убиравшій свертки товара, нечаянно толкнулъ ее локтемъ съ такой силой, что она вскрикнула и схватилась за животъ. Бурдонкль тотчасъ велѣлъ увести ее изъ отдѣла и, заставивъ во всемъ сознаться, предложилъ ди-

рекции немедленно выпроводить ее из магазина, так-какъ, вслѣдствіе удара, ей каждую минуту угрожаютъ преждевременные роды. Мурэ не было на совѣтѣ и ему предстояло высказать свое мнѣніе только вечеромъ. Дениза имѣла время вмѣшаться, и предложеніе Бурдонкля было отвергнуто въ видахъ репутаціи магазина, которому невыгодно возбуждать противъ себя матерей и роженицъ среди своихъ клиентокъ. Совѣтъ дирекціи, поэтому, постановилъ, что всякая замужня продавщица, сдѣлавшаяся беременной, будетъ помѣщена на счетъ магазина къ особой акушеркѣ, какъ только ея присутствіе въ отдѣлѣ будетъ признано неудобнымъ и оскорбляющимъ чувство стыдливости.

На слѣдующій день Дениза зашла въ лазаретъ, чтобы провѣдать лежавшую въ постели, вслѣдствіе полученнаго наканунѣ удара Полину. Та обняла ее и стала неистово цѣловать.

— Какая вы добрая! Безъ васъ, они не задумались-бы вытолкнуть меня на улицу... Вы не беспокойтесь, докторъ сказалъ, что нѣтъ ничего серьезнаго.

Тутъ-же, по другую сторону постели, стоялъ Боже, которому удалось на минуту ускользнуть изъ своего отдѣла, и сконфуженно бормоталъ передъ Денизой выраженія своихъ чувствъ. Она представлялась ему теперь какимъ-то высшимъ существомъ, къ которому нужно обращаться съ особеннымъ почтеніемъ.

— Ну, теперь оставь насъ однѣхъ, мой милый, обратилась къ нему ласково Полина. — Тебѣ здѣсь нечего дѣлать, а мы хотимъ поговорить.

Лазаретъ помѣщался въ обширной комнатѣ, гдѣ стояло двѣнадцать кроватей, завѣшанныхъ бѣлыми пологамъ. Здѣсь пользовали тѣхъ изъ служащихъ, которые жили въ магазинѣ и не имѣли въ городѣ родныхъ. Но въ этотъ день въ лазаретѣ никого не было, кромѣ Полины, лежавшей близъ окна, которое выходило на улицу Сентъ-Огюстенъ. Въ комнатѣ царила мертвая тишина; воздухъ былъ пропитанъ запахомъ лекарства. Между пріятельницами тотчасъ-же завязалась тихая интимная бесѣда.

— Онъ, однако, исполняетъ все, что вы ни скажете, говорила Полина. — А вы, моя милая, слишкомъ суровы, за что вы его такъ мучаете? Скажите правду, разъ ужъ мы заговорили объ этомъ, вы его ненавидите?

Она держала руку Денизы, сидѣвшей на кровати. Неожиданный вопрос заставил дѣвушку смѣшаться и покраснѣть, и тайна невольно сорвалась съ ея языка.

— Я его люблю! прошептала она, спрятавъ лицо въ подушку.

— Какъ! воскликнула изумленная Полина.—Вы его любите? Отчего-же вы ему отказываете? Скажите: да — и все уладится.

Но Дениза, не отрывая лица отъ подушки, отрицательно качала головой. Она любить его и все-таки говоритъ: «нѣтъ», сама не зная почему. Это странно, смѣшно, но она не въ силахъ поступить иначе. Изумленіе пріятельницы возрастало.

— Значить, все это ведетъ къ тому, чтобы онъ на васъ женился?

Дениза мгновенно вскочила.

— Ему жениться на мнѣ! О! нѣтъ, клянусь, что никогда ничего подобнаго не приходило въ голову, а вы знаете, что я ненавижу ложь!

— Но, моя милая, ласково продолжала Полина; — должно-же это чѣмъ-нибудь кончиться, и женитьба, даже помимо вашего желанія, является единственнымъ исходомъ, разъ вы ни на что другое не согласны... Я должна васъ предупредить, моя милая, что всѣ того-же мнѣнія; всѣ убѣждены, что вы хотите заставить его жениться... Господи! какая вы, однако, странная женщина!

Ей пришлось успокаивать Денизу, которая снова уткнула лицо въ подушку и, рыдая, повторяла, что она бросить все и уйдетъ изъ этого дома, гдѣ ей приписываютъ такія вещи, которыя ей не могутъ придти въ голову. Конечно, разъ человѣкъ любить женщину, онъ долженъ на ней жениться; но она совсѣмъ не хочетъ этого, она проситъ только одного, чтобы о ней забыли, оставили ее въ покоѣ, не мѣшали-бы ей жить, какъ ей хочется. Нѣтъ, она уйдетъ!

А въ это-же время, внизу, Мурѣ медленными шагами переходилъ магазинъ, направляясь къ мѣсту построекъ, чтобы здѣсь, среди шума работы, найти минуту забвенія. Монументальный фасадъ ужь былъ оконченъ и высоко выступалъ изъ-за досчатой ограды, скрывавшей его отъ глазъ публики; толпа рабочихъ-мастеровъ хлопотала уже надъ украшениями фасада, отдѣлывая его мраморомъ, фаянсомъ и мазаикой, и

покрывая позолотой статуи главнаго подвѣзда и эмблематическія фигуры различныхъ промышленныхъ городовъ Франціи.

Съ утра до вечера по улицѣ Десятаго Декабря шаталась толпа любопытныхъ, съ нетерпѣніемъ ожидавшихъ окончанія новаго фасада, который сулилъ чудеса искусства и роскоши и угрожалъ произвести переворотъ въ торговлѣ.

И среди этого лихорадочнаго движенія, среди кипучей дѣятельности рабочихъ и толпы артистовъ надъ осуществленіемъ его завѣтной мечты, Мурэ глубже, чѣмъ когда-либо, чувствовалъ всю тщету, все безсиліе и ничтожество его богатства. Мысль о Денизѣ не покидала его ни на минуту, мучительно сжимала его сердце, жгучей струей разливалась во всемъ его существѣ и гнала прочь мечты о могуществѣ и славѣ. Этотъ выстроенный, наконецъ, монументальный фасадъ казался ему жалкимъ и мизернымъ; растаясь онъ хоть на весь городъ, подымись хоть до облаковъ, ему не удалось-бы наполнить пустоты его сердца, этого изболѣвшагося сердца, исцѣлить которое можетъ только одно слово этой дѣвочки.

Онъ въ отчаяніи вернулся къ себѣ въ кабинетъ. Чего-же она хочетъ?.. Онъ не смѣлъ уже больше предлагать ей денегъ, и сквозь душившія его слезы бѣшенства и безсилія въ головѣ его смутно мелькала мысль о женитьбѣ. Онъ чувствовалъ себя глубоко несчастнымъ.

(Окончаніе въ слѣд. номерѣ).

ЧИНШЕВИКИ.

I.

Въ Западной Россіи, какъ извѣстно, существуетъ многочисленный классъ людей, называемый *чиншевиками*, и владѣющій земельными угодьями на основаніи *чиншеваго права*.

Кто-же такіе чиншевики, въ чемъ состоитъ чиншевое право и чѣмъ оно отличается отъ права собственности и аренднаго права?

Чиншевое право занимаетъ середину между правомъ собственности и правомъ аренды. Въ немъ замѣтно присутствіе элементовъ того и другого права, но въ то-же время оно имѣетъ существенныя отличія отъ cadaго изъ нихъ.

Чиншевикъ владѣетъ земельнымъ участкомъ вѣчно, имѣетъ право дарить, закладывать и продавать его — и въ этомъ заключается сходство чиншевика съ владѣльцемъ на правѣ собственности; чиншевикъ за пользованіе извѣстнымъ земельнымъ участкомъ долженъ платить владѣльцу вѣчный чиншъ, а въ случаѣ неуплаты — оставить занимаемый имъ участокъ и возратить его владѣльцу — сходство съ арендаторомъ.

Несмотря на такое близкое родство чиншеваго права съ правомъ собственности и аренды, чиншевика нельзя назвать ни собственникомъ, ни арендаторомъ. И въ самомъ дѣлѣ, чиншевикъ долженъ платить извѣстный чиншъ, въ противномъ случаѣ онъ лишается права владѣть землею, тогда какъ собственникъ никому не обязанъ платить за право пользованія своею землею, а напротивъ, самъ получаетъ съ нея доходъ въ видѣ ренты съ арендатора. Не нужно, однако, смѣшивать чиншевика и съ арендаторомъ на томъ основаніи, что отношенія между арендаторомъ и владѣльцемъ закрѣпляются контрактами на довольно незначительный срокъ (по ст. 1692 т. X ч. I недвижимыя частныя имущества запрещается отдавать въ наемъ или содержаніе сро-

комъ свыше 12 лѣтъ), по истеченіи котораго владѣлецъ имѣеть право отказать арендатору въ пользованіи своимъ недвижимымъ имуществомъ, возвысить арендную плату и т. д.; относительно-же чиншевика онъ ничего этого не можетъ сдѣлать. Чиншевикъ владѣеть угодьями вѣчно, платитъ чиншъ вѣчный, неизмѣнный, разъ навсегда опредѣленный, и владѣлецъ ни въ какомъ случаѣ не имѣеть права (подъ условіемъ, конечно, уплаты чинша) лишить чиншевика находящихся въ его пользованіи земельныхъ угодій или увеличить размѣры чинша. Впрочемъ, увеличеніе размѣровъ чинша бываетъ иногда возможнымъ, но только въ томъ случаѣ, когда обѣ стороны на подобную сдѣлку согласны.

Такимъ образомъ, чиншевое право, существующее въ Западной Россіи, есть особое право, и чиншевикъ находится въ исключительномъ положеніи, непредусмотрѣнномъ нашимъ законодательствомъ.

Однако, то обстоятельство, что чиншевое право не находитъ оправданія своего существованія въ нашемъ законодательствѣ, не даетъ никакого основанія заключать о его случайности и изолированности въ ряду прочихъ явленій подобнаго рода. Напротивъ, чиншевое право—явленіе неслучайное, оно имѣеть прочное основаніе въ исторіи права Польши и Литвы. Мало того, подобная форма землепользованія имѣеть глубокіе корни въ далекомъ прошломъ и освящена даже римскимъ правомъ.

Существованіе наследственной аренды съ правомъ отчужденія пользованія мы находимъ и въ средніе вѣка, и не только въ деревняхъ, но даже въ городахъ относительно домовъ.

И въ настоящее время, въ Западной Европѣ часто встрѣчается та форма землепользованія, которая извѣстна у насъ подъ именемъ чиншеваго владѣнія. Она существуетъ въ нѣкоторыхъ провинціяхъ Бельгіи, сѣверной части Франціи, Ирландіи, Португаліи и др. На присутствіе ея въ этихъ государствахъ указываютъ существующіе тамъ аграрные обычаи, которые въ каждомъ изъ нихъ имѣють свое специальное названіе. Такъ, въ Бельгіи, въ провинціи Гронингенъ, обычай этотъ извѣстенъ подъ именемъ «*Weklemregt'a*», во Франціи—«*droit de marché*», въ Ирландіи—«*ульстерскаго обычая*», въ Португаліи—«*афораменто*» и т. д.

II.

Чиншевое право развилось въ Западномъ краѣ еще во время дѣйствія польскихъ законовъ и литовскаго статута. Въ бывшемъ Царствѣ Польскомъ и Литвѣ существовали значительныя ограниченія по приобрѣтенію недвижимой собственности,

на правах вѣчнаго потомственнаго владѣнія. Право приобрѣтать недвижимую поземельную потомственно-неограниченную собственность въ Польшѣ и Литвѣ, въ особенности съ поселенными въ послѣдствіи на ней крестьянами, предоставлялось исключительно однимъ только королямъ, польскимъ и литовскимъ князьямъ и мѣстному высшему, преимущественно служилому, дворянству, и только въ рѣдкихъ случаяхъ низшему дворянству—шляхтѣ.

Такимъ образомъ, нешляхетная людность и значительная часть низшаго дворянства—шляхты—лишены были возможности имѣть свою землю. Однако, несмотря на это «богатые землями, а не доходами съ нихъ, поляки-владѣльцы не находили обработчиковъ для своихъ пустырей. Населеніе въ Западномъ краѣ было рѣдко, и потому нельзя было владѣльцамъ устроиться на манеръ англійскихъ лордовъ, т. е. поставить предъ населеніемъ альтернативу—умирать отъ безработицы или брать въ аренду земли по такимъ аренднымъ цѣнамъ, которыя выжимали-бы у арендатора плоды ихъ кровавыхъ трудовъ, оставляя лишь настолько средствъ, чтобы арендаторъ не умеръ съ голода и не лишилъ владѣльца обработки и, слѣдовательно, доходовъ съ его земель. Итакъ, владѣльцамъ-полякамъ, захватившимъ земли русскаго и литовскаго люда въ Западномъ краѣ, въ силу водворившейся польской государственности, приходилось, тѣмъ или инымъ способомъ, достать себѣ рабочихъ и черезъ нихъ доходы съ захваченныхъ земель. Вотъ происхождение чиншеваго договора.

Ясно, что ни на сторонѣ землевладѣльцевъ, ни на сторонѣ безземельнаго люда не было особыхъ экономическихъ преимуществъ при заключеніи чиншевыхъ условій. Обѣ стороны почти въ одинаковой степени нуждались другъ въ другѣ. Землевладѣльцы, приобрѣтая громадныя имѣнія, нерѣдко вовсе не населенныя, имѣли насущную, неотложную потребность въ заселеніи ихъ рабочей силой, а также промышленниками и разнаго рода ремесленниками, безземельный-же людь—обладая рабочей силой, не имѣлъ земли, гдѣ-бы онъ могъ примѣнить свою силу къ дѣлу. Рабочимъ даже легче было отыскать нужный клочекъ земли, чѣмъ землевладѣльцу обработчиковъ для своихъ пустырей. Въ землѣ было изобиліе, а въ рабочей силѣ недостатокъ.

Утверждать въ виду этого, что нешляхетская людность и безземельная шляхта, не имѣя своей земли, «сидѣли на милости» у знатныхъ землевладѣльцевъ, значитъ не знать условій, при которыхъ совершались чиншевые договоры.

Поселенцы хорошо сознавали свое значеніе, а потому и выговаривали себѣ льготы въ видѣ договора быть вѣчно свободными отъ всякихъ натуральныхъ повинностей въ пользу

вотчинниковъ, на что послѣдніе, заинтересованные въ привлеченіи населенія, нерѣдко соглашались. Такими льготами, какъ видно изъ актовъ и привилегій, даваемыхъ поселенцамъ вотчинниками, были: свобода торговли и *вѣчная аренда земель*, нерѣдко съ неизмѣннымъ оброкомъ или *чиншею*, подъ условіемъ вѣчнаго владѣнія, пользованія и распоряженія съ правомъ продажи всякаго рода продуктовъ.

Чтобы привлечь населеніе въ свои обширныя владѣнія и тѣмъ увеличить доходы, землевладѣльцы давали сами нѣкоторыя права и льготы поселенцамъ. Многіе города получили магдебургское право, только благодаря этому обстоятельству. Такъ, напр. мѣщане города Высокаго въ 1510 году получили жалованную подтвердительную грамоту на магдебургское право, въ которой между прочимъ, говорилось: Литовскій великій князь Александръ «право нѣмецкое майтборское въ томъ мѣстѣ ихъ у Высокомъ имъ далъ, по тому какъ и въ иныхъ мѣстѣхъ нашихъ, въ Берестыи и въ Дарогичинѣ, для того, ижъ-бы люди осѣдали и платы-бы наши намъ ся повышали, и войтовство въ томъ мѣстѣ у Высокомъ вставилъ его милость вѣчно» *). Въ 1523 году была дана жалованная грамота жителямъ королевской Клящелязской отчины на Хелмское право съ освобожденіемъ новыхъ поселенцевъ отъ взноса податей на 10 лѣтъ. Въ ней прямо сказано: «...воевода хотячи тоѣ мѣсто нашо Клящелязи разширити къ пожитку нашему господарскому, далъ имъ право Хелмское, по которому они праву мають ся справовати и рядити, и на то имъ листъ свой далъ, въ которомъ-же листѣ выписано, какъ мають намъ давати плату» **).

Взаимныя отношенія и права владѣльцевъ имѣній, мѣстечекъ и городовъ и поселившихся на ихъ земляхъ чиншевиковъ опредѣлялись или словеснымъ договоромъ, или особыми, утвержденными правительствомъ, установительными актами. Послѣдніе обыкновенно употреблялись въ обширныхъ владѣніяхъ, имѣвшихъ многосложную доманіальную администрацію. Акты эти носили различныя названія. Изъ нихъ извѣстны, напр., слѣдующія: привилегія, универсалы, консенсы, листы и т. д. Всѣ эти привилегіи, универсалы и т. д. подтверждаютъ только, что чиншевое право въ западныхъ губерніяхъ имѣло характеръ вѣчнаго и неизмѣннаго чинша, что владѣльцы городовъ и мѣстечекъ, разъ поселивши у себя свободныхъ людей, не имѣли затѣмъ права «рушать» ихъ, т. е.

*) Акты, относящіяся къ исторіи Западной Россіи, собр. и изд. археологическою комисс., т. II, и 59.

***) Id. и 123.

удалять изъ своихъ имѣній; чиншъ нельзя было возвышать по одному произволу вотчинника, помимо согласія чиншевиковъ, и, наконецъ, чиншевики имѣли право продавать, закладывать, словомъ, всѣми способами отчуждать свои поземельные участки и усадебныя «дворища».

Чиншевики владѣли землей нерѣдко безъ всякаго письменнаго акта, а по одному только словесному договору съ вотчинникомъ. Въ послѣднемъ случаѣ споры и недоразумѣнія между вотчинникомъ и чиншевиками рѣшались на основаніи одного «звычайнаго, стародавняго, обычнаго» права, дѣйствовавшаго на этотъ предметъ въ польскихъ и литовскихъ владѣніяхъ.

Въ такомъ положеніи находилось чиншевое владѣніе въ Польшѣ и Литвѣ до присоединенія ихъ къ Россіи. Однако и послѣ присоединенія—въ институтъ чиншеваго права не было сдѣлано никакихъ измѣненій и дополненій. Такъ, въ 1794 г. жителямъ великаго княжества литовскаго подтверждены прежнія права на владѣніе имуществами по законамъ княжества, а въ 1797 году Высочайше повелѣно поземельное владѣніе Польши и Литвы оставить безъ измѣненія и на прежнихъ правахъ. Только Высочайшимъ указомъ 25 іюня 1840 года, распространившимъ дѣйствіе общихъ законовъ имперіи на западныя губерніи, положены нѣкоторыя ограниченія дальнѣйшему развитію чиншеваго права. Этимъ указомъ положительно запрещалось распространеніе института чиншеваго права на большій кругъ людей, чѣмъ какой существовалъ до 1840 года. Слѣдовательно, согласно съ закономъ 25 іюня, чиншевиками въ западномъ краѣ считались только тѣ, кто поселился на владѣльческихъ земляхъ до 40 года, всѣ-же остальные, т. е. поселенцы, сѣвшіе на землю послѣ 40 года, считались простыми арендаторами, акты, опредѣлявшіе ихъ отношенія къ владѣльцу, признавались незаконными и не имѣвшими никакой силы.

Нечего и говорить, что законъ этотъ, не имѣя корней въ исторіи Польши и Литвы, оставался мертвою буквою для населенія западнаго края. Чиншевыя договоры, вопреки запрещенію закона, заключались попрежнему въ довольно значительныхъ размѣрахъ. Да это и понятно. Чиншевое право на западѣ было такъ развито и живуче, чиншевыя отношенія до того вошли въ сознаніе населенія, что одного писаннаго закона было не достаточно, чтобы сразу остановить дальнѣйшее возникновеніе чиншевыхъ договоровъ. Послѣдніе возникали вновь на основаніи обычнаго права даже и при другомъ экономическомъ бытѣ крестьянъ.

Основываясь на цифровыхъ данныхъ по Волинской губ., въ которой за послѣдніе 25 лѣтъ поселилось вновь чиншевиковъ 30,095 душъ, можно предположить, что во всемъ западномъ краѣ въ послѣдніи

40 лѣтъ общее число чиншеви́ковъ возрасло до громадной цифры. Между тѣмъ законъ 25 июня 40 года всѣхъ этихъ, вновь народившихся, чиншеви́ковъ считалъ простыми арендаторами, которыхъ владѣлецъ имѣлъ право прогнать съ занимаемой ими земли и пустить на всѣ четыре стороны. Владѣльцы дѣйствительно не преминули воспользоваться своимъ правомъ при рѣшеніи споровъ и недоразумѣній, очень часто возникавшихъ между ними и ихъ чиншеви́ками. Право это многимъ изъ нихъ помогло отдѣлаться отъ ненавистныхъ чиншеви́ковъ и отказаться отъ невыгодныхъ обязательствъ, принятыхъ ими на себя во время заключенія чиншеви́хъ договоровъ.

Дѣло вотъ въ чемъ. Съ увеличенія населенія въ западномъ краѣ, увеличивались и арендныя цѣны на земли. Такъ напр., въ 1695 году въ Новогрудскомъ уѣздѣ, Минской губ., влока (20 десятинъ) оплачивалась по 4 р. 20 к. въ годъ, въ 1881 году въ той-же мѣстности наименьшая аренда составляла 3 рубля съ десятины, т. е. 60 рублей съ влоки. Такимъ образомъ въ 180 лѣтъ аренда поднялась почти въ 15 разъ. Между тѣмъ землевладѣльцы, поселившіе у себя чиншеви́ковъ, должны были вѣчно пользоваться неизмѣннымъ чиншемъ, представлявшимъ иногда пятнадцатую или двадцатую часть арендныхъ цѣнъ, существовавшихъ въ данной мѣстности. Вѣчное чиншевое право, слѣдовательно, отнимало у владѣльцевъ возможность пользоваться болѣе высокими доходами съ своихъ земель, и понятно, что это обстоятельство дѣлало чиншеви́ковъ ненавистными для западно русскихъ землевладѣльцевъ.

Желаніе получить большій доходъ заставляло владѣльцевъ увеличивать чиншъ вопреки первоначальному договору и, такимъ образомъ, превращать чиншеви́ковъ въ простыхъ арендаторовъ. Чиншеви́ки отказывались платить увеличенную сумму. Возникло дѣло. Помѣщику только этого и нужно было, потому что на судѣ онъ всегда могъ доказать, что его поселенцы не имѣютъ никакихъ правъ на чиншевое владѣніе, а считаются простыми арендаторами. Имѣли-ли чиншеви́ки формальныя доказательства своихъ правъ или нѣтъ,—это было положительно все равно. Какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ они одинаково признавались арендаторами и лишались земельныхъ участковъ, которыми пользовались нѣсколько десятковъ лѣтъ. Въ первомъ случаѣ судебныя инстанціи признавали чиншеви́ковъ арендаторами безъ всякихъ доказательствъ со стороны помѣщика, во второмъ—требовались отъ него доказательства, на основаніи которыхъ можно было бы подорвать значеніе письменныхъ актовъ, представляемыхъ чиншеви́ками въ подтвержденіе своихъ правъ. Помѣщикъ отъ такихъ требованій нисколько не смущался, потому что онъ

всегда могъ доказать, что бывшій чиншевикъ добровольно отказался отъ своихъ чиншевыхъ правъ, такъ какъ онъ въ такомъ-то и такомъ-то году платилъ ему, помѣщику, больше, чѣмъ долженъ былъ платить за чиншъ или, другими словами, чиншевикъ состоялъ арендаторомъ.

Дѣло обыкновенно рѣшалось въ пользу помѣщика. Если-же въ рѣдкихъ случаяхъ помѣщикъ проигрывалъ дѣло у мирового судьи и въ сѣздѣ, то оно переносилось въ соединенную палату и здѣсь опять таки рѣшалось въ его пользу.

Такимъ образомъ, по словамъ «Кіевлянина», «помѣщики и судьи заодно уничтожали чиншевиковъ и дѣлали это такъ энергично и безпереромно, что правительство обратило на исчезновеніе чиншевиковъ должное вниманіе и въ 1878 году, 28 іюля, издало законъ, по которому мировыя учрежденія и соединенныя палаты ни въ какомъ случаѣ не рѣшаютъ въ окончательной формѣ поступающихъ къ нимъ дѣлъ о чиншевикахъ; разрѣшаются-же они въ сенатѣ и только послѣ отдѣльнаго всякій разъ мнѣнія министра государственныхъ имуществъ».

Законъ 28 іюля 1878 года мало принесъ пользы чиншевому населенію западнаго края. Правда, оно временно было успокоено и ограждено отъ частыхъ посѣщеній его судебными приставами, съ исполнительными листами мировыхъ судей и требованіями «выбираться—куда хочешь», но и только. Неопредѣленность положенія, неизвѣстность—кто выйдетъ побѣдителемъ, одинаково тяжело и грустно вліяло и теперь вліяетъ на весь бытъ чиншевиковъ.

И такъ, съ одной стороны мы видимъ стремленіе помѣщиковъ уничтожить чиншевое владѣніе и обратить чиншевиковъ въ арендаторовъ, а съ другой—возникновеніе новыхъ чиншевыхъ договоровъ, образованіе новыхъ чиншевиковъ въ довольно значительныхъ размѣрахъ. Чѣмъ-же объяснить такое странное явленіе?

Отвѣтъ на этотъ вопросъ будетъ вполне ясенъ, когда мы коротенько познакомимся съ условіями, при которыхъ совершались чиншевыя договоры за послѣднія 30—40 лѣтъ.

Возьмемъ для примѣра нѣмцевъ—чиншевиковъ Луцкаго уѣзда, которые поселились на чиншевомъ правѣ послѣ 40 года. Въ этомъ краѣ нѣмцевъ-колонистовъ очень много. Гонить ихъ изъ отечества нужда. Единственный капиталъ ихъ—трудъ. Настойчивость нѣмцевъ въ трудѣ такъ велика, что они не боятся самыхъ неудобныхъ участковъ земли, которыхъ владѣльцы не могли сбыть даже въ чиншевое пользованіе. Про такіе неудобныя участки на Волыни говорятъ: «это такой кусокъ, что только хорошо отдать его подъ нѣмцевъ».

Вотъ такія нигуда негодныя земли и отдавались владѣльцами нѣмцамъ на чиншъ. Заключались, конечно, контракты и въ контрактахъ срокъ опредѣлялся не больше, какъ 12-ти-лѣтній. На удивленіе нѣмцевъ по поводу опредѣленія такого короткаго срока, владѣльцы отвѣчали, что это высшій срокъ аренды, опредѣляемый закономъ, но что потомъ срокъ этотъ будетъ возобновленъ опять и опять. Нѣмцы успокоились. Между тѣмъ, по прошествіи 12 лѣтъ, когда трудолюбивые поселенцы успѣли обстроиться усадьбами, и начали получать доходы, а глазъ землевладѣльца тѣшился прекрасно разработанными и удобренными участками, которые теперь можно было повернуть «куда угодно», — нѣмцамъ - чиншевикамъ самымъ вѣроломнымъ образомъ объявили, что срокъ аренды, опредѣленный законнымъ контрактомъ, кончился и такъ какъ владѣлецъ имѣетъ совершенно свободное право распорядиться вновь своею землею, то онъ предлагаетъ арендаторамъ удалиться на всѣ четыре стороны.

Исторія нѣмцевъ-чиншевиковъ Луцкаго уѣзда ясно говоритъ, что чиншевики являются и исчезаютъ по желанію помѣщика. Если помѣщику выгодно, чтобы его поселенцы считались чиншевиками, то онъ признаетъ за послѣдними право на чиншевое владѣніе, если-же нѣтъ, то чиншевикъ является простымъ арендаторомъ. И въ выигрышѣ постоянно остаются помѣщики, чиншевики - же только проигрываютъ.

Что-же было сдѣлано для регулированія чиншевыхъ отношеній? Сдѣлано очень мало или, лучше сказать, почти ничего. Въ началѣ 1868 года въ Кіевѣ была учреждена особая коммисія для составленія проекта устройства владѣльческихъ городовъ и мѣстечекъ юго-западнаго края, населеніе которыхъ живетъ на чиншевомъ правѣ. Послѣ долгихъ трудовъ коммисія пришла къ слѣдующему заключенію: «Быть крестьянъ вполне упроченъ законами 19 февраля 1861 и 30 іюля 1863 г. Остается масса еврейскаго населенія, живущаго въ мѣстечкахъ на основаніи обычнаго права, почти безъ всякаго опредѣленія закономъ правъ по владѣнію недвижимымъ имуществомъ и отношеній къ владѣльцамъ и подѣ дѣйствіемъ разнообразныхъ монополій, отчасти утвержденныхъ закономъ, но большею частію существующихъ по обычаю, вопреки закону, стѣсняющихъ торговлю и промыслы и лежащихъ тяжестью на потребителей сельскихъ продуктовъ. Но укрѣплять въ краѣ еврейское населеніе мѣрами принудительнаго отчужденія въ его пользу земельной собственности, съ содѣйствіемъ къ приобрѣтенію ея отъ правительства въ то время, когда необходимо удержать въ западныхъ губ. переходъ земель въ еврейскія руки,—это не вызывается ни политическими, ни экономическими потребностями

края». Въ виду этого, комиссия предположила относительно мѣстечекъ, которыя будутъ признаны въ качествѣ городскихъ поселеній, принять начало упраздненія владѣльческихъ монополій и регулированія поземельныхъ отношеній владѣльцевъ къ жителямъ, оставляя за первыми право собственности на землю, а за вторыми право владѣнія въ томъ видѣ, какъ оно существовало до сихъ поръ.

Въ 1876 году были изданы Высочайше утвержденныя правила объ устройствѣ единовѣрцевъ и старообрядцевъ, водворенныхъ на владѣльческихъ земляхъ въ губерніяхъ сѣверо-западныхъ и бѣлорусскихъ.

Этими правилами, повидимому, имѣлось въ виду точно опредѣлить права единовѣрцевъ и старообрядцевъ и этимъ оградить ихъ отъ произвола землевладѣльцевъ. Такое заключеніе, по крайней мѣрѣ, можно вывести на основаніи перваго параграфа правилъ. «Въ тѣхъ, принадлежащихъ частнымъ владѣльцамъ, городамъ и разнымъ учрежденіямъ, имѣніяхъ, говоритъ этотъ параграфъ, гдѣ единовѣрцы и старообрядцы поселились до 17 іюня 1863 г., занимаемые ими участки остаются въ постоянной безсрочной ихъ арендѣ на тѣхъ-же условіяхъ, на коихъ они пользуются ими въ настоящее время. Условія сіи могутъ быть впредь измѣняемы лишь по добровольнымъ съ обѣихъ сторонъ соглашеніямъ, съ соблюденіемъ нижеизложенныхъ правилъ». Просматривая-же «нижеизложенныя правила», приходится убѣдиться, что изданныя правила нисколько не уменьшаютъ произвола владѣльцевъ по отношенію къ поселенцамъ-старообрядцамъ. И теперь поселенцы будутъ находиться въ полномъ распоряженіи землевладѣльцевъ, какъ они находились и прежде, до изданія правилъ, и теперь они должны будутъ каждую минуту опасаться быть прогнанными съ своихъ земельныхъ участковъ, какъ опасались они этого и раньше.

Третій параграфъ правилъ гласитъ: «Предоставляемые въ настоящую безсрочную аренду единовѣрцевъ и старообрядцевъ участки могутъ быть приобретаемы ими въ собственность, какъ по добровольнымъ ихъ съ владѣльцемъ имѣнія соглашеніямъ, такъ и по требованію одного владѣльца имѣнія». Седьмой параграфъ составляетъ какъ-бы продолженіе третьяго. Его содержаніе такое: «Единовѣрцы и старообрядцы, кои не пожелали-бы подчиниться заявленному владѣльцемъ, установленнымъ для того порядкомъ, требованію о выкупѣ ихъ участковъ, могутъ отъ выкупа отказаться, но вмѣстѣ съ тѣмъ обязываются, къ истеченію года со времени предъявленія имъ сего требованія, очистить занимаемые ими участки, которые за симъ поступаютъ въ полное распоряженіе владѣльца».

Такимъ образомъ, владѣлецъ на основаніи правилъ всегда можетъ прогнать поселенцевъ съ занимаемыхъ ими участковъ, не подвергаясь непріятности ходить по судамъ и доказывать свои права. Потребуется, напр., онъ отъ единовѣрцевъ и старообрядцевъ, живущихъ на его землѣ, выкупа ихъ участковъ и поставитъ такія условія, на которыя ни въ какомъ случаѣ нельзя согласиться—естественно, что поселенцы отъ выкупа откажутся, и получится въ результатѣ «очищеніе» участковъ.

Въ 1881 году была учреждена спеціальная коммисія при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ для разработки вопроса о чиншевицахъ въ западномъ краѣ. Судя по газетнымъ извѣстіямъ, коммисія эта собирала на мѣстѣ подробныя и точныя данныя о чиншевицахъ отъ лицъ, знакомыхъ съ экономическимъ положеніемъ юго-западнаго края, преимущественно отъ мѣстныхъ землевладѣльцевъ. Въ настоящее время коммисія уже представила въ государственннй совѣтъ проектъ устройства чиншевицковъ западнаго края. Въ чемъ заключается этотъ проектъ—неизвѣстно.

III.

Въ одинаковыхъ условіяхъ съ чиншевиками въ западной Россіи находятся «вольные люди» и такъ-называемые «солтысы» и «виѣштатные духовные люди». Первыхъ въ краѣ довольно значительное количество, вторые-же встрѣчаются только въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ мѣстностяхъ юго-западнаго края. Какъ тѣ, такъ и другіе, имѣютъ такое сходство съ чиншевиками, что ихъ часто прямо называютъ «особымъ классомъ чиншевицковъ».

Сословіе вольныхъ людей образовалось изъ иностранныхъ выходцевъ, пришедшихъ въ Западную Россію въ XVIII столѣтіи и принявшихъ русское подданство. Одна часть изъ нихъ получила надѣлы на казенныхъ земляхъ, которые въ настоящее время предоставлены имъ въ собственность; а другая поселилась на помѣщичьихъ земляхъ.

«Прошли многіе годы. Поколѣнія смѣнялись поколѣніями. Иностранцы мало-по-малу осваивались съ мѣстными правами и обычаями, сближались и братались родственными узами со своими односельчанами—крѣпостными и, наконецъ, общая барщина, такъ же тяжело отзывавшаяся на спинахъ вольныхъ людей, какъ и крѣпостныхъ крестьянъ, уничтожила всякое понятіе о различіи между тѣми и другими. Немудрено послѣ этого, что сами поселенцы, свыкнувшись съ своимъ новымъ положеніемъ, потеряли вскорѣ даже сознаніе о своемъ свободномъ происхожденіи. Что-же касается помѣщичковъ, поповъ, то, конечно, они не допускали и

мысли, чтобы на ихъ земляхъ проживали какіе-то «вольные»; въ ихъ глазахъ они все равно были ихъ крѣпостные, подданные, «быдло» *).

Во время народной переписи въ 1795 году число вольныхъ людей по ревизскимъ сказкамъ значительно уменьшилось противъ значившихся въ спискахъ виленской казенной палаты. Да это и понятно: Помѣщикамъ выгодно было вольныхъ людей обратить въ крѣпостное населеніе: за крѣпостныхъ крестьянъ они должны были платить по 95 к., а за вольныхъ людей—по 2 р. 9 к. съ души.

Въ виду быстрого уменьшенія числа вольныхъ людей, поселенныхъ на помѣщичьихъ земляхъ, Высочайшими указами правительствующаго сената отъ 9 апрѣля 1806 и 17 октября 1807 г. было повелѣно виленской палатѣ приступить къ повѣркѣ ревизскихъ сказокъ и разбору людей, проживающихъ въ помѣщичьихъ имѣніяхъ. Съ этою цѣлью образовались особыя ревизіонныя коммисіи. Работы ревизіонныхъ коммисій продолжались около 30 лѣтъ, но безуспѣшно. Причины были понятны. Въ указѣ 17 октября 1807 года относительно вольныхъ людей было сказано: «тѣхъ изъ оныхъ, которые поселились на земляхъ владѣльческихъ безъ письменныхъ условій, вступя въ состояніе крестьянъ, въ какомъ понятіи находятся, оставить навсегда приписанными къ землѣ хлѣбопашцами, наравнѣ съ прочими владѣльческими крестьянами». Основываясь на этомъ указѣ, помѣщики почти всѣхъ вольныхъ людей записали въ число своихъ крѣпостныхъ крестьянъ, такъ какъ ни съ кѣмъ изъ нихъ никогда письменныхъ условій не было заключено.

Вотъ это-то обстоятельство и послужило причиною медленнаго безуспѣшнаго хода работъ ревизіонныхъ коммисій. Дѣйстви-тельно, трудно было «розыскать» вольныхъ людей, такъ-какъ не было никакихъ фактическихъ доказательствъ и документовъ, на основаніи которыхъ можно было-бы произвести сортировку людей на вольныхъ и крѣпостныхъ. Однако, не смотря на такое затрудненіе, послѣ Высочайшаго повелѣнія 23 ноября 1837 года, работа ревизіонныхъ коммисій какъ-то «лихорадочно закипѣла и люди въ помѣщичьихъ имѣніяхъ быстро начали сортироваться: кто—въ крѣпостные, а кто въ вольные». Можно представить, какъ производилась эта сортировка. Многіе крѣпостные крестьяне зачислялись въ вольные люди и наоборотъ.

Помѣщики остались недовольными дѣятельностію коммисій по «розысканію» вольныхъ людей и принесли жалобы. Но жалобы ихъ оставили безъ послѣдствій.

*) „Русская Рѣчь“ 1881 г., № 2, „Вольные люди въ Западномъ краѣ“.

22 мая 1847 года было издано Высочайше утвержденное положение о вольныхъ людяхъ, которое обязывало помѣщиковъ и вольныхъ людей точно опредѣлять свои отношенія въ письменныхъ договорахъ, подписанныхъ обѣими сторонами при двухъ постороннихъ свидѣтеляхъ и засвидѣтельствованныхъ въ земскомъ судѣ. Если-же кто изъ вольныхъ людей откажется заключить такой договоръ, то онъ долженъ подлежать изгнанію изъ имѣнія.

Послѣ изданія этого положенія, въ скоромъ времени было заключено до 25,540 контрактовъ, представленныхъ помѣщиками въ земскіе суды. По разсмотрѣніи контрактовъ въ земскихъ судахъ оказалось, что только 474 изъ нихъ подписаны обѣими сторонами, остальные-же, или безъ всякой подписи со стороны вольныхъ людей, или съ подписью официалистовъ, однако, безъ всякихъ довѣренностей. Ясно, что контракты въ большинствѣ случаевъ заключались не по взаимному соглашенію, а по одному желанію помѣщика.

Насталъ, наконецъ, 1857 годъ. Среди помѣщиковъ стали ходить слухи о скоромъ освобожденіи крестьянъ отъ крѣпостной зависимости съ надѣлами земли. Достигли эти слухи и западнаго края. Помѣщики сообразили, что теперь для нихъ несравненно выгоднѣе вмѣсто крѣпостныхъ имѣть вольныхъ людей. Въ виду этого они, въ 2—3 года, успѣли чуть-ли не половину своихъ крѣпостныхъ перечислить въ сословіе вольныхъ людей. Чтобы сократить рвеніе помѣщиковъ въ этомъ дѣлѣ, въ 1861 году было издано распоряженіе о прекращеніи дѣлопроизводства о вольныхъ людяхъ, оставивъ тѣхъ изъ нихъ, о коихъ дѣла еще не кончены, въ числѣ крѣпостныхъ крестьянъ.

Однако, распоряженіе это не остановило дальнѣйшей дѣятельности помѣщиковъ въ томъ-же направленіи. Нужно замѣтить, что въ мѣстномъ положеніи 19 февраля ни слова не было сказано о вольныхъ людяхъ. Опасаясь, чтобы не дошла, наконецъ, очередь до надѣла землею и вольныхъ людей, помѣщики изыскивали всевозможные способы избавиться отъ нихъ. Этыхъ несчастныхъ поселенцевъ, обойденныхъ законовъ, массами выселяли изъ помѣщичьихъ имѣній или при посредствѣ денежныхъ субсидій, или съ помощью насилія и притѣсненій. По одной Ковенской губ. за 3 года перечислено вольныхъ людей въ городскія сословія 10,512 ревизскихъ душъ.

Подобнаго рода дѣйствія помѣщиковъ обратили на себя вниманіе правительства. 25 іюля 1864 года были изданы правила, по второй статьѣ которыхъ вольные люди дѣлились на два разряда: первый разрядъ составляли тѣ изъ нихъ, которые были причислены къ этому сословію послѣ 20 ноября 1857 г., а второй—

причисленные къ сословію вольныхъ людей до этого срока. Люди перваго разряда надѣлены землею, наравнѣ съ крѣпостными, въ вѣчное и потомственное владѣніе, а втораго—имѣютъ право пользоваться своими участками только въ теченіе 12-лѣтъ, какъ арендаторы, а по истеченіи этого срока помѣщики могутъ имъ отказать въ арендѣ и они должны удалиться. При заключеніи 12-лѣтней аренды вольнымъ людямъ представлялись нѣкоторыя льготы. Льготы эти состояли въ обязательномъ переводѣ издѣльной повинности на денежную и въ скидкѣ 10% съ арендной платы.

Какъ та, такъ и другая сторона удерживалась отъ заключенія подобныхъ контрактовъ. Помѣщикамъ не хотѣлось терять 10%, а вольные люди не соглашались подписывать 12-лѣтнихъ контрактовъ изъ боязни лишиться права когда-либо получить землю въ собственность. Положеніе было ужасное. Старые контракты, бывшіе до 1864 года, были нарушены, новыхъ не заключено; договоренныя на словахъ условія въ большинствѣ случаевъ не исполнялись; суда и расправы по такого рода дѣламъ буквально не было; хозяйство велось неправильное, какъ-бы временное, спустя рукава, и потому экономическое положеніе обѣихъ сторонъ съ каждымъ годомъ становилось все затруднительнѣе, тяжелѣе, запутаннѣе.

Такъ продолжалось до 1877 г. Въ этомъ году роковой вопросъ объ удаленіи вольныхъ людей изъ помѣщичьихъ имѣній всплылъ наружу, такъ какъ 12-лѣтній срокъ аренды, опредѣленный закономъ 25 іюля 1864 г., кончился. Въ предупрежденіе случаевъ выселенія, послѣдовало распоряженіе правительства о томъ, что всѣ споры между вольными людьми и помѣщиками должны быть разбираемы мировыми посредниками съ правомъ обжалованія. Посредники недоумѣвали, что имъ дѣлать? Оставить вольнаго чело-вѣка въ имѣніи — значитъ поступить противъ закона 25 іюля 1864 года; рѣшить удалить его—значитъ создать новое аграрное дѣло. Къ тому-же на каждое требованіе «удалиться» имъ постоянно приходилось слушать: «какъ-же такъ это возможно? Жили ваши дѣды и прадѣды, да и мы столько живемъ, а теперь ступай, куда глаза глядятъ. Да развѣ мы не царскіе, не даемъ солдата. не платимъ податей, что-ли? и куда-же намъ дѣваться? Намъ говорить: «ищите себѣ мѣста въ другомъ имѣніи». Это легко сказать, а на дѣлѣ не то. Теперь всѣ одинаковы. Если одинъ выгналъ изъ имѣнія, то другой въ своемъ имѣніи потребуеетъ за десятину такую плату, что прямо поступаи къ нему въ крѣпостные, лишь-бы отработать право жить въ его имѣніи, такъ какъ изъ дохода плата никакъ не выручится» («Кіевлянинъ», 81 г., № 45).

16 марта 1878 г. послѣдовало распоряженіе министра внутрен-

нихъ дѣлъ, которымъ разъяснилось, что, по правиламъ 64 года, между помѣщиками и вольными людьми обязательно должны быть заключены письменные договоры, и что срокъ 12-лѣтней аренды долженъ начинаться со дня заключенія договора. Такъ какъ въ дѣйствительности эти условія не были соблюдены, то вольные люди на время были оставлены въ покоѣ. Неопредѣленное выжидательное положеніе попрежнему томило несчастныхъ поселенцевъ и отравляло ихъ существованіе.

Наконецъ, только въ прошломъ году появились Высочайшія повелѣнія о поземельномъ устройствѣ бывшихъ вольныхъ людей западнаго края, которыя вносятъ во взаимныя отношенія поселенцевъ къ помѣщикамъ нѣкоторую точность и опредѣленность. Правила 3 іюня 1882 года даютъ дальнѣйшее развитіе закону 64 года и устанавливають срокъ до 1885 г., въ который вольные люди могутъ взять свои участки еще на 6-лѣтнюю послѣднюю аренду, или выкупить ихъ у собственниковъ по цѣнамъ, весьма близкимъ къ предѣльной стоимости. Продажная цѣна назначается за десятину: въ Ковенской губ.: по Поневѣжскому у. — въ 71 р. 50 к., по Ковенскому, Вилкомирскому, Шавельскому и Россіенскому — въ 65 р., по Телешевскому — въ 61 р. 75 к. и по Новоалександровскому — въ 48 р. 75 к., по всѣмъ уѣздамъ Виленской губ. — въ 39 р. и по Гродненской — въ 32 р. 50 к. Размѣръ арендной платы въ общемъ опредѣленъ приблизительно въ 4 проц. съ цѣны земельныхъ участковъ. Если же къ 1886 г. вольные люди не выкупятъ своихъ земельныхъ участковъ или не заарендуютъ ихъ вновь на 6 лѣтъ, то они водворяются полиціей. По истеченіи срока послѣдней 6-лѣтней аренды, отношенія собственника къ вольному человѣку опредѣляется по взаимному соглашенію обѣихъ сторонъ, т. е. права «вольнаго человѣка» кончаются. Выкупная ссуда назначается правительствомъ въ размѣрѣ 85 проц. опредѣленной цѣны земельного участка. За отходящее отъ вольнаго человѣка право пользованія сервитутами назначается скидка съ выкупной цѣны участка около 10 проц. Такимъ образомъ вольные люди, согласно съ правилами 3 іюня, могутъ выкупить свои земельные участки и сдѣлаться собственниками, но и наоборотъ могутъ потерять и тѣ права, которыми до сихъ поръ пользовались...

Теперь нѣсколько словъ о солтысахъ и внѣштатныхъ духовныхъ людяхъ.

Солтысы и внѣштатные духовные люди, какъ я уже сказалъ, встрѣчаются въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ юго-западнаго края. Довольно значительное число ихъ живетъ въ Ковельскомъ уѣздѣ Волинской губ.

Происхожденіе солтысовъ отодвигается болѣе чѣмъ за два сто

лѣтѣ, т. е. ко времени господства Польши. Первые родоначальники ихъ были тѣ-же крестьяне, пользовавшіеся, однако, разными льготами по землевладѣнію. Возвращеніе Волынскаго края не повліяло на измѣненіе этого учрежденія: солтысы продолжали по-прежнему пользоваться дарованными имъ правами и преимуществами. Они были свободны отъ рекрутчины и всякихъ повинностей, имѣли свои земельные надѣлы и письменные документы на владѣніе. Понятно, что крестьянское населеніе, тянувшее довольно нелегкую тягу, относилось къ солтысамъ, осипаннымъ по его понятіямъ всѣми благами міра, съ затаенною враждою.

Такъ продолжалось до 1873 года. Люстрація этого года, не признавая за солтысами никакихъ правъ на владѣніе землею, отняла у нихъ надѣлы и роздала ихъ разнымъ кулакамъ. Основаніемъ такого рода дѣятельности люстраціонной комисіи послужило то обстоятельство, что солтысы будто-бы не во-время изъявили согласіе приписаться къ крестьянскимъ обществамъ. Такимъ образомъ, солтысы остались безъ земли. Правда, они могли пользоваться своими старыми надѣлами, но только съ согласія сельскихъ обществъ; согласія-же этого, какъ и слѣдовало ожидать, со стороны крестьянъ не послѣдовало. Мало того, крестьяне, чувствуя въ себѣ силу, употребили всѣ средства, чтобы сильнѣе поприжать ненавистныхъ солтысовъ. Такъ, напр., въ одномъ селеніи вслѣдъ за объявленіемъ волостными властями утвержденія палатою люстраціонныхъ работъ, солтысы были лишены права пользоваться выпасомъ. Далѣе, какъ пишетъ корреспондентъ «Кіевлянина», «собранное солтысами сѣно было безцеремонно забрано громадой; хаты и строенія велепо сместъ; нѣкоторые солтысы для новыхъ построекъ припасли много брусевъ,—все это было разграблено; «стрѣхи», удовольствія ради, были сорваны съ построекъ, огорожа разобрана и проч. и проч. Конечно, противостоятъ бушующей толпѣ солтысы не были въ силахъ, а потому занесли жалобу въ волостное правленіе, которое не только жалобы не удовлетворило, но даже запретило впредь беспокоить волостное правленіе подобными жалобами, такъ какъ солтысы отданы въ полное распоряженіе и власть сельскихъ обществъ».

Внѣштатные духовные люди, это охолопѣвшіе потомки церковныхъ причтовъ, не получившіе никакого образованія и ни къ чему не способные, кромѣ физическаго труда. Они были немного счастливѣе солтысовъ. Благодаря тому, что при нѣкоторыхъ сельскихъ церквяхъ имѣется весьма достаточное количество земли, причты этихъ церквей дозволяли внѣштатнымъ духовнымъ людямъ, лишеннымъ въ 1873 году земельныхъ надѣловъ, селиться на церковной землѣ и снабжали пахатными и сѣнокосными угодьями. Эти угодья

они удерживаютъ за собою и до настоящаго времени, отработывая за пользованіе ими 2—3 дня въ недѣлю церковному причту. Но въ этомъ только и заключается все преимущество ихъ положенія передъ положеніемъ обезземельныхъ солтысовъ. Во всемъ-же остальномъ они живо напоминаютъ послѣднихъ. «Судьба ихъ всецѣло зависитъ отъ воли церковнаго причта: не понравится почему-нибудь церковному причту тотъ или другой «подданный» или-же представится лучшій случай для выгоднѣйшей эксплуатаціи земли, причтъ можетъ отнять надѣлы у своихъ «подданныхъ». Между тѣми и другими нѣтъ никакихъ формальныхъ условий, имѣющихъ законную силу и гарантирующихъ свободное жительство церковныхъ «подданныхъ» на дальнѣйшее время».

IV.

Точныхъ статистическихъ данныхъ о количествѣ чиншеваго населенія западныхъ губерній нѣтъ, а то, что извѣстно изъ газетъ о числѣ чиншевиговъ, представляетъ очень большія крайности. Принимая даже самую большую цифру—400,000, мы будемъ все-таки далеки отъ дѣйствительности, такъ какъ при составленіи этой цифры имѣлись въ виду только три сѣверо-западныхъ губерніи: Ковенская, Виленская и Гродненская, и не вошли тѣ изъ вольныхъ людей, которые живутъ въ Юго-западномъ краѣ. Слѣдовательно, цифра 400,000 должна быть значительно увеличена.

Данныя о чиншевигахъ, особенно о тѣхъ, которые живутъ во владѣльческихъ городахъ и мѣстечкахъ, отличаются большею опредѣленностью и точностью. Ихъ насчитываютъ въ городахъ тоже болѣе 400,000. Всего владѣльческихъ городовъ въ юго-западномъ краѣ 8: Бердичевъ, Липовець, Староконстантиновъ, Заславъ, Дубно, Ямполь, Ровно и Острогъ, а чиншевое населеніе ихъ простиралось въ 1871 году до 103,217 душъ обоюго пола. Всѣхъ мѣстечекъ въ краѣ 322, изъ нихъ 97 въ Кіевской, 118 въ Волынской и 107 въ Подольской губ. Число жителей въ нихъ простирается до 383,596 душъ.

По національностямъ чиншевое населеніе представляетъ большое разнообразіе; въ составъ его входятъ: поляки, русскіе, евреи, нѣмцы, литовцы—и наибольшее число выпадаетъ на долю первыхъ двухъ національностей. Впрочемъ, и еврей-чиншевики представляютъ тоже почтенную цифру особенно во владѣльческихъ городахъ и мѣстечкахъ. Въ городахъ еврейское населеніе преобладаетъ надъ другими національностями. Въ мѣстечкахъ евреи составляютъ 45,35 проц. всего числа жителей.

Массу чиншеваго населенія составляли прежде *служебная*

шляхта, отчичи или крепостные и вольные плебеи, т. е. всѣ не имѣвшіе шляхетства, но не закрѣпощенные: мѣщане-евреи, всякаго рода иноземные колонисты, въ томъ числѣ и русскіе раскольники, наконецъ, всѣ вообще такъ-называвшіеся *похожіе люди*. Значительная часть чиншевииковъ принадлежала къ сословіямъ «однодворцевъ» и «гражданъ», которые потомъ по особому правительственному распоряженію были переименованы въ крестьянъ и мѣщанъ. Въ настоящее-же время чиншевики дѣлятся: на дворянъ, мѣщанъ и крестьянъ.

Въ восьми владѣльческихъ городахъ юго-западнаго края общее число дворовъ, находящихся на чиншевомъ правѣ, равняется 6,235. Въ частности, чиншевое домовладѣніе преобладаетъ больше всего въ Бердичевѣ (99,6% всего числа дворовъ), затѣмъ слѣдуютъ: Острогъ 99%, Дубно 96%, Староконстантиновъ 78%, Заславъ 77%, Ямполь 70%, Ровно 68% и Липовець 60%.

Земли на чиншевый дворъ среднимъ числомъ приходится 1,383 кв. сажени, или нѣсколько больше поддесятины. Каждый такой дворъ несетъ массу налоговъ и повинностей казенныхъ и общественныхъ и въ пользу землевладѣльца.

Кромѣ поземельнаго чинша, чиншевики владѣльческихъ городовъ и мѣстечекъ должны уплачивать владѣльцу массу налоговъ на потребленіе, частью представляющихъ какъ-бы добавочный сборъ къ налогамъ государственнымъ, частью имѣющихъ совершенно самостоятельный характеръ. Для примѣра укажу на сборы въ Бердичевѣ. Здѣсь въ пользу владѣльца взимается: съ убоя скота, съ продажи заграничнаго вина, свѣчей, дрожжей, дегтю и смолы, съ кирпичныхъ заводовъ, съ выдѣлки крупы на домашнихъ заводахъ для мелочной продажи, съ трактировъ, «лядовое» и «торговое», со всѣхъ привозимыхъ товаровъ, съ *каждой лошади и вола*, запряженныхъ подъ товары, а также съ продавца и съ покупателя при продажѣ товара съ воровъ, со стекла, съ бондарской и гончарной посуды, гонты, угольевъ и просто съ барышниковъ, *чѣмъ-бы они не промышляли*.

А вотъ повинности чиншевииковъ волковскаго христіанскаго общества: годичнаго чинша съ одной волоки поля чиншевики должны были платить по 6 злотыхъ, съ усадьбы 1 злотый 15 грошей, съ огородовъ по 12 грошей, съ грунтоваго сѣнокоса по 6 грошей, съ гумна по 6 грошей; чиншевыхъ курицъ съ одной волоки 4, яицъ 12 штукъ, курицъ праздничныхъ — одна къ рождеству, а другая на свѣтлые праздники и по 3 яйца со всякаго двора. Но если-бы для владѣльца не потребовалось ни курицъ, ни яицъ, то за первую должны были платить 6 грошей, а за яйцо по 1 шеллугу. Во время уборки хлѣба, съ каждаго двора должны всѣ по-

головно три дня работать на экономических полях. Для охоты мѣстечко обявано поставить столько людей, сколько будетъ потребовано владѣльцемъ. Промысловые люди, какъ-то: рыбаки, кожевники, столяры и т. д., въ свою очередь, были обяваны платить помѣщику опредѣленный размѣръ повинностей.

Перечисленные сборы съ чиншеваго населенія городовъ и мѣстечекъ не исчерпываютъ громаднхъ доходовъ владѣльцевъ. Самый важный источникъ косвенныхъ ихъ доходовъ и притомъ подающій наиболѣе поводовъ къ спорамъ, служить монополія питейной торговли или такъ называемое пропинаціонное право. Главная причина недовольства жителей этимъ правомъ заключается не только въ ограниченіи права торговли напитками на владѣльческой землѣ, но и въ воспрещеніи покупки ихъ на сторонѣ. Словомъ, право пропинаціи вполне соответствуетъ бывшему у насъ откупному праву съ его заставами, стражей, корчемствомъ и штрафами. Замѣчательно, что ограниченія пропинаціоннаго права распространяются даже на тѣхъ, кто выкупилъ землю въ полную собственность.

Вообще чиншевики страшно опутаны разнообразными поборами въ пользу владѣльцевъ, и поборы эти положительно связываютъ просторъ городовъ и мѣстечекъ и приводятъ ихъ къ экономическому упадку и полному раззоренію. Бѣдному чиншевому населенію, вслѣдствіе многочисленныхъ налоговъ на предметы потребленія, нѣтъ никакой возможности существовать даже при самыхъ ограниченнхъ потребностяхъ. Кто, напр., повѣритъ, что въ Староконстантиновѣ кулекъ соломы продается по 1¹/₂—2 к., а фунтъ свинины по 8 к., фунтъ сала 18—20 к., фунтъ луку по 2—3 к., 5 картофелинъ по 1—2 к., яйцо по 1¹/₂—2 к., фунтъ плохого коровьяго масла по 30 к., кварта постнаго масла (олеи) по 20—25 к.! Однако, не смотря на такую страшную дороговизну сѣстныхъ припасовъ и бѣдность чиншеваго населенія, поборы не уменьшаются, а все растутъ и растутъ. Такъ, управляющій городомъ Староконстантиновомъ отъ имени своей довѣрительницы, владѣлицы этого города, еще въ 1879 году ходатайствовалъ о томъ, чтобы ему разрѣшили пользоваться правомъ взимать денежную плату за мѣста, занимаемая въ Староконстантиновѣ торговцами подъ складъ лѣсныхъ матеріаловъ и смолы, подъ балаганы, а также за торговые площади, на которыхъ производятъ торговлю такъ называемыя «сидухи», т. е. женщины, продающія сѣстные припасы, а кромѣ того съ торговцевъ, прїѣзжающихъ съ сельскими продуктами, за мѣста, временно занимаемая возами въ ярмарочные и базарные дни, для чего просилъ обявать лѣсопромышленниковъ и торгующихъ смолою явиться въ экономическое старо-

константиновское управление для заключенія договоровъ о наймѣ занимаемыхъ ими мѣстъ; для той-же цѣли должны явиться туда-же и всѣ «сидухи» и балаганщики, въ противномъ случаѣ, имъ должно быть запрещено занимать мѣста» («Кіевлянинъ», 79 г., № 42).

Поборы увеличиваются, а вмѣстѣ съ ними въ соответствующихъ размѣрахъ увеличивается и нищета. «Владѣльческіе города. читаемъ мы въ «Кіевлянинѣ», имѣютъ такой видъ, что и привычному человѣку становится не по себѣ, вотъ хоть-бы Старо-константиновъ: въ немъ площади ужасны; улицы не всегда проѣзжія, часто непроходимыя; постройки такъ скучены, что негдѣ построить даже хлѣвва, а отсюда—грязь, соръ, нечистоты, болѣзни и преждевременная смертность. Все это извѣстно владѣльцѣ города, но она ничего не даетъ на приведеніе города въ благообразный видъ». Положеніе населенія города Бердичева еще ужаснѣе. Еще въ 40-хъ годахъ писали, что въ Бердичевѣ «есть до 5,000 семействъ (около 25,000 душъ), живущихъ изо дня въ день чѣмъ Богъ пошлетъ (около половины еврейскаго населенія города въ то время). Помѣщаются они весьма тѣсно, часто по нѣсколько семействъ въ одной или двухъ комнатахъ вѣтхой лачуги, такъ что ночью почти не остается свободнаго мѣста между спящими. Многіе изъ такихъ домовъ раздѣляются корридормъ на нѣсколько квартиръ, въ которыхъ наниматели устраиваютъ небольшіе ручные заводы или мастерскія, какъ-то: воскобойные, свѣчныя, коженныя и пр., работаютъ семей п тутъ-же помѣщаются среди вонючихъ матеріаловъ и издѣлій» *). Прошло 20 лѣтъ, а положеніе бердичевскаго населенія все такое-же безотрадное. «Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ живетъ бѣдная часть еврейскаго населенія, улицы не шире 1½ саженой; на нихъ, съ двухъ сторонъ, обваливающіеся домики, одинъ возлѣ другаго, у кого безъ крышъ, у кого безъ оконъ, у кого безъ цѣлой стѣны; на пространствѣ улицы предъ домомъ десятки дѣтей, почти голыхъ, валяются въ грязи, вмѣстѣ съ десятками свиней, съ особеннымъ удовольствіемъ раздѣляющихъ это ложе съ людьми; между ними женщины-матери этихъ дѣтей лежатъ вдоль и поперекъ улицы и спятъ подъ лучами солнечнаго зноя; на этихъ-же улицахъ складъ всѣхъ нечистотъ изъ жилищъ» **).

Не далеко ушли отъ городовъ относительно нищеты, грязи и смертности и мѣстечки. Дома въ нихъ въ большинствѣ случаевъ ветхіе, полуразрушенные, улицы грязныя, смрадныя, населеніе голодное, едва прикрытое грязнымъ тряпьемъ...

*) Оршанскій. Евреи въ Россіи.

***) Ів.

Вотъ какъ въ «Кіевлянинѣ» описываются эти жалкія поселенцы: «Кучка домовъ съ красными черепичными крышами, рѣзко выдѣляющаяся изъ остальной, крестьянской части населенія, полное отсутствіе деревьевъ и всякой «природы», тѣсныя, грязныя улицы съ расхаживающими по нимъ козами, нерѣдко торчашія изъ обгорѣлыхъ развалинъ трубы (мѣстечко и пожары — нѣчто не раздѣлимое), кривые, хромые, покосившіеся, вообще покальченныя дома, да разгуливающіеся въ своихъ характерныхъ костюмахъ — хотя иногда безъ кожаной обуви, но непремѣнно въ чулкахъ, — евреи и еврейки — вотъ и все. Прибавить развѣ еще своеобразный шумъ еврейскихъ молитвенныхъ домовъ, сильно напоминающій гуденье пчелъ въ пасакахъ. Одному изъ такихъ мѣстечекъ приходилось платить поземельнаго чинша 96 руб. И это за какую-нибудь десятину или двѣ каменстаго берега каменистой рѣки; ни огорода, ни дерева, только одно право дышать мѣстнымъ воздухомъ, да еще какимъ воздухомъ! Когда жителей этого мѣстечка спросили о томъ, даетъ-ли имъ помѣщикъ какіе-нибудь выгоны, пастбища, топливо, то они отвѣчали: «прежде все было, прежде намъ все давали, а теперь все отняли; хотъ-бы фуру хмызу (хворосту) — и того не дають! Кто станетъ давать что-нибудь еврею? Мужики — они, слава Богу, теперь все мають; имъ хорошо, а намъ ничего нѣтъ».

Жители мѣстечка Дуй-Городокъ рассказывали, напр., про своего помѣщика слѣдующее. «Богъ послалъ несчастье: мѣстечко горитъ, а Флоріанъ (владѣлецъ) не даетъ воды тушить. Хотъ вы, говоритъ, всѣ пропадайте, мнѣ все равно, я давно хотѣлъ, чтобы вы всѣ погорѣли; мнѣ васъ совсѣмъ не нужно... я только и молю Бога, чтобы онъ снова послалъ на васъ такую бѣду; пропадайте всѣ, а я буду радоваться. Моя земля — что хочу, то съ нею и сдѣлаю, а васъ къ чорту» («Кіевл.» 78, № 25).

Такое отношеніе владѣльцевъ къ своимъ чиншевикамъ почти повсемѣстно. Вконецъ обездолить чиншевое населеніе, отнять у него тѣ малыя ерохи, которыми оно пользуется, при случаѣ-же и совсѣмъ прогнать съ своей земли — вотъ завѣтныя стремленія большинства владѣльцевъ мѣстечекъ и городовъ. Что это, дѣйствительно, такъ, о томъ говорятъ сами факты.

Напримѣръ, въ мѣстечкахъ Искорости, Лугинахъ и Ушмирѣ Овручскаго уѣзда «рѣдко проходитъ два года, чтобы владѣльцы не пытались возвышать чиншъ за землю подъ еврейскими домами. Вслѣдствіе этого, у евреевъ нѣтъ никакой охоты вновь строиться. Они живутъ въ старыхъ домахъ, не ремонтируютъ ихъ, постройки, такимъ образомъ, приходятъ въ вѣтхость и безобразный видъ» *).

*) „Кіевскій Телеграфъ“ 1873 г., № 113.

Чиншевики въ городахъ и мѣстечкахъ положительно ни чѣмъ не гарантированы отъ произвола владѣльцевъ. Они каждую минуту должны опасаться, что не сегодня такъ завтра владѣлецъ или увеличитъ и безъ того уже довольно значительныя размѣры чинша, или совсѣмъ отниметъ находящуюся въ ихъ пользованіи землю. Такое крайне неопредѣленное положеніе чиншевицковъ служитъ причиною того, что въ владѣльческихъ городахъ и мѣстечкахъ дома строятся, какъ говорится, на живую нитку. Наставятъ вертикально въ землю нѣсколько тоненькихъ столбиковъ, между ними положить поперечно коротенькія жердочки, обложить все это глиною,—и домъ готовъ. Разсчетъ очевиденъ: расходы небольшіе, да и разставаться не такъ жалко съ этою мазанкою.

А разставаться съ насиженными мѣстами очень многимъ приходится. Выселенія, «снось» строеній съ помѣщичьей земли, продажа движимаго и недвижимаго имущества—самыя обыкновенныя явленія во владѣльческихъ мѣстечкахъ и городахъ. Такъ, въ 1873 году, на основанія ряда судебныхъ рѣшеній, было сломано болѣе 200 еврейскихъ домовъ, выстроенныхъ на помѣщичьей землѣ. Такимъ образомъ, болѣе 200 семействъ безъ всякой жалости было выброшено на улицу мерзнуть и голодать, болѣть и умирать подъ открытымъ небомъ. Въ мѣстечкѣ Екатеринополь, звенигородскаго уѣзда до 300 семействъ лишились издавна принадлежавшихъ имъ земель.

Въ мѣстечкѣ Колки, 500 лѣтъ тому назадъ, поселился разнаго рода людъ, который испросилъ у польскаго короля Сигизмунда III особую привилегію. Въ силу этой привилегіи, каждое семейство колковскаго общества получило отъ владѣльца небольшой надѣлъ земли съ правомъ вѣчнаго неизмѣннаго чинша, въ размѣрѣ 239 р. со всего общества. Въ 1849 году колковское имѣніе перешло во владѣніе дворянина Кожуховскаго. Кожуховскій счелъ такую цифру годичнаго чинша слишкомъ ничтожною, а потому сталъ требовать увеличенія размѣровъ чиншевыхъ повинностей и составилъ новый инвентарь. Мѣщане, опираясь на свое неприкосновенное право, не соглашались, конечно, ни на какія новыя условія. Началось дѣло, которое, пройдя всѣ инстанціи, начиная съ пристава и низшаго земскаго суда и кончая сенатомъ, было рѣшено въ пользу помѣщика. Пришлось приводить рѣшеніе въ исполненіе; административная ревность, приложенная къ дѣлу, не увѣчалась успѣхомъ; мѣщане отказались добровольно оставить свои родныя мѣста и выселиться изъ мѣстечка. Тогда, по ходатайству Кожуховскаго, была употреблена военная сила.... По изгнаніи изъ мѣстечка, мѣщане жили около Коложъ,—просто подъ открытымъ небомъ, пока осенніе холода не заставили ихъ разбѣжаться по разнымъ мѣстамъ.

Въ 1878 г. изгнанные мѣщане вздумали попытать еще разъ счастья. Вслѣдствіе этого въ бывшей волынскій соединенной палатѣ начать былъ искъ противъ Кожуховскаго. Но палатѣ недовелось окончить этого дѣла, и оно поступило въ числѣ другихъ въ луцкій окружной судъ. Здѣсь дѣло было рѣшено въ пользу мѣщанъ.

О сельскихъ чиншевикахъ намъ придется сказать то-же, что говорили мы о чиншевомъ населеніи городовъ и мѣстечекъ. Та-же нищета вслѣдствіе обезземеленія, тѣ же слезы и страданія, тѣ-же взысканія, разоренія и выселенія,—словомъ, все то-же, что на каждомъ шагу приходилось встрѣчать намъ въ мѣстечкахъ и городахъ.

Сельскіе чиншевики представляютъ безземельный пролетаріатъ. Не будучи прикрѣплены къ землѣ, не имѣя опредѣленныхъ занятій, они, по произволу владѣльцевъ, должны переходить съ мѣста на мѣсто, такъ или иначе поступаая въ разрядъ *панщенныхъ*. Очень многіе изъ нихъ владѣютъ небольшими клочками земли въ 1½ десятины. Не мало и такихъ, которые и этого даже не имѣютъ. Вотъ данныя. Въ селеніи Вайноровкѣ, Таращанскаго у., въ имѣніи графа Браницкаго, съ давнихъ временъ 70 семействъ было надѣлено 643 моргами (370 десятинъ) земли; въ этомъ количествѣ пахатной считалось только 430 морговъ, сѣносконой 165, хуторной 40 и усадебной 13. Сѣносконая и хуторная земля совершенно отнята у чиншевиговъ графомъ Браницкимъ; оставлено имъ только 13 морговъ усадебной и 166½ десятинъ пахатной. Считая въ каждомъ семействѣ среднимъ числомъ по пяти душъ, мы получимъ во всѣхъ семействахъ 350 душъ, т. е. меньше еще, чѣмъ поддесятины на душу. Чиншевая плата за ½ десятины 3 р.

Въ селеніи Плоскомъ, того же уѣзда, на чиншевомъ правѣ числилось 120 семействъ; изъ нихъ 94 семейства съ надѣлами, какъ усадебными, такъ и полевыми, и 26 семействъ, владѣвшихъ на чиншевомъ правѣ только усадебными надѣлами. Изъ первыхъ—69 семействъ—каждое было надѣлено 14 моргами, 23 семейства получили по 28 морговъ, а вторые—по 56 морговъ. Чиншевая плата была опредѣлена издавна по 10 р. за паровой надѣлъ (28 морговъ) и по 5 р. за пѣшій (14 морговъ). При этомъ чиншевики освобождались отъ платы за усадьбы, такъ какъ платою за полевые надѣлы чиншевики покрывали также и усадебную. Въ такомъ видѣ существовали чиншевыя отношенія въ селеніи Плоскомъ. Въ 1881 году владѣлецъ имѣнія отнялъ у чиншевиговъ всю землю, до одинаго клочка, не рѣшнувъ, однако, выгнать ихъ изъ усадебъ, но за то усадебный чиншъ для нѣкоторыхъ чиншевиговъ значилъ въ 18 р. въ годъ. («Заря» 81, № 22).

Въ Русаловской волости [всѣхъ чиншевицъ 361 душа; владѣютъ они только усадебной землей въ размѣрѣ 38 десятинъ.

Въ селахъ Таращанскаго уѣзда—въ имѣніяхъ: Ружки, Жидовичь, Александровка, Шуляки, Багва—у чиншевицъ нѣтъ ни единого клочка пахатной земли. Въ Сѣвериновкѣ чиншевики надѣлены нигуда негодными оврагами, такъ что самъ помѣщикъ счелъ справедливымъ взимать всего *по 40 к. въ годъ за десятину*. Въ селеніи Янашевкѣ 127 чиншевицъ дворовъ, состоящихъ изъ 614 душъ; въ 1881 году имѣли земли въ одну смѣну около 207 десятинъ; въ 1882 году у нихъ не было ни одного клочка земли. И вездѣ повторяется то-же. («Заря», 1882, № 100).

Какимъ-же образомъ произошло это обезземеленіе? Владѣльцы практиковали для этого разные способы и иногда очень нецеремонные. Нужна владѣльцу земля—сейчасъ-же безъ всякихъ разговоровъ отбираютъ ее у чиншевицъ, деньги нужны—въ 5—6 разъ увеличиваютъ чиншъ. Многіе помѣщики просто увлекались дѣятельностію въ этомъ направленіи. Увлечение иногда доходило до того, что чиншъ возрасталъ до громадныхъ размѣровъ, такъ что чиншевики уже не въ состояніи бывали уплачивать его. Такъ, напр., въ «Подольскомъ Листѣ» корреспондентъ-чиншевицъ рассказываетъ, что въ селеніи Рункушевѣ, Ушицкаго уѣзда, чиншъ съ 2 р., возросъ до 20 р. Наконецъ, въ 1878 году чиншъ такъ былъ увеличенъ, что чиншевики не могли его платить. Въслѣдствіе этого, въ 1875 году, противъ нихъ были предъявлены искъ, которые и рѣшены были въ пользу помѣщика. Затѣмъ описали все движимое имущество, а когда его оказалось недостаточно, то перешли къ домамъ. Хотя дома были спасены отъ продажи, однако положеніе рункушевскихъ чиншевицъ не стало лучше. Вотъ что говоритъ тотъ-же корреспондентъ: «Заведется у кого изъ насъ телка, купить кто-нибудь изъ насъ скатерть на столъ или другое что-нибудь, смотришь—наѣдетъ судебной приставъ и описываетъ все это за долгъ помѣщику. И благо-бы долгъ этимъ погашался, а то долгъ остается въ прежней суммѣ, ибо вырученныя отъ продажи имущества деньги *идутъ лишь на издержки судебному приставу*. Нельзя приобрѣсть ни лошадей, необходимыхъ въ нашемъ быту, ни коровы, безъ которой почти не можетъ обійтись крестьянская семья,—однимъ словомъ, ничего, что дало-бы возможность сколько-нибудь опериться и добровольно платить долгъ помѣщику. Какая цѣль въ подобныхъ дѣйствіяхъ—трудно объяснить, тѣмъ болѣе, что деньги, которыя желали-бы мы внести за пользованіе землею за послѣднее время, не принимаются: заключайте, молъ, письменныя условія».

Полное обезземеленіе и увеличеніе чинша доводитъ чинше-

виковъ до крайней бѣдности. И это положеніе, ухудшаясь съ каждымъ годомъ, грозитъ принять довольно внушительные размѣры. Уже и теперь чиншевики доведены до того, что въ средѣ ихъ явилась мысль о выселеніи въ незаселенныя страны Россіи—на югъ. Такъ, напр., изъ Усманскаго уѣзда громадное количество чиншевиковъ переселяется въ другія мѣста; встрѣчаются даже такіе рѣзкіе примѣры, что изъ одного села выселяется по 10, по 15, даже по 53 человѣка. Однако не всякому возможно подняться съ цѣлымъ семействомъ и переселиться въ другую, можетъ быть очень отдаленную губернію. Для этого необходимы довольно значительныя средства, а многіе, очень даже многіе изъ нихъ, лишены куска хлѣба на родномъ своемъ попелищѣ, гдѣ-же имъ думать о переселеніи?!... И остаются эти несчастные на помѣщичьей землѣ, испытывая на себѣ владѣльческій произволъ. Положеніе ихъ постигнѣ ужасное.

Солтисы и вѣштатные духовные люди такъ-же доведены до нищенскаго положенія, какъ и чиншевики. «Хозяйскія постройки ихъ полуразрушены; скотина сбыта ими за ничтожную цѣну; лучшіе и здоровѣйшіе члены семьи, бросивъ обѣднѣвшее хозяйство, обратились въ поденщиковъ и поденщицъ; старики, взявъ сумки, пошли просить милостыню». («Голосъ», 81 г., № 191).

При такихъ порядкахъ не удивительно, что въ западномъ краѣ встрѣчаются такія явленія, какъ, напр., «порція». «Порція»—это таже панщина. Сушность ея заключается въ слѣдующемъ: крестьянинъ, чтобы избавиться отъ голодухи, беретъ у помѣщика 18 р. въ годъ по третямъ, а за это обязывается обрабатывать помѣщику по 2 дня въ недѣлю, т. е. 104 дня въ годъ—это полная панщина. Существуетъ еще и полпанщина. Отличіе ея отъ полной панщины заключается въ томъ, что во второмъ случаѣ крестьянинъ беретъ только 9 р. и обрабатываетъ 52 дня въ годъ, что составляетъ 17½ к. въ день, между тѣмъ цѣна работнику лѣтомъ доходитъ до 1 р. Случается, что крестьянинъ не всякую недѣлю отработаетъ полный урокъ, тогда неотработанные дни называются «завідными» и откладываются на лѣто. Женщина получаетъ въ годъ, т. е. за 104 дня, 12 р., а за 52 дня 6 р., что составляетъ по 11½ к. въ день,—а женщина лѣтомъ можетъ заработать 50 к. въ день.

На такую панщину нанимаются по книжечкамъ, выданнымъ изъ волости. Въ этихъ книжечкахъ записываются условія, отработанные дни и заборъ платы. Условіе принято окалчивать слѣдующими словами: «а если-же не отработаю въ назначенный срокъ всѣхъ дней, то долженъ уплатить такому-то по 50 к. за каждый не отработанный день. Вообще, благодаря обилію обезземельныхъ крестьянъ, цѣны на рабочія руки въ западномъ краѣ пали

до невѣроятнаго minimum'a. Въ Константиноградскомъ уѣздѣ есть, напр., громадное имѣніе, прекрасно устроенное въ хозяйственномъ отношеніи, дающее около 250,000 р. чистаго дохода и заключающее въ себѣ до 60,000 десятинъ чернозема. Рабочіе въ этомъ имѣніи въ большинствѣ случаевъ нанимаются годовые, но въ страдную и вообще въ рабочую пору много и поденщиковъ. Поденные получаютъ 15 к. въ сутки (за полевныя работы), а полурабочіе, т. е. женщины и подростки, 10 и даже 8 к.; харчи получаютъ отъ конторы. Трудятся рабочіе отъ восхода до заката солнца, т. е. приблизительно 15 часовъ, слѣдовательно, плата за часть работы составитъ 1 к. («Трудъ», 81 г., № 31).

Мы не дѣлаемъ никакого вывода, потому-что единственный выводъ, который можно сдѣлать, самъ собою ясенъ.

Въ настоящее время аграрный вопросъ, скорѣе только выдвинутый на очередь Положеніемъ 19 февраля, чѣмъ имъ разрѣшенный, составляетъ основной вопросъ нашего времени. Никакое развитіе не будетъ возможно для Россіи, и навсегда останется она страной бѣдности и невѣжества, пока не разрѣшитъ прямо, открыто и смѣло своего аграрнаго вопроса и не поставитъ своего производительнаго населенія въ возможность свободнаго экономическаго развитія, освободивъ его отъ всякихъ видовъ эксплуатаціи.

Мы придаемъ весьма серьезное значеніе фактамъ, которые привели, и рѣшились обратить на нихъ вниманіе общества.

В. Н.

ПРИВАЛОВСКІЕ МИЛЛІОНЫ.

Романъ.

Посвящается М. Ш. А.—вой.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

I.

Въ бахаревскомъ домѣ царствовала особенная, зловѣщая тишина, и всѣ въ домѣ чувствовали на себѣ ея гнеть.

Сумрачный и непривѣтливый сидитъ въ своей коморкѣ старій Лука. Съ утра до вечера теперь брѣзжитъ и ворчитъ старикъ и, чтобы разогнать скуку, все что-нибудь чистить: то ручку у дверей, то шарнеры, то бронзовую накладку съ надписью «Для писемъ и газетъ». Последнюю Лука чиститъ съ особеннымъ ожесточеніемъ, точно старается ее задобрить. Желѣзный ящикъ, прикрѣпленный къ двери съ внутренней стороны, въ глазахъ Луки имѣетъ какое-то особенно таинственное значеніе: изъ этого небольшого ящика налетаютъ на бахаревскій домъ страшныя минуты затишья, и Лука съ суетнымъ страхомъ подходитъ къ нему каждое утро.

Однажды, когда Лука принесъ письмо, Василій Назарычъ особенно долго читалъ его, теръ себѣ рукой больное колѣнко, а потомъ проговорилъ:

— Ну, Лука, наши съ тобой дѣла плохи...

У Луки екнуло сердце отъ этихъ словъ, и онъ раскрылъ ротъ, приготовившись выслушать неприятное извѣстіе.

— На Варваринскомъ приискѣ шахту водой залило, объяснилъ Василій Назарычъ, не глядя на старика.—Значить, гѣ-то-мъ намъ работать негдѣ будетъ...

Вотъ съ этого времени и сдѣлалось въ бахаревскомъ домѣ особенно тихо, точно кто придавилъ рукой прежнее веселье.

Начиналась ужь осень, хотя еще стоить августъ. Было два такихъ холодныхъ утрежняка, что весь бахаревскій садъ покрылся желтыми пятнами, а цвѣтники во дворѣ почернѣли совсѣмъ. Дни становились короче, а по ночамъ поднимался сильный вѣтеръ, который долго-долго гудѣлъ въ саду, перебирая засохшіе листья и со свистомъ врываясь въ каждую щель. Суевѣрный Лука крестится и творитъ молитву, когда хлопнетъ желѣзнымъ листомъ на крышѣ или завоетъ въ трубѣ. Сейчасъ за стѣной былъ кабинетъ Василя Назарыча, и старикъ далеко за полночь прислушивался къ каждому звуку, доносившемуся къ нему оттуда. Василій Назарычъ тоже долго не спитъ по ночамъ и все что-то пишеть и откладываетъ на счетахъ. «Охъ! Все это отъ проклятыхъ писемъ», думаетъ про себя Лука, прислушиваясь къ каждому звуку.

Днемъ старику какъ-будто веселѣе, и онъ все поглядываетъ черезъ дворъ, въ людскую, гдѣ всѣмъ верховодитъ нѣмая Досифея. У Марьи Степановны не было тайнъ отъ нѣмой, и послѣдняя иногда дѣлилась ими съ Лукой, хотя съ большой осторожностью, потому-что Лука иногда могъ и сболтнуть лишнее, особенно подъ пьяную руку. Придетъ Лука въ кухню, подсядетъ къ самому столу, у котораго командуетъ Досифея, и терпѣливо ждетъ, когда она нѣсколькими жестами объяснить все дѣло. Здѣсь Лука узналъ, что у «Сереженьки» что-то вышло съ старшей барышней, но она ничего не сказываетъ «самой»; а «Сереженька» нигдѣ не бываетъ, все сидитъ дома и должно быть боленъ, какъ говоритъ «сама».

— Которая ужь недѣля пошла... вздыхаетъ Лука.

Старикъ подъ рукой навелъ кое-какія справки черезъ Ипата и зналъ, что Приваловъ не боленъ, а просто заперся у себя въ комнатѣ, никого не принимаетъ и самъ никуда не идетъ. Вотъ ужь третья недѣля пошла, какъ онъ и глазъ не кажетъ въ бахаревскій домъ, и Василій Назарычъ нѣсколько разъ справлялся о немъ.

— Самъ-то ничего не знаетъ, объясняла Досифея:—и никто не знаетъ...

II.

Однажды, когда Лука особенно сильно хандрилъ съ раняго утра и похода грызъ Игоря, сильный звонокъ у подъезда просто взбѣсилъ степеннаго старика.

— Кого это чортъ принесъ! ругался Лука, нарочно медля отворить двери. — Точно на пожаръ трезвонить... Наверно, аблакать какой-нибудь, прости ты меня, истинный Христось!

Звонокъ повторился съ новой силой, и когда Лука приотворилъ дверь, чтобы посмотрѣть на своего непріятеля, онъ даже немного попятился назадъ: въ дверяхъ стоялъ низенькій, толстый, сѣдой старикъ съ желтымъ калмыцкимъ лицомъ, приплюснутымъ носомъ и узкими, черными какъ агаты, глазами. Облѣпленный грязью татарскій азымъ и смятая войлочная шляпа свидѣтельствовали о томъ, что гость появился прямо съ дороги.

— Господи Ісусе Христе... ужаснулся Лука, отступая изъ своей позиціи и прибавилъ:— Да вѣдь это никакъ ты, Данила Семенычъ?..

— А ты возьми глаза-то въ зубы да и посмотри, хрипло отозвался Данила Семенычъ, грузно вваливаясь въ переднюю. — Чтѣ, не узналъ, старый хрѣнь? Дѣвичья память-то у тебя подъ старость стала... Ну, чего вытаращилъ на меня шари-то? Выходить, что я самый и есть.

Гость хрипло засмѣялся, снялъ съ головы бѣлую войлочную шляпу и провелъ короткой, пухлой рукой по своей сѣдой щетинѣ.

— Данила Семенычъ... голубчикъ... Да отведова ты взялся-то? взметался Лука. — Угодники безсребренники... Зачѣмъ ты приѣхалъ-то?

— Ну, ну, запричиталь, старый хрѣнь... Не съ неба упалъ на тебя!.. Завтра двадцатый день пойдетъ, какъ съ Саяна...

— Съ приску?

— Обнаковенно... А то откуда?.. Ну, да нечего съ тобой бобы-то разводить... Старикъ-то дома?

— Дома, дома...

— Ну, я къ нему сейчасъ... пойду...

— Ну, ужъ я тебя въ такомъ видѣ не пушу, Данила Семенычъ. Ты хоть образину-то умой наперво, а то испугаешь еще Василя-то Назарыча. Да приберись малость, — вонъ на тебѣ грязяци-то сколько налипло...

— Грязцы, точно-что, захватилъ дорогой-то... Не раздѣваясь, гналъ три недѣли!.. Рука даже опухла отъ подзатыльниковъ ямщикамъ... Ей-Богу!..

— Да ну тебя, подь ты къ чѣмору! отмахивался Лука, затаскивая гостя въ свою коморку. — Все у тебя, Данила Семенычъ, хихи да смѣли... Ты вотъ скажи, зачѣмъ къ намъ объявился-то?

— Объявился, и вся тутъ, коротко сказала Данила Семенычъ, съ трудомъ стаскивая съ своихъ богатырскихъ плечъ стоявшій дубомъ азамъ, подь которымъ оказался засаленный татарскій бешметъ изъ полосатой шелковой матеріи.

— Охъ, чувствуетъ мое сердечушко, што не къ добру ты награнуль, причиталъ Лука, добывая полотенце изъ сундучка. — Василій-то Назарычъ не ждалъ вѣдь тебя, даже нисколечко не ждалъ, а ты, на-поди, точно снѣгъ на голову...

— Я люблю скоро все дѣлать...

— Хоть-бы письмо написалъ, што-ли... Вѣдь много писалъ... Я самъ носилъ твои-то письма къ барину!

— Раньше писалъ, а теперъ не о чемъ... Да и письмо долго, а я живой ногой долетѣлъ. Нѣтъ-ли у тебя пропустить чего-нибудь? Горло пересохло...

— Да вѣдь ты, дорогой-то, поди, на каждомъ станкѣ прикладывался? Вонъ глаза-то совсѣмъ запыли...

— Былъ и такой грѣхъ, Лука, былъ грѣхъ...

— Знаю, знаю: какъ пріѣхалъ въ городъ, сейчасъ и зарядилъ? Хе-хе-хе...

Данила Семенычъ только бессильно махнулъ рукой и принялся умываться. Лука долго и безмолвно слѣдилъ за процессомъ умыванья, а потомъ что-то вспомнилъ и торопливо побѣжалъ изъ коморки.

— Куда ты потащился? спрашивалъ Данила Семенычъ, намыливая свои жилистыя, бронзовые руки.

— Сейчасъ, сейчасъ... обожди малость: я живой ногой.

— Ты смотри, не болтай самой-то...

Но Лука не слышалъ послѣднихъ словъ и на всѣхъ парахъ летѣлъ на половину Марьи Степановны. Добѣжавъ до комнаты Надежды Васильевны, старикъ припалъ къ замочной скважинѣ и прошепталъ:

— Барышня, а барышня... На одинъ секундъ...

— Чего тебѣ, Лука? отозвалась Надежда Васильевна, показываясь въ дверяхъ.

— Матушка, барышня, да тотъ пріѣхалъ, еіопъ-то нашъ... Ей-Богу! У меня въ коморкѣ сидитъ...

— Да кто пріѣхаль?

— Ахъ, угодники безсребренники!.. Да Данила Семенычъ пріѣхаль... А ужъ я по его образинѣ вижу, што онъ не съ добромъ пріѣхаль: и чортъ чортомъ, страсть глядѣть. Пожалуй, какъ-бы еще Василя-то Назарыча не испужаль... Ей-Богу! Вотъ я и забѣжалъ къ вамъ... потому...

Надежда Васильевна, не слушая болтовни Луки, торопиво шла уже въ переднюю, гдѣ и встрѣтилась лицомъ къ лицу съ самимъ Данилой Семенычемъ, который, очевидно, уже успѣлъ пропустить съ пріѣзда и теперь улыбался широчайшей, довольной улыбкой, причеъ его калмыцкіе глаза совсѣмъ исчезали, превращаясь въ узкія щели.

— Ахъ, старый хрѣнъ, успѣлъ ужъ набрехать по всему дому, проговорилъ онъ, косясь на Луку. — Здравствуйте, барышня... Хорошѣете, сударыня, да цвѣтете...

Данило Семенычъ поцѣловалъ руку, которую ему протянула Надежда Васильевна, и прибавилъ самымъ невиннымъ тономъ:

— А вотъ я и пріѣхаль... Да.

— Да съ чѣмъ пріѣхали-то, Данила Семенычъ?

— А такъ... дѣлать больше нечего на пріискахъ, ну, я и махнулъ.

— Какъ нечего дѣлать?

— Да такъ...

Данила Семенычъ сдѣлалъ выразительный жестъ рукой и опять засмѣялся.

— Дрянъ-дѣло, Надежда Васильевна... За папенькой вашимъ пріѣхаль.

— Вы одну минуту подождите здѣсь, проговорила Надежда Васильевна, оставляя гостя въ залѣ.—Я сейчасъ провѣдаю папу, онъ, кажется, несовсѣмъ здоровъ...

Василій Назарычъ сидѣлъ въ своемъ креслѣ и просматривалъ послѣдній номеръ газеты. Поднявъ глаза, онъ улыбнулся дочери и протянулъ ей руку.

— Я думала, что у тебя сидитъ докторъ, солгала Надежда Васильевна, не зная, какъ ей приступить къ дѣлу.

— Докторъ заѣзжаетъ вечеромъ, а теперь полдень...

— Ну, а что твоя нога, папа?

— Къ веснѣ докторъ обѣщаетъ ее починить, голубчикъ. Только, вѣдь, смерть моя сидѣть здѣсь безъ всякаго дѣла...

— А ты не ждешь сюда Даниила Семеныча?

— Нѣтъ; а что?

— Я такъ спросила... Я изъ своей комнаты видѣла, точно онъ проѣхалъ къ намъ.

— Не можетъ быть!..

— Мнѣ показалось... Можетъ быть я ошибаюсь.

Старикъ тревожнымъ взглядомъ посмотрѣлъ на дочь и потеръ свое больное колѣнко. Въ это время изъ залы донесся хрипелый смѣхъ Даниила Семеныча, и поблѣднѣвшій, какъ по лотно, Бахаревъ проговорилъ:

— Да, вѣдь, онъ здѣсь, Надя... Это онъ хохочетъ?!..

— Да, онъ, папа... Мнѣ можно побыть здѣсь, пока онъ будетъ у тебя?

— Нѣтъ, голубчикъ... послѣ... вечеромъ... Пошли его сюда.

Надежда Васильевна поцѣловала отца въ лобъ и молча вышла изъ кабинета; Данила Семенычъ, покачиваясь на своихъ кривыхъ ногахъ, ввалился въ кабинетъ.

— Охъ, быть бѣдѣ, барышня... шепталъ Лука, провожая Надежду Васильевну.— Ужъ я вѣрно вамъ говорю...

— Ты сиди пока здѣсь и слушай, просила дѣвушка: — а боюсь, чтобы съ папой не сдѣлалось дурно... Понялъ? Чуть что, сейчасъ-же скажи мнѣ.

— Будьте спокойны: въ одинъ секундъ... Чуть ежели что, я живой ногой... А Данило не проста пріѣхалъ, а ужъ по его косымъ глазамъ вижу... Ей-Богу!.. Ох-хо-хо!..

III.

Только-что Надежда Васильевна прошла въ свою комнату, какъ почти сейчасъ-же за нею пріѣзжала Вѣрочка, вся перепуганная и блѣдная. Она едва могла проговорить:

— Папа кричитъ такъ страшно... Надя, голубчикъ, бѣги скорѣе, ради Бога, скорѣе!.. У нихъ что-то произошло... Лука плачетъ... Господи, да что-же это такое?!

Вѣрочка тихо захныкала, закрывъ лицо руками.

Когда Надежда Васильевна проходила по столовой, до нея донеслись чьи-то отчаянные крики: она не узнала голоса отца и бѣгомъ бросилась къ кабинету. Отворивъ двери, Надежда Васильевна увидѣла такую картину: Данила Семенычъ стоялъ въ углу, весь красный, съ крупными каплями пота на лбу, а Василий Назарычъ, не помня себя отъ ярости, бро-

самся изъ угла въ уголь, какъ раненый звѣрь. Онъ былъ страшенъ въ эту минуту и съ пѣной у рта, сжавъ кулаки, нѣсколько разъ подступалъ къ самому носу Даниила Семеновича. Взрывъ бѣшенства парализировалъ боль въ ногѣ, и старикъ съ помутившимися глазами рвалъ остатки сѣдыхъ волосъ на своей головѣ.

— Ты меня зарѣзалъ... Понимаешь: *за-ръ-залъ!*.. неистово выкрикивалъ Василий Назарычъ какимъ-то дикимъ, страшнымъ голосомъ. — На старости лѣтъ пустилъ по міру всю семью!.. Всѣхъ погубилъ!.. Всѣхъ!..

— Богъ милостивъ, Василий Назарычъ... осмѣлился замѣтить Даниила Семеновичъ, когда Надежда Васильевна показала на порогъ. — Поправимся...

— Поправимся?!.. Нѣтъ, я тебя сначала убью... жили изъ тебя вытяну, изъ подлца!.. Одно только лѣто не приѣхалъ на прииски, и все пошло кверху дномъ: рабочіе разбѣжались, шахту залило, а теперь послѣднія деньги захватили Работкинъ и скрылся... Боже мой!.. Завтра-же ѣду и всѣхъ васъ переберу... Ничего не дѣлали, пьянствовали, безобразничали!.. На кого-же мнѣ положиться?!..

Надежда Васильевна показала глазами Данилѣ Семеновичу на дверь, и тотъ выползъ изъ кабинета. Наступило тяжелое молчаніе, показавшееся отцу и дочери вѣчностью. Дѣвушка сѣла на диванъ и ждала, пока отецъ, бѣгая по кабинету, продолжалъ неистовствовать, порываясь къ двери, точно онъ хотѣлъ догнать Даниила Семеновича. Изъ безсвязнаго потока проклятій и ругани, Надежда Васильевна узнала пока то, что послѣднія деньги, какія были посланы Бахаревымъ на прииски, украдены бѣжавшимъ кассиромъ Работкинскимъ. Она молчала, давая отцу полную волю ивлиять свое бѣшенство; въ такія минуты подступаться къ нему значило подливать масла въ огонь. Эта сцена продолжалась съ полчаса, пока наконецъ Василий Назарычъ съ глухими рыданіями не бросился въ свое кресло. Гроза была на исходѣ, и Надежда Васильевна проговорила:

— Папа, зачѣмъ-же ты такъ волнуешься? Вѣдь этимъ дѣла не поправитъ... Нужно успокоиться, а потомъ и обсудить всѣ обстоятельства.

— У насъ теперь одни обстоятельства: мы — нищія!! закричалъ старикъ, опять вскакивая съ своего кресла.

Но пароксизмъ бѣшенства замѣтно проходилъ. Слезы мѣ-

шались съ проклятіями и стопами, пока не перешли въ то тяжелое полусознательное состояніе, когда человекъ начинаетъ грѣзнить на яву.

— Я одинъ, одинъ... стоналъ Василій Назарычъ, закидывая голову на спинку кресла. — Не на кого положиться... а эти подлецы... Охъ, хоть-бы умереть скорѣе!.. Нищета, позоръ... О, Боже мой?!

IV.

Данила Семенычъ Шелеховъ былъ крещеный калмыкъ, купленный еще дѣдомъ Сергѣя Привалова въ одну изъ жестокихъ степныхъ голодovieвъ. Обезумѣвшіе отъ голода родители съ большимъ удовольствіемъ продали шустраго ребенка за мѣшокъ муки и пару плохихъ сапоговъ. Степнякъ-калмычокъ, какъ пойманный звѣрокъ, былъ завезенъ сначала въ Шатровскіе заводы, а потомъ попалъ въ Узель. Въ первое время онъ совсѣмъ затерялся въ толгѣ многочисленной дворни и нѣсколько лѣтъ прислуживалъ магнату-заводчику въ качествѣ казачка. Уже подросткомъ, когда старикъ Гуляевъ открылъ свои пріиски въ Сибири, Шелеховъ попалъ къ нему, и тамъ вышелъ на свою настоящую дорогу. Впослѣдствіи онъ работалъ вмѣстѣ съ Бахаревымъ, который завѣдывалъ гуляевскими пріисками, и вмѣстѣ съ нимъ перешолъ къ Александру Привалову.

По своей натурѣ, Шелеховъ остался настоящимъ степнякомъ; его характеръ представлялъ самую пеструю смѣсь достоинствъ и недостатковъ. Предоставленный самому себѣ, онъ, вѣроятно, скоро-бы совсѣмъ смотался въ закружившемъ его вихрѣ цивилизованной жизни, но его спасли золотые промыслы, которые, по своей лихорадочной, азартной дѣятельности, какъ нельзя больше соотвѣтствовали его характеру. Здѣсь, на промыслахъ, у Шелехова выработалась та репутація, благодаря которой онъ сдѣлался своимъ человекомъ въ средѣ золотопромышленниковъ. Въ поискахъ за золотомъ, на развѣдкахъ по тайгѣ и непроходимой глуши Шелеховъ былъ незамѣнимымъ человекомъ. Его желѣзная натура, кажется, не знала, что такое усталость, и жить по цѣлымъ мѣсяцамъ въ глубинѣ тайги, по недѣлямъ спать подъ прикрытіемъ полотняной палатки на снѣгу въ горахъ, дѣлать тысячеверстныя экскурсіи

верхомъ — во всѣхъ этихъ подвигахъ Данила Шелеховъ не зналъ соперниковъ. Затѣмъ, долготѣνια практика выработала у Шелехова извѣстный «золотой инстинктъ»: онъ точно чутѣмъ зналъ, гдѣ въ землѣ скрывается золото, и старшій Бахаревъ часто совѣтовался съ нимъ въ трудныхъ случаяхъ.

Но насколько хорошъ и незамѣнимъ былъ Шелеховъ на развѣдкахъ, настолько же онъ былъ несносенъ и даже жалокъ во все остальное время, когда все дѣло сводилось на систематическій упорный трудъ. Шелеховъ могъ работать только порывами, съ изумительной энергіей и настойчивостью, но къ правильному труду онъ положительно былъ неспособенъ.

Самой замѣчательной особенностью Шелехова было то, что стоило ему только разъ вырваться съ прииска и попасть куда-нибудь въ городъ, — онъ разомъ спускалъ все, что копилъ въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ. Съ нимъ не было въ этихъ случаяхъ никакого ладу, и Бахаревъ терпѣливо ждалъ того момента, когда у загулявшаго Данилы Семеныча вылетитъ изъ кармана послѣдній грошъ.

— Ну, что, отзвонился? спросить только Василій Назарычъ, когда Шелеховъ наконецъ появится въ его кабинетѣ, съ измятымъ лицомъ и совсѣмъ оплывшими глазами.

— Совсѣмъ готовъ, Василій Назарычъ...

— Оно и на душѣ легче: отзвонилъ и съ колокольни долой.

— Въ лучшемъ видѣ, Василій Назарычъ: отпустили, въ чемъ мать редила...

Марья Степановна глубоко вѣровала въ геній Данилы Семеныча. Она была убѣждена, что у Шелехова отъ природы «легкая рука» на золото, и что стодитъ ему только уйти съ приисковъ, какъ все тамъ пойдетъ шиворотъ-на-выворотъ. Поэтому, послѣ вспышки со стороны Василя Назарыча, Данила Семенычъ увлекался на половину «самой», гдѣ его поили чаемъ, ублажали, и Марья Степановна снисходила даже до того, что изъ собственныхъ рукъ подносила ему серебряную чарку анисовки. Эта чарка въ глазахъ суевѣрной старухи имѣла особенное значеніе, потому что изъ нея кушала анисовку еще самъ Павелъ Михайловичъ. Когда Шелеховъ прокучивалъ все и даже спускалъ съ себя шелковый бешметъ, ему стоило только пробраться на кухню къ Досифею, и все утра-

ценное платье являлось, какъ по мановенію волшебнаго жезла, а самого Данилу Семеныча для видимости слегка журяли, чтобы потомъ опохмѣлить и обогрѣть по всѣмъ правиламъ раскольничьяго гостепрѣимства.

Такъ и послѣ послѣдней бури въ кабинетѣ Василя Назарыча, Шелеховъ пробрался на половину «самой», гдѣ его уже ждала чарка анисовки и кипѣвшій на столѣ самоваръ.

— Што больно шумѣли тамъ? съ привѣтливой строгостью спрашивала Марья Степановна, указывая глазами на половину мужа.

— Маненько побесѣдовали... ухмыльнулся Шелеховъ, вытирая вспотѣвшее лицо платкомъ.

— Хороша бесѣда, нечего сказать!

— Да ужь такой случай вышелъ, матушка Марья Степановна. Ежели разобрать, такъ оно, пожалуй, слѣдовало бы и поволоотить за наши провинности...

— А много набѣдокурилъ тамъ, на прискахъ-то?

— Охъ, и не спрашивай, голубушка Марья Степановна!..

— Шахту на Варваринскомъ водой залили?

— Залили, залили...

— Народъ разогнали?

— Разогнали...

— А еще-то што?

— Кассира-то, Работкина, помнишь? Ну, онъ, подлець, захватилъ послѣднія денежки и удралъ съ ними... Ужь я его искалъ-искалъ: точно въ воду канулъ.

— А все это водочка тебя, Данилушка, доводитъ до бѣды.

— Она, проклятая, смиренно соглашался Данилушка. — Какъ теперь изъ бѣды выпутаемся — одному Господу извѣстно...

— А выпутывайся, коли умѣлъ попадаться, наставительно замѣтила Марья Степановна.

Шелеховъ оглянулся осторожно кругомъ и, наклонившись къ самому уху Марьи Степановны, своимъ сиплымъ хрипомъ прошепталъ:

— Мѣстечко есть на примѣтѣ, голубушка... Охъ, хорошо мѣстечко! Только я теперь самому-то ничего не сказалъ, пусть у него сперва сердце-то отойдетъ маненько. Бурять одинъ слюха натакался на мѣстечко-то, а оно въ горѣ, надо шахту ударить... Безъ двадцати тысячъ и не подходи къ нему.

Это извѣстiе совсѣмъ успокоило старуху, и она ласково проговорила Данилушкѣ:

— А ты бы поменьше водку-то трескалъ, отдохнуть-бы ей даль, а то, вѣдь, лица на тебѣ нѣтъ: все займло подь одинъ пузырь.

— Это отъ дороги, Марья Степановна... Вѣдь двадцать дѣнь гналъ сюды: такъ запаливалъ, въ томъ родѣ, какъ генераль-губернаторъ.

За чаемъ Марья Степановна повѣдала своему Данилушкѣ всѣ свои огорченiя и печали; Данилушка слушалъ, охалъ и въ тактъ тяжелымъ вздохамъ Марьи Степановны качалъ своей побѣдной буйной головушкой.

— А ты слышалъ про Серезу-то Привалова? спрашивала Марья Степановна, когда Данилушка допивалъ уже третiй стаканъ чаю.

— Нѣтъ; а што?

— Здѣсь онъ нонѣ живетъ, въ Узлѣ...

Отъ этого извѣстiя Данилушка даже привскочилъ на мѣстѣ и только проговорилъ:

— Какъ здѣсь?

— А такъ, прiѣхалъ и живетъ.

— У васъ-то бываетъ часто, поди?

— Раньше-то бывалъ, а вотъ теперъ которую недѣлю и глазъ не кажетъ. Не знаю ужъ, што съ нимъ такое попричилось.

— Я такъ полагаю, што болѣсть какая прикинулась, полувопросительно замѣтилъ Данилушка.

— Можетъ и болѣсть, а можетъ и нѣтъ, таинственно отвѣтила Марья Степановна и, въ свою очередь, оглядѣвшись кругомъ, рассказала Данилушкѣ всю исторiю пребыванiя Привалова въ Узлѣ, причемъ, конечно, упомянула о контрахъ, какиа вышли у Василя Назарыча съ Серезей, и закончила свой рассказъ жалобами на старшую дочь, которая вся вышла въ отца и навѣрно подвела какую-нибудь штуку Серезѣ.

Отъ Данилушки у Марьи Степановны не было семейныхъ тайнъ: свой человекъ былъ въ домѣ да и на языкъ крѣпокъ, — хоть топоромъ руби, не выдастъ.

— Есть причина, безпремѣнно есть, — глубокомысленно замѣтилъ Данилушка, почесывая затылокъ. — Видѣлъ я давѣ

барышню нану: принцесса... Хоть кому не стыдно показать: какъ маговъ цвѣтъ цвѣтеть!

— Цвѣтеть-то она цвѣтеть, да кабы не отцѣла скоро, — съ подавленнымъ вздохомъ проговорила старуха: — самъ знаешь, дѣвичья краса до поры до время, а Надя ужь къ годамъ, за двадцать перевалило. Мудрять съ отцомъ-то, а вѣтъ счастья Господь и не посылаетъ... Долго-ли до грѣха: гляди и завянетъ въ дѣвкахъ. А Сережа-то простъ, окъ какъ простъ, Данилушка. И въ кого уродился, подумаешь... Я такъ полагаю, што онъ въ мать, въ Варвару Павловну, пошелъ.

— Уждь я схожу къ нему, задумчиво сказала Шелеховъ.

— Сходи, Данилушка, провѣдай... Мнѣ-то неловко къ нему послевъ посылать, а тебѣ за пенутьемъ сходить.

V.

Приваловъ по цѣлымъ часамъ лежалъ неподвижно на своей кушеткѣ или, какъ маятникъ, бродилъ изъ угла въ уголь. Но всего хуже, конечно, были ночи, когда все кругомъ затихло и безысходная тоска наваливалась на Привалова мертвымъ гнетомъ. Онъ тысячу разъ перебиралъ все, что пережилъ въ теченіи этого лѣта, и ему начинало казаться, что все это было только блестящимъ, счастливымъ сномъ, который разсѣялся какъ туманъ.

Хіонія Алексѣевна зорко слѣдила за нимъ. Для нея было ясно, что съ Приваловымъ случилось что-то необыкновенное, но что случилось — она не знала и терялась въ тысячѣ предположеній. Главное противорѣчіе, сводившее ее съ ума, заключалось въ томъ, что Бахаревы ловили выгоднаго жениха, а выгодный женихъ давно таранилъ глаза на богатую невѣсту... Неужели-же она отказала ему, Привалову, миллионеру? Нѣтъ, этого не могло быть! Это немислимо... Не влюбился-ли Приваловъ въ Зосю? Нѣтъ-ли у этой гордячки Nadine какой-нибудь таинственной исторіи, которую Приваловъ могъ открыть какъ-нибудь случайно? Хіонія Алексѣевна напрасно билась своей остроумной головой о ту глухую стѣну, какую для нея представляли теперь эти ненавистные Бахаревы, Половодовы и Ляховскіе.

— Развѣ навѣстить Привалова, подъ предлогомъ участія

къ его здоровью? думала иногда Хіонія Алексѣевна, но сейчас-же откладывала въ сторону эту вздорную мысль.

Она своими ушами слышала, что Приваловъ отдалъ Ипату категорическій приказъ рѣшительно никого не принимать, даже Nicolas Веревкина. А этотъ дуракъ Ипатъ, кажется, на седьмомъ небѣ въ своей новой роли и съ необыкновенной дерзостью отказываетъ всѣмъ, кто прѣзжаетъ къ Привалову. Заѣзжали Половодовъ, Викторъ Васильевичъ, докторъ — всѣмъ одинъ отвѣтъ: «Баринъ не приказали принимать...» Викторъ Васильевичъ попробовалъ было силой ворваться въ приваловскую половину, но дверь оказалась запертой, а Ипатъ, вдобавокъ, загородилъ ее, какъ медвѣдь, своей спиной.

— Скажи своему барину, олухъ ты этакой, что я умеръ, ругался Викторъ Васильевичъ. — Понимаешь: умеръ?.. Такъ и скажи...

Nicolas Веревкинъ прѣзжалъ нѣсколько разъ — и совершенно безуспѣшно. Этотъ никогда не терявшій присутствія духа человѣкъ проговорилъ, обращаясь къ Хіоніи Алексѣевнѣ только одну фразу: «Ну, Хіонія Алексѣевна, только и жилецъ у васъ... а? Уже вы не заперли-ли его въ своемъ пансіонѣ подъ замокъ?»

Хіонія Алексѣевна испытывала муки человѣка поджариваемаго на медленномъ огнѣ, но, какъ извѣстно, счастливыя мысли — дѣти именно такихъ безвыходныхъ положеній, и поэтому въ головѣ Хіоніи Алексѣевны наконецъ мелькнула одна изъ такихъ мыслей, — именно мысль послать къ Привалову Виктора Николаевича.

— Я думаю, что ты сегодня сходишь къ Сергѣю Александрычу, сказала Хіонія Алексѣевна совершенно равнодушнымъ тономъ, какъ будто рѣчь шла о дѣлѣ давно рѣшенномъ. — Это, напоночь, невѣжливо: жилецъ живетъ у насъ чуть не полгода, а ты и глазъ къ нему не кажешь. Это не принято... Все я, вездѣ я: не иди-же мнѣ самой въ квартиру холостого молодого человѣка!..

— А я-то затѣмъ къ нему пойду? упавшимъ голосомъ проговорилъ Викторъ Николаичъ.

— Какъ затѣмъ? Вотъ мило... Снеси газеты и извинись, что раньше не догадался этого сдѣлать... Понялъ?

Викторъ Николаичъ отправился. Черезъ минуту до ушей

Хюни Алексѣевны донесся его осторожный стукъ въ дверь и голосъ Привалова: «Войдите...»

— Извините... бормоталъ Заплатинъ, пряча газеты за спиной!— Я, кажется, помѣшалъ вамъ... Вотъ газеты...

— Если не ошибаюсь... заговорилъ Приваловъ.

— Я самый... да... Викторъ Николаичъ Заплатинъ... Да.

— Очень пріятно. Садитесь, пожалуйста...

Они посмотрѣли другъ другу въ глаза: Приваловъ былъ блѣденъ и показался Заплатину такимъ добрымъ, что языкъ Виктора Николаича какъ-то самъ собой проговорилъ:

— Вы ужъ извините меня, Сергѣй Александрычъ... Я не пошелъ-бы беспокоить васъ, да вотъ Хина пристала. Ей-Богу...

Приваловъ съ недоумѣніемъ посмотрѣлъ на своего смущеннаго гостя и улыбнулся: ему сразу понравился этотъ бѣдный «мужъ своей жены». Сначала его непріятно удивилъ этотъ неожиданный визитъ, а теперь онъ даже былъ радъ присутствію живого добраго человѣка. Викторъ Николаичъ въ первую минуту считалъ себя погибшимъ, — проклятый языкъ сегодня губилъ его второй разъ, но улыбка Привалова спасла его. Черезъ четверть часа они бесѣдовали самымъ мирнымъ образомъ, какъ старые знакомые, что безгранично удивило Матрешку, считавшую барина рѣшительно неспособнымъ «къ словесности».

Уже распроставшись и идя къ двери, Викторъ Николаичъ вдругъ вернулся и спросилъ:

— А вы слышали, Сергѣй Александрычъ, новость?

— Какую?

— Да весь городъ объ этомъ говорить...

— Именно?

— Василій-то Назарычъ того-съ... обанкрутился...

Это извѣстіе было такъ неожиданно, что Приваловъ съ особеннымъ вниманіемъ посмотрѣлъ на Виктора Николаича, ужъ не бредить-ли онъ.

— Это вѣрно-съ... продолжалъ Заплатинъ.— Всѣ въ одинъ голосъ кричать... А моей Хинѣ, знаете, вездѣ забота: съ утра треплется по городу.

— Какъ-же это такъ... вдругъ...

— Да ужъ такъ-съ... Всѣ вдругъ банкротятся. Сказываютъ, кассиръ у нихъ съ деньгами убѣжалъ да шахту водою залило.

VI.

Вѣсть о раззореніи Бахаревыхъ уже успѣла облетѣть весь городъ. Кто разнесъ ее, какими путями она побывала вездѣ— трудно сказать. Дурныя вѣсти, какъ вода, просачиваются сквозь малѣйшія скважины. Заплатина узнала о раззореніи Бахаревыхъ, конечно, одна изъ первыхъ и поспѣшила на мѣстѣ провѣрить собранныя новости, а главное ей хотѣлось посмотреть, какъ теперь чувствуютъ себя Марья Степановна и гордочка Nadine.—«И по дѣломъ!»—воскликнула въ гостиной Агриппины Филиппьевны эта почтенная дама.—«А то ужь очень зазнались... Ахъ, интересно теперь взглянуть на нихъ!» Хіонія Алексѣевна, конечно, не забыла, какъ приняла ее Марья Степановна въ послѣдній разъ, но любопытство брало верхъ надъ всѣми ея чувствами, а она никогда не могла съ нимъ справиться. Къ тому-же теперь она поѣдетъ не къ прежней Марьѣ Степановнѣ.

Итакъ, Хіонія Алексѣевна со свойственной ей развязностью влетѣла на половину Марьи Степановны, громко расцѣловала хмурившуюся Вѣрочку и, торопливо роняя слова, затараторила:

— Ахъ, топ анге, топ анге... Я такъ соскучилась о васъ! Вы себѣ представить не можете... Давно рвалась къ вамъ, да все проклятыя дѣла задерживали: о томъ позаботься, о другомъ, о третьемъ!.. Просто голова кругомъ... А гдѣ мамаша? Молится? Вѣрочка, что-же это вы такъ измѣнились? Ужъ не хвораете-ли, топ анге?..

— Мама въ моленной, я сейчасъ схожу за ней...

Вѣрочка не торопясь вышла изъ комнаты; болтовня и радость Хины неприятно поразили ее, и въ молодомъ сердцѣ сказалась щемящая нота. Чему она радуется? Неужели Хина успѣла уже разнюхать? Вѣрочка закусила губу, чтобы не заплакать отъ злости.

Дожидаяся Марьи Степановны въ ея гостиной, Хіонія Алексѣевна испытывала неподдѣльное волненіе,—какъ-то выйдеть къ ней Марья Степановна? А съ другой стороны, теперь она отнеслась съ совершенно новымъ чувствомъ къ той обстановкѣ, передъ которою еще недавно благоговѣла; Хина спокойно осматривалась кругомъ, точно была здѣсь въ первый разъ, и даже прикинула въ умѣ, сколько стоять, примѣрно, находившіяся въ этой гостиной вещи и вещицы. Собствен-

но мебель ничего не стоила; ну, ковры, картины, зеркала еще туда-сюда; а вот въ стеклянномъ шкафиѣ красовались японскій фарфоръ и китайскій сервизъ — это совсѣмъ другое дѣло, и у Хины потекли слюнки отъ одной мысли, что всѣ эти бездѣлушки можно будетъ пріобрѣсти за бездѣнокъ.

— Ахъ Марья Степановна... вскинулась всѣмъ своимъ щедушнымъ тѣломъ замечтавшаяся Хина, когда на порогѣ гостиной показалась высокая фигура самой хозяйки.

При видѣ улыбавшейся Хины, у Марьи Степановны точно что оборвалось въ груди. По блудливому выраженію глазъ своей гостыи она сразу угадала, что ихъ раззореніе уже извѣстно цѣлому городу и Хіонія Алексѣевна залетѣла въ ихъ домъ какъ первая ворона, почувшая еще теплую пададь. Вся кровь бросилась въ голову гордой старухи, и она готова была разрыдаться, но во-время успѣла собраться съ силами и протянула гостьѣ руку съ своей обыкновенной гордой улыбкой.

— Ахъ, извините меня, извините меня, Марья Степановна... распалась Хина, награждая хозяйку поцѣлуемъ.— Я все время была такъ завалена работой, такъ завалена... Вы меня поймете, потому что можете судить по собственнымъ дѣтямъ, чего они стоятъ родителямъ. Да! А тутъ еще Сергій Александрычъ... Но, вы, вѣроятно, уже слышали, Марья Степановна?

Марья Степановна отнеслась совершенно безучастно къ болтовнѣ Хины и на ея вопросъ только отрицательно покачала головой. Чтобы ничѣмъ не выдать себя, Марья Степановна потребовала самоваръ и послала Вѣрочку за вареньемъ.

— Я рѣшительно не знаю, что и дѣлать, — тараторила гостыя:—заперся въ своей комнатѣ, никого не принимаетъ...

— Кто заперся-то, Хіонія Алексѣевна?

— Да Сергій Александрычъ... Ахъ, Боже мой! Да неужели-же вы такъ ужъ ничего и не слышали?

— Отъ кого мнѣ слышать-то... Заперся, значить, дѣло какое-нибудь есть... Василий Назарычъ по недѣлямъ сидитъ безвыходно въ своемъ кабинетѣ. Что-же тутъ особеннаго?

Но Хіонія Алексѣевна не унялась и совершенно другимъ тономъ спросила:

— А какъ здоровье Nadine?

— Не совсѣмъ, кажется...

„Дѣло“ № 5, 1883 г. I.

— Скажите... Какъ жаль! Нынѣшніе молодые люди совсѣмъ и на молодыхъ людей не походятъ. Въ такіе-ли годы хворать?.. Когда мнѣ было шестнадцать лѣтъ... А все-таки, такое странное совпаденіе: Приваловъ не выходитъ изъ комнаты, занять или нездоровится... Nadine тоже...

Эту пилюлю Марья Степановна проглотила молча. Въ теченіи цѣлаго часа она точно сидѣла на угольяхъ, но не выдала себя, а даже успѣла нанести нѣсколько очень чувствительныхъ ударовъ самой Хинѣ, рассчитывавшей на слишкомъ легкую добычу.

— Какъ здоровье Василья Назарыча? невиннымъ тономъ освѣдомилась Хина, какъ опытный стратегъ, оставивъ самый сильный ударъ къ концу.—Въ городѣ ходятъ слухи, что его здоровье...

— Ему лучше. Вѣроятно, онъ скоро отправится на приски...

Невозмутимое спокойствіе Марьи Степановны обезкуражило Хину, и она одну минуту усомнилась уже, не врани-ли ей про раззореніе Бахаревыхъ; но доказательство было на лицо: прїѣздъ Шелехова что-нибудь да значить.

— Ахъ, я совсѣмъ заболталась съ вами, Марья Степановна, спохватилась Хина, допивая чашку.—Мнѣ еще нужно поспѣть сегодня въ десять мѣсть... До свиданія, дорогая Марья Степановна!..

Хина, въ сопровожденіи Вѣрочки, успѣла торопливо обѣжать нѣсколько комнатъ, подѣ благовиднымъ предлогомъ, что ошиблась выходомъ. Ее одолѣвала жажда взглянуть на тѣ вещи, которыя пойдутъ съ молотка.

— Ахъ, какая прелестная ваза! Какой милый коврикъ... шептала Хина, ощупывая вещи дрожавшими руками; она впередь смаковала свою добычу и успѣла прикинуть въ умѣ, какія вещи она возьметъ себѣ и какія уступить Агриппинѣ Филиппьевнѣ. Конечно, себѣ Хіонія Алексѣевна облюбовала самыя хорошія вещи, а своей прїятельницѣ великодушно предоставила все то, что было похуже.

VII.

Утромъ, когда Лука и Данилушка распивали чай, въ передней послышался нерѣшительный звонокъ.

— Кому-бы это быть? недоумѣвалъ Лука, направляясь къ дверямъ.

У подъѣзда стоялъ Приваловъ. Въ первую минуту Лука не узналъ его. Приваловъ былъ блѣденъ и смотрѣлъ какимъ-то необыкновенно-спокойнымъ взглядомъ.

— Марью Степановну можно видѣть? спрашивалъ онъ.

— Можно, Сергѣй Александрычъ... обнаковенно можно! Да штой-то изъ лица-то какъ вы измѣнились? Ужь не попритчилось-ли што, грѣшнымъ дѣломъ?

— Да, немножко попритчилось, съ улыбкой отвѣтилъ Приваловъ.—Прихворнулъ...

— Ахъ, ты, грѣхъ какой вышелъ... а?..

Когда Приваловъ повернулся, чтобы свѣять пальто, онъ лицомъ къ лицу встрѣтился съ Данилушкой. Калмыкъ смотрѣлъ на него пристальнымъ, насквозь пронизывавшимъ взглядомъ. Что-то знакомое мелькнуло Привалову въ этомъ желтомъ скуластомъ лицѣ, съ рѣдкой сѣдой бородой и узкими, маслянисто-черными глазами.

— Не бойсь, не признаете? проговорилъ Данилушка, улыбувшись.

— Это вы... Данила Семенычъ?..

— Какъ двѣ капли воды.

Они поздоровались.

— А я у васъ былъ, Сергѣй Александрычъ, заговорилъ своимъ хриплымъ голосомъ Данилушка.—Да меня не пустить вашъ халуй... Ужь я-бы ему задалъ, да говорить, баринъ боленъ.

— Да, я дѣйствительно былъ боленъ.

Эти неожиданная встрѣча не произвела впечатлѣнія на Привалова; онъ даже не спросилъ Данилушку, давно-ли онъ пріѣхалъ съ присковъ и зачѣмъ. Наружное спокойствіе Привалова прикрывало страшную внутреннюю борьбу. Когда онъ еще брался за ручку звонка, сердце въ груди вздрогнуло у него, какъ спугнутая птица. Данилушку онъ видѣлъ точно въ туманѣ, и теперь шелъ черезъ столовую по мягкой тропинкѣ съ какимъ-то тяжелымъ предчувствіемъ: онъ боялся услышать знакомый шорохъ платья, боялся звуковъ дорогого голоса и впередъ чувствовалъ на себѣ пристальный и спокойный взглядъ той, которая для него навсегда была потеряна. Весь бахаревскій домъ казался ему теперь могилой, въ которой было по-

коронено все самое дорогое для него, а вмѣстѣ съ нимъ и его собственное сердце...

Въ дверяхъ столовой онъ столкнулся съ Вѣрочкой. Дѣвушка не испугалась по обыкновенію и даже не покраснѣла, а посмотрѣла на Привалова такимъ взглядомъ, который отозвался въ его сердцѣ рѣзущей болью. Это былъ взглядъ врага, который не умѣлъ прощать, и Приваловъ съ тоской подумалъ: «За что она меня ненавидитъ?»

— Мама въ гостиной, холодно проговорила Вѣрочка, когда Приваловъ поравнялся съ ней.

— Мнѣ можно ее видѣть?

— Да...

Марья Степановна сидѣла въ креслѣ и сквозь круглыя очки въ старинной оправѣ читала «Кирилову книгу». Въ трудныя минуты жизни она прибѣгала къ излюбленнымъ раскольничьимъ книгамъ, въ которыхъ находила всегда и утѣшеніе, и подкрѣпленіе. Шаги Привалова заставили ее обернуться. Когда Приваловъ появился въ дверяхъ, она поднялась къ нему навстрѣчу, величавая и спокойная, какъ всегда. Они молча обмѣнялись взглядами.

— Здравствуй... протянула Марья Степановна:—Чего стоишь въ дверяхъ-то? Садись, такъ гость будешь...

Взглянувъ на Привалова прищуренными глазами, Марья Степановна прибавила:

— Изъ себя-то ты какъ перемѣнился...

— Былъ боленъ, Марья Степановна.

— Слышала стороной, что скудаешься здоровьемъ-то. Твоя-то Хина какъ-то забѣгала къ намъ и отлепоровала... Тоже вотъ Данилушка пошелъ было къ тебѣ въ гости, да, не солоно хлѣбавши, воротился. Больно строгаго камардина, говорить, удержишь... Приступу нѣтъ.

— Я сейчасъ видѣлъ Данилу Семеныча. Все такой-же, почти и не измѣнился совсѣмъ... Потолстѣлъ, кажется. А какъ здоровье Василя Назарыча?

— Ничего, поправляется. По зимѣ-то, видно, съ отцомъ на прѣски вмѣстѣ уйдутъ...

Въ воображеніи Привалова Марья Степановна представлялась убитой и потерявшей голову женщиной, въ дѣйствительности-же она явилась попрежнему спокойной и гордой. Только книга въ почернѣвшемъ кожаномъ переплетѣ съ мѣд-

ными застѣжками была новостью для Привалова, и онъ машинально разсматривалъ теперь тисненые узоры на обложкѣ этой книги, пока Марья Степановна, какъ ни въ чемъ не бывало, перебирала разные пустяки, точно они только вчера разстались и въ ихъ жизни ничего не произошло новаго. Но эта политика не обманула Привалова: онъ чутьемъ повялъ, что Марья Степановна именно передъ нимъ не хочетъ выказать своей слабости, потому что недовольна имъ и подозрѣвается въ чемъ-то. Что въ Вѣрочкѣ высказалось открыто и ясно, какъ день, то-же самое въ Марьѣ Степановнѣ ушло глубоко внутрь и прикрылось напускнымъ равнодушіемъ. Открытая неприязнь Вѣрочки была легче для Привалова, чѣмъ эта чисто раскольничья политика гордой старухи.

Марья Степановна именно того и ждала, чтобы Приваловъ открылся ей, какъ на духу. Тогда она все извинила-бы ему и все простила, но теперь другое дѣло: онъ, очевидно, что-то скрываетъ отъ нея, значить у него совѣсть не чиста.

Приваловъ плохо понималъ, что говорила съ нимъ Марья Степановна и съ чувствомъ подавленной тоски смотрѣлъ кругомъ. Давно-ли вся эта комната была для него дорогимъ уголкомъ, и онъ все любилъ въ ней, начиная съ обоевъ и кончая геранями и бѣлыми занавѣсками на окнахъ. Сердце его сжималось съ мучительной тоской. Въ чемъ еще эта послѣдняя ложь и неправда? Вѣдь онъ не можетъ объяснить всего Марьѣ Степановнѣ, тогда какъ она просто не хочетъ поговорить съ нимъ о томъ, зачѣмъ онъ пришелъ. Вѣдь она видитъ, какъ тяжело ему было придти къ нимъ въ домъ, и не понимаетъ, зачѣмъ онъ шелъ...

«Опять недоразумѣніе...», съ горечью думалъ Приваловъ, отвѣчая своей собесѣдницѣ что-то не впопадъ.

Этотъ разговоръ былъ прерванъ появленіемъ Надежды Васильевны.

— Мама, тебя на что-то нужно Павлѣ Ивановнѣ, проговорила дѣвушка, здороваясь съ Приваловымъ.

Старуха зорко наблюдала эту встрѣчу: Приваловъ поблѣднѣлъ и видимо смутился, а Надежда Васильевна держала себя какъ всегда. Это совсѣмъ сбило Марью Степановну съ толку: какъ будто между ними ничего не было и какъ будто было. Онъ-то смѣшался, а она, какъ ни въ чемъ не бывало...

«Охъ, не проведешь меня, Надежда Васильевна», — подумала

старуха, поднимаясь неохотно съ мѣста. — «Насквозь васъ вижу съ отцомъ-то; все мудрить-бы вамъ»...

Когда Марья Степановна вышла изъ комнаты, Приваловъ съ испугавшей его самого смѣлостью, проговорилъ:

— Мнѣ необходимо переговорить съ вами, Надежда Васильевна, объ одномъ дѣлѣ...

— Если я не ошибаюсь, васъ привели къ намъ тѣ слухи, которые ходятъ по городу о нашемъ раззореніи?

— Да.

— Мама вамъ ничего не говорила?

— Нѣтъ.

— Такъ я и знала... Она останется вѣрна себѣ до конца и никогда не выдастъ себя. Но вѣдь она не могла не видѣть, зачѣмъ вы пришли къ намъ? Тѣмъ болѣе, что ваша болѣзнь, кажется, совсѣмъ не позволяетъ выходить изъ дому...

— Собственно я не былъ боленъ... замаялся Приваловъ, чувствуя на себѣ пристальный взглядъ дѣвушки.—Но это все равно... Мнѣ хотѣлось-бы только знать, каково истинное положеніе дѣла Василія Назарыча. Обратиться къ нему прямо я не рѣшился...

— И хорошо сдѣлали, потому что, вѣроятно, узнали-бы не больше того, что уже слышали отъ мамы. Городскіе слухи о нашемъ раззореніи—правда... Въ подробностяхъ я не могу объяснить вамъ настоящаго положенія дѣла, да и самъ папа теперь едва-ли знаетъ все. Ясно только одно, что мы раззорены.

Спокойный тонъ, съ которымъ говорила Надежда Васильевна, удивилъ Привалова. Онъ теперь не думалъ о себѣ, о своемъ положеніи, его я отошло въ сторону; всѣми своими чувствами онъ видѣлъ ее, ту ее, какой она сидѣла съ нимъ... Невозмутимая и спокойная, съ яснымъ взглядомъ и задумчиво сложенными губами, она, кажется, никогда не была такъ хороша, какъ именно теперь. Это простенькое шерстяное платье, эта простая прическа, эти увѣренныя, открытыя движенія—все въ ней было чудно-хорошо, какъ одинъ стройный музыкальный аккордъ. Приваловъ еще никогда такъ не любилъ, какъ именно теперь... Эти сѣрые большіе глаза глядѣли къ нему прямо въ душу, гдѣ съ страшной силой поднялось то чувство, которое онъ хотѣлъ подавить въ себѣ.

— А что-бы вы сказали мнѣ, Надежда Васильевна, заго-

воридъ Приваловъ,—если-бы я предложилъ Василю Назарычу все, что могу предложить съ своей стороны?

— Но, вѣдь, вы знаете, что отецъ не согласится на это.

— Но нельзя-ли подготовить Василя Назарыча при помощи третьяго лица... то-есть убѣдить, чтобы онъ взялъ отъ меня то, на что онъ имѣетъ полное право?

Надежда Васильевна отрицательно покачала головой.

— Всѣ эти недоразумѣнія, конечно, должны пройти сами собой, послѣ короткой паузы сказала она.—Но пока остается только ждать... Отецъ такой странный... малодушествуетъ, падаетъ духомъ... Я никогда не видала его такимъ. Можетъ быть, это въ связи съ его болѣзнью, можетъ быть, отъ старости. Вѣдь ему не привыкать къ подобнымъ превращеніямъ, кажется...

— Я убѣжденъ, что стоитъ Василю Назарычу только самому отправиться на пріиски, и все дѣло поправится. За него стоитъ извѣстное имя, многолѣтняя репутація, твердый кредитъ.

Надежда Васильевна заговорила о Шелеховѣ, котораго не долюбивала. Она считала этого Шелехова главнымъ источникомъ многихъ печальныхъ недоразумѣній, но отецъ съ непонятнымъ упорствомъ держится за него. Настоящимъ раззореніемъ онъ, собственно, обязанъ ему, но все-таки не въ силахъ разстаться съ нимъ.

— А мама,—та чуть не молится на Данилушку. Она, кажется, глубоко убѣждена въ томъ, что всѣ удачи отца зависятъ единственно отъ счастливой звѣзды Данилушки.

Этотъ разговоръ былъ прерванъ появленіемъ Марьи Степановны, которая нѣсколько времени наблюдала разговаривавшихъ въ дверную щель. Ее несказанно удивлялъ этотъ дружескій характеръ разговора, хотя его содержаніе она и не могла слышать. «И не разберешь ихъ»... подумала она, махнувъ рукой, и въ ея душѣ опять затеплилась несбыточная мечта. «Чего не бываетъ на свѣтѣ»... думала старуха.

Поговоривъ съ Марьей Степановной, Приваловъ началъ прощаться.

— Опять пропадешь недѣли на три? смягченнымъ голосомъ спрашивала Марья Степановна.—Ужь твоя-то Хина не запираетъ-ли тебя на замокъ?..

— Нѣтъ, пока еще не случилось...

— Къ отцу-то теперь не ходи, у него сидитъ кто-то, предупредила Марья Степановна.—Онъ спрашивалъ про тебя...

— Я на дняхъ побываю.

— И лучше... Отецъ-то радъ будетъ тебѣ.

VIII.

Черезъ день Приваловъ опять былъ у Бахаревыхъ и долго сидѣлъ въ кабинетѣ Василя Назарыча. Этотъ визитъ кончился ничѣмъ. Старикъ все время проговорилъ о дѣлахъ по опеку надъ заводами и ни слова не сказалъ о своемъ положеніи. Приваловъ уѣхалъ, не заглянувъ на половину Марьи Степановны, что немного обидѣло гордую старуху.

Старикъ Бахаревъ за эти дни успѣлъ настолько освоиться со своимъ положеніемъ, что казался совсѣмъ спокойнымъ и обсуждалъ свои дѣла съ хладнокровіемъ совсѣмъ успокоившагося человѣка.

— Къ веснѣ непременно нужно добыть денегъ... говорилъ онъ, когда Надежда Васильевна сидѣла въ его кабинетѣ вечеромъ.

Дѣвушка ничего не отвѣтила на этотъ косвенный вопросъ и только проговорила:

— У тебя, папа, кажется, былъ Приваловъ?

— Да, былъ...

Василій Назарычъ пытливо посмотрѣлъ на дочь и улыбнулся.

— Ты думаешь, я стану у него просить денегъ? спросилъ онъ, понизивъ голосъ.

— Нѣтъ, зачѣмъ непременно просить... А если-бы Приваловъ самъ тебѣ предложилъ?

Старикъ на минуту задумался, а потомъ съ подавленнымъ вздохомъ проговорилъ:

— Нѣтъ, голубчикъ, намъ, старикамъ, видно, не сварить каши съ молодыми... Въ разныя стороны мы смотримъ, хоть и ѣдимъ одинъ хлѣбъ. Не возьму я у Привалова денегъ, если бы даже онъ и предложилъ мнѣ ихъ...

Нѣсколько минутъ въ кабинетѣ стояло напряженное молчаніе, одинаково тяжелое для обоихъ собесѣдниковъ.

— Видишь, Надя, какое дѣло выходитъ, заговорилъ старикъ:—не сидѣлъ-бы я да и не думалъ, какъ добыть деньги,

если-бы мое время не ушло. Старые друзья-пріятели кто разорился, кто на томъ свѣтѣ, а новыхъ трудно наживать. Прежде стоило рукой повести Василию Бахареву, и за капиталомъ дѣло-бы не стало, а теперь... Не знаю, вотъ что еще въ банкѣ скажутъ: можетъ и повѣрять. А если не повѣрять, тогда придется обратиться къ Ляховскому.

— Я не совѣтовала-бы, папа, тебѣ..

— Понимаю, Надя, все понимаю, голубчикъ. Да бываютъ такія положенія, когда не изъ чего выбирать. А у меня съ Ляховскимъ еще старые счета есть кое-какіе. Когда онъ пріѣхалъ на Ураль, голъ какъ соколъ, кто ему даль возможность выбиться на дорогу? Я не хочу приписывать все себѣ, но я ему помогъ въ самую трудную минуту...

— А если онъ откажетъ тебѣ?

— Нѣтъ, онъ не можетъ отказать, Надя... Онъ мнѣ слишкомъ много обязанъ.

Опять пауза и молчаніе.

На половинѣ «самой» съ перваго раза трудно было замѣтить настоящее положеніе дѣлъ, а человекъ неопытный даже и ничего особеннаго не увидѣлъ-бы. Здѣсь все было по старому, въ томъ строгомъ порядкѣ, какъ это ведется только въ богатыхъ раскольничьихъ домахъ. Марья Степановна была такъ-же величественно спокойна и ни на одну іоту не измѣнила своихъ привычекъ. Въ своемъ косоклинномъ сарафанѣ и сорокѣ она выглядѣла прежней боярыней и попрежнему справляла безконечную службу въ моленной, куда къ ней попрежнему сходились разные старцы въ длиннополыхъ кафтанахъ, подозрительныя старицы и разный другой людъ, цѣлую жизнь ютящійся около страннолюбивыхъ и нищекормливыхъ богатыхъ раскольничьихъ домовъ. Со стороны этотъ людъ могъ показаться тѣмъ сбродомъ, какой питается отъ крохъ, падающихъ со стола господъ, но старовѣрческія преданія придавали этимъ людямъ совсѣмъ особенный тонъ: они являлись тѣмъ-то въ родѣ хозяевъ въ бахаревскомъ домѣ, и сама Марья Степановна передъ каждымъ кануномъ отвѣшивала имъ земной поклонъ и покорнымъ тономъ говорила: «Отцы и братія, простите меня, многогрѣшную!» Надеждѣ Васильевнѣ всегда не нравилось это заказное смиреніе, которымъ прикрывались тѣ-же недостатки и пороки, какъ и у никоніанъ, хотя по наружному виду отъ этихъ выдохшихся обрядовъ вѣяло патри-

архальной простотой нравовъ. Теперь въ особенности поведеніе матери непріятно дѣйствовало на дѣвушку: зачѣмъ вся эта фальшь на каждомъ шагу, въ каждомъ движеніи, въ каждомъ взглядѣ?.. Прямая, честная натура Надежды Васильевны возмущалась этой жалкой комедіей, но выхода изъ этого положенія не предвидѣлось. Чуткая молодая совѣсть переживала цѣлый рядъ самыхъ тяжелыхъ испытаній.

Первая любовь, съ ея радостными тревогами и сладкими волненіями, открыла дѣвушкѣ многое, чего она раньше совсѣмъ не замѣчала. Дорогая тѣнь любимаго человѣка стояла за каждымъ фактомъ, за каждымъ малѣйшимъ проявленіемъ вседневной жизни и требовала строгаго отчета. Каждая фальшивая нотка поднимала въ глазахъ дѣвушки любимаго человѣка все выше и выше, потому что онъ служилъ для нея олицетвореніемъ правды. Одно лицо смотрѣло на нее постоянно, и она въ каждомъ дѣлѣ мысленно совѣтовалась съ нимъ. Собственное положеніе въ домѣ теперь ей обрисовалось особенно ясно, т. е., несмотря на болѣзненную привязанность къ ней отца, она все-таки была чужой подъ этой гостепріимной кровлей, можетъ быть болѣе чужой, чѣмъ всѣ эти старцы и старицы.

«Не даромъ Костя ушелъ изъ этого дома», не разъ думала дѣвушка въ своемъ одиночествѣ и даже завидовала брату, который, въ качествѣ мужчины, могъ обставить себя по собственному желанію, т. е. разомъ и безнаказанно стряхнуть съ себя всѣ обветшалыя преданія раскольничьяго дома.

Именно теперь, при тяжеломъ испытаніи, которое неожиданно захватило ихъ домъ, дѣвушка съ болѣзненной ясностью поняла всѣ тѣ тайныя пружины, которыя являлись въ его жизни главной дѣйствующей силой. Раньше она какъ-то индифферентно относилась къ этимъ двумъ половинамъ, но теперь ихъ смыслъ для нея выяснился вполне: Марья Степановна и не думала смиряться, чтобы по крайней мѣрѣ дойти до кабинета больного мужа, — напротивъ, она, кажется, никогда еще не блюла съ такой щепетильностью святую отчужденность своей половины, какъ именно теперь. Смыслъ такого поведенія былъ теперь ясенъ, какъ день: Марья Степановна умывала руки въ тѣхъ испытаніяхъ, которыя, по ея мнѣнію, Василій Назарычъ переживалъ за свои новшества, за измѣну гуляевскимъ старозавѣтнымъ идеаламъ. Между матерью

и дочерью не было сказано ни одного слова на эту тему, но это не мешало послѣдней чувствовать, что больной отецъ былъ предоставленъ на ея исключительное попеченіе. По этому поводу состоялось какъ-бы безмолвное соглашеніе, и Надежда Васильевна приняла его. Съ каждымъ днемъ разница между двумя половинами разрасталась и принимала рѣзкія формы.

Въ лицѣ матери, Досифеи и Вѣрочки безмолвно составился прочный союзъ, который, пользуясь обстоятельствами, крѣпчалъ съ каждымъ днемъ. Въ сдержанномъ выраженіи лицъ, въ увѣренныхъ взглядахъ Надежда Васильевна, какъ по книгѣ, читала совершавшуюся предъ ней тяжелую борьбу. Пространство, раздѣлявшее два лагеря, съ каждымъ днемъ дѣлалось все меньше и меньше, и Надежда Васильевна впередъ трепетала за тотъ часъ, когда все это обрушится на голову отца, который, конечно, предчувствовалъ многое и хватался слабѣющими руками за ея бесполезное участіе. Чѣмъ она могла помочь ему, кромѣ того жалкаго въ сврѣмъ безсилія вниманія, какое каждая дочь по обязанности оказываетъ отцу?.. Теперь это безсиліе сдѣлалось для нея большимъ мѣстомъ, и она завидовала послѣднему мужику, который умѣетъ по крайней мѣрѣ копать землю и рубить дрова. Положеніе богатой барышни дало почувствовать себя, и дѣвушка готова была плакать отъ сознанія, что она въ отцовскомъ домѣ является красивой и дорогой бездѣлушкой, — не больше.

А съ другой стороны, Надежда Васильевна все-таки любила мать и сестру. Можетъ быть, если-бы они не были богаты, не существовало-бы и этой розни, а въ домѣ царствовали тотъ миръ и тишина, какіе ютятся подъ самыми маленькими кровлями и весело выглядываютъ изъ крошечныхъ окошечекъ. Пріятнымъ исключеніемъ и нравственной поддержкой для Надежды Васильевны теперь было только общество Павли Ивановны, которая частенько появлялась въ бахаревскомъ домѣ и подолгу разговаривала съ Надеждой Васильевной о разныхъ разностяхъ.

— Ничего, голубушка, перемелется — мука будетъ, утѣшала старушка,ковыряя свою безконечную работу. — Какъ быть-то... Своеобычлива у васъ маменька-то, ну, да это ничего, душа-то у ней добрая.

IX.

Хіонія Алексѣевна уже начала испытывать на своей особѣ живительное вліяніе приваловскихъ миллионѡвъ. Когда она сидѣла въ гостиной Агриппины Филиппевны и въ сотый разъ перебирала все, что успѣла узнать и придумать относительно Бахаревыхъ, Данилушки и Привалова, пріѣхала Антонида Ивановна. Нужно замѣтить, что и раньше отношенія между этими дамами, то-есть Хіоніей Алексѣевной и Антонидой Ивановной, были очень дружелюбны, хотя и не подавали никакого повода къ особенной нѣжности. Но на этотъ разъ Антонида Ивановна отнеслась къ Хіоніи Алексѣевнѣ съ особеннымъ вниманіемъ. Конечно, Хіонія Алексѣевна настолько чувствовала себя опытной въ дѣлахъ подобнаго рода, что не только не поддавалась и не растаяла отъ любезныхъ улыбокъ, а даже подумала про себя самымъ ядовитымъ образомъ: «Знаю, знаю, магушка... Это тебя гордецъ подослалъ!» Разговоръ сейчасъ же завязался о раззореніи Бахаревыхъ, о Приваловѣ, и Хіоніи Алексѣевнѣ представился самый удобный случай прикинуться совершенно равнодушной къ своему жилищу, что она и не преминула выполнить съ замѣчательнымъ искусствомъ.

— Я слышала, что Приваловъ нынче почти совсѣмъ не бываетъ у Бахаревыхъ, проговорила Антонида Ивановна, тоже стараясь попасть въ тонъ равнодушія.—Вѣроятно, дѣла по опеку отнимаютъ у него все свободное время. Мой Александръ цѣлыя ночи просиживаетъ за какими-то бумагами.

— Ахъ, я право совсѣмъ не интересуюсь этимъ Приваловымъ, отозвалась Хіонія Алексѣевна.—Не рада, что согласилась тогда взять его къ себѣ на квартиру. Все эта Марья Степановна... Сами знаете, какой у меня характеръ: никакъ не могу отказать, когда меня о чемъ-нибудь просятъ...

— Приваловъ, говорятъ, былъ очень заинтересованъ Nadine Бахаревой?..

— И вы вѣрите этому, Антонида Ивановна?! Nadine Бахарева!.. Что такое Nadine Бахарева?

Агриппина Филиппевна молча слушала этотъ разговоръ, но потомъ, ни съ того ни съ сего, замѣтила:

— А я такъ думаю, Хіонія Алексѣевна, что этотъ вашъ Приваловъ выѣденнаго яйца не стоитъ... Поживетъ здѣсь, получитъ наслѣдство и преспокойнѣйшимъ образомъ уѣдетъ, какъ

пріѣхалъ сюда. Очень ужъ много говорятъ о немъ,—надоѣло слушать...

Хіонія Алексѣевна обидѣлась. Она никакъ не ожидала именно такого дѣйствія своей тактики... Когда она пріѣхала домой, въ душѣ у ней щемило непріятное чувство, отъ котораго она никакъ не могла освободиться. А дѣло, кажется, было ясно, какъ день: несмотря на самую святую дружбу, несмотря на пансіонскія воспоминанія и также на то, что въ минуту жизни трудную Агриппина Филиппьевна перехватывала у Хіоніи Алексѣевны сотню-другую рублей, — несмотря на все это, Агриппина Филиппьевна держала Хіонію Алексѣевну въ извѣстной зависимости, хотя эта зависимость и выражалась въ самой мягкой, дружеской формѣ. Но теперь другое дѣло: Хіонія Алексѣевна, по мнѣнію Агриппины Филиппьевны, готова была вообразить о себѣ Богъ знаетъ что. Почтенная дама не могла вынести даже одной мысли, что эта Хина кажется мечтаетъ устраивать у себя такія-же *soirées*, какъ она, Агриппина Филиппьевна. И вообще, еще одинъ маленькій шагъ, и Хина, пожалуй, совсѣмъ задеретъ носъ и въ состояніи даже забыться...

«А чортъ съ нимъ, съ этимъ Приваловымъ въ самомъ-то дѣлѣ, раздумывала наединѣ Заплатина, подъ вліяніемъ только-что полученной непріятности отъ своей пансіонской подруги.—Пожалуй, съ нимъ только даромъ время проведешь, а каши не сварить»...

А Приваловъ въ это время, по мнѣнію Хіоніи Алексѣевны, лишился послѣднихъ признаковъ человѣческой мысли, доказательствомъ чему, во-первыхъ, служило то, что онъ свелъ самое компрометирующее знакомство съ какимъ-то прасоломъ Нагибинимъ, настоящимъ прасоломъ, который сидѣлъ въ мучной лавкѣ и съ хлыстомъ бѣгалъ за голубями. Мало этого,—Приваловъ привезъ его къ себѣ въ квартиру, пилъ съ нимъ чай, и такія *tête-à-tête* тянулись битыхъ двѣ недѣли. Наконецъ, въ одно прекрасное утро, когда только-что установился первый санный путь, къ домику Хіоніи Алексѣевны подѣхала почтовая повозка, заложная парой (обратите особенное вниманіе: парой); Приваловъ и Нагибинъ вышли на подѣздъ, одѣтые по дорожному... Но предоставимъ самой Хіоніи Алексѣевнѣ рассказать то, что послѣдовало дальше:

— Нѣтъ, вы представьте себѣ, Агриппина Филиппьевна,

такую картину... Я нарочно подбѣжала къ окну и замерла, да совсѣмъ замерла!.. Смотрю: Ипать выносить маленькій чемоданчикъ, кладетъ этотъ чемоданчикъ въ повозку... а я жду, чувствую, что готова упасть въ обморокъ... Приваловъ садится въ повозку и *садитъ рядомъ съ собой этого прасола Нагибина!* Вѣдь онъ проѣхалъ по всему городу съ этимъ Нагибинымъ, проѣхалъ среди бѣлаго дня, всѣ его навѣрно видѣли?! И это миллионеръ Приваловъ... Ха! ха! ха!.. Только въ этотъ моментъ мнѣ сдѣлалось ясно, какую жертву я принесла для этой старой ханжи Марьи Степановны... Вы знаете мой характеръ, Агриппина Филиппьевна... Да... И вотъ къ чему повели всѣ мои хлопоты, всѣ мои заботы, тревоги, волненія...

Въ первый разъ Приваловъ проѣздивъ дней десять и вернулся одинъ, безъ Нагибина, что немного успокоило Хіонію Алексѣевну. Но увъ! Приваловъ прожилъ въ Узлѣ всего недѣлю, а потомъ явился опять Нагибинъ, и они опять уѣхали въ одной повозкѣ. Матрешка донесла своей госпожѣ, что Приваловъ строить мельницу въ деревнѣ Гарчики, въ двадцати верстахъ отъ Лалетинскихъ водъ. Заплата приняла это извѣстіе такъ безучастно, какъ будто Матрешка рассказывала ей о какой-нибудь полярной экспедиціи. Какіе Гарчики? Что это за глупое названіе?.. Хіонія Алексѣевна окончательно махнула рукой на своего жильца и, конечно, сейчасъ-же отправилась отвести душу къ своему единственному, старому, вѣрному другу.

Хіонія Алексѣевна чувствовала себя въ положеніи чловѣка, изувѣченнаго поѣздомъ; всѣ ея планы рушились, надежды растаяли, оставивъ въ душѣ мучительную пустоту. И въ этотъ-то критическій моментъ, когда Заплата сидѣла на развалинахъ своихъ блестящихъ плановъ, вдругъ къ подъѣзду подкатываются американскія сани съ медвѣжьей полостью и изъ саней выходитъ... Антонина Ивановна Половодова... Та самая Половодова, которая въ теченіи долгихъ лѣтъ была только обидно вѣжлива съ Хіоніей Алексѣевной, та Половодова, которая не заплатила ей визита.

— А я къ вамъ, милая Хіонія Алексѣевна, весело говорила Половодова, раздвѣаясь въ передней, при помощи Виктора Николаевича.—Я слышала отъ тащан, что вы совсѣмъ здоровы, и пріѣхала навѣстить васъ... Не беспокойтесь, пожалуйста, Викторъ Николаевичъ!.. Благодарю васъ..

Хіонія Алексѣевна готова была даже заплакать отъ волненія и благодарности. Половодова была одѣта, какъ всегда, богато и съ тѣмъ вкусомъ, какой унаслѣдовала отъ своей тещи. Сама Антонида Ивановна разгорѣлась на морозѣ румянцемъ во всю щеку и была такъ заразительно свѣжа сегодня, точно разливала кругомъ себя молодость и здоровье. Съ этой женщиной ворвалась въ гостиную Хіонія Алексѣевны первая слабая надежда, и ея сердце задрожало при мысли, что, можетъ быть, еще не все пропало, не все кончено... Голубь, принесшій старому Ною въ его ковчегъ масличную вѣтвь, вѣроятно не такъ обрадовалъ этого старика, какъ обрадовалъ Хіонію Алексѣевну визитъ Половодовой.

— Вы слышали, Хіонія Алексѣевна, говорила Половодова съ дѣловымъ серьезнымъ лицомъ:—на святкахъ у Лиховскихъ балъ...

— Да, да... Вѣдь у нихъ каждыя святки бываетъ балъ.

— Совершенно вѣрно, но это будетъ что-то особенное... Уже идутъ приготовления, хотя до Рождества остается цѣлыхъ два мѣсяца.

— Скажите!..

— Мнѣ кажется, что нѣтъ-ли здѣсь какой-нибудь особенной причины... Александръ мнѣ говорилъ, что Зося произвела на Привалова сильное впечатлѣніе...

— Этотъ Приваловъ сумасшедшій, Антонида Ивановна... это безумецъ... это...

Хіонія Алексѣевна не могла себя сдержать и высказала все, что у ней накопило на душѣ. Половодова выслушала ее съ снисходительной улыбкой и ничего не отвѣтила.

— Отчего вы никогда не заглянете ко мнѣ? ласково корила Половодова Хіонію Алексѣевну, застегивая шведскую перчатку.—Ахъ, какъ у васъ мило отдѣланъ домикъ... я люблю эту милую простоту. Кстати, Хіонія Алексѣевна, когда-же я наконецъ увижу васъ у себя? Александръ утро проводитъ въ банкѣ... Вы, кажется, съ нимъ не сходитесь характерами?.. Но это пустяки, онъ только кажется гордымъ человѣкомъ...

Когда, проходя по передней въ своей шубкѣ изъ чернобурныхъ лисицъ, Половодова вопросительно посмотрѣла на дверь въ комнаты Привалова, Хіонія Алексѣевна обязательно сейчасъ-же распахнула эту дверь и предложила гостѣ посмотреть помѣщеніе ея жилья.

— Это у него гостиная, тамъ кабинетъ... Да войдите, Антонида Ивановна...

Половодова, заглянувъ въ дверь, нѣсколько мгновеній колебалась—переступить ей порогъ этой двери или нѣтъ, но выдержка взяла верхъ надъ любопытствомъ, и Антонида Ивановна, на предложеніе любезной хозяйки, только покачала отрицательно своей красивой головой.

Х.

Приваловъ дѣйствительно въ это время успѣлъ познакомиться съ прасоломъ Нагибинымъ, котораго ему рекомендовалъ Василій Назарычъ. Съ нимъ Приваловъ по первопутку исколесилъ почти все Зауралье, пока не остановился на деревнѣ Гарчикахъ, гдѣ арендовалъ мѣсто подъ мельницу, и сейчасъ-же приступилъ къ ея постройкѣ, т. е. сначала принялся за подготовку необходимыхъ матеріаловъ, наемъ рабочихъ и т. д. Время незамѣтно катилось въ этой суетѣ, точно Приваловъ хотѣлъ себя вознаграждать самой усиленной работой за полгода бездѣйствія.

Въ Узлѣ Приваловъ появлялся только навремя, отчасти по дѣламъ опеки, отчасти для своей мельницы. Nicolas Веревкинъ, конечно, ничего не выхлопоталъ и все сидѣлъ съ своей нитью, на которую намекалъ Привалову еще въ первый визитъ. Впрочемъ, Приваловъ и не ожидалъ отъ дѣятельности своего адвоката, какихъ-нибудь необыкновенныхъ результатовъ, а кажется предоставилъ все дѣло его естественному теченію.

— Что-нибудь да выйдетъ, говорилъ Приваловъ своему повѣренному.

— Вотъ ужъ этого я не понимаю, Сергѣй Александрычъ... Отправьте меня въ Петербургъ съ извѣстными полномочіями, и я мигомъ оборудую все дѣло.

— Нѣтъ, Николай Ивановичъ, изъ такой поѣздки ровно ничего не выйдетъ... Повѣрьте мнѣ. Я сколько лѣтъ совершенно напрасно прожилъ въ Петербургѣ и теперь только могу пожалѣть и себя, и даромъ потраченное время. Лучше будемте сидѣть здѣсь и ждать погоды...

«Эхъ, развѣ такъ дѣла дѣлаются», съ тоской думалъ Nicolas, насасывая сигару. — «Да дай-ка мнѣ полсотни тысячъ, да я всѣхъ опекуновъ въ одинъ узелъ завязалъ-бы... А вотъ

испольте створить съ субъектомъ, у котораго въ головѣ за-
сѣла мельница! Это настоящая болѣзнь, чортъ возьми»...

Nicolas нѣсколько разъ окольными путями, самымъ остро-
жнымъ образомъ, пытался навести Привалова на мысль, что
цѣль оправдываетъ средства и что стоитъ только сразиться
съ противниками ихъ-же собственнымъ оружіемъ—успѣхъ бу-
детъ несомнѣнный. Но Приваловъ не хотѣлъ понимать этихъ
тонкихъ внушеній и нѣсколько разъ къ слову говорилъ, что
предпочитаетъ лучше совсѣмъ лишиться всякаго наслѣдства,
чѣмъ, когда-нибудь стать на одну доску съ своими опекунами.
Такое категорическое рѣшеніе сильно обезкураживало Верев-
кина, хотя онъ и не терялъ надежды когда-нибудь «взвесе-
лить» опекуновъ.

Когда все самое необходимое по постройкѣ мельницы было
сдѣлано, Приваловъ отправился въ Шатровскій заводъ.

Въ свѣтлый ноябрьскій день подѣвжалъ Приваловъ къ за-
вѣтному приваловскому гнѣзду, и у него задрожало сердце въ
груди, когда эниажъ быстро началъ подниматься на послед-
нюю возвышенность, съ которой открывался видъ на весь за-
водъ. Это была широкая горная панорама съ узкимъ и глу-
бокимъ озеромъ въ срединѣ. Въ дальнемъ концѣ этого озера
зелѣла группа лѣсистыхъ островковъ, а ближе, на высту-
пившемъ крутомъ мыскѣ, весело рассыпались сотни бревенча-
тыхъ избъ и ярко бѣлѣла каменная заводская церковь. Ши-
рокая плотина замыкала озеро и связывала мысъ съ лѣистой
крутой горкой, у самаго подножія которой рѣзко выдѣлялся
своей старинной архитектурой господскій старый домъ съ по-
чернѣвшей, высокой желѣзной крышей и узкими окнами. Из-
дали этотъ домъ походилъ на цитадель, а его окна казались
крѣпостными амбразами.

Сейчасъ за плотиной громадными желѣзными коробками
стояли три доменныхъ печи, выметывавшія вмѣстѣ съ клубами
дыма широкіе огненные языки; изъ-за нихъ поднималось нѣ-
сколько дымившихся высокихъ желѣзныхъ трубъ. На заднемъ
планѣ смѣшались въ сплошную кучу корпуса разныхъ фаб-
рикъ, магазины и еще какія-то зданія безъ оконъ и трубъ.
Рѣка Шатровка, повернувъ множество колесъ и шестеренъ,
шла дальше широкимъ плавнымъ разливомъ. По обѣимъ ея
берегамъ плотно рассажались дома заводскихъ служащихъ и
мастеровыхъ.

Прокатившись по заводской плотинѣ, экипажъ Привалова остановился у подъѣзда господскаго дома, который вблизи смотрѣлъ еще мрачнѣе и суровѣе, чѣмъ издали. Каменные ворота были такой-же крѣпостной архитектуры, какъ и самый домъ: кирпичныя толстыя веревы съ пробитыми въ нихъ крошечными калитками, толстая желѣзная рѣпотка наверху съ острыми гвоздями, полотнища воротъ чуть не изъ котельнаго желѣза, — словомъ, это была самая почтенная древность, какую можно еще встрѣтить только въ старинныхъ монастыряхъ да въ заштатныхъ крѣпостяхъ. Не доставало рва съ водой и подъемнаго моста, какъ въ рыцарскихъ замкахъ.

Изъ новенькаго подъѣзда, пробитаго прямо въ толстой наружной стѣнѣ, показались два черныхъ сеттера. Вилля пушистыми хвостами и погромыхивая мѣдными ошейниками, они обнюхивали Привалова самымъ дружелюбнымъ образомъ, пока онъ вылѣзалъ изъ экипажа, а затѣмъ ощупью пробирались по темной, узкой передней.

— Константинъ Васильевичъ дома? спрашивалъ Приваловъ, когда въ дверяхъ показалась дѣвушка въ накрахмаленномъ бѣломъ передникѣ.

— Нѣтъ, они на заводѣ... бойко отвѣтила дѣвушка и сейчасъ-же принялась тащить съ гостя тяжелую оленью доху. — А какъ о васъ доложить прикажете?

— Приваловъ...

Горничная выпустила изъ рукъ рукавъ дохи, нѣсколько мгновений посмотрѣла на Привалова такими глазами, точно онъ вернулся съ того свѣта, и неожиданно скрылась.

Въ это время къ подъѣзду неторопливо подходилъ господинъ средняго роста, коренастый и плотный, въ дубленомъ романовскомъ пудушубкѣ и черной мерлушковой шапкѣ. Онъ вошелъ въ переднюю и неторопливо началъ раздѣваться, не замѣчая гостя.

— Костя...

— А... это ты, не торопливо проговорилъ Бахаревъ такимъ тономъ, точно вчера разстался съ Приваловымъ. — Наконецъ-то надумался, а я ужъ и ждать тебя пересталъ... Ну, здравствуй!..

Друзья дѣтства пожали другъ другу руки и, послѣ нѣкотораго колебанія, даже расцѣловались по русскому обычаю изъ щеки въ щеку. Приваловъ съ особеннымъ удовольствіемъ

опиравалъ теперь воронистую, немного сутуловатую фигуру Кости, его суконную рыжую поддевку, черные шаровары, заправленные въ сапоги, и это широкое русское лицо съ окладистой русой бородой и прищуренными глазами. Костя остался прежнимъ Костей, начиная отъ остриженныхъ подъ гребенку волосъ и кончая своей рыжей поддевкой. Бываютъ такіе люди, у которыхъ какъ-то все устроено такъ, что то, что мы называемъ красотой, здѣсь оказывается совершенно излишнимъ. Константинъ Бахаревъ именно былъ такимъ человекомъ.

Черезъ длинную гостиную съ низкимъ потолкомъ и узкими окнами они прошли въ кабинетъ Бахарева, квадратную угловую комнату, выходившую стеклянной дверью въ столовую, гдѣ теперь мелькалъ бѣлый передникъ горничной. Обстановка кабинета была самая дѣловая: рабочій громадный столъ занималъ средину комнаты, у окна помѣщался верстакъ, въ углу—токарный станокъ, нѣсколько шкаповъ занимали внутреннюю стѣну. Между печью и окномъ стоялъ глубокой старинный диванъ, обтянутый шагренью, — онъ служилъ хозяину кроватью. На письменномъ столѣ, кромѣ бумагъ и конторскихъ книгъ, кучей лежали свернутые трубочкой планы и чертежи, части деревянной модели, образчики желѣзныхъ рудъ, пробы чугуна и желѣза и еще множество другихъ предметовъ, имѣвшихъ спеціально заводское значеніе. Все это — и столъ, и верстакъ, и окна, и полъ — все было обильно посыпано пепломъ отъ сигаръ, и вездѣ валялись окурки папирсъ.

— А вѣдь я разсорился съ старикомъ... нервѣнительно проговорилъ Приваловъ, чтобы чѣмъ-нибудь прервать наступившее неловкое молчаніе.

— Слышалъ... коротко отвѣтилъ Бахаревъ, шагая по кабинету своимъ развалистымъ шагомъ.—Надя писала...

— А слышалъ, что дѣла у старика плохи?

— Да... Ничего, поправится, прибавилъ онъ, точно для успокоенія Привалова.

— Поправится-то, конечно, поправится, да теперь ему туго приходится...

Они заговорили о дѣлахъ Василя Назарыча, причемъ Приваловъ рассказалъ о неожиданномъ прїѣздѣ въ Узель Шелехова.

— Ну, значить, дѣла очень плохи, если Данилушка прилетѣлъ съ примсковь, замѣтилъ Бахаревъ съ неопредѣленной улыбкой.

Бахаревъ очистилъ на письменномъ столѣ одинъ уголь, куда горничная и поставила кипѣвшій самоваръ. За чаемъ Бахаревъ заговорилъ объ опекахъ и опекунахъ. Приваловъ въ короткихъ словахъ рассказалъ, что вынесъ изъ своихъ визитовъ къ Ляховскому и Половодову, а затѣмъ сказалъ, что строить мельницу.

— Слышалъ... Что-же, въ добрый часъ... Кажется, Надя что-то такое писала о какой-то мельницѣ, старался припомнить Бахаревъ, наливая стаканы.

Съ первыхъ-же словъ между друзьями дѣтства пробѣжала черная кошка. Приваловъ хорошо зналъ этотъ сдержанный, холодный тонъ, какимъ умѣлъ говорить Костя Бахаревъ. Не оставалось никакого сомнѣнія, что Бахаревъ былъ противъ плановъ Привалова.

— Я не понимаю одного, заговорилъ Бахаревъ послѣ долгой паузы: — для чего ты продолжаешь эти хлопоты по опекамъ?

— Какъ для чего?

— Да такъ... Вѣдь все равно ты бросилъ заводы, значить они ничего не проиграютъ, если перейдутъ въ другія руки, которыя съумѣютъ взяться за дѣло лучше нашего.

— Нѣтъ, не все равно, Костя. Говоря правду, я не для себя хлопочу...

— И это знаю... Тѣмъ хуже для заводовъ. Подобныя филантропическія затѣи никогда и ни къ чему не вели.

— Да вѣдь ты даже хорошенъко не знаешь моихъ филантропическихъ затѣй..

— И не желаю знать... Совершенно довольно съ меня того, что ты бросилъ заводы.

— Въ томъ-то и дѣло, что я даже не имѣю права ихъ бросить.

— Опять глупое слово... Извини за рѣзкое выраженіе. По моему, въ такомъ дѣлѣ и выбора никакого не можетъ быть, а ты... Нѣтъ, у меня рѣшительно не такъ устроена голова, чтобы понимать эту погоню за двумя зайцами.

— Пожалуйста, оставимъ этотъ разговоръ до другого раза.

— Согласенъ, тѣмъ болѣе, что я тебѣ, кажется, все сразу высказалъ.

Константинъ Бахаревъ былъ фанатикъ заводскаго дѣла, какъ Василій Бахаревъ былъ фанатикомъ золотопромышленности. Это были двѣ природы одного закала, почему, вѣроятно, онѣ и не могли понять другъ друга. Костя не зналъ и ничего не хотѣлъ знать, кромѣ своихъ заводовъ, тогда какъ Приваловъ постоянно переживалъ всѣ муки неустоявшейся мысли, искавшей выхода и не находившей къ чему прилѣпиться.

Друзья поговорили о разныхъ пустякахъ и почувствовали то неловкое положеніе, когда два совершенно чужихъ человѣка должны занимать другъ друга. Разговоръ не клеился.

— Не желаешь-ли сходить на заводъ? предложилъ Бахаревъ, когда чай былъ конченъ.

— Пожалуй...

Отъ господскаго дома до завода было рукой подать, — стояло только пройти небольшую площадь, на которой ютилось до десятка деревянныхъ лавокъ. Въ заводскомъ дѣлѣ Приваловъ ничего не понималъ и бродилъ по заводу изъ корпуса въ корпусъ только изъ вѣжливости, чтобы не обидѣть Костю. Да и что было во всемъ этомъ интереснаго: темныя зданія, гдѣ дуетъ изъ каждаго угла, были наполнены мастеровыми съ запекшимися изнуренными лицами; гдѣ-то шумѣла вода, съ подавленнымъ грохотомъ вертѣлись десятки чугунныхъ колесъ, шестеренъ и валовъ, ослѣпительно-ярко свѣтились горна пудлинговыхъ, сварочныхъ, отражательныхъ и еще какихъ-то мудреныхъ печей. Бездѣ мелко раскалиенное желѣзо и черными клубами вырывался дымъ изъ громадныхъ трубъ. Бахаревъ оживился и давалъ самыя подробныя объясненія новой, только-что поставленной катальной машины, у которой стальные валы были заточены самымъ обыкновеннымъ образомъ. Чтобы доставить удовольствіе Привалову, на новой машинѣ было прокатано нѣсколько полосъ сортоваго желѣза. Приваловъ видѣлъ, какъ постепенно черновая болванка, имѣвшая форму длиннаго кирпича, проходила черезъ рядъ валовъ, пока не превратилась въ длинную тонкую полосу, которая гнулась подъ собственной тяжестью и рассыпала кругомъ тысячи блестящихъ искръ.

— А вотъ я тебѣ покажу водяное колесо, предлагалъ Бахаревъ, предлагая пройти въ новую деревянную постройку.

Осмотрѣли колесо, которое вертѣлось съ подавленнымъ шумомъ, заставляя вздрагивать всю фабрику. Приваловъ пощупалъ рукой мѣдную подушку, на которой вращалась ось колеса—подушка была облита ворванью. Бахаревъ засмѣялся. Плотинный и уставщикъ, коренастые старики съ плутоватыми физиономіями, переглянулись.

Такимъ-же образомъ были осмотрѣны печи Сименса Мартена, потомъ вагранка. Поднялись на доменные печи, гдѣ съ шипѣньемъ и трескомъ пылало цѣлое море огня и снопомъ летѣли кверху крупныя искры. Тѣ-же обожженные лица, кожанные фартуки, мягкіе пряденики на ногахъ. Приваловъ чувствовалъ себя въ этомъ царствѣ огня и желѣза совершенно чужимъ, лишнимъ человѣкомъ и молча осматривалъ все, что ему показывали. Онъ стѣснялся задавать вопросы, чтобы не обнаружить передъ рабочими своего полного невѣдѣнія по части заводскаго дѣла. Между тѣмъ, по фабрикамъ уже пронеслась молва, что пріѣхалъ самъ баринъ и осматриваетъ съ управляющимъ всякое дѣйствіе. Образовались кучки любопытныхъ, изъ всѣхъ щелей и дыръ блестѣли любопытствомъ чьи-то глаза. Служить центромъ вниманія этихъ сотенъ людей Приваловъ совсѣмъ не желалъ и предложилъ Бахареву вернуться домой, ссылаясь на голодъ.

— Дѣйствительно, соловья баснями не кормятъ, согласился Бахаревъ.—Я и забылъ, что ты съ дороги, и моя прямая обязанность прежде всего накормить тебя...

Приваловъ вздохнулъ свободнѣе, когда выбрался подъ открытое небо изъ этого царства гномовъ, гдѣ даже самый снѣгъ былъ покрытъ сажей и пылью, и все кругомъ точно дышало огнемъ и дымомъ.

XI.

Все время обѣда и вплоть до самаго вечера прошло какъ-то между рукъ, въ разныхъ отрывочныхъ разговорахъ, которыми друзья дѣтства напрасно старались наполнить образовавшуюся за время ихъ разлуки пустоту.

Передъ тѣмъ, какъ идти спать, Привалову пришлось терпѣливо выслушать очень много самыхъ интересныхъ вещей

относительно заводскаго дѣла. Отдѣлаться отъ Бахарева, когда онъ хотѣлъ говорить, было не такъ-то легко, и Приваловъ рѣшился выслушать все до конца, чтобы этимъ гарантировать себя на будущее время. Какъ всѣ увлеченные своей идеей люди, Бахаревъ не хотѣлъ замѣчать коварнаго поведенія своего друга и, потягивая портеръ, нетерпѣливо выгружалъ обильный запасъ всевозможныхъ проектовъ, нововведеній и реформъ по заводамъ. Тутъ было достаточно всего: и узкоколейныя желѣзныя дороги, которыми современемъ будетъ изрѣзанъ весь округъ шатровскихъ заводовъ, и устройство бессемеровскаго способа производства стали, и переходъ заводовъ съ древеснаго топлива на минеральное, и горячее дутье въ видахъ «улавливанія газовъ и утилизаціи теряющагося жара» при нынѣшнихъ системахъ заводскихъ печей, и т. д. Приваловъ старался внимательно вслушаться въ нѣкоторые проекты, но не могъ, и только замѣчалъ, какъ лицо Кости дѣлалось все краснѣе и краснѣе, а глаза замѣтно суживались.

Друзья дѣтства для перваго раза разошлись по своимъ комнатамъ довольно холодно. Привалову была отведена угловая комната, выходившая двумя окнами въ садъ. Она играла роль и кабинета, и спальни. Между окнами стоялъ небольшой письменный столъ, у внутренней стѣны простенькая желѣзная кровать подъ бѣлымъ чехломъ, ночной столикъ, этажерка съ книгами въ углу, на окнахъ цвѣты,—вообще вся обстановка смахивала на монастырскую келью и понравилась Привалову своей простотой. На письменномъ столѣ лежала записная книжка въ шагреновомъ переплетѣ, стояли двѣ вазочки для букетовъ и валялась какая-то женская работа съ воткнутой иглой.

— Это Надя что-то работала... проговорилъ Бахаревъ, взглянувъ на письменный столъ.—Когда она прїѣзжаетъ сюда, всегда занимаетъ эту комнату, потому что она выходитъ окнами въ садъ. Тебѣ, можетъ быть, не нравится здѣсь? Можно, пожалуй, перейти въ парадную половину, только тамъ мерзость запусьтвія.

— Нѣтъ, мнѣ здѣсь будетъ отлично.

Бахаревъ ушелъ, а Приваловъ раздѣлся и поскорѣе легъ въ постель. Онъ долго лежалъ съ открытыми глазами, и въ головѣ его съ мучительной тоской билась одна мысль: вотъ здѣсь, въ этой комнатѣ, жила она... Да, она здѣсь работала, она

здѣсь думала, она здѣсь смѣялась... Вотъ это окно отворили ея руки, она поливала эти цвѣты по утрамъ.. Даже эти крѣпостныя стѣны въ глазахъ Привалова получили совершенно другое значеніе, точно онѣ были согрѣты присутствіемъ той Нади, о которой болѣло его сердце. Нада, Нада... ты чистая, ты хорошая, ты, можетъ быть, вотъ въ этой самой комнатѣ переживала окрыляющее чувство первой любви и, глядя въ окно или поливая цвѣты, думала о немъ, о Лоскутовѣ. Здѣсь перечитывались его письма, здѣсь припоминались счастливыя мгновенія дорогихъ встрѣчъ, здѣсь складывались золотые сны, здѣсь переживались счастливыя минуты перваго пробужденія молодого чувства... Здѣсь она называла его ласковыми именами, здѣсь она улыбалась ему во снѣ и, протягивая руки, шептала слова любви. Чудныя грезы и безконечная поэзія, которыя идутъ рука объ руку съ муками сердца и міриадами страданій...

Онъ старался забыть ее, старался не думать о ней, а между тѣмъ чувствовалъ, что съ каждымъ днемъ любить ее все больше и больше, любить съ безумнымъ отчаяніемъ.

Наслѣдникъ приваловскихъ милліоновъ заснулъ въ прадѣдовскомъ гнѣздѣ тяжелымъ и тревожнымъ сномъ. Ему грезились тѣни его предковъ, которыя вереницей наполняли этотъ старый домъ и съ удивленіемъ смотрѣли на свою послѣднюю отрасль. Приваловъ видѣлъ этихъ людей и боялся ихъ. Приваловъ глухо застоналъ во снѣ, и его губы шептали: — «Мнѣ ничего не нужно вашего... рѣшительно ничего. Меня давятъ ваши милліоны...»

Мы уже сказали, что Приваловскій домъ и по внѣшнему своему виду, и по плану построекъ походилъ на цитадель — онъ и былъ крѣпостью. Чтобы понять послѣднее, мы должны вернуться назадъ, къ половинѣ восемнадцатаго вѣка.

Петръ Великій вполне понялъ настоящее значеніе Урала для всей Россіи и по-своему распорядился его богатствами. Остаткомъ его политики была — покровительственная система горнозаводскому дѣлу, во имя которой жертвовались цѣлыя области лучшей земли въ свѣтѣ въ однѣ руки, приписывались крестьяне къ заводамъ и т. д. Но основой этой системы служила совершенно здравая мысль: государственная польза. Первые заводчики, за всѣ милости и льготы царя, обязаны были доставлять казнѣ по уменьшеннымъ цѣнамъ желѣзо, га-

убицы, фузеи, аллебарды и военскій снарядъ. Покровительству развитію горнозаводскаго дѣла на Уралѣ, Петръ упорно преслѣдовалъ одну цѣль—имѣть свое дешевое желѣзо и постепенно выступить конкурентомъ иноземныхъ государствъ. При жизни Петра, дѣйствительно, было создано нѣсколько горныхъ округовъ, и Уралъ сослужилъ государству большую службу. Преемники Петра совершенно исказили его идею: они оставили покровительственную систему, а государственная польза осталась только на словахъ. Уралъ является во времена владычества временщиковъ и фаворитовъ только лакомымъ кускомъ, который рвали на части всѣ, кому было только не лѣнь протянуть руку: Биронъ, графъ П. А. Шуваловъ, графъ Чернышевъ, графы Воронцовы—всѣ забирали уральскія земли милліонами десятинъ и присваивали себѣ цѣлые горные округа. Въ сумятицѣ и тревоженіяхъ придворной жизни, вмѣстѣ съ паденіемъ и возвышеніемъ «случайныхъ людей», мѣнялась и судьба захваченныхъ земель—онѣ переходили изъ рукъ въ руки, оставались безъ хозяина, отбирались въ казну и отчуждались по частямъ. Только нѣкоторые изъ вельможъ удержали за собой захваченныя земли, а большинству было не до нихъ; земли и заводы постепенно раздробились между наслѣдниками и въ этомъ видѣ дошли до частныхъ предпринимателей, умѣвшихъ воспользоваться удобнымъ случаемъ.

Родоначальникъ фамиліи Приваловыхъ, знаменитый въ лѣтописяхъ Урала горнозаводчикъ Титъ Приваловъ, родился и выросъ именно въ это мудреное время. Онъ былъ изъ приписныхъ крестьянъ къ заводамъ Севостьянова. Положеніе крѣпостныхъ, сравнительно съ положеніемъ приписанныхъ къ заводамъ крестьянъ, могло показаться просто раемъ. Нынѣшняя каторга только отчасти можетъ показать тотъ гнетъ, какой вынесли на своихъ плечахъ эти приписные крестьяне. Рабство въ худшемъ значеніи этого слова, съ одной стороны, и ничѣмъ не сдерживаемый произволь—съ другой, создали такія условія жизни, нравы и характеры, которые намъ кажутся просто чудовищными. Если мы вспомнимъ про тѣ ужасы, которые творились въ теченіи восемнадцатаго вѣка въ столицахъ, то ужъ по этому одному можно судить о томъ, что дѣлалось на далекомъ Уралѣ, гдѣ неистовствовала всесильная кучка заводчиковъ. Воспоминаніемъ объ этомъ страшномъ времени осталось мнѣніе, которое еще теперь живетъ на Уралѣ, именно,

что всё горные заводы выстроены на костяхъ человеческихъ. Титъ Приваловъ прошелъ эту тяжелую школу, изъ простого заводскаго рабочаго возвысился до званія заводскаго управителя, оставаясь въ то-же время крѣпостнымъ. Что были за люди эти крѣпостные управители и чему они были обязаны своимъ возвышеніемъ надъ остальною массою заводскихъ рабочихъ—это понятно само собой: требовалось не столько знаніе заводскаго дѣла или исключительныя способности, нѣтъ, требовались тѣ желѣзные характеры, которые могли гнуть въ бараний рогъ тысячи людей. Титъ Приваловъ, добившись званія заводскаго управителя, явился какимъ-то исчадіемъ своего ужаснаго вѣка и съ безсердечіемъ дикаго звѣря игралъ жизнью своихъ жертвъ. Въ его могучей гениальной натурѣ совмѣщались вмѣстѣ съ пронизательнымъ умомъ, русской смѣткой и желѣзною волей въ грандіозныхъ размѣрахъ самодурство, эгоизмъ, безсердечіе, звѣрство—эти живые цвѣты крѣпостнаго права. По рассказамъ, онъ ходилъ по своему заводу не иначе, какъ съ заряженнымъ пистолетомъ въ карманѣ, и стрѣлялъ всякаго, кто «учинялся въ ослушности». Кнутъ, батоги и плети работали «неспадно», но и этого было мало—въ случаѣ бунтовъ, которые періодически вспыхивали среди приписнаго къ заводамъ населенія, рабочихъ поджаривали у раскаленныхъ горновъ и топили въ прудахъ. Когда заводчики не могли справиться съ бунтовщиками домашними средствами, на помощь являлись воинскія команды.

Севостьяновы почему-то захудали, и заводы пошли съ молотка. Титу Привалову какими-то судьбами удалось укрѣпить за собой Шатровскій заводъ, и здѣсь онъ показалъ себя съ другой стороны, именно, какъ гениальный заводчикъ, не только поднявшій свой заводъ на небывалую до того высоту, но главнымъ образомъ, какъ создавшій почти изъ ничего цѣлый горнозаводскій округъ. Это дѣло происходило у всѣхъ на глазахъ, и имя Тита Привалова загремѣло по всему Уралу. Самымъ слабымъ мѣстомъ у этого заводчика было то, что подъ заводами было занято земли всего тысячъ сто десятинъ; но и здѣсь онъ вывернулся. Именно, къ этому времени относится покупка Титомъ Приваловымъ трехсотъ тысячъ богатѣйшей башкирской земли за пару сапогъ, два фунта кирпичнаго чаю и нѣсколько рублей ассигнаціями. Такія покупки были зауряднымъ явленіемъ для того времени и ни кого не удивляли.

Башкиры, конечно, опомнились въ свое время и протестовали сначала по судамъ, а затѣмъ съ оружіемъ въ рукахъ. Эти башкирскіе бунты, вмѣстѣ съ волненіями приписныхъ въ заводамъ крестьянъ, составляютъ самую кровавую страницу въ лѣтописяхъ Урала. Запрещеніе башкиръ стоило цѣлыхъ рѣкъ башкирской крови, а число убитыхъ въ открытомъ полѣ, въ смертномъ бою съ воинскими командами, достигаетъ страшной даже для того времени цифры въ сто тысячъ... А сколько погибло этихъ дѣтей цвѣтущей Башкиріи на заводской работѣ, въ глубокихъ шахтахъ и въ застѣнкахъ, — этого, вѣроятно, не сосчитаетъ никакая статистика, благо никто не составлялъ башкирскихъ синодиковъ и этотъ скорбный листъ является несуществующимъ въ русской исторіи. Вотъ противъ этихъ сыновъ степей и бунтовавшихъ крестьянъ Титъ Приваловъ и выстроилъ свой домъ — крѣпость, въ которомъ отсиживался самымъ спокойнымъ образомъ, пока окрестныя селенія находились въ огнѣ и мятежники проникали въ самый Шатровскій заводъ. Въ это бурное время Шатровскій заводъ выгоралъ и выстраивался съизнова нѣсколько разъ, и только одинъ приваловскій домъ оставался неуязвимымъ. Башкирскія стрѣлы не оставляли на немъ даже царапинъ, а изъ оконъ-амбразуръ на номадовъ сыпался цѣлый градъ картечи. Фузеи и гаубицы сослужили дорогую службу. Только одинъ разъ этотъ домъ находился въ такой опасности, что самъ Титъ Приваловъ считалъ все дѣло погибшимъ и готовился къ смерти. Но и тогда онъ не оставилъ своего дома, предпочтя погибнуть вмѣстѣ съ нимъ. Это было въ тотъ моментъ, когда бѣлое знамя пугачевскихъ эсауловъ съ краснымъ раскольничьимъ крестомъ развѣвалось уже въ двухъ шагахъ отъ Шатровскаго завода и башкирскіе наѣзники, какъ стаи волковъ, рыскали по окрестностямъ. Пугачевъ очень рассчитывалъ на принисныхъ къ заводамъ крестьянъ, которые глухо волновались по всему Уралу. Но планъ Пугачева воспользоваться этой силой былъ разрушенъ, и буря пронеслась мимо.

Таковъ былъ Титъ Приваловъ, оставившій послѣ себя широкой слѣдъ въ лѣтописяхъ Урала. Конечно, никакой писаной біографіи послѣ него не осталось, а рассказы и воспоминанія переходили изъ одного поколѣнія въ другое устно. Сергій Приваловъ зналъ о ирадѣхъ изъ самыхъ разнообразныхъ источниковъ, а главнымъ образомъ отъ Марьи Степановны.

XII.

На другой день Приваловъ всталъ съ головной болью.

Завтракъ былъ поданъ въ столовой. Когда они вошли туда, первое, что бросилось въ глаза Привалову — былъ какой-то господинъ, который сидѣлъ у стола и читалъ книгу, положивъ локти на столъ. Онъ сидѣлъ въ полъоборота, такъ что въ первую минуту Приваловъ его не рассмотрѣлъ хорошенько.

— А, Максимъ... весело заговорилъ Бахаревъ.

Приваловъ вздрогнулъ при этомъ имени. Дѣйствительно, это былъ Лоскутовъ. Онъ не всталъ навстрѣчу хозяину, а только съ улыбкой своего человѣка въ домъ слегка кивнулъ головой Бахареву и опять принялся читать. Очевидно, Лоскутовъ былъ здѣсь какъ у себя дома.

— Позвольте познакомиться.. заговорилъ Бахаревъ.

— Нѣтъ, мы уже знакомы... перебилъ его Приваловъ, торопливо протягивая руку своему счастливому сопернику.

— Да, да... протянулъ Лоскутовъ, вскидывая глазами на Привалова, — у Ляховскихъ встрѣчались...

Въ первую минуту Приваловъ почувствовалъ себя такъ неловко, что рѣшительно не зналъ, какъ ему себя держать, чтобы не выдать овладѣвшаго имъ волненія. Лоскутовъ, какъ всегда, былъ въ своемъ ровномъ, невозмутимомъ настроеніи и, кажется, совсѣмъ не замѣчалъ Привалова.

— Выпьете водки, предлагалъ Бахаревъ.

Лоскутовъ отказался, а Приваловъ выпилъ двѣ рюмки.

— Что, хороша? спрашивалъ Бахаревъ, съ улыбкой прожевывая ломтикъ сыра.

— Ничего... А что?

— Это произведеніе почтеннѣйшаго Игнатія Львовича... Всю губернію спаиваетъ... И притомъ, съ замѣчательной послѣдовательностью, какъ все, что онъ дѣлаетъ. Относительно этой водки, Ляховскій просто гениальнѣйшій человѣкъ, нѣкоторый кабацкій Ришелье.

Лоскутовъ улыбнулся и оставилъ книгу.

— Ты, кажется, увлекаешься Ляховскимъ? замѣтилъ Лоскутовъ.

— Конечно, увлекаюсь... Помилуйте! Да развѣ легко устроиться такъ, какъ онъ устроился? Онъ создалъ государство въ государствѣ, на него вся наша губернія работаетъ.

Посмотрите, напримеръ, какую выработалъ онъ гениальнѣйшую систему оборонительныхъ и наступательныхъ средствъ. Это такой тактикъ, какихъ повсюду. Вѣдь водка—лакомный кусокъ въ наше пьяное время, самый легкій путь для наживы, и поэтому о торговлѣ водкой мечтаютъ тысячи очень умныхъ и пронырливыхъ людей. Значить, является конкуренція, и Ляховскій всегда выходитъ изъ нея побѣдителемъ. Да вѣдь еще какъ: по міру пустить всякаго, кто только протянетъ лапу къ водкѣ.

— Да вѣдь Ляховскій не одинъ въ нашей губерніи имѣетъ винокуренные заводы, замѣтилъ Приваловъ.

— Въ томъ-то и дѣло, что кажется, что онъ не одинъ, а въ дѣйствительности онъ одинъ. Есть человекъ пять винокуренныхъ заводчиковъ, но тѣ такъ, по мелочамъ, и то только по неизреченной милости Игнатія Львовича существуютъ. Изъ-за его спины кое-какъ дышутъ. Это тоже маленькая военная хитрость со стороны Ляховскаго: онъ оставляетъ человекъ пять изъ мелкихъ заводчиковъ, чтобы на него не тыкали пальцами, какъ на монополиста,—и только А чуть кто цокрупище сунетъ носъ въ водку — Ляховскій утопитъ. Тутъ все у него пойдетъ въ ходъ: и армія сидѣльцевъ, и приговоры обществъ, и акцизные, и адвокаты, и дешевка... Словомъ, зарѣжетъ человекъ безъ ножа.

— Да, но чего это ему стоитъ?

— Гораздо меньше того, что онъ проигралъ-бы при существованіи сильнаго конкурента. Разсчетъ, батенька, самый вѣрнѣйшій. Это въ оборонительномъ отношеніи, а въ наступательномъ—здѣсь опять у Ляховскаго цѣлая система. Нужно посмотрѣть, какая тонкая работа въ каждомъ штрихѣ... Онъ создаетъ рынки и постоянно открываетъ Америку. Цѣлыя села спились съ кругу подъ давленіемъ этого рѣжима. Про заводы и пріиски, конечно, и говорить нечего. Въ послѣднее время нѣкоторые сельскія общества не хотѣли давать приговоры на открытіе кабаковъ, и Ляховскій все-таки побѣдилъ. Даже устроилъ на зло по два кабака, гдѣ былъ раньше одинъ. Старшины, сельскіе писаря, старики и мужики—все было пущено въ ходъ. Да, это гениальнѣйшій человекъ, въ полномъ смыслѣ этого слова.

— Чему-же ты сочувствуешь въ Ляховскомъ? удивлялся Приваловъ.

— Энергія, голубчикъ, энергія... Конечно, сплавить народъ нехорошо, но воставъ этого-же Ляховскаго на другое мѣсто, гдѣ онъ могъ-бы развернуться пошире и съ пользой для другихъ, — получился-бы совершенно другой результатъ. Вонъ онъ какъ запуталъ вашу опеку: ни начала, ни конца. Ужь не чета такимъ проходимцамъ, какъ Половодовъ. Этотъ просто украдетъ при случаѣ, и былъ таковъ.

— Ты ошибаешься въ Половодовѣ, вступился Приваловъ. — Онъ совсѣмъ не такъ глупъ, какъ можетъ показаться съ перваго раза.

— Для тебя-же хуже.

— Къ сожалѣнію, да.

Какъ это ни странно, но благодаря именно присутствію Лоскутова, весь день прошелъ особенно весело. Бываютъ такія положенія, когда третій человѣкъ такъ-же необходимъ для различныхъ выкладокъ, какъ то неизвѣстное X , при помощи котораго рѣшаются задачи въ математикѣ. Приваловъ не могъ не сравнить своихъ вчерашнихъ разговоровъ съ Костей съ глазу на глазъ съ сегодняшними: о натянутости не было и помину. Затѣмъ, второй странностью для Привалова было то, что сегодня онъ совершенно свободно говорилъ обо всемъ, о чемъ вчера старался молчать, и опять таки благодаря участію Лоскутова.

— А вѣдь знаете, Сергѣй Александрычъ, говорилъ Лоскутовъ своимъ простымъ увѣреннымъ тономъ:—я вполнѣ сочувствую всѣмъ вашимъ планамъ и могу только удивляться, какъ это люди въ родѣ Константина Васильича могутъ относиться къ нимъ съ такимъ равнодушіемъ.

Наконецъ, нашелся человѣкъ который открыто высказывался за Привалова, и этотъ человѣкъ былъ его соперникъ.

Вечеромъ въ кабинетѣ Бахарева шли горячіе споры и разсужденія на всевозможныя тѣмы. Горничной пришлось замѣнить очень много вышитыхъ бутылокъ вина новыми. Лица у всѣхъ раскраснѣлись, глаза блестяли. Все выходило такъ тепло и сердечно, какъ въ дни зеленой юности. Каждый высказывалъ свою мысль безъ всякихъ наружныхъ прикритій, а такъ, какъ она выливалась изъ головы.

— А ты все-таки утопистъ и мечтатель, говорилъ Бахаревъ, хлопая Привалова по плечу.

— Нѣтъ, наоборотъ: ты увлекаешься своими фантазіями и изъ-за нихъ не хочешь видѣть дѣйствительныхъ интересовъ, возражалъ Приваловъ.

Приваловъ былъ плохой ораторъ, но теперь онъ съ особенной послѣдовательностью и ясностью отстаивалъ свои идеи.

— Противъ промышленности вообще и противъ желѣзной промышленности въ частности я ничего не имѣю, говорилъ онъ, размахивая руками — Но это только въ теоріи или въ примѣненіи къ границѣ... А что касается русскаго заводскаго дѣла, я—противъ него. Это болѣзненный наростъ, который питается насчетъ здоровыхъ народныхъ силъ. Горное дѣло на Уралѣ создано только благодаря безумнымъ привилегіямъ и монополіямъ, даровымъ трудомъ миллионовъ людей, при несправедливѣйшей эксплуатаціи чисто національныхъ богатствъ, такъ что въ результатѣ получается такой печальный выводъ: Уралъ со всѣми своими неистощимыми богатствами стоилъ правительству въ десять разъ дороже того, сколько онъ принесъ пользы... И вдобавокъ—эти невѣроятныя жертвы правительства не принесутъ и въ будущемъ никакой пользы, потому что наши горные заводы всѣ до одного должны ликвидировать свои дѣла, какъ только правительство откажется вести ихъ на помочахъ. Стоитъ только отмѣнить правительству тарифъ на привозныя металлы, оградить казенные лѣса отъ расхищенія заводчиками, обложить ихъ производительность въ той-же мѣрѣ, какъ обложенъ трудъ всякаго мужика—и все погибнетъ сразу.

— Но, вѣдь, эти затраты правительство дѣлало не изъ личной пользы, а чтобы создать крупную заводскую промышленность. Примѣръ Англій, Франціи, наконецъ Америки—вездѣ одно и то-же... Сначала правительство и нація несомнѣнно теряли отъ покровительственной системы, чтобы потомъ наверстать свои убытки съ лихвой и вывести промышленность на всемірный рынокъ.

— Тамъ это было дѣйствительно такъ, а у насъ получается противоположный результатъ: наша политика относительно заводовъ, вмѣсто развитія промышленности, создала цѣлое поколѣніе государственныхъ нищихъ, которые, лежа на неисчислимыя сокровищахъ, едва пропитываютъ себя милостыней. Результатъ получился какъ разъ обратный: вмѣсто

развитія горной промышленности, мы загородили ей дорогу чудовищной монополіей.

— Ты забываешь только одно, что ты самъ заводчикъ. замѣтилъ Бахаревъ.

— Нѣтъ, я этого никогда не могу забыть и поэтому долженъ въ особенности выяснитъ положеніе свое собственное и другихъ заводчиковъ. Мы живемъ паразитами...

— Кто-же вамъ мѣшаетъ не быть ими?

— Это другой вопросъ, который я постараюсь разобрать обстоятельнѣе.

Приваловъ набросалъ широкую картину настоящаго уральскихъ заводчиковъ, большинство которыхъ никогда даже и не бывало на своихъ заводахъ. Системой покровительства заводскому дѣлу, имъ навсегда обезпечены миллионные барыши, и все на заводахъ вертится черезъ третьи и четвертыя руки, при помощи управителей, повѣренныхъ и управляющихъ. Въ такихъ понятіяхъ и взглядахъ вырастаетъ одно поколѣніе за другимъ, причѣмъ можно прослѣдить шагъ за шагомъ безповоротное вырожденіе самыхъ крѣпкихъ семей. Чтобы вырваться изъ этой системы паразитизма, воспитываемой въ теченіи полутора ста лѣтъ, нужны нечеловѣческія усилія, тѣмъ болѣе, что придется до основанія разломать уже существующія формы заводской жизни.

— Вотъ ты и занялся-бы такими реформами, проговорилъ Бахаревъ. — Кстати у тебя свободнаго времени, кажется, достаточно...

— А если я сознаю, что у меня не хватаетъ силы для такой дѣятельности—зачѣмъ-же мнѣ братья за непосильную задачу, отвѣчалъ Приваловъ. — Да притомъ, я вообще противъ насильственнаго культивированія промышленности. Если разобрать, такъ такая система, кромѣ зла, намъ ничего не принесла...

— По твоему, остается, значить, закрыть заводы и возвратиться къ каменному періоду?

— Вотъ въ томъ-то и дѣло, что мы, заводчики, даже не имѣемъ права закрыть заводовъ, потому что съ ними связаны интересы полумилліоннаго населенія, которому мы кругомъ должны. Чѣмъ трудомъ создавались заводы и на чьей землѣ?..

— Теперь объ этомъ говорить довольно поздно...

— Нѣтъ, именно теперь объ этомъ и слѣдуетъ говорить,

потому что на заводахъ въ недалекомъ будущемъ выработается настоящій безземельный пролетаріатъ, который будетъ хуже всякаго крѣпостного права...

XIII.

Нѣсколько дней Приваловъ и Бахаревъ спеціально были заняты разными заводскими дѣлами, причемъ пришлось пересмотрѣть кипы всевозможныхъ бумагъ, смѣты, отчетовъ и соображеній. Сначала эта работа не понравилась Привалову, но потомъ онъ незамѣтно втянулся въ нее, по мѣрѣ того, какъ изъ-за этихъ бумагъ выступала дѣйствительность. Но, работая надъ однимъ матеріаломъ, часто за однимъ столомъ, друзья дѣтства видѣли каждый свое.

Прежде всего выступила на сцену исторія составленія уставной грамоты, что относилось еще ко времени опекунства Сашки Холостова. Очевидно, эта уставная грамота была составлена какимъ-то отчаяннымъ приказнымъ, крючоктворомъ и докой. Просматривая теперь эту грамоту, черезъ двадцать лѣтъ, можно было только удивляться проникательности и широтѣ взгляда ея безвѣстнаго составителя: все было предусмотрено, взвѣшено и, гдѣ слѣдуетъ, выговорено и оговорено. Конечно, пока составлялъ грамоту по порученію Холостова и на его кормахъ, поэтому и всѣ выгоды отъ нея были на сторонѣ заводовъ. Центръ тяжести лежалъ въ надѣлѣ мастеровыхъ земель, и этотъ пунктъ былъ обработанъ съ особеннымъ мастерствомъ. Въ результатѣ получалось населеніе въ сорокъ тысячъ, совершенно обезземеленное, самое существованіе котораго во всемъ зависитъ отъ роковаго «впредь до усмотрѣнія».

Далѣе выяснилась двадцатилѣтняя исторія мужицкихъ хлопотъ относительно этой грамоты, которая была подписана какими-то «старичками». Очевидно, здѣсь былъ устроенъ тотъ же самый маневръ, какой теперь практикуется всѣми кабатчиками, когда имъ необходимо добыть приговоръ сельскаго общества. Отыскивали покладистыхъ старичковъ, тѣ подъ пьяную руку подмахнули за все общество уставную грамоту, и дѣло пошло гулять по всѣмъ мытарствамъ. Мастеровые и крестьяне всѣми способами старались доказать неправомерность составленной уставной грамоты и то, что общество совсѣмъ

не уполномочивало подписывать ее какихъ-то сомнительныхъ старичковъ. Такъ дѣло и тянулось изъ году въ годъ. Мужики нанимали адвокатовъ, посылали ходоконъ, спорили и шумѣли съ мировымъ посредникомъ, но изъ этого рѣшительно ничего не выходило.

— Это дѣло необходимо покончить, говорилъ Приваловъ, просматривая документы. — Уставная грамота, дѣйствительно, составлена неправильно...

— Да, но теперь все зависитъ отъ опекуновъ...

«Что скажутъ опекуны», «все зависитъ отъ опекуновъ» — эти фразы были для Привалова костью въ горлѣ, и онъ никогда такъ не желалъ развязаться съ опекой во что-бы то ни стало, какъ именно теперь.

Скоро выплыло еще болѣе казусное дѣло о башкирскихъ земляхъ, размежеванныхъ въ дачу шатровскихъ заводовъ еще въ концѣ прошлаго столѣтія. Оказалось, что дѣло объ этомъ размежеваніи велось съ небольшими перерывами цѣлыхъ сто лѣтъ, и истцы успѣли два раза умереть и два раза родиться. Слабая сторона дѣла заключалась въ томъ, что услужливый землемѣръ, въ пылу усердія, размежевалъ цѣлую башкирскую деревню Бухтармы; съ другой, услужливый человекъ, посредникъ, перевелъ своей единоличной властью цѣлую башкирскую волость изъ вотчинниковъ въ припущенники, т. е. съ надѣла въ тридцать десятинъ посадилъ на пятнадцать. Остальныя десятины отошли частью къ заводамъ, а частью къ мелкимъ землевладѣльцамъ. Главное затрудненіе встрѣчалось въ томъ, что даже приблизительно невозможно было опредѣлить тѣ межи и границы, о которыхъ шелъ споръ. Въ документахъ они были показаны «отъ урочища Сухой-Палъ до березовой рощи» или еще лучше — до камня такого-то или стараго пня. Ни березовой рощи, ни камня, ни пня давно уже не было и въ поминѣ, а гдѣ стояло урочище Сухой-Палъ — каждая сторона доказывала въ свою пользу. Разница получалась чуть не въ пятьдесятъ верстъ. Да и самая деревня Бухтармы успѣла въ теченіи ста лѣтъ выгорѣть разъ десять, и ея наличное населеніе давно превратилось въ толпу голодныхъ и жалкихъ нищихъ.

— Что мы будемъ дѣлать? нѣсколько разъ спрашивалъ Приваловъ хмурившася Бахарева.

— Теперь рѣшительно ничѣмъ нельзя помочь, отвѣчалъ

обыкновенно Бахаревъ:—проклятая опека связала по рукамъ и по ногамъ... Вотъ когда заводы выкрутятся изъ долговъ, тогда совсѣмъ другое дѣло. Можно просто отрѣзать башкирамъ ихъ пятнадцать десятинъ, и конецъ дѣлу.

— Да, но вѣдь не всѣ-же эти десятины отошли къ заводамъ?

— Сосчитайте, сколько ихъ отошло.

Точно для иллюстраціи этого возмутительнаго дѣла, въ Шатровскомъ заводѣ появилась цѣлая башкирская депутація. Эти дѣти цвѣтущей Башкиріи успѣли провѣдать откуда-то, что на заводы пріѣхалъ самъ баринъ, и поспѣшили воспользоваться такимъ удобнымъ случаемъ, чтобы еще разъ заявить свои права.

Привалова на первый разъ сильно покорило при видѣ этой степной нищеты, которая нисколько не похожа на ту нищету, какую мы привыкли видѣть по русскимъ городамъ, селамъ и деревнямъ. Цивилизованная нищета просить если не словами, то своей позой, движеніемъ руки, взглядомъ, наконецъ — лохмотьями, просить потому, что тамъ есть надежда впереди на что-то. Но здѣсь совсѣмъ другое: эти бронзовыя испитыя лица съ косыми темными глазами глядятъ на васъ съ тупымъ безнадежнымъ отчаяніемъ, движенія точно связаны какой-то мертвой апатіей, даже въ складкахъ рваныхъ азамовъ чувствовалось это чисто азіятское отчаяніе въ собственной судьбѣ. «Такова воля Аллаха»... вотъ роковыя слова, которые гнѣздились подъ мѣховыми рванными треуголами. Какое-то подавляющее величіе чувствовалось въ этой степной философіи, созданной тысячелѣтіями и краснорѣчиво иллюстрированной событіями послѣднихъ двухсотъ лѣтъ.

— Бачка... кошъ ставить нильзя... десять разъ принимались толковать башкиры:—ашата подохъ... становой кулупаль по спиннамъ...

Между этой отчаянной голытьбой, обреченной болѣе сильной цивилизаціей на вымирание, какъ объясняетъ наука, выдѣлялись только два старика, которые были коноводами. Одинъ, Кошгильда, былъ лѣтъ подъ шестьдесятъ, широкоплечъ, съ подстриженной сѣдой бородкой, съ могучей грудью. Другой, жилистый и сухой, весь высохшій субъектъ, съ тонкой шеей и подслѣповатыми слезившимися глазками. Его звали Урукаемъ. Старики держали себя просто и свободно, съ

граціей настоящихъ степняковъ. Они еще чуть-чуть помнили привольное старое житье, когда послѣ холодной и голодной зимы отправлялись на лѣтнія кочевки сотнями кошей. Степь была вольная. За дѣто успѣвали всё отдохнуть—и скотъ, и люди. А теперь... «кунчалъ голова», какъ объяснял болѣе живой Кошгильда.

— Вотъ они, эти историческіе враги, отъ которыхъ отсиживался Титъ Приваловъ вотъ въ этомъ самомъ домѣ, думалъ Приваловъ, когда смотрѣлъ на бишкирь.—Они даже не знаютъ о томъ славномъ времени, когда башкиры горячо воевали съ первыми русскими насельниками и не разъ побивали высылаемые противъ нихъ воинскія команды... Вотъ она, эта безпощадная философія исторіи!

Башкиръ нѣсколько дней поили и кормили въ господской кухнѣ. Приваловъ и Бахаревъ надрылись надъ работой, разыскивая въ заводскомъ архивѣ матеріалы по этому дѣлу. Нѣсколько отрывочныхъ бумагъ явились плодомъ этихъ благородныхъ усилій и только. Впрочемъ, на одной изъ этихъ бумагъ можно было прочесть фамилію межевого чиновника, который производилъ послѣднее размежеваніе. Оказалось, что этотъ межевой чиновникъ былъ Викторъ Николаичъ Заплатинъ.

— Вотъ и отлично, обрадовался Приваловъ.—Это хозяинъ моей квартиры въ Узлѣ, объяснял онъ Бахареву:—слѣдовательно, отъ него я могу получить всё необходимыя указанія и можетъ быть даже матеріалы.

— Дай Богъ...

Когда башкирамъ было, наконецъ, объявлено, что воль баринъ поѣдетъ въ городъ и тамъ будетъ хлопотать, они съ молчаливой грустью выслушали эти слова, молча вышли на улицу, сѣли на коней и молча тронулись въ свою Бухтарму. Приваловъ долго провожалъ глазами этихъ несчастныхъ, уѣзжавшихъ на вѣрную смерть, и у него крѣпко щемило и скребло на сердцѣ. Но что онъ могъ въ его дурацкомъ положеніи сдѣлать для этихъ людей?

Цѣлую ночь снилась Привалову голодная Бухтарма. Онъ видѣлъ грязныхъ, голодныхъ женщинъ, видѣлъ худыхъ, какъ скелеты, дѣтей... Они не протягивали къ нему своихъ дѣтскихъ ручекъ, не просили, не плакали. Только длинная шея Урукая вытянулась еще длиннѣе, и съ его губъ сорвались слова упрека:

— Нашъ земля—твой земля... хрипѣлъ Урукай, совсѣмъ закрывъ слезившіеся глазки. — Все—твой... ничево—нашъ... Ашата подохъ, апайка подохъ, Урукай подохъ...

Приваловъ проснулся съ холоднымъ потомъ на лбу.

XIV.

Приваловъ прожилъ на Шатровскомъ заводѣ недѣли двѣ и все время былъ заваленъ работой по горло. Свободное время оставалось только по вечерамъ, когда шли безконечные разговоры обо всемъ. Появленіе Лоскутова какъ-то сразу сгладило всѣ неровности въ обращеніи друзей дѣтства, хотя они каждый разъ спорили напропалую, на безконечную тѣму о заводахъ.

Лоскутовъ уѣзжалъ на пріиски только на нѣсколько дней. Работы зимой были приостановлены, и у него было много свободнаго времени. Приваловъ какъ-то незамѣтно привыкъ къ обществу этого совершенно особеннаго человѣка, который во всемъ такъ рѣзко отличался отъ всѣхъ другихъ людей. Только иногда какое-нибудь неосторожное слово нарушало это мирное настроеніе Привалова, и онъ опять начиналъ переживать чувство предубѣжденія къ своему сопернику.

— Это, голубчикъ, исключительная натура, совершенно исключительная, говорилъ Бахаревъ про Лоскутова:—не отъ міра сего человѣкъ... Вотъ я его сколько лѣтъ знаю и все-таки хорошенько не могу понять, что это за человѣкъ. Только чувствуешь, что крупная величина предъ тобой. Всякая сила даетъ себя чувствовать.

— Мнѣ еще Ляховскій говорилъ о немъ, замѣтилъ Приваловъ:—Впрочемъ, онъ главнымъ образомъ цѣнить его какъ философа и ученаго.

— Да, съ этой стороны Лоскутовъ понятнѣе. Но у него есть одно совершенно исключительное качество... Я называлъ бы это качество притягательной силой; если-бы рѣчь шла не о живомъ человѣкѣ. Говорю серьезно... Замѣчаешь, что чувствуешь себя какъ-то лучше и умнѣе въ его присутствіи; можетъ быть въ этомъ и весь секретъ его нравственнаго вліянія.

— Однако, что-же такое, по-твоему, этотъ Лоскутовъ?

— Лоскутовъ? Гмъ... По-моему, это человѣкъ, который роился не въ свое время. Да... Ему негдѣ развернуться, вотъ

онъ и зарылся въ книги съ головой. А между тѣмъ, въ другомъ мѣстѣ и при другихъ условіяхъ, онъ могъ-бы быть крупнымъ дѣятелемъ... Въ немъ есть эта цѣльность натуры, извѣстный фанатизмъ, — словомъ, за такими людьми идутъ въ огонь и въ воду.

Вообще, Лоскутовъ для Привалова продолжалъ оставаться загадкой. Съ одной стороны, онъ подкупалъ Привалова своей дѣтской простотой, какъ подкупалъ Бахарѣва своимъ цѣльнымъ характеромъ, а Ляховскаго умомъ; съ другой стороны — Привалова отталкивала та мистическая нотка, какая звучала въ разсужденіяхъ Лоскутова. Вглядываясь въ выраженіе лица Лоскутова, Приваловъ испытывалъ иногда щемящее, неприятное чувство... Иногда Привалову дѣлалось настолько тяжелымъ присутствіе Лоскутова, что онъ или уходилъ на заводъ, или запирался на нѣсколько часовъ въ своей комнатѣ. «Если ты действительно любишь ее», шепталъ ему внутренній голосъ: — «то полюбишь и его, потому что она счастлива съ нимъ, потому что она любитъ его...» Приваловъ напрасно старался не думать о ней, о своей любви... Гнетущее чувство смертной тоски сжимало его сердце, и онъ подолгу не спалъ по ночамъ, тысячу разъ передумывая одно и то-же. Надежда Васильевна и Лоскутовъ — это были два роковые полюса, между которыми съ болѣзненнымъ напряженіемъ теперь опять вращались всѣ мысли Привалова.

Лоскутовъ, съ своей стороны, относился къ Привалову съ большимъ вниманіемъ и съ видимымъ удовольствіемъ выслушивалъ длиннѣйшіе споры о его планахъ. Приваловъ иногда чувствовалъ на себѣ его пристальный взглядъ, въ которомъ стоялъ нѣмой вопросъ.

— Знаете что, Сергѣй Александрычъ, проговорилъ однажды Лоскутовъ, когда они остались вдвоемъ въ кабинетѣ Бахарѣва: — я завидую вашему положенію.

— Въ какомъ отношеніи? удивился Приваловъ.

— Да во многихъ отношеніяхъ... Конечно, вамъ предстоитъ много черновой, непродуцирующей работы, но эта темная сторона съ лихвой выкупается основной идеей. Начать съ того, что вы опредѣляете свои отношенія къ заводамъ безъ всякихъ иллюзій, а затѣмъ, если осуществится даже половина вашихъ намѣреній, Шatroвскіе заводы послужатъ поучительнымъ примѣромъ для всѣхъ другихъ.

— Да... Но вѣдь добрыми намѣреніями вымогнетъ весь адъ, какъ говорить пословица, замѣтилъ Приваловъ. — Все дѣло можетъ кончиться тѣмъ, что мы не развяжемся даже съ опекой...

— Гмъ... конечно, все можетъ быть. Тогда у васъ въ резервѣ остается ваше собственное дѣло, — организація хлѣбной торговли на рациональныхъ основаніяхъ. Уже однимъ этимъ вы спасете тысячи людей отъ эксплуатаціи нарождающейся буржуазіи... Я понимаю, что всякое новое дѣло, особенно въ области практическихъ интересовъ, должно пройти черезъ цѣлый рядъ препятствій и даже неудачъ, но великое дѣло — положить именно начало. Послѣдователи и продолжатели найдутся. По моему, вы выбрали особенно удачный моментъ для своего предпріятія: все общество переживаетъ періодъ броженія всѣхъ силъ, сверху до низу, и вотъ въ эту лабораторію творящейся жизни влить новую струю, провести новую идею особенно важно. Конечно, были попытки и раньше въ этомъ направленіи, но я разбираю вашъ проектъ по отношенію къ настоящему времени, къ выбранному мѣсту и тѣмъ средствамъ, какими вы располагаете.

Однажды, когда Приваловъ послѣ ужина ушелъ въ свою комнату и только что хотѣлъ просмотрѣть послѣднюю книжку журнала, въ дверяхъ послышался осторожный стукъ.

— Вы спите? спрашивалъ за дверями голосъ Лоскутова.

— Нѣтъ... войдите.

— А я къ вамъ... Что-то не хочется спать, а Константинъ Васильевичъ ушелъ на заводъ. Можно у васъ посидѣть?

— Отчего-же...

Лоскутовъ помѣстился на маленькомъ клеенчатомъ диванчикѣ и, не торопясь, раскурилъ папиросу.

«Зачѣмъ онъ пришелъ?» думалъ Приваловъ, предчувствуя какое-то объясненіе...

— А мнѣ хотѣлось съ вами поговорить... продолжалъ Лоскутовъ, попыхивая синимъ дымомъ. — Можетъ быть, вы не расположены къ этому? Будьте откровенны, я не обижусь...

— Нѣтъ, я съ удовольствіемъ слушаю.

Лоскутовъ бросилъ недокуренную папиросу въ уголъ, прошелся по комнатѣ нѣсколько разъ и, сдѣлавъ крутой поворотъ на каблукахъ, сѣлъ рядомъ съ Приваловымъ и заговорилъ съ особенной отчетливостью:

— Все это время я серьезно думалъ о вашихъ планахъ... И чѣмъ дальше я думаю на эту тѣму, предо мной все неотвязнѣе встаетъ одинъ вопросъ... За ваши планы говорить все: и оригинальность мысли, и чистота намѣреній, и полная возможность осуществленія, но у этихъ плановъ есть страшный недостатокъ, потому что здѣсь все зависитъ отъ одной личности и, затѣмъ, будущее обезпечено только формой. Именно, вы всего больше рассчитываете на формальную сторону дѣла, на строй предпріятія. Что будетъ со всѣмъ этимъ, когда васъ не будетъ или вы почему-нибудь откажетесь отъ выполненія своей идеи? Постараюсь быть яснымъ: вѣра въ торжество формы, кажется, уже поколебалась у самыхъ слѣпыхъ ея защитниковъ, потому что всякая форма является только палліативной, мѣрой, которая просто убаюкиваетъ насъ и заставляетъ закрывать глаза на продолжающее существовать зло... Дальше... Мнѣ думается, что успѣхъ каждаго начинанія больше всего зависитъ отъ органической подготовки всѣхъ дѣйствующихъ лицъ. Вотъ я и думаю, что не лучше-ли было бы начать именно съ такой органической подготовки, а форма вылилась-бы сама собою. Конечно, это несравненно медленнѣе, но зато успѣхъ будетъ несомнѣнный. Вѣдь вамъ придется стать лицомъ къ лицу съ организованной силой эксплуатаціи съ одной стороны, а съ другой — съ пассивнымъ сопротивленіемъ той именно массы, для которой все будетъ дѣлаться. Произойдутъ недоразумѣнія, взаимное недоувѣріе, рядъ мелкихъ плутней и обмановъ. Мнѣ кажется, что было-бы вѣрнѣе начать именно съ такой органической подготовки...

— Вы забываете, что время не ждетъ, а пока мы будемъ заниматься такой подготовкой — удобный случай будетъ упущенъ навсегда. Форма моего предпріятія будетъ служить только временными лѣсами и вмѣстѣ съ тѣмъ школой. А дальше время и обстоятельства покажутъ, что придется измѣнить или оставить совсѣмъ.

— Да, но это очень скользкій путь...

— За неизмѣнимъ лучшимъ, пока будемъ довольствоваться имъ.

Лоскутовъ заговорилъ объ органической подготовкѣ, какъ онъ понималъ ее самъ. Дѣло въ томъ, что во всѣхъ предпріятіяхъ рассчитываются прежде всего экономическіе двигатели и та система формъ, въ какую отлилась жизнь. Но вѣдь все это

служить только проявленіемъ, внѣшной оболочкой, основной двигающей силы, которая лежитъ не внѣ человѣка, а внутри его. Практика всемірной исторіи съ желѣзной послѣдовательностью доказала полную неосуществимость всѣхъ реформъ, какія боролись со зломъ его-же средствами. Необходимо обратить вниманіе на нравственныя силы, какія до сихъ поръ не принимались въ расчетъ новаторами. А между тѣмъ только на этихъ силахъ и можно создать что-нибудь истинно прочное и такимъ образомъ обезпечить за нимъ будущее»

— Но какъ-же вы воспользуетъ этими нравственными силами? спрашивалъ Приваловъ.— Опять-таки должна существовать форма, извѣстная организація...

— Совершенно вѣрно. Только здѣсь форма является средствомъ, а центръ тяжести перемѣщается съ экономическихъ интересовъ на нравственныя силы. Притомъ здѣсь организація совсѣмъ не играетъ такой роли, какъ при осуществленіи экономическихъ интересовъ. Чѣмъ объяснить, на примѣръ, живучесть нашего раскола и сектанства? Формальная сторона здѣсь является только побочнымъ обстоятельствомъ, а важны именно нравственныя побужденія.

При послѣднихъ словахъ глаза у Лоскутова заблестѣли, и онъ тяжело вздохнулъ, точно свалилъ гору съ плечъ. Приваловъ съ смѣшаннымъ чувствомъ страха и удивленія слушалъ одушевленную рѣчь своего собесѣдника, который съ особеннымъ увлеченіемъ принялся развивать теорію необходимости страданій для органической подготовки.

— Нѣтъ такого дѣла, которое пробило-бы себѣ дорогу безъ страданій, ораторствовалъ Лоскутовъ.— Страданія—это неизбѣжныя рдильныя муки всякаго живого начала.

«Это сектантъ...» съ ужасомъ думалъ Приваловъ, когда Лоскутовъ ушелъ отъ него.

Неужели... Приваловъ боялся продолжать свою мысль до конца. Его доброе простое сердце сжалось теперь не за себя, а за судьбу другого человѣка, который шель за Лоскутовымъ съ завязанными глазами. Но какъ спасти ее, эту дѣвушку, которая съ радостью шла на страданія?

Д. Сибирякъ.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

ГУСЯТНИЦА.

Повѣсть Жана Роллана.

I.

Завязалась знатная свалка. Трое или четверо мальчугановъ, крѣпкихъ, широкоплечихъ, коренастыхъ, съ румяными щеками, съ глазами круглыми и черными, какъ уголь, соединенными силами тузили Пьера Модѣна.

Это былъ маленькій, хилый мальчикъ, еще болѣе поблѣднѣвшій отъ гнѣва, съ бѣлокурыми, какъ ленъ, волосами, остриженными въ щетку. Скрипя зубами и гримасничая, онъ отчаянно отбивался отъ враговъ своими слабыми кулаченками.

Ссора возникла между ними по выходѣ изъ школы. Поводомъ послужилъ какой-то сомнительный ударъ при игрѣ въ шары; начали спорить, а затѣмъ дѣло быстро дошло до драки. Борьба, впрочемъ, была слишкомъ неравная и грозила кончиться очень печально для Пьера.

— Отстаньте, говорю вамъ—отстаньте! бормоталъ онъ своимъ плаксивымъ голосомъ.

— Трусъ!..

— Ну, погодите, я вамъ припомню...

— Нюня!..

— Попадетесь вы мнѣ когда-нибудь...

— А пока на воть, съѣшь-ка воть это. Теперь хвастайся, коли хочешь.

Удары и ругательства градомъ посыпались на несчастнаго мальчугана. Потерявъ всякую надежду отбиться отъ нападающихъ, онъ поднялъ къверху руки, весь съезжился и согнулъ свою худощавую спину, на которой, сквозь изодранную рубашку, можно было видѣть костистые выступы позвонковъ. А на-

падавшие, не унимались и, казалось, совсѣмъ вошли въ азартъ. Одежда летѣла ключьями, обнажая посинѣвшее тѣло. Неизвѣстно, чѣмъ-бы все это кончилось, если-бы никто не вступился за несчастную жертву.

Вдругъ картина побоища измѣнилась. Съ порывомъ вѣтра, на сценѣ появилось стадо гусей, неуклюжихъ, толстыхъ, откормленныхъ; за ними тянулась цѣлая ватага гусенятъ, едва обросшихъ грязнымъ сѣрымъ пухомъ; да и остальная пернатая компанія не отличалась особенною чистоплотностью; перья, пересыпанная дорожною пылью, слиплись послѣ неоднократныхъ омовеній во всевозможныхъ лужахъ и канавахъ. Остановившись сначала въ недоумѣннн и какъ будто оторопѣвъ, почтенныя гусыни съ нерѣшительнымъ видомъ переваливались съ ноги на ногу, выпятивъ впередъ свои жирныя груди, но затѣмъ вдругъ пришли въ ярость, видимо заподозрѣвъ ребятешекъ въ покушеніи противъ ихъ драгоцѣннаго потомства.

Вытянувъ шею и расправивъ крылья, онѣ кинулись на воюющихъ.

— Гуси! закричали побѣдоносные воины, и для штановъ ихъ наступилъ по истинѣ критическій моментъ. Не одна пара, лоснившаяся отъ долгой носки, поизодранная въ разныхъ приключеніяхъ, на деревьяхъ и въ кустахъ, сегодня окончательно закончила свою карьеру. Несмотря на разношерстныя заплаты, которыми изобрѣтательныя матери блиндировали зады своихъ ребятъ, обтягивавшая ихъ непрочная ткань рвалась и трескалась, какъ кожица на спѣломъ плодѣ.

Среди всеобщей паники появилась гусятница и принялась раздавать удары направо и налево, безцеремонно выколачивая своею палкою пыль изъ спинъ недавнихъ побѣдителей. Въ первую минуту у нихъ даже промелькнула мысль: ужъ не самъ-ли дьяволъ принялъ сегодня на себя трудъ задать имъ потасовку, тѣмъ болѣе, что гусятница, маленькая, нервная смуглянка, съ блестящими, цыганскими глазами, съ нечесанными, свалявшимися волосами, пересыпанными обломками соломы, и въ самомъ дѣлѣ похожа была на чертенка.

Она живо расправилась съ нападавшими, и худошавая рука ея обнаружила при этомъ такую силу, которую никто-бы въ ней и не заподозрѣлъ. Мальчуганы, которые еще недавно такъ храбрились, начали ретироваться. Оторопѣвъ отъ внезапнаго

нападенія разсвирѣпѣвшихъ птицъ, которыя скакали имъ прямо въ глаза, отъ неожиданнаго подкрѣпленія непріятельской силы въ лицѣ гусятницы, которая своей двузубой палкой принялась щекотать имъ лопатки, они наострили лыжи, и побоище кончилось позорнымъ, беспорядочнымъ бѣгствомъ.

Теперь дѣвочка бѣгала и суетилась, собирая свое разстроенное стадо, надѣляя ударами тѣхъ, которые не особенно торпились.

— Проклятыя твари!

Она бѣгала, суетилась, и изъ подъ обтрепанной юбки ея виднѣлась смуглая кожа ея голыхъ ногъ.

А Пьеръ, усѣвшись на кочкѣ и свѣсивъ ноги, продолжалъ хныкать.

Она подошла и остановилась передъ нимъ.

— Объ чемъ-же ты еще ноешь?

Мальчикъ весь вспыхнулъ подъ новыхъ приливомъ гнѣва.

— Ты думаешь, что я это такъ оставлю?..

— Что-же ты такъ расхныкался изъ за нѣсколькихъ тумаконъ, на которые съ грѣхомъ пополамъ далъ сдачи? Коли тебя послушать, подумаешь, что ты еле живъ.

— Посмотрѣль-бы я, что-бы ты сама запѣла...

Она съ протестующею миною покачала своей маленькой косматой головкой, какъ будто желая сказать:

— Бывала я и не въ такихъ передѣлкахъ!

А Пьеръ снова залился слезами.

— Я скажу... ты увидишь, какъ я отмщу имъ!..

Она усѣлась около него на траву, предоставивъ гусямъ пастись кругомъ. Положивъ около себя свою длинную жердь, она заговорила низкимъ голосомъ, который совсѣмъ не соотвѣтствовалъ ея щедедушной, дѣтской фигуркѣ:

— Ну какой тебѣ отъ этого прокъ? Лучше заставь себя любить.

Онъ пересталъ плакать, какъ будто нѣсколько удивленный, стараясь какъ можно лучше вникнуть въ ея слова. Его блѣдное, покрытое веснушками лицо приняло серьезное выраженіе; его бѣлокурая, почти бѣлая голова съ гладко выстриженными, полинявшими на солнцѣ волосами, склонилась, какъ будто подъ тяжестью глубокой думы; лобъ весь наморщился отъ усилія понять новую блеснувшую передъ нимъ мысль.

— А ты, стало быть, меня любишь?

— Я? Нѣтъ. За что мнѣ тебя любить?

— Однако, вот ты меня выручила-же.

— Да вѣдь они-бы тебя на куски разорвали!

Онъ опять замолчалъ, но своевольная натура взяла верхъ; онъ топнулъ ногой и крикнулъ:

— А если я захочу, чтобъ ты меня любила?

Гусятница вмѣсто отвѣта только пожала плечами, вслѣдствіе чего ея костлявая спина еще рѣзче обрисовалась подъ рубашкой изъ грубаго полотна.

Она молча сидѣла и смотрѣла на него. Вдали, позолоченныя солнцемъ, тянулись волнистыя ячменные поля; свѣжій вѣтерокъ подергивалъ ихъ серебристой, зыбкой рябью, и свѣтлыя волны, казалось, набѣгали на ряды маленькихъ, приземистыхъ ивъ, которыя тянулись вдоль изгородей и стояли, скорбившись, какъ старички, склонившіе свои плѣшивыя головы. Гуси, которымъ, повидимому, надоѣло ловить въ канавѣхъ слизняковъ, почувствовавъ свободу, стали понемногу забираться въ полосы, засѣянные рожью, нагибая и ломая своими жирными животами зыбіе стебли.

Вдругъ Пьеръ сказалъ, нагибаясь къ Жаклинѣ:

— Увидишь, что тебѣ придется полюбить меня.

Она не имѣла времени отвѣтить. Послышалось рѣзкое щелканье кнута, и вслѣдъ затѣмъ посреди дороги остановилось нѣчто въ родѣ открытаго кабриолета на высокихъ, забрызганныхъ грязью осяхъ.

— Что ты тутъ дѣлаешь, лѣнтяйка?

Въ одно мгновеніе она очутилась на ногахъ, оторопѣвъ отъ страха и вся съезжившись подъ хозяйскимъ глазомъ.

Это былъ видный мужчина, съ краснымъ, цвѣтущимъ лицомъ, еще не старый и смотрѣвшій бонвиваномъ. Кудрявые волосы выглядывали изъ подъ круглой шляпы съ широкими полями; новая полотняная блуза съ вышитымъ воротомъ спускалась съ плечъ крупными, блестящими складками вокругъ толстой, апоплектической шеи; изъ подъ блузы виднѣлся край суконной жилетки. Окрикнувъ дѣвочку, онъ остановился, какъ будто желая полюбоваться смущеніемъ испуганнаго ребенка. Маленькіе моргающіе, насмѣшливые глазки его, толстыя губы и вся сіяющая фізіономія подернулись улыбкой и приняли выраженіе какой-то блаженной жестокости.

— Что, негодяйка! Поймалъ я тебя, наконецъ? А супъ для старика сегодня, стало быть, варить ужъ не будешь?

Видимо довольный, что ему удалось поймать дѣвочку на мѣстѣ преступленія, онъ далъ волю своей нормандской лошади, которая, вѣроятно, была довольно близко знакома съ кнута-томъ, потому что тотчасъ припустилась рысью, хотя уже и безъ того была вся взмылена.

— Боже мой, вѣдь и въ самомъ дѣлѣ, — я совсѣмъ за-была...

Жакина вскочила, схватила палку и принялась собирать стадо. Но проклятые гуси, воспользовавшись неожиданною свободою, разбрелись по ржаному полю; нѣкоторые усердно тормозили своимъ крѣпкимъ клювомъ сочные листья люцерны, которая розовой лентой окаймляла поле колосистой ржи. Тщетно Пьеръ, въ сущности предобрый мальчикъ, выбивался изъ силъ, гоняясь за неисправимыми лакомками; только послѣ долгой бѣготни удалось, наконецъ, собрать ихъ и выгнать на дорогу. Дьявольски упрямая птица!.. Трудно повѣрить, сколько хитрости и злораднаго упорства кроется въ головѣ какого-нибудь гуся.

Наконецъ всѣ оказалось на лицо, и стадо тронулось въ путь; гуси, переваливаясь, побрели по пыльной дорогѣ, но и тутъ поминутно то тотъ, то другой мимоходомъ не упускалъ случая побарахтаться въ грязной водѣ, застаивающейся въ колеяхъ и въ протоптанныхъ коровами тропинкахъ.

Господи, времени-то сколько потеряно даромъ, а дѣла еще пропасть! Но вотъ, наконецъ, на краю дороги показался довольно видный крестьянскій домъ. Передъ сараями и хлѣбами суетились работники, загонявшіе скоть. На дворахъ выселись большіе кучи навоза, на которыхъ копошились красивыя куры, выкапывая себѣ ямы и усаживаясь въ нихъ съ распущенными, нахохленными перьями. Чистый, оштукатуренный домъ съ свѣтлой черепичной крышей свидѣтельствовалъ о зажиточности его обладателя, но вдоль голыхъ, холодныхъ стѣнъ нигдѣ не видѣлось ни одного винограднаго листа; нигдѣ, какъ въ другихъ домахъ, длинныя вѣтви розовыхъ кустовъ не всплазали граціозными зелеными гирляндами, цѣпляясь за выступы сухихъ камней и закидывая по однообразной бѣлизнѣ истре-
скавшихся стѣнъ яркіе букеты душистыхъ цвѣтовъ.

На деревянной скамьѣ, оборотившись лицомъ къ заходя-

щему солнцу, сидѣлъ старикъ, весь сгорбившійся, съ подбородкомъ, изрѣзаннымъ тупой бритвой во время неумѣльных операций, которымъ онъ подвергалъ себя разъ въ недѣлю. Дрожа отъ холода, несмотря на то, что былъ закутанъ въ толстый суконный плащъ, онъ безучастнымъ, кроткимъ взоромъ уставился въ пространство. Когда дѣвочка приблизилась къ нему, его отвисшія губы зашевелились и въ мутныхъ глазахъ засвѣтилось что-то похожее на человѣческое чувство.

— А, Жакетта! сказалъ онъ своимъ дрожащимъ старческимъ голосомъ, въ которомъ вмѣстѣ съ жалобой слышалась и радость;—гдѣ это ты такъ долго пропадала?

Онъ ничего больше не прибавилъ; для нея у него не нашлось ни упрековъ, ни тѣхъ грубыхъ понуканій, которыми хозяева обыкновенно разжигаютъ усердіе слуганокъ. Пока она хлопотала и сутилась, то спускаясь въ погребъ, гдѣ гранилось молоко, то исчезая подъ навѣсомъ кладовыхъ, онъ, какъ старый дѣдушка, съ любовью слѣдилъ за нею взглядомъ.

Наконецъ, она вернулась съ мискою, въ которой дымился супъ. Мѣшая горячее молоко оловянной ложкой, она услалась возлѣ старика, просіявшаго при видѣ ужина и, близко прижавшись къ нему, любовно смотрѣла на него своими добрыми глазами.

Онъ ѣлъ медленно, не торопясь, мѣрно шевеля челюстями, съ видимымъ наслажденіемъ облизывая губы языкомъ и жадно вдыхая вмѣстѣ съ поднимавшимся отъ супа паромъ благоуханіе луговъ, запахъ свѣжаго сѣна и засѣянныхъ бобами полей. Тихій вѣтерокъ, шелеста, проносился между рядами закругленныхъ стоговъ, и надъ верхушками ихъ золотистымъ вихремъ поднимались обломки соломы; на туманномъ фонѣ блѣднаго вечерняго неба съ тихимъ щебетомъ сновали ласточки, описывавшія въ лазуревомъ пространствѣ большіе черные круги. Дѣвочка болтала, а старикъ, наслаждаясь тихою прелестью майскаго вечера и какъ будто грѣясь около этого теплаго дѣтскаго сердца, молча слушалъ и покачивалъ головою.

А тутъ-же неподалеко, работники фермы, кончавшіе уборку сѣна, въ перекрещенныхъ на спинѣ помочахъ, съ вилами въ рукахъ, толкали другъ друга локтемъ и, указывая на Жакетту, точили языки и подсмѣивались надъ бѣдняжкою.

— Вотъ еще дура-то! Нашла собѣ забаву; точно и въ самомъ дѣлѣ времени дѣвать некуда!

II.

На другой день вся деревня всполошилась. Полевой стражникъ большими шагами направился къ дому Жако. Уже при одномъ видѣ его рѣшительной фигуры, при видѣ кончика сабли, высывавшейся изъ подъ блузы, кровь застывала въ жилахъ зрителей. Даже мѣховая шапка его, въ другое время придававшая ему особенно добродушное выраженіе, теперь, казалось, тоже прониклась воинственной отвагой, и каждый волосокъ на наушникахъ, обыкновенно подвязанныхъ подъ подбородкомъ, а теперь отогнутыхъ къверху, топорщился и содѣйствовалъ свирѣпому выраженію всей фигуры.

Сколько перемарали бумаги, такъ этому повѣрить трудно! Конечно, шуточное-ли дѣло перечислить всѣ преступленія, совершенныя двумя десятками гусей, затесавшихся въ ржаное поле, и всѣ протори и убытки, которые потерпѣли отъ этого бѣдныя колосья; не забыли даже про вкусныя розовыя цвѣты, которыми преступницы закусывали мимоходомъ.

Составили протоколъ, констатировали убытки, подвели итогъ и все это препроводили къ Венсану Жако.

Толстый фермеръ, какъ весельчакъ и бонвиванъ, въ первую минуту попробовалъ было обратить это дѣло въ шутку.

— Да ну васъ, старый шутникъ, оставьте меня въ покоѣ со своими глупостями!

И онъ крѣпко ударилъ по столу обоими кулаками своихъ короткихъ рукъ.

— Скоро-ли вы перестанете прикидываться хитрецомъ!..

Но когда онъ увидѣлъ, что дѣло отнюдь не шуточное, что представителя власти нельзя третировать такъ-же безцеремонно, какъ перваго попавшагося на ярмаркѣ барышника, онъ не на шутку разсердился. Лицо его, и безъ того уже красное, побагровѣло, всѣ мускулы могучей бычачьей шеи напряглись, передъ хитрыми глазами на минуту какъ будто повисло облако.

— Что это еще за исторія съ этими гусями?

Когда ему объяснили, въ чемъ состояло преступленіе осужденныхъ, онъ вздумалъ было отпираться, затѣмъ сталъ

оспаривать справедливость оцѣнки убытковъ, а когда въ полурастворенной двери показался было остренькій профиль Жаклинны, онъ злобно посмотрѣлъ на нее и воскликнулъ, направляясь къ ней съ поднятымъ кулакомъ:

— Ахъ ты, горе—гусятница!..

Она въ ужасѣ убѣжала. Онъ успокоился, тѣмъ болѣе, что кругомъ были люди, которые его стѣсняли. Вѣдь онъ это только такъ, для смѣху хотѣлъ пугнуть ее; да и нельзя безъ этого; ихъ необходимо отъ времени-до-времени встряхнуть немного. Что-же касается его, то онъ не злѣе всякаго другого, ей-Богу; да, по правдѣ сказать, и сердиться-то не стоитъ на такую дрянь.

А она бѣжала во весь духъ, не рѣшаясь оглянуться; ей все казалось, что его голосъ раздается надъ самими ея ушами, что онъ гонится за нею по пятамъ. Долго она бѣжала такъ; солнце жгло ея непокрытую голову, длинные волосы разметались по плечамъ; она не рѣшалась ни оглянуться, ни остановиться; по обѣ стороны отъ нея бѣжали въ обратномъ направленіи поля, засѣянные рѣпой, болота, окаймленные рядами ивъ и поросшія травой. Среди зелени луговъ золотистыми пятнами желтѣли цвѣты; на вѣтвяхъ тополей съ едва распустившимися листьями какъ-будто развѣшаны были тонкія красноватые кружева. Вдругъ, завернувъ за уголь изгороди, она остановилась какъ вкопанная; чей-то голосъ крикнулъ:

— Куда бѣжишь?

Ужасъ приковалъ ее къ землѣ, и въ теченіи нѣсколькихъ мгновеній она стояла широко раскрывъ глаза, вытянувъ шею; но оказалось, что окликнулъ ее никто иной, какъ Пьеръ, который, стоя на краю канавы, въ это время переважно бомбардировалъ лягушекъ. Кромѣ нея и его, по близости не было никого; она была далеко отъ этого ужаснаго, бросившагося на нее человѣка. Она опустила на землю, не говоря ни слова; на глазахъ у нея навернулись слезы.

— Что съ тобою?

— Ничего; слышишь,—ничего, ничего!..

— Тебя кто-нибудь обидѣлъ?

Она запротестовала самымъ энергичнымъ образомъ.

— Ты не хочешь со мною подѣлиться своимъ горемъ?..

Со мною?

О, у нея нашлось-бы многое, чѣмъ подѣлиться, по-
„Дзюло“ № 5, 1883 г. I.

серьезнѣе этого, если-бы она захотѣла разсказать всё подробности той каторжной жизни, которая выпала на ея долю, съ тѣхъ поръ, какъ она ступила подъ кровлю своего ховяна, слышавшаго за ея благодѣтеля. Но развѣ онъ могъ-бы понять ее, — онъ, Пьеръ Модэнъ, богатый мальчишкѣ, котораго мать баловала, находя, что слабаго ребенка невозможно заставлять работать, и большею частью держала при себѣ за своими юбками, какъ курица, грѣющая подъ крыльями своихъ цыплятъ. Да къ тому-же Жаклина не любила жаловаться. Что пользы въ этихъ жалобахъ! Она молча сидѣла на одномъ мѣстѣ, сжавъ губы, и мала своими костлявыми пальчиками красноватые стебли дикаго щавеля.

Пьеръ потихоньку подсѣлъ къ ней, взялъ ее за руки и, глядя на нее своими добрыми глазами, довѣрчивыми, какъ у всякаго счастливаго ребенка, сказалъ:

— А я думалъ, что мы любимъ другъ друга!

О да, она его любила; вѣдь онъ первый заговорилъ съ нею такимъ нѣжнымъ, ласковымъ голосомъ. Какъ ей вдругъ стало хорошо отъ этого. Вся энергія ея сразу пропала. Она уже не крѣпилась, не храбрилась и сама готова была расплаваться надъ своимъ горемъ. Какъ глубоко она чувствовала теперь свое несчастье, какая расслабляющая грусть овладѣвала ею, когда она вспоминала всю горечь, накопившуюся и таившуюся въ ея сердцѣ, всё оскорбленія, всё истязанія, которыя можно было пересчитать по знакамъ, оставшимся на ея тѣлѣ. И зачѣмъ это онъ сталъ ее спрашивать, зачѣмъ не оставилъ ее подъ вліяніемъ прежняго дикаго молчаливаго озлобленія? Зачѣмъ-же нѣсколько нѣжныхъ словъ, взволновавъ ее до глубины души, показали ей, чего недостаетъ въ ея жизни?

— Послушай, сказала она, глядя на него своими серьезными, какъ будто постарѣвшими отъ безчисленныхъ страданий глазами;—не спрашивай меня ни о чемъ. Если-бы я даже отвѣтила тебѣ, ты-бы ничего не понялъ.

Онъ понималъ только одно,—что она несчастлива, что ее обижаютъ, быть можетъ, даже бьютъ. Въ деревнѣ отчасти подозрѣвали, что происходитъ въ домѣ Жакото, потому-что всё хорошо знали вспыльчивый, жестокий характеръ фермера.

— Пойдемъ жить къ намъ, предложилъ онъ; — вѣдь ты

знаешь, мнѣ никогда ни въ чемъ не отказываютъ. У насъ работы довольно; найдется дѣло и для тебя.

— Да на что я годна?

Она показала ему свои худыя руки, на которыхъ отъ недавнихъ побоевъ еще сохранились синія и черныя пятна.

Онъ продолжалъ настаивать.

— Нѣтъ, ты все-таки приходи; у насъ дома всегда найдется хлѣбъ для голоднаго человѣка.

— Развѣ я нищяя!..

Замѣтивъ отчаяніе, изобразившееся на лицѣ Пьера, она прибавила:

— А за старикомъ-то кто-же будетъ ходить безъ меня?

Сколько разъ уже ей приходила въ голову мысль о бѣгствѣ. Куда бѣжать, — этого она и сама не знала. Тамъ, въ глубинѣ этихъ большихъ лѣсовъ, навѣрное были уединенные, тѣнистые уголки, надежныя убѣжища, которыя скрываютъ несчастныхъ дѣтей за непроницаемыми, тернистыми вѣтвями своихъ деревьевъ и защищаютъ ихъ противъ гнѣва, противъ кнута или палки свирѣпаго хозяина; но кто-же будетъ заботиться о старикѣ, если она покинетъ домъ? Кто будетъ ему грѣть носки, которые онъ привыкъ надѣвать, когда снималъ деревянные башмаки? Кто ему будетъ варить кашу, старательно оправлять каждый день грубыя полотняныя простыни его постели?

Почти нехотя, противъ воли отвѣчая на его настойчивые разспросы, она урывками повѣрила ему свою тайну, обо многомъ умалчивая, то пускаясь въ откровенности, то снова умолкая подъ вліяніемъ просыпавшейся гордости.

— Ну, а что-же ты будешь дѣлать теперь? спросилъ мальчикъ, видимо гордившійся ролью покровителя, которая такъ неожиданно выпала на его долю.

Она вернется домой, больше ничего не оставалось дѣлать; но пойдеть она не теперь, а позднѣе; слѣзть некуда.

— Знаешь, когда я вырасту большой, я буду тебя защищать!

Увы! до этого времени было еще далеко.

— Хочешь, я тебя провожу?

Онъ пріосанился и старался придать своей тщедушной фигурѣ мужественный видъ. Она отказалась отъ его предложенія и даже велѣла ему теперь-же идти домой. Ей никого

не нужно и нечего бояться. Она дождетя ночи и незамѣтно проберется въ домъ. Никто не обратитъ вниманія на ея отсутствіе, никто не увидитъ, какъ она вернется, а завтра все будетъ забыто. Правду-ли она говорила? При одной мысли о возвращеніи, по всему ея тѣлу пробѣгала дрожь, что-то сдавливало горло и заглушало даже привычную сосущю боль въ желудкѣ. Бѣдная дѣвочка, находившаяся въ періодъ быстрого развитія и роста, такъ рѣдко наѣдалась досыта, и бѣдный желудокъ ея, сократившись отъ хроническаго голоданія, отъ вѣчнаго невольнаго поста, привыкъ довольствоваться объѣдами.

Тѣмъ не менѣе ея тревожила мысль о томъ, что дѣлаетъ теперь старикъ. Она представляла себѣ, какъ онъ съ пустымъ желудкомъ, прозябшій и печальный, бродитъ теперь вокругъ кухни, какъ старая, беззубая, отслужившая свою службу охотничья собака. Боже мой! Какъ онъ долженъ быть голоденъ! При этой мысли она вскакивала. Но страхъ пересиливалъ и она снова прижималась къ тернистой изгороди.

Приближался вечеръ. Вершины холмовъ, горѣвшія розовымъ отблескомъ заходящаго солнца, потухали. Еще нѣскольکو мгновеній и неясныя очертанія ихъ слились въ одну массивную стѣну, которая, какъ высокій валъ, протянулась вдоль горизонта. Легкіе контуры мелколистныхъ вязовъ вдругъ какъ будто отяжелѣли, окутавшись вечерними тѣнями; даже силуеты длинныхъ тощихъ тополей, оголенныхъ вплоть до самой вершины, украшенной небольшимъ пучкомъ вѣтвей, казалось, расплылись и въ видѣ громадныхъ неуклюжихъ скелетовъ рисовались на темномъ фонѣ безлуннаго неба. Весь ландшафтъ преобразился и получилъ печальный, тоскливый характеръ. Тоскливо мерцали звѣзды, тоскливо звучалъ рѣзкій монотонный крикъ лягушекъ, пѣвшихъ во все горло въ своемъ болотѣ, тоскою вѣяло отъ унылой, причудливой пѣсни соловья, скрывающагося въ кустахъ бузины.

Время уходило; нужно было идти. Она пустилась въ путь, настороживъ уши и, не смотря на свою обычную храбрость, содрагалась при жалобномъ крикѣ филина, завывавшаго гдѣ-нибудь между старыми обвалившимися стѣнами, пугалась летучей мыши, задѣвавшей ея волосы своимъ волосатымъ крыломъ, не замѣчая, какъ острые камни и шипы рѣзали и царапали ея босыя ноги.

Но вот вдали показался домъ, выступивъ четверугольнымъ, чернымъ, какъ уголь, пятномъ изъ мрака ночи. Вездѣ тишина и темнота, только въ одномъ мѣстѣ сквозь окно какъ будто пробивается слабый свѣтъ.

Кто-то не спитъ. Быть можетъ, старикъ беспокоится о ней или не можетъ заснуть отъ голода?

Она направилась къ двери, осторожно поднялась по тремъ каменнымъ ступенькамъ лѣстницы и стала слушать. Ни звука... Она приободрилась и нажала на ручку.

Боже мой! какъ скрипнѣла эта проклятая дверь, поворачиваясь на своихъ несмазанныхъ петляхъ.

Наконецъ дверь растворилась и прямо противъ нея вдругъ выступила приземистая, широкоплечая фигура Венсана Жакото.

Она было кинулась въ сторону, чтобы спрятаться, но онъ видимо поджидалъ ее.

— Это-ты, негодница?

Она вся съежилась и прижалась къ стѣнѣ. Онъ схватилъ ее своею толстою, волосатою рукою, такъ что короткіе пальцы ея впились въ тѣло дѣвочки, и, принимаясь трясти ее, крикнулъ:

— Ну, что, набродяжничалась досыта?

Она ничего не отвѣтила. Онъ оставилъ ее, пошелъ затворить дверь, сквозь которую въ комнату, наполненную облаками табачнаго дыма, врвался свѣжій вѣтеръ. Она, стоя посреди комнаты, маленькая, смуглая, тщедушная, зятая въ свое полинявшее платье, дрожала какъ неоперившійся птенчикъ, вывалившійся изъ теплаго гнѣздышка.

Но вотъ онъ медленно направился къ ней. Онъ, повидимому, не торопился, бросилъ на горѣвшія въ каминѣ уголья полѣно и отъ времени до времени злобно посматривалъ на нее своими насмѣшливыми глазами, злорадно сверкавшими среди румянаго, упитаннаго лица. Она знала этотъ злорадный жестокий взглядъ и вся замерла, какъ маленькая пташка подъ магнетическимъ взоромъ хищной птицы.

Наконецъ онъ устремился на нее, не выпуская изъ рукъ щипцовъ, размахивая ими съ спокойнымъ сознаниемъ своей силы и своего права.

— Ну, теперь я добрался до тебя; сведемъ счеты!

Щипцы опустились на ея плечо, плохо защищенное по-

лотняной рубашкой. Тонкая кость какъ-будто хруснула отъ прикосновенія желѣза. Дѣвочка вскрикнула, но крикъ этотъ замеръ подъ закоптѣвшими балками потолка, на которыхъ были развѣшаны связки сушеныхъ бобовъ.

— А, ты еще вздумала орать въ такую пору; хорошо-же, я тебя прочту!

Онъ снова замахнулся. Жаклина не двигалась съ мѣста и ждала, какъ-будто окаменѣвъ. Но, приготовившись къ новому удару, Венсанъ вдругъ остановился, не опуская высоко поднятыхъ щипцовъ. Въ черномъ просвѣтѣ двери, отворившейся въ перегородкѣ, раздѣлявшей комнату, что-то закопошилось, и изъ царившаго въ этой сторонѣ мрака вдругъ выступила фигура старика Жакото.

— Только тронь ее!...

Теперь ужъ не отъ слабости дрожали его старые члены. Безжизненный взглядъ загорѣлся и изъ подъ красныхъ вѣкъ, окаймленныхъ рѣдкими рѣсницами, глаза его, какъ у разъяреннаго волка, сверкали бѣшенствомъ. Обычная старческая немощь исчезла безъ слѣда; вся рослая фигура его выпрямилась, окрѣпла отъ гнѣва, и онъ съ грознымъ видомъ приближался къ сыну, превышая его на цѣлую голову.

— Берегись, если я поймаю тебя на этомъ еще раз!

Освирѣпѣвъ, оцетинившись, какъ кабанъ, котораго спугнули съ его логовища, онъ подошелъ къ сыну и схватилъ его за плечо своими длинными, костлявыми, еще сильными пальцами, на которыхъ рѣзко обозначались сухожилия мышцъ.

— Чтобы никогда это не повторалось... слышишь... никогда!

— Да ну васъ, пустите, бормоталъ Венсанъ, пытаюсь высвободиться;—чего вы такъ накиннулись!

Жилыстыя руки приподняли толстяка, разжались и оттолкнули его. Онъ зашатался и едва не упалъ; оправившись немного, онъ принялся ворчать, стараясь скрыть свое смущеніе

— Развѣ я мѣшаюсь въ ваши дѣла?

— Въ мои дѣла, мерзавецъ?

Старикъ задыхался отъ гнѣва. Всѣ униженія, всѣ лишения, которыя приходилось выносить въ долгій періодъ физической и умственной дряхлости, теперь вдругъ прихлынули, вспыхнули, какъ яркій огонь, и озарили внезапнымъ свѣтомъ его потухшее сознание.

— Да, если-бы я поразказалъ про мои дѣла, если-бы судъ хотѣ однимъ глазомъ взглянуть на нихъ, если-бы люди знали, что у насъ тутъ дѣлается!.. Ой, не выводи меня изъ терпѣнія; не поздоровится тебѣ, если я вздумаю повыжать изъ тебя все, что ты награбилъ!..

Багровое лице Венсана слегка поблѣднѣло. Мысли лѣниво ворочались въ его ожирѣвшемъ мозгу; расчетливость, алчность пересиливали жестокіе инстинкты его сангвиническаго темперамента.

«Можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ отецъ имѣеть право нарушить условіе и отказаться отъ своей пожизненной пенсіи!»

Но пароксизмъ уже кончился. Старикъ вдругъ снова осунулся. Спина сторбилась, губы, только что дрожавшія отъ гнѣва, безжизненно повисли, руки попрежнему начали трястись, грудь тяжело и порывисто дышала. Съ потухшимъ взоромъ, болѣе дряхлый, болѣе надломленный, чѣмъ до гнѣвнаго припадка, онъ принужденъ былъ опереться на тщедушный стулъ гусятницы.

— Пойдемъ, Жаклина; людямъ, которые, какъ мы съ тобой, не ужинали сегодня, пора и на покой.

Тяжелые, неровные шаги дѣда и легкая поступь босаго ребенка, удаляясь, замерли въ тишинѣ ночи.

Въ теченіи нѣсколькихъ минутъ младшій Жакото слѣдилъ за ними своимъ хищнымъ взглядомъ, стараясь разглядѣть въ темнотѣ ихъ смутныя очертанія; потомъ въ его задумчивыхъ глазахъ вспыхнула искра; кулакъ его волосистой руки судорожно сжался и искривленныя губы прошептали проклятіе.

— И умирать даже не хотеть, злобно промолвилъ онъ, заскрипѣвъ зубами.

III.

Бѣдный старикъ! Уже давно миновало то время, когда его убажали всякими обѣщаніями, старались соблазнить прелестями семейной жизни. Сынь, бывало, часто навѣщала его и каждый разъ приносилъ какой-нибудь гостинецъ, — то кусокъ масла, то пару бѣлыхъ пецарокъ, связанныхъ вмѣстѣ лапками.

Въ вечеру, послѣ ужина, онъ неизмѣнно сводилъ разговоръ на свою любимую тему:

— Ну что вамъ за охота, въ ваши годы, жить бобылемъ? Переѣзжайте ко мнѣ, право; по крайней мѣрѣ, будетъ кому позаботиться о васъ.

Отецъ колебался и долго не могъ рѣшиться.

— Нѣтъ, знаешь, привыкъ ужь я...

Тогда Венсанъ пускался въ нѣжности. Онъ чувствовалъ потребность въ обществѣ. Послѣ смерти покойницы жены, домъ казался ему пустымъ!...

Въ концѣ концовъ старикъ, наконецъ, не выдержалъ и сдался. Онъ поселился въ домъ сына, перевезя къ нему на тележкѣ свой домашній скарбъ, прельстившись перспективою соблазнительной семейной обстановки, которую разрисовывали ему самыми заманчивыми красками. Кромѣ того, его соблазняла другая надежда. Быть можетъ, Венсанъ надумаетъ во второй разъ жениться, и въ семьѣ появится маленькое созданіе, которое будетъ взбираться на колѣни дѣдушки.

Онъ такъ любитъ дѣтей. Бывало, онъ долго стоитъ передъ школою и смотритъ, какъ они возятся, отправляясь домой послѣ ученія, растрепанные, чумазы, бросая другъ въ друга своими тетрадами или пустыми корзинками. И онъ улыбался имъ своею доброю улыбкой, отъ которой морщился его изрѣзаннѣй подбородокъ, съ тайною завистью слѣдилъ за ними взглядомъ, который, казалось, говорилъ:

— Вотъ если-бы у меня былъ такой-же...

Но сорванцы проходили мимо него съ насмѣшливымъ, нахальнымъ видомъ и издѣвались надъ этимъ высокимъ, выжившимъ изъ ума, старикомъ; онъ продолжалъ свой путь, покачиваясь и опираясь на палку; голова его тряслась и вся фигура выражала крайнюю дряхлость. Онъ въ сущности былъ еще не очень старъ, но тяжелая работа надломила его раньше времени; въ жизни труженика годы считаются вдвойнѣ.

А Венсанъ и не думалъ о женитьбѣ. Во-первыхъ, хорошаго приданаго на улицѣ не подымешь, а во-вторыхъ, эти жены всегда тратятъ кучу денегъ. Къ тому-же онъ нисколько не тяготился свободною жизнью вдовца. Округливъ свое имѣніе, присоединивъ къ нему напередъ отцовское наслѣдство, онъ значительно возвысился въ своемъ собственномъ мнѣніи, сталъ еще самоувѣреннѣе и не хуже всякаго удалаго парня обхватывалъ упругій станъ трактирныхъ служавокъ. Были между ними, конечно, и такія, которыя прини-

мали эти любезности не особенно милостиво, но и онъ все-таки чувствовали себя польщенными. Еще-бы, мужчина онъ былъ хоть куда...

И бывало, когда фермеръ отправлялся куда-нибудь на ярмарку, вездѣ на дорогѣ съ нимъ заигрывали, дѣлали ему глазки; плотныя, дородныя красавицы встрѣчали его на порогахъ, ласковыя, веселыя, съ широкой улыбкой на свѣжихъ, румяныхъ лицахъ.

За-то, вернувшись домой, послѣ всего этого шумнаго веселья разгульной бродячей жизни, какъ досадно было вѣчно видѣть передъ собою пасмурную физиономію угрюмаго старика. Въ началѣ все шло хорошо, но со временемъ это положеніе стало его раздражать. Къ тому-же, забравъ отцовскія денежки, онъ принужденъ былъ выплачивать ему пожизненную пенсію.

Положимъ, половина выплачивалась натурою, но тѣмъ не менѣе эти проклятые шестимѣсячные сроки ужасно быстро слѣдовали одинъ за другимъ.

Старикъ, повидимому, и не собирался умирать, и сынъ, наконецъ, просто сталъ озлобляться противъ него. И чего онъ тутъ торчитъ, скажите пожалуйста? Есть люди, которые действительно не умѣютъ исчезнуть во-время!

Притомъ ему въ послѣднее время не везло; всякія глупыя исторіи обрушивались на него. Извѣстно вѣдь, придетъ бѣда—растворятъ ворота!

Вотъ недавно еще у него была большая неприятность.

Эта скотина, Тальферъ, дрянной, вѣчно пьяный мужиченка, котораго Венсанъ нанималъ во время жатвы, вздумалъ попасть подъ колеса тяжелой телѣги съ сѣномъ. Колеса раздавили ему грудь, да и лошади, которыхъ онъ часто подчищалъ кнутомъ, а при случаѣ надѣлялъ даже ударами своихъ тяжелыхъ, обитыхъ гвоздями башмаковъ, воспользовались этимъ случаемъ, чтобы отомстить за всѣ истязанія. Когда его вытащили изъ-подъ телѣги, разбитаго, изуродованнаго съ неподвижными, выступившими изъ орбитъ глазами, онъ былъ въ такомъ состояніи, что оставалось только положить его въ гробъ.

Исторія эта надѣлала не мало шума. Во-первыхъ, пришлось раскошелиться и платить, какъ будто покойникъ и въ самомъ дѣлѣ былъ путный человекъ. Наѣхали судейскіе въ накрахма-

ленныхъ бѣлыхъ галстукахъ, составили протоколъ. Вся деревня сбѣжалась поглазѣть на невиданное зрѣлище; народу вокругъ фермы собралось видимо-невидимо. Въ виду того, что несчастье случилось на хозяйской работѣ, хозяину пришлось заплатить за похороны, позаботиться о вдовѣ, несчастной, искалеченной тяжелой работой женщицѣ, оставшейся съ ребенкомъ на рукахъ. Словомъ, совсѣмъ никуда негодный былъ народъ; никогда не платили въ срокъ за наемъ своего дома, и то и дѣло требовали отсрочки, когда нужно было вносить аренду за несчастный клочекъ земли, который они снимали.

Венсанъ повелъ себя въ этомъ дѣлѣ довольно прилично. Необходимо было заставить замолчать разныхъ болтуновъ, которые рады были почесать языки. Тальфера, какъ слѣдуетъ, уложили въ гробъ, который въ сопровожденіи священника, облеченнаго въ стихарь, несли до самой церкви подъ чернымъ покрываломъ съ серебряной бахрамою.

Затѣмъ, когда гробъ былъ засыпанъ землею, когда свѣчи были потушены, когда траурная покрывала, скопканныя и измятыя, — всѣ эти печальные атрибуты смерти были отнесены куда слѣдуетъ, Жакото рѣшилъ, что теперь слѣдуетъ отправиться къ вдовѣ и сказать ей нѣсколько добрыхъ, утѣшительныхъ словъ. Онъ вошелъ къ ней съ лицомъ нѣсколько менѣе краснымъ, чѣмъ обыкновенно и, почесывая себѣ голову, чтобы найти подходящія выраженія, началъ:

— Что-жъ дѣлать! Главное не теряйте бодрости; какого чорта!..

Она смотрѣла на него своими сухими, воспаленными глазами, дрожа отъ лихорадки подъ маленькимъ чернымъ шерстянымъ платкомъ, прикрывавшимъ ея худыя плечи, и ничего не отвѣчала.

Не терять бодрости! Какъ будто въ долгой отчаянной борьбѣ, надломившей ея жизнь, она не истратила уже всего запаса бодрости, которымъ Богъ можетъ снабдить человеческое существо.

Въ то время, какъ онъ стоялъ передъ нею смущенный ея молчаніемъ, нѣсколько обиженный за то, что она не относится къ нему, какъ къ благодѣтелю, маленькая, худенькая дѣвочка подошла къ несчастной женщицѣ и, прижавшись къ ея старому траурному платью, сказала:

— Ты знаешь, мама, вѣдь я здѣсь...

Суровый, недовѣрчивый взглядъ матери принялъ болѣе мягкое выраженіе, глаза подернулись влагою; она крѣпко обняла ребенка, и двѣ жгучія слезы упали на головку ласкавшей ее дѣвочки.

Фермеръ вышелъ смущенный, сконфуженный и, возвращаясь домой, рассчитывалъ, сколько денегъ стоила ему эта глупая исторія, въ которой, въ добавокъ, пришлось имѣть дѣло съ неблагодарными людьми.

Въ виду этого, лишь только улеглось первое волненіе, онъ занялся серьезными дѣлами и прежде всего потребовалъ просроченную плату за квартиру. Бѣдная женщина, которая была кругомъ въ долгу и совершенно истощена болѣзью, пришла въ отчаяніе, такъ какъ впереди грозилъ неминуемый исходъ, — описаніе имущества, а хозяинъ воспользовался и этимъ случаемъ, чтобы доказать свое великодушіе, и согласился потерпѣть.

Но вѣдь всему есть предѣлы. Въ одинъ прекрасный день, къ концу осени, онъ заставилъ мать вмѣстѣ съ ребенкомъ очистить домъ. Время года, конечно, было несовсѣмъ удобное для того, чтобы выгонять людей на улицу. Онѣ рѣшительно не знали, куда дѣваться, и побрели, куда глаза глядятъ, подъ холоднымъ дождемъ, отъ котораго ихъ взмокшія платья прилипали къ тѣлу. При такихъ условіяхъ далеко не уйдешь! Выбившись изъ силъ, больная, чахоточная вдова, едва живая, упала передъ дверью какого-то дома, гдѣ не отказались принять умирающую женщину, и вскорѣ она навѣки нашла себѣ пріютъ въ общей могилѣ.

Ужъ на этотъ разъ всё съ негодованіемъ накинулись на Жабото. Даже тѣ, которые дѣйствовали самымъ безжалостнымъ образомъ противъ несчастной матери, теперь первые готовы были бросить въ него камень. Какой позоръ! Поступить такъ жестоко, послѣ того, какъ несчастіе случилось у него, на его работѣ!

Сначала онъ дѣлалъ видъ, что не обращаетъ вниманія на эти толки, но они тѣмъ не менѣе раздражали его не на шутку. Наконецъ онъ рѣшился сразу положить имъ конецъ. Нѣсколько дней спустя послѣ смерти матери, онъ самъ пріѣхалъ за ребенкомъ въ своей тележкѣ.

— Дѣвченку-то я возьму на свое попеченіе. Вѣдь она принадлежит мнѣ по праву, не правда-ли?

При этомъ онъ смѣялся самымъ добродушнымъ смѣхомъ, отъ котораго дрожало все его толстое тѣло.

Послѣ такого поступка умолкли всѣ злые языки. Въ самомъ дѣлѣ, въ чемъ-же еще можно было упрекнуть этого человека.

Для его дома это, разумѣется, была новая обуза. На что годился такой хилый заморышъ? Помѣстили было ее на птичьемъ дворѣ, задали ей самую грязную, неприятную работу, отъ которой всякій радъ былъ отказаться; но и тутъ она оказалась слишкомъ неловкой, слишкомъ слабой и, не смотря на побои и угрозы, не въ силахъ была справиться съ дѣломъ.

Венсанъ становился все мрачнѣе и мрачнѣе. Въ обществѣ этой нищенки, которая своими лохмотьями напоминала ему о брошенныхъ на вѣтеръ деньгахъ, и ворчливаго старика, присутствіе котораго невольно вызывало представленіе о предстоящихъ платежахъ, его одолѣвали самыя невеселыя думы. Въ глубинѣ души стыдился передъ самимъ собою, хотя и не рѣшаясь въ этомъ признаться, онъ тѣмъ не менѣе положительно досадовалъ, что эти негодныя созданія не умираютъ и объѣдаютъ его, а потому, понятное дѣло, урѣзывалъ расходы на ихъ содержаніе до послѣдней возможности. Нечего сказать, умную онъ придумалъ сдѣлку! Эти пожизненные пенсіи—чистѣйшій обманъ!.. Не мудрено, что два покинутыхъ, загнанныхъ, вѣчно голодныхъ существа, старикъ и ребенокъ, инстинктивно почувствовали другъ къ другу симпатію. Ее взяли съ улицы, его терпѣли въ силу необходимости; оба запуганные, боязливые, недовѣрчивые, они невольно сблизились, только смутно сознавая то глубокое, нѣжное чувство, которое связало ихъ, развившись изъ ихъ общаго горя.

IV.

Другимъ свѣтлымъ лучемъ въ невеселой жизни Жаклины была ея дружба съ Пьеромъ Модэномъ. До послѣдняго времени мальчикъ былъ всегда на самомъ худомъ счету, больше думалъ объ игрѣ, чѣмъ объ ученѣ, и старался при всякомъ удобномъ случаѣ отлыгнуть отъ школы, такъ что священникъ нерѣдко говаривалъ, между двумя понюшками табаку, пощипывая мальчика за кончикъ уха:

— Плохо, братъ, подвигаешься, плохо.

Въ ученьи онъ, увы! дѣйствительно подвигался плохо. Пуще всего любилъ онъ рыскать по пашнямъ, по цѣлымъ часамъ бродить вдоль береговъ какой-нибудь канавы, любилъ высокія деревья, на которыхъ, какъ ключья сѣна, висятъ мохнатые гнѣзда; весело ему было карабкаться вдоль вѣтвей ихъ и доставать изъ гнѣздъ еще красныхъ, дрожащихъ подъ рѣдкимъ пушкомъ птенцовъ.

Маріанна, всегда тревожившаяся за сына, постоянно за него заступалась.

Но отецъ сердился.

— У, лѣнтяй! Ужь быть тебѣ нищимъ!.. ворчалъ онъ, грозя сыну кулакомъ.

Мальчуганъ принимался ревѣть и прятался за юбку матери, между тѣмъ какъ мельникъ безъ всякихъ ощутительныхъ для сына послѣдствій, продолжалъ гремѣть и изливать накипѣвшій гнѣвъ.

Во время урока катихизиса за то было несравненно веселѣе. Человѣкъ двадцать ребятишекъ, такихъ-же, какъ онъ, шалуновъ, столпившись въ низкой, узкой часовнѣ, только и дѣлали, бывало, что надѣляли другъ друга цинками да пересмѣивались, не обращая ни малѣйшаго вниманія на строгіе взгляды добродушной «сестры», которая имѣла нѣсколько суровый видъ, только благодаря своему крылатому туго накрахмаленному чепцу.

Но однажды, выбѣжавъ изъ часовни, онъ съ удивленіемъ замѣтилъ въ одномъ изъ угловъ кладбища Жакину, которая стояла тамъ на колѣняхъ и, сложивъ руки, бормотала какія-то непонятныя для него слова.

Онъ дернулъ ее за платье.

— Перестань, сказала она вполголоса;—вѣдь ты знаешь, что они здѣсь.

Невольно струсивъ, онъ прижался къ ней.

— Кто-же?

— Смотри.

Вокругъ тихо стояли ряды черныхъ покосившихся крестовъ, на которыхъ, изъ-подъ засохшихъ вѣнковъ, виднѣлись намалеванныя бѣлой краской, но почти уже смытыя дождемъ слезы. Позеленѣвшіе отъ времени камни скрывали за густой крапи-

вой живую напыщенность эпитафій, тщеславіе посмертных восхваленій, забытыя обѣщанія вѣчныхъ сожалѣній. Но большинство могилъ, принадлежавшихъ безвѣстнымъ, темнымъ людямъ, обозначалось простыми зелеными кочками, напоминавшими по формѣ гробовыя крышки, на половину приподнятыя среди густой травы.

Дѣти инстинктивно понизили голосъ. Страшно представить себѣ этотъ долгій сонъ въ сырой холодной землѣ, подъ густою тѣнью тисовъ.

— Они тутъ, пропентала дѣвочка;—но гдѣ собственно, я и сама хорошенько не знаю. Я была тогда еще такая маленькая!..

Да, очень маленькая, слишкомъ маленькая, слишкомъ нѣжная и крупкая для тѣхъ грубыхъ рукъ, въ которыя она попала.

Съ тѣхъ поръ въ Пьерѣ произошла рѣзкая перемена. Сидя въ церкви, онъ съ какимъ-то шепчущимъ чувствомъ смутно представлялъ себѣ родителей Жаклины, погребенныхъ возлѣ паперти, и сердце его, согрѣтое нѣжною любовью Маріанны, сжималось при мысли объ одинокомъ, безотрадномъ существованіи гусятницы.

— Ну, да подожди, когда я вырасту большой...

Онъ сталъ усерднѣе готовить уроки, лучше велъ себя въ школѣ, былъ менѣе разсѣянъ во время службы и этимъ заслужилъ похвалу священника, который дружески потрепалъ его по щекѣ и подарилъ ему нѣсколько хорошихъ картинокъ, заложенныхъ въ его молитвенникѣ.

Не даромъ при выходѣ поднялась такая толкотня; всякому хотѣлось взглянуть на эти чудныя картинки, гдѣ на розовомъ фонѣ красовались святые угодники съ золотымъ сіяніемъ вокругъ головы, гдѣ окровавленные сердца, обвитыя гирляндами цвѣтовъ, горѣли огнемъ безсмертной любви среди красиваго кружевнаго бордюра, гдѣ дѣвушки, идущія къ причастію, улыбались подъ крупными складками своихъ бумажныхъ вуалей, гдѣ красивые, завитые юноши съ бѣлой шелковой лентой на одной рукѣ, другою держали свѣчи, на которыхъ вмѣсто пламени сверкали кусочки фольги.

Да, обращеніе этого заблудшаго ребенка на путь истины было положительно чудотворнымъ проявленіемъ божьяго милосердія.

сердія. Во время причастія, къ которому онъ затѣмъ былъ допущенъ, онъ не только не скандализировалъ вѣрующихъ, но наоборотъ, произвелъ прекрасное впечатлѣніе даже рядомъ съ восторженною набожностью Жаклины. Маріанна заливалась слезами отъ умиленія, но отецъ, который относился къ религіи по своему, слылъ за свободнаго мыслителя, рѣшилъ отдать сына въ коллежъ.

Тяжело было Пьеру разставаться съ своей маленькой подругой. Она сдѣлалась для него олицетвореніемъ мудрости; благодаря ея вліянію, значительно дисциплинировалась его необузданная натура, и лѣтніи, легкомысленный мальчикъ превратился въ хорошаго ученика. Подобно многимъ другимъ, онъ и въ городѣ подчинился болѣе строгой и серьезной дисциплинѣ школы.

Пріѣзжая въ отпускъ, онъ каждый разъ спѣшилъ повидаться съ нею. Когда, бывало, къ Рождеству телѣжка мельника отправлялась за нимъ въ городъ подъ рѣзкимъ пронзительнымъ вѣтромъ, въ крѣпкій морозъ суровой бургундской зимы, онъ, пріѣзжая домой, тотчасъ опроретью бѣжалъ къ дому Жакото и тамъ, передъ каминомъ, прижавшись другъ къ другу, они долго сидѣли и болтали. Держа въ своей красной, распухшей и растрескавшейся отъ ознобленія рукѣ костлявые пальчики дѣвочки, онъ рассказывалъ ей про разныя невзгоды школьной жизни: про несправедливость надзирателей, про притѣсненія со стороны воспитанниковъ, которые всегда усаживаются вокругъ большой изразцовой печки, между тѣмъ какъ маленькіе, сидя гдѣ-нибудь въ углу и барабани ногами по полу, чтобы какъ-нибудь согрѣться, принуждены издали слушать, какъ заманчиво трещать въ печкѣ дрова.

Это, впрочемъ, нисколько не мѣшало Пьеру высматривать молодцомъ въ своемъ мундирѣ съ золотыми пуговицами. Оно и понятно; привычка постоянно вертѣться въ обществѣ товарищей придаетъ мальчику самоувѣренности. Вотъ что значить давать своимъ дѣтямъ образованіе!

Но главное торжество бывало на лѣтнихъ вакаціяхъ, когда онъ пріѣзжалъ съ зелеными бумажными вѣнками, нанизанными на руку, съ красивыми перевязанными лентою книгами въ разукрашенныхъ золотомъ переплетахъ.

Моданъ сзывалъ сосѣдей и, весь сіяя отъ гордости, выводилъ къ собравшейся компаніи маленькаго сынишку, имѣвша-

го прекурбесный видъ со своимъ маленькимъ личикомъ величиною въ кулакъ.

— Ну-тка, покажи имъ чему тебя тамъ выучили.

Мальчуганъ съ большою самоувѣренностью, съ важнымъ видомъ, совершенно позабывъ о выговорахъ, которыми его надѣляли въ школѣ за его деревенскую дикость и неповоротливость, начиналъ декламировать отрывокъ какого-нибудь дионрамба, заученнаго къ экзамену.

Все это онъ барабанилъ, не переводя духа, однообразнымъ голосомъ, безъ выраженія. Торопливо вырывавшіяся изъ устъ декламатора фразы теряли равновѣсіе и, спотыкаясь, падали другъ на друга, какъ бѣгущіе изъ класса школьники; а по временамъ неудержимая потребность передохнуть уничтожала послѣднюю возможность эффекта, перерѣзывала стихъ пополамъ и извращала смыслъ; но изумленные слушатели, не появившіе, разумѣется, ни одного слова, были въ восторгѣ и въ одинъ голосъ повторяли съ полнѣйшимъ убѣжденіемъ:

— Да, великое дѣло—ученье!

Еще-бы не великое!.. Къ такому-же заключенію, вѣроятно, приходила и Жакетта, которая, добравшись до него, робко говорила ему, вздыхая:

— Мнѣ-бы тоже хотѣлось учиться...

Престранная однако эта мысль,—учиться, когда никто тебя не принуждаетъ, невольно думалось нашему ученому мужу.

Но такъ какъ она непременно этого желала, то онъ отыскалъ для нея старую, истрепанную, ненужную книгу, сидя рядомъ, плечо къ плечу, они принялись читать по складамъ. Вечеромъ, подъ ивами ложились длинныя тѣни, и дѣвочка задумчиво глядѣла на пылавшій горизонтъ, какъ будто стараясь воспроизвести на его свѣтломъ фонѣ всѣ сцены и образы, которые она почерпала изъ книги. Чаще всего дѣйствіе происходило подъ палящимъ солнцемъ Востока; передъ ней рисовалась мертвая печальная пустыня и среди нея—непокорный, вѣчно роптавшій народъ; маленькая колыбель Моисея, которая, какъ лодочка, колышется на волнахъ Нила, и наконецъ, останавливается въ камышахъ, куда приходитъ царевна, посланная провидѣніемъ, или несется дальше и пристаетъ къ поросшему зелеными пальмами берегу оазиса, тамъ, гдѣ надъ бѣлымъ мраморомъ бьетъ серебристый источникъ, гдѣ Ревекка своими красивыми, обнаженными руками подни-

масть свою амфору и подносить ее къ алчущимъ губамъ Елизара.

Съ каждымъ приѣздомъ Пьеръ привозилъ съ собою новый запасъ знаній, запасъ въ сущности довольно таки тощій. И такимъ образомъ годъ проходилъ за годомъ, все сильнѣе скрѣпляя то взаимное чувство, которое связывало ихъ сердца.

Впрочемъ, предусмотрительный мельникъ началъ уже не на шутку тревожиться. Эта близость, которая когда-то вполне совпадала съ его расчетами, теперь ему совсѣмъ не нравилась. Пока вліяніе дѣвочки было нужно для того, чтобы дисциплинировать его парня, онъ не мѣшался въ ихъ отношенія, но теперь, когда Пьеръ могъ обойтись и безъ нея, мельникъ началъ подумывать, какъ-бы подъ благовиднымъ предлогомъ отъ нея отдѣлаться. Еслибы Пьеръ дѣйствительно оказался способнымъ оправдать великія надежды, которыя возлагалъ на него отецъ, то самую естественную развязкою оказался-бы выборъ опредѣленной карьеры, что навсегда удалила-бы его изъ деревни. Но безпечный, мечтательный мальчикъ задыхался въ узкихъ улицахъ, среди шума и суеты города, и попрежнему любилъ просторъ полей и вольное раздолье среди широко раздавагося горизонта.

Для Модэна это было жестокимъ ударомъ, разрушившимъ всѣ его блестящіе планы. Что ему теперь дѣлать съ сыномъ? Впрочемъ, въ концѣ концовъ онъ примирился съ необходимостью, а потомъ, не мало поломавъ себѣ голову, даже озарился новой счастливой мыслью. Въ одно прекрасное утро Пьера отправили на образцовую ферму, гдѣ онъ долженъ былъ теоретически и практически изучить сельское хозяйство.

V.

Маріанна положительно изнывала и чахла отъ этой долгой разлуки, срокъ которой даже не былъ извѣстенъ. Пока ее мальчикъ еще былъ тутъ не-подалеко, она хоть издали могла его чѣмъ-нибудь побаловать, но теперь отъ нея требовали ужъ слишкомъ многого; сердце ея ныло при мысли о громадномъ разстояніи, отдѣлявшемъ ее отъ сына, въ жизни ея образовался чувствительный, ничѣмъ незамѣнимый пробѣлъ. Подъ вліяніемъ особой тоски, свойственной матерямъ, у которыхъ отняли дѣтей, она часто внезапно просы-

налась по ночамъ, задыхаясь, какъ будто ее что-нибудь душило.

— Господи, а что, если онъ насъ забудетъ! Что, если ему тамъ понравится жить, и онъ не захочетъ вернуться къ намъ!..

Днемъ, подъ вліяніемъ разныхъ хлопотъ по хозяйству, этотъ страхъ преслѣдовалъ ее нѣсколько меньше, но что-нибудь минутно напоминало ей о сынѣ и о горькой разлукѣ; глубокий вздохъ невольно вырывался изъ груди и взоръ, словно туманомъ, застилался внезапно набѣжавшей слезой. Стоило ей, напримѣръ, увидѣть, какъ ребята выходятъ изъ школы съ веселыми раскраснѣвшимися рожицами, стоило услышать стукъ ихъ маленькихъ деревянныхъ башмаковъ по жесткой землѣ, стоило взглянуть на нихъ, когда они разсыпятся по всей улицѣ, какъ стая болтливыхъ воробьевъ, и на душѣ у нея шевелилось что-то особенное. Она невольно думала о Пьерѣ, представляя себѣ время его перваго дѣтства, спрашивала себя, не его-ли это торопливые шаги раздаются на улицѣ, и часто сама замѣчала, что подходитъ къ окну и начинаетъ смотрѣть на улицу какъ разъ въ тѣ самые часы, когда прежде, бывало, поджидала его возвращенія изъ школы. Великое дѣло—привычка!

Съ Модѣномъ у нея были нескончаемые споры. Она отъ воркотни легко переходила къ мольбамъ, а онъ, несговорчивый, упрямый, съ чисто-крестьянскимъ упорствомъ держался разъ задуманнаго плана.

— Пустяки! Путешествія очень полезны для молодыхъ людей; лучше этого ничего и придумать нельзя. Если-бы его, Модѣна, заставляли путешествовать въ молодости, такъ онъ-бы доказалъ, что это значить.

Хвастливо прищелкнувъ языкомъ, онъ этимъ, очевидно, хотѣлъ дать понять, что свершилъ-бы множество славныхъ дѣлъ, о которыхъ изъ скромности принужденъ умолчать. О, если-бы онъ въ молодости могъ покинуть свою деревню, кто знаетъ, какія перемѣны было-бы суждено испытать, благодаря этому обстоятельству, всему нашему грѣшному міру!

Маріанна плохо подавалась на его доводы, стояла на своемъ и въ подкрѣпленіе своихъ аргументовъ показывала какое-нибудь особенно чувствительное письмо отъ сына. Тогда

мельникъ начиналъ сердиться, все болѣе горячась, по мѣрѣ того, какъ ему возражали.

— Долго-ли ты будешь еще пилить меня? Нечего сказать, много-бы вы путнаго сдѣлали вдвоємъ, если-бы вамъ дать волю! Развѣ я затѣмъ воспитывалъ сына, чтобы онъ вѣчно сидѣлъ у тебя подъ подоломъ!..

Она умолкала, давая стихнуть грозѣ, но въ сущности прекрасно сознавая свою силу и чувствуя, что такъ-же сильна своею настойчивой кротостью, какъ онъ упрямъ и вспыльчивъ. Не зная, чѣмъ заняться въ часы досуга, она медленно поднималась въ пустую комнату сына.

Солнце прямо ударило въ окна, съ которыхъ сняты были занавѣски, и пучекъ рѣзкаго свѣта яркимъ пятномъ ложился на противоположную, выбѣленную стѣну. На потолокъ висѣли длинныя нити оборванной паутины. Постель, безъ простынь, попрежнему стояла подъ распятіемъ съ кропильницей, въ которомъ, задрѣвнившись за раковину, еще висѣла засохшая буксовая вѣтка.

— Мальчикъ мой, сынъ мой!..

Здѣсь она чувствовала себя не такою далекою отъ него, здѣсь она находила частицу его прошлаго существованія, крохи воспоминаній, которыя приближали ее къ нему. Здѣсь она сидѣла и теперь, мечтая о сынѣ. Въ сонной атмосферѣ безмолвныхъ послѣобѣденныхъ часовъ, когда мужчины на работѣ въ полѣ, когда хлѣва и конюшни пусты и на обширномъ дворѣ, который кажется еще просторнѣе отъ этой пустоты, слышно только хлопанье куръ, роющихъ въ землѣ, бряцанье бубенца и стукъ колесъ одинокой повозки гулко раздается среди опустѣвшей улицы.

— О, если-бы это былъ онъ!..

И взоръ ея невольно устремлялся на зеленый перекрестокъ, гдѣ пересѣкалось нѣсколько дорогъ.

Нѣтъ, это не онъ. А между тѣмъ, недалеко отъ ихъ воротъ, бряцаніе бубенцовъ вдругъ совершенно смолкло и, выснувшись немного изъ окна, можно было увидѣть маленькую, довольно изящную пролетку съ навѣсомъ изъ суроваго полотна, вырѣзаннаго по краямъ въ видѣ фестоновъ. Повидимому, что-то случилось съ этимъ экипажемъ: онъ вдругъ остановился посреди дороги, и большая неуклюжая лошадь, которая была

въ него запрожана, семенила ногами на одномъ мѣстѣ, но не двигалась впередъ.

Двѣ молодыя дѣвушки, помѣщавшіяся на сидѣннн, раскраснѣвшись отъ волненія и смущенія, нагнувшись, смотрѣли на колеса и старались дать себѣ отчетъ о причинѣ такой внезапной остановки. Отъ времени до времени старшая, видимо болѣе нетерпѣливая, подергивала возжами и выражала свою досаду.

— Во всемъ виновата эта кляча, горячилась она, презрительно вскинувъ головкой, и глядя на лошадь, которая дѣйствительно плохо гармонировала съ изящнымъ экипажемъ.

— Да и дороги невозможныя, продолжала другая; — то и дѣло спуски да подъемы; по моему, еще удивительно, какъ мы не переломали себѣ костей!

Теперь въ окнахъ кое-гдѣ стали показываться любопытныя головы. Манетта, бывшая служанка Манэновъ, пришедшая къ нимъ сегодня помогать въ стиркѣ, высунула въ окно свою костлявую фізіономію, словно обтянутую пергаментомъ. Заинтересованная появленіемъ незнакомокъ, она стояла, вытянувъ впередъ шею, засучивъ рукава, съ бурными, загорѣлыми руками, до локтей покрытыми горячею пѣною, которою были наполнены чаны, побѣлѣвшіе отъ поташа. Жанъ Вено, здоровенный малый въ цвѣтной рубахѣ, распахнувшейся надъ его волосатой грудью, бросилъ мѣшки съ мукой, которыми въ это время нагружалъ телѣгу, и подошелъ къ экипажу, приготовляясь, если нужно, помочь и пустить въ дѣло свои крѣпкія, мускулистыя руки.

Видя отчаянныя барышени, онъ добродушнымъ тономъ замѣтилъ, почесывая голову:

— Да, ужъ у насъ дороги таковскія; хотъ ихъ и знаешь, а все безъ опаски ѣздить не приходится.

Но онѣ не знали этихъ милыхъ дорогъ съ буграми и ухабами; онѣ только въ первый разъ отважились выѣхать и ужъ дѣйствительно могли сказать, что первый блинъ вышелъ комомъ.

— Ахъ, милыя вы мои, зачѣмъ-же вы такъ тревожитесь изъ-за такихъ пустяковъ, наставительнымъ тономъ сказала Манетта.

Но молодыя дѣвушки, раздраженныя приключеніемъ, по видимому мало обращали вниманія на эти слова; одна изъ нихъ соскочила съ экипажа.

— Что-же однако случилось съ этой проклятой повозкой?

Въ эту минуту Жанъ Вено какъ разъ открылъ, въ чемъ состояло препятствіе. Одна изъ оглобель раскололась и если кобыла пятилась и не хотѣла везти, то только потому, что при каждомъ движеніи острый конецъ цараналь ей бокъ. Такъ дальше ѣхать было невозможно; но ужъ онъ берется помочь горю. Онъ принадлежалъ къ числу мастеровъ на всѣ руки и увѣрялъ, что въ одну минуту починить пострадавшую оглоблю. Барышни чувствовали себя не совсѣмъ ловко среди обступившихъ ихъ крестьянокъ, которыя съ напряженнымъ вниманіемъ оглядывали ихъ, начиная съ высокихъ каблуконъ ихъ изящныхъ ботинокъ вплоть до красноватыхъ швовъ на амазонскихъ перчаткахъ, дивясь каждой мелочи въ ихъ изысканномъ туалетѣ. Впрочемъ, все любопытство зрителей выражалось исключительно взглядами; какъ люди солидные, они не любили тратить по-пусту словъ.

Наконецъ, Маріанна выручила ихъ изъ непріятнаго положенія.

— Пожалуйста, войдите, медмуазель.

Онѣ сначала колебались, но наконецъ рѣшились воспользоваться приглашеніемъ. Тамъ, въ большой, полутемной гостиной, въ которой на-скоро были растворены ставни, онѣ окончательно привели въ порядокъ свой туалетъ.

Какая глупая исторія! Онѣ только-что пріѣхали въ замокъ Вигоръ, гдѣ намѣрены поселиться, и на первый разъ такая удача! Какъ онѣ добивались этой пролетки, которую вотъ теперь уже успѣли сломать; но когда экипажъ очутился наконецъ въ ихъ каретномъ сараѣ, онѣ и сами не знали, какъ съ нимъ быть. Кого запречь? Объ этомъ онѣ не подумали. Имъ очевидно необходимо было пріобрѣсти пару пони, но ждать ихъ пришлось-бы цѣлую вѣчность; отецъ навѣрное сталь-бы искать до тѣхъ поръ, пока-бы не представился случай недорого купить, а онѣ сгорали отъ нетерпѣнія покататься по окрестностямъ. Всѣ лошади работали въ полѣ; наконецъ гдѣ-то на фермѣ отрыли эту долговязую кобылу, и онѣ храбро рѣшились пуститься въ путь.

— Лошадь совсѣмъ подходящая, объявилъ конюхъ съ видомъ знатока.

Для виду на нее надѣли нарядную сбрую, хомутъ убрали бубенцами, а узду кисточками. Въ такомъ убранствѣ лошадь

въ самомъ дѣлѣ имѣла довольно сносный видъ. Молодые дѣвушки были въ восторгѣ и, схвативши возжи, весело крикнули:

— Ну, Кокотта, трогай!..

Грузно переваливаясь, неуклюжая кобыла, видимо чувствуя себя нѣсколько неловко подъ своей кокетливой сбруей, тронулась въ путь, потрясая при каждомъ шагѣ легенькій, изящный экипажъ. Сначала все шло довольно благополучно. Особенно весело было на спускахъ. При пролеткѣ не оказалось ни малѣйшаго тормоза, и по крутымъ склонамъ приходилось быстро скользить, словно спускаясь на санкахъ съ русской ледяной горы. Это было чрезвычайно забавно. На ровныхъ мѣстахъ Кокотта нѣсколько отдыхала отъ этихъ непривычныхъ для нея упражненій; тяжело переводя дыханіе, она потряхивала головой, по временамъ выражая свой протестъ легкимъ ржаніемъ, но затѣмъ опять терпѣливо начинала взбираться на гору, такъ какъ дороги въ этой мѣстности то и дѣло спускались и подымались. Но подъ конецъ, когда лошадь опять припустилась было галопомъ, что-то внезапно остановило экипажъ. Трахъ!... Лошадь начала брыкаться, и если бы на помощь не подоспѣли обитатели мельницы, то дѣвушки очутились бы въ большомъ затрудненіи.

Переконфузившись, онѣ стали извиняться, что надѣлали такой переполохъ, но радушная Маріанна поспѣшила успокоить ихъ.

— Ну, развѣ стоитъ говорить объ этомъ? Ну, какой-же тутъ переполохъ? Напротивъ, она счастлива, что можетъ имъ хоть чѣмъ-нибудь услужить.

Радушіе хозяйки мало-по-малу произвело свое дѣйствіе; очарованныя ласковымъ приемомъ, молодые дѣвушки оправившись отъ своего смущенія, и скоро у нихъ съ хозяйкой завязался разговоръ. Это то-же было удовольствіе, котораго онѣ въ послѣднее время почти совершенно не знали. О, этотъ замокъ Вигоръ! Въ монастырѣ имъ было гораздо веселѣе. Обѣ дѣвушки видимо тяготились однообразной, праздною жизнью, которую приходилось вести изо-дня въ день.

Починенная пролетка стояла на дворѣ; Кокотта, окончательно успокоившись, стояла уныло, понуривъ голову, какъ истая рабочая кляча, давно помирившаяся съ неизбѣжностью тяжелаго труда. Жанъ Вено, сіяя отъ удовольствія, нѣсколько

болѣе красный и потный, чѣмъ прежде, ласково похлопывалъ лошадь.

— Ничего себѣ, добрый конь...

Хозяйка обмѣнивалась съ уѣзжавшими гостями послѣдними любезностями; онѣ разсыпались въ благодарностяхъ и общали непремѣнно побывать еще разъ. Не торопясь, усаживались онѣ въ экипажъ, какъ-будто съ сожалѣніемъ покидая эту гостепріимную ферму, гдѣ имъ хоть на часокъ удалось страхнуть тоскливое однообразіе ихъ ежедневнаго существованія. Когда экипажъ, катившійся теперь безъ всякой задержки, отъѣхалъ уже на нѣкоторое разстояніе, толстая, курчавая голова Модэна, красная до кончиковъ ушей, вдругъ выросла передъ Маріанной.

— Гдѣ онѣ живутъ?

Гдѣ онѣ живутъ? Въ замкѣ Вигоръ; вѣдь это дочери новаго собственника замка, ни болѣе, ни менѣе. Этотъ Модэнъ никогда ничего не знаетъ, словно съ неба свалился.

Онъ ничего не возразилъ и съ нѣсколько смущеннымъ, озадаченнымъ выраженіемъ смотрѣлъ въ сторону, гдѣ скрылись барышни. Затѣмъ онъ потихоньку направился обратно къ мельницѣ, отъ времени до времени почесывая за ухомъ и бормоча себѣ подъ носъ:

— А вѣдь онѣ очень не дурны; въ особенности эта маленькая пышка...

Толстыя губы его искривились широкой улыбкой. Онъ улыбался самому себѣ, вполне довольный собою, удовлетворенный жизнью, наслаждаясь счастіемъ въ разнообразныхъ видахъ, — въ видѣ тайныхъ радостей удовлетвореннаго тщеславія и честолюбивыхъ плановъ. Онъ началъ даже насвистывать какую-то пѣсенку; и въ этотъ день, когда Маріанна, возвращаясь къ своей излюбленной темѣ, стала говорить о возвращеніи Пьера, мельникъ видимо подавался и противупоставлялъ ей нападеніямъ очень слабый отпоръ.

VI.

Что была за радость, когда Пьеръ, наконецъ, вернулся домой. Какъ быстро забываешь минувшее горе подъ наплывомъ счастья въ такія минуты. Да, это онъ, онъ обнимаетъ своими сильными руками Маріанну. Вѣдь совсѣмъ ужъ взрослый

мужчина, что ни говори. Она задыхалась отъ счастья и едва могла вымолвить слово:

— Дитя мое... Дитя мое...

О, эти блаженные слезы! Какъ онѣ освѣжаютъ, облегчаютъ душу; и какъ обильно лились онѣ по ея щекамъ, краснымъ и лоснящимся, словно яблочко.

Послѣ матери Модэнъ овладѣлъ сыномъ, старая отъ нетерпѣнія пройти съ нимъ по деревнѣ, останавливаясь то тамъ, то здѣсь, подъ предлогомъ разговоровъ, но въ сущности единственно для того, чтобы лучше показать своего молодца. Всякій прежде всего дѣлалъ видъ, что не узнаетъ Пьера, а потомъ начинались безконечныя восклицанія: — «Скажите, пожалуйста!.. Не можетъ быть!..»

— Ну, ужъ нечего сказать, измѣнился паренекъ!

И дѣйствительно, неужели этотъ рослый, стройный молодецъ, совсѣмъ не похожій на неуклюжаго крестьянина, съ блѣдноватымъ, но здоровымъ загорѣлымъ лицомъ, былъ тотъ самый хилый мальчикъ, котораго Марианна такъ долго держала подъ крылышкомъ?

Мельникъ продолжалъ расхаживать по деревнѣ и не могъ до-сыта наслушаться сыпавшихся со всѣхъ сторонъ похвалъ; да и самъ онъ въ эту минуту, подъ вліяніемъ своего наивнаго тщеславія, чувствовалъ себя безконечно добрымъ.

— А гдѣ-же запропастилась эта плутовка, Жакетта? Мнѣ бы хотѣлось знать, что она скажетъ, когда увидитъ тебя.

Жаклина, дѣйствительно, была единственнымъ лицомъ, котораго они еще не встрѣтили; всѣ остальные наперерывъ спѣшили взглянуть на пріѣзжаго. Почему-же она, вмѣсто того, чтобы попрежнему бѣжать къ нему на встрѣчу, теперь неподвижно стояла въ своемъ бѣломъ чепчикѣ на порогѣ двери, передъ домомъ Жакото, смущенная, серьезная?

Мельникъ, котораго забавляло ихъ обоюдное смущеніе, залился громкимъ смѣхомъ, отъ котораго дрожали его двойной подбородокъ.

— Что, Жакетта, видно и ты даже не можешь признать въ немъ прежняго мальчугана?

Она стояла, вся зардѣвшись подъ взглядомъ Пьера. Ему тоже трудно было узнать въ этой роскошной, прелестной дѣвущкѣ бѣдное тщедушное созданіе, которое онъ покинулъ нѣ-

сколько лѣтъ тому назадъ, еще въ періодѣ запоздалаго, болѣзненнаго дѣтства. Она продолжала молчать.

— Что-же, Жаклина, началъ онъ почти взволнованнымъ голосомъ; — теперь ужъ мнѣ приходится тебя отыскивать; стало-быть правда, что ты забыла меня?..

— Забыть васъ?..

Ея голосъ слегка дрожалъ. Ея черныя рѣсницы приподнялись. Нѣтъ, въ этомъ взглядѣ ничто, рѣшительно, не напоминало прежняго злобнаго упрямства, свѣтившагося, бывало, въ ея глазахъ. На матовыхъ щекахъ, покрытыхъ легкимъ румянцемъ, не видно было ни малѣйшихъ слѣдовъ прежней мѣдно-красной кожи молодой дикарки. Развѣ только толстыя, тяжелыя косы, съ трудомъ державшіяся на головѣ, напоминали немного о косматой, нечесанной гривѣ, покрывавшей когда-то голову маленькой гусятницы.

— Забыть васъ?.. О, нѣтъ, Шерь; но вѣдь вы теперь стали бариномъ...

— Я—бариномъ? Посмотри мнѣ въ лицо. Можетъ быть, изъ меня и старались сдѣлать барина, да не удалось; не изъ того я видно матеріала, изъ котораго дѣлаютъ баръ.

Они молча смотрѣли другъ на друга, смущенные воспоминаніемъ о прошломъ, но вдругъ изъ дома послышался дрожащій старческой голосъ, напоминавшій хриплое карканье ворона:

— Жакетта!.. Жакетта!..

Этотъ глухой голосъ, сначала умоляющій, съ отгнкомъ жалобы, мало по малу раздавался все громче и принялъ, наконецъ, нетерпѣливую, деспотическую интонацію, свойственную разсерженному, избалованному ребенку. Дѣвушка повернулась къ дому.

— Слышите, онъ зоветъ меня... Онъ ужъ такъ давно привыкъ, чтобы я занималась только имъ однимъ, прибавила она, какъ будто въ видѣ извиненія, скрываясь за дверью.

Сидя въ своемъ большомъ креслѣ, передъ очагомъ, на которомъ догорало послѣднее полѣно, уже покрывшееся мѣстами бѣлымъ пепломъ, старикъ Жакото, согнувшись дугой и какъ будто еще болѣе сморщившись отъ старости, дрожалъ отъ холода и старческой дряхлости и протягивалъ къ огню свои костлявыя, жилистыя руки. Дѣвушка подошла къ старику и склонившись надъ нимъ въ живописной, материнской

позѣ, прекрасно обрисовывавшей мягкіе контуры ея граціозной фігуры, прислушивалась къ его воркотнѣ, отвѣчала успокоительнымъ жестомъ на какую-нибудь жалобу, которую только она одна и понимала, подобно тому, какъ однѣ матери понимаютъ безсвязный лепетъ своихъ дѣтей. Такъ она стояла, слегка перегнувши станъ, обернувшись спиною къ двери; высокую грудь плотно обхватывала косынка; черная коса, выбившись изъ-подъ чепца, нѣсколько спустилась на шею и, какъ полоса тѣни, рѣзко чернѣла на ея бѣломъ фонѣ. Волненіе, которое на минуту овладѣло ею при появленіи Пьера, теперь, повидимому, совершенно улеглось. Она развѣ только смутно вспоминала, что онъ пріѣхалъ и только что былъ здѣсь. Всецѣло поглощенная заботами о старикѣ, равнодушная и разсѣянная во всемъ, что не касалось его, она, повидимому, относилась съ неизмѣннымъ, неутомимымъ вниманіемъ только къ одному, — къ его крикамъ и воркотнѣ.

По мѣрѣ того, какъ Пьеръ удалялся, имъ все больше овладѣвала досада.

— Стало быть, ее ужъ ничто не интересуетъ, кромѣ этого дома?..

— Что-жь тутъ удивительнаго? Принимая въ расчетъ ея отношенія къ сыну, весьма естественно, что она ни въ чемъ не отказываетъ отцу...

Попавъ на эту тему, мельникъ съ прежнимъ добродушнымъ видомъ, съ насмѣшливой улыбкой рискнулъ пустить въ ходъ нѣсколько двусмысленныхъ намековъ. Положеніе дѣлъ круто измѣнилось въ домѣ Жако. Сколько объ этомъ было разговоровъ въ деревнѣ! Теперь она всѣмъ въ домѣ распоряжается; у нея ключи отъ всѣхъ шкафовъ. Венсанъ теперь тише воды, ниже травы.

Да, вотъ что значитъ быть красивой дѣвушкой.

Не такъ надѣялся Пьеръ свидѣться съ бывшей подругой дѣтства, къ которой былъ привязанъ всей душой; она играла роль во всѣхъ его воспоминаніяхъ, встрѣчѣ съ ней онъ такъ радовался! Это было его первымъ горькимъ разочарованіемъ. Свѣтлое прошлое подернулось грязной пеленой позорныхъ сплетенъ. Что-то оборвалось въ немъ, и счастливая вѣра прежнихъ лѣтъ, казалось, исчезла навсегда.

А впрочемъ, что за бѣда? Развѣ имъ не суждено состариться, живя врозь и съ каждымъ днемъ утрачивая все болѣе

и болѣе спокойное довѣріе другъ къ другу, которое согрѣвало ихъ чистое дѣтство. Какія онъ могъ заявить права? Развѣ разлука не оборвала постепенно всѣхъ связей, которыхъ непрочность онъ увидѣлъ только теперь.

Да, наконецъ, еще основательны-ли всѣ эти подозрѣнія? Чѣмъ дольше онъ думалъ надъ этимъ вопросомъ, тѣмъ болѣе одолевали его сомнѣнія. Имъ невольно овладѣвало смущеніе, когда онъ видѣлъ, какъ она проходила каждый день по улицѣ спокойная, почти гордая, съ сдержанной улыбкой, съ невозмутимо безмятежнымъ выраженіемъ во взглядѣ. Онъ невольно любовался ею, когда она своимъ спокойнымъ шагомъ шла гдѣнибудь въ полѣ, склонивъ немного голову, какъ будто погруженная въ глубокую думу. Въ этихъ мѣстахъ, гдѣ они оба провели свое дѣтство, всякій предметъ напоминалъ о прошломъ. Здѣсь они гуляли вмѣстѣ между полями пшеницы, болтали, бѣгая по лугамъ, отдыхали подъ тѣнью фруктовыхъ деревьевъ, на вѣтвяхъ которыхъ зеленѣли плоды. Всѣ эти воспоминанія воскресали передъ нимъ и теперь, когда онъ вдыхалъ благоуханія деревьевъ, подъ свѣжею тѣнью душистыхъ кустовъ.

Но ревнивыя сомнѣнія, которыя волновали его теперь, вызывались уже не дружбою. Другое, незнакомое ему до сихъ поръ чувство пробудилось въ немъ, огненной струей разлившись по его жиламъ. Ужасные намеки отца неотвязно преслѣдовали его и словно огнемъ жгли его воспаленный мозгъ. Онъ гналъ ихъ отъ себя, старался бороться съ одолевавшими его мрачными мыслями, но вмѣстѣ съ тѣмъ невольно поддавался этимъ лживымъ навѣтамъ; его противъ воли притягивали къ себѣ эти опущенныя рѣсницы, подъ которыми таился огненный взглядъ; никогда еще неизвѣданное прежде волненіе, овладѣвавшее всѣмъ его существомъ при появленіи Жакины, только теперь заставило его понять всю силу охватившей его страсти. Никогда еще не испытавъ любви къ женщинѣ, онъ съ недоумѣніемъ, почти со страхомъ прислушивался къ голосу этого новаго, внезапно проснувагося въ его сердцѣ чувства, къ опьяняющимъ и вмѣстѣ съ тѣмъ мучительнымъ ощущеніямъ, которыя пробуждалъ въ глубинѣ его души ея кроткій взглядъ или даже прикосновеніе ея длинныхъ и тонкихъ пальцевъ.

Впрочемъ, онъ видѣлся съ нею очень рѣдко. Она избѣгала

встрѣчаться съ нимъ наединѣ. Часто онъ поджидалъ ее, твердо рѣшившись излить передъ нею всѣ свои страданія, высказать ей всѣ мучившія его сомнѣнія; въ такія минуты имъ овладѣвало неудержимое желаніе освѣжить свою горѣвшую, какъ въ лихорадкѣ, голову прикосновеніемъ ея рукъ; онъ воображалъ, что она однимъ словомъ положитъ конецъ мучительнымъ сомнѣніямъ, что онъ покинетъ ее успокоенный, съ облегченнымъ сердцемъ, съ отдохнувшею душою. Но лишь только она появлялась, рѣшимость покидала его, слова какъ будто застрѣвали въ горлѣ. Непобѣдимая робость отнимала у него всякую смѣлость и мѣшала ему высказать то, что было на душѣ. Они въ смущеніи обмѣнивались какою-нибудь банальной фразой и, улыбнувшись другъ другу, расходились въ разныя стороны.

Послѣ такихъ неудачныхъ попытокъ, онъ презиралъ себя, снова начиналъ ее преслѣдовать, нисколько, по видимому, не стѣсняя и не смущая ее этимъ, еще болѣе раздражаясь, при видѣ ея спокойной самоувѣренности, и, не имѣя возможности часто встрѣчать ее въ другихъ мѣстахъ, сталъ посѣщать церковь, гдѣ онъ, по крайней мѣрѣ, могъ навѣрное рассчитывать увидѣть ее. Онъ присутствовалъ на каждомъ богослуженіи съ такою изумительною аккуратностью, которая приводила въ умиленіе благочестивыхъ прихожанъ, и не подозрѣвалъ, что при его появленіи не одна хорошенькая головка съ трепетнымъ любопытствомъ оборачивалась въ его сторону.

Барышни Берне, изъ замка Вигоръ, каждую недѣлю тоже неизмѣнно появлялись въ церкви и, усаживаясь всегда на одномъ и томъ же мѣстѣ, усердно протирали колѣнами солому молитвенныхъ скамеекъ.

Печально тянется жизнь владѣтельницы замка, если ремесло это не по сердцу человѣку. Бѣдныя дѣвушки замѣтно постарѣли за два года, въ теченіе которыхъ онѣ были обречены на эту долю. Кровь прилиwała къ головѣ, на румяныхъ щекахъ начали уже выступать синеватныя пятна. Онѣ задыхались отъ избытка здоровья, обманутыхъ надеждъ и нетерпѣнія. Затянутыя въ платья, которыя трещали по всѣмъ швамъ, въ перчаткахъ, едва обхватывавшихъ пухлыя руки, дородныя красавицы, пожираемыя тайными желаніями, казались заглушить ихъ напускнымъ, преувеличеннымъ смиреніемъ

и наполняли всю церковь благочестивымъ шелестомъ своихъ накрахмаленныхъ юбокъ.

Кому придетъ въ голову искать себѣ невѣсту въ этомъ захолустьѣ, куда затащилъ ихъ быстро разжившійся отецъ, руководствовавшійся исключительно своимъ собственнымъ, наивнымъ и грубымъ эгоизмомъ?

Мудрено-ли, что аккуратныя появленія въ церкви этого высокаго молодого человѣка, съ стройной, совѣмъ не мужицкой фигурой, казавшагося почти изящнымъ со своей гибкой тальею и нѣжнымъ цвѣтомъ лица, начинали не на шутку интересоваться и даже волновать ихъ. Онѣ часто смотрѣли на него, забывая про богослуженіе и молитвы; возвращаясь домой, онѣ уносили съ собой воспоминаніе объ этомъ свѣтломъ взглядѣ и бѣломъ лбѣ.

Онѣ чаще прежняго стали появляться у алтаря и на исповѣди, не пропускали ни одной обѣдни, ни одной проповѣди. Но, увы! все было напрасно. Не на нихъ заглядывался молодой мечтатель. Глаза его отыскивали между колоннами дрожащій силуэтъ скромнаго чепца, благочестиво склонившагося надъ пожелтѣвшей страницей старой книги. Этотъ маленькій чепецъ уже навѣрное мелькалъ каждый разъ въ углу старинной церкви, тамъ, гдѣ въ глубокой тѣни скрывается исповѣдная. Мимо нея проходили идущія на исповѣдь женщины и дѣвушки, робкій шопотъ доносился до нея сквозь отверстія рѣзной готической двери, замирая въ складкахъ зеленой саржевой занавѣски. Яркій дневной свѣтъ струился въ стрѣльчатые окна съ свѣтлыми стеклами. Только въ одномъ кругломъ окнѣ еще сохранились остатки старинныхъ разноцвѣтныхъ стеколъ, и нѣсколько лучей, пробравшись сквозь нихъ, окрашивались въ пурпуровый, лазуревый и золотистый цвѣта и пестрыми пятнами ложились на обнаженные, холодныя каменные плиты. Съ каждой стороны хоровъ чернѣли глубокія ниши, боковыя часовни, въ которыхъ на стѣнахъ еще виднѣлись слѣды старинной живописи. Въ глубинѣ церкви, на вышитыхъ покрывалахъ алтаря, между золочеными фарфоровыми вазами съ зеленымъ мохомъ и воткнутыми въ него искусственными цвѣтами, виднѣлись окровавленные, изцарапанные терніемъ головы и крашенныя алебастровыя мадонны въ розовыхъ вѣнкахъ.

Сколько поводовъ къ разсѣянности, пока унылые звуки цер-

ковнаго пѣнія разносятся подъ высокими сводами. Сколько взглядовъ медленно отрывалось отъ молитвенниковъ съ серебряными застежками, устремляясь въ ту сторону, гдѣ стоялъ Пьеръ, сколько вызывающихъ или смиренныхъ позъ, рассчитанныхъ на его вниманіе, рисовались на молитвенныхъ скамьяхъ, исчезавшихъ подъ кружевными оборками юбокъ.

Но при выходѣ, тамъ, гдѣ каменные ангелы смотрятся въ темную воду кропильницы, въ которой отражаются концы ихъ крыльевъ, высокій молодой человѣкъ всегда терпѣливо дождался появленія маленькаго чепчика; казалось, онъ не видѣлъ ничего кромѣ него. Молодые люди подходили другъ къ другу, молча подавали другъ другу руку и затѣмъ оба выходили, пробираясь сквозь толпу, нѣсколько болѣе блѣдные, чѣмъ обыкновенно.

Однажды, окончательно рѣшившись положить конецъ этой мучительной неопредѣленности въ ихъ отношеніяхъ, онъ подошелъ къ ней въ ту минуту, когда она выходила изъ церкви, еще взволнованная пламенной молитвой, сложивъ опущенныя руки надъ пожелтѣвшимъ переплетомъ молитвенника.

Она вздрогнула, какъ-будто испугавшись, и посмотрѣла на него встревоженнымъ, вопросительнымъ взглядомъ.

— Жаклина, началъ молодой человѣкъ; — мнѣ-бы хотѣлось хоть разъ поговорить съ тобою такъ, какъ мы, бывало, говорили прежде.

— Кто-же вамъ мѣшаетъ, Пьеръ?

— О, нѣтъ, не здѣсь, прошепталъ онъ.

— Хорошо, пойдете.

На ея слегка поблѣднѣвшихъ губахъ мелькнула улыбка, глаза снова приняли спокойное, ясное выраженіе. Впродолженіи нѣсколькихъ минутъ они молча шли, пока не оставили за собою послѣднихъ хижинъ, лѣпившихся по склону сѣрыхъ холмовъ, съ соломенными крышами, окаймленными неправильной зеленой бахромой.

Передъ ними разстилались позолоченныя солнцемъ волнующіяся поля. Розовое сіянье спускалось на лиловую поверхность только-что поднятыхъ папешъ, на четырехъ-угольныя полосы ражи, трепетныя колосья которой загорались пурпуровымъ свѣтомъ. Они шли вдоль берега узкаго ручья, который журча пробирался по каменистому ложу среди зеленыхъ луговъ. Пузырьки воздуха медленно поднимались на по-

верхность и лопались съ слабымъ трескомъ, собираясь въ се-ребристую пѣну между вѣтвями молодого ивняка или вокругъ дуплистыхъ стволовъ старыхъ ивъ.

Вдругъ Пьеръ остановился и сказалъ, положивъ свою руку на руку молодой дѣвушки:

— Жаклина, мнѣ кажется, что между нами произошло что-то неладное.

Она смотрѣла на него, видимо стараясь понять его мысль.

— Что-же можетъ быть между нами неладнаго, Пьеръ?

— Да я и самъ не знаю. Мнѣ кажется, что мы какъ будто ужь не довѣряемъ другъ другу, что мы почему-то относимся другъ къ другу съ предубѣжденіемъ и что прежняя наша дружба исчезла безъ слѣда.

— Нѣтъ, Пьеръ, не думайте этого. Дѣло объясняется гораздо проще. Мы просто оба выросли, привычки наши измѣнились. Пока мы были дѣтьми, у насъ съ вами были одинаковые вкусы; наконецъ, намъ обоимъ доставляли одинаковое удовольствіе такія вещи, которыя теперь лишены въ нашихъ глазахъ всякаго интереса. Что-же могло-бы васъ привлекать теперь къ такой простой, бѣдной дѣвушкѣ, какъ я?

Видимо недовольный и смущенный, онъ нетерпѣливо покачалъ головой.

— Нѣтъ, все это не то. Ты избѣгаешь меня. Я ищу твоего общества, а ты стараешься уклониться отъ встрѣчи со мной. Скажи-же мнѣ, наконецъ, боишься ты меня или презираешь? Я знаю, что съ своей стороны вернулся къ тебѣ съ тѣмъ-же сердцемъ, которое ты знала въ былые дни, но не встрѣтилъ прежняго чувства въ тебѣ.

— О, неправда, Пьеръ, неправда!..

Онъ близко подошелъ къ ней и вдругъ схватилъ ея руку.

— Жаклина, развѣ ты не чувствуешь, что я люблю тебя?

Она вздрогнула; вся кровь, казалось, на мгновеніе приняла къ ея щекамъ, но она тотчасъ овладѣла собою.

— Да и я васъ тоже люблю; вѣдь мы всегда любили другъ друга.

— О нѣтъ, не такъ.

Онъ все еще держалъ холодную руку дѣвушки, пытаясь согрѣть ее прикосновеніемъ своей пылающей руки; но она, не теряя спокойствія, хотя и поблѣднѣвъ немного, высвободила ее.

— Я не понимаю васъ, Пьеръ.

Она стояла передъ нимъ, прижавъ къ груди свою маленькую книжечку съ обтрепавшимися углами, книжечку, которую перелистывала такъ часто, что она уже сама раскрывалась въ церкви на опредѣленномъ мѣстѣ.

— О, Жакетта, да развѣ я самъ понимаю себя? Развѣ я зналъ, что скажу тебѣ, когда выразилъ желаніе говорить съ тобой? Возвратившись домой, я и въ этотъ разъ шелъ къ тебѣ съ тѣмъ-же чувствомъ, съ какимъ отыскивалъ тебя въ бывшее время, и только тогда, когда увидѣлъ, какъ ты ко мнѣ перемѣнилась, мнѣ стало ясно, чѣмъ ты стала для меня.

Она молча стояла передъ нимъ съ опущенными рѣсницами и не отвѣчала ни слова.

Онъ продолжалъ:

— Если-бы тогда, въ день моего возвращенія, между нами сразу установились прежнія отношенія, если-бы ты безъ ложнаго стыда протянула мнѣ обѣ руки, если-бы ты не отвернулась отъ меня, ничего подобнаго бы не случилось.

Она тихо покачала головою.

— Такъ, значить, просто досада заставляетъ васъ говорить мнѣ всѣ эти глупости.

— Не знаю, только объ одномъ прошу тебя, — не отталкивай меня. Я чувствую потребность видѣть тебя, дѣлиться съ тобою всѣмъ. Помнишь, какъ мы всегда отыскивали другъ друга, когда были дѣтьми? Почему-же годы заставили-бы насъ перемѣниться? Развѣ я попрежнему не люблю тебя больше всего на свѣтѣ.

— Прежде, сказала она серьезнымъ тономъ, — мы не понимали еще, какое разстояніе отдѣляетъ насъ другъ отъ друга, или, вѣрнѣе, разстоянія этого тогда даже и не было еще; теперь-же я вижу его, да и вамъ Пьеръ не слѣдовало-бы стараться заставить меня забыть о немъ.

— Молчи; когда любишь другъ друга, всякое разстояніе исчезаетъ.

Онъ протянулъ къ ней руки, чтобы привлечь ее къ себѣ, но она съ гнѣвомъ оттолкнула его и воскликнула:

— Это не хорошо съ вашей стороны; никто еще до сихъ поръ не позволялъ себѣ обращаться со мною такъ, какъ вы.

— Никто?

Онъ невольно повторилъ свой вопросъ и въ голосъ его звучала тревога.

— Никто?

Нѣкоторое время оба молчали. Слышался только ропотъ ручья, тихо струившагося между камнями, да издали сквозь сонную атмосферу воскреснаго вечера доносился однообразный благовѣсть колоколовъ, звонившихъ къ вечернѣ.

Наконецъ, она первая прервала молчаніе.

— Знаете, лучше прекратимъ эти разговоры. Можетъ быть въ городахъ, гдѣ вы жили, васъ научили многому, чего вы не знали прежде; тамъ-же, должно быть, вы научились говорить съ дѣвушками такимъ языкомъ, котораго онѣ не должны-бы слышать. Забудемъ обо всемъ этомъ. Лучше пусть каждый изъ насъ идетъ своей дорогой, потому что я уже не узнаю въ васъ прежняго Пьера.

Она хотѣла идти, но онъ быстро схватилъ ее за руки.

— Жакетта, неужели ты разстанешься такимъ образомъ?

— Боже мой, да чего-же вы отъ меня хотите?

На этотъ разъ она порывистымъ движеніемъ вырвалась изъ его рукъ и, не оборачиваясь, быстро побѣжала по лугамъ. Но навстрѣчу ей несся майскій вѣтерокъ, пропитанный благоуханіемъ полей, и ей казалось, что и въ душѣ ея расцвѣтала та-же чудная весна, которая ликовала кругомъ.

Только передъ домомъ она остановилась, тяжело переводя дыханіе; неукротимыя пряди густыхъ волосъ выбились изъ подъ чепчика, руки крѣпко сжимали маленькій старый молитвенникъ.

— Ого! воскликнулъ Венсанъ, засмѣявшись своимъ жирнымъ смѣхомъ;—отчего это ты такая растрепанная? Что съ тобою случилось?

Она вдругъ опомнилась, поправила сдвинувшуюся грудную косынку, пригладила выбившіяся пряди волосъ. Онъ слѣдилъ за нею, насмѣшливо прищуривъ глаза; видно было, что на языкъ его вертѣлась какая-нибудь неприличная шутка.

— Знаешь, Жакетта, это, конечно, твое дѣло, но если ты будешь продолжать такіа шашни съ парнями...

Злорадный смѣхъ закончилъ его фразу. Онъ удалился, видимо довольный собою, твердо выступая своей тяжелой поступью, нѣсколько подавшись назадъ, благодаря преждевре-

менно развившемуся брюшку. Она молча усѣлась возлѣ окна и задумчиво стала смотрѣть на улицу.

Въ большомъ креслѣ дѣдушка Жакото спалъ легкимъ старческимъ сномъ, смеживъ морщинистыя вѣки надъ ввалившимися глазами.

На улицѣ царилъ полная тишина, тяжелое безмолвіе празднаго воскреснаго вечера; изрѣдка только изъ кабаковъ доносились звонъ стакановъ да глухіе удары шаровъ о кегли, въ которыя парни играли на площади.

Мысли Жакины почему-то безпрестанно и незамѣтно возвращались къ маленькому ручью, въ которомъ вода такъ ласково журчала, разбиваясь на мелкія волны объ острые выступы камней.

VII.

Въ мірѣ не было человѣка упрямѣ мельника Модэна. Когда онъ, бывало, забереть себѣ что-нибудь въ голову, такъ ужъ непремѣнно добьется своего, — не мытьемъ, такъ катаньемъ. И на этотъ разъ онъ упорно преслѣдовалъ задуманный планъ.

Что Пьеръ не будетъ ни нотариусомъ, ни докторомъ, съ этимъ, положимъ, приходилось помириться. Ему не суждено развѣзжать въ кабриолетѣ, въ сюртукѣ изъ тонкаго сукна, съ пушистыми, развѣвающимися бакенбардами, возя съ собою въ ящикахъ экипажа цѣлый арсеналь всевозможныхъ сладобій въ пузырькахъ, завернутыхъ въ бумагу огненнаго цвѣта, или перебирать связки гербовой бумаги, важно засѣдая въ очкахъ, въ высокомъ бѣломъ воротничкѣ, съ преждевременной лысиной и посматривая съ высоты своего величія на какого-нибудь толстаго малаго съ непокорными, не поддающимися ни гребню, ни щеткѣ вихрами, — одного изъ тѣхъ солидныхъ писцовъ, которыхъ такъ часто встрѣчаешь въ конторахъ провинціальныхъ нотариусовъ и которыхъ народный юморъ характеризуетъ словами: не ладно скроены, да крѣпко шить.

Но вмѣстѣ съ тѣмъ Модэну и въ голову не приходило отказаться отъ мысли сдѣлать изъ сына барина.

Работая на своей мельницѣ среди шипѣнія пѣны, kloctавшей между лопатами, грохота колеса и легкаго журчанья ручья, который катилъ свои мутныя волны среди побѣлѣвшихъ отъ мучнистой пыли береговъ, мельникъ по временамъ

выглядывалъ, отыскивая на горизонтѣ неясныя очертанія красивыхъ флюгеровъ, которые въ вѣтряную погоду скрипѣли на углахъ крыши замка Вигоръ, принадлежавшаго его сосѣду Бернѣ.

Этотъ сосѣдъ едва-ли даже не снился ему по ночамъ. Онъ чувствовалъ къ нему уваженіе, граничившее съ благоговѣніемъ, къ которому примѣшивалась значительная доля робости и зависти. Дѣло въ томъ, что этотъ человекъ, вступившій въ жизнь, подобно ему, съ пустыми руками, разбогатѣвшій точно также, какъ и онъ, благодаря упорной настойчивости, въ сущности такой-же, какъ и онъ, мужикъ, теперь разыгрывалъ вдругъ роль важнаго барина. Запасшись приличной дозой циническаго нахальства въ городахъ, въ которыхъ долго жилъ, въ той сомнительной средѣ, гдѣ ловилъ рыбу въ мутной водѣ, онъ лучше хитраго Модэна понималъ всемогущество денегъ.

— А хорошо-бы заполучить дворянскій титулъ! сказалъ онъ себѣ въ одинъ прекрасный день.

Мысль облечь свою мѣщанскую фигуру въ дворянскую шкуру до того ему понравилась, что въ этотъ день онъ до вечера находился въ самомъ пріятномъ настроеніи духа. Задуманное дѣло, конечно, было сопряжено съ нѣкоторыми затрудненіями, но вѣдь слово «невозможно», собственно говоря, придумано только для простаковъ. Ему-ли не справиться съ затрудненіями; онъ ихъ не мало преодолѣлъ на своемъ вѣку и умѣлъ ихъ обходить лучше всякаго другого. Съ законами онъ, бывало, продѣлывалъ и не такія еще штуки.

Сначала онъ отыскалъ старинное помѣстье, приобрѣлъ землю и въ добавокъ купилъ съ аукціоннаго торга стоявшій на ней замокъ, конечно, по самымъ сходнымъ цѣнамъ. Къ имени Бернѣ, которое было скомпрометировано сомнительнымъ прошлымъ и отъ котораго такъ и несло мѣщанствомъ, онъ смѣло присоединилъ дворянскій титулъ. Въ первое время титулъ этотъ еще довольствовался тѣмъ, что скромно сопровождалъ прежнее буржуазное имя и игралъ при немъ роль своего рода почетной стражи, но нѣсколько времени спустя порѣшилъ отбросить всякія церемоніи и смѣло занялъ мѣсто своего кратковременнаго спутника. Въ концѣ-концовъ, эта узурпація, подобно многимъ другимъ, получила въ глазахъ общества законную санкцію, такъ какъ могла опираться уже на нѣкоторую давность.

Вдобавокъ, весьма внушительное число гектаровъ земли, которыми владѣлъ новый самозванный дворянинъ, придало ему не мало вѣсу. Изъ честолюбія-ли или просто отъ нечего дѣлать, но онъ вскорѣ началъ вмѣшиваться въ общественныя дѣла, горячо вступался за интересы своей общины, толковалъ объ исправленіи проселочныхъ дорогъ и обсуждалъ проекты того или другого направленія желѣзнодорожной линіи, которая была намѣчена вдоль полей длиннымъ рядомъ вѣхъ, снабженныхъ ярлычками изъ бѣлой бумаги.

Видя, какъ тутъ-же, возлѣ него, росло съ каждымъ днемъ значеніе этого человѣка, Модень чувствовалъ себя какъ-будто униженнымъ и по временамъ совершенно серьезно спрашивалъ себя, ужь не течетъ-ли и въ самомъ дѣлѣ въ жилахъ бывшаго ростовщика нѣсколько капель синей дворянской крови?

Мало-по-малу, впрочемъ, мельникъ помирился съ мыслью о первенствующемъ значеніи сосѣда. Дѣло въ томъ, что у этого сосѣда были двѣ дочери, двѣ барышни, какъ ихъ называли въ околodкѣ. Начиная съ того дня, какъ эти дѣвушки въ первый разъ появились на мельницѣ, въ упрямой головѣ крестьянина зародился новый планъ.

Очутившись въ новой средѣ, онъ скоро поняли ту странную, неопредѣленную роль, которая выпала на ихъ долю, и самолюбіе ихъ не мало страдало отъ этого. Отъ всѣхъ интимныхъ дружескихъ отношеній, сложившихся между ними и разными аристократками еще такъ недавно, въ пансіонскіе годы, въ стѣнахъ моднаго монастыря, у подножія алтарей, остались только воспоминанія въ видѣ разныхъ закладокъ и чувствительныхъ изліяній въ альбомахъ, украшенныхъ эмблематическими цвѣтами и религиозными, символическими изображениями.

Въ первое время онъ еще получали многочисленныя письма на аристократической бумагѣ, украшенной гербомъ или короною, но затѣмъ эти посланія мало-по-малу стали приходить все рѣже и рѣже. Переписка постепенно прекратилась за недостаткомъ общихъ интересовъ; прежнія подруги, поглощенные новой средою, увлеченныя свѣтскимъ вихремъ, опыяненныя движеніемъ, свободою и удовольствіями, въ свою очередь, почувствовали, что имъ суждено жить въ другихъ, отдаленныхъ, привилегированныхъ или просто слишкомъ различныхъ сферахъ.

Самыя горячія привязанности понемногу охладѣли, и обѣ сестры съ горькимъ чувствомъ убѣдились въ непрочности по добныхъ узъ по той легкости, съ какою онѣ обрывались.

Гордость не позволяла имъ примкнуть къ крестьянской средѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ онѣ понимали, что недостаточно богаты для того, чтобы открыть себѣ доступъ въ дворянскій кругъ. Это онѣ ясно поняли уже изъ поведенія своихъ бывшихъ подругъ. Къ тому-же онѣ слишкомъ хорошо знали своего отца и были увѣрены, что на его содѣйствіе въ этомъ отношеніи рассчитывать нечего. Вообще, онѣ въ сущности очень мало заботились о нихъ. Охота, попойки, торговыя операціи и всевозможныя, связанныя съ этимъ послѣднимъ занятіемъ, дразни поглощали все его существованіе. Съ тѣхъ поръ, какъ въ немъ проснулася жажда почестей, онѣ еще меньше интересовались судьбою дочерей, а если имъ случалось жаловаться, отдѣлывался нѣсколькими фразами о общественныхъ интересахъ, о возложенныхъ на него обязанностяхъ. Въ такія минуты, онѣ съ особеннымъ сожалѣніемъ вспоминали о своей жизни въ монастырѣ и не могли удержаться, чтобы не высказать отцу своего разочарованія; но онѣ даже не выслушивали всѣ эти жалобы и претензіи и прекращали ихъ всегда однимъ и тѣмъ-же стереотипнымъ восклицаніемъ:

— Бога ради, замолчите; у меня голова трещитъ отъ вашего крика!

Между замкомъ и мельницей скоро завязалось знакомство. Съ перваго-же дня и съ той и съ другой стороны обнаружилось страстное желаніе сблизиться; подыскивались всевозможныя предлоги для визитовъ: необходимость поблагодарить за услуги, оказанныя при первой встрѣчѣ, справиться относительно условій мѣстной жизни, попросить совѣта относительно покупки какого-нибудь участка земли, который въ сущности ни мало не интересовалъ ни тѣхъ, ни другихъ.

Мало-по-малу поверхностное знакомство превратилось въ постоянную дружбу, которая дошла до того, что начались обоюдныя приглашенія къ обѣду. Великимъ торжествомъ былъ для Модена тотъ день, когда сосѣди въ первый разъ усѣлись за его столомъ. Маріанна прислуживала гостямъ, торжественно облекшись въ платье, выписанное изъ города, въ золотой цѣпочкѣ, тонкія звѣнья которой она безпрестанно перебирала

своими короткими пальцами. Словомъ мельникъ не пожалѣлъ расходовать, чтобы прилично угостить господина мэра.

Послѣ завтрака, который тянулся почти до самаго вечера, хозяева обошли съ гостями всѣ свои владѣнія, не пропустивъ ни одного угла. Въ продолженіи нѣсколькихъ часовъ среди зелени луговъ, какъ громадныя цвѣтки мака, колыхались красныя зонтики разряженныхъ деревенскихъ барышень, а затѣмъ общество снова усѣлось за столъ, такъ какъ печка за все это время не переставала топиться и служанка усердно вертѣла передъ огнемъ новое жаркое.

— Славное вино, приговаривала Бернье, потягивая съ видомъ знатока отборный мюзиньи, сверкавшій въ граненыхъ рюмкахъ, какъ кристалль топаза.

Попивая вина и ликеры въ обществѣ этихъ добрыхъ людей, которые, казалось, были въ такомъ восторгѣ отъ оказанной имъ чести, онъ и самъ не на шутку началъ делѣть свадебныя проекты.

— А что, если-бы удалось пристроить хоть одну!...

Ему до смерти надобло созерцать скандализированныя мины дочерей каждый разъ, когда онъ, какъ человекъ далеко не набожный, отпускалъ какую-нибудь несовсѣмъ благочестивую шуточку. Услышавъ подобную выходку, барышни непременно считали своею обязанностью прійти въ ужасъ и чуть не крестились, какъ передъ вопиющимъ кощунствомъ. Несмотря на весь свой грубый деспотизмъ, онъ въ концѣ-концовъ пасовалъ передъ ихъ упорнымъ противодѣйствіемъ. А между тѣмъ онъ то и дѣло преслѣдовалъ ихъ насмѣшками по поводу всевозможныхъ постныхъ блюдъ, которыми онѣ безпрестанно угощали его подъ разными предлогами. Но онѣ не уступали и въ такихъ случаяхъ, бывало, каждый разъ отвѣчали ему слащавымъ, благочестивымъ тономъ, въ которомъ, однако, звучали подавленные гнѣбныя нотки:

— Сегодня постный день.

Дорого далъ-бы онъ за возможность подъ приличнымъ предлогомъ отдѣлаться отъ дочерей, но до поры до времени игралъ въ закрытую игру, находя, что теперь еще не слѣдуетъ раскрывать своихъ картъ. Поэтому онъ старательно избѣгалъ разговоры на эту тему.

Все время рѣчь шла объ общественныхъ интересахъ, которые безконечно обсуждались на всевозможные лады. Но

къ концу обѣда, за десертомъ, не смотря на свое хорошее настроеніе, несмотря на забавныя шутки мельника, владѣтель замка нѣсколько осовѣлъ.

Выйдя изъ-за стола и перейдя въ гостиную, общество расположилось полукругомъ передъ каминомъ. Свѣчи, мерцавшія въ канделябрахъ, не вполне освѣщали комнату, которая въ обыкновенные дни была наглухо заперта, и въ которой отъ образовавшейся вдоль карнизовъ плесени пахло сыростью.

Тутъ Бернье уже не въ силахъ былъ долѣе бороться съ одолевавшей его усталостью. Громкій голосъ его вдругъ какъ-то осипъ; двусмысленныя шуточки Модѣна оставались безъ отвѣта. Наконецъ, совершенно изнемогая отъ усталости, онъ уже потерялъ всякое самообладаніе и, разставивъ ноги, положивъ на каминъ свои толстыя охотничьи сапоги съ подошвами, пожелтѣвшими отъ грязи, развалился въ креслѣ въ привычной позѣ, которую каждый вечеръ принималъ у себя дома, въ сонной атмосферѣ своего замка.

Звучный храпъ, внезапно раздавшійся въ комнатѣ, грозилъ окончательно испортить впечатлѣніе проведеннаго вмѣстѣ дня, но къ счастью наступило уже время отъѣзда и затруднительное положеніе разрѣшилось само собою. Разбуженный шумомъ отодвигаемыхъ стульевъ, Бернье-де-Вигоръ снова очутился на ногахъ и, освѣжившись кратковременнымъ отдыхомъ, опять казался бодрымъ и веселымъ, похлопывая по плечу мельника, съ которымъ уже обращался какъ съ равнымъ, товарищески.

Маленькая, уже запряженная телѣжка дожидалась на дворѣ. Барышни усѣлись вслѣдъ за отцомъ, помѣстивъ свои накрахмаленныя юбки между его широко разставленными ногами. Экипажъ тронулся, позвякивая бубенцами, которыми была украшена упряжь, и покатился по пустымъ, безмолвнымъ дорогамъ, вдоль живыхъ изгородей, на которыхъ свѣтъ, падавшій отъ его фонаря, таинственно мелькалъ, какъ блуждающій огонекъ. Модѣнъ, стоявшій на дорогѣ, опираясь на руку Пьера, слѣдилъ за удаляющимся экипажемъ съ торжествующею миною, въ которой такъ и свѣтилось, такъ и просилось наружу удовлетворенное тщеславіе. Наконецъ, когда скрипъ колесъ совершенно уже замеръ среди глубокой тишины уснувшей деревни, онъ сказалъ:

— Ну, что, парень, — какъ ты на счетъ этого думаешь?

Мельникъ тоже былъ далеко не въ нормальномъ состояніи; въ теченіи цѣлаго дня онъ такъ усердно оказывалъ честь своему собственному погребу, начиная съ первой утренней закуски, когда необходимо было заморить червячка, и вплоть до послѣдняго стакана, выпитаго вечеромъ, передъ самымъ отъѣздомъ гостей, что теперь мысли у него немного путались, красное лицо лоснилось, какъ спѣлое яблоко, и онъ чувствовалъ свойственную пьяному человѣку потребность къ нѣжнымъ, откровеннымъ изліяніямъ.

— Что, развѣ плохо я подстроилъ для тебя всю эту исторію? Да, братъ, что ни говори, а ты можешь похвастаться такимъ отцомъ!..

Пьеръ шелъ рядомъ съ нимъ. Луна, высоко поднявшись надъ горизонтомъ, наполняла воздухъ кроткимъ, серебристымъ свѣтомъ; на темномъ фонѣ почвы рѣзко вырѣзывались свѣтлыя контуры строеній; поперекъ дороги лежились длинныя тѣни вязовъ.

— Я говорю тебѣ это, конечно, не въ упрекъ, но право ты, видно, въ сорочкѣ родился; тебѣ не пришлось трудиться, подобно отцу и матери, чтобы накопить себѣ состоянiице, а теперь, смотри, даже невѣсты прямо кидаются тебѣ на шею. Ну, да и я, положимъ, тоже не упускаю удобнаго случая...

Отъ недостатка-ли сочувствiя или, наоборотъ, оттого, что ничего не имѣлъ возразить противъ плановъ отца, Пьеръ не отвѣчалъ ни слова, и разговоръ принялъ характеръ монолога. Мельникъ все болѣе и болѣе воодушевлялся.

— Прекрасныя дѣвушки! Выбирай какую хочешь. Я думаю даже, что если ты замолвишь словечко, отецъ отдастъ тебѣ ихъ обѣихъ...

Онъ остановился, расхохотавшись надъ собственной остроуміею, но въ тишинѣ ночи, гдѣ-то по близости, послышалось что-то въ родѣ вздоха; быть можетъ, это былъ шелестъ крыльевъ какой-нибудь птицы, которая приняла холодный свѣтъ луны за утреннюю зарю.

— Вѣдь тебѣ, негодяю, стоитъ сказать только слово...

— Этого слова я никогда не скажу, отецъ.

Короткій, неожиданный отвѣтъ сына словно пригвоздилъ къ землѣ изумленного Модена. Давайте послѣ этого образованіе своимъ дѣтямъ, чтобы они дѣлали вамъ такіе сюрпризы! Но за изумленіемъ быстро послѣдовалъ взрывъ гнѣва.

— Какъ, я выбиваюсь изъ силъ, чтобы воспитать тебя, какъ барина, стараюсь устроить тебѣ покойную, беззаботную жизнь, ищу тебѣ приданого, нахожу богатыхъ невѣстъ, которыя сходять по тебѣ съ ума, а ты все еще недоволенъ! Скажи же мнѣ, ради Бога, чего тебѣ еще нужно?

— Чего мнѣ нужно?.. началъ Пьеръ спокойнымъ серьезнымъ голосомъ, передъ которымъ невольно умолкло пьяное, крикливое краснорѣчье мельника;— мнѣ нужна жена, которую я могъ-бы любить, которая согласилась-бы жить такую-же жизнью, какъ и я, а не нарядная, накрученная кукла съ претензіями, которыя не замедлятъ превратиться въ недовольство и жалобы.

— Ты бредишь.

— Выслушайте меня и простите, если желанія мои не совпадаютъ съ вашей волей. Тѣ дѣвушки, которыхъ вы мнѣ предлагаете, можетъ быть и согласились-бы выйти за меня, онѣ просто не знаютъ, куда дѣваться отъ скуки и боятся остаться старыми дѣвами. Не все-ли имъ равно, я-ли это или кто-нибудь другой. Но почему вы знаете, какіе вкусы, какія претензіи проснутся въ этихъ дѣвушкахъ, задыхающихся подъ отцовской кровлей, когда цѣль будетъ порвана, когда онѣ освободятся отъ своего ярма? Между дѣвушкой и женщиной цѣлый міръ. Я выберу себѣ только такую жену, которая будетъ поступать такъ, какъ поступаю я; а эти дѣвушки, какъ вы знаете, относятся съ предубѣжденіемъ ко всему, что намъ дорого. Онѣ никогда не простятъ намъ нашего крестьянскаго происхожденія. Даже деньги ваши тутъ ничего не подѣлаютъ. Къ своему мужу онѣ отнесутся благосклонно только подъ тѣмъ условіемъ, чтобы онѣ отрекся отъ своей среды, отъ своихъ привычекъ, отъ своего прошлаго. Я не хочу, чтобы въ домъ моихъ родителей вошла дѣвушка, которая, быть можетъ, впоследствии дойдетъ до того, что будетъ стыдиться общества моей матери.

Моданъ слушалъ, видимо сконфуженный и сбитый съ толку.

— Чего-же ты хочешь?

— Чего я хочу?..

На этотъ разъ онъ запнулся; ему какъ будто жалко было разстаться со своей тайной.

— Позвольте мнѣ выбрать какую-нибудь скромную дѣвуш-

ку, у которой не будет другаго приданаго кромѣ любви и преданности.

— Отъ такого приданаго хозяйству плохая прибыль!

— Такъ что-жъ за бѣда? Вѣдь въ эту минуту вы рѣшаете вопросъ счастья и спокойствія всей моей жизни, а я, какъ честный человѣкъ, по совѣсти не могу слѣпо, безконтрольно подчиниться вашему рѣшенію. Развѣ вы не говорили сами, что своей работой доставили мнѣ богатство, то-есть свободу? Пусть-же это богатство вдобавокъ дастъ мнѣ право быть счастливымъ. Въ глубинѣ моего сердца сохранилось свѣтлое, неизгладимое воспоминаніе о ребенкѣ, который во всѣхъ моихъ мечтахъ представлялся мнѣ подругой жизни. Отецъ, дайте мнѣ Жаклину; она будетъ мнѣ настоящей женой, а вамъ любящей, покорной дочерью.

Громкій смѣхъ прервалъ изліяніе Пьера. Мельникъ такъ и покатился отъ хохота, услышавъ о намѣреніи сына. Но затѣмъ гнѣвъ опять пересилилъ, и онъ запальчиво воскликнулъ своимъ грубымъ, хриплымъ голосомъ:

— Ну, ужъ этому не бывать! Нищяя тебѣ не невѣста.

Оба замолчали. По вершинамъ деревьевъ и надъ лугами пронесся вѣтеръ. Прислушавшись внимательнѣе, они, быть можетъ, услышали-бы легкій шумъ шаговъ, удалявшихся по травѣ, или шелестъ юбки, украдкой скользившей вдоль изгороди. Но Модэнъ былъ весь поглощенъ своимъ негодованіемъ, а Пьеръ—своей печалью.

— А, такъ ты думаешь, продолжалъ мельникъ все тѣмъ-же негодующимъ тономъ; — ты думаешь, что я воспитывалъ сына только для того, чтобы онъ въ одинъ прекрасный день привелъ мнѣ въ домъ первую попавшуюся потаскуху!..

(Окончаніе слѣдуетъ).

РАЗДУМЬЕ.

Въ эти дни больного озлобленья,
Въ эти дни отчаянной тоски
Гдѣ найти улыбку одобренья
И поддержку дружеской руки?
Что толпа?—она, завидѣвъ раны
Въ глубинѣ сердечной у тебя,
Предпочтетъ красивые обманы—
Убѣжить, спокойствіе любя;
Лучшій другъ поникнетъ головою...
И въ молчаньи грустномъ ты прочтешь:
«Гордымъ будь! молчи съ своей тоскою!
Говорять—тщеславіе и ложь».

* *
* *

Милый другъ! въ твоихъ глазахъ глубокихъ
Той-же пытки отблескъ вижу я,
Тѣхъ-же думъ—суровыхъ и жестокихъ;
Но молчишь ты, горе затая...
Ты стоишь въ вѣнкѣ своемъ терновомъ,
До конца готовая страдать,
Никому и ни единымъ словомъ
Не давая мукъ своихъ понять!
А когда отъ боли нестерпимой
Стонемъ мы, пугливые друзья,
.
Ты глядишь, какъ будто удивляясь,
Съ страннымъ блескомъ вдумчивыхъ очей,
И, безъ словъ, печально улыбаясь,
Покидаешь шумный кругъ друзей...

* *

О, мой другъ! всѣмъ существомъ я знаю,
 Глубиной неживыхъ мукъ моихъ
 Сознаю и смѣло утверждаю:
 Много насъ—тоскующихъ, больныхъ!
 О! откуда эта желчь въ сомнѣньяхъ
 Столь упорныхъ, этотъ ядъ въ сердцахъ,
 Эта нервность странная въ движеньяхъ,
 Блѣдность лицъ, тревожный блескъ въ очахъ?..
 О! зачѣмъ, какъ будто перестало
 Биться сердце и струиться кровь?
 Отчего, какъ никогда бывало,
 Жизнь блѣдна, нерадостна любовь?...

* *

Тайный смыслъ печальнаго недуга
 Я узналъ—онъ грустенъ и суровъ.
 Знаю все:—и отчего другъ друга
 Избѣгать мы стали, какъ враговъ,
 И зачѣмъ такъ прозрачно мерцаютъ
 Наша жизнь, и краской огневой
 Отчего такъ часто заливаютъ
 Наши щеки—стыдъ, еще живой...
 Знаю все, товарищъ по страданью,
 Милый другъ, безцѣнная сестра!

1883 г.

П. Якубовичъ.

МАРГО ПЕЙЕ *).

Разсказъ Паріа-Коригана

(съ французскаго).

Въ молодости она просто срамила всю деревню, хотъ и не злая была дѣвушка. Зла-то она, бѣдняжка, по правдѣ сказать, никому, кромѣ какъ себѣ самой, не дѣлала; ну, да за то начудила-же она на своемъ вѣку, — есть про что разсказать.

Повѣрите-ли, — у нея было девять человѣкъ дѣтей, а про мужа никто и не слыживалъ! Даже милаго дружка никогда у нея не водилось; ни одинъ изъ здѣшнихъ парней не захотѣлъ-бы съ нею связываться.

Ихъ было пять сестеръ, и всѣ, кромѣ одной, того-же поля ягоды. И рожали это онѣ, бывало, дѣтей, словно блины пекли. Много сраму онѣ приняли, да и грѣха не мало взяли на душу; вѣдь куда-же дѣвать дѣтей-то? Извѣстное дѣло—въ воспитательный.

Не даромъ мясникъ нашъ, Кокю, отпустилъ на ихъ счетъ шуточку—не въ бровь, а прямо въ глазъ:

— У сестеръ Пейе, говорить,—много дѣтей, да мало мужей!

Старшая-то, разумная, ушла совсѣмъ въ чужіе люди, на чужую, далекую сторону, чтобы ничего не слышать про сестеръ и не видѣть ихъ срама.

*) Предлагаемый разсказъ, своеобразный языкъ и наивную прелесть котораго трудно передать въ переводѣ, принадлежатъ къ цѣлой серіи бретонскихъ разсказовъ того-же автора. Въ роли разсказчицы фигурируетъ въ нихъ старая бретонская крестьянка Люсетта.

Ну, а Марго, младшая, пошла по той-же дорожкѣ, какъ и прочія, только долго скрывала свои шашни.

Жила она поденной работой, нанималась на фермахъ, за шесть су и за харчи ходила полоть, а осенью жала хлѣбъ. Права она была кроткаго, а работала не хуже любого мужика; всякое дѣло у нея спорилось, самая тяжелая работа не валилась изъ рукъ. Кабы не страсть ея несчастная, такъ только-бы и была худа, что поумаялось бы тѣло отъ тяжкаго труда, а вѣдь съ погаными этими затѣями она и честь-то всю порастеряла.

Изъ себя она была некрасивая: маленькая такая, да толстая, да вся рябая. Отъ родителей достался ей домикъ да огородъ. Въ огородѣ росли у нея картофель, капуста, всякая овощь; и все это она продавала, потому-что сама-то только по воскресеньямъ ѣла у себя дома.

Только вдругъ стали поговаривать у насъ по деревнѣ: «Марго рожать собирается; видно въ сестеръ пошла!» И начали это ее срамить да смѣяться; просто прохода ей не даютъ. А она, знай, помалкиваетъ, да работаетъ себѣ попрежнему, какъ ни въ чемъ не бывало. Разъ какъ-то посмотримъ—нѣтъ ея на работѣ, стало быть пришелъ срокъ, народился на свѣтъ бѣдный младенецъ ея, ни въ чемъ неповинный. На другой день Марго опять въ полѣ, за работой. Въ ту пору, какъ теперь помню, жали хлѣбъ у Бургиньона. Самъ хозяинъ ходитъ, за рабочими присматриваетъ; слышитъ, что народъ промежъ себя толкуетъ, да и говорить ей строю такъ:

— Марго, говорить,—куда ты дѣвала ребенка?

— Снесла къ сестрѣ Аннѣ; она за нимъ ходить будетъ.

И такъ это она смѣло отвѣтила, даже глазомъ не моргнула. Черезъ два года — та-же исторія. Снова пошли толки да распросы, а Марго опять твердить свое:

— Я, говорить,—отдала ребенка сестрѣ Аннѣ.

Сестра эта жила въ предмѣстьѣ Бреста; ей и повѣрили.

До пяти разъ, баринъ, рожала Марго ребятъ, но никто никогда не видалъ, каковы они изъ себя.

Наконецъ, людей взяло сомнѣнье, стали къ ней приставать:

— Гдѣ твои дѣти? Куда ты ихъ дѣвала?

А она все твердить свое:

— Они у сестры Анны.

Столько про это было разговоръ, что наконецъ слухи дошли и до жандармовъ. Отправились они къ Аннѣ Пейе и стали ее допрашивать:

— Правда-ли, говорить,—что у тебя на воспитаніи дѣти твоей сестры Марго?

— У меня, говорить,—чужія дѣти? Да я и своихъ-то не могу прокормить. Я и не знала даже, что Марго такую кучу дѣтей нарожала. Все это она наврала вамъ; никакихъ у меня дѣтей нѣтъ на воспитаніи.

Дѣло, стало быть, ясное; Марго уморила своихъ дѣтей! Вѣдь вотъ какой странный грѣхъ взвели на нее; и стали ее всѣ преслѣдовать жестокими рѣчами да упреками.

А она хоть-бы слово въ отвѣтъ, молчить, словно камень безчувственный, и работасть себѣ усердно, какъ всегда.

Нанималась она у дяди Бургиньона помѣсячно, а не то-бы онъ прогналъ ее, не потерпѣлъ-бы, чтобы такая тварь работала на его поляхъ.

Только однажды приходятъ къ нему жандармы и спрашиваютъ, гдѣ Марго. Фермеръ ведетъ ихъ въ поле, гдѣ она въ ту пору полола. Народъ съ фермы весь повалилъ за ними: всѣмъ любопытно послушать, что та будетъ говорить. Марго продолжаетъ работать, какъ ни въ чемъ не бывало.

Одинъ жандармъ подходитъ къ ней, кладетъ ей на плечо свою руку и говоритъ:

— Будетъ тебѣ полоть, Марго Пейе, пойдемъ въ тюрьму!

— Я? спрашиваетъ она, вставая, и смѣло такъ смотреть на жандармовъ;—за что?

Жандармъ только плечами пожалъ.

— Или, говорить,—иди!

— Ну, нѣтъ, отвѣчаетъ она твердымъ, громкимъ голосомъ;—не пойду, пока не скажешь, за что?

— Ахъ ты чудовище безстыжее, тварь ты жестокая, поганая! Еще спрашиваешь — за что? закричали тутъ бабы въ одинъ голосъ.—За что?.. А за то, что уморила пятерыхъ своихъ дѣтей.

— Я? говорить она; — я убила своихъ ребятъ? Кто это говорить?

— Мы, мы!

— Всѣ вы лжецы да лгуны! Это такъ-же вѣрно, какъ то, что на небѣ есть Богъ и что вотъ тутъ стоятъ жандармы!

И повѣрите-ли — смѣется, заливается себѣ и пожимаетъ плечами.

— Да она не въ своемъ умѣ, говорятъ жандармы, посматривая другъ на друга. — Полно зубы-то скалить, Марго Пейе; пойдемъ!

— Нѣтъ, говорить, — не пойду, кто-же безъ меня за ребятами-то присмотрить? Кто ихъ безъ меня кормить будетъ?

Всѣ смотрять на нее; даже рты разинули отъ удивленія.

— Коли такъ, говорить, — идите, я покажу вамъ ихъ; всѣ живы и здоровехоньки, прибавляетъ она, да гордо такъ на насъ посматриваетъ.

А чтобы, напримѣръ, стыдиться—этого у нея, барицъ, и въ мысляхъ даже не было; стыда она никогда не знала. Бросила она это на землю свой серпъ и идетъ къ себѣ домой промежъ двухъ жандармовъ; а народъ валить за ней. Всѣ, кто работалъ въ полѣ, побросали работы, чтобы посмотреть, чѣмъ это кончится.

Когда подошли къ двери ея домика, Марго оборачивается и говорить:

— Теперь стойте смирно, да не шумите, а не то ничего не увидите.

Всѣ замолели, и стало вдругъ такъ тихо, что, кажись—муха пролети, и то бы было слышно.

А она тихимъ такимъ голосомъ запѣла колыбельную пѣсенку:

Баю-баюшки-баю!

Кто родить, тотъ и качаетъ,

Баю-баюшки-баю!

Понть, кормить всю семью...

Не переставая пѣть, она отпираетъ дверь, передаетъ ключъ жандармамъ и входитъ. Вдругъ раздались дѣтскіе голоски, да веселые такіе; смѣются, кричатъ: «Мама Марго, мама Марго!» Слышимъ—цѣлуются.

— Смотрите въ замочную скважину, сказала Марго, когда уходила.

Сперва посмотрѣлъ одинъ жандармъ. Поблѣднѣлъ, кусаетъ усы и даже выругался отъ умиленія. Потомъ подошелъ другой; отвернулся, глаза утираетъ. Посмотрѣла и жена Бур-

гнѣбона. «Господи Іисусе! говорить; — да ихъ цѣлый выводокъ!» Мужъ ея тоже не утерпѣлъ, заглянулъ въ замочную скважину. «Жена, говорить — а вѣдь ихъ нужно одѣть!» И такъ это онъ крѣпко вымолвилъ, что другихъ даже разобрало любопытство; всякому хочется посмотреть, толкають другъ друга, спорять. Шумъ поднялся; всѣ наперерывъ спрашиваваютъ: «Что тамъ такое?»

Одинъ изъ жандармовъ и говорить:

— А вотъ что: Марго Пейе сидитъ промежъ своихъ четверыхъ ребятокъ; а пятый сосеть грудь. Всѣ они на видъ въ добромъ здоровьи, только всѣ голые, словно черви дождевые. Вотъ и все! Оставьте вы бѣдную мать въ покоѣ. Что-же касается меня, говорить жандармъ,—что-же касается насъ, то мы пожертвуемъ ей, каждый, по двадцати су на одежду ея ребятамъ.

— А мы, говорятъ Бургиньоны, мужъ и жена въ одинъ голосъ,—мы будемъ одному изъ нихъ крестнымъ отцомъ и матерью и возьмемъ его на свое попеченіе.

Я дамъ то, я—другое!

Всѣмъ хотѣлось-бы взглянуть на ребятшекъ.

Марго вышла за дверь съ пригожимъ младенцемъ на рукахъ и сказала:

— Вотъ вамъ одинъ, смотрите; это послѣдній. Другіе всѣ спрятались въ свое гнѣздышко; вѣдь они только меня и знаютъ!

Послѣ Марго мнѣ рассказывала, какъ она умудрилась воспитать и прокормить ихъ. На огородѣ у нея былъ свой картофель; изъ него она варила имъ супъ. Коза давала ей молоко. По воскресеньямъ она сама пекла хлѣбъ и стряпала. Ну, а что касается одежды,—это ей было не по средствамъ.

На чердакѣ у нея вдоволь было припасено соломы, сѣна, моху; у каждаго изъ ребятъ была тамъ своя теплая норка; въ этихъ норахъ они и спали по ночамъ.

На столѣ всегда стояла крынка съ молокомъ и хлѣбомъ. Держала ихъ Марго такъ чисто, какъ только могла, и причала помогать другъ другу. И дѣти все были, какъ на подборъ, такіа здоровыя да крѣпкія.

Послѣ этого у Марго родилось ихъ еще четверо. Что дѣлать,—у всякаго свой вкусъ! На деревнѣ у насъ привыкли къ этому и не только не тревожили ее съ тѣхъ поръ, а даже

помогали наперерывъ. Дѣти всѣ живы и поносятъ ее. Теперь она ужь старуха и живетъ припѣваючи то у одного, то у другого изъ своихъ парней, которые давно ужь женаты; в многіе изъ нихъ живутъ въ довольствѣ.

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ШАБАИ И ШАБАЙСТВО.

I.

Какъ-то мнѣ случилось быть въ компаніи мелкихъ хлѣботорговцевъ. Дѣло происходило въ одномъ изъ грязныхъ трактировъ города Ейска, особенно любимыхъ мелкими татарами, хлѣбными макерами, амбарщиками и пр. сосущей производителя и производство мелюзгой. Компанія и на этотъ разъ засѣдала въ особой комнатѣ за столомъ и усердно, до седьмого пота, опоражнивала стаканъ за стаканомъ чай. Въ числѣ засѣдавшихъ находился одинъ знакомый мнѣ скупщикъ хлѣба по станицамъ, случайный мой компаньонъ по поѣздѣ въ г. Ейскъ. Прочіе были совершенно неизвѣстные мнѣ люди, но такъ какъ я пришелъ въ трактиръ вмѣстѣ съ ихъ сотоварищемъ по профессіи и знакомцемъ, то меня если и не приняли за человѣка своей среды, то и не особенно стѣснялись. Разговоръ сразу-же завязался по хлѣботорговой части, о цѣнахъ на хлѣбъ, требованіяхъ хлѣбныхъ конторъ, нагрузкѣ хлѣба и т. и. Выслушивались сообщенія, высказывались мнѣнія и догадки, дѣлались разнаго рода соображенія и расчеты. Послѣ нѣсколькихъ стакановъ чаю, компанія видимо оживилась, разговоръ началъ принимать все болѣе и болѣе интимный характеръ. Кто-то позвалъ «полового» и потребовалъ графинъ водки; за однимъ графиномъ послѣдовалъ другой. Компанія развеселилась, начались шутки, остроты на счетъ недогадливости и оплошностей по торговой части, посыпались рассказы о разнаго рода продѣлкахъ мелкихъ хлѣботорговцевъ, стали хвастать другъ предъ другомъ случаями этихъ торгашески-воровскихъ продѣлокъ—и Боже мой!—сколько цинизма, сколько откровенной грязи пришлось услышать въ два-три часа изъ устъ этихъ народныхъ пьявокъ!

Надо видѣть мелкаго скупщика сырья въ компаніи, «подъ веселую руку», когда у него душа, по собственному его выраженію, «на-распашку», чтобы извѣдать всю глубину его подлостей и плутней. Тутъ онъ съ одинаковымъ усердіемъ рассказываетъ и слушаетъ всякую грязную исторію изъ хлѣботорговческой практики, съ особеннымъ удовольствіемъ смакуеть случаи и своего, и чужого мошенничества, здѣсь, однимъ словомъ, онъ является въ настоящемъ своемъ видѣ, безъ всякихъ прикрасъ. По совершенно счастливой случайности, въ компаніи, въ которую я попалъ, было нѣсколько различныхъ по профессіи скупщиковъ сырья: были здѣсь станичные шабаи — одинъ шабай-кабатчикъ, одинъ шабай-лавочникъ и два просто «переѣзжіе» шабаи; были шабаи и городскіе — амбарщикъ и дорожніе перекушники или маклера-зайцы. И вотъ, когда заговорилъ мошенническій говоръ у всѣхъ этихъ почтенныхъ особъ, каждый началъ выкладывать передъ слушателями плутни, характеризующія до нѣкоторой степени его мошенническую специальность. Каждый, конечно, оказался, на словахъ, «надувалою», «архибестіей», но надувалою и архибестіей въ своемъ родѣ. Плутни станичнаго шабая грубѣе и нахальнѣе плутней городского шабая, плутни шабая-кабатчика разнообразнѣе, но также не особенно хитры и замысловаты, амбарщикъ-же просто оказался своего рода виртуозомъ. Это, казалось, былъ негодяй по натурѣ. Меня поразила та масса ухищреній, та трата ума, которую употреблялъ этотъ субъектъ на придумыванье разнаго рода приспособленій для своей торгово-мошеннической практики. Достаточно сказать, что онъ мечталъ объ изобрѣтеніи такого рода состава. — «изъ смолы, канифоли и резины», по его словамъ и мнѣнію, — которымъ можно было-бы незамѣтно привѣшивать ко двутѣхъ подвѣсныхъ досокъ въ вѣсахъ, на которыя кладутъ гири, пудовую тяжесть при взвѣшиваньи хлѣба, чтобы понять, на что этотъ виртуозъ тратилъ свои духовныя силы и способности, которыми, казалось, природа не обидѣла его.

— Нѣтъ, господа, хвастался не безъ самодовольства онъ, — вамъ и въ голову никогда не придетъ отмочить такую штуку, какую недавно выкинулъ я.

— Ну, что тамъ болтать?! подзадориваетъ его мой компаньонъ, человекъ, видимо, въ высшей степени падкій на приобрѣтеніе всевозможныхъ свѣдѣній по части торгово-мошенническихъ ухищреній.

— Что ну? Съумѣй-ка два воза гирьки за три красныхъ взять!

— Н-ну!?

— Вотъ тебѣ и ну, а я взялъ.

Послышались со всѣхъ сторонъ восклицанія, одобренія и недоумѣнія. Кто-то попросилъ амбарщика разъяснить «штуку». Са-

молюбіе амбарщика видимо было удовлетворено, и онъ подробно изложилъ обстоятельства дѣла.

— Ъхаль, значить, казачъ съ женою на двухъ волахъ мимо моего амбара, такъ началъ свой рассказъ амбарщикъ. — Что везешь? спрашиваю его.

— Гирьку, говоритъ.

— Продаешь?

— Та вжежъ!

— Стой, говорю. Я куплю.

Посмотрѣлъ это онъ на меня и спрашиваетъ: «а какъ ты принимаешь, на мѣру или на вѣсъ?»

— На мѣру, говорю.

— Ну, если на мѣру, говоритъ мнѣ хохоль, — такъ нічого и балакать съ тобою, потому я продаю на вѣсъ... И — «гей!» по воламъ.

Зло меня взяло. Нѣтъ, думаю, обожди маленько, чортовъ сынъ, не пушу такъ. «Постой! Постой!» кричу ему. Остановилъ кое-какъ хохля, подошелъ, осмотрѣлъ возы, — пшеница, вижу, добрая. Ну, и пришло мнѣ въ голову купить эту пшеницу на мѣшокъ. Заговорилъ съ казакомъ — и не подходит! И онъ, и жена въ одинъ голосъ завопили: «якъ таки на твій мішокъ та мы будемо продавать!» Какъ началъ ихъ маслить, какъ началъ маслить, да и говорю подъ конецъ: чего-жъ вамъ бояться? Вынесу вамъ мѣшокъ, — и тутъ-же кричу въ амбаръ смирншекъ: Эй, Ванька! тащи-ко новый чуваль, что недавно сдѣлали! — посмотрите и сами цѣну назначте. Неволить васъ никто не станетъ, а пустить васъ не хочется, потому больно ужъ хороша пшеница у васъ. Смотрю — развѣшали уши мои хохлы, а тутъ Ванька съ чуваломъ въ рукахъ.

— Величенькій, говоритъ казакъ, — у тебя мѣшокъ.

— Да не маленькій, отвѣчаю: — самъ видишь.

— А скільки въ него влізе? Мірокъ пять, должно полагать?

— Сколько влѣзетъ, говорю, все наше будетъ; а ты вотъ что: хочешь сватомъ быть, не трать попусту времени, осматривай мѣшокъ хорошенько, да цѣну назначай.

Посмотрѣлъ хохоль на мѣшокъ, посмотрѣлъ на жену, почесалъ въ затылкѣ да и говоритъ: «шо-жъ? якъ по восьми цілковыхъ дашь за мішокъ, то не будемо и вшаты!»

Поломался я немного, покобенился и хохоль, но сбиль я цѣну на семь рублей — и хлопнули по рукамъ. Сталъ это я, да и раздумываю для виду, почесалъ тоже въ затылкѣ, да и говорю: «знаешь что, свать, уговоръ, говорятъ, пуще денегъ: я набавлю тебѣ еще Полтинникъ на мѣшокъ, только ты позволъ ужъ мнѣ самому мѣшокъ набивать». Обрадовался хохоль лишнему полтиннику.

— Согласенъ, говорить.—За семь съ половиной какъ хочешь набивай, хоть самъ въ мѣшокъ полѣзай, лишь-бы только не порвалъ его.

— За это, говорю, спасибо, свать; такъ-таки самъ и погѣзу въ мѣшокъ.

Собрались тутъ наши поглазѣть, узнали въ чемъ дѣло, смѣются, да подтруниваютъ надъ тѣмъ, какъ это я въ мѣшокъ влѣзу. Смѣется и казакъ. Ну, и сталь мой хохоль носить мѣрой пшеницу въ чуваль, а я влѣзъ въ него, какъ есть, и началъ ногами пшеницу толочь. Принесъ казакъ три мѣры — полъ чувала насыпалъ, а когда я влѣзъ въ чуваль, да потолоеъ ногами, стало четверть чувала, принесъ еще три мѣры, а я снова потолоеъ ногами пшеницу — полъ чувала только, насыпалъ. И такъ, братцы мои, чуть не двѣнадцать мѣръ вперъ въ мой чуваль.

— Клёво! (хорошо) восклицалъ одинъ изъ братцевъ на своемъ офенскомъ жаргонѣ.

— Въ аккуратъ! вторилъ ему другой.

— Аккордно обдѣлалъ! прибавилъ третій.

— А мѣшокъ-то у тебя изъ чего былъ? Изъ шерсти, что-ли, крученой? спрашивалъ рассказчика мой компаньонъ.

— Это ужъ мое дѣло, изъ чего я его тамъ приготовилъ, замѣтилъ на это амбарщикъ.—Только по виду онъ обыкновенный чуваль на пять мѣръ, а влазитъ въ него чуть-ли не двѣнадцать.

— Ну, что-же дальше? послушались голоса.

— Что дальше? Извѣстное дѣло, какъ увидѣлъ казакъ, что тѣмъ больше онъ сыпалъ въ мой чуваль, тѣмъ сильнѣе чуваль толстѣлъ,—спохватился. Началъ было просить меня; «отступного» давалъ пятишницу. Жена заголосила, а наши-то ребята стоятъ, за бока побрались, да хохочуть. «Ты, говорятъ казаку, жену маленько постегаль-бы: чего она не въ свое дѣло мѣшается, а сама, небось, на мѣшокъ надоумила тебя продать». Ну, вѣстимое дѣло, я тоже стою на своемъ и твержу: «уговоръ пуще денегъ; своими глазами мѣшокъ смотрѣлъ; самъ цѣну назначилъ». Жена-то его мнѣ въ ноги бухъ. «Купчику, говоритъ, голубчику, тѣлько-жъ и хлѣба було на продажу, шо два возы! Прибавъ ще, або лучше вже на мірки мірай. Будь, говоритъ отцомъ роднымъ!»

— Отцомъ, говорю, тетушка, не могу быть, потому молодъ, а вотъ въ мужья на время—какъ-разъ!

И жирная рожа амбарщика самодовольно ослабилась. Прочіе же шабаи просто надрывались отъ смѣху. Жутко мнѣ стало. Противно было смотрѣть на этихъ самодовольныхъ и отжирѣвшихъ пьавокъ. Первою моею мыслию было поскорѣе уйти изъ трактира, но хорошо зная, что случаи такихъ цинически откровенныхъ раз-

сказовъ относительно обирательства массы рѣдко удается, а можетъ быть, и совсѣмъ уже не удается никогда услышать впослѣдствіи, я порѣшилъ выдержать сколько-нибудь роль до конца. Да въ этомъ, строго говоря, не было и надобности. Компанія была достаточно выпивши и мало обращала вниманія на мое присутствіе. Разсказъ амбарщика видимо расшевелилъ пошленькое самолюбіе этихъ пошленькихъ душеньокъ. Посыпались аналогичные разсказы, передавали случаи мошенничества изъ собственной своей практикы и практикы другихъ лицъ. И все это разсказывалось какъ что-то обыкновенное, заурядное, съ веселымъ смѣхомъ, прибаутками, иногда съ плоскими, иногда съ пошлыми остротами,—и при этомъ хотя-бы намежь на то, что господа эти сознають пошлость и безчестность совершенныхъ ими поступковъ, хотя-бы тѣнь жалости въ тѣмъ лицамъ, которыхъ обирали эти негодяи, хотя-бы капелька участія въ обездоленному труженнику!

Оказалось, что между присутствовавшими были два молодца, которые двумя, большимъ и указательнымъ, пальцами задерживали отъ пуда до двухъ вѣсу при уравновѣшиваньи подвѣсныхъ досокъ во время взвѣшиванья хлѣба; что каждый изъ присутствовавшихъ можетъ на любой мѣрѣ украсть фунтъ или два зерна, при помощи особаго рода «гребла», которымъ обыкновенно «счеркиваютъ верхъ зерна» въ мѣрѣ; что существуетъ нѣсколько приѣмовъ для кражи отъ одного до двухъ и трехъ фунтовъ зерна на мѣрѣ съ помощью толчковъ, поворотовъ, постукиваній въ мѣру и пр., въ особенности при приѣмѣ льна; что при умѣнши и ловкости отмѣчать счетъ мѣрамъ на греблѣ «мѣлкемъ» черточками, можно изъ десяти мѣръ украсть одну; что, однимъ словомъ, каждый можетъ обкрадывать тѣмъ или другимъ способомъ производителя. Дѣло дошло до того, что начали разсказывать, какъ и гдѣ всего удобнѣе красть мѣшками хлѣбъ съ возовъ. Одинъ изъ зайцевъ началъ трунить надъ другимъ, припоминая случаи, когда за уворованный съ воза мѣшокъ казаки свернули ему на ярмаркѣ нижнюю челюсть. Другой самъ разсказалъ, какъ, ставивши съ воза мѣшокъ овса на базарѣ, онъ высыпалъ его въ кучу и какъ замѣтившая эту продажку толпа чуть было не избива его. Третій передавалъ случай съ его знакомымъ шабаемъ, у котораго казаки за воровство также вырвали ключекъ бороды. Воры, настоящіе воры и разбойники были предъ моими глазами! Ни совѣсти, ни чести, ни стыда, ни малѣйшаго понятія о подлости и безчестности творимыхъ ими дѣяній, казалось, не существовало у этихъ обираль народа...

II.

Я нарочно привелъ читателю эту картинку, чтобы онъ на примѣрѣ увидѣлъ, что за люди южно-русскіе шабай и что за явленіе представляетъ собою шабайство. Очень можетъ быть, что многое въ вышеприведенномъ шабай прилагали, что приписываемое ими себѣ было совершено другими, что въ ихъ дѣлняхъ даже не было столько грязи, сколько они обнаружили въ своихъ разсказахъ, но дѣло въ томъ, что существуютъ-же люди, которые грязныя, воровскія дѣйствія отождествляютъ съ похвальными дѣяніями, у которыхъ совѣсть спокойна на этотъ счетъ, что придерживаются-же въ этомъ отношеніи, хотя-бы и на словахъ только, а не на практикѣ, эти люди извѣстныхъ нравственныхъ съ ихъ точки зрѣнія принциповъ. Разъ это есть, въ чемъ, конечно, никакъ нельзя сомнѣваться, должны-же быть въ нашей жизни и условія, способствующія такому извращенію нравственныхъ понятій, какое представляетъ собою шабайство. Кто-бы тамъ ни были сами по себѣ шабай—воры, мошенники, плуты, бахвалы, чванливые торгаши,—но если они оказываются продуктомъ нашей жизни, то что-же въ такомъ случаѣ представляетъ собою сама эта жизнь?

Въ дѣйствительности, въ проявленіяхъ южно-русскаго шабайства можно найти несравненно больше грязи, чѣмъ сколько оказывается ея на основаніи какого-нибудь одного отрывочнаго примѣра. Шабайство пустило глубокіе корни въ жизни южно-русскаго населенія, и на это есть, конечно, извѣстныя причины. Шабаемъ называютъ собственно одного сельскаго скупщика сырья, но правильнѣе было-бы назвать этимъ именемъ цѣлую серію мелкихъ торгашей—посредниковъ, въ довольно большомъ количествѣ разсѣянныхъ по всему южно-русскому краю, потому что шабай въ ряду другихъ лицъ, такъ или иначе прикосновенныхъ къ дѣлу скупки сырья у производителей, представляетъ собою самый выдающійся образецъ торгаша-паука. Шабайтъ—значить зашибать деньгу съ помощію наживы на счетъ сырыхъ продуктовъ земледѣльца и мелкаго хозяина, наживы, основанной исключительно на торгово-мошенническихъ расчетахъ. Купить дешевле, продать дороже и въ обоихъ случаяхъ надуть продавца или покупателя—такое основное правило въ дѣятельности истаго шабая. Шабай—прежде всего мошенникъ, шабайство—прежде всего мошенничество. Нельзя назвать честнымъ человѣкомъ торгаша, берушаго при торговыхъ сдѣлкахъ рубль на рубль, но если этотъ торгошъ, получая хотя-бы и не рубль на рубль, терпя даже явные убытки, прибѣгаетъ къ разнаго рода темнымъ ухищреніямъ, не упуститъ случая утаить, прибавить, убавить, украсть, обсчитать, обмѣрить,

обвѣсить, то кто-же онъ, какъ не архиплуть и архимошеникъ въ кубѣ?—А таковъ именно шабай.

Существуетъ цѣлая масса ухищреній, съ помощію которыхъ шабай получаютъ прибыль на торговый капиталъ. Всѣ эти ухищренія сводятся къ полученію тѣмъ или другимъ путемъ такъ называемыхъ «лишковъ» въ формѣ сырья, и по роду полученія могутъ быть отнесены къ двумъ разрядамъ—къ обычнымъ и воровскимъ. Въ сущности и тѣ, и другія одинаково являются результатомъ надувательства, но обычные лишки берутся открыто, какъ бы съ согласія, хотя и вынужденнаго, разумѣется, продавца, а воровскіе—тайкомъ, воровски.

Обыкновенно, при покупкѣ хлѣба нужно различать покупку его на мѣру и покупку на вѣсъ, при покупкѣ шерсти — покупку на руно и покупку на вѣсъ, при покупкѣ сала — покупку «на взглядъ» и покупку на вѣсъ и т. д. Въ каждомъ изъ такихъ случаевъ шабайми практикуются спеціальныя приемы надувательства, но собственно въ хлѣбной торговлѣ эти приемы доведены до своего рода вартозности. Выговаривая или вынуждая дать обычные, видимые лишки, шабай непременно надуетъ продавца и на мѣрѣ, и на вѣсѣ.

Мелкіе шабай вообще предпочитаютъ покупку зерна на мѣру. «Мѣра, говорятъ они,—святое дѣло; она всегда возьметъ свое для насъ». Несмотря на то, что закономъ опредѣлена «казенная» мѣра положенной величины и изъ извѣстнаго матеріала, въ дѣйствительности у шабай всегда найдутся всевозможныя мѣры и въ 45, и въ 52 фунта, и въ 1¹/₂, и даже въ 2 пуда. Иногда за мѣру идетъ цѣлая кадушка, въ которую входитъ около двухъ казенныхъ мѣръ зерна. И шабай, и продавцы поэтому различаютъ въ торговлѣ «казенныя» и неказенныя мѣры. Покупка хлѣба на казенную мѣру всегда производится шабайми менѣе охотно и оплачивается значительно дешевле, сравнительно съ покупкою на неказенную. Точно также деревянная мѣра предпочитается шабайми желѣзной. Ее легче поддѣлать, переставить дно, придать извѣстную форму и т. д. Но и въ желѣзной мѣрѣ можно также сдѣлать гнущееся изъ упругаго листоваго желѣза дно, такъ что въ обыкновенномъ видѣ, безъ зерна, мѣра по емкости равняется казенной, но если вы наполните ее зерномъ, то дно непременно выпатится, вдавится и, благодаря этому, шабай получаетъ на пудъ принятого зерна отъ фунта до пяти и даже больше лишку. Стало быть, отъ ловкости шабай прежде всего зависитъ подставить продавцу такую мѣру, на которой больше всего получается лишковъ сравнительно съ казенною мѣрою.

Далѣе. Покупать зерно можно «вщертъ», «въ греблю», или-же

«съ верхомъ», по выраженію малороссовъ. Въ первомъ случаѣ мѣра насыпается зерномъ въ уровень съ краями и все лишнее сверху зерно сгребается «гребломъ», особаго рода досточкою; во второмъ зерна сыплютъ столько въ мѣру, сколько влѣзетъ въ нее. И опять таки шабай предпочитаетъ покупать хлѣбъ на мѣру «съ верхомъ», вмѣсто мѣры «въ гребло», «вщертъ». Лишковъ въ первомъ случаѣ остается въ пользу шабая больше, чѣмъ во второмъ, и въ этомъ отношеніи чрезвычайно важную роль играетъ форма мѣры. Мѣра низкая и широкая дастъ больше лишковъ, чѣмъ высокая и узкая, потому что при широкомъ основаніи получается и большій конусъ, «верхъ» зерна. Точно то-же надо замѣтить и относительно мѣры съ узкимъ дномъ, но широкими краями, которая по той-же причинѣ предпочитается шабаями мѣрѣ съ широкимъ дномъ, но узкими краями, употребляемой шабаями преимущественно въ тѣхъ случаяхъ, когда требуется обмануть зрѣніе продавца внѣшнимъ видомъ мѣры относительно ея емкости. Чѣмъ выше верхъ, тѣмъ больше въ свою очередь вдавливаются зерна внутрь мѣры, и, слѣдовательно, такая мѣра выгодна для шабая при покупкѣ зерна «вщертъ»... Однимъ словомъ, на каждый случай покупки хлѣба шабай припасаетъ ту или другую по формѣ мѣру, и если производитель, продавая на мѣру, только догадывается относительно передачи имъ лишковъ покупателю, то шабай въ каждомъ частномъ случаѣ хорошо знаетъ размѣръ получаемыхъ имъ лишковъ и всегда дѣйствуетъ навѣрняка.

Наконецъ, размѣръ получаемыхъ воровски шабаемъ лишковъ зависитъ отъ самой приемки зерна, т. е. отъ счета мѣрѣ и способа насыпки въ мѣру зерна. Одно количество зерна входитъ въ мѣру, если набирать хлѣбъ изъ закрома, и другое при насыпкѣ хлѣба изъ мѣшка. То-же надо сказать относительно насыпки зерна въ мѣру лопатой, совкомъ, корцемъ и пр., относительно «захвата» зерна въ закромѣ «съ разгону», относительно простого зачерпыванья зерна и т. п., и т. п. При однихъ изъ этихъ приемовъ зерно болѣе сильно «набивается» въ мѣру, при другихъ менѣе сильно, и само собою понятно, что въ первомъ случаѣ всегда получится лишку на полъ-фунта, фунтъ и болѣе на мѣру, чѣмъ во второмъ. Нѣкоторые изъ шабавъ умѣютъ какъ-то набирать зерно въ мѣру съ постукиваньями, другіе какимъ-то образомъ ухитряются при этомъ поварачивать мѣру «колесомъ» и т. д., и т. д., и въ результатѣ отъ всѣхъ этихъ приемовъ всегда получается извѣстное количество лишковъ. Но суть заключается собственно въ счетѣ мѣрѣ. Тотъ, кто продаетъ хлѣбъ на мѣру, тотъ большею частію плохой счетчикъ и неграмотенъ. При приемкѣ-же зерна на мѣру, количество принятыхъ мѣрѣ обозначается съ помощію мѣла чер-

точками ни греблѣ. Это самый распространенный и вмѣстѣ самый выгодный для плутней шабая счетъ. Обыкновенно отмѣчивающѣе черточками принятыхъ мѣръ производится такимъ образомъ: и шабай, и продавецъ отмѣчаютъ количество мѣръ каждый особо, одинъ на одномъ концѣ гребла (продолговатой 'досточки' верхка въ два ширины), а другой — на другомъ. При такомъ способѣ отмѣчать количество мѣръ, шабай можетъ надуть продавца двоякимъ образомъ: онъ или стираетъ ловко черточку изъ помѣтокъ продавца, а на своемъ концѣ, вмѣстѣ съ тѣмъ, проводитъ черту мѣломъ по старой чертѣ, или-же, проведя одинъ разъ черту по старой чертѣ на одномъ, положимъ, своемъ концѣ гребла, онъ переварачиваетъ въ слѣдующій разъ другимъ концемъ гребло къ себѣ и дѣлаетъ то-же самое на этомъ концѣ, подставляя въ то-же время продавцу свой конецъ гребла. (Если продавецъ при этомъ замѣтитъ, что шабай не на своемъ концѣ сдѣлалъ отмѣтку, то шабай обыкновенно на это отвѣчаетъ: «ну, что-жь? развѣ не все одно? Я на твоёмъ концѣ сдѣлалъ черту, а ты сдѣлай на моемъ»). Такимъ образомъ, и въ первомъ, и во второмъ случаяхъ шабай воруетъ по мѣрѣ зерна — въ первомъ случаѣ въ одинъ приемъ, а во второмъ въ два. Этимъ способомъ шабай воруетъ minimum одну мѣру на десяти.

Итакъ, при покупкѣ на мѣру зерна, шабай получаетъ лишки, благодаря или особенной формѣ мѣры, или способу набирания въ мѣру зерна, или-же, наконецъ, счету мѣръ. Всѣ эти лишки составляютъ тайну шабая. Явные-же, по уговору или по обычаю, — лишки шабай беретъ само собою. Такъ, берется, напр., часть зерна «на разсыпку», иногда «на провозъ» и вообще, если остается часть зерна, не составляющая полной мѣры. Это такъ называемая «надбавка», «прибавка», «набидка» сверхъ положеннаго.

Нѣсколько затруднительнѣе оказывается плутовать шабаю при покупкѣ зерна на вѣсъ. Плутни тутъ должны быть тоньше, рискъ быть пойманнымъ значительнѣе. Но и здѣсь шабай сумѣли сплести цѣлую сеть разнаго рода ухищреній и улововъ.

Обвѣсъ производится прежде всего благодаря невѣрности гири. Гири, вѣсящія сверхъ положеннаго, нормальнаго вѣса, такъ называемыя «подставныя», встрѣчаются у шабаевъ вообще рѣдко, но и при нормальныхъ гирияхъ шабай, все-таки, умѣютъ получать неправильный вѣсъ. Такъ, нѣкоторые, напр., шабай съ этою цѣлю налѣпляютъ къ «дну» гирь съ помощію смолы пластинки свинца, желѣза, камешки и пр. Чаше они стараются обходиться одною — двумя крупными гириями, кладя на вѣсы вмѣсто гирь «вывѣшенныя» камни, вѣсящіе обыкновенно на полъ-фунта или фунтъ сверхъ нормальной мѣры. Кромѣ того, на вѣсъ вліяютъ также въ

сильнѣйшей степени устройство коромысла, подвѣсныхъ досокъ и вообще вѣсовъ. На вѣсахъ «съ тугимъ» ходомъ шабай всегда украдетъ болѣе лишковъ, чѣмъ на вѣсахъ съ ходомъ «легкимъ». Наконецъ, важнѣйшую часть удолокъ шабая-вѣсовщика составляетъ умѣнье уравнивать вѣсы «на походѣ». Благодаря такому умѣнью, съ одной стороны, и простоватости продавца—съ другой, шабай можетъ, при большомъ вѣсѣ, взять лишку отъ нѣсколькихъ фунтовъ до пуда и свыше въ одинъ пріемъ. Представьте, что на одинъ конецъ коромысла надавливаетъ 23 пуда зерна, а на другой должны давить такого-же вѣса гири. Шабай положилъ, положимъ, только на 20 пуд. гирь; разница въ вѣсѣ зерна и гирь рѣзко бросается въ глаза, шабай прибавляетъ два пуда и старается уравнивать вѣсы съ помощію подвѣсныхъ веревокъ. Такъ какъ замѣтныя колебанія вѣсовъ должны происходить и въ этомъ случаѣ, то шабай беретъ рукою за веревку только той чашки вѣсовъ, на которой находятся гири, и притомъ, только двумя пальцами—большимъ и указательнымъ. Со стороны можетъ показаться, что такимъ способомъ можно задержать всего фунта два или три лишку, а на самомъ дѣлѣ оказывается, что напрактиковавшійся шабай тутъ удерживаетъ пудъ или даже больше, въ особенности, если онъ употребляетъ въ дѣло обѣ руки, т. е. двумя пальцами лѣвой руки держится, положимъ, за веревку чашки съ зерномъ, а двумя пальцами правой—за веревку чашки съ гирями, и въ первомъ случаѣ «надавливаетъ» на вѣсы, а во второмъ «приподнимаетъ». Если продавецъ человѣкъ простоватый или же настолько совѣстливый, что не рѣшается часто напоминать шабаю, чтобы онъ «свободнѣ пускалъ вѣсы» и не держался-бы за веревки, то шабай преспокойно на 23 пудахъ вѣсу утянетъ въ свою пользу пудъ. Если продавецъ—человѣкъ «зубастый» и «надоѣдаетъ» шабаю, то шабай «дѣйствуетъ нахрапомъ», т. е., придерживаясь одною рукою за веревку чашки съ гирями, онъ другою рукою быстро и ловко подбрасываетъ на чашку мелкія гири. Бросить, положимъ, десятифунтовикъ и старается уравнивать вѣсы, бросить потомъ еще пять и, сильно нажавъ на веревку, какъ-бы показываетъ тѣмъ, что гирь оказывается больше по вѣсу, чѣмъ зерна, и если взвѣшиванье останавливается на этомъ моментѣ, то шабай возьметъ 25 фунтовъ лишку. Но если продавецъ и тутъ настаиваетъ на лучшемъ взвѣшиваньи, то шабай беретъ еще десяти или пятифунтовикъ и, бросивъ его съ сердцемъ «съ размаху» на чашку, восклицаетъ: «на! чортъ съ тобою! пусть мое перейдетъ, только не задерживай, пожалуйста, работы»... Вѣсы, благодаря брошенной съ размаху гирѣ, быстро накрываются въ сторону гирь, шабай, уловивъ моментъ, надавливаетъ ногою чашку

съ гирями и начинаетъ считать количество гирь, хорошо зная въ то-же время, благодаря своей наторѣвшей рукѣ, что извѣстный лишекъ остался во всякомъ случаѣ въ его пользу. И т. д., и т. д.

Въ формѣ обычныхъ, видимыхъ лишковъ шабай беретъ при окончаніи взвѣшиванья «на разсыпку», «на провозъ», «на мѣшки», при каждомъ взвѣшиваньи—«походныя» и пр.

Однимъ словомъ, существуетъ цѣлая система ухищреній при приѣмкѣ хлѣба и на вѣсъ, и на мѣру, ухищреній тайныхъ и явныхъ, благодаря которымъ шабай всегда получаетъ массу всевозможныхъ лишковъ, удешевляющихъ для него купленный хлѣбъ въ значительной степени.

Но этимъ дѣло не оканчивается. Въ обоихъ случаяхъ — при приѣмкѣ хлѣба и на вѣсъ и на мѣру, дѣлается окончательный расчетъ. Необходимо бываетъ сосчитать общее количество пудовъ или мѣръ и затѣмъ уже рассчитать, сколько придется денегъ продавцу. И вотъ тутъ-то для шабая открывается новое поле плутней. Часто шабай нарочито сговаривается съ продавцомъ въ такой цѣнѣ на хлѣбъ, въ которой фигурировали-бы копейки, чтобы потомъ лучше обсчитать продавца. На ярмаркахъ, на базарахъ и вообще въ тѣхъ случаяхъ, когда шабай и продавецъ — лица незнакомыя другъ другу, обсчитыванье продавцевъ производится шабайми на каждомъ шагу. Расчетъ здѣсь довольно простой. Разъ продавецъ получилъ деньги и ушелъ отъ покупателя, шабай всегда скажетъ потерпѣвшему: «я самъ забылъ, сколько я купилъ у тебя зерна и сколько приходилось тебѣ денегъ; вась вѣдь много, а я одинъ». Если продавецъ дѣйствуетъ въ такомъ случаѣ болѣе или менѣе энергично или мало-мальски знакомъ съ шабаемъ; то, во избѣжаніе скандала, шабай чешетъ въ затылкѣ и предлагаетъ обыкновенно обсчитанному продавцу раздѣлить грѣхъ пополамъ, такъ какъ оба они виноваты, оба считали и не рассчитали какъ слѣдуетъ, а настоящее количество вѣса или мѣръ шабай не припомнить хорошо. И часто продавецъ соглашается и на этотъ компромиссъ, получивъ, напр., рубль изъ двухъ недоданныхъ. Иногда, при заявленіи продавцемъ претензіи на неправильный счетъ, шабай беретъ счеты, начинаетъ провѣрять предъявленный ему продавцемъ счетъ и запутаетъ въ концѣ концовъ быстрымъ перебрасываньемъ косточекъ непривыкшаго къ быстрому счету продавца такъ, что онъ снова уходитъ отъ шабая, не доказавши ему неправильности счета и смутно сознавая, что онъ все-таки одураченъ шабаемъ. Придетъ въ шабаю разъ-два продавецъ, поговорить, пошумить, махнетъ рукою, выругается и пожертвуетъ въ концѣ концовъ шабаю рубль, два или три недоданныхъ денегъ, а шабай обыкновенно только того и добивается; изъ-за из-

лишние зажатого рубля онъ готовъ выслушать цѣлый потокъ брани.

Таковы-то тѣ приемы, въ которыхъ прибѣгаютъ шабай, обмѣривая, обвѣшивая и обсчитывая производителя. Мы отиѣтили только главнѣйшіе изъ нихъ, опустивъ массу мельчайшихъ и, по всей вѣроятности, еще больше такихъ, которые намъ совершенно неизвѣстны. Изучить эту шабайскую науку плутовства и мошенничества до тонкости едва-ли даже возможно. Часто шабай надуваетъ не только производителя, но и шабая, и послѣдній даже не подозрѣваетъ, что его надуль его-же сотоварищъ по ремеслу. Каждый шабай держитъ въ этомъ отношеніи свои секреты и сплутуетъ такимъ образомъ, что другому и въ голову не придетъ предположить тутъ какую-нибудь плутню. Главный рычагъ во всей дѣятельности шабая составляетъ именно масса мелкихъ, почти неувидимыхъ ухищреній. Шабай прекрасно знаетъ то простое правило житейской мудрости, что изъ копѣекъ рубли составляются и что отъ его мелкихъ плутней и уловокъ всегда въ концѣ концовъ получится нѣчто крупное, приносящее положительный доходъ, и поэтому, съ особенною послѣдовательностью проводитъ это простое арифметическое соображеніе во всѣ свои шабайскія операции. Въ этомъ состоитъ система шабайскаго торговаго посредничества. Тамъ, гдѣ плутни шабая плохо помогаютъ ему, онъ донимаетъ продавца назойливостью, выпрашивая лишки, «цыганя», какъ выражаются въ такихъ случаяхъ сами шабай, и само собою понятно, что между продавцами всегда можно найти не мало податливыхъ въ этомъ отношеніи людей. Иной мирный земледѣлецъ готовъ уступить вмѣсто нѣсколькихъ фунтовъ цѣлый пудъ надѣдливому шабаю, лишь-бы поскорѣе только развязаться съ нимъ. Другой нарочито старается задобрить уступчивостью шабая, чтобы онъ поменьше «свалыжничалъ» въ слѣдующій разъ и поменьше плутовалъ въ качествѣ задобреннаго знакомаго. Третій не находитъ даже, что сказать неугомонному и рѣчиному шабаю въ такомъ случаѣ, а шабай ловко принимаетъ молчаніе за знакъ согласія и послѣдовательно ведетъ свою линію. И вотъ въ результатъ отъ всего этого и получаютъ тѣ лишки, на которыхъ собственно и держатся всѣ торгово-посредническія операции шабайствующихъ.

III.

Чтобы лучше уяснить то широкое значеніе, которое имѣеть въ дѣятельности только-что описанная система выжиманія шабаемъ лишковъ у производителя, необходимо обратить внима-

не на другую сторону шабайства—на общую организацію мелкой торговли сырьемъ.

Организація шабайскихъ операцій довольно проста, если только организаціей въ данномъ случаѣ можно назвать безшабашное обираіе массы на каждомъ шагу, начиная съ деревни и хутора и оканчивая городомъ. Она, эта организація, стало бытъ, вытекаетъ изъ самыхъ условій экономической жизни. Производителю, какъ даннику суровыхъ экономическихъ обстоятельствъ, нужны рубли и копѣйки шабая — и вотъ шабай примацивается къ производству вездѣ, гдѣ есть хоть малѣйшая возможность къ тому; затѣмъ эти примациванья идутъ отъ окружности къ центру, отъ хутора и деревни къ городу. Такъ какъ шабай связаны между собою денежными интересами, то, понятно, они тянутъ за собою и производителя съ сырьемъ въ направленіи къ городу. Одни, поэтому, шабай живутъ въ городахъ, другіе—въ селахъ, но всѣ они вмѣстѣ вращаются около общаго дѣла — наживы на счетъ производителя и производимаго имъ сырья, какъ вращается колесо около оси. Такимъ образомъ, кабатчикъ, опавшая труженниковъ, занимается вмѣстѣ съ тѣмъ сыпкою зерна», собирая его съ пропойцъ и ворешекъ мѣшками, «облунками» (полумѣшками), коробками, мисками и даже шапками и «кишенями», т. е. карманами. Рука объ руку съ кабатчикомъ дѣйствуетъ лавочникъ, обмѣривающій сельчанъ аршиномъ и обвѣшивающій ихъ на фунтахъ. Это неизбежныя, осѣдлыя шабай, живущіе въ любомъ сколько-нибудь крупномъ деревенскомъ поселеніи. Но тутъ-же рядомъ съ ними почти всегда бываетъ разсыпана дѣлая арава сподручныхъ шабаевъ, арава болѣе или менѣе многочисленная, смотря по мѣсту. Это шабай по случаю, между дѣломъ. Шабаю помогаетъ всякій, кто въ свою очередь наровитъ нажиться на шабайствѣ «на дурнычу», «на шарамагъ», какъ выражаются на этотъ счетъ въ южной Россіи. И старшина, и станичный атаманъ, и писарь, и земець, и чиновникъ, и отставной офицеръ, и даже духовныя особы—всѣ шабають понемножку и «вбольшую», потому что шабайство представляетъ собою тотъ самый рычагъ, которымъ только и движется нажива капиталиста, воплощающаго въ своей особѣ конечный идеалъ для алчущихъ и жаждущихъ поживиться чужимъ добромъ. За деревенскою челядью идетъ шабай по профессіи и по названію. Это скупщикъ сырья вообще. Бываютъ собственно двухъ родовъ деревенскіе шабай — мелкіе и крупныя. Первые занимаются скупкою всевозможнаго сырья—и хлѣба, и сала, и кожъ, и воску, и меду, и шерсти и пр. Вторые по преимуществу напиралют на хлѣбъ и только изрѣдка покупаютъ шерсть. Первые представляютъ собою по преимуществу странствующій, переѣзжающій изъ одного селенія

въ другое элементъ; вторые держатся болѣе опредѣленныхъ пунктовъ и живутъ болѣе осѣдло. Далѣе слѣдуютъ уже скупщики сырья городскіе. Въ сколько-нибудь дѣятельно ведущихъ хлѣбную торговлю городахъ всегда кишитъ цѣлая масса шабайствующихъ. Это разнаго рода маклера, приказчики, «молодцы», «сподручные» и вообще мелкіе агенты скупщиковъ сырья. По характеру своей дѣятельности они ничѣмъ не отличаются отъ деревенскихъ шабаевъ. Та-же пронырливость, та-же мошенническая сноровка, доведенная иногда до фокусничества, что и у этихъ послѣднихъ. Они, эти агенты, даже проходятъ свою первоначальную шабайскую швольную практику болшею частію въ деревнѣ, или-же подвизаются попеременно то въ городѣ, то въ селѣ. Вся эта мелкая торговая челядь рѣдко когда ведетъ дѣло самостоятельно, но находится болшею частію въ зависимости отъ хозяевъ; хозяева же бываютъ лица, имѣющія хлѣбныя конторы или въ крайнемъ случаѣ амбары. Но такая зависимость отъ другихъ лицъ ни мало не вліяетъ на самый характеръ дѣятельности городского шабая, отличающейся всѣми перепетіями шабайски-воровской практики. Хозяева смотрятъ сквозь пальцы на плутни своихъ сподручныхъ, если только не прямо поощряютъ ихъ; а сподручные въ свою очередь «не кладутъ окулки на руку», обвѣшивая, обмѣривая и обсчитывая производителей немилосердѣйшимъ образомъ. Еще рѣже въ этомъ отношеніи дѣйствуютъ перекупщики или маклера-зайцы. Шабаи этого рода занимаются исключительно тѣмъ, что выходить на базары и тѣ дороги, по которымъ провозятъ сельчане на продажу хлѣбъ въ городъ, и здѣсь его закупаютъ какъ-бы отъ себя, направляя затѣмъ купленное въ тѣ конторы и амбары, на которые они «работаютъ»!

Такимъ образомъ, сама-по-себѣ покупка сырья шабаями служить въ сущности тѣмъ цементомъ, которымъ связываются отдѣльныя операціи шабайствующихъ въ южно-русской хлѣбной торговлѣ. Производитель въ большинствѣ случаевъ такъ или иначе продаетъ сырье шабаю, этотъ послѣдній таже зачастую прямо или «черезъ руки» перепродаетъ его другому шабаю, пока сырье не попадетъ, наконецъ, въ контору, изъ которой оно, прямо или въ свою очередь чрезъ посредство другихъ конторъ, идетъ уже за границу. Въ рѣдкихъ случаяхъ хлѣбъ попадаетъ прямо отъ производителя въ контору. Этимъ счастливымъ исключеніемъ пользуются одни крупныя сельскіе хозяева—помѣщики и булаки, обобравшіе, разумѣется, предварительно, елико возможно, тружениковъ. Чаше-же зерно проходитъ чрезъ нѣсколько рукъ прежде, чѣмъ попасть въ контору и изъ нея за границу.

Можно, слѣдовательно, представить, какая львиная доля бары-

шей попадаетъ въ карманы всѣхъ этихъ торговыхъ посредниковъ. Не трудно понять, что чѣмъ больше существуетъ торговыхъ посредниковъ между производителемъ и потребителемъ тѣмъ больше производитель сырья теряетъ на рыночной цѣнѣ производимыхъ имъ продуктовъ. Иначе чѣмъ-же, какъ не тѣми лишками, которые они всячески урываютъ изъ доходовъ производителей, жили-бы всѣ эти паразитствующіе посредники. А они вѣдь мало того, что живутъ, но день со днемъ разживаются все больше и больше, богатѣютъ, расширяютъ свои операціи и пополняютъ ряды новыми піонерами. Ясно, значить, что въ самой жизни существуютъ извѣстнаго рода явленія, дающія поддержку шабайству.

Важнѣйшіе торговые центры южной Россіи опредѣлились съ достаточною ясностью. И мелкіе торговцы, и производители, конечно, большею частію знаютъ, куда направляется сырье и гдѣ оно продается наиболѣе выгодно. То-же надо замѣтить и относительно второстепенныхъ центровъ, каковы мелкіе города, мѣстечка, села, станціи, станицы и пр. Въ тѣсныхъ предѣлахъ опредѣленнаго земледѣльческаго района всегда можно найти одинъ или нѣсколько такихъ центровъ и центриковъ. Такъ, къ Мариуполю, положимъ, тянется опредѣленное количество земледѣльческихъ поселеній, жители которыхъ привозятъ въ этотъ городъ на продажу сырье; къ Бердянску, Ейску, Темрюку и пр., пр. — точно также. Вѣстѣ съ тѣмъ, между тяготеющими въ торговомъ отношеніи къ городу селеніями всегда найдутся и болѣе мелкіе центрики. Если Ейскъ является главнымъ центромъ, то станицы Брюховецкая, Каневская и др., гдѣ производится также ссыпка хлѣба изъ ближайшихъ земледѣльческихъ пунктовъ, оказываются по отношенію къ нему второстепенными. И вотъ за колебаніями цѣны на хлѣбъ въ такихъ то ближайшихъ центрахъ и центрикахъ мѣстное населеніе и имѣетъ возможность слѣдить болѣе или менѣе удачнымъ образомъ. Если тотъ хлѣбъ, который покупается, положимъ, въ глухихъ деревняхъ Полтавской губерніи по 6 руб. за четверть, перепродается въ Одессѣ по 12 руб. за четверть, то разница между цѣною на хлѣбъ въ Бердянскѣ или въ Ростовѣна-Дону и тяготеющими къ нимъ ближайшими земледѣльческими населеніями никогда не бываетъ столь значительна. Помимо другихъ второстепенныхъ причинъ, тутъ играетъ главную роль разстояніе. Такъ, изъ выведенныхъ нами наблюденій оказывается, что на разстояніи пятидесяти верстъ отъ города Ейска между станичными и городскими цѣнами на хлѣбъ разница колеблется около 50 коп. на четверть, на разстояніи ста верстъ — около 1 р. 10 к. и т. д., такъ что наибольшая средняя разница въ торговомъ районѣ города Ейска равняется 2 р. 75 к. при цѣнѣ за

четверть пшеницы въ 12 руб. Стало бытъ, если вычесть отсюда плату за перевозъ хлѣба, равняющуюся 80% разницы, премію за рискъ перевозки и пр., то разница между станичными и городскими цѣнами на хлѣбъ сведется къ нулю. А между тѣмъ на этихъ ближайшихъ линіяхъ между селами и торговыми центрами и вѣшать наибольшее число шабайствующихъ посредниковъ, тутъ именно и происходитъ чаще всего перепродажа сырья чрезъ нѣсколько посредствующихъ рукъ. Какъ-же, однако, торговые посредники ухитряются наживаться въ такихъ случаяхъ, извлекать громаднѣйшіе барыши, когда посредниковъ этихъ оказывается такое огромное количество и когда при этомъ не оказывается повидимому никакой прибыли при покупкѣ и продажѣ хлѣба въ селѣ и въ городѣ? Главнымъ образомъ при помощи мошенническихъ ухищреній и продѣлокъ, во многихъ случаяхъ до того ввѣдрившихся въ торговые операціи сырьемъ, что онѣ стали чѣмъ-то въ родѣ обычаявъ. Подтверженіе этому можно найти въ томъ, между прочимъ, обстоятельстве, что городской перекупщикъ или заяцъ даетъ дороже за хлѣбъ, чѣмъ даютъ въ конторахъ, и что сельскій шабай часто покупаетъ хлѣбъ въ селѣ по городской цѣнѣ, несмотря на то, что шабаю нужно-же и заплатить за перевозку хлѣба, и выгадать что-нибудь для себя. Ясно, слѣдовательно, что въ такихъ случаяхъ кажущійся «недоборъ» при выговоренной продавцемъ у покупателя цѣнѣ на хлѣбъ пополняется на дѣлѣ «переборомъ» лишковъ сырья при приемкѣ его шабаемъ, или, по просту говоря, шабай въ такихъ случаяхъ крадутъ. Спросите объ этомъ у словоохотливаго шабая, знающаго, что вы не принадлежите къ числу продавцевъ сырья, — и онъ, ни мало не стѣняясь, скажетъ вамъ: «у насъ одинъ вѣсъ съ продавцомъ и другой въ конторѣ».

Такимъ образомъ, какъ естественная организація шабайства, такъ и обиліе участвующихъ въ ней лицъ способствуютъ одинаково тому, что производитель теряетъ значительную часть дохода при продажѣ сырья. При обиліи торговыхъ посредниковъ, каждый изъ нихъ старается взять возможно большую прибыль, а сумма всѣхъ этихъ прибылей сплошь и рядомъ бываетъ до того велика, что съ нею не можетъ сравниться прибыль ни одного предпріятія, основаннаго на производительныхъ процессахъ. Будь промышленныя предпріятія выгоднѣе торговыхъ, они давно-бы появились на крайнемъ югѣ Россіи, и сырье, вмѣсто того, чтобы падать за границу, оставалось-бы для обработки дома; но ихъ-то больше всего избѣгаютъ шабай и торговцы хлѣбомъ и сырьемъ. Шабай не начнетъ свою дѣятельность съ ремесленнаго заведенія или даже съ земледѣльческаго хозяйства, а непремѣнно или прямо

съ закупки сырья, или-же съ такихъ занятій, какъ содержание кабака и лавки т. е. занятій, при которыхъ всегда можно производить ту же закупку сырья, и часго, начиная съ сотнею рублей свою шабайскую дѣятельность, онъ чрезъ нѣсколько лѣтъ ворячаетъ тысячами.

Трудно, конечно, дать точное статистическое выраженіе тому явленію, о которомъ идетъ здѣсь рѣчь. Ни частной, ни официальной статистики на этотъ счетъ даже въ зародышѣ не существуетъ. Единичному изслѣдователю нечего и браться за работу. Но шабайство, при всемъ томъ, представляетъ собою такого рода явленіе, которое прежде всего бросается въ глаза въ экономической жизни южной Россіи. Жизнь эта держится на сельскомъ хозяйствѣ, а всѣ продукты его идутъ чрезъ руки шабая. Нѣтъ, поэтому, здѣсь ни одного сколько-нибудь крупнаго сельскаго поселенія, гдѣ-бы не пріютился одинъ или нѣсколько шабайствующихъ въ томъ или другомъ ихъ видѣ. Шабаевъ такимъ образомъ приходится считать не десятками, даже не сотнями, а тысячами, включая въ число ихъ и такихъ полушабайствующихъ лицъ, какъ кабатчики, лавочники и пр. Если положить стоимость ежегоднаго вывоза сырья чрезъ южно русскіе порты за границу равную 300 мил. рублей; то, — зная тотъ фактъ, что производитель теряетъ минимум $\frac{1}{3}$ стоимости этого сырья и что изъ этой трети по крайней мѣрѣ треть также достается на долю шабая, — цифру въ 33 мил. руб. придется считать тою добычею, на счетъ которой идетъ ростъ шабайства. Конечно, такое предположеніе гадательно, но оно близко къ дѣйствительности.

IV.

Если отъ этого общаго соображенія мы перейдемъ къ фактамъ, рисующимъ непосредственное отношеніе народа къ шабайству, то увидимъ, что характеръ, придаваемый нами разсматриваемому явленію, присущъ и воззрѣніямъ народа. Шабайство—зло, и зло громадныхъ размѣровъ. Такъ смотритъ на дѣло народъ, и свои взгляды на этотъ счетъ выражаетъ въ соответственныхъ дѣйствіяхъ.

При поверхностномъ наблюденіи можетъ показаться, что народъ относится къ шабайству какъ то полуниндефферентно, полуфаталистически, съ плохою вѣрою въ свои силы и возможность успѣшной борьбы, что онъ несетъ на своихъ плечахъ это зло также стоически-безропотно, какъ и тѣ неблагопріятности, которыя сыплются на его хозяйство и жизнь со стороны неумолимой природы. Но такой взглядъ меньше всего вяжется съ фактами. Та нравственная брезгливость, которую выказываетъ малороссъ ко

всякаго рода «крамарству» и торгашеству, а слѣдовательно, тѣмъ болѣе къ шабайству, является въ этомъ отношеніи весьма характернымъ признакомъ. Народъ именно смотритъ на шабайство какъ на явленіе противорѣчащее его нравственнымъ принципамъ и нарушающее вѣковые устои его жизни. Шабай — ругательное у южнорусскаго населенія слово: «шабай — бісова душа», круто выражается на этотъ счетъ малороссъ. Шабайство, кулачество, мрѣдство одинаково сливаются въ нравственныхъ воззрѣніяхъ народа на весь цѣль тѣхъ жизненныхъ неблагопріятностей, отъ которыхъ страдаютъ трудъ, хозяйство, семья, потребности и личная жизнь производителя. По крайней мѣрѣ мы лично никогда не слышали иного объясненія шабайству изъ устъ самого труженика.

Правда, самъ народъ нерѣдко поставляетъ изъ своей среды тѣхъ лицъ, которыми пополняется шабайская армія; но за то онъ и смотритъ на нихъ, какъ на отщепенцевъ, какъ на нравственныхъ уродовъ, порочащихъ ту среду, изъ которой они вышли. При томъ-же ядро шабайства состоитъ изъ лицъ, выходящихъ совсѣмъ изъ иной среды. Это большею частію разночинцы — люди стяжанія и наживы, поклонники собственнаго брюха и золотого тельца.

Пишущему эти строки приходилось въ качествѣ и частнаго и официального изслѣдователя имѣть дѣло съ цѣлою массою фактовъ, характерныхъ для отношеній народа къ шабайству, — и, говоря по чистой совѣсти, я затруднился-бы сказать утвердительно, существуетъ-ли разница въ воззрѣніяхъ народа на шабайство, съ одной стороны, и на воровство — съ другой. На ловкаго шабая землѣлецъ смотритъ какъ и на ловкаго конокрада. Онъ его и боится. и задабриваетъ при обыденныхъ своихъ отношеніяхъ, и расправляется самосудомъ въ аффектированномъ состояніи, въ минуты гнѣва. Намъ приходилось быть свидѣтелемъ самосуда толпы надъ конокрадами, карманщиками и шабаями, — и во всѣхъ трехъ случаяхъ самосудъ отличался одними и тѣми-же общими признаками. Достаточно одного возгласа: «шабай обмѣрилъ!», или: «карманщика поймали!», чтобы толпа сразу, точно по мановенію, набросилась съ остервененіемъ на виновника, какъ на своего общаго врага. Поговорите серьезно съ труженикомъ относительно случаевъ этого рода, и тотъ самый труженикъ, который при иныхъ обстоятельствахъ не замедлитъ прибѣгнуть къ самосуду, чистосердечно признаетъ и излишнюю опрометчивость, и непохвальное безсердечіе, свойственныя поступкамъ людей, прибѣгающихъ къ самосуду. Спросите затѣмъ того-же труженика, отчего-бы вмѣсто того, чтобы прибѣгать къ самосуду, не обратиться къ законному суду — и онъ вамъ скажетъ: «для шабая этого мало». Шабай и шабай-

ство выдѣляются изъ ряда обыкновенныхъ явленій жизни, какъ выдѣляется, напр., конокрадство.

Разумѣется, самосудъ нельзя еще считать единственною характерною формою отношеній народа къ шабайству. Рѣзкость этой формы указываетъ только на острый характеръ самого шабайства. Въ дѣйствительности существуетъ цѣлая масса другихъ, болѣе мелкихъ и въ общей сложности болѣе характерныхъ отношеній народа къ разсматриваемому явленію. Такъ, въ видахъ успѣшности борьбы съ шабаами, народъ прибѣгаетъ прежде всего къ своему излюбленному артельному началу. Дорожная артель везущихъ вмѣстѣ хлѣбъ на продажу превращается въ городъ и на рынокъ, гдѣ продается сырье, въ артель своего рода самозащиты отъ шабайскихъ плутней. Артель старается продать хлѣбъ вмѣстѣ, одному покупщику; при приемѣ зерна всѣ участники слѣдить сообща за дѣйствіями шабая и, въ случаѣ столкновеній и несогласій съ этимъ послѣднимъ, сообща также ведутъ споры и отстаиваютъ интересы другъ друга. Часто лица, раньше никогда не видѣвшія другъ друга, немедленно, какъ-то инстинктивно, почти безъ всякихъ объясненій, вступаютъ въ такой союзъ, понавъ въ одинъ и тотъ-же дворъ, амбаръ или контору для сдачи хлѣба. Въ другихъ случаяхъ односельцы отправляются съ хлѣбомъ вмѣстѣ съ батюшкой, писаремъ и даже мѣстнымъ шабаемъ, всячески услуживаютъ этимъ лицамъ въ дорогѣ, ставятъ магарычъ и пр., чтобы только наблюдали они при приемѣ хлѣба. Однимъ словомъ, взаимопомощь по контролю надъ шабайскими плутнями является самымъ характернымъ признакомъ въ отношеніяхъ народа къ шабайству.

Дома, при сбытѣ сырья на мѣстѣ, земледѣлецъ прибѣгаетъ къ своимъ мѣрамъ для парализованія шабайскихъ плутней. Здѣсь производитель—хозяинъ и господинъ, и потому его мѣры огражденія своихъ интересовъ носятъ болѣе опредѣленный характеръ. Въ Кубанской области намъ приходилось просматривать не мало общественныхъ приговоровъ по этому предмету. Въ однихъ случаяхъ общества ставятъ приговоры о томъ, чтобы въ станицѣ продавался хлѣбъ не иначе, какъ на вѣсъ; общество считаетъ, слѣдательно, обязательною вѣсовую четверть при хлѣбныхъ сдѣлкахъ; продажа хлѣба на мѣру изгоняется. Въ другихъ, кромѣ того, станичныя общества заводятъ общественные вѣсы, воспрещая строжайшимъ образомъ содержаніе вѣсовъ для этой надобности частными лицами. Насколько такая мѣра оказывается дѣйствительною, видно изъ того обстоятельства, что за хлѣбъ, взвѣшиваемый на общественныхъ вѣсахъ, шабай платятъ обыкновенно дешевле, чѣмъ за хлѣбъ, принимаемый ими другимъ какимъ-нибудь способомъ.

Едва-ли, впрочемъ, стоитъ говорить о томъ, что все. предпринимаемое народомъ для ослабленія шабайскихъ плутней, далеко не достигаетъ своей цѣли. Случаи, когда производитель оказывается побѣдителемъ въ борьбѣ съ шабаемъ, крайне рѣдки или, вѣрнѣе, даже исключительны. Всѣ усилія народа, въ этомъ отношеніи, сводятся къ однимъ лишь добрымъ намѣреніямъ и характерны именно потому, что служатъ лучшимъ выраженіемъ народныхъ воззрѣній на этотъ счетъ. Тутъ ясно и несомнѣнно одно, что народъ глубоко ненавидитъ шабайство, какъ зло, противорѣчащее практическимъ интересамъ и нравственнымъ цѣлямъ въ его общежитіи. Но вѣдь этого недостаточно еще для успѣшной борьбы со зломъ.

Недавно какъ-то въ газеты проскользнуло извѣстіе о томъ, что въ правительственныхъ сферахъ существуетъ предположеніе оградить болѣе строгими и обстоятельными, чѣмъ существующіе, законами крестьянъ отъ неумѣренной ихъ эксплуатаціи скупщиками сырья. Извѣстіе хорошее, но едва-ли можно помочь труженнику такимъ путемъ. Формальный законъ безсиленъ тамъ, гдѣ играютъ дѣятельную роль обмѣриванья, обвѣшиванья и обсчитыванья. Нарушенія закона тутъ менѣе уловимы и доступны контролю уже по самому своему существу, чѣмъ въ случаяхъ прямого воровства; а то нравственное попушеніе, которое оказывается вообще шабайству со стороны привилегированнаго люда, дѣлаетъ преслѣдованіе правонарушеній положительно невозможнымъ. И теперь нельзя пожаловаться на то, чтобы у насъ не было предупредительныхъ законовъ въ этомъ отношеніи. Такъ, относительно вѣсовъ, гирь и проч., существуетъ цѣлый рядъ постановленій въ формѣ прямого закона, разнаго рода дополненій, разъясненій сената и пр. И, однако, несмотря на это, шабаи преспокойно обвѣшиваютъ массу, меньше всего боясь именно формальнаго закона. Можно даже положительно сказать, что о существованіи подлежащихъ законовъ знаютъ очень и очень немногіе, не только со стороны обвѣшиваемыхъ, но, пожалуй, и со стороны обвѣшивающихъ. Плутни считаются какъ-бы въ порядкѣ вещей. И очевидно, что дѣло въ такомъ случаѣ не въ формализмѣ и не въ буквѣ закона, а въ самыхъ причинахъ, порождающихъ шабайство и обусловливающихъ теперешній его характеръ.

Въ послѣднее время въ печати, какъ извѣстно, сталъ все чаще и чаще ставиться вопросъ о русскомъ капитализмѣ. Народному самостоятельному хозяйству, говорятъ, грозятъ серьезныя бѣды, какъ со стороны кулаковъ, такъ и со стороны крупныхъ собственниковъ. Мы не станемъ, конечно, здѣсь предрѣшать вопроса о томъ, на чьей сторонѣ должна оказаться побѣда — на

сторонѣ-ли народнаго хозяйства, или же на сторонѣ капитализма; во разѣ существуютъ извѣстнаго рода факты, ихъ нельзя, по-нятно, игнорировать. Капитализма, какъ строго организованной хозяйственной системы, въ Россіи нѣтъ; производительность держится по преимуществу мелкаго народнаго хозяйства. Это несомнѣнно. Но не менѣе несомнѣнно, также и то, что капиталистическія тенденціи въ русской жизни чрезвычайно сильны. Шабайство служитъ однимъ изъ выражений именно такого рода тенденцій.

Мы придерживаемся того мнѣнія, что народному хозяйству, при настоящихъ условіяхъ, приноситъ больше вреда еулачество, чѣмъ крупныя проявленія капитализма. Щедринъ, съ свойственною ему силою формулировки, вѣрно сказалъ: «чумазый идетъ!» Да, идетъ именно чумазый, въ русской національной поддевкѣ, со всѣми атрибутами и признаками челоуѣка, грѣющего руки непосредственно около крестьянскаго хозяйства. Чумазый идетъ снизу, а не сверху—и въ этомъ-то горѣ крестьянина. Въ экономическомъ отношеніи Россія переживаетъ вообще въ настоящее время предкапиталистическіе процессы, періодъ такъ называемаго первоначальнаго капиталистическаго накопленія. Капитализмъ въ формѣ широко организованной производительной системы немислимъ въ ней потому, что не закончились эти процессы, имѣющіе своею конечною цѣлью отдѣленіе производителей отъ средствъ производства — крестьянина отъ земли. Случится это — капитализмъ у насъ получить полное право гражданства, какъ преобладающая хозяйственная система, не случится—ближайшее будущее останется за народнымъ хозяйствомъ.

И такъ, центръ тяжести предполагаемаго русскаго капитализма заключается главнымъ образомъ въ процессахъ первоначальнаго капиталистическаго накопленія.

Если взглянуть на дѣло съ этой точки зрѣнія, то окажется, что экономическая жизнь Россіи представляетъ одну весьма характерную особенность. Наши процессы первоначальнаго капиталистическаго накопленія не похожи на процессы, имѣвшіе мѣсто въ экономической жизни западной Европы въ періодъ зарожденія капитализма, какъ господствующей хозяйственной системы. Тамъ, на Западѣ, процессы такого накопленія выражались въ *въ прямомъ и непосредственномъ* обезземеленіи массы. Накопленіе капитала совершалось преимущественно на счетъ отдѣленія производителей *отъ орудій* производства. Носители капиталистическихъ тенденцій, не стѣсняясь, насильно отбирали землю у массы. Феодализмъ дѣйствовалъ въ этомъ отношеніи безъ всякихъ внѣшнихъ покрововъ и декорума. У насъ процессы первоначальнаго

капиталистическаго накопленія отличаются больше *косвеннымъ, посредствующимъ* характеромъ. Накопленіе капитала производится на счетъ отдѣленія производителей *отъ продуктовъ* производства, а не *орудій* труда. Это, конечно, не одно и то же. Взять сразу землю у производителя—значить не только увеличить средства у представителей капитализма, но и создать пролетарія, при посредствѣ котораго впоследствии только и мыслимъ настоящей ростъ капитализма. Взять-же у производителя продукты труда, оставивъ ему орудіе для него — землю, можно не разъ и не два, — и все-таки производитель будетъ не пролетаріемъ, а собственникомъ, имѣющимъ возможность приложить свой трудъ самостоятельно, а не нести его на рынокъ для капиталиста. Въ этомъ именно и заключается особенность процессовъ нашего первоначальнаго капиталистическаго накопленія: они совершаются главнымъ образомъ на счетъ систематическаго урѣзыванья у производителей той части сырья (или мѣновыхъ его эквивалентовъ), которая ими производится путемъ самостоятельнаго хозяйствованія. Въ настоящей статьѣ мы очертили слегка одну изъ характернѣйшихъ формъ такого урѣзыванья — шабайство. Накопленіе шабайскаго капитала, какъ мы видѣли, совершается не столько на счетъ торговой прибыли, сколько на счетъ разнаго рода ухищреній, направленныхъ на полученіе тѣмъ или другимъ путемъ такъ называемыхъ лишковъ. Фактъ, смѣемъ думать, на столько самъ по себѣ ясный, что приводитъ его въ соотвѣтствіе съ вышесказаннымъ нѣтъ надобности.

Тенденціи шабайства — тенденціи капиталистическаго пошиба, характеризующія процессы первоначальнаго капиталистическаго накопленія. Такимъ образомъ, и борьба съ шабайствомъ можетъ быть сколько-нибудь успѣшна только на общей почвѣ борьбы съ тѣми условіями, которыми порождаются и поддерживаются у насъ капиталистическія тенденціи. (Но этой стороны вопроса мы коснемся при разсмотрѣннн другой формы торговли сырьемъ — въ крупныхъ торговыхъ центрахъ.)

Ф. Щербина.

Характеристики современныхъ дѣятелей.

М. Е. САЛТЫКОВЪ

V.

Въ нашей литературѣ за послѣднее десятилѣтіе часто всплываетъ на поверхность, до сихъ поръ остающійся спорнымъ, вопросъ объ относительномъ значеніи индивидуально-нравственныхъ идеаловъ—съ одной стороны и общественныхъ идеаловъ—съ другой. Живучесть этого вопроса вполне естественна. Это вопросъ не только литературы, искусства, но и вопросъ политики, въ сферѣ которой онъ принимаетъ форму вопроса о воспитательномъ значеніи учреждений. Въ самомъ дѣлѣ, если въ области искусства вы настаиваете прежде всего на необходимости анализа человѣческаго сердца, человѣческаго духа, если въ этомъ анализѣ вы видите ключъ къ самосовершенствованію, а въ этомъ послѣднемъ—важнѣйшее орудіе прогресса, вы по всѣмъ правиламъ логики, въ сферѣ политическихъ отношеній будете требовать «людей», безукоризненно точныхъ исполнителей закона, а «учрежденіямъ» отведете второстепенное мѣсто и пассивную роль. Наоборотъ, если вы придерживаетесь того мнѣнія, что человѣкъ есть продуктъ среды, что только немногіе избранники настолько сильны духомъ, чтобы съ успѣхомъ отстаивать чистоту своего нравственного міра отъ деморализирующаго вліянія жизни, что, вообще, вопросъ объ атмосферѣ, которой дышетъ человѣкъ, важнѣе и существеннѣе вопроса о силѣ его легкихъ и о средствахъ, которыми можно укрѣпить ихъ. — вы, опять таки совершенно логично, будете хлопотать гораздо болѣе о расширеніи и очищеніи поля дѣятельности для людей, нежели о нравственномъ совершенствованіи самихъ дѣятелей. Это два пункта, исходя изъ которыхъ мы приготовляемъ себѣ совершенно различныя программы дѣятельности.

Мнѣ нѣтъ надобности останавливаться здѣсь на этомъ вопросѣ по существу — частью потому, что я уже имѣлъ случай сдѣлать

это въ другомъ мѣстѣ *), частью по свойству самой темы этой статьи. Для меня важно отмѣтить лишь то обстоятельство, что сатира Салтыкова съ начала и до конца проникнута чисто общественными стремленіями. Едва-ли не всѣ персонажи Салтыкова, даже такіе, какъ Дыба и Удавъ, въ нравственномъ отношеніи не представляютъ собою никакого чрезвычайнаго уродства: они люди—какъ всѣ, не герои, конечно, но и не сознательные злодѣи, они не лишены ни добродушія, ни своего рода честности. Не ихъ осмѣиваетъ и караетъ Салтыковъ,—напротивъ: къ своему Молчалину, добродушнѣйшему старыку и неутомимѣйшему труженнику, онъ, очевидно, питаетъ даже нѣкоторое теплое чувство, которое раздѣляетъ съ нимъ и самъ читатель.

Салтыковъ гораздо болѣе сатирикъ *порядковъ*, нежели сатирикъ *нравовъ*. Онъ политическій писатель, въ полномъ смыслѣ этого слова, и въ этой именно роли онъ оказалъ русскому обществу наиболѣе серьезныя и почтенныя изъ своихъ заслугъ. Онъ не говоритъ намъ: «покайтесь, посыпьте свои главы пепломъ, познайте самихъ себя и въ глубинѣ своего духа почерпните силы къ самоочищенію и самоисправленію». Онъ говоритъ: «вы живете жизнью, недостойною васъ; вы стоите лучшей участи и въ вашихъ рукахъ возможность добиться ея; вы грязны—но только потому, что сидите въ грязи; вы дѣлаете зло, потому что оно выгодно вамъ, а выгодно оно вамъ потому, что таковы условія вашей исковерканной жизни, вашихъ уродливыхъ отношеній другъ къ другу; вы, въ сущности, недурные люди, но вы не умѣете жить». Вотъ прекрасный, высоко-человѣчный смыслъ сатиры Салтыкова, смыслъ утѣшающій и ободряющій, потому что онъ не предполагаетъ собою никакихъ слишкомъ суровыхъ требованій, недоступныхъ и невозможныхъ для толпы. Напротивъ, эти требованія таковы, что могутъ быть выполнены только при условіи совместнаго дѣйствія, путемъ дружныхъ усилій всѣхъ и cadaго.

Безъ сомнѣнія, ничего новаго въ этомъ призывѣ для насъ нѣтъ. Въ нашей литературѣ не мало даже чисто беллетристическихъ произведеній, все внутреннее содержаніе которыхъ сводится къ болѣе или менѣе яркому протесту противъ той или другой обветшавшей формы нашей жизни. Наша литература — одна изъ самыхъ тенденціозныхъ литературъ и живая струйка не изсякала въ ней никогда, не смотря ни на какія засухи. Но вѣдь я съ того именно и началъ, что у Салтыкова было-бы напрасно искать какихъ нибудь новыхъ идей, неслыханныхъ въ нашей литературѣ. Все дѣло въ томъ, что тамъ, гдѣ другіе наши худож-

*) «Литературная влоба дня». — «Отечеств. Записки», 1877. Январь.

внги ходили ощупью, кругомъ да около, Салтыковъ смѣло беретъ быка за рога и усиленно подчеркиваетъ и выдвигаетъ впередъ то, что у другихъ являлось чѣмъ-то придаточнымъ, побочнымъ, почти случайнымъ. Возьмемъ для примѣра «Записки охотника» г. Тургенева. Общественное значеніе этого произведенія заключалось исключительно въ протестѣ противъ крѣпостного права. Но этотъ протестъ не составлялъ *всего* содержанія «Записокъ». Общимъ голосомъ, съ которымъ на этотъ разъ нельзя не согласиться, «Вѣжинъ лугъ», «Пѣвцы» признавались и признаются лучшими очерками изъ всѣхъ «Записокъ». Дѣйствительно, въ художественномъ отношеніи эти очерки—настоящіе жемчужины. Но, какъ omnium inquit, именно эти-то два очерка и лишены той идеи благодаря которой «Записки» сыиграли извѣстную роль въ исторіи нашего развитія. «Вѣжинъ лугъ» и «Пѣвцы»—это прелестныя бытovyя картины, это, если такъ можно выразиться, какіе-то поэтическіе ландшафты, «стихотворенія въ прозѣ» и т. д. Мнѣ кажется, это совпаденіе высокой художественности разсказа съ полнымъ отсутствіемъ общей руководящей тенденціи никакъ не можетъ быть признано случайнымъ. Очевидно, даже столь элементарная тенденція, какъ тенденція «Записокъ охотника», связывала г. Тургенева, мѣшала его поэтическому полету и онъ почувствовалъ себя вполне дома только тогда, когда спустился къ ребятамъ въ оврагъ и забылъ среди ихъ суровыя невзгоды и несовершенства жизни.

Для Салтыкова, наоборотъ, эти-то несовершенства и стоятъ на первомъ планѣ. Онъ не рабъ, а господинъ своего художественнаго таланта, которымъ онъ и пользуется какъ простымъ орудіемъ для поученія и наставленія нашего. Онъ не красоты ищетъ, чтобы «богомольно благоговѣть» передъ ея «святыней»—онъ разсказываетъ безобразія, которыя и клеймитъ достойнымъ образомъ. Разница между нашими первостепенными беллетристами и Салтыковымъ состоитъ въ томъ, что первые были сатириками, наполовину бессознательными, наполовину противъ своей воли, тогда какъ Салтыковъ руководится не только намѣреніемъ, но идеей. Самъ Гоголь представляетъ собою образецъ и даже наилучшій такой бессознательности. Какъ крупный художникъ, онъ не могъ искажать дѣйствительности, а дѣйствительность эта была такова, что вѣрно изобразить ее значило осмѣять ее. Съ Собакевичемъ, съ Чичиковымъ, съ Ноздревымъ ничего не поддѣлалъ-бы самый пылкій поклонникъ «красоты». Идеализировать ихъ, не впадая въ очевидную фальшь, не было никакой возможности и Гоголю ничего не оставалось дѣлать, какъ смѣяться надъ своими персонажами. Но «плутоватость» ихъ онъ признавалъ, скрѣпя сердце, и общественнаго значе-

нія своихъ типовъ, очевидно, почти вовсе не понимать. Его тянуло именно въ «красотѣ», и своей Уленькѣ, своему Муратову и Костанджогло, своему, наконецъ, неподкупному, безпристрастному, справедливому и краснорѣчивѣйшему генералъ-губернатору онъ придавалъ первенствующее значеніе, котораго они не могли-бы имѣть даже въ томъ случаѣ, если-бы были живыми людьми, а не китайскими тѣнями, не могли-бы, потому что все-таки явились-бы не болѣе какъ счастливымъ исключеніемъ. Но Гоголя, какъ и большинство его учениковъ и послѣдователей, тянуло, повторяю, въ положительнымъ типамъ, въ мирную и свѣтлую область добра и красоты, область, въ которой ни смѣху, ни слезамъ, ни негодованію не было мѣста. Ничего не можетъ быть естественнѣе и законнѣе этого чувства. Всякая борьба, даже съ твердой вѣрой въ побѣду, не радость, а тяжелый трудъ. И Салтыкову, и вамъ, и мнѣ—всѣмъ людямъ безъ исключенія, было-бы во сто разъ пріятнѣе мирно любоваться прекрасными картинами здоровой человѣческой жизни, нежели вѣчно и вѣчно твердить, то съ раздраженіемъ, то съ насмѣшкой, то съ негодованіемъ, но всегда съ болью, о ея уродствахъ и ненормальностяхъ. Вѣдь надо быть г. Марковымъ или г. Страховымъ, чтобы серьезно утверждать, будто изображеніе мрачныхъ сторонъ жизни доставляетъ нашимъ писателямъ какое-то злобное удовольствіе, что ихъ желчность — просто результатъ разстройства печени. «Печень больная» — правда ваша; да отчего, господа, больна-то она? Причину вы, очевидно, принимаете за слѣдствіе, а слѣдствіе за причину и съ такой-то назнанку вывороченной логикой дѣлаете свои заключенія. Лучше горькая правда, чѣмъ сладкая ложь—эту истину наше общество, можно надѣяться, прочно усвоило теперь, послѣ столь длиннаго ряда испытанныхъ имъ разочарованій.

Такъ думаетъ и такъ чувствуетъ и Салтыковъ. Его сатира — плодъ его любви, его патриотическаго чувства. Кто сильно любить, говоритъ пословица, тотъ больно бьетъ, а Салтыковъ любить сильно. Ничего пессимистическаго въ его сатирѣ нѣтъ, она не убиваетъ нашей вѣры въ себя, въ свои силы и въ свое будущее, но въ ней много того здороваго скептицизма, который хвалитъ утро, когда настанетъ вечеръ, и не обольщается красивой внѣшностью явленія. Онъ знаетъ, что у каждой медали есть оборотная сторона. Восторженный стихъ поэта на счетъ того, что у насъ «дѣвы розами цвѣтутъ» онъ хладнокровно поправляетъ: «дѣвожь розгами сѣкутъ». Слишкомъ хорошо онъ знаетъ нашу жизнь, чтобы позволить отвести себѣ чѣмъ-бы то ни было глаза. «Чего мы съ вами, пишетъ онъ «тетенькѣ», только не посмотрѣлись, чему не были свидѣтелями! Цѣлое организованное неистовство про-

шло передъ нами, цѣлая туча мрака, безъ просвѣта, безъ надеждъ. А мы прогуливались подъ сѣнью тѣнистыхъ деревьевъ, говорили о возвышающихъ душу обманахъ и внимали пѣнью соловья. Какъ назвать насъ за это? Кто такъ смотритъ на жизнь и такъ понимаетъ свою писательскую обязанность, за того можно поручиться, что онъ не дастъ намъ камень вмѣсто хлѣба, не постыдится сказать правду, какъ бы она ни колола намъ глаза.

VI.

Выше я замѣтилъ, что Салтыковъ гораздо болѣе извѣстенъ нашему обществу въ качествѣ сатирика, нежели въ качествѣ художника-бытописателя. А сатира его обязана своею популярностью прежде всего своимъ бойкимъ и рѣзкимъ остроуміемъ, въ которомъ Салтыковъ въ настоящее время не имѣетъ у насъ соперника.

Говоря откровенно, это не слишкомъ выгодно говорить въ пользу литературнаго чутья и литературнаго развитія нашей публики. Я не хочу этимъ сказать, что остроуміе Салтыкова не заслуживаетъ вниманія, я хочу сказать только то, что оно не заслуживаетъ *преимущественнаго* вниманія. Если-бы главнымъ элементомъ таланта Салтыкова и главнымъ орудіемъ его сатиры было остроуміе—онъ былъ-бы отличнымъ каррикатуристомъ, превосходнымъ фельетонистомъ, но онъ не былъ-бы сатирикомъ. Остроуміе—почти только внѣшній признакъ, а для настоящей сатиры нужна идея. Остроуміе придаетъ блескъ всѣмъ видамъ и родамъ литературныхъ произведеній, но не для одного изъ нихъ не является необходимою—за исключеніемъ опять-таки фельетона, водевиля, эпиграммы и т. п. Одинъ изъ величайшихъ сатириковъ—Свифтъ—вовсе не блисталъ остроуміемъ. Его тяжеловѣсный, мрачный и какой-то странно-серьезный юморъ ничего общаго съ остроуміемъ не имѣетъ и тѣмъ не менѣе производитъ сильнѣйшее впечатлѣніе, даже теперь, когда насъ одолеваетъ заботы и вопросы, имѣющіе очень мало общаго съ тѣми, надъ которыми задумывался Свифтъ. Съ другой стороны, вовсе не рѣдкость въ любой газетѣ встрѣтить очень остроумное стихотвореніе, пародію, рецензію, фельетонъ, которыя тѣмъ не менѣе забываются черезъ полчаса послѣ прочтенія.

Остроуміе Салтыкова всегда бойко, весело, непринужденно, но, къ сожалѣнію, не всегда имѣетъ въ виду ту внѣшнюю цѣль, которая обуславливаетъ собою его значительность и содержательность. Въ его талантѣ есть строгія, грустныя, серьезныя ноты, но онѣ слышатся не такъ часто. Изобиліе и веселость остроумія

придаетъ сатиры Салтыкова характеръ нѣкоторой безобидности и въ этомъ обязательствѣ именно и заключается разгадка того, на первый взглядъ столь страннаго явленія, что Салтыкова читаютъ и почитаютъ люди, противъ дѣятельности и идей которыхъ именно и направлена его сатира. Они не всегда узнаютъ себя въ типахъ и персонажахъ Салтыкова.

Это недостатокъ Салтыкова. Но необходимо, однако-же, различать въ этомъ случаѣ то, что лежитъ въ самой сущности таланта Салтыкова, отъ того, что составляетъ результатъ внѣшнихъ нашихъ условій литературной дѣятельности. Даже самая замысловатая аллегоричность не спасла-бы Салтыкова, если-бы онъ не ослаблялъ и не обезоруживалъ самого себя, не разводилъ, какъ разводить вино водою, своей насмѣшкой веселой анекдотичностью и нѣкотораго рода балагурствомъ. Въ этомъ отношеніи онъ раздѣляетъ судьбу почти всѣхъ русскихъ писателей, литературные недостатки которыхъ зачастую бывають вовсе не органическими, а являются плодомъ искусственной прививки, результатомъ «рабскихъ» (по выраженію самаго Салтыкова) привычекъ усвоенныхъ противъ воли. Я позволю себѣ привести одинъ, довольно длинный, но за то и характерный отрывокъ, въ которомъ манера Салтыкова, подъ шутливую форму скрывающая серьезное содержаніе, выразилась очень ярко.

«Жилъ-былъ статскій совѣтникъ, и такъ онъ своего начальника возлюбилъ, что мнилъ даже его безсмертнымъ. Куда, бывало, ни пойдеть начальникъ—всюду статскій совѣтникъ на цыпочкахъ за нимъ слѣдуетъ; куда, бывало ни взглянетъ начальникъ, на всякомъ мѣстѣ статскій совѣтникъ противъ него очутится; сидитъ, скрестивши на груди руки, и на него глядитъ. Поцѣлуй, знаете, таже по воздуху посылаетъ, за еалды хватнется, надъ калошами генеральскими заклинанья нашептываетъ. Ну, по началу, генералу эта преданность нравилась, однако съ теченіемъ времени, сталъ онъ мало-помалу, задумываться: что-моль такое это значить? и нѣтъ-ли тутъ покушенія на кого-нибудь? Потому что вѣдь съ этими статскими совѣтниками—бѣда! какъ разъ приворотнаго зелья подсыплетъ—только и видѣли! И началъ онъ его отъ этой любви отълучать. Велически отълучалъ: и наградами обходилъ, и на цѣпь сажалъ, и даже подъ судъ однажды отдалъ. Нейметса, да и шабашъ! Чѣмъ больше наказываютъ, тѣмъ шибче да шибче въ статскомъ совѣтницкѣ сердце разгорается. И вдругъ, отъ этой-ли причины, или отъ чего др гого только началъ начальникъ хирѣть. Хирѣлъ-хирѣлъ да и померъ. Возропталъ тогда статскій совѣтникъ, не токмо департаментъ, но и сторожевскую стонами огласилъ. «Когда-то еще, говорить, намъ новаго начальника дадутъ, а до тѣхъ поръ кто съ нами по всей строгости поступать будетъ!» Однако, послалъ Богъ ему милость: не успѣлъ онъ глаза просунуть, какъ ужъ назначили новаго начальника. Прибылъ въ департаментъ новый генералъ, и какъ былъ на счастъ статскаго совѣтника предупрежденъ, то призвалъ его предъ лицо свое и сказалъ: предѣстникъ мой далъ тебѣ раны, азъ же дамъ ти скоріионы. Размысли о семъ, и согласно съ симъ соразмѣри свои чувства! Что же вы думаете, однако! даже и этимъ статскій совѣтникъ не утѣлся.

Скорпионы, такъ скорпионы! сказалъ онъ въ сердцѣ своемъ, и возлюбилъ новаго млчальника пуще, нежели прежняго и представьте себѣ—доканалъ-таки его! Пришелъ однажды скорпионщикъ въ департаментъ, да на любовь статскаго совѣтника такое вдругъ встрѣчу слово пустилъ, что тутъ же имъ и подавился. И опять возроптавъ статскій совѣтникъ; идетъ это за гробомъ, и мало того, что часъ рожденія своего проклинаетъ, а прямо народъ бунтуетъ. «Вотъ, говорить, велеть намъ на провидѣніе надѣяться, а гдѣ оно?» Увидѣла тогда, что дѣло-то выходитъ серьезное и безъ потери времени прислала въ тотъ департаментъ третьяго начальника. Прибылъ онъ къ мѣсту служенія свѣжій да свѣтлый—весь словно новый мѣдный пятакъ горитъ! Призвалъ это статскаго совѣтника предъ лице свое, и повелъ къ нему такую рѣчь: одинъ мой предвѣстникъ далъ тебѣ раны, другой—скорпионы, азъ же, дабы строптивый твой нравъ навсегда упразднить, истокну ты въ ступѣ! «И истококъ-съ. И только тогда, когда статскаго совѣтника толкаемъ въ голову долбануло—только тогда онъ появля, что начальство слѣдуетъ любить безъ излишества. Но было уже поздно». («Современная идиллія»).

Всѣ статскіе совѣтники прочтутъ этотъ рассказъ съ великимъ удовольствіемъ, искренно посмѣются надъ нимъ и не сконфузятся за себя нисколько, развѣ о нихъ тутъ идетъ рѣчь? Развѣ съ ними случилось что-нибудь подобное? Правда, имъ случалось цѣловать въ плечико своего начальника, но вѣдь это не то-же, что надъ калошами генеральскими заклинанія нашептывать? Правда, они весь вѣкъ свой прожили чужимъ умомъ и шагу не могутъ ступить безъ указки, но все-жъ таки они не роптали на Провидѣніе, что съ ними некому по всей строгости поступать. Правда также, имъ доводилось получать изрядныя нахлобучки и головомойки, но «раны»... «скорпионы»... наконецъ эта «ступа», и этотъ «толкачъ»... фи! Нынче даже писарямъ, даже курьерамъ говорить «вы». Ясное дѣло, что Салтыковъ преувеличиваетъ, не портреты, а каррикатуры рисуетъ, которые никто на свой счетъ не приметъ и обижаться которыми было-бы странно. Такимъ образомъ, дѣло устраивается къ обоюдному удовольствію: Салтыковъ, что ему нужно было,—высказалъ, а «статскіе совѣтники» добродушно посмѣялись надъ чудакомъ-чиновникомъ, на котораго они нисколько, о, нисколько, разумѣется, не похожи.

Но если и читатель, настоящій читатель, которому нѣтъ надобности лукавить съ собою, прочтя рассказъ Салтыкова ограничится однимъ хихиканьемъ—оно докажетъ этимъ только лѣность и вялость своей мысли, за которыя Салтыковъ не можетъ нести никакой отвѣтственности. Не потѣшный анекдотъ, а драму, полную жизненности и значенія, рассказалъ намъ Салтыковъ Оставьте въ сторонѣ всѣ эти скорпионы, ступы и толкачи; забудьте шутиливо-балагурскій тонъ рассказа. Въ чемъ собственно дѣло? Какой интересъ имѣеть для насъ «статскій совѣтникъ» Салтыкова? Глубокій интересъ человѣка, обезличеннаго и обездушеннаго, предан-

наго цѣлямъ ничтожнымъ и жалкимъ, пламенѣющаго чувствами, достойными какого-нибудь пуделя, а не разумнаго человѣческаго существа. Есть у насъ такіе люди или это только выдумка Салтыкова? А если такіе люди есть, то заслуживаютъ они нашего вниманія или не заслуживаютъ? Можно и дальше пойти. Пусть мой независимый читатель, позабавившійся фанатическою любовью салтыковского героя къ «начальству», спустится въ глубину своей совѣсти и разберется хорошенько въ своихъ чувствахъ, въ своихъ привычкахъ, въ своихъ воспоминаніяхъ: нѣтъ-ли у него своего «начальства», своего кумира, къ ногамъ котораго онъ послушно слагаетъ и свою волю, и свое достоинство? Вѣдь калоши чистить можно не у людей только, раболѣбствовать можно и передъ идеями, передъ ученіями, передъ традиціями, передъ формами и т. д. Сознательное уваженіе къ авторитету такъ-же рѣдко, какъ часто простое идолопоклонство по рутинѣ, по обычаю и не въ правѣ-ли былъ Салтыковъ сказать намъ по поводу своего героя: «чего смѣтесъ? надъ собой смѣтесъ!»

Какъ видите, «анекдотъ», рассказанный Салтыковымъ, даетъ мѣсто такимъ заключеніямъ и обобщеніямъ, которыя совсѣмъ ужъ не располагаютъ къ смѣху и веселости. Между тѣмъ форма и тонъ разсказа добродушны, забавны, беззлобны до того, что почти скрадываютъ язвительный, истинно-сатирической смыслъ всего эпизода. Салтыковъ вполне обладаетъ тѣмъ высшимъ родомъ остроумія, которое состоитъ не въ искусствѣ подбирать мѣткіе и злые эпитеты, а въ умѣніи создавать комическія положенія. Правда, онъ несравненный мастеръ приписывать не только язвительныя, но и характерныя клички: такое выраженіе какъ «пѣнокоснямательство» заключаетъ въ себѣ именно цѣлую характеристику, или отвѣтъ «чумазаго» на вопросъ: что есть истина? «Распивочно и на выносъ», обрисовываетъ предметъ лучше всякаго описанія. Но главная сила сатиры Салтыкова заключается все-таки въ умѣніи находить въ явленіяхъ ту внутреннюю несообразность и нелѣпость ихъ, которая именно и придаетъ имъ комическій характеръ. Ноздревъ въ качествѣ редактора большой газеты; становой приставъ въ качествѣ либеральнаго оратора; трактирные и кабацкіе герои въ качествѣ охранителей «основъ»; свинья, въ качествѣ изобличительницы «лжеученіевъ»; Деруновы и Разуваевы въ качествѣ «столповъ» и т. д. и т. д. — это такія положенія, въ которыхъ есть надъ чѣмъ поработать сатиры. Чисто-беллетристическій описательный талантъ Салтыкова позволяетъ ему придавать этимъ картинамъ правдоподобность, которая усиливаетъ впечатлѣніе. Даже въ своихъ очевидныхъ преувеличеніяхъ и утрировкахъ, неизбежныхъ для сатирика и памфлетиста, Салтыковъ почти всегда со-

храняет чувство мѣры, которое предохраняет его отъ каррикатурности. Да онъ и не гнушается каррикатурой: «что-жъ такое если и каррикатура? спрашиваетъ онъ. Каррикатура такъ каррикатура—большая бѣда! Не все-же стоять, уставившись лбомъ въ стѣну; надо когда-нибудь и улыбнуться. Есть въ человѣческомъ сердцѣ эта потребность улыбки, есть. Даже измученный и ошеломленный человѣкъ — и тотъ ощущаетъ ее.

Эта потребность улыбки очень сильна въ Салтыковѣ. У него нѣтъ негодованія. Самые ядовитые свои сарказмы онъ высказываетъ какимъ-то ворчливо-добродушнымъ тономъ, безъ малѣйшихъ признаковъ озлобленія. Говоритъ онъ напр. о ренегатствѣ и ренегатахъ — тема и вообще волнующаго свойства, а у насъ, и въ настоящее время,—въ полномъ смыслѣ слова жгучая. «Въ концѣ пятидесятихъ годовъ мы зазнали въ Москвѣ одного начинающаго публициста («другомъ Грановскаго» онъ себя называлъ) — какая это казалась милая, симпатичная личность! И мыслей благородныхъ пропасть, и возвышенныхъ чувствъ черезъ край и все это такимъ пріятнымъ слогомъ выражалось, что мы начитаться не могли. И что-же! не успѣли мы оглянуться, какъ онъ ужъ окунулся, или виновать — пристроился. Сначала примостился бочкомъ, а потомъ сѣлъ и побѣдаль. А теперь и совсѣмъ въ развратъ впалъ, такъ что отъ прежней елейной симпатичности ничего, кромѣ греческихъ суряженій, не осталось. Благородныя мысли потускнѣли, возвышенныя чувства потухли, а объ общемъ благѣ и рѣчи нѣтъ. И мыслить, и чувствовать, и писать, точно весь свой вѣкъ въ Охотномъ ряду паточкой съ имбиремъ торговалъ!» Это, конечно, очень остроумно, очень зло и смѣшно. Но не производитъ-ли на васъ этотъ шутиливый и веселый тонъ нѣсколько странное, прямо сказать — непріятное впечатлѣніе? Не кажется-ли вамъ, что здѣсь былъ-бы уместнѣе горячій укоръ, гнѣвное и страстное изобличеніе и т. п.? Но въ томъ-то и дѣло, что въ талантѣ Салтыкова нѣтъ никакихъ патетическихъ элементовъ. Въ практическомъ смыслѣ, это отсутствіе является для Салтыкова большимъ удобствомъ: оно смягчаетъ ядовитость его сатиры и тѣмъ самымъ обезпечиваетъ ей нѣкоторый просторъ. Но собственно въ литературномъ смыслѣ, это отсутствіе является недостаткомъ, хотя-бы уже по одному тому, что сообщаетъ сатиру Салтыкова довольно однообразный тонъ.

Волю давъ лирическимъ порывамъ,
Изойдешь слезами въ наши дни,

по энергичному выраженію Некрасова. Салтыкову не грозитъ
„Дѣло“, № 5, 1883 г. I.

эта опасность. Его сатира очень рѣдко сходитъ съ почвы чистаго смѣха и принимаетъ печальный и строгій характеръ. Эти рѣдкія скорбныя минуты встрѣчаются читателемъ съ тѣмъ большею радостью, что если, какъ я сказалъ, Салтыкову чужды пафосъ и вообще всякое страстное и жаркое чувство, за то онъ превосходно умѣетъ выражать тоскливое уныніе, овладѣвающее иногда даже самыми неутомимыми бойцами и работниками. У Салтыкова есть страницы, которыя можно назвать прямо поэтическими и даже элегическими, страницы, согрѣтыя тихимъ, глубокимъ и искреннимъ чувствомъ. Это не некрасовскіе «лирическіе порывы», но это стоить ихъ.

VII.

Обращаясь къ содержанію сатиры Салтыкова, необходимо прежде всего отдѣлить въ немъ темы и предметы случайные отъ такихъ, которые составляютъ его постоянный и главный элементъ. У Салтыкова есть, напримѣръ, жесточайшая сатира на нашъ пѣнокоснимательный либерализмъ и на нѣкоторыхъ его дѣтелей, но сатира эта является въ дѣятельности Салтыкова простымъ эпизодомъ, вызваннымъ такими обстоятельствами, которыя ничего не имѣютъ общаго съ основными условіями нашей жизни. Салтыкову, какъ настоящему журналисту, приходилось братья за текущія темы, за вопросы дня, теперь уже забытыя и сошедшіе со сцены. Сатира «Тряпичикины-очевидцы», направленная противъ завившихся корреспондентовъ минувшей войны, можетъ служить образчикомъ такихъ сатиръ, сохранившихъ только чисто-литературное значеніе. Главнѣйшимъ-же матерьяломъ для сатиры Салтыкова послужили, во-1-хъ—бюрократъ, во-2-хъ—новѣйшей формациі мѣщанинъ.

Эти сюжеты сами собою предопредѣляютъ общественное значеніе сатиры Салтыкова. Чиновникъ и мѣщанинъ играютъ въ нашей жизни такую широкую и вліятельную роль, что говорить о нихъ значило говорить о самыхъ живыхъ и настоятельныхъ общественныхъ потребностяхъ.

Никто въ литературѣ не послужилъ этому дѣлу такъ много, энергично и удачно, какъ Салтыковъ. Самъ г. Аксаковъ находитъ теперь, что чиновникъ «дрогнулъ» и «сбавилъ своей бюрократической спѣси», и это совершенно вѣрно. Чиновникъ, ничего или почти ничего не уступавшій обществу изъ своихъ прерогативъ, въ конецъ утратилъ свой нравственный кредитъ и авторитетъ. Безъ сомнѣнія, этотъ фактъ слишемъ крупенъ, чтобы его можно было приурочить къ какому-нибудь одному источнику, объяснить какой-

нибудь одной причиной: это результатъ дѣлаго ряда явленій, между которыми занимаютъ свое мѣсто и крымское фiasco, и реформы прошлаго царствованія и усиленные разъясненія со стороны литературы и естественный ростъ общества, начавшаго размышлять собственнымъ умомъ и т. д.

Сатира Салтыкова дѣйствовала въ томъ-же самомъ направленіи, хотя и отрицательно. Она низводила чиновника съ его прежняго пьедестала, уничтожала иллюзію на счетъ его непогрѣшимости, всевѣдѣнія и всепониманія и тѣмъ самымъ способствовала змансипированію общества изъ подъ его вліянія.

Въ чемъ заключается сущность бюрократизма по отношенію къ жизни страны? Въ чемъ состоитъ роль чиновника? По идеѣ, въ удовлетвореніи нуждъ и потребностей народа и общества, въ служеніи имъ, въ исполненіи ихъ воли и требованій.

Но фактъ—задача простого регулированія—превращается въ систему опекаательства, насильственно втискивающаго жизнь въ тѣ или другія излюбленныя рамки.

Пародируя Сіееса, можно было-бы сказать: что такое чиновникъ? Все. Чѣмъ онъ долженъ быть? Ничѣмъ. Вопросъ общественнаго прогресса есть въ то-же время непремѣнно вопросъ общественной самодѣятельности. Останавливаться на этихъ азбучныхъ истинахъ я не вижу надобности.

Въ такомъ-то обществѣ, издавна приученномъ «ниже тоненькой былиночки клонить голову свою», воспитанномъ въ привычкахъ слѣпотаго послушанія и фетишистскаго уваженія къ «чину», раздастся смѣлый и насмѣшливый голосъ, приглашающій насъ попристальнѣе всмотрѣться въ своихъ руководителей. «Помпадурны и помпадурши» Салтыкова долго не позабудутся въ исторіи нашей литературы, какъ яркое выраженіе пробудившагося самосознанія общества. На первыхъ-же страницахъ своей сатиры—т. е. своего ряда сатиръ—Салтыковъ характеризуетъ предметъ съ такою глубиною, что къ его характеристикѣ почти ничего не остается прибавить.

«Очень ужъ нынче часто приходится намъ съ начальниками прощаться. Приѣдетъ начальникъ, не успѣетъ еще распорядительности показать—глядь, его уже смѣнили, новаго шлютъ! Поэтому, мостовая въ Вислоуховскомъ переулкѣ и доднесъ не докончена, а проектъ о распространеніи въ народѣ надлежащихъ чувствъ такъ и лежитъ въ канцеляріи, непереписанный набѣло. Одинъ начальникъ, какъ пріѣхалъ, такъ первымъ дѣломъ приступилъ къ сломѣю пола въ губернаторскомъ кабинетѣ—и что-же? сломать-то сломалъ, а новаго на его мѣсто построить не успѣлъ! «Много», говорилъ онъ потомъ, когда прощался съ нами: «много намѣревался для

пользы сдѣлать, да видно, Богу, друзья мои, неугодно!» И дѣйствительно, пріѣхалъ на мѣсто его новый генералъ, и тотчасъ-же разсудилъ, что полъ надо было ломать не въ кабинетѣ, а въ гостиной, и соотвѣтственно съ этимъ сдѣлалъ надлежащее распоряженіе. Слѣдовательно, если и этого генерала скоро смѣстятъ, то другой генералъ, пожалуй, найдетъ, что надо ломать полъ въ столовой, такимъ образомъ весь губернаторскій домъ постепенно перепакостятъ, а надлежащей распорядительности все-таки не покажутъ. Скажу про себя: сдѣлайте меня губернаторомъ — я буду губернаторомъ; сдѣлайте меня цензоромъ — я буду цензоромъ. Въ первомъ случаѣ: сломаю на губернаторскомъ домѣ крышу, распространю больницу, выбѣлю въ присутственныхъ мѣстахъ потолка и соберу старья недомки; если, кромѣ этого, надобно будетъ еще «суть» какую-нибудь сдѣлать, и «суть» сдѣлаю: останетесь довольны. Во второмъ случаѣ: многія сочиненія совсѣмъ забракую, многія опицую, многія украсу изреченіями моего собственнаго вымысла; если-же, кромѣ этого, потребуетъ, чтобы я сдѣлалъ «суть», то и «суть» сдѣлаю. Всѣмъ быть могу; могу даже быть командиромъ фрегата «Паллада», и, если Богъ мнѣ поможетъ, то, чего добраго, выиграю морское сраженіе. Повторяю: если иногда намъ кажется, что кто-либо изъ нашихъ подчиненныхъ дѣйствуетъ неполнѣ согласно съ нашими видами, что онъ не понимаетъ «сути» и недостаточно дѣлаетъ распоряженій, то это кажется намъ ошибочно; не нужно только торопиться, а просто призвать такого подчиненнаго и сказать ему: милостивый государь! неужто вы не понимаете? Вѣрьте, что онъ пойметъ тотчасъ-же, и почнетъ такія чудеса отчеканивать, что вы даже залюбуетесь на него глядя» («Помпадуры»).

Не можетъ быть никакого сомнѣнія, что огромное большинство читателей Салтыкова весело посмѣялось прочитавши это мѣсто и врядъ-ли надъ нимъ задумалось. Не посмѣяться дѣйствительно нельзя. Но и на этотъ разъ, подъ легкою и шутливою формою, мы находимъ самое серьезное и даже глубокое содержаніе. Весело, повидимому, балагурия, Салтыковъ даетъ намъ характеристику бюрократизма, съ его наиболѣе типичными особенностями и свойствами. И во первыхъ, возьмемъ это стремленіе «показать надлежащую распорядительность». По существу, ничего противъ него сказать невозможно. Это — естественное стремленіе къ дѣятельности, это — желаніе принести посильную пользу. Но не даромъ Салтыковъ заставляетъ своего героя приступить первымъ дѣломъ къ ломкѣ половъ. Собственно тутъ не въ полахъ и не въ потолкахъ заключается суть, а въ томъ, что фикція дѣла замѣняетъ самое дѣло и искреннее

желаніе «пользы» сводится къ пустякамъ, которымъ придается несоотвѣтственное значеніе. Не въ личной ограниченности салтыковскихъ героевъ заключается причина этого пристрастія ихъ къ пустякамъ. Она лежитъ глубже. Съ салтыковскимъ помпадуромъ можно было ладить, потому что онъ ломалъ только толки. Будь онъ поприказательнѣе, похитроумнѣе, онъ сталъ-бы ломать жизнь, какъ другой герой Салтыкова — Федя Козелковъ.

«Всѣмъ быть могу», говоритъ Салтыковъ отъ лица чиновника: губернаторомъ, цензоромъ, командиромъ фрегата «Паллада». Чиновникъ долженъ такъ говорить и можетъ такъ говорить. Долженъ, потому что — приходится скаламбурить — не смотря на все своеволіе, онъ своей воли не имѣетъ. Можетъ, — потому что бюрократическій режимъ требуетъ отъ своихъ служителей специальныхъ способностей, но не требуетъ специальныхъ знаній. Нужно «умѣть распорядиться» — все остальное сдѣлаетъ режимъ.

Этихъ примѣровъ для меня достаточно, такъ-какъ моя цѣль состоятъ не въ томъ, чтобы толковать о бюрократизмѣ по поводу сатиръ Салтыкова на него, а въ томъ, чтобы намѣтить характеръ самихъ этихъ сатиръ. Типичность, жѣткость и глубина сатиръ этой категоріи стоятъ выше всякой похвалы. Это и естественно. Я уже указывалъ, что Салтыковъ пишетъ тѣмъ лучше и ярче, чѣмъ знакомѣе ему описываемое имъ явленіе, чѣмъ яснѣе его смыслъ и также — чѣмъ крупнѣе его общественное значеніе. Простота явленія даетъ Салтыкову возможность быстро ориентироваться, быстро напасть на существенныя черты, а значительность этого явленія служить для него импульсомъ и вдохновителемъ. Въ бюрократизмѣ нашемъ всѣ эти свойства на лицо. Его историческая роль и его современный характеръ выяснены очень обстоятельно; съ другой стороны его участіе въ нашей жизни до сихъ поръ громадно и всесторонне. Благодаря этому, Салтыковъ сразу сталъ на твердую почву. Его, если такъ можно выразиться, административные персонажи типичны до послѣдней степени, типичны не какъ люди, не въ психологическомъ смыслѣ, а какъ дѣтели. Онъ явился здѣсь въ полномъ смыслѣ слова политическимъ писателемъ, наставляющимъ насъ не въ какихъ-нибудь ухищренныхъ и утонченныхъ чувствахъ, а поучающимъ первымъ элементамъ здороваго человѣческаго общежитія. Русскій политическій писатель! Это звучитъ еще гораздо большимъ диссонансомъ, нежели выраженіе «русскій либераль», которое некрасовскій герой «произносилъ не безъ улыбки». И однако это такъ, и фактъ, дѣлающій честь не только Салтыкову, но и всей нашей литературѣ на лицо.

VIII.

Чуткость Салтыкова къ запросамъ и всяческимъ «злобамъ» жизни наглядно выразилась въ его сатирахъ, предметомъ которыхъ является возникающая буржуазія наша. Салтыковъ внимательно и зорко слѣдитъ за Деруновыми, Груздевыми, Колупаевыми и Разуваевыми. Онъ даетъ намъ ихъ изображенія, ихъ портреты, но опять таки изображенія не бытовые, а исключительно общественнаго свойства. Салтыкову очень мало дѣла до того, какъ живетъ нашъ новѣйшій Тить Титычъ, какъ онъ самодурствуетъ въ своей семьѣ, безобразничаетъ — кутитъ въ трактирахъ и т. п. Но Салтыкову большое дѣло до того, какъ онъ «вровопійствуетъ» въ сферѣ политическихъ и экономическихъ отношеній.

Въ то-же время сатиры этой категоріи не менѣе наглядно доказываютъ, хотя и отрицательно, что Салтыкову необходимо руководительство со стороны жизни, нужно чтобы явленіе обнаружилось вполне и со всѣхъ сторонъ: только тогда его сатира приобретаетъ надлежащую силу и схватываетъ не случайные и проходящіе, а существенные признаки. Бюрократизмъ сказалъ свое слово и Салтыковъ разъяснилъ досконально смыслъ этого слова. Мѣщанинъ только еще начинаетъ играть у насъ свою роль и Салтыковъ даетъ намъ ея характеристику, но такую, которая далеко не исчерпываетъ свой предметъ. Кто такой Груздевъ? Откуда онъ взялся? Съ чѣмъ онъ къ намъ идетъ? Каково его прошлое, настоящее и будущее? На эти вопросы Салтыковъ даетъ такой отвѣтъ:

„Помѣщикъ, Сидоръ Кондратьевичъ Прогорьловъ, изкогда звалъ Груздева Егоркой, потомъ сталъ звать Егоромъ Ивановымъ, потомъ—Егоромъ Ивановичемъ, а теперь уже и прямо произноситъ полный титулъ: Егоръ Ивановичъ господинъ Груздевъ. Егорка прижалъ въ свое время у Сидора Кондратьича нѣсколько сотенъ рублей; Егоръ Ивановъ—опуталъ ими деревню; Егоръ Ивановичъ съзидилъ въ городъ, узналъ, гдѣ раки зимуютъ, и открылъ кабакъ, а при ономъ и ладу, въ качествѣ подспорья къ кабаку; а господинъ Груздевъ ужъ о томъ мечтаетъ, какъ-бы ему „банку“ устроить и въ конецъ родную папестину слопать. Тщетно Сидоръ Кондратьичъ изъ глубины взволнованной души вопіетъ: давно-ли Егорка при мнѣ въ прохвостахъ состоялъ!—на эти вопли Егорка совершенно резонно ему возражаетъ: одинъ это съ вашей стороны, Сидоръ Кондратьичъ, нестойщіи слова! Однакожъ, и Егорка выстушетъ на арену дѣятельности не Богъ знаетъ съ какимъ запасомъ. И онъ не гораздъ и невѣжественъ, и онъ ретивъ только гадать, да зубы заговаривать. Но у него есть готовность кровопивствовать — и это значительно помогаетъ ему. Готовность эту онъ выработалъ еще въ то время, когда въ „подломъ видѣ“ состоялъ, но тогда онъ употреблялъ ее за счетъ своего патрона и на это-то именно и получалъ титулъ „вѣрнаго человека“. Теперь, онъ пользуется ежужъ „для себя“ и пользуется, разумеется, шире, рискованнѣе. Но, сверхъ того, у него есть и еще подспорье: онъ совсѣмъ не думаетъ о томъ, что ожидаетъ его впередъ. Можетъ быть, изъ него выйдеть господинъ Груздевъ, а можетъ быть, онъ угодитъ въ острогъ. Разумеется, лучше сдѣлаться господи-

номъ Груздевымъ, но, съ другой стороны, и въ Сибири люди живутъ. Не выгорѣло—только и всего; а чтобы совѣстно было, или больно—ни капелъки! Понятно, что, заручившись двумя столь драгоцѣнными качествами, онъ всякую мышь, всякую букашку, въ травѣ ползущую—все видитъ. И вотъ, наконецъ, свершилось. Миновавши чудеснымъ образомъ каторгу, Егорка откуда-то добываетъ себѣ шитый мундиръ и окончательно дѣлается Егоромъ Ивановичемъ, господиномъ Груздевымъ. Онъ пьетъ кровь уже вывъ и въ то-же время зоветъ себя „столицомъ“. Все кругомъ „подражаетъ“ ему, заискиваетъ, льститъ. Узданыя власти заѣзжаютъ къ нему и по пути, и безъ пути, пьютъ въ его дога, закусываютъ, и, въ случаѣ административныхъ затрудненій, прибѣгаютъ къ его помощи. Кто купить недоимщицкій скотъ?—Егоръ Ивановичъ. Къ кому обратиться съ приглашеніемъ о пожертвованіи?—къ Егору Ивановичу. А глядя на властей, и помельче сошка чувствуетъ, какъ раскипается у ней сердце усердіемъ къ Егору Ивановичу. Батюшка обѣдни не начинается до приѣзда его въ храмъ; волостной старшина, совместно съ писаремъ, контракты для него сочиняютъ, воины закрѣпляютъ въ пользу его степенства всю волость; а сотские и десятские всѣ глаза проглядѣли, не покажется-ли гдѣ Егоръ Ивановичъ, чтобы броситься впередъ и разгонять на пути его чернядь“ (Убѣжище Моврепо“).

Нѣсколько далѣе Салтыковъ поясняетъ, что нашъ мѣщанинъ—«совсѣмъ не тотъ буржуа, которому удалось неслыханнымъ трудолюбіемъ и пристальнымъ изученіемъ профессіи (хотя и не безъ участія кровопивства) завоевать себѣ положеніе въ обществѣ; это—просто праздный, невѣжественный и притомъ лѣнивѣйшій забулдыга, которому, благодаря слѣпой случайности, удалось уйти отъ каторги и за тѣмъ слопать кишачія вокругъ него массы «рохлей», «ротозѣевъ» и «дураковъ».

Едва-ли дѣло такъ просто, какъ оно представляется Салтыкову. Если-бы Груздевъ былъ не болѣе какъ «праздный и лѣнивѣйшій забулдыга», если-бы онъ выдвинулся случайно и его удача была только результатомъ слѣплого счастья—о немъ не стоило-бы и словъ тратить. Но Груздевъ не таковъ и не такова его роль въ нашей жизни. Начать съ того, что въ «праздности» и «лѣни» Груздева ужъ рѣшительно невозможно упрекнуть. Не самъ-ли Салтыковъ рассказываетъ о томъ, какъ Егорка «прижалъ нѣсколько сотенъ рублей», Егоръ Ивановъ «опуталъ ими деревню», Егоръ Ивановичъ «сѣзидилъ въ городъ и узналъ гдѣ раки зимуютъ», а господинъ Груздевъ мечтаетъ объ открытіи банка. «Прижалъ», «опуталъ», «узналъ»—эта сказка только рассказывается скоро, а въ дѣйствительности происходитъ очень медленно. «Прижалъ», «опуталъ» и проч.—тутъ скрывается цѣлая эпопея «кровопивства» цѣлая система всевозможныхъ плутней и махинацій, изъ которыхъ надъ каждой нужно подумать, похлопотать и т. д. Упрекъ въ «праздности», очевидно, здѣсь совершенно неумѣстенъ. Въ трудолюбіи и «пристальномъ изученіи профессіи» нашъ Груздевъ поспорить съ какимъ угодно западнымъ буржуа и своимъ по-

ложениемъ въ обществѣ онъ точно также обязанъ самому себѣ. Груздевы, Разуваевы и пр. люди выдающихся способностей, люди иногда истинно замѣчательные—это безспорный фактъ. Съ одной готовностью на «кровопианство», готовностью, которую одну только и признаетъ Салтыковъ за мѣщаниномъ, далеко не уѣдешь: необходимо умѣнье, для котораго требуется и энергія, и смѣливость, и знаніе людей, и пониманіе обстоятельствъ. Груздевъ—невѣжда, это, разумѣется, справедливо, но только одно это и справедливо. Рисуя намъ Груздева какъ «лѣнивѣйшаго забуддыгу», Салтыковъ изобличаетъ Груздева на почвѣ личной нравственности, но не въ личныхъ свойствахъ мѣщанина заключается дѣло; Груздевъ только ловчѣе, хитрѣе, проницательнѣе другихъ, но идеалы его тѣ-же самыя, которые имѣютъ и всѣ обираемые имъ люди.

Отвращеніе Салтыкова къ Груздеву можно сказать эстетическое отвращеніе. Груздевъ мажетъ волосы постнымъ масломъ, подаютъ за обѣдомъ вмѣсто пирожнаго папушникъ съ медомъ, въ искусствѣ не смыслить ни аза, въ наукѣ — ни бельмеса и т. д. Но только что-же изъ этого слѣдуетъ? Все это не мѣшаетъ ему быть передовымъ человѣкомъ своего времени и истиннымъ представителемъ своего общества. Прошу читателя не смущаться терминомъ «передовой». Передовымъ человѣкомъ я, какъ оно и слѣдуетъ по самому смыслу выраженія, называю того, кто идетъ впереди господствующаго общественнаго теченія, кто полнѣе и всестороннѣе другихъ выражаетъ собою тѣ тенденціи, которыя стоятъ въ данную минуту на первомъ мѣстѣ. Ну-съ, а позвольте спросить—каковы тенденціи современнаго общества — вѣрнѣе современнаго человѣчества, каковы ваши тенденціи, многоуважаемый читатель? Что долго толковать: «рубль» нашъ богъ, въ комфортаѣ, въ обезпеченномъ покоѣ и въ той власти надъ людьми, которая дается богатствомъ, мы усматриваемъ свое счастье.

Всѣ мы стремимся къ эксплуатированію другъ друга, всѣ мы живемъ не только за свой, но и за чужой счетъ, всѣ мы такъ или иначе паразитствуемъ. То есть не всѣ, къ счастью... Но не въ томъ дѣло. Во всякомъ случаѣ, несомнѣнно, что «кулацкіе идеалы», говоря выраженіемъ г. Энгельгардта, преобладаютъ въ нашей жизни, а стало быть «господинъ Груздевъ» является между нами не аномаліей, не уродствомъ, не исключеніемъ, а именно нормой и даже образцомъ, которому всѣ мы «подражаемъ», какъ выражается Салтыковъ.

М. Протопоповъ.

(До слѣдующей книжки).

РЕНАНЪ ОБЪ ЕвРЕЯХЪ.

(Erneste Renan. Le judaïsme comme race et comme religion).

Когда злосчастной памяти еврейскіе беспорядки охватили югъ Россіи и придали нашей общественной жизни какое-то средневѣковое оживленіе, вопросъ «еврейскій» снова выступилъ и въ публицистикѣ. Читатели помнятъ, конечно, что любимымъ конькомъ противниковъ еврейства были соображенія о національных, расовыхъ особенностяхъ евреевъ. Этими племенными особенностями охотнѣе всего объяснялась эксплуататорская роль евреевъ, съ одной стороны, и доказывалась, съ другой стороны, несостоятельность мнѣній «либераловъ», утверждавшихъ, что лучшимъ средствомъ для уничтоженія еврейской эксплуатаціи могло бы явиться уравненіе этого племени въ правахъ съ прочими подданными имперіи,—мѣра, которая очевидно должна была бы привести къ сліянію евреевъ съ остальнымъ населеніемъ Россіи. «Это сліяніе—химера, возражали либераламъ ихъ противники,—тысячи лѣтъ существуетъ еврейское племя, не сливаясь ни съ какими народами и постоянно проявляя по отношенію къ другимъ народамъ тѣ-же эксплуататорскія стремленія, какъ теперь. Никакое законодательное уравненіе въ правахъ не поможетъ злу». А проводя ту-же мысль логично, на что, впрочемъ, ни у кого не хватало храбрости,—нужно было очевидно сказать, что уравненіе въ правахъ будетъ даже вредно, такъ какъ дастъ природному стремленію евреевъ къ эксплуатаціи новые средства осуществляться на практикѣ.

Эта манера относиться къ еврейскому вопросу съ расовой точки зрѣнія не составляетъ, впрочемъ, какой-нибудь особенности русскихъ консерваторовъ и націоналовъ. Совершенно точно такъ-же разсуждаютъ, напр., германскіе антисемиты, съ мнѣніями которыхъ извѣстная часть нашей журналистики не преминула познать своихъ читателей во время избіенія евреевъ въ Россіи. Да и сами защитники еврейства очень охотно становятся на тѣ-же ходули національных особенностей. Извѣстный натуралистъ,

напр., Карлъ Фохтъ, выступившій въ 1880 г. противъ антисемитовъ и превознесшій евреевъ выше облака ходячаго *), стоитъ на совершенно такой-же почвѣ, которая прельщаетъ его своею «научностью». Фохтъ доказываетъ, что евреи преимущественно предъ прочими народами отличаются свойствами цивилизованнаго человѣка: умомъ, ловкостью, общежительностью, мирнымъ нравомъ и пр. и пр. Откуда происходятъ всё эти «особенности» евреевъ? Ни религія, ни отношеніе къ евреямъ другихъ народовъ не могутъ объяснить дѣла, по мнѣнію Фохта. Нравственность христіанской религіи выше еврейской, а сами христіане въ нравственномъ отношеніи стоятъ ниже. Точно также и преслѣдованія не могутъ объяснить намъ кротости и миролюбія евреевъ, потому-что другіе народы Европы, попадая подъ гнѣтъ, напротивъ, ожесточаются. борятся и приобрѣтаютъ свойства совершенно противоположнаго миролюбію. Въ чемъ-же, однако, разгадка? Одна естественная исторія можетъ дать намъ рѣшеніе этого вопроса; оно находится въ законахъ наслѣдственности. Исторія всѣхъ культурныхъ народовъ еще слишкомъ непродолжительна и первобытная свирѣпость нашихъ дивныхъ предковъ, по закону атавизма, еще слишкомъ сильно проявляется въ насъ, въ нѣмцахъ, французахъ, въ русскихъ, конечно. Долгая привычка дикой жизни создала въ насъ инстинкты, отъ которыхъ мы еще не имѣли времени отрѣшиться. Совершенно иначе стоитъ дѣло по отношенію къ евреямъ. «Еврейская раса—одна изъ древнѣйшихъ культурныхъ народовъ, никогда не смѣшивалась съ другими». Дикіе инстинкты начали потухать у евреевъ еще въ то время, когда наши предки были, можетъ быть, людоѣдами. Общественныя привычки начали вкореняться у евреевъ тысячи лѣтъ назадъ. Между тѣмъ, при отсутствіи смѣшанныхъ браковъ, кровь этого племени не портилась притокомъ буйной, дикарской крови европейцевъ, и еврей настоящаго времени, воспроизводя въ себѣ типъ даже прапрадѣда, даже еще втрое болѣе отдаленнаго предка своего, не дѣлается вслѣдствіе этого похожимъ на звѣря, какъ европеецъ, а получаетъ отъ этого предка все-таки свойства человѣка уже цивилизованнаго...

Итакъ вездѣ «раса». «Естественная Исторія» съ обѣихъ сторонъ призывается для превознесенія или для втоптанія евреевъ въ грязь и дѣйствуетъ въ обоихъ случаяхъ одинаково успѣшно. Мимоходомъ можно сказать еще, что и сами евреи очень усердно толкуютъ о своей «расѣ», о своихъ «библейскихъ» предкахъ и, доказывая такимъ путемъ благородство своего племени, вмѣстѣ

*) См. его „La question des juifs“ (первоначально напечатано по нѣмцки въ „Frankfurter Zeitung“).

съ тѣмъ бросаютъ вокругъ себя тысячи якорей, задерживающихъ ихъ слияніе съ прочими народами. Тѣмъ интереснѣе становится знакомство съ новой постановкой «расоваго» еврейскаго вопроса, которую дѣлаетъ Ренанъ въ своей конференціи, имѣвшей мѣсто 27 января текущаго года въ Сень-Симоновскомъ обществѣ и обозначенной нами въ заголовкѣ настоящей замѣтки.

Вопросъ, поднимаемый Ренаномъ и рѣшаемый имъ въ отрицательномъ смыслѣ, состоитъ въ томъ: представляютъ-ли евреи, нынѣ существующіе въ разныхъ странахъ, прямыхъ и чистокровныхъ потомковъ Авраама или хотя-бы тѣхъ израильтянъ, которые съ Моисеемъ вышли изъ Египта и побѣдоносно овладѣли землей обитованной? Общее ходячее мнѣніе отвѣчаетъ на этотъ вопросъ утвердительно, опираясь преимущественно на представленіе о еврейской религіи, какъ религіи строго національной, замкнутой, остающейся въ теченіи тысячелѣтій достоиніемъ одного племени. Запрещающая браки съ иновѣрными и будучи въ то-же время чужда всякаго прозелитизма, еврейская религія, согласно такому взгляду, одновременно служить и лучшей охраной и постояннымъ свидѣтельствомъ чистоты еврейскаго племени. Этотъ-то капитальный вопросъ — исключительную національность еврейской религіи — и атакуетъ Ренанъ въ своей конференціи.

Нельзя дѣйствительно не сознаться, что при соединеніи двухъ понятій — культурности извѣстнаго народа и исключительной національности его религіи — невольно чувствуется нѣкоторое внутреннее противурѣчіе. Национальнымъ характеромъ отличаются религіи дикихъ, идолопоклонническихъ народовъ, и это понятно. Ихъ грубое, матеріалистическое понятіе о божествѣ допускаетъ предположенія, что Богъ обитаетъ въ извѣстной опредѣленной мѣстности, что онъ имѣетъ различныя потребности, которымъ человекъ можетъ удовлетворять. Наконецъ, въ основѣ религиозныхъ представленій дикихъ народовъ лежитъ между прочимъ, обоготвореніе собственныхъ предковъ. При такихъ условіяхъ естественно, что Боги — души умершихъ предковъ — принадлежать только одному племени, именно тому, членами котораго они были при жизни; иногда эти боги могутъ путешествовать вмѣстѣ со своимъ племенемъ, иногда они прикрѣпляются къ извѣстной мѣстности. Религія получаетъ, такимъ образомъ, характеръ національный и мѣстный. Вмѣстѣ съ тѣмъ, при такихъ теологическихъ представленіяхъ народа, богослуженія его представляетъ ничто иное, какъ обмѣнъ взаимныхъ услугъ между людьми и божками. Понятно также, что, принадлежа къ извѣстному племени и обитая въ извѣстномъ опредѣленномъ мѣстѣ, божокъ имѣетъ свои спеціальныя привычки и потребности, которыхъ иностранцы даже не могутъ знать, а по-

тому не могутъ имъ и удовлетворить. Такъ, напр., когда Хаттаеяе были переселены въ Самарію и когда на нихъ здѣсь стали нападать львы, это происшествіе было объяснено народомъ не иначе, какъ гнѣвомъ мѣстнаго, еще незнакомаго имъ, бога, и вотъ они отправляютъ ассирійскому правительству просьбу: прислать имъ жрецовъ, которые знали-бы, какъ должно удовлетворить мѣстное божество, согласно его потребностямъ? Эта точка зрѣнія, вполне понятная у идолопоклонниковъ, и логически создающая мѣстную, національную религію, при которой божокъ держится своего племени, потому-что только оно умѣетъ ему, какъ нужно, услужить, и племя держится своего божка, потому-что чужіе ему не захотятъ покровительствовать, да и услужить имъ неизвѣстно какъ.

Но какъ понять исключительную связь божества съ извѣстнымъ, и только однимъ извѣстнымъ племенемъ, разъ рѣчь заходить о народѣ культурномъ, уже достигшемъ понятія о Богѣ, какъ о создателѣ всего міра, какъ объ источникѣ нравственности, общеобязательной для всѣхъ людей? Обращаясь къ исторіи, мы дѣйствительно видимъ, что всѣ религіи, возникшія у народовъ, вышедшихъ изъ дикаго состоянія, имѣютъ характеръ космополитическій. Магометаниномъ можетъ быть каждый, кто усвоитъ себѣ міросозерцаніе и нравственность Корана. Точно такъ-же каждый можетъ сдѣлаться буддистомъ. Какимъ образомъ еврейство, при своемъ высокомъ понятіи о Богѣ, могло сохранить все-таки узкій религіозный націонализмъ, въ смыслѣ связи божества исключительно съ извѣстнымъ племенемъ?

Оставляя въ сторонѣ современное еврейство, нельзя, конечно, не сказать, что первобытные библейскіе евреи не избѣгли общей участи неразвитыхъ народовъ. Тутъ дѣло, конечно, не о вдохновенныхъ людяхъ, какъ Моисей *), а о массѣ еврейскаго народа. Мы знаемъ изъ бібліи, какъ приходилось бороться еще Моисею съ идолопоклонническими стремленіями этой массы, и весьма естественно, что у ней религія должна была носить національный характеръ. Однако-же, проповѣдь *пророковъ* окончательно уничтожила слѣды грубыхъ первобытныхъ возрѣній. Еврейскіе пророки, это явленіе, аналогіи съ которымъ самъ Ренанъ не находитъ ни у одного народа. Они были создателями чистой религіи и въ этомъ смыслѣ могутъ, даже съ чисто-научной точки зрѣнія, (какъ признаетъ Ренанъ) считаться предшественниками христіанства.

*) Конечно, Ренанъ не дѣлаетъ въ этомъ случаѣ никакихъ ограниченій. Мы позволили себѣ однако въ этомъ случаѣ сдѣлать некоторую поправку, естественную съ точки зрѣнія христіанства.

Что-же говорятъ пророки? Мы знаемъ, что самъ Христосъ пришелъ не для уничтоженія, а для исполненія ихъ проповѣди. Они говорятъ то-же, что говоритъ христіанство, и въ силу этого отняли у еврейства его замкнутый характеръ. «Жертвоприношенія бесполезны, говоритъ Исаія, будьте справедливы, поклоняйтесь Господу съ чистыми руками; вотъ служеніе, которое ему угодно». Истинный слуга Иеговы тотъ, кто поступаетъ хорошо. Такимъ образомъ, пророки даютъ іудейской религіи нравственный, общечеловѣческій характеръ. Когда начинаютъ поклоняться Единому Богу, создателю неба и земли, который любитъ только добро и наказываетъ только зло—логика уже не допускаетъ замкнуться въ національныя рамки. Еврейскій народъ продолжаетъ, конечно, считать себя *избраннымъ*, но не въ томъ смыслѣ, чтобы ему одному принадлежало спасеніе, а только въ смыслѣ путеводителя къ спасенію всѣхъ остальныхъ народовъ. Наступитъ день, говоритъ Захарія, когда десять человѣкъ разныхъ языковъ обступятъ еврея и скажутъ: «веди насъ въ Іерусалимъ, гдѣ совершается служеніе, единственное удобное Богу». Пророки говорятъ о будущемъ царствѣ истины и справедливости, въ которомъ сольются всѣ народы, и идолопоклонство исчезнетъ на землѣ. Подлинныя книги Исаіи прямо настаиваютъ на обращеніи язычниковъ Египта, Тира и Ассиріи.

Какъ-бы ни были сильны въ еврейскомъ народѣ элементы религіозной исключительности, несомнѣнно въ немъ проявлявшіеся, проповѣдь пророковъ, вліяніе которыхъ извѣстно изъ библіи, не могла оставаться безъ послѣдствій и подготовила ту широкую пропаганду, которою заявило себя еврейское племя въ слѣдующій періодъ. Прежде, однако, чѣмъ перейти къ нему, остановимся на крупномъ событіи изъ исторіи евреевъ, которое случилось въ это-же время и не могло не отразиться на этнографическомъ составѣ еврейскаго племени. Это именно Вавилонское плѣненіе, которое кончилось только съ подчиненіемъ Іудеи Персамъ. Насколько сохранилась въ эту эпоху племенная чистота еврейства? Исторія не даетъ положительныхъ фактовъ для сужденія объ этомъ. Всѣ, однако, заставляютъ предположить сильный приливъ иноплеменныхъ элементовъ. Нельзя упускать изъ виду, что проповѣдь пророковъ именно въ это время побуждаетъ евреевъ къ прозелитизму; вольныя же, и особенно невольныя, столкновенія съ иноплемениками даютъ тысячи случаевъ проявляться этому стремленію распространять истинную религію. Возвратившись затѣмъ въ Палестину, евреи застаютъ ее значительно заселенною чуждыми племенами новое побужденіе къ пропагандѣ и смѣшенію. Сверхъ того, надо думать, что изъ Вавилона возвратилось въ Палестину гораздо больше

мужчинъ, чѣмъ женщинъ, и это несомнѣнно побуждало евреевъ брать женъ изъ среды окрестныхъ народовъ. Этотъ фактъ доказывается чрезвычайной строгостью, съ которою Ноемія и Эзра постоянно возставали противъ такихъ смѣшанныхъ браковъ. Очевидно, фактъ повторялся въ очень широкихъ размѣрахъ, если ревнители стараго іудейства считали нужнымъ такъ энергично бороться противъ смѣшанныхъ браковъ. Наконецъ, въ эпоху господства Персовъ, самая потеря политической независимости не могла позволить евреямъ отгораживаться слишкомъ непроходимой стѣной отъ вторженія иноплеменныхъ, но господствующихъ въ государствѣ, элементовъ. Все это, вмѣстѣ взятое и сопоставленное съ проповѣдью пророковъ, дѣлаетъ весьма вѣроятнымъ въ эту эпоху сильный приливъ къ еврейству элементовъ, этнографически ему чуждыхъ.

Но если въ этотъ періодъ еврейскій прозелитизмъ составляетъ вопросъ, который приходится рѣшать только предположительно, то въ слѣдующую затѣмъ эпоху греко-римскую, сильное распространеніе еврейской религіи между иноплеменниками не подлежитъ уже ни малѣйшему сомнѣнію.

Особенно яркимъ прозелитизмомъ отмѣчены 350 лѣтъ, отъ 150 г. до Р. Х. до 200 г. по Р. Х. Въ это время еврейство широко распространялось во всѣ стороны. Центромъ пропаганды на западѣ была Александрія, гдѣ значительная часть населенія обратилась въ смягченное еврейство. Пропаганда, расходящаяся отсюда по всѣмъ концамъ Римской имперіи, распадалась, такъ сказать, на два фазиса: прежде всего, евреи старались распространить основы своего религіознаго міросозерцанія посредствомъ множества сочиненій, нерѣдко, для большей убѣдительности, подложно приписываемыхъ разнымъ уважаемымъ философамъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, шло распространеніе еврейской нравственности, образа жизни и обрядовъ. Такимъ путемъ сформировались массы, такъ-называемыхъ, *metuentes*, «боящихся Бога», и ведущихъ еврейскій образъ жизни («*Vitam judaicam agere*»), но еще не принявшихъ обрѣзанія. Надо замѣтить, что большая ихъ часть такъ и не доходила до обрѣзанія, а обращалась впоследствии прямо въ христіанство. Однако-же, множество переходило и формально въ еврейство; это былъ второй, окончательный фактъ пропаганды. Ювеналь, въ своихъ сатирахъ, прекрасно подмѣтилъ эту тактику. Откуда происходитъ это зло, распространеніе іудейства, подрывающее все римское? спрашиваетъ онъ. Оттого, что множество людей усваиваютъ еврейскіе взгляды и обряды; ихъ, сыновья, не довольствуясь этимъ, уже принимаютъ обрѣзаніе и дѣлаются фанатиками іудейства, съ ненавистью и презрѣніемъ относясь ко всему римскому до того, что не хотятъ

даже указать дороги иновѣрцу. Что касается размѣровъ пропаганды, то объ этомъ имѣются самыя компетентныя свидѣтельства. Діонъ Кассій, напр., государственный человѣкъ, сенаторъ, хорошо знающій свою эпоху, говоритъ, что не всѣ евреи принадлежать къ одному племени. «Между римлянами, поясняетъ онъ, есть много такихъ людей, и всѣ усилія остановить ихъ распространеніе способствовали только умноженію ихъ числа, такъ что пришлось, наконецъ, предоставить имъ свободу жить по ихъ законамъ». Тацитъ также упоминаетъ объ обращеніи римлянъ въ еврейство, съ принятіемъ при этомъ обрѣзанія. Наконецъ, сами современники еврей съ торжествомъ указывали на успѣхи своей пропаганды. Какимъ сознаниемъ силы дышетъ, напр., слѣдующій отрывокъ изъ Іосифа: «Отсюда, говоритъ онъ, желаніе, овладѣвшее множествомъ людей принимать нашъ культъ, такъ что нѣтъ города греческаго или варварскаго, гдѣ-бы ни практиковалис субботы, посты, свѣтильники, выборъ пищи, соблюдаемыя нами. Они стараются подражать также нашей, согласной жизни, нашей милостыни, нашей склонности къ работѣ и готовности все перенести ради закона божія... Поэтому-то законъ начинаетъ проникать собою весь родъ человѣческій, какъ Богъ проникаетъ міръ. Если кто-нибудь усомнится въ справедливости моихъ словъ, я ему посовѣтую бросить взглядъ на свое отечество, на свое собственное семейство». Допустите извѣстную долю преувеличенія въ этомъ гордомъ выговѣ, но нельзя все-таки не согласиться, что подобныя преувеличенія позволяютъ себѣ только люди, имѣющіе дѣйствительно огромный успѣхъ.

Интересно мимоходомъ замѣтить эту «склонность въ работѣ», о которой говоритъ Іосифъ. Дѣйствительно, здѣсь, по словамъ Ренана, заключается одна изъ причинъ торжества іудейства и потомъ христіанства. Іудеи, какъ и христіане, уважали трудъ, превращенный греко-римскою цивилизаціею въ синонимъ рабства. Реабилитация свободнаго работника была однимъ изъ могучихъ рычаговъ соціального переворота, начатаго въ древнемъ мірѣ еврействомъ и законченнаго торжествующимъ христіанствомъ. Объ этомъ обстоятельстве не мѣшаетъ подумать разнымъ господамъ, обвиняющимъ евреевъ въ вѣчной исторической роли эксплуататоровъ.

Возвратимся, однако, къ предъидущему. Итакъ, успѣхи еврейской пропаганды на западѣ имперіи не подлежатъ сомнѣнію. Она начиналась первоначально распространеніемъ догматовъ и обрядовъ и закончивалась формальнымъ присоединеніемъ, т. е. обрѣзаніемъ. Успѣхи эти подтверждаются даже самимъ законодательствомъ, римскимъ, которое при Антонинѣ воспрещаетъ евреямъ производить обрѣзаніе постороннихъ, т. е. не членовъ ихъ семействъ.

Безъ сомнѣнія, здѣсь, какъ всегда, вмѣшательство закона вызвано широкимъ распространеніемъ акта, съ которымъ законъ сѣтается необходимымъ бороться. Въ общей сложности, говоритъ Ренанъ, начиная съ этой эпохи, этнографическое значеніе еврейства на западѣ дѣлается крайне сомнительнымъ. Большая часть евреевъ Галліи и Италіи должна происходить отъ обращенныхъ въ еврейство мѣстныхъ жителей, а никакъ не изъ Палестины. Въ началѣ среднихъ вѣковъ, мы встрѣчаемъ множество такихъ евреевъ въ Парижѣ, Орлеанѣ, Клермонѣ, и политика противъ нихъ со стороны христіанскихъ проповѣдниковъ (напр. Григорія Турскаго) ясно показываетъ, что этихъ «евреевъ» современники считали не иноплеменниками, а лишь еретиками. Это обстоятельство получаетъ особенно важное значеніе, если мы вспомнимъ, что германскіе евреи пришли къ нѣмцамъ именно изъ Франціи, а не съ Востока. Такимъ образомъ, и въ жилахъ нѣмецкихъ евреевъ нельзя предположить много библейской крови.

Распространеніе еврейства, въ отмѣченный выше періодъ прозелитизма, (150 г. до Р. Х. — 200 г. по Р. Х.) шло, однако, не только на Западѣ, а еще въ большей степени на Востокѣ. Тотъ-же Іосифъ говоритъ, напр., что въ Антиохіи евреи «обратили въ свою вѣру большее число эллиновъ и присоединили ихъ къ своей общинѣ». Здѣсь, конечно, дѣло идетъ о формальномъ обращеніи, соединенномъ съ обрѣзаніемъ. По тому-же автору, въ Дамаскѣ женщины, въ одинъ прекрасный день, всѣ оказались еврейками. Извѣстна также, напр., исторія царицы Елены Адіамбской, которая обратилась въ еврейство со всѣмъ семействомъ, причемъ, безъ сомнѣнія, примѣру династіи послѣдовала и значительная часть подданныхъ. Вообще послѣдними изслѣдованіями вполне установленъ фактъ чрезвычайнаго распространенія еврейства въ Сиріи, какъ это доказывается древними надписями въ Пальмирѣ и другихъ городахъ. Этимъ успѣхамъ много способствовала политика послѣднихъ парскихъ династій іудей, Гиркановъ и Иродовъ. Гирканы были за воевателями и вооруженной рукой почти возстановили древнія владѣнія Израиля, причемъ всѣ покоренные язычники принуждены были принять обрѣзаніе. Ироды способствовали обращенію иноплеменныхъ инымъ путемъ. Эта династія отличалась чрезвычайнымъ богатствомъ, и несмѣтное приданое принцессъ Иродова дома побуждало множество мелкихъ князьковъ Киликіи, Мизіи и т. п. принимать обрѣзаніе для того, чтобы получить руку богатыхъ наслѣдницъ. Такъ или иначе, множество формальныхъ обращеній почти совершенно юдоизировали всѣ племена Сиріи. Позднѣе, юдаизмъ распространился и еще дальше: въ Аравію, въ Абиссинію, на сѣверныхъ берегахъ Чернаго моря. Передъ возникновеніемъ

магометанства еврейство сдѣлало въ Аравіи самыя обширныя завоеванія, и самъ Магометъ даже нѣкоторое время былъ евреемъ. Очень немногаго недоставало, чтобы вся страна сдѣлалась цѣлкомъ еврейскою. Въ Абиссиніи еврей, — чистокровные африканцы, говорящіе даже мѣстнымъ языкомъ и читающіе библію въ переводѣ на это нарѣчіе. Во времена Карла Великаго юдаизмъ широко распространился по югу нынѣшней Россіи, въ Хозарскомъ царствѣ. Древнія еврейскія надписи въ Крыму сообщаютъ, напр., такія «еврейскія» имена, какъ Тохтамышъ: очевидно, что такое имя можетъ принадлежать только обращенному татарину или ногайцу. Вообще, обращеніе хозаръ въ еврейство имѣетъ важное значеніе по вопросу о настоящей національности дунайскихъ и южно-русскихъ евреевъ, которые, по всей вѣроятности, не имѣютъ въ себѣ ничего этнографически еврейскаго.

Итакъ, еврейство, въ теченіи цѣлыхъ столѣтій, растворялось въ массѣ самыхъ разнообразныхъ племенъ. Правда, около 200 лѣтъ по Р. Х. этотъ горячій прозелитизмъ былъ остановленъ талмудической реакціей. Еврейство какъ будто испугалось своей всемірно-исторической роли и, предоставивъ задачу возрожденія человѣчества христіанству, само стало все упорнѣе замыкаться въ свою улитку національности. Обращенные изъ иноплеменныхъ начинаютъ траговаться, какъ «язва Израіля». Узкіе рѣшители ветхаго закона изо всѣхъ силъ хлопочутъ о сохраненіи въ чистотѣ «сѣмени Авраамова». Въ этой реакціи и состоитъ историческое значеніе талмудизма, съ развитіемъ котораго еврейскій прозелитизмъ все больше ослабѣваетъ и только иногда еще проявляется какъ-бы по инерціи, да и то преимущественно въ самыхъ отдаленныхъ странахъ, вродѣ Хозаріи. Нельзя, однако, не замѣтить, что хлопотать о чистотѣ Израіля послѣ 350 лѣтъ энергической пропаганды—было уже нѣсколько поздно. Послѣ такого прошлаго, еврейскую расу теперь никакъ невозможно разсматривать, какъ нѣкоторый идеалъ чистаго племени, сохранившагося въ теченіи тысячелѣтій безъ всякой примѣси чуждой крови. Нужно признать наоборотъ, говоритъ Ренанъ, что хотя, конечно, нынѣ существующіе еврей и имѣютъ въ своихъ жилахъ нѣкоторую струю древней библейской крови, но что они въ то-же время восприняли въ себя количество чуждыхъ, иноплеменныхъ элементовъ, по крайней мѣрѣ не меньше, чѣмъ другіе историческіе народы. Будучи нѣкогда строго замкнутымъ, какъ племя, и сдѣлавшись потомъ столь-же замкнутымъ, какъ религія, еврейство имѣло, однако, въ промежуткѣ нѣсколько столѣтій, въ теченіи которыхъ на всѣ стороны смѣшивалось съ населеніемъ цѣлыхъ территорій.

Мнѣ станутъ, конечно возражать, указывая на «еврейскій типъ»,

замѣчаетъ Ренанъ. Но именно этотъ типъ и служитъ доказательствомъ выше сказаннаго. Въ сущности *одного*, общаго еврейскаго типа совсѣмъ не существуетъ, а есть нѣсколько еврейскихъ типовъ, которыхъ никакъ нельзя свести къ чему-нибудь единому. Съ евреями, очевидно, произошло то-же самое, что вышло-бы, если-бы, напр., въ настоящій моментъ взять всю разноплеменную толпу, гуляющую на Сень Жерменскомъ бульварѣ, и перенести ее куда-нибудь на необитаемый островъ. Послѣ нѣсколькихъ столѣтій изолированной жизни, эти люди, посредствомъ скрещиванья конечно, выработали-бы нѣсколько типовъ, наиболѣе сильныхъ, живучихъ, но еще не успѣли-бы придти къ одному типу. Совершенно то-же самое представляетъ современное еврейство, слившееся изъ множества національностей, и еще не успѣвшее выработать изъ нихъ новаго, единаго племеннаго типа. Еще менѣе могутъ доказывать племенное единство евреевъ, однообразіе ихъ нравовъ, обычаевъ, характера. Это уже фактъ, цѣликомъ основанный на причинахъ социальныхъ, а не этнографическихъ. Онъ появляется всегда, когда кабая-нибудь секта или вообще группа людей оказывается почему-либо изолированной отъ остальнаго міра. Совершенно то-же самое замѣчается напр., у французскихъ протестантовъ. Привычки кружковой жизни, стѣсняемой со всѣхъ сторонъ въ тысячѣ мелочей, выработываются безъ всякаго отношенія къ расѣ. У французскихъ протестантовъ даже и занятія совершенно тѣ-же, что у евреевъ. Какъ евреи, они не имѣютъ ни «народа», ни крестьянства; тѣмъ и другимъ помѣшали ихъ имѣть. А между тѣмъ было время, когда протестанты Франціи ничѣмъ не отличались отъ католиковъ, да и сами евреи, до указовъ Филиппа Красиваго, имѣли такія-же занятія, какъ остальные французы. Внѣшнее положеніе опредѣляетъ извѣстное воспитаніе, обученіе, образъ жизни, которыя, въ свою очередь, и создаютъ то, что называется духовнымъ единствомъ еврейскаго племени.

Какъ могущественно вліяютъ эти внѣшнія условія, можно видѣть на разительномъ примѣрѣ сирійскихъ мусульманъ и христіанъ. Ихъ племенное единство находится внѣ всякаго сомнѣнія. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ мусульмане даже говорятъ еще древнимъ сирійскимъ нарѣчіемъ. И, однако-же, судя по нравамъ и внѣшнему виду, можно было-бы ручаться, что мусульмане и христіане Сиріи составляютъ два совершенно различныя племена. Нѣтъ ничего противоположнаго, какъ гордая самоувѣренность, мужество, сознание своего достоинства мусульманъ и рабская забитость христіанъ. Евреи; среди европейскихъ народовъ, далеко не такъ рѣзко выдаются, какъ выдается группа мусульманскихъ деревень среди единоплеменнаго имъ христіанскаго населенія.

Таковы соображенія Э. Ренана, изложенныя имъ 27 января. «Порадуемся, господа, говорить онъ въ заключеніе, что вопросы эти, столь интересныя съ точки зрѣнія исторіи и этнографіи, не имѣютъ для Франціи никакой практической важности». Мы, русскіе, далеко не такъ счастливы, чтобы имѣть право повторить эти слова. У насъ, къ сожалѣнію, и до сихъ поръ вопросы, ставшіе во Франціи достояніемъ исторіи и этнографіи, приобретаютъ нерѣдко жгучій практическій интересъ, и конечно никакія конференціи Ренана не могутъ разрѣшить этого «нашего» вопроса. Но для рѣшенія его нужно прежде всего твердое убѣжденіе въ томъ, что мы и здѣсь имѣемъ дѣло прежде всего съ вопросомъ общественнымъ, а не племеннымъ, и вотъ почему все, что хотя немного очищаетъ дѣло отъ примѣси этнографическихъ элементовъ, этимъ самымъ помогаетъ привести его къ благополучному окончанію. Бросая новый свѣтъ на этнографическую сторону еврейскаго вопроса, точка зрѣнія Ренана можетъ помочь самимъ евреямъ отрѣшиться отъ своей изолированности и, въ то-же время, отнимаетъ до нѣкоторой степени оружіе у тѣхъ противникахъ еврейства, которые прикрываютъ, яко-бы научными соображеніями, свое близорукое стремленіе увѣковѣчить эту гибельную для обѣихъ сторонъ изолированность.

М. К.

Новости иностранной литературы.

Французское легкомысліе и нѣмецкая обстоятельность. — Новые притязанія нѣмецкой учености (Karl Wilhelm Nitsch). — Жизнь и заработки въ Парижѣ („*La vie et les salaires à Paris*“, par O. d'Haussonville; „*Le travail des femmes*“, par M-me de Barreau; „*Le choix d'un état*“ par M-lle Pichart). — Психическая нервозность („*Les névroses*“, par Maurice Rollinat). — Реализмъ и натурализмъ въ новой французской беллетристикѣ. — О перепискѣ маленькихъ людей.

I.

«Когда послѣ французской книги я принимаюсь за нѣмецкую, то мнѣ кажется, будто мою свѣтлую лампу замѣнили тусклымъ ночникомъ». Такъ, — или приблизительно такъ, — выражается мало извѣстная французская поэтесса, г-жа Луиза Аеврманъ, вдова еще менѣе извѣстнаго нѣмецкаго ученаго.

Французскую литературу нерѣдко упрекають въ вѣтренности, легкомысліи и пустотѣ, основываясь единственно на ея привлекательной внѣшности. Французскій писатель обыкновенно считаетъ своимъ долгомъ такъ тщательно скрыть слѣды упорнаго труда, котораго стоило ему предлагаемое публикѣ сочиненіе, что читателю легко можетъ казаться, будто сочиненіе это вовсе не стоило своему автору никакого труда. Таковъ ужъ здѣсь обычай, что даже геніальная мысль, пожалуй, даже научное открытіе, не смѣютъ появляться въ свѣтъ въ халатномъ неглиже ученаго кабинета, а должны предварительно причесаться, пригладиться, облечься въ приличный нарядъ, если не въ кокетливое убранство салонной прелестницы. Въ смыслъ умѣнья того, что здѣсь называютъ «составить книгу», французы дѣйствительно мастера, и, въ этомъ отношеніи, съ изряднымъ французскимъ авторомъ, — за единственнымъ, быть можетъ, исключеніемъ Герберта Спенсера, — не можетъ сравниться ни одинъ изъ даровитѣйшихъ англійскихъ писателей нашихъ дней. Англійскій умъ, даже въ такихъ первоклассныхъ своихъ представителяхъ, какъ Дарвинъ, Тиндалъ, Гексли, Муудсли, слишкомъ склоненъ теряться въ подробностяхъ, за то по крайней

кѣрѣ, онъ не отрывается отъ конкретной почвы, на которой вы, хоть и не безъ усилія, можете слѣдовать. Но всего болѣе диаметрально противоположность французскому умѣнью писать легко и стройно—представляютъ нѣмцы. Нѣмецъ въ особенности если онъ ученый полагаетъ какъ будто особенное кокетство въ томъ, чтобы дать какъ можно живѣе почувствовать своему читателю всѣ кочки и шероховатости пути, пройденнаго имъ самимъ; чтобы съ лихвою выместить на своей жертвѣ всю тяжесть того труда, которому онъ самъ обязанъ своими выводами и обобщеніями. Исключенія, и даже блистательныя порою, встрѣчаются и у нихъ; но журнальному рецензенту приходится имѣть дѣло съ общими правилами, а не съ исключеніями.

Я полагаю, что корень этого различія кроется не столько въ какихъ-нибудь національных особенностяхъ нѣмецкаго и французскаго ума, сколько въ той различной политической роли, которую наука и искусство играли въ теченіи нѣсколькихъ столѣтій на правомъ и на лѣвомъ берегу Рейна. Въ то время, какъ въ Парижѣ умственная жизнь, уже полтораста лѣтъ назадъ, рвалась въ толпу, на площадь, въ Германіи, даже въ началѣ нынѣшняго вѣка, высокопоставленные меценаты покровительствовали наукѣ и литературѣ не иначе, какъ подъ условіемъ, чтобы они держались по возможности въ сторонѣ отъ живой жизни. Слѣдомъ этого печальнаго времени остался до сихъ поръ не одинъ только птичій языкъ, которымъ пишутъ даже и остроумные нѣмцы, но также и та дороговизна, которая дѣлаетъ большую часть нѣмецкихъ изданій рѣшительно недоступными для массы заурядныхъ читателей. Въ теоріи, ни одному порядочному нѣмцу и въ голову теперь уже не придетъ защищать превосходство своихъ литературныхъ порядковъ. Но интересно то, что за послѣдніи нѣсколько лѣтъ и на практикѣ въ Германіи несомнѣнно замѣчается очень сильное стремленіе къ тому сближенію между литературою и жизнью, о которомъ, въ теченіи болѣе полустолѣтія, такъ много было говорено, но которое и по настоящій день остается все еще осуществленнымъ въ Германіи гораздо меньше, чѣмъ въ какомъ-бы то ни было другомъ западно-европейскомъ государствѣ. Самымъ нагляднымъ выраженіемъ вышеупомянутаго стремленія служить чрезвычайное быстрое возрастаніе здѣсь изъ года въ годъ всякаго рода книгъ, брошюръ, газетъ и журналовъ.

II.

Трудно, конечно, читать книгу при тускломъ свѣтѣ ночника. Трудно, но что-же дѣлать. Нѣмецкая литература, должно сознаться, изобилуетъ произведеніями, которыя своимъ содержаніемъ

способны подъ-часъ и съ лихвою вознаграждать за немалый трудъ, потраченный на борьбу съ ихъ тяжеловѣсною, неуклюжею вѣдѣнностью. Къ тому-же, какъ я упомянулъ, въ нѣмецкой литературѣ идетъ очень оживленное движеніе, и читатель былъ бы вправѣ посѣтовать, если-бы я оставилъ это движеніе вовсе въ сторонѣ.

Крупнѣйшимъ произведеніемъ текущей нѣмецкой печати является *«Новая исторія нѣмецкаго народа»*, берлинскаго академика Нича, изданная послѣ недавней смерти автора Георгомъ Маттея, но уже въ значительной степени приготовленная къ печати самимъ покойникомъ, который въ области германской народной историографіи является новичкомъ. Извѣстность Нича, основывается главнѣйшимъ образомъ на его многочисленныхъ и очень солидныхъ изслѣдованіяхъ изъ области римской исторіи и средне-вѣковыхъ сельскихъ и городскихъ общинъ.

Мнѣ кажется, что въ настоящее время вниманія не специалиста, а вообще образованнаго читателя заслуживаютъ только такія историческія произведенія, которыя разсматриваютъ прошлое той или другой культурной націи единственно съ точки зрѣнія воспитанія человѣчества въ духѣ справедливости и гуманнаго общенія. Ни одинъ, изъ такъ называемыхъ, историческихъ народовъ не осуществилъ въ своемъ національномъ строѣ такихъ порядковъ, которые отвѣчали-бы, хотя приблизительно, нашимъ современнымъ идеаламъ гуманности и правды. Потому-то страстные мечтатели конца прошлаго столѣтія и порѣшили-было махнуть рукою на всякіе историческіе уроки и искать примѣровъ у тѣхъ будто-бы блаженныхъ дикарей, которые живутъ въ полной исторической безвѣстности и руководятся, будто-бы, единными благодѣтельными внушеніями «силы земли» или *«état de nature»*. Науки новѣйшаго времени оказали намъ немалую услугу, доказавъ, что подобныя идеальныя *«états de nature»* не имѣютъ въ себѣ рѣшительно ничего «естественнаго», да даже и не существуютъ естественно нигдѣ, а только искусственно придумываются мыслителями и писателями очень усложненныхъ и далекихъ отъ природы культурныхъ эпохъ. Только такіе народы, которые выдѣлились изъ стихійнаго эгоизма, изъ природнаго безразличія правды и лжи, гуманности и звѣрства, чтобы приблизиться хоть на одинъ шагъ къ нашимъ идеаламъ,—одни и могутъ имѣть свою исторію. Только такіе историки, которые, въ дремучемъ лѣсу историческихъ начинаній и успѣховъ каждаго культурнаго народа, умѣютъ зорко разглядѣть живые зачатки гуманности и правды для того, чтобы прослѣдить весь конкретный процессъ ихъ послѣдовательнаго развитія, ихъ яркаго процвѣтанія при однѣхъ, благоприятныхъ усло-

вѣхъ и ихъ вымиранія при другихъ,—способны обогатить хоть на йоту скудный запасъ нашихъ полезныхъ знаній. Что-же касается до гробкопателей какого-бы то ни было вѣдомства, то мы предоставимъ имъ въ мирѣ раскапывать свой археологическій мусоръ. въ томъ чаяніи, что, можетъ быть, накопленный ими матерьялъ и облегчитъ со временемъ трудъ какому-нибудь дѣйствительному историку; но непосредственно до нихъ намъ не можетъ быть никакого дѣла въ этихъ бѣглыхъ очеркахъ, которые не посвящаются строго спеціальнымъ трудамъ.

«Новая исторія нѣмецкаго народа» Нича представляетъ всё хороша, но, въ сожалѣнію, также и всё непривлекательныя стороны обыкновенныхъ нѣмецкихъ произведеній, дѣлающія бѣглый обзоръ ихъ въ высшей степени неблагоприятною задачею. Лучшія ихъ качества: солидная и глубокая, кропотливимъ трудомъ добытая эрудиція, разносторонняя обдуманность и богатство аргументаціи и т. п., невозможно передать на нѣсколькихъ страницахъ; а между тѣмъ ихъ обычные недостатки—чрезмѣрная тяжеловѣсность, неисключающая нѣкоторой расплывчатости и туманности, систематичность безъ гармоніи, отсутствіе стройнаго плана и строгой соотвѣтственности частей,—невольно отталкиваютъ и рецензента, и читателя, желающаго только бѣгло ознакомиться съ самою сущью разбираемаго произведенія изъ вторыхъ рукъ. Что хотѣлъ авторъ сказать своимъ увѣсистымъ трудомъ? Ради какихъ цѣлей зарывался онъ на цѣлыя десятки лѣтъ въ архивную пыль? Что можемъ извлечь поучительнаго изъ его произведенія мы, которымъ нѣтъ дѣла до собственно геральдическихъ притязаній нѣмецкаго народа, до ребяческаго лепета, до дѣтскихъ болѣзней его ранняго возраста? и т. п.

Отвѣтить на подобныя вопросы относительно только что упомянутаго Карла Вильгельма Нича, признаюсь, неособенно легко. А между тѣмъ онъ, безспорно, не принадлежитъ къ числу тѣхъ присяжныхъ археологическихъ гробкопателей, отъ которыхъ мы только что открещивались нѣсколько строкъ выше. Ничъ въ своихъ прежнихъ академическихъ рѣчахъ и ученыхъ изслѣдованіяхъ неоднократно высказывалъ, что онъ зарывается въ глубь и мракъ средневѣковой исторіи, романо-германской исторіи единственно потому, что только въ средневѣковой общинѣ, городской и земской, въ ея судьбахъ и тревоженіяхъ, можно найти ключъ къ солидному пониманію современной намъ общественности. Сама-же средневѣковая община слишкомъ тѣсно и непосредственно вяжется съ исторіею римскаго пролетаріата, начиная съ самыхъ временъ борьбы патриціевъ съ плебеями; но еще больше, начиная съ той поры, когда Марій, въ видѣ отвлеченія римскихъ пролетаріевъ отъ аграрнаго

вопроса, завербовалъ ихъ въ свои легіоны и тѣмъ положилъ начало тому эспансивному движенію латинской государственности на востокъ и на западъ, на югъ и на сѣверъ, плодомъ котораго явилось первое въ исторіи обширное государство, основанное не на голомъ фактѣ насилія и завоеванія, а на формулахъ и на принципахъ...

Ничу не было надобности высказывать и доказывать все это въ своемъ посмертномъ сочиненіи, такъ какъ такова была собственно руководящая мысль всѣхъ его предшествующихъ трудовъ; на нихъ онъ самъ смотрѣлъ, какъ на введеніе и какъ на сборъ матерьяловъ къ той «новой исторіи нѣмецкаго народа», которую ему не суждено было кончить. Въ этой книгѣ ему, однако, приходится снова возставать противъ общепринятаго школьнаго дѣленія европейской исторіи, по которому мы съ ребяческихъ лѣтъ привыкли воображать себѣ, будто какая-то пропасть отдѣляетъ классическій міръ съ его безчеловѣчною гражданственностью, съ его презрѣніемъ къ «варварамъ», т. е. къ чужимъ народностямъ, съ его матерьялизмомъ и рабствомъ, — отъ міра германо-романскаго, исповѣдующаго христіанскую религію, замѣняющаго рабство крѣпостничествомъ, исключительную гражданственность государственности, неисключающую нѣкоторой космополитичности и международнаго братства, и т. п. Несостоятельность этой школьной фикціи очень хорошо уже доказана въ множествѣ очень почтенныхъ и солидныхъ трудовъ и изслѣдованій; а за послѣднее время уясненію нашихъ взглядовъ на этотъ вопросъ превосходно могутъ способствовать и такія общедоступныя и изящныя по своему изложенію произведенія, какъ напримѣръ «*Histoire der Romains*» Вьетора Дюрюи, бывшаго министра народнаго просвѣщенія второй имперіи, или «Христіанство» Эрнеста Гаве (Havet), котораго четвертый и послѣдній томъ вышелъ въ свѣтъ въ концѣ прошлаго года. За то въ книгѣ Нича мы встрѣчаемъ много совершенно новыхъ, и очень цѣнныхъ данныхъ, относительно начала германской общины, ея роли въ экономическомъ строѣ германскихъ и романо-германскихъ народовъ и государствъ, относительно начала крестьянской и феодальной поземельной собственности. Ничъ рѣшительно отвергаетъ фактъ общиннаго землевладѣнія, какъ нормы экономическихъ отношеній германцевъ времени Тацита, которые, по его увѣренію, находились въ переходномъ состояніи между кочующимъ и земледѣльческимъ бытомъ и до общиннаго землевладѣнія еще не доросли. Тамъ, гдѣ осѣдлая жизнь водворяется болѣе или менѣе окончательно, между ними появляется не община, а гораздо болѣе рудиментарный видъ земледѣльческихъ отношеній, т. е. *марка*, при которой цѣлыя груп-

пы общинъ владѣютъ нераздѣльно однимъ пространствомъ земли, что мы и до настоящаго времени можемъ еще наблюдать въ нѣкоторыхъ восточныхъ и сѣверо-восточныхъ кантонахъ Швейцаріи. Первою критическою эпохою въ развитіи германскаго народа, по свидѣтельству Нича, является завоеваніе ими Галліи на западѣ и Даніи на востокѣ. При этомъ тотчасъ-же обнаруживается существенное расчлененіе германскаго единства на двѣ вѣтви: западную или *франкскую* и восточную, которую мы не стѣснились назвать *нѣмецкою* (читатель скоро самъ увидитъ почему). Франкская вѣтвь, завладѣвшая уже облатинившеюся или романизированною Галліею, не подчиняется вліянію побѣжденнаго народа въ такой мѣрѣ, въ какой, наприм., монголы Кудлай хана подчинились Китаю, завоевавъ его; но она тѣмъ не менѣе утрачиваетъ свою *«германистость»*. Ничъ безъ обиняковъ говоритъ, что завоеваніе это было фактомъ прискорбнымъ, обоюдно регрессивнымъ съ обѣихъ сторонъ: Галліи, подчиняясь варварскому вліянію завоевателей, быстро утрачиваютъ относительныя благодѣнія цивилизаціи, приобрѣтенной ими подъ сѣнью пресловутой *«рэхъ романа»*; франки-же, при соприкосновеніи съ относительно утонченною культурою завоеванной страны, за неимѣніемъ за своею душою никакихъ иныхъ благъ, теряютъ ту нравственную чистоту, которую Ничъ, ссылаясь на авторитетъ Тацита, признаетъ за основную черту, присущую истому германскому племени. Въ экономическомъ отношеніи, плодомъ этого завоеванія является водвореніе въ зарейнскихъ и прирейнскихъ краяхъ, по Майну и Неккару, той мелкой личной собственности, *«Bauereigenthum»*, которая господствуетъ тамъ въ значительной части случаевъ еще и до сихъ поръ. А черезъ это здѣсь тотчасъ-же обнаруживается непримиримый антогонизмъ между городскою и сельскою культурою, составляющій тоже еще и теперь одну изъ самыхъ глубокихъ язвъ франкской общественности. Эта вѣтвь, по увѣренію почтеннаго берлинскаго историка, не внесла съ собою ничего новаго въ общеевропейскую исторію. Ошибочно утверждаютъ всѣ школьные учебники, будто возведеніе на цезарскій престолъ Карла Великаго составляетъ исходный пунктъ новаго историческаго періода: самая легкость, съ которою имперія Карла Великаго распадается тотчасъ по смерти своего основателя, можетъ уже служить речательствомъ за то, что это только блестящій, но эфемерный эпизодъ. По увѣренію Нича, эта романизированная вѣтвь, навсегда отлучаемая имъ отъ правовѣрнаго германизма, неспособна была дать міру ничего, кромѣ католичества, представляющаго собою нѣсколько исправленную и дополненную редакцію римскаго цезаризма языческихъ временъ.

Совершенно иначе, по свидѣтельству все того-же историка, „Дѣло“, № 5. 1883 г. II.

слагаются историческія судьбы восточной, т. е. нѣмецкой вѣтви германскаго племени. Очутившись подъ тройнымъ давленіемъ—венгровъ, славянъ и римлянъ, племя это, такъ сказать, сосредоточивается въ себѣ, конденсируется и закаляется въ упорной борьбѣ, изъ которой въ концѣ концовъ оно все-же выходитъ побѣдителемъ. Необходимость и интенсивность борьбы заставляютъ его развить въ себѣ іерархическое начало преимущественно передъ началомъ общиннымъ и экономическимъ. Въ этой суровой школѣ оно воспитываетъ себя для той блестящей роли, которую оно разыграетъ потомъ, въ эпоху реформаціи, въ судьбахъ всего просвѣщеннаго міра. Но общеевропейскій и притомъ, конечно, благотворительный характеръ исторіи этой «нѣмецкой» вѣтви германскаго племени обнаруживается—всетаки по увѣренію Нича—уже съ самаго ранняго времени. Служа постоянно грозою для римскихъ цезарей, «нѣмецъ», уже при первомъ своемъ появленіи на историческомъ поприщѣ, заставляетъ кичливый Римъ прекратить безобразную оргію временъ Калигулы и Нерона, и напречь до крайняго возможнаго предѣла свои творческія способности не только по военному вѣдомству, но и по части внутренней политики вообще. Такимъ образомъ оказывается, что вся плодотворная, по своему времени, дѣятельность Тита, Адриана, Марка Аврелія, Юліана и проч. должна быть записана на нѣмецкій счетъ... Но такъ какъ, даже и при напряженіи до крайняго предѣла нѣмецкихъ творческихъ силъ, эти косвенные преемники Тиверіевъ и Клавдіевъ все-же не могутъ изобразить изъ себя ничего удовлетворительнаго въ смыслѣ общеевропейскаго процвѣтанія, то благотворительный нѣмецъ въ одинъ прекрасный день сослалъ ихъ за Балканы и, въ лицѣ Теодориха Великаго, засѣлъ самъ на западный престолъ, начиная, такимъ образомъ, блистательно дѣйствительный новый міръ, въ ожиданіи Лютера, Фридриха Великаго и Бисмарка...

Нельзя не пожалѣть, что филистеръ со своимъ казарменнымъ патриотизмомъ кладерадачевскихъ Шульце и Мюллера обнаруживается въ почтенномъ авторѣ уже съ самой второй главы его увѣсистаго труда и значительно подрываетъ авторитетъ его чисто научныхъ изслѣдованій. Тѣмъ не менѣе, его возрѣнія на начало германской культуры, франкской и нѣмецкой, на историческое значеніе городской и сельской общины въ романо-германскомъ быту и на отношенія средневѣковой исторіи западно-европейскихъ государствъ къ исторіи пролетаріевъ древняго Рима не лишены ни новизны, ни серьезнаго историческаго значенія.

III.

Во Франціи, выдвинутый самою жизнью вопросъ объ улучшеніи матеріальнаго быта рабочаго населенія, сильно занимаю-

щій собою правительственныя сферы, въ значительной степени отражается и на текущей литературѣ. Общественное мнѣніе несомнѣнно взволновано событіями въ Монсеау-les-Mines, парижскими и марсельскими рабочими правами и тѣмъ непоимѣрнымъ возростаніемъ въ самомъ Парижѣ «арміи зла», о которомъ такъ много кричатъ правительственные ораторы и журналы самыхъ противоположныхъ оттѣнковъ. До сихъ поръ всѣ республиканскія правительства Франціи очень невыгодно отличались отъ правительствъ монархической Англіи и даже Пруссіи своею слишкомъ рутинною политикою по рабочему вопросу. Тѣ элементарныя законодательныя мѣры для огражденія интересовъ рабочаго населенія, которыя уже десятки лѣтъ вошли по ту сторону Ламанша въ государственный обиходъ и которыя, съ большимъ или меньшимъ успѣхомъ и рвеніемъ, прививаются въ настоящее время въ Германіи и отчасти въ Австріи, — во Франціи до сихъ поръ или систематически отвергались законодательнымъ собраніемъ, или-же принимались только для приличія и въ такомъ искалѣченномъ видѣ, что никому, даже самимъ законодателямъ, очевидно, и въ голову не приходило, чтобы примѣненіе ихъ могло дать какой-нибудь ощутительный результатъ.

Не особенно популярному министерству Ферри суждено, повидимому, ознаменовать собою довольно таки радикальный переломъ въ правительственной политикѣ по этому вопросу; причемъ Франція, очевидно, не имѣетъ намѣренія ограничиться простымъ заимствованіемъ тѣхъ мѣръ, которыя уже освящены болѣе или менѣе долголѣтнимъ опытомъ сѣверныхъ и восточныхъ сосѣдей. Недавняя рѣчь, въ которой министръ внутреннихъ дѣлъ Вальдекъ-Руссо высказывалъ безъ обиняковъ такія экономическія воззрѣнія, отъ которыхъ правовѣрные политико-экономисты отживающаго толка отверчиваются обѣими руками; — только что утвержденное сенатомъ уменьшеніе на $\frac{1}{2}$ процента годичной подати, взимаемой здѣшними капиталистами съ государственнаго бюджета; наконецъ, предпріятыя городскимъ муниципальнымъ совѣтомъ постройки въ грандіозныхъ размѣрахъ такъ называемыхъ *cités ouvrières*, которыя доставили-бы чернорабочему населенію столицы дешевыя, свѣтлыя и удобныя помѣщенія съ заманчивою перспективою пріобрѣсти ихъ въ свою личную собственность, — все это, несомнѣнно, очень характерные признаки времени... Впрочемъ, мнѣ приходится говорить здѣсь не о самомъ движеніи, а только объ его отраженіи въ текущей литературѣ, публицистической и беллетристической, изобилующей журнальными статьями, брошюрами, повѣстями, романами и книгами, въ которыхъ эта тревожная злоба дня разсматривается и обсуждается со всевозможныхъ сторонъ.

Оставим пока въ сторонѣ интересный томикъ, въ которомъ мало извѣстный беллетристъ Поль Гёзи (*Paul Heusy*) рисуетъ чрезвычайно яркими красками и съ рѣдкою во французскихъ романахъ правдивостью «Уголь нищенской жизни» (*Un coin de la vie de misère*), изобилующей дѣйствительно потрясающими по своей художественной простотѣ страницами, и обратимся къ трудамъ такого рода, которые могутъ помочь намъ охватить однимъ бѣглымъ взоромъ настоящее положеніе этого вопроса въ Парижѣ съ болѣе общей точки зрѣнія.

Въ одномъ изъ апрѣльскихъ №№ «*Economiste français*» мы находимъ нелишенный поучительности даже въ своей узкой односторонности этюдъ: «*Трудъ въ Парижѣ и новыя правительственныя начинанія*» (*Le travail à Paris et les mesures gouvernementales*). Но еще лучшимъ руководителемъ можетъ служить намъ Отенень д'Осонвиль (*Othenin d'Haussonville*), посвятившій очень добросовѣстное и довольно подробное изслѣдованіе условіямъ рабочей жизни и заработковъ въ Парижѣ вообще (*La vie et le travail à Paris*, въ *Revue des Deux Mondes*, 15 апр.).

Признаюсь, я питаю нѣкоторую слабость къ этому автору, имя котораго уже знакомо читателямъ «Дѣла», да и вообще читающей публикѣ, благодаря его превосходной книгѣ о положеніи дѣтей нищихъ классовъ населенія Парижа и Лондона (*L'Enfance à Paris*). Г. д'Осонвиль не блистаетъ ни глубиною, ни даже опредѣленностью и ясностью своихъ экономическихъ воззрѣній. Онъ, напротивъ, даже отличается нѣкоторымъ скептицизмомъ по отношенію ко всевозможнымъ *измамъ*, какъ радикальнымъ, такъ и консервативнымъ, отъ которыхъ онъ ожидаетъ, повидимому, одинаково мало добра. Его темпераменту противны всякія рѣшительныя средства, всякія рѣзкія и исключительныя формулы. Но этотъ тщедушный эклектизмъ искупается въ немъ чрезвычайно искреннею любовью къ предмету своихъ изслѣдованій, его обстоятельностью и добросовѣстностью въ связи съ рѣдкою въ подобныхъ случаяхъ безпристрастностью и простотою. Какъ терапевтъ, или какъ хирургъ, онъ не годится рѣшительно никуда, но зато онъ и не предлагаетъ никакихъ непогрѣшимыхъ формулъ и рецептовъ для излеченія общественныхъ недуговъ и язвъ. Онъ представляется намъ въ положеніи врача-диагноста, который не пощадитъ труда и вниманія на то, чтобы съ возможною тщательностью опредѣлить характеръ и степень болѣзни пациента. Убѣдившись, что дѣло несовѣмъ благополучно, онъ съ неспривторнымъ прискорбіемъ покачаетъ головой. «Предлагаютъ», скажетъ онъ, «такія-то и такія-то средства. Что-жъ! попробуйте; можетъ быть, нѣкоторыя и не повредятъ».

Приступающему къ обстоятельному изслѣдованію дѣйствительнаго положенія рабочихъ классовъ во Франціи вообще и въ частности въ Парижѣ, приходится на каждомъ шагѣ удивляться, какъ много предлагается съ діаметрально противоположныхъ сторонъ огуловыхъ, крайне рѣшительныхъ и, повидимому, совершенно непогрѣшимыхъ средствъ къ исцѣленію язвы пауперизма и тѣсно связанныхъ съ ней преступленія и разврата, но какъ мало собрано статистическихъ и иныхъ конкретныхъ, неоспоримыхъ данныхъ, касательно самой сущности положенія вещей. Такимъ образомъ, случается, что, напримѣръ, очень извѣстный и почтенный демографъ, Бертильонъ младшій, или Рише (Richey, «*Etude sur le décroissement de la population en France*») съ замѣчательною роскошью статистическихъ таблицъ и цифръ убѣждаютъ насъ, что французской націи грозитъ совершенное и скорое вырожденіе и даже исчезновеніе съ лица земли, вслѣдствіе ея крайне ничтожной дѣторождаемости, соединенной къ тому-же съ очень большою смертностью дѣтей ранняго возраста, преимущественно въ южныхъ департаментахъ. И дѣйствительно, во Франціи на 1,000 брачныхъ паръ происходитъ всего только 175 рожденій, тогда какъ въ Германіи ихъ 275, въ Англии и въ Россіи и того больше. А между тѣмъ, въ то-же самое время, Морисъ Блокъ, редакторъ извѣстныхъ статистическимъ ежегодниковъ, съ цѣлымъ сонмомъ самыхъ чистокровныхъ наслѣдниковъ Жанъ-Баптиста Сэя и Фредерика Бастиа, съ неменьшимъ ужасомъ и съ неменьшею роскошью статистическихъ цифръ и таблицъ, вопіетъ о «скрытомъ кризисѣ» (crise latente), переживаемомъ Франціею въ наши дни, будто-бы въ силу ея чрезмѣрной перенаселенности, совершенно несоразмѣрной съ питательными средствами и съ капиталистическими ресурсами страны.

То-же самое и по вопросу задѣльной платы, еще непосредственнѣе касающемуся той страшной язвы пауперизма, противъ котораго ополчается теперь муниципальный совѣтъ и правительство. Съ одной стороны, самыми мрачными красками рисуется бѣдственное положеніе рабочаго населенія въ столицѣ и въ провинціи, въ деревняхъ и городахъ, вынужденнаго работать по цѣнамъ, почти неповысившимся за цѣлые полъ-столѣтія, въ то время, какъ жизнь непогрѣнно дорожаетъ изъ года въ годъ. Ссылаются на пресловутый «железный (или, точнѣе, мѣдный) законъ», впервые провозглашенный знаменитымъ Тюрго, потомъ блистательно развитый Мальтусомъ и Рикардо и еще блистательнѣе популяризованный Фердинадомъ Лассалемъ,—законъ, въ силу котораго будто-бы задѣльная плата, несмотря ни на какое государственное вмѣшательство, роковымъ и неудержимымъ образомъ должна

спускаться до минимума, крайне необходимаго для поддержанія самого нищенскаго существованія работника, въ особенности же если онъ обремененъ семьею. И тутъ-же рядомъ, во Франци, съ большимъ азартомъ, чѣмъ во всякой другой европейской странѣ, цѣлый рой солидныхъ ученыхъ, опытныхъ агрономовъ, заслуженныхъ государственныхъ людей, твердятъ на всѣ возможные лады, что «железный законъ» этотъ только фикція неблагонамѣренныхъ людей; что современный французскій рабочий горожанинъ просто баловень судьбы; что онъ съ жиру бѣсится и устраиваетъ стачки, несмотря на то, что задѣльная плата во Франци и теперь уже непомерно высока; что всякая правительственная поддержка рабочихъ притязаній грозила - бы окончательнымъ раззоромъ національной промышленности, которая и безъ того уже банкротится въ виду нѣмецкой и итальянской конкуренціи, основанной на низкой задѣльной платѣ въ этихъ двухъ сосѣднихъ странахъ.

Въ виду такого рода противорѣчій, безпристрастный діагнозъ ставится, конечно, въ необходимость пользоваться съ крайнею умѣренностью и осторожностью статистическимъ матеріаломъ, заимствованнымъ не изъ первыхъ рукъ. О. д'Осонвилъ такъ и дѣлаетъ, предпочитая значительно сѣзуть поле своихъ изслѣдній, чтобы обезпечить ихъ возможную достовѣрность. И онъ отправляется по булочнымъ и мелочнымъ лавкамъ рабочихъ кварталовъ Парижа, кропотливо собирая свѣдѣнія о цѣнахъ на съѣстные припасы на мѣстѣ. Онъ терпѣливо сопоставляетъ эти данныя съ тѣми, которыя ему удалось собрать за истекшія десятилѣтія по непосредственнымъ источникамъ. Онъ по мѣсяцамъ обѣдаетъ въ рабочихъ тавернахъ и ресторанахъ; онъ сопутствуетъ классическимъ парижскимъ трапичникамъ въ ихъ почтовыхъ экскурсіяхъ съ корзиною за плечами, съ крючкомъ и съ фонаремъ въ рукахъ...

Отчетъ объ его походахъ и изслѣдованіяхъ крайне поучителенъ, и я очень жадѣю, что могу только въ очень общихъ чертахъ передать читателю добытые имъ результаты, изъ которыхъ самъ авторъ не дѣлаетъ, однако-же, никакихъ окончательныхъ выводовъ. Въ итогѣ положеніе, по Осонвилю, въ Парижѣ оказывается таково:

Дѣторождаемость дѣйствительно въ Парижѣ состоитъ въ очень тѣсной связи съ нищетою, какъ это явствуетъ изъ нижеислѣдующихъ цифръ. Въ двухъ самыхъ нищенскихъ округахъ столицы — въ XIX (la Villette) и въ XIII (Gobelins) — на каждыя 10,000 душъ населенія приходится, въ первомъ 990, а во второмъ 957 дѣтей отъ 1 до 5 лѣтъ. Въ IX округѣ (Opéra), насе-

ленною тузами спекуляціи и биржи, дѣтей всего только 452, а въ аристократическомъ VIII округѣ (Champs Elysées) цифра дѣтей не доходитъ и до 400. Желая провѣрить это наблюденіе другимъ путемъ, авторъ выводитъ среднія цифры дѣторождаемости для отдѣльных округовъ Парижа и сопоставляетъ ихъ съ общею среднею для цѣлаго города, выражаемою числомъ 123 рожденій на 1,000 брачныхъ паръ. Оказывается, что въ двухъ вышепомянутыхъ аристократическихъ и олигархическихъ округахъ, средняя эта понижается до 86 (Орѣга) и даже до 73; тогда какъ въ плебейскомъ Бельвильскомъ (XX) округѣ, гдѣ Гамбетта потерпѣлъ известное фіаско, она повышается до 160; а въ XIX (Villette) даже нѣсколько превышаетъ эту послѣднюю цифру.

«Да точно» — заключаетъ авторъ — «въ Парижѣ богатство бесплодно, а плодовита голытьба!»

Не вдаваясь въ глубокомысленныя соображенія по поводу этого факта, замѣтимъ только, что, при опредѣленіи бюджета парижскаго работника, не слѣдуетъ терять изъ виду, что работникъ, слѣдовательно, въ значительномъ большинствѣ случаевъ, окажется не бездомнымъ скитальцемъ, а семьяниномъ, обремененнымъ семьею.

— Слишкомъ долго было-бы слѣдить за авторомъ въ его очень интересной и толково веденной попыткѣ установить тотъ минимумъ годовыхъ расходовъ на человѣка, ниже котораго стоитъ уже только одна безусловная нищета. Замѣтимъ мимоходомъ одинъ изъ довольно неожиданныхъ результатовъ этого изслѣдованія; а именно, что въ общемъ, жизнь въ Парижѣ не только не вздорожала за послѣдніе полвѣка, но даже нѣсколько подешевѣла. Въ особенности, упала цѣна муки со времени свободы ввоза; цѣна печенаго хлѣба, правда, не только не упала пропорціонально этому пониженію со времени отмены хлѣбной таксы, но даже нѣсколько поднялась, впрочемъ, незначительно; но въ то же самое время качество хлѣба улучшилось непропорціонально этому повышенію. Въ настоящее время, въ Парижѣ, невозможно уже отыскать образчиковъ того чернаго хлѣба, которымъ нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ здѣшніе рабочіе питались почти исключительно. Подешевѣло мясо и всѣ вообще привозные продукты; но значительно вздорожали всѣ продукты французской деревни: масло, сирь, яйца, лучшіе плоды и овощи, вывозимые въ значительномъ количествѣ въ Англію. Всего болѣе подешевѣла одежда; но самую обременительную статью рабочняго бюджета остается квартира, благодаря тому обстоятельству, что рабочій, не имѣющій своей мебели, которая служила-бы залогомъ квартирной платы, не можетъ нанимать комнату непосредственно отъ домовладѣльца; а посредники взимаютъ съ его убожества немощный барышъ.

Въ концѣ концовъ, вотъ тотъ минимальный бюджетъ, который выражаетъ собою годовую стоимость самаго умѣреннаго, но еще не нищенскаго существованія:

Квартира	150	франковъ.
Пища	750	»
Одежда	150	»
Разныя издержки	150	»

Итого 1200 франкъ. на 1 чел. въ годъ.

Предполагая, что на семейство, состоящее изъ мужа и жены и двухъ только дѣтей, бюджетъ этотъ долженъ быть по меньшей мѣрѣ удвоенъ, мы увидимъ, что рабочій, получающій неменьше 5 франковъ въ день, еле-еле можетъ свести концы съ концами и то въ такомъ только случаѣ, если жена его имѣетъ свои заработки на сторонѣ.

Контингентъ чернорабочаго населенія Парижа распредѣляется въ круглыхъ числахъ, нижеслѣдующимъ образомъ: 250,000 рабочихъ, мастеровыхъ и фабричныхъ, зарабатывающихъ среднимъ числомъ отъ 4 франковъ въ день и выше; 75,000 поденщиковъ, зарабатывающихъ отъ 3 до 4 франковъ въ день, и около 20,000 людей безъ опредѣленныхъ занятій, или вовсе нищенствующихъ, или-же зарабатывающихъ не мытьемъ такъ катаньемъ меньше 3 франковъ въ день. Д'Осонвиль почему-то считаетъ, что первая категория, представляющая собою около 74% цѣлаго рабочаго контингента французской столицы, должна быть признана, если и не вовсе благодеющею, то, по крайней мѣрѣ, обезпеченною отъ нищеты. Заключение это, однако, слишкомъ уже оптимистично и прямо противурѣчитъ имъ-же установленному минимальному бюджету расходовъ. Въ дѣйствительности оказывается, что только очень ничтожная группа изъ этой первой категории, состоящая изъ мебельщиковъ, ювелировъ, наборщиковъ, живописцевъ и нѣкоторыхъ другихъ, достигли за послѣдніе годы заработка отъ 8 до 12 франковъ въ день, дѣйствительно обезпечивающаго безбѣдную жизнь работника-семьянина. Причемъ самъ - же авторъ весьма основательно замѣчаетъ, что этихъ, блестящихъ сравнительно, результатовъ могли добиться только такіе работники, которые составляютъ тѣсно сплоченныя корпораціи; устроили-же они ихъ только съ тѣхъ поръ, какъ политическія условія Франціи позволили имъ организоваться и собираться, болѣе или менѣе свободно, въ установленныхъ закономъ границахъ, для дружнаго обсужденія и защиты своихъ интересовъ. Такъ-что, въ данномъ случаѣ, очень существенное улучшеніе судьбы цѣлага класса парижскихъ рабочихъ было достигнуто помимо какихъ-бы то ни было «железныхъ законовъ», однимъ только политическимъ улучшеніемъ ихъ судьбы.

Нѣкоторое повышеніе задѣльной платы обнаружилось и относительно другихъ группъ рабочихъ той-же категоріи, какъ наприм. каменщиковъ, плотниковъ и т. п., составляющихъ въ совокупности то, что называется *«gros métier»*. Эти рабочіе хоть и не составляютъ такихъ тѣсно сплоченныхъ корпорацій какъ тѣ, о которыхъ только-что было говорено, но тѣмъ не менѣе они своимъ привыкомъ къ работѣ и своею приноровленностью къ мѣстнымъ условіямъ нѣсколько ограждены отъ конкуренціи того бродячаго, пришлаго элемента, нѣмецкаго, итальянскаго, который ежегодно въ значительныхъ размѣрахъ стекается въ Парижъ. Получая среднимъ числомъ отъ 4 до 5 франковъ въ день, рабочіе этой группы—едва-ли не самой многочисленной—могутъ, точно, считаться обеспеченными, но подѣ условіемъ, чтобы въ ихъ работѣ не было слишкомъ продолжительныхъ перерывовъ. Притомъ-же, очевидно, что только очень немногіе избранные изъ этой обширнѣйшей рабочей группы, и то при нарочито благоприятныхъ условіяхъ, могутъ, не подвергаясь тяжелымъ лишеніямъ и испытаніямъ, позволить себѣ роскошь семьи.

Но и за всѣмъ тѣмъ остаются цѣлые 26% парижскаго рабочаго населенія, которые осуждены влечить самое печальное и совершенно уже необезпеченное существованіе, равняющееся тому «медленному умиранію», о которомъ говорилъ Фурье и которое такими за душу хватающими чертами обрисовалъ Прудонъ. Само собою разумѣется, что малѣйшей неблагоприятной случайности должно быть совершенно достаточно, чтобы перечислить многочисленныхъ и беспомощныхъ скитальцевъ этой обширной категоріи въ ту, грозно возрастающую *«армію зла»* (*l'armée du mal*), противъ которой палата готовится въ настоящую минуту свой законъ о рецидивистахъ, позволяющій ссылатъ въ Океанію всякаго, вторично приговариваемаго къ тюремному заключенію, хотя-бы и на непродолжительный срокъ.

IV.

Весьма понятно, что гуманная мѣра парижскаго муниципальнаго совѣта, готовая ссужать на долгіе сроки и за ничтожные проценты деньги на сооруженіе рабочничихъ домиковъ, которыхъ квартиранты становились-бы собственниками, выплачивая въ теченіи нѣкотораго времени въ видѣ квартирной платы отъ 250 до 600 франковъ въ годъ,—весьма понятно, говорю я, что мѣра эта не можетъ дать тѣхъ благодѣтельныхъ результатовъ, которые имѣются въ виду ея инициаторами. Печальное это предсказаніе мотивируется вполне достаточно уже однимъ тѣмъ соображеніемъ, что въ нормальномъ бюджетѣ парижскаго работника, установленномъ д'Осонвилемъ,

квартирная плата не может превышать 150 франковъ въ годъ, а мы видѣли уже, что и этотъ нормальный бюджетъ далеко не подѣ силу значительному большинству рабочаго населенія французской столицы.

Недолжно забывать, что, ниже той группы отверженцевъ, работники которой ни въ какомъ случаѣ не превышаютъ 3 франка въ день и которая уже 6 лѣтъ тому назадъ насчитывала свыше 15.000 душъ, стоитъ еще все женское рабочее население Парижа. Изъ прекрасныхъ работъ на эту тему г-жи де-Барро (M-me de-Barrau *«Le travail des femmes à Paris»*), г-жи Ришаръ (M-me Richart. *Le Choix d'un état*), а также и изъ изслѣдованій самого д'Осонви явствуется, что женщина, зарабатывающая честнымъ трудомъ въ Парижѣ отъ 5 до 6 франковъ въ день, должна считаться рѣдко счастливицею. Но такая непомерно высокая задѣльная плата встрѣчается здѣсь только въ двухъ ремеслахъ: въ типографскомъ, куда женщины стали допускаться очень недавно, и въ дѣланіи искусственныхъ цвѣтовъ. Но флеристка въ лучшемъ случаѣ можетъ рассчитывать на работу только въ теченіи 3, много 4 мѣсяцевъ въ году. Такимъ образомъ, счастливіе ихъ оказываются модистки, получающія всего отъ 2½ до 4 франковъ въ день, но за то и гнѣвщи отъ 2 до 3 мѣсяцевъ въ году *томажа*, т. е. перерыва въ работѣ. Большая часть женщинъ, снискивающихъ себѣ пропитаніе работою, пробиваются обыкновенно швейною работою, при чемъ плата ихъ никогда не повышается выше 2½ франковъ, но не рѣдко опускается до 75 и даже до 60 сантимовъ въ день. Тѣмъ не менѣе, и въ этомъ неблагоприятномъ ремеслѣ, работа обыкновенно прерывается по меньшей мѣрѣ на два лѣтніе мѣсяца, когда «весь Парижъ» прохладается въ горахъ Швейцаріи, охотится на медвѣдей въ Пиренеяхъ или созерцаетъ выставку продажныхъ женскихъ тѣлъ на морскомъ берегу.

Очень вѣроятно, что г-жа Барро нѣсколько увлекается, приписывая католическому духовеству—какъ извѣстно, совершенно монополизировавшему во Франціи дѣло общественной благотворительности въ своихъ рукахъ,—сознательное и систематическое пониженіе женской задѣльной платы тѣмъ, что всѣ женскіе монастыри, пріюты и т. п. учрежденія въ Парижѣ принимаютъ обыкновенно заказы или продаютъ свои руководлія частнымъ заказчикамъ и большимъ магазинамъ по баснословно дешевой цѣнѣ. Но сомнѣнію въ этомъ случаѣ можетъ подлежать только сознательность или преднамѣренность этого дѣйствія; такъ какъ самый фактъ безпощадной конкуренціи католическихъ пріютовъ вольнымъ работницамъ не составляетъ секрета ни для кого. А недавно, скандальная ссора и процессъ журнала *«Lanterne»* съ

«полицією нравовъ» обнаружили, что блюстители цѣломудрія парижскихъ бульваровъ не гнушаются, по примѣру святыхъ отцовъ и сестеръ милосердія, принимать, въ свою очередь, заказы на швейную работу отъ модныхъ магазиновъ, присвоивая себѣ плату, а работу предоставляя подвластнымъ имъ узницамъ тюрьмы *St. Lazare*.

Хотите еще спуститься ниже по лѣстницѣ парижской безпріятности и нищеты?

Вотъ маленькая картинка, которую я заимствую изъ только что вышедшей книги извѣстнаго воздухоплователя и фотографа Надара причудливой, но согрѣтой неподдѣльнымъ гуманнымъ чувствомъ, какъ и всѣ произведенія этого писателя:

«На мосту, называемомъ мостомъ Согласія, несмотря на то, что онъ ведетъ къ палатѣ депутатовъ, у второй арки направо, если идти изъ Латинскаго квартала, годами неподвижно сидитъ слѣпой старикъ. У него нѣтъ собаки, но, когда я ни прохожу, я вижу маленькое существо; мальчикъ лѣтъ восьми, безъ шапки, въ рубищѣ, въ холодъ и въ дождь, въ вѣтеръ и зной, жметъ къ старику съ безотвѣтностью дрессированной собачки.

«Онъ собираетъ поданіе; въ этомъ его жизнь. Школы онъ не видалъ никогда; работы онъ не знаетъ, какъ не знаетъ игры, не знаетъ мысли. Въ нѣмомъ оупѣнніи, съ животное-глупымъ видомъ смотреть онъ на мимо проѣзжающіе экипажи толпы, которая казнить его въ самоубійственномъ равнодушіи медленною смертью, бросая скудные подачки въ его тарелочку, для этого онъ и навѣять старикомъ... И если, думается мнѣ, какимъ-нибудь чудомъ, въ этомъ изношенномъ тѣлѣ, въ этой пригнѣвленной душѣ, зашевелится мысль, — какой капиталъ ненависти къ этой толпѣ накопится въ немъ изъ важдаго изъ тѣхъ грошей, на собраніе которыхъ для его патрона утрачено сполна все неизвѣстно кѣмъ и для кого данное ему существованіе...»

Оставляя печальную прозу дѣйствительности, спѣшимъ окунуться въ живительное море поэзіи, которое, кстаті, обогатилось новымъ, надѣлавшимъ немало шуму произведеніемъ: — *«les Nerveuses, par Maurice Rollinat»*. Но увы! освѣжительнаго въ подобныхъ волнахъ, какъ и по заглавію можно было ожидать, оказывается очень мало. Крошечный талантикъ поэта, обнаруженный имъ въ сборникѣ мелкихъ лирическихъ стихотвореній, *«Dans les Brandes»*, вышедшимъ лѣтъ пять тому назадъ, не только не возмужалъ и не оверѣпъ, но, напротивъ, очень примѣтно зачахъ и отошалъ въ своей первоначальной болѣзненности. Уже и въ прежнихъ его произведеніяхъ, въ которыхъ любители цѣнили нѣкоторую жи-

вость чутья красота скромной средне-французской природы и искусство автора поддѣлываться подъ безхитростныя формы отживающей лирики беррійскихъ крестьянъ, г. Раллина обнаруживаетъ нѣкоторое художество и нервозность, смущавшія его немногочисленныхъ литературныхъ друзей и поклонниковъ. Съ тѣхъ поръ онъ успѣлъ сдѣлать очень рѣшительный шагъ впередъ—по дорогѣ къ психіатрической лечебницѣ доктора Шарво, которому модныя беллетристы такъ любятъ посвящать теперь продукты своего пера. *«An und für sich»*, какъ выражаются нѣмцы, *«Нервозы»* г. Раллина очень мало заслуживаютъ вниманія, и я вовсе не сталъ-бы говорить, если-бы появленіе этой книжонки не составляло того, что въ журнальномъ мірѣ называется «событіемъ»; если-бы по поводу стиховъ и имени Мориса Раллина не былъ поднятъ нѣкоторый шумъ, совершенно необъяснимый ни размѣромъ таланта, ни шириною умственного и нравственного горизонта автора.

Дѣло оказывается въ томъ, что г. Раллина задумалъ въ области французской поэзіи произвести точно такой-же переворотъ, который г. Эмиль Золя съ небольшимъ хвостомъ, болѣе или менѣе даровитыхъ, своихъ послѣдователей осуществляетъ въ области романа. Друзья поэта, быть можетъ, при этомъ его намѣреніи, припомнили басню о лягушкѣ, на лугу увидѣвшей вола, но не продекларировали басни, шая его болѣзненную впечатлительность. За то противники подобныхъ литературныхъ нововведеній, т. е. вся академическая критика, приняли нервную хвастливость молодого поэта за серьезную угрозу противъ дѣвственности дорогихъ ихъ сердцу спиритуалистическихъ доктринъ и наинулись на *«Нервозы»* Мориса Раллина съ ожесточеніемъ, лучше всякихъ рекламъ обратившимъ на него вниманіе бульварной публики.

Попробуйте привлечь къ себѣ вниманіе вѣчно куда-то торопящейся толпы, обратившись къ ней съ глубоко обдуманною и прочувствованною задушевною рѣчью. Всѣ вѣроятія за то, что она даже не разслышитъ васъ и пройдетъ мимо. А между тѣмъ, стоитъ только выбѣжать на многолюдную площадь, въ неприличномъ костюмѣ, расписавши себѣ физиономію яркими красками и во все горло закричать пѣтухомъ—изъ этого навѣрное произойдетъ скандалъ; а скандалъ, по настоящему времени, представляется самою вѣрною дорогою къ извѣстности. При всей своей нервозности, г. Раллинъ принадлежитъ, очевидно, къ разряду тѣхъ натуръ, которымъ извѣстность нужна пуще хлѣба насущнаго, хотя-бы то была извѣстность двуголовнаго теленка, выставленнаго въ масляничномъ балаганѣ или двухъ шведскихъ сестеръ, сросшихся между собою сдѣлашками. Для того только и ходитъ онъ, съ щепетильностью старой дѣвы, свою нервозность, чтобы выработать изъ себя психіатриче-

скій феноменъ, или, какъ это называется по эстетической теоріи г. Золя, «исключительный и колоритный темпераментъ». Романтическіе поэты воспѣваютъ ласточку и соловья; г. Радина стареть прославлять въ своихъ стихахъ жабу, ящерицу и змѣю.

Они упиваются ароматомъ фіалокъ и розъ; этого совершенно достаточно для того, чтобы онъ находилъ сладострастное упоеніе въ испареніяхъ навоза и сыра. Они порываются мечтою въ яркую лазурь безоблачныхъ небесъ; въ пику имъ, его поэтическое вдохновеніе будетъ дни и ночи проводить въ зловонномъ мравѣ парижскихъ клоакахъ и въ домахъ терпимости. Они взываютъ о райскихъ гурияхъ, одаренныхъ уму неосуществимой роскошью и упругостью округлыхъ формъ,—онъ будетъ точно также вздыхать о «любовницѣ-скелетѣ» (Mademoiselle squelette) и будетъ порываться обратить окружающую мѣстность въ кладбище:

Pour jardin je voudrais deux ou trois cimetières,

на которомъ авторъ будетъ прогуливаться въ интересномъ сообществѣ тѣни Тропмана и еще какого-то неумершаго, но едва-ли когда-нибудь существовавшаго палача-мономана. Поэты-романтики выражались изящнымъ, изысканнымъ языкомъ; г. Радина тщательно подбираетъ площадныя выраженія, незаконныя академическими словарями, въ перемежку съ жаргономъ анатомическаго театра и химической лабораторіи. И т. д. безъ конца. Дальше такого прямого и несложнаго противорѣчія всѣмъ установленнымъ литературнымъ приличіямъ его новаторство не видитъ ничего. И этого, одного, оказывается достаточно для достиженія главной цѣли, т. е. для обращенія на себя эфемернаго вниманія публики,—Что-жь?—и слава Богу, тѣмъ болѣе, что и самая «нервозность» поэта въ концѣ концовъ представляется мнѣ слишкомъ дѣланною, напускною, а слѣдовательно и немогущею внушать серьезныхъ опасеній на счетъ драгоценнаго здоровья. Перелистывая его книжку, въ самыхъ эффектныхъ ея мѣстахъ, поневолѣ говоришь себѣ: да вѣдь это онъ только передъ публикою такъ ломается, а въ дѣйствительности и самъ г. Радина, должно быть, какъ и простые смертные, предпочитаетъ запахъ розы запаху отхожихъ мѣсть и не въ объятіяхъ «дѣвицъ-скелетовъ» внушаетъ чувственныя удовольствія.

Впрочемъ, можетъ быть, я и ошибаюсь; можетъ быть, «Нервозн» автора и ненапускные, и самъ онъ, точно, представляетъ интересное съ психіатрической точки зрѣнія извращеніе человѣческихъ инстинктовъ. Тѣмъ хуже для него, но что общаго можетъ быть между такимъ патологическимъ явленіемъ и какими-бы то ни было литературными направленіями? Почему официальная фран-

цузская критика такъ усердно пользуется каждою подобною попыткою поэтическаго и литературнаго новшества для того, чтобы обрушить свои громы на натурализмъ и реализмъ? Да и точно-ли это новаторство такъ ново, какъ воображаютъ себѣ его столпники и подвижники, которые, на мой взглядъ, просто возрождаютъ еობою въ каррикатурномъ видѣ героевъ хорошо уже намъ извѣстнаго прошлаго времени: — тридцатыхъ годовъ, золотаго вѣка художественной богемы?

Всѣ эти вопросы мнѣ приходилось поднимать на страницахъ «Дѣла» по поводу рыжеволосой «Нана» Эмиля Золя. Но дѣло въ томъ, что между авторомъ Рюгонъ-Макаровъ и поэтомъ «Первозъ» существуетъ очень капитальное различіе: Золя — крупный беллетристическій талантъ и, наперекоръ одолевшающей его пріаписческой маніи, наперекоръ тому хаосу, который онъ, изъ тенденціозныхъ видовъ, съ любовью насаждаетъ въ собственныхъ своихъ и читательскихъ мозгахъ, въ лучшихъ его произведеніяхъ широко струею бьетъ живая волна. Онъ нерѣдко творитъ тѣмъ удачнѣе, чѣмъ меньше вѣдаетъ что творить. — У г. Роллина манія гробкопательская, но за то и темпераментъ тщедушный, больничный, да вдобавокъ, онъ еще и щеголяетъ этою своею больничностью, такъ что рѣшительно не остается надежды, что-бы онъ, хотя-бы ненарокомъ, обмолвился чѣмъ-нибудь свѣжимъ, мощнымъ, живымъ. Но онъ имѣетъ то неопѣненное преимущество, что, имѣя дѣло съ нимъ, намъ и въ голову не придетъ отнести на счетъ новѣйшаго французскаго натурализма тѣ, чисто реалистическія достоинства, которыми блещутъ лучшія произведенія Золя или Гюе де-Мопасанна.

Принимая во вниманіе исторію ихъ возникновенія, мы должны признать, что новаторы разбираемаго направленія имѣли неотъемлемое право написать на своемъ знамени значительно уже изношенное слово: *натурализмъ*. Ихъ руководящій принципъ состоитъ въ отрицаніи всѣхъ академическихъ и другихъ придуманныхъ словъ, способныхъ стѣснять свободу художественной *натуры* или, по ихъ любимому выраженію, «колоритнаго темперамента» писателя. Стремленіе вполнѣ законное; но зачѣмъ-же врываться со взломомъ въ давно уже развалившуюся дверь? Зачѣмъ возрождать, напуская на себя видъ непризнанныхъ героевъ, литературную борьбу, выигранную уже около полу-вѣка тому назадъ въ пользу художественной свободы такими атлетами, какъ Викторъ Гюго, Альфредъ Мюссэ, Жоржъ Зандъ и сотнями, если не тысячами другихъ?

Правда, выигранная борьба эта велась въ свое время подъ знаменемъ того самаго романтизма, котораго ожесточенными про-

твѣнкамъ являютя новѣйшіе романисты медонскаго лагеря и посядъ въ родѣ Родина. Говоря другими словами, отстояли свободу художественнаго творчества такіе дѣятели, которые еще сами не доразвѣлись до реалистическаго отношенія къ искусству и къ жизни. Но въдѣ и тотъ міръ могильныхъ видѣній, пресмыкающихся позвоночныхъ, дѣвицъ-скелетовъ и монаховъ-палачей, въ которомъ коротаетъ свой вѣкъ чахлая муза «Нервозъ», стоитъ ни навалось не ближе къ живому реальному міру, чѣмъ міръ Трибуль и Риш-Блазовъ, героевъ *Мизераблей* или героевъ Мюссе и т. д. Ненависть всякихъ Морисовъ Родина къ только-что помянутымъ героямъ прошлаго времени рѣшительно не имѣетъ въ себѣ никакого принципиальнаго или теоретическаго основанія; но оно легко объясняется истинтвивою завистью темпераментовъ безсильныхъ въ своемъ тщедушномъ напряженіи къ болѣе сильнымъ и счастливымъ своимъ предшественникамъ, отнявшимъ у нихъ болѣзненнаго топорданія и кривланія даже значеніе литературнаго новшества.

«Пошлая» толпа, *vulgar profanum*, къ которой герои французскаго натурализма относятся съ чисто романтическимъ презрѣніемъ, по необходимости исключаящимъ всякій сознательный реализмъ, очень хорошо чувствуетъ разницу. Она готова на мигъ остановить свое вниманіе на «Нервозакъ» и т. п. продуктахъ тенденціознаго гаерства; но замѣчательно, что именно въ настоящее время, въ Парижѣ, поклоненіе литературнымъ героямъ недавно прошлаго времени разгорается въ какое-то подобострастное обожаніе, въ фетишистскій культъ. Нашимъ читателямъ извѣстны оваціи, устраиваемыя парижскою публикою, при каждомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ, Виктору Гюго, единственному живому представителю «стаи славной». Недавно вышедшее изданіе его драмы «*Le roi s'amuse*», украшенное рисункомъ самого автора и продающееся по баснословной цѣнѣ двухсотъ франковъ за экземпляръ, раскуплено уже на расхватъ. Александру Дюма воздвигается роскошный памятникъ на деньги, собранныя по подпискѣ. Аукціонная распродажа автографовъ и ничтожныхъ рисунковъ Альфреда Мюссе дала до 20,000 франковъ.

Очевидно, въ связи съ этимъ настроеніемъ публики находится та манія всякаго рода мемуаровъ, переписокъ великихъ людей и записокъ о великихъ людяхъ, которая, за послѣднее время, свирѣпствуетъ не въ одной только Франціи, но отражается и на Германіи (гдѣ, слава Богу, окончились печатаніемъ *Мемуары* князя Меттерниха, составившіе семь толстыхъ томовъ, къ которымъ, однако, долженъ еще прибавиться восьмой, съ политическимъ завѣщаніемъ пресловутаго дипломата); а также и на солидной

Англи, гдѣ недавно появились два увѣсистые тома переписки Томаса Карлейля, съ его американскимъ поклонникомъ Эммерсономъ, а вскорѣ, вслѣдъ затѣмъ, вышли въ свѣтъ три еще болѣе увѣсистыхъ тома совершенно уже интимныхъ писемъ несчастной жены Карлейля, поплатившейся своимъ разсудкомъ, а вскорѣ и жизнью, за честь быть Семелою этого литературнаго громовѣрца, который, въ частной, какъ и въ общественной жизни, своимъ безграничнымъ самообожаніемъ подавлялъ или отталкивалъ отъ себя тѣхъ, кого привлекалъ къ нему его крупный художественный талантъ, въ соединеніи съ болѣе, впрочемъ, формальною, чѣмъ существенною оригинальностью мысли. Замѣчательно, что письма такого маленькаго и ничѣмъ не выдающагося чловѣка, какимъ была г-жа Карлейль, читаются съ гораздо большимъ интересомъ и трогаютъ насъ гораздо больше, чѣмъ претенціозное брюжжаніе самого автора «*Sartor resartus*» и «Исторія французской революціи», или чѣмъ умильное захаживаніе вокругъ него его добродушно-мечтательнаго заатлантическаго корреспондента Эммерсона. Перелистывая письма Карлейля, легко понимаешь то чувство, которое внушали его женѣ подобныя, напр., признанія: «Боже мой! существуютъ-же люди на свѣтѣ, которымъ обо всемъ есть время подумать, даже о безсмертіи души, а я о томъ только и думаю, чтобы миновать Бедламъ!»

Но и этой заповѣдной мысли несуждено было осуществиться; жена писателя, къ которому, вѣроятно, я долженъ буду еще вернуться въ одномъ изъ слѣдующихъ обзорѣній, такъ и покончила свои дни въ сумасшедшемъ домѣ.

Л. М.

НОВЫЯ КНИГИ.

Страница изъ исторіи судебной реформы. *Д. Н. Замятинъ*. Гр. Джаншіева. Москва. 1883.

«Если законодательныя предположенія вѣрны, то они и благовременны. Трудно думать, чтобы люди гдѣ-либо и когда-либо были приготовлены къ дурному и не зрѣлы для хорошаго».

(Соображен. Государств. Канцеляріи).

Г. Джаншіевъ развѣртываетъ передъ читателемъ одну изъ интереснѣйшихъ страницъ изъ нашего недавняго прошлаго, того свѣтлаго прошлаго, которое извѣстно подъ именемъ 60-хъ годовъ... «Теперь, черезъ 20 лѣтъ, или, вѣрнѣе сказать, именно теперь, говоритъ Г. Джаншіевъ, нельзя безъ удивленія вспомнить о классическомъ трудѣ составителей «Судебныхъ Уставовъ». Теперь, когда давно уже назрѣвшія реформы какихъ-нибудь опекунскихъ учрежденій, коммерческихъ судовъ напрасно ждутъ не дождутся очереди въ теченіи 20 лѣтъ, колоссальный трудъ людей 60-хъ годовъ, блистательно, такъ-сказать съ одного размаха, разрѣшившихъ сложную задачу, кажется чѣмъ-то легендарнымъ». И дѣйствительно, въ гениальномъ творествѣ первыхъ годовъ [эпохи реформъ есть что-то легендарное и сказочное: въ октябрѣ 1861 г. было повелѣно выработать «Основныя положенія» судебной реформы, 29-го сентября 1862 г. они были уже утверждены, тогда-же образована при государственной канцеляріи коммиссія для составленія проектовъ судоустройства и судопроизводства, черезъ годъ проекты внесены въ государственный совѣтъ и уже 20-го Ноября 1864 г., т. е. меньше чѣмъ послѣ трехлѣтней работы «Судебные уставы», этотъ замѣчательнѣйшій юридическій памятникъ нашего времени, составляющій эпоху въ общественномъ развитіи Россіи, были уже утверждены законодательнымъ порядкомъ и обнародованы. Прежде, чѣмъ «Основныя положенія» были

«Дѣло», № 5, 1883 г. II.

разработаны, комиссія обратилась къ судебнымъ и административнымъ дѣателямъ, и профессорамъ, и черезъ періодическія изданія ко всѣмъ лицамъ, интересующимся судебною реформою, съ просьбой оказать содѣйствіе своими замѣчаніями. На приглашеніе комисіи откликнулось 448 лицъ, замѣчанія которыхъ составили шесть томовъ in folio. Это былъ первый опытъ обращенія къ обществу за содѣйствіемъ и на сколько общество оцѣнило искренность этого обращенія, насколько оно уже было готово явиться съ своими указаніями и располагало достаточными силами для участія въ законодательныхъ трудахъ, показали тѣ четыре съ половиною сотни записокъ, которыми оно отвѣтило на призывъ. И это было ровно двадцать лѣтъ назадъ! «Откуда-же взялись эти гигантскія силы, спрашиваетъ Г. Джаншиевъ, и какъ создалось то взаимное довѣріе и благотворное взаимодействие правящихъ сферъ и «оторвавшагося отъ народа» интеллигентнаго общества, которыя донинѣ съ любовью припоминаются друзьями прогресса?» И въ отвѣтъ авторъ приводитъ слѣдующія слова историка Соловьева. «Настоящее правительство не задерживаетъ свой народъ, не видитъ настоящаго народа только въ неподвижной массѣ; оно вызываетъ изъ массы лучшія силы и употребляетъ ихъ на благо народа; оно не боится этихъ силъ, оно въ тѣсномъ союзѣ съ ними. Чтобы не бояться ничего, правительство должно быть либерально и сильно. Оно должно быть либерально, чтобы поддерживать и развивать въ народѣ жизненныя силы, постоянно кропить его живою водою, не допускать въ немъ застоя, слѣдовательно—гниенія, ни задерживать его въ состояніи младенчества, нравственнаго безсилія, которое въ минуту искушеній дѣлаетъ его неспособнымъ отразить ударъ, встрѣтить твердо и спокойно, какъ прилично мужамъ, всякое движеніе, всякую новизну, критически относиться къ каждому явленію; народу нужно либерально-широкое воспитаніе, чтобы ему не колебаться, не маяситься при первомъ порывѣ вѣтра, не дурачиться и не бить стекло, какъ дѣти, которыхъ долго держали въ заперти и вдругъ выпустили на свободу».

Лучшимъ подтвержденіемъ этой мысли служить дальнѣйшая судьба судебной реформы и дѣятельность Замятина. Замятинъ по своимъ способностямъ не выдавался изъ ряда; онъ былъ не болѣе какъ честный исполнитель, замѣчательный работникъ и хороший, добрый, справедливый человекъ. Такіе именно люди и требовались для проведенія реформъ; реформаціонное творчество отъ нихъ не требовалось, для него вызывались другія силы; но разъ реформа являлась въ своемъ законченномъ видѣ, воплощенная въ законѣ, для выполненія и охраненія его требовались чистыя и честныя руки — этими-то чистыми руками относительно

судебной реформы и явился Замятинъ. Правительство реформаціонной эпохи съ необыкновеннымъ искусствомъ и проникательностію умѣло выбирать нужныя ему силы и выборъ лицъ всегда служилъ указаніемъ на политику, которой оно слѣдовало въ данную минуту.

До Замятина управлялъ министерствомъ юстиціи графъ Панинъ. Онъ былъ истиннымъ олицетвореніемъ того формализма, который изображалъ собою старый формальный судъ. Такой представитель для новаго суда былъ не удобенъ и постъ министра юстиціи былъ ввѣренъ Замятину. Все, что сдѣлано для укрѣпленія новыхъ судовъ и для возбужденія искренняго сочувствія, которымъ судебныя уставы были встрѣчены обществомъ и народомъ—было сдѣлано Замятинимъ. Только теперь русскій человѣкъ узналъ впервые, что онъ не безправный объектъ, а гражданская личность, обладающая правами; право-же творить судъ по совѣсти, предоставленное присяжнымъ, и приговоръ ихъ, передъ которымъ склоняли съ уваженіемъ голову не только подсудимые, но и представители обвинительной власти и самъ судъ—это было апогеемъ гражданского достоинства до новаго суда совершенно поправаго и ни жизни, ни закону неизвѣстнаго. Все это было понято и народомъ и обществомъ, видѣвшимъ въ присяжномъ судѣ не только гарантію личной справедливости, но и справедливости общественной, которая должна была проникнуть въ сферы русской жизни сверху до низу.

Скоро однако обнаружилось, что такой широкой взглядъ на государственно-общественное значеніе суда нѣсколько преждевремененъ. Многіе изъ независимыхъ судебныхъ приговоровъ дали поводъ къ обвиненію новыхъ судовъ въ вредномъ—либеральномъ и даже «революціонномъ» направленіи (было употреблено именно это слово) и тогда же возникъ проэктъ—соединить званія главноуправляющаго II отдѣленіемъ и министра юстиціи Противники реформы разсчитывали, что Замятинъ не возьмется за эти двѣ трудныя должности—и расчетъ оказался вполне вѣрнымъ. Ровно черезъ годъ послѣ открытія судебныхъ учреждений, Замятинъ оставилъ министерство. Постъ министра юстиціи былъ ввѣренъ теперь графу Палену, бывшему вице-директоромъ департамента полиціи исполнительной.

Въ 1878 г. гр. Паленъ внесъ въ государственный совѣтъ рядъ проэктвъ, имѣвшихъ цѣлью почти полное упраздненіе суда присяжныхъ, уничтоженіе независимости присяжной адвокатуры и проч. «Замятинъ, всегда спокойный, рассказываетъ г. Джаншиевъ, на этотъ разъ сильно волновался передъ засѣданіемъ государственнаго совѣта, чуя, какой опасности подвергаются краеуголь-

ные камни новаго суда. При содѣйствіи опытныхъ судебныхъ дѣятелей, была составлена Замятиннымъ обстоятельная записка, направленная противъ проектовъ графа Палена — и возваніе ветерана судебной реформы не осталось гласомъ вопіющимъ въ пустынь. Изъ проектовъ графа Палена былъ принятъ одинъ — о частичномъ измѣненіи подсудности суда присяжныхъ, ставшій извѣстнымъ подъ именемъ «Закона 9-го Мая» и недавно отмѣненный въ значительной части. Это было послѣднимъ дѣломъ Замятина, его лебединой пѣснью: въ 1881 году Замятинъ умеръ.

Не говоря уже про всю эпоху преобразованій, но даже и для отдѣльныхъ моментовъ ея у насъ еще не явилось историковъ. Крестьянская реформа была счастливѣе судебной: для ея исторіи были собраны и напечатаны довольно цѣнные матеріалы. Но матеріалы для исторіи судебной реформы пока находятся у частныхъ лицъ и еще недоступны для публики. Въ виду этого отдѣльные монографіи, въ родѣ предлагаемой г. Джаншиевымъ, имѣютъ безусловное право на вниманіе и благодарность общества не столько по правдивости и честности содержанія, сколько потому, что устанавливаютъ между 60-ми и 80-ми годами идейную связь и знакомятъ дѣйствующее поколѣніе съ идеалами, легшими въ основу реформъ.

Дѣятельность женщинъ. И. П. Лазаревича. Харьковъ. 1883.

Странное и очень неясное впечатлѣніе производитъ книга г. Лазаревича. Это какая-то энциклопедія обрывковъ мыслей, афоризмовъ, мудрыхъ изрѣченій и нравственныхъ сентенцій, иногда безъ всякой логической связи, а нерѣдко и вовсе не идущихъ къ дѣлу, но очевидно очень дорогихъ автору, какъ плодъ его житейской опытности, съ которымъ ему очень хотѣлось-бы познакомить своихъ соотечественниковъ. Что полезнаго извлечь изъ плодовъ житейской опытности г. Лазаревича его соотечественники, — сказать довольно трудно. Несомнѣнно только то, что мужчины изъ книги г. Лазаревича не узнаютъ ничего новаго, а женщины останутся ею очень недовольны. Г. Лазаревичъ относится къ женщинамъ съ великодушнымъ, мягкимъ и гуманнымъ вѣсокомѣріемъ и отводитъ имъ въ природѣ подчиненное, второе мѣсто, частію потому, что они и физически и умственно слабѣе мужчинъ, а частію потому, что они ниже ихъ по воспитанію и по развитію. Поэтому г. Лазаревичъ весьма щедро раздаетъ женщинамъ мѣста, гдѣ требуется аккуратность, исполнительность, честность, чистоплотность и вѣжливость, напр., на почтѣ, въ телеграфахъ, въ конторахъ нота-

риусовъ, но чуть женщины заявляютъ претензію на такое положеніе, гдѣ первенство можетъ перейти отъ мужчинъ къ женщинамъ, г. Лазаревичъ очень гуманно и мягко, но твердо и безповоротно запираетъ у нихъ передъ носомъ двери. Даже въ практической медицинѣ г. Лазаревичъ совѣтуетъ женщинамъ заняться леченіемъ глазъ, ушей, носовъ, зубовъ, волосъ, дѣтскими и женскими болѣзнями и акушерствомъ, и не простираетъ своихъ претензій до медицинской полноправности. Относительно участія женщинъ «въ рѣшеніи болѣе важныхъ общественныхъ вопросовъ» г. Лазаревичъ такъ же строгъ и непреклоненъ; но зато онъ охотно предоставляетъ женщинамъ второстепенныя дѣла. «Въ дѣлахъ, касающихся *благоустройства городовъ*, участіе женщинъ несомнѣнно принесло-бы ощутительную пользу, говорить г. Лазаревичъ: оно бы содѣйствовало развитію у горожанъ сознанія, что относительно улицъ, городскихъ площадей, базаровъ, скверовъ, садовъ и общественныхъ зданій никогда не слѣдуетъ упускать изъ вида цѣлесообразность, удобство и благообразіе. Досчатые тротуары, по которымъ нельзя ходить безъ опасенія сломать шею, торчащіе возлѣ нихъ и неимѣющіе никакого разумнаго назначенія деревянные столбики, и самые безобразнѣйшіе деревянные заборы — наконецъ исчезли-бы изъ нашихъ провинціальныхъ городовъ и этимъ не только избавили-бы ихъ отъ неряшества, но въ то-же время, существеннымъ образомъ послужили-бы къ сбереженію нашихъ, быстро оскудѣвающихъ лѣсовъ. Благодаря разумнымъ требованіямъ женщинъ, въ нашихъ городахъ явились - бы дѣйствительно удобныя и прочныя—каковы, на примѣръ, асфальтовыя—мостовыя, при которыхъ ничтоженъ ремонтъ, достижима опрятность и осуществляется возможность ѣзды безъ шума и грохота, безъ мучительной тряски, безъ удушающей, зловредной пыли и съ выгодой для лошадей и экипажей. При участіи женщинъ въ дѣлахъ городской думы, это учрежденіе, надо полагать, не оставило-бы жителей въ въ безнадежномъ состояніи относительно удовлетворенія самыхъ существенныхъ и справедливыхъ требованій» (стр. 69—70). Ну вотъ и слава Богу, что для женщинъ нашлось наконецъ мѣсто. И какъ просто, можно сказать, даже гениально, разрѣшилъ г. Лазаревичъ вопросъ о благоустройствѣ городовъ! Стоитъ только женщинамъ сдѣлаться гласными и поступить въ городскія думы и повсюду исчезнуть безобразныя заборы и деревянные столбики «неимѣющіе никакого разумнаго назначенія», явятся асфальтовыя мостовыя, а съ ними возможность ѣзды «съ выгодой для лошадей и экипажей». Мы-бы совѣтывали женщинамъ не пренебрегать предложеніемъ г. Лазаревича и занять поскорѣе мѣста въ городскихъ думахъ; если онѣ счумѣютъ оправдать ожиданія г. Лазаревича и

устроить вездѣ асфальтовья мостовья, то безъ сомнѣнія онъ допустить ихъ и до «рѣшенія болѣе важныхъ общественныхъ вопросовъ».

Н. Страховъ. Борьба съ Западомъ въ нашей литературѣ.

Историческіе и критическіе очерки. Книжка вторая. Спб. 1883 г.

Около года тому назадъ мы посвятили первой книжкѣ «Борьбы съ Западомъ» г. Страхова цѣлую статью, въ которой старались отнести къ автору если не уважительно—это было совершенно невозможно для насъ — то всетаки внимательно и серьезно. Г. Страховъ представлялся намъ писателемъ вѣдлымъ и скучнымъ, мыслителемъ слабымъ и темнымъ, но несомнѣнно искреннимъ и прямодушнымъ, для котораго интересы истины дороже и выше всего. Г. Страховъ являлся—такъ въ то время казалось намъ—убѣжденнымъ защитникомъ тѣхъ идей и тенденцій, которыя господствовали тогда (какъ и теперь, впрочемъ, если судить по внѣшнимъ признакамъ) въ нашей журналистикѣ, но господствовали какъ-то случайно, не по праву, не въ силу своей внутренней убѣдительности, а благодаря совершенно побочнымъ обстоятельствамъ. Это господство сильно смахивало на самую грубую узурпацію и намъ пріятно было встрѣтить человѣка, который старался придать этой узурпаціи нѣкоторую санкцію, теоретическое оправданіе. Единомышленники г. Страхова только фразерствовали и декламаторствовали, тогда какъ онъ старался доказать и убѣдить. Это чрезвычайно выгодно выдѣляло его изъ толпы ливующихъ и праздно болтающихъ журнальныхъ пустослововъ и вотъ почему мы находили, что съ мнѣніями г. Страхова и нужно и стоитъ посчитаться.

Теперь мы должны откровенно признаться въ своей грубой ошибкѣ. Съ г. Страховымъ невозможно спорить, какъ и съ г. Сувориннымъ, его столь-же бесполезно опровергать какъ и любого изъ современныхъ рыцарей мутной воды. Наивность г. Страхова такъ при немъ и остается, но его искренность мы въ правѣ заподозрить. Неразуміе человѣка можетъ служить для него нравственнымъ оправданіемъ только въ извѣстныхъ границахъ, до извѣстной степени. Если человѣкъ съ горячностью доказываетъ, что *такъ какъ* въ огородѣ растеть лебеда, *то* у васъ въ Кіевѣ имѣется дядя, и при этомъ шипитъ и злобствуетъ противъ тѣхъ, кто отказывается понимать подобную логику—такой человѣкъ ругаетъ не во имя истины, а ради какихъ-то побочныхъ цѣлей. Спорить съ нимъ бесполезно. Относиться къ нему съ тою серьезностью и

прямотоу, какой заслуживаетъ всякое честное и искреннее, хотя-бы то и ошибочное мнѣніе, значить оказывать ему совершенно незаслуженную честь.

Приведемъ примѣръ. Разсматривая «ходъ нашей литературы» и перечисляя безчисленные провинности нашей либеральной журналистики, г. Страховъ говорить.

«Лозунгъ къ отрицанію истиннаго достоинства искусства далъ одинъ изъ нашихъ поэтовъ, Некрасовъ. Еще въ 1856 году онъ написалъ стихотвореніе *Поэтъ и Гражданинъ*, въ которомъ гражданинъ говорить поэту:

Съ твоимъ талантомъ стыдно спать;
 Еще стыднѣе въ годину горя
 Красу долины, небесъ и моря
 И ласки милой воспевать..

«И такъ два предмета самымъ прямымъ и настоятельнымъ образомъ запрещаются поэзіи: *краса долины, небесъ и моря*, т. е. природа, и *ласки милой*, то есть любовь. Спрашивается, почему же эти предметы вредны? Некрасовскій гражданинъ увѣряетъ, что непомѣрно *стыдно* думать о нихъ въ *годину горя*. Но развѣ можно куда-нибудь убѣжать отъ природы и любви? Развѣ это зависитъ отъ человѣческаго произвола?

«И чему-же могутъ мѣшать природа и любовь? Не составляютъ-ли онѣ нашей лучшей радости, не увѣриваютъ-ли онѣ насъ въ минуты величайшаго горя? Насъ увѣряютъ, что взглянуть на небо и подумать о любимомъ существѣ бываетъ иногда стыдно; да это не стыдно не только въ годину горя, а и въ минуту самой смерти.

«Посмотрите, что дѣлаетъ народъ, тотъ самый народъ, въ сочувствіи къ которому такъ усердно увѣряютъ насъ наши поэты. Пѣсня для него ежедневная, насущная потребность; въ горѣ и трудѣ онъ поетъ про *синее море* и про *милаго друка*» (54).

Такое непониманіе можетъ быть только умышленнымъ. Мысль Некрасова до такой степени проста и очевидно—справедлива, что оспаривать ее можно только поддаваясь мелкому желанію во чтобы-то ни стало подпустить шпилечку. «Въ годину горя стыдно воспѣвать красу долины и ласки милой»—о чемъ говорить здѣсь поэтъ? Какое «горе» имѣетъ онъ въ виду? Отнюдь, разумѣется, не личное горе, съ которымъ каждый воленъ справляться по-своему, а горе общественное, которое на каждого мало-мальски честнаго гражданина налагаетъ извѣстныя обязанности. Серьезнѣйшей изъ этихъ обязанностей является обязанность забыть, въ виду этого общаго горя, свои личные огорченія или радости. Такова была мысль поэта. Если правильно понимать ее. Г. Страховъ возражаетъ: «не составляютъ-ли они (природа и любовь) нашей лучшей ра-

дости, не укрѣпляютъ-ли они насъ въ минуты величайшаго горя? Взглянуть на небо и подумать о любимомъ существѣ не стыдно не только въ минуту горя, а и въ минуту самой смерти». Кому и на что возражаетъ г. Страховъ? Безъ сомнѣнія, не только не стыдно, но совершенно естественно, прощаясь съ жизнью, взглянуть въ послѣдній разъ на небо и подумать о любимомъ существѣ — это въ порядкѣ вещей. Умирающій человѣкъ, больше чѣмъ кто-либо, принадлежитъ самому себѣ, больше чѣмъ кто-либо имѣетъ право сосредоточиться на своей личности и на всемъ томъ, что съ нею тѣсно связано, дорого и близко ей. Да развѣ Некрасовъ о томъ говорилъ? Мы спрашиваемъ у г. Страхова: что должны мы были бы подумать о человѣкѣ, который, присутствуя при послѣднихъ минутахъ другого и тѣмъ болѣе близкаго человѣка, сталъ-бы любоваться синевою неба или вспоминать о прелестяхъ «любимаго существа»? Мы сказали-бы, что это или пустой или бездушный человѣкъ, для котораго умирающій не значить ровно ничего. Г. Страховъ ссылается на народъ, при чемъ опять попадаетъ пальцемъ въ небо. Да, «сине море» и «милый другъ» очень часто являются темами народныхъ пѣсень. Но чтобы народъ пѣлъ эти пѣсни, напр., при отправкѣ рекрутъ, или причиталъ ихъ на похоронахъ, или вообще распѣвалъ ихъ во время какого-нибудь бѣдствія—этого мы не слышали и нужно имѣть уши г. Страхова, чтобы услышать это. Нравственная чуткость и деликатность нашего народа слишкомъ всѣмъ извѣстны, чтобы мы повѣрили г. Страхову на слово.

Свою «полемику» г. Страховъ ведетъ иногда еще болѣе упрощенными приемами. Такъ напр. онъ говоритъ: «Карамзинъ вполне проникнутъ просвѣщеніемъ XVIII вѣка и вмѣстѣ безграничною любовью къ родинѣ, къ тѣмъ людямъ, которые, по свидѣтельству современныхъ нашихъ журналовъ, и были и остаются «первобытными, звѣреобразными варварами». (Дѣло, 1872, № 1, стр. 7). Немного словъ, но много сказано. «Наши журналы» вообще и журналъ «Дѣло» въ особенности ненавидятъ свою родину и считаютъ ея жителей звѣрообразными варварами. Какое тяжелое, какое страшное обвиненіе! На чемъ основано оно? А вотъ видите-ли, однанадцать лѣтъ тому назадъ была напечатана въ «Дѣлѣ» какая-то статья—какая, неизвѣстно—въ которой, на стр. 7, что-то такое говорится о «первобытныхъ, звѣрообразныхъ варварахъ»... Отсюда явствуетъ, что журналъ «Дѣло» ненавидитъ свое отечество...! Что сказать на это? По мнѣнію г. Страхова, онъ полемизируетъ. По нашему мнѣнію, онъ дѣлаетъ голословные намеки, двусмысленныя инсинуаціи, недостойныя честнаго писателя.

Обращаясь затѣмъ собственно къ содержанію книжки г. Стра-

хова, мы прежде всего считаемъ нужнымъ разочаровать автора, который воображаетъ себя новаторомъ и съ самодовольствіемъ, пренесполненнымъ самаго высокаго комизма, говорить: «натуры подражательныя, остающіяся всю жизнь эхомъ чужихъ мыслей и рѣчей, хотя могутъ быть иногда весьма даровиты и плодovitы, хотя иногда чрезвычайно восхваляются поклонниками прогресса, какъ носители и распространители извѣстныхъ идей, не составляютъ однако-же истинныхъ двигателей и вкладчиковъ литературы. Онѣ относятся къ той низшей области, которая можетъ вполнѣ войти въ колею прогресса. Но не всѣ подражаютъ; являются люди, которые, иногда послѣ долгой и тяжелой борьбы, выходятъ изъ подъ вліянія вѣка, господствующихъ идей, прежнихъ писателей, которые осмѣливаются быть самими собою и говорить то, что откуда-то, изъ какой-то невѣдомой глубины, приходитъ имъ на умъ и на сердце; — и вотъ эти-то люди составляютъ настоящую литературу, совершаютъ въ ней дѣйствительный прогрессъ». Мы не оспариваемъ факта: дѣйствительно г. Страховъ почерпаетъ свои идеи не изъ дѣйствительности, не подъ вліяніемъ нужды и интересовъ жизни, а именно «откуда-то, изъ какой-то невѣдомой глубины». Но мы крѣпко сомнѣваемся, чтобы прогрессъ литературы зависѣлъ отъ усилій этихъ Кифовъ Мокіевичей, доходящихъ до всего «собственнымъ умомъ». Объ этомъ, впрочемъ, мы не съ г. Страховымъ будемъ разсуждать. Замѣтимъ только относительно практической стороны вопроса, что претензія г. Страхова на оригинальность, по меньшей мѣрѣ, неосновательны: вся оригинальность г. Страхова состоитъ въ томъ, что онъ смастерилъ чудовищную комбинацію изъ позаимствованныхъ у другихъ идей, а именно возрѣнія нашего славянофильства совуцпилъ отчасти съ тѣновскимъ пессимизмомъ, а отчасти съ карамзинскою сентиментальностью.

Да и о какомъ «прогрессѣ литературы» говоритъ г. Страховъ? Вѣдь онъ отрицаетъ въ принципѣ возможность всякаго, а стало быть и литературнаго прогресса. Впрочемъ, трудно сказать, что отрицаетъ и что утверждаетъ г. Страховъ. Незаконность соединенія славянофильщины съ тѣновщиной даетъ себѣ знать г. Страхову на каждомъ шагу, такъ что ему одной рукой приходится дѣлать, а другой раздѣлывать, на одной половинѣ страницы отрицать, а на другой половинѣ утверждать. Неудобно-ли читателю обратить вниманіе, хотя-бы, напримѣръ, на этотъ отрывокъ:

„Мы не можемъ прозрѣть. Ложь и зло до такой степени проникли во всю нашу жизнь, такъ слились даже съ лучшими нашими инстинктами, что мы не можемъ отъ нихъ освободиться. Далеко зашло слишкомъ далеко. Намъ ожидаютъ страшныя, чудовищныя бѣдствія, но что всего ужаснѣе, — нельзя на-

дваться, чтобы эти бѣдствія образумили насъ. Эти безпощадные уроки насъ ничему не научатъ, потому-что мы потеряли способность понимать ихъ смыслъ. И если найдутся отдѣльные люди, которые прозрѣть и уразумѣютъ эти уроки, то что-же они сдѣлаютъ, что они могутъ сдѣлать противъ общаго потока, среди этого гама изступленныхъ и подобострастныхъ голосовъ? Развѣ можно измѣнить исторію? Развѣ можно повернуть то русло, по которому течетъ вся европейская жизнь, а за нею и наша? Эта исторія совершаетъ свое дѣло. Мы вѣдь съ непростительною наивностію, съ дѣтскимъ неразуміемъ, все думаемъ, что исторія ведетъ къ какому-то благу, что впереди насъ ожидаетъ какое-то счастье, а вотъ она приведетъ насъ къ крови и огню, къ такой крови и такому огню, какихъ мы еще не видали. Исторія насъ никогда не обманывала; ея уроки ясны и непрерывны; она отъ начала до конца показывала намъ рядъ преступленій и бѣдствій, рядъ проявленій человѣческаго бездушія и звѣрства; но мы всегда такъ умѣли сочинить и преподавать исторію, что ни мало не пугались, а напротивъ, даже утверждались въ нашемъ спокойствіи и нашей безпечности. Такъ и наличныя бѣдствія не заставляютъ насъ одуматься, такъ мы не будемъ понимать и той исторіи, которая совершается передъ нашими глазами“ (205).

До сихъ поръ, какъ видитъ читатель, идетъ чистѣйшая тѣновщина, девизъ которой—девизъ адской жизни: оставь надежду навсегда. Но — тутъ начинается славянофильщина — великъ Богъ земли русской:

„Въ одно я вѣрю, продолжаетъ г. Страховъ, всѣмъ сердцемъ и одна твердая надежда меня утѣшаетъ — та, что, какой-бы позоръ и какая-бы гибель намъ ни грозила, черезъ нихъ пройдетъ невредимо нашъ русскій народъ, т. е. простой народъ. Онъ чуждъ нашихъ понятій, того разврата мысли, который развѣдаетъ насъ, и онъ смотритъ на жизнь совершенно иначе: онъ всегда, всякую минуту готовъ къ горю и бѣдѣ, онъ не забываетъ своего смертнаго часа, для него жить—значитъ исполнять нѣкоторый долгъ, нести возложенное бремя. Онъ спасется, какъ и прежде спасался, своимъ безграничнымъ терпѣніемъ, своимъ безграничнымъ самопожертвованіемъ. Онъ будетъ расти и множитья и шириться, какъ и до сихъ поръ,—и для насъ (если мы уразумѣемъ, что намъ грозятъ позоръ и гибель) остается одно средство спасенія — примкнуть къ народу, т. е. прилѣпиться душою къ его образу чувствъ и мыслей, и отказаться отъ безумія, среди котораго мы живемъ“ (205).

Вотъ и разберитесь въ этомъ сумбурѣ! Мы, интеллигенція, обречены на погибель, потому-что не внемлемъ урокамъ исторіи, а вотъ народъ—тотъ будетъ спасенъ, потому вѣроятно, что ему ясенъ смыслъ историческихъ событій... Г. Страховъ говоритъ о своей «вѣрѣ» и дѣйствительно это слѣпая вѣра, а не взглядъ, который можетъ быть доказываемъ. Мы не хуже г. Страхова желаемъ «спасенія» народа и надѣемся на это спасеніе. Но мы не проклинаемъ и интеллигенціи. Тѣ муки, да, муки мысли, которыя перестрадала она, мы не назовемъ нахально «развратомъ» мысли. И если въ чемъ мы видимъ серьезную опасность, большое несчастье народа, такъ это именно въ томъ, что онъ до сихъ поръ

«чуждъ нашихъ понятій», не возвысился до яснаго сознанія даже тѣхъ элементарныхъ идеаловъ общественности, которые составляютъ неотъемлемое достояніе каждаго сколько-нибудь развитаго чловѣка.

А. З. Соколовскій. Царь-избавитель. Новый русскій оригинальный романъ (изъ крестьянскаго быта). Въ четырехъ частяхъ. Спб. 1883.

Несчастное это литературное, писательское дѣло! Въ ряду другихъ искусствъ—литературное искусство занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ по своимъ техническимъ трудностямъ, не касаясь уже вопроса объ его относительномъ общественномъ значеніи. Настоящихъ мастеровъ слова если не меньше, то и никакъ не больше, нежели и мастеровъ кисти, рѣзца, смычка и пр. Рафаели, Бетховены, Кановы, Паганини являются столь-же рѣдкими исключеніями въ своихъ специальныхъ сферахъ, какъ Шекспиръ и Гёте въ своей. Въ виду этого, казалось-бы литературное искусство должно бы пользоваться по меньшей мѣрѣ такимъ-же уваженіемъ, какъ и всѣ остальные искусства. Если вы еле-еле умѣете держать въ рукахъ кисть, вы не рискнете отослать свои малеванья на выставку; если вы въ состояніи отбарабанить на фортопьяно какую-нибудь польку, это не значить еще, что вы можете давать концерты; если вы умѣете съ грѣхомъ пополамъ разбирать ноты, это еще ровно ничего не говоритъ въ пользу вашихъ композиторскихъ способностей. Не тоже-ли самое и въ литературѣ? Неужели для того, чтобы стать писателемъ, достаточно выучиться только грамматѣ? Неужели искусство выражать идеи посредствомъ слова легче искусства выражать идеи посредствомъ красокъ и звуковъ? Не на оборотъ-ли? Вѣдь для того, чтобы ваше «слово» было дѣйствительно прекрасно, ему необходимо опредѣленное содержаніе, безъ котораго художники другихъ сферъ сплошь да рядомъ благополучно обходятся. Умственное развитіе необходимо писателю, чѣмъ какому-бы то ни было другому «служителю искусства». Можно рисовать отличные пейзажи, будучи чловѣкомъ очень ограниченнымъ, но нельзя написать порядочнаго романа, не имѣя понятія ни о чловѣкѣ, ни объ обществѣ, ни о господствующихъ въ жизни идеяхъ.

Мы говоримъ все это по поводу г. Соколовскаго, но имѣемъ въ виду отнюдь не одного его только. Собственно о г. Соколовскомъ и съ г. Соколовскимъ нашъ разговоръ будетъ очень коротокъ. Взять съ автора нечего. Предъявлять ему художественныя,

даже просто сколько-нибудь серьезныя требованія—нѣтъ возможности, потому что авторъ еще не осилилъ глубокихъ трудностей русской грамматики. Романъ г. Соколовскаго—ученическая тетрадка, «критиковать» которую—значить подчеркнуть въ ней ошибки противъ синтаксиса и орфографіи. Къ сожалѣнію, «тетрадка» г. Соколовскаго заключаетъ въ себѣ болѣе 300 печатныхъ страницъ, изъ которыхъ едва-ли найдется десятокъ, написанныхъ совершенно граматно, такъ что мы поневолѣ должны ограничиться немногими примѣрами. «Пристрастившись къ деньгамъ, онъ женился на вдовѣ, которая *зотя* была старше его, но имѣла порядочныя средства» (40). Очень логично сказано. «Въ головѣ ея образовался какой-то хаосъ мышленія, въ которомъ Катя была камнемъ преткновенія» (77). «Въ головѣ его произошелъ какой-то сбродъ» (95). «Слышишь, молчишь, (sic!) какъ околотень» (85). Что это за новое слово—«околотень»? И такъ далѣе. Какъ повѣствователь, г. Соколовскій просто уморителенъ. Описываетъ онъ, напр., нравственное состояніе одной своей героини, свѣтской дамы: «сердце сжалось, она хотѣла *переодолѣть* себя, но воображеніе разыгрывалось; она слышитъ поцалуи ихъ, вздрагиваетъ, проводить рукою по лицу, и въ лицѣ ея *становится безнадежность*, шбмое отчаяніе, но вдругъ она дѣлаетъ жестъ рѣшимости и въ лицѣ ея сіяетъ улыбка» и пр. (94). Эта-же дама, съ улыбкой въ лицѣ, имѣетъ дурную привычку въ критическія минуты прибѣгать къ сильнымъ выраженіямъ: «чортъ! вскричала она и упала безъ чувствъ» (90), «...дьяволъ! Она упала безъ чувствъ» (296). Этихъ немногихъ примѣровъ, полагаемъ, достаточно, чтобы дать читателю понятіе о чисто литературныхъ свойствахъ «оригинальнаго романа» г. Соколовскаго.

Но насъ интересуетъ другая сторона дѣла. Г. Соколовскій, какъ писатель, преисполненъ благихъ намѣреній. Чувство, заставившее его взяться за перо,—честное, хорошее чувство. Онъ горячо преданъ освободительнымъ реформамъ прошлаго царствованія и, какъ можетъ, защищаетъ и прославляетъ ихъ, въ особенности крестьянскую и судебную реформы. Къ несчастію, услужливый неловкій человѣкъ опасѣе врага и добрыми намѣреніями адъ вымощенъ. Возвратимся къ прежней своей параллели. Если бы вы, не имѣя ни голоса, ни слуха, рѣшились пѣть въ публичномъ концертѣ ради его благотворительной цѣли, вы, безъ сомнѣнія, доказали-бы этимъ, что у васъ прекрасное сердце, но за всѣми тѣмъ сыиграли-бы самую жалкую и смѣшную роль. Свисты, которыми проводили-бы васъ съ эстрады, вполне были-бы заслужены вами. А въ литературѣ дѣло поставлено еще гораздо серьезнѣе. Надъ вашимъ фальцетомъ только посмѣются и постра-

даетъ отъ этого только ваше личное самолюбіе, но въ литературѣ вы компрометируете и роняете свою ребяческую неумѣлость то дѣло, которое берется защищать. Для безчисленныхъ Бурениныхъ современной несчастной журналистики нашей, ваша малограмотность—чистая находка, благодаря которой они лишній разъ могутъ съ побѣдоноснымъ видомъ пройти насчетъ «пошлага либерализма». Въ литературѣ, г. Соколовскій, не шутки шутать. Въ нее нельзя входить съ пустыми руками, а тѣмъ менѣе—въ чемъ мать родила, какъ это вы дѣлаете. Удивительная, въ самомъ дѣлѣ, вещь! Откуда у людей берется эта самоувѣренность? Человѣкъ ничего не знаетъ, ничему не учился, ни о чемъ основательно не думалъ, съ буквой ѣ справиться не въ силахъ, и, не смотря на это, рѣшается выступать съ поученіями передъ аудиторіей, въ сотни разъ болѣе многочисленной, нежели публика какой-бы то ни было концертной залы! Все это было-бы дерзко и нахально, если-бы не было такъ смѣшно и плоско.

На далекомъ Востокѣ. Разказы и очерки *А. Я. Максимова*.
Спб. 1883 г.

Г. Максимовъ (котораго не нужно смѣшивать съ авторомъ «Бродячей Руси», «Года на сѣверѣ» и пр.), если не ошибаемся, дебютируетъ въ нашей литературѣ. «Очерки» его, изданныя нынѣ отдѣльной книгой, печатались, сколько помнится, въ «Нивѣ» или въ «Невѣ», вообще въ какомъ-то изъ иллюстрированныхъ изданій. Упоминаемъ объ этомъ обстоятельстве потому, что оно не лишено нѣкоторой характерности. Литературныя требованія, предъявляемыя иллюстрированнымъ журналамъ, по необходимости очень скромны. Для «Нивы»—гг. Морской и Соловьевъ—звѣзды первой величины. Оно иначе едва-ли и можетъ быть въ изданіяхъ, для которыхъ текстъ—почти тоже, что для оперъ—либретто. Такимъ образомъ, въ «Нивѣ» или въ «Невѣ» г. Максимовъ былъ на своемъ мѣстѣ и никого шокировать не могъ. Къ сожалѣнію, онъ не понялъ настоящаго значенія своихъ «разказовъ и очерковъ» и только этимъ непониманіемъ можно объяснить смѣлость и даже нѣкоторую помпезность, съ какой онъ является теперь передъ читателемъ. Книжкѣ предшествуетъ широкое заглавие, въ которомъ г. Максимовъ даетъ, напр., такія великолѣпныя обѣщанія: «Въ предлагаемыхъ мною разказахъ и очеркахъ я желаю, по силѣ возможности, познакомить читателей не только съ замѣчательной природой Уссурийскаго края, а также съ нравами обычаями и характеромъ инородческаго населенія, съ преисполненной всевозможными опасностями и трудностями жизнью рус-

ских промышленниковъ и пионеровъ-топографовъ, и, наконецъ, съ малоизвѣстнымъ бытомъ и внутренней жизнью каторжныхъ, нерѣдко болѣе несчастныхъ, чѣмъ преступныхъ, заслуживающихъ скорѣе сожалѣніе чѣмъ огульное презрѣніе и осужденіе. При этомъ считаю не лишнимъ предупредить читателей, что сюжеты предлагаемыхъ мною рассказовъ не есть плодъ воображенія, а взяты изъ случаевъ, дѣйствительно имѣвшихъ мѣсто въ Уссурійскомъ краѣ (VI). Все это было-бы прескрасно, если-бы г. Максимовъ сдержалъ свои обѣщанія. Къ несчастію, онъ только надѣлалъ славъ. Ни картинъ уссурійской природы, ни нравовъ и обычаевъ г. Максимовъ не изобразилъ, т. е., если хотите, въ книгѣ имѣются многочисленныя попытки къ такому изображенію, но попытки эти свидѣлствуютъ только о дурно развитомъ и дурно направленномъ литературномъ вкусѣ автора. Г. Максимовъ полагаетъ, очевидно, что громоздить одно на другое качественныя прилагательныя значитъ описывать предметъ яркими красками. Его живопись—суздальская. Его образецъ и учитель — г. Немировичъ-Данченко. Вотъ напр. описаніе вьюги: «Гудить, реветъ непогода въ степи. Гигантское, сплошное облако льдистой пыли, словно адское чудовище, носится по необъятному простору, крутится, стонетъ и шинить. Трепещетъ степь подъ напоромъ яростной стихіи и колыхается, словно сильно взволновавшееся море. По всей необъятной степи кипятъ адская жизнь, кромѣшная, страшная и бѣшенная. Въ стихійномъ хаосѣ безумно носятся тысячи демоновъ, дышащихъ на степь нестерпимымъ, леденящимъ кровъ холодомъ. Бѣшенно крутятся эти демоны вокругъ закоченѣвшаго...» и пр. (278). Какое краснорѣчіе! И какая ореографія! «Бѣшенной» природѣ вполне отвѣчаютъ и «бѣшенныя» нравы людей. Просимъ читателя прислушаться и просимъ его также не испугаться:

«Ахъ, бѣда!... Бѣда!...—застонала Марѳуша, охваченная безумнымъ ужасомъ. Потемнѣло у Дмитрія въ глазахъ, зашатался онъ и едва не упалъ, да успѣлъ удержаться за какую-то кадушку. Въ этотъ моментъ рука его нацупала топориче, случайно положеннаго на кадушку топора. Безсознательно сжалъ онъ топориче рукой и съ безумнымъ крикомъ бросился въ гору. Передъ нимъ стояли, оцѣпенѣвъ отъ ужаса, Марѳуша и парень изъ сосѣдней деревни. Взмахнулъ Дмитрій тяжелымъ топоромъ и погрузилъ его по самый обухъ во что-то мягкое, взмахнулъ еще разъ и еще, и при каждомъ ударѣ хлестала въ его лицо горячая кровь. Дмитрій обезумѣлъ. Онъ безсознательно наносилъ удары топоромъ безъ счета и разбора, наносилъ до тѣхъ поръ, пока не устала рука. Онъ не слышалъ страшнаго стога своихъ жертвъ, не слышалъ даже, какъ вбѣжали въ избу сосѣди, и продолжалъ съ необъяснимымъ бѣшенствомъ крошить топоромъ трепетавшія въ предсмертной агоніи жертвы преступной любви. Страшно сдѣлалось Митькѣ отъ этихъ воспоминаній. Волосы встали на его головѣ дыбомъ; по всему тѣлу выступилъ холодный потъ. Съ безумнымъ ужасомъ вскочилъ онъ на ноги и вперилъ воспаленный взоръ въ

темную даль. И кажется ему, что съ самаго края потемнѣвшаго моря несутся къ нему два страшныхъ, окровавленныхъ призрака. Несутся она съ демонской быстротой. Вотъ они ближе, ближе, яснѣе и яснѣе. Вотъ они уже протягиваютъ къ Митькѣ свои изрубленные, окровавленные руки, словно хотѣтъ схватить. Дико вскрикнулъ Митька и въ безумномъ ужасѣ бросился бѣжать» (244).

Вотъ страсти-то! На нѣсколькихъ строкахъ три «безумныхъ» ужаса, одинъ «безумный» крикъ, одно «оцѣпененіе» отъ ужаса, «необъяснимое бѣшенство», «воспаленный взоръ», «демонская быстрота», дикое вскрикиванье, волосы дыбомъ и пр.! Г. Максимовъ перешеголялъ даже своего учителя—г. Немировича. Нашъ авторъ пристрастенъ не къ одной мелодрамѣ, а также и къ анекдоту—чѣмъ опять-таки напоминаетъ г. Немировича. Опытному читателю это, впрочемъ, было уже понятно изъ предисловія, въ которомъ авторъ завѣрялъ, что «сюжеты разсказовъ не есть плодъ воображенія, а взяты изъ случаевъ, дѣйствительно имѣвшихъ мѣсто». Если человѣкъ ни съ того, ни съ сего начинаетъ усиленно божиться—готовьтесь къ тому, что онъ надуетъ васъ. Если писатель начинаетъ увѣрять, что онъ разсказываетъ случаи изъ дѣйствительной жизни—такъ и знайте, что вамъ придется услышать отрывокъ изъ «не люблю—не слушаю». И дѣйствительно, такой разсказъ какъ «Удочка», напр., можетъ съ достоинствомъ занять мѣсто среди какаго-нибудь сборника охотничьихъ анекдотовъ.

Что сдѣлалъ для науки Чарльзъ Дарвинъ. Съ портретомъ Ч.

Дарвина, гравированнымъ на стали въ Лондонѣ. Изданіе Ф. Павленкова. Спб. 1883 г.

Что сдѣлалъ для науки Чарльзъ Дарвинъ, разумѣется, нельзя исчерпать краткимъ популярнымъ обзоромъ особенно у насъ, гдѣ публика больше слыхала о Дарвинѣ, чѣмъ читала его. Но задача авторовъ этой книги—Гексли, Гейки, Романеса и Дайера, и задача издателя русскаго перевода, конечно, и не состояла въ томъ, чтобы ознакомить публику съ дарвинизмомъ, а въ томъ, чтобы людямъ знакомымъ съ дарвинизмомъ напомнить, что дала образованному міру эта великая доктрина, что внесли въ складъ мірового знанія великій умъ и великая сила воли ея автора.

Почти всѣ авторы обзора трудовъ Дарвина посвящаютъ часть своихъ этюдовъ высокой нравственной силѣ апостола эволюціонной теоріи. И если въ Англии, въ странѣ образованнаго ханжества и формально-логическаго лицемерія, необходимъ такой нравственный апофеозъ Дарвина, то у насъ во время потопа московскаго мракобѣсія и сурдальскаго патріотизма — необходимъ и по-

давно. Иначе съ голубятеиъ спиритизма и метафизики, съ колоколенъ византійскаго суетловія польются такіе потоки грязи на могилу западнаго гениа, что станеть стыдно за русское общество.

Лучшія статьи въ «Обзорѣ» принадлежать Томасу Гексли и Арчибальду Гейли. Д. Романесъ въ своеиъ очеркѣ по зоологiи очутился, какъ говорится, «не на высотѣ своего призванiя». О такомъ яркомъ явленiи, какъ дарвинизмъ, странно читать бездѣльныя страницы Романеса.

Странно также не видѣть въ обзорѣ трудовъ Дарвина—обзора, сдѣланнаго имъ для социологiи. Фундаментъ этой науки будущаго заложилъ онъ своими теорiями о развитiи социальныхъ инстинктовъ, о борьбѣ и побѣдѣ «способнѣйшихъ».

Надо пожелать успѣха этой литературной панихидѣ по Дарвину.

Сборникъ статистическихъ свѣдѣнiй по Рязанской губерни.

Вып. первый. Курскiй уѣздъ. Изд. Курскаго губ. земства. Москва, 1883.

Сборникъ статистическихъ свѣдѣнiй по Курской губерни.

Сызранскiй уѣздъ. Изд. Рязанскаго губерн. земства. Москва, 1882 г.

Подобнаго рода изданiя—лучшая сторона земской дѣятельности. Того-же практическаго дѣла, для котораго собственно существуютъ земства, при всеиъ усердiи, они немного могутъ надѣлать; на земскiй грошъ не расхозяиничаешься, и поневолѣ, кромѣ пачотни, на которую со стороны остается только махнуть рукой, ничего не выходитъ изъ земскихъ начинанiй. Если-бы не эти, можно сказать драгоцѣнные памятники земскаго трудолюбiя, то, какъ это ни странно, нечѣмъ было-бы и помянуть наши земства. Впрочемъ, изданiе такихъ статистическихъ сборниковъ вовсе не настолько постороннее земству дѣло, какъ это можетъ показаться съ перваго взгляда; даже болѣе: мудрено обходиться безъ нихъ при сколько-нибудь добросовѣстномъ отношенiи къ дѣлу и честномъ пониманiи задачъ и обязанностей управленiя. Безъ обстоятельныхъ и точныхъ данныхъ, содержащихся въ земскихъ статистическихъ сборникахъ, пришлось-бы всѣ вопросы мѣстнаго хозяйства рѣшать съ плеча, съ быстротой и ловкостью военныхъ людей. Помимо этого, знакомство съ дѣйствительнымъ положенiемъ дѣлъ, съ нуждами и интересами населенiя необходимо должно располагать, главенствующее въ нашемъ земствѣ дворянское сословіе, къ болѣе справедливому отношенiю къ народу. Наконецъ, всѣ эти сборники, которыхъ накопилось уже не мало, предста

являютъ весьма важныя и яркіе документы для уразумѣнія общаго экономическаго положенія Россіи; они ждутъ сильнаго обобщающаго ума, который съумѣлъ-бы воспользоваться массою разрозненныхъ частныхъ фактовъ и ихъ секретомъ раскрыть социологическія тенденціи нашей жизни, опредѣлить смыслъ ея выдающихся особенностей и ея вѣроятное будущее.

Оба сборника составлены почти по одному и тому-же плану и посвящены главнымъ образомъ экономическому быту крестьянъ. Статистическія таблицы, въ которыхъ содержатся разностороннѣйшія сельско-хозяйственныя данныя по каждому селенію въ отдѣльности, составляютъ самую замѣчательную и существенную часть этихъ сборниковъ. Въ курскомъ сборникѣ мы находимъ, сверхъ того, интересную историческую замѣтку о происхожденіи бывшихъ однодворцевъ, или государственныхъ крестьянъ четвертаго права. Сами крестьяне-однодворцы въ шутку называютъ себя «лапотными дворянами» — кличка очень мѣткая, въ которой заключается вся ихъ странная исторія. Однодворцы — потомки служилыхъ боярскихъ дѣтей, которые обязаны были охранять границу отъ набѣговъ дикихъ кочевниковъ; за эту службу они верстались той землей, которая составляетъ нынѣ собственность однодворцевъ. «Въ то время, говорятъ составители Сборника, однодворцы не роднились, какъ теперь, съ крестьянами, они были ихъ собственниками, но отношенія между собственниками и крѣпостными были довольно патріархальныя... «Жили мы со своими крестьянами въ одной избѣ—разсказываютъ бывшіе однодворцы, баринъ спалъ на лавкѣ, а мужикъ подъ лавкою, а придетъ баринъ пьяный, и самъ подъ лавку ляжетъ; ѣли изъ одной миски, работали вмѣстѣ, вмѣстѣ и лапти ковыряли, а все-таки барами насъ величали» (стр. 45). Происхожденіе однодворцевъ относится приблизительно къ XVI вѣку, и очень можетъ быть, что въ тѣ времена, которымъ вообще чуждъ былъ крѣпостническій духъ послѣдующихъ столѣтій, подобныя патріархальныя отношенія между крестьянами и ихъ владѣльцами составляли обычное и повсемѣстное явленіе. Въ 30-хъ годахъ отъ однодворцевъ отняты были крестьяне, съ уплатой за каждую ревизскую душу по 100 рублей.

Въ курскомъ сборникѣ, свѣдѣнія о грамотности крестьянскаго населенія выдѣлены въ видѣ особаго очерка и разработаны весьма обстоятельно. Изъ этого очерка очевидна, между прочимъ, тѣсная зависимость грамотности отъ экономическихъ условій. Оказывается, что чѣмъ больше земли, тѣмъ выше % грамотныхъ къ населенію; такая-же пропорціональность существуетъ между числомъ грамотныхъ въ семьѣ и количествомъ рабочаго скота. На

„Дѣло“, № 5. 1883 г. II.

вопросъ, почему крестьянскія дѣти мало учатся, авторъ очерка указываетъ, какъ на самую важную причину—разстояніе, которое онъ считаетъ «страшнѣйшимъ врагомъ грамотности». Дѣйствительно, изъ представленныхъ имъ данныхъ видно, что съ отдаленіемъ школы отъ селенія, число учащихся въ ней уменьшается. Такъ если школа отстоитъ отъ селенія менѣе чѣмъ на 1 версту, то % учащихся 2,13, на 1—2 версты—1,64%, на 2—3 версты—1,11%, на 3—4 версты—1,25%, на 4—5 версты—0,77%, на 5—6 версты—0,65%, на 6 и болѣе—0,24%. Отдаленность школы побуждаетъ крестьянъ изыскивать свои мѣры для обученія грамотѣ, и оказывается, что дѣти, обученныя грамотѣ домашними средствами, а не въ школѣ, составляютъ большинство. Такъ въ одной деревнѣ изъ 100 грамотныхъ 52% самоучекъ, 25% обучены въ школѣ, 17,9% — на службѣ, т. е. военной, солдатской, и т. д. Что касается степени грамотности, то изъ 318 грамотныхъ около $\frac{1}{3}$ не умѣли писать. Весьма любопытно объясненіе автора, почему въ числѣ грамотныхъ женщины составляютъ самый ничтожный процентъ. Въ курскомъ, напр., уѣздѣ на 1000 мужчинъ 105 грамотныхъ, а на тысячу женщинъ всего 9. Въ Россіи это явленіе обыкновенное и чрезвычайно печальное; грамотная мать въ крестьянской семьѣ драгоценная образовательная сила, которая могла-бы готовить дѣтей для школы и по крайней мѣрѣ не оставляла-бы ихъ вовсе безграмотными. Но крестьяне не знаютъ подобныхъ соображеній, у нихъ свои резоны, и при томъ не совсѣмъ безосновательные. Когда авторъ обратился къ крестьянамъ съ вопросомъ: «отчего женскаго пола не обучаете», онъ получилъ отъ нихъ отвѣтъ: «грамотнымъ одно дѣло—монашиться». «Въ этомъ, говоритъ авторъ, выразилось воззрѣніе крестьянъ на грамотную женщину. Дѣйствительно, какъ только женщина изучивается грамотѣ, тотчасъ начинаетъ монашиться», т. е. уходитъ на богомольѣ, или въ монастырь, или дѣлается черничкой» (стр. 8). Въ дополненіе къ этому, не мѣшаетъ замѣтить, что и у мужчинъ сплошь и рядомъ грамотность получаетъ такое-же одностороннее религіозное направленіе и очень часто совмѣщается съ сектаторствомъ; въ иной деревнѣ, что ни грамотный, то сектаторъ, и наоборотъ. Обстоятельство это, безъ сомнѣнія, не говоритъ въ пользу азбучной грамотности, насаждаемой среди народа земскими школами; оно доказываетъ недостаточность этой грамотности, ея ничтожное, болѣе чѣмъ сомнительное образовательное значеніе.

Отдѣлъ сельскохозяйственныхъ свѣдѣній въ обоихъ сборникахъ отличается наибольшей полнотой и представляетъ много интереснаго. Крестьянское землевладѣніе и въ Рязанскомъ и въ

Курскомъ уѣздахъ замѣтно ухудшилось, и теперь попытки поддержать его имѣютъ несравненно меньше шансовъ на успѣхъ, чѣмъ прежде, напр. чѣмъ десять лѣтъ тому назадъ, когда въ земствѣ и печати, впервые возбужденъ былъ въ то время еще острый вопросъ о крестьянскомъ малоземельи. Своевременность указаній печати на это малоземелье, безъ сомнѣнія, соответствовало всѣмъ интересамъ государства, которое все-таки въ концѣ концовъ пришло къ необходимости поддержать разрушающееся крестьянское землевладѣніе учрежденіемъ льготнаго крестьянскаго кредита, но только теперь оно значительно затруднило свою задачу десятилѣтней проволочкой. Теперь малоземелье обнимаетъ большую массу крестьянъ; отъ одного прироста населенія, въ Рязанскомъ уѣздѣ надѣлъ на ревизскую душу уменьшился болѣе чѣмъ на $\frac{3}{4}$ десятины (стр. 38), а въ Курскомъ уѣздѣ у государственныхъ душевыхъ крестьянъ надѣлъ уменьшился на $\frac{1}{6}$ десятины (стр. 28). Но еще важнѣе уменьшенія надѣловъ та новая, не имѣвшая прежде такихъ размѣровъ бѣда, которая уже громко начинаетъ заявлять о себѣ въ современной деревнѣ, это—недостатокъ рабочаго скота, *безлошадность*, этотъ грозный бичъ нынѣшняго крестьянства, способный парализовать дѣйствіе много и хорошо, повидимому, задуманныхъ мѣръ. Поземельный кредитъ на самыхъ выгодныхъ и доступныхъ условіяхъ мало поможетъ крестьянину, неимѣющему рабочаго скота. Помимо этого, за послѣднія 10—12 лѣтъ очень много утѣкло такихъ земель, которыя ранѣе, при помощи правительства, легко могли-бы попасть въ руки нынѣшнихъ малоземельныхъ крестьянъ. Часть этихъ земель перешла къ купцамъ, часть къ крупнымъ владѣльцамъ изъ помещиковъ и часть скуплена зажиточными крестьянами. Это послѣднее обстоятельство имѣетъ значеніе въ дѣлѣ организованнаго нынѣ правительствомъ крестьянскаго поземельнаго кредита.

Какъ извѣстно, кредитъ этотъ будетъ оказываться всѣмъ крестьянамъ безъ различія и безъ всякаго расчета размѣровъ ихъ поземельной собственности. Между тѣмъ несомнѣнно, что между крестьянами существуетъ группа настолько зажиточныхъ домохозяевъ, которые не только не нуждаются для покупки земли въ государственномъ содѣйствіи, но отъ которыхъ, въ видахъ общей пользы, государству слѣдовало-бы такъ или иначе оберегать продающіяся земли для доставленія возможности приобрѣтенія ихъ совершенно и почти безземельными крестьянами. Своими средствами крестьяне постоянно приобрѣтали и приобрѣтаютъ землю, и при томъ тѣмъ въ большемъ количествѣ, чѣмъ больше у нихъ своей собственной земли. Это очень хорошо видно изъ данныхъ, содержащихся въ рязанскомъ и курскомъ сборникахъ и позволяющихъ сравнить

у крестьянъ каждаго разряда количество надѣльной и купленной земли, а также и количество земли арендуемой, которое можетъ свидѣтельствовать о дѣйствительной потребности крестьянъ въ землѣ. Такъ въ Курскомъ уѣздѣ на домохозяина у государственныхъ крестьянъ четвертнаго права приходится надѣльной земли (удобной) 10,0 десят., купчей 0,8 д., арендной (пах.) 1,1, у государственныхъ крестьянъ душевой надѣльной земли 9,1 д., купленной 0,2, арендной 0,7, у бывшихъ помѣщичьихъ—надѣльной 5,6 д., купл. 0.1, арендной 2,6, у крестьянъ государственнаго надѣла надѣльной 1,7 д., купленной нѣтъ вовсе, арендной 4,8. Такимъ образомъ количество купчей земли находится въ прямомъ, а количество арендуемой земли въ обратномъ отношеніи къ величинѣ надѣла. Другими словами, чѣмъ больше надѣлъ, тѣмъ больше покупается земли и тѣмъ меньше ея арендуется. Составитель рязанскаго сборника говоритъ тоже самое: «съ увеличеніемъ надѣла покупательная способность крестьянина растетъ» (стр. 37). Это-то обстоятельство и слѣдуетъ имѣть въ виду при всякой попыткѣ поддержать крестьянское землевладѣніе. Крестьяне, имѣющіе большіе надѣлы, владѣютъ, какъ мы видимъ, и большимъ количествомъ купленной земли, слѣдовательно, крестьяне, скудно надѣленные землей, вдвойнѣ заслуживаютъ предпочтенія передъ первыми. При ограниченности государственныхъ ресурсовъ, предназначенныхъ на восполненіе крестьянамъ, необходимо выбирать между ними, тѣмъ болѣе, что и запасъ продающихся земель теперь сильно истощился, и тотъ острый кризисъ, которымъ обуславливалась прежде усиленная продажа и залогъ частновладѣльческихъ земель, въ настоящее время понемногу проходитъ и ослабѣваетъ. Въ черноземныхъ мѣстностяхъ Малороссіи, вмѣщающихъ наибольшую массу малоземельныхъ крестьянъ, едва-ли и найдутся теперь продажныя земли въ достаточномъ количествѣ; переселенія здѣсь единственно возможная мѣра помощи крестьянскому населенію.

Въ «Рязанскомъ Сборникѣ» останавливаются на себѣ вниманіе замѣтки автора объ общественномъ землевладѣніи. Въ Рязанскомъ уѣздѣ община преобладаетъ, крестьяне пока держатся за нее крѣпко; но недѣзя сказать, чтобы она находила тамъ вполне благопріятныя условія. Изъ 637 общинъ, по словамъ автора, только 16 перешли къ личной, участковой формѣ владѣнія; они передѣлили землю «на вѣчно» и съ тѣхъ поръ рѣшили не передѣлять ее. Очень любопытны, собранныя авторомъ свѣдѣнія о причинахъ, вліявшихъ на уничтоженіе общины. Въ одномъ случаѣ крестьянскіе надѣлы расположены въ подгородной слободѣ, близъ вокзала московско-рязанской желѣзной дороги, и это-то обстоятельство и губило общину. Разуваевъ сообразилъ, что, вмѣсто мирнаго процвѣ-

такія общины, здѣсь съ успѣхомъ можно сосредоточить кабацкія и трактирныя операціи; цѣны на эти «бойкія» мѣста поднялись, за десятину надѣла давали 600—800 рублей. Это, конечно, поддѣйствовало на крестьянъ, купцы-же, рассчитывавшіе на эти земли, подбивали старосту склонить крестьянъ къ передѣлу на вѣчныя времена. Это и удалось: вмѣсто общественнаго, водворилось подворное владѣніе. Нѣкоторые крестьяне уже распродали свои надѣлы «и на нихъ, замѣчаетъ авторъ, красуются кирпичные заводы, трактиры, кабаки» (стр. 4). Но замѣчательно, что не прошло и десяти лѣтъ послѣ уничтоженія общиннаго владѣнія, какъ уже многіе крестьяне, по словамъ автора, допытывались, нельзя ли опять возстановить старыя, т. е. общинный порядокъ владѣнія. И это отнюдь не капризь, и нетяготѣніе къ вѣками укоренившемуся обычаю. Дѣло очень простое: въ теченіи 10 лѣтъ со времени уничтоженія общины наличный составъ семьи измѣнился и явилось несоотвѣтствіе между нимъ и надѣломъ. Въ другомъ случаѣ крестьянамъ порадѣлъ какой-то «адвокатъ», какъ они его называли; по его совѣту, совершенно вѣчный передѣлъ, и онъ-же состряпалъ имъ черновую мірскаго приговора, требуемаго по закону для такихъ передѣловъ. И въ этомъ случаѣ, какъ и въ первомъ, крестьяне въ настоящее время уже сознаютъ ошибочность своего рѣшенія. «Многіе, пишетъ авторъ, сѣтуютъ на «старичковъ», что тѣ неладно удумали, сдѣлавъ невозможнымъ «поравненіе» надѣльной земли; иные поговариваютъ о подачѣ жалобы на неправильность приговора о передѣлѣ навѣчно». Нерѣдко и администрація, вопреки закону, оказывала неблагопріятное вліяніе на общественное владѣніе. Въ одной деревнѣ мировой посредникъ прямо запретилъ крестьянамъ передѣлять свою землю, что и равняется фактически уничтоженію общины. Въ другомъ селеніи посредникъ объяснилъ крестьянамъ, что землю станеть выкупать каждый въ свою собственность; крестьяне, разумѣется, сбиты были съ толку такими объясненіями, и они до сихъ поръ сомнѣваются можно-ли передѣлять мірскую землю. «Вѣдь выкупъ!!» говорятъ они. Бывали примѣры вмѣшательства исправника въ распоряженія міра относительно распределенія общинной земли. Мы видимъ, слѣдовательно, что и въ рѣдкихъ исключительныхъ случаяхъ замѣны общиннаго подворнымъ владѣніемъ, крестьяне дѣйствовали самостоятельно; община уничтожалась послѣ того, какъ въ крестьянскія дѣла впутывался купецъ, какой-то «адвокатъ» чиновникъ. Когда-же крестьяне приходили въ разумъ и успѣвали опомниться, они во-очію убѣждались въ своемъ промахѣ; установленные размѣры надѣла шли въ разрѣзъ съ измѣнившимся составомъ семьи, а вновь передѣлить землю нельзя. Такимъ обра-

зомъ, за общину не одна традиція и дѣдовскій обычай,—за нее сила вещей, и это лучшая гарантія ея прочности.

Крымскія цѣлебныя минеральныя грязи въ деревнѣ Саки и морскія купанья въ городѣ Евпаторіи. Изъ воспоминаній признательнаго паціента. А. Н. Н—на. С.-Петербургъ, 1883.

Когда, мѣсяца два тому назадъ, пронесся слухъ о предположеніи значительно повсичить плату за заграничныя паспорта, «Московскія Вѣдомости», «Современныя Извѣстія» и «Новое Время» послѣшили, разумѣется «отъ души», привѣтствовать этотъ слухъ, при чемъ не пренебрегли, натурально, удобнымъ случаемъ излить чувства того специфическаго «патріотизма», который, какъ извѣстно, составляетъ монополію названныхъ газетъ. Въ этой надбавкѣ привѣтствовалась и «весьма полезная финансовая мѣра», и преграда абсентеизму, и косвенное покровительство отечественнымъ курортамъ... «Нечего, молъ, шататься по заграничнымъ курортамъ и сорить русскія денежки, когда у насъ дома непочатый край цѣлебныхъ мѣстъ. А если прожигатели жизни и любители заграничныхъ кокотокъ и игорныхъ домовъ хотятъ Европы — пусть платятъ за удовольствія!»

Такъ или почти такъ говорили «патріоты». Разумѣется, о «финансовой мѣрѣ» говорилось больше изъ приличія. Кто-же не пойметъ, что не Богъ вѣсть какую сумму могъ бы дать новый налогъ? Равнымъ образомъ и не въ «любителяхъ заграничныхъ кокотокъ»—суть дѣла; для «любителей», какъ людей богатыхъ, новый налогъ не явился-бы препятствіемъ; въ дѣйствительности, онъ закрывалъ-бы границу людямъ, ѣдущимъ въ чужія страны не для «прожиганія жизни»; не мало людей, скапливая по грошамъ небольшія средства, ѣдетъ туда учиться, лечить свои недуги или просто «освѣжиться» и посравнить чужіе порядки со своими, что также иногда не лишнее... Вотъ, для такихъ людей новый налогъ дѣйствительно былъ-бы равносильнъ запрету переѣхать границу, запрету, практиковавшемуся у насъ въ царствованіе Павла. Не этого-ли хотятъ «Московскія Вѣдомости» вѣстѣ со своими «подручными»?

Что-же касается до отечественныхъ цѣлебныхъ мѣстъ, куда по сылаютъ насъ теперь «специфическіе патріоты», то кто-же не знаетъ, въ какомъ первобытномъ состояніи онѣ находятся и какія удобства представляютъ онѣ для больныхъ, не говоря уже объ общихъ, такъ сказать, «неудобствахъ» русской жизни настоящихъ

дней, которыя едва-ли могутъ имѣть благотворное вліяніе на больныхъ. О русскихъ курортахъ писалось очень много и тотъ-же самый г. Суворинъ, который изъ «патріотическаго чувства» рекомендуетъ теперь русскія воды, описывалъ когда-то удобства жизни на кавказскихъ минеральныхъ водахъ и дѣянія арендатора ихъ г. Байкова.

Передъ нами «Воспоминанія признательнаго человѣка», побывавшаго въ Сакахъ и Евпаторіи и сообщившаго теперь публикѣ свои наблюденія. Не смотря на «признательность», авторъ, въ своей книгѣ, весьма полезной, кстати сказать, для лицъ, желающихъ ознакомиться съ жизнью въ Сакахъ и Евпаторіи,—даетъ намъ тѣ-же «картинки» прелестей и удобствъ, которыми полны вообще описанія посѣтителей русскихъ цѣлебныхъ мѣстъ. «Первобытность», царитъ во всей своей неприкосновенности! «Положеніе больныхъ, вынужденныхъ за неимѣніемъ свободныхъ мѣстъ въ гостинницѣ, жить въ ближней деревнѣ, отстоящей отъ грязе-лечебницы въ разстояніи около одной версты, вообще *весьма печальное*», а условія леченія грязью для больного, не доставшаго себѣ номеръ въ единственной гостинницѣ,—таковы, что дѣлаютъ «жизнь почти невыносимою и весьма рискованною для здоровья». Не особенно ободрителенъ для желающихъ ѣхать въ Саки и совѣтъ автора — запасаться собственными тюфяками для потѣнія.

«Теперь же—говорить онъ—приходится днемъ послѣ ванны обливаться потомъ, а ночью спать на одвомя и томъ-же матрацѣ, обыкновенно просушенномъ съ грѣхомъ пополамъ. Но въ особенности неприятно, для мнительныхъ больныхъ, постоянно тревожиться мыслью, что кто нибудь изъ прежнихъ больныхъ пользовался этимъ-же матрацомъ, да еще, можетъ быть, сифилитикъ или еще съ какой нибудь прилипчивой болѣзью».

Итакъ, запасайтесь своимъ тюфякомъ и поѣзжайте въ Саки, если имѣете несчастіе нуждаться въ этой первобытной цѣлебной дырѣ...

Не лучше обстановка и въ Евпаторіи.

Гостинницы двѣ и «репутація обѣихъ въ отношеніи чистоты плохая». Авторъ слишкомъ даже мягко выражается, судя по слѣдующему описанію залы одной изъ этихъ «плохихъ» гостинницъ:

«Это была мрачная, громадная комната, съ буфетной стойкой у окна. Закуски были размѣщены близъ окна, на которомъ стояли четыре тарелки съ бумажками отъ мухъ, засиженныя околѣвавшими мухами—видъ былъ возмутительный! Весь подоконникъ и стекла буквально сплошь были покрыты околѣвшими мухами, такъ что бѣлая краска окна просвѣчивала лишь мѣстами изъ-за черной пелены мухъ. И это еще рядомъ съ выставкой закусокъ! для возбужденія аппетита!»

Не бѣда! Истинный «патріотъ» долженъ ѣхать въ російскіе ку-

порты, запасаясь собственнымъ тифякомъ, созерцать засиженныхъ мухъ и даже ѣсть ихъ, во славу гг. Каткова и Суворина, и радоваться, если «курсъ» пройдетъ безъ какого либо «недоразумѣнія» со стороны мѣстныхъ властей!

ИЗЪ ДОМАШНЕИ ХРОНИКИ.

Либеральное фразерство г. Ев. Маркова и его обвиненіе современнаго общества въ отсутствіи идеала.—Точно-ли идеаль былъ только у 60-хъ годовъ, а у 80-хъ его нѣтъ?—Въ чемъ обязанность публициста и имѣеть-ли онъ право бросать въ лицо обществу обвиненія, умалчивая о причинахъ почему дурныя истинны беруть перевѣсъ надъ хорошими? Отчего лучшія и справедливыя идеи оказываются иногда подспудомъ. — Подтасовка фактовъ. — Какія случайныя причины помогли осуществленію судебной реформы и началу реформы крестьянской.—Малочность и уловки противниковъ перемѣвъ.—Преувеличенный взглядъ на отсталую публицистику.—Что съ особенной любовью преслѣдуетъ она теперь и какъ нападка на общество она хочетъ подорвать наше самоуправленіе во всѣхъ видахъ.—Обвиненіе с-петербургской городской думы.—На сколько эти обвиненія справедливы.—Переходное, зависимое положеніе городскихъ управленій.

Я приведу читателю образчикъ одного фразерства, тѣмъ болѣе неизвинительнаго, что подъ его либеральной личиною кроется намѣренное желаніе спрятать правду. Образчикъ этого фразерства принадлежитъ г. Евг. Маркову, украшающему своими статьями «Спб. Вѣд.» и «Н. В.». «Малодушіе у болѣе нравственныхъ людей, наглій матеріализмъ, культъ золотого кумира у людей болѣе грубыхъ,— вотъ, говоритъ г. Марковъ, всегдашнія, неизбѣжныя послѣдствія охлажденія общественнаго духа. Уныніе, доходящее до презрѣнія къ жизни, съ одной стороны; сладострастіе и грабежъ—съ другой! Нѣтъ въ обществѣ единства любви и союза для одной высокой, общей цѣли, и общество распадается на отдѣльныя, другъ друга не поддерживающія, другъ друга презирающія и истребляющія мелкія самолюбія.

«Подавить мелочныя побужденія личностей, узкую нетерпимость кружковъ можетъ только широкая, надъ всѣмъ возвышающаяся, всеподавляющая собою нравственная цѣль; она откроетъ свѣтлые горизонты дали и поведетъ всѣхъ подъ однимъ высоко поднятымъ знаменемъ, дружною слитившеюся ратью, какъ возбуждалъ какъ-то къ боевымъ подвигамъ нестройныя толпы крестноносцевъ, прекращая разомъ всѣ ихъ мелочныя споры и вражду, одинъ далекій

видъ воодушевлявшей всѣхъ ихъ святости. Нашему вѣку, нашему обществу необходимо вызвать изъ нѣдръ своихъ силу, которая-бы выступила на рѣшительную и воодушевленную борьбу съ сознаннымъ зломъ современности. Смѣшно было-бы утверждать, что силы этой еще нѣтъ среди насъ. Конечно, она уже есть; но въ настоящемъ моментѣ своемъ, добрыя силы нашего общества находятся слишкомъ въ дремотномъ, слишкомъ въ апатическомъ состояніи и нуждаются поэтому въ самомъ рѣшительномъ и смѣломъ подъемѣ, должны быть, дѣйствительно «вызваны къ жизни». XVI-й вѣкъ имѣлъ свою идею протестантизма, XVIII—свою идею всемірнаго братства и свободы, франкмасонство—свои цѣли нравственнаго совершенства и взаимно-помощи, гегелианизмъ—юношескую вѣру въ красоту и необходимость своихъ логическихъ построений міра... Наши 60-е года также имѣли свой идеалъ, многими неясно сознанный, многими ложно построенный, но, все-таки, идеалъ, воодушевляющій ихъ, сочувствіемъ къ людямъ, стремленіемъ къ ихъ счастью. Теперь-же у насъ незамѣтно соединяющей всѣхъ общей идеи, охватившаго всѣхъ одушевленія.

Такими мрачными чертами рисуетъ г. Марковъ картину современной Россіи. Картина дѣйствительно мрачная, но дѣло, не въ этомъ, а въ томъ, что г. Марковъ смѣшалъ краски, которыя не мѣшались, и съ непостижимымъ искусствомъ, съумѣлъ соединить мысли высказываемыя консерваторами, и ретроgrадами, и прогрессистами, и либералами, и даже радикалами. Я началъ «хронику» г-мъ Марковымъ не потому, чтобы увлекался противъ г. Маркова полемическимъ задоромъ, а потому, что г. Марковъ въ извѣстной степени есть «собрательное понятіе»; онъ болѣе даровитый и выдающійся представитель цѣлой массы людей «праздно болтающихъ» о добродѣтели, объ общественной и личной нравственности, объ идеалѣ и тому подобныхъ благородныхъ матеріяхъ, проливающихъ гражданскія слезы надъ испорченностію челоуѣчества и въ то-же время несознающихъ, въ своемъ гражданскомъ невѣденіи, что они-то именно и составляютъ то самое общество, тотъ самый мѣшающій слой, оттягивающій все къ застою, на который они жалуются.

Г. Ев. Марковъ говоритъ, что поклоненіе золотому тельцу, наглый матеріализмъ и малодушіе у болѣе нравственныхъ людей являются всегда въ моменты «охлажденія общественнаго духа». Относительно «малодушія болѣе нравственныхъ людей» я говорю теперь не стану; что-же касается «золотого тельца» и «наглаго матеріализма», то установить голый фактъ не значитъ еще сказать что-ни будь. Читая г. Евг. Маркова, невольно проникаешься негодованіемъ къ обществу, которое ни съ того, ни съ сего «охладило въ себѣ об-

щественный духъ» и этимъ создало «поклоненіе золотому тельцу» и «наглому матеріализму». Но позвольте, г. Ев. Марковъ—зачѣмъ и почему вы охладили въ себѣ общественный духъ, кого вы видите, по какому праву вы убѣгаете со скамьи обвиняемыхъ и превращаетесь въ обвинителя? Подумайте и разберите дѣло, ибо фактъ, о которомъ вы говорите, фактъ въ исторіи общезвѣстный. «Поклоненіе золотому тельцу» и «грубый матеріализмъ» составляютъ настолько постоянное общественное явленіе, что о немъ говорилъ еще Соломонъ. Но зло общественной жизни не въ томъ, что они существуютъ, а въ томъ, что они преобладаютъ. Когда послѣ 2 декабря Наполеону III нужно было отвлечь вниманіе французскаго общества отъ внутренней политики, онъ выслалъ тридцать тысячъ «безпокойныхъ голосовъ» въ Новую Каледонію и въ другія мѣста и, «охладивъ этимъ общественный духъ», создалъ затѣмъ «кредитомъ» и «биржей» новое поприще для поклоненія золотому тельцу. Никогда погоня за анживой не достигала во Франціи до такихъ размѣровъ, какъ при Наполеонѣ III. Послѣдствія извѣстны. Дѣйствуя на дурныя страсти, отвлекая общественное вниманіе отъ внутреннихъ вопросовъ, преслѣдуя патріотовъ и независимыхъ людей, поощряя подкупъ и предательство и замазывая глаза рабочему населенію, Наполеонъ III подготовилъ Седанъ. У Франціи не оказалось ни людей, ни ума, ни знанія, ни энергіи, чтобы противодѣйствовать Германіи, самые повидимому преданные и вѣрные генералы оказались измѣнниками и люди, наиболѣе облагодѣтельствованные, стали предателями. Съ провозглашеніемъ республики личное, наполеоновское начало уступаетъ мѣсто общественному, являются на сцену другіе люди, а съ ними—другія идеи и другіе интересы.—Ни поклоненіе золотому тельцу, ни грубый матеріализмъ не исчезли съ лица Франціи, но они перестали быть единственнымъ поприщемъ, на которомъ способности, энергія и предпріимчивость могли находить для себя дѣло. Теперь для дѣятельныхъ силъ общества и для его вниманія открылось масса новыхъ путей и къ нимъ направилась масса новыхъ силъ, не имѣвшихъ прежде доступа въ эту область. Г. Евг. Марковъ устанавливаетъ фактъ вѣрно, когда говоритъ, что «послѣдствіемъ охлажденія общественнаго духа» является наглый матеріализмъ и культъ золотого кумира, но его намѣренное или ненамѣренное лукавство заключается въ томъ, что онъ умалчиваетъ о причинахъ этого явленія и заставляетъ между строкъ читать обвиненіе общества. Что это какъ не пустыя фразы, что въ обществѣ только «сладострастіе и грабежъ», что въ немъ нѣтъ «единства любви» и «союза къ высокой, общей цѣли», что «общество распадается на отдѣльныя мелкія самолюбія». Ну все это есть и все это очень скверно; а

что-же дальше? Что-же нужно дѣлать, чтобы не было сладострастія и грабежа, чтобы явилось единство любви и союзъ къ высокой, общей цѣли? вмѣсто того чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, г. Евг. Марковъ снова изливается цѣлымъ потокомъ фразъ. Оказывается, что мелочныя побужденія личности можетъ «подавить всеподавляющая (!) собою (!) нравственная цѣль», она «откроетъ свѣтлыя горизонты дали», она «поведетъ всѣхъ подъ однимъ высоко-поднятымъ знаменемъ», и мы, наконецъ, уподобимся крестноносцамъ. «У cadaго вѣка были свои задачи, разсуждаетъ г. Евг. Марковъ. У XVI вѣка была идея протестантизма, у XVIII—идея всемірнаго братства. Нашему вѣку, нашему обществу необходимо тоже вызвать изъ нѣдръ своихъ силу для воодушевленной борьбы съ сознаннымъ зломъ современности. И у нашихъ 60-хъ годовъ былъ свой идеалъ, воодушевлявшій сочувствіемъ къ людямъ, стремленіемъ къ ихъ счастью. Теперь-же, т. е. у восьмидесятыхъ годовъ, незамѣтно никакой общей идеи, которая-бы обхватывала всѣхъ однимъ общимъ одушевленіемъ». Какое красивое и безсодержательное словоизверженіе! Но вѣдь мало говорить красивыми словамъ, которыя каждый можетъ перетолковывать по-своему; надо еще говорить и точными понятіями, чтобы не было никакихъ недоразумѣній, чтобы каждый могъ видѣть съ кѣмъ и за кого г. Евг. Марковъ, чему онъ поучаетъ своего читателя, какіе «отрываетъ свѣтлыя горизонты дали» и подъ какое онъ приглашаетъ знамя. «Нашему вѣку, нашему обществу, необходимо тоже вызвать изъ нѣдръ своихъ силу, для борьбы съ сознаннымъ зломъ современности». Но какое-же сознанное зло современности, въ чемъ зло нашего вѣка? Въ личномъ отвѣтѣ г. Евг. Маркова на этотъ вопросъ пожалуй и нѣтъ особенной нужды, ибо отвѣтъ даетъ исторія; но мнѣніе г. Маркова, какъ представителя извѣстной части русскаго общества, важно для того, чтобы знать, какими опредѣленными идеями она проникнута, и почему она присвоиваютъ себѣ право обвинять восьмидесятые года въ отсутствіи идей и идеаловъ. Теперь, напримѣръ, не только въ Европѣ, но даже въ Америкѣ стоитъ на очереди аграрный вопросъ и послѣдствія, вызванныя этимъ вопросомъ, имѣютъ весьма тревожный характеръ. Если общество, къ которому принадлежитъ г. Евг. Марковъ, признаетъ причины, создавшія аграрный вопросъ, «сознаннымъ зломъ современности»; оно должно признать такимъ-же зломъ и причины, создавшія европейскій рабочій вопросъ; а если оно признаетъ этотъ вопросъ, то должно узаконить и стремленія рабочаго къ политической равноправности; признавая-же законность политической равноправности, оно должно признать неизбежность всѣхъ тѣхъ средствъ, безъ которыхъ немислима справедливая и правильная организація общественныхъ отноше-

ній. А если все это такъ, если «наши 60-е года имѣли свой идеалъ, воодушевлявшій всѣхъ сочувствіемъ къ людямъ, стремленіемъ къ ихъ счастью», то откуда-же могъ явиться совсѣмъ неожиданный и произвольный выводъ, что теперь у насъ нѣтъ идеала?

Въ настоящее время только лѣнливый не упрекаетъ общество въ смутности понятій. И смутность эта дѣйствительно существуетъ; но она вовсе не всеобщая, эта смутность кружковая, смутность только въ извѣстной части общества, той его части, которая отличалась во всѣ времена неясностію мысли, неточностію представлений и неопредѣленностію общественныхъ требованій. Такие люди бывали и будутъ вѣчно. Они были и во время Петровской реформы, и въ эпоху преобразованій Александра I, и въ эпоху реформъ Александра II.

Въ эпохи реформъ, въ моментъ подъема общественнаго духа и такъ-называемаго всеобщаго воодушевленія, люди смутныхъ понятій незамѣтны только потому, что они идутъ въ хвостъ движенія и пристають къ руководящей партіи. Но затѣмъ, когда руководство отъ идейныхъ людей переходитъ къ людямъ не идейнымъ, и когда хозяевами обстоятельствъ являются тѣ, кто раньше шелъ въ хвостъ, то лишь выступаетъ на первый планъ то, что прежде стояло на второмъ, и смутности, которой прежде только не замѣчали, но которая была не меньше, теперь кидается въ глаза. Если-бы г. Евг. Марковъ не страдалъ несчастной слабостію къ невозможнымъ обобщеніямъ, онъ не свалилъ-бы всего въ одну кучу. Точно въ 60-хъ годахъ *всѣхъ* соединяла одна общая идея и охватывало *всѣхъ* одушевленіе! Тогда во главѣ умственнаго движенія стояла сравнительно очень небольшая кучка людей; въ литературѣ и въ публицистикѣ дѣйствовало можетъ быть 10—15 человѣкъ, которые давали направленіе литературному движенію мысли; въ администраціи такихъ лицъ, отъ которыхъ зависѣло идейное направленіе реформъ, было тоже немного; всѣ выдающіеся дѣятели по освобожденію крестьянъ, по земской и судебной реформѣ, извѣстны наперечетъ. Затѣмъ за ними начинался «хвостъ». Въ главѣ «хвоста» стояли тоже болѣе даровитые и порядочные люди, но «охвостье» состояло изъ всякаго люду и оканчивалось всякими бездарностями, а главное — безхарактерностями. Если-бы можно было сдѣлать въ настоящее время смотръ всѣмъ идейнымъ людямъ, въ которыхъ нашли свое продолженіе освободительныя и гуманныя идеи 60-хъ годовъ, то этихъ людей оказалось-бы далеко больше, чѣмъ ихъ было въ началѣ реформъ. Ихъ больше и въ литературѣ, и въ жизни, и въ средѣ земства, и въ средѣ суда и въ средѣ освобожденнаго народа. Въ нихъ, конечно, выражается не такая напряженная идейная интeнсивность,

какой отличались пионеры 60-х годовъ, но за то во всей своей массѣ они представляютъ большую поверхность и болѣе упругую, осточерчивую силу уже только потому, что пережитый ими двадцатилѣтній періодъ утвердилъ въ нихъ извѣстныя привычки мысли и практическихъ отношеній, которыхъ нельзя ни уничтожить, ни замѣнить другими привычками. Что въ 60-хъ годахъ было чисто идейнымъ, теоретическимъ стремленіемъ и требованіемъ, то въ эти двадцать лѣтъ воспиталось практикой уже въ установившейся укладъ новыхъ бытовыхъ гражданскихъ отношеній и приняло какъ-бы органическій характеръ. Очевидно поэтому, что признавать «идеаль» только у людей 60-хъ годовъ и не признавать его у людей 80-хъ годовъ — тоже самое, что доказывать, что людямъ 60-хъ годовъ нужно было пить и ѣсть, а для людей 80-хъ годовъ этого не требуется. Попрыщинъ, былъ гораздо логичнѣе г. Евг. Маркова. Попрыщинъ, отлично зналъ, что Испанія не можетъ быть безъ короля, и что король въ ней непремѣнно есть, но онъ только куда-то спрятался. Идеи и идеалы — такой же испанскій король, и если г. Марковъ короля не замѣчаетъ, то уже, конечно, въ этомъ виноватъ не король. Въ настоящее время «идеаль воодушевляющій сочувствіемъ къ людямъ, стремленіемъ къ ихъ счастью», такъ-же чистъ и перешелъ отъ 60-хъ годовъ къ 80-мъ въ томъ-же самомъ видѣ, въ какомъ онъ былъ тогда. Ни задачи, ни цѣли, ни стремленія — ничто не измѣнилось. Помѣстившись среди «всѣхъ», г. Евг. Марковъ возмущается (да и возмущается-ли?), что онъ окруженъ «сладоустрасіемъ» и «грабежемъ», что нѣтъ «единства любви», нѣтъ «союза къ высокой общей цѣли». Да развѣ идеалы ищутъ среди «всѣхъ», развѣ когда-нибудь «всѣ» бывали вождями человечества, развѣ «всѣ» создавали литературное движеніе 60-хъ годовъ, развѣ «всѣ» разрабатывали и творили принципы и основы освобожденія крестьянъ, земства и гласнаго суда?

Обязанность всякаго публициста искать честно истину и ничего кромѣ истины. Идеаль и есть только эта честная истина, истина для всѣхъ, а не для нѣкоторыхъ. Никакое либеральное фразерство, никакая декламация не скроютъ лживости чувствъ и побужденій, руководящихъ публицистомъ, и самыми сахарными устами ему не удастся замаскировать неправды, гнѣздящейся въ его сердцѣ. Урокъ этой честности былъ, кажется, достаточно преподанъ 60-ми годами и если, не смотря на то, нѣкоторые публицисты 80 хъ годовъ не сохранили традиціи, то они первые-же не имѣютъ права жаловаться на «грабежи» и «сладоустрасіе», на отсутствіе «любви» и «союза къ высокой цѣли». Не тѣхъ нужно учить истинѣ, кто и безъ васъ ее знаетъ, а тѣхъ, кто ее не

знать и это хочет ее найти. Но развѣ вы имъ помогаете? Какое-же вы имѣете право вздыхать объ идеалахъ 60-хъ годовъ и приобщать себя къ нимъ или кидать въ современное общество упреками и обвиненіями, когда вы первые не выполняете завѣта 60-хъ годовъ и попираете достоинство публицистики, превращая ее изъ свѣточа въ чадащу... контилку? Только потому, что среди вашихъ «всѣхъ» вы не способны увидѣть людей, затаившихъ въ себѣ истину и подобно весталкамъ, хранящихъ до лучшихъ временъ «священный огонь», вы говорите, что на землѣ совсѣмъ нѣтъ истины, справедливости и правды, и идеалъ исчезъ; тогда какъ ваша обязанность публициста и велить вамъ найти эту истину, указать ее своимъ и вашимъ «всѣмъ» и отстаивать ее съ тѣмъ мужествомъ, уроки котораго вы не должны были забыть. И въ самомъ дѣлѣ—передъ обществомъ двѣ картины, два его отраженія: въ одномъ повсюду кипитъ энергія мысли и дѣла, всѣхъ «охватило воодушевленіе», всѣхъ соединяетъ «любовь» къ одной «общей возвышенной цѣли»; въ другой спячка, «грабежи», «сладоэстрастіе» и нѣтъ никакого связывающаго единства. Публицистъ рисуетъ эти двѣ картины и затѣмъ раздражается порицаніемъ, кидаетъ въ лицо обществу обвиненіе и удаляется. Исполнилъ-ли онъ свое дѣло, разрѣшилъ-ли онъ обществу имъ-же самимъ возбужденный вопросъ—отчего общество было сегодня такимъ, а завтра стало другимъ? Публицистъ, добросовѣстно ищущій истину, долженъ быть остороженъ на обобщенія, онъ долженъ умѣть анализировать и разлагать, устанавливать группы понятій и людей и точно опредѣлять ихъ взаимныя количественныя отношенія. Безъ этого онъ будетъ валить въ кучу «всѣхъ», то, что туда совсѣмъ не идетъ, и проглядитъ то, что слѣдуетъ выставить во всей ярости его достоинства и отстоять со всею силою и энергіею публицистскаго краснорѣчія. Публицистъ, въ которомъ нѣтъ этихъ способностей, долженъ бросить публицистику и оставить жалкую претензію на проповѣдника и прогрессивнаго руководителя общественнымъ мнѣніемъ. И эту претензію давно-бы слѣдовало оставить г. Ев. Маркову.

Въ нынѣшнемъ году вышла въ Москвѣ небольшая брошюрка о Замятнинѣ, разборъ которой читатель найдетъ въ «новыхъ книгахъ» этого № «Дѣло». Въ брошюрѣ есть весьма интересныя историческія подробности о судебной реформѣ и о тѣхъ противуположныхъ теченіяхъ, которыя, подобно Сциллѣ и Харибдѣ грозили судебной реформѣ гибелью. Оказывается, что и надъ судебной реформой висѣлъ Дамокловъ мечъ и только случай и ловкость сторонниковъ реформы помогли ей торжеству. Извѣстно, что если бы министръ в. ., С. С. Ланской, не напечаталъ въ одну ночь

извѣстный циркуляръ губернаторамъ, то старой партіи, какъ удостовѣряетъ покойный Я. А. Соловьевъ, быть можетъ удалось-бы надолго задержать реформу. Съ «Судебными уставами» повторилось почти тоже. И до, и послѣ ихъ обнародованія враждебная партія дѣлала все возможное, чтобы затормозить и исказить дѣло. И съ этой реформой сторонникамъ ея пришлось такъ-же торопиться, какъ съ крестьянской. Это отлично понимали, какъ предсѣдатель государственнаго совѣта, князь Гагаринъ, такъ и министръ юстиціи, Замятинъ. По этому-то какъ только судебные уставы были утверждены, они были препровождены въ тотъ-же день въ сенатъ для обнародованія. Когда оказалось, что задержать изданіе «судебныхъ уставовъ» невозможно, то враждебная партія перемѣнила тактику и начала принимать всякія мѣры, чтобы оттянуть введеніе «суд. уст.» въ дѣйствіе. Въ особенности напирала на то, что самостоятельность судебныхъ учрежденій подрываетъ значеніе «власти», лишая ее одной изъ важнѣйшихъ прерогативъ—право перевершенія дѣлъ, рѣшенныхъ судами. Замятину и друзьямъ реформы стоило не малаго труда оправдать судебную реформу отъ такого обвиненія. И когда ему это удалось, то было рѣшено ввести судебную реформу во всѣхъ частяхъ, на первый разъ въ двухъ судебныхъ округахъ—Петербуржскомъ и Московскомъ. Препятствія для этого были довольно серьезныя: недостатокъ денегъ, недостатокъ людей, недостатокъ помѣщеній. Послѣднее обстоятельство кажется ничтожнымъ, а между тѣмъ противники на него-то именно и возлагали свои надежды, и не безъ основанія. Если-бы для помѣщенія новыхъ судовъ пришлось-бы строить дома, и если-бы на постройку ихъ были даже ассигнованы деньги, то на постройку ушло-бы нѣсколько лѣтъ и кто могъ-бы поручиться, что въ теченіи ихъ судебная реформа уцѣлѣла? Очевидно, что нужно было прискаты во что-бы то ни стало подходящее зданіе. «Замятинъ объѣздилъ почти весь Петербургъ, рассказываетъ Гр. Джаншievъ, осмотрѣлъ всѣ зданія, которыя-бы годились для дѣла, но ни одно изъ нихъ его не удовлетворило. Замятинъ сталъ уже отчаиваться и скорбѣть, что дѣло можетъ разстроиться только изъ-за того, что въ Петербургѣ не оказывается зданія, пригоднаго для суда, какъ совершенно неожиданно выручилъ его архитекторъ Шмидтъ. Шмидтъ, видѣвшій за границей судъ присяжныхъ и хорошо понимавшій значеніе судебной реформы, сослужилъ ей хорошую службу. Онъ предложилъ приспособить для петербургскихъ судебныхъ установленій зданіе арсенала на Литейномъ проспектѣ. На первый взглядъ планъ Шмидта казался фантастичнымъ. И въ самомъ дѣлѣ: зданіе безъ лѣстницъ, съ большими воротами, черезъ которыя возили и вывозили пушки; какъ въ короткое время

устроить въ немъ залы для публичныхъ засѣданій, многочисленныя кабинеты для должностныхъ лицъ, залы для обширной канцеляріи семи отдѣленій окружнаго суда, трехъ департаментовъ судебной палаты, нотаріата, прокурорскаго надзора и проч.! При ближайшемъ, однако, соображеніи, фантастичность плана Шмидта изчезала и Замятнинъ его принялъ. Неизмѣнный поборникъ реформы, военный министръ Д. Н. Милютинъ, которому арсеналь былъ подвѣдомственъ, охотно согласился уступить его подъ новый судъ. Министръ финансовъ, М. X. Рейтернъ, также безъ затрудненій отпустилъ нужную сумму—и работа закипѣла. Всю зиму 1865 г. работали, иногда ночью при электрическомъ освѣщеніи, надъ приспособленіемъ арсенала къ новому назначенію—и къ назначенному сроку судъ былъ открытъ».

Это не единичный фактъ изъ исторіи нашихъ недавнихъ реформъ и значеніе его именно въ томъ, что онъ фактъ реальный, а не головной, и потому съ нимъ нельзя дѣлать тѣхъ априористическихъ экспериментовъ, на которые такъ падеи публицисты извѣстнаго лагеря, такъ возвысившіе свой голосъ въ послѣднее время. Массу аналогичныхъ фактовъ представляютъ реформа крестьянская и земская. Что-бы сказалъ г. Марковъ, если-бы противодѣйствія взяли перевѣсъ и ни крестьянская, ни судебная реформа не осуществились въ свое время? О, конечно, онъ пригласилъ-бы къ себѣ С. С. Ланского, Д. Н. Милютина, Замятнина, Я. А. Соловьева и сказалъ-бы имъ, что у нихъ не достаетъ «воодушевленія», что ихъ «къ одной, общей возвышенной цѣли» не соединяетъ «любовь» и т. д., и, изливъ на нихъ этотъ потокъ пустыхъ фразъ, удалился-бы очень довольный собою и своимъ «патріотическимъ» краснорѣчіемъ. Еще разъ повторю, что я имѣю дѣло не съ г. Ев. Марковымъ, онъ только одинъ изъ признаковъ того множества, которое всегда переходитъ на торжествующую сторону; это «множество» изображаютъ собою извѣстный умственный моментъ и составляетъ характерный признакъ интеллектуальнаго состоянія нашего времени и управляющихъ имъ теченій.

Добросовѣстность публициста заключается, конечно, не въ томъ, чтобы замалчивать факты, а въ томъ, чтобы освѣщать ихъ правильно. Въ послѣднее время Россія жнетъ богатую и роскошную жатву массы общественныхъ безобразій, выросшихъ на той почвѣ, которую подготовили, вспахали и утучнили своимъ трудомъ противники откровенныхъ и смѣлыхъ реформъ, не желавшіе поступиться своими личными выгодами и своею властію. Но можно-ли считать того публициста добросовѣстнымъ, котораго, указывая на безобразія, причины ихъ объяснить въ руку обскурантамъ. А именно публицисты этого сорта и встали теперь

во главѣ петербургской печати. Они кричатъ о честности и благородствѣ, они громятъ лицемѣріе, они разоблачаютъ ложь и неправду — и сами они только ложь, неправда и лицемѣріе. Теперешняя московская публицистика неизмѣримо выше, умнѣе и самостоятельнѣе] петербургской. Петербургская идетъ въ хвостъ за «Московскими Вѣдомостями» и въ Петербургѣ не найдется ни одной самостоятельной газеты, которая-бы точно и опредѣленно установила свои воззрѣнія и имѣла-бы на столько умственного и нравственного мужества, чтобы не лавировать между двумя теченіями. Петербургская печать по пословицѣ «я Богу свѣчка и чорту кочерга», заигрываетъ съ читателями и того и другого направленія и то высказываетъ мысли, которыя могли-бы служить украшеніемъ лучшаго органа европейской печати, то падаетъ до базарнаго уровня и самаго тупаго непониманія азбуки общественныхъ отношеній. И не таланта не достаесть у публицистовъ этой печати и одного изъ ея представителей г. Ев. Маркова,—у нихъ не достаесть политической нравственности и чувства достоинства. Московская печать не богата органами, и большихъ газетъ въ ней только одни «Московскія Вѣдомости», за тѣмъ «Русскія Вѣдомости», «Русскій Курьеръ» и закрытый недавно «Московскій Телеграфъ». Газеты эти, не считающія большой печатью и не дающія своимъ читателямъ богатаго и разнообразнаго матеріала, имѣютъ, однако, свою очень точную умственную физиономію и преслѣдуютъ вполне ясныя и опредѣленныя цѣли; онѣ не заискиваютъ передъ «Московскими Вѣдомостями», не превращаютъ себя въ эхо г. Каткова и не покупаютъ своего существованія разными лицемѣрными уступками, унижая и достоинство печати, и свое личное достоинство. Сохраняя свою независимость, они представляютъ читателю гарантію, что любой общественный фактъ и любое общественное явленіе будутъ объяснены въ нихъ правильно, съ точки зрѣнія общаго интереса и истины, а не тенденціозно и однопредметно, въ интересахъ растущаго кулачества и укрѣпляющейся и растущей русской буржуазіи, какъ это было, напримѣръ, съ пресловутымъ кавказскимъ транзитомъ.

Кстати замѣтить, что у насъ въ обществѣ — я говорю о лучшей его части — существуетъ нѣсколько преувеличенное воззрѣніе на значеніе «Московскихъ Вѣдомостей». Газета эта дѣйствительно служитъ вѣхой тому крайнему, въ обратномъ смыслѣ, направленію, которое она собою изображаетъ; но это служеніе больше теоретическое, оно больше хорошее, логическое умствованіе, послѣдовательно доходящее до конца и являющееся такимъ образомъ лишь выраженіемъ идеала, въ дѣйствительности не осуществимаго. Въ нашей государственной практикѣ и въ государ-

ственныхъ учрежденіяхъ имѣются такія гарантіи и установились такія традиціи, которыя не могутъ уже уклониться отъ выработаннаго для нихъ временемъ направленія и подчиняться какимъ-нибудь частнымъ вліяніямъ, нарушающимъ установившееся понятіе о нуждахъ и пользахъ государства. Разъ государственныя учрежденія дѣйствуютъ свободно въ предѣлахъ установленной для нихъ компетенціи, они всегда приходятъ къ тому уравновѣшенному выводу, въ которомъ выражается наибольшая возможная законность и безпристрастіе. Укажу нѣсколько фактовъ. Графъ Паленъ, смѣнившій Замятина, отличался по отношенію къ новымъ судамъ такою-же неудержимою страстію къ разрушенію, какую обнаруживаетъ къ нимъ нынче г. Катковъ. И вотъ, вступивъ въ управленіе министерствомъ юстиціи, графъ Паленъ «подъ благовиднымъ предлогомъ улучшенія судебныхъ уставовъ по указаніямъ опыта», говоритъ г. Жаншіевъ, вносилъ въ государственный совѣтъ ежегодно какіе-нибудь реакціонные проекты и, наконецъ, въ 1878 г. задумалъ почти вполне упразднить суды присяжныхъ и уничтожить независимость присяжной адвокатуры. Но изъ всѣхъ проектовъ графа Палена прошелъ только одинъ, да и тотъ недавно отмѣненъ въ большей своей части. Или другой примѣръ. Преданіе суду присяжныхъ бывшаго казанскаго губернатора Скарятина вызвало громы со стороны «Моск. Вѣд.» и недавно явилось въ въ газетахъ извѣстіе, что дѣло по преданію г. Скарятину суду присяжныхъ прекращено. Это неясное извѣстіе, съ одной стороны, заставило ликовать поборниковъ авторитета губернаторской власти, а съ другой вызвало малодушную панику и какъ-бы пришибло сторонниковъ равноправности. То и другое случилось, конечно, только потому, что въ нашемъ обществѣ о дѣйствующихъ законахъ и государственныхъ учрежденіяхъ существуютъ самыя смутныя представленія. Въ подобномъ невѣжествѣ мы привыкли обвинять крестьянъ, но если крестьянинъ дѣйствительно не знаетъ ни законовъ, ни своихъ правъ, то и мы, образованные, едва-ли въ этомъ отношеніи оказываемся болѣе свѣдущими. Прежде всего, если разъ состоялось преданіе суду, то дѣло не можетъ не дойти до судебного разбирательства. Передамъ читателю соображенія по этому предмету «Рус. Вѣд.», напечатанныя въ 115 № этой газеты. «Первый департаментъ правительствующаго сената, являющійся обвинительною камерою для преступленій по должности, совершенныхъ губернаторами, предать г. Скарятину суду уголовного кассационнаго департамента, безъ участія присяжныхъ засѣдателей. Затѣмъ кассационный департаментъ, убѣдившись изъ предварительнаго разсмотрѣнія дѣла, что г. Скарятину приписываются дѣянія, за которыя слѣдуетъ лишеніе правъ состоянія, счелъ себя

не вправѣ разсм отрѣть дѣло безъ присяжныхъ. Департаментъ поступилъ въ этомъ случаѣ по точному смыслу 201 ст. уст. угол. суд., по которой коронный судъ не имѣетъ права рѣшать безъ присяжныхъ дѣла о преступленіяхъ, за которыя въ законѣ положены наказанія, соединенныя съ лишеніемъ или ограниченіемъ правъ состоянія. Такимъ образомъ, говорятъ «Рус. Вѣд.», постановленіе уголовного кассационнаго департамента объ измѣненіи первоначальнаго направленія дѣла г. Скарятина было совершенно правильно по существу, но оно породило чисто формальное затрудненіе. Уставъ уголовного судопроизводства строго различаетъ учрежденіе, предающее суду, отъ суда, разбирающаго дѣло по существу, но онъ не предусмотрѣлъ случая пререканія между ними. Когда обвинительная камера является вышешю инстанціею по отношенію къ суду, разсматривающему дѣло по существу, какъ напр. судебная палата и окружный судъ, то подобное пререканіе не мыслимо. Но случай, подобный настоящему, когда два департамента одного и того-же установленія разошлись во взглядѣ на дѣло—въ уставѣ не предусмотрѣны. Практически возникшее затрудненіе сводилось къ тому, что не кому было составить новый обвинительный актъ. Самъ уголовный департаментъ не могъ составить его. Оставался только оберъ-прокуроръ, какъ наиболѣе подходящее при данныхъ обстоятельствахъ лицо для составленія акта. Но вѣроятно и этотъ выходъ признанъ неудобнымъ, и оставался въ силѣ прежній обвинительный актъ». Публикѣ судъ надъ г. Скарятинимъ безъ участія присяжныхъ, если онъ состоится въ такой формѣ, можетъ, конечно, показаться послѣдствіемъ тѣхъ или другихъ вліяній. Но это только «можетъ казаться». Сенатъ, какъ высшая судебная инстанція, дѣйствуетъ лишь на основаніи точныхъ и опредѣленныхъ законоположеній, отъ которыхъ онъ не можетъ отступить. И въ настоящемъ случаѣ недоразумѣніе произошло лишь потому, что сенатъ держался въ точности закона, не предусмотрѣвшаго возможности подобнаго пререканія, и оплошность, допущенная 1 департаментомъ, дѣйствительно даетъ возможность направить дѣло г. Скарятина такъ, что его будетъ судить коронный судъ, безъ участія присяжныхъ. Если-бы законъ предусмотрѣлъ настоящій случай, то, конечно, не было-бы ни пререканій, ни возможности подобнаго исхода. Не отрицая возможности вліяній въ случаяхъ чисто-административныхъ, напр. въ тѣхъ министерскихъ распоряженіяхъ, для которыхъ не существуетъ точныхъ указаній закона, мы не имѣемъ права допускать личное вліяніе постороннихъ людей или печати на коллегіальныя учрежденія, какъ на сенатъ или государственный совѣтъ. Эти высшія государственныя учрежденія настолько самостоятельны и на-

ходятся въ такомъ удобномъ положеніи, чтобы видѣть всё стороны дѣянаго вопроса, что какое-нибудь крайнее или тенденціозное мнѣніе, защищающее частные интересы, не въ состояніи склонить совѣта на свою сторону. Такъ и повторилось въ вопросѣ о кавказскомъ транзитѣ. Вопросъ этотъ по существу не представляетъ серьезной государственной важности, онъ важенъ только для заинтересованныхъ имъ, преимущественно московскихъ фабрикантовъ. Въ интересахъ русскихъ потребителей и развитія нашей промышленности онъ и вовсе не важенъ; но, благодаря усиленнымъ газетнымъ толкамъ, вопросъ этотъ былъ вздутъ до такого размѣра, что наконецъ дошелъ до разсмотрѣнія государственнаго совѣта. И вотъ, какъ сообщаетъ «Н. В.», 25 апрѣля, дѣло о закавказскомъ транзитѣ поступило на очередь въ общемъ собраніи всѣхъ департаментовъ государственнаго совѣта и изъ 41 члена его за безусловное уничтоженіе транзита высказалось 17 лицъ, а большинство въ числѣ 24 лицъ подало голосъ въ пользу сохраненія нынѣшняго положенія, т. е. совершенно свободнаго транзитнаго пути черезъ Кавказъ для иностранныхъ товаровъ, направляемыхъ въ Персію и на другіе среднеазіатскіе рынки. Возьметъ-ли верхъ при окончательномъ утвержденіи мнѣніе большинства или меньшинства—этого случая я не касаюсь. Голосъ отдѣльныхъ представителей печати можетъ имѣть рѣшающее или руководящее значеніе не на государственныя учрежденія, дѣйствующія въ установленныхъ для нихъ закономъ точныхъ предѣлахъ, онъ является дѣйствительною силой только въ моменты, когда устанавливается или вырабатывается взглядъ на извѣстныя зрѣющія, подготовляющіяся мѣры или реформы, или когда требуется поколебать кредитъ того или другаго мнѣнія или существующаго учрежденія—и такого значенія дѣйствительно нельзя отнять отъ «Моск. Вѣд.». Такъ, когда вводились судебныя уставы и нужно было поддержать эту реформу и показать ея достоинство передъ прежними судами, «Моск. Вѣд.» писали: «Судебная власть не есть собственно власть, даруемая какимъ-либо лицамъ или какому-либо сословію: это льготы, предоставленныя цѣлому народу, это право, предоставленное русскому гражданину. Учрежденіемъ независимой и самостоятельной судебной власти возвышается цѣлое общество. Гдѣ есть благоустроенный судъ, тамъ есть право, тамъ есть огражденіе личности, тамъ есть законная свобода. Съ учрежденіемъ новаго судебного устройства и съ распространеніемъ его во всѣхъ частяхъ Россіи, становится возможнымъ жить въ ней, какъ въ странѣ цивилизованной». Или въ другомъ мѣстѣ: «Все, что есть живого, мыслящаго, разумѣющаго, не можетъ не быть глубоко затронуту. судьбою возникающаго въ наше время новаго порядка

вещей на Руси. Не было-ли бы грустно, еслибъ отъѣна крѣпостного права ограничилась только его формою и оставила его сущность? Но было-бы не менѣе грустно, если-бы новый порядокъ вещей оказался только формою безъ сущности. Чѣмъ важнѣе, чѣмъ шире наши начинанія, тѣмъ менѣе было-бы намъ отъ нихъ чести, если-бы они ограничились только видомъ. Вотъ почему оскорбителенъ всякій намекъ, клонящійся къ тому, чтобы *затемнить сущность* новаго порядка вещей и *лишить его силы*, дающей ему всю его цѣнность, чтобы изъ каждаго начинающаго дѣла *вынуть его душу* и оставить его шелуху, которая давала-бы только сильнѣе чувствовать нищету начинанія...» Замѣчая за тѣмъ, что новыя порядки по необходимости должны сталкиваться со старыми порядками, «М. В.» говорятъ: «до сихъ поръ бюрократическая администрація была у насъ *все во всемъ*. Превжнія судебныя учрежденія были только придаткомъ къ администраціи. Теперь является новое начало, которое, не ограничиваясь судебными учрежденіями, должно оказать свое дѣйствіе повсюду и видоизмѣнять весь строй нашего гражданскаго быта. Сама администрація въ большей или меньшей степени должна усвоить себѣ этотъ новый элементъ и дѣйствовать не такъ, какъ дѣйствовала до сихъ поръ, бывъ единственною и исключительною въ государствѣ силою...» («Моск. Вѣд.», 1866 г., № 198).

Я сдѣлалъ эти выписки совсѣмъ не для того, чтобы указывать «Московскимъ Вѣдомостямъ» ихъ противорѣчія, а привелъ лишь какъ фактъ той роли, какую играетъ публицистика и въ чемъ именно и заключается ея значеніе. Въ 1866 г. нужно было поддерживать новыя суды и «М. В.» ихъ поддерживали; теперь-же, по соображеніямъ «М. В.», нужно колебать значеніе судовъ и поддерживать значеніе администраціи — и они дѣлаютъ это. На той аренѣ, на которой дѣйствуетъ публицистика, она является только подготовляющей силой для установленія и утвержденія извѣстнаго порядка отношеній; а когда этотъ порядокъ установился и закрѣпленъ закономъ—ея дѣло, такъ сказать, кончено. Затѣмъ повторяется опять та-же исторія, т. е. выставляется новая цѣль и достиженіе ея свершается по всѣмъ правиламъ военныхъ дѣйствій. Тутъ есть и застрѣльщики, и партизаны, и главныя силы, и крѣпости, и даже перебѣжчики и шпіоны. И средства въ публицистской борьбѣ употребляются тѣ-же, какъ на войнѣ, т. е. открытая борьба и равныя военныя хитрости, обходы, и даже насиліе и разстрѣливаніе, конечно литературное. Ни одинъ изъ нашихъ публицистскихъ органовъ не выработалъ въ такомъ совершенствѣ приѣмовъ военныхъ дѣйствій и не привалъ ихъ въ такую стройную организацію, какъ «Московскія Вѣдомости»; они изображаютъ со-

бою настоящую армію, а всѣ остальные газеты того-же лагеря — небольшие какъ кавалерія, летучіе отряды и разныя виды развѣдчики и лазутчики. Эта печать называетъ себя патріотической, народнической, самобытнической, но какъ-бы она себя ни называла и какой-бы флагъ она ни выкидывала — грузъ, который она везеть, одинъ и тотъ-же, и задача ея и цѣли, которымъ она служить, все тѣ-же. Въ этомъ смыслѣ очень ошибаются тѣ, кто думаетъ уличать «Московскія Вѣдомости» въ противорѣчіяхъ. То, что кажется противорѣчіями «М. В.», не больше какъ переиначеніе приѣмовъ или средствъ; но будутъ-ли «М. В.» защищать новые суды, какъ это они дѣлали въ 1866 году, или станутъ громить ихъ, какъ это они дѣлаютъ нынче—они только переиначиваютъ фронтъ, и идя направо или налево — всегда идутъ къ одной и той-же точкѣ.

Внѣшній приѣмъ, практикуемый топерешней воинствующей и выступившей впередъ печати заключается въ обвиненіи «общества». «Общество» оказывается виноватымъ во всемъ; оно и глупо, и не зрѣло, и не развито, оно не можетъ справиться ни съ земствомъ, ни съ городскимъ самоуправленіемъ, ни съ «правдой» въ судахъ; оно причиной «хищеній» и всякихъ безобразій, и народного пьянства, и «сладогостіи», и «грабежей», оно причиной, что не удалась вполнѣ ни одна изъ реформъ, что упало сельское хозяйство, что истощаются лѣса, что истощился черноземъ, что исчезло достоинство печати. Какъ на образчикъ подобныхъ вылазокъ, цѣль которыхъ вполнѣ понятна, я укажу читателю на статьи «Нов. Вр.» «образцы російскаго парламентаризма» и «по поводу квартирнаго налога». Первая статья написана по поводу слѣдующаго случая. Г. Троицкій жалалъ прочесть въ техническомъ обществѣ докладъ объ образованіи инженеровъ. Докладъ былъ назначенъ для чтенія на 23 апрѣля, а 21 апрѣля, вечеромъ, г. Троицкій былъ извѣщенъ предсѣдателемъ общества, что чтеніе отлагается на неопредѣленное время. Не желая, чтобы его работа пропала даромъ, г. Троицкій, вмѣсто публичнаго чтенія, долженъ былъ согласиться на изложеніе своего доклада «передъ аудиторіей избранныхъ членовъ». «Н. В.» пользуется этимъ фактомъ и печатаетъ статью «образцы російскаго парламентаризма». Если читателю не выяснилось, почему «русское техническое общество» оказалось «парламентомъ», да еще и «російскимъ», за то онъ узналъ, что наши городскіе, земскіе и ученые парламенты, небольшие какъ говорильни, наполнены «говорильщинами», что наши «малые и большіе образцы російскаго парламентаризма» такъ непривлекательны и такъ въ интересахъ будущаго плачевны; что практика этихъ парламентовъ до комическаго постыжна: долгое переливаніе изъ цу-

стаго въ порожнее и затѣмъ очередной скандалъ». Затѣмъ, обращаясь лично къ техническому обществу, «Н. В.» говорить: «Оно, т. е. техническое общество, при значительной субсидиі отъ правительства и при своемъ несомнѣнномъ техническомъ авторитетѣ, не могло-бы быть серьезно полезнымъ при рѣшеніи всѣхъ вопросовъ по технической экспертизѣ, по техническому суду и по техническому образованію, въ которыхъ такъ часто нуждаются общество, города и все правительство. Поставленное *свободно, ясно и честно*, оно вполне имѣло-бы возможность постоянно стоять на высотѣ своего призванія и быть суперъ-арбитромъ во всѣхъ случаяхъ технической практики и техническихъ злоупотребленій. Въ немъ судъ могъ-бы находить лучшую экспертизу по всѣмъ вопросамъ техники, въ немъ накапливался-бы опытъ текущей практики и техника, въ свою очередь, находила-бы безпристрастную оцѣнку своему авторитету, осужденіе своимъ техническимъ преступленіямъ и ошибкамъ, а также и защиту отъ огульнаго, глупаго нареканія на цѣлыя профессіи или на всѣхъ представителей извѣстнаго знанія и извѣстнаго технического авторитета въ государствѣ. То-ли мы видимъ на самомъ дѣлѣ. Поднимало-ли наше техническое общество вопросы технической нравственности, возвышало-ли оно свой голосъ въ защиту опозориваемыхъ, но непременно нужныхъ для общаго блага профессій? Служило-ли *честнымъ* экспертомъ суду, или техническимъ контролеромъ для государства? Нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ! Оно и не могло этого дѣлать, потому что потянуло сразу въ сторону канцелярщины, съ мертвящимъ формализмомъ и въ концѣ-концовъ породило расколъ и техническія обособленія. Нельзя сказать, чтобы въ немъ не было дѣятельности, но это дѣятельность формальная, холодная, безучастная къ жизни дѣятельность. Но, можно сказать, что въ немъ нѣтъ жизни, потому что какъ только на сцену выплываетъ живой вопросъ, такъ его постигаетъ участь, подобная участи доклада г. Троицкаго. По мнѣнію нѣкоторыхъ, такое канцелярское направленіе дѣла въ техническомъ обществѣ зависитъ отъ его устава. Но такое мнѣніе въ корнѣ ошибочно. Уставъ, какой-бы онъ ни былъ, только форма, содержаніе которой зависитъ всегда отъ людей, управляющихъ его примѣненіемъ».

Этотъ приемъ нельзя назвать даже и новымъ и онъ рассчитанъ только на непроницательность читателя. Когда Добролюбовъ обозвалъ итальянскій парламентъ „говорящей“, онъ думалъ совсемъ не то, что думаютъ гг. Катковъ и «Н. В.», когда употребляютъ это добролюбовское выраженіе. Для того понятія, которое они хотятъ выразить, имъ-бы нужно придумать свое слово, а не употреблять чужое, придавая ему совсемъ другой смыслъ.

Но этотъ плагиатъ не такъ важенъ, какъ вся послѣдующая игра словами. По мнѣнію газеты, техническое общество поставлено вполне въ тѣ условія, при которыхъ оно могло-бы служить дѣлу честно и виною «не уставъ, а тѣ, кто управляетъ его примѣненіемъ».

Хорошо — пускай будутъ виноваты они. Но у насъ, кромѣ „Императорскаго технического общества“, есть еще „Императорское вольное экономическое общество“, объ этомъ обществѣ „Н. В.“ могло-бы сказать то-же самое, что и о техническомъ обществѣ. Существуетъ оно болѣе ста лѣтъ, но что-же оно сдѣлало? Есть у насъ еще „Московское общество сельскаго хозяйства“, предсѣдатель котораго недавно сказалъ, что мѣра для улучшенія сельскаго хозяйства, предлагаемая имъ нынче, предлагалась имъ-же еще 17 лѣтъ назадъ. Чѣмъ это общество, какъ „говорильня“, отличается отъ технического общества? Есть у насъ еще сельскохозяйственныя общества въ разныхъ мѣстахъ имперіи, влащія совершенно подобное-же жалкое существованіе и вызвавшія за свою бездѣятельность такое неудовольствіе со стороны гр. Валюева, что онъ грозилъ совсѣмъ ихъ закрыть; наконецъ, по словамъ „Н. В.“, жалкими говорильнями являются „наши городскіе и земскіе парламенты“. Если все это такъ жалко, если всѣ наши общества—хозяйственныя, ученныя и т. д. являются чѣмъ-то бесплодно существующимъ, то должна-же быть какаѣ-нибудь общая причина такого общаго явленія? Но доходить-ли до выясненія этой общей причины публицистъ „Н. В.“? Нѣтъ, потому что и ему, какъ г. Евг. Маркову, совсѣмъ этого не требуется, а требуется только построить такой силогизмъ, чтобы самъ-же собой сложился въ головѣ читателя слѣдующій выводъ: „такъ какъ никакія общественныя представительства не являются у насъ тѣмъ, чѣмъ они должны быть, то ихъ слѣдуетъ уничтожить“. Эту новую пѣсню распѣвають теперь на всѣ лады „Московскія Вѣдомости“. „Новое Время“ и князь Мещерскій, какъ главные запѣвалы дѣйствующаго хора.

И «по поводу квартирнаго налога» «Н. В.» постъ ту-же пѣсню. Квартирный налогъ тутъ въ сущности ни при чемъ, а требуется уничтожить «самоуправленіе», то ненавистное самоуправленіе, которое мѣшаетъ очень почему-то «Новому Времени». И вотъ, составляется планъ дѣйствій и ведется атака, если не совсѣмъ искусная, то довольно лукаво рассчитанная, на личное чувство читателя. Уже квартирный налогъ и самъ по себѣ, какъ прибавка къ платежамъ, не можетъ возбудить симпатій. Далѣе, указывается на ежегодный расходъ въ 5 милліоновъ, который, однако, думъ еще недостаточенъ. Еще дальше говорится о «дѣлой арміи» людей на жалованьи — гласныхъ и негласныхъ. Еще

дальше—о несмолкаемой болтовнѣ засѣданій съ рѣчами и безъ рѣчей. Еще дальше—что жители Петербурга пьютъ воду «завѣдомо для всѣхъ скверную», что воздухъ они вдыхаютъ зараженный миазмами и зловоніемъ, что хлѣбъ и мясо продаютъ 'по цѣнамъ, какія существовали въ исключительно голодный годъ. Еще дальше—о злоупотребленіяхъ и стачкахъ думцевъ «со всѣми эксплуататорами общественныхъ нуждъ». Разсѣявъ этимъ маневромъ первые ряды неприятеля, публицистъ «Н. В.» дѣлаетъ залпъ въ самоуправленіе вообще. «Скопинскій крахъ, говоритъ онъ, далъ очень рѣзкій, даже чудовищный по своей возмутительной обстановкѣ случай безобразія въ нѣдрахъ нашего самоуправления. Тутъ съ полною ясностью обнаружилась та особенность нашихъ городскихъ самоуправленій, которая обезпечила скопинскимъ «общественнымъ дѣятелямъ» возможность пустить по міру десятки тысячъ людей и въ теченіе многихъ лѣтъ оставаться со всѣхъ сторонъ неуязвимыми, не исключая и правосудіи, чтобы невозбранно продолжать «самоуправленіе» чужими деньгами въ свою собственную пользу. Съ паденіемъ Скопина, эта особенность нашихъ самоуправленій не только не исчезла, а напротивъ благополучно здравствуетъ въ разныхъ родахъ, какъ жалуются въ «Моск. Вѣд.» нѣкій «самоуправляющійся» гражданинъ города Ельца. Онъ приводитъ массу фактовъ въ доказательство той прискорбной истины, что «скопинскія исторіи» въ миниатюрѣ составляютъ непремѣнную принадлежность почти cadaго самоуправления. Эту особенность городскихъ самоуправленій авторъ очень мѣтко называетъ *безответственностью* выборныхъ должностныхъ лицъ».

Меньше всего мы станемъ защищать праздные разговоры нашихъ «обществъ» или злоупотребленія городскихъ думъ и разныхъ другихъ городскихъ общественныхъ управленій. Но вопросъ не въ признаніи или установленіи факта. Больше двадцати-пяти лѣтъ мы занимаемся разобращеніями и изобличеніями «общества» и дальше этого не ушли и до сихъ поръ. Публицисты извѣстнаго лагеря съ благороднымъ негодованіемъ говорятъ о лицемеріи и безчестности, скорбятъ о потерѣ обществомъ идеала и о томъ, что въ Россіи совсѣмъ нѣтъ честныхъ людей—и только. Они витаютъ намѣренно въ эмпирияхъ и заносятся выше земли, потому что только встань они на землю, хотя одной ногой—имъ придется снять военные доспѣхи, признавъ себя побѣжденными. Реальная почва и практика дѣйствительности для нихъ могила и они это очень хорошо знаютъ; только поэтому-то они и отдаются нескончаемому фразерству и вопятъ объ идеалѣ, да съ паэосомъ разсуждаютъ о благородствѣ вообще. Такой маневръ, конечно, крѣпче еще и лично, потому что, имѣя вполне опорожненную душу, въ которой не обрѣтается даже

и намека на чувство общественной нравственности, можно изображать изъ себя бойца за правду, честность и справедливость.

Когда къ Петру В. являлся кто-нибудь съ жалобой на другого, Петръ отвѣчалъ: «милый другъ, все, что ты говоришь, очень хорошо, но я спрошу теперь того, на кого ты жалуешься». Такой приемъ для противниковъ самоуправленія былъ-бы, конечно, неудобенъ, и потому они предпочитаютъ произносить только обвинительные монологи. А между тѣмъ, если-бы они сдѣлали допросъ всѣмъ тѣмъ «самоуправленіямъ» и «обществамъ», на которыя такъ яростно нападаютъ, то можетъ быть имъ сдѣлалось-бы стыдно своего казачества. Вѣдь нельзя-же въ самомъ дѣлѣ допустить, что наши «общества», земскія собранія и городскія думы какія-то клоаки, въ которыя собираются всѣ русскія нравственные нечистоты; что это за печать проклятія, которую на нихъ кладутъ враги самоуправления! Слѣдовательно, даже одинъ здравый смыслъ, не говоря уже про справедливость, требуетъ удерживаться отъ подобныхъ абсурдовъ и соблюдать хоть-бы наружное безпристрастіе. Но должно быть на войнѣ какъ на войнѣ. А что противники самоуправления войны опытные, и что летучіе отряды главной арміи знаютъ свое дѣло,—въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія. Поэтому понятно, что въ интересахъ тактики этихъ опытныхъ воевателей умалчивать о томъ, что для нихъ невыгодно, и держать правила древнихъ софистовъ и риторовъ, т. е. только нападать. Да и въ самомъ дѣлѣ, какая-бы это была тактика, если-бы «Московскія Вѣдомости» и «Новое Время», прочитавъ отчетъ петербургской думы и найдя въ немъ неотразимые доводы, сознались-бы, что они стрѣляли въ пустоту.

Отчетъ, о которомъ я говорю, называется «десять лѣтъ С.-Петербургскаго городского общественнаго управленія 1873 — 1883». Отчетъ составленъ съ такою осторожностью и съ такими недомолвками, что мѣстами онъ совершенно непонятенъ. Положимъ, что отчетъ составлялся для общаго собранія городской думы, т. е. для людей знающихъ; но что помѣшало составителю подумать о публикѣ, подумать о томъ, что въ самихъ интересахъ думы дать возможно большую «гласку» ея многолѣтнему опыту, особенно въ виду того похода, который открытъ теперь и противъ самоуправления вообще и противъ петербургской думы въ особенности. Я не возьму на себя защиты думцевъ и не стану требовать отъ нихъ личныхъ добродѣтелей и доблестей; личные доблести — исключеніе, а не правило; нормальный ходъ общественныхъ дѣлъ зависитъ не отъ личностей, а отъ условій и учрежденій, гарантирующихъ возможность правильной исполнительности въ интересахъ общества. Въ этомъ отношеніи, какъ видно изъ отчета ду-

мы, новое Городовое Положеніе заставляетъ желать еще многого.

Новое городовое положеніе, какъ извѣстно, явилось въ 1870 г. и прежняя сословная общая дума замѣнена думой безсословной. Сущность преобразованія заключалась въ томъ, чтобы создать, по примѣру земскаго самоуправления, самоуправленіе городское. До реформы, правительственная администрація, даже въ вопросахъ чисто хозяйственныхъ, руководила дѣйствіями думы и каждый ее шагъ подлежалъ контролю и утвержденію. «Но люди и нравы, говорить отчетъ, вездѣ и всегда измѣняются только съ теченіемъ времени и при ея помощи. Самъ законодатель принялъ эту истину въ соображеніе, и вѣроятно потому городовое положеніе не совсемъ освободило администрацію отъ заботъ по городскому благоустройству, а съ другой стороны и городское самоуправленіе не вполне еще понесло на себѣ одною бремя всѣхъ заботъ и отвѣтственности; демаркаціонная черта, разграничивающая въ этомъ отношеніи поприще администраціи отъ общественнаго управленія, не всегда и не вездѣ проведена, и въ законѣ и на практикѣ, съ желательною точностью; наконецъ, и само городское управленіе до сихъ поръ представляетъ собою самый небольшой $\%$ жителей, сравнительно со всею массою городского населенія». Говоря яснѣе Городовое Положеніе создало для думы переходное положеніе отъ полной зависимости къ самоуправленію, и границъ между тѣмъ и другимъ еще не установилось, и тоже Положеніе допустило до участія въ самоуправленіи самый небольшой $\%$ жителей. Всѣ фиктивные или дѣйствительныя винны думы, всѣ упреки и нареканія, которые ей дѣлаются — только слѣдствіе этой недоконченности и двойственнаго положенія городского самоуправления, полувисимаго и полусвободнаго.

На основаніи Городоваго Положенія, «городская дума представляетъ все городское общество» и «дѣйствуетъ его именемъ во всѣхъ случаяхъ, когда законъ требуетъ по дѣламъ общественнаго постановленія или приговора». Но какимъ числомъ участниковъ въ управленіи выражается это все городское общество? Общее число жителей Петербурга за послѣднее пятилѣтіе выражалось цифрою отъ 660 до 860 т. (по переписи 1881 г.); а между тѣмъ избирательнымъ правомъ пользовались въ 1873 г. 18,590 и изъ нихъ приняли участіе въ выборахъ 1,411 ч.; въ 1877 г. избирателей было 20,522 и приняли участіе въ выборахъ 2,220 ч., наконецъ, въ 1881 г. изъ 17,741 избирателя приняли участіе въ выборахъ всего 2,730 ч. Такимъ образомъ, по Городовому Положенію могли пользоваться правомъ избирать и быть избираемыми менѣе $2\frac{1}{2}\%$ всего городского населенія, и изъ этого небольшого числа только $\frac{1}{10}$ часть пожелала пользоваться и въ дѣйствитель-

ности воспользовалась своимъ правомъ. Отчетъ умалчиваетъ о причинахъ этого уклоненія, но причины, нужно думать, довольно общи съ причинами земскихъ уклоненій. На основаніи и Городоваго и Земскаго Положенія, выборное право почти исключительно концентрируется въ болѣе именитыхъ и матеріально обезпеченныхъ представителяхъ городского и земскаго населенія. Что-же касается до голытьбы, т. е. мѣщанъ и крестьянъ, то доля ихъ участія настолько ничтожна, что совершенно растворяется въ долѣ именитыхъ людей. Очень жаль, что отчетъ не далъ подробной вѣдомости выборовъ по сословіямъ и не указалъ, кто именно составляетъ ту уклоняющуюся массу, которая не считаетъ нужнымъ вступать въ управленіе. Не претендуя на особую проникательность, можно сказать безъ ошибки, что эту уклоняющуюся массу составляютъ мѣщане и вообще бѣдное населеніе города. Да и зачѣмъ-бы оно пошло въ думу? Дума, на основаніи теперешняго избирательнаго права, образуется если не исключительно, то преимущественно (а можетъ быть и исключительно: отчетъ объ этомъ не говорить ни слова) изъ патриціевъ, плебей-же, болѣею частію народъ переколачивающійся, живущій изо-дня въ день, не имѣетъ ни времени для занятій городскими дѣлами, а еще и менѣе того—охоты. Плебей знаютъ очень хорошо, что все такъ называемое городское хозяйство имѣетъ верховую тенденцію, направляется болѣе въ сторону «благоустройства и благочинія». Плебей, зная очень хорошо свое мѣсто въ природѣ, и не претендуетъ на такой невозможный поворотъ, чтобы центр тяжести вниманія перенесся-бы на него и чтобы его голосъ явился рѣшающимъ въ дѣлахъ его интереса. Понятно, что безъ этой увѣренности плебей не станутъ особенно хвататься за свои избирательныя права и предпочтеть заниматься дома дѣломъ, чѣмъ тратить свое время на бесплодныя для него выборы. Люди, составляющіе середину между плебеями и патриціями, разсуждаютъ точно такъ-же и потому едва-ли справедливо ихъ винить въ томъ, что, напримѣръ, изъ 20 т. избирателей пожелаали «воспользоваться своимъ правомъ» только десятая часть.

Чтобы нѣсколько улучшить этотъ порядокъ вещей, одинъ изъ гласныхъ и комиссія, разсматривавшая его заявленіе, предложили проектъ о дополненіи ст. о выборахъ примѣчаніемъ, что правомъ быть избираемыми, но не избирателями «пользуются также и всѣ лица, окончившіе курсъ въ высшихъ и среднихъ заведеніяхъ гражданскаго и военнаго вѣдомствъ, хотя-бы они и не имѣли имущественнаго ценза». Это предложеніе было отвергнуто собраніемъ думы, а почему—отчетъ не говорить. Но вотъ 12 мая 1882 г. снова былъ поднятъ этотъ вопросъ и было сдѣлано предложеніе

внести въ текстъ статьи закона примѣчаніе, допущенное для однихъ остзейскихъ городовъ: «допускать къ избранію въ гласные такъ называемыхъ «литератовъ», т. е. людей извѣстнаго образовательнаго ценза, при одномъ условіи, чтобы они вносили въ теченіе двухъ лѣтъ опредѣленную небольшую плату въ городскую кассу». Этому праву, какъ извѣстно, лишены русскіе города. Разрѣшеніе предложенія пріостановилось, потому что дума предлагаетъ ввести квартирный налогъ и если онъ состоится, то избирательное право распространить на квартиро-хозяевъ при извѣстномъ условіи ценза. Вопросъ пока остается открытымъ. Впрочемъ, если онъ и разрѣшится въ такомъ видѣ, то все-таки мало будетъ основаній считать интересы петербургскаго плебса обезпеченными, хотя весьма вѣроятно, что дѣятельность самой думы и оживится, если, конечно, въ дѣлопроизводство думы будетъ введенъ большій порядокъ.

Петербургская дума, какъ и земства послѣдняго времени, болѣетъ «абсентизмомъ», иначе сказать гласные не являются на засѣданія и бывали случаи, когда дѣла, не разрѣшенные по недостатку законнаго числа гласныхъ, повторялись на повѣствкахъ до 22 разъ; одно-же дѣло, начавшееся 12 лѣтъ назадъ, и до сихъ поръ остается не рѣшеннымъ. Отчетъ думаетъ, что это происходитъ отъ отсутствія порядка и отъ того, что тратится слишкомъ много времени на ненужныя пренія. Дѣйствительно, бывали такіе гласные, которые въ теченіи одного года говорили почти до трехсотъ разъ, или одинъ гласный въ одно засѣданіе говорилъ по одному и тому-же вопросу до 10-ти разъ. Понятно, что думѣ мѣсто законныхъ 2-хъ обязательныхъ собраній въ годъ приходится собираться по 2—3 разъ въ недѣлю или 120 разъ въ годъ. И вотъ гдѣ дѣйствительно большое мѣсто думы, которую не безъ основанія зовутъ «говорильней». Но вопросъ не въ томъ, чтобы дать ей насмѣшливое прозвище, для этого не требуется особеннаго остроумія, — вопросъ въ томъ, чтобы усмотрѣть причины такой мѣшающей дѣйствительному дѣлу ненормальности и указать противъ нея средство. Если строго разграничить дѣла между думой и управой, какъ это установлено для земскихъ управъ и земскихъ собраній, которыхъ уже никакъ нельзя назвать «говорильными», то конечно были-бы невозможны такіе случаи, «что городъ несетъ тотъ или другой расходъ только потому, что то или другое дѣло не было рассмотрѣно думой своевременно».

Но и строгая организація порядка и точное раздѣленіе дѣлъ между управой, какъ органомъ исполнительнымъ, и думой, какъ органомъ распорядительнымъ, можетъ быть еще не достаточнымъ для уничтоженія «абсентизма» и возбужденія въ гласныхъ и

интереса въ дѣламъ, если Дума не будетъ имѣть большой самостоятельности и независимости. Нужно думать, что въ этомъ случаѣ дѣйствовали тѣ-же причины, которыя создавали абсентеизмъ и земскихъ собраній, т. е. сознание невозможности достигнуть тѣхъ или другихъ улучшеній въ городскомъ хозяйствѣ и въ осуществленіи мѣръ общаго блага. Абсентеизмъ въ земствѣ объясняется вполне только сознаниемъ безсилія, при безуспѣшности относившихся до народныхъ нуждъ земскихъ заявленій, достигнуть осуществленія предположеній, встрѣчавшихъ противодѣйствіе со стороны администраціи. На подобное-же отношеніе администраціи къ ходатайствамъ Думы указываетъ и «Отчетъ». Городовое Положеніе хотя и положило въ основаніе начало, что городъ самъ долженъ вѣдать свое хозяйство, но на первое время установило болѣе или менѣе значительныя ограниченія самостоятельности городского общественнаго управленія. Согласно Городовому Положенію, думѣ предоставлено право «ходатайствовать по предмету мѣстныхъ нуждъ и пользы города» — «отъ имени города и предъ высшимъ начальствомъ». Такія ходатайства думы губернаторъ или градоначальникъ обязанъ представить высшему начальству, съ своимъ заключеніемъ, не далѣе мѣсячнаго срока (ст. 13); но рѣшенія министра в. д. не подлежатъ обжалованію въ правительствующій сенатъ. И въ то-же время сенатъ признаетъ себя уполномоченнымъ со стороны закона принять всякую жалобу городского общественнаго управленія на отказъ министра внутреннихъ дѣлъ въ представленіи высшему правительству ходатайства думы (ст. 8 Город. Пол.). Вслѣдствіе этой неопредѣленности Городоваго Положенія, не разъясняющаго, «гдѣ и въ какомъ порядкѣ разсматриваются ходатайства городскихъ думъ», встрѣчались случаи въ родѣ слѣдующихъ, перечисляемые отчетомъ. Я приведу изъ нихъ только нѣкоторыя и исключительно для того, чтобы подтвердить фактами вѣрность предположенія, что недовѣріе къ думѣ и ограниченіе ея самостоятельности обнаруживаетъ самое дѣйствительное вліяніе на степень ея энергіи и на интересъ гласныхъ къ общественнымъ дѣламъ. «Даже ходатайство по такимъ несущественнымъ и несложнымъ вопросамъ, говорить отчетъ, — какъ разрѣшеніе наименованій, данныхъ думою вновь открытымъ городскимъ скверамъ, потребовало три года и, будучи подано въ августѣ 1878 г., получило утвержденіе въ октябрѣ 1881 г.; по поводу-же ходатайства думы о переименованіи Фонарнаго переулка въ 1880 году, хотя и послѣдовало весьма скорый отвѣтъ, но съ отказомъ на томъ единственно основаніи, что «министерство внутреннихъ дѣлъ», какъ то выражено въ отношеніи и. д. с.-петербургскаго градоначальника (отъ 23 мая 1880 г. № 5928) — «не усматриваетъ до-

статочныхъ основаній къ удовлетворенію объясненнаго ходатайства Думы».

Въ 1877 году дума обратила вниманіе на то, что казенныя зданія, не подчиняясь 114 ст. Г. П., не признають никакихъ правилъ строительнаго устава, ни даже Высочайше утвержденнаго плана урегулированія города. Вслѣдствіе этого, въ противность Высочайше утвержденному плану, на углу Инженерной и Караванной улицъ, явилась неожиданно для города, вмѣсто кленовой аллеи, обозначенной на Высочайше утвержденномъ планѣ, берейторская шеола. Дума постановила ходатайствовать предъ высшимъ правительствомъ о распространеніи 114 ст. Г. П. на казенныя зданія и въ октябрѣ 1881 г. получило отвѣтъ съ отказомъ; «самое-же ходатайство, говорить отчетъ (стр. 23), такъ и не дошло до высшаго правительства, къ которому собственно оно и было обращено».

«Въ ноябрѣ 1879 года дума ходатайствовала о замѣщеніи выбывшихъ гласныхъ кандидатами, получившими относительно большинство избирательныхъ голосовъ. Ходатайство это послѣдовало потому, что незамѣщеніе гласныхъ кандидатами замедляетъ разрѣшеніе дѣлъ, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда для законности собранія требуется не менѣе половины всего состава гласныхъ. Съ мая 1877 г. по май 1879 года такихъ собраній было назначено 22, а состоялось изъ нихъ только 6. Вопросъ этотъ возшелъ до сената, былъ признанъ имъ подлежащимъ законодательному разрѣшенію, но и до сихъ поръ еще не разрѣшенъ. (Отчетъ, стр. 24).

Въ 1880 году дума, въ виду скорѣйшаго окончанія урегулированія города, ходатайствовала объ Высочайшемъ указѣ на обращеніе въ городскую собственность всѣхъ имуществъ, которыя должны отойти, по плану, подъ улицы и площади «и о распространеніи на этотъ случай правилъ, примѣняемыхъ при отчужденіи имущества подъ полотно желѣзныхъ дорогъ». Ходатайство не достигло высшаго правительства, и въ томъ-же 1880 г. было возвращено изъ министерства внутреннихъ дѣлъ, съ объясненіемъ, что «урегулированіе города, находясь по свойству своему, въ зависимости отъ средствъ города и отъ разныхъ мѣстныхъ условій, едва-ли требуетъ той поспѣшности, какою обусловливается проведеніе желѣзной дороги». (Отчетъ, стр. 25).

Думу укоряють въ томъ, что она мало заботится о санитарномъ состояніи города. Въ отвѣтъ на это отчетъ, на 59 стр. говоритъ, что въ теченіи всего XVIII столѣтія и первой четверти XIX—правительство постоянно закрывало кладбища въ городской чертѣ; по съ 30-хъ годовъ нынѣшняго столѣтія, всѣ распоряже-

нія относительно ихъ ограничивались однимъ разширеніемъ существующихъ кладбищъ и, напимѣрь, Смоленское, занимавшее съ 1756—1856 годъ только 24 т. кв. саж., въ 1857 г. занимало 158,000 кв. саж. Не задолго до открытія новой думы правительственная комиссія, освидѣтельствовавъ городскія кладбища, нашла нѣкоторыя изъ нихъ, какъ Митрофаніевское, угрожающимъ народному здравію. Въ 1871 г. Высочайше повелѣно не хоронить на прежнихъ кладбищахъ, а городскому управленію открыть два новыхъ за городскою чертою. Вслѣдствіе этого, по Николаевской желѣзной дорогѣ открыто кладбище Преображенское, а по Финляндской—Успенское. На устройство ихъ дума истратила 415,000 р. Эти кладбища стоятъ думѣ ежегодно 29 т. р., потому-что старыя еще не закрыты и «по прежнему продолжаютъ бытъ очагомъ заразительныхъ болѣзней. Поэтому дума въ 1878 году ходатайствовала о закрытіи кладбищъ въ городской чертѣ и въ 1880 г. повторила свое ходатайство, но на него и до сихъ поръ нѣтъ отвѣта». (Отчетъ, стр. 59—60).

Характерный случай, который можетъ быть отнесенъ къ категоріи тѣхъ-же отношеній думы къ администраціи, сообщаетъ «Отчетъ» изъ исторіи извознаго промысла. Въ маѣ 1873 года поступилъ въ думу докладъ объ устройствѣ извозничьяго промысла. Всѣ соображенія комиссіи были направлены къ улучшенію типа дрожекъ; дума-же, разсмотрѣвъ проектъ, пришла къ заключенію, «что, прежде чѣмъ обязывать извозчиковъ имѣть хорошіе экипажи, нужно позаботиться о хорошей мостовой, по которой могли-бы ходить хорошіе экипажи». Пока разсматривался этотъ вопросъ, въ думу поступилъ изъ министерства внутреннихъ дѣлъ проектъ частной компаніи, домогавшейся у правительства 12-ти лѣтней привиллегіи на извозный промыселъ, а градоначальникъ, генераль Треповъ, увѣдомилъ думу, что при немъ, по Высочайшему повеленію, образована особая комиссія; съ дѣлюю прямо выработать условія для сдачи извознаго промысла въ руки одной привилегированной компаніи. Подобная привиллегія грозила съ одной стороны раззореніемъ цѣлой массѣ людей, живущихъ извозомъ, а съ другой—эксплуатаціей жителей. И вотъ дума ходатайствовала передъ Государемъ о недопущеніи монополіи. Министръ внутреннихъ дѣлъ, «руководствуясь статьею 13-ю Городоваго Положенія, счелъ себя обязаннымъ—какъ онъ увѣдомилъ думу—представить о такомъ ходатайствѣ, обращенномъ къ лицу Государя»—и «Его Императорскому Величеству благоугодно было Высочайше повелѣть, чтобы, при предпринятыхъ нынѣ сужденіяхъ по сему дѣлу, отнюдь не было допускаемо стѣсненія предѣлами монополіи ка-

Дѣло" 1883 г. № 5, II.

6

кой-либо одной компзнїи, во избѣжаніе тѣхъ вредныхъ послѣдствїй, какія отъ сего могли-бы явиться».

Этотъ фактъ подтверждаетъ еще больше правильность соображеній думы, что неточности границъ власти думы и администраціи и возможности для послѣдней даже прямо миновать городское управленіе никакъ не могутъ помочь стройности и единству городского хозяйства. И въ то-же время подтверждается справедливость указанія сената, что въ законѣ нѣтъ отвѣта на вопросъ: «гдѣ и въ какомъ порядкѣ должны разсматриваться ходатайства городскихъ думъ». Въ приведенномъ случаѣ ходатайство думы было представлено министромъ внутреннихъ дѣлъ, Тимашевымъ, Государю Императору; но многіе изъ другихъ ходатайствъ думы не восходили на Высочайшее усмотрѣніе, если по соображеніямъ министровъ внутреннихъ дѣлъ не оказывалось въ этомъ необходимости.

Обвиняютъ думу еще и въ томъ, что она расходуетъ въ годъ почти 5 мил., а Петербургу отъ этого живется не лучше. У думы два рода расходовъ: одни ей предписаны, а другіе дѣлаются по ея распоряженію. Расходы, постановленные думой, составляли въ 1881 году 3.202,234 р., а расходы обязательные, составляли 1.481,306 р. Такимъ образомъ цѣлая треть городскихъ доходовъ идетъ на расходы предписанные. Теперь это отношеніе нѣсколько улучшилось; но, напримѣръ, въ 1876 г. на обязательные расходы уходила большая часть городскихъ доходовъ и дума видѣла неизбѣжную необходимость ходатайствовать о сложенїи со счетовъ города необязательныхъ расходовъ на 400,000 р. Ходатайство это было уважено только въ самомъ незначительномъ размѣрѣ.

Чтобы вопросъ объ обязательныхъ и необязательныхъ расходахъ разрѣшить окончательно и разрѣшить существенный вопросъ: «удовлетворяетъ-ли Городовое Положеніе, имѣвшее въ виду всѣ русскіе города безъ различія ихъ мѣстныхъ условій, финансовыя нужды столицы, обставленной существенно иначе, чѣмъ небольшою уѣздный городъ», дума ходатайствовала передъ министромъ внутреннихъ дѣлъ о представленїи Государю всеподданнѣйшей просьбы городской думы о разрѣшенїи учредить особую комиссію для пересмотра вообще всего финансоваго положенія Петербурга, съ цѣлю возможнаго облегченія городскихъ тягостей. Но бывший министръ внутреннихъ дѣлъ призналъ это ходатайство не подлежащимъ удовлетворенію. Въ 1882 году дума уполномочила городского голову возобновить ходатайство, и рѣшеніе еще неизвѣстно.

Вотъ тѣ юридическія рамки, которыми устанавливается и опредѣляется для петербургской думы возможность выразить свою самостоятельность. Можно-ли утверждать, что эти рамки настолько

широки, что только думцы подлежатъ полной отвѣтственности за всѣ недосмотры, упущенія, неудачи и недостатки петербургскаго городского хозяйства? Причемъ тутъ самоуправленіе, въ которомъ видятъ все зло его противники, когда именно самоуправленіе и оказывается далеко незаконченнымъ и самымъ Городовымъ Положеніемъ поставленнымъ въ переходное положеніе? Пускай думцы виноваты во многомъ, но достаточно-ли стройна и закончена организація думы. какъ учрежденія, чтобы можно было произносить безапелляціонный судъ надъ лицами, за ихъ неспособность и надъ цѣлымъ институтомъ самоуправленія, будто-бы для насъ непригоднымъ по нашей неспособности?

Н. В.

ИРЛАНДСКІЯ ДѢЛА.

I.

Если вѣрить официальной статистикѣ, списокъ покушеній, случившихся въ Ирландіи за послѣдніе два года, достигъ ужасающихъ размѣровъ. Въ 1881 г. статистическія данныя указывали на цифру 4,439. Изъ этого числа 3,953 остались безнаказанными, по невозможности задержанія ихъ авторовъ. Въ одномъ декабрѣ совершено было 547 аграрныхъ покушеній, изъ нихъ—4 окончившихся смертью жертвъ, 10 неимѣвшихъ этого результата и 38 поджоговъ.

2-го января 1882 г. легендарный предводитель Мунлейтъ (настоящее имя его Коннелъ) былъ арестованъ полиціей. Но банда «Луннаго сіянія», во главѣ которой онъ стоялъ, не прекратила и послѣ того своихъ кровавыхъ подвиговъ. Въ январѣ число покушеній равнялось 419; въ февралѣ ихъ было 407, а въ мартѣ 531. Не падали даже женщины. Такъ въ январѣ 1882 г. были убиты владѣлицы большой фермы въ Иристоунѣ, вдова Крофонъ и ея дочь.

Въ концѣ того-же мѣсяца дублинское правительство извѣщено было объ образованіи грозной банды въ графствахъ: кларкскомъ, лимерикскомъ и корекскомъ. Въ то-же время выступалъ на сцену и новый элементъ. Ножи и револьверы уступали мѣсто динамиту.

Въ засѣданіи 8-го числа, генеральный секретарь по ирландскимъ дѣламъ, Форстеръ, сообщилъ палатѣ общинъ, что имъ получены запечатанный конвертъ, содержащій взрывчатая вещества. Подозрѣвая что-нибудь въ этомъ родѣ, англійскій министръ, не распечатывая, передалъ конвертъ химику, который могъ констатировать основательность подозрѣній. 2-го марта, на виндзорской станціи, Маклеонъ покушался на жизнь королевы, и вслѣдъ за этимъ совершенъ былъ въ Ирландіи цѣлый рядъ покушеній. Въ Антлонѣ взорвана была динамитомъ ратуша, и даже въ самомъ Дублинѣ безнаказанно произведено было три убійства. Въ графствѣ Типперари завязались правильныя сраженія между шайкой

«Дуннаго сіянія» и регулярными войсками. 2-го апрѣля была убита Смитъ, а нѣсколько дней спустя — землевладѣлец Гербертъ. Пришлось прибѣгнуть къ полицейской охранѣ для огражденія земельной собственности въ рокоммонскомъ и уэстметскомъ графствахъ.

Въ теченіи апрѣля, по официальнымъ спискамъ значилось въ Ирландіи 511 заключенныхъ, изъ которыхъ 35 за убійство, 11 по обвиненію въ государственной измѣнѣ, 24—за покушенія на убійство, остальные—за поджоги и другія аграрныя преступленія. Но и это было лишь меньшинство, такъ какъ, несмотря на преміи, достигающія иногда громаднхъ размѣровъ, три четверти виновныхъ постоянно уходили изъ рукъ правосудія. Правительство, съ своей стороны, принимало самыя энергическія мѣры. За Land-act'омъ, о которомъ мы говорили въ свое время, указывая на его малую дѣйствительность и недостаточный практическій смыслъ, послѣдовалъ принудительный законъ и заключеніе въ тюрьму вожаковъ Земельной лиги. Ничто, однако-же, не успѣло усмирить Ирландію,—такъ глубоко вкоренилось въ ней зло. Государственный человѣкъ, стоящій во главѣ англійской политики, готовъ былъ потерять всякую надежду на успѣхъ своего дѣла и наконецъ увидѣлъ спасеніе въ примиреніи, такъ какъ подавленіе потерѣло полную неудачу. Онъ полагалъ, что открывъ двери тюрьмъ агитаторамъ, отмѣнивъ принудительный законъ, сдѣлавъ призывъ къ довѣрью, возможно будетъ образумить этотъ подвижный и впечатлительный народъ, естественно склонный къ подражанію, и что ирландцы въ свою очередь поспѣшатъ пожать протянутую имъ руку, къ тому-же слѣдуя въ этомъ примѣру наиболѣе уважаемыхъ вождей своихъ.

Когда, въ началѣ мая 1882 г., Гладстонъ объявилъ въ палатѣ общинъ о своемъ рѣшеніи, онъ выразился такъ: «вслѣдствіе дошедшихъ до него свѣдѣній, правительство нашло нужнымъ измѣнить свою политику по отношенію къ Ирландіи». Въ чемъ-же заключались эти свѣдѣнія? Не успѣло это слово вылетѣть изъ устъ премьера, какъ возбужденное всеобщее любопытство захотѣло проникнуть въ эту тайну. Отсюда потокъ вопросовъ, избѣжать которыхъ не было возможности. «Такъ вы пошли на сдѣлку съ Парнеллемъ?» кричали ему противники. Гладстонъ высокомерно отклонилъ это обвиненіе и отрицалъ его такъ безусловно, что самъ скоро былъ этимъ поставленъ въ затруднительное положеніе.

«Но, продолжали нескромные, — развѣ одинъ изъ близкихъ правительству людей не отправлялся по нѣскольку разъ въ Кильменгемъ, чтобы бесѣдовать съ тамошними узниками?» — Да, отвѣчало правительство, — но капитанъ О'Сей не былъ нами посланъ и ви-

дѣлся съ гг. Парнеллемъ и Диллономъ только въ качествѣ ихъ добраго знакомаго. «Но развѣ онъ не сообщалъ вамъ мнѣніи своихъ друзей и не передавалъ документовъ?» Загнанное въ послѣднюю свою твердыню, правительство принуждено было сознаться въ истинѣ.

Не менѣе осаждали, съ другой стороны, и Парнелля. Замѣтивъ, что ирландцы подозрѣвали его въ томъ, что онъ вторговалъ у Гладстона свою свободу, и чувствуя ослабленіе своего авторитета, онъ захотѣлъ взяться за самую трудную сторону дѣла, и, взоидя на трибуну, самъ прочиталъ палатѣ письмо, написанное имъ капитану О'Сеа. Это чтеніе было откровеніемъ, потому что глава гомерулеровъ съ большою отчетливостью предвидѣлъ мѣры, въ которыхъ должно выразиться измѣненіе министерской политики. «И болѣе ничего нѣтъ въ письмѣ?» спросилъ кто-то изъ депутатовъ. Подражая умолчаніямъ Гладстона, ирландскій leader отвѣчаетъ, что онъ не сохранилъ текста, а прочелъ копію письма, доставленную ему кларкскимъ депутатомъ г. О'Сеа. «Оригиналъ, читайте оригиналъ!» кричить нѣсколько голосовъ. О'Сеа отиѣкивается, извиняется, говоря, что онъ не имѣетъ при себѣ письма. Въ эту-то минуту разыгрался эпизодъ, названный великою измѣною Форстера. Бывшій статсъ-секретарь вынимаетъ изъ кармана бумагу и, обращаясь къ О'Сеа, говоритъ ему, громкимъ, слышнымъ на всю палату голосомъ: «Вотъ копія: ручаюсь за ея точность... и полноту». — «Читайте, читайте!» Пришлось исполнить требованіе. Парнелль прочелъ настоящее письмо, но пропустилъ, какъ оказалось, слѣдующія заключительныя строки: «Это, какъ и въ томъ увѣренъ, позволить намъ дружески содѣйствовать либеральной партіи, распространяя ея принципы, и, въ концѣ сессіи, правительство найдетъ въ положеніи Ирландіи возможность не прибѣгать къ новымъ принудительнымъ мѣрамъ».

Согласуя всѣ клочки, съ трудомъ вырванные у тѣхъ и другихъ, неизбѣжно приходилось заключить, что между министерствомъ и парнеллистами состоялось соглашеніе, или какъ это было съ тѣхъ поръ названо: «кильменгэмскій договоръ».

Неожиданная переиѣна фронта, совершенная «премьеромъ», возбудила не мало опасеній и протестовъ въ рядахъ либераловъ, въ печати и даже въ средѣ самого правительства. Вице-король Ирландіи, лордъ Куперъ, немедленно отказался отъ своего поста, который былъ занятъ графомъ Спенсеромъ, президентомъ совѣта и членомъ кабинета. Статсъ-секретарь по ирландскимъ дѣламъ, Форстеръ, удаляется, публично заявивъ, что не можетъ присоеди- ниться къ поступку, который считаетъ въ высшей степени неблаго- разумнымъ и неполитичнымъ. Такое-же мнѣніе высказываютъ и

газеты, предвѣвая Гладстону всякія бѣды. Но Гладстонъ остается непоколебимымъ. Онъ сожалѣетъ объ этихъ отпаденіяхъ и порицаніяхъ, но упорно остается при своемъ мнѣніи. Онъ идетъ, такъ сказать, не оглядываясь по сторонамъ, полный вѣры въ свою идею, ослѣпленный великой мечтой оставить въ воспоминаніе о себѣ окончательное примиреніе цивилизованной Англіи съ ея нѣсколько дикой сестрой по ту сторону канала. Мечту эту, замѣтимъ мимоходомъ, раздѣляютъ съ нимъ всѣ политики. Можно сказать, что между ними нѣтъ ни одного на столько жестокаго, чтобы идея милосердія не мелькала порой сквозь кроваво-усмирительныя видѣнія. Но, увы, когда они уступаютъ ей, бываетъ обыкновенно уже слишкомъ поздно. Было-ли поздно и для Гладстона? Послѣдовавшія немедленно вслѣдъ затѣмъ событія могли заставить этого бояться. Преемникомъ Форстера назначенъ былъ Фредерикъ Кавендишъ, вельможа и вигъ, братъ маркиза Гартингтона, *alter ego* Гладстона и его намѣченный преемникъ. Новый статсъ-секретарь тотчасъ-же отправляется на мѣсто своего назначенія. Извѣстіе о прибытіи его въ Ирландію получается одновременно съ извѣстіемъ объ его убійствѣ.

Происшествіе имѣло такой странный и романтическій характеръ, что въ первую минуту принято было за мистификацію. Но какъ оно ни мало правдоподобно, однако пришлось допустить, что англійскій министръ—и не только онъ, но и младшій статсъ-секретарь подверглись нападенію среди бѣла дня, въ паркѣ, и были зарѣзаны кинжалами на глазахъ гуляющихъ (правда, велосипедистовъ), причѣмъ никто и не подумалъ придти къ нимъ на помощь.

Посмотримъ, какъ совершилась эта ужасная трагедія.

II.

Послѣ дѣйствительно-торжественной встрѣчи, устроенной дублинскимъ населеніемъ новому вице-королю, лорду Спенсеру, новый статсъ-секретарь, лордъ Фредерикъ Кавендишъ, немедленно по пріѣздѣ своемъ пожелалъ познакомиться съ положеніемъ дѣлъ и имѣлъ продолжительное совѣщаніе съ младшимъ статсъ-секретаремъ Боркомъ, а также и съ начальникомъ полиціи. Приглашенный въ тотъ вечеръ «во дворецъ», въ восемь часовъ, лордъ Кавендишъ проработалъ до половины седьмого и, пользуясь прекрасной погодой, захотѣлъ вернуться пѣшкомъ въ свое оффиціальное помѣщеніе, находящееся въ самомъ Фениксъ-паркѣ. Между дублинскими воротами и центральной площадкой съ нимъ повстрѣчался Боркъ, взявшій наемный экипажъ, сар, какъ говорятъ

въ Дублинѣ вмѣсто лондонскаго кабѣ. Увидя, что молодой ва-
 чальникъ его идетъ пѣшкомъ, младшій статсъ-секретарь вы-
 шелъ изъ экипажа и отпустилъ извозчика. Затѣмъ, взявъ подъ
 руку лорда Фредерива, онъ направился съ нимъ къ центральной
 площадѣ. Не успѣли эти мирные гуляющіе пройти отъ 4 до 5
 метровъ, какъ на встрѣчу имъ подѣхалъ другой *car*, въ кото-
 ромъ сидѣло четыре человѣка, кромѣ кучера. Экипажъ перегналъ
 ихъ на нѣсколько метровъ, затѣмъ всѣ четыре сѣдока вышли изъ
 него и направились къ нимъ. Послѣдовала бѣшеная свалка, длив-
 шаяся немного болѣе минуты; два человѣка остались распростер-
 тыми на землѣ, нападающіе снова сѣли въ свой *car*, который во
 время свалки переѣхалъ направленіе, и помчался къ загородной
 сторонѣ, откуда и пріѣхали. Нѣсколько минутъ спустя они исчез-
 ли за большими деревьями парка. Все это заняло не болѣе шести
 или восьми минутъ.

Между тѣмъ два торговыхъ агента, молодые люди Маджуръ
 и Фольси, катавшіеся по парку на трехколесныхъ велосипедахъ,
 поровнялись съ мѣстомъ кроваваго событія и увидѣли, къ велико-
 му изумленію, двухъ лежащихъ на дорогѣ людей: одного на са-
 момъ пути, а другого на параллельно идущей съ нимъ дорожкѣ и
 на разстояніи восьми или десяти метровъ одинъ отъ другого. Одинъ
 изъ молодыхъ людей, именно Фольси, соскочилъ съ своего ве-
 лосипеда и увидѣлъ, что оба эти человѣка находились въ без-
 сознательномъ положеніи, какъ мертвые, и облиты кровью. «Это
 двойное убійство», закричалъ онъ своему товарищу, «не слѣзай, а
 спѣши за полиціей; я останусь здѣсь до тѣхъ поръ, пока ты прі-
 ведишь помощь». Пріятель помчался съ быстротою молніи. «Пока
 я оставался одинъ», передаетъ Фольси въ своемъ показаніи, я по-
 дошелъ къ человѣку, лежавшему на дорогѣ, и спросилъ: «Что слу-
 чилось?» Отвѣта я не получилъ, онъ только взглянулъ на меня
 послѣднимъ взглядомъ и въ ту-же минуту кровь потокомъ ли-
 нула изъ него. Онъ умиралъ. Тогда я бросился къ человѣку, ле-
 жавшему на дорожкѣ; я взялъ его за лѣвую руку, чтобы по пуль-
 су узнать, живъ-ли онъ, и, нагнувшись къ нему, принялъ его по-
 слѣдній вздохъ».

Въ эту минуту явились констэбли; затѣмъ прискакалъ господинъ
 въ тильбюри, взятый для того, чтобы перевезти жертвы преступ-
 ленія. Подоспѣли полицейскіе агенты, два врача и полковникъ Фор-
 стеръ, возвращавшійся изъ дворца вице-короля. «Въ это время
 сообщаетъ Фольси, я спросилъ полковника Форстера, съ которымъ
 былъ знакомъ, не знаетъ-ли онъ именъ жертвъ. «Вотъ этотъ», от-
 вѣчалъ онъ. «лежащій на дорогѣ—Кавендишъ, а другой—Боркъ».
 Медицинскій осмотръ труповъ указалъ на жестокость, съ ко-

торую совершенно было преступленіе. Трупъ Борка имѣлъ ужасающій видъ. На немъ насчитывалось не менѣе четырнадцать отдѣльных ранъ. Грудь проколота была глубокимъ ударомъ кинжала съ трехугольнымъ основаніемъ, который долженъ былъ пройти сквозь нижнюю часть сердца и причинить немедленную смерть. Несмотря на это, убійцы распороли ему горло снизу вверхъ, очевидно другимъ орудіемъ, по всей вѣроятности ножомъ или острымъ кинжаломъ, и притомъ съ такой силой, что ударъ разбилъ нижнюю челюсть, выбилъ три зуба и до кости обнажилъ верхнюю челюсть. Кромѣ того, найдены были и другія раны, на примѣръ, на рукахъ: всѣ пальцы правой руки были лишены мясистыхъ частей съ внутренней стороны.

Еще болѣе, если только возможно, изуродованъ былъ трупъ лорда Кавендиша. Ему нанесено было восемнадцать ранъ. Первый ударъ, повидимому, былъ въ спину. Онъ пронзилъ насквозь правое легкое и коснулся верхней части туловища. Другіе два удара поразили середину груди. Шея и мѣсто надъ ключицами были испещрены ранами. Правая рука, которой жертва защищалась, была изрублена ударами ножа и переломлена въ двухъ мѣстахъ. Изъ всѣхъ этихъ подробностей можно съ достовѣрностью вывести одно, а именно, что авторы преступленія были весьма опытными въ этомъ дѣлѣ людьми, обладающими необычнымъ хладнокровіемъ, а также выходящею изъ ряда физическою силою.

Два дня спустя, во время засѣданія палаты общинъ, молчаливая толпа наполняла улицы и галлерей, выходящія къ Вестминстерскому двору. Ожидали Гладстона, который вскорѣ явился въ палату общинъ и прерывающимся отъ волненія голосомъ попросилъ палату отсрочить свои засѣданія. «Такая отсрочка въ минуту столь важныхъ событій, сказалъ онъ, — вполне согласна съ нашимъ обычаемъ». Онъ заключилъ свою рѣчь словами: «Убійцы нанесли еще болѣе тяжкій ударъ собственной родинѣ; хотя мнѣ крайне тягостно говорить, но я не могу не сказать, что перестало биться сердце, преисполненное сочувствія и преданности къ Ирландіи».

Но Ирландію-ли, то-есть цѣлую-ли страну, слѣдовало обвинять?

Можно-ли было даже дѣлать отвѣтственной Земельную Лигу? Въ первую минуту, конечно, можно было принять трагедію въ Фениксъ-паркѣ за отвѣтъ этого общества на миролюбивыя предложенія Гладстона и подумать, что ирландская идиллія, какъ это было названо, затоплена будетъ кровью уже съ первой главы.

Однако, на дѣлѣ было не такъ. Извѣстные представители Парнелль, Диллонъ и Дэвиттъ не только успѣли заявить порицаніе убійству и сложить съ себя отвѣтственность за него, но издали даже

воззваніе къ ирландскому народу, расклеенное по всей странѣ, въ которомъ требовали отреченія отъ солидарности съ дѣломъ убійства. Даже изъ Соединенныхъ Штатовъ, гдѣ нашли убѣжище наиболѣе крайніе гомерудеры и откуда не привыкли слышать «умѣренныхъ» совѣтовъ, когда дѣло идетъ объ Ирландіи, даже оттуда комитетъ Лиги не колеблясь высказалъ порицаніе.

Несмотря на эти протесты, можно было, однако-же, ждать кровавыхъ репрессалій, и прежде всего, въ виду жестокаго удара министерской политикѣ, можно было думать, что положеніе Гладстона пошатнулось и что онъ неминуемо долженъ пасть. Во всякой другой странѣ случилось-бы именно это, и общественное негодованіе, руководимое партіознымъ духомъ, низложило-бы правительство, замѣтивъ его кабинетомъ свирѣпѣйшей реакціи. Но англичане люди хладнокровные и по преимуществу парламентаристы. У нихъ, къ счастью для нихъ самихъ, дѣла не дѣлаются такъ быстро. Кабинетъ скоро оправился отъ полученнаго сотрясенія, и каждый, вмѣсто того, чтобы думать о томъ, какъ-бы добить его, помогъ ему прійти снова въ равновѣсіе.

Такимъ-то образомъ и избѣжали кризиса. Несмотря на это, было однако-же очевидно, что министерская программа не могла оставаться неизмѣнной. Не она-ли возьметъ на себя дѣло возмездія? Не увидятъ-ли въ Гладстонѣ, оскорбленномъ въ своихъ чувствахъ, въ своемъ самолюбіи государственнаго человѣка—отнынѣ враги Ирландіи вѣрнѣйшаго орудія для своей вражды? Съ противоположными чувствами, но съ одинаково-тоскливымъ волненіемъ, ждали всѣ первыхъ словъ изъ устъ главы кабинета. Какъ мы видѣли, эти первыя слова облачали глубокую горестъ и неудовольствіе. Но велико было изумленіе всѣхъ, когда тѣмъ-же дрожащимъ и взволнованнымъ голосомъ онъ прибавилъ: «Убѣжденные въ поддержкѣ палаты, мы имѣемъ намѣреніе представить въ ближайшемъ времени проектъ, касающійся арендаторскихъ недоимокъ въ Ирландіи».

Таковы первыя официальные слова, произнесенныя послѣ трагическаго происшествія. Слѣдуетъ-ли, подобно нѣкоторымъ, видѣть въ такой непоколебимой настойчивости одно лишь упрямство, свойственное старику-доктринеру, во что-бы то ни стало желающему доказать, что онъ правъ? Или-же мы должны признать въ этомъ проницательность государственнаго человѣка, читающаго въ будущемъ? Угадалъ-ли онъ, что никогда еще не было болѣе удобной минуты расположить къ себѣ Ирландію, чѣмъ послѣ этого убійства, заставившаго вліятельныхъ представителей и важнѣйшіе органы печати отдѣлать свое дѣло отъ дѣла Фениксъ Парка?

Отвѣтъ на эти вопросы принадлежитъ къ области психологіи,

и не исторіи. Дѣло въ томъ, что Гладстонъ только что отвѣтилъ миролюбивымъ заявленіемъ на подстрекательства бѣшеной страсти. Клокотавшей какъ въ немъ самомъ, такъ и въ'обществѣ, и что въ этотъ день онъ подалъ міру превосходный примѣръ умѣренности. которому вѣроятно послѣдуютъ многіе истинно государственные люди.

Нѣсколько дней спустя, 15-го мая, Гладстонъ снова появился на трибунѣ, чтобы изложить предъ палатою общія основанія билля о недоимкахъ. Правительство должно пособить всѣмъ арендаторамъ, арендная плата которыхъ не превышаетъ 30 фунтовъ стерлинговъ, на слѣдующихъ условіяхъ: за фермеровъ, не уплатившихъ за арендуемые участки съ 1 ноября 1880 г. по 31 октября 1882 г., ландлорды получаютъ отъ правительства сумму равную годовой арендѣ и затѣмъ должны отказаться отъ взысканія остальной. въ случаѣ принудительнаго отказа отъ аренды. «По приблизительному вычисленію», сказалъ ораторъ, «эти недоимки, которыя правительство уплатитъ вмѣсто ирландскихъ фермеровъ, подаривъ имъ эту уплату, достигаютъ суммы въ два милліона фунтовъ стерлинговъ. Этотъ расходъ покрыть будетъ остаткомъ имѣній ирландскаго духовенства, что составитъ полтора милліона; остальная сумма будетъ доставлена государственной кассой».

Между тѣмъ, мало по-малу резъяснялось дѣло покушенія въ Фениксъ-Паркъ, а равно и личность совершившихъ его. Въ числѣ арестованныхъ оказался нѣкій Джемсъ Кэри, сыгравшій выгодную роль доносчика. Онъ разсказалъ, что убійцы Кавендиша принадлежали всѣ къ обществу «Необходимыхъ».

Въ Ирландіи существуютъ два-три феніанскія общества, основанныя въ виду организаціи «ирландской арміи». Эти общества вполне безобидны. Нѣсколько ржавыхъ пистолетовъ, двѣ-три лодки—вотъ тѣ боевые снаряды, которые они могутъ противопоставить британскому флоту и арміи. Множество молодыхъ людей вступаютъ въ эти общества ради забавы, изъ мелочнаго тщеславія, изъ склонности къ романтическимъ приключеніямъ и единственно въ виду пародированія знаменитыхъ заговоровъ.

Въ рядахъ этихъ-то «конспираторовъ смѣха ради», рекрүтировались элементы для другого, дѣйствительно серьезнаго общества, породившаго убійство въ Фениксъ-Паркѣ. Оно имѣло релігіозно-политическій характеръ. Засѣданія его происходило по большей части въ мѣстахъ назначенныхъ для богослуженія. Въ нихъ давалась клятва въ повиновеніи; въ церкви Св. Марка, на *Брунсвикской* улицѣ, намѣченъ былъ планъ не одного преступленія. Высшее руководство принадлежало комитету изъ пяти лицъ, къ числу которыхъ принадлежалъ и Джемсъ Кэри, точно также какъ

Курлей, дублинскій муниципальный совѣтникъ, чуть было не сдѣлавшійся мѣромъ. Починъ преступленія и способъ совершенія его, повидимому, принадлежалъ именно ему. Онъ распредѣлялъ роли, грозилъ Кэри смертью въ томъ случаѣ, если онъ не станетъ содѣйствовать убійству; онъ-же въ паркѣ сгруппировалъ «непобѣдимыхъ» и сказалъ Броди: «Бей!», а затѣмъ озаботился составленіемъ сообщенія о фактѣ убійства, которое и бросилъ въ ящики редакцій газетъ. Наконецъ, онъ-же вскорѣ потомъ подумалъ и о третьей жертвѣ: предчувствуя возможность измѣны со стороны кучера Каванага, онъ завелъ его вечеромъ въ театральную залу, чтобы позондировать и затѣмъ убить, если то окажется нужнымъ; но Каванагъ, уже собиравшійся предать товарищей, держалъ себя осторожно и ничѣмъ не обнаружилъ своихъ намѣреній.

Курлей, подобно всѣмъ «непобѣдимымъ», за исключеніемъ предателя Джемса Кэри, простой рабочій, зарабатывавшій три-четыре франка въ день въ плотничной мастерской. Ему 33 года. Рядомъ съ Жакомъ Броди, человѣкомъ геркулесовскаго сложенія, онъ кажется тщедушнымъ и тонкимъ; но прекрасные бѣлокурные волосы, правильно-очерченный профиль, блестящіе глаза придаютъ ему печать изящества и интеллигентности, которую не рѣдкость встрѣтить у ирландскаго простолюдиня, хотя и не въ такой степени.

Впрочемъ, Курлей, какъ оказывается, былъ лишь № 2 въ средѣ «Непобѣдимыхъ». Надъ нимъ стоялъ еще № 1, о которомъ только что получены свѣдѣнія изъ Соединенныхъ Штатовъ. Это нѣкій Патрикъ Тирнонъ, простой торговый агентъ, завѣдывавшій въ теченіи нѣкотораго времени книжною лавкою въ Кингстоунѣ. Въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ онъ жилъ въ Лондонѣ, гдѣ и по сейчасъ находятся его жена и девять человѣкъ дѣтей. Онъ избѣжалъ преслѣдованій англійскаго правительства, бѣжавъ въ Мексику, съ которою не имѣется договора о выдачѣ преступниковъ. Онъ предоставилъ въ распоряженіе заговорщиковъ значительныя суммы денегъ, далеко не соответствовавшія его личнымъ средствамъ.

Недавно обнаружено полиціей и другое тайное общество, носящее наименованіе общества «Неусыпныхъ». Для допущенія въ него требуется написать въ молитвенникѣ клятву въ вѣрности «Ирландскому республиканскому союзу», братья за оружіе, когда того потребуютъ, и повиноваться начальникамъ. Общество имѣетъ свои знамя и лозунгъ. Одинъ изъ знаковъ заключается въ томъ, чтобы тереть глазъ. Лозунгъ его — «слава». Общество имѣетъ цѣлю освобожденіе отъ землевладѣльцевъ, ихъ агентовъ и шпіоновъ и даже отправку эмиссаровъ въ Англію для преслѣдованія

той-же цѣли. Оно платитъ издержки тѣхъ членовъ, на которыхъ возложены будутъ миссіи за предѣлами Ирландіи. Всѣ эти общества находятся въ тѣсныхъ сношеніяхъ между собою, но только вожаки знаютъ въ чемъ дѣло; простые члены слѣдуютъ данному толчку и идутъ по указанному направленію, никогда не зная, откуда исходить импульсъ.

Центръ всей этой организаціи находится въ Америкѣ. Отсюда получается *mot d'ordre*, исходить починъ, а также и матеріальныя средства. Главный начальникъ нѣкто иной какъ О'Донованъ Россса, оправданный нѣкогда судомъ, по недостаточности уликъ, и который, повидимому, рѣшился взять реваншъ. Едва успѣлъ онъ высадиться въ Нью-Йоркѣ, какъ уже взялъ на себя инициативу обширной подписки, фондъ которой долженъ былъ послужить для покупки оружія и взрывчатыхъ веществъ, при помощи которыхъ будетъ вестись партизанская война съ Англійей. Подписка названа была «*Skirmishing Fund*» и была открыта на столбцахъ газеты «*Irish World*», однимъ изъ главныхъ редакторовъ которой сдѣлался О'Донованъ Россса. Онъ имѣлъ въ виду основаніе не новаго общества, а лишь группировку вокругъ себя всѣхъ наиболѣе выдающихся членовъ феніанства и образованіе его передоваго отряда. Ближайшая цѣль, которой онъ задавался, заключалась въ томъ, чтобы поразить Англійю въ томъ, въ чемъ инициаторъ видѣлъ ея главную силу, то-есть въ ея богатствѣ. Взорвать общественныя памятники и зданія, обезпеченныя крупными страховыми обществами, уничтожить желѣзныя дороги, каналы и телеграфы: таковы были различныя детали плана, для осуществленія котораго предназначались собранныя суммы.

Подписка быстро поднялась до значительной цифры. Фондъ достигъ суммы въ 100,000 долларовъ. Тогда О'Доновану Росссѣ пришла мысль о поѣздкѣ въ Канаду, для прочтенія тамъ нѣсколькихъ лекцій. Въ то время какъ онъ вѣхалъ въ Монреаль, его извѣстили, что, по всей вѣроятности, онъ будетъ арестованъ немедленно по прибытіи на канадскую территорію. О'Донованъ Россса немедля ни минуты отворилъ дверцы вагона и выпрыгнулъ изъ него. При паденіи онъ сильно ушибся и пролежалъ нѣсколько недѣль въ госпиталѣ. По возвращенію въ Нью-Йоркъ, онъ принужденъ былъ отказаться отъ управленія фондомъ, доставляемымъ подпиской. Было назначено нѣсколько администраторовъ (*trustees*) для наблюденія за его распределеніемъ.

Новые администраторы отчасти уклонились отъ первоначальнаго назначенія фонда и передали Михаэлю Дэвитту двадцать тысячъ долларовъ для основанія въ Ирландіи «Земельной Лиги» (*Land League*). Остальныя средства употреблены были на сооруженіе

суда, приспособленнаго къ тому, чтобы потоплять англійскія торговыя суда. Это произведение кораблестроительнаго искусства стоит на якорѣ на Ньюджерсейскомъ рейдѣ, близъ Нью-Йорка. Такой образъ дѣйствія администраторовъ заслужилъ порицаніе со стороны феніевъ. Оправившись послѣ болѣзни, О'Донованъ Росса долженъ былъ снова принять на себя управление фондами общества. Онъ открылъ новую подписку въ газетѣ «United Irishman», имъ-же созданную. Въ этомъ органѣ еженедѣльно можно видѣть подъ рубрикою Resources of civilization цифры различныхъ пожертвованныхъ суммъ, съ именами жертвователей. Можно быть увѣреннымъ, что въ рукахъ О'Донована Росса касса будетъ служить исключительно изготовленію адскихъ машинъ и всякаго рода взрывчатыхъ веществъ. Изготовленіе ихъ производится подъ руководствомъ специалистовъ, составляющихъ «динамитный отдѣлъ». «Непобѣдимые», «неусыпные» и другія феніанскія группы — только орудія этого высшаго комитета уничтоженія, предсѣдателемъ котораго состоитъ О'Донованъ Росса. Цѣль, преслѣдуемая организаціей, заключается въ полномъ освобожденіи Ирландіи, и планъ кампаніи можетъ быть резюмированъ слѣдующимъ образомъ: сдѣлаться до такой степени непріятными англійскому народу, чтобы, по выраженію О'Донована Россы, онъ «выпустилъ изъ рукъ Ирландію, какъ слишкомъ горячую картошку». Мимоходомъ замѣтимъ, однако-же, что у Джона Булля кожа толстая, и вопросъ въ томъ, не успѣеть ли остыть «картошка» въ его мощной рукѣ, не любящей къ тому-же разжигаться.

Какъ-бы то ни было, конспираторъ не замедлитъ приступить къ приведенію въ исполненіе своего плана.

III.

Всѣ, кому приходилось посѣтить Лондонъ, знаютъ широкую улицу, ведущую отъ Trafalgar square къ парламенту и носящую названіе Whitehall, по дворцу этого имени, занимающему ея середину и знаменитому казнью короля Карла I. Цѣлая сторона этой улицы занята зданіями, въ которыхъ сосредоточены почти всѣ министерства. По направленію къ Trafalgar square'у видимъ прежде всего морское министерство, затѣмъ Horse-guards, далѣе два громадныя прямоугольника, занимаемые государственнымъ казначействомъ, министерствомъ иностранныхъ дѣлъ (Foreign Office), министерствами: народнаго просвѣщенія, внутреннихъ дѣлъ, общественныхъ работъ и, наконецъ, на углу съ Charles street'омъ, министерство или Local government Board, во главѣ

котораго стоитъ Чарльзъ Дилъкъ. Изъ всѣхъ этихъ министерствъ, послѣднее, несомнѣнно, менѣе всѣхъ остальныхъ имѣетъ отношенія къ ирландской политикѣ, а между тѣмъ именно противъ него-то было, повидимому, направлено нападеніе фешевъ.

15-го марта, въ 9 часовъ и нѣсколько минутъ вечера, массивное зданіе, выстроенное главнымъ образомъ изъ портлендскаго камня, потрясено было отъ фундамента до верху ужасающимъ взрывомъ. Мебель, столы, стулья, юпитры колебались какъ-бы отъ сильнаго землетрясенія и въ ту-же минуту внутренней дворъ огласился адскими звуками разбитыхъ стеколъ, съ страшнымъ грохотомъ сыпаншихся на мостовую. Изъ 250 рамъ, выходящихъ на этотъ дворъ, ни одна не уцѣлѣла, точно также, какъ и 160 оконъ, выходящихъ на Charles Street; остались цѣлы только окна и фасадъ со стороны Whitehall'я, избѣжавшіе разрушительной силы колебаній воздуха, движимаго взрывомъ.

Снаружи улица была пуста. Затѣмъ повсюду появились бѣгущіе люди и отряды полиціеменовъ, также бѣгомъ снѣшившихъ на мѣсто происшествія, и почти въ то-же время явились паровыя пожарныя трубы, такъ какъ прежде всего предположили газовый взрывъ. Скоро увидѣли, что это не то и что только динамитъ могъ произвести такое разрушеніе. Взрывъ произошелъ въ инсарскомъ бюро «Local Board'a» занимающемъ комнату въ нижнемъ этажѣ, выходящую окнами на Charles Street, въ десяти метрахъ отъ выходящаго на Whitehall угла зданія. Полковникъ, командующій вальвичскими фейерверкерами и производившій подробный осмотръ мѣста взрыва, пришелъ къ тому мнѣнію, что зарядъ долженъ былъ равняться, по крайней мѣрѣ, одиннадцати фунтамъ; онъ былъ поставленъ на окно, позади гранитной балюстрады, идущей вдоль всего фасада и оставляющей между собою и окнами пространство отъ 12 до 15 дюймовъ. Окно представляетъ лишь зияющую дыру; окружавшіе его огромные камни были разбросаны и искрошены въ мельчайшія крупинки, а вмѣстѣ съ ними и ближайшія стѣны. Потолокъ этой комнаты уничтоженъ, балки сдвинуты, разломаны и концы ихъ висятъ; полъ былъ сломанъ, а также и сводъ подвала, надъ которымъ находилась комната. Отъ мебели, стоявшей въ бюро, остались одни мелкія щепки, величиною съ зажигательныя спички.

Произведшіе взрывъ были, безъ сомнѣнія, людьми рискованными жизнью. Это было для нихъ вопросомъ лишь нѣсколькихъ шаговъ, и они, по всей вѣроятности, только что успѣли обогнуть уголъ зданія, выходящій на Whitehall, какъ послѣдовалъ взрывъ. Несмотря на это, ничего не было замѣчено, и прохожіе объявили, что не видѣли ничего подозрительнаго. Намѣренія виновниковъ взры-

ва становятся вполне ясными, если бросить взглядъ на карту мѣстности. Они выбрали самый уголъ зданія въ надеждѣ разрушить его вполне, и слѣдуетъ сознаться, что имъ и удалось-бы это, еслибы новыя министерства не были выстроены съ исключительною для лондонскихъ построекъ прочностью. Во всякомъ случаѣ, слѣдуетъ спросить себя: этотъ-ли именно пунктъ былъ имъ указанъ свыше? Если подумать, что на противоположной сторонѣ зданія проходятъ Charles Street и Downing Street, гдѣ находится резиденція Гладстона, то можно предположить, что авторы преступленія ошиблись угломъ.

Немедленно предприняты по всѣмъ направленіямъ поиски, поощренные приманкой въ видѣ преміи въ 1000 ф. стерлинговъ, позволили овладѣть руководящей нитью, позволяющею проникнуть въ глубь феніанскихъ махинацій. Отправною точкою открытій послужилъ Бирмингемъ, гдѣ находилась главная динамитная фабрика, дѣйствовавшая на пользу заговора. Молодой человекъ лѣтъ 25-ти или 30-ти, по имени Витегайдъ, открылъ въ названномъ городѣ магазинъ обоевъ. Никто, кромѣ него, не входилъ въ комнату, находившуюся позади лавки, и въ особенности въ оба подвала того дома, расположенные одинъ надъ другимъ, причѣмъ верхній служилъ ему квартирой. Торговля обоями шла, повидимому, плохо. такъ какъ въ теченіи трехъ мѣсяцевъ, несмотря на кисти и банки съ клеемъ, украшавшія окна лавочки, товару не было продано и на какіе нибудь десять сантимовъ. Вслѣдствіе ей одной извѣстныхъ причинъ, полиція заподозрила молодого человека въ фабрикаціи динамита и нитроглицерина. Бирмингемскіе полицейскіе агенты рѣшили посѣтить ночью тайную лабораторію Витегайда и для большаго удобства проникли туда при помощи подобранныхъ ключей и снявъ обувь, чтобы не потревожить таинственнаго химика, спавшаго надъ ихъ головами. Они могли осмотрѣть мѣстность при содѣйствіи инструментовъ, которыми обыкновенно пользуются только воры по профессіи: потайнаго фонаря, щипцовъ, крючьевъ и т. п. Съ перваго-же посѣщенія агенты замѣтили, что имѣютъ дѣло не съ новичкомъ, такъ какъ въ «лабораторіи» они наткнулись на вышинѣ пояса на бумажный шнуръ, протянутый съ одного конца помѣщенія до другого, въ трехъ футахъ отъ двери. Агенты совершенно случайно замѣтили этотъ шнуръ; еслибы они порвали его мимоходомъ, то на слѣдующее утро, Витегайдъ, замѣтивъ слѣды ночного визита, успѣшилъ-бы скрыться. Изъ двухъ посѣщеній своихъ полицейскіе заключили, что Витегайдъ занимается приготовленіемъ динамита въ широкыхъ размѣрахъ; однако, они не арестовали его тотчасъ-же, предпочитая сперва выслѣдить рѣдкихъ покупателей торговца обоями. Для

этого они стали наблюдать за лавкой. Въ среду, 4-го апрѣля, явились два человѣка, которые вышли, унося: одинъ четырехъ-угольный чемоданъ; а другой что-то обвязанное ремнями. Чемоданъ казался тяжелымъ, былъ обитъ тремя желѣзными обручами и запертъ двумя замками.

Покупателей выслѣдили. Они оба сѣли на лондонскій поездъ, но вѣхали въ разныхъ вагонахъ. По прибытіи въ Лондонъ, каждый взялъ по кэбу. Одного изъ нихъ агенты потеряли изъ виду въ толпѣ; но, замѣтивъ быстро проѣзжающій кэбъ, они на всякій случай записали его нумеръ, что и позволило имъ добраться до слѣдовъ путешественника на слѣдующее утро. Что касается другого человѣка съ чемоданомъ, то онъ отправился на Соутгэмптонъ-Стритъ, въ Страндъ, и остановился въ Бофордскомъ отелѣ. Это семейная гостинница, вполне покойная. Въ теченіи дня, пождой господинъ почтенной наружности приходилъ, чтобы нанять комнату для студента медицины Нормана, который долженъ былъ заниматься въ лондонскихъ госпиталяхъ. Студенту этому нужно было тихое помѣщеніе, гдѣ-бъ никто не мѣшалъ его занятіямъ, такъ какъ онъ любитъ много работать. Около полуночи, агенты явились и арестовали его. Въ чемоданѣ оказалось 170 фунтовъ нитроглицерина, въ полужидкомъ состояніи и заключеннаго въ каучуковые мѣшки и такіе-же *leggings*'ы. Эти *legging*'сы — непромокаемые кальсоны, употребляемые рыбаками при ловлѣ форелей и лососей.

На другое утро, разыскавъ извозчика, возившаго перваго путешественника, узнали, что онъ остановился подъ именемъ Вильсона въ меблированной квартирѣ въ Нельсонъ-скверѣ, № 17. Нашли ремни и ими обвязанный, въ большомъ количествѣ, динамитъ. Знакомый новопривышаго, д-ръ Калагеръ, также былъ задержанъ.

Въ тотъ-же день, въ пять часовъ, другіе агенты явились въ бібліотеку въ Страндъ и, пройдя мимо мирныхъ читателей, подошли къ человѣку, сидѣвшему въ углу и внимательно читавшему въ вечерней газетѣ извѣстіе объ арестѣ Нормана. Одинъ изъ агентовъ дотронулся до его плеча со словами: «Мы васъ арестуемъ». И, не давая требуемыхъ имъ объясненій, они увели его въ Scotland-yard. Онъ объявилъ, что его зовутъ Генри Дальтонъ, но настоящее его имя, какъ оказалось, О'Конноръ. На квартирѣ его отобрали термометръ и памятную книжку, въ которой записана была формула изготовленія гремучекислой соли ртути, фотографію обвиняемаго, фитиль и затравки, очень похожія на извѣстное курильщикамъ приспособленіе, служащее для зажиганія сигаръ и папиросъ. Полиція льститъ себя надеждой въ скоромъ времени

„Дѣло“ № 5, 1883 г. II.

овладѣть таинственною нитью, связующею всѣ эти дѣла, включая и двойной арестъ, произведенный въ Ливерпулѣ.

IV.

Взрывъ въ Charlsstritt'ѣ повергъ Лондонъ въ тѣмъ большее остолбенѣніе, что ливерпульскія и бирмингемскія открытія были далеко не успокоительнаго свойства. До тѣхъ поръ большая часть публики оставалась довольно равнодушной. Пока заговорщики грозили только должностнымъ лицамъ, стоящимъ на вершинѣ лѣстницы, какъ Кавендишъ и Боркъ, или тѣмъ, кто стоитъ на низшихъ ея ступеняхъ, какъ напримѣръ, дублинскій полицмейстеръ Кузь, масса населенія могла считать себя до нѣкоторой степени незаинтересованной въ борьбѣ. «Я не полицмейстеръ и не ирландскій вице-король», говорилъ себѣ каждый, «и могу заниматься своими дѣлами, не боясь кинжала убійцы». Но съ той минуты, какъ даже прохожіе на улицѣ, начиная отъ ѣдущаго въ экипажѣ лорда и кончая скромнымъ рабочимъ, спѣшащимъ къ своему дневному труду, принуждены оглядываться по сторонамъ, въ страхѣ—не послѣдуетъ-ли гдѣ взрыва изъ динамитнаго ящика, вопросъ совершенно мѣняетъ свою физиономію. Паника дошла до того, что вызвала даже специальное умопомѣшательство, выражающееся въ галлюцинаціяхъ преслѣдованія и виновности. Сколько несчастныхъ сумасшедшихъ приписываютъ себѣ совершеніе взрыва на Чарльзъ Стритѣ! Нѣсколько дней спустя послѣ этого происшествія, я прочелъ газетную статью, начинавшуюся словами: «Послѣ покушеній противъ общественныхъ зданій, феніи начинаютъ производить нападенія и на женщинъ». Въ подтвержденіе этого слѣдовалъ крайне патетическій рассказъ.

Жертвою оказалась лэди Флоренція Дикси, довольно эксцентричная аристократка, свѣтская женщина на подкладкѣ писательницы, сдѣлавшаяся извѣстною преимущественно своимъ пребываніемъ въ Южной Африкѣ. Во время войны съ зулусами и затѣмъ съ боэрами, она состояла корреспондентомъ одной изъ большихъ лондонскихъ газетъ и слѣдовала за войсками въ костюмѣ амазонки. Въ настоящее время эта воинственная дама проживаетъ на берегахъ Темзы, въ милѣ разстоянія отъ Виндзора, въ прелестной виллѣ во вкусѣ Георга IV, извѣстной любителямъ рыбной ловли, во множествѣ посѣщающимъ этотъ берегъ, подъ именемъ «The Fishery».

Однажды, это было въ субботу, въ пять часовъ пополудни, лэди Флоренція прогуливалась около своего дома, въ сопровожденіи обычнаго тѣлохранителя, громаднаго водолаза, котораго зо-

веть Гюбертомъ. Вдругъ въ ней подходятъ двѣ гигантскаго роста женщины и спрашиваютъ—не Fishery-ли тотъ домъ, который видѣется въ двухъ шагахъ. Отвѣтивъ утвердительно, почтенная лэди удаляется, затѣмъ, обернувшись въ полеборота, она увидѣла, что незнакомки поспѣшно слѣдуютъ за ней. Затѣмъ онѣ молча подходятъ къ ней: одна изъ нихъ хватается ее за запятокъ и сильной, не женскою рукою повергаетъ на землю, а другою набиваетъ ей въ ротъ земли, чтобы она не кричала, между тѣмъ какъ другая ударяетъ ее пожемъ или кинжаломъ. Къ счастью, лезвие скользнуло по китовому усу корсета лэди Флоренція, которая, желая отпарировать второй ударъ, схватила лезвие сперва лѣвою, а потомъ правою рукою, причинивъ себѣ значительные порѣзы; она была спасена вмѣшавшимся въ дѣло Гюбертомъ, страшные клики котораго обращаютъ въ бѣгство вооруженнаго кинжаломъ непріятеля. Лэди Флоренція лишилась чувствъ. Когда она очнулась, она увидѣла себя лежащею на землѣ. Собака не было. Она, вѣроятно, увлеклась преслѣдованіемъ убійцы.

По впечатлѣніямъ лэди Дикси, страшныя женщины были перодѣтыми мужчинами, и по первымъ свѣдѣніямъ, собраннымъ слѣдствіемъ, эти люди уѣхали въ желтомъ шарабанѣ, замѣченномъ нѣсколькими свидѣтелями и скакавшемъ во всю прыть. «Читатели обратятъ, конечно, вниманіе на сходство этого бѣгства съ бѣгствомъ убійцы въ Фениксъ-Паркѣ», прибавляетъ та-же газета.

Къ несчастію, никто не видѣлъ лицъ этихъ разбойниковъ, и сама жертва объявила, что не могла-бы узнать ихъ. Къ несчастію также, и Гюбертъ, котораго наконецъ отыскали, цѣлаго и невредимаго, не принесъ въ зубахъ ни единого клочка одежды, вырваннаго у покусителей, и, по отсутствію дара слова, не могъ дать никакихъ свѣдѣній.

Что касается мотива нападенія, то за нимъ нечего было далеко ходить: это была, безъ сомнѣнія, месть ирландской партіи, на которую энергично нападали лэди Дикси въ печати, а за послѣднее время именно въ «Times»'ѣ.

Слѣдствіе велось энергично, и вотъ что дѣйствительно было раскрыто: 1) желтый экипажъ былъ розысканъ; онъ на цѣлый день былъ нанятъ мѣстнымъ купцемъ и его семействомъ. 2) Оказалось невозможнымъ найти малѣйшіе слѣды борьбы, выдержанной ученою амазонкой. 3) Садовникъ работалъ въ 13 метрахъ отъ мѣста происшествія. Этотъ садовникъ ничего не видѣлъ, ни мужчины, ни женщины, ни борьбы. 4) Наконецъ, лэди Дикси заявляла, что «солдатъ, гулявшій съ землячкой» по дорогѣ, долженъ былъ видѣть убійцу. Но ни тотъ, ни другая, отдѣльно спрошенные, не могли ничего указать. 6) Не болѣе вразумительны были и разор-

важный марсетъ и фланелевая вофта, а равно и каренны на рукахъ монтенной леди.

На этомъ дѣло и остановилось. Другими словами, вся эта видъзерная драма оказалась чистѣйшей басней, которая можетъ украсить собою полное собраніе сочиненій леди Флоренсъ Диксъ.

Впрочемъ, происшествіе съ этой дамой не единичный фактъ. Она только открыла собою уже длинный рядъ людей, которымъ мерещатся похищенія, преслѣдованія, грабежи, совершаемые заговорщиками. Галлюцинація омазмывается тѣмъ болѣе заразительными, что подъ ними весьма часто скрывается нѣкоторый расчетъ, имѣющій цѣлью воспользоваться какими-нибудь нравственными или матеріальными выгодами, играя роль жертвы. Такъ, наприимѣръ, мы видимъ телеграфиста, увѣряющаго, что къ нему подошелъ на одной изъ лондонскихъ улицъ человекъ, заговорившій съ нимъ о братѣ, находящемся въ Америкѣ, и, подъ предлогомъ извѣстій объ этомъ братѣ, заманившій его къ себѣ. Таинственными руками скатали его сюда; онъ почувствовалъ, что ему завязываютъ глаза, саждаютъ въ карету, связываютъ, везутъ сперва въ одинъ домъ, потомъ въ другой и производятъ допросы. Спрашивали о помышленіи, обычаяхъ и машинахъ центральной лондонской телеграфной станціи; спросили сколько машинъ, гдѣ онѣ стоятъ, сколько служить при зданіи полицменовъ, въ которомъ часу они смѣняются, и, наконецъ, легко-ли будетъ постороннему проникнуть въ зданіе съ ящикомъ или сверткомъ. Затѣмъ, послѣ совершенно пустыхъ отвѣтовъ, преслѣдователи оставили его въ покоѣ и высадили на большой дорогѣ, взявъ у него 15 франковъ и оставивъ часы.

Какъ и по поводу виндзорскаго дѣла, нарядили слѣдствіе, но затѣмъ должны были его бросить, такъ какъ полиція отказалась заниматься этою смѣшною исторіей.

Гораздо серьезнѣе становится дѣло, если подобное умповрежденіе овладѣваетъ и правящими сферами. Правительство, которое при столь важныхъ обстоятельствахъ должно было исполнить обязанности капитана корабля во время грозной бури, правительство, на этотъ разъ, совершенно растерялось. Оно сдѣлало непростительную ошибку, закричавъ устами Вильяма Горбура: «спасайся кто можетъ», и закричало несравненно громче, чѣмъ то позволяла его собственная честь, честь палаты, и вообще достоинство всѣхъ симвовъ Альбіона, которые, на сколько мнѣ извѣстно, никогда не отличались особенно чувствительными нервами. Скоро, очень скоро придется пожалѣть о поспѣшности, съ которой вотировали билль 9-го апрѣля, совершающій настоящую революцію въ англійскомъ уголовномъ законодательствѣ. Что сказать о законѣ, представ-

лящемъ судьѣ возможность за одно и то-же преступленіе называть помывженныя каторжныя работы или шестимѣсячное тюремное заключеніе? Въ какихъ случаяхъ прилично будетъ прибѣгать этотъ максимумъ и когда придется довольствоваться минимумомъ? Объ этомъ не говорится. Это предоставлено на безусловное усмотрѣніе судьѣ. Вообще можно сказать, что оба принудительные закона, которые были приняты для Ирландіи лишь послѣ долгаго обсужденія и съ величайшими колебаніями со стороны англійской либеральной партіи, могутъ быть названы образцами справедливости, умѣренности и милосердія, въ сравненіи съ биллемъ 7-го апрѣля.

Все это можетъ только послужить на пользу ирландской партіи. Гомерулеры не преминули воспользоваться дѣломъ лэди Дикси и громко стали кричать, что все это подстроено съ цѣлью возбужденія къ нимъ ненависти въ англійскомъ народѣ. Ничто не можетъ сравниться съ быстротою, съ которою публика усваиваетъ себѣ какое-нибудь мнѣніе, и разъ допустивъ, что виндзорское приключеніе есть плодъ большого воображенія, она неминуемо усумнится и въ томъ, что чарльзстретскій взрывъ былъ дѣломъ заговорщиковъ. Въ такого рода дѣлахъ—какъ только начали сомнѣваться, то ужь никогда нельзя сказать до чего дойдутъ. Тѣмъ болѣе неудобно было-бы для прочности кабинета, возникновеніе сомнѣній относительно его политическаго хладнокровія и искренности его либерализма. Будущіе выборы могли-бы, въ этомъ случаѣ, принести горькіе плоды.

Разсматривая положеніе дѣлъ болѣе спокойно, англійское правительство весьма скоро убѣдилось-бы въ очевидномъ и неопровержимомъ фактѣ, а именно—въ томъ, что адскія машины О'Донована Россы привели къ слѣдствіямъ совершенно противоположнымъ его цѣлямъ, и что въ концѣ концовъ онѣ вызвали въ средѣ гомерулеровъ реакцію въ пользу болѣе умѣренныхъ идей. Это подтверждается результатами недавняго собранія парнеллистовъ, на которомъ обсуждался вопросъ о поѣздѣ въ Америку ихъ главы, по случаю конгресса, назначеннаго въ Филадельфію на 25-е апрѣля.

Рѣшено было, что Парнелль долженъ воздержаться отъ поѣздки въ Соединенные Штаты, не только по причинѣ разстроеннаго здоровья, но въ особенности вслѣдствіе политическихъ причинъ, то есть для того, чтобы не дать анархическимъ ученіямъ и тѣни одобренія. Въ самой Америкѣ нѣсколько выдающихся представителей Земельной Лиги открыто порвали съ фракціей, во главѣ которой стоятъ О'Донованъ Россъ. Достаточно назвать Джона Бирна, президента цинцинатскаго отдѣла, и Уоллеса, президента ньюйорк-

скаго отдѣла. Наконецъ, конгрессъ, на которомъ собралось 1,200 делегатовъ, самъ высказался въ такомъ-же смыслѣ. Делегаты не скупились на выраженія ненависти въ Англіи, заявили, что обязанность ирландцевъ всего міра — содѣйствовать «автономіи родины, но только легальными средствами». Рѣшили объявить Англію въ карантинъ и не покупать у нея товаровъ, которые могутъ быть приобретены инымъ путемъ; наконецъ, рѣшили преобразовать Земельную Лигу въ новое общество, основанное на подобіе «Новой національной Лиги», учрежденной Парнеллемъ.

Въ концѣ концовъ, мы видимъ, что изъ двухъ лицъ, заключившихъ кальменгэмскій договоръ, то есть Гладстона и Парнелля, нарушилъ его только первый.

Мини.

КАРТИНКИ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ.

Новый конкурентъ г. Маркевича. — Необычайная „психологія“ разсказа г-жи Ольги Шаширъ.—Булюбашевская теорія во имя любви.—Мало-ли у насъ „настоящихъ“ людей?—„Патріотъ“ Тальквинъ изъ Казани.—Недавній случай въ Петербургѣ.—Инсинуаціи г. Комарова по поводу выбора г. Стасюлевича въ товарища городского головы. — Безплодное усердіе. — М. М. Стасюлевичъ какъ журналистъ. — Мечты „настоящихъ“ людей. — Мечтанія смоленскихъ ландъ-лордовъ. — Встрѣча. — „Маленькіе“ чиновники.—Ихъ роль въ нашей жизни.

I.

Нѣтъ, видно мало еще съ насъ неподобныхъ «перловъ» инсинуаціи, которыми столь ярко блещутъ многіе публицистическіе этюды и беллетристическія упражненія! Видно, мало еще развелось въ взбаломученномъ морѣ русской жизни разныхъ «Иудушекъ» — большихъ и малыхъ — которые клеветаютъ не всегда даже за тридцать серебрянниковъ, а часто даромъ, изъ «чести», и не только не испытываютъ ни малѣйшаго желанія крѣпиться къ оснѣгъ, а — напротивъ — еще хвалятся съ апломбомъ шуллера, съ яснымъ взоромъ мѣднаго лба, когда слѣпой случай приведетъ неопытнаго Иудушку къ отвѣту передъ судомъ! Видно, повторяю, въ многочисленныхъ «увражахъ» не вполне разработаны вопросъ о благородствѣ сифофанства и недостаточно ясно доказана безнравственность и слѣпота людей, клеймящихъ прегрѣшеніемъ это «благородство», — если на помощь къ этой славной стаѣ комментаторовъ сочла долгомъ явиться еще дама — писательница!

Да, такая дама явилась и торжественно представила читателямъ даму-же, свершившую «столь славный подвигъ», въ видѣ жертвы, стараясь при помощи дамской «психологіи» привлечь къ «героинѣ» то сочувствіе, которымъ преисполненъ къ ней самъ авторъ.

Реабилитированный извѣтъ! Извѣтчица въ видѣ несчастной жертвы! Въ нѣкоторомъ родѣ «дама изъ Амстердама» на правахъ героини! Даже и по нынѣшнимъ временамъ, когда практики «псих-

хологи» наводили «улицу», такая «психологія» нѣсколько рискованна. Ужь на что опыты такіе беллетристы-психологи, какъ гг. Маркевичъ и Авсѣенко, а и тѣ не дерзнули возвести въ перль созданія подобное «психологическое» положеніе.

Но на что не посягнулъ дерзкій мужчина, на то, къ крайнему изумленію, посягнула представительница слабого пола, г-жа Ольга Шапиръ, напечатавшая въ апрѣльской книжкѣ «Журнала романовъ и повѣстей, издаваемыхъ редакціей «Недѣли», рассказъ свой «Жертва», въ которомъ пытается утвердить на «психологическихъ» началахъ бульбашевскую теорію, во имя высокаго чувства любви.

Я сказалъ: къ крайнему изумленію, потому что до сихъ поръ вещи названной дамы-писательницы не подавали повода прозрѣвать въ г-жѣ Ольгѣ Шапиръ такого серьезнаго конкуррента гг. Маркевичамъ и Авсѣенкамъ. Правда, нѣсколько повѣстей и рассказовъ, написанныхъ г-жей Ольгой Шапиръ, никогда не обнаруживали не только глубокаго, но даже и большаго пониманія снискываемыхъ ею явленій и не особенно рекомендовали глубину авторскихъ соображеній, но, согласитесь, что отъ недостаточнаго пониманія до той «психологіи», какую даетъ намъ теперь г-жа Шапиръ—дистанція огромнаго размѣра», которую перепрыгнуть даже и не особенно сообразительной дамѣ, казалось-бы, не такъ-то легко!

Чтобы читатель не обвинилъ меня въ голословности дѣйствительно только только обвиненій, вводимыхъ мною на г-жу Ольгу Шапиръ, я незнакомя его вкратцѣ съ сущностью рассказа, съ его специфическимъ замахомъ и своеобразной «психологіей». Идемъ къ дѣлу.

Въ нѣкоторомъ провинціальномъ городѣ жили поживали двѣ барышни: одна, которая передаетъ исторію своей подруги, барышня благоразумная и солидная, другая — будущая «жертва», по словамъ автора, «миловидная, цвѣтущая дѣвушка, живая, горячая и порывистая». Какъ и слѣдуетъ настоящимъ барышнямъ, онѣ «вмѣстѣ танцовали на вечерахъ, вмѣстѣ переживали сладкіе балные триумфы, кружили головы молодежи и влюблялись сами». Къ концу третьей зимы, Маша ужъ была почти невѣста мѣстнаго интереснаго прокурора, какъ вдругъ, вмѣсто того, чтобы выдти замужъ за интереснаго прокурора, влюбилась въ прѣважнаго изъ Петербурга студента 4-го курса и, несмотря на проклятіе родителей, вышла за него замужъ... Подробна эта барышня, если вѣрить слов амъ рассказчицы, не просто, а, такъ сказать, необычайно. «Во всю свою жизнь я больше не видала такой любви; это не была обыкновенная привязанность человека,

къ человѣку — это было рабское обожаніе, недостойное самоуниженіе, возмутительное плѣненіе человѣческой личности».

Я нѣсколько подробно цитирую объясненія автора, какъ полюбила милая дѣвушка, не безъ нѣкотораго умысла относительно дальнѣйшей «психологіи» г-жи Ольги Шапирь. Но это еще впереди; а пока Маша Волкова безумствовала и восторгалась своимъ героемъ... Нужно-ли прибавлять читателю, что солидная подруга Маши не особенно доллюбиwała этого господина. И въ самомъ дѣлѣ, любить его было не за что: онъ обращался съ невѣстой «сдержанно, иронически, подчасъ прямо грубо». Что заставило, тѣмъ не менѣе, студента жениться на барышнѣ Волковой — о томъ не только не можетъ догадаться читатель, но, по чистосердечному признанію автора, этого не берется рѣшить и онъ самъ. Однако, сыграли свадьбу и уѣхали въ Петербургъ. Вотъ тутъ-то многолюбящая Маша и узнала, что значить выдти замужъ и не слушаться совѣтовъ благоразумной подруги... Изъ Петербурга она шлетъ рядъ писемъ, въ которыхъ жалуется на свою судьбу, и эти письма таковы жалостливы, что солидная подруга, успѣвшая къ тому времени выдти замужъ за солиднаго человѣка, много плакала надъ ними, сравнивая обоюдныя доли: «себя, въ нашемъ уютномъ, комфортабельномъ гнѣздѣшкѣ, окруженную ежеминутнымъ вниманіемъ преданнаго мужа — и мою бѣдную Машу, на каждомъ шагу отталяиваемую, униженную, вынужденную, не смѣющую быть самой собой, выносящую скуку, одиночество, лишенія... Она дорого расплачивалась за нравскій уют своего Сережи».

Читатель прозрѣваетъ, каковъ гусь былъ этотъ Сережа! Рядъ писемъ обрисовываетъ его въ надлежащемъ свѣтѣ. Правда, краски, которыми описываетъ г-жа Ольга Шапирь злуподунаго Сережу, не новы и взяты изъ склада окрасочныхъ матеріаловъ «Русскаго Вѣстника»; несомнѣнно и то, что г-жа Ольга Шапирь совсѣмъ не обнаруживаетъ знанія среды, которую живописуетъ, и если что слышала о ней, то, такъ сказать, однимъ ухомъ, но все это, тѣмъ не менѣе, нисколько не помѣшаетъ извѣстнаго сорта читателямъ признать въ Сережѣ самого заправскаго гуса.

Въ самомъ дѣлѣ, вы только полюбуйтесь, какъ поступаетъ этотъ гусь съ влюбленной въ него Машей. Онъ почти съ ней не говоритъ, такъ какъ занятъ «дѣлами», и если говорить, то рѣзко и грубо, постоянно глумясь надъ нею. Друзья его, которые немножко презираютъ Машу, постоянно толкуются въ комнатѣ, пропитанной табачнымъ запахомъ, говорятъ и безконечно спорятъ, всецѣло увлечены своимъ дѣломъ, а Маша съ своею любовью въ сторонѣ, постоянно одна, униженная и оскорбленная. Свое недоумѣніе она между прочимъ высказываетъ въ такихъ словахъ: «Какъ могутъ

эти юноши, эти дѣвушки любить или ненавидѣть все это сердцемъ, а не воображеніемъ!» И далѣе: «Куда дѣвать свое несчастное сердце. если оно, глупое, не еоглашается ступеневаться передъ «великими вопросами?»»

Рѣзкій, грубый, унижающій жену, не позволяющій ей (о варваръ!) даже надѣть простого бантика, этотъ Сережа не обнаруживаетъ даже никакой радости, когда жена сообщаетъ ему о своей беременности, и такъ-таки и выпаливаетъ ей, что ребенокъ— «лишняя обуза», и что онъ, Сережа, въ сущности «не имѣлъ права жениться» и т. п.

Когда ребенокъ, наконецъ, явился на свѣтъ божій, то Сережа не только не проявляетъ ни малѣйшаго чувства—эти люди вѣдь не имѣютъ никакихъ человѣческихъ чувствъ!—но даже объявилъ бѣдной Маши непремѣнное желаніе помѣстить куда-нибудь на-время несчастнаго крошку. Я не стану перечислять дальнѣйшихъ злодѣйствъ Сережи, которыми кишмя кишатъ письма столь многолюбящей жены. Короче сказать, въ повѣсти г-жи Ольги Шапиръ Сережа является тѣмъ шаблоннымъ чуднищемъ, какимъ обыкновенно рисуетъ суздальская живопись маркевичской школы. И если г-жа Ольга Шапиръ не заставила Сережу поджарить и скушать собственнаго своего ребенка, то, надо полагать, единственно потому, что имѣла намѣреніе приуготовить изъ ребенка полезнаго гражданина отечества, отнявъ его у столь невозможнаго отца, для передачи на воспитаніе солидной подругѣ злополучной Маши.

Въ самомъ дѣлѣ, нельзя сколько нибудь серьезно говорить объ этомъ манекенѣ, выдаваемомъ г-жей Ольгой Шапиръ за человѣческое подобіе! Нельзя трактовать бездарно и грубо намалеванное чучело какъ произведеніе художественной кисти! Можно еще возражать, напримѣръ, по поводу фальши тургеневскаго Незданова, но доказывать, что Сережа — плодъ дамской фантазіи, испуганной возможностью жить и поживать не въ уютномъ и комфортабельномъ гнѣздышкѣ и имѣть мужа, который осмѣлился бы не нести все въ домъ, а изъ дому,—доказывать, говорю, все это было-бы полнѣйшимъ неуваженіемъ къ читателю, знакомому достаточно со всѣми «чуднищами» по Незлобину и Цитовичу. Поэтому я оставляю на сообразительности автора даже такой естественный вопросъ: почему этотъ Сережа, не любившій жены, которая вдобавокъ ему мѣшала, не разстался съ ней по добру, по здорову, а продолжалъ ее мучить? — и затѣмъ перейду къ дальнѣйшей «психологіи», приведшей, по волѣ г-жи Ольги Шапиръ эту многолюбящую и преданную жену къ булюбашевскому подвигу. Пока были цвѣточки, ягодки еще впереди.

Есть дамы, для которых безъ любви и свѣтъ не милъ, и что бы ни творилъ надъ ними любимый человѣкъ, онъ все-таки будутъ обожать его. Такъ и наша Маша, настрадавшись вволю и отъ грубаго обращенія, и отъ табачнаго дыма, и отъ умышленнаго скрыванія отъ нея мужемъ своихъ дѣлъ, не только не приходитъ къ убѣжденію, что самое лучшее было-бы ей уйти отъ мужа, которому жѣнаетъ — такой исходъ дѣйствительно показалъ-бы настоящую любовь, — но показываетъ образецъ во истину идиотскаго терпѣнія. Это, впрочемъ, не столько можно поставить на счетъ дамы Маши, сколько на счетъ дамы Ольги Шапиръ. Она, т. е. злополучная Маша, продолжаетъ терзаться, страдать, еще сугубѣ любить Сережу и въ концѣ концовъ придумываетъ, наконецъ, средство спасти любимаго человѣка отъ нравственной гибели, причемъ, наивно рассчитываетъ, что послѣ спасенія этого любимый человѣкъ посвятитъ одной любви всѣ дни живота своего. Средство это — необычайное средство и, если не ошибаюсь, едва-ли приходившее доселѣ на умъ какимъ-нибудь «героинямъ» какой-нибудь изъ европейскихъ литературъ, — но явившееся внезапно въ голову злополучной Маши, вѣроятно, подъ впечатлѣніемъ долгаго чтенія «Московскихъ Вѣдомостей» тайкомъ отъ Сережи. Средство это не болѣе не менѣе, какъ «сообщеніе» куда слѣдуетъ о любимомъ человѣкѣ... Сюрпризъ, какъ видите, неожиданный даже и по нынѣшнимъ временамъ, даже и для женъ, ненавидящихъ мужей... Мы слышали съ вами и читали, что изъ-за любви люди вѣшаются, топятся, убиваютъ любимыхъ людей — все это понятно, но чтобы чувство любви, — само по себѣ чувство почтенное и нравственное, — проявилось въ такой грандіозной, можно сказать, подлости, объ этомъ едва-ли кто когда-либо слышалъ. Ужь если и законъ отводитъ близкихъ людей отъ свидѣтельства, основываясь, именно, на естественномъ чувствѣ любви и привязанности, то что-же сказать о проявленіи его въ такой гнусной формѣ, уничтожающей самое понятіе любви... Мы читали о предательствѣ ради тѣхъ или другихъ корыстныхъ цѣлей, но предателей «изъ любви» не знаемъ...

Было-бы, конечно, несправедливо винить въ такой сугубой пакости злополучную Машу. Она дѣйствительно жертва, но жертва г-жи Ольги Шапиръ. При всей своей недалности и слащавости, Машѣ и въ голову не пришло-бы разрѣшить свои сомнѣнія по рецепту Вулюбаша... Нѣтъ, если она любила, она-бы этого не сдѣлала — иначе она не любила... Все это за нее сдѣлала г-жа Ольга Шапиръ и потому отвѣтственна за ту сугубую мерзость, какую всклепала, во-первыхъ, на любящую человѣческую природу и, во

вторыхъ, за то сочувствіе, которое она тщится возбудить въ своей героинѣ, свершившей, по ея волѣ, подобную гадость...

Послѣ этого не далеко до того, что всякій литературный булюбашъ будетъ объяснять свои «подвиги» любовью къ человѣчеству, и мы, если слушать г-жу Шапиръ, должны будемъ вѣрить ему на слово, особенно если найдутся болѣе сообразительные, чѣмъ г-жа Шапиръ, комментаторы этой «любви» къ человѣчеству.

Г-жа Ольга Шапиръ виновна въ томъ что написала свою «Жертву», но, по совѣсти говоря, несравненно болѣе виновна редакция «Недѣли», пріютившая у себя такую недвусмысленную «психологию». Если г-жа Шапиръ, судя по ея повѣсти, и не отличается особенной сообразительностью, то она еще молодая писательница. репутация ея только что устанавливается и, быть можетъ, на нее подействовалъ-бы добрый совѣтъ изорвать рукопись. При нѣкоторомъ усилии, она—хотѣлось-бы думать—поняла-бы, что ея произведение—одна клевета, одинъ комъ грязи, что выставлять «жертвой» женщину, свершившую глубочайшую мерзость—значить содѣйствовать распространенію безнравственности и играть въ руку всякимъ литературнымъ «булюбашамъ», которыхъ и безъ того много. Повторяю, очень вѣроятно, что послѣ дружескаго совѣта, г-жа Ольга Шапиръ одумалась-бы и, такимъ образомъ, избавила-бы свое литературное имя отъ посярмленія.

Но редакция «Недѣли» не спасла литературной репутации молодого собрата, а напечатала себѣ дѣтище г-жи Шапиръ съ легкимъ сердцемъ. Какъ ни странно «народничество» журнала «Недѣля», какъ ни удивителенъ ея «панглоссовскій» оптимизмъ за послѣднее время, какъ ни часты въ наши дни разные журнальныя «превращенія» страха іудейска ради, но, признаюсь, я не ожидалъ, чтобы реабилитация извѣта могла найти себѣ мѣсто въ «Недѣлѣ», которая когда-то... Въ дѣлѣ помѣщенія подобной повѣсти вопросъ ужъ идетъ не о направленіи, а о простой чистоплотности.

Или г. Гайдебуровъ не вникъ въ смыслъ шапировской «психологии»? Ужъ не увидаль-ли онъ въ разсказѣ безпристрастной и художественно разсказанной исторійки и, чего добраго, не прозрѣль-ли въ ней выраженія особеннаго, одной «Недѣлѣ» свойственнаго, либерализма?..

Предположить это трудно, безъ особенно обидныхъ представлений насчетъ редакціоннаго глубокомыслия, но такое предположеніе, какъ оно ни обидно, во всякомъ случаѣ было-бы самымъ лучшимъ для литературной репутации «Недѣли».

Я хотѣлъ, было, совѣтъ покончить съ этимъ разсказомъ, въ

которомъ злополучная Маша является жертвой г-жи О. Шапиръ, а г-жа О. Шапиръ жертвой г. Гайдебурова, но еще два слова...

Въ этомъ разсказѣ, несмотря на общую его негнпость, затронута, однако, тема, которая у болѣе сообразительнаго беллетриста могла быть разработана не безъ интереса. Я говорю о сопоставленіи двухъ разныхъ натуръ, двухъ разныхъ умственныхъ организацій, соединенныхъ между собою узами любви,—въ жизни это часто бываетъ. Тема не новая, но не лишенная поучительности. Вообразите себѣ любящее, доброе, честное, преданное созданіе, но не понимающее, что занимаетъ, что волнуетъ, чѣмъ бьется сердце любимаго человѣка. Естественно, что обѣ стороны страдаютъ и обѣ стороны по-своему правы.

Это преданное и любящее существо, которое подчасъ коробить любимаго человѣка своимъ непониманіемъ, ежедневно, ежедневно, ежеминутно самымъ трогательнымъ образомъ выражаетъ свою любовь и самымъ искреннимъ образомъ оскорбляется, что любимый человѣкъ не всецѣло принадлежитъ ей и не такъ любить, какъ любить она и какъ, по ея понятіямъ, должно любить. Сначала это обыкновенно выражается въ менѣ рѣзкой формѣ, оскорбительность которой скрадывается первыми годами любви и не слишкомъ близкимъ знаніемъ другъ друга, но потомъ все это идетъ *sensendo*. Она страдаетъ, подозрѣвая нелюбовь мужа, страдаетъ, глядя по темпераменту, молча или раздражаясь упреками. Она страдаетъ не менѣ ея, глядя на страданіе любимаго человѣка. Положеніе обоихъ въ высшей степени тяжелое. И та и другая стороны считаютъ себя жертвами. Если вдобавокъ «жертва» женскаго пола вполне порядочный человѣкъ, то положеніе усложняется до того, что у другой жертвы мужскаго пола явится, наконецъ, неодолимое желаніе бѣжать отъ такой безпредѣльной привязанности, которая въ концѣ концовъ обращается въ пытку, и тѣмъ неодолимѣе будетъ стремленіе, чѣмъ покорнѣе и преданнѣе будетъ «жертва» женщина. Эта тема, мимоходомъ, затронута у графа Толстаго, но разработка ея, повторяю, была-бы весьма интересна, въ виду всѣхъ негнпыхъ разъясненій супружескаго вопроса, которыми въ послѣднее время занимаются «калужскіе» мужья и «калужскія» жены въ печати.

Г-жа Шапиръ разрѣшила вопросъ по своему—такъ, какъ разрѣшаютъ нынче всевозможные вопросы „патріоты своего отечества“.

II.

А «патріотовъ своего отечества» объявляется нынче во всѣхъ уголкахъ Россіи столько, что ими хоть прудъ пруди, а не то, что жаловаться и грозить, грозить и жаловаться, какъ дѣлаютъ «Мо-

сковскія Вѣдомости», что настоящихъ людей, понимаете-ли, настоящихъ, совсѣмъ нѣтъ или очень мало. По обыкновенію, почтеннѣйшая газета преувеличиваетъ, съ дипломатической цѣлью, свое безсиліе. Напротивъ, такихъ «настоящихъ» людей, какіе именно ей нужны—а для кого-же секретъ какіе ей нужны,—не только не мало, а ихъ избытокъ; такъ что предложеніе несомнѣнно превысило-бы спросъ, если-бы подчтеннѣйшая газета могла кликнуть кличь, чтобы пристроить, глядя по способностямъ, всю эту «соль» земли русской.

И—Боже мой! — какое разнообразіе типовъ, какая градация профессій при общемъ, такъ сказать, уравнивающимъ ихъ всѣхъ, «доподлинномъ патриотизмѣ», обнаруживающемся, повременамъ, во всемъ своемъ блескѣ, въ судебныхъ учрежденіяхъ. Въ этомъ «патріотическомъ» сборищѣ вы найдете и стараго отставного Держиморду, и молодого Китъ Китыча, добирающагося до сосѣда, и юркаго проходимца, готоваго рѣшительно на все за два пятиалтынныхъ, и содержателя увеселительнаго заведенія наряду съ редакторомъ-издателемъ, и кляузнаго подъячача, строчащаго доносы по пятачку на кого угодно, хотя-бы на самого Господа Бога, и отщепенца студента, и «даму сомнительнаго поведенія», и кулака-мѣщанина, мастеращаго кляузу на «социловистовъ»... Если собрать всѣ эти устные, письменныя и печатныя произведенія «кляузы» — и все во имя «патріотизма»—за послѣднее время, то какая громадная бібліотека Россійскаго развращенія и безграмотства составила-бы изъ этихъ сочиненій!. Портретная галлерей авторовъ тоже была-бы любопытная по своему разнообразію, если начать ее съ представителей печатной кляузы и кончить хоть знаменитымъ г. Тальквистомъ, тѣмъ самымъ казанскимъ нѣмцемъ и содержателемъ увеселительнаго заведенія, который, если возможно, катковистѣе самого «божка» своего...

Г. Тальквистъ въ своемъ родѣ характерная современная «знаменитость», заставляющая о себѣ говорить мѣстныя газеты. Для посѣщающихъ Казань посмотрѣть на этого ультра-проходимца почти кую обязательно. Это остервенѣлый, повидимому, поклонникъ «Московскихъ Вѣдомостей» хотя по происхожденію нѣмецъ и прусскій подданный. Изъ своего увеселительнаго заведенія оны устроилъ нѣкую своеобразную академию пропаганды. На самомъ почетномъ мѣстѣ заведенія, г. Тальквистъ, какъ удостовѣряютъ мѣстныя газеты, повѣсилъ въ золоченныхъ рамкахъ портреты гг. Каткова и Скарятина, бывшаго казанскаго губернатора, а по стѣнамъ избранныя передовыя статьи въ рамкахъ, такъ сказать, для напоминанія посѣтителямъ, какъ должно дѣйствовать доброму Россіянину. Въ читальнѣ находятся только «Моск. Вѣд.» и газеты, близкія имъ по духу, осталь-

ны не допускаются. Кроме такой пропаганды прусскимъ нѣмцемъ «истинно русскаго» духа, г. Тальевистъ пропагандируетъ его самолично, за что не разъ и судился у мировыхъ судей: онъ ужъ черезъ-чуръ усердно проявляетъ свой «патріотизмъ», ругая посѣтителей, которые, по его мнѣнію, недостаточно проявляли свои чувства, съ тѣмъ накальствомъ, на которое способенъ всякій проходимецъ, торгующій «патріотизмомъ» распивочно и на выносъ.

Замѣчательно, что всѣ эти «высокія» чувства прусско-русскій «патріотъ» сталъ проявлять только въ послѣднее время; до того онъ былъ обыкновенный нѣмецъ какъ нѣмецъ. Недавно онъ вновь отличился, по словамъ казанскихъ газетъ. Когда появилась передовая статья «Моск. Вѣд.», метавшая громы и молніи за то, что г. Скарятина отдала подъ судъ, г. Тальевистъ громогласно читалъ названную статью среди своихъ посѣтителей и выказывалъ чувства восторга передъ Катковымъ. Затѣмъ, названная статья была заключена въ раму, и горе посѣтителю, если-бы онъ выказалъ передъ г. Тальевистомъ неодобреніе.

Какъ реклама, реклама, придуманная г. Тальевистомъ, пожалуй, и не лишена остроумія: о немъ заговариваютъ газеты, ему этого и надо. До сихъ поръ онъ, конечно, въ своемъ правѣ. Но что вы скажете, если такой джентльмень, въ самомъ дѣлѣ, можетъ, здорово живешь, надѣлать вамъ непріятностей? Не улыбайтесь, нынче подобныя дѣла не рѣдкость и мало-ли выкинули судебныя разбирательства на свѣтъ божій такихъ проходимцевъ, которые, ради сведенія личныхъ счетовъ, а то и прости ради «отлички», возводятъ на ближняго обвиненія? Подите, судитесь съ такимъ «патріотомъ»! Ему терять нечего — напротивъ, быть можетъ, онъ даже мечтаетъ выиграть! — а вамъ предстоитъ рядъ непріятныхъ объясненій, пока не прекратится это такъ называемое «недоразумѣніе», вызванное иногда пьянымъ безстыдникомъ.

Недавно еще въ Петербургѣ случилось слѣдующее происшествіе. Одинъ молодой человѣкъ проходилъ по улицѣ, когда засталъ его дождь. Онъ укрылся подъ навѣсомъ одного изъ трактировъ, какъ вдругъ изъ трактира спускается пьяный субъектъ и кричитъ городовому, указывая на господина: «бери его, веди въ участокъ!» Городовой, было, поколебался, но магическое: «по политическому дѣлу», прекратило всякія колебанія, и ни въ чемъ неповиннаго человѣка повели въ участокъ. «Субъектъ» слѣдомъ за ними. Въ участкѣ частнаго пристава не оказалось, и когда помощникъ просилъ объяснить въ чемъ дѣло, то «субъектъ» пьянымъ голосомъ потребовалъ самого пристава, опять прибавивъ магическое: «по политическому дѣлу!» Наконецъ, явился приставъ и

пьяный субъектъ объясните слѣдующее: Пригласилъ онъ своихъ товарищей обѣдать въ трактиръ «Золотой Якорь» и въ концѣ обѣды приказалъ играть народный гимнъ. Всѣ встали, но двое господъ не встали и, когда онъ, «субъектъ», шелъ къ нимъ, чтобы потребовать объясненій, то они скрылись. Онъ бросился за ними и вотъ одинъ изъ нихъ оказался стоящимъ подъ навѣсомъ крыльца.

Осторожный частный приставъ счелъ долгомъ провѣрить показаніе молодого человѣка, объяснившего, что онъ не былъ въ трактиръ и случайно остановился подъ навѣсомъ, возвращаясь къ себѣ домой отъ брата. Послали къ брату, разбудили его и допросили; оказалось, часъ выхода молодого человѣка отъ брата совпадалъ со временемъ, когда онъ могъ быть у подъѣзда гостиницы; затѣмъ призвали половыхъ; они показали, что молодого человѣка въ числѣ посѣтителей трактира не было, а что «субъектъ» напился и сильно буянилъ. Тогда приставъ переѣзнилъ томъ и сообщил по телефону о происшествіи плацъ-адъютанту, который прѣехалъ и посадилъ на гауптвахту пьянаго «патріота».

Фактъ мелкій, но, согласитесь, характерный. Какъ-бы тамъ ни было, а приходится на каждомъ шагѣ чувствовать свою незащищенность отъ тѣхъ «настоящихъ» людей, къ которымъ относятся «Московскія Вѣдомости».

III.

Вотъ и еще «настоящій человѣкъ», на этотъ разъ литературный—бездарный публицистъ г. Комаровъ. Убѣдите его, что сифофанствовать по меньшей мѣрѣ гнусно, и при томъ, для него лично, пожалуй и бесполезно? Есть люди, усердіе которыхъ даже и не замѣчается.

А между тѣмъ, по поводу выбора редактора «Вѣстника Европы», г. Стасюлевича, въ товарищи городского головы, «С.-П. Вѣдомости» испустили такого рода подлѣйшую клевету:

«Какъ гласный нашей думы, говорить «Спб. Вѣд.», г. Стасюлевичъ явился въ двухъ-трехъ довольно эффектныхъ роляхъ. Такъ, онъ предложилъ обложить всѣхъ квартирантовъ налогомъ, но зато дать имъ избирательныя права—одно изъ пожеланій петербургскихъ жителей. Когда недавно минуло десятилѣтіе со времени появленія здѣсь новаго городского положенія, г. Стасюлевичъ щегольски составилъ и прочиталъ въ думѣ отчетъ о дѣятельности городской администраціи; отчетъ, разумѣется, вышелъ хвалебнымъ гимномъ въ честь нашихъ муниципаловъ. Это самыя выдающіяся дѣйствія г. Стасюлевича, какъ гласнаго петербургской думы. Процессура г. Стасюлевича сдѣлала ему выгодное положеніе; на подписку на «Вѣстникъ Европы» вливаться не приходится; теперь г. Стасюлевичъ неожиданно сталъ de facto нашимъ лордъ-маромъ. Все это сдѣлалось шагъ за шагомъ, незамѣтно, ловко. Въ этомъ отношеніи дѣятельность г. Стасюлевича однородна съ дѣятельностью г. Спасовича, о которой мы говорили надняхъ (№ 114 «Спб. Вѣд.»).

Въ общественномъ отношеніи они положительно сіамскіе близнецы, тѣмъ болѣе, что оба, въ одно и то-же время, заняли два видныя въ столицѣ поста: одинъ глава столицы, другой — столичной адвокатуры, *у обоихъ за спиною стоитъ цѣлый кружокъ, если не цѣлая партія*;—люди не безъ средствъ и не безъ рѣшимости *сейчасъ-же дѣйствовать*. Является вопросъ: кто они, къ чему стремятся, что будетъ дѣлать на новомъ посту г. Стасюлевичъ?

Спросите, къ чему нужно было г. Комарову въ нѣсколькихъ строкахъ обнаружить столько... столько «благородства»? И, главное, онъ вѣдь самъ отлично знаетъ, что жетъ, на каждомъ словѣ жетъ: что г. Стасюлевичъ никакой партіи за спиной не имѣетъ и никакой рѣшимости «сейчасъ-же дѣйствовать» не проявлялъ. Къ чему, спрашивается, эта сикофантская ложь?

Если для того, чтобы помѣшать назначенію г. Стасюлевича товарищемъ городского головы, — сообщеніе г. Комарова опять-таки бесполезно, такъ какъ правительство, разумѣется, несравненно лучше его знаетъ политическій «dossier» г. Стасюлевича и, конечно, не нуждается въ добровольныхъ услугахъ г. Комарова. Наконецъ, и самъ г. Комаровъ ужъ не на столько-же несообразителенъ, чтобы не понять, что даже и съ его точки зрѣнія было-бы желательно видѣть въ должности товарища городского головы человѣка образованнаго и добросовѣстнаго, хорошаго работника и т. п. Вѣдь на этомъ мѣстѣ не придется заниматься политикой, а просто блюсти городское хозяйство.

Иль ужъ таково свойство каждаго «патріота своего отечества» — инсинуировать на порядочныхъ людей, инсинуировать съ тѣмъ большимъ безстыдствомъ, чѣмъ порядочнѣе и граждански-нравственнѣе человѣкъ? Вѣдь и у отпѣтаго проходимца шевелится-же когда-нибудь нѣчто въ родѣ стыда и его безстыжіе глаза должна-же рѣзать чужая безупречная общественная дѣятельность!.. И вотъ, чтобы заглушить эти проблески стыдливаго чувства, чтобы успокоить созданіе своей дрянности и своего нравственнаго ничтожества, нерѣдко подобные люди клеветуютъ съ какимъ-то озлобленіемъ, съ какой-то слѣпотою разсвирѣпѣвашаго звѣря. Съ самого начала своей издательской дѣятельности, онъ былъ тѣмъ, что есть — бездарнѣйшимъ журналистомъ и на всѣ руки мастеромъ. Слышала о немъ публика еще какъ и о сербскомъ генералѣ, но эти слухи тоже были не особенно лестны для репутаціи г. Комарова. Съ тѣхъ поръ г. Комаровъ лѣзъ изъ кожи вонъ, чтобы отличиться въ газетѣ, вродѣ того, какъ казанскій Тальевистъ въ своемъ увеселительномъ заведеніи: онъ и «истинно народную» политику одобрялъ, онъ и пасквили противъ графа Милютина печаталъ, онъ славословилъ „Моск. Вѣд.“ и крестовалъ, прославлялъ и гг. Ламанскаго и Полякова, кадилъ желѣзнодорожникамъ, подмазывался и къ полякамъ, завелъ и «Свѣтъ», и жур-

наль романовъ. — но всё эти старанія остались втунѣ. Газета его влечить печальное существованіе, а самъ онъ пріобрѣлъ репутацію такого журнальнаго ничтожества, которое не стоитъ даже и поощренія.

И вотъ подобный «дѣятель» журналистики кричить: «караулъ!» и, какъ человѣкъ мало сообразительный, но черезъ-чуръ усердный, даже не соображаетъ, что обвинять г. Стасюлевича чуть-ли не въ «революціонныхъ» вождельніяхъ такъ-же неправдоподобно, какъ неправдоподобно было-бы «обвинить» г. Комарова въ литературной порядочности!

А именно литературной порядочностью и можетъ, по совѣсти, гордиться М. М. Стасюлевичъ. Въ теченіи долгой своей журнальной дѣятельности онъ не свершилъ ни одного литературнаго поступка, который бросилъ-бы тѣнь на его репутацію. а этимъ могутъ похвалиться немногіе изъ его собратьевъ. Онъ честно и искренно служилъ тому направленію, которому сочувствовалъ, не топталъ своего знамени въ години журнальныхъ бѣдствій и постоянно боролся съ противниками прогресса и знанія. Съ направленіемъ, которое защищалъ г. Стасюлевичъ, можно было не вполне соглашаться, находить его недостаточно широкимъ, нѣсколько исключительнымъ и, пожалуй, даже узкимъ, но это разногласіе нисколько не отнимало у г. Стасюлевича правъ на уваженіе. Быть можетъ, «его стаканъ былъ малъ, но онъ пилъ изъ своего стакана». Онъ никогда не отклонялся отъ прямого пути, никогда не отрекался, страха ради іудейска, отъ своихъ мнѣній и высказывалъ ихъ съ обычной неуклонностью и съ обычнымъ доктринерскимъ спокойствіемъ, какъ въ «Вѣстникѣ Европы», такъ и въ «Порядкѣ», въ теченіи всѣхъ вѣяній, пережитыхъ журналистикой за послѣднее время. Онъ умѣлъ честно молчать, и на страницахъ его органовъ никогда не появлялось тѣхъ льстиво-фальшивыхъ статей, которыми повременамъ раздражалась почти вся газетная печать. «Порядокъ», какъ извѣстно, просуществовалъ недолго. Когда г. Стасюлевичъ увидѣлъ, что онъ не можетъ вести газету такъ, какъ считалъ нужнымъ, онъ прекратилъ ее, хотя число подписчиковъ и не вынуждало его къ такому шагу.

Теперь г. Стасюлевичъ, какъ говорятъ, оставляетъ журнальное поприще для новой дѣятельности. Что заставляетъ его промѣнять тяжелую, но заманчивую дѣятельность на другую — это его дѣло. Быть можетъ, онъ изнемогъ въ этихъ мелочахъ журнальной борьбы?

Какъ-бы то ни было, но нельзя не пожалѣть, что на нашей, и безъ того небогатой, журнальной нивѣ однимъ стойкимъ и честнымъ журналистомъ стало меньше.

IV.

Замѣтили-ли вы, какъ въ тиши нашего прозябанія, нарушаемаго лишь скандальными выходками разныхъ Тальевистовъ и Комаровыхъ да не прерывающимися рѣчами прокуроровъ, воотще взывающихъ о стыдѣ хищенія, — замѣтили-ли, говорю, какъ въ разныхъ углахъ и уголкахъ нашего отечества возникаютъ надежды, казалось-бы давно похороненныя, возжелѣнія чисто опереточнаго свойства, которыя были-бы только потѣшны, если-бы мы имѣли съ ними дѣло въ «Аркадіи», а не въ дѣйствительной жизни. Еще недавно робкія, неувѣренныя, боявшіяся дружнаго смѣха печати и общаго презрѣнія, онѣ выползали на свѣтъ божій, крадучись, нерѣдко обволакивая свои завѣтныя мысли болѣе или менѣе приличными покровами, но теперь... долой даже фиговые листки! Вѣдь можно явиться во всей наготѣ невѣжества безъ боязни. Къ чему — скажите на милость — стыдливость, когда стыдливые зрители стыдливо молчатъ, а безстыжіе одобряютъ, лелѣя мечтанія и о славѣ?

Прислушайтесь ко всѣмъ этимъ свободно раздающимся «голосамъ изъ провинціи», къ разнымъ дебатамъ дворянскихъ, земскихъ и городскихъ собраній, прочитывайте проекты разныхъ захолустныхъ Бисмарковъ изъ Сызрани, вникайте въ подвиги разныхъ мѣстныхъ Держимордъ, и вы уловите торжествующую нотку такого нахальнаго невѣжества, такихъ безстыжихъ возжелѣній, что можно было-бы подумать, будто мы рассчитываемъ вернуться со всѣмъ „домой“, если-бы не ободряющая увѣренность, что эти пѣсни, не общія пѣсни, что эти люди — не вся Россія.

То въ «оживившихся» мѣстныхъ собраніяхъ ландъ-лордовъ вы слышите какъ пресерьезно говорятъ о необходимости вернуть ландъ-лордамъ прежній блескъ, разумѣется, на счетъ госудрственнаго казначейства, то вдругъ до васъ донесется, словно изъ подземелья, хриплый старческой голосъ какого-то захолустнаго педагога о необходимости «обновить» гимназіи введеніемъ розогъ, то раздастся окрикъ: «А. вас гласный судъ» и вамъ предложатъ «возрожденіе» капитанъ-исправника (онъ-же и судья) на основаніи проекта «Моск. Вѣд.»; то вдругъ, изъ среды крѣпостниковъ и разныхъ оголтѣлыхъ и цивилизованныхъ Деруновыхъ, ходящихъ въ чуйкахъ и во фракахъ, пронесется горчайшая жалоба о бѣдномъ народѣ, развращаемомъ интеллигенціей; словомъ, то тамъ, то здѣсь, то въ Торжкѣ, то въ Уржумѣ... гдѣ-нибудь да раздаются отраженные голоса: «сократить, искоренить, обновить!»

Надъ всѣмъ этимъ гуломъ висится, конечно, знамя народное. Всѣ эти слова произносятся, разумѣется, во имя «народа», надъ

именем котораго только гнѣвный проходимецъ не пробуетъ теперь своей силы. И всѣ эти вновь объявляющіеся изъ захолустій реформаторы, еще недавно точившіе въ своихъ углахъ безсилную злобу на солнце за то, что оно свѣтитъ, — теперь слѣшать вынести на стоны накопившуюся жолчь, серьезно думая, будто можно заслонить солнце, остановить рѣки и сравнять горы...

Подчасъ, просто они смѣшны, — смѣшны, когда претензіи не преступаютъ области мечтаній. Мечтайте себѣ, милостивые государи, сколько вамъ угодно, — мечтать не возбраняется!

Такимъ особенно мечтательнымъ настроеніемъ отличалось послѣднее дворянское собраніе въ Смоленской губерніи. Ландъ-лорды размечтались такъ, что впору самому Манилову. Но не ручейки и цвѣты занимали смоленскихъ ландъ-лордовъ, — послѣ «эмансипаціи» ручейки и долинки остались лишь пріятнымъ воспоминаніемъ. По словамъ «Недѣли», они

«особенно скорбѣли объ оскудѣніи дворянской кассы, о переходѣ дворянскихъ имѣній въ руки разночинцевъ и исчезновеніи дворянскаго престижа: если у дворянъ нѣтъ имѣній, если ихъ родовые „майонетки“ разошлись по чужимъ постылымъ рукамъ, то какіе-же они послѣ этого дворяне! И вотъ встаетъ дворянинъ Бартоломей и держитъ такую рѣчь: — Дворянство, говоритъ онъ, имѣетъ полное юридическое право при переходѣ дворянскаго имѣнія въ руки разночинца получать соответственное вознагражденіе за потерю источника обложенія. Такимъ образомъ, съ каждаго имѣнія, сдѣлавшагося, путемъ продажи, не дворянскимъ, слѣдуетъ взыскивать такую сумму, проценты съ которой доставляли-бы въ оскудѣвшую дворянскую кассу капиталъ, равный дворянскому сбору за нѣвѣстный смѣтный періодъ. (То есть, г-ну Бартоломею желательно заставить разночинцевъ платить за честь, которою они не будутъ пользоваться!)

На замѣчаніе губернскаго предводителя, что такое ходатайство было уже однажды возбуждено и отклонено, находчивый г. Бартоломей отвѣтилъ такъ:

— Да, прежнее ходатайство было отклонено, вѣроятно потому, что облагаемый ни прямо, ни косвенно ни принималъ-бы участія въ опредѣленіи размѣровъ обложенія... Теперь совсѣмъ не то. Я предлагаю облагать вовсе не лицо, не того или другаго разночинца, купившаго дворянское помѣстье: вовсе нѣтъ! Я предлагаю облагать самое помѣстье, т. е. хочу удержать источникъ обложенія, укрѣпить дворянскій сборъ, вотъ и все. Оскудѣніе дворянской кассы заставляетъ насъ позаботиться, чтобы дворянскій сборъ не былъ постоянно измѣняющейся и притомъ уменьшающейся величиной. Напримѣръ, въ Вальскомъ уѣздѣ въ руки разночинцевъ перешла масса дворянскихъ имѣній...

— Но оскудѣніе дворянской кассы не можетъ служить достаточнымъ основаніемъ къ тому, чтобы лица другихъ сословій были „обложены въ пользу дворянства, возражаетъ оратору предводитель Рославльскаго уѣзда, г. Азанчевскій.

— Объ интересахъ лишь другихъ сословій неумѣстно даже говорить въ залѣ дворянскаго собранія! воскликнулъ г. Бартоломей“.

Всѣ эти требованія и іереміады, какъ видите, имѣютъ главной цѣлью «презрѣнный металлъ». Имъ нуженъ собственный дворянскій

бани, нужны деньги на дворянскій институтъ, они просятъ сложить съ дворянскихъ имѣній недоимки. «Возрожденіе», о которомъ мечтаютъ ландъ-лорды, нисколько, впрочемъ, не мѣшаетъ имъ торговать «распивочно и на выносъ» водкой не хуже любого кабаачика. Такъ, по словамъ «Смоленскаго Вѣстника», одинъ изъ ландъ-лордовъ, особенно заботившійся о дворянскихъ хартіяхъ, торговалъ водкой въ кабацѣхъ подъ поэтической вывѣской «Кудрявой березы»; въ то-же время онъ былъ и мировымъ судьей, но сосѣдство камеры съ «Кудрявой березой» нисколько не кололо глазъ благороднаго ландъ-лорда.

«Кудрявая береза» наряду съ рыцарскимъ шлемомъ! Вотъ заветная мечта современнаго потомка какого-нибудь счастливица! Кто, впрочемъ, нынче не мечтаетъ! Кто только не пишетъ проектовъ, тревожа прахъ покойнаго Аракчеева?.. Мечтаетъ и ландъ-лордъ, мечтаетъ и тотъ самый провинціальный «административный человѣкъ», который одно время, было, смутился, прочитавъ въ «Новомъ Времени», что на счетъ правды и хищенія будетъ нынче строго.

V.

Не такъ давно я встрѣтился съ такимъ человѣкомъ, прибывшимъ изъ далекой провинціи, и подивился происшедшей въ немъ переменѣ. Во время прежнихъ его наѣздовъ специально для того, чтобы понюхать чѣмъ пахнетъ въ департаментъ, онъ былъ чинуша какъ чинуша; помню, какъ въ первый пріѣздъ онъ отчаянно либеральничалъ и такъ трогательно говорилъ объ умиротвореніи, что хоть сейчасъ плачь, если обладаешь такими слабыми нервами, какъ г. Суворинъ, который чуть попадетъ въ Москву—сейчасъ плачетъ. И у всѣхъ знакомыхъ просилъ содѣйствія. Придетъ, бывало, и проситъ: «окажите содѣйствіе». Затѣмъ, въ слѣдующій пріѣздъ, онъ либеральничалъ гораздо меньше, но за то объявился такимъ народникомъ, что страхъ! Тѣмъ не менѣе, онъ по-прежнему жаловался на свою исправничью долю, на трудности положенія, испытаннаго имъ во время различныхъ вѣяній. Съ одной стороны «взвскаать во что бы то ни стало», съ другой — чтобы народъ чувствовалъ правду и въ меланхолію не впадалъ. А какъ тутъ ухитриться, чтобы поротный плательщикъ не чувствовалъ меланхоліи? Однако, дѣлать нечего, приходилось ухищряться: посѣчь маленько и объяснить, что это, молъ, больше для виду. «И шарлатанишь», прибавлялъ разскащикъ, «потому-что тоже дѣти, а жить дорого». По тогдашнему времени онъ и съ мужичкомъ заигрывалъ: «мужичекъ, такой-сякой, не писанный»; даже адресъ себѣ отъ

нихъ написалъ — и представилъ по начальству. Адресъ былъ слѣдующій:

«Ваше Высокоблагородіе,
Многолюбимый Кузьма Кузьмичъ!

Всѣ мы, поселяне волостей (слѣдуетъ перечисленіе волостей) много довольны Вами и надѣемся впредь быть довольными, такъ какъ Вы начальство справедливое и милостивое и свято чтите заповѣди Господни и высшія распоряженія начальства. Вы насъ надоумили на счетъ правды, и Вы насъ отвратили отъ хищенія. Вы, Ваше Высокоблагородіе, памятуя законъ, всегда къ нему были нелицеприятны и по взыску недоимокъ снисходительны безъ ослабленія, за что и считаемъ долгомъ, какъ истинные сыны отечества и Престола, нелицемѣрно все сіе выставить доподлинно передъ лицомъ всего свѣта за Вашу добродѣтель. Властительствуя же надъ нами, мудрый исправникъ, а мы завсегда готовы повиноваться и въ случаѣ чего какъ одинъ человекъ встанемъ въ славу и честь Россіи».

Слѣдуютъ подписи.

Не знаю, произвелъ-ли этотъ адресъ какое-нибудь существенное впечатлѣніе въ видѣ единовременнаго пособія... Кажется, что нѣтъ, но помню, что Кузьма Кузьмичъ очень носился съ этимъ адресомъ и, наконецъ, пристроилъ его въ одну газету, редакція которой предпослала слѣдующую краткую замѣтку:

«Изъ этого, отъ души выливающегося, безхитростнаго мужицкаго заявленія да поймутъ наши либералы, сколько мудрости и политическаго прозрѣнія кроется въ народѣ! Въ чествованіи почтеннаго исправника чествуется власть исправника, власть сильная и справедливая, въ самой себѣ черпающая мудрость и въ самой себѣ находящая правду, не нуждающаяся ни въ какихъ постороннихъ указаніяхъ, кромѣ указаній высшаго начальства. Гдѣ, въ какой странѣ, можетъ быть такое единеніе начальства съ поселянами? А намъ говорятъ объ антагонизмѣ... Ахъ, вы, либералы!» -

Но, вскорѣ за напечатаніемъ этого заявленія случился маленькій скандалъ. Въ одной изъ газетъ, кажется, что въ «Голосѣ», мѣстный корреспондентъ сообщалъ, что никакого адреса крестьяне не писали, а что нѣсколько писарей и волостныхъ старшинъ дѣйствительно подписали заявленіе, сочиненное самимъ-же исправникомъ. Къ этому прибавлялось нѣсколько фактовъ, рисующихъ любовь поселянъ къ Кузьмѣ Кузьмичу нѣсколько въ иномъ свѣтѣ.

Какъ теперь помню, негодованіе Кузьмы Кузьмича на «Голосѣ». О, онъ знаетъ, кто смастерилъ эту фальшивую корреспонденцію, кто хотѣлъ набросить тѣнь на его доброе имя и повредить ему въ глазахъ начальства! Это — никто иной, какъ одинъ изъ

становыхъ приставовъ, давно кующій на него ковы и желающій спихнуть его съ мѣста. Онъ такъ этого не оставитъ... Однако, онъ такъ и оставилъ дѣло, хотя ѣздилъ объясняться съ г. Бильбасовымъ. Съ этихъ поръ онъ такъ разсердился на «Голосъ», что, вернувшись домой, сталъ убѣждать знакомыхъ не возобновлять подписки на «Голосъ» (дѣло было какъ разъ передъ подпиской) а подписываться на «Новое Время», причемъ на ухо сообщалъ что г. Бильбасовъ опасный человѣкъ и дни его сочтены...

Встрѣчаю Кузьму Кузьмича и сразу даже не призналъ его — такъ онъ преобразился. Идетъ по улицѣ гоголемъ, сіяющій, словно только-что получилъ Станислава на шею; поступъ твердая, увѣренная, точно за душой у него нѣтъ никакихъ хищеній; обыкновенно толстое, мордастое лицо его стало еще толще и мордастѣй, его свинные глазки, прежде не совсѣмъ увѣренно блиставшіе въ щелкахъ, смотрять весело и беззаботно; словомъ, вся его коренастая, приземистая фигура точно просвѣтлѣла и сіяла.

Онъ пожалъ мнѣ руку и проговорилъ съ какой-то особенной развязностью:

— Дышете еще?

— Отчего-же не дышать, Кузьма Кузьмичъ!

Слово за слово—и пошелъ Кузьма Кузьмичъ. Откуда у него явился даже и слогъ—прежде его не было—слогъ нѣсколько вышешенный и патетическій. И сколько апломба! Его словно прорвало, и онъ сталъ выкладывать передо мной историческія свѣдѣнія, обнаруживъ нѣкоторое знакомство съ учебникомъ Иловайскаго. При этомъ онъ колотилъ свою грудь съ такимъ азартомъ, что можно было подумать, будто онъ только-что свершилъ какую-нибудь пакость. Онъ объявилъ, что въ провинціи всѣ ждутъ не дождутся, когда наконецъ исправники станутъ на высоту положенія, чтобъ успѣшно руководить... Прошли времена, когда можно было шутить... Шабашъ!

И вдругъ, точно его поддало, онъ съ какой-то злостью прибавилъ:

— Какой-нибудь мерзавецъ и вдругъ смѣетъ писать о человѣкѣ, который тридцать лѣтъ...

Я подумалъ, что Кузьма Кузьмичъ сдѣлалъ какую-нибудь «не-ловкость» и попалъ въ газеты — и не ошибся. Послѣдовалъ рассказъ, убѣдившій меня въ справедливости предположенія. Оказалось, что Кузьма Кузьмичъ «разнесъ» штундистовъ, получилъ выговоръ и по этому случаю пріѣхалъ въ Петербургъ.

Я полагалъ, что онъ вытащитъ изъ кармана благодарственный адресъ отъ штундистовъ, но когда я деликатно намекнулъ, нѣтъ-ли у него такового, онъ даже обидѣлся и сказалъ:

— Здѣсь у васъ въ Петербургѣ все шутки... Пора перестать шутить — напутились. Давно надо вотъ какъ!

И, взмахнувъ здоровеннымъ кулачищемъ, онъ показалъ какъ надо и что-бы онъ могъ сотворить, если-бы этотъ кулакъ былъ восстановленъ во всей своей мощи... А кулакъ, я вамъ скажу, былъ величины необыкновенной.

— Есть люди, они понимаютъ, заговорилъ онъ, — необходимость обновленія; надо, чтобы всѣ, понимаете-ли, всѣ окончательно поняли, что мы не просто исправники, а, такъ сказать, носители власти... Особенно надо, чтобы понялъ это мужикъ...

— А развѣ онъ не понимаетъ?

— Развратили его. Подлецы, въ самомъ дѣлѣ, на что-то надѣются... Сидитъ онъ въ деревнѣ и все больше на счетъ земли мечтаетъ... Даже иной разъ прямо спрашиваетъ: «Скоро-ли прирѣзка будетъ?..» Ну ему и задашь прирѣзку!.. Что подѣлаешь. А тутъ эти ваши газеты... То нехорошо, то неладно...

Вдругъ замолчалъ и, сердито взглянувъ на меня, распрощался.

Вотъ такого «настоящаго» человѣка непремѣнно-бы похвалили «Московскія Вѣдомости», но какъ-бы они попались въ просякъ! Сегодня онъ «настоящій», а завтра?.. Что будетъ съ Кузьмой Кузьмичемъ завтра, если придется распространять не одну меланхолю?

Не возьметъ-ли подъ свою защиту почтенная газета и камень-подольскаго полиціймейстера, г. Горячко, о которомъ на дняхъ сообщали въ подцензурную газету «Одесскій Листъ» слѣдующее: «Недавно жена одного ссыльнаго, котораго, по приговору общества, надлежало выслать изъ города, явилась къ полиціймейстеру просить за своего мужа. Г. Горячко (фамилія полиціймейстера) погорачился и ударилъ просительницу ногою въ животъ. Та была въ интересномъ положеніи и тутъ-же родила мертваго ребенка.»

Дѣло передано судебному слѣдователю. Что-жъ дремлетъ газета и не мечетъ громовъ и молній за то, что полиціймейстеръ отданъ подъ судъ? Быть можетъ, онъ и увлекся, но увлекся во имя соблюденія власти, а такъ-какъ власть—и въ увлеченіи власть, то, слѣдовательно, г. Горячко, правъ...

Или почтенная газета поддерживаетъ только увлекающихся представителей власти высшихъ ранговъ, а маленькихъ готова принести въ жертву прокуроровъ?.. А всѣ эти младшіе представители играютъ важную роль въ нашей жизни. Съ ними приходится сталкиваться на каждомъ шагу непосредственно; безъ этихъ невольныхъ спутниковъ всей вашей жизни, вы не можете, выражаясь метафорически, чихнуть. Онѣ всегда могутъ освѣдомиться: на какомъ основаніи вы чихнули. Онѣ въ состояніи не только испортить вашу

жизнь, но отъ него, нерѣдко, зависитъ благополучіе массы людей, какъ напр. въ деревняхъ. Какой-нибудь не въ мѣру усердный становой можетъ (примѣры бывали) вызвать серьезныя бѣды; какой-нибудь тюремный смотритель властенъ сдѣлать то, чего не въ силахъ высшее начальство — смягчить или обратить въ муку жизнь человѣка, имѣвшаго несчастье попасть въ тюрьму. Всякій изъ маленькихъ чиновниковъ, имѣющихъ непосредственное отношеніе къ публикѣ, можетъ раздражить самаго скромнаго человѣка, и роль ихъ гораздо важнѣе, чѣмъ обыкновенно думаютъ — не даромъ и начальство часто напоминаетъ имъ о вѣжливомъ обращеніи. Министра или директора департамента, я, быть можетъ, во всю жизнь не увижу и не буду имѣть случая узнать его любезнаго обращенія, но почтамтскаго чиновника, урядника, становаго, городского, квартальнаго и т. п. маленькихъ чиновниковъ я принужденъ видѣть и имѣть съ ними дѣло въ теченіи всей своей жизни, такъ какъ безъ ихъ просвѣщеннаго содѣйствія нельзя родиться, жениться, умереть. Онъ, какъ ангель-хранитель, постоянно у васъ за спиной, готовый во всякую минуту оказать вамъ содѣйствіе во всѣхъ мелочахъ жизни; отъ благоразумія какого-нибудь отставнаго унтеръ-офицера иногда зависитъ, чтобы эта роль архангела не обратилась въ роль маленькаго тирана; отъ расположенія духа какого-нибудь маленькаго чиновника въ банкѣ, въ почтамтѣ, въ департаментѣ зависитъ ваше собственное расположеніе... Каждый изъ нихъ можетъ отравить вамъ цѣлый день, заставить потерять время и т. п. Все это мелочи, но изъ этихъ мелочей складывается цѣлая жизнь, по крайней мѣрѣ для маленькаго человѣка. Я не говорю о тѣхъ «большихъ» людяхъ, которые любятъ иногда обходиться безъ всякаго закона и для которыхъ «ангелы-хранители» не нужны... Они, такъ сказать, внѣ конкурса, но для насъ съ вами, для массы, которая только и имѣетъ дѣло съ «маленькими» чиновниками, это вопросъ первостепенной важности, иногда нѣчто, вродѣ гамлетовскаго «быть или не быть». Конечно, затруднительно отыскать такую массу «ангеловъ-хранителей», (предполагая, что безъ нихъ невозможно) которые-бы стояли на высотѣ положенія и не смѣшивали понятія о чести съ поврежденіемъ какой-либо части тѣла; лично они не всегда даже и виноваты—все это азбука, но тѣмъ не менѣе азбука, повторять которую приходится каждый день.

Отированный Писатель.

ВЪ ЗАЛѢ СУДА.

Процессъ кронштадтскаго банка прошелъ весело и интересно. Это—апоеозъ банковскихъ краховъ. Хотя въ обвинительномъ актѣ и заявлено публикѣ, что банкъ кронштадтскій въ началѣ «вѣренъ былъ своей задачѣ», но при провѣркѣ обвинительнаго акта оказалось, что у банка этого, какъ и у большинства русскихъ банковъ, никакой задачи въ сущности не было и быть не могло. Инициатива въ учрежденіи банка исходила отъ г. Касаткина, отъ того кассира, который, разоривъ с.-пб. Общество взаимнаго кредита, умеръ въ Египтѣ. По замѣчанію одного изъ адвокатовъ, еслибъ не преждевременная смерть,—г. Касаткинъ учредилъ-бы банкъ въ степи Сахары. Исторія кронштадтскаго банка пренаивно изложена была однимъ изъ потерпѣвшихъ, который рѣшился обойтись безъ наемныхъ ораторовъ и передалъ собственноручно и трогательно въ распоряженіе присяжныхъ свои поправные интересы. «Въ 30 верстахъ отъ Петербурга,—сказалъ онъ присяжнымъ, есть городъ Кронштадтъ, какъ вамъ вѣвѣстно. Обитатели Кронштадта давно желали имѣть банкъ. Наконецъ, имъ сдѣлали честь, банкъ открыли. Учредители—купцы и военные чины, адмиралы. Обитатели Кронштадта къ нимъ относились съ довѣріемъ. Во главѣ учрежденія стоялъ директоръ Дружининъ, сынъ известной торговой фирмы. Но когда Дружининъ запутался,—явились Шеньянь и Синебрюховъ. Последнему въ особенности весь Кронштадтъ вѣрилъ. И что-же, года три, четыре спустя... вдругъ (?) банкъ запертъ. Матросы и вдовы пришли къ банку въ надеждѣ, что его отпрутъ. Отперли, и что-же? въ банкѣ все пусто. Матросы и вдовы рыдаютъ, я самъ это видѣлъ!»—Позвольте, г. гражданскій истецъ, прерываетъ потерпѣвшаго предсѣдатель,—вы не можете говорить какъ свидѣтель, вы можете говорить только объ обстоятельствахъ дѣла, о которыхъ мы здѣсь слышали. «Такъ нельзя-съ?—переспросилъ потерпѣвшій,—такъ вотъ гг. присяжные, вы по совѣсти и рѣшите, и по совѣсти скажите: «или да, виновенъ», или «нѣтъ» виновенъ!»

Это краткое и прочувствованное слово всёхъ убѣдило въ томъ, что виновенъ банкъ, а не подсудимые, или, если ужъ виновенъ кто нибудь, то весьма и весьма многіе. Одинъ изъ защитниковъ воспользовался наивнымъ словомъ потерпѣвшаго и объяснилъ присяжнымъ, почему въ изслѣдованіи дѣлъ о банковскихъ крахахъ проявляется особенная страстность. Онъ не знаетъ въ какой степени справедливы увѣренія обвинителей въ томъ, что русскіе банки содѣйствуютъ благоденствію страны; онъ не думаетъ, чтобы русскіе банки служили народной промышленности, народной черноземной, производительной силѣ. Если банкъ, по замѣчанію прокурора, представляется могучимъ рычагомъ кредита, то рычагъ этотъ приспособленъ, по мнѣнію защитника, къ особаго рода промышленности,—къ промышленности концессионерской или подрядной. Русскій банкъ—это очагъ, у котораго только лѣнивый рука не грѣбеть. Промышленное антрепренерство такъ плотно присасывается къ банку, какъ магдебургскія полушарія другъ къ другу изъ которыхъ вытянуть воздухъ. Два паровоза, хотя-бы перной въ Россіи Боровичской желѣзной дороги Суздальцева, не въ силахъ разорвать этихъ полушарій. Но, когда процессъ высасыванія завершается, то полушарія сами собою разваливаются, и тамъ трудно уже разобрать: гдѣ границы банка, гдѣ границы концессіи на желѣзную дорогу, гдѣ границы сухарнаго подряда; все сливается въ одно цѣлое и въ портфель банка остаются пустыя вексельныя бланки.

И, дѣйствительно, въ Кронштадтскомъ Банкѣ осталось 500 рублей, беззащитно ложная бухгалтерія и векселя кн. Оболенскаго. Справедливо и то, что страстность сторонъ въ изслѣдованіи дѣла обуславливается особенностями процесса по банковскимъ крахамъ. Персоналъ свидѣтелей—это или потерпѣвшіе, которые не могутъ же спокойно относиться къ своему собственному разоренію, или лица, которыя состояли въ интимно-денежныхъ отношеніяхъ къ банку. Свидѣтели эти, по замѣчанію одного изъ защитниковъ, напоминаютъ пословицу: «съ ложкой ко столу, съ отвѣтомъ за ворота». И какіе свидѣтели? Чиновныя и должностныя, какъ говорить Молчалинъ.

Весь интересъ процесса сводился къ опредѣленію свойства и значенія одной операціи, весьма поучительной операціи. Кронштадтскій Банкъ, какъ обнаружилось на судѣ, покровительствовалъ двумъ предпріятіямъ: постройкѣ Боровичской желѣзной дороги, въ лицѣ купца Суздальцева, и патриотическому сухарному подряду, въ лицѣ г. Оболенскаго, князя и купца, предводителя дворянства и подрядчика. Денегъ въ Кронштадтскомъ Банкѣ не было; но кредитъ у банка еще былъ. Подъ векселя Суздальцева и кн. Обо-

ленскаго банкѣ выдавалъ имъ вкладные билеты, которые перепродавались третьимъ лицамъ. Понимаете положеніе третьихъ лицъ имѣющихъ у себя вкладной билетъ съ удостовѣреніемъ о хранящемся въ кассѣ банка денежномъ вкладѣ, и находящихъ въ кассѣ, вмѣсто денегъ, векселя антрепренеровъ по постройкѣ желѣзныхъ дорогъ и печенію сухарей.

Прямой подлогъ, — возвѣщаетъ прокуроръ, — потому что въ билетѣ написана неправда! Мошенничество, обманъ, вопятъ истцы. Позвольте! возражаетъ защита, мы посмотримъ, что еще скажетъ экспертъ, тайный совѣтникъ г. Суцовъ. Это очень просто, господи, поясняетъ г. Суцовъ, тутъ весь вопросъ въ кредитоспособности. Вы являетесь въ Банкѣ съ векселемъ. Банкѣ справившись о вашей благонадежности въ смыслѣ кредитоспособности, разрѣшаетъ Вамъ взять деньги. Вы не желаете денегъ, вы желаете эти деньги оставить въ кассѣ банка за свой счетъ и просите выдать вамъ удостовѣреніе въ томъ, что въ кассѣ банка есть ваши деньги. Вамъ выдаютъ вкладной билетъ, коимъ удостовѣряется, что отъ васъ принято столько-то кредитными билетами. — «Позвольте, — перебиваетъ прокуроръ, — а если въ самомъ банкѣ денегъ нѣтъ, тогда какъ?» — Это другой вопросъ, отвѣчаетъ Суцовъ, хотя могутъ быть случаи, что въ банкѣ сегодня денегъ нѣтъ, а завтра навѣрное будутъ деньги. Бываетъ такъ напр., что сегодня банкъ получаетъ переводъ, приказъ о выдачѣ денегъ. Банкѣ не отказывается отъ порученія, хотя денегъ сегодня и нѣтъ, потому что можетъ исполнить порученіе завтра. «Для чего-же билетъ-то вмѣсто денегъ» — недоумѣваетъ прокуроръ. Для залоговъ по порядкамъ. — «Ну, нѣтъ, — говоритъ прокуроръ, — это подлогъ, тамъ сказано, приняты деньги, а принять вексель!» — Позвольте! — возражаетъ одинъ изъ защитниковъ — на кредитномъ билетѣ написано: выдается звонкою или серебряною монетою. Что-же? развѣ соответствующее ассигнаціямъ количество звонкой монеты гдѣ-либо хранится?

Вопросъ очевидно запутывается и необходимо обратиться къ фактамъ, къ свидѣтелямъ должностнымъ и чиновнымъ. Г. Ламаевскій поясняетъ, что вкладной билетъ есть обязательство банка выдать предъявителю билета известную сумму. Г. Бухе, представитель Путилова, удостовѣряетъ, что его патронъ получалъ вкладные билеты изъ различныхъ банковъ подъ векселя. Г. Барановъ, сахарный подрядчикъ, подтверждаетъ факты, удостовѣренные предыдущимъ свидѣтелемъ, и заявляетъ, что сколько ему известно, до 900,000 р. выдано изъ различныхъ банковъ вкладными билетами подъ векселя, въ поощреніе промышленности, и онъ полагаетъ, что это обстоятельство безъизвѣстно было министерству финан-

совъ. «Какіе-же это банки?» спрашиваетъ прокуроръ.—Вы спросите лучше, какіе не давали? отвѣчаетъ г. Барановъ.

Оказывается, давали и давали публично! Все дѣло въ кредитоспособности. Если такъ, то и понятно, что тутъ нѣтъ подлога, но въ чемъ-же тутъ дѣло? Въ Европѣ это лучше знаютъ. Тамъ это называется Kreditbetrug. Какая-же это «кредитоспособность» у г. Суздальцова и кн. Оболенскаго? На 3 милліона рублей вкладныхъ билетовъ подъ векселя! Откуда-же въ такомъ ничтожномъ банкѣ, какъ кронштадтскій, 3 милліона рублей? Подъ вексель Ротшильда, конечно можно дать вкладной билетъ; но и такой случай допускается, какъ исключеніе. Тутъ дѣло просто объясняется. Вы провозите бѣлье изъ-за границы. У васъ его отбираютъ какъ контрабанду. На бѣльѣ нѣтъ никакихъ внѣшнихъ признаковъ контрабанды; тутъ весь вопросъ въ томъ, для чего провозите вы бѣлье. Джину бѣлья вы можете провезти и для своего личнаго потребленія, но 1000 дюжинъ,—это ужъ будетъ для беспошлинной торговли, это ужъ будетъ контрабанда. Вы берете вкладной билетъ, подъ вексель, для залога, тутъ ничего подозрительнаго нѣтъ. Вы берете на 3 милліона рублей и перепродаете вкладные билеты третьимъ лицамъ. Очевидно, что ни у васъ, ни въ кассѣ банка денегъ нѣтъ. Такіе билеты можно уподобить только мертвымъ душамъ Чичикова.

И терпятъ земля русская такіе банки, доселѣ вѣрить въ «кредитоспособность» нашихъ патриотовъ-концессионеровъ и подрадчиковъ.

Х.

Пожертвованія въ пользу женскихъ вра- чебныхъ курсовъ.

Въ редакцію журнала «Дѣло» поступили слѣдующія пожертво-
ванія въ пользу женскихъ врачебныхъ курсовъ:

Отъ П. В. М-въ.	10 р.
› А. Д. О-нъ	10 ›
› А. И. К-ий	5 ›
› М. Д. В-ль	3 ›
› М. М. Р ръ	3 ›
› А. Н. С-тъ	5 ›
› Е. Р. Б-ва	3 ›
› N. N.	2 ›
› Е. Ю-чъ	3 ›
› N. N.	4 ›
Итого	<u>48 р.</u>

Всего съ прежде поступившими . . . 204 ›

Деньги эти переданы по назначенію подъ росписку.

СОДЕРЖАНІЕ ПЯТОЙ КНИЖКИ.

Высочайшій манифестъ.	
Злая Воля. Повѣсть (Гл. VIII—XIV).	<i>В. И. Дмитриевой.</i>
* * Стихотвореніе	<i>П. Ф. Якубовича.</i>
«Au bonheur des dames». Романъ. (Главы X—XII)	<i>Э. Золя.</i>
Чиншевики	<i>В. К.</i>
Приваловскіе миллионы. Романъ въ 5 ч. (Часть третья. Главы I—XIV)	<i>Д. Сибиряка.</i>
Гусятница. Повѣсть. (Гл. I—VII).	<i>Жана Роллана.</i>
Раздумье. Стихотвореніе.	<i>П. Ф. Якубовича.</i>
Марго Пейе. Разказъ	<i>Паря-Кортана.</i>

СОВРЕМЕННОЕ, ОБОЗРѢНІЕ.

Шабан и шабайство	<i>Ф. Щербина.</i>
Характеристики современныхъ дѣя- телей. (М. Е. Салтыковъ)	<i>М. А. Протопопова.</i>
Ренанъ объ евреяхъ	<i>И. К.</i>
Новости иностранной литературы	<i>И. М.</i>
Новыя книги.	
Изъ домашней хроники	<i>Н. В.</i>
Ирландскія дѣла (Политическая и общественная хроника)	<i>Жика.</i>
Картинки общественной жизни	<i>Откровеннаго Писателя.</i>
Въ залѣ суда.	<i>Х.</i>

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ВО ВСѢХЪ ИЗВѢСТНЫХЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ
ПРОДАЮТСЯ СЛѢДУЮЩІЯ ИЗДАНІЯ РЕДАКЦІИ ЖУРНАЛА «ДѢЛО».

Сочиненія Г. Е. Благосвѣтлова. Съ портретомъ, біографіей автора и предисловіемъ Н. В. Шелгунова. Изданіе Е. А. Благосвѣтловой. Цѣна 3 руб. 50 к., съ пересылкою 4 руб.

Популярная гігіена. Настольная книга для сохраненія здоровья и рабочей силы въ средѣ народа. *Карла Реклама*. Перев. съ нѣмецк. Изданіе пятое. 1882 г., съ приложеніемъ «Военной гігіены» д-ра Вейнмана. Съ рисунками. Цѣна 2 р., съ пересылкой 2 р. 30 к.

Спартакъ Историческій романъ *Рафаэля Джіованіоли*. Переводъ съ итальяскаго. Цѣна 2 руб., съ пересылкою 2 р. 30 к.

Избранныя рѣчи *Джона Брайна*. Съ біографическими очеркомъ и портретомъ автора. Переводъ съ англійскаго, подъ редакціей Г. Е. Благосвѣтлова. Цѣна 2 р., съ перес. 2 р. 30 к.

Одинъ въ полѣ—не воинъ. Романъ *Фр. Шиллиманга*. Перев. съ нѣмецк. Изданіе четвертое, съ портретомъ автора и предисловіемъ Г. Е. Благосвѣтлова. Два тома, около 60-ти печатн. листовъ. Цѣна 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.

Десяносто-третій годъ. Романъ *В. Гюю*, въ двухъ томахъ. Переводъ съ французскаго. Цѣна 2 р., съ перес. 2 р. 40 к.

Современные политическіе дѣтели. (Біографіи и характеристика). *Э. Реклю* (М. Триго). Цѣна 2 р., съ перес. 2 р. 30 к.

Исповѣдь старина. Политическій романъ *Ипполита Ниссо*. Перев. съ итальяскаго *В. А. Зайцева*. Цѣна 2 р., съ перес. 2 р. 30 к.

О подчиненіи женщины. *Дж. Ст. Милля*. Переводъ съ англійскаго, подъ редакціей и съ предисловіемъ Г. Е. Благосвѣтлова. Въ концѣ книги приложена ст. Іог. Шерра: «Историческіе женскіе типы». Изданіе второе. Цѣна 1 р., съ перес. 1 р. 25 к.

Автобіографія *Джона Стюарта Милля*. Переводъ съ англійскаго, подъ редакціей Г. Е. Благосвѣтлова. Цѣна 1 р. 20 к., съ перес. 1 р. 50 к.

Вѣтъ общественныхъ интересовъ. Романъ *П. Ламьева*, изданный безъ предварительной цензуры. Цѣна 1 р. 50 к., съ перес. 2 р.

Американка. Романъ *Луизы Алькотъ*. Перев. съ англ. Цѣна 1 р. 20 к. съ перес. 1 р. 30 к.

Усовершенствованіе и вырожденіе человѣческаго рода. *В. М. Флоринскаго*. Цѣна 50 к., съ перес. 70 к.

Сочиненія *Ф. М. Толстого*. (Повѣсти и рассказы), съ предисловіемъ *Д. И. Писарева*. Два тома. Цѣна 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 80 к.

Мертвая петля. Драма въ пяти дѣйствіяхъ. *Н. Потягина*. Цѣна 1 р. 20 к. съ перес. 1 р. 50 к.

Замисли осеняго. Беллетристическіе очерки, рассказы и картины изъ осеняго быта. Д. Гирса. Цѣна 1 р. 60 к., съ перес. 1 р. 80 к.

Отъ земли до луны 97 часовъ прямого пути. Ж. Верна. Переводъ съ французскаго. Цѣна 50 к., съ перес. 70 к.

Бриллиантовое ожерелье. Романъ Антони Троллопа. Перев. съ англ. Цѣна 1 р. 20 к., съ перес. 1 р. 50 к.

Идиотизмъ и тупоуміе. Соч. д-ра Н. П. Айрленда, съ предисловіемъ проф. Мерзеевскаго. Переводъ съ англійскаго д-ра Томашевскаго, съ рисунками и генеалогическими таблицами. Цѣна 2 р. 50 к., съ пересылкою 3 р.

Происхожденіе человека и половой подборъ. Чарльса Дарвина. Переводъ съ англ., подъ редакціею Г. Е. Благосвѣтлова. Въ трехъ выпускахъ, составляющихъ около 80-ти печ. листовъ, съ 150-ю рисунками, рѣзанными на деревѣ. Цѣна трехъ выпускамъ 5 р., съ перес. 5 р. 60 к.

Творія естественнаго подбора. Очерки Альфреда Рассела Валласа. Перев. съ англ. Цѣна 1 р. 20 к., съ перес. 1 р. 50 к.

Вопросы общественной гигиены. В. О. Португалова. Около 40 печатныхъ листовъ. Цѣна 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.

О питаніи въ энзіологическомъ, патологическомъ и терапевтическомъ отношеніяхъ. Д-ра Жюль Сира. Перев. съ французскаго, подъ редакціею А. Н. Моритеровскаго. Цѣна 2 р., съ перес. 2 р. 30 к.

Уроки элементарной физиологіи. Т. Гексли. Перев. съ англ., съ предисловіемъ Д. И. Писарева. Изданіе третье. Цѣна 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 40 к.

Комедія всемірной исторіи. Гот. Шерра. Историческій обзоръ событій съ 1848 по 1851 годъ. Перев. съ нѣмецк. Два выпуска. Цѣна обонимъ выпускамъ 3 р., съ пересылкой 3 р. 50 к.

Исторія крестьянской войны въ Германіи. Д-ра В. Циммермана, составл. по лѣтописямъ и рассказамъ очевидцевъ. Перев. съ нѣмецкаго. Три выпуска, составл. болѣе 70-ти печ. листовъ. Изданіе второе. Цѣна трехъ выпускамъ 2 руб., съ перес. 2 р. 50 к.

На всѣ вышеозначенныя изданія подписчикамъ журнала «ДѢЛО» уступается 20%, съ номинальныхъ цѣнъ (стоимость книги безъ пересылки).

ИЗДАНІЯ М. К. ЦЕВРИКОВОЙ.

Мысль и трудъ, повѣсти для дѣтей съ рисунками. Ц. 1 р. 75 к.

Историческіе разсказы. Завоеваніе Мексики, Ріенци. Жизнь Вашингтона. Ц. 1 р. 50 к.

Зеленый Островъ. М. Фаустъ, рассказы изъ политической экономіи, для народа. Ц. 15 к.

Сказка про трехъ мужиковъ и бабу Вѣдунью. Ц. 40 к.

О компромиссѣ Джона Морли. Ц. 1 р. 50 к.

Три первые года жизни ребенка. Бернара Пэрэ. Ц. 1 р. 50 к.

Подписчикамъ журнала «ДѢЛО» 20 процентовъ уступки.

Оставшіеся въ небольшомъ количествѣ полныя экземпляры «ДѢЛА» за прошлые года можно приобрести въ конторѣ редакціи по слѣдующей цѣнѣ:

За 1867 годъ съ пересылкою	12 р.
» 1868 »	12 »
» 1869 »	11 »
» 1871 »	12 »
» 1872 »	12 »
» 1874 »	12 »
» 1876 »	10 »
» 1877 »	10 »
» 1880 »	10 »
» 1881 »	14 »
» 1882 »	14 »

Отдѣльныя книги журнала каждый № съ пересылкою по 2 рубля.

ВЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ

Н. И. МАМОНТОВА

С.-Петербургъ. Большая Садовая. Противъ Гостиннаго Двора, № 12 (Бывшій А. И. Глазунова). Москва. Кузнецкій мостъ, д. Фирсанова.

за послѣднее время поступили въ продажу слѣдующія новыя книги:

- Миллерсова, В.** О свободѣ совѣсти. Опытъ изслѣдованія вопроса въ области исторіи церкви и государства съ I—IX в. Вып. I. М. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.
- Сочиненія Филарета митроп. Москов. и Коломенскаго.** Слова и рѣчи. Т. IV. 1836—1848. М. Ц. 2 р., вѣс. 3 ф.
- Гр. Воскресенскаго.** Славянскія рукописи, хранящіяся въ заграничныхъ библіотекахъ. Ц. 30 к., съ пер. 45 к.
- Ключевскаго, В.** Болгарская дума древней Руси. Изд. 2-е. М. Ц. 3 р. 50 к., съ пер. 4 р.
- Уляницкаго, В.** Очерки дипломатической исторіи восточнаго вопроса. Дардавеллы, Босфоръ и Черное море въ XVIII вѣкѣ. М. Ц. 2 р. 50 к., вѣс. 4 ф.
- Въ омиданіи коронаціи.** Вѣчаніе русскихъ самодержцевъ. Церковный обрядъ короновація и подробное описаніе трехъ коронаціи императорскаго столѣтія. По свидѣтельствамъ очевидцевъ и официальнымъ даннымъ. Спб. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 25 к.
- Мезовъ, В.** Библиографическія монографіи. Т. I. Спб. Ц. 3 р., пер. за 3 ф.
- Плечю, Агрипина.** „Москва“. Историческій очеркъ съ двумя видами и двумя планами Кремля и Москвы XVII и XVIII столѣтія. М. Ц. 1 р. 75 к., вѣс. 3 ф.
- Русскія достопамятности.** Т. IV. Изд. А. Мартынова. М. Ц. 3 р., вѣс. 3 ф.
- Саннетти, Л.** Очерки всеобщей исторіи музыки. Спб. Ц. 3 р., вѣс. 3 ф.
- Мукомольное дѣло.** Руководство къ устройству мукомольныхъ и крупяныхъ мельницъ при конныхъ, вѣтряныхъ, водяныхъ и паровыхъ двигателяхъ и производство мучныхъ продуктовъ. Сост. инженер.-технол. К. Веберъ. Съ атласомъ, состоящимъ изъ 67 табл. и съ 34 рис. въ текстѣ. Ц. 10 р., перес. 5 ф.
- Протоколь засѣданій и труды V-го совѣщательнаго сѣзда инженеро-службы подвижнаго состава и тяги русскихъ желѣзныхъ дорогъ, собиравшагося въ Москвѣ 2, 3, 4 и 5 августа 1882 г.** М. Ц. 3 р.
- Сборникъ матеріаловъ для трудовъ I-го техническаго сѣзда по вопросамъ о сооруженіи русскихъ желѣзныхъ дорогъ, бывшаго въ Москвѣ 2—11-го ноября 1881 г.** М. Ц. 6 р., вѣс. 5 ф.
- Гр. Дамшцева.** Страница изъ исторіи судебной реформы. Д. Н. Замятинъ. М. Ц. 1 р. 50 к., вѣс. 2 ф.
- Д-ръ В. Керсановъ.** Крымъ и его цѣлебныя свойства. Въ память столѣтія присоединенія къ Россіи 1783—1883. Ц. 1 р. съ пер. 1 р. 25 к.
- Халецкій, О.** Кавказскія минеральныя воды въ медицинскомъ отношеніи. Часть I. Пятигорскъ и Желѣзноводскъ. Спб. Ц. 2 р. 50 к., вѣс. 2 ф.
- Крымскія цѣлебныя минеральныя грязи въ деревнѣ Саки и морскія купанья въ городѣ Евпаторіи.** Очерки и картинки съ краткимъ указаніемъ

- цѣлебныхъ богатствъ Брыма. Изъ воспоминаній признательнаго пациента А. Н. Н.—на. Ц. 2 р., вѣс. 2 ф.
- Руководство къ прописыванію лекарствъ. Составили д-ръ Л. Вальденбургъ и д-ръ Симонъ. Перевели съ 9-го нѣмецк. изд. и измѣнили сообразно российской фармакопее И. Я. Мееровичъ и Б. О. Соренинъ. Спб. Ц. 6 р., вѣс. 4 ф.
- Ф. М. Достоевскій. Дневникъ писателя за 1873 г. (Изъ журнала „Гражданинъ“). Политическія статьи. Критическія статьи. Спб. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 3 р.
- Его же. Дневникъ писателя за 1877 г. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 3 р.
- «Въ дали». (Изъ прошлаго). Разказы изъ вольной и невольной жизни Мишпа. М. И. Орфанова. Съ предисловіемъ С. В. Максимова. М. 1883. Ц. 2 р., вѣс. 2 ф.
- Бальзани. Евгения Гранде. Романъ. Переводъ Ф. М. Достоевскаго. Спб. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 25 к.
- Альфонсъ Додо. Элина Эбсенъ. (L'Évangéliste) Романъ. Пер. А. Плещеева. Спб. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.
- Стихотворенія и музыкальныя иллюстраціи. Соч. А. С. Размадзе. М. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.
- Глѣбъ Успенскій. „Власть Земли“. Очерки и „Отрывки изъ памятной книжки“. М. Ц. 2 р. 50 к., вѣс. 2 ф.
- Крашевскій, І. Семилѣтняя война. Историческій романъ въ 2-хъ частяхъ. Перев. съ польскаго. М. Ц. 2 р., вѣс. 2 ф.
- Соколовскій, А. Царь Избавитель. Новый русскій оригинальный романъ (изъ крестьянскаго быта), въ 4-хъ частяхъ. Ц. 60 к., съ пер. 85 к.
- Эмиль Золя. „Дамское счастье“ (Au bonheur des dames). М. Ц. 2 р., пер. 3 ф.
- Положеніе Рейнеке-Лиса. Заимствованъ съ нѣмецк. Я. Бутковскій. Спб. Ц. 3 р., съ пер. 3 р. 75 к.
- Имми. Мистерія Байрона. Переводъ П. Каленова. М. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 25 к.
- Бреддонъ. Бесплодная жертва. Романъ. Спб. Ц. 2 р. 50 к., вѣс. 2 ф.
- Ф дю-Буагобъ. Дикарь. Романъ. Спб. Ц. 1 р. 50 к., вѣс. 2 ф.
- М. Форстеръ. Ложный шагъ. Романъ. Спб. Ц. 2 р., вѣс. 2 ф.
- Катенька или любовныя похождения дѣвушки. Иллюстрированный романъ Маралы Герихонскаго. М. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 25 к.
- Библиотека «Европейск. писател.». Изд. В. Чуйко. «Дидро». Спб. Ц. 75 к., съ пер. 1 р.
- Л. Ершовъ. Конекъ-Горбуновъ. Русская сказка. Изд. Ц, съ 7 рисунками и портретомъ автора. Ц. 40 к., съ пер. 55 к.
- Эмиль де Лавеле. Парламентарный образъ правленія и демократія. Переводъ съ француз. В. Ерасси подъ редакцію и съ предисловіемъ проф. Н. Тарасова. Ц. 40 к. съ пер. 55 к.
- Борзенко, А. Концессія желѣзнодорожнаго права. Опытъ сравнительно-законодательнаго изслѣдованія. М. Ц. 3 р., вѣс. 2 ф.
- Мейчикъ, Д. М. Грамоты XIV и XV вв. московскаго архива министерства юстиціи. Изслѣдованіе. М. Ц. 1 р. 75 к., съ перес. 2 р. 25 к.

Требованія гг. иногородныхъ исполняются немедленно и аккуратно. Кромѣ упомянутыхъ книгъ, магазиномъ высылаются всѣ какъ прежде вышедшія, такъ и вновь выходящія по цѣнамъ, гдѣ-бы и кѣмъ-то ни было опубликованнымъ.

НОВЫЯ ИЗДАНИЯ

И. И. ВИЛИБИНА.

Поль Беръ. Лекціи по анатоміи и фізіологіи. Введеніе въ зоологію. Переводъ съ французскаго д-ра Л. Н. Симонова. 458 стр. съ 402 рисунками въ текстѣ. Цѣна 2 р. 50 к. Одобрены Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, какъ *руководство* для реальныхъ училищъ.

Цѣна для училищъ 2 р. Съ пересылкой по почтѣ 2 р. 50 к. При требованіи многихъ экземпляровъ пересылка по почтѣ за 2 ф. съ экземпляра по разстоянію.

При пересылкѣ черезъ транспортныя конторы по расчету конторъ **Фостеръ.** Учебникъ фізіологіи; переводъ съ англійскаго и дополненія проф. И. Р. Тарханова. 2 тома. Цѣна для училищъ за 2 тома 5 р. 50 к. Съ пересылкой по почтѣ 6 руб.

Выписывающіе изъ складовъ книги обозначенныя *, за пересылку не платятъ.

***Эд. Б. Тайлоръ.** Антропология. Введеніе къ изученію человѣка и цивилизаціи. Съ рисунками съ англійскихъ клише. Цѣна 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.

***Спенсеръ.** Основанія психологіи. 4 тома. Ц. 7 р., вѣсовыхъ за 4 ф.

***Спенсеръ.** Основанія соціологіи. 2 т. Ц. 5 р., вѣс. 4 ф.

***Спенсеръ.** Основанія нравственности. Ц. 2 р. 50 к., вѣс. 2 ф.

***Клодь Бернаръ.** Жизненныя явленія, общія животнымъ и растеніямъ. (Курсъ общей фізіологіи) Ц. 2 р., вѣс. 2 ф.

***Тэнъ.** Происхожденіе общественнаго строя современной Франціи. Ц. 3 р. 50 к., вѣс. 2 ф.

***Кребсъ.** Превращенія энергіи. (Обзоръ теорій современной физики). Ц. 1 р., вѣс. 1 ф.

***Карпентеръ.** Спиритизмъ съ исторической и научной точекъ зрѣнія. Ц. 1 р. 25 к., вѣс. 1 ф.

Жозефъ Бертранъ. Курсъ теоретической ариметики. Ц. 75 к., вѣс. 1 ф.

***Робертъ Оуенъ.** Образованіе человѣческаго характера. Ц. 80 к., вѣс. 1 ф.

Дж. Тимдаль. Вещества, носящіяся въ воздухѣ, и отношенія ихъ къ гніенію и заразѣ.

Зандеръ. Руководство къ общественной гигиенѣ. Переводъ подъ редакціей проф. Доброславина.

ОТПЕЧАТАНА И ПОСТУПИЛА ВЪ ПРОДАЖУ:

Сильванусъ Томпсонъ. Электричество и магнетизмъ. Переводъ съ англійскаго, подъ редакціей д-ра физики И. И. Боргмана.

Всѣ издапія находятся въ книжныхъ складахъ Н. П. Карбасникова (Спб. Литейная, д. 48; Москва, Моховая, д. Коха) и М. М. Стасюлевича (Спб., Вас. Островъ, 2 лин., д. № 7).

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

1) Редакція проситъ гг. подписчиковъ, живущихъ въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ нѣтъ почтовыхъ конторъ, обозначать въ своихъ адресахъ ближайшее почтовое мѣсто, въ которое можно было бы адресовать прямо книги журнала. Въ противномъ случаѣ, редакція не можетъ ручаться за исправную доставку журнала и за удовлетвореніе жалобъ на неполученіе книжекъ журнала, на томъ основаніи, что Газетная Экспедиція петербургскаго почтамта не принимаетъ отъ редакціи подобныхъ жалобъ и не входитъ въ ихъ разсмотрѣніе, отзываясь, что не имѣетъ возможности собирать справки и требовать объясненій изъ тѣхъ мѣстностей, гдѣ нѣтъ правильного почтоваго приѣма и отвѣтственного почтоваго учрежденія.

2) Когда книга журнала не получается подписчикомъ своевременно или вовсе не доходитъ по своему назначенію, редакція, въ виду скорѣйшаго удовлетворенія жалобъ, покорѣннѣе проситъ заявлять объ этомъ не позже полученія слѣдующей книжки журнала. Въ противномъ случаѣ, на основаніи объявленныхъ почтовымъ вѣдомствомъ правилъ, Газетная Экспедиція къ своему разсмотрѣнію жалобъ не принимаетъ.

3) При перемѣнахъ адреса необходимо сообщать старый печатный адресъ бандероли или-же номеръ билета. При каждомъ заявленіи о перемѣнѣ адреса редакція проситъ прилагать три почтовыхъ семи-копѣчныхъ марки за напечатаніе новаго адреса.

4) При перемѣнѣ городского адреса на иногородный уплачивается 1 р. 50 к.; при перемѣнѣ-же иногороднаго на городской уплачивается 1 р.

5) Жалобы и перемѣны адресовъ адресуются исключительно въ контору редакціи журнала «Дѣло».

6) Лица, адресующіяся въ редакцію съ разными запросами, благоволятъ прилагать почтовые марки, если желаютъ получить отвѣты.

7) Рукописи, признанныя редакціею неудобными для помѣщенія въ журналъ «Дѣло», а равно и рукописи напечатанныхъ статей, хранятся въ конторѣ редакціи не болѣе года и затѣмъ, по истеченіи этого срока, уничтожаются, если не будутъ вытребованы обратно. Мелкія статьи и стихотворенія не возвращаются, и по поводу ихъ редакція не входитъ ни въ какія письменныя объясненія, хотя-бы и были приложены для этого почтовые марки.

8) Высылка рукописей иногороднымъ возможна только въ томъ случаѣ, когда на почтовые расходы будутъ представлены въ редакцію деньги соразмѣрно стоимости пересылки.

9) Для личныхъ объясненій съ редакціей просятъ обращаться въ главную контору журнала «Дѣло» по субботамъ отъ 3—5 часовъ, по Надеждинской ул., № 39.

ПОДПИСКА НА ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЬ

ДЪЛО

въ 1883 году

принимается въ С.-Петербургѣ, въ Главной Конторѣ Редакціи
Журнала «ДЪЛО» (по Надеждинской улицѣ, д. № 39).

Редакція считаетъ себя отвѣтственной за исправную и своевременную
высылку журнала передъ тѣми изъ своихъ подписчиковъ, которые
подпишутся по указанному выше адресу.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	На годъ.	На полгода.
Безъ пересылки и доставки . .	15 р. 50 к.	8 р.
Съ доставкой въ С.-Петербургѣ.	16 > — >	9 >
Съ пересылкою иногороднымъ .	17 > — >	10 >
> за границу . .	19 > — >	11 >

Издан. насл. Г. Е. БЛАГОСВѢТЛОВА. За редактора К. СТАНЮКОВИЧЪ.

ЮНЬ.

1883.

ДѢЛО

ГОДЪ СЕМНАДЦАТЫЙ

№ 6

СОДЕРЖАНІЕ.

1. «ПОТЪШНАЯ ИСТОРИЯ.» (Изъ деревенской хроники) И. Поташенно.
2. СЪВЕРНАЯ МЕЛОДІЯ. Стихотвор. Д. Михаловскаго.
3. «AU BONHEUR DES DAMES». Романъ. (Окончаніе). Э. Золя.
4. ПЕТРЪ НА ОЛОНЦѢ. (Гл. I—IV). В. Майнова.
5. ЗЛАЯ ВОЛЯ. Повѣсть. (Гл. XV—XVIII) В. Дмитриевой.
6. ГУСЯТНИЦА. Повѣсть. (Окончаніе). Жана Роллана.
7. ЗЛОСТНЫЙ БАНКРОТЪ. (Сцены изъ провинціальной жизни). В. Демидова.
8. МЕСТЬ ОРРЮВО. (Легенда) Г. Мерз.

(См. на оборотъ).

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

9. НАРОДНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ Б. Ленскаго.
10. ХАРАКТЕРИСТИКИ СОВРЕМЕННЫХЪ ДѢЯТЕЛЕЙ. (М. Е. Салтыковъ). Окончаніе. М. А. Протопопова.
11. НОВЫЯ КНИГИ:
И. И. Григоровичъ. Очерки новѣйшей исторіи. (1815—1883 г.). Съ 45-ю портретами въ текстѣ. Изданіе четвертое. Спб. 1883 г.— В. А. Цвѣтковъ. Новѣйшіе русскіе писатели. Опытъ хрестоматіи періода русской словесности послѣ Гоголя, съ 27 портретами. Спб. 1883 г.— Аванасій Прокофьевичъ Щаловъ. (Жизнь и сочиненія). (Съ портретомъ А. П. Щапова). Сочиненіе проф. Н. Я. Арystова. (Посмертное изданіе). Спб. 1883 г.— Въ память столѣтняго юбилея присоединенія Крыма. Воспоминанія о Крымѣ. Кн. Е. Горчаковой. Одобрена ученымъ комитетомъ министерства народнаго просвѣщенія для городскихъ и народныхъ училищъ. Москва, 1883.—М. Малеевскій. Владиславлевъ. Повесть изъ быта семинаристовъ и духовенства. Спб. 1883.
12. ИЗЪ ДОМАШНЕЙ ХРОНИКИ Н. В.
Старая пѣсня о нашей бѣдности.—Какъ въ хлѣбной торговлѣ насъ вытѣсняють наши «азиатскіе друзья». — Причины этого. — Безсознательное стремленіе народа къ восстановленію нарушеннаго равенства въ производительности. — Исканіе «лучшихъ мѣстъ». — Положеніе нашего сельскаго товаро-труда.—Какъ культурные слои разрушали бытовые учрежденія народа и въ чемъ заключается тотъ «вливъ», который разъединилъ народъ и культурные слои.—Крестьянское общинное мировоззрѣніе и культурный индивидуализмъ.—Юридическія воззрѣнія народа и отношеніе къ нимъ культурныхъ людей. — Права народнаго міра.—Облегченія, дарованныя народу во время коронаціи.
13. МОРСКАЯ РЕФОРМА Бывшаго Моряна.
14. ТОНКИНЪ (Политическая и социальная хроника) Жика.
15. НАУЧНАЯ ХРОНИКА А. М.
Микроскопическіе организмы, населяющіе воздухъ. — Война противъ туберкулезной бациллы. — Ея діагностическое и прогностическое значеніе.—Заразительныя свойства мокроты чахоточныхъ.—Прививаніе бугорчатки обезьянамъ. — Причины яркой окраски тѣла у нѣкоторыхъ животныхъ, населяющихъ глубину моря. — Отпечатки ногъ третичнаго человека.—Человѣкъ будущаго.
16. «ПОЛИЦІЯ ПРАВОВЪ» ВО ФРАНЦІИ. И. Полоцкаго.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Отъ книжнаго магазина Мамонтова и отъ книжнаго магазина для иногородныхъ А. Я. Панафидина.

ДѢЛО

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКІЙ

ГОДЪ СЕМНАДЦАТЫЙ

№ 6.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Н. А. Леведова, Невск. пр., д. № 8.

1883.

Доволено цензурою. С.-Петербургъ, 16-го Юня 1883 г.

„ПОТЪШНАЯ ИСТОРИЯ“

(Изъ деревенской хроники).

Баринъ еще спитъ.

Румяное южное солнце уже выплыло изъ-за ближняго лѣска и озолотило созрѣвшую рожь и зеленѣющіе стебли молодой пшеницы. Пушистые колосья ржи тихимъ утреннимъ вѣтромъ важно покачивались изъ стороны въ сторону, налегая другъ на друга и шелестя своими золотистыми усами. Движенія ихъ были полны достоинства. Они горделиво кивали своими массивными золотыми головками, и ихъ непрерывный шелестъ казался спѣшнымъ, дѣловымъ шопотомъ. Эта тайна, которую они чуть слышно передавали другъ другу, заключалась въ томъ, что нынѣшнимъ лѣтомъ они дадутъ земледѣльцу самъ-сто. Весело смотрѣлъ лѣсокъ, кивая верхушками деревъ и, вмѣстѣ съ капризнымъ говоромъ вѣтра и шелестомъ зеленыхъ вѣтвей, посылая раскинувшимся у ногъ его селамъ и хуторамъ поздравленія. Онъ поздравлялъ ихъ съ началомъ уборки ржи, поздравлялъ съ надеждой на хорошій сборъ, поздравлялъ съ урожаемъ.

А баринъ все спитъ.

Самсонъ Платоновичъ Перехватовъ въ лѣтніе дни вставалъ въ шесть часовъ. Другой хозяинъ на его мѣстѣ подымался-бы раньше солнца и летѣлъ-бы на поле, или на мельницу, или куда тамъ слѣдуетъ, чтобы присмотрѣть, распорядиться по хозяйству; а Самсонъ Платоновичъ Перехватовъ преспокойно потягивается себѣ въ постели, прикрывшись шелковымъ одѣяломъ малиноваго цвѣта и не предвидя отъ наступающаго дня ничего, кромѣ прибытковъ. Иначе и быть не могло. Первая тому причина: Самсонъ Платоновичъ Перехватовъ носить на

себѣ чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника, чинъ, что-бы вы тамъ ни говорили, не маленькій. Получилъ онъ его за безкорыстную службу въ В—ской духовной консисторіи, гдѣ онъ прослужилъ ровно двадцать-пять лѣтъ, пройдя всѣ неизбѣжныя ступени уничиженія и дойдя, наконецъ, при помощи единственнаго своего таланта—терпѣнія, до той точки, на которой позволяется расправить крылья. Прослуживъ двадцать-пять лѣтъ въ качествѣ «бѣднаго чиновника, горбцомъ зарабатывающаго себѣ дневное пропитаніе» (такъ онъ всегда выражался, когда хотѣлъ получить «благодарность» за какую-нибудь чиновную услугу), онъ, наконецъ, сказалъ себѣ: довольно! Послѣ чего неизвѣстно куда нырнулъ и черезъ годикъ безъ малаго вдругъ вынырнулъ среди полей и лѣсковъ, среди рыболовныхъ озеръ и богатыхъ камышами мелководныхъ рѣченокъ В—скаго уѣзда, и вынырнулъ безъ горба, въ качествѣ законнаго владѣльца съ лишнимъ тысячъ трехъ десятинъ этихъ самыхъ полей, лѣсковъ, озеръ и рѣченокъ. Мѣстные обыватели только хлопали глазами отъ удивленія, откуда, дескать, вынырнула эта загадочная рыба? Послѣ уже для всѣхъ стало ясно, что рыба эта была изъ породы щукъ и явилась она въ мѣстныя благословенныя палестины для того, чтобы карась не дремалъ.

Вторая причина тому, что Самсонъ Платоновичъ позволялъ себѣ долго нѣжиться въ постели, заключалась въ его хозяйственной предусмотрительности. Онъ не хуже другого зналъ, что сегодня необходимо начинать уборку ржи, иначе тяжелое перезрѣвшее зерно станетъ высыпаться ва землю; зналъ, что въ этомъ случаѣ каждый пропущенный день стоилъ тысячи рублей; тѣмъ не менѣе сердце его было спокойно. Онъ былъ совершенно увѣренъ, что ему не придется ударить пальцемъ о палецъ, потому-что къ нему придуть и съ смиреннымъ поклономъ попросятъ позволенія снять для него рожь, сложить ее въ снопы и свезти на его гумно.

Въ этотъ день онъ не хочетъ подыматься даже въ шесть часовъ. Онъ съ удовольствіемъ измѣняетъ обычаю и въ половинѣ седьмого произноситъ: «пусть подождутъ бездѣльники!» При чемъ послѣднее слово произносится имъ скорѣе въ смыслѣ похвалы, чѣмъ ругательства.

Въ половинѣ седьмого Самсонъ Платоновичъ рѣшилъ, что пора начинать день.

Обширный дворъ Перехватова былъ необычно оживленъ съ

пяти часовъ. Какъ только поднялось солнце, онъ огласился неумолимымъ говоромъ. Говоръ былъ сначала сдержанный, мирный, но по мѣрѣ того, какъ подымалось солнце, онъ становился нетерпѣливѣе. Человѣкъ сорокъ мужиковъ чаще и чаще подымали головы, посматривая на солнце и подчасъ, казалось, упрасывая его—не торопиться, подождать. Мужики довольно замѣтно дѣлились на двѣ группы. Въ одной, которая была побольше, преобладали русыя бородки клиномъ, цвѣтныя сорочки на выпускъ и свѣжіе лапти изъ молодого лыка. Въ другой угловато и молчаливо глядѣли смуглыя лица съ длинными усами, черныя барашковыя шапки, изъ-подъ которыхъ струились капли пода, что, повидимому, доставляло особенное удовольствіе угрюмымъ усачамъ. Здѣсь преобладали босыя ноги, покрытыя грубой кожей, принадлежавшей, повидимому, бегемоту. Изрѣдка попадались высокіе сапоги такихъ размѣровъ, что въ каждый изъ нихъ можно было влѣзть втроемъ. Отъ нихъ несло пріятнымъ запахомъ дегтя, который заглушала даже острый аромать поздняго цвѣта акацій, распустившихся въ саду Перехватова. Если на нѣкоторыхъ изъ нихъ обувь сильно напоминала обыкновенныя лапти и была сплетена изъ того-же лыка, то она утрачивала уже названіе лаптей и именовалась «постолами». Не трудно было съ перваго взгляда опредѣлить, что первую группу составляли великороссы, вторую-же—прямые потомки запорожцевъ. И тѣ и другіе были кровными, родовыми обывателями села Погорѣловки, раскинушагося по берегамъ извилистой мелководной рѣчки, не имѣвшей никакого спеціальнаго названія.

— А кто, братцы, заплатитъ намъ за нонѣшнее утро? говорилъ сутуловатый приземистый мужикъ изъ группы великороссовъ, поглядывая на солнце.

— Та мабуть никто другій, якъ Богъ! иронически процѣдилъ сквозь зубы типичный малороссъ съ длинными свѣдыми усами, снявъ сивую шапку и вытирая вспотѣвшій затылокъ рукавомъ сорочки.

— Онъ-то, извѣстно, заплатитъ, а только, братъ, на Бога надѣйся, говорятъ, а самъ не плошай! отвѣтилъ великороссъ, свисходительно поглядывая въ сторону собесѣдника.

— А какъ думаешь, Шавкунъ, дозволить, или не дозволить? обратился приземистый великороссъ все къ тому-же собесѣднику.

— А Богъ его знае! може дозволить, а може й ни! равнодушно отвѣчалъ Шавкунъ, но подумавши прибавилъ: — а же-жь дозволить!

— Сейчасъ видно хохла! Точно ему и дѣла нѣтъ, цѣдить себѣ: «може дозволить, а може ны!» А ежели не дозволить? передразнилъ другой великороссъ, помоложе.

— А якъ не дозволить?.. Ну, тоди... Що-жь ты зъ нымъ зробышь? Винъ тоби, що захоче, то и зробе!.. До его уся паны зъ города вѣздыть!.. Не дозволить, то такъ и пидѣмъ до дому!..

— Дозволить!.. Не можно, щобъ не дозволить! заявилъ другой малороссъ, не вынимая изо рта коротенькой трубки, отъ которой отдѣлялся ароматный дымокъ махорки.— Якъ-же винъ може не дозволить, колы е бумажка!? Въ бумажци-же и написано!

— Вотъ и видно, что хохоль! А бумажка-то эта нѣшто у тебя? Гдѣ она? Ну-ка вынь, да покажь! А бумажка-то у него. Что хочеть, то и сдѣлаеть съ нею!

— Хиба-жь я не знаю, що въ неи написано. Не бійся, я-же бачивъ, якъ винъ пысавъ. Я-жь грамотный! И що тутъ знать? Кбжну зиму беремъ въ его землю, то кажный разъ одинаково пыше. Я взявъ у его земли на шпистъ корбованцивъ, отъ—и прынисъ сегодня гроши. А якъ-бы не прынисъ, то бувъ-бы повинень одробить ему на его жити, та ще такъ неначе-бы то я взявъ у его дванацать корбованцивъ. Отъ и усѣ дило!

— И что болтать-то зря? Дозволить, не дозволить! Что тутъ дозволить? вмѣшался новый ораторъ въ лаптяхъ и поярковой шляпѣ. У него былъ чрезвычайно веселый и беззаботный видъ; онъ часто смѣялся и показывалъ свои бѣлые зубы. Можно было замѣтить, что молчаливые мужики слушали его съ предпочтительнымъ вниманіемъ.—Кто-жь можетъ не дозволить мнѣ заплатить мои деньги? Я долгъ принесъ по роспискѣ, а ты бери—вотъ и весь сказъ! А я пойду себѣ по своему дѣлу! Хе, хе, хе! Вотъ выдумали хохлы! Спасибо скажеть, потому—всякому пріятно получить.

— А я тебѣ доложу, братецъ ты мой, вступилъ въ разговоръ мужикъ, сидѣвшій на землѣ поодаль и до сихъ поръ упорно молчавшій. Онъ говорилъ хриплымъ голосомъ, почти шепотомъ, повременамъ прерывая рѣчь свою сухимъ, корот-

кимъ кашлемъ. У него было очень некрасивое лицо, глубоко изрытое оспой; жиденькая растительность песочнаго цвѣта нисколько не оправдывала его уродливости. — Доложу я тебѣ, что онъ поломается, и здорово. Потому—самъ посуди: нынѣшній день—въ самый разъ трогать рожь. Помѣшкой день, другой, и все пошло прахомъ. А гдѣ у него работники? Прочіе хозяева за недѣлю понанимали артели косарей, а у него ни души.

— Извѣстно, ни души, потому онъ на нашего брата надѣялся!

— То-то и есть, что надѣялся! А оттого надѣялся, что всякое лѣто наши мужики хлѣбъ ему снимали! Я самъ, поди, уже шестой годикъ снимаю ему по двѣ десятины... И снимаешь, и связешь, и свезешь, потому—не платилъ... Обязательство... А по нынѣшнему времени—работникъ три рублика въ день стоитъ. Десятина-то ему рубликовъ въ восемь обойдется... Такъ оно и невыгодно, потому мы за два подрадились!..

— Чего подрадились? Мы не подражались! Сказано—ежели не уплатимъ, а мы вотъ денежки принесли! Н-да! попляшетъ баринъ-то! Ему несходно! Оно на даровщину, извѣстно, сходитѣ!... Эй, слышь-ты, Тимофей! обратился веселый мужикъ къ барскому лакею, проходившему изъ барскихъ комнатъ въ кухню. — Баринъ-то твой сегодня встанетъ?

— Еще пропотѣешь въ волю! Барину-то спѣшить некуда! презрительно взглянулъ на него лакей. — Чай, баринъ тебѣ нуженъ, а не ты барину!

Наконецъ, мужикамъ сказали, что баринъ одѣлся и сейчасъ выйдетъ къ нимъ.

— Михаилъ Кузьмичъ! Ты, ежели што, такъ сказывай за вѣхъ! обращались мужики къ веселому товарищу, а тотъ насмѣшливо подмигивалъ въ пространство, какъ будто тамъ скрывался его невидимый сообщникъ.

Самсонъ Платоновичъ шелъ медленно, степенно переваливаясь и своей тяжелой поступью заставляя дрожать деревянную мебель, разставленную на крылечкѣ. Съ перваго взгляда онъ совершенно оправдывалъ свое библейское имя. При видѣ этого великана-Самсона, невольно приходили въ голову бѣдныя филистимляне, уложенные имъ на мѣстѣ при помощи ослиной челюсти. Сажанный ростъ и широкія приподнятыя плечи, а на спинѣ, пониже шеи, рельефное возвышеніе —

слѣдъ того самаго горба, которымъ онъ въ продолженіи четверти вѣка снискивалъ и, наконецъ, снискалъ себѣ благосостояніе. Онъ горделиво несъ свои два подбородка, всегда гладко выбритые, какъ и все его красное лоснящееся лицо, — привычку бриться ежедневно онъ почиталъ священной, потому-что ея сопровождалось достиженіе чина дѣйствительнаго статскаго совѣтника. Толстыя губы его не сходились, потому-что нижняя, благодаря своей тяжсловѣсности, слишкомъ тянула книзу. Вѣки опустились, что, по мнѣнію Самсона Платоновича, должно было обозначать величіе, тогда какъ въ дѣйствительности это придавало ему видъ спящаго, чему не мало способствовало его непрерывное сонніе. Онъ держалъ обѣ руки на животѣ, иногда приподнимая одну изъ нихъ, чтобы повертѣть у шеи, — привычка, приобрѣтенная имъ въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ надѣвалъ Анну, — орденъ, полученный имъ за усердіе, при выходѣ въ отставку.

— Ну, что, мои милые? Зачѣмъ пожаловали? молвилъ Самсонъ Платоновичъ, обращаясь къ мужикамъ. У него оказался нѣсколько хриплый, но мягкій и даже какъ будто ласковый голосъ. Онъ чуть-чуть улыбнулся и показалъ свои желтые зубы, между которыми, на самомъ видномъ мѣстѣ, не хватало одного.

Мужики сняли шапки и низко поклонились.

— Къ вашей милости, Самсонъ Платонычъ!.. Мы вотъ по части денегенокъ!.. По части землицы, значить... О зимѣ которую!..

— Ага! ласково протянулъ Самсонъ Платоновичъ, — ну, что-жь, дѣло хорошее! Давно пора, милѣйшіе; время жаркое, — скоро, поди, и сыпаться станетъ! Можно и начинать съ Богомъ!..

Мужики помолчали. Нѣкоторые искоса посматривали на Михайла Кузьмича и выразительно подмигивали ему. Михайло сдѣлалъ шагъ впередъ и вышелъ изъ толпы.

— Да мы къ тебѣ, Самсонъ Платонычъ, съ просьбицей! промолвилъ онъ просительнымъ тономъ. — Время дѣйствительно горячее. Такъ что-бы ты дозволилъ намъ свою-то рожь собирать!.. Что на твоей землѣ вторая... Вотъ мы всѣ, какъ есть тутъ, забрали у твоей милости...

— Постой, постой, братецъ! Ты больно шибко болтаешь! остановилъ его баринъ, — я что-то не пойму!.. не сообразу

сразу! — Но руки его какъ-то вдругъ отдѣлились отъ брюха, на которомъ величественно покоились. Онъ отлично понялъ, въ чемъ дѣло, и обдумывалъ уже, что ему слѣдуетъ предпринять.

— Наше дѣло короткое; извольте выслушать, ваша милость, продолжалъ между тѣмъ Михайло Кузьмичъ.—По осени мы сняли у вашей милости землицы, кто сколько могъ, за денежки!.. И былъ тогда такой сказъ, что ежели до лѣтняго Ивана не принесемъ, такъ каждый за эту провинность долгонъ вашей милости отработать за десятину по двѣ. Извѣстно — условіе!.. А случай мужикъ заартачится и не пойдѣтъ, такъ нѣтъ ему земли, и рожь, что на ней посѣяна, — мужичья, значить—вся, какъ есть, вашей милости пойдеть. Такой былъ разговоръ. Теперь до Ивана-то еще съ недѣлю будетъ, а рожь-то ужъ созрѣла... Вотъ мы и принесли вашей милости, какъ по обязанности каждаго, кто, значить, сколько забиралъ и съ придаткомъ... А намъ, значить, чтобы было дозволено хлѣбушекъ собирать. Теперь оно какъ разъ самое время! Деньжонокъ-то мужикъ позаработалъ сѣнокосомъ, вотъ и принесли вашей господской милости!..

Баринъ молчалъ, замолкъ и Михайло Кузьмичъ. Онъ находилъ, что дѣло изложено достаточно ясно. Самсонъ Платоновичъ молчалъ не потому, чтобы у него не нашлось словъ для отвѣта. Слова были на-готовѣ во всякое время; ничего не могло быть легче, какъ сказать: „подите вонъ, я васъ звать не хочу! Снимайте мнѣ хлѣбъ, а иначе я самъ стану снимать, но только тогда я вмѣстѣ съ своимъ и вашъ сниму и вы останетесь зимовать безъ ржи“. Но это было-бы незаконіе, а Самсонъ Платоновичъ былъ человѣкъ закона. Въ головѣ его юрко мелькали одинъ за другимъ планы, одинъ лучше другого, носъ усиленно нюхалъ воздухъ, краска на лицѣ его, и безъ того не отличавшемся блѣдностью, становилась все гуще и гуще,—оно уже сдѣлалось фіолетовымъ. Наконецъ, всѣ планы вмигъ были вытѣснены однимъ, геніальность котораго не подлежала никакому сомнѣнію. Съ лица его мигомъ исчезли начинавшіе было уже появляться признаки негодованія,—оно просіяло до такой степени, что просіяли и мужички, появявъ это сіяніе въ благоприятномъ для себя смыслѣ.

— А когда, говоришь, вы обязались уплатить мнѣ долгъ? спросилъ, вмѣсто того, баринъ.

— А обязались мы уплатить вашей милости на Ивана, отвѣтилъ Михайло Кузьмичъ.

— Такъ, такъ! Ну, а Ивана-то будетъ на той недѣлѣ, въ пятницу?

— Такъ точно! На той недѣлѣ, въ пятницу! хоромъ подтвердили мужики.

— Ну, вотъ и прекрасно! Такъ вы на Ивана-то и приносите денежки, какъ условлено! Такой былъ договоръ, а договоръ—сами знаете—паче денегъ... На Ивана я приму денежки, а вы начнете свою рожь убирать, и дѣло наше будетъ по закону!.. А придатка мнѣ вашего не нужно... Затѣмъ придатокъ? Я не ростовщикъ, не беру процентовъ!..

Мужики переглянулись, какъ-бы желая сказать: «вотъ онъ куда повернулъ!» А Самсонъ Платоновичъ, какъ человекъ благополучно вышедшій изъ затрудненія, заложилъ руки въ карманы штановъ и прошелся по корридору.

— Такъ какъ-же это будетъ? Рожь-то высыплется! Она и теперь ужъ еле-еле крѣпка! Этакъ невозможно! Ужь вы, ваша милость, помилосердствуйте!..

— Затѣмъ? спокойно возразилъ Самсонъ Платоновичъ,— надо, чтобъ никто не былъ въ обидѣ... Сами-же вы заключали условіе, чтобъ уплатить на Ивана, ну, такъ по условію и надо все выполнить. Законъ — прежде всего...

— Да кто-жъ его зналъ, что оно раньше созрѣетъ?! Такъ, значить, Богъ захотѣлъ!.. Божья воля такая!..

— Божья воля! согласился помѣщикъ,— а мое слово вамъ такое: хотите собирать рожь до Ивана, — кладите деньги назадъ, въ кошельки, и соберите мою рожь, какъ дѣлали прежде каждый годъ, пока не разбогатѣли, не зазнались; а не хотите,— до Ивана!..

— Такъ какъ-же это, ваша милость? Этакъ нельзя, это не по-божески, не по-христіански! За что-жъ насъ обижать? Мы не графы какіе-нибудь, чтобъ терять свое задаромъ!—Михайло Кузьмичъ совершенно переимѣнилъ тонъ. Онъ энергично встряхивалъ остатками своихъ русыхъ кудрей, въ голосъ его слышался задоръ, такъ что даже Самсонъ Платоновичъ вскинулъ на него удивленные глаза. -- Мы тоже свои права имѣемъ! Въ роспискѣ этого не сказано, чтобъ акурать на Ивана. А сказано тамъ, что ежели до Ивана не заплатимъ, такъ

тогда... Это не законъ!.. Сами вотъ-объ законъ все поминаете, а его-то самого тутъ и не видно!.. Какой-же это законъ?!..

— Что-о? Что-о? Зако-онъ? Росписка? А ну-ка покажи росписку! Ну-ка! Гдѣ твоя росписка? Давай, давай! Ну!

Это предложеніе точно ошеломило мужиковъ. Михайло Кузьмичъ увидѣлъ, что всѣ его слова о правахъ, о законѣ—пустые звуки, потому что росписки—у Перехватова, и онъ можетъ сдѣлать съ ними все, что захочетъ. Но дерзкій тонъ противъ его воли увлекалъ его дальше. Въ немъ кипѣла обида; хотѣлось отомстить хоть словами, потому что онъ ясно видѣлъ свое безсиліе.

— Эхъ, ба-аринь! съ ядовитой насмѣшкой произнесъ онъ, и произнесъ такъ громко, точно хотѣлъ, чтобъ его слышала вся Погорѣловка и окружающіе ея хутора.—Мужика вздумали грабить! Должно, вы въ Христа не вѣруете, Бога не боитесь! Не разживетесь-же вы съ этого добра, нѣ-этъ!..

— Что? Что? Какъ ты смѣешь? Какъ ты смѣешь, поганецъ? Ты знаешь, кто я? Знаешь? Я покажу тебѣ, покажу! Я предводителю, я... губернатору... Я... Вонъ всѣ, мерзавцы, отсюда! Вонъ со двора!..

Мужики энергично толкали въ бокъ Михайла Кузьмича, дѣлая знаки, чтобъ онъ замолчалъ. Но тотъ не унимался. Если-бъ онъ и захотѣлъ остановиться, то уже не смогъ-бы удержать тѣхъ сильныхъ словъ, которыя сыпались съ языка его. Онъ умолкъ только тогда, когда Перехватовъ, сообразивъ, что дѣло, пожалуй, можетъ кончиться неблагопріятно для его боковъ, скрылся въ передней, изъ-всей мочи хлопнувъ дверью. Тогда Михайло вдругъ оборвалъ свою рѣчь и, оглянувшись, изподлобья посмотрѣлъ на товарищей. Лицо его утратило обычное выраженіе веселости, губы высохли отъ волненія.

— Опуталъ! протянули мужики.—Что-жъ теперь дѣлать, братцы?

— Проваливайте, проваливайте, молодцы! Чего топтаться на мѣстѣ? Тутъ вамъ не мѣсто! промолвилъ Тимофей, появиваясь изъ передней, причемъ смотрѣлъ совершенно такъ, какъ будто ему самому нанесли ужасную обиду.

— По домамъ! промолвилъ кто-то, и мужики надѣли шляпы и шапки съ такимъ энергичнымъ движеніемъ, точно хотѣли навсегда пригвоздить ихъ къ своимъ головамъ. Молча ушли они съ помѣщичьяго двора.

II.

Федотъ Федотовичъ Бѣднягинъ, въ качествѣ погорѣловскаго писара, занималъ весьма скромное помѣщеніе при волостномъ правленіи. Его многочисленное семейство, состоявшее изъ супруги, старой матери и шестерыхъ ребятъ, младшіе изъ которыхъ постоянно торчали на глазахъ и непременно попадались подъ руку, когда дѣло было къ спѣху, за что получали педагогическое воздѣйствіе въ видѣ пинковъ и благотворнаго тасканья за волосы, старшіе вѣчно пищали и галдѣли, а всѣ вообще ежеминутно просили хлѣба, даже и въ то время, когда держали его въ рукахъ, — это семейство ютилось въ одной комнатѣ, перегороженной ситцевой занавѣской, за которой стояли: супружеская кровать и большой зеленый сундукъ, вмѣщавшій въ себѣ всё благосостояніе семейства Бѣднягиныхъ. Самъ глава семейства былъ очень маленькій, сухощавенькій человекъ съ небольшою головкой и подвижнымъ лицомъ тѣмнаго цвѣта. Едва-ли кто нибудь видѣлъ его спокойно сидящимъ сложа руки, безъ всякаго дѣла; едва-ли кто нибудь могъ представить этого маленькаго человека иначе какъ съ сильно озабоченнымъ лицомъ, съ размашисто и крючкова-то пишущей рукой, которая, казалось, передвигалась со строчки на строчку по инерціи и врядъ-ли когда-нибудь способна была остановиться. Но она останавливалась, когда изъ сѣней въ комнату волостнаго правленія, гдѣ обыкновенно засѣдалъ Федотъ Федотовичъ, доносился крикъ одного изъ отпрысковъ его рода. Тогда онъ кидалъ перо и летѣлъ въ сѣни, мирилъ поссорившихся родичей, при чемъ обиженнаго гладилъ по головкѣ, а обидчика таскалъ за ухо, тутъ-же по дорогѣ собственнымъ кулакомъ вытиралъ подъ носомъ у одного изъ шести себѣ подобныхъ и немедленно снова стремглавъ летѣлъ въ правленіе и продолжалъ неукоснительно строчить. Въ этомъ маленькомъ человекѣ жили великія семейныя добродѣтели. Пятнадцать лѣтъ онъ безъ отдыха бѣгалъ на посылакахъ, а потомъ строчилъ съ единственною цѣлью — наполнить рты своихъ птенцовъ. По мѣрѣ того, какъ увеличивалось количество этихъ ртовъ, — росла его энергія, лицо становилось озабоченнымъ, рука быстрѣе бѣгала по бумагѣ.

Въ тотъ самый моментъ, когда рука Федота Федотовича, позабывшаго обо всемъ на свѣтѣ, точно мотылекъ порхала по

листу бумаги, изъ чего выходило какое-то «отношеніе» въ одно изъ безчисленныхъ губернскихъ учрежденій, властныхъ въ судьбѣ деревенскаго обывателя,—низкая дверь волостнаго правленія растворилась, и въ комнату вошелъ коренастый, плечистый мужикъ лѣтъ пятидесяти — высокій, съ красивой самоувѣренной осанкой, съ русой окладистой бородой и съ спокойными сѣрыми глазами. Сейчас можно было замѣтить, что онъ собрался куда-то не въ обычное мѣсто, потому что на немъ были большіе сапоги и приличный кафтанъ синяго сукна.

— Федоту Федотовичу наше почтеніе! промолвилъ вошедшій, протянувъ свою широкую мозолистую руку. Федотъ Федотовичъ вложилъ въ нее свою маленькую ручку и, вмѣсто привѣтствія, сдѣлалъ вопросительное лицо.

— Помѣщикъ требуетъ! заявилъ вошедшій, садясь.— Прибѣгалъ Тимошка, лакей ихній, сказывалъ, чтобъ староста съ писаремъ безпрѣмѣнно... Тамъ у нихъ что-то вышло съ нашими мужиками. Тимошка сказывалъ: они, говорить, ему денегки принесли за землю, что сняли у него, а онъ денегъ не беретъ, ну и хлѣбъ тоже снимать не дозволяетъ. Потому у него расчетъ. Косарь нынче вздорюжалъ, а наши мужики въ прежніе годы почитай что задаромъ ему снимали... Вотъ онъ и теперь захотѣлъ.

— Да я то что здѣсь стану дѣлать? пропиналъ Федотъ Федотовичъ своимъ тоненькимъ голоскомъ. Во время разсказа старосты онъ быстро соображалъ и, хотя не понималъ своей роли въ этой исторіи, поспѣшилъ, однакожь, струсить на всякій случай. Неизвѣстно, чего захочетъ Перехватовъ, но извѣстно, что онъ съ предводителемъ за панибрата. Захочетъ Перехватовъ—облагодѣтельствууетъ, захочетъ—со свѣта сживетъ. Федотъ Федотовичъ инстинктивно ухватился за стулъ, на которомъ сидѣлъ, словно желалъ убѣдиться, что подъ нимъ еще есть почва.

— Такъ надо идти!? полувопросительно промолвилъ староста.

— На что-бы это ему?.. Охъ, Господи!.. промолвилъ Федотъ Федотовичъ и сталъ напяливать на себя сюртукъ съ какими-то коронными металлическими пуговицами. Это былъ его парадный сюртукъ. Его надѣвалъ онъ преимущественно въ тѣхъ случаяхъ, когда приходилось трепетать, потому что та-

ковы въ большинствѣ парадные случаи въ жизни маленькой канцелярской крысы.

Они стояли на крыльцѣ у Перехватова, когда было уже десять часовъ. Погорѣловскія власти терпѣливо ждали, пока ихъ позовутъ. Наконецъ, ихъ повели въ комнаты и, что всего удивительнѣе, прямо въ кабинетъ Перехватова, что составляло особенную честь. Въ этомъ кабинетѣ, окно котораго выходило въ громадный фруктовый садъ, было очень много образовъ въ золоченныхъ ризахъ, съ вѣчно зажженной передъ ними лампадкой, стоялъ открытый шкафъ, наполненный книгами религіозно-нравственнаго содержанія, былъ даже налои, на которомъ покоился тяжеловѣсный молитвенникъ въ бархатномъ переплетѣ съ золотымъ крестомъ.

Лицо Перехватова нисколько не обѣщало бури. Оно было спокойно и неподвижно, глаза едва выглядывали изъ-подъ тяжелыхъ вѣкъ. При появленіи властей, онъ поднялся.

— Изволили звать насъ, ваше превосходительство?! промолвилъ Федотъ Федотовичъ, опустивъ руки почти по военному и робко смотря въ лицо Перехватову. Совершенно иначе держалъ себя староста. Онъ вошелъ довольно смѣло и, остановившись у двери, принялъ почти непринужденную позу. Онъ даже не смотрѣлъ на Перехватова, а устремилъ свои взоры куда-то въ окно, гдѣ разсматривалъ вѣтвистое вишневое дерево. Перехватовъ протянулъ руку Федоту Федотовичу и старостѣ и, указавъ на стулья, промолвилъ:

— Садитесь, господа! Дѣло очень важное!

При этомъ онъ поправилъ на шеѣ своей Анну, которую успѣлъ надѣть для внушительности. Староста, замѣтивъ это движеніе, обратилъ вниманіе и на орденъ, причемъ немедленно почувствовалъ нѣкоторую робость и пересталъ глядѣть въ окно.

— Я обращаюсь къ вамъ, господа, какъ къ здѣшнему начальству... Понимаете? началъ Перехватовъ чрезвычайно важнымъ тономъ, на что Федотъ Федотовичъ совсѣмъ уже было собрался отвѣтить: «понимаемъ, ваше превосходительство», но тотъ безъ остановки продолжалъ: — Знаете-ли вы, что у васъ дѣлается? Понимаете-ли вы, какія злыя сѣмена произрастаютъ въ умахъ погорѣловскихъ мужиковъ, на какой, можно сказать, нагубный путь повели вы вѣтренную вами волость?..

Власти съ недоумѣніемъ и испугомъ посмотрѣли другъ на

друга. «Что у насъ дѣлается?» спрашивали они другъ друга глазами.

— Плохое-же вы начальство, когда не видите того, что дѣлается у васъ подъ носомъ! продолжалъ Самсонъ Платоновичъ такимъ тономъ, какъ-будто великодушно хотѣлъ дать гостямъ своимъ благой совѣтъ безъ малѣйшей тѣни корысти.— А между тѣмъ дѣло уже далеко зашло! Народъ у васъ распущенъ, страшно распущенъ, до того распущенъ... Знаете, что я вамъ скажу?! Если во время не спохватиться, не принять мѣръ, не поналечь на него, такъ... такъ я боюсь, не случилось-бы бунта!..

— Ваше превосходительство!? Этого никогда не бывало и быть не можетъ! воскликнулъ испуганный Федотъ Федотовичъ.

— Съ нашимъ-то мужикомъ? Хе, хе! добродушно посмѣялся староста,—гдѣ ужъ тутъ! У насъ народъ все закудалый, смиренный! Куда ему бунтовать! Напрасно беспокоитесь, ваша милость!

— Ну нѣтъ, Данила Федосѣвичъ! Это ужъ мнѣ лучше знать, нужно-ли тутъ беспокоиться или не нужно! мягко, но вмѣстѣ съ тѣмъ и многозначительно возразилъ Перехватовъ.—Я человѣкъ бывалый! Я вижу очень хорошо тавое, чего вамъ во вѣкъ не увидѣть, хоть вы всѣ глаза проглядите! Я, братъ, тертый калачъ! И ужъ если я говорю, что тутъ дѣло опасное, такъ ты только знай—оглядывайся. Ужъ это вѣрно будетъ. Ты говоришь—ничего? А знаешь, что у меня было сегодня? Знаешь, что выкинули твои смиренные мужики? Денежки принесли! А это хорошо? А чѣмъ это пахнетъ? Да всѣ разомъ!! Это что такое? Стачка! Стакнулись! А что, если это дальше пойдетъ? А что, если вся деревня,⁽¹⁾ а за нею другая, третья, да весь уѣздъ, а тамъ губернія, а? Такъ это чѣмъ пахнетъ? Ну что ты скажешь тогда? Вотъ соберутся всѣ, да и начнутъ: не хотимъ работать господамъ! Подавай намъ пять цѣлковыхъ въ день! А тамъ дальше: не станемъ платить податей! А тамъ еще дальше, еще и еще... а? Съ дубинками въ рукахъ, понимаешь? Да ты знаешь, что это такое? Вы знаете, что это такое? Это, братъ, какъ называется? Бунтъ, бунтъ! Какъ-же! Шестъ лѣтъ исправно работали, а теперь вдругъ—на! И ты говоришь, Данила Федосѣвичъ,—не беспокоиться. Такъ ты разсуди, что изъ этого выходитъ!..

Власти сидѣли на своихъ мѣстахъ и разсуждали на тему:

«что изъ этого выходитъ»; они чувствовали точно какое-то пламя поджигаетъ ихъ со всѣхъ сторонъ. Перехватовъ какъ дважды два—четыре доказалъ, что въ Погорѣловкѣ — бунтъ. Это ясно какъ день и на этотъ счетъ не остается никакихъ сомнѣній. Староста, правда, волновался сравнительно меньше. Значеніе такихъ словъ, какъ «бунтъ», «возмущеніе» — для него было не совсѣмъ ясно. Никогда онъ ничего подобнаго не видѣлъ, да и не слыхивалъ, чтобъ это было гдѣ-нибудь поблизости. Его волненіе происходило больше отъ того зловѣщаго шипѣнія, какимъ Самсонъ Платоновичъ сопровождалъ свое карканье. Другое дѣло—Федотъ Федотовичъ. Въ эту минуту онъ чувствовалъ себя самымъ несчастнымъ человѣкомъ въ цѣломъ мірѣ. Вѣдь онъ имѣлъ понятіе, правда—очень смутное, даже о революціи, потому что не разъ слыхалъ это слово, при чемъ у произносившихъ его дѣна закипала у рта и изъ глазъ сыпались искры. Онъ былъ уничтоженъ, убитъ

— Куй желѣзо, пока горячо! продолжалъ Перехватовъ, тономъ своего голоса все больше и больше напоминая графа Сень-Бри въ сценѣ освященія мечей. — Надо во-время потушить!.. Надо взять ихъ въ руки! Наказать примѣрнымъ образомъ!.. Положимъ, крутыхъ мѣръ не нужно. Нужно дѣйствовать мѣрами мягкими... человѣчными... Вотъ что, по моему,—Перехватовъ заговорилъ почти октавой, такъ что староста, не отличавшійся тонкимъ слухомъ, долженъ былъ вытянуть шею и поставить правое ухо,—вотъ что надо сдѣлать... взять этакъ, да и... однимъ словомъ, взять да и собрать подати!..

— Какъ такъ собрать подати? широко раскрывъ глаза, почти крикнулъ староста. Онъ просто опѣшилъ. Вотъ это ужъ именно то, чего онъ никакъ не ожидалъ.

— Ваше превосходительство! жалобно пропищалъ Федотъ Федотовичъ, — если вы не изволите шутить, то это невозможно! Н-невозможно! съ какой-то безнадежностью въ голосѣ повторилъ онъ.

— Я очень хорошо знаю, чтò возможно и чтò невозможно! надменно проговорилъ Самсонъ Платоновичъ. Онъ началъ уже склоняться на сторону репрессалій, такъ какъ было очевидно, что его не понимаютъ. — И если я призывалъ васъ сюда и трачу время съ вами, то, конечно, не для того, чтобъ рассказывать басни! Я шутить не люблю!.. Говорю вамъ—не-

обходимо собрать подати. Не-об-ходимо! Сейчас-же! Сегодня-же! Это самая разумная дисциплинарная мѣра! Это имъ напомнить, что надъ ними есть начальство!..

— Это какъ вашей милости будетъ угодно! заявилъ староста почтительно, — только чтобы подати собирать въ эту пору, это—нѣ-этѣ!.. Н-нѣтъ! Никакъ невозможно! Ничего изъ этого и не выйдетъ!

— Ну, какъ хотите, какъ хотите!.. развелъ руками Самсонъ Платоновичъ, — какъ хотите, господа! Я человекъ поосторонній!.. А только если что случится — на себя пеняйте, на себя!.. Такъ невозможно?

— Никакъ невозможно! рѣшительно заявилъ староста и даже пожалъ плечами въ знакъ того, что онъ не понимаетъ даже, какъ могла прийти въ голову такая мысль.

Федотъ Федотовичъ поднялся; но онъ, повидимому, думалъ иначе. Онъ не рѣшился-бы такъ категорически заявить, что это невозможно; онъ зналъ Перехватова и умѣлъ читать въ словахъ его то, что въ нихъ едва-едва проглядывало. И онъ прочиталъ слѣдующее: «Какъ хотите! Мое дѣло сторона! Но только помните—я вамъ этого не прощу! Я подведу вамъ такую штуку, что будете довольны! У меня кумъ — предводитель!»

— Такъ съ Богомъ! Я предупредилъ васъ; я сдѣлалъ свое дѣло!.. закончилъ Самсонъ Платоновичъ. Староста уже повернулся къ двери, но Федотъ Федотовичъ стоялъ на мѣстѣ, какъ прикованный. Уйти съ такимъ тяжелымъ камнемъ въ груди — это было выше его силъ.

— Ваше превосходительство! робко промолвилъ онъ, не глядя на Перехватова, который гордымъ окомъ, повидимому, провожалъ гостей за дверь. — Позвольте подумать, ваше превосходительство!..

— Подумайте! Подумайте! разрѣшилъ Перехватовъ, — отчего не подумать! А мнѣ вѣдь все равно.

— Нечего тутъ и думать! махнулъ рукой староста. — Этого дѣла нигдѣ еще не бывало!.. — Просимъ прощенья! поклонился онъ, а за нимъ отвѣсилъ чуть не земной поклонъ Федотъ Федотовичъ, и они оба направились къ двери.

— Ахъ да! Я и забылъ! Совсѣмъ забылъ! Вдругъ спохватился Самсонъ Платоновичъ. — У меня къ тебѣ, Федотъ Фе-

дотовичъ, дѣльце есть! Я давно собирался... Ты на минутку останься, а староста подождетъ тебя!..

Староста вышелъ. У Федота Федотовича отлегло. Онъ сразу обнялъ умомъ своимъ всю суть дѣла. Онъ понялъ, насколько Перехватовъ тутъ «посторонній» человѣкъ и видѣлъ, что услуги его, Федота Федотовича, будутъ что-нибудь стоить.

Тутъ картина совсѣмъ перемѣнилась.

Самсонъ Платоновичъ въ одинъ мигъ лицился всего своего величія. Глаза его открылись и забѣгали, движенія изобличали крайнюю поспѣшность; величественная, тягучая, плавная рѣчь его замѣнилась скороговоркою; казалось, и самый размѣръ его уменьшился. Онъ осмотрѣлся кругомъ и подошелъ къ выходной двери, какъ-бы желая убѣдиться, что староста вышелъ. Потомъ онъ взялъ Федота Федотовича подъ руку и въ одно мгновеніе, точно соломенку, перетащилъ его къ окну.

— Ты, братецъ, непремѣнно обдѣлай мнѣ это дѣло: слышишь? Непремѣнно! Въ убытокъ не останешься! Знаешь, вѣдь, что я умѣю благодарить!.. заговорилъ онъ почти шепотомъ.

— Закона такого нѣтъ! Можно подъ судъ угодить, вотъ оно что! Не вы будете отвѣчать, а я!..

— Найдемъ законъ, найдемъ! Ужь это ты мнѣ предоставь! Въ воскресенье у меня будетъ предводитель... Понимаешь?... Въ случаѣ чего, говори — предписание! И предписание будетъ, когда понадобится!.. Только вотъ этого болвана урезонь! Безъ него нельзя? А?

— Невозможно!

— Такъ ты урезонь! Скажи, дескать... ну, да ты самъ придумаешь! А если будутъ спрашивать, да распытывать... Ну, тамъ война, что-ли!.. Говори, что скоро будетъ война, такъ казнѣ, значить, деньги нужны... Понимаешь?.. А бояться нечего! Я ужъ тамъ все обдѣлаю!.. Ступай и помни!..

Федотъ Федотовичъ только кивалъ утвердительно головой, докладывая этимъ, что онъ все понимаетъ.

— Да вотъ что! Ты знаешь этихъ... бунтовщиковъ? Такъ собственно насчетъ этихъ... А другихъ не надо тѣснить!.. Ступай!.. Надѣюсь, братъ...

Федотъ Федотовичъ вышелъ. Въ залѣ онъ остановился и испустилъ такой глубокой вздохъ, точно передъ этимъ, впродолженіи цѣлаго часа, не давали ему дышать. Изъ кабинета онъ вышелъ съ рѣшимостью исполнить порученіе Перехватова

ва. Впродолженіи всего этого разговора онъ находился подъ исключительнымъ вліяніемъ чувства самосохраненія. Онъ видѣлъ и понималъ только одно, что Перехватову ничего не стоитъ его, вмѣстѣ съ семействомъ, выжить изъ тѣсной избы волостного правленія, оставивъ безъ хлѣба и безъ крова. Качества сердца его превосходительства были извѣстны Федоту Федотовичу лучше, чѣмъ кому другому. Но теперь, когда онъ очутился въ залѣ одинъ, когда изъ раствореннаго окна на него пахнуло свѣжимъ воздухомъ, онъ точно проснулся, точно съ глазъ его вдругъ спала повязка, и ему пришла въ голову мысль, что вѣдь это, въ сущности, безчеловѣчное предпріятіе. Онъ хорошо зналъ крестьянскую обстановку; ему лучше чѣмъ кому другому было извѣстно, что значить отнять у мужика пять рублей во время съемки хлѣба. Доброе сердце заговорило въ немъ и, казалось, готово было побѣдить эгоистическія чувства.

Данила Федосѣичъ дожидался на крыльцѣ. Онъ нисколько не думалъ о предметѣ недавняго разговора, порѣшившѣ, что это барская затѣя, а мало-ли какія затѣи не приходятъ въ голову барамъ. Однако его поразили угнетенный видъ Федота Федотовича.

— И съ чего это ему въ голову вступило? Въ толкъ не возьму! И этакое скажетъ человѣкъ! Подати, говорить, собирать!..

— Съ чего вступило? Ужь это, Данила Федосѣичъ, не намъ знать, а только ежели оно вступило, такъ ужъ вступило! Изрекъ Федотъ Федотовичъ.—И будетъ оно тамъ сидѣть, пока онъ не сживетъ насъ со свѣту!.. Знаешь, куда онъ угнать можетъ? Подъ судъ! Въ Сибирь! Вонъ куда! Ни за грошъ погубить!

— За что въ Сибирь? Что я худого сдѣлалъ?

— А что ты сдѣлалъ худого собакѣ? Ничего! А она на тебя лаетъ и за икру хватаетъ!.. Ты знаешь, что онъ сдѣлалъ прежнему писарю, Ходовичу? То сдѣлалъ, что его теперь ни на одно мѣсто не принимаютъ! Болтается по городу—оборванный, обшарпанный, нищій, а семья съ голоду мретъ!.. А за что?.. За то, что не угождалъ ему, носъ, говорить, подымалъ!.. Такъ пропадать вѣдь тоже не хочется! У меня семья, дѣти малыя!.. Въ воскресенье, говорить, предводитель придетъ! Ну, тутъ, значить, если захочетъ и придавить тебя

пальцемъ, какъ блоху какую-нибудь, потому блоха и есть!.. Да и тебѣ, Данила Федосѣвичъ, не сдобровать!.. Потому ты—главный!

Староста былъ обыкновенный «семейственный» мужикъ. Онъ принадлежалъ къ большинству, которому своя шкура дороже всего на свѣтѣ; большинству, обладающему добрымъ сердцемъ и готовому совершить доброе дѣло, помочь ближнему и даже принести маленькую жертву на пользу земляковъ, — пока не видится замѣтнаго ущерба собственному благосостоянію. Но чуть только передъ ними изъ-за тумана выглянетъ угроза, они немедленно ощущаютъ страхъ за цѣлость свою и своей семьи, и дѣлаются способными на всякую пакость, съ единственною цѣлью защитить свои интересы.

— Такъ какъ-же ты полагаешь, Федотъ Федотычъ? спросилъ староста уже далеко не такимъ безразличнымъ тономъ, какимъ говорилъ прежде, когда смотрѣлъ на предложеніе Перехватова какъ на барскую блажь.

— Дай время, Данилъ Федосѣвичъ! Надо подумать! отвѣчалъ Федотъ Федотовичъ послѣ долгаго молчанія.

Данила Федосѣвичъ охотно предоставилъ ему думать и за себя, и за него, и они разошлись близъ волостного правленія. Староста пошелъ на поле, браня Перехватова за отнятое время, и пуще того за нарушеніе его душевнаго спокойствія; а Федотъ Федотовичъ вошелъ въ комнату волостного правленія и заперся тамъ на крючокъ. Онъ отказался даже отъ обѣда.

Два часа ходилъ онъ изъ угла въ уголъ по комнатѣ; ходилъ онъ въ своемъ парадномъ мундирѣ, потому что позабылъ снять его. И все-то онъ «думалъ» и «думалъ», хотя, по совѣсти говоря, онъ почти навѣрное зналъ, что ничего новаго не придумаетъ, и что шкура, столь драгоценная и почти единственная его собственность, возьметъ верхъ надъ слабымъ проявленіемъ человѣческихъ инстинктовъ.

III.

Часамъ къ семи вечера въ Погорѣловкѣ изъ усть въ уста переходила странная молва. Утверждали, что нѣмецъ объявилъ войну нашему Царю, вслѣдствіе чего казнѣ понадобились деньги. Какая-то бойкая баба изъ малороссійскаго лагеря рассказывала эту исторію въ такихъ поэтическихъ обра-

захъ, съ такими опредѣленными подробностями, что у слушавшихъ ее бабъ не оставалось никакихъ сомнѣній. Она случайно проходила мимо волостного правленія, гдѣ на крылечкѣ сидѣли староста и писарь, потягивая прохладительный квась.

— Эй, слышь ты, Перепичка! кликнулъ ее писарь, — ты ничего не слыхала?

Перепичка такъ и опустила руки. Что такое могло случиться, чего-бъ она не слыхала? Да кому-же и слышать, какъ не ей, Перепичкѣ, черезъ голову которой проходятъ всѣ погорѣловскія новости, прежде чѣмъ разнесутся по селу. А между тѣмъ она ничего не слыхала.

— Война съ нѣмцами будетъ! Вотъ оно что! Ну, чего разинула ротъ? Вишь ты, все знаешь, а этого не знаешь!..

— Охъ, лышко! Та не вже-жь война?

— Говорятъ тебѣ, что война, подтвердилъ староста, — и подати велѣно собирать... Потому нѣмецъ силенъ, пороку много надѣлалъ, а мы все землю пахали... Приказъ, говорю, вышель, чтобъ подати...

Перепичка больше ужъ и не слушала. Она уже не могла устоять на мѣстѣ,—ее такъ и понесло впередъ, что бывало всегда, когда она узнавала какую-нибудь новость. Тогда она чувствовала непобѣдимую потребность высказаться и стремглавъ летѣла къ сосѣдкамъ. Перепичка очень быстро пропустила новость черезъ собственную фантазію, при чемъ получила чрезвычайно яркая картина. Вѣсть переходила изъ устъ въ уста и по пути украшалась новыми картинками. Легкомысленныя бабы вѣрили безусловно. Среди мужиковъ, однако, новость была встрѣчена подозрительно.

— Да тебѣ должно быть приснилось, старая вѣдьма, обращались они къ Перепичкѣ. Но Перепичка клялась Христомъ Богомъ, соглашалась, чтобъ у нея лопнули глаза, отсохъ языкъ, чтобъ она провалилась въ тартарары и проч. и проч., если ей не сказалъ этого самъ староста. Ходили въ волостное правленіе. Писарь имѣлъ дѣловой видъ. Онъ уже укрѣпился въ той мысли, что необходимо заботиться о своей шкурѣ. Староста удалился домой. Это посовѣтовалъ ему самъ Федотъ Федотовичъ, который боялся, чтобъ тотъ не испортилъ дѣло.

— Слыхалъ ты, Федотъ Федотычъ, что бабы брешутъ? Будто война съ нѣмцемъ!.. освѣдомлялись мужики.

— Да, на то похоже! невозможно отвѣчать Федотъ Фе-

дотовичъ. Онъ находился въ мундирѣ и сильно выпячивалъ свою маленькую, впалую грудь.

— И будто подати собирать будутъ?

— Да, и подати! Сегодня и готовьтесь! Припасайте!

— А по какимъ, значить, правамъ это самое раззореніе будетъ?

— По какимъ правамъ? А вотъ!.. Федотъ Федотовичъ вынулъ изъ бокового кармана бумагу и, развернувъ, показалъ ее мужикамъ. Въ глаза бросалась огромная сургучная печать, которая немедленно произвела свое дѣйствіе.

— Значить—предписаніе?

— А видишь? Не самъ-же я выдумалъ!—Федотъ Федотовичъ развелъ руками, дескать—тутъ ужъ ничего не подѣлаешь, потому бумага—за печатью.

— А може ты брешешь? недоувѣрчиво спросилъ малороссъ.

— А ты грамотный?

— Ни, не вмю!

— Ну, то-то и есть! А то самъ-бы прочиталъ!

— Отъ — лыхо! Якъ не те, то друге, а якъ не друге, то десяте! Якъ не жукъ, то градъ, а не градъ, то панъ, а якъ не панъ, то нимця Господь посилае! Мабудь за грѣхи! философски изрекъ малороссъ.

Когда справки были наведены и розказни бабъ подтверждены мужиками, погорѣловцамъ пришлось повѣрить. Большинство примирилось съ необходимостью, потому что у большинства еще не были истрачены остатки рублей, заработанныхъ на сѣнокосѣ. Но были и такіе, которые опустили головы. Въ перспективѣ видѣлась продажа лошаденки и домашняго скарба.

Сейчасъ послѣ захода солнца, по селу стали рассказывать сотскіе и десятскіе. Федотъ Федотовичъ въ сильной ажитациі бѣгалъ изъ комнаты волостного правленія въ свою комнату, при чемъ не замѣчалъ, какъ сбивалъ съ ногъ своихъ собственныхъ чадъ, оставляя безъ вниманія ихъ носы, требовавшіе сильнаго ремонта, и вообще ничего не видѣлъ и не слышалъ. Онъ былъ очень крабръ, пока не начался сборъ, но какъ только сотскіе вооружились палками и пошли по домамъ, онъ нервно забѣгалъ по своимъ владѣніямъ, точно чрезъ его маленькое туловище пропустили электрическій токъ. Это были

напрасныя тревоги. Никогда еще не удавалось собрать подати так мирно, какъ въ этотъ разъ. Дѣло въ томъ, что сотскіе относились необычайно снисходительно къ плательщикамъ. Когда оказывалось, что въ избѣ нѣтъ ни гроша, они молча выходили и шли дальше, помня наказъ писаря, чтобы не тѣснить мужиковъ. У «бунтовщиковъ», разумѣется, были деньги, тѣ самыя, что припасли они для Перехватова. А этого только и нужно было. Когда сотскіе вернулись въ волостное правленіе и объявили, что все благополучно, Федотъ Федотовичъ разинулъ ротъ отъ удивленія. У него свалилась гора съ плечъ. Одно — бѣда: Михайла Кузьмича не оказалось дома, и нигдѣ не могли найти его. Жена его могла только объяснить, что онъ передъ заходомъ солнца заложилъ свою клячу въ повозку и уѣхалъ изъ села, сказавъ, что вернется, должно быть, поздно. Это обстоятельство значительно сбавило радость Федота Федотовича: онъ зналъ, что Михайло былъ мужикъ рѣшительный, зналъ онъ также, что отъ Перехватова онъ ушелъ озлобленный. Чтѣ-бы это онъ такое придумалъ? Не натворилъ-бы чего!.. Федотъ Федотовичъ почувствовалъ, что шкура у него какъ будто стала побаливать.

Раннее солнце слѣдующаго утра, повидимому, собиралось зажечь землю. Не успѣло оно показаться изъ-за ближняго гѣса, какъ стало накалять воздухъ своими яркими лучами. Еще два-три такихъ дня—и хлѣбъ изжарится на нивѣ и отъ него останутся одни пустые колосья.

Перехватовъ въ это утро поднялся раньше обыкновеннаго. Онъ плохо спалъ ночь, думая о предстоящихъ убыткахъ, въ случаѣ, если не удастся его остроумная выдумка. Онъ сильно пожурилъ себя за то, что во-время не подумалъ о наймѣ рабочихъ. Вѣдь стояло сегодня-же, въ тотъ самый день, когда были у него «бунтовщики», отправиться въ губернской городъ—и можно было успѣть захватить партію рабочихъ. Это, конечно, обошлось-бы не дешево. Это стоило-бы въ пять разъ дороже, чѣмъ «по домашнему способу», т. е. почти даровымъ трудомъ мѣстныхъ обывателей. Но за то ему не грозили-бы тогда громадные убытки, которые теперь стоятъ передъ нимъ и пугаютъ его жадное воображеніе. Вѣдь стоитъ «этимъ олухамъ» одинъ разъ въ жизни—именно этотъ разъ—поступить умно, т. е. заартачиться и наотрѣвъ отказаться отъ

работы, — и пропало около двухъ-сотъ десятинъ ржи, да какой ржи! Такой не найдется въ цѣломъ уѣздѣ.

Въ четыре часа утра Перехватовъ былъ уже на ногахъ, тѣмъ несприятно удивилъ своего вѣрнаго Тимофея, которому искренно хотѣлось спать. Перехватовъ позвалъ его къ себѣ.

— Не приходили? спросилъ онъ Тимофей, которому никакъ не удавалось протереть лѣвый глазъ, вслѣдствіе чего окружающіе предметы, а въ томъ числѣ и самъ баринъ, представлялись ему въ двухъ экземплярѣхъ.

— Кто такіе? спросилъ тотъ чрезвычайно недружелюбнымъ тономъ.

— А эти... Вчерашніе...

— Мужичье-съ?.. сообразилъ Тимофей. — Нѣтъ, не бывали. Черезъ полчаса Перехватовъ опять звалъ Тимофея.

— Нѣтъ еще?..

— Не видно! Можеть позвать прикажете?

— Боже сохрани! И ты у меня никому ни слова! Слышишь?

— Слушаю-съ!

Тимофей дѣйствительно сообразилъ, какъ ему надо держать себя. Перехватовъ частенько поглядывалъ въ окно, въ ту сторону, гдѣ подымалось солнце.

«Охъ, какое прозрачное! Настоящее горнило! Сожжеть!» размышлялъ онъ и начиналъ носиться по комнатамъ съ такою легкостью, точно въ немъ было не восемь пудовъ вѣсу. — «Ну, пусть! Пусть я поплачусь! Но ужъ и вы будете знать меня, молодцы!» мысленно обращался онъ къ своимъ обидчикамъ.

А обидчики въ половинѣ шестого уже наполняли дворъ Перехватова. Они совсѣмъ не были похожи на вчерашнихъ; можно было подумать, что это совсѣмъ другіе. Не осталось и слѣдовъ вчерашняго оживленія. Лица выражали покорность. Даже разговоръ почти не было слышно. Изрѣдка только кто-нибудь подымалъ голову вверхъ, къ солнцу, и односложно замѣчалъ:

— Палить!

На что другіе даже не отвѣчали, точно имъ было рѣшительно все равно—палить, или не палить.

На крыльцѣ показался Тимофей.

— А что?.. Самсонъ Платонычъ спать еще?.. несмѣло спросили мужики.

— Извѣстно, спать! Чего ему спозаранку подыматься-то? Для вашей милости, что-ли? съ неподражаемымъ нахальствомъ отвѣчалъ Тимофей и сейчасъ-же пошелъ докладывать барину.

Перехватовъ вынулъ часы и, глядя на циферблатъ, просидѣлъ въ комнатѣ ровно пять минутъ. Затѣмъ онъ снялъ куртку и надѣлъ халатъ. Это должно было обозначать, что онъ недавно съ постели.

Когда онъ показался на крыльцѣ, мужики дружно сняли шапки и столь-же дружно откашлялись, словно собирались всѣ разомъ заговорить. Перехватовъ былъ медителенъ и величествененъ, какъ вчера. Можно было подумать, что онъ былъ совершенно беззаботенъ насчетъ положенія дѣлъ.

— Что, скажете, мои милые? неизмѣнно спросилъ онъ тѣмъ-же мягкимъ тономъ, какимъ началъ рѣчь свою вчера.

Мужики помолчали, очевидно, въ ожиданіи, что заговорить кто-нибудь одинъ. Но такъ какъ Михайлы не было и ораторъ не выскивался, то заговорили всѣ разомъ. Тутъ слышалось и «ваша милость», и «солнце, вишь, какъ расходилось», и «на двѣри, неначе въ пѣкли печѣ» и Богъ знаетъ, чего только ни слышалось, но понять нельзя было ничего.

Впрочемъ, Перехватовъ понялъ все, что ему было нужно.

— Ничего не пойму! Говори кто-нибудь одинъ!.. остановилъ онъ жуужаніе толпы. Послышался хриплый голосъ болѣзненнаго мужика съ изрытымъ оспой лицомъ, того самого, который вчера предсказывалъ неблагоприятный исходъ дѣла. Оказалось, что онъ краснорѣчивѣе всѣхъ.

— Дозволь, ваша милость, какъ ты вчера приказывалъ, хрипѣлъ онъ изо всей мочи, — посберемъ твою розь, а тамъ, коли твоя милость будетъ, и свою!.. Мы согласны!..

— Какъ такъ? съ изумленіемъ воскликнулъ Перехватовъ, — почему-жь вы денегъ не несете? У васъ вѣдь подные карманы денегъ, какъ-же это вы такъ? Вотъ ужъ не понимаю! Ей-ей, въ толкъ не возьму!..

— Денежки-то? Да вотъ, Господь послалъ наказаніе за грѣхи наши! Вчерась подати отдали, потому — война, сказываютъ, съ нѣмцемъ. Приказъ такой вышелъ!..

— Война? Это новость! Какъ-же это мнѣ никто не ска-

заль?.. Такъ позволить вамъ хлѣбъ снимать? Гмъ... Не знаю, право!..

— Дозволь, ваша милость! Время вонъ какое опасное! Гляди—все прахомъ пойдетъ! И твое, и наше!

Мужики низко кланялись.

Перехватову очень хотѣлось помолаться. Его очень забавляло это затруднительное положеніе смиренныхъ просителей, которые вчера еще являлись къ нему съ грозными требованіями. Но дорогое время шло,—оно стоило деньги.

— Ну, такъ и быть: ступайте! Только смотрите: вы должны мнѣ скосить, собрать и свозить на мѣсто! По условію, потому условіе—законъ. Я сейчасъ пришлю приказчика! Ну, ступайте съ Богомъ! проговорилъ онъ, приподнявъ обѣ руки и чуть не благословляя мужиковъ на доброе дѣло.

— Покорно благодаримъ! въ одинъ голосъ промовали просители и поклонились Перехватову чуть не въ ноги. Они повалили съ помѣщичьяго двора съ такой энергіей, точно каждому изъ нихъ выдали по сотнѣ рублей. Скоро они были уже въ полѣ, и на помѣщичьей землѣ раздавалась музыка звенящихъ косъ. Это была работа, какой еще никогда не видѣли перехватовскія нивы и поля. Мужики высыпали сюда цѣлыми семьями. У кого былъ взрослый сынъ—тотъ тащилъ сына, у кого дочка—тотъ дочку, у кого племянникъ—племянника. Нашлась работа и подросткамъ; бабы въ этотъ день не топили печей и не кормили ребятъ, — онѣ громадили за мужиками, вязали снопы и складывали ихъ въ небольшія копны.

Никогда мужикъ не старался такъ для себя, какъ на этотъ разъ для барина. Въ полдень перехватывали наскоро сваренную жидкую кашу и снова принимались за работу. Отдыха не полагалось. Только подростки, не будучи въ силахъ выносить тридцатиградусной жары, стремглавъ бѣжали въ ближайшую мелководную рѣчку, барахтались тамъ въ грязи и затѣмъ вновь возвращались къ снопамъ. И чѣмъ больше падало солнце, тѣмъ энергичнѣе налегали мужики на косы, тѣмъ старательнѣе громадили и вязали снопы бабы и ребята. Желтая нива, точно золотое море, слегка колыхалась отъ легкаго жгучаго вѣтра. Косари посматривали влѣво, гдѣ, въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ помѣщичьей нивы, желтѣла ихъ колосистая рожь, изъ-за которой они совершали этотъ ненормальный подвигъ на пользу помѣщика.

Она словно дружески кивала имъ своими полными вер-хушками, звала къ себѣ и всякій разъ вливала въ нихъ но-вую енергію. Работали сплошь, кто сколько успеетъ, безъ всякихъ счетовъ, лишь-бы поскорѣе окончить и приняться за свою.

На другой день вечеромъ, когда солнце, въ послѣдній разъ отразившись въ зеркалѣ извилистой погорѣловской рѣчки, спряталось въ зеленой гущинѣ камыша и надъ невящими сельскими избами, вмѣстѣ съ сѣрыми сумерками, пронеслось дуновение вечерней прохлады, когда, точно по слову, вдругъ замолкли неугомонные степные пѣсенники, спрятавшись по своимъ гнѣздамъ, и только горластыя вороны продолжали все-таки свои вечерніе переговоры,—на широкую, огороженную площадь, гдѣ помѣщалось гумно Перехватова, въѣзжали послѣдніе возы ржи.

Пять огромныхъ стоговъ были уже выведены по всѣмъ правиламъ архитектуры. Красивыя верхушки оканчивались правильными шестигульными звѣздами изъ сноповъ. Прибыв-шіе возы дали матеріалъ для двухъ новыхъ огромныхъ сто-говъ, и вотъ—работа окончена, и мужики, поднявъ свои уста-лыя головы, тщательно осматриваютъ свои созданія. Отъ этого занятія ихъ отвлекаетъ торжественное появленіе Перехватова. Окруженный цѣлой свитой своихъ прислужниковъ, онъ вы-ступаетъ съ торжественной улыбкой на устахъ. За нимъ не-сутъ изрядный запасъ водки и ломтей чернаго хлѣба. Му-жики сняли шапки, не давая себѣ отчета: снимаютъ-ли они передъ Перехватовымъ или передъ внушительнымъ бочен-комъ съ водкой, которая, послѣ жестонихъ трудовъ, является самымъ лучшимъ другомъ мужика. Перехватовъ собственноручно подноситъ по большой рюмѣ каждому, мужики крест-ятся, выпиваютъ и кряхтятъ.

— Благодарю, друзья мои! отечески произноситъ Самсонъ Платонычъ.—Искренно благодарю. Вы исполнили свой долгъ добросовѣстно: и я доволенъ, и вы довольны! Завтра вы начне-те убирать свою рожь. Я ничего не имѣю противъ этого.

Что Перехватовъ былъ доволенъ, въ этомъ никто не сомнѣ-вался, но изъ чего онъ заключилъ, что и мужики такъ-же до-вольны—это неизвѣстно.

Когда мужики разошлись, Перехватовъ долго еще ходилъ вокругъ только-что возведенныхъ стоговъ и потиралъ руки отъ

невъяснимаго удовольствія. Все это громадное зданіе, которое въ концѣ концовъ принесеть ему тысячные барыши, онъ возвелъ почти даромъ. И онъ преклонялся предъ собственной ловкостью. Когда онъ вернулся домой, то совершенно неожиданно засталъ у себя дорогого гостя. Мѣстный предводитель дворянства, князь Захудалый, по пути изъ губернскаго города, заѣхалъ къ нему переночевать.

Съ виду князь ни въ какомъ случаѣ не оправдывалъ своего прозванія. Напротивъ, онъ былъ даже слишкомъ тученъ, такъ что когда ему приходилось говорить рѣчь при открытіи дворянскихъ собраній, то, несмотря на то, что рѣчи эти отличались краткостью, князь всегда останавливался на срединѣ и дѣлалъ продолжительный отдыхъ. Князю было лѣтъ за шестьдесятъ. Высокій и тяжеловѣсный, онъ двигался медленно и соображалъ нисколько не быстрее. Жирное, совершенно выбритое лицо его не давало никакого понятія о его душевномъ настроеніи. Оно всегда выражало одно и то-же—именно, что князю тяжело передвигаться съ мѣста на мѣсто и наилучше онъ чувствовалъ себя, когда, окончивъ немногосложные дневные труды, ложился въ постель.

Прежде всего Перехватовъ повлекъ гостя полюбоваться только что воздвигнутымъ зданіемъ, причемъ предупредилъ, что расскажетъ ему «препотѣшную исторію». Въ тотъ самый моментъ, когда князь поднялъ голову, искренно любуясь красивыми верхушками стоговъ, лицо его вдругъ покрылось фіолетовой краской и глаза широко раскрылись. Перехватовъ отступилъ назадъ. Въ это время онъ рассказывалъ самый интересный эпизодъ «препотѣшной исторіи», именно—въ самыхъ поэтическихъ образахъ (онъ оказывался поэтомъ, когда предвидѣлъ хорошіе барыши) представлялъ, какъ сотскіе собирали подати на войну и какъ затѣмъ мужики пришли къ нему съ повинной головой.

— Ну, знаешь... это.. немножко смѣлая шутка! произнесъ князь, видимо встревоженный, но тѣмъ не менѣе стараясь выразиться какъ можно мягче, чтобы не обезпокоить друга.

— Пустое!.. Увѣряю тебя, что отъ этого никто не пострадалъ! успокоилъ его Перехватовъ. — Если-бы ты зналъ, какъ скоро все это сдѣлалось! Завтра они уберутъ свой хлѣбъ, и повѣрь—когда придетъ время уплачивать подати, они будутъ очень довольны, что уплатили раньше!

Выходило, что Перехватозъ облагодѣтельствовалъ мужиковъ.

— Да!.. Но...

Князь больше ничего не нашелся сказать. Въ кабинетѣ Перехватова онъ написалъ записку и велѣлъ немедленно отнести ее писарю. Хотя князь казался веселымъ и старался поддерживать дружескій разговоръ, но Перехватовъ замѣтилъ, что онъ былъ сильно разстроенъ.

— Это, братъ... этого, братъ... не слѣдовало дѣлать!.. н-не слѣдовало! повременамъ заявлялъ онъ безъ всякаго отношенія къ дѣлу.

— Что-жь тутъ такого? Господи,--Боже мой! невиннѣйшимъ образомъ возражалъ Самсонъ Платоновичъ. — Что они понимаютъ? Вѣдь они ничего не понимаютъ.

— Такъ-то такъ!.. Но, знаешь... Не слѣдовало!.. красно-рѣчиво настаивалъ предводитель.

Самсонъ Платоновичъ самъ прекрасно зналъ, что это дѣло вовсе не такое простое, чтобы можно было шутить, но, во-первыхъ, онъ очень рассчитывалъ на могущество своего друга, а во-вторыхъ, не хотѣлъ портить дружеской бесѣды тревожными соображеніями, поэтому старался говорить какъ можно мягче.

Когда Федотъ Федотовичъ трепетной рукою развернулъ записку и увидѣлъ тамъ подпись предводителя, то никакъ не могъ рѣшить, слѣдуетъ-ли ему радоваться или перетрусить. Когда-же онъ быстро пробѣжалъ пять священныхъ строчекъ собственноручно написанныхъ предводителемъ, то окончательно остолбенѣлъ. Тамъ значилось:

«Въ виду могущихъ возникнуть недоразумѣній, вамъ не слѣдуетъ оставаться здѣсь. Немедленно отправляйтесь ко мнѣ въ усадьбу. Предупредите старшину.

Князь Захудалый».

Охъ ты Господи! Куда-то еще судьба занесетъ! тяжело вздохнулъ Федотъ Федотовичъ Бѣднягинъ, бросивъ жалостный взглядъ на своихъ ребятишекъ, которые заставили его впутаться въ это дѣло и покривить душой.

IV,

На другой день раннимъ утромъ, едва только показалась на востокъ блѣдно-розовая полоса—первая предвѣстница зари,

когда погорѣловскіе хозяева, чуть только стали протирать заспанные глаза,—по большой дорогѣ въ село въѣхала мужицкая повозка, запряженная угрюмой лошадежкой, которая усиленно и громко дышала, повидимому—послѣ долгой, непрерывной бѣготни. На повозкѣ сидѣлъ мужицъ съ русой бородежкой, торчавшей налѣво, вѣроятно отъ привычки подпирать подбородокъ лѣвой рукой. Онъ казался утомленнымъ, но въ то-же время на лицѣ его можно было замѣтить сильное возбужденіе. Когда онъ проѣзжалъ мимо двора Семена Зозули, его окрикнули.

— Чи це ты, Михайло? Гей-гей! Подожди! Куда розгнався?! Здоровь! Де це ты пропадавъ?

Повозка остановилась. Мужикъ поднялъ голову, и для Зозули уже не было никакого сомнѣнія въ томъ, что это Михайло Кузьмичъ.

— Здоровь! отвѣчалъ Михайло, — а у васъ что тутъ дѣлается?

— Та що-жь у насъ робыця? Такъ соби, ничего! Учора съ паномъ покинчали! почти равнодушно отвѣчалъ Зозуля; онъ былъ одинъ изъ перехватовскихъ «бунтовщиковъ».

— Покинчали? Дурни-же вы дурни! промолвилъ Михайло, подражая малороссійскому говору Зозули.—Такъ-то съ нашего брата-мужика всякій по шкурѣ дереть! Да и мудреное-ли дѣло, коли сами въ руки лѣзуть!

— А що-жь зробішь зъ нимъ, коли винъ сыла? Та вже якъ дило сдѣлано, то ничего размовлять! Легше не буде!

— Ну, нѣтъ, братецъ ты мой, мы еще поразмовляемъ! Я вѣдь вѣстей привезъ вамъ! Не даромъ объѣздивъ пять волостей! А пускай-на земляки раненько соберутся къ волости—потоловать! Что я имъ расскажу—такъ будутъ довольны! Ты скажи сосѣдямъ, Зозуля!

— Добре! отвѣтилъ Зозуля, и Михайло стегнулъ свою лошадежку, да такъ стегнулъ, что та понеслась во всю прыть. Ему страшно не понравилась новость, сообщенная Зозулей. Не думалъ онъ, что земляки такъ скоро перерѣшатъ и покончатъ съ дѣломъ. Станный это былъ мужицъ — Михайло. Въ обыкновенныхъ случаяхъ трудно было найти мужика веселѣе. Онъ казался вѣчно довольнымъ своей судьбой. Въ сосѣдскихъ дѣлахъ—это былъ мужицъ уступчивый, мирный, не задорный. Это былъ общій другъ, веселый собесѣдникъ, съ которымъ

врядъ-ли кто изъ земляковъ когда-нибудь ссорился. Но чуть кому-либо приходило въ голову нанести малѣйшую обиду его землякамъ или цѣлому селу, какъ Михайло дѣлался другимъ человѣкомъ. Въ то время, какъ другіе, подъ часъ сознавая свое безсміе, терпѣливо сносили обиду, Михайло выходилъ изъ себя, желчно кричалъ и бранился и, часто оставаясь въ меньшинствѣ одного противъ всѣхъ, непремѣнно доводилъ свое дѣло до конца. Онъ выжидалъ удобнаго случая и мстил обидчику иногда самымъ грубымъ образомъ, обзывая его все-народно «душегубомъ» или другимъ подходящимъ именемъ. Въ этомъ человѣкѣ жило какое-то тайное, несознаваемое чувство общественности. Не прошло и двадцати минутъ, какъ Михайло уже ходилъ по избамъ, сзывая мужиковъ на сходъ.

— Чтобъ безпремѣнно всѣ пришли! кричалъ онъ чуть не на все село,—потому дѣло такое, какому и примѣра не было!..

И на сходъ явились дѣйствительно почти всѣ. Даже наибогѣе любопытныя изъ бабъ пришли, но, разумѣется, остались въ качествѣ публики, безъ права голоса и въ приличномъ отдаленіи отъ мужиковъ.

— Ну, сказывай, Михалка, зачѣмъ собралъ?! обращались мужики къ Михайлу.

— Да ты прежде глаза-то протри! сердито отвѣчалъ Михайло пристававшимъ. — Куда послѣдшаешь? Всѣмъ за-разъ скажу! Всякому рассказывать, такъ это, братъ, глотки не хватитъ.

Наконецъ Михайло нашель, что пора уже открыть засѣданіе.

— Сказывали вы, земляки, третьеводни, что Михалка сбѣсился, а Михалка не токмо-что не сбѣсился, а и дѣловъ надѣлалъ! началъ онъ съ замѣтнымъ оттѣнкомъ желчи. — Какъ услыхалъ это я отъ бабы Перепички, что эта глухая баба по селу разносила на счетъ войны и податей, да какъ этому вышло подтвержденіе отъ писаря, такъ сейчасъ это я свою клячу въ телѣжку и маршъ въ Калайдановскую волость. Приѣзжаю я туда, прямо къ старостѣ—староста тамъ Мѣняйло, мужикъ важный, съ разсудкомъ, не то, что нашъ Данилка, котораго всякая баба переспорить—приѣзжаю я къ нему и прямо спрашиваю: правда-ли, говорю, что будто война съ нѣмцемъ и подати съ мужиковъ велѣно спрашивать? А онъ на меня глаза вытаращилъ: ты, говорить, не спятилъ-ли? Ни объ какой-такой, говорить, войнѣ свѣдѣнъевъ не имѣемъ, а на счетъ

подаей, говорить, такъ ежели-бы и дѣйствительно война, говорить, была, такъ подати въ этокое горячее время никто не можетъ собирать, потому такого закона никогда не бывало. На это, говорить, въ казнѣ другія деньги есть, понимаешь?— А у насъ, говорю, собираютъ. Такъ ты, говорить, плюнь имъ въ глаза! Такъ вотъ и сказалъ. Ну, я думаю, можетъ ему неизвѣстно, можетъ до ихней волости не дошло еще, ѣду дальше— въ Ворожиловку, —тамъ меня за дурака поняли. И сколько я тамъ смѣху принялъ, братцы вы мои, такъ это и рассказывать зазорно. Ты, говорятъ, должно изъ желтаго дома сбѣжалъ! Люди, говорятъ, въ поле спѣшать, а онъ объ нѣмцѣ толкуетъ! Ну, думаю, куда ни шло, заверну въ Мурьино, а въ Мурьинѣ тоже; а тамъ по дорогѣ заѣхалъ я еще въ Дарьевскую волость, тамъ у меня писарь знакомый, такъ тоже говорить, ничего такого не слышно и это, говорить, вашему писарю и старостѣ либо приснилось, либо они оба дурману объѣлись. Ужъ тутъ я и руками развелъ! Вижу—дѣло мошенническое и больше ничего! Вижу—объѣзжаютъ нашего брата! Спѣшу это я домой, а земляки ужъ и помѣщику отслужили!.. Поспѣшили!.. Такъ вотъ оно какое дѣло выходитъ!.. И выходитъ это, братцы мои, что нашего брата то-есть такъ обдурачили, что лучше и ненадо!.. Такъ-то!..

Михайло кончилъ свою рѣчь съ такимъ отчаяніемъ въ голосъ и такъ энергично махнулъ своей поярковой шляпой, что одушевлявшее его чувство мигомъ охватило мужиковъ. Толпа заволновалась.

— Такъ вотъ какое дѣло выходитъ! загалдѣли мужики, — ужъ это, можно сказать, и не по христіански!..

— Старосту! крикнули нѣсколько голосовъ разомъ.

— Что староста!? молвилъ Михайло, —староста вашъ — развѣ-дуракомъ! Староста вашъ понимаетъ не больше моей лошади!.. Не староста тутъ виною!..

— А кто?

— А есть такіе! Починце старосты будутъ!.. Смотри дальше!

Однако сходили за старостой и привели его.

— А сказывай намъ, Данилъ Федосѣичъ, какая-такая царская грамота насчетъ войны съ нѣмцемъ, да насчетъ подаей? пристали къ старостѣ. Данила Федосѣичъ имѣлъ сонный видъ. Ему не дали хорошенько выспаться.

— Грамота?.. Да я, братцы, ничего не вѣдаю! Я вѣдь не

ученый какойнибудь, чего пристали? Писарь сказалъ: грамота, говорить... За печатью... Ну я и говорю: грамота! Подати, говорить, велѣно собирать. Ну я и говорю: собирай подати!..

— Такъ какой-же ты староста послѣ этого?

— А ты хйба не знаешь, якій? Винъ, бачешь, выпить—староста! Ось воно що! съострилъ малороссъ, и публика разсмѣялась. Староста воспользовался первымъ случаемъ, чтобъ удалиться съ позоромъ. Эта шутка для него была въ особенности обидна, потому что онъ не прочь былъ выпить.

— Подавай теперь, братцы, писаря! раздались голоса.

— А писарь, звісно, на старосту звалить! замѣтилъ все тотъ-же малороссъ.

Но съ писаремъ дѣло обошлось иначе. Его вовсе не оказалось дома. Супруга его объяснила, что онъ уѣхалъ еще вчера вечеромъ и неизвѣстно когда вернется.

— Молодцы! что было мочи, съ отчаяніемъ крикнулъ Михайло,—по крайности не дураки; не то что нашъ братъ!.. А я вамъ скажу, братцы мои, что ни староста тутъ, ни писарь, а, коли хотите знать, самый этотъ баринъ Перехватовъ всѣмъ дѣломъ орудуеть! Вотъ оно что! Третьеводни мы ему принесли деньги, ему невыгодно было, вотъ онъ и подстроилъ штуку и придумалъ, будто война. Денежки-то у васъ отобрали, вотъ вы и пошли къ нему Христомъ Богомъ просить!.. А теперь, гляди, приказъ выйдетъ,—деньги назадъ отдать: ошибка, моль, случилась... Понимаешь?..

Мужиковъ точно осѣнило свыше. Имъ пришлось только дивиться, какъ это соображеніе раньше не пришло имъ въ голову. Гдѣ-жь таки видано, чтобъ подати собирали лѣтомъ? А еще лучше: гдѣ видано, чтобъ у неимущихъ не продавали скотины и всякаго скарба?

— Онъ самый и есть!.. Вотъ такъ обопель!..

— Та винъ же и е! Кому-жь бильше? Та вжемъ недаромъ кажутъ люде, що винъ попивскаго роду! замѣтилъ малороссъ, намекая на консисторское прошлое Перехватова.

— Что-жь теперь дѣлать?

— А ужъ я не знаю! махнулъ рукой Михайло. — Я свое дѣло сдѣлалъ! Разказалъ вамъ все какъ есть! А вы дѣлайте какъ знаете! А только я... я ему этого такъ не спущу!..

Тонъ, которымъ произнесъ Михайло послѣднія слова, испу-

галъ мужиковъ. «Какъ-бы онъ не натворилъ чего! Вѣдь вотъ, какъ найдеть на человѣка, — бѣшеный, да и только!» говорили мужики.

— Чего бѣшеный! Онъ за правду! Или, думаешь, нѣтъ? вступился тщедушный мужикъ съ хриплымъ голосомъ.

Разошлись мужики, ни на чемъ не порѣшивъ. Когда кто-нибудь изъ нихъ въ этотъ день встрѣчалъ Михайлу, то невольно краснѣлъ и опу́скалъ глаза внизъ, подъ вліяніемъ его злого, пронизывающаго взгляда. Михайло въ этотъ день не работалъ въ полѣ.

Было часовъ за двѣнадцать ночи. Погорѣловка спала глубокимъ сномъ. Усталыя головы не видѣли никакихъ сновъ, ни сладкихъ, ни тревожныхъ; это былъ тотъ часъ, когда погорѣловцы, что называется, разоспались, — самый неприятный часъ для пробужденія. Надъ селомъ царила глубокая тишина: даже зычный лай чуткихъ деревенскихъ собакъ затихъ, и только изрѣдка изъ ближняго лѣса долеталъ жалобный, протяжный стонъ проснувшейся птицы или легкой порывистой шумъ ночного вѣтра, случайно запутавшагося среди лѣсной гущины. И никто изъ обывателей не наблюдалъ, какъ далекое темное небо озарялось яркимъ заревомъ, какъ звѣзды на немъ блѣднѣли и потухали и какъ мало-по-малу вся Погорѣловка окуталась блестящимъ краснымъ свѣтомъ и стала походить на сказочный волшебный городокъ, окруженный таинственнымъ сіяніемъ. Бабы, спавшія на соломѣ, первыя замѣтили это странное явленіе. Испуганныя, онѣ выбѣжали на улицу и, точно угорѣлыя, не знали, куда бѣжать и что предпринять. Онѣ еще не понимали въ чемъ дѣло. Двое отъ страха безъ памяти бѣжали къ рѣчкѣ, повидимому, съ явнымъ намѣреніемъ утопиться, но, добѣжавъ до мѣста назначенія, приходили въ память и вновь возвращались къ жизни. Болѣе сообразительные скоро поняли въ чемъ дѣло и подняли страшный крикъ.

— Охъ, батюшки! Ой свѣты небесные! Пожаръ!

Вся деревня ринулась къ тому мѣсту, гдѣ стояло гумно Перехватова. Пыдали вчера только на славу выведенные стоги ржи, и ихъ шестиугольныя верхушки, которыми вчера любовался Перехватовъ, казались теперь настоящими сіяющими звѣздами. Воздухъ былъ насыщенъ ѣдкимъ запахомъ дыма. Перехватовъ

былъ уже здѣсь. Онъ, какъ безумный, бѣгалъ вокругъ пылавшихъ стоговъ, бессмысленно размахивая руками и крича во все горло охрипшимъ голосомъ.

— Воды! Бочекъ! Спасайте сѣно! Сѣно мнѣ спасайте! Рожь уже пропала! Сѣно, сѣно!.. Поливайте водой! Живо!

Да, сѣно было для него поважнѣй ржи. На недалекомъ разстояннн отъ пылавшихъ стоговъ стояли три огромныя, безконечныя скирды самаго лучшаго сѣна. Перехватовъ рассчитывалъ продать его съ громаднымъ барышемъ. Стоило перелетѣть туда одной искрѣ—и все пойдетъ прахомъ.

— Что-жь вы стоите? Олухи! Чего-же вы смотрите, разинувъ рты? Берите ведра! Ну, живѣй!—Да что-же вы? О, Господи! Братцы, голубчики! Да помогите-же! Имѣйте жалость. Да неужто-же въ васъ души христіанской нѣтъ?.. уже молилъ Перехватовъ.

— А въ тебѣ она есть? глухо пронеслось гдѣ-то въ глубинѣ толпы. То былъ голосъ Михайлы. Мужики оглянулись и, увидѣвъ его, поняли въ чемъ дѣло. Онъ былъ безъ шляпы, босой, кудлатый и вообще имѣлъ какой-то дикій видъ. Казалось, онъ съ невыразимымъ наслажденіемъ пожиралъ глазами это страшное море пламени.

— Да помогите-же! Помогите! отчаянно молилъ Перехватовъ. Но мужики направились къ сосѣднему гумну, принадлежащему старой помѣщицѣ средней руки, слышшей у крестьянъ подъ именемъ «доброй старушки». Тамъ появилась вода, тамъ скирды усердно поливались на всякій случай. Для Перехватова это было самымъ жестокимъ укоромъ.

— Такъ что-же это вы, разбойники, прохвосты, душегубцы? Это вы меня погубить вздумали!.. Такъ я же васъ, я васъ! Я васъ въ Сибирь укачу! На ка-то-ргу! Это звѣрство! Вы не христіане, вы живорѣзы!

Перехватовъ имѣлъ ужасный видъ. Лицо его было полно дикаго бѣшенства, налившіеся кровью глаза, казалось, готовы были выскочить изъ орбитъ. Онъ не зналъ за что, ухватиться. Трое рабочихъ изъ его домашней свиты лѣниво возились съ бочками. Имъ, повидимому, было все равно--сгорить или не сгорить. Больше рабочихъ онъ не держалъ, потому что предпочиталъ дешевый «случайный» трудъ. Онъ носился съ ведромъ, иногда зачерпалъ въ него воды и съ ожесточеніемъ выливалъ на скирду сѣна, точно эти ничтожныя капли могли оказать существенную помощь.

А между тѣмъ, точно на зло Перехватову, подоспѣлъ утренній вѣтеръ. Искры полетѣли въ ту сторону, гдѣ, озаряемы яркимъ пламенемъ, красовались роскошныя скирды сѣна. Перехватовъ бѣгалъ около нихъ съ своимъ ведромъ. Но это не помогло. Одно мгновеніе — и скирды сдѣлались добычей пламени. Перехватовъ изнеможенный опустился на траву. Онъ скрежеталъ зубами отъ злости.

Но вотъ пламя опустилось, вотъ надъ гумномъ носится только густой дымъ, подымающійся изъ тлѣющихъ остатковъ соломы и сѣна, а вотъ, наконецъ, остался одинъ только горячій пепелъ. Сгорѣло все, что было на гумнѣ Перехватова. Убытки были громадны, и громадна была скорбь Самсона Платоновича.

Мужики разошлись по домамъ въ какомъ-то непривычномъ настроеніи. Многіе чувствовали угрызенія совѣсти, но вмѣстѣ съ тѣмъ какъ-бы насильно врывалось въ грудь чувство удовлетворенія. Никто не брался обсуждать только что совершившійся фактъ, долго еще самимъ мужичкамъ казавшійся страннымъ. Разговаривали больше о частностяхъ, о различныхъ эпизодахъ на пожарѣ, и разговаривали какъ-то неохотно. Общій голосъ былъ таковъ, что Перехватова Богъ наказалъ.

— Богъ, конечно!.. вставилъ неосторожно слово какой-то парень, — а дядя-то Михайло какой чудной былъ...

— Чего чудной? Какой былъ, такой былъ! А ты знай — помалчивай!.. осадилъ его старшіе, и парень прикусилъ языкъ.

Скоро началось слѣдствіе и тянулось очень долго. Михалку «таскали по судамъ»; противъ него было много уликъ, и его дѣло казалось погибшимъ. Но вдругъ все это какъ-то оборвалось и его неожиданно-негаданно выпустили на волю. Рассказывали, что онъ очень кстати обмолвился насчетъ войны съ нѣмцемъ, причемъ упомянулъ о предводителѣ и еще кое о чемъ. Это ему и помогло.

И. Потапенко.

СѢВЕРНАЯ МЕЛОДІЯ.

Грозно чернѣетъ пустыня лапландская,
Въ бухту вторгается зыбь океанская,
 Пѣною брызжетъ волна;
Судно, скрипя, безпокойно колышется,
Грохотъ прибоя у берега слышится,
 Сѣрая мгла холодна...

—
Тихо я вышелъ на мокрую палубу,
Слушаю чайки тоскливую жалобу:
 Странный, пронзительный крикъ!
Онъ въ мои уши насильно врывается,
Дрожью по жиламъ моимъ пробирается,
 Онъ въ мое сердце проникъ...

—
Грустно! мнѣ чудятся вопли страданія,
Въ голосъ вѣтра я слышу рыданія...
 Или погибнетъ мой чолнъ —
Здѣсь, гдѣ я вижу лишь скалы бесплодна,
Небо свинцовое, тучи холодныя
 И колыханіе волнъ?...

1872 г.

Д. Михаловскій.

„AU BONHEUR DES DAMES“.

Романъ Э. Золя.

(Окончаніе).

XIII.

Въ одно ноябрьское утро, когда Дениза отдавала распоряженія по своему отдѣлу, пришла горничная отъ Бодю и сообщила ей, что Женевьева очень дурно провела ночь и просить ее придти немедленно.

Послѣднимъ ударомъ, въ конецъ сразившимъ Женевьеву, было внезапное исчезновеніе Коломбана. Поощряемый Кларой, онъ пересталъ ночевать дома; онъ привязался къ ней со всей страстью цѣломудреннаго и робкаго юноши, сдѣлался ея вѣрнымъ псомъ, слѣдовалъ за нею повсюду и въ одинъ понедѣльникъ совсѣмъ не явился въ лавку, написавъ Бодю письмо въ такомъ тонѣ, изъ котораго можно было заключить, что онъ собирается лишить себя жизни. Быть можетъ, кромя безумнаго увлеченія Кларой, имъ руководилъ въ этомъ дѣлѣ отчасти и расчетъ: торговля дѣла Бодю шли все хуже и хуже, бракъ съ Женевьевой не представлялъ интереса даже съ денежной стороны и отдѣлаться отъ него было во всѣхъ отношеніяхъ выгодно.

Въ «Старомъ Эльбефѣ» Дениза застала одну мадамъ Бодю, неподвижно сидѣвшую у кассы, среди царившей въ лавкѣ гробовой тишины и унынія. Съ мрачнаго потолка вѣяло холодомъ; покупатели не заглядывали по цѣлымъ днямъ, и лежавшій безъ употребленія товаръ покрылся плесенью.

— Что случилось? быстро спросила Дениза; — Женевьевѣ хуже?

Мадамъ Бодю не сразу отвѣтила. Глаза ея наполнились слезами; только минуту спустя она проговорила:

— Я не знаю, мнѣ ничего не говорить... Ахъ! все, все теперь кончено!

Она съ отчаяніемъ обвела глазами пустую лавку. Полученные отъ продажи дома въ Рамбулье шестьдесятъ тысячъ франковъ были въ два года истрачены на несчастную конкуренцію съ «Bonheur des Dames». Несмотря на всевозможныя усилія и жертвы, «Старый Эльбефъ» былъ побѣжденъ; долги росли, такъ что пришлось прибѣгнуть къ послѣднему средству—заложить лавку. Полное раззореніе было на носу.

— Мужъ наверху, продолжала мадамъ Бодю разбитымъ голосомъ;—мы чередуемся черезъ каждые два часа; нужно-же кому-нибудь сидѣть въ лавкѣ, хоть на всякій случай, такъ какъ въ сущности...

Она безнадежно махнула рукой. Давно слѣдовало-бы заколотить ставни, но коммерческое самолюбіе удерживало ихъ отъ этого.

— Ну, такъ я иду къ ней, тетя, съ стѣсненнымъ сердцемъ сказала Дениза.

— Да, иди скорѣе, моя милая... Она тебя ждетъ, она звала тебя всю ночь. Ей хочется тебѣ что-то передать.

Въ эту минуту по лѣстницѣ тихо сошелъ Бодю. Отъ постоянного разлива желчи, лицо его позеленѣло, глаза налились кровью.

— Она спитъ, ты обожди, прошепталъ онъ, въ изнеможеніи опускаясь на стулъ и вытирая потный лобъ;—когда она засыпаетъ,—намъ кажется, что ей лучше.

Наступило продолжительное молчаніе. Отецъ и мать пристально смотрѣли другъ на друга. Затѣмъ, не обращаясь ни къ кому, Бодю въ полголоса затянулъ жалобы на Коломбана.

— Никогда-бы я этому не повѣрилъ! Онъ, казалось, составлялъ исключеніе; я воспиталъ его какъ сына. Если-бы мнѣ кто-нибудь сказалъ: «берегитесь, они сманятъ и его, онъ тоже свихнется»,—я бы отвѣтилъ, что тогда усомнюсь въ существованіи Провидѣнія! И вотъ, онъ свихнулся!.. Несчастный! Онъ одинъ былъ на истинномъ пути, одинъ раздѣлялъ мои взгляды! И какъ подумаешь, изъ-за кого! Изъ-за какой-то куклы, парадирующей въ окнахъ этого грязнаго базара!.. Нѣтъ, воля ваша, а я здѣсь ничего не понимаю!

Онъ качалъ головой, устремивъ задумчивый взоръ на кирпичный полъ, истоптанный многими поколѣніями клиентовъ.

— А знаете-ли, продолжалъ онъ, понизивъ голосъ: — бываютъ минуты, когда я считаю себя главнымъ виновникомъ нашихъ бѣдствій. Да, это я виновать въ томъ, что дочь моя лежитъ тамъ въ лихорадкѣ. Мнѣ давно слѣдовало-бы повѣнчать ихъ, не ожидая изъ-за глупаго самолюбія пока дѣла пойдутъ лучше. Дочь моя была-бы теперь счастлива и, можетъ быть, ихъ молодость и любовь помогли-бы имъ совершить то чудо, котораго я не въ силахъ былъ сдѣлать... Но я — старый дуракъ — ничего не понималъ; мнѣ и въ голову не приходило, чтобы изъ-за такихъ вещей можно было заболѣть... Право-же, это былъ рѣдкій малый, настоящая находка для торговли: честный, скромный, любившій трудъ и порядокъ, преданный...

Разстроенная убитымъ видомъ почти плачущаго старика, Дениза не могла больше слушать этихъ горькихъ самобичеваній.

— Не оправдывайте его, дядя, заговорила она въ волненіи; — онъ никогда не любилъ Женевьеву и убѣждалъ-бы еще раньше, если-бы вы захотѣли ускорить свадьбу. Я говорила съ нимъ; онъ отлично зналъ, что заставляетъ страдать несчастную кузину, однако это не помѣшало ему бросить ее и скрыться... Вотъ, спросите тетю.

Не произнося ни слова, мадамъ Бодю утвердительно кинула головой. Старикъ страшно поблѣднѣлъ и, сдерживая рыданія, проговорилъ:

— Это ужь, вѣрно, у нихъ въ крови; отецъ его, ветеринаръ, недавно умеръ изъ-за женщины!

Глаза его машинально блуждали по опустѣвшей лавкѣ и снова остановились на женѣ, неподвижно сидѣвшей у кассы въ тщетномъ ожиданіи покупателей.

— Значить, все кончено, проговорилъ онъ въ отчаяніи; — они убили нашу торговлю, а одна изъ ихъ потаскухъ убила мою дочь.

Никто не произнесъ больше ни слова. Грохотъ проѣзжавшихъ экипажей, точно похоронный бой барабана, нарушалъ могильную тишину умирающей лавки. Вдругъ въ потолокъ раздался глухой, продолжительный стукъ. Это стучала палкой проснувшаяся Женевьева.

— Пойдемъ скорѣе, сказалъ Бодю, вскочивъ со стула; — постарайся быть веселой, — не зачѣмъ ее разстраивать.

Поднимаясь по лѣстницѣ, онъ тщательно вытиралъ запла-

канные глаза. Какъ только они растворили дверь, изъ комнаты послышался слабый, жалобный крикъ:

— Я не хочу оставаться одна!.. Не оставляй меня... Я боюсь одна!

Увидавъ Денизу, Женевьева успокоилась, и на ея блѣдныхъ губахъ появилась улыбка.

— Наконецъ-то вы пришли!.. Я васъ жду со вчерашняго вечера. Мнѣ казалось, что и вы меня покинули!

Маленькая, полутемная комната, гдѣ лежала больная, выходила окномъ во дворъ. Сначала старики положили ее въ своей спальнѣ; но видъ «Bonheur des Dames» до такой степени волновалъ дѣвушку, что ее пришлось снова перенести въ ея комнату. Женевьеву нельзя было узнать: глаза горѣли лихорадочнымъ огнемъ, искудальныя руки безцѣнно двигались по одеялу; но ея роскошные черные волосы стали еще гуще и, казалось, витали въ себя всю жизнь этого изможденнаго тѣла.

Нѣсколько секундъ Дениза смотрѣла на нее молча, боясь, что расплачется отъ жалости.

— Я пришла тотчасъ, какъ мнѣ сказали, заговорила она, наконецъ. — Нужно вамъ что-нибудь? Хотите, чтобы я осталась здѣсь?

Порывисто дыша, Женевьева не сводила съ нея глазъ.

— Нѣтъ, благодарю, мнѣ ничего не надо... Мнѣ просто захотѣлось поцѣловать васъ.

На ея рѣбеницахъ выступили слезы. Дениза быстро наклонилась и поцѣловала ея горѣвшія, какъ въ огнѣ, ввалившіяся щеки. Больная обняла ее и долго сжимала въ своихъ объятіяхъ, искоса поглядывая на готоваго разрыдаться Бодю.

— Хотите, чтобы я осталась? повторила Дениза; — можетъ-быть я вамъ нужна...

— Нѣтъ, нѣтъ, мнѣ ничего не нужно, отвѣчала больная, упорно глядя на отца.

Онъ, наконецъ, понялъ и, не сказавъ ни слова, вышелъ изъ комнаты.

— Скажите правду: онъ у этой женщины? спросила она, усаживая Денизу возлѣ себя на кровати; — я хотѣла васъ видѣть, потому что вы одна можете сказать мнѣ правду... Вѣдь они живутъ вмѣстѣ?

Захваченная въ расплохъ этимъ вопросомъ, Дениза раз-

сказала все, что ей было известно по слухамъ; Кларъ уже надѣла эта связь, и она прогнала Коломбана, который темерь, какъ вѣрная собака, бѣгаетъ по ея пятамъ, вымаливая отъ времени до времени свиданія. Увѣрили, что онъ поступаетъ прикащикомъ въ Лувръ.

— Если вы его такъ любите, онъ можетъ еще вернуться къ вамъ, сказала Дениза, желая утѣшить умирающую. — Выздоровливайте, онъ раскается въ своей винѣ и женится на васъ.

Женевьева слушала съ напряженнымъ вниманіемъ, приподнявъ нѣсколько голову; но тутъ она прервала кувшину и снова опустилась на подушку.

— Нѣтъ, оставьте это; я знаю, что все кончено... Я молчу, потому что боюсь разстроить отца и мать, но вѣдь я увѣрена, что умру, и если я такъ настойчиво звала васъ въ эту ночь, то изъ боязни, что не доживу до утра... Боже мой! Когда вспомнишь, что онъ все-таки несчастливъ!..

Дениза снова пыталась утѣшить ее, увѣряя, что она выздоровѣетъ и все уладится; тогда Женевьева вдругъ откинула одѣяло, обнаживъ свою исхудалую, высохшую грудь, и воскликнула:

— Взгляните на меня!.. Я уже теперь не женщина, у меня не можетъ быть желаній...

Онѣ обѣ смолкли и долго смотрѣли другъ на друга. Первая заговорила Женевьева.

— Ну, теперь вы идите, у васъ есть дѣло. Спасибо; мнѣ такъ хотѣлось васъ видѣть, — теперь я довольна. Если вы встрѣтите его, скажите, что я ему простила. Прощайте, моя хорошая Дениза. Поцѣлуйте меня... это въ послѣдній разъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, говорила, цѣлуя ее, Дениза; — не впадайте въ отчаяніе. Вамъ нужно лечиться, и вы поправитесь.

Но больная недовѣрчиво повачала головой.

— Пойдите, сказала она, когда Дениза направилась къ двери; — постучите этой палкой, я боюсь оставаться одна.

Затѣмъ, когда Бодю вошелъ въ комнату, она весело крикнула Денизѣ:

— Не приходите завтра, незачѣмъ. Но въ воскресенье я васъ буду ждать, вы пробудете у меня весь день.

На другой день, къ шести часамъ утра, Женевьева умерла послѣ шестичасовой мучительной агоніи. Погребеніе происхо-

дло въ субботу. День былъ пасмурный, в черныя дождёвыя тучи угрюмо нависли надъ городомъ. Обтянутый бѣлымъ саваномъ, «Старый Эльбефъ» казался огромнымъ свѣженнымъ пятномъ на грязномъ фонѣ улицы этого стараго, пропитаннаго подвальной сыростью, квартала. Подъ навѣсомъ, у темнаго входа, при тускломъ освѣщеніи восковыхъ свѣчей, стоялъ узенькій бѣлый гробъ, усыпанный вѣнками и букетами бѣлыхъ розъ.

Въ девять часовъ утра пришла Дениза, чтобы ухаживать за телькой; но та упростила ее слѣдовать за гробомъ и присматривать за Бодю, нѣмое отчаяніе котораго возбуждало опасенія. Когда дѣвушка сошла внизъ, улица была уже полна народомъ. Представители мелкой торговли квартала пожелали своимъ присутствіемъ на похоронахъ выразить сочувствіе семейству Бодю, а вмѣстѣ съ тѣмъ и протестъ противъ «Bonheur des Dames», который считался виновникомъ смерти Женевиэвы. Здѣсь были всѣ жертвы этого ненасытнаго чудовища: Бидоръ съ сестрой — чулочныя торговцы изъ улицы Гайонъ; мѣховщики — братья Ванпуль; торговецъ игрушками Делиньеръ, мебельщики Пю и Ривуаръ. Даже давно обанкротившіеся — продавщица бѣлая мадамозель Татенъ и перчаточникъ Кинеть сочли своимъ долгомъ пріѣхать изъ Батиньоля, гдѣ они служили прикащиками. Въ ожиданіи погребальной колесницы, весь этотъ людъ, одѣтый въ черное, мѣсилъ на улицѣ грязь и шептался, злобно поглядывая на «Bonheur des Dames», который, казалось имъ, своей разукрашенной и веселой праздничной наружностью оскорблялъ траурное настроеніе «Стараго Эльбефа». Изъ-за сверкающихъ разноцвѣтными тканями витринъ выглядывало нѣсколько любопытныхъ прикащиковъ, но волосъ гранилъ невозмутимое равнодушіе пущенной на вѣхъ паракъ машины, которой нѣтъ дѣла до раздавленныхъ ею на пути людей.

Дениза искала глазами Жана и, увидѣвъ его вовлѣ лавки Бурра, велѣла не отходить отъ дяди и поддерживать его, если понадобится. Въ своемъ черномъ рединготѣ, Жанъ смотрѣлъ теперь вполне взрослымъ мужчиной и ремесломъ рѣзчика зарабатывалъ около двадцати франковъ въ сутки. Онъ былъ до такой степени сумраченъ и озабоченъ, что изумилъ Денизу, которая не подозрѣвала въ немъ такой сильной привязанности къ семейству дяди. Чтобы не разстраивать безъ надобности Пепу, она оставила его у мадамъ Гра.

Погребальная колесница, между тѣмъ, все не прѣзжала. Дениза въ нетерпѣніи ходила взадъ и впередъ, уныло поглядывая на тускло горѣвшія вокругъ гроба свѣчи, какъ вдругъ услышала за спиной знакомый голосъ Бурра, обратившагося къ сосѣднему торговцу.

— Послушайте, Вигуру! Окажите мнѣ услугу... Я ухожу. Если кто-нибудь придетъ ко мнѣ, скажите, чтобъ зашелъ въ другой разъ. Впрочемъ, вы можете быть спокойнымъ, навѣрное никто не зайдетъ.

Онъ стоялъ вмѣстѣ съ другими на тротуарѣ, въ ожиданіи погребальной колесницы. Близость его нѣсколько стѣсняла Денизу. Она взглянула на эту знакомую ей лавку: изъ-за грязной витрины выглядывало теперь нѣсколько залежавшихся, полинявшихъ и запыленныхъ зонтиковъ и тростей; всѣ недавно сдѣланныя старикомъ украшенія — краски, лакъ, позолота успѣли уже помянуть и потускнѣть и изъ-за нихъ снова выглянули прежнія трещины и пятна; но, несмотря на это, ветхій домъ упорно отстаивалъ свое существованіе, крѣпко держась за стѣны «Bonheur des Dames», точно гнилая язва на здоровомъ тѣлѣ гиганта.

— Ахъ, мерзавцы! прогремѣлъ Бурра; — не дають даже похоронить спокойно!

Подъѣхавшую, наконецъ, похоронную колесницу зацѣпила нарядная карета «Bonheur des Dames», быстро промчавшаяся на парѣ великолѣпныхъ лошадей. Старикъ изъ подлѣбья кинулъ на Денизу сверкающій взглядъ.

Похоронный кортежъ медленно подвигался посреди оставившихся фіакровъ и омнибусовъ. Бодю машинально слѣдовала за гробомъ, отказавшись отъ поддержки, предложенной недшимъ рядомъ съ нимъ Жаномъ. За провожавшей гробъ толпой слѣдовали три траурныя кареты. На улицѣ Сень-Рошъ къ кортежу присоединился блѣдный, сильно состарившійся Робино.

Въ церкви процессію ожидала толпа женщинъ и мелкихъ торговцевъ квартала, которые, несмотря на большое разстояніе, всѣ отправились за гробомъ на кладбище Монмартра. Служба продолжалась недолго. Шествіе приняло характеръ враждебной манифестаціи противъ «Bonheur des Dames», такъ какъ гробъ пришлось еще разъ провезти почти вокругъ всего магазина, точно тѣло первой жертвы народнаго возстанія.

Охваченная роемъ мучительныхъ ощущений, Дениза не въ силахъ была больше двигаться и сѣла въ одну изъ каретъ. На улицѣ Десятаго Декабря, неочищенной еще отъ строилъ новаго фасада, кортежъ на минуту остановился. За каретой, въ которой сидѣла одна Дениза, шель, едва передвигая ноги, Бурра. Казалось, что онъ никогда не дойдетъ до кладбища. Поднявъ голову, онъ замѣтилъ дѣвушку и тотчасъ сѣлъ въ карету.

— Колѣни побаливаютъ... проворчалъ онъ. — Вы не отодвигайтесь... вѣдь я васъ не трону!

Сквозь суровую ворчливость старика сказывалось прежнее расположеніе къ дѣвушкамъ.

— Надо быть чертовски крѣпкимъ, сказалъ онъ, указывая на Бодю, — чтобы ходить еще послѣ такого удара.

Бодю тяжелыми шагами слѣдовалъ за двинувшимся погребальнымъ шествіемъ. Углубившись въ уголокъ кареты, Дениза слушала безконечныя рѣчи Бурра.

— Чортъ-бы ихъ побралъ съ ихъ постройками! ворчалъ онъ. — Полиція давно-бы пора велѣтъ очистить улицу. Восемь-надцать мѣсяцевъ ужъ строится этотъ проклятый фасадъ и заграждаетъ людямъ проходъ. Недавно еще убился здѣсь человекъ... Но ужъ за то теперь имъ дальше строиться нельзя! Развѣ что перекинуть мосты черезъ улицы... Говорятъ, что васъ теперь двѣ тысячи-семьсотъ человекъ служащихъ и что годовой оборотъ достигнетъ въ нынѣшнемъ году ста милліоновъ... Боже мой! Сто милліоновъ!...

Кортежъ проходилъ по улицѣ *Chaussée-d'Antin*, гдѣ снова остановился, вслѣдствіе скопленія экипажей. Бурра продолжалъ свою ворчливую рѣчь, ни къ кому не обращаясь, громко разсуждая самъ съ собою. Онъ все еще не могъ понять торжества «*Bonheur des Dames*», хотя и признавалъ упадокъ мелкой торговли.

— Бѣдная Робино совсѣмъ опустился; онъ смотритъ какъ человекъ, которому закинули уже на шею веревку... А Бидора, братья Ванпуль, — всѣ, подобно мнѣ, чуть держатся на ногахъ. Делиньеръ разбитъ апоплексическимъ ударомъ, Гиво и Ривуаръ страдаютъ разлитіемъ желчи. Всѣ мы, всѣ, провожающіе эту несчастную дѣвочку, больше походимъ на трупы!.. Со стороны должно быть забавно смотрѣть на этотъ кортежъ банкротовъ и разслабленныхъ... А вѣдь это еще только ягоды! Эти

мошенники открывают у себя отдѣлы цвѣтовъ, шляпъ, туалетныхъ принадлежностей, башмаковъ и мало-ли еще чего. Громъ продавецъ духовъ въ улицѣ Грамонъ, смѣло можетъ закрыть лавку. За башмачную лавку Неда я не далъ-бы теперь и десяти франковъ! Опустошительное дѣйствіе «Bonheur» прострается до улицы св. Анны, гдѣ цвѣточная торговля Лакаса и шляпная лавка мадамъ Шодель не продержатся и двѣ недѣли. Всѣхъ ожидаетъ та-же участь, всѣмъ грозитъ разореніе!.. Ужь разъ аршинники стали продавать мыло и башмаки—ничто не помѣшаетъ имъ открыть у себя отдѣлъ жаренаго картофеля! Тутъ ужь конецъ свѣта!

Голосъ его звучалъ глуше, рѣчь стала отрывочнѣй.

— На мою долю тоже перепало. . Но я все-таки держу ихъ въ рукахъ и не выпущу... Они опять проиграли дѣло въ апелляціонной инстанціи. Ахъ, сколько мнѣ это стоило! Два года тяжбы, адвокаты, судебные расходы!.. Но зато ужь они не будутъ рыть подо мной галереи. Затѣяли соединить подземнымъ ходомъ отдѣленія суконъ и чулокъ! Нѣтъ, погодите, любезные!.. И злится-же теперь вашъ Муръ! Какая-то старая кляча осмѣливается загородить ему дорогу, тогда какъ всѣ падаютъ ницъ передъ его золотомъ!.. Ни за что не уступлю! Можетъ быть, ему и удастся меня доканать; я слыхалъ, что онъ скупаеть мои векселя; разумѣется, не изъ дружбы. Ладно, пускай его! Я все-таки буду твердить «нѣтъ и нѣтъ», пока меня не заколотятъ досками, какъ эту бѣдную дѣвочку!

Старикъ умолчалъ только о томъ, что совершенно разорился, вошелъ въ неоплатные долги и начиналъ уже терять голову. Денива, которой было хорошо извѣстно его безвыходное положеніе, прервала, наконецъ, молчаніе.

— Monsieur Бурра, сказала она умоляющимъ тономъ, — не упрямитесь больше... Позвольте мнѣ уладить ваше дѣло.

— Перестаньте! бѣшено закричалъ онъ;—это васъ не касается... Вы честная дѣвушка; я знаю, что вы заставили его горько убѣдиться, что не всѣхъ можно купить золотомъ. Но что-бы вы отвѣтили мнѣ, если-бы я посоветовалъ вамъ сдать? А?.. Вы послали-бы меня къ чорту! Ну, такъ и вы не стѣсь въ мои дѣла!

Добравшись до площади Клиши, похоронный кортежъ двигался быстрѣе и скоро добрался до кладбища. Семейны

огля Бодю находилась въ первой аллеѣ, налѣво. Въ нѣсколько минутъ погребеніе было окончено. Жанъ силой увелъ тѣ могилы дядю. Публика уныло разошлась по сосѣднимъ улицамъ.

— Намъ всѣмъ слѣдовало-бы лечь въ эту яму, сказалъ Бурра стоявшей около Денизѣ; — въ этой дѣвочкѣ мы хоронимъ весь старшій кварталъ... Она предтеча гибели старой орговли!

Дениза вернулась вмѣстѣ съ дядей и братомъ. Въ этотъ допотопный день на долю ея выпало еще не одно огорченіе. Во-первыхъ, ее сильно безпокоило блѣдное и печальное лицо Жана. Что съ нимъ? Опять любовное приключеніе? И она поспѣшно вынула кошелекъ, чтобы предложить ему денегъ. Но онъ отказался. На этотъ разъ положеніе гораздо болѣе серьезное: дѣло шло о племянницѣ богатаго пирожника, не желавшей принять даже букета фиалокъ.

Затѣмъ, когда она зашла къ мадамъ Гра за Пепэ, эта дама объявила ей, что не можетъ больше держать у себя мальчика, который сталъ слишкомъ великъ для ея пансіона. Новая забота: необходимо было отыскать какой-нибудь коллежъ, отдать ребенка въ неизвѣстныя руки и рѣже видѣть его. Взявъ съ собой Пепэ, она отправилась къ Бодю, гдѣ ждала ее раздражающая душу картина могильнаго унынія «Старога Эльбефа». Въ наглухо закрытой лавкѣ царилъ мракъ и полное запустѣніе. Дядя и тетка одинокою сидѣли въ темной столовой и молча смотрѣли другъ на друга въ какомъ-то нѣмомъ отчаяніи. Они даже не плакали, когда вопедншій съ Денизой Пепэ подѣлывалъ ихъ похолодѣвшія щеки. Глядя на ихъ нѣмое горе, Дениза съ трудомъ сдерживала рыданія.

Вечеромъ ее позвалъ Мурэ, чтобы поговорить о задуманномъ имъ новомъ дѣтскомъ костюмѣ, который ему хотѣлось пустить въ продажу. Разстроенная всѣми впечатлѣніями дня, она не выдержала и стала изливать передъ нимъ свою душу, заговоривъ сначала о Бурра, объ этомъ несчастномъ старцѣ, котораго онъ толкаетъ въ могилу.

Но при одномъ имени Бурра Мурэ заволновался. Этотъ сумасшедшій остраиваетъ ему жизнь, мѣшаетъ завершенію его торжества и съ какимъ-то идиотскимъ упрямствомъ держится за свою грязную лачугу, позорящую стѣны «Bonheur des Dames»!.. Чего-же отъ него требуютъ? Не можетъ-же онъ со-

гласиться, чтобы эта гнилая куча развалина вѣчно грязни стѣну его магазина! Рано или поздно—она во что-бы то ни стало должна исчезнуть, а съ нею и этотъ старый дуракъ. Такъ ему и надо... вѣдь ему предлагали до ста тысячъ франковъ!.. Развѣ этого недостаточно? Развѣ Мурэ сдѣлалъ не все, что могъ? Онъ вѣдь не торгуется, онъ готовъ заплатить все, что ни запросятъ; но надо-же, наконецъ, имѣть хоть каплю смысла и не мѣшать ему завершить его предпріятіе!

Опустивъ глаза, она слушала его, не находя иныхъ выраженій, кромѣ состраданія къ несчастному старику. Вѣдь онъ такъ старъ,—можно было-бы выждать его смерти, а не ускорять ее раззореніемъ и банкротствомъ. Тогда Мурэ отиѣтилъ, что онъ теперь даже не въ силахъ помѣшать ходу дѣла, такъ какъ оно передано уже Бурдонкю, и совѣтъ рѣшилъ покончить съ нимъ во что-бы то ни стало. Несмотря на сочувствіе къ горькой участи старика, ей пришлось уступить и помириться.

Послѣ нѣсколькихъ минутъ тяжелаго молчанія, Мурэ самъ заговорилъ о Бодю. Онъ глубоко соболѣзнуетъ имъ въ постигшемъ ихъ страшномъ горѣ. Это отличные, честные люди, вторымъ страшно не везетъ. Но, въ сущности, они сами во всемъ виноваты. Вольно-же имъ было упрямитъ и корпѣть въ гниломъ подвалѣ. Нечего удивляться катастрофѣ! Вѣдь онъ двадцать разъ предсказывалъ ее; она сама помнитъ, что онъ не однажды поручалъ ей предупредить дядю, что ему угрожаетъ большая бѣда, если онъ не возьмется, наконецъ, за умъ. Катастрофа разразилась, наконецъ, и ничѣмъ нельзя ее отворотить. Не можетъ-же онъ раззорить себя, чтобы спасти старую торговлю квартала. Да если-бы онъ даже вздумалъ закрыть «Bonheur des Dames», на его мѣстѣ тотчасъ-же возникъ-бы другой такой-же магазинъ, ибо идея новой торговли носится въ воздухѣ, сѣя повсюду сѣмяна; она сотретъ съ лица земли все старое и отжившее.

Онъ все больше и больше увлекался, защищаясь противъ обвиненій и жалобъ своихъ жертвъ и протестующихъ возгласовъ толпы мелкихъ лавочниковъ. «Мертвыхъ не берегутъ, ихъ хоронятъ!» восклицалъ онъ, энергическимъ жестомъ отсылая въ общую могилу всѣ трупы старой торговли, разлагающіеся остатки которой заражаютъ только воздухъ свѣтлыхъ улицъ новаго Парижа. Нѣтъ! ему не въ чемъ упрекнуть себя. Онъ

выполняетъ только задачу своего вѣка, и она, Дениза, любящая жизнь, борьбу и широкія предпріятія, сама это отлично знаетъ!

Всю эту ночь Дениза почти не спала. Ее одолѣвали кошмары,—ей грезилось далекое дѣтство въ Волоньи, гдѣ, маленькой дѣвочкой, она плакала при видѣ малиновки, пожирившей пауковъ, которые въ свою очередь поѣдали мухъ. Неужто это правда,—неужели всеобщее взаимное пожираніе есть неизмѣнный законъ жизни? Неужто смерть и разрушеніе есть необходимое условіе возрожденія?

Ей мерещилась могилка, въ которую только-что опустили несчастную Женевьеву. Въ глубинѣ темной столовой одиноко сидятъ дядя и тетка. Среди царившей кругомъ мертвой тишины раздается вдругъ глухой трескъ и грохотъ: это рухнетъ домъ Бурра. На минуту снова наступаетъ глубокая, зловѣщая тишина, за которой—новый трескъ и грохотъ. Одна за другой разрушаются лавки Робино, Бидорэ, Ванпуль; вся мелкая торговля квартала Сень-Рошъ падаетъ подъ сокрушительными ударами чьего-то невидимаго молота. Боже мой! сколько страданій, сколько плачущихъ семействъ, сколько выброшенныхъ на мостовую старцевъ, какая ужасная картина смерти и разрушенія! Но она бессильна, она никого не можетъ спасти; ей кажется, что и не слѣдуетъ спасать, что это къ лучшему, что разрушеніе отжившаго есть залогъ новой лучшей жизни. Нѣтъ потрясеній безъ крови, нѣтъ прогресса безъ искупительныхъ жертвъ. Но вдругъ ей становилось невыразимо жаль всѣхъ эти невинно гибнущія жертвы, она упрекала себя въ черствости и мучительно искала средства спасти отъ конечной гибели хоть своихъ, близкихъ ея сердцу людей.

Тогда передъ нею выступалъ чарующій образъ Мурэ съ его ласкающимъ бархатнымъ взглядомъ. Онъ, конечно, ни въ чемъ ей не откажетъ, и ей удастся заставить его помочь тѣмъ изъ пострадавшихъ, на которыхъ она укажетъ... И мысль ея остановилась на этомъ загадочномъ человѣкѣ, пыталась его разгадать. Передъ нею развернулась вдругъ вся его прошлая жизнь, всѣ его рассчитанныя любовныя связи, вѣчная эксплуатація женщинъ и стремленіе составить черезъ нихъ свою карьеру: продолжительная связь съ мадамъ Дефоржъ, поддерживаемая съ единственной цѣлью овладѣть барономъ Гартма-

номъ, и весь это рядъ похожений авантюриста, о которыхъ всё забыли только благодаря его успѣвкамъ, гению и чарующей граціи. Ей было трудно помириться съ этой ложью его прошлаго, съ этой холодной расчетливостью чарующаго ловеласа. Но теперь, когда онъ самъ любить и страдаетъ, когда она видитъ его изнывающимъ въ мукахъ неудовлетвореннаго чувства и сознанія своего безсилія, — она не можетъ чувствовать къ нему злобы: въ ея глазахъ эти страданія искупали всё грѣхи его прошлаго.

Въ это-же утро Дениза заручилась общаніемъ Муръ вознаграждать Бурра и Бодю за всё потери, какъ только наступитъ день ихъ окончательнаго раззверенія. Прошло нѣсколько недѣль. Дениза каждый день старалась найти нѣсколько свободныхъ минутъ, чтобы посѣтить дядю и внести въ унылую атмосферу его лавки хоть каплю утѣшенія и жизни. Особенно тревожило ее состояніе тети, которая, со дня смерти Женевиэвы, находилась въ какомъ-то столбнякѣ, въ какомъ-то сонномъ оцѣпенѣніи, и на всѣ вопросы отвѣчала, что чувствуетъ себя отлично, но что ее просто клонитъ ко сну. Сосѣди качали головой, замѣчая, что бѣдной женщинѣ не дождо придется тосковать по дочери.

Однажды, когда Дениза выходила отъ Бодю, на углу площади Гайонъ раздался страшный крикъ, за которымъ послѣдовалъ шумъ бросившейся туда толпы испуганныхъ прохожихъ. Одинъ изъ омнибусовъ, ходившихъ между Бастиліей и Батиньолемъ, наѣхалъ на прохожаго. Стоя на козлахъ, кучеръ изо всей силы удерживалъ лошадей и неистово ругался.

Омнибусъ, наконецъ, остановился, толпа окружила раненаго; сбѣжались стоявшіе по близости полицейскіе сержанты. Продолжая стоять на козлахъ, кучеръ, задыхаясь отъ злости, объяснялъ толпѣ происшествіе, приводя въ свидѣтели сидѣвшихъ наверху пассажировъ.

— Я не виноватъ... какъ его убережешь?... Я кричалъ что есть мочи, а онъ все лѣзетъ подъ колеса!

— Я шель за нимъ и отлично видѣлъ, какъ онъ нарочно сунулся подъ омнибусъ, закричалъ подошедшіи къ толпѣ рабочій.—Видно, малому жизнь надоѣла!

Нѣсколько голосовъ подтвердило то-же самое. Перепуганныя дамы повискочили изъ омнибуса. Толпа поминутно росла.

— Да это г-нъ Робино! испуганно вскрикнула пробравшаяся въ толпу Дениза, узнавъ въ лежавшемъ безъ памяти человѣкѣ своего пріятели.

Сержантъ тотчасъ обратился къ двумъ и спросилъ имя, профессію и мѣсто жительства самоубійцы. Къ счастью, благодаря отчаяннымъ усиліямъ кучера, омнибусъ удалось во время повернуть, и подъ колеса попали только ноги несчастнаго. Четыре человѣка изъ толпы подняли его и снесли въ ближайшую аптеку.

— Ну и денекъ выдался, чертъ-бы его побралъ! произнесъ кучеръ, хлопая бичемъ по лошадямъ, и омнибусъ медленно пустился въ путь.

Дениза послѣдовала за Робино въ аптеку. Такъ какъ долго не могли найти врача, то аптекаръ, осмотрѣвъ больного и найдя его неопаснымъ, посоветовалъ нести его скорѣе домой. Двое изъ толпы побѣжали въ полицейскій постъ за носилками. Денизъ, которой мгновенно пришла въ голову мысль подготовить мадамъ Робино къ ожидавшему ее удару, стоило большихъ усилій выбраться изъ обсажденной аптеки толпы.

Дениза издали завидѣла мадамъ Робино, стоящую на порогѣ лавки. Лавка носила уже на себѣ слѣды начинающагося упадка и разворенія, бывшихъ естественнымъ результатомъ недавней борьбы съ страшнымъ противникомъ, который остался, наконецъ, побѣдителемъ, понизивъ цѣну своего шелка еще на пять сантимовъ. Въ теченіи двухъ мѣсяцевъ Робино велъ адскую жизнь, выбиваясь изъ силъ, чтобы какъ-нибудь избѣжать банкротства.

— Я сейчасъ видѣла вашего мужа, проговорила Дениза, войдя въ лавку вслѣдъ за мадамъ Робино.

— Въ самомъ дѣлѣ? спросила мадамъ Робино, поминутно въ какомъ-то смутномъ безпокойствѣ выглядывавшая на улицу! — Я его давно жду, — онъ долженъ-бы уже быть дома. Утромъ за нимъ зашелъ Гожанъ, и они вышли вмѣстѣ.

Это была та-же веселая, очаровательная молодая женщина, по-прежнему тяготившаяся скучными торговыми дѣлами мужа, ничего не понимавшая въ нихъ. И для чего все? повторяла она по-прежнему. Не лучше-ли было-бы ѣсть сухой хлѣбъ въ какой-нибудь скромной квартирѣ, да жить спокойно безъ всякихъ хлопотъ и огорченій.

— Я не стану скрывать отъ васъ, дѣтя мое, продолжала

она съ печальной улыбкой,—что дѣла наши идутъ изъ рукъ вонъ плохо... Мужъ по цѣлымъ ночамъ не спитъ. Еще сегодня Гожанъ приставалъ къ нему изъ-за просроченныхъ векселей... Я ужасно беспокоюсь, когда его долго нѣтъ дома.

Она опять направилась, было, къ двери, но Дениза, до слуха которой доносился уже шумъ толпы, сопровождавшей носилки, удержала ее.

— Вы не беспокойтесь, заговорила она, заикаясь и не зная что придумать.—Господиъ Робино внѣ опасности... Случилось маленькое несчастіе... Его несутъ, вы не беспокойтесь, умоляю васъ.

Молодая женщина стояла блѣдная какъ смерть, ничего не понимая. Въ это время толпа успѣла уже наводнить улицу, и носилки остановились передъ дверью магазина.

— Случилось несчастіе... продолжала Дениза, рѣшившись скрыть отъ нея покушеніе на самоубійство.—Переходя улицу, онъ случайно попалъ подъ омнибусъ... Не беспокойтесь, задѣты только ноги, сейчасъ приведутъ доктора.

Мадамъ Робино судорожно вадрогнула, дико вскрикнула и, рванувшись къ дверямъ, припала къ носилкамъ, опущеннымъ на полъ, въ ожиданіи прихода доктора, такъ какъ Робино испытывалъ нестерпимую боль при малѣйшемъ сотрясеніи. Когда онъ увидѣлъ жену, по его щекамъ скатились двѣ крупныя слезы. Она судорожно обняла его и, не сводя съ него глазъ, плакала какъ безумная.

— О, мой дорогой! мой милый, хорошій!.. повторяла она, стоя на колѣняхъ передъ носилками.

Увидѣвъ жену въ такомъ отчаяніи, онъ почувствовалъ угрызение совѣсти и во всемъ сознался.

— Прости меня, я съума сошелъ... Когда стряпчій объявилъ мнѣ въ присутствіи Гожана, что завтра будетъ объявлена моя несостоятельность, у меня потемнѣло въ глазахъ и все закружилось и запрыгало... я не помню, что было дальше. Мнѣ казалось потомъ, когда я шелъ по улицѣ Мишодьеръ, что надо мнѣ смѣются прикащики «Bonheur», что на меня рушится все это подлое зданіе... Въ эту минуту проходилъ омнибусъ и, вспомнивъ вдругъ про Ломма, я бросился подъ колеса...

Мадамъ Робино съ ужасомъ слушала его признанія. Боже праведный! онъ искалъ смерти! Опустившись всѣмъ тѣломъ на полъ, она держала руку нагнувшейся надъ нею и совершенно

растерявшейся Денизы. Утомленный рассказомъ, Робино снова впалъ въ обморокъ, а докторъ все не приходилъ, не смотря на то, что посланные обѣгали весь кварталъ.

— Успокойтесь, ради Бога, машинально повторяла Дениза, заливаясь слезами.

— Боже мой! Боже мой! изъ-за меня онъ чуть не убилъ себя!.. говорила мадамъ Робино.—Все это время онъ повторялъ: «я обокралъ тебя, я спустилъ всѣ твои деньги»! День и ночь онъ бредилъ этими деньгами, приходилъ въ отчаяніе, называть себя ни на что негоднымъ дуракомъ... Вы знаете, онъ всегда былъ нервнымъ и впечатлительнымъ, вѣчно чѣмъ нибудь терзался... Ему стало, наконецъ, казаться, что онъ вывить меня на улицѣ, одинокой, въ лохмотьяхъ, испрашивающей подавнїя...

Но, взглянувъ на мужа, она увидѣла, что глаза у него открыты.

— Дорогой мой, зачѣмъ ты сдѣлалъ это? обратилась она къ нему съ укоромъ...—Неужели ты считаешь меня такой гадкой? Мнѣ все равно, пусть мы будемъ нищими, пусть они все возьмутъ... Я буду счастлива тѣмъ, что ты со мной. Уѣдемъ подалеже отъ всѣхъ этихъ дѣлъ; ты будешь работать, ты увидишь, какъ намъ будетъ спокойно и хорошо.

Она склонила голову къ его блѣдному лицу, и оба тихо шажали. Въ полумракѣ лавки воцарилась мертвая тишина; сквозь закрытыя ставни доносился съ улицы гулъ расходившейся толпы и грохотъ экипажей.

— Докторъ! произнесла бѣгавшая поминутно къ дверямъ Дениза.

Переломъ оказался только въ одной лѣвой ногѣ и не угрожалъ никакими осложнениями. Больного тотчасъ перенесли въ комнату и занялись перевязкой. Но въ эту минуту въ лавку вошелъ Гожанъ съ извѣстіемъ о неудачѣ его послѣдней попытки отсрочить банкротство.

— Въ чемъ дѣло? Что случилось? бормоталъ онъ въ пощыхахъ.

Дениза вкратцѣ рассказала ему о случившемся. Онъ былъ сильно сконфуженъ.

— Я не сержусь на васъ, произнесъ слабымъ голосомъ Робино, — хоть вы, признаться, и виноваты немного во всей этой исторїи.

— Что дѣлать, мой милый! отвѣчалъ Гожанъ. — Тутъ нужны были люди покрѣиче насъ съ вами...

— Совсѣмъ нѣтъ, Гожанъ... отвѣчалъ съ усиленіемъ больной. — Еще понятно, что гибнуть старики, въ родѣ Бурра и Бодю; но намъ, молодымъ, стыдно было не понять новаго порядка вещей. Это конецъ старому міру торговли.

Мадамъ Робино нѣжно обняла уходившую домой Денизу, вслѣдъ за которой тотчасъ же вышелъ и Гожанъ.

— Робино правъ, говорилъ онъ по пути Денизѣ.

Съ ихъ стороны было недѣло затѣвать борьбу съ «Bonheur des Dames». Лично онъ считаетъ себя догибшимъ, если ему не удастся снова помириться съ магазиномъ, и вчера еще онъ велъ въ этомъ смыслѣ переговоры съ Гютенемъ, который отправляется за заказами въ Ліонъ. Но онъ мало надѣялся на успѣхъ и поэтому старался заинтересовать въ свою пользу Денизу.

— Нельзя же мнѣ, въ самомъ дѣлѣ, идти противъ теченія и раззоряться, защищая интересы мелкой торговли... Надо мной же станутъ всѣ смѣяться! Вы были правы, говоря, что производство должно отвѣчать требованіямъ вѣка и стараться угодить публикѣ—и тогда все устроится къ лучшему.

Дениза улыбнулась.

— Идите къ господину Мурр, отвѣчала она, — и выскажите ему все это. Онъ будетъ радъ васъ видѣть и охотно забудетъ прошлое, если вы предоставите ему хоть одинъ сантимъ барыша на метръ.

Въ одинъ изъ яркихъ солнечныхъ дней января мѣсяца умерла мадамъ Бодю. Въ послѣднее время она уже не въ силахъ была сходить въ лавку и цѣлый день сидѣла на кровати, обложенная со всѣхъ сторонъ подушками. На ея помертвѣвшемъ лицѣ жизнь сохранилась только въ глазахъ, неподвижно устремленныхъ по цѣлымъ часамъ на сіяющій передъ ея окномъ «Bonheur des Dames». Когда, встревоженный неутомимымъ упорствомъ этого взгляда, Бодю пытался иногда задержать занавѣску, она удерживала его отъ этого нѣмымъ умоляющимъ жестомъ. Это чудовище отняло у нея, наконецъ, все имущество, дочь, ея собственную жизнь, подухавшую по мѣрѣ того, какъ терялъ клиентов и падалъ дорогой ея сердцу «Старый Эльбефъ». Почувствовавъ приближеніе послѣдней минуты, она велѣла раскрыть оба окна. Было тепло и тихо. Цѣлое море яркихъ солнечныхъ лучей залило и позолотило все зда-

не «Bonheur des Dames», тогда какъ въ комнатѣ больной царицы мракъ и сырость. Широко раскрывъ глаза, она упорно смотрѣла на это сверкающее зеркалами и позолотой колоссальное зданіе, въ которое отовсюду вливались миллионы. Взглядъ ея мало-по-малу тускнѣлъ и мутился, и когда наконецъ онъ совсѣмъ потухъ, влажные еще отъ слезъ глаза оставались открытыми.

Еще разъ на похороны собрались всѣ раззорившіеся представители мелкой торговли квартала. Тутъ были доживающіе свои послѣдніе сроки братья Ванпуль, Бидоръ съ сестрой, разбитый параличемъ Делиньеръ, въ конецъ раззорившіеся Пю и Ривуаръ. Не видно было только не оправившагося еще отъ болѣзни Робино. Особенное вниманіе привлекали на этотъ разъ новыя жертвы свирѣпствовавшей въ кварталѣ язвы раззоренія: ожидающіе своей очереди парфюмеръ Гронье, модистка мадамъ Шодель, двѣточникъ Лакассажъ, сапожникъ Недъ и цѣлый рядъ другихъ торговцевъ, чувствовавшихъ близость гибели. За гробомъ шелъ Бодю тѣмъ-же медленнымъ, тяжелымъ шагомъ отправляемаго на убой быка, какимъ шелъ за гробомъ дочери.

Дениза все это время находилась въ страшныхъ хлопотахъ и бѣготнѣ. Хлопотѣ по помѣщенію Пепе въ коллежъ, бѣготня изъ-за влюбленнаго Жана, уговорившаго сестру просить для него руки хорошенькой племянницы пирожника, болѣзнь и, наконецъ, смерть тетки, съ цѣлымъ рядомъ неприятностей и огорченій—до крайности утожили дѣвушку. А тутъ еще предстояла забота объ участи близкихъ. Мурэ обѣщала сдѣлать для ея дяди и другихъ знакомыхъ все, что она ни сочтетъ справедливымъ. Однажды утромъ, узнавъ, что Бурра выгнали на улицу, а Бодю закрываетъ лавку, она еще разъ переговорила съ Мурэ и послѣ завтрака отправилась къ нимъ съ предложеніями:

На улицѣ Мишодьеръ старикъ Бурра грозно стоялъ на тротуарѣ передъ своей лавкой, изъ которой еще вчера былъ выгнанъ по судебному приговору, благодаря ловкому маневру, пущенному въ ходъ адвокатомъ Мурэ. Весь фокусъ состоялъ въ томъ, что, скупивъ всѣ веселя Бурра, адвокатъ немедленно предъявилъ ихъ ко взысканію и, добившись объявленія его несостоятельнымъ должникомъ, купилъ на публичномъ торгѣ право на его контрактъ, вмѣстѣ съ лавкой, за пятьсотъ франковъ.

Такимъ образомъ, упрямому старику пришлось получить пять-сотъ франковъ за то, чего раньше онъ не хотѣлъ уступать за сто тысячъ. Но для того, чтобы приступить къ разрушенію зданія, архитектору пришлось прибѣгнуть къ содѣйствію полиціи, такъ какъ старикъ упорно не выходилъ изъ своей берлоги, несмотря на то, что надъ головой его начали ломать уже крышу. Полиціи удалось, наконецъ, вытащить его на улицу, но, переночевавши въ сосѣдней гостинницѣ, онъ на другой день опять появился на тротуарѣ передъ своей лавкой.

— Monsieur Бурра, ласково окликнула его Дениза.

Но онъ не слышалъ ея, устремивъ сверкающіе глаза на рабочихъ, ломавшихъ передній фасадъ зданія. Сквозь разбитыя окна можно было видѣть съ улицы всю прогнившую внутренность ветхаго зданія, въ которое лѣтъ двѣсти не проникали лучи солнца.

— А, это вы! сказалъ онъ увидѣвъ ее, наконецъ. — Какъ вамъ нравятся эти разбойники, а?

Дениза не отвѣчала; она сама была не въ силахъ оторвать глазъ отъ этихъ почернѣвшихъ камней жалкаго зданія, воскресившаго въ ея памяти картину пережитыхъ здѣсь страданій. Но въ эту минуту рабочіе, желая сразу покончить съ этой стѣной, изо всей силы ударили въ ея основаніе. Стѣна пошатнулась.

— Хоть-бы они всё подъ ней остались! угрюмо проворчалъ Бурра.

Послышался страшный трескъ. Испуганные рабочіе разбѣжались въ разныя стороны. Вся стѣна рухнула разомъ, засыпавъ тротуаръ громадной кучей почернѣвшихъ и гнилыхъ обломковъ.

— Боже мой! въ ужасѣ воскликнулъ старикъ, точно вся стѣна свалилась ему на голову.

Онъ не ждалъ такого быстрого конца и растерянно смотрѣлъ на стѣну «Bonheur des Dames» освободившуюся, наконецъ, отъ позорившаго ее гнойнаго нароста. Это была побѣда надъ послѣднимъ препятствіемъ къ конечному торжеству гганта.

— Monsieur Бурра, повторила Дениза, стараясь увести старика въ сторону—будьте увѣрены, что васъ не оставятъ. Всѣ ваши нужды будутъ удовлетворены.

Онъ быстро выпрямился.

— У меня нѣтъ никакихъ нуждъ... Привнайтесь, вѣдь это они васъ подослали ко мнѣ?.. Ну, такъ скажите имъ, что старикъ Бурра умѣетъ еще работать и всегда найдетъ себѣ работу... Онъ не нуждается въ милостынѣ, а въ особенности отъ людей, которые его ограбили.

— Прошу васъ, monsieur Бурра, не отказывайтесь, не лишайте меня этого утѣшенія.

Но онъ отрицательно качалъ косматою головою.

— Нѣтъ, нѣтъ, довольно объ этомъ, прощайте... Будьте счастливы, вы молоды, но не мѣшайте-же старикамъ поступать по-своему.

Онъ кинулъ послѣдній взглядъ на кучу развалинъ и медленно удалился. Дениза долго смотрѣла на эту пробивавшуюся сквозь толпу фигуру, пока она не скрылась, наконецъ, за площадью Гайонъ.

Постоявъ нѣсколько минутъ въ нерѣшимости, Дениза отправилась къ дядѣ. Онъ былъ одинъ. Прислуга приходила къ нему два раза въ день, чтобы приготовить обѣдъ и помочь убрать лавку, куда нерѣдко по цѣлымъ часамъ не заглядывало живой человѣческой души. Если изрѣдка заходилъ покупатель, то Бодю только терлся, не зная, что съ нимъ дѣлать, не находя товара. Одинокій среди этой могильной тишины и полумрака, онъ неустанно шагаль по лавкѣ, поддаваясь какой-то болѣзненной потребности движенія, точно желая убаюкать и усмирить одолевавшее его горе.

— Какъ вы себя чувствуете, дядюшка? спросила Дениза.

Онъ на мгновеніе остановился и взглянулъ на племянницу, но тотчасъ снова зашагалъ между кассой и темнымъ угломъ лавки.

— Отлично, отлично... Благодарю.

Она старалась найти веселый сюжетъ для разговора, но ничего не находила.

— Вы слышали грохотъ? Это свалили домъ.

— А! вотъ что! пробормоталъ изумленно дядя.— Да, да... Я почувствовалъ, какъ дрогнула земля. Еще утромъ, увидавъ ихъ на крышѣ, я заперъ у себя дверь.

Онъ пожалъ плечами, давая понять, что это его мало интересуетъ. Каждый разъ, подходя къ кассѣ, онъ останавливался передъ пустой, обитой зеленымъ бархатомъ скамьей, на которой выросли и провели всю жизнь его жена и дочь.

Отсюда взглядъ его переносился на опустѣвшія, мрачныя помки, гдѣ лежало еще нѣсколько штукъ замлесневѣшаго товара. Онъ напряженно прислушивался къ могильной тишинѣ маленькой столовой, этого родного, семейнаго уголка, въ которомъ онъ любилъ все, даже его тѣсноту и спертый воздухъ. Все исчезло, все что было близко и дорого его сердцу, и только онъ одинъ разноситъ свое горе по всѣмъ угламъ развореннаго и опустѣшаго гнѣзда, нарушая мертвую тишину этого склепа звукомъ мѣрныхъ, тяжелыхъ шаговъ.

— Дядя, начала Дениза, рѣшившись, наконецъ, приступить къ интересовавшему ее предмету; — вамъ нельзя оставаться въ этомъ положеніи. Нужно на что нибудь рѣшиться.

— Конечно, отвѣчалъ онъ; не останавливаясь, — но что-же мнѣ дѣлать? Я хотѣлъ продать лавку, но покупателя не нашлось... Что дѣлать! Въ одно прекрасное утро закрою лавку и уйду.

Ей было извѣстно, что банкротство ему не угрожало и что, за уплатой всѣхъ долговъ, онъ останется только безъ грѣша.

— Но что вы будете дѣлать дальше? пробормотала она, отыскивая предлогъ выговорить свое предложеніе.

— Не знаю, отвѣчалъ онъ; — подберутъ меня гдѣ-нибудь.

Онъ переѣхалъ направленіе и зашагалъ отъ столовой къ витринамъ, гдѣ все еще лежало нѣсколько забитыхъ образчиковъ матеріи. Стоявшее передъ нимъ колоссальное зданіе «Bonheur des Dames» даже не останавливало на себѣ его вниманія; онъ утратилъ способность волноваться.

— Послушайте, дядюшка, сказала въ замѣшательствѣ Дениза; — быть можетъ тамъ найдется для васъ мѣсто... Мнѣ даже поручили предложить вамъ должность инспектора.

— Гдѣ это? спросилъ Бодю.

— Да тамъ, напротивъ... у насъ... Шестъ тысячъ франковъ и служба неутомительная.

Онъ вдругъ остановился и посмотрѣлъ на нее; но, вмѣсто того, чтобы придти въ неистовство, какъ она этого боялась, онъ въ какомъ-то страдальческомъ волненіи произнесъ:

— Напротивъ? У васъ? Ты хочешь, чтобы я поспешилъ къ вамъ?

Ей самой вдругъ сдѣлалось больно. Она вспомнила ожесточенную борьбу двухъ противниковъ, смерть Женевьевы и тетки, раззореніе «Стараго Эльбефа», горе и униженіе дяди,

и мысль, что послѣ всего этого дядя въ черномъ ридингѣ и бѣломъ галстукѣ будетъ спокойно гулять по галлереймъ «Bonheur des Dames», показалась ей чудовищной.

— Послушай, Дениза, неужто ты считаешь это возможнымъ? спросилъ онъ, сложивъ на груди дрожація руки

— Нѣтъ, дядя, нѣтъ! вскрикнула она въ порывѣ протеста всей ея чуткой и честной природы; — это гадко... Простите меня, ради Бога!

Онъ снова зашагалъ по комнатамъ, и когда она вышла изъ лавки, продолжалъ съ какимъ-то отчаяннымъ упорствомъ ходить и ходить, не будучи въ силахъ заглушить роя осаждавшихъ его мучительныхъ воспоминаній.

Дениза не могла заснуть и эту ночь. Она убѣдилась въ своемъ полномъ безсиліи помочь даже самымъ близкимъ людямъ. Ей приходится быть до конца безучастной свидѣтельницей этого неумолимаго закона жизни, который ставитъ смерть условіемъ возрожденія. Она не протестовала больше, мирилась съ этимъ закономъ борьбы и гибели слабыхъ, но ея любящее женское сердце обливалось кровью, переполненное братской нѣжностью къ страдающему человечеству. Когда-то и она терпѣла нужду, горе и униженіе, и подобно другимъ чуть была не раздавлена чудовищемъ. А теперь она сама, тщедушная и слабая, является невольнымъ орудіемъ этой сокрушающей всѣ препятствія силы, увлекая и ее въ число своихъ сторонниковъ. Не странно-ли? Вѣдь творецъ этого безжалостнаго и ненасытнаго чудовища, съющаго повсюду смерть, разореніе и отчаяніе, — никто иной какъ Мурэ; и тѣмъ не менѣе, она любитъ его, любитъ умъ, славу и самыя побѣды, несмотря на ея слезы передъ картиной горя и отчаянія побѣжденныхъ.

Глава XIV.

Подъ яркими лучами февральскаго солнца празднично выступала только-что оконченная улица Десятаго Декабря съ двумя рядами совершенно новыхъ, частью недостроенныхъ еще бѣлыхъ домовъ. Среди этой широкой полосы свѣта, внезапно прорѣзавшей сырую мглу стараго квартала Сень-Ромъ, торжественно двигалась длинная вереница каретъ и фіакровъ, оканчивавшаяся передъ монументальнымъ фасадомъ «Bonheur

des Dames». У входа и вплоть до улиц Мишодьеръ и Шоазель тѣснилась густая толпа народа, созванная сюда рекламами, цѣлый мѣсяцъ громко и настойчиво возвѣщавшими о грандіозной выставкѣ бѣлья, происходившей въ этотъ понедѣльникъ по случаю торжественнаго открытія новаго фасада.

Вниманіе прохожихъ невольно приковывала къ себѣ пестрая архитектура зданія и разнообразіе яркихъ красокъ товаровъ, выставленныхъ подъ его витринами. Только стѣны нижняго этажа, какъ-бы для того, чтобы лучше отгнѣнить блескъ разложенныхъ здѣсь разноцвѣтныхъ тканей, выкрашены были подъ цвѣтъ плиты суроваго темно-зеленаго мрамора, и окаймлены позолотой. Но выше, отдѣлка становилась все ярче и пестрѣе. Фризъ, отдѣлявшій нижній этажъ отъ перваго, пестрѣли мозаикой и гирляндами красныхъ и голубыхъ цвѣтовъ, окружавшихъ узкія мраморныя полосы, на которыхъ вырѣзаны были названія помѣщавшихся подъ ними во всю длину фасада товаровъ. Далѣе, ярко-эмальированныя кирпичныя стѣны перваго этажа сверху снова заканчивались фризами изъ мозаики и сверкающихъ позолотой гербовъ всѣхъ городовъ Франціи; наконецъ, отдѣлка третьяго этажа представляла густую и еще болѣе пеструю съѣтъ цвѣтовъ, мозаики, фаянса, мрамора и золота, надъ которой возвышался рядъ статуэтокъ, изображавшихъ крупные промышленныя города Франціи. Но съ особеннымъ восторгомъ засматривалась толпа зѣнакъ на гигантскую, разукрашенную мозаикой и позолотой центральную дверь, надъ которой сверкала покрытая золотомъ аллегорическая группа, изображавшая женщину, которую цѣлуетъ окружившая ее со всѣхъ сторонъ стая смѣющихся амуровъ.

Такимъ образомъ, этотъ пышный храмъ расточительной богини моды былъ оконченъ и величественно господствовалъ надъ окрестностью, покрывая кварталъ своей гигантской тѣнью. Окончательно очистившись отъ позорившаго его стѣны соседства прогнившихъ старыхъ зданій, «Bonheur» безпрятственно тянулся теперь вдоль четырехъ улицъ и, подобно выскокъ, стыдящемуся вскормившаго его родного пчелища, отвернувшись отъ разореннаго имъ стараго и грязнаго квартала, самодовольно и празднично глядѣлъ на полный свѣта и жизни новый Парижъ.

Равсылаемая имъ теперь повсюду рекламы съ гравюрами

изображали его разросшимся и разжирѣвшимъ, подобно легендарному людѣду, угрожающему раздавить вселенную. На первомъ планѣ красовался гигантскій магазинъ, занимающій половину гравюры; отъ него во всѣ стороны расходятся широкія улицы, по которымъ стекаются къ нему покупатели цѣлаго міра; а вокругъ, теряясь въ туманѣ, разстилается покоренный и приниженный Парижъ съ едва замѣтными домами и торчащими тамъ и сямъ жалкими церквями и памятниками, склонившимися покорно передъ побѣдоноснымъ гигантомъ.

Съ самаго утра толпа народа тѣснилась и росла передъ дверью новаго фасада. Около двухъ часовъ пополудни пикетъ полицейскихъ сержантовъ вынужденъ былъ регулировать движеніе и очистить улицу для проѣзда экипажей. Толпа валила со всѣхъ сторонъ. Еще ни одинъ магазинъ въ мірѣ не пользовался такъ широко и беззащѣнно орудіемъ рекламы. На разнаго рода афиши и объявленія «Bonheur des Dames» расходовалъ теперь ежегодно около шести сотъ тысячъ франковъ, печаталъ четыреста тысячъ каталоговъ и изрѣзывалъ на образчики на сто тысячъ франковъ матеріи. Огромныя рекламы покрывали страницы ежедневныхъ газетъ и стѣны всѣхъ городовъ Франціи, поминутно напоминая публикѣ объ огромныхъ выставкахъ и распродажахъ магазина. Самъ новый фасадъ, съ его нестротой отдѣлки, нозолотой, полными яркихъ тканей витринами и множествомъ вывѣсокъ, служилъ теперь грандіозной рекламой, приковывающей къ себѣ прохожихъ и разжигавшей страсти покупателей. По случаю торжества открытія новаго фасада и выставки, къ наружнымъ украшеніямъ зданія присоединились развѣшавшіяся въ воздухѣ на высокихъ древкахъ разноцвѣтныя знамена съ гербами различныхъ городовъ Франціи и другихъ странъ.

А внизу, сквозь прозрачныя стекла витринъ, взору открывалась ослѣпительная сѣѣжная поляна бѣлья, полотенецъ, муслина и коленкора, покрывавшихъ галлерей, стѣны, витрины, входы, и утомлявшихъ зрѣніе своимъ однообразіемъ.

Надо замѣтить, что новымъ, совершенно неожиданнымъ обстоятельствомъ, увеличившимъ стеченіе публики въ «Bonheur des Dames», — былъ пожаръ, уничтожившій огромный магазинъ «Четыре времени года», открытый недавно Бутмономъ возлѣ Оперы. Нѣсколько дней уже газеты были наполнены подробностями этого пожара, происшедшаго отъ

врыва газы, описаніемъ ужаса и переполоха среди жившихъ въ магазинѣ продавщицъ и героизма спасаваго ихъ Бутмона. Но огромные убытки тотчасъ-же были возмѣщены раскупкой новыхъ акцій, и публика, въ ожиданіи перестройки сгорѣвшаго магазина, нахлынула въ «Bonheur des Dames», наводнявшій въ эту минуту городъ своими рекламами. «Какое счастье этому Мурэ! Ему помогаютъ даже стихій, истребляя его конкурентовъ!» И толпа покупателей спѣшила посмотрѣть на новую выставку этого счастливица, заранѣе высчитывая барыши, которые принесетъ ему неожиданная гибель противника. Но тѣмъ не менѣе, предпріятіе Бутмона причинило Мурэ не мало огорченій. Мадамъ Дефоржъ, которой въ значительной степени онъ былъ обязанъ своимъ успѣхомъ и состояніемъ, перешла на сторону его противника; финансовый дилетантизмъ Гартмана, принимавшаго денежное участіе въ обоихъ враждебныхъ предпріятіяхъ, выводилъ его изъ себя. Наконецъ, его привела въ отчаяніе одна гениальная выдумка Бутмона: этому весельчаку и бонвивану пришла въ голову счастливая мысль произвести торжественное освященіе своего магазина при участіи кюре и цѣлаго причта церкви Св. Магдалины и всего католическаго бомонда. И если эта прогулка священныя изображенія по всѣмъ отдѣламъ и окропленіе святой водою принадлежностей дамскаго туалета не спасли магазина отъ огня, за то лучше миліона рекламъ взволновали вѣрующіхъ клиентовъ большого свѣта и возбудили ихъ симпатіи къ Бутмону. Съ этой минуты Мурэ не покидала мысль объ еще болѣе пышной церемоніи освященія «Bonheur des Dames» при участіи самого архіепископа.

На центральныхъ дверяхъ, между тѣмъ, пробило три часа. Это былъ часъ наибольшаго разгара торговли; въ галлерейхъ и залахъ магазина толпилось около ста тысячъ покупателей. Вся улица Десятаго Декабря была заставлена фіакрами; въ воздухъ стоялъ непрерывный, оглушительный гулъ отъ стука колесъ, хлопанья дверейъ, выкрикиванья магазинной прислуги, ржанья и топота лошадей и говора покрывавшей оба тротуара толпы, слѣдившей къ магазину.

У одной изъ витринъ новаго фасада стояли мадамъ де-Бовъ съ дочерью Бланшъ и мадамъ Гибаль и разсматривали полусшитыя женскія платья.

— Посмотрите, что за чудное парусинное платье за девятнадцать франков! воскликнула первая.

— Да оно больше и не стоит, презрительно замѣтила мадамъ Гибаль;—довольно его разъ надѣть, чтобы оно тотчасъ обратилось въ тряпку.

Теперь онѣ подружились и стали неразлучны съ тѣхъ поръ, какъ графъ де-Бовъ былъ призованъ къ дому сильнымъ припадкомъ падагры. Жена нашла для себя болѣе удобнымъ держать соперницу въ своемъ домѣ, такъ какъ это давало ей возможность пользоваться хоть крохами изъ жадованья мужа, которое прежде все расходовалось имъ на сторонѣ.

— Ну, такъ войдемъ, продолжала мадамъ Гибаль;—надо взглянуть на ихъ выставку... Развѣ вы не условились встрѣтиться тамъ съ вашимъ зятемъ?

Мадамъ де-Бовъ не отвѣчала, устремивъ глаза на кареты, подъѣзжавшія къ главному подъѣзду, откуда одна за другой сходили покупательницы.

— Да, отвѣчала за нее Бланшъ; — Поль обѣщала ждать насъ въ четыре часа въ читальной залѣ.

Уже мѣсяць какъ они были повѣнчаны и теперь только что вернулись изъ свадебной поѣздки на югъ Франціи. Молодая женщина сильно похолодѣла и еще больше прежнего стала походить на мать.

— А вотъ и мадамъ Дефоржъ! воскликнула мать, указывая глазами на остановившуюся возлѣ нихъ карету.

— Неужели? прощентала мадамъ Гибаль.—Она рѣшилась придти сюда послѣ всего, что у нихъ произошло!.. Вѣдь еще не успѣлъ остыть пепель послѣ пожара «Четырехъ Временъ Гола».

Мадамъ Дефоржъ подошла къ нимъ съ развязностью свѣтской дамы, умѣющей скрывать свои чувства.

— Мнѣ захотѣлось самой провѣрить всѣ эти слухи, заговорила она послѣ обычныхъ привѣтствій. — О! мы по прежнему друзья съ г. Мурѳ, несмотря на то, что онъ былъ взбѣщенъ моимъ покровительствомъ его конкуренту... Я не могу простить ему только одной вещи,—что онъ выдалъ-таки замужъ мою протеже, мадмазель де-Фонтенай, за этого Жозефа...

— Какъ! Неужели этотъ бракъ состоялся? прервала ее мадамъ де-Бовъ.—Это ужасно!

— Да, моя милая, и онъ устроилъ это исключительно для того, чтобы нанести намъ оскорбленіе. О! я его знаю; онъ хотѣлъ этимъ показать, что дѣвушки нашего круга годны только въ жены его лакеямъ.

Онѣ продолжали негодовать среди напиравшей на нихъ со всѣхъ сторонъ толпы покупателей, которая увлекала ихъ незамѣтнымъ образомъ въ магазинъ. Среди взаимныхъ разспросовъ, вспомнили, между прочимъ, о мадамъ Марти. Несчастный мужъ этой дамы, послѣ горячей семейной сцены, сошелъ съ ума: онъ помѣшался на богатствѣ и величіи и считалъ себя владѣльцемъ неисчерпаемыхъ золотыхъ и брилліантовыхъ залежей.

— Бѣдняга! наконецъ-то онъ избавился отъ бѣготни по урокамъ! замѣтила мадамъ Гибаль.—А что его жена?

— Она теперь раззоряетъ дядю, добродушнаго старика, который поселился у нея послѣ своего вдовства... Она навѣрное здѣсь, мы его увидимъ.

Но толпа втокнула ихъ, наконецъ, въ магазинъ, и ихъ изумленному взору сразу открылась вся роскошь внутренняго убранства «самаго обширнаго въ мірѣ базара», какъ выражались рекламы. Большая центральная галерея, прорѣзывая весь магазинъ, выходила однимъ концомъ на улицу Десятаго Декабря, а другимъ — на улицу Сентъ-Огюстенъ; по обѣ стороны ея тянулись также во всю длину магазина двѣ боковыя галереи вдоль, Монсиньи и Мишодьеръ, расширяясь тамъ и сямъ въ четырехугольныя площадки, окруженныя чугунными лѣстницами и всяческими мостами. Расположеніе отдѣловъ значительно измѣнилось: распродажа остатковъ происходила теперь у выхода на улицу Десятаго Декабря; шелковый отдѣлъ занималъ весь центръ магазина, перчатки помѣщались въ галереѣ Сентъ-Огюстенъ. Число отдѣловъ возрасло теперь до пятидесяти, а цифра служащихъ достигла трехъ тысячъ со-рока пяти.

Дамы очутились въ свѣтлой, выложенной мозаикой входной залѣ, откуда во всѣ стороны разстилались передъ ними сплошь заваленныя и увѣннанныя бѣлымъ галереи, точно сверкающія подъ солнцемъ снѣжныя поляны сѣвера. Налѣво тянулась галерея Монсиньи, въ которой бѣлѣли цѣлыя горы полотна, казенкора, простынь, полотенецъ и носовыхъ платковъ; направо — галерея Мишодьеръ, искусно застроен-

ная фантастическими зданіями изъ чулокъ, кальсонъ и перламутровыхъ пуговиць и увѣшанная длинными бѣлыми погосами шерстяной матеріи; посрединѣ — обширная центральная галлерея сверкала бѣлыми лентами, галстухами, шляпами и перчатками. Вокругъ стройныхъ чугунныхъ колоннъ опускались волны бѣлаго муслина, перехваченнаго тамъ и сямъ воздушнымъ бѣлымъ фуляромъ. Огромныя полосы бѣлаго сукна, пиже и фланели покрывали перила мостовъ, площадокъ и лѣстницъ до стекляннаго потолка, откуда, подобно глыбамъ обрушивающагося со скалъ снѣга, спускались бѣлыя покрывала, занавѣси и волны дорогихъ бѣлоснѣжныхъ кружевъ, густою сѣтью тянувшихся вдоль галлерей и отдѣленій. Но чудомъ этой выставки бѣлыя была устроенная надъ отдѣленіями шелковыхъ тканей воздушная палатка изъ бѣлаго муслина, кружевъ и шитой серебромъ восточной шелковой ткани, походившая на царственный чертогъ и напоминавшая брачное ложе куда-то исчезнувшей сказочной бѣлой царевны, которая рано или поздно должна была вернуться, въ блескѣ, красотѣ и могуществѣ.

— Какая прелесть! повторяли дамы. — Что-то невиданное, сказочное!

Между тѣмъ въ магазинѣ кипѣла лихорадочная жизнь. Стотысячная толпа покупателей и любопытныхъ блуждала по этимъ снѣжнымъ равнинамъ, осаждала товары, брала приступомъ буфетъ, взбиралась по лѣстницамъ, переходила мосты и чертила точно огромная стая птицъ, насѣвшихъ на покрытую снѣгомъ поляну. Въ воздухѣ было невыносимо душно; гулъ тысячи голосовъ казался оглушительнымъ шумомъ водопада.

— Однако, надо подвигаться, сказала мадамъ де-Бовъ; — нельзя-же все стоять на одномъ мѣстѣ.

Съ той самой минуты, какъ она вошла въ магазинъ, инспекторъ Жувъ не сводилъ съ нея глазъ, и теперь, пропустивъ ее впередъ, продолжалъ слѣдовать за нею на нѣкоторомъ разстояніи.

— Посмотрите-ка, сказала мадамъ Гибаль, останавливаясь возлѣ кассы; — неправда-ли, остроумная выдумка эти фіалки.

Рѣчь шла объ одной изъ новыхъ приманокъ магазина, придуманной недавно Муръ, о которой говорили всѣ газеты. Заказанные въ Ниццѣ букеты бѣлыхъ фіалокъ раздавались каж-

дой покупательницѣ, наполняя тепличный воздухъ магазина своимъ ароматомъ.

— Да, выдумка не дурна, отвѣчала съ пронию мадамъ Дефоржъ.

— Неужели патронъ серьезно думаетъ жениться? донесся до нихъ въ эту минуту вопросъ одного приказчика, державшаго фляжки.

— Это еще только слухи, отвѣчалъ другой.

— Какъ! Муръ женится? обратилась мадамъ де-Бовъ къ Генриеттѣ.

— Я въ первый разъ это слышу, отвѣчала послѣдняя, стараясь казаться равнодушной;—впрочемъ, рано или поздно этимъ должно было кончиться.

Графиня обвинялась быстрымъ взглядомъ съ мадамъ Гибаль; теперь они поняли, что мадамъ Дефоржъ приняла сюда не даромъ, что ея руководило чувство ревности и мучительное желаніе провѣрить слухи.

— Я остаюсь съ вами, сказала мадамъ Гибаль, желавшая узнать, что будетъ дальше;—мы встрѣтимся съ мадамъ де-Бовъ въ кабинетѣ для чтенія.

— Вотъ и прекрасно, отвѣчала мадамъ де-Бовъ.—Мнѣ нужно въ первый этажъ... Идемъ, Бланшь.

Мать и дочь удалились, въ то время какъ не выпускавшій ихъ изъ виду Жувъ, чтобы не быть замѣченнымъ, послѣдовалъ за ними по другой лѣстницѣ.

Несмотря на страшную суматоху, но всѣмъ отдѣленіямъ только и было рѣчи что о любви и предстоящей свадьбѣ патрона. Цѣлые мѣсяцы эта любовь служила предметомъ безконечныхъ толковъ между продавцами, которыхъ восхищала и изумляла непреклонная твердость Денизы. Но вдругъ, наканунѣ пронесся слухъ, что она, подъ предлогомъ желанія отдохнуть, рѣшилась покинуть магазинъ, несмотря на мольбы и убѣжденія Муръ. Это подлило масла въ огонь. Соображеніямъ разнаго рода не было конца. «Уѣдетъ», говорили одни. «Не уѣдетъ», утверждали другіе. По всѣмъ отдѣламъ держали пари. Состоится или не состоится этотъ бракъ? На сторонѣ Денизы, говорили одни, всѣ шансы обожаемой дѣвушки, которая ни за что не хочетъ сдаться. За то, на сторонѣ патрона богатство, почетъ и самолюбіе избалованнаго вдовца, на котораго не такъ-то легко надѣть армо законнаго брака.

Но всё сходилось въ одномъ,—что дѣвочка эта ведетъ свою игру съ полнымъ знаніемъ дѣла и ловкостью опытной кокетки: снѣж женись, или я ухожу».

А Дениза, между тѣмъ, была чужда какихъ-бы то ни было расчетовъ. Оставляла свое мѣсто она только потому, что ей приписывали коварныя намѣренія опутать Мура. Развѣ она добивалась его любви? Развѣ она подстрекала, кокетничала; хитрила? Она сама до сихъ поръ не можетъ понять, что онъ въ ней находитъ. Отчего это всё они видятъ въ каждомъ ея поступкѣ хитрость и расчетъ? Что можетъ быть естественнѣе ея рѣшенія покинуть магазинъ? Ей опротивѣли эти сплетни и пересуды, ее утомила продолжительная борьба съ Муромъ и съ своимъ собственнымъ чувствомъ. Подчасъ она изнемогала и начинала бояться за свою твердость. Нѣтъ, надо удалиться и помончить съ этимъ. И хотя мысль о разлукѣ съ нимъ приводила ее въ отчаяніе и вызывала слезы, но она чувствовала, что это необходимо, что она не будетъ знать покоя, если поступитъ иначе.

Выслушавъ ея просьбу объ отставкѣ, Муромъ сдержалъ волненіе, и сухо отвѣтилъ, что даетъ ей недѣлю на размышленіе, прежде чѣмъ позволить ей сдѣлать такую глупость. Когда, по истеченіи недѣли, она снова повторила просьбу, выражая рѣшительное намѣреніе оставить магазинъ послѣ выставки, онъ тѣмъ-же холоднымъ и сухимъ тономъ пробовалъ ее убѣждать: это безуміе, вѣдь она портитъ свою карьеру, добровольно выпускаетъ изъ рукъ свое счастье. Гдѣ она найдетъ еще разъ такое видное мѣсто, какое занимаетъ въ его магазинѣ? Или, быть можетъ, она все-таки чѣмъ-нибудь недовольна, такъ пусть скажетъ, и онъ устранитъ причины ея недовольства. Не зная что отвѣтить, дѣвушка въ смущеніи молчала. Тогда ему пришло въ голову, что она, вѣроятно, намѣрена возвратиться къ мужу или любовнику. Вѣдь она призналась-же ему въ трудную минуту, что кого-то любить. Съ тѣхъ поръ это невольно сорвавшееся съ ея устъ признаніе не давало ему ни минуты покоя. Быть можетъ, она выходитъ замужъ, тогда ея упорство становится понятнымъ. И онъ холодно сказалъ, что не станетъ ее больше удерживать, такъ какъ у нея, по видимому, есть серьезныя причины покинуть магазинъ. Этотъ сухой тонъ разстроилъ ее больше, чѣмъ могли-бы сдѣлать его отчаяніе и гнѣвъ, которыхъ она ожидала и боялась.

Въ теченіи всей слѣдующей недѣли Мурэ хранилъ невозмутимую холодность, и, встрѣчаясь съ Денизой въ магазинѣ, старался не замѣчать ее. Никогда еще онъ не казался такимъ спокойнымъ и погруженнымъ въ свои занятія. Но подъ этой непривычной ему маской наружнаго спокойствія скрывалась мучительная внутренняя борьба. Повременамъ имъ овладѣвало какое-то безумное бѣшенство, кровь бросалась въ голову, и онъ готовъ былъ кинуться на Денизу, задушить ее въ своихъ объятіяхъ и удержать ее силой. Но тутъ-же сознавался въ безуміи этого средства, и чувствуя свое полное безсиліе, впадалъ въ отчаяніе, придумывалъ инныя средства.

Однако, изъ этого хаоса противорѣчивыхъ чувствъ и плановъ все яснѣе и настоятельнѣе выдѣлялась одна мысль, овладѣвавшая имъ все сильнѣе и сильнѣе, несмотря на протестъ и отвращеніе всего его существа. Послѣ смерти мадамъ Гедуэнъ онъ внутренно поклялся не жениться вторично и храни свободу счастливаго вдовца, извлекать выгоды изъ всѣхъ женщинъ. Въ немъ, точно также какъ и въ Бурдонклѣ, застѣло какое-то суевѣрное убѣжденіе въ томъ, что директору большаго моднаго магазина, для сохраненія обаянія и власти мужчины надъ многочисленной толпой своихъ клиентокъ, — нельзя быть женатымъ: жена лишаетъ его этого обаянія, разгоняетъ другихъ женщинъ и вноситъ свои порядки. Онъ суевѣрно держался за это правило, долго боролся съ собой, сердился и негодовалъ на Денизу, которая представлялась ему повременамъ олицетвореніемъ возмездія, ниспосланнаго ему судьбой, чтобы снова повергнуть къ ногамъ женщины вмѣстѣ съ нимъ и все то, что приобрѣтено посредствомъ женщинъ! Но мало-по-малу, онъ терялъ твердость, начиналъ сомнѣваться и раздумывать. Что за ребяческій страхъ? Откуда онъ? Вѣдь это, наконецъ, нелѣпо! Она такъ скромна, добра и разсудительна, что ей смѣло можно довѣриться и поручить свою судьбу. А что если и теперь, на предложеніе жениться, она все-таки скажетъ «нѣтъ», все-таки не согласится и уйдетъ?.. При этой мысли имъ овладѣвало чувство ужаса, и онъ снова не зналъ, что предпринять.

Въ день выставки онъ ни на что еще не рѣшился, а между тѣмъ, Дениза на слѣдующій день должна была оставить магазинъ.

Когда, въ этотъ день, Бурдонклъ вошелъ, по обыкновенію ю

безъ доклада въ кабинетъ Мурэ, патронъ сидѣлъ, опустивъ голову на бюро, въ такой глубокой задумчивости, что очнулся только когда вошедшій компаньонъ коснулся его плеча. Онъ поднялъ смоченное слезами лицо, взглянулъ на Бурдонкля и вдругъ протянулъ ему обѣ руки, точно ища поддержки у товарища, съ которымъ столько лѣтъ дѣлили коммерческіе труды и заботы. Въ послѣднее время поведеніе Бурдонкля въ отношеніи Денизы радикально измѣнилось: онъ призналъ ея необходимость и началъ даже усердно уговаривать патрона жениться. Отчасти имъ руководило въ этомъ случаѣ чувство самосохраненія передъ силой, которая въ одинъ прекрасный день можетъ его уничтожить. Но была еще и другая причина такой внезапной перемѣны въ его тактикѣ. Обстоятельства снова пробудили въ немъ долго подавленное честолюбіе и подали надежду на возможность пожрать въ свою очередь этого счастливица Мурэ, передъ которымъ онъ всю жизнь вынужденъ былъ отступать и преклоняться. Вѣдь эта ожесточенная борьба за жизнь, это пожираніе слабого и оплошавшаго сильнѣмъ и ловкимъ носились въ воздухѣ ихъ магазина, служили коренной основой его организаціи. Отчего-же ему быть исключеніемъ и сдерживать свой аппетитъ? Только суетѣрный страхъ и непреодолимая вѣра въ счастливую звѣзду патрона заставляли его до сихъ поръ преклоняться передъ нимъ и мириться съ своей участью подчиненнаго. Но теперь, когда Мурэ видимо приближается къ этому бессмысленному браку, который лишитъ его счастливой звѣзды и власти надъ кліентками и будетъ могилой его успѣха,—теперь ему, Бурдонклю, нѣтъ никакого резона деликатничать и не пользоваться глупостью человѣка, отдающаго себя во власть женщины.

— Послушайте, сказалъ онъ, дружески пожимая руку патрона; — не падайте духомъ; что за дьявольщина, въ самомъ дѣлѣ!.. Ну, женитесь на ней и все тутъ.

Но Мурэ успѣлъ уже оправиться и, стыдась овладѣвшаго имъ на минуту малодушія, энергично запротестовалъ.

— Нѣтъ, никогда, это было-бы слишкомъ глупо!.. Обойдемте лучше магазинъ. Торговля, кажется, въ разгарѣ и обѣщаетъ дать блестящіе результаты.

Они вышли изъ кабинета и начали обычный обходъ наполненныхъ покупателями отдѣловъ. Озадаченный Бурдонкль искоса поглядывалъ на патрона, стараясь подмѣчать малѣй-

нія измѣненія въ его лицѣ. Торговля была, дѣйствительно, въ полномъ разгарѣ, и магазинъ гудѣлъ, какъ пущенная на всѣхъ парахъ гигантская машина.

Отдѣленіе Денизы наводнило толпа матерей, тащившихъ за собою цѣлую армію ребятишекъ обоого пола, утопавшихъ въ грудяхъ наваленнаго повсюду готоваго дѣтскаго платья изъ бѣлаго кашмира, сукна, муслина, пике, батиста и шелка; бѣлые пальто, платья, блузы, куртки, шляпы и башмаки,—вездѣ одинъ и тотъ-же утомляющій бѣлый цвѣтъ, ничего, кромѣ бѣлаго.

Передъ прилавкомъ, мадамъ Бурдлэ, усадивъ въ рядъ своихъ троихъ дѣтей, кричала на младшаго, не дававшаго Денизѣ примѣрять ему бѣлую кашмировую куртку.

— Да посиди ты хоть минуту спокойно!.. Вы не накодите, мадмоазель, что куртка нѣсколько узка?

Она тщательно осмотрѣла всѣ швы и складки, и оцупала матерію, какъ опытная хозяйка, которая не дастъ себя провести.

— Нѣтъ, оно ему въ пору, продолжала она.—Это цѣлая исторія, когда приходится одѣть такую араву... Теперь покажите мнѣ манто для этой дѣвочки.

Дениза принялась было отыскивать манто, какъ вдругъ въ изумленіи вскрикнула:

— Какъ! Это ты? Что случилось?

Передъ нею съ большимъ сверткомъ въ рукахъ стоялъ Жанъ. Съ недѣлю тому назадъ онъ женился и долженъ былъ, вмѣстѣ съ женой, очаровательной брюнеткой, сопровождать Денизу въ Волоню, чтобы провести тамъ медовый мѣсяцъ среди воспоминаній о дѣтствѣ.

— Представь себѣ, отвѣчалъ онъ;—Тереза забыла купить цѣлую кучу вещей. Многое нужно прикупить, кое-что перемѣнить; а такъ какъ ей некогда, она поручила это мнѣ... Я сейчасъ тебѣ объясню...

Но Дениза прервала его, замѣтивши за нимъ Пепэ.

— Какъ! И Пепэ здѣсь! Отчего онъ не въ коллежѣ?

— Ты не сердись, отвѣчалъ Жанъ; — вчера послѣ обѣда у меня не хватило силъ отправить его въ школу. Онъ вернется ужь сегодня вечеромъ... Онъ успѣетъ еще наскучаться въ коллежѣ, пока мы будемъ наслаждаться деревней.

Дениза нѣжно улыбнулась имъ, несмотря на то, что бы-

ла недовольна присутствіемъ здѣсь Пепэ. Поручивши мадамъ Бурдэ одной изъ продавщицъ, она отвела братьевъ въ отдаленный уголокъ отдѣла, освободившійся отъ покупательницъ. Дѣти, какъ она продолжала ихъ упорно называть, превратились теперь въ здоровыхъ молодцовъ: даже двѣнадцатилѣтній Пепэ, попрежнему молчаливый и ласковый, какъ котенокъ, казался больше своей мињятюрной и худенькой сестры; что же касается до Жана, то это былъ высокій, широкоплечій малый, цѣлой головой переросшій сестру, хотя и сохранившій женственную красоту лица, окаймленного золотистыми русыми кудрями, небрежно падавшими на плечи. И, несмотря на это, она продолжала относиться къ нимъ какъ къ дѣтямъ, съ нѣжной материнской заботливостью, поправляя одному сюртукъ, мѣняя другому платокъ. Замѣтивши, что у Пепэ заплаканы глаза, она обратилась къ нему съ увѣщаніемъ:

— Ну, будь-же умницей, милый. Нельзя-же тебѣ прерывать ученіе. На вакаціи я тебя возьму въ деревню... Не нужно-ли тебѣ чегонибудь? Хочешь, я дамъ тебѣ денегъ... А ты, обратилась она къ Жану;—какъ тебѣ не стыдно разстраивать ребенка? Ему нужно учиться... Тебѣ-то ужъ пора быть солиднѣе.

Передъ свадьбой она выдала Жану на обзаведеніе четыре тысячи франковъ, половину своихъ сбереженій. Обученіе Пепэ въ коллежѣ стоило ей тоже не дешево; но она была счастлива и довольна, что живетъ и работаетъ для нихъ, и давала себѣ слово никогда не выходить замужъ.

— Ну-съ, такъ вотъ, началъ Жанъ, — прежде всего, это пальто, которое Терезѣ...

Но онъ не окончилъ фразы. Желая узнать причину его испуга, Дениза обернулась и увидѣла за своей спиною Мурэ, уже нѣсколько секундъ наблюдавшаго, какъ она матерински муштровала своихъ братьевъ. Въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ него стоялъ Бурдонкъ, повидимому занятый ходомъ торговли, но не сводившій глазъ съ этой сцены.

— Вѣдь это ваши братья? спросилъ ее Мурэ обычнымъ ледянымъ тономъ, усвоеннымъ имъ въ послѣднее время.

— Да, отвѣчала Дениза, стараясь въ свою очередь скрыть волненіе;— я недавно женила старшаго, и вотъ жена прислала его ко мнѣ за покупками.

Мурэ продолжалъ внимательно ихъ оглядывать.

— Младшій сильно выросъ, сказалъ онъ, наконецъ.—Я его узнаю: онъ былъ съ вами въ Тюльрийскомъ саду, помните, въ тотъ вечеръ?

Голосъ его слегка дрогнулъ. Чтобы скрыть волненіе, она наклонилась и стала поправлять поясъ Пенэ. Братья сконфуженно улыбались патрону.

— Они оба на васъ похожи, сказалъ спустя минуту Мурэ.

— О! Они гораздо красивѣе меня.

Нѣсколько мгновеній онъ, казалось, сравнивалъ ихъ лица. Господи, какъ она ихъ любитъ! Силы начинали покидать его, онъ отступилъ нѣсколько шаговъ, но тотчасъ-же вернулся и шепнулъ ей на ухо:

— Зайдите послѣ продажи ко мнѣ въ кабинетъ. Мнѣ нужно поговорить съ вами прежде чѣмъ вы уйдете.

И онъ удалился, чтобы продолжать прерванный обходъ магазина, внутренно проклиная свою слабость. И чего онъ размякъ, увидѣвъ ее съ братьями? Что за безхарактерность? На что ему понадобилось опять это свиданіе? Ну, хорошо, онъ простится съ ней—и все будетъ кончено.

Дениза, между тѣмъ, снова вернулась къ мадамъ Бурдлэ.

— Ну что, довольны вы пальто?

— Очень довольна, отвѣчала покупательница,—сидитъ отлично... На сегодня довольно. Чистое раззореніе эти ребята!

Выслушавъ, наконецъ, объясненія Жана, Дениза отправилась съ нимъ за покупками. Нужно было переимѣнить пальто, которое не нравилось Терезѣ, на бѣлое. Въ отдѣлѣ готоваго платья оказалось сравнительно мало покупателей, тѣснившихся на этотъ разъ въ другихъ отдѣлахъ. Почти всѣ продавщицы здѣсь были новыя. Около мѣсяца тому назадъ Клара куда-то внезапно исчезла; по увѣренію однихъ, она убѣжала съ мужемъ одной изъ покупательницъ; по словамъ другихъ, просто окончательно отдалась уличному разврату. Маргарита на дняхъ должна была вернуться, наконецъ, въ Гренобль, гдѣ ждалъ ее женихъ, и взять на себя управление родительской лавкой. И только одна мадамъ Аврели, туго затянутая въ черное шелковое платье, попрежнему величественно носила по отдѣлу свое желтое, маскообразное лицо. Всѣмъ извѣстное поведеніе сына сильно огорчало ее, и она давно отправилась-бы на покой, если-бы не его расточи-

тельность и кутежи, угрожавшіе гибелью всему ихъ имуществу. Бурдонкль уже начиналъ косо смотрѣть на нее, удивляясь, что она сама не догадывается попросить отставку: слишкомъ ужъ стара она для продавщицы, пора уступить мѣсто другимъ.

— А! это вы, обратилась она къ Денизѣ съ особенной предупредительностью.—Вамъ нужно перемѣнить пальто? Сію минуту... Это ваши братья? Какъ они выросли! Совсѣмъ мужчины!

Ее сильно беспокоили упорные слухи объ отставкѣ Денизы, на покровительство которой она возлагала теперь всѣ свои надежды.

— Говорять, что вы насъ покидаете, сказала она, понизивъ голосъ;— послушайте, неужели это правда?

— Да, отвѣчала дѣвушка.

— Подумайте, что вы дѣлаете! Если-бы вы знали, какъ это извѣстіе всѣхъ насъ огорчило.

Она подозвала одну изъ своихъ продавщицъ и, передавъ ей свертокъ Денизы, велѣла проводить ее въ кассу, чтобы отнѣтить обмѣнъ пальто. Отсюда они направились въ отдѣленіе бѣлья, гдѣ Тереза поручила мужу купить ей еще четыре рубашки. Здѣсь навстрѣчу имъ выѣжала Полнна, по-видимому, крайне взволнованная слухами объ отъѣздѣ Денизы, занимавшими весь магазинъ.

— Вы вѣдь остаетесь, не правда-ли? Говорите-же—остаетесь, да?.. заговорила она шепотомъ.—Что-же будетъ со мной, если вы уѣдете?

А такъ какъ Дениза отвѣтила, что непременно ѣдетъ завтра, то она продолжала:

— Нѣтъ, нѣтъ, этого не можетъ быть; вы такъ думаете, но я убѣждена, что вы останетесь... Какъ можно! Вы должны назначить меня помощницей въ моемъ отдѣлѣ, теперь, когда у меня ребенокъ. Это необходимо... Божэ на это разсчитываетъ.

И она увѣренно улыбалась, глядя въ лицо пріятельницы. Отобравъ четыре рубашки и позвавъ г-жу де-Фонтенай, выпедшую недавно замужъ за Жозефа и занимавшую мѣсто прислуги при магазинѣ, она передала ей весь свертокъ Денизы и велѣла сопровождать ее въ отдѣленіе носовыхъ плат-

ковъ. Затѣмъ, прощаясь съ пріятельницей, она наклонилась къ ней и снова прошептала:

— Такъ это рѣшено, вы назначаете меня помощницей.

Не зная, какъ отдѣлаться, Дениза, смѣясь, обѣщала и отпавилась дальше. Спустившись внизъ, они очутились въ отдѣлѣ шерстяныхъ тканей, сплошь обтадутомъ бѣлой фланелью и мультиномъ. Льенаръ, котораго отецъ тщетно уже нѣсколько мѣсяцевъ вызывалъ къ себѣ въ Анжеръ, разговаривалъ здѣсь съ Миньо, бывшимъ теперь маклеромъ и не стѣснявшимся отъ времени-до-времени посѣщать своихъ старыхъ пріятелей въ «Bonheur». Рѣчь, безъ сомнѣнія, шла о Денизѣ, такъ какъ, завидѣвъ ее, пріятели смолкли и любезно ей поклонились. И далѣе, на всемъ пути, ее сопровождалъ шепотъ почтительно разстунавшихся прикащиковъ. Догадки и пари не прекращались.— Уѣдетъ, говорили одни.— Не уѣдетъ, утверждали другіе.— Что будетъ съ нами, если она завтра въ самомъ дѣлѣ уѣдетъ? спрашивали третьи.

Сопровождаемая братьями и мадемоазель Фонтенай, она медленно пробиралась сквозь густую толпу покупательницъ. По обѣ стороны тянулись бѣлоснѣжныя груды холста, каденкора, бумази, муслина, разнообразныхъ полотень, столоваго и постельнаго бѣлья. Наконецъ, пройдя черезъ увѣшанный бѣлыми флагами отдѣлъ покрывалъ, они подошли къ отдѣлу носовыхъ платковъ, гдѣ кишѣла толпа женщинъ, любовавшихся на искусно построенныя пирамиды и дворцы изъ разнообразныхъ батистовыхъ, полотняныхъ, шелковыхъ и кружевныхъ платковъ, представлявшихъ чарующую, сказочную картину построеннаго изъ полярныхъ снѣговъ города.

— Ты говоришь—дюжину? спросила Дениза.

— Да, еще дюжину вотъ этихъ, что у меня въ сверткѣ, отвѣчалъ Жанъ.

Эта безконечная прогулка по магазину начинала уже утомлять Жана и Пепэ, которые ни на шагъ не отходили отъ сестры. Имъ было неловко въ этой непривычной и оудряющей обстановкѣ и толкогнѣ; они прижимались къ своей «мамѣ», какъ они ее называли, точно ища у нея защиты, какъ въ тотъ день, когда они въ первый разъ шли за нею по незнакомымъ улицамъ Парижа, послѣ ночи, проведенной въ вагонѣ третьяго класса. Встрѣчавшая ихъ на пути публика не могла удержаться отъ улыбки, глядя, какъ два

здоровыхъ молодца съ растеряннымъ видомъ держались за юбки тцедущной дѣвушки. Они до такой степени были похожи другъ на друга по кѣвту волосъ, по всѣмъ чертамъ лица, что съ разныхъ сторонъ слышались замѣчанія:

— Это ея братья... Это ея братья.

Пока Дениза искала глазами незанятую продавщицу, въ отдѣлъ вошелъ Мурэ въ сопровожденіи Бурдонкля и, замѣтивъ дѣвушку, попрежнему остановился и устремилъ на нее взоры.

Въ эту самую минуту мимо нихъ проходила Генріета съ мадамъ Гибаль. Когда Генріета увидала Мурэ и Денизу, она едва сумѣла подавить охватившій все ея существо приливъ негодования и ревности. Тѣ, въ свою очередь, взглянули на нее, и глаза всѣхъ на мигновение встрѣтились. Это было нѣмая развязка ихъ общей сердечной драмы. Мурэ направился дальше; Дениза исчезла въ толпѣ, отыскивая продавщицу, а Генріета, узнавъ въ провожавшей ее дѣвушкѣ свою протезе, мадемуазель де-Фонтенай, воспользовалась поводомъ излить клокотавшую въ ней злобу.

— Посмотрите, обратилась она дрожащимъ голосомъ къ своей спутницѣ,—что онъ сдѣлалъ изъ этой твари, подобранной имъ на мостовой! Развѣ это не прямое оскорбленіе, направленное противъ всѣхъ насъ?.. Дѣвушку изъ древней дворянской семьи, маркизу, онъ обратилъ въ прислугу какой-то вскружившей ему голову потаскушки.

Она силилась овладѣть собой и равнодушнымъ тономъ прибавила:

— Ну, идемте-же посмотрѣть на выставку шелковыхъ матерій.

Въ биткомъ набитомъ покупательницами отдѣленіи шелка Февье бесѣдовалъ съ Гюеномъ о только-что посѣтившей ихъ отдѣлъ «очаровательной блондинкѣ», обычной посѣтительницѣ магазина, интересовавшей всѣхъ служащихъ. На этотъ разъ она показала имъ очень веселой.

— Вѣроятно, она вторично выходитъ замужъ, замѣтилъ Февье, проводившій ее въ кассу.

— Да разкѣ она вдова? спросилъ Гюень.

— Я не знаю... Только, помнюсе, въ послѣдній разъ она была какъ-будто въ траурѣ... А те, быть можетъ, она выиграла деньги.

На минуту они смолкли.

— Впрочемъ, продолжалъ Февье,—это ея дѣло... Нельзя же знать закулисную жизнь каждой женщины.

Но Гютенъ почти не слушалъ, ему было теперь не до того. Дня два тому назадъ онъ имѣлъ крупное объясненіе съ дирекціей, послѣ котораго считалъ свою карьеру въ магазинѣ оконченной и былъ вполне увѣренъ, что послѣ выставки онъ получитъ отставку. Съ нѣкотораго времени положеніе его сильно пошатнулось. Съ одной стороны, послѣ послѣдней годовой повѣрки оказалось, что сумма оборотовъ въ его отдѣлѣ не достигла назначеннаго дирекціей размѣра; съ другой—въ отдѣленіи по-прежнему шла глухая подземная борьба аппетитовъ, и старательно точившему на него зубы Февье уже тайно обѣщано было мѣсто распорядителя отдѣла.

Знавшій всѣ эти подпольныя интриги, Гютенъ не только не далъ своему помощнику пощечину, но даже чувствовалъ къ нему уваженіе, какъ къ тонкому малому, который осторожно и не спѣша достигъ своей цѣли, помогая ему, Гютену, сначала подкопаться подъ Робино и Бутмона, а затѣмъ подкопавшись и подъ него самого.

— Кстати, сказалъ Февье,—вѣдь она останется. Я держу пари на бутылку шампанскаго.

Рвчь шла о Денизѣ. Особенно занимала эта исторія отдѣленіе шелковъ, гдѣ шли наиболѣе крупные пари.

— Чортъ побери! воскликнулъ Гютенъ, точно очнувшись отъ забытья, — какъ-же я былъ глупъ, что не сошелся съ нею,—вотъ теперь я зажилъ-бы припѣваючи!

Но, замѣтивъ, что Февье смѣется, онъ покраснѣлъ и со злости началъ придирается къ одурѣвшимъ отъ наплыва покупателей прикащикамъ. Въ эту минуту черезъ отдѣлъ проходили Генріэта и мадамъ Гибаль.

— Не нужно ли вамъ чего-нибудь, сударыня? обратился онъ съ любезной улыбкой къ мадамъ Дефоржъ.

— Нѣтъ, благодарю, отвѣчала Генріэта.—Я сегодня пришла просто посмотреть на выставку.

Въ головѣ его сразу мелькнулъ цѣлый планъ. Подойдя къ ней поближе и разсыпаясь въ лести, онъ шепотомъ сталъ рассказывать всѣ сплетни магазина и жаловаться на страшные безпорядки. Что касается его, то онъ предпочитаетъ

оставить мѣсто, чѣмъ выносить всю чепуху, какая царить теперь въ дирекціи. И всему виною эта тварь!

Генріэта была въ восторгѣ и сама предложила ему мѣсто перваго прикащика въ магазинѣ «Четыре времени года», когда онъ вновь будетъ отстроенъ. Довольные другъ другомъ, они продолжали еще шептаться, пока мадамъ Гибаль разсмотривала выставку.

— Позвольте вамъ предложить буфетъ фіалокъ? сказала, наконецъ, громко Гютень.

— Ну, нѣтъ, очень вамъ благодарна! воскликнула съ отвращеніемъ Генріэта; — я совсѣмъ не желаю быть въ числѣ свадебныхъ гостей.

Онъ понялъ намекъ, и, разсмѣявшись, они разстались.

Подойдя къ мадамъ Гибаль, Генріэта нашла ее разговаривающей съ мадамъ Марти. Послѣдовалъ обмѣнъ привѣтствій и восклицаній. Мадамъ Марти, въ сопровожденіи дочери Валентины давно уже бѣгала изъ отдѣла въ отдѣлъ; увлекаемая ненасытной страстью къ покупкамъ, она побывала въ роскошно убранномъ въ бѣлый атласъ отдѣленіи мебели, въ отдѣлѣ лентъ, въ суровскомъ, въ отдѣлѣ чулокъ, гдѣ тѣснилась толпа любопытныхъ вокругъ громадной постройки изъ бѣлыхъ и красныхъ чулокъ, надъ которой большими буквами красовалось имя «Bonheur des Dames». Но особенно привлекали ее вновь открытыя отдѣленія, гдѣ она являлась всегда первая и покупала все, что ни попадалось на глаза. Въ новомъ отдѣленіи модъ она примѣрила себѣ и дочери всѣ шляпы; въ отдѣленіи обуви для нея перерыты были всѣ ящики и примѣрены всѣ фасоны ботинокъ. За нею, какъ всегда, слѣдовалъ продавецъ, таща за собой неизмѣнный стулъ, нагруженный всевозможными покупками.

— Ахъ, моя милая, если-бы вы только знали, какой у нихъ роскошный выборъ кацотовъ! Я купила по одному, себѣ и дочери. А башмаки, Валентина, а?

— Просто невѣроятно! отвѣчала дочь.—За двадцать франковъ у нихъ имѣются чудные, высокіе ботинки!

— А какъ здоровье вашего мужа? спросила мадамъ Дефоржъ.

— Ничего, кажется, отвѣчала мадамъ Марти, нѣсколько смущенная этимъ щекотливымъ вопросомъ.—Онъ все тамъ-же. Дядя долженъ былъ сегодня навѣстить его...

Но она не окончила фразы и въ восторгѣ воскликнула:
— Взгляните, какая прелесть!

Онѣ стояли передъ только-что открытымъ отдѣленіемъ цвѣтовъ и перьявъ, помѣщавшимся въ центральной галлерей, возлѣ шелковъ и перчатокъ. Озаренный яркимъ свѣтомъ падавшимъ съ потолка, возвышался, точно ширококѣтвиный дубъ, гигантскій распустившійся бѣлый цвѣтокъ, составленный, съ полу до самой вершины, изъ разнообразнѣйшихъ искусственныхъ цвѣтовъ. Основу его составляла большая круглая гряда, усаженная бѣлыми фіалками, ландышами, гіацинтами и маргаритками. Надъ нею, симметрически расходящимися вѣтвями, выступали бѣлыя розы, огромные бѣлыя піоны, чуть-чуть подернутые жилками кармина, бѣлый золотоцвѣтъ, усѣянный золотистыми звѣздами; еще выше—гигантскія бѣлоснѣжныя лиліи, вѣтки распустившейся яблони и благоухающія грозды бѣлой сирени; а надъ всѣмъ этимъ, почти подъ самымъ потолкомъ, точно неожиданные отпрыски этого колоссальнаго сказочнаго цвѣтна, широко развѣвались огромныя бѣлыя страусовыя перья. Среди густой листвы, усѣянной серебристыми каплями искусственной росы, тамъ и сямъ копошились и выглядывали разноцвѣтныя тропическія птички и золотистыя насѣкомыя.

— Я куплю эту вѣтвь яблони—не правда-ли, красиво? сказала мадамъ Марти;—а эта птичка, Валентина!.. Я ее возьму тоже.

— Ну, сказала мадамъ Гибаль, которой наскучило стоять на одномъ мѣстѣ, — продолжайте ваши покупки, а мы пойдемъ наверхъ.

— Нѣтъ, подождите меня, упрасивала мадамъ Марти;—я тоже иду съ вами; мнѣ нужно въ отдѣлъ косметическихъ товаровъ.

Отдѣлъ этотъ помѣщался возлѣ кабинета для чтенія. Имъ пришлось проходить мимо дароваго буфета, гдѣ давка была такъ велика, что нѣсколько инспекторовъ вынуждены были удерживать публику и пропускать къ столу только небольшими группами. Воздухъ былъ пропитанъ благоуханіями, распространявшимися по всей галлерей изъ косметическаго отдѣла, гдѣ толпа покупательницъ съ ожесточеніемъ набросилась на мыло «Bonheur», составлявшее специальность магазина, и на изящный серебряный фонтанъ, изображавшій

окруженнаго цвѣтами пастуха, изъ усть котораго текла непрерывная струя духовъ, въ которой дамы смачивали свои платки.

— Ну, вотъ, теперь я въ вашимъ услугамъ, сказала мадамъ Марти, накупивъ цѣлую коллекцію косметиковъ; — пойдете искать мадамъ де-Бовъ.

Но на площадкѣ центральной лѣстницы она снова оставилась передъ японскимъ отдѣломъ. Съ того времени, какъ Мурэ пришло въ голову на этой-же самой площадкѣ выставить небольшой столъ съ дешевыми бездѣлушками, отдѣлъ этотъ сильно расширился и представлялъ теперь богатую коллекцію древней бронзы, фарфора, слоновой кости и всевозможныхъ рѣдкостей и бездѣлушекъ, для добыванія которыхъ онъ отправлялъ специальныхъ агентовъ обшаривать дворцы и замки Востока. Въ четыре года своего существованія этотъ отдѣлъ умѣлъ привлечь къ себѣ всѣхъ любителей рѣдкостей и знатоковъ искусства Парижа, и дѣлалъ ежегодно на полтора милліона франковъ оборота.

Тутъ даже мадамъ Дефоржъ, несмотря на данную самой себѣ клятву ничего не покупать въ этомъ ненавистномъ ей теперь магазинѣ, не выдержала и купила какую-то изящную бездѣлушку изъ слоновой кости, стоившую девяносто франковъ.

— Отоплите ее ко мнѣ на домъ, сказала она, недовольная своей слабостью.

Замѣтивъ, что мадамъ Марти надолго погрузилась въ разсматриваніе фарфоровыхъ бездѣлушекъ, она не хотѣла больше ждать и, позвавъ мадамъ Гибаль, направилась въ кабинетъ для чтенія.

— Мы васъ тамъ подождемъ... Я не въ состояніи больше ходить и должна отдохнуть.

Но и въ кабинетъ для чтенія имъ пришлось стоять, такъ какъ всѣ стулья вокругъ большого, заваленнаго газетами и журналами, стола были заняты; мужчины, развалившись въ креслахъ, читали газеты или просто дремали; дамы смотрѣли иллюстраціи и писали письма, низко наклонившись надъ бумагой. Притомъ мадамъ де-Бовъ не было и здѣсь, и Генріета начинала уже терять терпѣніе, когда въ кабинетъ вошелъ искавшій жену и тещу Валаноскъ.

— Онъ навѣрно сидитъ въ отдѣлѣ кружевъ. Никакъ ихъ

не оторвешь оттуда! сказалъ онъ, любезно привѣтствуя дамъ. — Я пойду за ними.

И, отыскавъ имъ предварительно два свободныхъ стула, онъ удалился.

Въ отдѣлѣ кружевъ толпа женщинъ каждую минуту возрастала. Духота стояла невыносимая. Весь отдѣлъ походилъ теперь на обширную бѣлую капеллу, сплошь убранную густою сѣтью дорогихъ бѣлоснѣжныхъ кружевъ. Съ потолка опускались густыя бѣлыя облака тюля, валансьенскихъ, брюссельскихъ и венеціанскихъ кружевъ; змѣями извивавшихся вдоль стѣнъ и колоннъ и волнами падавшихъ на коверъ. На всѣхъ столахъ и прилавкахъ грудами валялись кружевные юбки, галстуки, косынки и кофты, и волны развернутаго кружева вздымались густой бѣлой пѣной на этомъ морѣ бѣлыя, манившаго къ себѣ взоры женщинъ.

Мадамъ де-Бовъ долго ходила отъ стола къ столу, останавливаясь передъ каждой грудой кружева, не будучи въ силахъ совладать съ охватившимъ ее чувственнымъ желаніемъ хоть погрузить руки въ эти нѣжныя волны дорогого товара. Наконецъ, она подошла къ Делону и потребовала показать ей настоящаго алансонскаго кружева. Сначала Делонъ сталъ показывать ей дешевые сорта; но она этимъ не удовольствовалась и попросила волановъ въ тысячу франковъ за метръ и кружевныхъ носовыхъ платковъ въ восемьсотъ франковъ за штуку. Скоро передъ нею на прилавкѣ выросла цѣлая гора дорогихъ кружевъ; но графиня все недовольствовалась и требовала новыхъ и новыхъ образчиковъ. Застѣнчивый Делонъ, котораго она мучила уже минутъ двадцать, нѣсколько боялся оставлять передъ незнакомой покупательницей такую груду дорогого товара, такъ какъ на прошлой недѣлѣ у него уже украли десять метровъ валансьена, но важный видъ этой барыни до такой степени смущалъ его, что онъ не смѣлъ отказать и снова отвернулся и началъ рыться въ ящикахъ. Въ эту минуту къ матери обратилась Бланшъ, выбиравшая въ одной изъ коробокъ дешевое кружево для отдѣлки.

— Посмотри-ка, мама, для наволочекъ можно будетъ взять вотъ этого.

Но, не получивъ отвѣта, дочь повернулась въ ея сторону и увидѣла, какъ мать, погрузивъ руки въ кучу кружева, старалась запрягать въ широкій рукавъ своего манта цѣлую штуку

дорогого алансона. Это ее, повидимому, нисколько не удивило; инстинктивнымъ движеніемъ она только хотѣла прикрыть мать отъ взоровъ толпившейся здѣсь публики, но въ эту минуту между ними какъ изъ земли выросъ инспекторъ Жувъ.

— Не угодно-ли вамъ слѣдовать за мною, сударыня, вѣжливо проговорилъ онъ, наклонившись къ графинѣ.

— Это зачѣмъ? спросила она сурово.

— Потрудитесь слѣдовать за мной, повторилъ онъ, повышая голосъ.

Она на минуту смутилась и растерянно смотрѣла вокругъ, но тотчасъ-же пришла въ себя, приняла прежнюю величественную осанку и важно послѣдовала за своимъ провожатымъ. Никто изъ публики даже не замѣтилъ этой сцены, и только Делюшъ, вернувшись къ прилавку, отъ изумленія разинулъ ротъ. Какъ! Неужели и эта важная дама тоже воровка? Этакъ всѣхъ ихъ придется обыскивать!

Блѣдная и вся дрожавшая отъ испуга Бланшъ издали слѣдовала за матерью; не рѣшаясь ни оставить ее, ни раздѣлать съ нею позора, она остановилась передъ кабинетомъ Бурдонкля, куда повели мадамъ де-Бовъ.

Бурдонкль, только что оставившій Мурэ, случайно находился здѣсь. Всѣ кражи, совершаемыя въ магазинѣ почтенными особами, подлежали, обыкновенно, его суду и расправѣ. Такъ какъ Жувъ давно уже высказывалъ ему свои подозрѣнія относительно мадамъ де-Бовъ, то онъ не былъ нисколько изумленъ ея появленіемъ въ его кабинетѣ; при томъ черезъ его руки проходила такая масса невѣроятныхъ кражъ, что онъ считалъ женщину способной изъ-за куска тряпки на всякую подлость. Зная мадамъ де-Бовъ за хорошую знакомую Мурэ, онъ обратился къ ней съ изысканной вѣжливостью.

— Мы можемъ понять и извинить, сударыня, подобныя слабости... Но подумайте только, въ какое положеніе вы себя ставите, если-бы кто-нибудь изъ постороннихъ видѣлъ, какъ вы прятали кружево...

Въ порывѣ негодованія, она не дала ему договорить. Какая наглость! Да за кого онъ ее принимаетъ? Онъ долженъ помнить, что она жена графа де-Бовъ, генераль-инспектора коннозаводства, имѣющаго доступъ ко двору!

— Все это мнѣ извѣстно, мадамъ, спокойно отвѣчала Бурдонкль.—Я имѣю удовольствіе васъ знать, и тѣмъ не менѣе,

вы должны будете отдать все спрятанное на васъ кружево.

Она снова перебила его такимъ потокомъ негодующихъ восклицаній и угрозъ, что всякій другой на мѣстѣ Бурдонкля усумнился-бы, заподозривъ ошибку со стороны инспектора.

— Берегитесь, милостивый государь! Мой мужъ обратится къ министру!

— Какая вы, однако, несговорчивая! воскликнулъ выходявшій изъ терпѣнія Бурдонкль; — нечего дѣлать, придется васъ обыскать.

— Хорошо-же, общипте меня, произнесла она съ гордой увѣренностью; — но помните, что вы ставите на карту свой магазинъ.

Жувъ отправился за двумя продавщицами корсетовъ и, вернувшись, шепнулъ Бурдонклю, не находятъ-ли онъ нужнымъ арестовать и дочь этой дамы, которая все время не отходитъ отъ дверей кабинета. Неуклонно строгій въ правилахъ морали, Бурдонкль не счелъ приличнымъ дѣлать дочь свидѣтельницей позора матери и приказалъ ее не трогать.

Тогда мужчины вышли въ другую комнату, а продавщицы занялись осмотромъ воровки, раздѣвъ ее почти до рубашки. На груди, за корсетомъ и въ рукавахъ пальто мадамъ де-Бовъ оказались, кромѣ куска алансона, — кружевной платокъ, вѣерь и галстухъ, всего на сумму четырнадцати тысячъ франковъ.

— Это западня! Мнѣ все это подбросили! кричала она, когда Бурдонкль и Жувъ вернулись въ кабинетъ. — Клянусь Богомъ, что мнѣ подсунули эти кружева!

Упавъ на стулъ, она рыдала, задыхаясь отъ стыда и бѣшенства. Отправивши продавщицу, Бурдонкль заговорилъ съ ней тѣмъ-же спокойнымъ тономъ.

— Изъ уваженія къ вашему семейству, графиня, мы готовы замять это дѣло. Но для этого необходимо, чтобы вы дали мнѣ такую росписку: «я признаю, что украла въ магазинѣ «Bonheur des Dames»... и такъ далѣе, число и подпись. Я возвращу вамъ обратно эту росписку, какъ только вы внесете мнѣ двѣ тысячи франковъ на бѣдныхъ».

Она вскочила какъ ужаленная и съ негодованіемъ закричала:

— Никогда я не дамъ вамъ подобной росписки, хоть-бы мнѣ пришлось поплатиться жизнью!

— Ну, жизни вашей намъ не нужно, а вотъ за комиссаромъ полициѣ я пошлю сейчасъ.

Тогда началась страшная сцена. Она неистово кричала, осыпала ихъ бранью и проклятіями, упрекала въ жестокости къ слабой женщинѣ, просила пощады, заклинала именемъ ихъ матерей, плакала и падала на колѣни. Когда ничто не подействовало, она въ бѣшенствѣ схватила перо и дрожащей рукой, царапая поминутно бумагу, написала въ отчаянныя росписку.

— Вотъ возьмите... Я уступаю силѣ, повторяла она прерывающимся отъ волненія голосомъ.

Бурдонкль взялъ росписку, спокойно сложилъ ее и положилъ въ ящикъ бюро.

— Вы видите, сказалъ онъ,—что ихъ у меня много: эти дамы не особенно спѣшатъ получить ихъ обратно. Во всякомъ случаѣ, она къ вашимъ услугамъ, какъ только вы сочтете нужнымъ заплатить за нее двѣ тысячи франковъ.

Она поправила платье и снова приняла свою обычную гордую осанку.

— Я могу уйти? спросила она рѣзко.

Успѣвшій уже забыть о ней и заняться другимъ дѣломъ, Бурдонкль утвердительно кивнулъ головой. Она кинула на нихъ взглядъ ненависти и быстро вышла изъ комнаты.

— Мерзавцы! крикнула она имъ, неистово хлопнувъ дверью.

Бланшъ между тѣмъ не отходила отъ двери. Не зная, что дѣлается въ кабинетѣ и замѣчая только суматоху и бѣготню, она уже рисовала себѣ грозные образы судей, жандармовъ, тюрьму.

Вдругъ за нею раздался голосъ Поля.

— А гдѣ же мать?.. Вы потеряли другъ друга? Да отвѣчай-же, что случилось?

Она была въ такомъ замѣшательствѣ, что ничего не могла придумать.

— Мама... мама... она украла... пробормотала она почти шепотомъ.

— Какъ! что украла?

Онъ посмотрѣлъ на испуганное ожирѣвшее лицо жены и, наконецъ, понялъ.

— Кружева... продолжала бормотать Бланшъ.

— И ты это видѣла, ты была свидѣтельницаей?! вскрикнулъ въ ужасѣ Поль.

Но имъ пришлось замолчать, такъ какъ изумленная публика оборачивалась въ ихъ сторону.

Что дѣлать? куда обратиться? И Поль уже рѣшился зайти къ Бурдонкю, какъ вдругъ увидѣлъ проходившаго по галлерей Мурэ. Приказавъ женѣ подождать его здѣсь, онъ схватилъ его за руку и въ отрывочныхъ фразахъ разсказалъ ему о случившемся.

Мурэ увелъ его къ себѣ въ кабинетъ и постарался увѣрить, что кража никому не будетъ извѣстна, такъ какъ эти дѣла рѣшаются у нихъ дома, велейнымъ порядкомъ. Онъ отнесся къ этой кражѣ такъ спокойно, точно давно ее предвидѣлъ. Но Поль не могъ съ такимъ-же хладнокровіемъ отнестись къ воровству тещи, и разразился въ горькихъ жалобахъ на свою судьбу. Это ужасно! Сдѣлаться членомъ семьи ворововъ! И какъ это онъ могъ совершить такую глупость? Жениться... и изъ за чего? Изъ угожденія отцу дѣвушки!

Глядя на это отчаяніе почти плачущаго пріятеля, Мурэ невольно вспоминалъ его прежній философскій пессимизмъ. Не онъ-ли поминутно доказывалъ пошлость и пустоту жизни и необходимость полного равнодушія къ добру и злу? «Не ты ли проповѣдовалъ философію индифферентизма?» пріятельски поддразнилъ онъ Поля. Но Валаньоску было не до шутокъ. Всѣ фразы этого философа-скептика о безразличіи добра и зла, какъ только дѣло коснулось его самого, сразу смѣнились добродѣтельнымъ негодованіемъ щекотливаго буржуа противъ тещи, осмѣлившейся опозорить его честное имя, загрязнить его безупречную жизнь.

— Да перестань-же, успокойся, сказала Мурэ, прерывая потокъ его жалобъ;— чѣмъ шумѣть и вызывать скандалъ, ты лучше сдѣлаешь, если пойдешь и предложишь руку твоей тещѣ... Что за малодушіе! И это ты — проповѣдникъ презрѣнія къ жизни и людямъ!

Валаньоскъ послѣдовалъ совѣту пріятеля, и оба вернулись въ галлерей въ ту самую минуту, когда мадамъ де-Бовъ выходила отъ Бурдонкля. Она величественно оперлась на руку зятя и, увидѣвъ любезно поклонившагося ей Мурэ, произнесла намѣренно громко:

— Я ихъ заставила убѣдиться въ ихъ ошибкѣ Надѣюсь,

на будущее время они будутъ осторожнѣе... Это возмутительно!..

Бланшъ послѣдовала за ними, и они исчезли въ толпѣ.

Мурэ остался одинъ и въ глубокой задумчивости еще разъ прошелся по магазину. Отвлекшая его на минуту исторія съ мадамъ де-Бовъ, казалось, дала новый толчокъ происходившей въ немъ внутренней борьбѣ. Это воровство знатной дамы, это опьяненіе кишѣвшей вокругъ него толпы набросившихся на товары покупательницъ невольно вызывали въ его воображеніи гордый образъ неподкупной Денизы, опускавшійся надъ нимъ точно ангель возмездія.

Онъ остановился на центральной площадкѣ, откуда во всѣ стороны разстилались передъ нимъ обширныя галлерей и залы, густо усѣянныя народомъ. Было уже шесть часовъ и приближались сумерки. Мало-по-малу воцарялся полумракъ, среди котораго тамъ и сямъ вспыхивали одна за другой электрическія лампы, озарявшія фантастическимъ луннымъ свѣтомъ. снѣжныя равнины магазина, которыя загорались вдругъ синевато-бѣлымъ пламенемъ. Охваченныя этимъ заревомъ волны окутавшаго колонны бѣлаго муслина, покрывавшія лѣстницы бѣлыя полосы бумазей и пике, висѣвшія подобно бѣлымъ знаменамъ покрывала и падавшія съ потолка облака бѣлаго кружева придавали магазину видъ какого-то волшебнаго шатра въ глубинѣ котораго, подъ шелковымъ покровомъ алькова, покоится съ взоровъ толпы царственная невѣста.

Мурэ стоялъ на площадкѣ, продолжая задумчиво смотрѣть на черныя тѣни, мелькавшія среди этого фантастическаго свѣта. Толпа женщинъ, опьяненная соблазнами выставки, начинала медленно расходиться, унося съ собою ощущеніе разгорѣвшихся и неудовлетворенныхъ желаній. Онъ смотрѣлъ на нихъ въ гордомъ сознаніи, что это дѣло его рукъ, что онъ, благодаря своему гению, своей неистощимой изобрѣтательности и чарующей угодливости, покорилъ себѣ эту толпу женъ и матерей и царить надъ нею какъ деспотъ, по капризу котораго раззоряются цѣлыя семьи. Онъ чувствовалъ себя создателемъ новой религіи, организаторомъ культа красоты и тѣла, замѣнившаго въ сердцѣ женщины утраченную вѣру; вмѣсто пустѣющихъ мало-по-малу церквей, онъ выстроилъ свой гигантскій базаръ, служившій теперь храмомъ, куда стекается восторженная толпа вѣрующихъ. Вздумай онъ хоть на короткое

время закрыть свой магазинъ, и на тротуарѣ, передъ его дверьми, раздадутся негодующіе крики женщинъ, которыхъ лишили ихъ храма, ихъ исповѣдальни, гдѣ онѣ проводили всѣ свободные часы, отдыхая отъ житейскихъ заботъ и огорченій.

Уже десять лѣтъ подъ-рядъ онъ видитъ эти знакомыя лица вѣрующихъ, неумоимо блуждающихъ по его галлереймъ, лѣстницамъ и висячимъ мостамъ. Вонъ тамъ, напротивъ, въ отдѣлѣ мебели, носится въ сопровожденіи дочери, въ своей страсти къ покупкамъ мадамъ Марти. Вотъ расчетливая и осторожная мадамъ Бурдлэ, которой никакъ не удается оторвать своихъ ребятишекъ отъ соблазнительно разставленныхъ игрушекъ. А вотъ и опирающаяся на руку своего зятя мадамъ де-Бовъ, продолжающая съ той-же величественной осанкой оглядывать товары. Вотъ все это волнующееся море женскихъ бюстовъ, украшенныхъ букетами розданныхъ имъ фіалокъ; среди нихъ тамъ, въ отдѣлѣ перчатокъ, сверкаютъ полныя плечи Генріэты, которая, не смотря на ревность и злобу, не въ силахъ удержаться отъ покупокъ.

Машинально онъ сошелъ съ площадки и направился дальше, вдоль галлерей, увлекаемый потокомъ напиравшей на него толпы. Онъ очнулся только въ отдѣленіи молъ, выходящемъ окнами на улицу Десятаго Декабря, и, остановившись у окна, сталъ смотрѣть на расходящуюся толпу. Лучи заходящаго солнца позолотили верхушки новыхъ домовъ, бросавшихъ темную тѣнь на улицу, освѣщенную мерцающимъ свѣтомъ электрическихъ лампъ магазина. По направленію къ Оперѣ и Биржѣ уносился тройной рядъ экипажей, терявшихся мало-по-малу во мракѣ сумерекъ и увозившихъ во всѣ концы Парижа запоздавшихъ покупателейницъ «Bonheur des Dames». Передъ дверью магазина поминутно раздавались окрики прислуги, грохотъ подѣзжавшихъ фіакровъ, хлопанье дверецъ и топотъ спѣшившихъ домой пѣшеходовъ, и все это сливалось въ одинъ глухой гулъ, постепенно стихавшій и терявшійся вдаль. Надъ пустыющей улицей опускалась тихая чарующая ночь, и казалось, что духъ успокоившагося города носился въ воздухѣ, наводя на все сладкую дремоту.

Долго стоявшій въ забытіи Мурэ почувствовалъ въ эту минуту, что въ душѣ его происходитъ что-то странное. Въ-стѣ съ гордымъ сознаниемъ своего окончательнаго торжества и побѣды надъ Парижемъ и женщиной, онъ чувствовалъ необъ-

ясный упадокъ силъ и воли, какую-то неодолимую потребность самому покориться, признать себя побѣжденнымъ и уступить передъ наступавшей на него высшей силой. Мысль о женитьбѣ, противъ которой онъ боролся столько мѣсяцевъ, которую еще сегодня утромъ считалъ непозволительной глупостью, казалась ему теперь единственнымъ исходомъ и спасеніемъ и овладѣла имъ до такой степени, что каждый часъ казался вѣчностью.

Съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ ходилъ онъ въ этотъ вечеръ по кабинету, вздрагивая при малѣйшемъ шорохѣ, какъ юноша, ожидающій рѣшенія своей участи, и поминутно подбѣгая къ двери. Вдругъ сердце въ немъ страшно забилося: вдали послышался глухой, постепенно приближающійся гулъ. Затѣмъ явственно раздались тяжелые шаги кассира Ломма и двухъ рабочихъ, нагруженныхъ выручкой и медленно подвигавшихся среди одобрительнаго говора прикащиковъ, привѣтствовавшихъ это триумфальное шествіе золотого тельца.

Мурѣ быстро растворилъ двери.

— Милліонъ, двѣсти-сорокъ-семь фразковъ, девяносто сантимовъ! произнесъ кассиръ, задыхаясь отъ усталости.

Въ первый разъ дневная выручка магазина достигла цифры, которая была давнишней мечтой Мурѣ. Но, вмѣсто радости, на лицѣ его выразилось раздраженіе и неудовольствіе человѣка, увидѣвшаго не то, что ждалъ.

— Хорошо, положите на столъ, небрежно произнесъ онъ.

Мѣшки грузно свалились на письменный столъ, и звонкая монета выглянула изъ отверстій и посыпалась на бумаги и счеты, точно приглашая полюбоваться на нее, свѣжую, только-что выпешую изъ кармановъ покупательницъ, не успѣвшую еще остыть.

Лишь только вышелъ кассиръ, недовольный равнодушіемъ патрона, какъ въ кабинетъ вбѣжалъ Бурдонкъ.

— Ну что! Наконецъ-то мы выручили этотъ милліонъ! весело воскликнулъ онъ.

Но, замѣтивъ раздражительное состояніе Мурѣ, онъ тотчасъ-же все понялъ и умолкъ. Въ глазахъ его сверкнула радость.

— Вы рѣшились, наконецъ? спросилъ онъ послѣ непродолжительнаго молчанія.—И прекрасно! Могу только одобрить васъ.

Но Мурэ вдругъ остановился передъ нимъ и въ бѣшенствѣ произнесъ:

— Послушайте, милѣйшій, вы сегодня что-то черезъ-чуръ веселы!.. Вы, кажется, считаете меня погибшимъ и точите зубы.. Берегитесь, меня не такъ-то легко съѣсть!

Оторопѣвшій отъ неожиданной атаки этого дьявольски пронизательнаго человѣка, который какимъ-то непонятнымъ способомъ угадывалъ всѣ его мысли, Бурдонкль растерянно пробормоталъ:

— Что съ вами? Вы шутите? Подозрѣвать меня, всегда питавшаго къ вамъ только преданность и удивленіе!..

— Не лгите! раздражительно перебилъ его Мурэ.—Слушайте: мы съ вами были ребячески глупы съ нашимъ суевѣрнымъ страхомъ передъ женитьбой, забывая, что въ ней одной сила, здоровье и порядокъ жизни. Да будетъ же вамъ извѣстно, мой милый, что я женюсь на ней и вышвырну за дверь всякаго, кто осмѣлится пикнуть хоть слово! Слышите? И вы, Бурдонкль, какъ и всякій другой получите расчетъ! Ступайте!

Ошеломленный Бурдонкль покорно вышелъ и, встрѣтившись у дверей съ входившей въ кабинетъ Денизой, низко поклонился этой побѣдившей его женщиной.

— Наконецъ-то вы пришли! радостно встрѣтилъ ее Мурэ.

Дениза была сильно взволнована. Идя сюда, она встрѣтилась съ Делошемъ, который сообщилъ ей, что его рассчитали, какъ неспособнаго продавца, не подающаго никакихъ надеждъ, и не пожелалъ даже, чтобы она ходатайствовала за него у Мурэ. «Для чего упорствовать, говорилъ онъ, когда все равно не везетъ? Зачѣмъ своимъ присутствіемъ наводить только уныніе на другихъ?» Она братски простилась съ нимъ, думая о томъ, что черезъ нѣсколько минутъ и она, если у нея хватить достаточно мужества, покинетъ этотъ магазинъ и будетъ искать забвенія въ глуши.

— Вы просили меня зайти, начала она своимъ обычнымъ спокойнымъ тономъ.—Я, впрочемъ, и сама зашла-бы простить-

ся съ вами и поблагодарить васъ за всю вашу доброту ко мнѣ.

Ее покорила эта груда сваленныхъ на столъ денегъ. Изъ висѣвшей на стѣнѣ позолоченой рамки на нее по-прежнему смотрѣло ласковое, спокойное лицо мадамъ Гедуэнъ съ неизмѣнной улыбкой на губахъ.

— Вы все-таки хотите насъ оставить? спросилъ онъ дрожащимъ голосомъ.

— Да, это необходимо.

Онъ схватилъ ея руки и, охваченный неудержимымъ приливомъ нѣжности, произнесъ:

— Дениза, слушайте, неужели вы не останетесь даже и въ томъ случаѣ, если я попрошу вашей руки?

Но она вырвала у него руки и болѣзненно простонала:

— О, нѣтъ! Ради Бога, не говорите объ этомъ! Не мучьте меня больше! Я не могу, не могу!.. Богъ свидѣтель, что я покидаю васъ только для того, чтобы избавить васъ отъ такого безумія!

— Но я хочу этого... хочу, слышите! говорилъ онъ, волнуясь все больше и больше.

— Нѣтъ, это невозможно!.. А мои братья? Я поклялась быть для нихъ матерью... Я не могу ихъ оставить.

— Ваши братья будутъ моими братьями. Скажите-же: да, Дениза!

— Нѣтъ, нѣтъ! Оставьте меня, не мучьте меня!

Онъ изнемогалъ, выходилъ изъ себя, терялъ рассудокъ. Какъ! Она не хочетъ уступить даже въ виду его послѣдней жертвы! Издали до его слуха доносились возгласы трехъ тысячъ прикащиковъ, убравшихъ по ящикамъ миллионныя богатства его базара; на столѣ, точно въ насмѣшку надъ его безсиліемъ, лежалъ этотъ безсмысленный миллионъ.

— Такъ уходите-же, оставьте меня! въ отчаяніи воскликнулъ онъ, заливаясь слезами.—Идите къ тому, кого вы любите!.. Вѣдь въ этомъ весь секретъ—неправда-ли?.. Вы-же сами сознались въ этомъ, а я былъ такъ глушь, что продолжалъ васъ мучить.

При видѣ этого отчаянія и слезъ, она не выдержала. Сердце ея готово было выскочить. Въ порывѣ какого-то дѣтскаго восторга, она бросилась къ нему на шею и, громко рывая, бормотала:

— Да вѣдь я васъ люблю, васъ одного!..

Изъ магазина донесся послѣдній гулъ расходившихся по домамъ прикащиковъ. Спокойное лице мадамъ Гедуэнъ по-прежнему ласково улыбалось. Державшій въ своихъ объятіяхъ Денизу, Мурэ въ изнеможеніи опустился на стулъ и, безумно прижимая ее къ груди, шепталъ, что теперь она можетъ ѣхать отдохнуть въ свою Волонью, а черезъ мѣсяць онъ самъ пріѣдетъ за ней и привезетъ ее сюда уже своей женой.

КОНЕЦЪ.

ПЕТРЪ НА ОЛОНЦЪ.

Virtuti nulla via inuia.

«Мы нынѣ въ походѣ близъ непріятельской границы обрѣтаемся и при помощи Божіей не чаемъ праздны быть»—писалъ Петръ своему безталанному и далеко невѣрному союзнику королю польскому Августу II. Да и въ самомъ дѣлѣ вершилъ онъ тутъ дѣло немалое, такое дѣло, которое подъ силу и стать развѣ гигантамъ, созданнымъ не по дѣшинной людской трафареткѣ. Писанная исторія давно уже оцѣнила Петра, а живущій преданіями народъ благоговѣнно соблюлъ даже и малѣйшія о немъ воспоминанія и бережно передаетъ ихъ своему потомству «старымъ людямъ на послушанье, а молодымъ въ поученье». Писанная исторія рада забыть то, что въ характерѣ Петра было данью вѣку и съ восторгомъ останавливается на томъ, что можетъ во всемъ ея блескѣ и величіи представить грандіозную личность Петра. Народъ, съ своей стороны, хоть и не забылъ, а какъ-то простилъ Петру тѣ тяготы, что наложилъ онъ ему на плечи, и вполне сознательно относится къ этимъ тяготамъ, какъ къ неизбѣжному злу на пользу, и помнитъ не «грознаго» Петра, а «надежу», того Петра, что былъ ему заступою и обороною, что на ряду съ нимъ ходилъ и работалъ на общее дѣло, что является въ сознаніи народномъ тѣмъ же «устроителемъ земли свято-русской», каковымъ въ стихахъ духовныхъ явился Егорій храбрый. Какъ понималъ Петръ «непраздность», въ чемъ состояла въ то время его «работа» и какъ онъ къ ней относился—это-то мы и постараемся указать въ нашемъ разсказѣ.

I.

Тяжко было у Петра на сердцѣ въ началѣ 1700 года; ничто не спорилось: войска у него было мало, снаряды—которые поизстрѣлены, а которые свалены были въ разныхъ дунетахъ, такъ что приходилось свозить ихъ въ потребное мѣсто на обыватель-

скихъ подводахъ, что, конечно, требовало не мало времени, затягивало дѣло, раззоряло и обездоливало народъ и давало шведамъ возможность то и дѣло доказывать свое превосходство надъ Петровыми силами. Къ довершенію всяческихъ бѣдъ и напастей, не хватало и пушекъ. Дома тоже дѣла шли не особенно ладно, такъ какъ Петръ зналъ и воочію видѣлъ, что недруги его присмирѣли лишь на время и ждутъ только удобнаго случая, чтобы снова поднять голову и затѣять новую смуту «на руку Свейскому» и, конечно, себѣ на погибель. Петръ видѣлъ, что отъ перваго его успѣха зависитъ все послѣдующее, а потому и рѣшился предпринять диковинное дѣло, гдѣ онъ ставилъ на послѣднюю рѣшительную карту и успѣхъ затѣяннаго имъ дѣла и свою собственную жизнь, которую, впрочемъ, и раньше, да и позже не жалѣлъ тамъ, гдѣ дѣло шло о благѣ созданной имъ Россіи.

А тутъ то и дѣло доходило до него свѣдѣнія о новыхъ вооруженіяхъ «новаго викинга», отважнаго короля шведскаго Карла XII, который прекрасно понялъ, что вражда его съ Петромъ далеко не есть что либо преходящее; а что это споръ, грозный и рѣшительный споръ между Швеціею и нарождающею Россіею о томъ, кому признать чье главенство, кому расширять свои предѣлы и кому развивать свои внутреннія силы, ограничившись тою территоріею, границы которой будутъ указаны побѣдителемъ. Карлъ, видимо, рѣшился поставить на карту все, что было въ его распоряженіи: онъ собиралъ двѣ значительныя эскадры съ какими-то «никому невѣдомыми» цѣлями, въ Финляндіи повсюду набирались все новыя и новыя дружины, а Швеція не переставала отдавать королю своихъ сыновъ, которыхъ онъ обѣщался въ изданномъ имъ въ началѣ 1700 года манифестѣ «возвратить странѣ изукрашенными лаврами».

Весною 1700 года довѣренный человѣкъ Петра Андрей Артамоновичъ Матвѣевъ, донесъ ему изъ за границы, что Карлъ потому снаряжаетъ двѣ флотиліи, что думаетъ напасть на Россію съ двухъ сторонъ. Очень не нравилось «Свейскому», что могутъ въ Россію ходить иностранные гости черезъ Бѣлое море и сильно хотѣлось ему отодвинуть Петра вовсе отъ моря, такъ какъ онъ понималъ, что только обладаніе моремъ можетъ доставить Россіи побѣду. Дѣлать было нечего; средствъ было въ распоряженіи у Петра мало, а все-же не приходилось оставить Архангельска безъ воинской защиты. Наскоро собрали три полка солдатскихъ, въ которыхъ за разными безпорядками оказалось всего лишь 1,821 человѣкъ строевыхъ чиновъ, да въ Новгородъ посланъ былъ царскій указъ собрать немедленно всѣхъ «малолѣтнихъ» драгунъ, т. е. такихъ, которые не успѣли еще дослужить своего срока или-же и

вовсе еще на службѣ не были, а считались или недорослями, или же въ «нѣтяхъ». Какъ ни бились начальныя люди, а набрали такихъ драгунъ всего лишь 534 человекъ. Исконный обычай сказыванья «въ нѣтяхъ» и тутъ выполненъ былъ со всякимъ тщаніемъ и попали въ счетъ и въ высылку только лишь тѣ, кому и бабушка не ворожила, да и судьба не улыбалась насчетъ гамзы для выкупа у капральныхъ и приказныхъ людей, которые такъ и вривались въ тѣ дворы, гдѣ проживали малолѣтніе. зная напередъ, что или будетъ пожива царю или кошелю. Въ Тихвинскомъ уѣздѣ и до сей поры помнитъ народъ объ этомъ времени, но по обычаю своему дѣлаетъ дѣйствующимъ лицомъ самого Петра и увѣряетъ, что онъ самъ «ходилъ по дворамъ и вышибалъ» нѣтчиковъ. Вотъ что удалось намъ записать по этому поводу: «Прятался народъ и въ рундуки и въ погреба темныя, анъ глазокъ-то у осударя сморокъ былъ, да и ндравъ угадливый. Ъдутъ съ Балакиремъ по большой дорогѣ и видятъ стоять хоромы барскія, самого главнаго боярина Шереметьева; самъ хозяинъ на встрѣчу идетъ, кланяется, хлѣбомъ солю царя привѣчаетъ, а больше того любимую его анисвою водкою. Слово за слово—разговорились. Двое-де дѣтокъ у меня боярскихъ къ своему дѣлу приставлены, по твому, осударь, царскому указанію, какъ-бы, то есть, нѣмецкую науку произойти въ фершалы. А позовикась, сказываетъ осударь, сыновъ-то. Пришли—у притолоки стали, ровно пни середь лѣса. Сейчасъ это осударь вынулъ пузырекъ, да и спрашиваетъ у ихъ, что къ чему и отъ какой болѣзни существуетъ. Не знаютъ: ѣкаютъ только, да къ притолокѣ ближе придвигаются. Вынулъ другой, опять спрашиваетъ, а отвѣтъ все тотъ-же. Разгорѣлся осударь на стараго: «такая-ли, говорить, наука фершалская нѣмецкая и толи дѣло боярское, чтобы псовъ по задворкамъ гонять, да надъ бабами вудесничать—лобъ, кричить, и дубинкою намѣряется. Только вдругъ и выходитъ изъ горницы дядько ихъ старшій, боярскій холопъ, что на своихъ на рукахъ ихъ вынянчилъ, выпестовалъ: «Царь, сказываетъ, батюшка! не осерчай на меня на стараго, дозволю слово молвить!» Ничего, дозволилъ, а только дубинку пуце прежняго ручкой жметъ, а ручка-то легкая—шесть досокъ на верхній ярусъ самъ не разъ изнашивалъ. А дѣдъ-то и говоритъ: «Они и здѣсь-то въ теплѣ сопельки сами не утрутъ, не высморкаются, такъ гдѣ-же имъ воевать! дозволю и мнѣ съ ними итить съ несмысленочками». Какъ вскочить осударь съ своо мѣста, да какъ хватить дубинкою по столу, такъ что и столъ-то весь разсѣлся на двое: «Эхъ ты мое боярство сопатое! видно вѣкъ мужику твою сопли вытирать, а самъ-то не домекнешься!» да и заплакалъ батюшка, и слезно заплакалъ... Спасибо Балакирь выручилъ

своимъ словомъ шуточнымъ, мужицкимъ: «Такъ-де, осударь батюшка, и въ писаніи сказано: бояре-де на томъ свѣтѣ будутъ въ котлахъ кипѣть, а мужики будутъ дровецъ подкладывать, ихней милости прислуживать». Разсмѣялся тутъ осударь: дядьку къ своему сынку взялъ: этакіе-де люди мнѣ требуются, а дворянскихъ дѣтей послалъ землю копать на канавѣ, а самого хозяина въ приказные взялъ; тутъ-де и тебѣ съ твоею фальшей мѣсто пригодное разыщется».

Благодаря отлыниванью, обману и подкупу мало войска собралось къ Архангельску, а припасовъ воинскихъ и того было меньше. По статейнымъ крѣпостнымъ спискамъ значилось въ этой чуть не первостатейной, если не по силѣ, то по значенію, крѣпости пушекъ мѣдныхъ 19, да крѣпостныхъ 15, изъ которыхъ три были хорошія, скорострѣльные; спасибо еще удалось фрегатъ шведскій захватить, такъ съ него на свою бѣдность сняли еще 13 желѣзныхъ пушекъ, такъ какъ и ими брезговать не приходилось и онѣ при случаѣ могли пригодиться на безрыбѣ, въ силу старинной, теперь уже вышедшей изъ обычая, артиллерійской кавказской поговорки: «не мѣдъ бьетъ, а жерло»; въ то время таково было убѣжденіе не только солдатъ, но и самихъ воеводъ руководителей. Такъ бился Петръ цѣлыхъ два года, не преуспѣвая въ своихъ начинаніяхъ, ради земскаго раззоренія и того, что люди, служившіе ему помощниками, вовсе и не думали быть проникнутыми однѣми съ нимъ мыслями; дѣлать было нечего—приходилось какъ-нибудь изворачиваться, тѣмъ болѣе, что не успѣла еще въ 1702 году зима сойти, какъ тотъ-же Андрей Матвѣевъ донесъ, что Карлъ не на шутку задумалъ выполнить свою завѣтную мысль и сдѣлать диверсію въ Бѣлое море. Ждать дальше было нечего. Вскипѣлъ Петръ, какъ и всегда то случалось съ нимъ въ тяжкія минуты, посыпались его собственноручные указы и самъ онъ взялся за работу. Давнишнее знакомство царя съ англійскими и голландскими шкиперами помогло ему въ бѣдѣ неминуемой, такъ какъ, лишенный артиллеріи, Петръ прямо къ нимъ-то и обратился за помощью. Такъ-ли, иначе-ли, добромъ-ли, своимъ-ли высокимъ указомъ, а только велѣлъ Петръ со всѣхъ иностранныхъ кораблей: голландскихъ, англійскихъ и гамбургскихъ посылать «излишнія» пушки, а излишними царь считалъ изъ каждыхъ десяти пушекъ—три. Хотя и неладно оно выходило съ точки зрѣнія международнаго права, но во-первыхъ въ тѣ времена не особенно этимъ правомъ церемонились, да и Петру-то въ особенности тогда не приходилось имъ стѣсняться, такъ какъ вопросъ шелъ о томъ, быть ли де быть Россіи европейскою великою державою. Давно уже строилась на Малой Двинѣ крѣпость и народу

согнано было довольно, да народъ-то то былъ все неумѣлый, къ земляной работѣ непривычный, такъ что Петръ все торопилъ и торопилъ тѣхъ довѣренныхъ лицъ, которымъ поручено было при-сматривать за постройкою. Денегъ тоже было маловато, такъ что были посланы особые приказные съ тѣмъ, чтобы сколачивать деньги съ двинянъ, каргополовъ, чаронцевъ, кеврольцевъ и мезенцевъ, у которыхъ и безъ того уже денегъ было маловато и вѣчно едва хватало на свое годовое прокормленіе. Какъ-бы то ни было, но въ 1701 году подъ Архангельскомъ возвышались уже 4 батареи съ редутами и шанцами, которыя могли противустоять первому натиску высадившагося десанта. Въ то-же время кипѣла и судодѣльная работа, такъ какъ дѣлались 6 брандеровъ, изготовляемыхъ для сожженія шведской эскадры, да кстати сдѣлано было распоряженіе и о томъ, чтобы засыпать пескомъ, землею и камнями старыя Устья Двины, извѣстныя подъ именемъ Мурманскаго и Пудожемскаго. Укрѣплять ихъ было некогда, да и не на что, а потому Петръ и велѣлъ не жалѣть свай, которыя вбивались по всему Двинскому устью съ цѣлю преградить шведамъ доступъ къ Архангельску и къ русскимъ землянымъ укрѣпленіямъ. Петру и этого всего казалось мало; хотѣлось ему елико возможно лучше укрѣпить единственный свой портъ, а потому и привезла оны Головину «дѣлать еще новую крѣпость Вагою, Устюгомъ, Сольвычегодскомъ и Тотьюю; пушекъ послать съ заводовъ 100, пороку 1000 пудовъ; солдатъ взять 1000 отъ Тихона». Видно выбились уже изъ силъ ближніе къ Архангельску обыватели, если пришлось привлечь къ новой постройкѣ такихъ дальнихъ людей, каковы напримѣръ тотемцы, устюжцы, сольвычегодцы и важенцы. Да и дѣйствительно тяжело было тогда народу, если оны и до сихъ поръ помнятъ о томъ лютomъ времени. «Гнали тогда народъ изъ всѣхъ мѣстъ», записали мы въ томъ-же Тихвинѣ,—«такъ что на тропахъ въ лѣсу людиѣе стало, нежѣ по селамъ и деревнямъ. Осударь бывало выйдетъ къ погосту изъ лѣсу, да и кликнетъ кличь народу: помогите, православные, отбиться отъ супостата, отогнать невѣрнаго!—Ино волею народъ шель, ино силою брали приказные, что слѣдомъ за царемъ ѣхали и подбирали тѣхъ, кто слова царскаго не послушался. А царю то и не въ домекъ, что приказные насильничаютъ, да охальничаютъ. Только пришелъ оны къ Соловкамъ, гдѣ въ ту пору крѣпость ставили, привелъ охочій народъ съ собою, да и сталъ, благословясь, рвы копать и землю сыпать; долго-ли, коротко-ли—видитъ еще шнявъ десять съ народомъ валить. «Вы зачѣмъ?» спрашиваетъ. «Пригнали», сказываютъ,—«крѣпость строить». Разсерчалъ осударь свпрѣпостью и всѣхъ приказныхъ расказнилъ,—миѣ де вольный народъ надобенъ,

а не сбитый! Вы что-ли землю-то пахать будете за нихъ, да по-дати платить? Какъ смѣли мою волю мѣнять! Я ихъ на мѣстѣ на сѣмена оставилъ, а вы куринымъ своимъ умомъ по иному раздумали». Такъ и угналъ народъ во-свои, да еще все имѣніе отъ приказныхъ отобралъ и народу отдалъ—«было-бы-де вамъ чѣмъ мнѣ подмогу сдѣлать, когда потребуется».

Хоть и приказано было собрать и отослать 100 пушекъ, но легче это было написать въ указѣ, нежели выполнить на самомъ дѣлѣ, такъ какъ готовыхъ-то и вовсе такого количества не было, а дѣлать ихъ и некогда, да и не изъ чего, такъ какъ въ Россіи не было добропорядочныхъ мѣдныхъ рудъ, да и заводовъ тоже не было. Виніусъ только и дѣлалъ, что лилъ кое-какія пушки, но постоянно жаловался на недостатокъ матеріала и докладывалъ, что необходимо отыскать руду и построить хорошій мѣднолитейный заводъ. Ровьиски въ этомъ отношеніи производились уже давно, еще со временъ Алексѣя Михайловича, да за отсутствіемъ руководителя все какъ-то дѣло не спорилось. Еще до Петра датчанинъ Розенбушъ имѣлъ плохенькіе заводы на Устьѣ-рѣкѣ въ нынѣшней Олонецкой губерніи и у Ковшозера въ Фоймогубѣ, хотя и устроенные при помощи правительственной субсидіи, но рѣшительно неудовлетворявшіе военнымъ потребностямъ государства. Къ довершенію бѣды, въ битвѣ подъ Нарвою шведы отняли всю русскую артиллерію, такъ что потребовались чрезвычайныя мѣры къ отливкѣ новыхъ пушекъ. Что тутъ было дѣлать Петру? Неужели-же только полагаться на свое счастье и на волю Божию? Не таковъ былъ Петръ, чтобы остановиться передъ фактомъ и ждать у моря погоды, а потому онъ и издалъ указъ о томъ, чтобы отобрать церковныя и монастырскіе колокола и перелить ихъ въ орудія, но все-же, чуя, что указъ этотъ произведетъ не совсѣмъ выгодное впечатлѣніе, объяснилъ, что принужденъ въ такой мѣрѣ тѣмъ, что «зело надобно, ибо время, яко смерть». Тѣмъ-же указомъ отливка была возложена на того-же думнаго дьяка Виніуса, который сполна горя исполнялъ царскую волю, но чуть-ли не въ каждомъ письмѣ своемъ жаловался на недостатокъ красной мѣди. Вслѣдствіе этихъ постоянныхъ жалобъ, Петръ издалъ наконецъ 19 февраля 1702 года указъ о томъ, чтобы была немедленно послана въ сѣверный край, на Олонецъ, съ дозорщикомъ рудознатцемъ Патрушевымъ и подъячимъ Головачевымъ, партія иноземцевъ, имѣвшая во главѣ извѣстнаго своею опытностью въ рудномъ дѣлѣ саксонскаго пробирнаго мастера Блюэра, которому поставлено было Петромъ въ непремѣнную обязанность «сѣискать серебряныхъ и мѣдныхъ рудъ». Блюэръ былъ человѣкъ петровскаго закала и ученъ былъ царемъ не распускать нюни, а дѣлать дѣло

спохватисто и скоро, а пока что—приходилось довольствоваться церковными колоколами. И объ этой тяготѣ запомнилъ народъ и до сихъ поръ признаетъ, что церковники обязаны были поступиться своими колоколами на пользу государственную, на то правое и святое дѣло, за которое стоялъ Петръ. «И у насъ въ Палеостровѣ было въ тѣпоры восемь колоколовъ и очень отцы за нихъ стояли—очень ужъ звонъ хорошъ былъ у нихъ», — рассказывалъ намъ старикъ монахъ въ Палеостровскомъ монастырѣ; — «однако Петръ I и изъ нашихъ колоколовъ семь штукъ отобрать велѣлъ и на суднѣ свезть на заводъ въ Питеръ. Повѣсили наши отцы носы и стали къ государю приставать, чтобы онъ смилостивился и колокола монастырскіе оставилъ по старому. «А зачѣмъ вамъ колокола?» спрашиваетъ царь. «Созывать народъ къ божественному шѣснопѣнію», отвѣчаютъ. «Отъ васъ звона не услышать—въ другую церковь пойдутъ!» говоритъ царь. А монахи-то ему: «умалится-де слава святыхъ угодниковъ соловецкихъ и палеостровскихъ». Государь ничего не отвѣтилъ, а только приказалъ всѣмъ монахамъ съ игуменомъ сѣсть на судно и ѣхать вплоть до Шунги, а тамъ во всѣ уши слушать, что будетъ и, вернувшись, обо всемъ ему доложить. А самъ велѣлъ въ колокола перезванивать и три раза изъ пушки палить. Черезъ нѣсколько времени вернулись монахи. «Ну что-же вы слышали?» спрашиваетъ государь. «Слышать намъ было, будто кто трижды изъ пушки стрѣлялъ», отвѣчаетъ игумень. «Ну то-то вотъ и есть», — сказываетъ Петръ I, — «колоколовъ-то вашихъ и не слышали—небось они до васъ славу угодниковъ не донесли, а пушки-то мои мою славу до васъ донесли; такъ ужъ лучше давайте мнѣ ваши колокола, я ихъ на пушки перелю—авось онѣ славу вашихъ угодниковъ не то что до Шунги донесутъ, а и до самой шведской столицы, Стевольнаго города». И здѣсь, въ этомъ простомъ, народномъ преданіи, которое, конечно, не относится до Палеострова, а къ другой какой нибудь мѣстности, сказывается постоянное врожденное остроуміе Петра, которое свозить такъ часто во всѣхъ его рѣчахъ и письмахъ.

Что касается до пороху, то его было припасено нѣсколько тысячъ пудовъ у боярина Тихсна Стрѣшнева, который еще въ январѣ 1701 года отправленъ былъ царемъ въ Новгородъ и Псковъ въ качествѣ «судьи воинскихъ дѣлъ» или того, что впоследствии называлось генераль-аудиторомъ. Какъ ближайшіе къ шведской границѣ и главнымъ образомъ къ Нарвѣ, города эти имѣли громадное значеніе и помимо того, что отправлялось къ Архангельску, тутъ концентрировались артиллерійскіе парки и провіантскіе запасы для той арміи, которая должна была со временемъ дѣйствовать противъ ижорской земли и Эстляндіи. И сюда сгоняли народъ

на военныя надобности, но уже не въ одну голову, а и съ конями и подводами, на которыхъ везли снаряды и припасы, повезли мѣшкотно, такъ какъ повсюду лошади побѣдились и на пять дворовъ одна телѣжка оставалась. «Царь-батюшка все болѣе за неустройкою пѣшой ходилъ, а когда на праздниѣ хотѣлъ иноземнымъ царямъ показаться, приказывалъ закладывать лошадку каурупъ въ смычки, да такъ въ смычкахъ и войска глядѣлъ, и парады дѣлалъ». Какъ ни старался Петръ, а пособники его почти всѣ нигуда не годились, да и народъ въ такое состояніе пришелъ, что ему не въ силу была и легеньбая повинность, а не то, что поголовная служба въ строю, въ построикѣхъ укрѣпленій и въ доставкѣ разныхъ воинскихъ припасовъ.

Въ такомъ положеніи находились дѣла, когда новое письмо отъ Андрея Матвѣева снова обезпokoило Петра. Посолъ извѣщалъ уже теперь не гадательно, а прямо писалъ, чтобы царь ожидалъ не званыхъ, но давно чаянныхъ гостей не позже мая мѣсяца; приходилось теперь бросать уже приготовленія и выходить врагу на встрѣчу. И радъ-бы былъ Петръ послать кого въ дальній путь, да людей у него подходящихъ на эту подѣлку не было — всѣхъ-то «птенцовъ» приходилось отъ времени до времени пострашивать дубинкою, такъ какъ иначе и ими скоро овладѣвала пресловутая русская апатія, которая заставляла нашихъ предковъ сидѣть въ ловѣхъ «брады уставивъ, яко идола» и на всякій починъ ожидать «царскаго грознаго или милостиваго слова»; да къ тому-же, если бы и былъ такой человекъ, которому могъ-бы Петръ поручить защиту Архангельска, то все-же пришло-бы ему идти и самому, такъ какъ въ умѣ его сложился въ два года грандіозный, едва вѣроятный планъ, выполнить который могъ только самъ онъ, то орломъ летающій подъ облаками, то какъ простой, вѣчный труженикъ-муравей, работающій на ряду съ простыми смертными. Планъ этотъ давно уже созрѣлъ въ его геніальной головѣ; все онъ сообразилъ, все взвѣсилъ, сдѣлалъ всѣ необходимыя предварительныя распоряженія и, надѣясь на выносливость русскаго человека, на сильное вліяніе своего личнаго примѣра, на обаяніе своей желѣзной воли, на свою энергію, а отчасти и на счастье, которое должно-же наконецъ вернуться къ нему лицомъ, всегда выдаваясь тому, кто прямой и безповоротно идетъ всегда впередъ, Петръ рѣшилъ оставить Москву и предпринять невиданное и неслыханное со временъ Олега и Святослава дѣло — прохода по суху судовъ, да уже не ладій древнеславянскихъ, а правильно встроенныхъ на голландскій образецъ фрегатовъ. Надо было обойти шведовъ и, воспользовавшись неожиданностью и кажущеюся невозможностью этого дѣла, напасть на нихъ съ такой стороны,

откуда враги не въ какомъ случаѣ не ожидали, да и не могли ожидать нападенія, такъ какъ всѣ знали, что пробраться на Ладугу съ Вѣлаго моря невозможно. «отъ блатъ топкихъ, въ нихъ же и елень не проходитъ безопасно», какъ сказано въ одномъ изъ житій Александра Овиреваго, — «а въ тѣхъ блатѣхъ оконци мали и егда птица ту сядеть, оконце развернется и втянетъ ю, яко тяжелъ укладъ, либо камень». Понятно, что никому и въ умъ не пришла мысль о возможности пройти по этимъ «блатамъ» войску и проташить здѣсь морскія суда.

II.

Еще въ началѣ апрѣля походъ подъ личнымъ предводительствомъ царя былъ рѣшенъ и всякъ, кому дорого было расположеніе Петрово, спѣшили принять участіе въ этомъ «нѣкоемъ ухищреніи», какъ самъ онъ называлъ свой планъ въ позднѣйшихъ письмахъ къ польскому королю. Петръ не любилъ, чтобы его пособники и все, что было къ нему близко, сидѣли на печи въ то время, когда нужна каждая лишняя голова для совѣта, а потому, несмотря на разныя пренятствія, чинившіяся ему со стороны жены его и ея родственниковъ, приказалъ собирать въ походъ и двѣнадцатилѣтняго Алексѣя Петровича. Въ свитѣ Петра оказались всѣ педягѣйшіе птенцы и орлята его, которымъ тутъ-то и предстояла наука; пошли за нимъ А. И. Голицынъ, М. Г. Ромодановскій, В. И. Прозоровскій, Ѡ. А. Головинъ, Г. И. Головинъ, Ю. Ю. Трубецкой, К. А. Нарышкинъ, Н. М. Зотовъ, А. Д. Меншиковъ, переводчикъ П. П. Шафировъ, да благовѣщенскій протоиерей Іоаннъ Поборскій, который успѣлъ полюбитъся царю за невзыскательность свою и простоту. Съ одними однако боярами идти не приходилось и 5 батальоновъ гвардіи, численностью до 4000 человекъ, съ царемъ во главѣ, выступили по ярославской дорогѣ изъ Москвы 18 апрѣля 1702 года. Казалось—давать лишь отпоръ «Свейскому», а оказалось—созидать морскую и сухопутную мощь Россіи и навсегда обезопасить родину съ сѣвера. Хотя петровская гвардія и привычна была къ переходамъ и къ той муштровкѣ, которая введена была Петромъ, а все-же бездорожье и безконевье сильно замедляли движеніе, такъ что походъ продолжался цѣлыхъ 30 дней, а войска достигли только Вологды, откуда черезъ Тотму, благодаря приготовленнымъ на Двинѣ судамъ, прибыли наконецъ и въ Архангелаяскъ, гдѣ тысячи народа трудились надъ постройкою крѣпости и батарей.

Не успѣлъ еще Петръ отдохнуть съ дороги, какъ принялся и самъ помогать рабочимъ въ постройкѣ крѣпости, которую,

нецъ, и закончили, выстроивъ среди ея стѣны и церкви. Самъ-ли Петръ захотѣлъ увѣковѣчить свое пребываніе въ Архангельскѣ, или просили его о томъ священники, а только пожертвовалъ онъ въ небогатую ризницу новой церкви свой немудрый походный плащъ, изъ котораго и устроили саккосъ. Хотя и не казистъ этотъ архіерейскій саккосъ на видъ, да цѣненъ по воспоминаніямъ, такъ какъ не разъ прикрывалъ незабаванное тѣло Петра послѣ трудовъ его на благо родины. Теперь этотъ саккосъ хранится въ архангельскомъ кафедральномъ соборѣ и рѣдко кто изъ почитателей знаетъ, какое значеніе имѣетъ это одѣяніе. Работа кипѣла, отдыха не знали ни царь, ни его пособники, ни простые рабочіе, такъ-какъ время шло, а изъ-за границы то и дѣло приходили вѣсти о томъ, что вотъ-вотъ нагрянетъ шведская эскадра. «Мы по-малу управляемся въ готовности», писалъ Петръ Шереметеву, который въ то время былъ съ войскомъ въ Ингерманландіи, — «понеже о неприятелѣ непрестанно подтверждаютъ». Опытъ успѣлъ уже научить Петра, что крѣпость одна не въ состояніи биться съ флотомъ, а потому и рѣшено было гдѣ-нибудь по близости устроить верфь и выстроить какъ можно скорѣе нѣсколько кораблей, которые могли-бы помѣриться силами съ неприятелемъ. Когда еще въ 1701 году шведская эскадра въ числѣ 7 кораблей стала подъ англійскими и голландскими флагами на якоряхъ близъ Мудьюгскаго острова, то, только благодаря самоотверженію кормчихъ Ивана Рябова и Дмитрія Борисова, удалось Архангельску отдѣлаться отъ враговъ и въ концѣ концовъ заставить неприятельскія суда удалиться, ограничившись лишь сожженіемъ куйскихъ соловаренъ и 17 крестьянскихъ дворовъ, но теперь нечего уже было надѣяться на случайность и необходимо было перевѣдаться со шведами на морѣ, ни въ какомъ случаѣ не допуская ихъ до высадки, такъ-какъ на берегу устроены были склады, а если-бы раззорили ихъ, то не удалось-бы и самое «нѣкое ухищреніе» Петра. Времени терять было нечего и Петръ лично отправился разыскивать подходящее мѣсто для верфи, а пока пользовался имѣвшеюся уже на Вавчугѣ верфью Бажениныхъ, которыхъ онъ давно уже зналъ и миловалъ всячески. Еще въ первый прїѣздъ свой въ Архангельскъ Петръ познакомился съ этимъ предприимчивымъ и талантливымъ семействомъ, которое, какъ и быть должно, вышло изъ Новгорода и до сей поры носить въ себѣ слѣды энергичной крови новгородской. Предковъ Бажениныхъ, а нынѣ Латкиныхъ, которые вступили въ супружество съ женскою линіею этого рода, Симеонъ Баженинъ надумалъ какъ-то пойти искать новыхъ сележныхъ мѣстъ и переселился въ Холмогоры, гдѣ ожидалъ заняться прибыльною рыбною ловлею. Сынъ его Федоръ

наклонности къ промыслу не имѣлъ и, будучи довольно слабого здоровья, порѣшилъ удалиться отъ міра и ушелъ въ монастырь; однако и онъ обладалъ, повидимому, обширнымъ умомъ, такъ-какъ скоро мы видимъ его уже игуменомъ архангельскаго монастыря, при-чемъ онъ былъ посланъ въ Сибирь для обращенія тамошнихъ инородцевъ въ Христову вѣру. Еще живя въ міру, Федоръ былъ женатъ и имѣлъ сына, Кирилла, котораго мы видимъ во времена Никона сначала діакономъ въ холмогорскомъ преображенскомъ монастырѣ, а затѣмъ «въ домѣ Царскаго Величества» пѣвчимъ, куда онъ былъ взятъ «за изрядство голоса». Сынъ «сладкогласнаго» Кирилла, Андрей, не пожелалъ слѣдовать по стопамъ отца и почелъ за лучшее обратиться къ тому дѣлу, которымъ занимались его предки; онъ торговалъ въ Холмогорахъ и въ Архангельскѣ, а въ 1672 году женился и получилъ въ приданое за женою село Вавчугу, которое находится на правомъ берегу Сѣверной Двины, въ 13 верстахъ отъ Холмогоръ и 83 верстахъ отъ Архангельска. Счастливъ былъ Андрей на сыновей: и Осипъ, и Федоръ ребята были начливые и удачливые и основали у себя на селѣ корабельную верфь на потребу поморскихъ жителей, которые въ тѣ времена не только въ десять разъ больше нынѣшняго занимались промыслами, но даже ходили на своихъ судахъ туда, куда отважиться рѣдко идти и судно бѣломорской флотиліи, напримѣръ на Грумантъ (Шпицбергенъ), на Новую Землю и даже въ Обскую губу и за границу. Не плоха была ихъ постройка, такъ-какъ поваторѣли они на ней и приспособляли суда своей постройки именно къ ходу въ арктическія мѣстности; лѣсъ былъ хорошій, снащены суда во всей исправности, а главное легкоходны они были, руля бойко слушались и долго могли бороться со льдами. Прошла слава о Бажениныхъ по всему Поморью, забѣжала и въ чужеземныя государства, а тѣ не гнушались тогда русскимъ мастерствомъ, покупали ихъ зачастую про свою нужду и пускали ихъ по всѣмъ морямъ подъ своими датскими и голландскими флагами. Петръ понималъ всю важность Вавчутской верфи и умѣлъ оцѣнить починъ и старанія Бажениныхъ. Онъ всякій пріѣздъ свой заѣзживалъ къ нимъ въ домъ, бесѣдовалъ съ умными головами, учился у нихъ уму-разуму, кой-когда и ихъ научивалъ чему-нибудь доброму и въ концѣ-концовъ даровалъ имъ жалованную грамоту, которая прямо разрѣшаетъ жгучій, но еще не разрѣшенный вопросъ о томъ, какъ помочь нашему Сѣверу. Какъ увидимъ изъ этой грамоты, Петръ почти ни разу не употребляетъ глаголовъ въ положительномъ смыслѣ и постоянно твердитъ лишь одно и то-же, сводящееся къ завѣту: «не мѣшать». Онъ не сталъ съ Бажениными нянчиться, какъ съ малыши ребятами, такъ-какъ зналъ и видѣлъ, что у нихъ

есть своя голова на плечахъ и они смогутъ обойтись безъ мянъки. Народъ отлично помнить и Бажениныхъ и отношенія къ нимъ Петра, и утверждаетъ въ преданіяхъ своихъ, что отношенія эти были рѣшительно дружескія — и царь и кораблестроитель говорили другъ съ другомъ запросто, безъ затѣй, да за-то отъ сердца. «Какъ былъ тутъ осударь, коживши на Шведа, такъ очень ужъ его Осипъ Баженинъ удоволилъ, такъ удоволилъ, что и сказать нельзя! Выстроилъ, слышь, корабль, а какъ станеть тотъ корабль тонуть, такъ и вѣлъ не потонеть, потому мастеръ Осипъ двойное ему днище подвелъ. Осударь его и цѣлуеть и милуетъ: «чѣмъ мнѣ тебя награждать будетъ, Осипъ, за твою за вѣрную службу?» Всталилъ его на высокую колокольню, да и сказываетъ ему: «Вотъ видишь ты, Осипъ Андреевичъ, всю эту округу? все, что только глазъ твой видить отсюда: и села, и земли, и водн — все это твое, все это я жалую тебѣ за твою вѣрную службу, за великій твой умъ, за твою честную душу. Хоть и немного это за твои дѣла, да мнѣ самому больно лѣса нужны!» — А Осипъ-то ему и возговорилъ: «Не жалуй ты меня, Великій осударь, селами жилыми, душами человѣческими — не слѣдъ мнѣ владеть такими какъ и самъ я есть. Удивился осударь, что человѣкъ отъ счастья своего отказывается, да и говорить: «и воистину, не по тебѣ эта награда, да и не мнѣ видно тебя награждать — тебя только одинъ Господь Богъ наградить можетъ! Ты важивъ праведникъ». Понятно, что Петръ долженъ былъ высоко цѣнить этого человѣка, а потому мы и видимъ, что онъ жалуетъ Бажениныхъ грамотами и даже лѣсомъ на постройку кораблей въ количествѣ 2,470 десятинъ, хоть и крѣпокъ онъ былъ на подарка. Такая милость требовала, конечно, такъ сказать, мотивировки и вотъ мы читаемъ, что всѣ эти милости оказываются Баженинымъ «за желаемое ими Его Царскому Величеству усердное радѣніе и къ корабельному строенію тщаніе и за постройку въ икъ деревнѣ Вавчугѣ нѣмецкаго образа водяной мельницы безъ заморскихъ мастеровъ, собою, для раздиранія лѣса досками и для продажи оныхъ у Архангельскаго порта и города торговымъ людямъ и иноземцамъ, а также и за то, что они лѣсъ на построенныхъ ими корабляхъ за море отпускали, дабы въ державѣ Его Величества корабельное строеніе множилось». И какъ, собственно говоря, просто Петръ смотрѣлъ на дѣло, какъ ясно онъ сознавалъ, въ чемъ именно должна состоять правительственная поддержка! Тутъ-же, въ жалованной грамотѣ 6 февраля 1700 года онъ даетъ слѣдующее руководство разнымъ начальнымъ людямъ, какъ они должны относиться къ зачаткамъ добраго дѣла: «Повелѣли мы», говорить онъ, — «въ вотчинѣ своей у водяной пильной мельницы для отпуску отъ города Ар-

хангельскаго за море русскыя указныя товаровъ корабли и яхты строить иноземцами и русскими мастерами по вольнымъ наймамъ изъ своихъ пожитковъ, — и на тѣ корабли и яхты для морскаго хожденія шипоровъ и штурмановъ и матросовъ изъ русскихъ, которые похотятъ у нихъ на корабляхъ для науки морскія службы быть на ихъ вермѣхъ принимать и *держатъ свободно*; и отъ того корабельнаго дѣла тѣхъ людей бограмъ нашимъ и воеводамъ, будучимъ у города Архангельскаго и бургомистрамъ, къ инымъ дѣламъ *отнюдь не имать*. А какъ которые корабли и яхты будутъ у нихъ въ готовности, и въ то время имъ на тѣхъ своихъ корабляхъ на морѣ указали мы, Великій Государь, держать для опасенія отъ воровскихъ людей пушки и вѣліе противъ оныхъ торговыхъ иноземскихъ кораблей, и съ корабельныхъ припасовъ, которые къ тому корабельному дѣлу у нихъ вывезены изъ-за моря, поплинъ съ нихъ Осина и Федора *не имать*. И въ наши, Великаго Государя, службы ихъ Осина и Федора, мы, Великій Государь, выбирать и въ посылки посылать *не указали* и по сей нашей Великаго Государя, Царскаго Величества милостивой жалованной грамотѣ имъ, Осину и Федору, по желательному ихъ къ намъ, Великому Государю; къ нашему Царскому Величеству усердному радѣнію въ корабельномъ строеніи, во всякихъ къ тому строенію промыслахъ, *свѣдѣность имѣть* и къ тому дѣлу всякихъ чиновъ людей держать имъ на своихъ вермѣхъ *свободно безъ всякаю возбраненія* и отъ воеводъ *пожмиательства* и отъ бургомистровъ, противъ вышеписаннаго нашего указа *не чинить, чтобъ на то смотря, иные всякихъ чиновъ люди въ такомъ-же усердіи намъ, Великому Государю, нашему Царскому Величеству, служили и радѣніе свое объявляли*. И являлись такіе люди, пока живъ былъ Петръ.

Не увѣренный въ спокойствіи самой Швеціи и постоянно опасаясь нападѣнія со стороны остальныхъ морскихъ державъ, Карлъ все откладывалъ и откладывалъ походъ въ Бѣлое море; Петръ былъ доволенъ этимъ замедленіемъ и спѣшилъ воспользоваться отсрочкою для того, чтобы какъ слѣдуетъ встрѣтить противника. Съѣздивъ онъ на Вавчугу, снова поглядѣвъ на всѣ приспособленія Важенныхъ, объѣхалъ лѣса окрестныя и вернулся не только не утѣшенный, но и обезвоженный; были и строители добрыя и верфь была хоть куда, да не хватало главнаго — лѣса. Тутъ-же заложилъ два фрегата: «Св. Духъ» и «Курьеръ», да еще 26-ти пушечный корабль «Св. Ілія»; поспрашивали по обычаю «Ивашѣ мельничному», но не во всю ширь, такъ-какъ великая забота крушила царя и видно тяжело ему было, если онъ высказалъ ее въ письмѣ своемъ въ Ингрію къ Апраксину, которому сообщалъ о

приходившей закладѣ. «А большаго, чаю, и почать нечѣмъ», сознается онъ съ горечью и повсюду начинаетъ искать выхода изъ тяжелаго положенія, искать лѣса. Представлялась необходимость бороться со шведами на морѣ, все «нѣвое ухищреніе» должно было провозйти, благодаря водному сообщенію, и на немъ было основано, а лѣса для постройки кораблей подъ рукою не было и понятно съ какимъ восторгомъ увидалъ, наконецъ, Петръ давно желанный имъ корабельный лѣсъ подъ Мокришвицами, на рѣкѣ Свири.

Подходилъ Петровъ день, а шведы все не являлись. Любилъ Петръ проводить этотъ день весело и, хотя сильно беспокоился по части вѣстей изъ Швеціи и отъ Шереметева, но все-же отпирывалъ свои именины на славу. Трое сутокъ въ Архангельскѣ было разливанное море и всѣ иноземные шкипера и матросы пировали съ царемъ въ его помѣщеніи, тогда-какъ для народа по улицамъ стояли распиленные на-двое бочки съ виномъ и пивомъ. Интересно, что народъ сохранилъ воспоминаніе объ этихъ пиришествіяхъ и намъ удалось слышать по поводу именно этого празднованія слѣдующій неточный фактически, но опять-таки чрезвычайно характерный рассказъ: «Пріѣзжалъ осударь именины свои справлять въ Архангельскій и подѣлалъ по площадямъ колодцы, а изъ колодцевъ трубы пустилъ и вино изъ нихъ ключемъ било — подходи всякъ съ ковшемъ, да и пей за его здоровье. Всякаго тутъ народа много было: и нѣмцевъ, и нашихъ. Осударь то изъ своей горницы въ оконце глядитъ и видитъ стоять нѣмецъ, да нашъ вытегоръ — нить не пьютъ, а что-то порандуютъ. Нѣмецъ-то изъ-подъ жилетки кишку выпустилъ, да замѣсто того, чтобы вино то прямо въ ротъ лить, все въ кишку цѣдитъ, а кишка та длинная и нѣсколько разъ вокругъ его обернута. Ничего осударь не сказалъ — только по-смѣялся нѣмецкой хитрости, что нѣмецъ и самъ вынулъ, да и женѣ съ дѣтками норовить снести и для того особый струментъ придумалъ... Глядь, вытегоръ скрылся... поискалъ его осударь глазами-то, а онъ ужъ глубоко въ землю вкопался... дальше-больше... подскопался подъ самый колодезь, припалъ губами, да такъ съ часъ мѣста и не отрывался, пока тамъ и успокоился. Отошелъ осударь отъ оконца, да велѣлъ всѣхъ нѣмцевъ въ себѣ въ гости звать, чтобы передъ его глазами вино пили, а Вытегора приказалъ вытаскивать и водой отлить». Зачѣмъ это ваше величество нѣмцамъ такой почетъ дѣлаете?» спрашиваютъ у него бояре. А онъ рассказалъ имъ все, что видѣлъ, да и говоритъ: «Нѣмца я нарочно на глазахъ держу, чтобы, о семьѣ думая, онъ и окромѣ вина чего бы не поворовалъ, а русскій — не бѣда! о семьѣ не думаетъ, а какъ до корня доберется, такъ только самъ пьянъ напьется».

Пока Петра пировалъ, дѣло не застаивалось и самъ онъ прямо съ пира зачастую отправлялся на вавчугскую верфь наблюдать за постройкою судовъ и за «иноземнымъ комиссаромъ Елизаріемъ Избрантомъ», которому поручено было «подводить постройку подъ плавы въ точности проектовъ». Что за причина назначенія иностранца въ главные руководители постройки — мы объяснить рѣшительно не въ состояніи, такъ какъ въ документальной исторіи мы не находимъ никакихъ для этого данныхъ и полагаемъ, что въ этихъ самыхъ «планахъ въ точности проектовъ» было что-нибудь такое, чего не сумѣли-бы сдѣлать Баженины или-же, что Баженины не могли почему-либо лично руководить дѣломъ, находясь, быть можетъ, во временномъ отсутствіи съ Вавчуги. Последнее предположеніе тѣмъ болѣе вѣроятно, что двинскій лѣтописецъ, рассказывая обо всѣхъ этихъ событіяхъ, упоминаетъ о недостаткѣ лѣса и о томъ, что Петръ за безвременемъ послалъ искать «изряднаго въ тому дѣлу лѣса знаемыхъ людей», которыми быть можетъ и были Баженовы. Всѣ распоряженія и приготовленія Петра дѣлались какъ можно болѣе тайно и народъ увѣряетъ, что «корабли и крѣпости строились ночью, чтобы шведамъ не въ домекъ было». Ясно, что если таились даже и отъ своихъ, то тѣмъ болѣе не могла дойти вѣсть о «нѣкоемъ ухищреніи» за границу, а потому, когда король польскій письмомъ изъ Варшавы уверилъ Петра въ томъ, что послѣдній, повидимому, покинулъ своего союзника на волю судебъ и на милость ихъ общаго врага Карла XII, то Петръ не безъ внутренняго удовольствія отписалъ ему въ отвѣтъ, что онъ его и не думалъ покидать и что не часъ «праздны быти». Зачѣмъ было разсказывать въ чемъ именно заключалась эта непраздность! Къ концу іюля дѣло все ближе и ближе подходило къ концу и Петру представлялась уже близкая возможность уйти изъ Архангельска, поручивъ его охрану небольшому отряду войска, защищеннаго порядочною крѣпостцею и нѣсколькими военными судами. А между тѣмъ прибыли въ Архангельскъ давно желанные гости — иностранные корабли, на которыхъ пріѣхали давно уже выписанные Петромъ изъ-за границы шлюзные мастера для постройки канала у самой Москвы для соединенія Оны съ Дономъ черезъ озеро Ивановское. Да не такъ обрадовался Петръ ихъ собственному пріѣзду, какъ той вѣсти, которую они привезли съ собою, такъ какъ они прямо и безповоротно объявили, что шведы не будутъ, и тѣмъ развязали наконецъ царю руки. Архангельску бо-
 аться нечего — можно начать выполнять «нѣкоторое ухищреніе».

III.

5-го августа рано утромъ двинулась изъ Архангельска цѣлая эскадра. У Петра было уже цѣлыхъ четыре корабля собственныхъ: «Св. Духъ», «Курьеръ», «Св. Илія», да отнятый у шведовъ, но ихъ оказалось мало, а потому онъ воспользовался только-что пришедшими иноземными судами и на 13 корабляхъ направился курсомъ на Соловецкіе острова. Хотѣлъ-ли онъ попросить благословенія у угодниковъ соловецкихъ, или-же на этомъ зайдѣ имѣлась другая какая-либо причина, — неизвѣстно, такъ-что по нашему мнѣнію и то и другое вѣрно, такъ какъ Петръ былъ несомнѣнно человѣкъ глубоко вѣрующій, а долгое пребываніе на Соловкахъ выяснитъ намъ и то, что окончательно должно было побудить его не направляться прямо къ исходному пункту его сухопутнаго похода. Цѣлыхъ 5 дней пробился Петръ съ бурей, которая, казалось, разыгралась на руку его врагамъ, но къ 10 числу вѣтеръ утихъ, волненіе прекратилось и вся эскадра благополучно бросила якорь на Салмѣ, за Заяцкимъ островомъ. Удивились не мало игумень съ братією, увидавъ корабли, такъ какъ и они ничего не знали о направленіи плаванія Петра. Царь сѣмелъ на берегъ и крайне милостиво обошелся съ игуменомъ и монахами; посѣтилъ всѣ монастырскія службы и угоды, хвалилъ старцевъ за то, что они и душу спасаютъ и трудятся не мало, читалъ за службою апостола и пѣлъ даже съ пѣвчими на клиросѣ. Петръ былъ, видимо, доволенъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ, какая-то мысль еще продолжала тревожить его. Когда игумень обратился къ нему съ вопросомъ о томъ, долго-ли монастырь будетъ осчастливленъ его пребываніемъ, Петръ, по свидѣтельству архіепископа Игнатія, отвѣчалъ, что онъ и самъ не знаетъ, долго-ли здѣсь пробудеть. Монастырское преданіе говоритъ, что занастую Петръ выходилъ на берегъ моря, вглядывался въ даль и, ничего не видя, ногою топалъ «и гнѣвъ бывалъ тогда государь, и глазки его металъ жемчуги, а самъ все рукою волосы поправлялъ и мудрыми встраживалъ». Слѣдуетъ замѣтить, что преданіе это повидимому совершенно достоверно, такъ какъ тотъ-же жестъ нетерпѣнія и недовольства подмѣченъ былъ у Петра другимъ очевидцемъ, о которомъ будетъ говорено впоследствии. Видимо Петръ ждалъ чего-то, а ждалъ онъ двухъ вѣстей, изъ которыхъ первая вѣсть должна была касаться безопасности прохода судовъ по Бѣлому морю, а другая—того, что дѣлаетъ любимецъ его Шереметевъ. Давно уже не подавалъ онъ о себѣ вѣсточки, а между тѣмъ царю крайне важно было знать для счастливаго исхода его, нѣкоего ухищренія, настолько-ли занятъ Карлъ диверсіей Шереметева, что не въ состояніи отдѣлится отъ

своего войска сильнаго отряда, который могъ-бы при случаѣ преградить путь Петру. Не разъ уже шведы били русскихъ, а если и теперь не удастся одолѣть ихъ, то пожалуй и весь планъ Петра не удастся; и придется ему лишь думать о томъ, чтобы самому-то какъ-нибудь отбиться отъ враговъ, отказавшихся на долго, а, быть можетъ, и навсегда отъ всякихъ «ухищреній». Вопросъ былъ, видимо, для Петра чрезвычайно важный, а вѣстей все не было и не было. Не таковъ однако былъ характеръ Петра, чтобы кунетаторствовать и ему богѣе по праву было поступать по-цезарски, рисковать и переходить рубежонъ, не ожидая того момента, когда черезъ него можно будетъ совершенно безопасно переправиться, а потому, какъ и быть должно по чисто русской его натурѣ 14 августа, ввечеру помысли онъ въ монастырской банѣ, 15, въ Успеніе за обѣденою получать свѣдѣніе съ моря, что «на корабляхъ идти можно». Видимо только того и нужно было Петру, такъ какъ онъ тотчасъ же отправился на эскадру, а 16 утромъ, чуть свѣтъ, всѣ ворабли сѣлись съ явора и взяли курсъ на монастырскую деревню Нюхочую или задросто, по народному, на Нюхчу. Рѣшительно никому изъ близкихъ къ Петру людей не было извѣстно, куда изъ Соловковъ направится эскадра, такъ какъ все держалось въ строжайшей тайнѣ для того, чтобы не донело какънибудь до неприятеля. Иностранные корабли были наняты въ Архангельскѣ помѣсячно, а потому и владѣльцы ихъ не могли знать изъ назначенія и по отъѣздѣ Петра въ Архангельску повсюдѣ разнесся слухъ, что, въ виду неприхода въ Бѣлое море шведской эскадры, Петръ рѣшился самъ на отчаянное дѣло; обогнуть Мурманъ и повоевать норвежскіе берега. Нѣкоторые досужіе люди сообщали шопотомъ, что царь непременно пойдетъ на Столгольмъ и помѣрится со шведами на ихъ-же Балтійскомъ морѣ. Помѣрится-то съ ними на Балтійскомъ морѣ Петръ итѣлъ въ виду, да подходъ-то къ нему избралъ иной и порѣшилъ это дѣло еще два мѣсяца тому назадъ, когда подъ предлогомъ постройки судовъ отправилъ въ Нюхчу серванта преображенскаго полка Щепотева; имя котораго должно быть дорого для всякаго истинно-русскаго человѣка, которому дороги великіе дѣятели его родины.

Еще въ июнѣ мѣсяцѣ Петръ избралъ Щепотова своимъ довереннѣмъ лицомъ и съ подробнымъ наказомъ, что и какъ ему дѣлать, отправилъ въ Нюхчу; тайнымъ-же путемъ давно было знать въ Суму-Камъ воеводамъ и начальнымъ людямъ, чтобы они, не медля ни часу, выехали къ Нюхчѣ весь народъ; а въ Каргополь и въ Онегу послано было приказаніе выслать туда-же 2,000 подводъ. Щепотеву указано было приготовить путь для войска и для судовъ, которыя приходилось перетаскать волокомъ въ Онежское

оверо на разстояніи 170 семисотенныхъ тогдашнихъ верстѣ (238 верстѣ по нашему счету). Не терялъ времени Щепотевъ и въ какіе-нибудь 30—40 дней сдѣлалъ столько, что и самъ Петръ остался доволенъ; просьба почти вся была готова вплоть до рѣки Телекиной, выдающей уже въ Онежское озеро, и выстроено было 5 мостовъ. Интересно, что народъ и до сихъ поръ помнитъ фамилію Щепотова. «Какъ пришелъ осударь на судахъ на Нюхчу,—разсказывали намъ поморы въ Даниловѣ монастырѣ,—такъ два нѣмца промежду себя поспорили, кому изъ нихъ быть теперь набольшимъ; бились, бились—рѣшили быть тому набольшимъ, кто къ осударю ближе, кто изъ нихъ божественнѣе; и объ этомъ опять заспорили, кто ближе и кто божественнѣе. Только осударь къ народу вышелъ, а они къ нему: рѣши насъ! и все свое усобье рассказали. Сказываетъ осударь: «Вы оба эти суда строили? — «Оба», отвѣтствуютъ. — «Ну, молитесь за мое здоровье Богу». — Стали нѣмцы молиться, а креста не кладутъ. — «Что-же», спрашиваетъ осударь, — «не путемъ вы молитесь, святаго креста на себя не полагаете?» — «Этого», говорятъ, — «по нашей вѣрѣ не полагается». — «Какъ-же я рѣшу, кто изъ васъ божественнѣе, когда вы главнаго завѣта божьяго не исполняете, креста на себя не полагаете?» «Такъ скажи», говорятъ нѣмцы, — «кто изъ насъ къ тебѣ ближе». — «Тотъ и ближе, кто за меня головы своей не пожалеетъ». Сейчасъ нѣмцы, по своему обычаю, сабли выхватили и ну биться; зарубили другъ дружку до смерти, а осударь всплавулъ и проговорилъ: «Оба вы нѣмца были мнѣ близки, да по времени, а теперь, пожалуй, своими братьямъ и вѣсть обо мнѣ-бы дали; гожи вы были на дѣло нѣмецкое хитрое, а теперь у меня дѣло-россѣйское начинается, куда вашего дѣла похитрѣе. Крестись, народъ православный!» По призыву царскому всѣ перекрестились истово, а одинъ какой-то и ну себя щепотью натирать, да скоро тажъ, по-никоіански, что твоя мельница. Какъ увидѣлъ осударь, какъ у мужика рука-то заходила, подошелъ къ нему поцѣловалъ его и сказалъ: «Вотъ кто мнѣ теперь ближній, вотъ кто мнѣ теперь дорогъ. Этотъ мое дѣло справить—ишь онъ спѣшитъ и Богу-то, молиться. Дорога мнѣ эта щепоть, потому по пустому времени не теряетъ, а мнѣ того и надобно». Одарилъ онъ того мужика всенчески и назначилъ его набольшимъ надо всѣми рабочими и провинце за нимъ его осталось довѣжу, а нѣмцевъ похоронили чести честию, потому и они осударю были угодны». И въ этомъ преданіи, кромѣ уже фамиліи сержанта Щепотова, существуетъ и еще фактическая подкладка, состоящая въ дуэли двухъ служивыхъ иностранцевъ Ламберта и Памберга, на которой послѣдній былъ убитъ своимъ противникомъ, въ большому неудовольствію Петра.

Щенотевъ не только быстро прокладывалъ путь, но и отличался распорядительностью по части сгона народа; не успѣвъ Петръ сойти и на берегъ, какъ откуда ни возьмись окружила его цѣлая уйма всякаго народа, числомъ до 5,000 человекъ, согнаннаго съ разныхъ сторонъ, изъ ближнихъ по большей части мѣстъ для подмоги войску въ непривычномъ для него дѣлѣ; были тутъ и каргополы-шкурники, и бѣлозерцы-снѣточники рыболовы, и онежане-лодочники, захватили, связываютъ, даже и Карелу, что не была и подвластна царю, а значилась только по спискамъ русскою подданныцею. На этотъ случай и рассказъ есть народный, опять-таки крайне характерный. «Какъ сталъ осударь смотрѣть прибывшихъ людей, такъ воеводы и стали его отвѣривать, чтобъ Карелу онъ на работу не ставилъ—все равно-де ничего не поймутъ и приказа твоего не исполнять. Посмотрѣвъ осударь на Карелу—народъ здоровый и за двоихъ нашихъ спорандаеть. «Вить этого», сказываетъ,—«не мочно, чтобъ такіе молодцы, да не могли мнѣ угодить» и сталъ ихъ пробовать. «Коли», говорить,—«у тебя матеріалъ выидеть, что станешь дѣлать?» Думаетъ-подумаетъ карелякъ, да досчицу вотъ какую царю и суетъ въ руки. «Тагъ-то такъ», сказываетъ съ усмѣшкою осударь, — «ну, а если матеріалъ весь?» Карелякъ какъ бинется въ лѣсъ бѣжать... но ихнему-то это слово «лѣсъ» значить, а осударь-то не зналъ того, да и говоритъ воеводамъ: «А вы толкуете, что не пойметъ! Ишь какъ онъ за лѣсомъ-то пропустилъ, мое приказанье исполня!» Приперъ карелякъ лѣсину — тронъ не снести, и осударь сказалъ ему свое спасибо и даньгами наградилъ и сталъ другого пробовать. «Коли», сказываетъ,—«суажу я тебѣ путь показывать, впереди войска идти, что ты сдѣлаешь?» Опять и другой карелякъ въ лѣсъ побѣжалъ—насилу остановили. «Спасибо тебѣ за проворство, да мои солдатухи лѣса боятся — тамъ, слышь, медвѣдь». Какъ услышалъ карелякъ послѣднее слово, сейчасъ рубяху долой, да въ воду, потому она по ихнему «ведь» называется. «Нѣтъ», проговорилъ осударь, — «мнѣ такикъ слугъ и у себя въ Питерѣ не найти—ишь какъ онъ скоро по водѣ путь указывать бросился». Всѣ тутъ воеводы устыдились, а карелявовъ осударь сталъ любить и жаловать».

Пока выгружали провіантъ и орудія, Петръ не терялъ времени. Порадовалось его сердце, такъ какъ въ Нюхтѣ получилъ давно желанныя вѣсточка отъ Шереметева и Апраксина. Фельдмаршалъ сообщалъ, что ему удалось разбить непріятельское войско, подъ предводительствомъ искуснаго генерала-тактика Шлиппенбаха, подъ Гуммельсдорфомъ. У Петра отнынѣ руки были окончателно развязаны, такъ какъ шведы не скоро смогутъ со-

братъся съ силами и не подумаютъ ставить преграду его «укрещенію». Одно только не нравилось Петру; онъ видѣлъ, что окончательное разрѣшеніе войны должно будетъ происходить въ Ингрію, а потому ему и думалось воспользоваться мѣстными средствами для содержанія войска. Онъ такъ былъ теперь увѣренъ въ успѣхъ, что считалъ уже Ингрію русскою землею и очень рассердился на Апраксина за то, что тотъ «повозвалъ» по старинному обычаю эту область, т. е. разворилъ ее въ концецъ; о чемъ и сообщалъ Петру письменно. Петръ немедленно отвѣтилъ Апраксину, который отъ слишкомъ большаго рвенія дѣлалъ то, что вовсе не соответствовало намѣреніямъ царя и не входило въ его планы, чтобы онъ не очень усердствовалъ. «А что по дорогѣ разорено», писалъ Петръ, — «то не зѣло приятно намъ: словесно вамъ говорено и въ наказѣ сказано, чтобы не трогать, а разорить или брать лучше города (т. е. крѣпости), нежели деревни». Получить такое письмо отъ Петра было видимо не слишкомъ-то сладко, такъ какъ въ дальнѣйшихъ донесеніяхъ своихъ Апраксинъ не знаетъ, какъ оправдаться.

Ждать больше было уже нечего — всѣ обстоятельства сложились въ вѣрное успѣху гениальнаго предпріятія. Тотчасъ-же народъ былъ разбитъ на партіи или смѣны и часть этихъ партій отправлена впередъ доканчивать рубку просѣки, застилать срубленными бревнами топи и строить мосты на рѣвѣль и ручьяхъ, тогда какъ остальной весь народъ приданъ былъ на помощь солдатамъ, которымъ приказано было вытаскать изъ моря на берегъ фрегаты и тащить ихъ по суши волокомъ. Для такого необычнаго дѣла рубились приблизительно равной толщины бревна, которыя по мѣрѣ движенія судовъ подкладывались подъ нихъ килевую часть и образовывали собою вальки, способствовавшіе движенію. Просто уму непостижимо, какъ могъ Петръ такъ быстро совершить этотъ сверхъестественный переходъ! 17 августа началось необычное движеніе, а 28—онъ уже отплывалъ отъ устья Повѣчанки по Онежскому озеру, такъ что на каждый день приходится около 24 верстъ хода. Ясное дѣло, что работа была не только просто трудная, но, вѣроятно, мало чѣмъ отличалась отъ той, которую русскій человѣкъ окрестилъ ино египетскою, ино адскою; неохотно шелъ народъ на работу, еще неохотнѣе долженъ онъ былъ за нее приниматься, но въ концѣ концовъ, конечно, не могъ не увлечься своимъ великимъ дѣломъ, вида, что Петръ самъ рубить, подставляетъ вальки, не даетъ врениться судну на ходу, учитъ, какъ слѣдуетъ строить мосты, чтобы по нимъ можно было перевозить артиллерію и перетаскивать суда; успѣваетъ, однимъ словомъ, всюду, не знаетъ устали, не вѣ-

дасть покоя ни днемъ, ни ночью, хватить, коли устанеть, своей неизгнѣнной амосовки, да тотчасъ-же и опять за работу. Пришерь этого неустаннаго труженника долженъ былъ дѣйствительно сильно дѣйствовать на народъ и намъ представляется полная возможность убѣдиться въ могуществѣ этого вліянія, прислушавшись къ тѣмъ несмѣтнымъ народнымъ преданіямъ, которыя рисуютъ именно эту сторону характера царя. Мы сами были въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ пролеталъ путь великаго человѣка и сердце наше наполнялось какимъ-то благоговѣніемъ, когда мы слышали и во очю видѣли отношеніе народа къ Петру, тому самому Петру, котораго тотъ-же народъ въ другихъ случаяхъ почитаетъ антихристомъ. «Тутъ подѣ Пулозеромъ, повѣствуетъ народъ,—выдалась рѣчка, да таная-ли бурливая, да таная-ли бѣдовая, что не выгораетъ дѣло — никакъ невозможно по середѣ свайны вбить. Кто не сунется съ лодкой—Богъ вѣсть куда унесетъ его и съ лодкой! Долго приглядывался осударь, а тамъ сѣлъ въ лодку, да прямо на середку-то и держитъ; бояре было за нимъ въ его лодку суются, такъ: «не надо мнѣ вась», слышываетъ,—«и безъ вашей помочи, Богъ дастъ, споранда». Только онъ на середку-то выплылъ, да принялся было первую свайну наладивать—глядь—въ нему народу съ сотню ужъ собралось, кто въ лодкѣ, а кто и вилавъ, барахтаются, чуть-чуть противъ воды держатся. Поглядѣлъ на народъ-отъ осударь, поглядѣлъ, покачалъ головою, да трихнулъ кудрями своими (а кудри-то были добро чистое): «Эхе вы», проговорилъ,—«народъ христьянскій, дѣтля вы мекродные! лиха бѣда первому оленю въ тарь (дѣсной пожаръ) кинуться, остатніе всѣ тамъ-же будутъ!» И сталъ онъ тутъ народъ поить, тотъ народъ, что за нимъ въ рѣву шлиудся».

Для Петра всѣ были равны, всѣ должны были одинаково работать; не любилъ онъ лежебочества, немогузнайства и нашего русскаго сейчасъ; какъ самъ не чуждался онъ обремененнаго труда, такъ не давалъ забываться и своимъ «чтенцамъ» и вообще боярамъ, сопровождавшимъ его въ этомъ достославномъ походѣ; терпѣть онъ не могъ, чтобы люди барились, когда на глазахъ есть дѣло. «У Нюхчи, а потомъ и вездѣ по ямамъ первую мостовину, благословясь, клалъ самъ осударь», рассказывали намъ въ Выгозерской волости, на Корельскомъ островѣ, «а вторую давалъ власть своему сыну возлюбленному, а тамъ и бояръ на это дѣло петреблялъ. Нѣмчинъ одинъ не похотѣлъ ему уважить и мостовины власть, такъ рассерчалъ на него осударь — привазалъ ему позади послѣдняго солдата стать и на ямахъ солдатамъ за стрянуху рыбницу варить; натерѣлся нѣмчинъ сраму — сталъ и мо-

стовины класть, и другую всякую работу робить не хуже самого осударя». Въ другомъ мѣстѣ, въ Тайгинцахъ, на р. Южномъ Выгѣ, привелось намъ слышать еще и иное преданіе въ томъ-же родѣ: «бояринъ у осударя заартачился, сѣлъ подъ лавочку, да сладкіе пироги и убираетъ. Увидалъ осударь его лѣность и приказалъ ему обрядиться пирожникомъ, да на ямахъ пироги-рибники народу разносить. Отъ такого сраму сталъ бояринъ въ тоноры куда какъ издѣлень». Ясное дѣло, что въ этомъ преданіи слышится отлѣикъ повѣрья о происхожденіи Меншикова, т. е. о связи какого-то ближняго Петрова боярина съ пирогами; народъ, повидимому, запомнилъ про этого ближняго боярина потому, что, какъ гласитъ преданіе, онъ и самъ вышелъ изъ того-же народа. Преданіе о пирожникѣ пошло съ легкой руки Нартова, который первый пустилъ въ ходъ рассказъ о иодовыхъ пирогахъ, которыми, будто-бы, торговалъ Александръ Даниловичъ до фавора, въ который онъ попалъ къ Петру около 1698 года. Впервые упоминается о немъ 4 сентября этого года въ Діаріѣ Гвардіента, когда разсердился Петръ на Шеина за взятки и такъ всплилъ, что порубилъ Зотова, Ромодановскаго и Лефорта. Тутъ-то именно «болѣе всѣхъ успокоилъ царя молодой фаворитъ, который увелъ его въ другую комнату, откуда онъ возвратился съ духомъ веселымъ». Съ этой поры Алесана сдѣлался для Петра «мейнъ герценкинъ», «мейнъ либсте камаратъ», «мейнъ либсте фринтъ», «мейнъ безстъ фринтъ» и даже «мейнъ брудеръ». Ясное дѣло, что народъ не зналъ дѣйствительности и ухватился за одно лишь преданіе, которое было ему вполне понятно и кромѣ того дорого.

Въ двадцати верстахъ отъ Нюхчи войску объявлена была первая остановка и учрежденъ былъ, по заблаговременному распоряженію Петра, ямъ, гдѣ были сложены разные припасы, необходимые для проворма всего отряда, а также и открыта была продажа по дешевымъ цѣнамъ разныхъ необходимыхъ вещей. По всѣмъ вѣроятіямъ, торговцы шли вслѣдъ за войскомъ, такъ какъ трудно предположить, чтобы ихъ собралось достаточное количество для того, чтобы основать торги на всѣхъ ямахъ отъ Нюхчи до Повѣнецкаго ряда. Мы намѣренно прибавили о томъ, что товары продавались по «дешевымъ цѣнамъ», такъ какъ и на этотъ счетъ находимъ крайне вѣское подтвержденіе въ преданіяхъ народныхъ. «Тутъ на яму на одномъ сталъ торговать виномъ и другимъ товаромъ изъ жидовъ одинъ переkreщенецъ; дереть и съ солдата, и съ боярина — всякая конѣйка не щербата, у него въ кошелѣ и рублю, и грошу мѣсто найдется. И прозналъ про это его поскудство осударь. «Продай мнѣ», сказываетъ, — «всѣ твои товары». Заломилъ тотъ цѣну несуразную, однако, осударь деньги

отдалъ, ничего не сказалъ, а только приказалъ у того жидъ всё его достатки отобрать, въ цѣну поставить и деньги за нихъ выдать. Ввечеру захотѣлъ жидъ поѣсть и пошелъ ко становищу раздобыть хлѣба; къ тому подойдетъ—не дастъ, не вольно, къ этому сунется — опять все тотъ-же сказъ и началъ жидъ понимать въ чему клонить дѣло. Пришелъ къ осударю, да въ ноги: «не дай умереть съ голоду, дай хлѣба». «Изволь», отвѣтствуетъ, — «купи у меня хлѣба, сколько тебѣ угодно. За фунтъ сто рублей». Помылкался жидъ, помылкался, разошелся, отдалъ сотенную, поѣлъ, анъ опять и хуже того ѣсть хочется. И три дня не прошло — нѣтъ у жидъ денегъ не копѣйки, а ѣсть все хочетъ. Пришелъ и повинился осударю. «Понялъ-ли?» спрашиваетъ осударь. — «Понялъ», сказываетъ, — «и вѣкъ свой не забуду». Велилъ осударь накормить жидъ, отдать ему все его достояніе, а жидъ на радостяхъ весь табакъ провлятый и винице войску даромъ роздалъ и въ Палеостровъ ушелъ душу спасти и грѣхи отмаливать».

Ямы, по всѣмъ вѣроятіямъ, особенныхъ хлопотъ для своего устройства не требовали, такъ какъ войска и рабочіе спали или въ шатрахъ, или подъ открытымъ небомъ, а припасы развѣ одни требовали устройства крытыхъ помѣщеній. Петръ не только не любилъ, чтобы другіе особенно нѣжничали, да и самъ постоянно отдыхалъ гдѣ и какъ Богъ пошлетъ. «Для осударя и бояръ», говорили намъ не разъ, — «ставили зимушки (промисловая избушка съ земляною крышею), а народъ съ солдатами кто какъ могъ изловчался; кто по зимушкамъ, кто на лавасы вѣбирался, а кто и на землѣ отдыхъ имѣлъ. Изъ окрестныхъ мѣстовъ-ли рыбу, олешину, а отъ Чюхчи привозили муку аржаную и другой припасъ, что на мѣстѣ достать было не мочно. Не любилъ осударь въ зимушкѣ быть—все больше на вольномъ воздухѣ; иной часъ и бояръ оттуда повыгонитъ, чтобы не долго заспались». «Кунать изволилъ куда просто; что солдаты изъ ружья набьютъ—то и скушаетъ; кашу кушалъ солдатскую и рыбницею не брезговалъ; присядетъ къ котлу, ложку вынетъ и похлебаетъ. Случилось ему съ Балакиремъ у бабы кваску рѣпинаго выпить и пошли у нихъ отъ того квасу животы пухнуть. Балакирь-то кричитъ бабѣ: «тетка, намъ отъ твоего квасу приспѣло», а осударь засмѣялся, взялъ ковшъ, зачерпнулъ еще квасу, да и выпилъ. «Дѣлай», сказываетъ, — «по моему: отъ русской хворости и лѣчиво русское—коломъ колъ выпибай». И что-же? Осударю сразу полегшило, а Балакирь до той поры по землѣ катался, пока самъ не выпилъ». Такъ-то просто жилъ Петръ въ этихъ мѣстахъ, гдѣ о немъ говорить всякій кустикъ и всякій шагъ на пути его къ Петербургу.

Гдѣ именно былъ первый ямъ—достоверно неизвѣстно, тогда

какъ слѣдующій пришелся, не заранѣе составленному еще Щепотевымъ маршруту, верстахъ въ 5 отъ нынѣшней деревни Пулозера и въ 56 верстахъ отъ Нюхчи. При помощи ямовъ постоянная связь съ берегомъ, куда, повидимому, не переставали подходить суда съ провіантомъ изъ Архангельска, не прерывалась и быстро подвигался Петръ къ дѣлу, хотя съ каждымъ шагомъ впередъ путь все становился труднѣе и труднѣе, вслѣдствіе болотистой мѣстности, гдѣ мостовины были уложены чуть не сплошь по всему перегону. Отъ Пулозера трудности эти еще увеличились, такъ какъ весь восточный берегъ громаднаго Выгъ-озера представляетъ собою неизменность со сплошными болотами, озерами, ручьями и рѣками; въ особенности точно за третьимъ ямомъ, положеніе котораго опять таки неопредѣленно, народъ дошелъ до изнеможенія; начались болѣзни, увеличилась смертность отъ истощенія и непосильной работы въ болотахъ; явилось уныніе и не унывалъ одинъ лишь Петръ, являвшійся всюду съ словомъ одобренія, утѣшенія и маски, съ тою шуточкою, которую всюду онъ умѣлъ вставить на пользу дѣла, съ совѣтомъ, съ прибауtkoю—и шелъ народъ на новыя труды и на новую стяготу, побуждаемый примѣромъ этой постоянной веселости, этой неустанной и непобѣдимой энергіи не бахвалящагося начальнива, а такого-же, какъ и онъ работника, не унывающего и не останавливающегося предъ препятствіями. Верстахъ въ 80 ютъ Нюхчи ямъ былъ устроенъ близъ Возмозальмы, гдѣ поневолю пришлось промедлить нѣсколько времени ради рѣшенія вопроса, какимъ путемъ двигаться далѣе; предстояло или идти въ обходъ Выгозера, гдѣ почти дѣлнхъ 30 верстъ пришлось-бы людямъ пробираться черезъ болотныя топи, или-же двинуться прямо черезъ неширокій заливъ Выгозера, устроивши въ этомъ мѣстѣ мостъ на скорую руку. Петру—важно было лишь не терять времени, а потому онъ и рѣшился на послѣднее; кромѣ того, онъ видѣлъ, что было-бы совершенно излишне еще болѣе изнурять и безъ того уже достаточно мануренныхъ солдатъ и рабочихъ, а встать и Щепотевъ, повидимому, не умѣлъ въ этомъ мѣстѣ сдѣлать полную настилку мостовины, такъ какъ мы находили во время нашего посѣщенія Олонцаго края кое-гдѣ по пути Петра перегнившія мостовыя, тогда какъ на этомъ участкѣ ихъ нѣтъ ни одной; да и просѣля сдѣлана лишь отчасти. Тотчасъ-же привазано было пополнить запасъ карбасовъ и лодокъ, которые Щепотевъ на всякій случай заблаговременно собралъ у берега, и когда они были добыты въ достаточномъ количествѣ, то приступлено было къ постройкѣ плавучаго моста. Мѣстное народное преданіе оспариваетъ однако постройку Петромъ плавучаго моста и утверждаетъ, что заливъ былъ перейденъ на пло-

тахъ, да пожалуй, онъ и вѣрнѣе и ближе подходитъ къ истинѣ, такъ какъ при всей быстротѣ работы, когда она совершалась на глазахъ Петра, все-же такое дѣло не могло быть скоро сдѣлано и навѣрное значительно задержало-бы дальнѣйшій походъ.—По-дошелъ Петръ къ Важмосальмѣ наканунѣ праздничнаго дня и старики Выгозерской волости явились къ нему на поклонъ; стали они звать царя къ себѣ въ погостъ Выгозерскій на праздникъ и Петръ навѣрное не отказалъ-бы имъ, если-бы не спѣшное дѣло. Народъ помнить очень хорошо, что «осударь» никогда не чинился и не чуждался посѣщать крестьянскія хаты, попросту бесѣдовать съ крестьянами и зачастую изъ ихъ исполнѣ безкитростныхъ рѣчей узнавать правду. Цѣлый рядъ преданій относится именно къ подобнымъ посѣщеніямъ, Петрою то того, то другого простаго русскаго человѣка. «Зачастую», рассказываютъ въ народѣ, — «Петръ Великій обѣдалъ и ужиналъ у князя Меншикова. Въ одно время звалъ князь государя къ обѣденному столу, къ которому приглашены были также всѣ иностранные посланники и многія знатныя лица. Далъ государь слово, но передъ обѣдомъ вздумалъ осмотрѣть работы въ адмиралтействѣ. Покончивъ всѣ дѣла, поѣхалъ онъ къ Меншикову въ своей одноколѣѣ, только вдругъ на пути его матросъ стоитъ на колѣнкахъ. Государь остановился и спросилъ у матроса, чего онъ хочетъ. «Богъ даровалъ мнѣ сына, а тебѣ, государь, матроса; удостой посѣтить его», отвѣчалъ матросъ. «Далеко-ли ты живешь?» — «Близко». «Ладно, ступай впередъ!» Государь поѣхалъ за нимъ и вошелъ въ его избу. Родильница поднесла ему на деревянной тарелкѣ чарку анисовки, а государь, поздравивъ ее съ сыномъ, вышелъ и положилъ на тарелку два серебряныхъ рублевика. На столѣ стоялъ тутъ пирожекъ съ морковью и яйцами—государь и пирога того понробовалъ. Между тѣмъ хозяйка принесъ чашку горячихъ щей и связалъ государю: «хоти отвѣдай, батюшка, матросскихъ-то щецъ». Отвѣдалъ онъ ихъ, понравилось, присѣлъ и довольно таки покушалъ. А тамъ, выпивъ стаканъ пива, пожелалъ государь хозяевамъ добраго здоровья и поѣхалъ къ князю Меншикову. Приѣхавъ къ нему уже въ третьемъ часу, государь просилъ у гостей извиненія, что заставилъ ихъ такъ долго ждать: «Богъ даровалъ мнѣ новаго матроса», сказалъ онъ, — «и не могъ я отвезать его отцу, чтобы къ нему не захватить и щей его не отвѣдать». Вотъ что рассказываютъ о Петрѣ въ Петербургѣ, а вотъ и касающіяся той-же простоты Петра преданія, записанныя на сѣверѣ: «ѣхалъ осударь по нашимъ мѣстамъ глѣсомъ, а на встрѣчу ему дощъ ѣдетъ верхомъ, на боку сума виситъ, а за плеча ружье закинуто. Остановилъ его осударь и спрашиваетъ: «куда, батюшка, нуть держишь?» — «ѣду я», сказываетъ

ноль, — «изъ такого-то села, больного человѣка въ жизнь вѣчную напутствовалъ». Сейчас осударь сталъ на колѣнки, святымъ даромъ поклонился въ землю, а тамъ и спрашиваетъ: «На что-же ты, батюшка, ружье взялъ съ собою?» — «Здѣсь, свѣтъ, не очень-то смирно и нападаютъ иногда злые люди на дорожнаго человѣка, грабятъ пожитья, а самого путника, бываетъ, и убьютъ». — «Какъ-же, батюшка, попить будешь, коли, не равно, человѣка тебѣ убить въ защитѣ придется?» — «Это ты, свѣтъ, правду сказалъ — попить мнѣ тогда уже не доведется, но только объ одномъ не подумалъ: если-же они меня убьютъ, такъ тогда и жить не буду, а коли живъ останусь, такъ изъ поповъ уйду — попаду въ люди». Посмѣялся осударь поповой мудрости и взялъ его съ собою въ Питеръ въ соборную церковь». Какъ разъ въ Возмосальмѣ слышали мы и другой разсказъ, характеризующій отношенія Петра къ простому народу: «Привелось осударю и въ нашихъ мѣстахъ побывать; о ту пору онъ у моего *падѣда* (предокъ) дитя крестилъ, не-то дѣда, не то прадѣда. Былъ мой падѣдъ человѣкъ куда бѣднѣй: ни мучицы въ рыбницу посыпать, ни винца — выпить, нѣту. Родился у него сынъ и сталъ падѣдъ обивать пороги, да кланяться, чтобы кума разыскать, да никто къ нему въ кумовья идти не зарится, а еще и съ ругомъ со двора гонить. О ту пору и пришелъ осударь въ нашъ погостъ. «Ты что, старикъ, бродишь? иль что потерялъ?» Такъ и такъ, говоритъ дѣдъ. — «Возьми меня, старикъ, кумомъ! любь-ли я тебѣ?» спрашиваетъ. «Только вотъ что: не бери ты куму богатую, зачѣмъ онѣ къ тебѣ добромъ не шли, а найди ты мнѣ такъ, ледащую какою ни на есть бабенку и я съ нею у тебя крестить буду». И та, и другая богачки просятъ дѣда ихъ въ кумы взять, а падѣдъ разыскалъ самую что ни есть ледащую бабенку, что ходила по погосту и питалась именемъ Христовымъ, и привелъ ее къ осударю. Справили крестинны истоно. «Ну, чѣмъ-же ты, старикъ, угощать насъ съ кумою будешь?» Сунулся было падѣдъ и въ рундукъ и въ печь — да нѣтъ въ домѣ ничего ровно. «Видно», сказываетъ осударь, — «моя анисовка нынѣ въ почетѣ будетъ». Взялъ свою фляжечку, что у него на ремнѣ, на боку всегда висѣла, налилъ себѣ, выкушалъ, а тамъ поподчивалъ и куму, и падѣда, и рожаницу и новокрещенному младенцу въ ротокъ капельку влилъ, — пусть-де приучается, молвилъ, отъ людей ему того горше будетъ. Стаканчикъ отдалъ падѣду — ишь подѣ божицей-то стоитъ». И сколько такихъ «стаканчиковъ» показывается въ Олонецкомъ краѣ и всюду имъ почетъ отъ народа, какъ чему-то священному, что и стоять-то должно вмѣстѣ съ иконами; инымъ, пожалуй, страннымъ покажется, что народъ ставитъ серебряный стаканчикъ Петра къ иконамъ, на

тябло, такъ для того, чтобы эти инне изумились и еще больше, мы передадимъ здѣсь свидѣтельство нижегородскаго епископа Теофана. При домѣ этого святителя жилъ престарѣлый солдатъ Кириловъ; у него былъ маленькій финифтяный портретъ Петра Великаго, который старикъ ставилъ между образами и, зажигая свѣчу, каждую ночь молился ему, какъ угоднику божію. Какъ-то случилось, что объ этомъ донесли преосвященному Теофану, а онъ, желая удостовѣриться въ истинности доноса, пришелъ въ комнату солдата нечаянно, ночью. Глядь на тябло, а тамъ и впрямь портретъ государевъ стоитъ между иконами и передъ нимъ свѣча теплится. Стоитъ солдатъ на коленяхъ и горячо молится. «Что-ты это дѣлаешь?» спросилъ архипастыръ. — «Молюсь, владыко святой», отвѣчалъ Кириловъ. — «Доброе дѣло», сказалъ архіерей. Потомъ, какъ будто не замѣчая портрета государева, сталъ Теофанъ разсматривать образа. Указавъ на портретъ, онъ сказалъ солдату: «Старикъ! у тебя между святыми иконами, кажется, стоитъ портретъ Петра Великаго?» — «Да, преосвященный владыко, образъ батюшки нашего». — «Хоть онъ былъ великій и благочестивый государь, однакожь церковь святая не сопричислила его къ лику святыхъ», сказалъ архипастыръ: «а по сему и не должно тебѣ портретъ его ставить между образами, зажигать передъ нимъ свѣчу и молиться ему». — «Не должно-о?» сказалъ съ негодованіемъ солдатъ, — «не должно-о? Вы его не знали, а я зналъ! Онъ былъ нашъ ангель-хранитель, защищалъ и охранялъ насъ и все отечество отъ непріятелей, онъ наравнѣ съ нами несъ всѣ тягости въ походахъ, ѣлъ съ нами одну кашу, витался съ нами какъ равный и какъ отецъ. Самъ Богъ прославилъ его побѣдами и хранилъ его на морѣ и на сушѣ, а ты говоришь: не должно образу его молиться!» сказалъ Кириловъ и горько заплакалъ. Напрасно архіерей старался своими увѣщаніями вывести его изъ заблужденія; старикъ настаивалъ на своемъ и общалъ только не ставить свѣчи передъ портретомъ, но все-таки оставилъ его на божницѣ, вмѣстѣ съ образами.

Всѣ эти рассказы до такой степени вѣрно передаютъ основныя, характерныя черты Петрова быта, что невольно у всѣхъ ихъ слѣдуетъ предполагать фактическую основу. Не такъ только относился Петръ къ тогдашнему чиновничеству, къ тому «красивному сѣмени», которое не жаловалъ и самъ народъ. И снова мы видимъ, что народъ вполне оцѣнилъ этотъ взглядъ Петра и до сихъ поръ еще съ усмѣшкою рассказываетъ о томъ, что, когда Петръ въѣзжалъ въ какое-нибудь село, то ярыги и привазины всѣ по подпольямъ прятались. «Далеко-ли до села?» спросилъ Петръ у Балакиря. «Нѣтъ, не далеко! ишь ярыжки по

подпольямъ прятутся — видно сейчасъ прїѣдемъ». Ясно, что отъ такого человѣка, который зналъ русскій народъ, какъ никто, яржки должны были прятаться по подпольямъ, а что Петръ зналъ характеръ русскаго человѣка, его симпатїи, антипатїи и нужды, то доказательствомъ этого служитъ слѣдующій разговоръ: «Прїѣхалъ осударь въ Архангельскїй, зашелъ въ палату и сталъ казны добиваться на разные нужды по войску. Приказные его облѣнили, да и сказываютъ: «денегъ нѣту ни гроша, потому народъ податей не платитъ; мы и бьемъ, и сѣчемъ, а толку все чуть». Ни чего осударь не промолвилъ, а приказалъ только мѣшковъ изъ подъ муки изготовить и подать телѣгу. Царь приказываетъ—долго не провозятся; подали ему телѣгу, въ нее мѣшковъ наклали, стоятъ и дивятся, куда это осударю ѣхать понадобилось. Сѣлъ въ телѣгу и поѣхалъ. Прїѣзжаетъ въ первое село, входитъ въ первую избу самого, что ни есть бѣднаго крестьянина, кланяется: «Здорово, хозяинъ!»—«Здорово!»—«Не будетъ-ли, хозяинъ, милости, хоть грошикъ дай—врага въ Сибирь засудить». «А кто врагъ-то твой?» спрашиваетъ хозяинъ.—«Да все», сказываетъ, — «они-же—приказные». —«Доброе дѣло задумалъ, братъ, на такое дѣло не только грошъ, а и рубля не пожажю». Объѣхалъ осударь такимъ-то побытомъ сколько-то ездъ—полные мѣшки денегъ наклали, большія тысячи собралъ. Вернулся въ Архангельскїй, собралъ во дворецъ всѣхъ приказныхъ: «нате», сказываетъ, — «деньги!» Тѣ и раззахались—откуда онъ столько денегъ взялъ. «Дорого», молвить осударь, —мнѣ деньги эти достались—я цѣлую сотню людей въ кабалу продалъ». Обрадовались приказные этимъ словамъ осударевымъ: «туда-де имъ и дорога!» «А коли такъ», сказываетъ осударь, —«такъ и ладно!» да всѣхъ ихъ и приказалъ тѣмъ самымъ мужикамъ въ кабалу отдать. Такъ что-же вѣдь? и въ кабаль-то блудили —насилу мужики потомъ упростили осударя взять ихъ обратно и сослать на канатное дѣло, канаты щипать. Впрочемъ, Петръ и среди приказныхъ умѣлъ различать людей и чуть только замѣчалъ добросовѣстнаго человѣка, какъ старался приблизить его къ себѣ и чѣмъ-нибудь выдѣлнить изъ среды. «Любилъ осударь прїѣзжать въ палату невзначай, чтобы изловить приказныхъ на дѣлѣ и видѣть ихъ дѣла во очю. Наѣхалъ онъ какъ-то и въ Повѣнецъ и засталъ тамъ старшаго воеводу. Осударь и спрашиваетъ его: «а какія есть у тебя дѣла—челобитья?» Упалъ воевода въ великомъ страхѣ въ ноги осударю, голосъ-то вздрогнулъ и вмолился: «Виновать, осударь батюшка, никакихъ у меня дѣлъ челобитьевъ нѣту!»— «Какъ никакихъ?» спрашиваетъ осударь. — «Никакихъ, надежа, осударь», —со слезами повторяетъ воевода, —виновать! я никакихъ дѣлъ-челобитьевъ не принимаю и до палаты не допускаю, а всѣхъ

челобитчиковъ соглашавъ на миръ, да и самыхъ слѣдовъ ссоры и свады въ палатѣ не оставляю». Удивился осударь такой необычайной винѣ, подыалъ старика воеводу, все стоявшаго на колѣнкахъ, и въ голову его поцѣловалъ. «Желалъ-бы я», молвилъ, — «чтобы и всѣ мои воеводы были столько-же виноваты, какъ ты, старичекъ Божій! Продолжай такъ, другъ мой, Богъ и я тебя не оставимъ». И что-же сталося? Черезъ сколько-то времени осударь у себя въ сенатѣ увидалъ несогласія и перекоры и послалъ указъ повѣнцкому воеводѣ: пріѣзжай сейчасъ-же за курьера. Опредѣлилъ онъ его самымъ главнымъ сенаторомъ и сказалъ. «Старичекъ Божій! я желаю, чтобы ты и здѣсь былъ столь-же виноватъ, какъ и въ Повѣнцѣ, челобитчиковъ мирилъ и до суда не доводилъ. Ничѣмъ ты мнѣ такъ не послужишь и не уважишь, какъ если ссору и сваду въ сенатѣ изведешь».

Такъ какъ постройка плавучаго моста должна была довольно значительно задержать Петра въ Вождисальмѣ, то старики Выгозерскаго погоста снова пришли къ Петру съ просьбою принять отъ нихъ хлѣбъ-соль и не отказать имъ посѣтить ихъ погостъ; не удалось въ первый имъ разъ завзвать Петра, такъ во второй они думали заманить его хоть въ церковь. «Осударь!» говорили они, — «Илья пророкъ велѣлъ звать тебя къ себѣ въ гости». Петръ на этотъ разъ принялъ приглашеніе и обѣщался побывать въ погостѣ Выгозерскомъ на утро, но видно не судьба была ему посѣтить просителей, такъ какъ въ ночь пошелъ проливной дождь, разыгралась порога и ѣхать не было никакой возможности. Для истаго сѣверянина и дождь, и буря ни по чѣму, а потому старики не могли понять, чтобы непогода могла задержать ихъ желаннаго гостя; рано утромъ они явились къ Петру для того, чтобы проводить его въ погостъ честь честью, но Петръ объяснилъ имъ, что не можетъ оставить въ такую погоду переходящее черезъ заливъ войско, да и боится кстати пуститься въ путь въ такое неблагоприятное время. «Нѣтъ, старички», отвѣчалъ имъ Петръ на новыя ихъ просьбы; — «видно Илья пророкъ не хочетъ, чтобы я у него побывалъ—послалъ дождь; снесите-же ему отъ меня гостинецъ». Тѣмъ дѣло и кончилось и Петръ пожертвовалъ на Выгозерскую церковь червонцевъ, которые скоро ушли на церковныя нуждишки.

Цѣлый день бушевала буря, а на Выгозерѣ это дѣло не шуточное и потому задержна вышла не малая къ не малому огорченію царя, который вообще не любилъ какихъ-либо промедленій, когда въ виду у него было жгучее, спѣшное дѣло. Только къ утру расходившееся озеро утихло и войска могли безъ помѣхи переправляться; тутъ уже путь становился все лучше и лучше и къ

ночи устроенъ былъ ямъ на берегу р. Сожняго Выга, верстахъ въ 78 отъ его устья. Ямъ этотъ былъ устроенъ на лѣвомъ берегу рѣки, въ 15 верстахъ отъ Вождосальмы на довольно высокой мѣстности, которая скоро однако переходила снова въ болото, танущееся почти до р. Телевиной; къ самому берегу подошла селга, которая была чрезвычайно удобна для стоянки, тѣмъ болѣе, что, по народному преданію, всѣ карбасы и лады просто сняли изъ-подъ Вождосальмы, ввели ихъ въ Выгъ и перевезли на нихъ войска на тотъ берегъ, гдѣ положенъ былъ Петроуъ ямъ. Во время нашего путешествія въ этихъ мѣстахъ мы остановились какъ разъ въ томъ пунктѣ, гдѣ по преданіямъ расположенъ былъ ямъ, и вмѣстѣ со своими спутниками врубили въ громадную сосну, бывшую, быть можетъ, свидѣтельницею пребыванію здѣсь Великаго. простой восьмиконечный крестъ, который одинъ пользуется почтеніемъ среди мѣстныхъ жителей, принадлежащихъ къ поморскому согласію безпоповщины. Не прошло и двухъ-трехъ лѣтъ, какъ наши гребцы, движимые чувствомъ уваженія къ царю-работнику, воздвигли на мѣстѣ Петровскаго яма уже болѣе красивый крестъ, а въ нынѣшнемъ году по такъ-называемой «осударевой дорогѣ» пролегаетъ почтовый трактъ изъ Повѣнца въ Сороку, лежащую на берегу Бѣлаго моря, на яму красуется уже хорошенькая часовня, а кругомъ ея раскинулось цѣлое селеніе. Намъ интересно было узнать, какъ отнесутся эти «раскольники» къ личности Петра, если мы напомнимъ имъ тѣ жертвы, которыя пали при постройкѣ «Осударевой дороги», и мы изумились невольно тому, что услышали отъ этихъ непризнанныхъ цѣнителей гениальности. Когда мы сказали, что здѣсь и подѣ Петербургомъ загублены тысячи народа, то услышали въ отвѣтъ: «Много тутъ народу сгубло по его волѣ! Много! Ну, да и то сказать, кабы они не сгубли, такъ и дѣло такое никогда-бы не сдѣлалось! Чего имъ—все-бы равно померли, а тутъ по крайности у дѣла!» И это говорили тѣ именно люди, для которыхъ Петръ, какъ дѣятель, въ вопросахъ религіозныхъ является антихристомъ; впрочемъ и это убѣжденіе какъ-то теперь не особенно глубоко вкоренено въ народное сознаніе, такъ какъ тотъ-же народъ при случаѣ не напоминаетъ заявить о томъ, какъ Петръ терпимъ былъ въ дѣлахъ вѣры и какъ онъ далъ даже Выгорѣцкому Даниловскому монастырю охранную грамоту.

Прослыша о проходѣ черезъ Выгорѣцкія мѣста Петра, даниловскіе старцы выслали на выгорѣцкій ямъ депутацію, которой поручили встрѣтить царя съ хлѣбомъ-солью и просить не оставить монастыря милостями. Жутко было выборнымъ являться предъ грозныя очи того, кого имъ искони рисовали самыми мрачными

красками, какъ ненавистника старой вѣры, приверженца всякихъ новшествъ, зачастую идущихъ даже въ разрѣзъ того, что имъ казалось истовымъ христіанствомъ. Помни, какъ Петръ не жаловалъ старовѣровъ-стрѣльцовъ и какъ опротивѣло ему послѣ стрѣльческихъ казней всякое старовѣрство, они ждали увидѣть предъ собою грознаго судю своего отщепенства отъ того, во что вѣрилъ онъ, и знали, что разные добрые люди, съ которыми они не ладили, успѣли подслужиться къ царю и наговорили ему про нихъ, какъ про царскихъ ослушниковъ, лиходѣевъ, и бунтовщиковъ. Однако, дѣлать было нечего—надо было идти, такъ какъ было-бы хуже, если-бы царю самому вздумалось посѣтить ихъ общежительство. Пришли на ямъ выборные и стали поджидать. Петръ рано поднимался и принимался тотчасъ-же за дѣло. «Стоять выборные въ сторонкѣ, рассказывалъ намъ большакъ Даниловскій, Иванъ Михайловичъ,—и ждутъ—чего Богъ изволить. Вдругъ выходитъ осударь: изъ зимушн. а съ нимъ большой какой-то бояринъ, а можетъ и генералъ идетъ. Глянулъ осударь на стариковъ и спрашиваетъ: «Что за люди?» — «Это раскольники, торопится генералъ,—властей не почитаютъ духовныхъ, о здравіи вашего царскаго величества не молятся». — «Ну, а подати платятъ исправно?» строго спрашиваетъ осударь. — «Народъ трудолюбивый, не могъ не признаться тотъ ближній бояринъ,—недоимки за ними никогда не бываетъ». Осударь засмѣялся, да и сказываетъ: «такъ вотъ что, братцы! Живите-ка себѣ на доброе здорově! Объ «императорѣ» Петрѣ, коли претить, пожалуй, хотъ и не молитесь, а раба Божія Петра во святыхъ молитвахъ иногда поминайте! Тутъ грѣха нѣтъ никакого». Какою правдою дышетъ это, столь живо характеризующее практическаго Петра, преданіе и какъ долженъ былъ онъ хорошо знать свой народъ для того, чтобы именно такъ говорить съ нимъ. И то сказать! Завоевалъ онъ любовь народную и народъ помнитъ каждый его шагъ, чуть не каждое его дѣйствіе, и притомъ даже тотъ народъ, который вѣчно споритъ о числѣ звѣриномъ въ его имени, иначе не называетъ его какъ «осударемъ», снимаетъ шапку, когда выговариваетъ его имя, цѣлуетъ, какъ святыню, тотъ стаканчикъ, изъ котораго онъ пивалъ свою анисовку во время похода. Словно будто и сама природа не хочетъ дать заглухнуть слѣдамъ великаго труда Петрова и тамъ, гдѣ достаточно 20 лѣтъ, чтобы выросло громадное дерево, на «осударей дорогѣ» лѣсъ не растетъ и Петрова просѣка видна и до сихъ поръ.

Нѣкоторые писатели, конечно, духовные не хотятъ признать достовѣрнымъ такого именно отношенія Петра къ Даниловцамъ и утверждаютъ, что все это сочинили «хитростные» отщепенцы,

тогда какъ Петръ, напротивъ того, скорѣе былъ склоненъ къ тому, чтобы разогнать ихъ съ Выга и даже нѣкоторыхъ казнить. Но пусть рѣшатъ этотъ споръ факты. Петръ всегда называлъ старовѣровъ «сомнительными сынами отечества, безпрерывно мыслящими зло», какъ это видно изъ его Духовнаго Регламента и, когда они дѣйствительно выказывали какое-либо сопротивленіе его начинаніямъ, не церемонился съ ними; быть можетъ и тутъ онъ, при иныхъ обстоятельствахъ, поступилъ-бы иначе, тѣмъ болѣе, что еще за годъ передъ походомъ онъ получилъ донесеніе о раззореніи выгозерскими скитниками Палеостровскаго монастыря, но Петръ самъ не охотникъ былъ до монастырей и монаховъ, которые ничѣмъ не служили общенародному дѣлу и даже въ его «нѣкоемъ ухищреніи» одни ничѣмъ не помогли ему, да къ тому же изъ рекомендаціи «близняго бояряна» онъ увидалъ, что передъ нимъ вовсе не «сомнительные сыны отечества», а исправнѣйшіе исполнители его указовъ, и потому отнесся къ выборнымъ такъ задушевно, какъ описываетъ народъ. Больше того: изъ историческихъ-же документовъ мы видимъ, что подобная депутація дѣйствительно была послана къ Петру и, напримѣръ, въ исторіи Симеона Денисова прямо читаемъ, что выборные принесли царю «униженѣйшую просьбу, съ изъясненіемъ, что они готовы служить Его Величеству, гдѣ и какъ онъ ни повелитъ». Новое доказательство для Петра, что онъ имѣетъ дѣло съ вѣрными сынами отечества, а потому мы и видимъ, что какъ только открылись Повѣшедкіе мѣдноплавильные заводы, такъ Петръ приказалъ приписать даниловцевъ въ работники для подъема руды и видѣлки извести; въ такомъ положеніи даниловцы находились во все время существованія заводовъ. Поморы увѣряютъ, что за добросовѣстное исполненіе обязанностей на заводахъ они получили, вслѣдствіе особаго своего ходатайства, охранный указъ отъ Петра, которымъ имъ дозволялось отправлять у себя службу церковную по старопечатнымъ книгамъ и обрядамъ; все это очень возможно, такъ какъ Петръ былъ явный претивникъ обрядности въ дѣлѣ религіозномъ и, по всѣмъ вѣроятіямъ, указъ этотъ существовалъ специально для Данилова и Алексинскаго монастырей; понятно, что поморы впоследствии стали утверждать, что охранный указъ не касался лишь этой мѣстности, а давалъ свободу служенія всему вообще поморскому согласію, гдѣ-бы его представители ни находились, хотя бы даже и въ самыхъ отдаленныхъ частяхъ Сибири.

Отъ Выгорѣдскаго яма легче стало народу, да и Петръ самъ приободрился, такъ какъ болота стали не такъ топкіи, да и рѣки они стали встрѣчаться, а черезъ рѣки Щепотевъ за благовремен-

но уже успѣвъ выстроить мосточки. Слѣдующій ямъ по диспозиціи Петра пришлось не далеко отъ деревни Телевиной, расположенной на берегу рѣки того же имени, верстахъ въ 25 отъ Выгорѣцкаго яма. Перѣшли войска по мостамъ черезъ рѣчки Маслозерку и Мурому, а отъ этихъ мостовъ сваи остались где-гдѣ и до сихъ поръ и народъ, всегда падкій на анахронизмы и чужа великое значеніе желѣзной дороги для всего сѣвернаго края, вполне убѣждены, что «осударь изготовилъ здѣсь сваи подъ желѣзную дорогу, да шведъ ему помѣшалъ, а то-бы давно здѣсь желѣзная дорога ходила».

Отъ телевинскаго яма лежалъ уже добрый путь вплоть до самаго Повѣнца, который въ то время былъ еще простымъ селеніемъ, принадлежавшимъ Вижницкому монастырю. Петръ сразу понялъ то значеніе, которое могъ современемъ получить Повѣнецкій портъ, лежащій на громадномъ водножъ бассейнѣ Онежскаго озера и признанный имъ какъ-бы преддверіемъ того будущаго порта на Балтійскомъ морѣ, откуда суждено было Россіи выглянуть въ Европу. Мы укажемъ ниже и на другія соображенія, которыя подыали въ глазахъ царя значеніе Повѣнца, а потому понятно съ какимъ восторгомъ онъ подступилъ съ войсками въ широкую равдолью Онега, которое и по понятіямъ туземнаго корельскаго населенія было «счастливою рѣкою» и Петру, видимо, обѣщало счастье и удачу, такъ какъ чуть-ли не главная задача «нѣкоего ухищренія» была рѣшена и теперь оставалось лишь разбить ничего не ожидающихъ шведовъ.

IV.

27-го августа, вечеромъ, полки стаялись въ устью рѣки Повѣнчанки, а утромъ, 28-го, суда были уже спущены на воду и несмотря на то, что дулъ сильный противень, т. е. юго-западный вѣтеръ, Петръ подалъ знакъ къ отплытію. Не успѣли еще суда пройти траверсъ острожка, лежащаго въ 1 верстѣ отъ нынѣшняго Повѣнца, какъ вѣтеръ обратился въ лютую бурю и заставилъ флотилію снова повернуть въ берегу; съ той поры и «островъ тотъ», гласить мѣстное преданіе, — «носитъ названіе Боротнаго». Не съ руки было Петру такое замедленіе и радъ-бы онъ былъ идти въ своей цѣли, да съ бурей, видно, спорить не станемъ. «Тутъ на берегу и церковь случилась во имя первоапостоловъ святыхъ Петра и Павла, такъ осударь у мона съѣта просилъ, можно-ли ему идти въ озеро. Поглядѣвъ погъ на небо, да и скаживаетъ: «на карбасѣ я пройду, а тебѣ, осударь, на большихъ судахъ идти не достоинъ; и суда растеряешь и народъ загубишь

безо всякой пользы». Разсерчалъ осударь на попа и пошелъ въ озера, а попъ на берегу стоитъ, да и говоритъ: «я осударь, съ литургіей тебя подожду!» Не прощли суда и Воротнаго, какъ стало ихъ пошвыривать—доневолю осударю пришлось назадъ вернуться и въ церковь зайти. Кончились обѣдни, подходить осударь къ честному кресту и молвить пону съ усмѣшкою: «Не попомъ-бы тебѣ быть, бата, а матросомъ! Спасибо за науку! Вижу, что повѣнецкій Петръ, куда будетъ посильнѣе московскаго Петра». Поневолю пришлось Петру отложить дѣло до завтра, но времени онъ не терялъ и распорядился тотчасъ-же переписать селеніе Повѣнецъ въ посадъ или рядокъ, одобривъ его отъ монаховъ, а для того, чтобы послѣдніе не остались отъ такого распоряженія въ убыткѣ, привезалъ вознаграждать Важницій монастырь доброю древною въ Новгородскомъ уѣздѣ. Говорятъ еще, въ тотъ-же самый день было положено основаніе и повѣнецкому мѣдноплавильному и желѣзодѣлательному заводу, но объ этой сторонѣ дѣятельности Петра въ олонецкихъ мѣстахъ мы поговоримъ ниже.

Съ восходомъ солнца 29 августа флотилія снова пустилась въ путь и на этотъ разъ ничто уже не задерживало Петра въ его плаваніи. Оного было широко и только Свирь одна могла представить нѣкоторое затрудненіе, хотя прибрежные туземцы—весьма—и прозвали ее «глубокою рѣкою». Хотя и былъ у Петра подробный чертежъ всего теченія Свири, но полагаться на него онъ не рѣшился и принялъ на себя обязанность простаго лопмана. Все время плаванія по Свири Петръ шелъ передовымъ на небольшомъ парусномъ карбасѣ и готовилъ путь слѣдовавшей за нимъ флотиліи. И день и ночь стоялъ онъ на носу и измѣрялъ лотомъ глубину рѣки; народъ въ своихъ воспоминаніяхъ идетъ и дагѣ и увѣряетъ, что Петръ собственноручно продѣлалъ тотъ проходъ въ порогѣ Сиговцѣ, которымъ теперь проходятъ это опасное мѣсто суда, но въ тѣ времена, когда еще въ Олонецкій край не вторглась культура въ видѣ хищника-гѣсопромышленника, вѣроятно Свирь была полноводнѣе и низкихъ пороговъ на ней не было. Такъ, по крайней мѣрѣ, должны мы думать, основываясь на свидѣтельствѣ собственноручнаго письма Петра въ Головину, который поотсталъ отъ него немного и находился, по всѣмъ вѣроятіямъ, недалеко отъ Вознесенской пристани. Быть можетъ мѣстныя крестьяне и заиугивали царя мелководьемъ и порогами, но онъ былъ лопманъ не дилетантъ, а знатокъ своего дѣла и потому сообщалъ Головину, что «въ ѣздѣ нашей ни единого порога не видали, только два перебора на Сиговцѣ, и, кромѣ того, мѣста вездѣ ночью идти можно, и мы шли: не изволь лопмановъ слушать; кромѣ тѣхъ двухъ мѣстъ, изволь идти ночью». Петръ пре-

красно зналъ, что даже и его любимцы не прочь, основываясь на удобныхъ для нихъ сообщеніяхъ мѣстныхъ жителей, поспать лишнюю ночь покояише, но дѣло не ждало; шведы ежеминутно могли провѣдать о «нѣкоемъ ухищреніи» и приготовиться къ отпору. Какъ-бы то ни было, но только 3 сентября флотилія собралась у Сермаксы и должна была снова переждать бурю, которая свирѣпствовала на Ладожскомъ озерѣ. Дѣлать было нечего—приходилось снова оттягивать желанный конецъ, хотя эта неожиданная оттяжка сильно таки не нравилась Петру. «Каждое утро выходилъ осударь на берегъ, а штурма все не утихала. Сильно разгѣввался осударь», рассказывали намъ на мѣстѣ—«на Ладогѣ, что она не пускаетъ его дальше ногами, да наконецъ и не стерпѣвъ; вышелъ на берегъ и высѣкъ озеро плетью... и что-же случилось? стала Ладога смиряться, и повѣтеръ подулъ,—съ нимъ видно и озеро-то спорить не осиѣвлялось. Ну, да и то сказать: къ дѣлу шель—за дѣло и высѣкъ». Можетъ статься, что какіе нибудь присяжные цѣнители побужденій и поступковъ великихъ историческихъ дѣятелей скажутъ, что въ этомъ странномъ поступкѣ Петра вполне выказалась его необузданность, что здѣсь ему измѣнилъ его свѣтлый умъ, но самъ народъ, рассказывающій теперь о наказаніи плетью озера, въ то-же время сообщаетъ намъ, что «сталъ недохватъ въ припасахъ, потому все къ Шлюшину увезли, а въ Сермакѣ простой ямъ былъ сдѣланъ. Стали нѣмцы проситься, чтобы онъ отпустилъ ихъ въ родную землю, а какъ ихъ отпустить, коли имъ путь домой на Шлюшинъ лежитъ. Надумалъ осударь нѣмцевъ къ монахамъ послать покормиться, а своимъ русскимъ привычно сосновую кору глодать; только животы пораспухали, будто отъ сытности. Тутъ и самъ осударь нашей рѣпки попробовалъ вволю». Понятно, что, хотя русскіе и «привычны сосновую кору глодать», но вѣдь въ войскахъ Петра не все были съверяне, а главное ядро арміи составляли гвардейскіе поляки; въ средѣ которыхъ могли найтись недовольные; бурчать они могли, да вѣроятно и бурчали. Петръ видѣлъ это недовольство и зналъ, что ему необходимо поддерживать чѣмъ нибудь свое на время распатавшееся обаяніе. Петръ, какъ недюжинный метеорогъ, могъ видѣть, что буря должна скоро утихнуть и, хорошо зная русскаго человѣка, просто лишь воспользовался случаемъ, чтобы убѣдить свое неразвитое войско въ своей сверхъестественной силѣ—мнѣ-де и стихіи повинуются. Да даже, если-бы и былъ сдѣланъ этотъ поступокъ въ изступленіи, гнѣвѣ и явно шель въ разрѣзъ съ указаніями разума; то развѣ все это не понятно, когда послѣ столькихъ лишеній и трудовъ, предпринятыхъ Петромъ только лишь съ тою цѣлю, чтобы совершить свое нападеніе на шведовъ съ неожиданной стороны и совершен-

но невзначай, у самой почти цѣли какая-то желѣнная буря вдругъ разбиваетъ его великіе планы и заставляетъ его, трудолюбива, стоять безъ дѣла и ждать у берега погоды... Стоить только представить себя въ положеніе Петра и тогда даже и это сѣченіе Ладожскаго озера перестанетъ намъ казаться страннымъ.

Когда Ладога успокоилась, то суда двинулись въ путь озерамъ, а Петръ снова поѣхалъ впередъ сухопутнымъ, да лошадяхъ прямо въ Старую Ладогу, гдѣ его присутствіе было необходимо, такъ какъ, по его приказанію, сюда въ последнее время свозили разные боевые припасы, а теперь, въ виду несомнѣнной уже удачи похода, ему хотѣлось перевезти туда же и армію Шереметева, какъ это видно изъ его письма къ фельдмаршалу, гдѣ Петръ приказываетъ ему немедленно двинуться на Ладогу черезъ Новгородъ. Скоро сказка сказывается, да не скоро дѣло дѣлается, и пока еще Шереметевъ успѣетъ дать ему «сигурсъ», надо было подумать о близкой борьбѣ, а у Петра и пушекъ и пороку было очень мало. Въ Ладогѣ онъ нашелъ 41 пушку, такъ что онъ могъ уже противупоставить шведамъ артиллерію въ 88 жерлъ, изъ которыхъ, впрочемъ, четвертая часть была годна только на безрыбь; въ складѣ приготовлено было 28 тысячъ пудовъ пороха и 56 тысячъ ядеръ, а этого количества на первый разъ было достаточно, тѣмъ болѣе, что въ Повѣннѣ долины были скоро начать лить пушки, и ядра, а доставка была удобна, такъ какъ Петръ въ то время приглаждалъ уже и мѣсто на Свири для постройки судовъ. Заботило Петра еще и другое дѣло: на имѣвшуюся у него карту полагаться уже не было возможности, такъ какъ она дѣлана была со словъ, а потому и приходилось ему дополнить эту карту на основаніи рассказовъ людей, бывавшихъ на Невѣ, одно имя которой не обѣщало ничего хорошаго, такъ какъ по-фински оно означаетъ «великую топь». Подняли вѣнчъ по Ладогѣ и въ царю стали сходиться разные торговые люди и рыбаки, которые хаживали мимо Орѣшка или Шюссельбурга и знали теченіе Невы вплоть до ея устья; Петръ показывалъ имъ чертежъ, объяснялъ имъ значеніе каждаго топографическаго знака, а они «противу чертежа говорили», т. е. дополняли его своими личными свѣдѣніями.

Оказалось, что «Невою рѣкою идти на судахъ и карбасахъ можно» до самаго устья и «теченіе ея отъ Орѣшка до Невскаго порога—20 верстъ, Невскаго порогу—4 версты, до Канецъ (Охта)—25 верстъ и отъ Канецъ до моря—7 верстъ, а всего хода на добрый день, на 56 верстъ. Первымъ шведскимъ городомъ на пути Петра былъ «Нотбургъ», какъ увѣряли бывалые люди «съ доброй крѣпостью, а сколько въ той крѣпости войска, того не знаемъ» Вѣсти были не особенно успокоительныя, тѣмъ болѣе, что и крѣ-

кость-то «добрая» была выстроена самими русскими и теперь Петру приходилось брать снова то, что потеряно было Россіей въ минуту слуты, земской и политической неурядицы, когда всякъ рвалъ у русскаго челоуѣка тотъ кусъ, что приходится по праву. Еще въ 1300 году отважные новгородцы, при самомъ истокѣ Невы построили городъ Орѣховъ съ тою цѣлю, чтобы онъ служилъ защитою отъ непрошенныхъ заморскихъ гостей для Ладоги и теченія р. Волхова; мѣстность эта значилась въ Ведьской пятинѣ, въ такъ называемомъ Зарѣцкомъ станѣ, восточною границею котораго считалась р. Волховъ. Не спокойно было жить первоначальникамъ орѣховскимъ, такъ какъ жили они какъ разъ на ору и чуть, бывало, возгорится прѣ между шведами и новгородцами, какъ приходилось первый бить къ Орѣкову. Въ постоянныхъ браняхъ протекло время до 1323 года, когда наконецъ между русскими и шведами въ самомъ Орѣковѣ былъ подписанъ мирный договоръ, причемъ издавна враги по исконному обычаю «на вѣчную дружбу» кресты цѣловали и клялись. Какъ и быть должно, всѣ эти клятвы вскорѣ были забыты и на видъ встало обимъ народамъ лишь то, что тотъ, кто будетъ владѣть Орѣковимъ, сдѣлается современемъ и владѣющею Невы и Финскаго залива. Хотя по договору государственною границею и обозначена была рѣка Сестра, но уже въ 1348 г. король Магнусъ вознигилъ желаніе поживиться насчетъ владѣній Новгорода, прикрываясь стремленіемъ угодить Богу и обратить своихъ ближайшихъ сосѣдей въ католичество. Думалъ онъ не долго, подъ рукою собрать рать, врасплохъ напасть на Орѣховъ и овладѣть имъ измѣннически. Новгородцы ужаснулись: Ладога не могла быть серьезною преградою для побѣдоноснаго шведскаго войска, а Волховъ представлялъ удобный, торный путь и въ Новгородъ; надо было спѣшить, не давая Магнусу укрѣпиться въ Орѣковѣ и, главное, получить изъ Швеціи вызванна имъ подкрѣпленія, а потому они собрали наскоро дружину и отбили спорный городъ у короля. Наученные горькимъ опытомъ, они выстроили теперь на острову каменную крѣпость и укрѣпили ее со всѣхъ сторонъ башнями; теперь Орѣховъ или Орѣшекъ, какъ слылъ онъ въ народѣ, могъ уже сопротивляться шведамъ, которые и нападали на него зачастую вплоть до 1611 года, когда Делагарди взялъ его обманомъ. Тутъ заключенъ былъ столь постыдны для Россіи столбовскій договоръ, а въ силу его Орѣховъ былъ навсегда уступленъ Швеціи, опять-таки съ клятвами и крестнымъ цѣлованіемъ. Вотъ эту-то крѣпость и пришлось Петру брать у шведовъ первую.

Шереметевъ изумилъ Петра своею поспѣшностью — видимо и фельдмаршалъ понялъ, что дѣло нештучное и медлить не время.

23 сентября на берегу р. Назви Петръ сдѣлалъ смотръ своему войску, а также и 12 батальонамъ, которые явились къ нему на помощь съ границъ Эстляндіи. Дорого обошелся несмысленный походъ Петру, такъ какъ во всѣхъ 5 гвардейскихъ батальонахъ оказалось въ строю всего лишь 2,576 человѣкъ, вмѣсто 4,000. пса-женныхъ на суда въ Архангельскѣ. Если-бы не шереметевскія 10,000 человѣкъ, то, пожалуй, пришлось-бы отложить «нѣкое ухищреніе» до того времени, когда возможно будетъ собрать достаточную силу. Доволенъ былъ Петръ своимъ пленцомъ и, желая довершить начатое такъ удачно дѣло, снова повелъ войска въ обходъ Нотебурга и суда потащилъ опять по мостовинамъ — благо не привязать-стать было народу къ этому дѣлу.

25 сентября Нотебургъ былъ обойденъ и обложенъ со всѣхъ сторонъ, а ниже его на Невѣ показались два фрегата и нѣсколько меньшихъ судовъ подъ русскимъ флагомъ. Сначала шведы были увѣрены, что суда эти шведскія, но когда разобрали дѣло, то увидѣли, что спастись имъ невозможно и надо лишь довести дѣло до честнаго конца, какъ подобаетъ мужественнымъ сынамъ отчизны. «Нѣкое ухищреніе» удалось исполнить, благодаря гениальности Петра, его умѣнью обращаться съ народомъ и выносливости русскаго человѣка, которую Петръ пользовался на пользу Россіи и цѣнилъ высоко. 2 октября Нотебургъ палъ, и Петръ со своимъ военнымъ ему юморомъ увѣдомлялъ своихъ друзей о своей удачѣ: «Правда, что зѣло жестоко сей орѣзъ былъ; однакожь, слава Богу, счастливо разгрѣзень».

В. Майновъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ЗЛАЯ ВОЛЯ.

Повѣсть.

(Посвящается Алексѣю Алексѣевичу Крушевской).

Глава XV.

О чемъ плакала старая ракита.

Лѣто проходило. Дни становились короче, ночи темнѣе. По утрамъ даже нельзя было безъ теплой одежды выйти на улицу. Хоперь надулся и посинѣлъ, соловьи давно замолкли, и гѣсъ стоялъ угрюмый, насушившись, въ евоей грустной осенней одеждѣ. Только старая ракита попрежнему оставалась печальной и попрежнему все о чемъ-то плакала и вдыхала въ ночной тишинѣ.

Но свиданія Тимохи съ Вѣрой продолжались, несмотря на холода и злобщія завыванія вѣтра. Каждый вечеръ, чуть только стемнѣетъ, Вѣра окутывалась въ шубу и выходила подъ ракиту. Здѣсь уже ожидалъ Тимоха.—Перемолвившись двумя-тремя словцами, нацѣловавшись досыта, они затѣмъ разставались до завтрашняго вечера. Всю ночь сидѣть теперь было уже нельзя,—и холодно, да и дома хватятся. А скоро и совсѣмъ нельзя стало видаться... Пошли дожди, грязь, изморозь, и влюбленные принуждены были навремени отложить свиданія.

Вѣра страшно тосковала въ эти дни. Время тянулось такъ долго; такія мысли въ голову дѣвля, что она просто мѣста себѣ найти не могла. Ходитъ блѣдная, угрюмая, ничего не ѣстъ, ни слова не говоритъ. И чаго-чего только не передумала она за это время. То ей кажется, что Тимоха теперь на посидѣлки ушелъ, съ дѣвками играетъ, ее позабылъ; то вѣдываетъ она, что онъ на мельницу поѣхалъ, въ буеракъ по-

паль, расшибся и лежит больной, — да мало-ли какія нелѣпости не давали ей покою... По ночамъ она тихонько отъ всѣхъ даже плакать принималась...

Наконецъ, дождь пересталъ, сѣрыя тучи разсѣялись, и играли ярко и радостно солнечные лучи. День разведрился, — и въ сумерки Вѣра была уже на старомъ мѣстѣ. Увидѣвъ ее, Тимоха кинулся къ ней навстрѣчу, — и долго стояли они молча, взволнованные, задыхающіеся отъ счастья.

— Давай я тебе одну штуку даю... выговорилъ наконецъ Тимофей, очнувшись. Онъ распахнулъ свой полушубокъ и окуталъ Вѣру полой. Они сѣли на почернѣвшій корень ракиты, торчавшій изъ земли и покрытый мхомъ и лишаями.

— Ну, что, какъ? спросила Вѣра, когда они усѣлись. — Что дѣлалъ? Меня вспоминалъ?

— На мельницу ѣздилъ... А объ тебѣ вспоминалъ не только днемъ, а и ночью не было... онъ не договорилъ и рывкомъ прижалъ къ себѣ Вѣру.

— Ну, а на посидѣлки ходилъ?

— Какія тамъ посидѣлки! съ какою-то тоской вдругъ воскликнулъ Тимоха.

Вѣра наострила уши и съ безпокойствомъ взглянула на парня.

— Что, Тимоха, или что случилось?

Тимоха покачалъ головой.

— Не знаю, ужъ связывать ли... едва слышно, спорилъ про себя, вымолвилъ онъ.

Сказавъ это, требовага Вѣра.

Голосъ ея дрожалъ, сердце томительно замирало въ предчувствіи странной бѣды. Но Тимофей молчалъ, понуривъ голову. Тогда Вѣра приложила ему, что не выйдетъ къ нему больше подъ ракиту, — и онъ рывкомъ всталъ.

— Отецъ вчера съ ругался... И дѣдушка тоже. Шутъ ихъ знаетъ, какъ они провѣдали про насъ. Только дѣдушка вечеромъ и говоритъ: «ажели ты, говоритъ, щенокъ, еще будешь къ этой долбнятой, — то есть къ тебѣ-то! — вѣнчаться, а и ей, и тебѣ всѣ ноги обломалъ, коли застигну».

Вѣра поблѣдѣла. Потому, что виновшись отъ Тимофея, пристально взглянула ему въ лицо.

— А ты что-же? не сразу выговорила она глухимъ голосомъ.

— Я, было, имъ тоже отвѣтилъ... Батюшка схватилъ за виски и оттаскалъ. Чтобы, говорить, нога твоя тамъ не была, а то и ихъ, и тебя въ шею отсюда сгоню. А дѣдушка сидитъ и говоритъ: «женить его надоть поскорѣй-ча, чтобы не баловался».

— Стало быть, свадьба наша — шабашъ? послѣ нѣкотораго молчанія и повидимому совершенно спокойно выговорила Вѣра.

— Какъ такъ не бывать? горлчо возразилъ Тимофей и по-ривисто притянулъ ее къ себѣ. — Я ихъ послушаю, что-ли? не махонькій, чай... Старые черти! Коли не дадутъ ничего, — и такъ обвѣнчаемся. Обвѣнчаемся—и уйдемъ... Хошь въ работники наймусь,—а не бывать по-ихнему.

Вѣра молчала, но глаза ее блеснули въ тѣмъ влажной, холодной ночи тѣмъ недобримъ, зловѣщимъ огонькомъ, который такъ часто сверкалъ въ нихъ прежде. Она вздохнула полной грудью, вздрогнула—и вдругъ изъ всѣхъ силъ стиснула Тимоху въ своихъ объятіяхъ.

Видаться имъ стало еще труднѣе,—за ними очевидно слѣдили. Часто Вѣра, выходя вечеромъ на крыльцо, видѣла какую-то темную фигуру, таинственно крадущуюся вдоль стѣны, а Тимохѣ только при помощи самыхъ отчаянныхъ хитростей удавалось вырваться подъ ракиту. Даже черезъ плетень имъ трудно было перекинуться словечкомъ, потому что сейчасъ на крыльцѣ ярыгинскаго дома хлопала дверь и дрожащій старческій голосъ кликалъ: «Тимошъ, а Тимошъ,—гдѣ ты? Подъ-ка сюды скорѣй-ча».

Но они все-таки видались,—урывками, на минуту, но видались. То на водопой, то за церковною оградой... Семейные Ярыгина, при встрѣчахъ съ Вѣрой, косились на нее, а однажды она, проходя съ ведрами мимо ихъ крыльца, явственно услышала пущенныя ей вслѣдъ слова: «гулящая... огородница»... Вѣра вся вспыхнула, въ глазахъ у нея заходили зеленые и красные круги, и она хотѣла было уже обернуться, чтобы отплатить обидчику,—но вдругъ, неожиданно для самой себя, сдержалась и спокойно прошла къ своему крыльцу. Только, придя домой, она долго дрожала, какъ въ лихорадкѣ, шепча сквозь зубы слова злобы и мести.

Эти препятствія послужили для ихъ любви словно масло для огня. Она разгорѣлась въ неукротимое пламя... Вѣра

представить себѣ не могла Тимофея чѣмъ либо, а не ея именно, мужемъ, и повременамъ на нее находили безумные порывы бѣшенства и злобы. Она совершенно забывалась и съ пылающими глазами, съ искаженнымъ лицомъ кричала: «не жениться тебѣ на другой, не дамъ тебя живого въ руки, сама зарѣжусь—и тебя зарѣжу»...

Но сейчасъ-же вслѣдъ за этими дикими вспышками отчаянія и злобы она кидалась на шею Тимохѣ и снова становилась нѣжною и ласковою. Припавъ къ нему на грудь, она то плакала, то смѣялась, гладила его по головѣ, цѣловала, называя самыми ласковыми именами.

— Вѣдь ты не женишься? Не женишься на другой? спрашивала она, глядя ему въ глаза и затѣмъ прибавляла:—помни, Тимоша, ежели ты меня бросишь,—мнѣ не жить...

Тимоха божился всѣми святыми, что не броситъ ее... И часто она доводила его до того, что онъ, прийдя на свиданье угрюмый, убитый,—уходилъ отъ нея бодрый, веселый, съ рѣшимостью бороться.

А дома его встрѣчали бранью и воркотней. «Опять къ своей ходилъ?» спрашивалъ отецъ ядовито, а дѣдушка Никита назойливо и сердито шамкалъ съ печи:

— Смотри, парень, не доведи до грѣха... Проклянута,—нигдѣ себѣ счастья не найдешь... Будешь какъ Каинъ проклятый по бѣлу-свѣту скитаться...

Слова замирали на губахъ у Тимофея и вся его рѣшимость исчезала. Онъ тосковалъ, томился и падалъ духомъ. Его рассказы о семейныхъ дѣлахъ съ каждымъ днемъ становились неутѣшительнѣе, безнадежнѣе.

— Слышать про тебя не хотятъ... рассказывалъ онъ Вѣрѣ, понуривъ свою кудрявую голову. — «Ей, говорятъ, и ворота дегтемъ мазали—на что лучше?.. У нихъ и семья-то вся эдакая. Отецъ какой-то шляющій, мать—пьяница. Прими эдакую къ себѣ въ домъ—осрамить на все село, даромъ что будто изъ благородныхъ»...

— А то что еще, подлые, болтаютъ! съ негодованіемъ говорилъ онъ въ другой разъ. Вчера сноха и говорить: «да вѣдь она вѣдьма! У нея приворотное зелье есть. На что писарь ужъ—человѣкъ сурьезный! — и тотъ, говорить, за нею шныдалъ. И ничего-то за нею нѣтъ,—какъ есть голая... Чай, и работать-то по нашему не будетъ,—потому что не приучена.

Сядеть, сложа ручки, а мы на нее роботай. Да нешто это жена?—Не въ домъ, а только изъ дому... Намъ эдакую не надоть»...

— Тимоша, а ты-то что-же? съ тоской спрашивала Вѣра.

— Я, было, на нее зыкнулъ, а дѣдъ съ печи сейчасъ — «проклянудь!» Что-жь сдѣлаешь-то?

— Да пусть его прокликаетъ,—наплевать намъ! воскликнула Вѣра.

Тимоха промолчалъ, и только одно слабое эхо повторило энергичное восклицаніе Вѣры.

Наступили холодныя, туманныя октябрьскія ночи. Коротенькій, подслѣповатый день проходилъ быстро, но за то какъ медленно, какъ тоскливо тянулись эти ночи! Вѣра нарочно ложилась спать пораньше, чтобы остаться наединѣ съ собою, чтобы хоть во снѣ успокоиться, но ей плохо спалось, и она до разсвѣта ворочалась съ боку на бокъ въ смертной тоскѣ. Иногда на память ей приходили сладкія соловьиныя ночи подъ ракитой, и она принималась безумно рыдать. Господи, какъ все это скоро прошло... и никогда не вернется... Умереть-бы, что-ли, поскорѣй!..

А на утро Вѣра вставала желтая, съ синими кругами подъ глазами, съ блуждающимъ безсмысленнымъ взглядомъ и, никого не замѣчая, безцѣльно бродила по избѣ.

— Что это, вѣроятно, ваша сестра нездорова? спрашивалъ Сергѣй Васильевичъ Нину.

— Не знаю! печально отвѣчала та. — Ее, вѣдь, и спросить ни о чемъ нельзя,—не скажетъ...

Дѣйствительно, Вѣрѣ все какъ-то недомогалось. Голова болить, въ ушахъ звонъ, словно послѣ угару, а въ тѣлѣ то дрожь, то словно всю огнемъ охватить. Пробовала она лечь, но чуть только стоило ей забыться, какъ на нее наваливалось что-то громадное, страшное, и она въ ужасѣ вскакивала. Разъ подошла къ ней Нина и съ участіемъ спросила ее—что съ нею? но Вѣра или не слыхала, или-же не хотѣла отвѣчать,—только взглянула на сестру страннымъ взглядомъ и смолчала. Нина отошла.

Съ Тимофеемъ Вѣра не видѣлась цѣлую недѣлю. Его опять на мельницу услали, и никакихъ вѣстей не было оттуда. Нѣсколько дней подрядъ шелъ дождь, и по дорогамъ образовались необозримыя топи и болота.

Въ субботу погода прояснилась. Ударилъ легкій морозецъ и сковалъ влажную землю; густой туманъ, совсѣмъ лежавшій надъ окрестностями, собрался въ огромныя бѣлыя облака и поплылъ по небу вмѣстѣ съ запоздалыми стаями дикихъ гусей. На улицахъ появился народъ; ребятишки затѣвали веселыя игры. И Вѣра стало словно легче на душѣ. Дождавшись вечера, она отправилась на огородъ, въ надеждѣ увидѣться съ Тимохой. Ей вдругъ почему-то стало казаться, что вся эта бѣда какъ нибудь уладится и кончится, а тамъ все опять по старому пойдетъ. И на сердцѣ у нея стало покойнѣе, когда она бралась за ручку двери.

Выйдя на воздухъ, она вдругъ захаталась и чуть-было не упала. Свѣжій воздухъ ошеломилъ ее, — голова у нее закружилась. Посидѣвъ на бревнахъ и отдохнувъ, она тихонько побрела огородами къ рѣкѣ. Лѣсъ стоялъ уже совсѣмъ голый, почернѣвшій, и только кое-гдѣ закатъ золотилъ пестрыя лохмотья его нѣкогда роскошной одежды. Пусто и тихо было въ немъ, лишь шумливое воронье хозяйничало на просторѣ въ его обнаженной вершинѣ. По краешкамъ рѣки образовался уже тонкій ледокъ, и его хрустальныя иголочки обсыпали нижнія колѣна камыша, сердито махавшаго въ разныя стороны своими мохнатыми шапками. Вѣра остановилась на обрывѣ и печально глядѣла впередъ...

— И соловьи улетѣли... прошептала она и схватилась за голову.—Ахъ, какъ голова болитъ...

— Вѣра... Вѣрка!.. послышалось позади. Вѣра оглянулась и съ радостнымъ крикомъ бросилась на встрѣчу Тимофею, который почти бѣжалъ къ ней, махая шапкой.

Но, взглянувъ въ его блѣдное лицо съ потеряннымъ взглядомъ, она остановилась и сердце у нея похолодѣло.

— Вѣрка, вѣдь они мнѣ невѣсту усватали!.. задыхаясь, выговорилъ онъ и, присѣвъ на землю, опустилъ голову на колѣни.

— Невѣсту... повторила Вѣра безсознательно.

— Усватали... И запой ужъ быть,—все безъ меня оборудовали... Я приѣзжаю съ мельницы, а тутъ ужъ готово. Такъ я и обмеръ... «Батюшка, говорю,—не хочу жениться на этой!» А онъ мнѣ: «Скажи, говорить,—еще одно слово, я тебя въ волостномъ, при всемъ сходѣ, велю, за неповиновение, плетями отодрать...»

Вѣра стояла молча, словно окаменѣвъ, и во всѣ глаза глядѣла на Тимоху.

— Что-жь теперь дѣлать остается? съ отчаяніемъ крикнулъ Тимоха, подымая голову и оборачиваясь къ ней. — Топиться, — прямое дѣло... Ужь ежели эдакій срамъ примать, — легче-же помереть...

Вѣра вдругъ засмѣялась. Но смѣхъ застрялъ у нея въ горлѣ, и она вслѣдъ затѣмъ зарыдала, захлебываясь и заикаясь. Потомъ, спотыкаясь, бросилась бѣжать.

Тимофей бросился было за ней, но вдругъ остановился и, ударивъ шапку о землю, тоже заплакалъ.

ГЛАВА XVI.

Въ бреду.

Вѣра захворала. Какъ прибѣжала она въ избу послѣ рокового извѣстія, такъ и упала безъ памяти на лавку. Нина раздѣла ее, уложила и укутала шубой, но Вѣра врядъ-ли что сознавала. Она лежала вся въ жару, никого не узнавая, бормоча какія-то безсвязныя рѣчи. Нина отъ нея не отходила. Всю ночь напролетъ не смыкала она глазъ, сидя около мѣтавшейся Вѣры и съ трепетомъ прислушиваясь къ ея бреду. Только предъ разсвѣтомъ Вѣра успокоилась, и Нина на минуту вздремнула, прислонясь головой къ стѣнѣ.

Утромъ Вѣра пришла въ себя и, приподнявшись на постели, подозвала къ себѣ сестру.

— Слушай, Нинка! шепнула она, глядя на нее блестящими сухими глазами. — Ежели увидишь невзначай Тимошку Ярыгинскаго, — пошли его ко мнѣ. Да подай мнѣ платье, — я одѣнусь...

Нина подала ей платье. Вѣра, одѣваясь, жаловалась на холодъ и говорила, что пойдетъ погрѣться на солнышкѣ. Но платье выпало изъ ея ослабѣвшихъ рукъ, и черезъ часъ она снова лежала въ жару и бредила, то посылая кому-то страшныя проклятія, то призывая къ себѣ кого-то жалобнымъ голосомъ. Всѣ были ужасно встревожены неожиданной болѣзнью Вѣры, только одна бабка, по обыкновенію, сердилась и ворчала.

— Сколько по огородамъ-то ни вѣшаться, — вотъ и нашлась... Экая нелутевая!

Послали за фельдшеромъ. Фельдшеръ пришелъ, осмотрѣлъ больную и развелъ руками.

— Тифъ! лаконически объявилъ онъ, подымая брови. — Чѣмъ ее теперь лечить,—незнаю. Компрессы прикладывайте,—больше ничего. Теперь всѣ тифомъ хвораютъ!.. въ видѣ утѣшенія добавилъ онъ, раскланиваясь.

— Помеломъ-бы тебя... проворчала ему вслѣдъ Лукинична. — Учать-учать ихъ, прости Господи, а они коровьяго хвоста не смыслятъ. А фершалъ туда-же... Пойду-ка лучше Терентыху призову; дѣло-то ладнѣе будетъ...

Но и Терентьевна не помогла ни своей четверговой солью, ни богородской травкой, нашептанной на трехъ заряхъ подь Духовъ день.

Въ то время, какъ Вѣра лежала безъ памяти, въ избу неожиданно вошелъ Иванъ Никитичъ Ярыгинъ. Истиво прекрестившись въ передній уголъ, онъ расправилъ на обѣ стороны свою благообразную кудреватую бородку и обратился къ хозяевамъ.

— Здравствуйте, сударыни! Все-ли въ добромъ здоровьи? заговорилъ онъ мягко, какъ-то особенно моргая своими лисьими глазками.

— Слава Богу, живемъ! отвѣчала бабка. Она была съ горя немного выпивши.

— Такъ-съ. Отъ Никандра Василича вѣсточки нѣту?

— Нѣту все. Богъ знаетъ гдѣ онъ и находится!

— Гм., гм... откашлялся Иванъ Никитичъ. — А я, сударыня, къ вамъ по дѣлу. Нельзя-ли вамъ избу-то нашу очистить... то есть, квартируку себѣ другую прискаты?

— Что это вы, Иванъ Никитичъ? не сразу отвѣтила ошеломленная бабка. — Или мы вамъ чѣмъ досадили? Кажись, жили въ согласіи,—и вдругъ...

— Помилуй Господи! поспѣшно возразилъ Ярыгинъ.—За чѣмъ-же! Слава Богу, мы вами довольны... А потому единственно, какъ сына мы вздумали женить, то теперича тѣсно-вато будетъ. Для молодыхъ надоть попросторнѣй.

— Бога ты не боишься, Иванъ Никитичъ! закричала бабка.—Эдакіе холода стоятъ,—куда мы теперь дѣнемся? У насъ больная лежитъ...

— А укъ это куда угодно. Намъ самимъ изба нужна...

Бабка осердилась и принялась браниться... «Зазнался

Иванъ Никитичъ... въ купцы мѣтить... форсу-то надо поспѣ-
бить!..» Лисьи глаза старика блеснули.

— Нечего кричать-то! сухо вымолвилъ онъ. — Хоша рас-
кричитесь — намъ васъ на фатерѣ держать не приходится. У
насъ все честно, благородно, у насъ парни молодые... а ваша
внучка, не въ обиду будь сказано, извѣстно... Такъ ужъ осло-
боните фатерку-то... невѣсту беремъ хорошую, такъ ужъ нес-
подручно вамъ оставаться здѣсь...

— Ахъ ты мужикъ эдакій! заголосили обѣ разомъ, — и
бабка, и Софья Петровна. — Да вотъ Никандръ Васильевичъ
ужо пріѣдетъ, онъ тебѣ...

— А мнѣ что вашъ Никандръ Васильевичъ! уже совсѣмъ
грубо перебилъ старикъ. — Наллевать мнѣ на него. Такой-же
процалыга... хуже насъ мужиковъ... А что ваша это... съ мо-
имъ Тимофеемъ гуляла, — такъ это тоже достаточно извѣстно.
Нишче эдакіе, — пропонцы... туда-же... Духу чтобы вашего
здѣсь не было... Право-слово — пропонцы!.. выругался онъ
уже на порогъ и что есть силы хлопнулъ за собой дверью.

По его уходѣ поднялась цѣлая буря. Разумѣется вся эта
буря обрушилась главнымъ образомъ на Вѣру, и будь она
здоровая, — дѣло не обошлось-бы безъ скандала. Но она ничего
этого, къ счастью своему, не слыхала и попрежнему мета-
лась на лавкѣ подъ шубой, произнося то проклятыя, то
мольбы...

— Дожили! кричала бабка, разбрасывая по избѣ тряпье
и посуду. — Вотъ они, внучки-то любезныя... на всю губернію
осрамили! И въ кого эдакія непутевыя уродились... Смотри
ты у меня! вдругъ обрушилась она на ни въ чемъ неповин-
ную Нину. — Вотъ и ты съ своимъ учителемъ досидишься...

Началось укладыванье... Вечеромъ, ни съ того, ни съ сего,
въ избу забѣжала юркая ярыгинская невѣстка. Она чего-то
понюхала, пошныряла глазами по угламъ, заглянула даже подъ
лавки и опять умчалась.

На утро, когда въ окно чуть-чуть забрезжилъ блѣдный
разсвѣтъ и въ печи уже ярко пылала солома, извиваясь огнен-
ными змѣйками, — въ избу опять кто-то вошелъ, осторожно
скрипнувъ дверью, и молча остановился у порога.

— Кто тамъ? опросила бабка, крошившая на столѣ кар-
тошку.

— Это я, бабушка... робко отозвался вошедшій.

Бабка узнала голосъ Тимохи и, свирѣпо швырнувъ картошку въ горшокъ, обернулась.

— И чего вы шляетесь, чего выглядываете, вихорь васъ унеси! закричала она.—Такъ и лѣзутъ, такъ и шныряютъ. Небось ивбу вашу съ собой не унесемъ,—цѣла будетъ...

— Я не за тѣмъ, бабушка... съ тоской вымолвилъ Тимофей, судорожно комкая въ рукахъ свою шапку.—Я насчетъ того... какъ, то есть, здоровье... Вѣры Никаандровны... съ усніемъ договорилъ онъ.

Лицо его было блѣдно, кудрявые волосы свалились, словно были давно нечесаны, глаза ввалились и потускнѣли. Онъ былъ жалокъ.

— Убирайтесь вы!.. раздраженно воскликнула старуха. Нечего по чужимъ дѣвкамъ шляться, коли жениться задумалъ. Сволочь эдакая, прости ты меня Господи. Опозорять дѣвку, да еще насмѣхаются... Уйди, говорятъ! А то вотъ возьму ко чергу, да въ безстыжіе глаза-то и уткну...

Тимофей поблѣднѣлъ еще больше и, пошатываясь, вышелъ вонъ.

Къ Михайлову дню землемѣрова семья переехала въ новую квартиру, къ вдовой пономарихѣ. Эта квартира была хотя и просторнѣй прежней, но за то тутъ-же за досчатой перегородкой помѣщалась и сама пономариха съ тремя дѣтишками малъ-мала меньше, которые постоянно пищали, дрались и никому не давали покоя своими шалостями. А недѣли черезъ двѣ населеніе избы увеличилось еще однимъ членомъ,—отелилась корова, и за перегородкой появился новорожденный теленокъ, совсѣмъ еще голый, на тоненькихъ, колеблющихся ножкахъ, съ мокрой, розовой мордочкой и глупыми синими глазами. Иногда ребятишки принимались его тормошить, и телокъ благимъ матомъ оралъ на всю избу; пономариха начинала тузить дѣтей; дѣти подымали ревъ,—дымъ шелъ коромысломъ... Къ этимъ неудобствамъ присоединялись еще и другія. Печь была общая, и потому между пономарихой и бабушкой чуть не ежедневно происходили баталіи изъ за ухватовъ и горшковъ, тѣмъ болѣе, что и пономариха иногда не прочь была клокнуть и часто находилась въ черезчуръ возбужденномъ состояніи. Сначала все это очень беспокоило новыхъ жильцовъ, но потомъ мало-по-малу они примирились съ новой обстановкой и зажили по старому.

А Вѣра все еще не поправлялась. Повременамъ она приходила въ себя и едва слышно просила пить, потомъ опять впадала въ забытѣ, окруженная страшными видѣньями и призраками. То чудилось ей, что она въ гробу лежитъ и ее заколачиваютъ... Тысячи молотковъ стучатъ по крышкѣ, и этотъ оглушительный стукъ болѣзненно отзывается въ каждой жилкѣ ея больного тѣла. Она слышитъ лязгъ гвоздей... хочетъ повернуться—и не можетъ. Тѣсно, темно, холодно... Кровь стынетъ въ жилахъ... Но вотъ вдругъ гдѣ-то вдали блеснула яркая искорка... вотъ она растетъ и приближается.. не одна,—много искръ. Онѣ сыплются кругомъ, трещать, сверкаютъ,—и все кругомъ сразу охватывается пламенемъ. Громадные красные языки бѣгутъ, растутъ, лижутъ ея платье. Она вся въ огнѣ,—а пошевелиться не можетъ, словно скованная...

— Горю, горю!.. лепетала она въ страшной тоскѣ, разметавшись на постели.

Нина со слезами на глазахъ мочить ей голову ледяной водой. А за перегородкой беззаботно возятся ребятишки, и дѣтскій голосъ назойливо и капризно тянетъ: «мама, а, мама, каши дай... Да-а-й каши, мама... А, мама!»

Наконецъ Вѣрѣ стало совсѣмъ плохо. Разъ ночью Нина вскочила въ ужасѣ и перебудила весь домъ. Вѣра лежала вся холодная, съ открытыми, неподвижными глазами. Рубашка на ея груди чуть подымалась, губы почернѣли и запеклись.

— Да она кончается, родимые! заголосила пономариха и бросилась къ попу.

Проснулись дѣти и заплакали; разбуженный суматохой теленокъ замычалъ подъ лавкой. Пришелъ о. Квинтилянъ; Вѣру соборовали и причастили. Нина вся тряслась, какъ въ лихорадкѣ, и плакала; пономариха суетливо клала земные поклоны.

Всю ночь не спали въ пономарихиной избѣ. Предъ образами чадилла лампадка, бросая слабый отблескъ на блѣдное лицо Вѣры; старухи шептались въ углу; Нина тихонько всхлипывала, безпрестанно прикладывая руку къ груди сестры. Сердце еще билось...

На утро пришла Настасья Филипповна и велѣла растирать больную холодной водой. «Это иногда помогаетъ»... выговорила она своимъ тихимъ голосомъ,—и всѣ повеселѣли. Потомъ зашелъ изъ училища Сергѣй Васильевичъ и, поглядѣвъ на Вѣру, покачалъ головой.

— М-да! промычалъ онъ сквозь зубы и задумался.

Шумить и блещеть огнями ярыгинская изба. — Подъ окнами цѣлая гурьба народа шумить, смѣется, перебранивается. Здѣсь и мальчишки въ рваныхъ материныхъ кацавейкахъ, и веселые парни, подь шумокъ заигрывающіе съ хохочущими на всю улицу дѣвками, и досужія бабы съ младенцами за пазухой, и старыя сгорбленныя старухи съ клюками, въ бѣлыхъ старинныхъ шушпанахъ съ красной оторочкой.

Всѣ собрались поглазѣть на богатую свадьбу и наперебой лнуть къ запотѣвшимъ окошкамъ. У воротъ стоитъ нѣсколько троекъ, запряженныхъ въ большія сани съ цвѣтными войлоками. Въ лошадиные хвосты и гривы вплетены пучки яркихъ лентъ; подь росписными дугами побрякиваютъ колокольцы и бубенчики. Ярыгинъ совсѣмъ по-купечески задумалъ свадьбу сыграть...

— Дѣвушки, а, дѣвушки, пріѣхала что-ль невѣста-то? слышится въ толпѣ подь окномъ.

— А кто-е-знаеть, — не видать еще... Да что ты, идоль, привязался, на тотъ-те свѣтъ! — Слышится оглушительная пощечина. Подымается дружный хохотъ, старухи ворчатъ.

— Охъ, непутевыя, непутевыя, горюшка вамъ нѣту... Отколѣ невѣста-то взята?

— Изъ Рѣпина, слышь, — рѣпинскаго кабатчика дочка... Богатая, говорятъ, страсть...

— Тамъ столько приданаго, — и не приведи Господи! тянетъ чей-то жалобный голосъ.

— Тыщу рублевъ деньгами... хриплымъ шепотомъ сообщаетъ одна клюка другой.

Лошади нетерпѣливо роютъ ногами снѣгъ; колокольчики звенять...

Въ избѣ идетъ суматоха. Нѣсколько бабъ накрываютъ столы пестрыми скатертями; дружка, молоденькій паренекъ, прикащикъ изъ Крутояра, суетится около нихъ съ остротами и прибаутками. Иванъ Никитичъ, озабоченный, ходитъ по избѣ, въ новой, съ иглочки поддевкѣ, съ приглаженной головой, и оглядываетъ всѣ углы. «Какъ-бы не осрамиться передъ новой родней... въ грязь лицомъ не ударить. Какъ у людей, такъ чтобы и у насъ... по настоящему, а не по свински»...

— Мотыка! зоветь онъ младшаго сына, шустрого подростка лѣтъ четырнадцати.

— Чего изволите! подбѣгаетъ Мотька. Онъ почти выросъ за кабацкой стойкой, а потому въ совершенствѣ усвоилъ себѣ всѣ торгашескія манеры.

— Поди-ка, погляди, не ѣдетъ-ли невѣста. Да образъ, смотри, не позабуди...

За перегородкой, у стола, склонившись головой на руки, сидитъ Тимофей. Губы его беззвучно шевелятся, глаза бессмысленно устремлены въ пространство. Передъ нимъ неотступно стоитъ блѣдный обликъ Вѣры съ укоромъ въ большихъ суровыхъ глазахъ. Тимофей и глаза закрываетъ, и головой встрахиваетъ,—а блѣдный призракъ тутъ какъ тутъ и не отходить прочь. Въ ушахъ — голосъ Вѣры, на губахъ — ея поцѣлуи...

«Господи, какъ я на *эту* глядѣть буду, какъ съ ней жить стану?..» гвоздемъ сидитъ въ головѣ одна неотвязная мысль.

— Свадьба! шепчетъ Тимоха. А Вѣрка помираетъ... Можетъ, ужъ и померла,—давеча, сказывали, больно плоха была. Каинъ я,—Каинъ и есть... Вѣрушка, родимая... Охъ, тошно...

Тимофей вскакиваетъ съ лавки. Куда-бы дѣться отъ этой мучительной тоски, какъ-бы позабыться? Заглянулъ въ избу,—тамъ огни, столы, веселыя лица... Свадьба! На улицу вышелъ,—народъ шумитъ, свадьбу пришелъ глядѣть; лошади фыркаютъ у воротъ,—скоро въ церковь ѣхать. У Тимофея на лбу выступилъ холодный потъ, руки и ноги дрожали.

— Батюшка, хрипло выговорилъ онъ, входя въ избу и останавливаясь передъ отцемъ.

— Тимофей! прикрикнулъ Иванъ Никитичъ.—Сказано не дурить...

Тимофей опять ушелъ за перегородку и почти безъ чувствъ опустился на лавку.

— Ваня... позвалъ онъ молоденькаго дружку.—Ты-бы мнѣ того... что я тебѣ наказывалъ...

— Винца-то? Да вѣдь грѣхъ! шепотомъ отвѣчалъ дружка, боязливо оглядываясь на дверь. Его свѣжее, розовое лицо смѣялось и сіяло.

— Э... ну... вымолвилъ Тимоха, махнувъ рукой.—Она и вся свадьба-то непутевая...

— Ну, ладно, для храбрости надо выпить. Ступай... въ сѣняхъ за ящикомъ, въ сѣнѣ... цѣлая косушка... на ходу выговорилъ онъ и исчезъ снова въ освѣщенной избѣ...

— Ъдутъ, ѡдутъ! закричали въ толпѣ зрителей, и народъ, толкая другъ друга, кинулся къ воротамъ. Слышался визгъ, смѣхъ, веселая брань.

Женихъ, бояре и поѡзжане съ глухимъ говоромъ усаживались въ сани. Колокольчики переливались, лошади мотали головами. Усѣлись. Главный дружка, съ перевязаннымъ черезъ плечо бѣлымъ расшитымъ полотенцемъ, забѣжалъ передъ лошадьми и, переломивъ надъ головою палку, высоко отбросилъ обломки въ обѣ стороны... Кто-то свистнулъ,—лошади рванулись и полетѣли.

Церковь уже горѣла огнями и кипѣла народомъ. Батюшка облачался въ алтарѣ въ парадную ризу съ лиловыми цвѣтами; дьячокъ на клиросѣ откашливался и въ полголоса налаживалъ: «И возвеселится царь»... Невѣста уже стояла у аналоя, въ атласной шубкѣ съ большимъ платкомъ на головѣ. Она была очень недурненькая, съ вздернутымъ носикомъ, алыми губками и свѣтлыми рыжеватыми волосами, завитыми «по модѣ», напереди. Когда она сбросила съ себя шубу и платокъ,—на головѣ оказались бѣлые цвѣты съ вуалью, а подъ шубой—пышное голубое платье съ бантами и кружевами.

Въ толпѣ зашевелились,—явился женихъ и, блѣдный, сталъ рядомъ съ невѣстой. На его измученное лицо страшно было смотрѣть. Обрядъ начался...

— Не общалась-ли еси другому? тайственнымъ шепотомъ спрашивалъ батюшка невѣсту, глядя на ея голубое платье.

— Нѣтъ... стыдливо шепнула та, стараясь незамѣтнымъ образомъ поправить бантикъ.

— Не общался-ли еси другой? также торопливо и тайственно спросилъ батюшка жениха.

Тимошка страдальчески взглянулъ на батюшку и зашевелилъ, было, губами. Но вмѣсто отвѣта поперхнулся, закашлялся и только тряхнулъ головой...

Свадбу играли дня три, пока всего не выпили и не поѣли. Пиръ былъ на славу. Съ утра до ночи тройки въ лентахъ скакали по селу, а на тройкахъ сидѣли ярыгинские гости и, горлана что есть мочи пѣсни, поливали землю водкой. Алмазовцы цѣлую недѣлю толковали объ этой знаменитой свадьбѣ. Перечислялось подробно приданое невѣсты, вспоминались разныя интересныя подробности вѣнчанья, переда-

вадось о томъ, сколько вина было выпито, кто съ кѣмъ по-дрался. Между прочимъ. рассказывали ещё и то, что будто-бы наканунѣ свадьбы самъ увелъ жениха въ чуланъ и тамъ отстегалъ его за что-то ременной плетью, такъ что подъ вѣнцомъ женихъ стоялъ самъ не свой и все отворачивался отъ невѣсты.

— Какъ рубашка бѣлый... рассказывала Лукиничѣ пономариха. — Невѣста-то стоитъ вся какъ есть въ цвѣтахъ, ровно нарисованная, а онъ на нее и не глянетъ. И не гля-я-нетъ, родимая ты моя! О. Квинтиліанъ ему говорить: «поцѣлуйтесь съ супругой-то», — а онъ вытаращилъ глаза, да и стоитъ, словно и не слышитъ... А послѣ вѣнца-то, говорятъ, такъ нахлестался, что его на рукахъ вынесли на постелю...

Молодые поселились въ той самой избѣ, гдѣ жила когда-то землемѣрова семья, и, вмѣсто черноглазой Вѣры, думавшей здѣсь, бывало, свои завѣтныя думы, подъ окномъ теперь сидѣла «нарисованная» дочка рѣпинскаго кабатчика и, щелкая орѣхи, по цѣлымъ днямъ распѣвала о томъ, какъ

Этотъ самый милый мой,
Яфидерикъ молодой,
Въ мазурочку танцуетъ.
Громко шпорами звенить...

Глава XVII.

Сестры.

Въ то время, какъ Иванъ Никитичъ праздновалъ свадьбу своего сына, поливая алмазовскія улицы водкой, на селѣ открылся тифъ и пошелъ ходить изъ избы въ избу. Приѣзжалъ окружной докторъ, заглянулъ въ два-три дома, приказалъ выбросить изъ избы телятъ, ягнятъ, поросятъ, отравлявшихъ воздухъ, — и уѣхалъ. Телятъ выбросили, но тифъ отъ того не унялся. Чуть не каждый день надъ селомъ гудѣлъ Зловѣщій похоронный перезвонъ и по улицѣ неторопливо двигалась печальная процессія. Въ серединѣ медленно колыхался бѣлый досчатый гробъ; по сторонамъ, поддерживая концы бѣлыхъ полотенецъ, шли степенно мужики, безъ шапокъ, съ подвязанными ушами, а за гробомъ плелись старухи, голосила вдова, бѣжали присмирѣвшіе ребятишки...

Въ землемѣрову квартиру заглянула новая бѣда: бабка

тоже слегла въ ознобъ и жару. Къ довершенію несчастія, деньги всѣ вышли, — а отъ Никандра Васильевича не было никакихъ вѣстей. Нина совсѣмъ растерялась, и если-бы не Настасья Филипповна, помогавшая ей деньгами и часто навѣщавшая ихъ квартиру, — она сама непремѣнно-бы захворала.

Въ одинъ изъ тусклыхъ ноябрьскихъ дней Вѣра очнулась. Открыла глаза, попробовала, было, поднять голову и застонала. Голова была совсѣмъ какъ пустая; руки не подымались, тѣла будто не чувлось.

— Кто здѣсь... Нинка, ты? едва слышно выговорила она, не видя, но чувствуя, что около нея кто-то шевелится.

— Я, я; ты лежи ужь, не вставай! наклонилась надъ нею Нина, обрадованная, что сестра наконецъ заговорила.

Вѣра помолчала, снова, было, сдѣлала попытку двинуться — и снова застонала.

— Давно я хвораю-то? спросила она еще тише, съ усилемъ повернувъ голову къ свѣту.

— Давно, Вѣрка! Скоро ужь мѣсяцъ будетъ.

— О, Господи! простонала больная. — А будто вчера легла.

Она замолчала, стараясь что-то припомнить, сообразить и устремивъ неподвижный взглядъ въ пространство. Въ окна глядѣла бѣлая зима; на дворѣ выла вьюга. Но Вѣра такъ ничего и не могла припомнить и заснула — безъ мыслей, безъ видѣній, крѣпкимъ, спокойнымъ сномъ.

Къ вечеру она проснулась и долго лежала молча, широко открывъ глаза. Ей было совсѣмъ легко; боли нигдѣ не чувствовалось, только пошевелиться никакъ было нельзя. Наконецъ ей надобно такъ лежать, — она крикнула Нину.

— Нинка, поѣсть-бы чего нибудь... прошептала она, стараясь сквозь сумерки взглянуть въ лицо сестры.

— Чего-жь тебѣ? весело спрашивала Нина. — Щи съ куратиной ѣсть, — а то, можетъ, лапшу...

Вѣра сердито замотала головой.

— Кислаго чего-нибудь... соленого... выговорила она.

Нина забѣгала по избѣ, накинула на себя платчишко и по сугробамъ помчалась къ Настасьѣ Филипповнѣ. Ноги ея по колѣна вязли въ рыхломъ снѣгу, въ лицо сыпала метель, вѣтеръ пронизывалъ насквозь ея тѣло, но она этого не чувствовала. Ей было ужасно весело!.. «Ну, слава Богу... Вѣрка выздоровѣла...» вертѣлось у нея въ головѣ.

Через полчаса она явилась вся засыпанная снѣгомъ, но радостная, съ большой деревянной чашкой моченыхъ яблокъ, вишень и терну. Вѣра съѣла ягодки двѣ-три и снова погрузилась въ тихій безмятежный сонъ.

Ее разбудилъ какой-то стукъ и говоръ. Уже разсвѣтало; Нина топила печь и страшно стучала горшками. Мать возилась у стола и верчала на Нину; откуда-то доносился слабый жалобный стонъ. Вѣра съ усиленіемъ перевернулась къ свѣту и оглядѣла избу. Совсѣмъ что-то не та изба... Гдѣ-же это она находится и не начинается-ли у нея снова бредъ? Надо спросить Нину...

На ея зовъ Нина явилась съ засученными рукавами, вся въ сажѣ и мукѣ.

— Проснулась? спрашивала она, улыбаясь. — Чайку хочешь? съ вареньемъ?

Вѣра кивнула головой. Нина принесла чаю и принялась поить сестру съ ложечки.

Вѣра медленно пила и разспрашивала.

— Что это, Нинка, изба-то чудная какая стала? Или мнѣ это отъ болѣзни мерещится?..

— А какъ-же! отвѣчала Нина. — Вѣдь мы теперь у пономарихи. Отъ Ярыгина мы съѣхали; какъ ты захворала, такъ и перебрались...

— Вре-е-шь! Отчего это съѣхали-то?

— Да вѣдь Тимошку-то женили, такъ тамъ теперь молодые живутъ.

— Мо-ло-ды-е... протянула Вѣра и безучастно уставила свои, сдѣлавшіеся отъ болѣзни еще больше, глаза въ потолокъ.

Но въ сущности извѣстіе это ее ничуть не тронуло. Прошлое со всѣми его невзгодами будто ушло куда-то, а теперь такъ славно, спокойно было лежать въ теплой постелѣ. Ни о чемъ не думалось, ничего не хотѣлось, легко, хорошо чувствовалось...

— Нинка! черезъ минуту молчанія сказала она. — Да поди ты ко мнѣ, сядь... Сиди около меня, давай разговаривать. Ну, рассказывай мнѣ что нибудь... Кто это тамъ стонеть?

— Бабушка тоже что-то захворала. По селу тифъ ходить, — такъ народъ валомъ и валить. Кондрашкина жена вчера померла...

— И у меня, значить, тифъ былъ?

— Тифъ. Мы страсть боялись, такъ и думали: помрешь! Разъ я всю ночь напролѣтъ не спала... Тутъ это суетятся, за попомъ послали, плачутъ, охаютъ, а ты лежишь и не дышешь, да холодная... Такъ и думали—конецъ! Спасибо Настасья Филипповна зашла,—«оттирайте, говорить, ее». Я и принялась... Растираю,—а сама реву, ажь не вижу ничего. Глядь, а ты дышешь... Такъ и отходили!

Вѣра слушала молча, потомъ повернулась на подушкѣ, силясь взглянуть на сестру.

— Нинка... выговорила она, и въ голосѣ ея зазвучала необычная нѣжность и ласка.—Поди ко мнѣ поближе... нагнись. я на тебя поглядѣть хочу. Да ближе! нетерпѣливо крикнула она.

Нина улыбалась во весь ротъ, стоя передъ ней.

— Такъ вотъ ты какая... медленно говорила Вѣра, оглядывая сестру. На глазахъ у нея блеснули слезы.—Ну поцѣлуй меня, дура эдакая... вотъ такъ! Ахъ, Нинка, да вѣдь ты совсѣмъ большая стала! воскликнула она, когда онѣ поцѣловались.—Совсѣмъ, совсѣмъ большая... И когда это ты такъ выросла? а?

— Все тогда-же, отвѣчала Нина и добродушно разсмѣялась.

— Да ты не смѣйся! разсердилась Вѣра. — Я правду говорю. Я совсѣмъ не замѣчала, какъ ты растешь. Думала,—ты все такая-же, какъ была; анъ нѣтъ,—большая...

Она еще разъ внимательно взглянула на сестру. Предъ нею дѣйствительно стояла другая Нина. Это была не та худенькая, бѣлокурая дѣвочка съ вопросительнымъ взглядомъ голубыхъ глазъ, ковылявшая, бывало, по переулку съ лепешкой въ рукахъ, а высокая, здоровая, статная дѣвушка. Густыя русыя косы были гладко зачесаны назадъ и скрывались подъ темнымъ платочкомъ, низко надвинутымъ на лобъ; большіе, яркіе сѣрые глаза смотрѣли прямо, рѣшительно и нѣсколько задумчиво. Не красавица Нина, но эта необычайная ласковость и доброта, разлитыя на ея личикѣ, эта улыбка съ ямочками на щекахъ, наконецъ эти свѣтлые умные глаза—дѣлали ее въ высшей степени привлекательною, и не даромъ въ первый разъ учитель назвалъ ее хорошенькою.

— И когда, когда ты эдакъ выросла? повторяла Вѣра, не

сводя съ нея изумленнаго взгляда, и вдругъ неожиданно прибавила: — Слушай, да вѣдь тебя скоро сватать будутъ... Ей Богу! Пойдешь?

— Что! захохотала Нина еще веселѣе. — Замужъ? Зачѣмъ?

— Какъ зачѣмъ? Выйдешь замужъ, будешь мужа любить, дѣтей. Неужели, Нинка, ты никого не любишь? Вотъ, напримеръ, учителя своего черномазаго... а?

Нина отрицательно покачала головой. Она вдругъ перестала смѣяться и, облокотившись рукой на изголовье Вѣры, серьезно глядѣла ей въ лицо.

— Не можетъ быть! воскликнула та. — Не можетъ быть, чтобы ты никого не любила...

— Нѣтъ, я люблю... выговорила наконецъ Нина серьезно.

— Кого-же? нетерпѣливо спросила Вѣра, съ любопытствомъ глядя на нее.

— Всѣхъ... отвѣчала Нина, и ея глаза засвѣтились.

Вѣра съ видомъ обманутаго ожиданія опустила на подушку.

Глава XVIII.

Андрюша.

Вѣра мало-по-малу поправлялась. Сначала она кое-какъ начала вставать и садиться, потомъ ходить по стѣночкѣ, наконецъ съ палкой могла уже пройти по избѣ. И вмѣстѣ съ выздоровленіемъ она снова становилась раздражительной и възыскательной. Нину она положительно загоняла, бранилась на нее, сердилась, — потомъ, успокоившись, начинала опять улыбаться и разговаривать.

Съ лица она ужасно измѣнилась: волосы у нея всѣ выпали, глаза ввалились: и сама она сдѣлалась худенькая, блѣдная, слабая.

— Господи, руки-то, руки-то какія! ужасалась она, подымая на свѣтъ свои сухія, совсѣмъ прозрачныя руки съ явственно просвѣчивающими тоненькими синими жилками.

— Ничего, Вѣра! утѣшала ее Нина. — Вотъ, Богъ дастъ, поправишься,—опять такая-же будешь.

Нина совсѣмъ съ ногъ сбилась послѣднее время. Бабка была очень плоха, и Нинѣ цѣлые дни и ночи приходилось

дежурить около нея. Она отдыхала только тогда, когда Вѣра начинала на нее ругаться.

— Нина, да посиди ты около меня! капризно топала она ногами. — Что тебѣ бабушка-то, лучше меня, что-ли? Ну, пди, садись, давай говорить.

Нина шла на зовъ и покорно садилась около Вѣры.

— Скажи мнѣ, Нина, что Андрюша, тебѣ пишетъ теперь?

— Какже, — онъ часто пишетъ. Вотъ недавно прислалъ письмо.

— Ну-ка, прочти! приказывала Вѣра.

Нина поспѣшно начала рыться въ карманахъ, вытаскивая оттуда какіе-то клочки бумаги, пуговицы, тесемки. Разобравшись въ этомъ хламѣ, она наконецъ отобрала пачку исписанныхъ крупнымъ почеркомъ листовъ почтовой бумаги.

— Вотъ, напла, — слушай. «Скучно, Нина, мнѣ жить... Какъ ни грустна была наша жизнь въ Алмазовѣ, но, въ сравненіи съ теперешней, я вспоминаю ее съ восторгомъ. Тамъ, по крайней мѣрѣ, я былъ съ тобой, а теперь совсѣмъ одинъ. Я часто плачу, Нина; у меня просто сердце разрывается, когда я вспомню тебя и нашъ милый Хоперь... Часто я выхожу на линію и смотрю вдаль, въ ожиданіи поѣзда. И знаешь, Нина, мнѣ кажется, — вдругъ какимъ-нибудь чудомъ я увижу тебя въ вагонѣ... И у меня даже сердце...»

— Нѣтъ, это не то! прервала Нина. — Это онъ еще давно писалъ. А вотъ другое...

«Нинка, кабы ты была со мною! — А теперь я пропаціи чловѣкъ! Некому сказать мнѣ ласковаго слова, не съ кѣмъ тоску размыкать. Все мнѣ надоѣло. Товарищи мои, — ахъ, какіе это все жалкіе, несчастные люди! Но они совсѣмъ не такіе, съ какими хотѣлось-бы мнѣ жить, хоть я тоже несчастный. Они чужіе для меня. Они пьютъ, ругаются, смѣются, словно довольны своею участью. Къ начальству подслуживаются, сплетничаютъ, доносятъ, стараются подгадить другъ-другу. Иногда я ихъ ненавижу, а иногда мнѣ жалко становить, но подружиться ни съ кѣмъ изъ нихъ я никакъ не могу...»

«Помнишь, Нина, какъ мы думали съ тобой устроить свою жизнь? Все это хорошо казалось, и вѣдь оба мы вѣрили, что все будетъ по нашему. А теперь...»

«Вѣдь я пью, Нинка! Нельзя не пить здѣсь. Больно ка-

торжная жизнь! Надо постоянно думать о томъ, чтобы своего дѣла не прозѣвать, надо тому услужить, тому поклониться, чтобы съ мѣста не прогнали. А когда я дежурнымъ бываю,— мнѣ даже и вздохнуть некогда. Товарные поѣзда, звонки за звонками, бѣгаютъ, шумятъ,—а тутъ трещить и постукиваетъ передъ носомъ аппаратъ... Такъ, что когда придетъ чередъ отдохнуть—голова совсѣмъ пустая,—и хочется скорѣй заснуть, не вѣдать ничего! Ну, а выпьешь,—и легче станеть, и заснешь крѣпче. Просто одурѣешь отъ этой подлой жизни! Я, Нинка, даже думать разучился. Иногда, бываетъ, хочется мнѣ что-нибудь записать на память, — помнишь, какъ прежде?—и я не могу. Мыслей въ головѣ много соберется, — а на бумагѣ ничего не выходитъ. Сердце горитъ, въ голову точно молотками колотятъ,—кажется тысячу словъ сказалъ-бы въ минуту, — а на бумагѣ хоть-бы одно... Пойдешь, выпьешь, — и спать — чортъ, моля, васъ деритъ... Знаешь, Нина, мнѣ иной разъ думается, что у меня въ головѣ какой-нибудь винтъ сломался.— Это сказалъ однажды машинистъ. Въ паровозѣ винтъ сломался,—и паровозъ вдругъ, вмѣсто того, чтобы идти, — задвигался туда и сюда, потомъ — стоить-машина! — остановился. Вѣрно и въ людяхъ такіе-же винты бываютъ; чуть что не такъ—и стала машина. Вотъ и я сталь,—и куда пойду — не знаю. Что мнѣ дѣлать, Нина,—посоветуй. Вернуться къ вамъ, въ Алмазово? Да что-же тамъ дѣлать? Я такой-же неучъ, какъ и былъ, а вѣдь хлѣбъ добывать надо».

«И знаешь еще что, Нина? Какія мнѣ мысли въ голову приходятъ... Стоилъ я разъ, вечеромъ, на линіи,—поѣздъ подходилъ. Я глядѣлъ внизъ подъ колесо и думалъ: что если туда лечь, — вѣдь сразу сломаетъ и сомнетъ. И мнѣ вдругъ до того захотѣлось положить голову на рельсы... Но я вспомнилъ тебя, Нина, и остановился. Нина, вѣдь надо жить? Ты говоришь: «надо»! Но вѣдь *жить, жить*,—а я живу, что-ли?

«Ты мнѣ писала недавно, чтобы я копилъ деньги, и потому, подучившись, держалъ-бы экзаменъ на учителя;—я объ этомъ думалъ. И совсѣмъ этого невозможно сдѣлать: дрянъ я сталь и въ учителя не гожусь. Одно мнѣ остается, — подъ рельсы...

«Нина, прости меня,—я шучу. Вотъ видишь,—даже тебѣ письма не могу написать. Хочу все высказать, — а выходитъ дѣло—наплевать...»

Нина кончила и, опустивъ письмо на колѣна, замолчала. Глаза ея были полны слезъ, губы дрожали. Вѣра лежала, нахмутивъ брови, но не плакала, — только грудь ея высоко подымалась.

— Изгадили парня... выговорила она наконецъ сквозь зубы.

Спустя недѣлю или болѣе послѣ чтенія послѣдняго письма Андрюши, Нина ворвалась въ избу съ страшнымъ шумомъ.

— Вѣра, Вѣра! кричала она, прыгая и махая руками. — Андрюша пріѣдетъ... на недѣлю... я сейчасъ письмо получила...

— Пріѣдетъ? обрадовалась и Вѣра.—Когда?

— Въ воскресенье пріѣдетъ. Его изъ Берендѣвки на Карамышъ переводятъ, вотъ онъ и хочетъ отпущкъ на недѣлю взять, чтобы съ нами повидаться. Ахъ, Вѣра,—какъ я рада, какъ рада,—Андрюша пріѣдетъ, пріѣ-ѣ-детъ! запѣла и запрывала она, снова куда-то исчеза.

Нина совсѣмъ захопоталась въ ожиданіи Андрюши. Она скребла, чистила, мыла, устраивала Андрюшѣ постель, поднимая по избѣ страшную пыль и суматоху. Дѣло не обошлось безъ ссоръ; особенно донималъ Нину пономарихинъ поросенокъ, который вѣчно совался куда его не спрашиваютъ и нѣсколько разъ покушался даже взобраться на Андрюшину постель. Нину это ужасно возмущало; она хватала вѣникъ и съ крикомъ изгоняла поросенка вонъ, по дорогѣ опрокидывая горшки, разбивая посуду, задѣвая столы... Вѣра просто со смѣху умирала, глядя на эти сцены. Наконецъ всѣ приготовления были окончены, и Нина принялась ждать пріѣзда дорогого гостя. Теперь она по цѣлымъ днямъ сидѣла у окна, прислушиваясь—не зазвенитъ-ли колокольчикъ...

— Ъдетъ, ъдетъ! кричала она иногда, вскакивая и бросающъ на улицу.

Но колокольчикъ проносился мимо, и Нина снова возвращалась къ своему посту.

Въ назначенный день — Воскресенье — волненіе Нины достигло крайнихъ предѣловъ. Она цѣлый день простояла за воротами, тревожно вглядываясь въ каждую точку, двигавшуюся по улицѣ, — Андрюши не было. Вотъ уже и смерк-

лось; на небо выплылъ блѣдный мѣсяць; въ избахъ замелькали огни, праздничныя пѣсни смолкли, надъ селомъ легла мирная тишина. Нина, прозябшая и грустная, вернулась въ избу.

— Не прѣехалъ! объявила она огорченно.—Либо отпуска не дали.

Но въ понедѣльникъ, когда Нина уже и ждать перестала, — Андрюша прѣехалъ. Въ избѣ только-что пообѣдали, и Нина усѣлась у окна съ какимъ-то вязаньемъ, когда гдѣ-то далеко на селѣ слышались переливы колокольчика. Нина по привычкѣ вздрогнула было и сдѣлала движеніе, но удержалась и продолжала позвякивать спицами.

— Нина, бѣги! Андрюша ѣдетъ... пошутила Вѣра съ печи.

— Нѣтъ, теперь не обманешь! покачала головой Нина.

Между тѣмъ колокольчикъ звенѣлъ все ближе и ближе... Вотъ онъ уже, слышно, поровнялся съ кабакомъ... вотъ у Федосѣевыхъ березокъ... вотъ звякнулъ подъ самыми окнами — и остановился. Нина, все еще не довѣряя, но съ бьющимся сердцемъ, выглянула въ окно.

— Батюшки, — онъ! крикнула она. Чулокъ полетѣлъ на полъ, и Нина почти безъ памяти кинулась навстрѣчу брату.

Вѣра, согрѣвшаяся было на печи, тоже слѣзла и, съ палкой въ рукѣ, стала медленно пробираться къ двери.

А у воротъ въ это время происходила сцена. Нина стояла у саней, обхвативъ Андрюшу за шею, и то принималась его тормошить, то припадала къ нему на грудь.

— Андрюшка, Андрюшка... твердила она, не давая ему опомниться.

Опять объятія и поцѣлуи... У обоихъ были на глазахъ слезы, и въ то-же время оба смѣялись.

— Большущая-то какая... бормоталъ Андрюша, глядя Нину по головѣ.

А Нина то начинала прыгать около него, то снова схватывала его за руку и тормошила.

Наконецъ ямщикъ напомнилъ имъ, что стоятъ холодно и не мѣшало-бы пойти въ избу.

— Господи! И вправду, чего-же мы здѣсь стоимъ-то? спохватился Андрюша. — Вѣдь эдакой морозъ на дворѣ, а ты въ одномъ платышкѣ...

— Пойдемъ, пойдемъ! восклицала Нина, таща его за рукавъ. — Тамъ Вѣра дожидается... Они побѣжали на крыльцо, но въ сѣняхъ снова остановились.

— Андрюшка! засмѣялась счастливая Нина. — Неужто ты? Я не вѣрю! Ну-ка нагнись, — я погляжу... Андрюша, смѣясь, нагнулся. Нина схватила его за уши и заглянула въ лицо.

— Ты, ты... Чудной! Большой! Ахъ, Андрюшка!

И оба они, всё въ снѣгу, съ замерзшими на рѣсницахъ слезинками, съ радостнымъ говоромъ, восклицаніями и смѣхомъ ворвались въ избу, распахнувъ двери настежь и внеся съ собою свѣтъ и свѣжесть яркаго морознаго дня.

— Снимай шарфъ-то! суетилась Нина. — Дай, я снѣгъ-то стряхну... Мамаша! Да гдѣ она? Самоваръ скорѣе... Господи, какіе! Не могутъ ничего сдѣлать...

Нина и Андрюшѣ помогала раздѣваться, и самоваръ ставила. Налила въ него воды, хотѣла крышкой накрыть — и вдругъ опять вскочила и бросилась къ Андрюшѣ съ крышкой въ рукахъ.

— Андрюша, ну-ка я на тебя еще посмотрю... Вѣрка, да отойди... Еще успѣешь... Господи, а самоваръ-то?

Она побѣжала къ самовару заворачивать кранъ, изъ котораго ручьемъ лилась вода.

Андрюша тѣмъ временемъ раздѣлся и, усѣвшись на лавку, разговаривалъ съ Вѣрой. Онъ мало измѣнился за эти три года, только ростомъ сталъ выше, да сильно похудѣлъ. Лицо его сохранило прежнее дѣтское, довѣрчиво-ласковое выраженіе, только когда онъ задумывался, — въ немъ появлялась новая черта, — словно ему было мучительно-больно, и онъ старался скрыть ото всѣхъ эту страшную боль... Глаза у него были такіе-же свѣтлые, большіе, какъ у Нины, и такой-же большой бѣлый лобъ. И смѣялся онъ такъ-же, какъ она, — задушевымъ, необычайно заразительнымъ смѣхомъ.

Но въ настоящую минуту онъ не смѣялся и, даже не отвѣтивъ на какой-то вопросъ Вѣры, сидѣлъ молча, нахмурившись и машинально барабанилъ пальцами по столу. Глаза его потемнѣли и остановились, губы были судорожно сжаты...

— Скверно, значить? повторила Вѣра вопросъ.

— А? очнулся Андрюша. — Ты что? Нѣтъ, Вѣрка, погоди... Давай лучше послѣ объ этомъ...

Прибѣжала изъ лавки Нина, — самоваръ вскипѣлъ. По-

томъ явилась откуда-то Софья Петровна и расчувствовалась, увидѣвъ сына.

— Нина, вымолвилъ Андрей какъ-то нерѣшительно, выпивъ одинъ стаканъ чаю.—А водочки? Можно?..

Нина не сразу отвѣтила. Она вся измѣнилась въ лицѣ и понурила голову.

— Развѣ ты... все еще пьешь? выговорила она едва слышно, не глядя на брата.

— Я только съ дороги, Нинка! смущенно отвѣчалъ Андрей. — Я послѣ твоего письма въ ротъ не бралъ... А вотъ теперь опять, въ дорогѣ-то, началъ.

На минуту воцарилось неловкое молчаніе. Веселость Нины разомъ пропала. Румянецъ исчезъ съ ея лица, ямочки пропали, и вся она какъ-то съежилась и приуныла. Потомъ молча встала съ мѣста, погремѣла у шкафа ключами и вышла.

Черезъ полчаса на столѣ стоялъ полштофъ водки. Андрюша дрожащими руками налилъ себѣ одну рюмку за другой, выпилъ — и охмѣялъ. Глаза его заблестѣли, на блѣдномъ лицѣ выступили пятна, голосъ сдѣлался рѣзко, движенія порывисты.

— Мамаша! Выпейте, что-ли, и вы! обратился онъ къ матери, съ которой передъ тѣмъ не выговорилъ ни одного слова.

— Ну, что ты! сконфузилась Софья Петровна. — Пей самъ-то!

— Я-то пью, слава Богу! какъ-то особенно рѣзко выговорилъ Андрей.—А вотъ васъ-то надо поблагодарить. Жалко, отца нѣту, я-бы обоихъ заразъ поблагодарилъ. Какъ-же не благодарить! еще рѣзче и желчнѣй продолжалъ онъ.—Родили, вскормили и на свѣтъ пустили. Ступай, мошь, шатайся, чортъ тебя дери! Шатайся по свѣту, по бѣлому, да насъ поминай...

Андрей налилъ еще рюмку и, сильно шатнувшись въ сторону, подошелъ къ матери.

— За ваше здоровье! родительница! Спасибо, что уму-разуму науч... то бишь, безъ ума-разума оставили. На те, вотъ, глядите,—хорошъ сынокъ? Радуйтесь! Легко, небось, вамъ? Такъ разорвите мнѣ нутро, да поглядите, что тамъ? Авось еще легче станетъ...

Голосъ его оборвался, губы подергивались, глаза налились кровью и приняали выраженіе тупой злобы. Нина сидѣла безъ кровинки въ лицѣ, съ ужасомъ глядя на брата; мать обидѣ-

лась и заплакала; у Вѣры на лицѣ вспыхнулъ густой румянецъ.

— Разорвите-же меня... Раскопайте нутро-то, хрипѣлъ Андрюша. Прок...

— Андрюшка, да что ты... Оставь-же это!.. крикнула Нина, подбѣгая къ нему и хватая его за руку. — Андрюшка... Ну что это ты? Господи! со слезами въ голосѣ докончила она.

Андрей обернулся къ ней. Лицо его мгновенно просвѣтлѣло, лобъ разгладился.

— Нинка, что ты, вѣдь я шучу... шучу... ласково и тихо говорилъ онъ, возвращаясь къ столу.—Ну... будетъ, не плачь — глупости какія. Да ей-Богу... Я вотъ еще выпью. Съ дороги только, Нинка, потомъ опять перестану.

Онъ выпилъ еще рюмки двѣ и какъ будто успокоился. Нина сидѣла все еще тяжело дыша, и по лицу ея катились слезы. Софья Петровна всхлипывала въ углу.

Мало-по-малу все опять настроилось на прежній ладъ. Завязались разговоры... Пошли отрывочные разспросы, какъ это бываетъ всегда послѣ долгой разлуки, въ первыя минуты свиданья. Вѣра рассказывала, какъ ее сватали, представляла своихъ жѣниховъ; выдумывала про Нину разныя небылицы; Нина горячилась, возражая ей; Андрюша смѣялся. Всѣ, было, опять развеселились или старались казаться веселыми, хотя на сердцѣ у каждого скребли кошки. И не даромъ...

Въ самой серединѣ интереснаго разговора Андрюша вдругъ пересталъ смѣяться и уставился глазами въ уголь. Лицо его потемнѣло, губы искривились, и онъ изо всѣхъ силъ ударилъ кулакомъ по столу.

— Да уйдите вы отсюда, Христа ради, видѣть я васъ не могу! обратился онъ къ матери.—Дьяволы... Искарбчили, изуродовали... Куда-же намъ дѣться-то, эдакимъ, куда идти?.. Нинка, да что ты, дурочка! перемѣнилъ онъ тонъ, обращаясь къ плачущей сестрѣ. Полно тебѣ... Я выпилъ... Да, выпилъ, вотъ и все. Я когда выпью — всегда такой. Нинка, подлець я... Страшный подлець!.. Я тебя обижаю, когда ты одна... Да что! Плюнь мнѣ въ рожу... плюнь, Нинка... Ударь! Хорошенько!..

Рѣчь его сдѣлалась безсвязна, онъ опустилъ голову на столъ и заплакалъ... Такъ и уснулъ на столѣ. Нина и Вѣра

ушли въ уголь и шептались; вся радость свиданія была отравлена этимъ эпизодомъ. Нина рыдала.

— Господи! Какой онъ сталь-то! Совсѣмъ на прежняго Андриюшку не похожъ... Неужто это онъ всегда такъ? Вѣдь это наказанье... Какой, было, онъ пріѣхалъ веселый, хороший, я такъ рада была, и вдругъ...

— Ну, подожди! утѣшала ее Вѣра, хмурия брови.— Пускай проспится, авось пройдетъ. Можетъ и правда, что это онъ съ дороги такъ охмѣлѣлъ.

Софья Петровна ушла къ пономарихѣ за перегородку и тамъ ворчала и жаловалась на свою горькую участь.— «Вотъ они, дѣтки-то! Я на него больше всѣхъ надѣялась: вотъ, думала, на старости лѣтъ кормилецъ будетъ, а онъ, какъ и энта черномазая, съ кулаками лѣзеть... Жди отъ нихъ добра».

Къ вечеру Андриюша проспался. Онъ всталъ сконфуженный, попросилъ прощенья у Нины и сказалъ, что «больше ни за что не будетъ»!

— Вы мнѣ не давайте! просилъ онъ. — Хоть на колѣнкахъ буду стоять, — не давайте, да и все! Мнѣ вѣдь вредно ее много пить — ударъ будетъ. Это мнѣ одинъ сказалъ... сердце, говорить, разорвется — и шабашъ...

Онъ былъ невеселъ, ходилъ большими шагами по избѣ и все хватался то за голову, то за грудь. Зажгли огонь; на столѣ снова зашипѣлъ самоваръ. Нина сидѣла за столомъ, звеня посудой. Андриюша тоже присѣлъ къ самовару и мало-помалу разговорился.

— Ну-ка налей мнѣ чайку, сестренка, теперь я много пить буду. Экая эта водка проклятая! Совсѣмъ мнѣ ее нельзя пить. Сначала-то какъ будто ничего, — весело станеть, — а потомъ вступить въ голову, — въ глазахъ туманъ красный, сердце сожмется — и ничего не помню... Ну, да чортъ съ ней, — расскажите лучше, какъ вы тутъ безъ меня поживали.

— Да намъ-то что говорить, вотъ ты лучше Расскажи! сказала Вѣра.

— А я что Расскажу? Я вонъ Нинѣ все писалъ. Какъ пріѣхалъ тогда на станцію, — недѣлю цѣлую ревѣлъ. Днемъ хожу еще, крѣплюсь, а какъ ночь, такъ и реву. Товарищи смѣются... Да я и теперь часто... Чуть закрою глаза, такъ сейчасъ вы въ глазахъ, Хоперь, лѣсь, соловьи... Смерть тяжело станеть. И какіе сны я каждую почти ночь вижу, — буд-

то мы съ Ниной шиповникъ въ лѣсу рвемъ. Жарко будто, тихо въ лѣсу, трава высокая, густая, а цвѣтовъ-то, цвѣтовъ! И сирень, и черемуха, и кашка, и шиповникъ,—такъ и окружили насъ со всѣхъ сторонъ. Мы кинемся одинъ рвать, глядь —анъ другой еще лучше. А подъ ногами ужонокъ шуршитъ; мойка летаетъ... Одни крылышки золотые, а другіе — бѣленькіе, тоненькіе, какъ паутинка. И хочу я ее все изловить...

Онъ задумался. Самоваръ тихо звенѣлъ; пламя сальной свѣчки коптило и колебалось. По стѣнѣ бродили огромныя тѣни.

— Сколько разъ я эдакъ на дежурствѣ засыпалъ! черезъ минуту продолжалъ Андрюша — Часы чикаютъ,—разъ-разъ, разъ-разъ... Артельщики храпятъ въ пассажирской, а ты сидишь въ телеграфной одинъ. И не то задумаешься, не то заснешь, а съ аппарата лента тянется... Съ сосѣдней станціи депеша, — отвѣта ждутъ, а у тебя въ глазахъ мойки летаютъ. Ну, и прозѣваешь; очнешься,—стукъ по ключу — ошибка! Выговоровъ-то, выговоровъ-то... Позапрошлое лѣто лучше мнѣ стало. Познакомился я съ однимъ, — изъ Петербурга онъ къ намъ пріѣхалъ, студентъ, въ университетѣ учился. Пріѣхалъ — и поступилъ на желѣзную дорогу въ простые артельщики. Листъ у него какой-то былъ, его по этому листу и приняли. Цѣлое лѣто онъ у насъ жилъ. Вотъ человекъ-то былъ, Нинка! Душа! А ученый какой, — чего-чего не зналъ... Всѣ то мы кругомъ словно звѣри какіе, а онъ...

— Какъ-же ты съ нимъ познакомился? спросила Нина.

— Пилъ я въ это время шибко... Вотъ разъ на дежурствѣ напился, да и заснулъ, а тутъ какъ разъ служебная телеграмма. Прибѣгъ онъ, разбудилъ,—а то-бы прогнали. Потомъ и начали мы съ нимъ разговаривать. Зайдетъ онъ, бывало, ко мнѣ, сядетъ и смотреть. Я молчу, и самъ не знаю, почему мнѣ такъ отъ него совѣстно дѣлалось. Потомъ онъ меня и спрашиваетъ: отчего вы, эдакій молоденькій, и водку пьете? Я тутъ не выдержалъ, — разревѣлся, какъ баба... Все ему рассказалъ. Онъ эдакъ стоялъ, слушалъ. Потомъ говорить: «дай-те мнѣ свои записки прочесть». Забралъ у меня всѣ мои тетрадки. На другой день повстрѣчались мы съ нимъ. «Прочель, говорить, и, скажу по совѣсти,—не годится вамъ пить, —совѣтъ не годится, и здѣсь оставаться — тоже: «сила у васъ есть,—большая сила... Уходите отсюда поскорѣ»... И

какъ познакомился я съ нимъ, такъ совсѣмъ другой человекъ сталъ. Пить бросилъ, кожу веселый, и жду-не дождусь, когда съ нимъ встрѣчусь. Подолгу мы съ нимъ бесѣдовали. Заберемся, бывало, ночью въ пустой товарный вагонъ, да и сидимъ, говоримъ до свѣту...

Нина слушала, затаивъ дыханіе, съ блестящимъ влажнымъ взоромъ.

— Читалъ онъ мнѣ, какъ прежде люди жили, какъ живутъ теперь... Онъ, бывало, читаетъ, а я сижу, слушаю, — и все это мнѣ словно въявь представляется. Иной разъ позабудешь, гдѣ и сидишь, — словно ты не въ вагонѣ товарномъ, а гдѣ-нибудь въ Греціи, въ Римѣ, въ дремучихъ лѣсахъ, на мѣсто которыхъ теперь города настроены... И дотога забудешься, что какъ пьяный послѣ ходишь, — пошатываешься, и въ глазахъ туманъ стоитъ. Тебя зовутъ, — а ты и не слышишь... Много мы тутъ съ нимъ перечитали и переговорили; много думъ я въ эту пору передумалъ. Вся-то жизнь человѣческая отъ самаго начала и до теперешняго — вся, какъ есть, передо мной раскрылась. И знаешь, Нинка, сколько крови было пролито, сколько люди другъ-другу перерѣзали, покуда, наконецъ, кое-какъ устроились. Не легко оно, счастье то, достается... Да какое счастье! Счастья-то и теперь ищутъ — не найдутъ, а хоть дикости-то этой поменьше стало. И вотъ, до сихъ поръ, все мучаются, думаютъ, ищутъ — и все успокоиться не могутъ. И паровозы выдумали, и городовъ понастроили, и звѣзды на небѣ всѣ пересчитали, а до настоящаго все-таки не дошли.

Онъ опустилъ голову на руки и тяжело перевелъ духъ.

— Ну? шепнула Нина, не сводя съ него широко-открытыхъ глазъ своихъ.

— А? очнулся Андрей послѣ своего раздумья.— Да... ну, сдружились мы съ нимъ очень. Страсть я его полюбилъ. Бывало, нѣтъ его, — я весь истоскуюсь, бѣгаю самъ не свой по станціи, жду—не дождусь. А пришелъ, — я словно вновь на свѣтъ родился. И вѣдь вотъ оказія, — почитай всѣ его такъ любили.

— Стало дѣло къ осени подходить, — Алексѣй Петровичъ уѣзжать собирается. Я отъ него просто не отхожу и подумывать боюсь, — какъ мы тутъ безъ него останемся. Разъ онъ мнѣ и говорить: «Ну, Андрей, уѣду я скоро, да и тебѣ не

совѣтую здѣсь оставаться. Уходи отсюда, — тебѣ учиться надо, у тебя талантъ есть. Человѣкомъ будешь, а не телеграфистомъ.» — Куда-же, говорю, уйти? Некуда и не на что. Видно ужъ пропадать... А у самого слезы навертываются и губы дрожать.

Нина почти всю ночь не спала. Всѣ событія этого тревожнаго дня, — прїѣздъ брата, сцена его съ матерью, потомъ разсказъ объ Алексѣѣ Петровичѣ — сильно потрясли ее и взбудоражили ея чуткіе нервы. Образъ таинственнаго, но какъ будто близкаго ей, необыкновенно дорогаго и знакомаго Алексѣя Петровича неотступно стоялъ передъ нею. Она видѣла его лицо, слышала его голосъ, — она какъ будто знала его, встрѣчала гдѣ-то... И, по странной ассоціаціи представленій, рядомъ съ этимъ привлекательнымъ образомъ ей вспомнился и Сергѣй Васильевичъ. Почему именно онъ, — Нина не успѣла даже дать себѣ въ этомъ отчетъ, такъ какъ образъ учителя появился — и сейчасъ-же снова исчезъ, ступевался въ массѣ новыхъ, сильныхъ впечатлѣній.

В. Дмитріева.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

ГУСЯТНИЦА.

Повѣсть Жана Роллана.

(Окончаніе).

VIII.

Въ замкѣ и на мельницѣ жизнь опять вошла въ обычную колею. Барышни погрузились въ заботы о своемъ приданомъ, Бернье придумывала, какъ-бы половчѣе опутать мельника, Модэнъ, въ свою очередь, намѣревался при первой-же возможности перехитрить обладателя замка, Пьеръ мечталъ о Жаклинѣ. Что-же касается маленькой Жакетты, то врядъ-ли кто-нибудь былъ-бы въ состояніи разгадать ея мысли, такъ какъ опущенныя рѣсницы большею частью скрывали выраженіе ея глазъ. Къ тому-же въ послѣднее время у нея было не мало хлопотъ со старикомъ Жакото, который вынесъ опасную болѣзнь. Параличъ, постепенно сковывавшій его старые члены, грозилъ распространиться на мозгъ, но дѣвушка такъ нѣжно, такъ заботливо ухаживала за нимъ, что еще разъ спасла его отъ смерти.

И вотъ онъ опять медленнымъ, старческимъ шагомъ прогуливался передъ домомъ, грѣясь на солнышкѣ, исхудалый, сгорбленный пуще прежняго, какъ будто незамѣтно приближаясь къ землѣ, въ которой ему скоро придется спать вѣчнымъ сномъ. Только въ глазахъ, по-прежнему живо глядѣвшихъ изъ подъ рѣдкихъ короткихъ рѣсницъ, свѣтилось выраженіе удовольствія, когда дѣвушка подходила къ нему. Этотъ подвижный, пытливый, подозрительный взглядъ отъ времени до времени освѣщала еще глубокія морщины неподвижнаго лица.

Пьеръ, которому часто случалось бродить возлѣ ихъ дома инстинктивно чувствовалъ, что за нимъ слѣдятъ. Недовѣрчивый

взглядъ этихъ полупотухшихъ, старыхъ глазъ стѣснялъ его, и онъ въ смущеніи удалялся, внутренно досадуя на старика, который, какъ будто чуя опасность, вѣчно торчалъ здѣсь въ качествѣ бдительнаго сторожа. Видя Пьера чуть не каждый день, онъ сталъ припоминать его фізіономію, въ памяти его медленно воскресало давно погасшее впечатлѣніе. Однажды онъ подозвалъ къ себѣ Жаклину и сказалъ своимъ разбитымъ, еще болѣе, чѣмъ прежде, невнятнымъ голосомъ:

— Посмотри-ка, крошка, вѣдь это, кажется, твой старый возлюбленный?

Она вздрогнула, брови ея сдвинулись, и, нахмурившись, она отвѣтила:

— У меня нѣтъ и никогда не будетъ возлюбленнаго.

— Что-же ты, развѣ хуже другихъ?

— У бѣдныхъ дѣвушекъ нѣтъ возлюбленныхъ.

Рѣзко, почти грубо вымолвила она эти слова и затѣмъ отошла, прежде чѣмъ удивленный старикъ успѣлъ что-нибудь отвѣтить: Она вышла за ограду и пошла по дорогѣ, приподнимая нервнымъ, нетерпѣливымъ жестомъ складки своей юбки. Но не успѣла она отойти и ста шаговъ, какъ Пьеръ нагналъ ее. На этотъ разъ онъ рѣшился высказаться во что-бы то ни стало.

— Ты избѣгаешь меня, Жаклина.

Она подняла голову и посмотрѣла на него гордымъ, почти вызывающимъ взглядомъ.

— Какая-же у меня можетъ быть причина избѣгать васъ?

Нѣсколько мгновеній оба молчали смущенные.

— Я боюсь, не оскорбилъ-ли тебя чѣмъ-нибудь.

— Развѣ такую нищую, какъ я, можно оскорбить!

— О, Жакетта, зачѣмъ-же ты это говоришь? Чѣмъ я заслужилъ такое отношеніе съ твоей стороны?

Ей стало жаль его; она видимо сдѣлала усиліе, чтобы сдержать себя.

— Простите меня, Пьеръ; можетъ быть я несправедлива къ вамъ, но вы на меня не сердитесь; вѣдь мнѣ и самой такъ тяжело. Мы очутились съ вами въ ложномъ положеніи; я это чувствую и страдаю отъ этого. Мы могли-бы по-прежнему любить другъ друга, если-бы вы однимъ словомъ не разрушили нашихъ дружескихъ отношеній. Что теперь подумаютъ обо мнѣ, видя, какъ вы меня преслѣдуете. Поймите, что любовь молодого чело-

вѣка съ вашимъ общественнымъ положеніемъ къ такой дѣвушкѣ, какъ я, можетъ кончиться только стыдомъ для насъ обоихъ. Вы можете быть не даете себѣ въ этомъ отчетъ, но я другого выхода не вижу; насъ раздѣляетъ цѣлая пропасть.

Она говорила быстро, какъ будто негодуя на него, а онъ отвѣтилъ мягкимъ, почти робкимъ тономъ:

— Если ты въ самомъ дѣлѣ думаешь то, что сейчасъ сказала, такъ, значить, я, самъ того не подозревая, дѣйствительно чѣмъ нибудь оскорбилъ тебя. Бываютъ минуты, когда человѣкъ неспособенъ взвѣсить каждое слово. Я такъ люблю тебя, что, когда бываю съ тобою, то ни о чемъ другомъ и думать не способенъ, и даже не забочусь о томъ, чтобы тебя успокоить.

Она не отвѣчала, утомившись бороться со своими собственными желаніями и невольно поддаваясь обаянью этого голоса, въ которомъ звучали такія нѣжныя ноты. А онъ, думая, что она все еще не вѣритъ ему, старался говорить еще мягче, еще убѣдительнѣе.

— Послушай, я не сумѣлъ выразить всего, что хотѣлось сказать тебѣ; я думалъ, что ты поймешь меня и такъ, что между нами все осталось по-прежнему, что мы все тѣ-же дѣти, выросшіе вмѣстѣ, и что разлука только временно отдалила насъ другъ отъ друга, но не измѣнила нашихъ отношеній.

Онъ остановился; она пристально глядѣла на большую квадратную полосу пожелтѣвшей земли, на которой тощія виноградныя лозы цѣпко обвивались вокругъ.

Онъ подошелъ къ ней ближе.

— Маленькая Жакетта, хочешь снова начать прежнюю жизнь, какъ будто между нами ничего не происходило съ тѣхъ поръ. Пока я жилъ въ городахъ, гдѣ меня учили всякимъ премудростямъ, которыя не шли мнѣ на умъ, я только и думалъ, что о тебѣ, о томъ, какъ мы опять съ тобою свидимся. Къ чему мнѣ вся эта ученость? Вѣдь для того, чтобы быть счастливымъ, намъ съ тобою этого не нужно?

Она все еще стояла отвернувшись, но уже не пыталась вырвать у него руку, которую онъ схватилъ, продолжая говорить.

— Помнишь, бывало еще ребенкомъ я такъ желалъ поскорѣе сдѣлаться взрослымъ, чтобы защищать тебя? Ну вотъ, теперь я и пришелъ, чтобы предложить тебѣ эту защиту. Я уже сказалъ, что люблю тебя, но этого мало. Прежде всего мнѣ слѣдовало-бы спросить тебя, хочешь-ли ты быть моею женою; вѣдь я давно уже

избралъ тебя и вернулся, чтобы задать тебѣ этотъ рѣшительный вопросъ.

Онъ обвилъ ея станъ рукою; на этотъ разъ она не сопротивлялась, и его дыханіе колебало непокорныя пряди волосъ, выбивавшихся изъ-подъ ея чепчика.

— Ты не должна долѣе жить одинокою: я не хочу, чтобы тебя оскорбляли. Я буду твоимъ защитникомъ и заставлю уважать тебя.

Онъ обнялъ ее и робко пытался привлечь къ себѣ. Она въ смущеніи посмотрѣла на него сіяющимъ, нѣжнымъ взглядомъ. Но это была лишь минутная вспышка; вслѣдъ затѣмъ рѣсницы снова опустились и потушили горѣвшій въ ея глазахъ огонь. Она оттолкнула его и воскликнула подавленнымъ голосомъ:

— Пьеръ, какое безуміе! Я и слушать не должна такихъ рѣчей!

Но онъ повидимому даже не слыхалъ ея отвѣта и повторялъ:

— Хочешь быть моею женою, моею дорогой женою... скажи маленькая Жакетта, хочешь?

Губы его незамѣтно приближались къ ея лицу. Теперь она почти уже чувствовала ихъ горячее дыханіе; онѣ притягивали ее, какъ магнитъ. Глаза ея на половину закрылись. Казалось, эта мольба окончательно побѣдила ее. Но въ послѣднее мгновеніе, уже готовая сдать, она вдругъ встрепенулась и рѣшительнымъ, гнѣвнымъ движеніемъ высвободилась изъ его объятій.

— Я не могу!..

Онъ остановился въ нерѣшительности.

— Что съ тобою, Жаклина?

— Забудьте обо всемъ; я уже сказала вамъ, что это невозможно.

— Когда любишь другъ друга, ничего нѣтъ невозможнаго.

Онъ казался такимъ убитымъ, что она опять смутилась, глядя на него. Она уже сожалѣла, что такъ грубо оттолкнула его, и нерѣшительнымъ, неувѣреннымъ тономъ сказала, снова обращаясь къ нему:

— Боже мой, Пьеръ, мнѣ, конечно, больно, если я огорчила васъ...

Она говорила запинаясь, какъ будто съ трудомъ подыскивая слова.

— Я боюсь, что вы сочтете меня за неблагодарную... Но что, если я не имѣю права васъ любить?..

— Кто-же тебя можетъ помѣшать?

Она повидимому колебалась, а въ немъ просыпались прежнія сомнѣнія, сердце сжималось отъ невыразимой тревоги. Она медлила отвѣтомъ, не зная, на что рѣшиться, и наконецъ сказала:

— Вы требуете моей жизни; но увѣрены-ли вы, что я могу ею располагать? Да можете-ли и вы вполне свободно располагать своею жизнью? А если можете, такъ изъ этого еще не слѣдуетъ, что то-же самое возможно и для меня. Стало быть, вы не допускаете мысли, что я могла уже распорядиться своею судьбою, что, быть можетъ, другіе могутъ располагать ею съ большимъ правомъ, чѣмъ я?

Она говорила съ жаромъ, запальчиво, а у него сердце все сильнѣе и сильнѣе ныло отъ смертельной тоски. Наконецъ, взнемогая отъ муки, онъ склонился къ ней и тихо произнесъ:

— Ты любишь кого-нибудь другого?

— Можетъ быть...

Онъ отшатнулся отъ нея, схватившись за голову обѣими руками.

— О, Жаклина... Жаклина!

— Пьеръ, простите меня!..

Испугавшись своихъ собственныхъ словъ, она стояла, уничтоженная, убитая и не знала, что дѣлать. Онъ не слушалъ ея и поспѣшно удалялся, не оборачиваясь. Она долго простояла на томъ-же мѣстѣ, глядя ему въ слѣдъ. Для нея было ясно, что на этотъ разъ они разстанутся навсегда. Затѣмъ, когда все было кончено, она медленными шагами направилась къ дому.

Старикъ Жакото сидѣлъ на прежнемъ мѣстѣ. Она подошла къ нему, но вдругъ силы измѣнили ей, она упала передъ нимъ на колѣни и, прильнувъ къ нему головою, громко зарыдала.

Старикъ молча смотрѣлъ на нее, перебирая своими костлявыми пальцами спутавшіяся пряди ея волосъ. Наконецъ, въ промежутокъ между двумя приступами рыданій, она услышала, что онъ тихо шепталъ ей на ухо.

— Какъ ты его любишь, бѣдное дитя.

IX.

Бернаръ Модэнь не считалъ себя побужденнымъ. Пьеръ не пошелъ на удочку... Ну, такъ что-жь! Это еще ничего не значить! Не такой онъ былъ человѣкъ, чтобы смущаться первюю неудачею. Еще, можетъ быть, придетъ время, когда паренъ его съ радостью возьметъ назадъ свое рѣшительное слово. Нужно подождать, вотъ и все; тѣмъ болѣе, что Пьеръ пересталъ упоминать о Жаклинѣ. На первый разъ достаточно и этого результата. Можно-бы было даже побожиться, что онъ ея избѣгаетъ: въ церковь онъ уже не ходилъ, а на улицѣ отворачивался, когда гусятница своимъ мѣрнымъ шагомъ проходила по деревнѣ. вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ сдѣлался молчаливымъ, даже нѣсколько печальнымъ и большею частью съ задумчивымъ видомъ бродилъ по полямъ и лугамъ, такъ что Маріана стала не на шутку тревожиться. Въ ней проснулись всѣ прежнія опасенія, которыя въ теченіе столькихъ лѣтъ приковывали ея къ маленькой кроваткѣ, близко придвинутой къ ея собственной кровати, съ теплымъ ватнымъ одѣяломъ и тонкимъ, полотнянымъ бѣльемъ.

Чего она не вынесла только, воспитывая этого хилаго ребенка. Она такъ часто дрожала, видя, что онъ остается все такимъ-же тщедушнымъ, худенькимъ, что запоздалое развитіе его на каждомъ шагѣ еще останавливалось благодаря болѣзнямъ, которыя свойственны дѣтямъ въ періодъ роста и особенно истощаютъ самыхъ маленькихъ дѣтей. Сколько разъ, бывало, вечеромъ, подтыкая подъ матрасъ края его одѣяла, она останавливалась, чтобы прислушаться къ лихорадочному дыханію ребенка. Боже праведный! Ну, что, если онъ опять начнетъ чахнуть!..

Не рѣшаясь распрашивать сына, она накидывалась на мужа.

— Большая будетъ радость, нечего сказать, когда въ конецъ истомитъ парня!..

Модэнь пожималъ плечами.

— У тебя ума все равно, что у курицы. Ужь предоставь это дѣло мнѣ. Мы найдемъ ему жену, и все устроится, какъ нельзя лучше.

Тѣмъ не менѣе съ Пьеромъ онъ говорилъ совсѣмъ инымъ тономъ, ни единымъ словомъ не намекалъ на проектъ сватов-

ства, старался не противорѣчить ему и держалъ себя добрымъ, снисходительнымъ малымъ. Онъ понималъ, что хуже всего если запугаешь парня. Къ тому-же вигорскія барышни стали понемногу навѣдываться все чаще и чаще; да и Пьеръ какъ-будто началъ приручаться.

Въ жизни молодыхъ дѣвушекъ, повидимому, произошло что-то необычайное. Дни уже не казались имъ такими скучными; даже мѣстность стала имъ нравиться больше прежняго. Теперь онѣ часто, почти въ опредѣленные сроки, прїѣзжали на мельницу, въ той-же низенькой, соломенной пролеткѣ, собственноручно правя лошадей. Когда наставала минута отъѣзда, Пьеръ держалъ подъ уздцы маленькаго пони, въ то время какъ барышни усаживались въ экипажъ. Прощаніе было всегда самое товарищеское и сопровождалось дружескими, нѣсколько кокетливыми улыбками; затѣмъ щелкалъ внутрь и, весело бряцая бубенцами, экипажъ удалялся по дорогѣ, извиравшейся среди зелени полей.

Послѣ этого Модэнъ, весь сіяя отъ удовольствія, обыкновенно предавался своимъ любимымъ мечтамъ и придумывалъ, какимъ необыкновеннымъ торжествомъ, какою особенною затѣей можно-бы было удивить народъ въ день свадьбы сына.

Однажды, когда барышня только-что выѣхала за околицу и миновала ворота съ двумя каменными бульдогами, какъ-бы охранявшими вѣздъ въ усадьбу, мельникъ до того забылся, что вдругъ воскликнулъ, хлопнувъ по плечу наслѣдника:

— Ну что, старина, веселымъ-бы пиркомъ, да и за свадьбу!

Изумленіе, выразившееся на лицѣ молодого человѣка, заставило его опомниться. Нѣсколько сконфуженный тѣмъ, что такъ неосторожно выдалъ свою тайну, онъ пробормоталъ:

— Видишь-ли, я думалъ, что у тебя съ этой Жаклиной уже все кончено. Скажи-же мнѣ наконецъ, неужели ты все еще дорожишь ею?

— Кѣмъ?.. Жаклиною?.. Пожалуйста, никогда не говорите со мною о ней.

Вотъ тебѣ на! Что это значило? Мельникъ и не пытался вникнуть въ смыслъ этихъ словъ, но, видя, что желѣзо горячо, рѣшился ковать его, не теряя времени.

— Вѣдь я заговариваю съ тобою насчетъ этого не для того, чтобы сердить тебя, началъ мельникъ, почесывая у себя

за ухомъ.—Вѣдь мы съ матерью ничего кромѣ добра тебѣ не желаемъ. Только, чортъ меня возьми,—есть такія дѣвушки, о которыхъ честному парню и думать-бы не слѣдовало.

Пьеръ устремилъ на отца безпокойный, подозрительный взглядъ, но мельникъ стоялъ, засунувъ обѣ руки въ карманъ, и говорилъ съ самымъ добродушнымъ, невиннымъ тономъ, по-видимому, безъ всякой задней мысли.

— Притомъ, вѣдь, Венсанъ еще мужчина хоть куда, и если въ его домѣ завелись несовсѣмъ ладныя дѣла, такъ ужъ намъ-то, кажись, вмѣшиваться въ нихъ не приходится.

— Конечно, нетерпѣливо перебилъ Пьеръ;—оставьте этихъ людей въ покоѣ и пускай они живутъ, какъ имъ угодно.

— Ну, вотъ и я тоже говорю. Ну, скажи ты мнѣ, пожалуйста, какая намъ отъ этого печаль? Если маленькая Жакетта ничего противъ подобнаго положенія не имѣетъ, такъ это ея дѣло, тѣмъ болѣе, что Венсанъ человекъ свободный.

— Боже мой, какая вездѣ гадость...

Въ душѣ Пьера боролись чувства отвращенія и глубокаго горя.

Бернаръ рѣшилъ, что на первый разъ благоразумнѣе ограничить атаку этими первыми маневрами. Теперь оставалось только шепнуть нѣсколько словъ Жакого, чтобы направить его вниманіе куда слѣдуетъ, и все пойдетъ превосходно.— А, маленькая Жакетта, ты думала, что твои хорошенькія глазки такъ вотъ сейчасъ и подцѣпятъ тебѣ жениха изъ любой зажиточной семьи. Нѣтъ, шалишь, дружочекъ, старый я воробей, на мякинѣ меня тоже не проведешь. Иди-ка, милая, на всѣ четыре стороны; коли хочешь—принимайся опять пасти гусей, а на парней нашихъ не зарься!

Въ послѣднее время бѣдняжка дѣйствительно стала появляться возлѣ ихъ дома чаще, чѣмъ слѣдовало. Видя, какъ она всячески ищетъ случая, чтобы встрѣтить гдѣ-нибудь того, котораго сама недавно такъ рѣзко оттолкнула, можно было побиться объ закладъ, что она его положительно преслѣдуетъ. Но на этотъ разъ всѣ усилія ея оказывались тщетными. Пьеръ, по-видимому, не обращалъ на нее никакого вниманія. Къ тому-же и время настало такое, что всѣмъ было не до любовныхъ похожденій. Въ народѣ поговаривали о войнѣ. Тамъ, возлѣ границы, изъ-за чего-то повздорили. Видно у сосѣдей что-нибудь было неладно; не даромъ они вздумали вмѣши-

ваться во французскія дѣла. Нѣсколько парней, скрѣпя сердце, должны были тронуться въ далекій путь, завязавъ свои пожитки въ клѣтчатый платокъ и надѣвъ на конецъ палки этотъ узелъ вмѣстѣ съ сапогами, которые каждый снялъ передъ отправленіемъ, чтобы не стереть подошвы во время длинныхъ переходовъ. Но тѣ, кто были побогаче, преспокойно остались дома, отдѣлавшись денежными взносами для найма.

Въ кабакахъ, тамъ, гдѣ передъ дверью виситъ сухая вѣтка падуба, сидѣли и разглагольствовали подвыпившіе старички. Поглядывая съ гордостью на свои бронзовыя медали, болтавшіяся на полинялыхъ ленточкахъ, они лихо чокались, и вдоль дубовыхъ скамеекъ, разставленныхъ передъ грязными, засаленными столами, цѣлый день только и слышны были споры и хвастливыя рѣчи.

— Что не говорите, а покуда Рейнъ не будетъ въ нашихъ рукахъ...

Но солидные, состоятельные люди энергично протестовали противъ такихъ воинственныхъ порывовъ.

— Чего вы все лезете съ вашимъ Рейномъ? Какая намъ корысть драться? Мы и налоги-то платимъ для того, чтобы насъ оставляли въ покоѣ. Чего вы это расходились въ самомъ дѣлѣ!

А Жакина тѣмъ временемъ тоже тревожилась и высматривала, не встрѣтитъ-ли гдѣ-нибудь Пьера. Слыша со всѣхъ сторонъ о приготовленіяхъ къ выступленію она стала серьезно беспокоиться. Наконецъ, она не вытерпѣла и рѣшилась говорить съ нимъ. Она дождалась его возлѣ кладбища. Увидѣвъ ее, онъ дрогнулъ и хотѣлъ идти назадъ; но она прямо пошла къ нему навстрѣчу—преградила ему дорогу.

— Не правда ли, Пьеръ, вѣдь вы не покидаете деревни?

Онъ уже давно не видалъ ея. Невольно взволнованный этою встрѣчею, онъ однако старался казаться равнодушнымъ.

— Нѣтъ еще, отвѣчалъ онъ почти улыбаясь;—но я надѣюсь, что рано или поздно придетъ и моя очередь. Насъ позовутъ, когда въ этомъ окажется необходимость.

— А я такъ боялась...

Она опустила рѣсницы, какъ-будто снова охваченная страхомъ, и прижала къ сердцу свою красивую руку съ длинными, тонкими пальцами.

— Чего-же вамъ было бояться?

Она подняла къ нему свои огненные глаза, но тотчасъ-же

снова опустила ихъ. Онъ былъ правъ. Къ чему она это говорила! Безумная, о чемъ она думала, когда шла къ нему?

Какое странное, магическое вліяніе имѣлъ однако этотъ ласкающій, нѣжный взглядъ. Куда дѣвалась недавняя злоба? Пьеръ долженъ былъ сдѣлать надъ собою усиліе, чтобы устоять противъ обаянія ея прасоты.

Вокругъ нихъ старыя, покачнувшіеся кресты охраняли безмятежный сонъ, которымъ спали могилы; побурѣвшіе, обсыпавшіеся вѣтки иммортелей гнили между могильными васыпями, зеленые кипарисы, роскошно разраставшіеся въ тѣсной оградѣ, мѣстами заставили треснуть черныя перекладины деревянныхъ рѣшетокъ.

О, если-бы она хотѣла!.. Но теперь объ этомъ и думать не слѣдовало. Негодованіе, о которомъ онъ на минуту забылъ, снова прихлынуло къ сердцу, сопровождаемое отвращеніемъ и презрѣніемъ.

— Напрасно вы тревожитесь, снова началъ онъ съ отѣвкомъ ироніи; — тотъ, кого вы любите, ничѣмъ не рискуетъ. Опасность, которая грозитъ нашему брату, для него не существуетъ.

— Тотъ, кого я люблю..

Она уже готова была выдать свою тайну, но онъ прервалъ ее.

— Ну да, конечно. Вы, быть можетъ, думаете, что другіе такъ-же заботливо хранятъ вашъ секретъ и стѣсняются называть въ связи съ вашимъ именемъ другое имя?

— Имя?.. Какое имя?

Онъ смотрѣлъ на нее гнѣвнымъ, обѣшеннымъ взглядомъ и вдругъ, схвативъ ее за руку, почти грубо крикнулъ:

— Неужели-же ты не сознаешь своего позора?

Ее всю передернуло отъ этого оскорбленія.

— Пьеръ, вы съума сошли!

Помолчавъ немного, онъ сказалъ, собираясь продолжать свой путь:

— Ограничимся этимъ разговоромъ. Дѣйствительно, я не имѣю права оскорблять васъ.

Но она опять преградила ему дорогу.

— Нѣтъ, теперь вы обязаны высказаться, сказала она, — я требую, чтобы вы назвали это имя.

Она стояла передъ нимъ, гордая, вызывающая; судорож-

ная дрожь подергивала ее поблѣднѣвшія губы и тонкія, подвижныя ноздри. Тогда онъ взялъ ее за руку и указалъ на землю, гдѣ правильные выступы земли обозначали мѣста, занятыя гробами.

— Вѣдь они тутъ; вы знаете. Развѣ я могу заставить краснѣть дочь на могилѣ, гдѣ покоятся ея родители.

На этотъ разъ въ головѣ ея блеснула мысль, отъ которой ее даже въ жаръ бросило. Теперь она поняла, въ чемъ дѣло. Дѣйствительно, она сама подала поводъ къ тѣмъ подозрѣніямъ, которыми теперь позорилъ ее Пьеръ.

— О, Боже мой, простонала она, прижимая ко лбу обѣ руки, — что вы обо мнѣ думаете?

Онъ колебался и не зналъ, что отвѣтить. Съ тѣхъ поръ, какъ онъ очутился здѣсь, возлѣ нея, онъ чувствовалъ, что прежняя любовь снова овладѣла имъ, что онъ привязался къ ней всѣми силами души. Онъ опустился на траву у ея ногъ и закрылъ руками лицо, быть можетъ для того, чтобы скрыть наvertsывавшіяся на глазахъ слезы.

— Я ничего не думаю, прошепталъ онъ, — и ничего не хочу знать. Я предпочитаю никогда не узнать, что дало тебѣ мужество такъ жестоко мучить меня. Мнѣ было-бы невыносимо, тяжело, если-бы вдобавокъ еще пришлось презирать тебя.

— Пьеръ, ради Бога, скажите-же, что вы думаете?

— Что я думаю? Я думаю, что въ тебѣ одной я сосредоточилъ всѣ свои вѣрованія, надежды и упованіе и что все это ты вырвала изъ моего сердца, разбила, растоптала безъ сожалѣнія!..

Надломленный, побѣжденный собственнымъ горемъ, онъ не могъ дальше сдерживаться и горько заплакалъ, а Жаклина, наклонившись надъ нимъ, смотрѣла на него своими глубокими, огненными глазами.

Вдругъ онъ вскочилъ и оттолкнулъ ее.

— Нѣтъ, уходи! Кто знаетъ, пожалуй я еще способенъ сказать, что, не смотря на все, люблю тебя по-прежнему... Но я не хочу этой любви, которая отнимаетъ у меня всякую силу и не даетъ ничего, кромѣ горя.

Она все еще неподвижно стояла на одномъ мѣстѣ. Послѣ минутнаго колебанія онъ наконецъ рѣшился и убѣжалъ въ отчаяніи и ѡбшенствѣ. Она ничѣмъ не обнаружилла желанія удержать его. Если-бы онъ обернулся, то, быть можетъ, уви-

дѣль-бы два глаза, сіявшіе счастьемъ сквозь влажную бахрому рѣсницъ.

Теперь все смолкло на кладбищѣ. На могплахъ, рѣзко выдѣляясь среди окружавшей ихъ зелени, чернѣли и бѣлѣли кресты, сверкая на солнцѣ бисеромъ своихъ вѣнковъ. Могилы спали своимъ долгимъ, непробуднымъ сномъ; зеленые тисы тихо продолжали расти. Бакою-то невыразимой истомой дышало все въ этой обители отжитыхъ жизней, законченныхъ существованій. Но среди могильной тишины непрерывно совершался таинственный процессъ трансформациі. Жизненная влага, поднимаясь изъ глубины почвы, разливалась по корнямъ могучихъ елей, величественно расправлявшихъ надъ кладбищемъ свои печальныя, темнозеленыя вѣтви. И среди этого царства смерти бѣдное женское сердце трепетало, опьяненное молодостью и любовью.

— Какъ онъ любить меня, шептала Жаклина, прижимая обѣ руки къ бурно бившемуся сердцу и жадно ловя горячими губами безсознательныя ласки свѣжаго вѣтерка.

Въ это время по ту сторону невысокой каменной ограды медленно ѣхала телѣжка; большая ломовая лошадь грузно раскачивала свой вмшленный задъ между окованными желѣзомъ оглоблями. На подвижной скамейкѣ, висѣвшей на ремняхъ, засѣдала крѣпкая, коренастая фигура съ краснымъ, улыбающимся лицомъ.

— А вѣдь и въ самомъ дѣлѣ дѣвка-то совсѣмъ красавицей стала, пробормоталъ себѣ подъ носъ младшій Жакото.

X.

Какъ это ни странно, но Венсанъ до сихъ поръ въ самомъ дѣлѣ не обращалъ никакого вниманія на наружность дѣвушки. Да впрочемъ и немудрено; вѣдь она попала къ нему въ домъ совсѣмъ еще маленькая. Развѣ можно обращать вниманіе на такихъ щенковъ? Для него она по-прежнему оставалась тою нищенкою, которую онъ когда-то съ дуру пріютитъ у себя, потомъ старался утилизировать хоть настолько, чтобы окумалось ея содержаніе, кормилъ пинками и пощечинами, когда бывалъ не въ духѣ, а поздиѣ уже охотнѣе терпѣлъ въ домѣ, но мѣрѣ того, какъ дѣвушка превращалась въ полезную работницу. Удивительно, въ самомъ дѣлѣ, какъ маленькія руки жен-

щины умѣютъ управляться съ хозяйствомъ, какъ проворно сверкаютъ въ нихъ вязальные спицы, какъ ловко онѣ орудуютъ утюгомъ, разглаживая воротничекъ рубахи, какъ мастерски штопаютъ и какъ аккуратно складываютъ бѣлье, которое прежде, бывало, кое какъ закихивалось въ шкафъ.

Мало по малу фермеръ до такой степени привыкъ къ присутствію этого дѣятельнаго существа, заправлявшаго всею женскою областью домашняго хозяйства, что не могъ уже безъ нея обходиться; она положительно сдѣлалась для него необходимою и одна умѣла удовлетворять потребности того эгоистическаго комфорта, которымъ онъ любилъ себя окружать. Частію вслѣдствіе этого, частію-же боясь скандала, онъ уже менѣе жестоко обращался съ дѣвочкой. Но чтобы засматриваться на нее... вдоръ какой! Да ему это и въ голову не приходило.

Напрасно Моденъ такъ пытливо смотрѣлъ ему въ глаза, сидя вмѣстѣ съ нимъ въ кабакѣ и облокотившись локтями на столъ.

— Ахъ, вы, старый болтунъ, да развѣ на такую дѣвчонку можно обращать вниманіе?

— Ну, положимъ, не такая ужъ она малолѣтняя дѣвчонка, которой даже и замѣтить нельзя. Вѣдь вотъ надѣлала-же намъ хлопотъ эта дѣвчонка!

Затѣмъ мельникъ пустился въ изліянія и, медленно покачивая головою, постепеннымъ, глубокомысленнымъ тономъ сталъ разсуждать о своихъ семейныхъ дѣлахъ, между тѣмъ какъ подъ окнами, на базарной площади скакали и брыкались жеребята съ подвязанными соломомо хвостами, а подъ косыми рядами деревьевъ кишѣли сѣрые стада грязныхъ барановъ и коровъ, перемигченныхъ жирною черною краскою.

— Знаете что, сказалъ Жавото, развеселившійся во время разговора—выпейте-ка еще стаканчикъ и бросьте всѣ эти глупости.

Собесѣдники снова чокнулись и поставили на столъ пустые стаканы, въ которыхъ только на самомъ днѣ среди зеленоватаго фона толстаго стекла оставалось небольшое круглоз лиловое пятно. Да въ теперешнія времена необходимо было по временамъ выпить, чтобы забыться; это доброе бургундское вино обладало удивительною способностью ободрить человѣка. Проклятая война, повидимому, шла не особенно успѣшно.

Поневоля́ нужно было иногда для смѣлости хлопнуть стаканчикъ.

Но Моденъ не намѣренъ былъ бросать затѣяннаго разговора и съ пьяною настойчивостью возвращался къ нему, повторяя все болѣе и болѣе коснѣющимъ языкомъ:

— Какъ хотите, пріятель, вы, конечно, не на исповѣди, и если не хотите сознаваться, такъ это ваше дѣло.

— Ахъ вы, грѣховодникъ; да развѣ вы не видите, что я ужъ почти сѣдой.

— Ну да, рассказывайте; хорошъ старикъ нашелся. А за молодыми дѣвками небось любите гоняться?

Они разстались сильно навеселѣ, оставивъ на днѣ выпитыхъ бутылокъ воспоминанія объ общественныхъ дѣлахъ, и побрели каждый въ свою сторону въ самомъ радужномъ настроеніи, раскраснѣвшись отъ плотнаго обѣда, выпитаго вина и скабрзныхъ остротъ; которыми каждый старался пересыпать свою рѣчь. Мельникъ потиралъ себѣ руки и былъ въ восторгѣ, что счастливый случай позволилъ ему такъ дешево обдѣлать выгодное дѣльце; а Жакоу, болѣе самодовольный, чѣмъ когда либо, невольно польщенный репутаціей Ловежаса, которою онъ видимо пользовался до сихъ поръ, тѣмъ не менѣе относился къ мельнику съ нѣкоторымъ презрѣніемъ и про себя обзывалъ его «старымъ хрычемъ».

И вдругъ на первомъ-же поворотѣ дороги, ведущей въ Гарроды, глазамъ его представилась Жаклина во всемъ блескѣ своей молодой красоты. Отрицать это было невозможно; она безспорно стала красавицей; мысль эта вдругъ осѣнила его, какъ откровеніе.

— Какой-же я, однако, дуракъ. Вѣдь мнѣ стоило только глаза раскрыть. И какъ это я самъ давно не замѣтилъ.

Удивленный, раззадоренный созерцаніемъ лакомаго куса, онъ положительно готовъ былъ тотчасъ-же попытать свое счастье. Однако, этотъ Моденъ далеко не такъ глупъ, какъ кажется.

— И охота мнѣ была рассказывать ему, что я начинаю старѣться.

Напротивъ, онъ сегодня чувствовалъ себя необыкновенно бодрымъ; красное лицо его какъ будто стало еще румянѣе подъ живительнымъ дыханіемъ весны. Онъ долго смотрѣлъ на нее, какъ будто никогда не видалъ и только-что открылъ эту не-

знакомую красавицу; онъ съ каждою минутою находилъ въ ней все новыя прелести, которыхъ до той поры совсѣмъ не подозрѣвалъ. Но она даже не замѣтила его. Ни скрипъ худо подмазанныхъ колесъ, ни громкое щелканье кнута не привлекали ея вниманія. И кто это она высматривала тамъ въ дали такъ внимательно, что забывала объ остальномъ мѣрѣ? — Разрази меня Господь! Да никакъ это Пьеръ, родной сынъ мельника! Извольте послѣ этого полагаться на этихъ святыхъ скромницъ. Ловко-же, однако, эта хитрая бестія, Модѣнь пронюхала эту интригу; а онъ, болванъ безмозглый, не хотѣлъ вѣрить ему.

Раздраженный и униженный этимъ сознаніемъ, какъ человекъ, имѣвшій претензію на проникательность, онъ въ то-же время чувствовалъ себя въ положеніи хозяина, интересамъ котораго нанесенъ ущербъ. Вѣдь этотъ кладъ былъ у него подъ рукою, ему стоило только нагнуться, чтобы взять его, и вдругъ нашелся человекъ, который сумѣлъ такъ его похитить. Но нѣтъ, онъ не позволитъ чужимъ охотиться на его землѣ; а эту лакомую дичь онъ ужъ во всякомъ случаѣ не уступитъ никому другому.

— Пусть только сунется, я ему утру губы.

Не спуская глазъ съ молодой дѣвушки, пожирая ее своимъ наглымъ взглядомъ, онъ старался дать ей понять, чего онъ отъ нея хочетъ. Въ лицѣ толстяка всегда появлялось какое-то особенное выраженіе, когда ему случалось увидѣть красивую дѣвушку. И онъ нисколько не старался скрыть его, напротивъ, хитрить и скрытничать хорошо въ торговлѣ, а въ любви—это вздоръ. Конечно, когда торгуешь что-нибудь, такъ чтобы сбавить цѣну, поневолѣ приходится скрыть желаніе обладать товаромъ. Но во всѣхъ другихъ случаяхъ онъ съ циническою наглостью давалъ волю своимъ взглядамъ и подвляніемъ чувственныхъ желаній нисколько не стѣснялся отпускать самые грубые намеки и вообще не думалъ обуздывать своихъ похотливыхъ инстинктовъ.

— Да и въ самомъ дѣлѣ, почему-же маленькая Жакетта достанется не ему, а кому-нибудь другому? Развѣ не онъ ее вскормилъ и вырастилъ?

И съ тѣхъ поръ, встрѣчаясь съ нею у себя дома изо дня въ день, онъ часто засматривался на нее, впадалъ въ какую-то особенную разсѣянность за ужиномъ, чувствовалъ

дрожь по всему тѣлу, когда она какъ-нибудь задѣнетъ его, прибирая со стола или переходя съ мѣсто на мѣсто; глаза его разгорались и съ особеннымъ упорствомъ останавливались на красивой волнѣ ея груди или на маленькихъ курчавыхъ волоскахъ, которые, какъ пепельнаго цвѣта мохъ, вислись на ея шеѣ и выбивались изъ подъ чепчика на вискахъ.

Но завязать съ нею интрижку было далеко не такъ легко, какъ онъ предполагалъ. Иногда, совсѣмъ уже рѣшившись пожать ей кончики пальцевъ или даже поцѣловать ее въ шею, онъ вдругъ останавливался, какъ пойманный школьникъ, смущенный ея серьезнымъ видомъ и холоднымъ взглядомъ ея черныхъ глазъ.

Теперь онъ сталъ возвращаться домой раньше обыкновеннаго и по цѣлымъ часамъ просиживалъ, облокотившись на столъ и надѣдая ей вопросами и предупредительностью.

— Зачѣмъ она, напримѣръ, такъ много работаетъ? Развѣ мало въ домѣ дармоедовъ, которыхъ онъ заставитъ поусерднѣе приняться за дѣло. Ужъ онъ задастъ имъ звону, если они вздумаютъ такимъ образомъ сваливать всю работу на ея плечи!..

Она продолжала заниматься своимъ дѣломъ, не отвѣчая ни слова, стараясь забытья за работою, которая, къ сожалѣнію, оставляла даже слишкомъ много досуга ея мыслямъ. Залѣмъ онъ пытался выказать себя внимательнымъ и щедрымъ, хотя ради этого и приходилось насиловать свойственную ему привычку скупости.

Не нуждается-ли она въ чемъ-нибудь? Напрасно она стѣсняется. Онъ для нея не пожалѣетъ денегъ.

Она покачала головою, съ грустью взглянувъ на свое помянувшее платье.

Она такъ мало заботилась о своихъ нарядахъ, что даже это платье казалось ей слишкомъ хорошимъ. Внутренно довольный тѣмъ, что она такъ благоразумна, такъ мало интересуется дорогими подарками, которыхъ непременно требовала-бы всякая другая, Венсанъ не подозревалъ, какое глубокое горе скрывала дѣвушка въ глубинѣ своей души.

Онъ настойчиво преслѣдовалъ ее и удивлялся, какъ это она остается такою спокойною, видя кипѣвшія въ немъ желанія. Въ присутствіи постороннихъ онъ сдерживался, и съ нетерпѣніемъ выжидалъ случая остаться съ нею наединѣ. Пре-

пятствія, съ которыми приходилось сталкиваться на каждомъ шагѣ, еще болѣе раздражали его и усиливали лихорадку нетерпѣнія. Всѣ эти невозмутимо равнодушные парни съ кирпично-красными лицами, шатавшіеся по двору, размахивая руками, къ своимъ протертыхъ по колѣнямъ штанамъ изъ полосатаго бархата и являвшіеся какъ разъ въ самую благоприятную для объясненія минуту, чтобы освѣдомиться насчетъ приказаній хозяина относительно работы, просто выводять его изъ себя; его сильно раздражала охота излить на нихъ въ видѣ тумановъ избытокъ дурнаго расположенія духа.

Пока онъ объяснялся съ работникомъ, Жаклина исчезала. Онъ бѣжалъ въ коровій хлѣвъ, гдѣ дѣвушка, усѣвшись на маленькую скамеечку, засучивала рукава, собиравъ доить коровъ, вернувшихся съ луга. Острый запахъ перепрѣвшей соломѣ поднимался съ горячей подстилки. Подъ тѣнью навѣса, вдоль набитыхъ клеверомъ яслей видѣлся рядъ влажныхъ мордъ, рогатые головы медленно поднимались и пристально смотрѣли на вошедшаго своими большими, кроткими глазами, съ какимъ то безконечнымъ удивленіемъ. Затѣмъ поднималось мычанье, гулко раздававшееся подъ высокою крышею. Венсанъ стоялъ на одномъ мѣстѣ, не отрывая глаза отъ этихъ крѣпкихъ рукъ съ тонкими изящными пальцами, перебиравшими красные, вздутые сосцы терпѣливыхъ коровъ.

— Ахъ, плутовка, если-бы ты только захотѣла...

Онъ глубоко вздохнулъ, такъ какъ подъ вліяніемъ долгихъ неудачъ, его ухаживаніе принимало меланхолическій характеръ.

— Неужели-же ты не чувствуешь ко мнѣ ни крошечки дружбы?

Онъ подошелъ близко, близко, такъ что почти прижался къ ея колѣнямъ, нагнулся надъ нею и ждалъ въ позѣ смиреннаго просителя.

— Дружбы?..

Она не понимала, что онъ хочетъ сказать. Не прерывая работы, она смотрѣла на него съ напряженнымъ вниманіемъ, стараясь дать себѣ отчетъ въ томъ, что онъ говорилъ. Молоко тонкими струйками текло въ обтянутый желѣзными обручами поддонникъ, всплывая на поверхность въ видѣ мелкой, бѣлоснѣжной пѣны. Шарольскія коровы оглашали хлѣвъ своимъ громкимъ сопѣніемъ. Жакото, красный, какъ ракъ, вытиралъ себѣ лобъ клѣтчатымъ носовымъ платкомъ.

— Дружбы? повторила она, все еще не понимая, чего онъ отъ нея хочетъ.—Боже мой, да развѣ я въ чемъ нибудь провинилась передъ вами?

— О, нѣтъ, ты славная дѣвушка; я вполне тобою доволенъ. Только вотъ если-бы ты была немножко моласковѣе...

— Чѣмъ-же я не угодила вамъ!

— Нѣтъ, нѣтъ, напротивъ!..

— Ну, а коли такъ... Я право не понимаю...

Онъ все усерднѣе вытиралъ себѣ лобъ, путался, не находилъ словъ и съ трудомъ лепеталъ ихъ пересохшими отъ лихорадочнаго нетерпѣвнн губами.

— Ты меня не понимаешь... Сердиться мнѣ на тебя не за что, но вѣдь могла-же бы ты хоть чѣмъ-нибудь показать, что не относишься ко мнѣ, какъ къ первому встрѣчному...

Онъ остановился, не въ силахъ продолжать; слова не гдѣли у него изъ горла. О, какъ беспощадно, почти жестоко смотрѣли эти суровые глаза! Передъ этимъ взглядомъ поневолѣ приходило въ умолкнуть, потерявъ послѣдннй остатокъ смѣлости.

— Останется каждый на своемъ мѣстѣ; это будетъ лучше всего.

Онъ вышелъ, и не думая отвѣчать. Пораженіе было полное. Въ теченіе нѣкотораго времени онъ не рѣшался возобновлять атаку. Но, въ концѣ-концовъ, положеніе его стало ему казаться положительно смѣшнымъ.

Скажите пожалуйста, этотъ повѣса Жавотѣ вдругъ вздумать разыгрывать робкаго влюбленнаго! Онъ положительно краснѣлъ за самого себя. Такого аффронта ему еще никогда не приходилось испытывать, и, не столько подъ вліяніемъ чувственной страсти, сколько изъ боязни показаться смѣшнымъ, онъ рѣшился при первомъ удобномъ случаѣ покончить это дѣло разомъ. Ужъ онъ ей покажетъ, какъ справляются съ такими домаками. Но удобный случай долго не представлялся; въ самую рѣшительную минуту, когда онъ чувствовалъ себя особенно расположеннымъ, вѣчно кто-нибудь мѣшалъ.

Да и время, какъ нарочно, подошло самое безпокойное. Въ Гарродахъ стоялъ дымъ коромысломъ, шла реквизиція лошадей, цѣлый день на улицѣ толпился народъ. Военныя дѣла шли все хуже да хуже. На стѣнахъ расклеивали прокламаціи, передъ которыми собирались группы деревенскихъ жи-

телей, и каждый отходил смущенный, обезкураженный и принимался комментировать по своему сухую официальную прозу, съ грустью думая о громадныхъ арміяхъ, которыя всюду оставляютъ за собою смерть и опустошеніе.

А всѣ эти молодые люди, которыхъ требовало теперь государство! Вѣдь длинныя афиши, наклеенныя на стѣнахъ мэри, призывали къ оружію. Теперь уже оказывалось, что приходится идти всѣмъ, сыновьямъ богачей наравнѣ съ прочими. Модѣны были въ отчаяніи. Помилуйте, вѣдь у нихъ всего на всего одинъ сынъ; сколько денегъ они переплатили, чтобы избавить его отъ воинской повинности; а теперь парню приходилось все-таки идти въ солдаты, какъ послѣдному оборванцу. Да есть-ли въ этомъ хоть капля здраваго смысла?

Но Пьеръ рѣшительно заявилъ, что отправится, не дожидаясь призыва, если его вздумаютъ удерживать, а Марианна, боясь, чтобы онъ въ самомъ дѣлѣ не вздумалъ уйти сейчасъ, рѣшилась сдерживаться и плакала только втихомолку, оставшись наединѣ.

Когда онъ, вмѣстѣ съ другими, участвовалъ въ маневрахъ на маленькой площади, обсаженной дикими капитанами, на которыхъ желтѣющіе листья начинали уже блекнуть и свертываться отъ холодной осенней росы, Венсанъ слѣдилъ за нимъ своими маленькими, хитрыми глазками и не могъ скрыть невольной радости, овладѣвавшей имъ при мысли объ удаленіи соперника, къ которому онъ чувствовалъ истинно активную ревность.

— Наконецъ-то онъ уберется по-добру по-здорову, а ужъ потомъ не трудно будетъ выбить его изъ ея головы.

Вспоминая про свою неудачу и про сцену на кладбищѣ, онъ приходилъ въ бѣшенство и злобно шепталъ:

— Какъ-бы хорошо, еслибы онъ совсѣмъ не воротился!

Онъ возвращался домой, потирая себѣ руки, счастливый при мысли, что можетъ спокойно оставаться дома, въ то время, какъ другіе принуждены готовиться къ войнѣ, маршировать, обучаться фронтовой службѣ, неловко управляясь ружьями въ своихъ казакинахъ изъ сѣрой бумази, замѣнявшихъ мундиры, въ повязанныхъ вокругъ шеи синихъ галстукахъ, скрывавшихъ отсутствіе бѣлья, съ добродушными, наивными лицами, принимавшими воинственное выраженіе подъ картузами, которые нѣсколько напоминали форменныя кэпи.

— Разъ, два... Разъ, два!..

Цѣлый день на площади только и слышны были, что эти возгласы, и новобранцы лихо выступали подъ предводительствомъ какого-нибудь усатаго заслуженнаго сержанта, стараго обстрѣленнаго воюки съ костлявыми выдающимися скулами. Добытый не безъ труда изъ резервнаго батальона, онъ распорядился и командовалъ съ видомъ чловѣка, проникнутаго сознаниемъ важности возложенной на него мисси.

Тутъ-же рассказывали и гарибальдійцы, бородастые, загорѣлые, уже успѣвшіе извѣдать прелести походной жизни, но добрые и эффектные въ своихъ красныхъ шарфахъ, вооруженные, какъ разбойники комической оперы.

Что-же касается деревенскихъ новобранцевъ, то ихъ, послѣ нѣкотораго предварительнаго упражненія, отправили въ соседній городъ, гдѣ они должны были быть размѣщены по различнымъ бригадамъ, и послѣ ихъ ухода и предшествовавшаго ему оживленія, жизнь въ Гарродахъ потекла еще болѣе скучно и уныло, чѣмъ обыкновенно.

Однажды, въ воскресенье, когда всѣ работники покосили ферму и значительная часть деревенскихъ жителей отправилась въ городъ, чтобы снести новымъ рекрутамъ гостинцевъ, Жакото зарядился для храбрости приличною дозою водки. Онъ сознавалъ, что въ трезвомъ состояніи у него не хватитъ храбрости. Вернулся онъ болѣе красный, чѣмъ обыкновенно, не вполне увѣренною походкою и съ рѣшительнымъ видомъ распахнулъ дверь.

Жаклина по обыкновенію сидѣла возлѣ окна, погруженная въ свои мечты, перенесаясь, быть можетъ, мысленно въ тотъ городъ, гдѣ новобранцевъ обучали стрѣльбѣ изъ новыхъ ружей, заряжающихся съ казенной части. Едва повернувъ голову при скрипѣ отворявшейся двери и не обративъ почти никакого вниманія на вошедшаго, она вдругъ почувствовала возлѣ самаго лица горячее дыханіе пьянаго хозяина.

— Полно дуру-то разыгрывать!

Слова эти сопровождались такимъ краснорѣчивымъ жестомъ, что сомнѣваться въ ихъ значеніи не было никакой возможности; она вдругъ поняла его намѣренія и оттолкнула его.

— О, Боже мой, шептала она, силясь выбиться.

Но онъ крѣпко обхватилъ ее и старался прижать къ себѣ. Отъ усилій, которыми она употребляла, чтобы вырваться,

косынка развязалась и изъ подъ корсета показался изящный контуръ дѣйственной груди. При видѣ ея обнаженнаго тѣла, казавшагося еще бѣлѣе въ сравненіи съ бѣлизною грубой рубашки, онъ прильнулъ къ нему своими толстыми, горячими губами.

— Что, скромница, поналась?

Она отчаянно отбивалась, корчась отъ ужаса и отвращенія подъ каждымъ изъ этихъ поцѣлуевъ, которые жгли ея кожу.

— Оставьте меня... Оставьте... Оставьте меня!..

Но не легко было бороться противъ разнузданной похоти этого освирипѣвшаго человѣка. Поблгровѣвъ отъ волненія и усилій, потерявъ всякій слѣдъ человѣческаго достоинства, онъ, какъ звѣрь, бросился на нее, и только отрывочныя фразы, хвастливыя или угрожающія, прерывали на мгновение его яростныя ласки.

— Теперь небось не будешь ужъ такую спѣсивою!

— Оставьте меня или я закричу!

— Да замолнишь-ли ты! Чего раскричалась?

Онъ танилъ ее насильно, а она продолжала бороться, цѣпляясь за его одежду нѣмѣющими руками, изнемогая, на половину побѣжденная этою силою, еще удвоившеюся подъ вліяніемъ опьяненія, чувствуя надъ самыми губами своими горячее дыханіе и циническій смѣхъ, прерываемый пьяною нкотою.

— Нѣтъ... Нѣтъ... Я не хочу...

Но въ отвѣтъ слышался все тотъ-же скотскій смѣхъ.

— Кричи, пожалуй, коли хочешь; вѣдь мы одни въ домѣ.

Но нѣтъ, они были не одни. Въ эту минуту въ комнатѣ, среди опрокинутой во время борьбы мебели, передъ ними словно выросла высокая, тощая фигура стараго Жако. Онъ смотрѣлъ на нихъ своими тусклыми, полубезумными глазами; изъ горла его вырвался сдавленный хриплый крикъ.

Проклятье! Опять этотъ человѣкъ. И откуда онъ взялся вдругъ? Про него-то именно Венсанъ и забывалъ всегда. Правда, немудрено было и забыть. Но на этотъ разъ онъ ему ужъ нѣ простить; бываютъ минуты, когда всякое терпѣніе лопнетъ. И зачѣмъ только онъ живетъ? Чего ему еще надо на землѣ?

— Ну ужъ постой, я съ тобою рассчитаюсь!..

Выпустивъ изъ рукъ дѣвушку, не помня себя отъ бѣшенства, онъ устремился на отца съ поднятымъ кулакомъ. Старикъ стоялъ не двигаясь, устремивъ на него свой тускный, бессмысленный взглядъ. Всѣ трое молчали.

Глухой шумъ и стоны, раздававшіеся во время борьбы, внезапно смолкли; въ комнату, среди душной, спертой атмосферы, царствовала глубокая тишина. Сѣрая сумерки, пробиваясь сквозь маленькое окошко, плохо освѣщали трагическую голову изумленного старика. Кругомъ, внѣ дома тоже все было тихо, слышался только лай привязанной на заднемъ дворѣ пѣшной собаки, которая съ жалобнымъ воемъ рвалась, пытаясь освободиться.

Въ теченіе нѣсколькихъ мгновений трудно было рѣшить, чѣмъ кончится эта сцена. Наконецъ, Венсанъ, подъ вліяніемъ, стыда или по недостатку смѣлости, измѣнилъ свое первоначальное намѣреніе и вышелъ, хлопнувъ дверью, чтобы гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ отвести душу и дать волю своему пьяному гнѣву.

Жаклина, истерзанная, съ распущенными волосами, внѣ себя отъ волненія, бросилась къ старику и, рыдая, прижалась головой къ его груди.

— Я уйду, уйду отсюда...

— А я?.. Куда-же я тогда дѣнусь?

Ничего другого не нашлось у него въ отвѣтъ на ея жалобы; ему и въ голову не приходило утѣшать ее.

— А я?.. А я-то?

Онъ то и дѣло твердилъ одну и ту-же фразу, какъ избалованный, упрямый ребенокъ.

Они долго простояли такъ. Она раздумывала о томъ, куда ей теперь дѣваться и при одной мысли, что придется уйти на чужбину, сердце ея болезненно сжималось. По временамъ она шептала съ растеряннымъ видомъ, проводя по влажному лбу похолодѣвшею рукою.

— Господи, куда-же я поѣду?..

XI.

Ночью она не въ состояніи была спать. Старикъ Жакото скоро задремалъ, какъ будто не произошло ничего необыкновеннаго, и теперь спалъ въ своей каморкѣ, повернувшись но-

сомъ къ стѣнѣ. Венсанъ, засидѣвшійся въ кабацѣ, добрался до дому, когда было уже поздно, и также храпѣлъ подъ своимъ узорчатымъ пологомъ изъ пестраго ситца.

Успокоившись мало-по-малу подѣ влияніемъ чувствительнаго холода темной осенней ночи и ощущая только во всемъ существѣ своемъ какую-то необыкновенную усталость, она думала о своей горькой долѣ, о Пьерѣ, котораго лишилась навсегда, о неизвѣстной участи, которая ждала ее съ завтрашняго-же дня. Въ первый разъ въ жизни она съ ужасомъ поняла всю тягость своего существованія, вспомнила нищету, окружавшую ее въ дѣтствѣ, брань и ссоры, звучащія около ея колыбели и преслѣдовавшія ее, какъ тяжелый кошмаръ даже въ сновидѣніяхъ, вспомнила лишения и непосильный трудъ, которые послѣдовали за этими впечатлѣніями перваго дѣтства, вспомнила про давно забытыя страданія, которыя теперь вдругъ воскресали подѣ влияніемъ отчаянной думы, вспомнила и послѣднюю горькую насмѣшку судьбы, заставившую ее собственными руками порвать послѣднія привязанности. Не ей-ли самой пришлось оттолкнуть отъ себя того, кто былъ ей дороже всего на свѣтѣ? Не ей-ли самой приходится вотъ и теперь разставаться съ этимъ старикомъ, у котораго, кромѣ нея, на свѣтѣ нѣтъ ни одного близкаго существа?

О, эти безжалостныя слова Модэна, которыя она случайно подслушала какъ-то вечеромъ; какимъ тяжелымъ камнемъ легли они ей на сердце, какъ они разбили ея жизнь!

Они звучали у нея въ ушахъ, словно проклятіе.

Теперь, при одномъ воспоминаніи о нихъ, она еще глубже поникла головою, и ей казалось, какъ будто на лбу ея горѣли слѣды позорнаго клейма.

Да, слова эти были равносильны проклятію. Зачѣмъ она была тамъ въ этотъ вечеръ? Если-бы не эта случайность, она бы ничего не знала. Она-бы не подозрѣвала жестокаго отношенія къ ней старика Модэна и смѣло, безъ стыда, могла-бы теперь найти убѣжище въ объятіяхъ Пьера, крѣпко прижаться къ нему и, почувствовавъ себя въ его власти, сказать:

— Возьми меня. Вѣдь ты мой; вѣдь я люблю тебя.

Дрожь пробѣжала по ея тѣлу, когда она вспомнила, сколько нѣжности звучало въ его словахъ каждый разъ, во время ихъ рѣдкихъ, короткихъ свиданій, въ которыхъ сосредоточивались всѣ ея радости. Гдѣ онъ теперь? Онъ вѣроятно уже

забылъ о ней, а если и помнилъ, то развѣ только для того, чтобы презирать ея. При этой мысли ея снова овладѣвало отчаяніе; будущее представлялось ей въ видѣ непрерывнаго ряда страданій.

— Такъ вотъ она, жизнь!..

Неизвѣстность! Сколько ужасовъ кроется въ одномъ этомъ словѣ! Какую одинокою дорогою побредетъ она теперь? Какъ страшила ее уже напередъ перспектива этого полнаго одиночества, этой абсолютной пустоты, которую представляла вся ея будущность!

Когда настало утро, она уже снова была на ногахъ и, чтобы заглушить терзавшую ее тоску, стала заботливо собирать свои пожитки, старательно складывала ихъ, какъ будто и въ самомъ дѣлѣ очень ими дорожила, завертывала ихъ въ полотенца и скалывала пакеты булавками, дѣлая все это наполовину машинально, по привычкѣ.

Когда она уже взялась за ручку двери и готовилась переступить черезъ порогъ, блѣдная отъ безсонной ночи и отъ всего, что пришлось вынести наканунѣ, въ комнату вошелъ Венсанъ, улыбающійся, выспавшійся, съ свѣжимъ лицомъ, только слегка испещреннымъ синеватыми жилками, обличавшими въ немъ стараго кутилу.

— Куда это ты собралась?

Она остановилась въ смущеніи, чувствуя, что не въ силахъ болѣе сопротивляться, если-бы пришлось снова начать ужасную борьбу вчерашняго дня.

— Развѣ я могу здѣсь оставаться?..

Она говорила, запинаясь, и съ ужасомъ смотрѣла на него своими покраснѣвшими отъ слезъ глазами.

А онъ, вполне протрезвившись, какъ человекъ, прекрасно переносящій вино, снова разыгрывалъ ласковаго, привѣтливаго хозяина и только пожалъ плечами, поправляя въ то-же время подтяжки.

— Какъ ты глупа! Боже мой, какъ ты глупа! Ну виданное-ли дѣло, чтобы изъ-за такихъ пустяковъ...

Едва держась на ногахъ, она схватилась за косякъ своими дрожащими руками.

— Прошу васъ, пустите меня.

Онъ подошелъ къ ней съ заискивающей ласковой миной; вся его круглая, упитанная фигура съ курчавыми свѣдующими

волосами, завивавшимися въ мелкія кудри на его жирной шеѣ, казалось, такъ и дышала добродушіемъ.

Вѣдь вотъ эти дѣвушки; всѣ на одинъ ладъ, всѣ — недотроги. Экая важность въ самомъ дѣлѣ! Ну что-жь, онъ былъ немного навеселѣ; это еще не Богъ знаетъ какая бѣда! Ну, да и нрава онъ горячаго; всѣ это знаютъ; это ужъ у него отъ природы; крови ужъ больно много,—вотъ и все! Переменить себя человѣкъ не властенъ! А бѣды тутъ никакой нѣтъ. Кто старое помянетъ—тому глазъ вонь! Развѣ можно такъ всполошиться изъ-за какихъ-нибудь пустяковъ?

— Развѣ тебѣ плохо у насъ живется? Развѣ всѣ не любимъ тебя?

Она въ отчаяніи сложила руки.

— Я не могу оставаться въ этомъ домѣ.

— Кто-же тебя гонить? Отчего ты не можешь остаться?

Онъ семенилъ возлѣ нея, видимо довольный собою; хитрые глазки его какъ-то особенно весело щурились и мигали.

— Ну что-жь, говори, говори...

Онъ остановился, по старой привычкѣ любуясь ея смущеніемъ, но затѣмъ, схвативъ ее двумя пальцами за подбородокъ, прибавилъ:

— А что если я на тебѣ женюсь?..

Она молчала, повидимому не понимая его. У него явилось опасеніе, что слова его были не достаточно убѣдительны.

— Нѣтъ, знаешь... не шути; въ самомъ дѣлѣ...

Такъ какъ она и послѣ этого ничего не отвѣтила, то онъ рѣшилъ, что теперь пора выставить въ благопріятномъ свѣтѣ и свою собственную персону.

Отчего-бы тебѣ не полюбить меня? Чѣмъ-же я хуже другихъ?..

Онъ знаетъ, что она еще нѣсколько дика; но это не бѣда, это пройдетъ.

— Особенно, если въ это дѣло вмѣшаются мэръ и священникъ, прибавилъ онъ, заливаясь своимъ звонкимъ смѣхомъ.

Вполнѣ довольный собою, онъ старался принять молодецкую позу, выпрямился, выпятилъ впередъ грудь, такъ, что она расправила складки на блузѣ.

Но вдругъ она вздрогнула и съ видимымъ отвращеніемъ оттолкнула его, гордо, съ негодованіемъ откинувъ голову.

— Вы?!.. Никогда...

Изумленный этою совершенно неожиданною для него выходкою, онъ отступилъ на три шага. Нѣтъ, ужъ этого онъ положительно не ожидалъ. Скажите, пожалуйста, какая важная птица!

— Ахъ ты негодница, да понимаешь-ли ты, что говоришь? Вѣдь ты отъ собственнаго счастья отказываешься.

Что-жъ изъ этого, если я не люблю васъ?..

— Вѣдь ты была-бы богата.

— Къ чему мнѣ ваше богатство?

На лицѣ его выразилось безграничное изумленіе Тщеславію его былъ нанесенъ чувствительный ударъ; онъ не могъ постичь, какъ возможно было не принять подобнаго предложенія, сдѣланнаго такимъ молодцомъ, какъ онъ?

Скажите, пожалуйста, какая разборчивая невѣста. Да если-бы онъ только захотѣлъ, такъ случаетъ, слава Богу, представлялось не мало; ему попадались сотни дѣвушекъ ничуть не хуже ея.

— Вамъ не трудно будетъ найти невѣсту и лучше меня.

Но нѣтъ, онъ не потерпитъ такого позора; ему нужно именно ее; на другихъ ему наплевать!

— Ну скажи, отчего-бы тебѣ не полюбить меня?

Впрочемъ, онъ не требуетъ, чтобы это было сейчасъ. Онъ подождетъ. Можетъ быть со временемъ они и поладятъ.

Нѣтъ, никогда. Она любить другого. Закрывъ глаза, изнемогая отъ усталости и волненія, она прошептала:

— Развѣ возможно полюбить два раза?

Такъ вотъ въ чемъ дѣло! Эта смиренница завела любовныя шашни!..

Теперь онъ снова далъ волю своему естественному характеру, склонному къ жестокости и насилию; кровь прихлынула къ головѣ, мышцы напряглись на короткой шеѣ, глубоко застѣвшей между сутулыми плечами, лицо и безъ того уже далеко не блѣдное, приняло коричнево-красный оттѣнокъ. Онъ мгновенно превратился въ того человѣка, которымъ въ сущности всегда и былъ, въ человѣка, готоваго бить и истязать ее, какъ, бывало, прежде, когда она была еще маленькою, беззащитной дѣвочкой. О, онъ отлично зналъ, какъ нанести ей самый жестокий ударъ! Его жестокость заставила его инстинктивно найти чувствительное, наболѣвшее мѣсто въ ея сердцѣ.

— Знаю я твоего милого дружка; но только чортъ меня поберетъ, если тебѣ не придется съ нимъ распроститься на вѣки.

Не смотря на душившее его бѣшенство, онъ торжествовалъ и злорадствовалъ, готовясь мучить бѣдную дѣвушку.

— Не сдобровать ему, если онъ когда-нибудь попадется мнѣ въ руки; но успокойся, теперь съ нимъ и безъ меня расправятся какъ слѣдуетъ.

Боже мой! На что это онъ намекаетъ? Растерянная, блѣдная, окончательно парализованная мыслью о новомъ горѣ, она не въ силахъ была двинуться съ мѣста и съ ужасомъ вглядывалась въ хитрые глаза Венсаи, ожидая разъясненій.

— Да, нечего сказать, отличились они на первыхъ порахъ, важную откололи штуку. Ну, да погоди, вотъ уже проберутъ этихъ молодцовъ!

Онъ все болѣе входилъ въ азартъ; посыпались площадная брань и грубые ругательства, отъ которыхъ стекла дрожали въ рамахъ; на лбу и на вискахъ, покрытыхъ каплями пота, налились и вздулись жилы. Теперь уже не было никакой надобности притворяться и сдерживать свои естественные порывы; и онъ положительно отводилъ свою душу; въ сущности довольный, что наконецъ можно было сбросить маску.

Блѣдныя, холодныя лучи утренней зари тускло освѣщали комнату. Надъ землею ползли хлопья бѣлаго тумана, сливавшегося вдаль въ длинную бѣлую пелену; ночная сырость мелкими каплями осѣдала на потускнѣвшихъ окнахъ. Жаклина, совсѣмъ обезсиленная безсонною ночью, стояла, опустивъ голову и уже безучастно слушала сыпавшуюся на нее брань. Она уже ни о чемъ не думала. Бѣда такъ грозно надвигалась со всѣхъ сторонъ, что положеніе ея казалось безнадежнымъ, безысходнымъ.

Ей не приходило даже въ голову бѣжать отъ этого чело-вѣка, который прельстился ея красотой, а теперь, не добившись того, чего хотѣлъ, оскорблялъ и позорилъ ее, не щадя даже любви ея.

Но вдругъ у двери, еще запертой на внутреннюю задвижку, раздался глухой стукъ, сопровождавшійся какимъ-то металлическимъ бряцаніемъ. Дверь задрожала подъ могучими ударами, какъ будто стучащій собирался сорвать ее съ петель.

Кто это смѣетъ такъ дерзко стучаться, да еще въ такой ранній часъ? Развѣ каждый прохожій имѣетъ право врывать

ся въ домъ Жакото? За постоянный дворъ его принимаютъ что-ли? Да и минуто-то выбралъ какъ разъ подходящую, чтобы шутить съ Венсаномъ такія шутки! Освирѣпѣвъ еще пуще, онъ бросился къ окну, но тутъ ему представилось такое зрѣлище, отъ котораго онъ сразу весь похолодѣлъ, съезжился и превратился въ олицетворенную покорность. Сквозь зеленатя стекла передъ самымъ крыльцомъ виднѣлся силуэтъ сидѣвшаго на конѣ улана, закутаннаго въ широкій плащъ изъ свѣтлаго сукна.

Любопытно было видѣть, какъ быстро испарился гнѣвъ Венсана, какъ поспѣшно бросился онъ отворять дверь, съ какимъ покорнымъ видомъ встрѣчалъ гостя. Ноги его, правда, тряслись немного, но тѣмъ не менѣе онъ не терялъ присутствія духа и видимо старался всячески доказать свою покорность, доходившую до низкопоклонства.

Оправившись отъ изумленія, онъ началъ суетиться, бросился къ шкафу и поставилъ на тарелку раскупоренную бутылку съ водкой и стаканъ. Затѣмъ онъ вернулся къ всаднику, который все еще неподвижно сидѣлъ на конѣ; изъ-подъ каски, надѣтой на его рыжую, бородатую голову, свѣтились какимъ-то холоднымъ, жестокимъ блескомъ два голубые глаза. Схвативъ бутылку и приставивъ горлышко ее къ губамъ, онъ другою рукою вышибъ изъ рукъ хозяина поднось.

Стаканъ разлетѣлся въ дребезги, которыя посыпались на улыбающуюся физиономію Жакото, подобострастно смотрѣвшаго на побѣдителя. Нѣсколько осколковъ впились въ кожу и изъ царапинъ показалась кровь: Уланъ, перегнувшійся назадъ и допивавшій бутылку, разразился самодовольнымъ смѣхомъ. Онъ медленно повернулъ лошадь, и только тогда, когда онъ отъѣхалъ на приличное разстояніе, фермеръ рѣшился отереть себѣ лобъ и пробормоталъ:

— Негодяй!..

Жакина убѣжала. Во всѣхъ концахъ деревни скакали юнкеры, брадая саблями; поминутно раздавались выстрѣлы; мирные жители села обезумѣли отъ страха.

Старикъ Жакото, еще не совсѣмъ очнувшійся отъ сна, стоялъ одинъ посреди комнаты и, видимо путая дѣйствительность съ какимъ нибудь кошмаромъ или съ воспоминаніями далекаго прошлаго, очутившись вдругъ передъ тою-же картиною нашествія, которую видѣлъ подслѣстія тому назадъ, лепеталъ своимъ разбитымъ дрожащимъ голосомъ:

— Союзники!.. союзники!..

Въ этотъ день они появились не надолго, очевидно посланные только на рекогносцировку. Но всѣ чувствовали близость непріятеля и, прежде чѣмъ возвысить голосъ, каждый невольно осматривался, чтобы убѣдиться, что кругомъ нѣтъ чужого человека.

Венсанъ, успѣвшій уже порядкомъ выпить для храбрости, бѣгалъ по кабакамъ и съ нѣкоторымъ хвастовствомъ выставялъ на показъ свое окровавленное, исцарапанное лицо.

— Во всемъ виноваты эти проклятые вольные отряды. Нечего сказать славную они заварили кашу; есть чѣмъ похвастаться! Какая польза въ сопротивленіи, когда ничего нельзя подѣлать? Только протянешь войну и все-таки не избѣгнешь поражения. Стоило поднимать столько шума ради того, чтобы перерѣзать нѣсколько телеграфныхъ проволокъ да перебить съ полдюжины нѣмцевъ. За то теперь наплачетесь, когда непріятель будетъ драть съ насъ шкуру за эти подвиги; помяните мое слово.

Многіе, подъ вліяніемъ охватившаго ихъ страха, относились къ этимъ рѣчамъ одобрительно; другіе, напротивъ, качали головой и толковали, что слѣдуетъ похоронить себя подъ развалинами собственныхъ домовъ.

Вечеромъ, когда уже стемнѣло, снова поднялся переполохъ. Къ деревнѣ подходитъ батальонъ, быстрыми, мѣрными шагами двигавшійся среди густѣвшаго мрака. Наименѣе храбрые изъ жителей попрятались и забаррикадировались въ домахъ, а нѣкоторые спустились даже въ погреба. Тѣ, которые отважились пробраться на главную площадь, тотчасъ узнали пришедшихъ. Это былъ отрядъ мобилей, которые сдѣлали занять другую позицію. Узнавъ о приближеніи пруссаковъ, маленький отрядъ, боясь быть окруженнымъ, отступалъ, готовясь засѣсть въ лѣсу, танувшемся по склону горы за Гарродами. Какъ отраднo снова почувствовать себя среди друзей. Бѣдняги, какъ охотно они-бы рассыпались по деревнѣ; сколько рукъ протягивалось къ нимъ, готовыхъ заключить ихъ въ объятія; какое счастье еще разъ, хоть ненадолго, побыть въ этомъ родномъ уголку, котораго многіе изъ нихъ, быть можетъ, уже не увидятъ болѣе никогда!

Но долгъ прежде всего. Имъ было приказано не выходить

изъ строя, и только изрѣдка кому-нибудь удавалось обмѣняться рукопожатіемъ или поцѣлуемъ.

Въ маленькомъ домикѣ, гдѣ поселилась Манетта съ тѣхъ поръ, какъ сколотила достаточно денегъ, чтобы не жить въ услуженіи у чужихъ людей, сегодня вечеромъ господствовало необыкновенное оживленіе. Готовя къ ужину супъ, бывшая служанка безъ умолку болтала, ныла и причитала своимъ пѣвучимъ, слащавымъ голосомъ.

— Ахъ, милая ты моя, вѣдь жалость-то какая! На смерть вѣдь погнали нашихъ парней!..—И она поднимала къ небу свои голыя руки, огрубѣвшія отъ стирокъ и сѣнокосовъ, покрытыя морщинами и загорѣлыя до самыхъ плечъ. А возлѣ окна, прильнувъ лицомъ къ стеклу, молодая дѣвушка, державшая на колѣняхъ небольшой узелъ, молча слушала ее, тревожно взглядываясь въ темноту и сисясь различить въ кишѣвшей на площади толпѣ изящную, стройную фигуру высокаго молодого человѣка, который уже довольно браво смотрѣлъ въ своей маленькой фронтирерской курткѣ.

XII.

Нѣсколько дней спустя появились пруссаки, но уже не отдѣльные развѣдчики, а густые батальоны. мѣрно и твердо выступавшіе подъ пронзительные, хриплые звуки флейты. Они двигались въ строгомъ порядкѣ, ноги дружно поднимались и опускались съ каждымъ раскатомъ барабана.

Съ касками на головахъ, вытянувшіе въ струну, они шли по улицѣ села вдоль наглухо запертыхъ домиковъ, гдѣ на которые можно было подумать, что деревня совсѣмъ покинута жителями.

Прежде всего они потребовали жѣра. Офицеры съ надменнымъ видомъ отдавали приказанія, уланы съ заряженными ружьями въ рукахъ, во весь духъ, поскакали впередъ.

Въ центрѣ большихъ, лучеобразно расходившихся аллей, окруженный клумбами вѣчно зеленыхъ кустовъ, съ раскрытыми воротами и дверями, какъ будто притотовившись къ торжественной встрѣчѣ, старый замокъ возвышался передъ ними съ какимъ-то печальнымъ, величавымъ достоинствомъ.

Уланы, со своимъ начальникомъ во главѣ, маленькими отрядами вѣзжали на дворъ, успѣвъ уже порядкомъ нагрузиться, такъ какъ дорогою было опустошено не мало погребовъ.

Затѣмъ полковникъ, длинный верзила, въ картузѣ, лихо надѣтомъ на бокрень, въ красивомъ мундирѣ съ малиновыми отворотами, подошелъ къ хозяину замка.

— Вы мэръ?

Бернье-де-Вигоръ, облеченный въ простую охотничью куртку, нѣсколько потертую на локтяхъ, смѣрилъ его взглядомъ съ головы до ногъ и затѣмъ отвѣтилъ, наклонивъ слегка свою плѣшивую голову, на которой сохранились только немногіе пряди уже сильно посѣдѣвшихъ волосъ.

— Да, я мэръ.

— Прекрасно. Не угодно-ли вамъ тотчасъ-же сказать мнѣ, гдѣ скрываются виновные.

На этотъ разъ взглядъ его остановился на прикладѣ ружья, висѣвшаго на стѣнѣ вмѣстѣ съ другимъ оружіемъ, и казалось, мысленно говорилъ этому вѣрному товарищу:

— А что, дружище, если-бы ты былъ у меня въ рукахъ теперь, то-то-бы мы съ тобою потѣшились!..

Но Бернье ограничился короткимъ отвѣтомъ:

— Какіе виновные? Тутъ нѣтъ виновныхъ, а есть только воюющія стороны.

Полковникъ отвѣчалъ рычаніемъ, сопровождавшимся цѣлымъ потокомъ нѣмецкихъ ругательствъ. Наконецъ, истощивши всю свою желчь и весь запасъ бранныхъ словъ, имѣющихся на германскомъ нарѣчій, онъ поневолѣ долженъ былъ снова прибѣгнуть къ языку побѣжденныхъ.

— Мобилизованныя войска или франъ-тиреры—всѣ французы, всѣ каналы.

Отъ гнѣва у него ошетинились всѣ волосы на рыжихъ усахъ, и командорскій крестъ, украшенный эмалью, трясся на покрытой орденами груди:

— Я тебя заставлю говорить, негодяй!

Хозяинъ замка пожималъ плечами, онъ нисколько не смутился, видя направленные противъ него дула револьверовъ и сохранялъ спокойствіе и хладнокровіе, несмотря на угрозы улановъ, отъ которыхъ несло виномъ. Въ груди этого торгаша, при видѣ непріятеля, вдругъ оказалось геройское сердце и въ ихъ присутствіи онъ почувствовалъ, какъ сильно оно еще умѣетъ биться. Не успѣвъ добиться отъ него никакихъ указаній, они отвели его въ комнату подвального этажа, подгоняя его ружейными прикладами и оставивъ на его старой грубой кожѣ

нѣсколько цар апинъ. Здѣсь его заперли и изъ предосторожности поставили къ двери часовыхъ. Затѣмъ солдаты разсыпались по дому, осматривали его стѣны и накопняли безмолвные покои брагачаніемъ оружія и шпоръ. Остальные вернулись въ деревню, размѣстились въ ея домикахъ и ломали досчатые заборы, чтобы развести огонь.

У Жакото они устроились даже съ нѣкоторымъ комфортомъ. Домъ у него былъ просторнѣе, да и хозяинъ встрѣчалъ гостей довольно радушно. Они усѣлись за столомъ, какъ у себя дома, разстегнули мундиры, сдвинули картузы на ухо, сушили передъ огнемъ свои сапоги и покуривали изъ своихъ фарфоровыхъ трубокъ. Пока сильно подгулявшіе гости вели между собою оживленную бесѣду, фермеръ, усердствуя и стараясь услужить, перерылъ весь свой погребъ и тащилъ на столъ запечатанные кувшины и запыленные бутылки.

Мало-по-малу обильныя изліянія сдѣлали ихъ сообщительными. Тяжелая атмосфера, пропитанная табачнымъ дымомъ, запахомъ спирта и кожи, сушившейся передъ очагомъ, еще болѣе туманила имъ головы, наполняла низкую комнату сѣроватыми клубами, которые сгущались подъ потолкомъ, гдѣ, вмѣстѣ съ толстыми ломтями сала, висѣли пучки бобовыхъ стручковъ, заготовленныхъ для будущаго постѣва.

Хриплый смѣхъ сопровождался звономъ разбиваемыхъ стакановъ, а тяжелыя остроты пьяной компаніи, на истоверканномъ французскомъ языкѣ, долетали до оторопѣвшаго хозяина вмѣстѣ съ обломками пустыхъ бутылокъ, которыми, въ видѣ любезности, отъ времени до времени запускали въ него гости.

— А вѣдь хозяинъ-то нашъ не на шутку старается. Валий, дружище, опустошай погребъ; меньше придется выносить, когда мы подождемъ твою лачугу.

Они награждали себя громкимъ смѣхомъ и аплодисментами за свои казарменные остроты, которыя, невидимому, казались имъ необыкновенно забавными, и каждый разъ широко оскалывали зубы вплоть до десенъ.

Венсанъ, казавшійся почти блѣднымъ среди всѣхъ этихъ раскраснѣвшихся, полныхъ лицъ, вдругъ всполошился:

— Подождете?.. Что подождете?

А онъ и не понялъ? Вотъ чудакъ-то. Это разсмѣшило ихъ еще больше. Наконецъ, какой-то маленькій офицерикъ, который все время ломался и охорашивался съ граціозностью

обезьяны и говорил по-французски съ аффектаціей бульварнаго франта, соблаговолилъ объяснить ему въ чемъ дѣло.

— Да ради этого мы и пришли сюда, пріятель; деревню вашу подожгутъ съ четырехъ концовъ.

— И вы думаете, что вамъ позволять это сдѣлать?

— Думаемъ.

— Да а, я не доущу!..

Онъ не допустить! Вотъ шутишь-то! Ужь не намѣренъ ли онъ записаться къ нимъ въ командиры? Всѣ снова такъ и покатались; веселье съ каждой минутой возростало, какъ постепенно еврѣйствующая буря.

Черезъ отверстіе въ перегородкѣ просунулась сѣдая голова старика, съ недоумѣніемъ смотрѣвшаго на этотъ странный кутежъ своими воспаленными глазами, казавшимися еще краснѣе среди его блѣднаго лица.

— Что они здѣсь дѣлають?

Старикъ не понималъ хорошенько въ чемъ дѣло. Какъ всѣ эти люди очутились въ его домѣ? Кто отперъ для нихъ погребъ, въ которомъ хранилось вино? Онъ только смутно чувствовалъ, что пирующая компанія объѣдаетъ и опиваетъ хозяевъ, что этотъ кутежъ клонится къ ихъ раззоренію, что эти разбойники истребляютъ, раскищаютъ ихъ добро, накопленное въ теченіе долгихъ лѣтъ.

И вдругъ теперь, послѣ долгаго періода полнѣйшаго равнодушія, скупость, эта послѣдняя страсть крестьянина, проснулась въ немъ съ интенсивностью острой, невыносимой боли. А сынъ его? Зачѣмъ онъ прислуживаетъ имъ съ такимъ подострастіемъ! Такъ вотъ какъ онъ заботится о сохраненіи ихъ общаго имущества!

Венсанъ, у котораго отъ ужаса выступилъ холодный потъ, въ отчаяніи схватилъ себя за голову.

— Какъ быть?.. Что придумать для предупрежденія бѣды?..

Нѣмцы преспокойно продолжали бесѣдовать, чувствуя себя въ самомъ радужномъ настроеніи, и опорожняли кувшинъ за кувшиномъ, закинувъ ногу на ногу и фамиллярно облокотившись на столъ.

О, эти франъ-тиреры! Вотъ тоже еще выдумка! Эти разбойники часу не дадутъ соснуть спокойно. Положительно необходимо дать острастку. Пока не удалось переловить и разстрѣлять ихъ самихъ, рѣшено спалить деревню. Что касается

до жителей, то самых богатых и влиятельных заберут въ качествѣ заложниковъ. Безъ такихъ гарантій обойтись невозможно. Пускай увидятъ, что значитъ позволять этимъ разбойникамъ рыскать и тревожить правильное войско:

Они мирно, беззаботно болтали объ этомъ между собою, какъ о самомъ обыкновенномъ дѣлѣ. Вопросъ о срокѣ сводился къ вопросу о количествѣ недопитыхъ бутылокъ. Вотъ осушать еще нѣсколько стакановъ и затѣмъ подадутъ сигналъ зажигать первые огни. Не успѣетъ пройти и нѣсколькихъ часовъ, какъ все уже будетъ кончено. У нихъ на это самыя формальныя приказанія; остается только съ точностью привести ихъ въ исполненіе. Но тѣмъ же менѣе, пожалуй, еще можно было попытаться кое-что. Мало-по-малу феррьеръ какъ будто прободрился и поднялъ голову. Если въ самомъ дѣлѣ весь сыръ-боръ загорѣлся изъ-за этихъ молодчиковъ... Боязливо озираясь по сторонамъ и какъ будто нѣсколько страшась приступить къ исполненію задуманнаго плана, онъ тихими, кошачьими шагами подошелъ къ столу, гдѣ сидѣли нѣмцы.

Нѣтъ, онъ ни за что не рѣшится... Что-то непреодолимое останавливало его.

Отчего это всё вдругъ смотреть на него? Неужели его черныя замыслы такъ ясно написаны у него на лицѣ? Онъ стоялъ въ нерѣшительности, не зная идти-ли впередъ или отступить; въ пересохшемъ горлѣ какъ будто что-то застряло. И вдругъ, подервавшись неслышными шагами, онъ очутился посреди нѣмцевъ, стараясь придать твердости своему голосу и понабраться храбрости.

— А что, если-бы вамъ сказали, гдѣ они скрываются?..

Всѣ умолкли. Это предложеніе сразу ихъ отрезвило. Только передъ очагомъ осталось нѣсколько человѣкъ, продолжавшихъ безучастно плевать въ огонь.

— Ты это сдѣлаешь?

Наступила такая глубокая, почти торжественная, тишина, что можно было ясно слышать даже произнесенное Венсаномъ «да», хотя онъ прошепталъ его тихимъ, смущеннымъ голосомъ, который какъ-то странно звучать среди всеобщаго ледяного молчанія; такъ трудно было уловить это «да», что видѣвшееся въ глубинѣ комнаты старое морщинистое лицо принуждено было нѣсколько податься впередъ, чтобы не проронить его.

Не зная, на что рѣшиться, нѣмцы совѣтовались между собою, не вполне вѣря въ искренность предложенія и боясь, не скрывается-ли за нимъ ловушка. Надо быть очень осторожнымъ; быть можетъ это не что иное, какъ западня. Что могло его заставить выдать товарищей? Но маленькій офицерикъ, говорившій по-французски, былъ въ восторгѣ и съ необыкновенной граціей выдѣлывалъ какое-то антраша. Онъ отлично знаетъ французовъ, такъ какъ давно имѣетъ съ ними дѣло; онъ ручается за искренность этого челоуѣка.

— Какой знатный малый! Quel homme çui!

Остальные, видимо охладѣвъ къ своему хозяину, сторонились отъ него, — отъ избытка-ли уваженія или презрѣнія — рѣшить было трудно. Самый молодой офицеръ, едва выпущенный изъ училища, въ очкахъ, съ вышученными, близорукими глазами, выступилъ впередъ и взялся допросить фермера.

— Ты знаешь, гдѣ они находятся?

— Не я одинъ, всѣ здѣсь объ этомъ знаютъ.

— А между тѣмъ никто не хотѣлъ намъ указать ихъ убѣжища.

— Трусы они всѣ, оттого и не указали!

— Ты берешься провести насъ?

— Берусь.

— Что тебя побудило выдать ихъ?

— Я хочу спасти свое имущество.

Удовлетворенный послѣднимъ отвѣтомъ, офицеръ сталъ записывать кое-какія свѣдѣнія относительно характера мѣстности, численности отряда и т. д. Въ комнатѣ продолжала царить тишина; слышно было только шуршанье карандаша, склязлившаго по грубой бумагѣ записной книжечки.

Теперь уже не было никакой возможности отступить, жребій былъ брошенъ, а между тѣмъ у Венсана почему-то морозъ пробѣгалъ по тѣлу. Всѣ эти взгляды, устремившіеся на него съ какимъ-то особеннымъ любопытствомъ, стѣсняли его. Но подъ влияніемъ внезапно мелькнувшей въ его головѣ мысли, румянецъ снова выступилъ на его щекахъ, на лбу опять налились и вздулись жилы и, забывшись подъ наплывомъ проснувшейся ненависти, онъ громко воскликнулъ, какъ будто въ комнатѣ не было никого, кромѣ него:

— Ну ужъ удружу я твоему Пьеру!

Изъ нѣмцевъ никто не обратилъ на это восклицаніе ни ма-

лѣйшаго вниманія. Теперь они суетились, приводили въ порядок одежду, потягивались, чтобы расправить члены, застегивали на себѣ пояса, отыскивали свое оружіе, точили свои маленкіе ножи съ оправленными сталью ножнами; небольшой цыкеть былъ специально назначенъ для присмотра за Венсаномъ. И вдругъ, среди этого всеобщаго гама, возлѣ самой двери раздался крикъ часоваго:

— Кто идетъ?

Человѣкъ, подавшій поводъ къ тревогѣ, былъ дряхлый, выжившій изъ ума старикъ, едва державшійся на обезсилившихъ ногахъ и спускавшійся по ступенькамъ крыльца. Скрестившія передъ нимъ ружья поднялись и онъ побрелъ своею дорогою, пошатываясь и бормоча сквозь беззубыя десна:

— Нужно предупредить крошку.

Въ его глазахъ, не смотря на истекшіе годы, она попрежнему оставалась крошкой.

XIII.

На селѣ царилъ необыкновенный переполохъ. Нѣмцы организовали охоту за франъ-тирерами, готовили настоящую облаву. Начальники отрядовъ, получивъ надлежащія инструкціи, готовились въ путь; всѣ необходимыя для удачи экспедиціи мѣры быстро приводилось въ исполненіе. Тѣмъ не менѣе невозможно было тотчасъ выступать, такъ какъ нужно было выждать приказаніе высшаго начальства, удвоить число разставленныхъ вокругъ деревни часовыхъ, позаботиться о провіантѣ, обезпечить себѣ отступленіе въ случаѣ неожиданнаго нападенія, — а все это требовало не мало времени.

Что касается Венсана, то къ нему былъ приставленъ особый конвой, и каждый разъ, какъ онъ дѣлалъ сколько-нибудь подозрительное движеніе, ему приставляли къ уху дуло револьвера. Поэтому онъ держалъ себя тише воды, ниже травы и имѣлъ достаточно времени, чтобы обдумать свое положеніе. Да, оно было далеко не такъ пріятно, какъ онъ воображалъ. Но нечего дѣлать, приходилось съ нимъ мириться. Какъ-бы то ни было, онъ добьется двухъ очень существенныхъ результатовъ: во-первыхъ, отмстить ненавистному сопернику, и во-вторыхъ — спасти отъ разоренія свое имущество. На средства, къ сожалѣнію, не всегда можно быть разборчивымъ. Да

теперь и разсуждать объ этомъ поздно; отступить ужь все равно нельзя. И съ какой стати онъ вздумалъ тревожиться! Дѣло пойдетъ какъ по маслу. Наши молодчики ничего не подозрѣваютъ, ихъ окружатъ и заберутъ всѣхъ до одного, прежде чѣмъ ктонибудь изъ нихъ успѣетъ пикнуть. И весь лѣсъ-то въ кулакъ величиною, а дорога удобная, безопасная. Только въ одномъ мѣстѣ будетъ нѣсколько боязно проходить,—тамъ, гдѣ между двумя холмами, янется узкое ущелье. Но они до такой степени увѣрены въ невозможности нападенія, что навѣрное не выставили даже часовыхъ на этомъ важномъ пунктѣ. А потомъ, когда все будетъ кончено, и подавно не о чемъ будетъ беспокоиться, нѣмцы не сожгутъ его фермы и оставятъ въ покоѣ такого безобиднаго человѣка, какъ онъ, заботящагося только о своихъ собственныхъ дѣлишкахъ.

А старикъ тѣмъ временемъ тоже шелъ своею дорогою, останавливаясь по временамъ, жестикулируя и принимаясь разсуждать съ какоюнибудь изгородью или межевымъ камнемъ.

Маленькій домикъ Манетты стоялъ на краю узенькой дорожки. Передъ единственнымъ окномъ, въ старомъ кувшинѣ съ выбитыми краями, печально желтѣли листья герани, поблекшіе отъ послѣднихъ инеевъ.

Здѣсь нашла себѣ пріютъ маленькая Жакетта, съ которой старикъ неразлучно провелъ столько лѣтъ. Устроившись въ своемъ новомъ убѣжищѣ, она тотчасъ увѣдомила его объ этомъ. Подойдя къ двери и уже приготовившись постучать, онъ вдругъ остановился, спрашивая себя, зачѣмъ онъ пришелъ, что хотѣлъ рассказать? Мысли его перепутались и въ головѣ царилъ хаосъ. Но она уже узнала его по неувѣренной, старческой походкѣ и по стуку палки, которою онъ обыкновенно ударялъ на ходу по заборамъ и тыкалъ въ стѣны домовъ.

Сквозь широко растворенную дверь онъ увидѣлъ ее, блѣдную, серьезную, но отъ радости не обратилъ на это никакого вниманія, уже ни о чемъ больше не думалъ и только улыбался ей своею бессмысленною, веселою улыбкою.

— Жакетта! Жакетта! Я искалъ тебя...

Она не въ состояніи была говорить, но молча пожимала его руки, между тѣмъ какъ слезы катились по ея щекамъ. А Манетта тѣмъ временемъ суетилась и тараторила:

— Ахъ, Боже мой, вотъ не ожидали-то... господишь Жамото!

Она поспѣшила пододвинуть стулъ и старалась спустить вѣчно засученные рукава своей синей вязанной кофты.

— Чѣмъ прикажете васъ подчивать?

Но старикъ сидѣлъ, задумавшись и видимо старался уловить какую-то мысль, застрявшую гдѣ-то, въ одномъ изъ закоулковъ его отуманенной памяти.

— А вѣдь я что-то собирался сказать тебѣ.

Онъ, казалось, дѣлалъ надъ собою необыкновенныя усилія, потупился и низко опустилъ голову, словно боясь, какъ-бы чтонибудь не отвлекло опять его вниманія; глаза его приняли неподвижно-напряженное выраженіе жвачнаго животнаго, сосредоточенно созерцающаго лежащій передъ носомъ кормъ.

— Ахъ, да, помню... что-то насчетъ Пьера.

— Пьера!..

Однимъ прыжкомъ она очутилась возлѣ него.

— Говорите, говорите скорѣе!

Но онъ все съ тѣмъ-же безпомощнымъ видомъ теръ своими длинными желтыми руками изрытый морщинами лобъ.

— Не могу вспомнить...

Она опустилась возлѣ его стула на полъ и, прижавшись къ его колѣнямъ, умоляла дрожащимъ отъ волненія голосомъ:

— Постараетесь... постарайтесь вспомнить.

И онъ дѣйствительно старался. Губы его шевелились. Поднявъ глаза къ потолку, онъ силился уловить оборванную нить той мысли, которая привела его сюда; но въ памяти воскресали только отрывочныя слова, переплетавшіяся въ безсвязныя, недоконченныя фразы.

— Помоги мнѣ собраться съ мыслями; о чемъ, бишь, я началъ тебѣ говорить?

— О Пьерѣ... Вы говорили о Пьерѣ.

— Ахъ, да.

Онъ взмахнулъ руками, глубоко вздохнулъ и опять помолчалъ нѣсколько времени. Вдругъ онъ всталъ, крѣпко стукнувъ объ полъ своею палкою.

— Ахъ, да! И онъ, и всѣ остальные... Всѣхъ перебыютъ... Вѣдь онъ тамъ теперь продаетъ ихъ всѣхъ!..

— Кто? Боже мой, кто?..

Онъ уставился на нее своими тусклыми глазами, въ ко-

торых вспыхнувшая было на минуту искра сознания, казалась, постепенно гасла.

— Зачѣмъ ты спрашиваешь меня?.. Почему-же я знаю...

Его слабыя умственные силы, повидимому, окончательно отказывались служить ему; послѣднее усиліе сломило скудный остатокъ энергии; онъ весь какъ-то розмякъ и опустился.

Жаклина въ отчаяніи ломала руки. Сидѣть тутъ, возлѣ него, и не быть въ состояніи добиться отъ него хоть одного яснаго слова! Онъ сидѣлъ по-прежнему сгорбившись, не двигаясь, съ отвисшими губами, машинально вертѣлъ костлявыми пальцами свою палку и по временамъ бормоталъ какія-то безсвязныя фразы.

— Важная будетъ трагедія... ни одинъ не улизнетъ... А потомъ подожгутъ деревню... Ну, да мнѣ все равно; вѣдь они и такъ ужъ все растащили у насъ.

Невольно привлеченный теплотою, исходившею отъ очага, онъ ближе придвинулся къ огню и неподвижно смотрѣлъ на пылавшія голени, на чугунную плиту очага, покраснѣвшую подъ пламенемъ, которое охватывало и лизало стѣнки мѣднаго котла, висѣвшаго на крюкѣ. Дѣвушка съ напряженнымъ вниманіемъ вслушивалась въ его рѣчи, тщетно стараясь отыскать въ нихъ какую нибудь послѣдовательную мысль. Слезы все обильнѣе текли изъ ея покраснѣвшихъ, воспаленныхъ глазъ.

Вдругъ старикъ, какъ будто просыпаясь, обратился къ ней:

— Ты плачешь, крошка?.. О чемъ-же ты плачешь?

Рыданія прерывали ея отвѣтъ.

— Ничего не знать!.. Ничего не понимать!.. Развѣ это не ужасно!..

— Да, да, это правда...

Ему больно было смотрѣть на ея слезы. Онъ смутно сознавалъ, что онѣ льются по его винѣ. Онъ сдѣлалъ новое усиліе, уставившись на кипѣвшій котелъ, въ которомъ пѣнилась и клокотала вода.

— Кажется—припоминаю... Слушай...

Она затанла дыханіе и неподвижно сидѣла, раскрывши ротъ, какъ будто для того, чтобы помочь ему говорить.

— Хорошо еще, коли не поздно теперь...

— Поздно?..

Объ этомъ она и не думала. Съ удвоеннымъ, тревожнымъ

вниманіемъ ловила она каждый слогъ; сердце болѣзненно, глухо стучало въ ея груди.

Старикъ говорилъ не торопясь, вспоминая прежде всего о томъ, что его поразило больше всего.

— Они сидятъ тамъ у насъ... Ихъ цѣлая шайка... Погребъ, должно быть, ужь совсѣмъ опорожнили... Такъ и хлещутъ, проклятые... и вообще этотъ негодяй; Венсанъ, самъ помогаетъ имъ грабить наше добро!..

Онъ въ бѣшенствѣ сжималъ кулаки, но все еще не могъ ничего толкомъ рассказать, такъ что всякое терпѣніе должно было наконецъ истощиться.

— Какъ онъ ни старался, а они все-таки хотѣли поджечь домъ... И знаешь, что онъ тогда придумалъ?

Старикъ засмѣялся какимъ-то страннымъ, жалобнымъ смѣхомъ; глубоко ввалившіеся глаза его, выглядывавшіе изъ-подъ нависшихъ, длинныхъ бровей, стали наливаясь кровью.

— Славная выдумка, нечего сказать! Въ мое время шли на смерть, да не выдавали товарищей. Непрѣтеля поджидали съ косами да съ вилами, коли не было другого оружія; а теперь стало проще. Когда онъ появляется, съ нимъ бражничаютъ, любезятъ передъ нимъ и, чтобы задобрить его, продаютъ ему кровь своихъ братьевъ!..

Манетта вся затряслась и упала на колѣни.

— Боже милосердый! Да возможное-ли это дѣло?!

Жаклина смотрѣла на старика широко раскрывшимися отъ ужаса глазами. Онъ поднялся съ своего мѣста и крикнулъ грознымъ, негодующимъ голосомъ:

— Венсанъ измѣнникъ!.. Венсанъ ведетъ ихъ. А я дожилъ до восьмидесяти лѣтъ, чтобы передъ смертью увидѣть такой позоръ!

Выпрямившись во весь ростъ, онъ стоялъ посреди маленькой комнатки, но вдругъ опять опустился и сторбился; на сухихъ, лихорадочно горѣвшихъ глазахъ навернулись слезы.

Сквозь растворенную дверь видны были поля, уныло тянувшіяся и какъ-будто дрожавшія отъ холода подъ свинцовымъ, осеннимъ небомъ. На синеватомъ фонѣ живыхъ изгородей рыжики пятнами выдѣлялись поблекшіе листья; въ сѣромъ воздухѣ кое-гдѣ медленно тянулись стаи продрогшихъ перелетныхъ птицъ. Старикъ указалъ рукою на окутанный туманомъ далекій лѣсъ.

— Время не терпит... бѣги скорѣе... Ты вѣдь молода. Иди полями, напрямки... Ихъ нужно предупредить. Я-бы и самъ пошелъ, но вѣдь туда не близко; да и старъ ужъ я...

Онъ весь дрожалъ и осунулся, какъ будто изнемогая отъ усталости; мысли занутились и сознание быстро замѣнилось прежнимъ тупымъ равнодушіемъ. Она нѣжно обвила его руками и подставила лобъ для поцѣлуя.

— Прощайте...

Но при этомъ словѣ сердце ея скалось, какъ будто что-то порвалось въ немъ; слезы снова брызнули изъ глазъ, и она прильнула къ нему, опустивъ голову на его плечо.

— Можетъ быть, мы уже не увидимся... можетъ быть это въ послѣдній разъ...

— Полно... полно... Не мѣшкай...

Ея волненіе не вызвало въ немъ никакого отголоска. Онъ спокойно глядѣлъ ей вслѣдъ, пока она не скрылась въ туманѣ. Затѣмъ онъ побрелъ домой своею обычною нетвердою поступью, погрузившись въ прежнее идиотское равнодушіе и едва обращая вниманіе на множество военныхъ, толпившихся на улицѣ села.

XIV.

Плотно закутавшись въ свою маленькую шаль, Жаклина быстро шла впередъ, переѣбая поля, пробираясь вдоль межей, раздѣлявшихъ вспаханныя поля. Однообразная зелень луговыхъ мѣстами прерывалась полосами, поросшими свеклою, наполовину выступавшею изъ земли темнозелеными листьями, разрисованными красными жилками.

Деревня постепенно исчезала изъ виду.

Бѣлая колокольня, казавшаяся необыкновенно стройною и высокою среди неуклюжихъ сѣрыхъ крышъ, какъ будто приплюснутыхъ къ землѣ у ея основанія, также видѣлась все болѣе и болѣе смутно. Кое-гдѣ попадались деревья съ увядшею отъ лѣтнихъ жаровъ листвою. Пожелтѣвшіе, покоробившіеся листья, казалось, готовы были слетѣть при первомъ порывѣ бури. А тамъ, темною полосой, прерываемою большими желтыми пятнами, тянулся лѣсъ, вершины котораго образовали на горизонтѣ длинную зигзагообразную линію.

Гарроды уже едва видѣлись и казались сплошною мас-

сою, широкимъ пятномъ посреди пестрой пелены полей, какъ будто составленной изъ разноцвѣтныхъ лоскутковъ. Вкругомъ уже начиналась лѣсная опушка съ корявымъ, покрытымъ лишаями дубнякомъ, съ взмокшею почвою, поросшею короткою травой, на которой слизьяки оставляли длинные, блестящіе слѣды; а дальше начинался настоящій лѣсъ, мрачный, безмолвный, казавшійся еще болѣе печальнымъ среди осенней природы; деревья уныло понурили свои пожелтѣвшія вѣтви, на которыхъ блестяли дождевыя капли и щебетали сороки, точившія себѣ клювъ о древесную кору; подъ ногами на каждомъ шагу хрустѣли обвалившіяся сухія вѣтви.

Она шла запыхавшись, не переводя духа взбираясь по склонамъ, отыскивая дорогу по слѣдамъ потухшихъ костровъ, обугленныхъ головней, покинутыхъ среди черноватой золы.

Но вотъ она вступила въ каменистое ущелье, по которому вела узкая дорога, пробиравшаяся между двумя высокими холмами. Глубокая лощина была какъ будто стиснута горами, замыкавшими въ этомъ мѣстѣ горизонтъ. Съ каждой стороны дороги изъ скалъ сочилась вода и журчали ручейки, которые лѣтомъ незамѣтно терялись между переплетавшимися корнями деревьевъ, но съ каждою осенью разливались и превращались въ шумные потоки, стремительно низвергавшіеся въ ущелье и увлекавшие со склоновъ взмокшую, размякшую почву.

По мѣрѣ того, какъ она приближалась къ цѣли, сердце ея билось все сильнѣе. Въ лѣсу кругомъ видны были слѣды порубки; среди лѣсной прогалины выступили бѣлыя стѣны большой фермы, въ которыхъ были пробиты бойницы. А вокругъ нея суетились люди въ коротенькихъ, узкихъ мундирчикахъ, обтрепанныхъ и полинявшихъ отъ дождя; мѣстами расхаживали часовые.

— Кто идетъ?

Пройти такъ просто, безъ пароля, было не легко. Пришлось вступить въ переговоры, объясняться, а между тѣмъ время уходило, и Венсанъ, быть можетъ, уже приближался. И орда, которую онъ велъ, могла каждую минуту окружить отрядъ франкъ-тиреровъ.

Какъ забилось вдругъ ея бѣдное сердце. Вѣдь это Пьеръ смотрѣлъ на нее такимъ холоднымъ взглядомъ, который пронизывалъ ее до глубины души. Да, это онъ, нѣсколько загорѣвшій отъ жизни подъ открытымъ небомъ, съ нѣсколькими вва-

лившимися глазами, свидѣтельствовавшими о недавнемъ утомительномъ переходѣ, о ночахъ, проведенныхъ на голой землѣ.

— Вы здѣсь, Жаклина?

— Да, я.

Голосъ ея прерывался отъ волненія. Она чувствовала себя бессильною передъ суровымъ взглядомъ этихъ жестокихъ глазъ.

— Я пришла... Пьеръ, спасайтесь скорѣе... Сейчасъ придутъ пруссаки; они уже въ дорогѣ... Почему знать, можетъ быть путь къ отступленію уже отрѣзанъ!

— Чѣмъ-же это васъ-то можетъ безпокоить?

Онъ презрительно пожалъ плечами и продолжалъ смотрѣть на нее все тѣмъ-же взглядомъ, выразившимъ равнодушіе съ примѣсю сожалѣнія.

— Меня!..

Изъ груди ея вырвался сдвоенный крикъ. Какъ убѣдить его? Какъ побѣдить это невозмутимое равнодушіе. Никогда еще онъ не говорилъ съ ней такимъ надменнымъ презрительнымъ тономъ.

Боже мой! А что если онъ и въ самомъ дѣлѣ уже не любить ея?

— Пьеръ, прошу васъ... Пьеръ, ради вашей матери, которая не переживетъ такого удара!..

— Да развѣ мы не затѣмъ пришли сюда, чтобы умереть?

— Ну, такъ ради меня...

— Ради васъ? Какое-же вамъ дѣло до моей судьбы?

Рѣшившись добиться своего во что-бы то ни стало, она продолжала умолять его смиреннымъ, покорнымъ тономъ. Она робко взяла его за руку и въ отрывочныхъ, безсвязныхъ выраженіяхъ рассказывала объ измѣнѣ Жакото, о грозящей каждую минуту ужасной опасности. Но по мѣрѣ того, какъ она говорила, взглядъ Пьера становился все безжалостнѣе, все оскорбительнѣе и суровѣе.

— И это вы, воскликнулъ онъ, — вы приходите доносить на него? Вы разоблачаете его тайну, его поворотъ!

Она опустила голову и смиренно, робко прошептала:

— Да, я.

— Стало быть въ васъ нѣтъ и слѣда уваженія ни къ самой себѣ, ни даже къ тому человѣку, которому вы отдались?

— Отдалась!.. Я?

— Вы не сумѣли понять, что для васъ человѣкъ этотъ

сталъ священнымъ существомъ, что вы обязаны умалчивать о его слабостяхъ, скрывать его пороки, что вы меньше, чѣмъ кто-бы то ни было, имѣете право доносить на него. Вы поступаете позорно... Такъ вотъ вы какъ его любите?

— Любить... его?

Она подняла голову съ видомъ негодующаго протеста, возмущенная такимъ предположеніемъ. И вдругъ, совершенно преобразившись, она устремила на него взоръ, въ которомъ такъ и свѣтилась, такъ и сіяла страсть. Онъ медленно наклонился къ ней, стыдась своей грубой выходки и уже менѣе сурово спросилъ:

— Такъ кого-же вы любите?

— Кого я люблю!

Теперь она опять колебалась и медлила отвѣтомъ. Но мало-по-малу глаза Пьера начали принимать болѣе мягкое выраженіе. Въ нихъ появилось что-то въ родѣ слабаго луча надежды. Онъ уже не отталкивалъ этой маленькой руки, такъ крѣпко сжимавшей его руку. Поддаваясь все болѣе и болѣе обаянію этого прикосновенія, онъ позволилъ ей ближе придвинуться къ нему, прислониться къ его рукѣ, опереться на его плечо, такъ что губы ея почти касались его уха.

— Кого я люблю?.. Тебя, тебя!..

Зардѣвшись отъ стыда, она низко опустила голову, чтобы скрыть краску, разлившуюся по ея щекамъ. Онъ крѣпко прижалъ ее къ себѣ, взволнованный прикосновеніемъ ея колымавшейся груди, прядей волосъ, колеблемыхъ вѣтромъ и скользившихъ по его губамъ, чувствуя на своей шеѣ ея горячее дыханіе. Сколько блаженства принесла съ собой эта первая минута опьяненія, охватившаго обоихъ сладострастнымъ трепетомъ, соединившаго ихъ одною общаю радостью, заставившаго ихъ забыть про все на свѣтѣ. Вдали клубились облака тумана, густыя стаи скворцовъ наполняли воздухъ шелестомъ листьевъ и рѣзкимъ щебетаньемъ.

— Такъ ты меня обманула?

— Замолчи, не говори объ этомъ.

— Что побудило тебя обманывать меня?

— Оскорбленное самолюбіе, тщеславіе... я и сама не знаю.

Но теперь все кончено; не спрашивай меня.

Не спуская глазъ другъ съ друга, они молча стояли, какъ будто въ забытьи; но вдругъ, увлеченная порывомъ страсти,

такъ долго таившейся въ ея сердцѣ, она прильнула къ нему еще крѣпче и выжолвила своимъ низкимъ голосомъ:

— Да, милый, я люблю, люблю, люблю тебя!

О этотъ поцѣлуй, котораго оба они такъ долго ждали, какъ трепетно слились въ немъ уста. Надъ головами ихъ неслись длинныя ленты тумана, разрывавшіяся подъ дуновеніемъ холоднаго, осенняго вѣтра; въ воздухѣ кружились сухіе листья, пронзительные крики сорокъ рѣзко раздавались въ обнаженномъ лѣсу и, какъ унылое, зловѣщее эхо вторили шопоту влюбленныхъ, такъ странно справлявшихъ свое обрученіе. Но они ничего не слышали. Уже увѣренная въ свое побѣдѣ, Жаклина ласкаясь, шептала ему:

— Развѣ теперь ты хочешь умереть?

— О нѣтъ, я слишкомъ счастливъ, я хочу жить.

— Скажи, ты вѣдь не покинешь меня?

— Никогда. Пускай они приходятъ за тобою сюда; они найдутъ тебя въ моихъ объятіяхъ.

— Вѣдь ты принадлежишь теперь мнѣ, мнѣ одной; ты пойдешь за мною всюду?

— Всюду.

— Ну такъ идемъ-же—пора.

— Идти?.. Куда?

Только теперь онъ мало-по-малу началъ вспоминать, зачѣмъ она пришла.

— Нѣтъ, это невозможно.

— Скорѣе, Пьеръ, время дорого.

— Ты требуешь отъ меня единственной вещи, на которую я не могу согласиться.

Онъ оторвался отъ нея, чтобы освободиться отъ чарующаго вліянія ея близости, и старался стряхнуть съ себя то оцѣпленіе, которое овладѣло имъ подъ вліяніемъ проснувшейся страсти.

— Развѣ ты хочешь, чтобы я неступилъ, какъ низкій трусъ! Развѣ ты могла-бы любить меня, если-бы я пересталъ быть достойнымъ твоей любви?

Объ этомъ она и не подумала; а между тѣмъ онъ былъ правъ.

Но потерять его теперь, теперь, когда онъ сталъ ей еще ближе, еще дороже, когда ихъ охватило трепетомъ взаимной страсти, когда они въ теченіи нѣсколькихъ минутъ забыли

весь міръ, отдавшись своему блаженству! Всѣ надежды ея сразу разбиты. Это было свыше ея силъ. Неумолимая, жестокая судьба, тяготѣвшая надъ всею ея жизнью, преслѣдовала ее даже теперь и покинула его у нея въ ту самую минуту, когда она уже думала, что наконецъ побѣдила всѣ препятствія.

— Стало быть, ты никогда не будешь принадлежать мнѣ.

Съ тоскою она слѣдила за движеніями маленькаго отряда. Принесенная ею вѣсть быстро была сообщена всѣмъ начальникамъ; офицеры поспѣшно собирали солдатъ.

— Въ дорогу, ребята, скорѣе на вышку—мы ихъ встрѣтимъ въ ущельи убійственнымъ огнемъ.

Всѣ засуетились, толкая другъ друга, не зная въ первую минуту, за что прежде всего взяться, наполняя патронташи, снаряжая ранцы. Сіяющій взглядъ Пьера отъ времени до времени устремлялся на молодую дѣвушку, стоявшую нѣсколько въ сторонѣ и озарялъ ее, какъ молнія. Она уже не протестовала, покорившись судьбѣ, невольно поддаваясь въ свою очередь обаянію этого спокойнаго героизма, увлеченная всеобщимъ порывомъ, пораженная тою безпечною, съ которою эти люди готовились къ послѣдному бою. Утѣшившись при мысли, что они вмѣстѣ встрѣтятъ опасность, она повторила себѣ, слѣдуя на нѣкоторомъ разстояніи за батальономъ, пробравшимся сквозь кусты:

— Такая жизнь была-бы слишкомъ большимъ счастьемъ. Хорошо и умереть вмѣстѣ.

Глаза ея снова загорались при воспоминаніи о ихъ недавнемъ счастьи; сердце какъ-то странно билось; грудь дышала шире и глубже; губы горѣли огнемъ перваго поцѣлуя.

XV.

Запасшись въ дорогу всѣмъ необходимымъ, отдохнувъ и отѣвшись, пруссаки тронулись въ путь. Колонна, въ стрѣльномъ порядкѣ, длинною цѣпью потянувшись между вспаланными полями; среди унылаго, туманнаго ландшафта замелькали длинные ряды полинявшихъ, помятыхъ мундировъ и остроколючихъ касокъ.

Во главѣ, подъ строгимъ конвоемъ, шелъ Венсанъ, но уже не прежній Венсанъ, не тотъ щеголь и хвастунъ, который,

бывало, развѣзшалъ по ярмаркамъ съ цвѣтущею миною, съ надменной рѣчью, и побѣдоносно гремѣлъ въ трактирахъ своими подкованными каблуками, не тотъ, который разглагольствовалъ въ базарные дни, широко разставивъ локти, опираясь на свой длинный кнутъ, заломивъ шляпу на затылокъ и потрясая окна кабаковъ могучими раскатами своего громкаго голоса. Онъ вдругъ какъ будто постарѣлъ, ноги отяжелѣли отъ липкой грязи, грязная мокрая блуза висѣла въ дряблыхъ складкахъ и обрисовывала его крѣпкія, мускулистыя плечи, холодный потъ выступилъ на вискахъ, слипшіеся волосы висѣли прямыми, плоскими прядями.

— Смотри, держи ухо востро! Въ случаѣ бѣды ты знаешь, что тебя ожидаетъ!..

Свирѣпыя взгляды пронизывали его до мозга костей и подозрительно слѣдили за малѣйшимъ его движеніемъ. Изъ-подъ закрученныхъ густыхъ усовъ вырывались проклятія и ругательства, смыслъ которыхъ не трудно было угадать. Онъ вытиралъ себѣ лобъ, изнемогая отъ усталости и зловѣщихъ предчувствій.

— Проклятая дорога! Видно ей никогда конца не будетъ!

Онъ часто ѣздилъ этою дорогою съ беззаботнымъ равнодушіемъ довольнаго судьбою человѣка, убаюканный скрипомъ колесъ, погруженный въ спокойное созерцаніе своего счастливаго, обезпеченнаго существованія; полузакрытые глаза сонно блуждали по золотистому полю облаковъ, озаренныхъ послѣдними лучами закатившагося солнца. Кто-бы могъ сказать тогда, что настанетъ день, когда эта дорога покажется ему такою мрачною и зловѣщею подъ унылою пеленою однообразно-сѣраго небосклона.

Какъ невыносимо долго тянулась она между безконечными рядами вязовъ; на далекомъ разстояніи другъ отъ друга по краямъ ея видѣлись верстовые столбики и правильныя кучи камней, сложенныхъ въ видѣ усѣченныхъ пирамидъ.

А тамъ, далеко, какъ суровыя декораціи предстоящей драмы, разстилались темныя волни лѣса. Въ душу невольно проникалъ холодный ужасъ неизвѣстности; въ воображеніи рисовались ожидавшія впереди кровавыя сцены.

Отъ времени до времени — привалъ, а затѣмъ все тоже безнадежно-правильное, автоматическое шествіе, увлекавшее въ

своемъ пассивномъ движеніи этихъ безстрастныхъ, порабощенныхъ дисциплиною людей.

Свернувъ съ большой дороги, отрядъ вступилъ на узкую тропу, извиравшуюся и исчезающую между двумя горами. Здѣсь путниками невольно овладѣвало какое-то гнетущее чувство; небо исчезло изъ виду, надъ головою высились только крутые склоны, усѣянные гранитными глыбами, между которыми кое-гдѣ зеленѣли тощіе кусты.

Нѣмцы остановились; офицеры стали совѣтываться другъ съ другомъ.

— Это и есть настоящая дорога?

— Да, эта самая.

— Ну, дорога, нечего сказать!.. Впрочемъ, вѣдь ты знаешь: при первой-же тревогѣ мы разможемъ тебѣ черепъ.

Трескъ пружины, многозначительное движеніе указательнаго пальца, подкрѣпляли угрозу. Но Жакото все еще храбрился и употреблялъ всѣ усилія, чтобы придать себѣ смѣлости и казаться спокойнымъ.

— Да вѣдь я уже вамъ говорилъ, что бояться нечего! И съ чего-бы я сталъ васъ обманывать? Какая мнѣ отъ этого выгода?

Офицеры тѣмъ не менѣе съ нѣсколько озабоченнымъ видомъ вглядывались въ глубину лоцины, наводили бинокли на молчаливые горные склоны, поросшіе кустарникомъ и увѣнчанные пожелтѣвшими дубами съ рѣдкими, обрубленными вѣтвями. Батальонъ двигался впередъ замедленнымъ шагомъ; развѣдчики, отдѣлившись отъ главной колонны, разсыпались по ущелью; одни изъ нихъ поѣхали впередъ, по дорогѣ, скрывавшейся за выступами горы, другіе взбирались направо и налево по крутымъ ея склонамъ, съ ружьями наготовѣ, внимательно всматриваясь въ лѣсную чащу. Наконецъ, они скрылись, а колонна медленно слѣдовала за ними, начиная мало-по-малу углубляться въ ущелье.

Вдругъ воздухъ огласился трескомъ ружейныхъ выстрѣловъ, въ каждомъ кустѣ вспыхнулъ огонекъ, окрестныя высоты внезапно какъ будто загорѣлись. Попадши въ самый центръ засады, встрѣченные бѣглымъ огнемъ, лошади и всадники падали, словно сраженные молніей, въ глубинѣ долины и скатывались съ крутыхъ обрывовъ.

Авангардъ, сильно порѣдѣвшій, поспѣшно отступалъ и присоединялся къ главному отряду.

— Полуоборотъ!.. Отступай!..

Въ первую минуту поднялась невообразимая суматоха, грозившая превратиться въ панику; но мало по малу порядокъ возстановился. Офицеры совѣтовались, не имѣя точныхъ свѣдѣній о силѣхъ непріятеля, смущенные быстротою и неожиданностью нападешя, понимая всѣ невыгоды позиціи. Отрядъ сомкнулъ свои ряды и началъ отступать, отказавшись отъ опасной экспедиціи, результатъ которой къ тому-же былъ крайне сомнителенъ.

Обливаясь потомъ, задыхаясь не столько отъ усталости, сколько отъ страха, Жакого представлялъ собою до крайности жалкую фигуру.

— Мерзавецъ! Негодяй! Измѣнникъ!

Вмѣстѣ съ ругательствами, на него сыпались со всѣхъ сторонъ пушки и удары. Но онъ ничего не чувствовалъ, обезумѣвъ отъ страха; зубы его стучали, какъ въ лихорадкѣ.

— Кончено... Все кончено!..

Онъ шелъ машинально, въ какомъ-то полузабытѣи, съ тупымъ равнодушіемъ вынося истязанія и оскорбленія освирѣпѣвшихъ солдатъ, которые то и дѣло угощали его ударами кулаковъ и ружейныхъ прикладовъ, перебрасывая его, какъ мячикъ, отъ одного къ другому. Такъ онъ шелъ, противъ воли увлекаемый впередъ мѣрными движеніемъ своихъ палачей.

— Что теперь ждать его?

Вотъ вопросъ, который неотвѣнно преслѣдовалъ его. Едва переводя дыханіе, съ какимъ-то хрипѣніемъ въ горлѣ, дрожа всѣмъ тѣломъ, онъ шелъ впередъ и забывалъ обо всѣхъ ужасахъ этого долгаго шествія, всецѣло поглощенный мыслью о предстоящей расправѣ.

Они уже далеко оставили за собою Каменное ущелье, гдѣ, между поросшими лѣсомъ холмами, вдали отъ родины, снали послѣднимъ сномъ ея храбрые защитники.

Окруженный солдатами, Венсанъ стоялъ истерзанный, жалкій, обезсиленный; мѣстами, сквозь прорѣхи изодранной одежды, виднѣлось его жирное тѣло.

— Что, попался разбойникъ? Ну, теперь расправа съ тобой будетъ короткая!..

Но онъ пресмыкался, умоляя, обливаясь слезами.

— Пощадите!.. смилуйтесь!.. Развѣ я виноватъ?.. Вѣдь я тутъ не причемъ... Пощадите хоть жизнь-то мою; вѣдь вы не

поправите бѣды, если убьете меня... Боже мой, что вамъ за выгода убить несчастнаго, который никому не дѣлаетъ зла?

Онъ плакалъ навзрыдъ, и слезы текли по его искаженному, отталкивающему лицу, смѣшавшись съ грязью и кровью. Солдаты потѣшались имъ, какъ игрушкою, наслаждаясь его ужасомъ и изобрѣтая все новыя оскорбленія и звѣрства.

Какой-то шутникъ сунулъ ему въ руки заступъ и крикнулъ, подбодривъ его сильнымъ ударомъ кулака:

— Будеть тебѣ хныкать, принимайся-ка за работу; пригодишься хоть на то, чтобы вырыть себѣ могилу.

Остальные подгоняли его бранью, криками; громкимъ смѣхомъ.

— Урра! браво!.. Смѣйте! Поворачивайся!..

Не понимая, въ чемъ дѣло, онъ повиновался и машинально принялся копать, выкидывая глину по обѣ стороны ямы. По временамъ онъ пытался передохнуть, обливаясь потомъ, выбившись изъ силъ, но его тотчасъ заставляли снова встать за работу. И онъ наклонялся надъ ямою, которая съ каждымъ ударомъ заступа становилась все глубже и, казалось, тянула его къ себѣ; голова его кружилась, какъ будто передъ нимъ зіяла мрачная, бездонная пропасть.

Черезъ нѣсколько времени онъ опять остановился, но безжалостная толпа съ дикимъ ревомъ, съ проклятіями ринулась на него.

— Живо, живо, поворачивайся!.. Не боюсь, для себя-же работаешь!..

Эта пытка забавляла ихъ, на суровыхъ, злобныхъ лицахъ появились улыбки. Но онъ вдругъ бросилъ заступъ, силы ему измѣнили, въ глазахъ у него помутилось отъ ужасной, безумной мысли.

— Такъ это для меня?..

О, ужасъ! Эта мокрая, мягкая почва, раскрывшаяся передъ нимъ, какъ алчная, черная пасть, готова заживо поглотить его. Не ея-ли холодное прикосновеніе онъ уже чувствовалъ по всему тѣлу; все существо его протестовало противъ этого; жизнь, которая, казалось, сильнѣе чѣмъ когда нибудь закипѣла, заклокотала въ немъ, возмущалась при одной мысли о близкой, неизбежной смерти.

— Нѣтъ, это невозможно... нѣтъ, этого не будетъ... нѣтъ, я не хочу...

Онъ рвалъ на себѣ волосы, глаза его выступили изъ глазницъ, налившись кровью артерій усиленно бились; онъ корчился, упираясь, не замѣчая, что ружейныя дула уже направлены и смотрятъ на него своими черными отверстиями, какъ рядъ злобѣщихъ, грозныхъ глазъ.

— Пли!..

Слабая вспышка, оглушительный грохотъ, а затѣмъ мертвая тишина и трупъ, вытянувшійся на глинистой почвѣ, въ неподвижной, застывшей позѣ вѣчнаго сна.

Обо всѣхъ этихъ низостяхъ, обо всемъ этомъ позорѣ, теперь подъ сумрачнымъ, унылымъ небомъ напоминали только небольшія кучки свѣжей земли, нѣсколькихъ капель крови, запекшихся въ песокъ, стукъ лопаты, торопливо зарывавшей яму, а вдаль—мѣрные шаги батальона; блещущаго своимъ молодецкимъ видомъ, безстрастностью и образцовою дисциплиною.

На высотахъ, господствующихъ надъ Каменистымъ ущельемъ, франъ-тиреры слышали ослабленный разстояніемъ звукъ ружейнаго залпа.

— Опять что-то не ладно. Ужь не вздумаютъ-ли они сунуться еще разъ?

Но пруссаки удалялись, не рассчитывая, повидимому, продолжать наступательныя дѣйствія. Все смолкло. Надъ лѣсомъ снова воцарилась мертвая тишина, только изрѣдка нарушавшаяся шелестомъ крыльевъ хищныхъ птицъ, которыя почему-то въ особенно большомъ числѣ слетались къ извѣстнымъ пунктамъ ущелья.

Ничто уже не грозило потревожить спокойствія часовыхъ, которые расхаживали въ своихъ сѣрыхъ бумазейныхъ курткахъ вокругъ стоянки франъ-тиреровъ.

XVI.

Звуки выстрѣловъ давно уже смолкли, темная ночь спустилась надъ встревоженною мѣстностью. Пьеръ провожалъ Жаклину, такъ какъ при настоящихъ условіяхъ возвращаться одной было небезопасно. Но уже никого не видно было на этой длинной, грязной дорогѣ, изрытой лошадиными копытами, съ глубокими, свѣжими колеями, которыя нѣсколько часовъ тому назадъ были продавлены обтянутыми желѣзомъ колесами фургоновъ. Мало-по-малу окружающая мѣстность снова при-

нимала прежній характер унылаго спокойствія, суровую, безстрастную физиономію поздней осени: обнаженные деревья, простиравшія на сѣромъ горизонтѣ свои тощія вѣтви, воздѣланныя поля, покинутыя или опустошенныя, гдѣ мѣстами, какъ черныя подвижныя точки, виднѣлись вѣроны, да мелкій, надолго зарядившій дождь, который, казалось, окутывалъ всю землю своею холодною, мокрою пеленою.

Всюду — картина разрушенія, оставляемаго за собою арміей.

Но вотъ среди унылаго безмолвія до слуха ихъ донеслось слабое, отдаленное бряцаніе бубенцовъ.

Кто могъ проѣзжать въ такое время по этимъ безслѣднымъ дорогамъ? Вѣроятно, какіе-нибудь бродяги, гоняющіеся за легкою добычею и привлеченные запахомъ недавно пролитой крови.

Пьеръ и Жаклина невольно остановились и прижались другъ къ другу, отыскивая глазами какого нибудь убѣжища. Но кругомъ, среди взмокшей почвы, не видно было ни одной изгороди, ни одного куста, ни одной кочки, за которыми-бы можно было спрятаться.

— Да защититъ насъ Богъ!

Они съ каждымъ мгновеніемъ ожидали увидѣть большую, обтянутую парусиною, телѣгу и въ ней зловѣщія, бородатыя лица прусскихъ мародеровъ. Но мало-по-малу звуки приблизились и изъ-за пригорка, по которому поднималась дорога, появилась маленькая, медленно подвигавшаяся впередъ телѣжка, въ которую былъ запряженъ осель.

По временамъ она скрывалась въ углубленіяхъ почвы, а затѣмъ снова виднѣлась уже яснѣе на вершинѣ слѣдующаго выступа. Облѣпленные грязью колеса вязли въ глинистой почвѣ, и крошечная, несчастная повозка казалась еще болѣе жалкою среди опустошеннаго ландшафта. Мало-по-малу она приближалась, раскачивалась во всѣ стороны, и уже можно было смутно различать сидѣвшія въ ней фигуры.

Когда она, наконецъ, совсѣмъ поровнялась съ нашими путниками, неподвижно стоявшими на краю дороги, двѣ молодыя дѣвушки, сидѣвшія въ этомъ скромномъ экипажѣ, наклонили къ нимъ свои блѣдныя головы, повязанныя попросту платочками.

— Это вы, Пьеръ? Какъ вы сюда попали?

Вигорскія барышни, еще дрожавшія отъ недавнихъ испытаній, взволнованныя до глубины души этою неожиданною встрѣчею, остановились, наклонившись къ бѣглецамъ.

Разговоръ не клеился. У тѣхъ и у другихъ на языкѣ вертѣлось столько вопросовъ, что всѣ молчали, боясь спрашивать. Какая судьба постигла въ это смутное время дорогихъ, близкихъ людей, къ которымъ они спѣшили, не зная найдутъ ли ихъ въ живыхъ? Но, съ чисто женскою чуткостью, молодая дѣвушка уже по одному молчанію Пьера поняла, до какой степени самъ онъ встревоженъ, и потому поспѣшила прежде всего успокоить его.

— Торопитесь, ваша матушка оплакиваетъ васъ.

— О, благодарю; какъ вы добры!..

— Бѣдные родители ваши знаютъ, что была схватка съ пруссаками, и совсѣмъ убиты этимъ извѣстіемъ!..

Какое облегченіе! Съ души словно скатилось тяжелое бремя. Теперь онъ могъ наконецъ свободно вздохнуть, говорить, спрашивать ихъ въ свою очередь.

— А вы?.. Куда-же это вы ѣдете?

— Увы! мы и сами не знаемъ.

А между тѣмъ бѣдныя дѣвушки храбро двинулись въ путь. Да, впрочемъ, въ это тяжелое время, вѣдь, каждому поневолѣ приходилось быть храбрымъ. Подъ ихъ кровлей не оставалось ничего; все было раззорено, расхищено. Работники со страха разбѣжались, лошади и повозка были украдены подъ предлогомъ реквизиціи. Послѣ долгихъ поисковъ, имъ удалось, наконецъ, найти простую телѣгу и осла, такого тощаго и несчастнаго, что, благодаря этому, даже пруссаки имъ не прельстились.

Отецъ ихъ мужественно исполнилъ свой долгъ до самаго конца, и, рискуя быть разстрѣляннымъ, отказался выдать вольные отряды. Впрочемъ, онъ вышелъ изъ этой передѣлки почти невредимымъ, если не принимать въ расчетъ нѣсколькихъ царапинъ; но ему приходилось на своемъ вѣку видѣть и не такіе виды, и теперь онъ въ качествѣ заложника, уже направлялся къ холоднымъ берегамъ какого нибудь ганзейскаго города.

Не теряя хладнокровія и достоинства даже подъ ударами, онъ уложилъ свой чемоданъ, затянулъ ремнями свой дорожный мѣшокъ, поцѣловалъ дочерей, не обнаруживъ при этомъ ни слабости, ни умиленія, и сказалъ, обращаясь къ отряду:

— Ну, теперь въ путь, въ нѣмецкую тюрьму.

Такимъ образомъ онѣ остались однѣ, совершенно подавленные въ первую минуту сознаниемъ своего одиночества, тѣмъ болѣе, что, даже отецъ, вообще не щедрый на нѣжности, покинулъ ихъ съ видомъ равнодушія, какъ-будто привязанность къ дочерямъ не доставила ему ни одной минуты лишней борьбы при исполненіи долга. А затѣмъ, въ то время, какъ его усаживали въ вагонъ, предназначенный для перевозки скота, телѣжка, съ запряженнымъ въ нее осликомъ, въ свою очередь, уныло тронулась въ путь и покатилась въ туманную, холодную даль искать гостепріимнаго крова.

Все это онѣ рассказывали крайне кратко, съ бодрымъ, рѣшительнымъ видомъ, не печалась особенно о собственномъ горѣ въ виду тяжелой бѣды, разразившейся на ихъ глазахъ надъ столькими людьми.

Однако, въ минуту разставанія онѣ какъ-будто дрогнули. Сокровенная мечта, которую обѣ такъ долго лелѣли, которую онѣ прятали въ самомъ потаенномъ уголкѣ своего сердца, мечта, которая внесла въ ихъ безцвѣтную жизнь хоть нѣкоторый лучъ надежды, теперь придавала этой послѣдней разлукѣ еще болѣе печальный характеръ. Все это было кончено, исчезло, рухнуло, подобно всему остальному, и онѣ уѣзжали съ пустымъ сердцемъ, не оставляя послѣ себя ничего, кромѣ развалинъ и забвенія.

Протянувъ руки къ Шьеру и Жаклинѣ, онѣ воскликнули:

— Свидимся-ли мы еще разъ, хоть когданибудь?

И всѣ четверо нѣсколько мгновеній молчали, остановившись среди покрытыхъ туманомъ полей; сердца ихъ невольно сжались, на глазахъ навертывались слезы, въ душу невольно закрадывался страхъ передъ невѣдомыми тайнами будущаго.

Но, какъ-будто устыдившись своей слабости, одна изъ нихъ улыбнулась.

— Идите-же скорѣе. Вѣдь вы знаете, что васъ ждутъ...

Увы! онѣ чувствовали, что не имѣютъ никакого права удерживать его. Онѣ дернули возжи; маленькій осель напрягъ всѣ свои слабыя силы и скривилъ шею, когда почувствовалъ натянутыя удила. Наконецъ телѣжка кое-какъ тронулась съ мѣста.

— Прощайте, monsieur Шьеръ.

Торопливо пожавъ другъ другу руки, путники разстались и направились каждый своею дорогою: однѣ рассчитывали

найти гостеприимный кровъ и приютъ гдѣ нибудь въ монастырѣ или у родственниковъ, а другіе отіравлялись на поиски остатковъ разореннаго домашняго очага.

Мало-по-малу оригинальный экипажъ скрылся изъ виду, потонувъ въ сѣрой сырости, соединявшей небо съ хмурымъ небомъ, и Пьеръ съ Жаклиной продолжали путь по взмокшей дорогѣ, усталые, истощенные, грязные. Отъ времени до времени молодая дѣвушка, съ дѣтства привыкшая къ утомительной работѣ и лишениямъ, останавливалась и спрашивала съ материнскою заботливостью.

— Пьеръ, вы не слишкомъ устали?

— Нѣтъ, я такъ счастливъ! Какое блаженство любить другъ друга!

Пожавъ другъ другу руки и переглянувшись довѣрчивымъ взглядомъ, онѣ продолжали свое шествіе по этой длинной дорогѣ, которая теперь положительно казалась имъ безконечною. Настала ночь, холодная, сырая, туманная, а дорога, уже едва замѣтная, исчезающая во мракѣ, все тянулась и не предвидѣлось ей конца.

Но вдругъ вдали небо какъ-будто начинаетъ свѣтлѣть. Розовое сіяніе поднимается, разливается все шире, воспламеняетъ темную линію горизонта и яркимъ заревомъ освѣщаетъ свинцовыя облака.

Откуда исходитъ этотъ свѣтъ, такъ быстро разлившійся среди окружающаго мрака? Откуда взялся этотъ огненный фонъ, на которомъ такъ рѣзко рисуются очертанія холмовъ.

Еще одно усиліе, и съ вершины ближайшей возвышенности они увидятъ Гарроды. Не смотря на крайнюю усталость, они, задыхаясь, спѣшатъ взобраться по скользкому склону, который, послѣ недавнихъ дождей, кажется круче обыкновеннаго.

Наконецъ, они очутились на вершинѣ, готовясь увидѣть передъ собою на темномъ фонѣ тѣсную кучу маленькихъ домиковъ, почти примыкающихъ другъ къ другу своими сѣрыми крышами. Съ этой точки, бывало, путнику въ первый разъ представлялась заснувшая деревня, въ которой, въ такое позднее время, обыкновенно лишь кое-гдѣ мерцали слабые огоньки.

Но въ этотъ вечеръ вся долина залита огнемъ, каждый домикъ кажется пылающимъ, догорающимъ костромъ. Нѣкоторые, на половину погасшія, чернымъ пятномъ выдѣляются

среди огненного моря, и нигдѣ не видно признаковъ жизни: деревня горитъ среди абсолютной, безлюдной тишины, подѣ тихое шуршанье осенняго дождя.

Что случилось съ тѣми, кого они ищутъ? Что удѣляло изъ всего, что имъ дорого? Подѣ какою грудю развалинъ погребены дорогія для нихъ существа? Ихъ надо искать прежде всего. Передѣ такою бѣдою исчезаетъ усталость, забывается опасность. Они продолжаютъ идти впередѣ. Вокругъ нихъ рушатся стѣны, проваливаются крыши, груды известки и мусора сыпятся со всѣхъ сторонъ, камни летать на улицу, какъ огненный дождь, трескаются стекла, обваливаются перегорѣвшія балки, цѣлыя зданія сразу падаютъ и надѣ свѣжею грудю поднимается облако искращагося пепла. Мельница превратилась въ обгорѣвшую, обуглившуюся развалину; большое колесо неподвижно спитъ, погрузившись въ воду. На поверхности ручья, словно маленькіе пучки перьевъ, плаваютъ нѣсколько забытыхъ утокъ.

Пораженный этимъ зрѣлищемъ, Пьеръ не рѣшается идти дальше. Такъ вотъ во что превратили это жилище, съ которымъ связаны всѣ его воспоминанія! Дорогой пріютъ его дѣтства исчезъ безъ слѣда, и теперь съ трудомъ можно узнать даже мѣсто, гдѣ онъ стоялъ еще такъ недавно. Гдѣ теперь всѣ тѣ, которые жили подѣ этою кровлею?

Жаклина въ свою очередь спѣшитъ къ дому Жако. Онъ одинъ пощаженъ, одинъ остался невредимымъ среди всеобщаго разрушенія и только закопѣлъ отъ дыма горящихъ вокругъ него строеній. Сквозь разбитыя окна съ воемъ врывается вѣтеръ, растворенная дверь зянетъ чернымъ пятномъ, за которымъ при свѣтѣ пожара виднѣются пустыя комнаты. Переступая черезъ порогъ, она задѣваетъ ногою за какой-то предметъ, лежащій на крыльцѣ, передѣ самою дверью.

И штыкъ прусскаго капрала пригвоздилъ къ землѣ неподвижное тѣло безумнаго старика, смотрѣвшаго съ тупымъ равнодушіемъ на первыя вспышки пожара. И теперь онъ лежалъ здѣсь, скорчившись, окоченѣвъ въ своей окровавленной блузѣ, на которой выступили большія бурныя пятна. О, если-бы Венсанъ не спалъ теперь и самъ послѣднимъ сномъ тамъ, въ своей свѣжей могилѣ, съ какою радостью онъ привѣтствовалъ бы это избавленіе. Какъ онъ жаждалъ его! Сколько разъ онъ проклиналъ живучесть старика. Теперь все было кончено, —

кончено навсегда. Дождался, наконецъ, смерти и старикъ Жакото.

Занялось блѣдное утро, а Пьеръ и Жаклина все еще блуждали среди развалинъ. Изнемогая отъ голода и усталости, они не рѣшались прекращать своихъ поисковъ. Оставалась, впрочемъ, еще нѣкоторая надежда; быть можетъ Модэны нашли себѣ убѣжище гдѣ-нибудь въ одной изъ окрестныхъ, пощаженныхъ неприятелемъ деревенокъ. Во всякомъ случаѣ, дальнѣйшіе поиски на пожарищѣ были бесполезны, искать здѣсь было уже нечего.

Они снова пустились въ путь, угнетаемые страхомъ, не рѣшаясь высказывать другъ другу своихъ надеждъ и опасеній, поддерживаемые, ободряемые только тѣмъ великимъ счастьемъ, которое раскрылъ передъ обоими вчерашній день.

Молча шли они по лугамъ, сквозь густой туманъ. Взмокшіе отъ дождя деревья гнулись и шумѣли подъ сильнымъ вѣтромъ. Вдали, въ сторонѣ Ларре, выступали смутныя контуры домовъ. Тонкіе струи дыма поднимались надъ крышами, напоминая о тепломъ очагѣ, вызывая представленіе о конюшняхъ и хлѣвахъ, о полныхъ ясляхъ, о пучкахъ сухой люцерны, свѣшивающихся сквозь рѣшетку тамъ, въ темномъ углу, гдѣ слышится ровное дыханіе дойныхъ коровъ съ розовыми, влажными ноздрями.

О, эти ужасные часы тревожныхъ опасеній, какъ нестерпимо долго они тянутся, какъ удлиняютъ разстояніе!

Деревня еще спала. Кое-гдѣ только изъ оконъ высовывались изумленные, перепуганные лица, съ которыхъ даже сонъ не успѣлъ еще согнать выраженія ужаса. Да и не мудрено, вѣдь бѣда пронеслась такъ близко.

Около сараевъ стоялъ согнанный сюда ночью скотъ, лошади или ослы въ полной сбруѣ, подъ навѣсами пріютились телѣги. И скотъ и люди, размѣстились въ перемѣжку, какъ попало; бѣглецы толпами привалили сюда еще съ вечера, покинувъ родную деревню среди всеобщей паники.

Молодые люди стали стучаться въ двери, и, мало-по-малу, вездѣ показывались полусонныя, любопытныя лица.

— О, да никакъ это Пьеръ и Жакетта!

— Откуда ихъ Богъ принесъ?

— Такъ стало быть васъ не перебили?

— Этимъ Модѣнамъ во всемъ счастье!

Двери растворялись, со всѣхъ сторонъ протягивались руки, теперь всякаго француза встрѣчали, какъ брата.

Вдругъ они увидѣли подъ кровлею большого сарая толпу людей съ блѣдными лицами, на которыхъ рѣзко замѣтны были слѣды бессонной ночи, тяжелыхъ впечатлѣній и усталости. Одни сидѣли, другіе лежали, растянувшись на голой землѣ гдѣ-нибудь въ углу, подмостивши подъ голову немного соломы.

И среди этихъ отупѣвшихъ, осунувшихся фізіономій, Пьеръ тотчасъ узналъ отца, который сидѣлъ, подперши голову объими руками, и Марианну, закутавшуюся съ головой въ большой платокъ.

Впечатлѣніе было поразительное. Всѣ кругомъ молчали; только отецъ съ матерью, не находя словъ отъ радости, заливались слезами при видѣ спасеннаго сына.

— Это мы, мы, твердилъ Пьеръ—живы и здоровы...

Осыпая щеки матери звонкими, радостными поцѣлуями, онъ, отъ-времени-до-времени, шепталъ ей на ухо:

— Матушка, вѣдь ты видишь, что это я.

Но Жаклина, какъ будто застыдившись, стояла въ сторонѣ. Вѣдь ея никто не ждалъ. Она чувствовала, что явилась неожиданной гостьей, для которой никто не сберегъ мѣста. Боясь оказаться лишнею, она инстинктивно удалилась отъ этой семейной сцены. Но Пьеръ самъ подвелъ ее къ матери и какъ-бы взялъ подъ свое покровительство.

— Если-бы не она, у васъ-бы не было сына.

Старуха, дрожа отъ волненія, смотрѣла на нее. Слышны были только звуки подавленныхъ рыданій.

— О, мои дѣти!..

Вотъ все, что она могла вымолвить. Прижавъ ихъ обоихъ къ груди, она молча плакала надъ ними.

Сквозь растворенныя ворота виднѣлся уголъ багроваго горизонта. Это было потухающее зарево отъ послѣднихъ догоравшихъ хижинъ. Передъ картиною этого ужаснаго бѣдствія Пьеру, державшему въ своихъ объятіяхъ мать и Жаклину, стало какъ будто стыдно собственнаго счастья.

Въ опустошенной, изнуренной странѣ, въ эту минуту, всѣ страдали, всѣ ощущали одно и то-же горе, истекали кровью изъ одной и той-же раны, терпѣли одно и то-же униженіе. ■

Онъ подавилъ въ себѣ всякое проявленіе веселія, заставилъ умолкнуть чувство радости и шепталъ, прильнувъ губами къ рукѣ матери:

— Господи, прости намъ наше счастье!

Конецъ.

ЗЛОСТНЫЙ БАНКРОТЪ.

СЦЕНЫ ИЗЪ ПРОВИНЦІАЛЬНОЙ ЖИЗНИ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Перфиль Степановичъ Колпашиниковъ.	}	Купцы.
Алексѣй Александровичъ Балакѣевъ.		
Михаилъ Борисовичъ Кисельниковъ.		
Михей Тимофеевичъ Гамагинъ.		
Василій Петровичъ Вьюгинъ.		
Петръ Васильевичъ Курюкинъ.	}	
Серафима Семеновна, жена Колпашиникова.		
Авдотья Сергѣевна, жена Балакѣева.		
Алексѣй Федоровичъ Баранкинъ, управляющій его.		
Арфеницкій, столоначальникъ въ управѣ и частный ходатай по дѣламъ.		
Румянцевъ, протехникъ.		
Судебный приставъ.		
Исправникъ, Петръ Алексѣевичъ.		
Врадиловъ, солдатъ.		
Аннушка, горничная Колпашиниковыхъ.		

ДѢЙСТВІЕ I.

Кабинетъ въ домѣ Колпашиникова. Налѣво, у окна, письменный столъ, по задней стѣнѣ полка съ книгами. При открытіи занавѣса сцена пуста, за сценой шумъ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Колпашиниковъ и Арфеницкій.—Колпашиниковъ съ бородой, стриженъ гладко, съ лысиной, солиденъ и важенъ. Арфеницкій—старая приказная строга, въ нидьмундирѣ.

Колпашиниковъ (входя въ сильномъ гнѣвѣ, ставитъ шляпу, снимаетъ перчатки). Это на всю губернію скандалъ! Съ какими глазами послѣ этого я могу явиться къ губернатору? (Пауза). Все было такъ прекрасно, губернаторъ отобѣдалъ у меня, остался всѣмъ доволенъ и вдругъ!.. Трахы!.. пожаръ... (Ходитъ въ волненіи).

Арфеницкій. Только-что вѣдь, только успѣлъ отвалить парходъ, и его превосходительство изволилъ приподнять фуражку— и вдругъ набатъ: донъ-донъ-донъ-донъ-донъ...

Колпашиниковъ (останавливаясь). И пароходъ вѣдь, какъ на зло, поплылъ противъ самаго пожара и даже пріостановился. А тутъ вдругъ три дома загорѣлись, пламя такъ и стелеть, такъ и лижетъ... Ну-у, встрѣтили! Скандаль, скандаль... аяй, аяяй!..

Арфеницкій. Нѣтъ, уголовное-бы дѣло завести о поджогѣ го рода, къ судебному-бы слѣдователю этого самаго Гамагина притянуть,—вотъ-бы онъ тогда пиротехнику эту свою прикусилъ.

Колпашиниковъ. Разбойникъ! И вѣдь хоть-бы слово мнѣ, что онъ пригласилъ этого каналью Румянцева фейерверки пускать, и хоть-бы слово! Просто, онъ выхвалиться хотѣлъ передъ губернаторомъ.

Арфеницкій. Право-бы, уголовное дѣльцо... Я-бы сейчасъ и бумажку къ судебному слѣдователю...

Колпашиниковъ. А гдѣ этотъ дуралей Румянцевъ?

Арфеницкій. Онъ здѣсь; какъ вы приказали, такъ я и..

Колпашиниковъ. Что онъ, пьянъ?

Арфеницкій. По видимости нѣтъ, только онъ и всегда точно разслабленный, а тутъ обгорѣлъ еще весь.

Колпашиниковъ. Подай его сюда. (Арфеницкій ухвалтъ).

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ.

Колпашиниковъ одинъ.

Колпашиниковъ. Этотъ Гамагинъ мнѣ просто поперекъ горла... Другъ-приятель, а на пакости-то первый готовъ. (Ходитъ). Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ, его вотъ упечь подъ уголовный, такъ оно, дѣло-то, покойнѣе; а то (остановясь) въ думѣ во всемъ копаются, ко всему придирается, при выборахъ черняки валить, партіи подстраиваетъ. Чортъ знаетъ, что за дрянъ. Спасибо, общество-то еще не тянетъ на его руку; а вотъ теперь на поди!.. Пожаръ по его милости!.. Скандаль, вѣдь, скандаль.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТІЕ.

Колпашиниковъ и Арфеницкій съ Румянцевымъ.

Румянцевъ одѣтъ въ старое изодранное пальто, панталоны въ сапоги, на шеѣ шарфъ. Лицо черное, усы, брови и волосы опалены, всклокочены, руки обвернуты тряпками.

Колпашиниковъ (грозно наступая и топя на Румянцева). А, такъ вотъ ты гдѣ ракалія... поджигатель!

Румянцевъ. Никакъ нѣтъ... Ни Боже мой!

Колпашиниковъ. Ты города поджигать, ты разбойничать! Да знаешь-ли, ракалія, что я тебя, поджигателя, въ Сибирь сейчасъ-же могу...

Румянцевъ. Даже вотъ ничего неповиненъ.

Колпашиниковъ. Я тебя, поджигателя, на каторгу!.. къ тачкѣ тебя, разбойника, прикую...

Румянцевъ. Вся власть ваша, а только ни... ни... (Плачетъ). Когда, значить, я домъ свой, имѣнье все свое... и... и... и... (становится на колѣни). Что-же теперь остается?

Колпашиниковъ (смяченный). Какъ-же ты осмѣлился безъ дозволенія?

Румянцевъ. Нѣтъ, я васъ убѣдительно прошу... Что-же теперь остается... Самъ я обгорѣлъ... домъ у меня сгорѣлъ... (Плачетъ). Куда я съ ребятишками?..

Колпашиниковъ (сидясь). Что ты орешь-то! вотъ я тебя сейчасъ на съѣзжую.

Румянцевъ. Вся власть ваша, только прикажите положить меня въ больницу, потому я обгорѣлъ; у меня и руки, и глаза и... Вылечите меня, а подъ конецъ того, куда хотите, — хоть въ Сибирь... хоть къ тачкѣ—вся власть ваша.

Колпашиниковъ. Да ты пьянъ.

Румянцевъ. Невозможно этого быть.

Колпашиниковъ. Да что ты мнѣ разговариваешь; пьянъ, говорю я тебѣ!

Румянцевъ. Какъ-же я могу быть пьянъ, когда, значить, Михай Тимофеичъ мнѣ ни копѣйки... (встаетъ и показывая на Арфеицкаго) Вотъ извольте спросить.

Колпашиниковъ. За что-же тебѣ Михай Тимофеичъ будетъ деньги давать?

Румянцевъ. Какъ за что? А фейверокъ?.. бураки, ракеты, римскія свѣчи...

Колпашиниковъ. Да ему-то что-же до этого?

Румянцевъ. Когда онъ, значить, приказалъ мнѣ и распорядился, чтобы все въ лучшемъ видѣ было, — долженъ я былъ стараться или не долженъ?

Колпашиниковъ. Ничего не понимаю... что ты тутъ врешь?

Румянцевъ. Все единственно, — призываете вы меня: «Румянцевъ, такъ и такъ, фейверокъ къ такому-то часу!»... Долженъ я приказанье ваше слушать или не долженъ?

Колпашиниковъ. Слѣдовательно, тебѣ фейверокъ Михай Тимофеичъ Гамагинъ заказалъ?..

Румянцевъ. Истинно вѣрно: Михай Тимофеичъ.

Колпашиниковъ. А у начальства ты спросился: у меня, у исправника?

Румянцевъ. Не приказано мнѣ было этого.

Колпашиниковъ. Какъ не приказано?

Румянцевъ. Михай Тимофеичъ не приказалъ: «не смѣй, говорить, ни кому говорить и ни кого не спрашивайся, а валяй, говорить, въ мою голову, потому, говорить, я самъ начальство не меньше головы... и сохрани, говорить, все въ тайности»

Колпашниковъ. А, такъ вотъ что! Арфеницкій, слышишь?

Арфеницкій. Я давно вамъ докладывалъ; подъ уголовный самое настоящее дѣло.

Колпашниковъ. Отчего-же пожаръ-то произошелъ?

Румянцевъ. Опять же въ этомъ я непричиненъ; я говорилъ Михай Тимофеичу, что на крышѣ будетъ не подвольно, а онъ заладилъ—съ крыши да съ крыши пускать, и кончено дѣло... развѣ съ нимъ сговоришь.

Колпашниковъ. Почему-же съ крыши?

Румянцевъ. Прямо чтобы на пароходъ... Какъ, говорить, пароходъ отвалить съ губернаторомъ, такъ прямо въ пароходъ валяй. Конечно, дѣло вышло-бы превосходно, потому пароходу что сдѣлается?—никакого чорта онъ не боится: порсулъ и маршъ, только его и видѣлъ, а ракеты, промежду тѣмъ, передъ нимъ шпыняли-бы... Это очень чудесно, только вотъ эта незадача-то...

Колпашниковъ. Какая незадача?

Румянцевъ. А вотъ извольте прислушать: годовъ пятнадцать назадъ городничій былъ у насъ, господинъ Бубенцовъ. Строгий былъ городничій,—сейчасъ чтобы, говорить, были на всѣхъ крышахъ, на конькѣ, у трубы, поставлены кадки съ водой, на счетъ пожарнаго случая. Тогда всѣ и поставили кадки.

Колпашниковъ. Да мнѣ-то что до этого за дѣло?

Румянцевъ. А извольте слушать къ чему дѣло клонить. Кадки эти тогда вскорѣ пошвыряли всѣ, а подмостки-то и посейчасъ остались. Я съ подмостковъ-то и хотѣлъ ракеты пускать;—самъ на подмостки, а ракеты-то подъ подмостки положилъ. Какъ только первую ракету зажигаю, а подмостки-то, надо полагать, подгнивши, и подомись подо мной... А у меня въ одной рукѣ свѣча... Я значить, на бокъ, а свѣча-то въ ракету угодила, и пошла стрѣльба... Я, было, тушить, а у меня изъ-подъ рукъ-то и зачало рвать ракеты: то на ту крышу угодить, то на другую, и пошла катать. Какъ ужъ съ крыши-то свалился,—и не помню; очнулся какъ меня отъ дому-то потащили, когда уже онъ обнялся весь въ огнѣ.

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Тѣ же и Гамагинъ.

Гамагинъ (въ дверяхъ). Дома?

Колпашниковъ. Милости просимъ.

Гамагинъ. Имѣю честь поздравить.

Колпашниковъ. Съ чѣмъ?

Гамагинъ. Какъ, батенька, съ чѣмъ? Съ наградой-съ, — съ медалью. Вѣдь всѣ слышали, какъ губернаторъ обѣщалъ представить васъ въ медали. Да что-жь, вѣдь и стоитъ; я первый скажу: вполне стоитъ.

Колпашниковъ (въ сторону). Лисій хвостъ подпустилъ, да вретъ, не надуетъ (къ Гамагину). Благодаримъ на добромъ словѣ, только теперь, признаться, не до наградъ, о пожарѣ теперь рѣчь идетъ у насъ.

Гамагинъ. Да, да, да, пожаръ все дѣло испортилъ, — такъ не во-время, такъ не во-время... И скажите пожалуйста, вѣдь какая вдругъ штука, — отчего бы это такое, что тому за причина?

Колпашниковъ (указывая на Румянцева). Да вотъ человекъ показываетъ, что причина этому пожару — вы.

Гамагинъ. Я!.. Господи помилуй! (Къ Румянцеву). Да что ты, совсѣмъ до бѣлой горячки дошелся, что-ли?

Румянцевъ. Какъ-же такъ, Михей Тимофеичъ? Вы-же вѣдь мнѣ приказали фейверокъ изготовить и съ крыши пускать.. Я еще докладывалъ вамъ, что съ крыши неподвольно и опять опасно, а вы сказали, — «валяй въ мою голову».

Гамагинъ. Вотъ, не угодно-ли! (Къ Колпашникову). Ну, только вы меня извините, Перфиль Степановичъ, вы на сей разъ маленько сами ошибку сдѣлали.

Колпашниковъ. Я то тутъ при чемъ?

Гамагинъ. Неоднократно я вамъ говорилъ, что (показывая на Румянцева) это человекъ сумнительный, что этому человеку спускать ненадобно, а надобно его въ тигулевкѣ выдерживать. Вѣдь говорилъ неоднократно? Сознаться, говорилъ?

Колпашниковъ. Ну-съ, такъ что-же-съ?

Гамагинъ. А то-же-съ: видите, до чего дѣло-то доигралось. Дошелся человекъ до бѣлой горячки и теперь вотъ даже именитыхъ купцовъ, можно сказать, къ Сибири везеть... Вотъ что-съ... Это, извините, намъ обидно-съ. Конечно, вы теперь насковозъ, можно сказать, этого каналью понимаете и, надѣюсь, по моей покорнѣйшей просьбѣ, прикажете его отправить на недѣлю въ арестантскую, чтобы клопы-то тамъ изъ него запойную-то горячку его высосали. Такъ вѣдь это понимаете вы, потому что вы человекъ умный. А случись, наскочи онъ на дурака на какого, — вѣдь долго-ли до грѣха, — пожалуй и повѣрять. Какая каша-то заварится изъ этого. Подумайте!

Румянцевъ. Позвольте, Михей Тимофеичъ. Ну, я въ бѣлой горячкѣ, а зачѣмъ-же вы вчерашняго числа со мной въ лавкѣ у Мавжетникова матерьялы для фейверка покупали, спрашивали, че-

го мнѣ нужно, и приказывали Манжетникову отпустить мнѣ и въ вапшъ счетъ записать... Это для чего-съ?

Гамагинъ (къ Колпашиникову). Даже ужаси подобно, до чего у этихъ бѣлогорачешныхъ эта самая (вертитъ вокругъ лба пальцемъ) меланхолія разыгрывается. Я зналъ одного,—гвоздь себѣ въ ребра заколотилъ, ей-Богу: «это, говорить, я дверь навѣшиваю», а самъ молоткомъ по гвоздю-то наяриваетъ; насилу вырвали да связали. А вѣдь съ виду точно и дѣло говорить, и не замѣтишь вдругъ-то, особенно незнакомый. Нѣтъ, ужъ вы пожалуйста, Перфиль Степанычъ, я васъ усердно прошу, вы его сейчасъ-же въ арестантскую, да и связать не мѣшаетъ, дѣло-то покойнѣе будетъ.

Румянцевъ. Былъ я и въ бѣлой горячкѣ разъ, хотъ гвоздей и не вбивалъ себѣ; ну, а теперъ, Михай Тимофенчъ, нѣтъ, не въ горячкѣ я. Конечно, Богъ вамъ судья, всего черезъ васъ теперъ лишень, а только я не въ горячкѣ, и прошу васъ, Перфиль Степанычъ, коли ужъ у Михея Тимофеича настолько совѣсти хватить, прикажите меня къ слѣдователю... А не прикажете, такъ я и самъ уйду.

Колпашиниковъ. Арфеницкій, сведи его къ судебному слѣдователю.

Гамагинъ. Позвольте, Перфиль Степановичъ, я вторично васъ покорнѣйше прошу отправить его въ арестантскую. Что вы затѣваете, помилуйте,—развѣ вы не видите?

Колпашиниковъ (махнувъ Арфеницкому рукой). Ступайте! (Арфеницкій и Румянцевъ уходятъ).

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ.

Гамагинъ и Колпашиниковъ.

Гамагинъ (долго смотритъ на Колпашиникова, подперши руки въ боки). Ты что-же это затѣваешь? Тебѣ подь уголовный судъ меня захотѣлось подвести, въ поджогъ города обвинить вкупѣ съ этимъ оборванцемъ? (Грозитъ пальцемъ). Смотри, братъ, Колпашиниковъ, по себѣ-ли дерево-то затѣялъ рубить... не придавило-бы тебя это дерево-то какъ-нибудь невзначай!..

Колпашиниковъ. Вы, милостивый государь, не забывайте; вы позволяете себѣ и дерзости, и самую наглую клевету и ложь.

Гамагинъ. Какую это такую клевету и ложь?

Колпашиниковъ. Вы сейчасъ имѣли наглость совершенно здороваго челоуѣка выставять бѣлогорачешнымъ и дурачили меня, какъ мальчишку какого-нибудь, стараясь увѣрить, что передо мной сумасшедшій... Это оскорбленіе! Это... это... Богъ знаетъ что такое...

Гамагинъ. Дѣйствительно, послѣ этихъ твоихъ рѣчей, ты выходишь мальчишка. Ежели ты не умѣлъ различить, что я гово-

рилъ не для тебя, а для нихъ, такъ ужъ я, братъ, и назвать тебя не знаю чѣмъ.

Колпашиниковъ. Прошу васъ выйти вонъ, иначе я прикажу вывести васъ.

Гамагинъ. Ну, это покудова стара штука. Михей Гамагинъ самъ сперва всѣхъ вышвырнетъ... Да дѣло не въ томъ; я не ссориться пришелъ, а совѣтъ благой тебѣ дать. Ты хочешь подъ уголовный судъ отдать меня; такъ я тебѣ скажу (оглядываясь), что хотя я, выпивши, вчера и заказалъ фейерверкъ, да вѣдь я старшій воробей, уликъ противъ меня, что я заказывалъ, нѣтъ. Манжетниковъ у меня вотъ гдѣ (сжимаетъ кулакъ). Если онъ посмѣетъ подтвердить показанія этого оборванца, такъ я его до нитки обдеру, несостоятельнымъ сдѣлаю и въ острогъ упрячу. Да вѣдь и тебѣ, смотри, того-же не миновать.

Колпашиниковъ. Какъ... ты!.. меня!.. въ острогъ... Ахъ ты.. вонъ!.. сию минуту вонъ.

Гамагинъ. Не ершись, братъ, не ершись. Не испугайсь, вѣдь, не хлопочи... Ты выслушай сперва. Ты знаешь-ли, кто ты? Ты неоплатный должникъ, злостный банкротъ, вотъ ты кто!

Колпашиниковъ. Я... я неоплатный, я злостный! Ха-ха-ха-ха-ха. Ну, значить, я напрасно и горячился: бѣлая-то горячка не у Румянцева, а у тебя. Я неоплатный!.. Хо-хо-хо-хо! Я копейки расколотой никому не долженъ. Я всю торговлю веду на чистый свой собственный капиталъ,—и я, я злостный, неоплатный должникъ! Ну что-же это какъ не горячка, да еще съ самаго съ сильнѣйшаго черепомъ? До чертиковъ допился, значить, человекъ. Да не ты-ли ужъ и гвоздь-то себѣ въ ребро вколачивалъ, а?.. Или, можетъ, этакая нелѣпица тебѣ тоже въ бѣлой горячкѣ почудилась? Ха, ха, ха!

Гамагинъ. Смѣйся, смѣйся! Просмѣнешься, такъ хохотать станешь. А не знакомъ-ли тебѣ Алексѣй Александрычъ Балакѣевъ? Не выдалъ-ли ты ему вексельковъ,—ты вотъ что мнѣ скажи!

Колпашиниковъ. Что?.. (Пауза). Это не твое дѣло.

Гамагинъ. Покажѣтъ не мое, а придетъ время,—будетъ мое.

Колпашиниковъ. Алексѣй Александрычъ Балакѣевъ настолько высоко противъ тебя стоитъ и настолько честенъ и благороденъ, что не твоему грязному языку замарать его.

Гамагинъ. Ну, да вѣдь другой разъ не душа жеть, а мошна.

Колпашиниковъ. Я не желаю слушать твои грязныя клеветы. Понимаешь?—не желаю!

Гамагинъ. Да я и не клевету, а говорю, что душа-то у него, можетъ, и чиста, да мошна-то пуста. Потому и придется, вѣсто его, расплачиваться тебѣ, господишъ городской голова Колпаши-

ковъ. Понялъ ты меня? Или, можетъ, все еще не доѣкнулся? Такъ вотъ слушай. (Вынимаетъ изъ кармана письмо и читаетъ). «Милостивый государь, Михай Тимофеевичъ! Увѣдомьте меня пожалуйста немедленно, можно-ли получить съ Перфила Степанова Колпашикова три тысячи рублей по векселю, выданному имъ Балакѣву и дисконтированному Балакѣвымъ у меня, такъ какъ дѣла самого Балакѣва настолько плохи, что онъ на дняхъ долженъ объявиться несостоятельнымъ. Вашъ покорный слуга Балниъ.» (Складываетъ письмо и кладетъ его въ карманъ). Понялъ? (Пауза). Что-же ты замолчалъ?.. Ершись, братецъ, ершись, господиный городской голова Колпашиковъ, отдавай подъ уголовный судъ Михея Гамагина, да вонъ его, каналю, гони. Что-же ты опѣшилъ вдругъ!

Колпашиковъ. Не за себя я опѣшилъ, мнѣ бояться нечего, а если и есть въ твоихъ словахъ правда, такъ Алексѣя Александровича жалко, что попался онъ вамъ, пиявкамъ, въ руки.

Гамагинъ. Да не онъ попался, а ты. Онъ-то, братъ, выскользнетъ, не сомнѣвайся; онъ большой корабль и (тычетъ себя въ лобъ) сообразительность тутъ имѣеть. А вотъ ты-то, легка лодочка, захлебнешься, потому, хотя гонору ты и много имѣешь, да дѣла-то дѣлать не умѣешь. Прощай, господиный городской голова! (Идетъ къ дверямъ).

Колпашиковъ. Съ Богомъ.

Гамагинъ. А мой тебѣ послѣдній совѣтъ: натяни свои ты перчаточки, шляпу свою, эту цилиндрию, надѣнь на бекрень, тросточку прихвати, да и ступай ты къ судебному слѣдователю, потуши дѣло-то, что затѣялъ. Не потушишь—самому будетъ плохо...

Колпашиковъ. Уходи, уходи...

Гамагинъ. А то, пожалуй, не ходи лучше, я самъ дойду; — передъ обѣдомъ променажъ сдѣлаю, да предъявлю господину слѣдователю, чтобы онъ этого самого ракетчика, за оклеветаніе меня, упряталъ въ тигулевку. Это дѣло-то вѣрнѣе будетъ. (Уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Колпашиковъ одинъ.

Колпашиковъ. Что-же это такое? Неужели-же Балакѣвъ, этотъ честнѣйшій, благороднѣйшій человѣкъ... Да, нѣтъ, это немислимо, это я и подумать себѣ не позволю. Лжетъ этотъ мерзавецъ безсовѣстно. Развѣ у разбойниковъ совѣсть бываетъ? Разбойникъ на святыню посягнетъ, а нето что на человѣка. Гамагинъ церковь обокралъ и сжегъ, и то совѣсть молчить у него, а ужъ это-то... (Пауза). А если хоть крошка... если хоть крошка, говорю, правды... вѣдь тогда что-же?.. Неужели-же и крошки-то

правды въ его словахъ нѣтъ? (Смотритъ въ окно, противъ котораго поставленъ столъ, за которымъ онъ сидитъ). А, вотъ и самъ Балакѣевъ подхѣхалъ! (Привстаетъ, продолжая смотрѣть въ окно). Нѣтъ, этотъ человекъ солгать не можетъ; вретъ подлецъ Гамагинъ! (Идетъ къ дверямъ и открываетъ ихъ).

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ.

Колпашиниковъ и Балакѣевъ. (Одѣтъ съ изящною простотою и, на первый взглядъ, всею своею особою производить весьма пріятное впечатлѣніе).

Балакѣевъ. Дорогой мой Перфиль Степановичъ! Какъ я жалѣлъ, какъ досадовалъ, что мнѣ не удалось быть здѣсь при губернаторѣ! Сію минуту съ парохода и прямо къ вамъ (береть руку Колпашиникова). Позвольте васъ отъ души поздравить. (Цѣлуетъ его). На первой станціи отсюда нашъ пароходъ встрѣтился съ пароходомъ, на которомъ плылъ губернаторъ, и я успѣлъ перекинуться съ нимъ нѣсколькими словами. Онъ въ восторгѣ отъ васъ и отъ вашей дѣятельности и считаетъ своимъ первымъ долгомъ, сейчасъ-же по пріѣздѣ въ свою резиденцію, представить васъ къ медали. Я такъ радъ, что наконецъ-то ваши труды хоть немного будутъ оцѣнены. Что это вы какъ будто грустны, утомлены, что съ вами?

Колпашиниковъ. Многое... я ужъ и не знаю...

Балакѣевъ. Ахъ, да, этотъ пожаръ... Воображаю, сколько вамъ тревоги! Скажите, неужели это правда, говорятъ тутъ Гамагинъ причиной всего?

Колпашиниковъ. Да, тутъ Гамагинъ многому причина.

Балакѣевъ. Ужасно нехорошій человекъ этотъ Гамагинъ!

Колпашиниковъ. Вообразите, что онъ осмѣлился на васъ наклеветать... Это... это... я не знаю что такое!

Балакѣевъ. Да полно вамъ! Ну стойтъ-ли! Знаете вѣдь, что онъ дурной человекъ, знаете, что правды онъ никогда не скажетъ, къ чему-же разстраивать-то себя...

Колпашиниковъ. Все это знаю, но тутъ не то совсѣмъ. Онъ осмѣлился нагать, что васъ на дняхъ объявятъ несостоятельнымъ.

Балакѣевъ. (Насильственно улыбаясь). Ну, это ужъ слишкомъ...

Колпашиниковъ. Онъ читалъ мнѣ письмо какого-то Бална, въ которомъ тотъ хочетъ предъявить на меня ко взыскаіію одинъ изъ векселей, выданнымъ мною вамъ для вашихъ оборотовъ.

Балакѣевъ. Да, вотъ что...

Колпашиниковъ. Поразмысливъ и увидя васъ, я порѣшилъ, что онъ вретъ, но сначала, признаюсь, во мнѣ все перевернулось.

Балакѣевъ. Хмъ... да... какъ ни горько мнѣ, но я долженъ

сказать вамъ, дорогой Перфиль Степанычъ, что въ его словахъ есть доля правды.

Колпашниковъ (вскакивая). Какъ доля правды, какъ доля!.. такъ вы... такъ...

Балакѣевъ. Успокойтесь, успокойтесь! Неужели вы, въ самомъ дѣлѣ, можете сомнѣваться во мнѣ? Если я сказать — доля правды, это еще не есть правда. Сядьте и выслушайте меня.

Колпашниковъ. (Садясь). Какъ доля правды! Какъ...

Балакѣевъ. Ахъ, какъ вы разстроены... Да успокойтесь, Бога ради! Понимаете-ли, вѣдь все это пустякъ, пухъ! Ногу мнѣ нѣкоторые дурные люди хотѣли подставить, вотъ это что!

Колпашниковъ. Да, ногу подставить... Какъ-же доля правды?..

Балакѣевъ. Конечно, доля правды... Вѣдь вы хорошо понимаете, какъ громады мои торговля дѣла. Ужъ если въ вашихъ небольшихъ дѣлахъ бывають неудачи, которыми пользуются такіе люди, какъ Гамагинъ, и подставляютъ вамъ ногу, — представьте-же, что приходится выносить мнѣ. Опрокинуть мои дѣла, конечно, трудно, но пошатнуть всегда можно... Ужъ я привыкъ къ этому, смѣюсь надъ этимъ, такъ-же какъ и вы смѣетесь надъ всѣми этими глупыми, но безуспѣшными попытками вредить вамъ.

Колпашниковъ. (Успокоиваясь). Да, конечно, послѣ смѣшно бываетъ, а сначала ужасно досадно. Какъ въ прошлый разъ, помните, этотъ Гамагинъ, на выборахъ, подстроилъ мнѣ штуку (сѣется) и самъ-же со носомъ остался, — помните?

Балакѣевъ. Да, да. Тогда вы тоже страшно волновались.

Колпашниковъ. (Совсѣмъ успокоясь и улыбаясь). Конечно, пустяки. (Беретъ сигары). Нѣ угодно-ли?

Балакѣевъ. Позвольте. Теперь дѣло, впрочемъ, посерьезнѣе. Брешъ мнѣ порядочную сдѣлали въ моихъ дѣлахъ.

Колпашниковъ. (Серьезно). Какъ вы изволите говорить?

Балакѣевъ. Я говорю, что настоящая моя повѣзда въ Москву была самая неудачная.

Колпашниковъ. Почему-же-съ?

Балакѣевъ. Безденежье теперь во всѣхъ банкахъ; вездѣ москвичи выгребли къ нижегородской, а у меня, какъ на зло, пятьдесятъ тысячъ платежей скопилось. Плачу въ одинъ банкъ, представляю къ учету новый вексель, — говорятъ «денегъ нѣтъ»; плачу въ другой и представляю вексель, — та-же исторія, и такъ — во всѣхъ. Пятьдесятъ тысячъ заплатилъ, и хоть-бы грошь выдали. Ужасно досадно!

Колпашниковъ. Да-съ, пятьдесятъ тысячъ вынуть сразу изъ дѣла...

Балакѣвъ. Невозможно. Это-то вотъ и дало поводъ къ тѣмъ письмамъ, которыя читаль вамъ Гамагинъ.

Колпашиниковъ. (Безпокойно). Но вѣдь если это такъ продолжится, если, въ виду этимъ слуховъ, банки въ другихъ городахъ сдѣлаютъ такъ-же, какъ и московскіе, вѣдь тогда что-же?.. Вѣдь тогда поневолѣ вы должны будете... (вскакиваетъ, ерошитъ волосы и начинаетъ ходить въ волненіи). Какая гадость-то, какая гадость-то!

Балакѣвъ. Да, неприятно.

Колпашиниковъ. Вѣдь это что-же... Это безъ ножа варѣжутъ... Этакъ всякій богачъ сдѣлается несостоятельнымъ.

Балакѣвъ. Что-же дѣлать! Строй коммерціи очень неусовершенствованъ у насъ.

Колпашиниковъ. Да вѣдь хорошо-съ... Васъ сдѣлаютъ несостоятельнымъ, да вѣдь, кромѣ того, сколько людей имѣютъ съ вами дѣло, — и они должны гибнуть... Да за что-же. Помилуйте! За что-же теперь я-то... Человекъ ни душой, ни тѣломъ, ни даже мышлениемъ не виноватъ, и вдругъ его, ни съ того, ни съ сего, за его-же доброе, разоряютъ, отнимаютъ все...

Балакѣвъ. Вотъ, вы опять выходите изъ себя, и совершенно напрасно! Взгляните вы на дѣло похладнокровнѣе и увидите, что тутъ не только волноваться и выходить изъ себя, а даже терять хорошаго расположенія духа не стоитъ. Садитесь, садитесь, успокойтесь, послушайте меня! Допустимъ даже самое худшее, допустимъ, что меня объявятъ несостоятельнымъ, — что-же вы то тутъ теряете? Если я долженъ, положимъ, максимумъ, двѣсти тысячъ, такъ вѣдь у меня заводы и разныя принадлежности, имущество, матеріалы — стоютъ, минимумъ, четыреста тысячъ. Ну, продадутъ, раздѣлятъ по кредиторамъ — и только, и открывай дѣло снова, и снова кредитъ. Тутъ и думать-то не стоитъ. Знаете святую русскую пословицу: «Капиталь потеряль — ничего не потеряль, кредитъ потеряль — половину потеряль, духъ потеряль, то есть, духомъ упаль — все потеряль». Съ какой-же стати я буду терять самое дорогое, что у меня осталось, — духъ, куражъ, сознаніе собственной силы ума и способностей, когда эти-то качества и помогутъ мнѣ вновь подняться? Я долженъ беречь ихъ, а не растранивать себя по пустякамъ.

Колпашиниковъ. Все это такъ, но для меня-то это очень неприятно. Я никогда не велъ дѣла на кредитъ, дѣло мое маленькое, но чистое, и вдругъ съ меня начнутъ взымать, потянуть къ суду...

Балакѣвъ. Да, поймите-же вы, что не можетъ этого случиться! Искать начнутъ съ меня, а не съ васъ, а у меня есть что взять. Вы-то тутъ при чемъ-же? Вы ограждены вполне моими

обратными векселями, наконецъ — росписками моими, что вы мнѣ не должны ни копѣйки и что по вашимъ векселямъ, учтеннымъ мною въ банкахъ и у частныхъ лицъ, обязать уплатить я.

Колпашниковъ. (Успокоиваясь). Все-таки... Вотъ Гамагинъ...

Балакѣевъ. Позвольте! Вѣдь я теперь совершенно въ вашихъ рукахъ. Если вы начнете искать съ меня по моимъ оборотнымъ векселямъ, вы все взыщете, до копѣйки; если-же-бы я вздумалъ искать съ васъ, вы представляете мои росписки, что вы мнѣ все уплатили! Поймите, что я отдаю вамъ себя совсѣмъ, забабалю, такъ сказать, себя вамъ; вы все можете сдѣлать со мною, и если кому бояться, такъ я долженъ бояться васъ, только однихъ васъ. Но вѣдь я васъ не боюсь; я вѣрю въ вашу честь и добрую безкорыстную душу... За что-же вы-то во мнѣ сомнѣваетесь? За что-же вы задумываетесь, раздражаетесь, какъ-бы не вѣрите мнѣ? Вѣдь это больно мнѣ.

Колпашниковъ. Виновать, Алексѣй Александровичъ! Вы, Бога ради, не обижайтесь на меня; я васъ такъ уважаю, что и въ умѣ и въ помыслѣ никакихъ подозрѣній не имѣю.

Балакѣевъ. И не имѣйте. Это недостойно васъ; вѣрить, такъ ужъ вѣрить вполне. (Достаетъ изъ кармана бумажникъ). Вотъ-съ вамъ на пятнадцать тысячъ вашихъ векселей, которые я оплатилъ, бывши въ Москвѣ. Потрудитесь взять ихъ и выдать мнѣ моихъ оборотныхъ векселей на эту-же сумму.

Колпашниковъ. Хорошо-съ! Теперь, значить, останется у васъ моихъ векселей на пятьдесятъ тысячъ рублей.

Балакѣевъ. (Раскрывая памятную книжку и соображая). Да, такъ. Было на шестьдесятъ-пять тысячъ; сегодня пятнадцать тысячъ выдалъ вамъ оплаченныхъ, — ихъ мы и зачеркнемъ (зачеркиваетъ), — останется на пятьдесятъ тысячъ, — вѣрно.

Колпашниковъ. (Встаетъ и улыбается). Ну, вотъ и хорошо! Теперь меньше осталось. Сегодня пятнадцать тысячъ зачеркнули, а тамъ, современемъ, и всѣ нужно будетъ зачеркнуть.

Балакѣевъ. Современемъ — да. А теперь я попрошу васъ подписать векселей еще на десять тысячъ. Вотъ, я приготовилъ ихъ, и оборотные вамъ тоже; а вотъ и росписка, что эти векселя вы мнѣ оплатили. Потрудитесь ужъ подписать. Я ѣду завтра въ Нижній, нужно будетъ тащить изъ нижегородскихъ банковъ что отняли московскіе.

Колпашниковъ. (Начинаетъ говорить съ трудомъ). Послушайте, Алексѣй Александровичъ! Пять лѣтъ назадъ, когда здѣсь, на Волгѣ, замерзла баржа съ хлѣбомъ и хозяинъ продавалъ его по баснословно дешевой цѣнѣ, такъ какъ деньги нужны были ему до зарѣзу, вы захотѣли приобрѣсти этотъ хлѣбъ и просили меня

помочь вамъ въ этомъ дѣлѣ. Я далъ вамъ на двадцать тысячъ векселей. Такъ?

Балакѣевъ. Да... И я возвратилъ вамъ ихъ въ срокъ. Но вѣдь, вы помните, что, по случаю пожара завода, я понесъ тогда громадные убытки, и сами-же вы, сочувствуя моему горю, предложили переписать векселя.

Колпашиниковъ. Да, это правда. Но вѣдь, согласитесь, что послѣ бывали и лучшія времена, а вы продолжали просить меня о перепискѣ векселей, и вотъ, цифра ихъ, за эти годы, выросла съ двадцати до шестидесяти-пяти тысячъ. Я душевно люблю и уважаю васъ, вѣрю вамъ, но, что хотите, каждый разъ, какъ я подписываю новые векселя, во мнѣ поднимается такая тоска, точно я въ пропасть лечу. Я не законникъ, дѣлъ ни съ банками, ни съ частными лицами никогда не имѣлъ; говорить объ этихъ вещахъ ни съ кѣмъ не доводилось, но что-то всегда говорить во мнѣ, что бѣду я дѣлаю, гибель себѣ строю. Поймите это, Алексѣй Александровичъ, пожалѣйте меня! Ну что-же мнѣ дѣлать, если я не могу... внутренно, всѣмъ существомъ моимъ, не могу этого!

Балакѣевъ. Я не знаю, чѣмъ васъ успокоить; вы такъ взволнованы, что всякіе доводы бесполезны. Скажу вамъ только то, что если вы теперь откажете подписать векселя, то вы сдѣлаете для меня такое зло, что... ну, да словомъ, черезъ васъ,—понимаете, чрезъ васъ,—я сдѣлаюсь банкротомъ...

Колпашиниковъ. Господи спаси... Какъ чрезъ меня?

Балакѣевъ. Мнѣ нужно представить въ нижегородскіе банки къ учету векселя, а векселей у меня нѣтъ. Если вы не дадите теперь векселей, мнѣ нечего и представлять въ банки; слѣдовательно, нельзя занять вновь, чтобъ оправдать текущіе платежи и я долженъ буду поневолѣ объявить себя несостоятельнымъ.

Колпашиниковъ. А если и нижегородскіе банки, такъ-же какъ и московскіе, откажутъ?

Балакѣевъ. (Доставая изъ кармана бумажникъ). Этого быть не можетъ. Въ доказательство, вотъ письмо главнаго воротилы всѣхъ нижегородскихъ банковъ. (Читаетъ). «Милостивый государь, Алексѣй Александровичъ! Изъ письма вашего я вижу, что въ московскихъ банкахъ вы потерпѣли полнѣйшее фіаско; но не падайте духомъ и пріѣзжайте въ Нижній,—все, что можно сдѣлать, я для васъ сдѣлаю. (Подаетъ письмо Колпашиникову). Вотъ смотрите. (Колпашиниковъ смотритъ и возвращаетъ). Слѣдовательно, участь моя теперь въ вашихъ рукахъ, и если я погибну, то,—извините меня,—отъ васъ, отъ вашего отказа подписать векселя.

Колпашниковъ. Что мнѣ дѣлать? (Бросается на стулъ и сиватываетъ голову руками). Господи, что мнѣ дѣлать? Научи, вразуми!

Балакѣевъ. (Кладетъ руку ему на плечо). Подписать векселя, дорогой мой Перфиль Степанычъ, и вѣрить мнѣ, не оскорблять меня недостойнымъ вашей прекрасной души недоувѣриемъ ко мнѣ. (Подвигаетъ къ нему векселя).

Колпашниковъ. Ну, что будетъ, то будетъ! (Встаетъ и беретъ векселя). Я сейчасъ! (Уходитъ).

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ.

Балакѣевъ одинъ.

Балакѣевъ. Молиться пошелъ, положить свои семь поклонъ... И это каждый разъ, какъ приходится переписывать векселя. Однако, въ послѣднее время онъ дѣлается просто невозможенъ: уговариваешь, уговариваешь, точно красную дѣвушку замужь. (Пауза). Д-да-съ. Если въ Нижнемъ не вывезетъ... кажутъ! Нужно поворочать мозгами, чтобы выйти изъ этого дѣла съ честью.

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ.

Балакѣевъ и Колпашниковъ.

Колпашниковъ (подавая векселя). Возьмите!.. Только, Алексѣй Александровичъ, поймите, что я отдаю вамъ всего себя: и состояніе мое, и честь, и доброе имя. Не сдѣлайте меня несчастнымъ!

Балакѣевъ (укладывая въ бумажникъ векселя). Успокойтесь. Перфиль Степанычъ, успокойтесь!

ЗАНАВѢСЪ.

ДѢЙСТВІЕ II.

Комната въ гостинницѣ.

Баранкинъ и Вьюгинъ.

При открытіи занавѣса, Баранкинъ сидитъ и пишетъ.

Вьюгинъ (въ дверяхъ). Алексѣй Александровичъ здѣсь квартируетъ?

Баранкинъ (вставая). Здѣсь, здѣсь, пожалуйста!

Вьюгинъ. А!... Алексѣй Федорычъ! Сколько лѣтъ, сколько зимъ! (осматриваетъ его). Ну, братъ, и сюртукъ обрѣзалъ.—совсѣмъ, значить, изъ мужика въ управляющаго преобразился.

Баранкинъ. Нельзя,—служба! Хозяинъ у насъ любитъ, чтобы все прилично. (Садится).

Вьюгинъ. Что у васъ за экстра такая,—зачѣмъ требовали?

Баранкинъ. Всѣхъ телеграммами вызывали вчера: и Колпашиниковъ долженъ прїѣхать, Курюкинъ вчера еще прїѣхалъ.

Вьюгинъ. Да что за экстра? (вынимаетъ и читаетъ телеграмму): «Обязательно прїѣзжайте завтра; ваше присутствіе необходимо. Балакѣвъ». Что это значить?

Баранкинъ. Значить—прїѣзжайте, да и все тутъ.

Вьюгинъ. Ничего не понимаю. Что у него дѣла какъ?

Баранкинъ. Дѣла туги.

Вьюгинъ. Туги?...

Баранкинъ. Не платить.

Вьюгинъ (вскочивъ). Какъ не платить?...

Баранкинъ. Стало быть, денегъ нѣтъ, такъ и не платить.

Вьюгинъ. Влетѣ-ѣ-ѣ-ль!...

Баранкинъ. Полагать надо, что влетѣлъ, да вѣдь не ты одинъ,—много насъ влетѣло.

Вьюгинъ. Влетѣ-ѣ-ѣ-ль!... (Ходитъ).

Баранкинъ. Много влетѣлъ-то?

Вьюгинъ. Э-э!... (Машетъ рукой). Вотъ такъ загвоздка! Нну... (Садится).

Баранкинъ. Вонъ Колпашиниковъ на шестьдесятъ тысячъ влетѣлъ.

Вьюгинъ. Ну, братъ, и я не остался!

Баранкинъ. Тоже, значить, ошело этого? (Думаетъ). Д-да... Ровно-бы ты и парень-то не промахъ, кажется... Какъ это ты?

Вьюгинъ. Ахъ ты, чортъ тебя побори... а!?

Баранкинъ. Да вѣдь ужъ ладно, —гореваньемъ дѣлу не пособишь. Я вотъ тоже продалъ въ деревнѣ-то надѣлъ свой, да хурду-мурду разную; захотѣлось изъ мужиковъ въ мѣщане. Домъ въ городѣ-то купилъ, да—по усердію своему къ службѣ—тоже въ банкѣ подъ свой векселя взялъ двѣ тысячи... Придется теперь дому-то лишиться.

Вьюгинъ. Ну ты-то съ чего работалъ ему какъ вошь? Платилъ онъ тебѣ семьсотъ рублей въ годъ, а вдругъ... на, батюшка!

Баранкинъ. Повысилъ онъ меня тогда: управляющимъ сдѣлалъ, жалованья девятьсотъ рублей положилъ, а самъ и уѣхалъ. Вѣдь онъ только и дѣлалъ, что ѣздилъ деньги занимать да платить. Уѣхалъ онъ, а я хватъ курить—ни хлѣба нѣтъ, ни денегъ нѣтъ, ни въ долгъ никто не вѣрять... Дѣлать нечего, написалъ векселя, взялъ подъ нихъ двѣ тысячи, купилъ хлѣба и закурилъ. А послѣ и хотѣлъ вырвать, да не тутъ-то было! Каждую копѣйку изъ-подъ руки рвали: тамъ заплати, тутъ переучти, тамъ новый вексель представь, тутъ проценты... да я ужъ и не знаю, — просто голова вкругъ!

Вьюгинъ. Эхъ, ты-ы, простофиля!

Баранкинъ. Ну, баюшка, и ты не отсталъ отъ меня, — на одномъ со мной конѣ-то ѣдешь.

Вьюгинъ. Да не на одномъ конѣ, а хуже далеко: у меня, кромѣ того, что оберуть все вдосталь, да еще, пожалуй, найдутся добрые люди—и въ острогѣ попросятъ посидѣть. Да все-таки мое дѣло совсѣмъ другое. Я торговлю открылъ на Балакѣева деньги: онъ мнѣ десять тысячъ далъ въ кредитъ товаромъ, когда я торговлю-то открывалъ; вѣдь я, что-же, служащій его былъ, а онъ посовѣтовалъ мнѣ самому торговать и кредитъ открытъ. Облагодѣтельствовалъ, такъ сказать, онъ меня тогда.

Баранкинъ. Да, это тоже не всякій сдѣлаетъ.

Вьюгинъ. Положимъ, зналъ онъ меня: пріятелями были; да вѣдь все-таки... (Пауза). Ну, а потомъ, года черезъ два, я поперился,—онъ и попросилъ уплатить ему долгъ-то, позаймствоваться въ банкѣ. Ну, я тогда ужь ознакомился въ банкѣ, — получилъ безъ затрудненія, а съ тѣхъ поръ и пошли мѣняться векселями-то.

Баранкинъ. Да ужь это только-бы одинъ затравить, а тамъ пойдутъ катиться дружка въ дружка.

Вьюгинъ. Только я-то его векселей учиталъ въ банкахъ тысячь на десять, потому по дѣлу мнѣ больше было и не нужно, а онъ моихъ векселей на шестьдесятъ тысячъ учиталъ.

Баранкинъ. Разсчесть...

Вьюгинъ. И надобль онъ мнѣ съ этими векселями такъ, что я ужь ему писалъ, что больше какъ на десять тысячъ мѣняться съ нимъ векселями не желаю. Только пріѣхалъ тогда онъ ко мнѣ, насказалъ чортъ знаетъ чего: и дѣла-то у него миллионныя, и не благородно это будетъ, если я откажу ему въ выдачѣ векселей, и наконецъ, поврежу-то я и ему, и себѣ, ускоривъ паденіе и безъ того натапнутыхъ его дѣлъ... Если его дѣла падутъ, то и мой кредитъ лопнетъ, такъ какъ векселя его нигдѣ не будутъ принимать въ учету... Ну, словомъ, понимаешь, — попалъ я въ такіе тиски, что не вырваться никакъ.

Баранкинъ. Гдѣ тутъ вырваться,—вырваться невозможно. Дѣло торговое: чуть денегъ не хватить, — стоишь машина и потаранить всѣхъ, кто причастенъ. Онъ вонъ у брата родного набралъ на пять тысячъ векселей, — такъ и тотъ выскрестись не можетъ; зять у него, докторъ,—у того тоже на пять тысячъ... да у всѣхъ, у всѣхъ, кто подъ руку попался, набралъ векселей. Всѣ вотъ теперь и плати.

Вьюгинъ. А не платить нельзя?

Баранкинъ. Какъ тутъ не заплатишь? У меня домъ отнимутъ

у другого имущество, а у кого нѣтъ ничего — въ тюрьму пожалуйте... Ну, поневолѣ и внесешь проценты, а вексель перепишешь; банкъ хоть десять лѣтъ будетъ ждать, — ему что? А каково теперь тому-же брату Балажѣва? — и жалованья-то онъ получаетъ тысячу рублей, а тутъ за пять-то тысячъ каждый годъ процентовъ до пяти сотъ рублей подай, да своя семья на рукахъ!

Вьюгинъ. Ну, да вѣдь и самъ Балажѣвъ не минетъ острога-то.

Баранкинъ. Ну, это старуха еще на-двое сказала: либо посадятъ, либо нѣтъ. Если-бы двадцать тысячъ задолжалъ онъ, такъ посадили-бы, а если тысячу триста, такъ посадить-то, пожалуй, и трудновато будетъ, да вотъ увидимъ...

Вьюгинъ. Да гдѣ онъ?

Баранкинъ. Хозяинъ-то? Въ ярманку ушелъ, въ номеръ-то случно, а тамъ и трактиры, и цыганки, и театры.

Вьюгинъ. Теперь дѣло дѣлать нужно, а не цыганомъ слушать.

Баранкинъ. Дѣлаетъ и дѣло, да толку-то не видится, такъ съ горя сегодняшнюю ночь съ Курюкинымъ, должно, покантивали.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ.

Тѣ-же и Колпашиниковъ.

Колпашиниковъ (въ дверяхъ). Здѣсь номеръ Балажѣва? А, Алексѣй Федоровичъ! Вотъ вы гдѣ! (Снимаетъ пальто).

Баранкинъ. Здѣсь, здѣсь, пожалуйста!

Колпашиниковъ. Здравствуйте, Алексѣй Федорычъ! (къ Вьюгину). И вы здѣсь, Василій Петровичъ! Очень рады! (Здороваются). Какими это судьбами!

Вьюгинъ. Такими-же, должно быть, какъ и вы.

Колпашиниковъ. Очень пріятно-съ, очень пріятно-съ, сударь мой! (къ Баранкину). А гдѣ-же Алексѣй Александровичъ?

Баранкинъ. Онъ вышелъ; надо полагать, скоро вернется. Чаю не угодно-ли?

Колпашиниковъ. Пить-съ. Благодарю васъ! На пароходѣ пить; я, вѣдь, сейчасъ съ парохода.

Баранкинъ. А вы, Василій Петровичъ, чайку?

Вьюгинъ. Да, чайку-то не мѣшало-бы тебѣ давно догадаться, потому на желѣзной-то дорогѣ не очень то же разопьешься.

Баранкинъ. Заговорился, извини! (уходитъ).

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ.

Колпашиниковъ и Вьюгинъ.

Колпашиниковъ. Вы тоже сегодня прѣѣхали?

Вьюгинъ. Только передъ вами.

Колпашиниковъ. По желѣзной дорогѣ?

Вьюгинъ. Да вѣдь отъ насъ одинъ путь-то: Волги нѣтъ, пароходовъ нѣтъ.

Колпашиниковъ. (Оглядываясь). Меня телеграммой вызвали экстренно. Не понимаю, что такое...

Вьюгинъ. И меня телеграммой.

Колпашиниковъ. Не знаете — что это такое? Я, признаться, беспокоюсь.

Вьюгинъ. Да-съ, придется побеспокоиться.

Колпашиниковъ. О чемъ беспокоиться, какъ беспокоиться?!

Вьюгинъ. Вы на шестьдесятъ тысячъ, говорятъ, дади Балакѣву векселей?...

Колпашиниковъ. То есть... а... ну что-же?...

Вьюгинъ. Не платить.

Колпашиниковъ (вскочивъ въ сильномъ испугѣ). То есть какъ такъ... да нѣтъ, что вы!...

Вьюгинъ. А то зачѣмъ-же бы онъ вызвалъ насъ? Съ цыганками-то пировать онъ и безъ насъ мастеръ; а вотъ теперь на расплату за эти шеры насъ и вызвалъ. Онъ свое дѣло вкруто понимаетъ.

Колпашиниковъ. Что-же это? Это разбой! Дневной разбой! (Пауза). Да нѣтъ, вы что нибудь не такъ поняли... вы...

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Тѣ-же, Баранкинъ и Авдотья Сергѣевна.

Авдотья Сергѣевна (въ дверяхъ). Вотъ вы гдѣ пребываете! Совсѣмъ насъ оставили, переселились на ярмарку и знать насъ не хотятъ. Да помощи-же, батюшка, раздѣться-то!

Баранкинъ (слѣдуя за ней). Да я радъ радешенекъ, только не знаю, чего помогать-то, — кавалеръ-то я совсѣмъ не дамскій.

Авдотья Сергѣевна. Скажи лучше: мужичакъ крестьянскій. (Баранкинъ хочетъ помочь снять ей пальто). Пусти ужъ, гдѣ тебѣ! Пожалуй, примешься отъ всего усердія, — руку вывихнешь. (Сняла пальто). Вотъ возьми, повѣсь!

Баранкинъ. Это я съ нашимъ удовольствіемъ!

Авдотья Сергѣевна. (Идя къ авансценѣ). А, господа, здравствуйте! Перфиль Степанычъ, вы давно-ли здѣсь?

Колпашиниковъ. Только предъ вами пришелъ, — сейчасъ съ парохода.

Авдотья Сергѣевна. Да вѣдь и я сейчасъ съ парохода, какъ-же мы не видались-то?

Колпашиниковъ. Не знаю-съ. Я на «Самолетъ» плывъ.

Авдотья Сергѣевна. А-а-а... ну, а я на «Дружинъ»...

Баранкинъ. Чаю не желаете-ли съ дороги-то?

Авдотья Сергѣевна. Ишь-ты: чаю! Предупредительность показать желаетъ, а толку нѣтъ.

Баранкинъ (сгѣясъ). Ахъ ты воля Вошія! Поди вотъ, потрафь на этихъ барынь.

Авдотья Сергѣевна. Потрафь, потрафь, — что такое потрафь?

Баранкинъ. Ну, угоди, что-ли, — какъ по вашему-то, по-барски тамъ, или по купечески.

Авдотья Сергѣевна. Да не по-барски, а по-русски, не по-купечески, а по-человѣчески.

Баранкинъ. Ужъ теперъ пошла шпынять.

Авдотья Сергѣевна. Нѣтъ, вы посмотрите на него, господа! Простачкомъ вѣдь прикидывается, а такой сквалыга, что я и не видывала. Бывало, сядетъ въ карты играть, по четверти копейки, такъ вѣдь такъ и наровить, что-нибудь утянуть, а то и приписать.

Баранкинъ. Ахъ, ахъ, ахъ! ужъ и приписать!

Авдотья Сергѣевна. Запрись, запрись! А въ прошліи разъ, помнишь, изловила, — сама изловила!

Баранкинъ. Ошибка!.. ошибку въ фальшу не ставятъ.

Вьюгинъ. Ну, братъ, нѣтъ, Алексѣй Федорычъ, я вижу, ты совсѣмъ виноватъ, тебѣ и прощенья надо просить.

Баранкинъ. И ты на меня! Ну, нѣтъ, такъ ужъ я лучше уйду, — противъ двойхъ мнѣ не выстоять. (Идетъ).

Авдотья Сергѣевна. Постой, постой, постой! (Баранкинъ останавливается). Вѣжливо, очень вѣжливо! Если ты считаешь себя кавалеромъ, такъ хоть-бы мнѣ комнату мою показаль, нужно-же мнѣ оправиться съ дороги-то.

Баранкинъ. Вотъ это я могу. (Показывая на комнату направо). Пожалуйста, прошу поверно! Не взмщайте только, не больно-то у насъ просторно.

Авдотья Сергѣевна. (Идя въ комнату). А чаю прикажи подать.

Баранкинъ. Это сейчасъ. Горничную, можетъ, послать къ вамъ?

Авдотья Сергѣевна. Горничную — да...

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ.

Тѣ-же, Балагановъ и Кисельниковъ.

Авдотья Сергѣевна (идетъ къ Балаганову). Ахъ, Алеша, здравствуй! Что это ты запрошалъ здѣсь? Ужъ я ждала, ждала.

Балакѣевъ. Нельзя, Душа, дѣла!

(Кисельниковъ здоровается съ нею и съ прочими).

Авдотья Сергѣевна. Здравствуйте, Михайло Борисычъ! Извините, я прямо съ дороги, — въ чемъ застали, въ томъ и судите, потому-что милый нашъ (показываетъ на Баранкина) — не дамскій кавалеръ, не могъ мнѣ до сихъ поръ и комнаты показать. (Баранкинъ машетъ рукой).

Кисельниковъ. Что, братъ, Алексѣй Федорычъ, гоненіе претерпѣваешь?

Баранкинъ. Претерпѣваю, Михайло Борисычъ; участь моя такая, чтобы отъ барынь гоненье переносить.

Балакѣевъ (къ женѣ). Ты поди, отдохни съ дороги-то, а мы пока займемся дѣлами: у насъ дѣла важныя. (Провожаетъ ее въ комнату).

Въюгинъ (къ Баранкину). Чаю-то твоего, я вижу, не дождешься, самому нужно распорядиться. (Уходитъ).

Баранкинъ. Сейчасъ я и прикажу, сейчасъ: (Уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Кисельниковъ и Колпашиниковъ.

Кисельниковъ (садясь къ Колпашиникову). Вы сегодня пріѣхали?

Колпашиниковъ. Сегодня; телеграммой, вѣдь, меня вызвалъ Алексѣй Александровичъ, а зачѣмъ — еще не знаю.

Кисельниковъ. Дѣла есть такія, до насъ всѣхъ касаются.

Колпашиниковъ. Да позвольте васъ спросить, Михайло Борисовичъ, правда-ли, что дѣла-то у Алексѣя Александровича... а... а...

Кисельниковъ. Да-съ, дѣла не важныя.

Колпашиниковъ. Говорятъ, не платить.

Кисельниковъ. Да, не платить.

Колпашиниковъ. Какъ-же такъ, Михайло Борисовичъ? какъ-же я-то?.. Вѣдь вы знаете отношенія наши... Я вѣдь и вамъ тоже, по дружбѣ, для вашихъ оборотовъ, выдавалъ векселя... Вы оправдали и возвратили ихъ мнѣ, а вѣдь у Алексѣя Александровича моихъ векселей въ банкахъ на шестьдесятъ тысячъ. Нужели-же мнѣ страдать придется?!

Кисельниковъ. Все можетъ быть.

Колпашиниковъ. Да за что-же... Помилуйте, за что? Вѣдь я доброе дѣло только сдѣлалъ, — изъ дружбы, изъ расположенія, изъ уваженія помочь человѣку. Вы поймите, — не изъ интереса какого, а просто по добротѣ сердечной.

Кисельниковъ. Я понимаю. Да вѣдь что-же дѣлать-то? Кабы зналъ гдѣ упасть, — соломы-бы постлалъ, говоритъ пословица.

Колпашниковъ. Нѣтъ, ужъ тутъ какое-же соломенки постлать; тутъ ужъ выходить...

Кисельниковъ. Вы, впрочемъ, подождите волноваться-то: дѣло-то, полагать нужно, уладится.

Колпашниковъ. Да... такъ вы говорите, уладится?..

Кисельниковъ. Можетъ уладиться, но только при общемъ содѣйствіи. (Зѣваетъ и хватаетъ себя за голову). Э, чортъ возьми, голова трещить, — не выспался.

Колпашниковъ. Что-жъ такъ?

Кисельниковъ. (Улыбаясь). Бутнули вчера малость, собрались въ одномъ злчномъ мѣстѣ, да и позасидѣлись.

Колпашниковъ. Дѣло армарочное.

Кисельниковъ. Да... да нужно было немножко дѣла-то поладить Алексѣя Александрыча, — такъ банковыхъ воротилъ пригласить я провести вечерокъ повеселѣе. (Смѣется). Ахъ, этотъ Курюкинъ, чортъ его возьми, уморилъ со смѣха!

Колпашниковъ. Развѣ и Курюкинъ здѣсь?

Кисельниковъ. Здѣсь... съ цыганками вчера захороводилъ... И что только онъ продѣлывалъ!

ЯВЛЕНІЕ ОЕДЬМОЕ.

Тѣ-же и Курюкинъ, въ дверяхъ.

Курюкинъ. (Отворяя дверь). Мерзавцы...

Кисельниковъ (увидя его захохоталъ). Вотъ онъ, легокъ на поминѣ-то.

Колпашниковъ (въ недоумѣніи). Это что-же такое «мерзавцы»?

Курюкинъ (войдя, поетъ).

Диривенски мужики

Ани просто дураки,

Мерзавцы малина!

Вотъ и малина!

Кисельниковъ (къ Колпашникову). Вчера его цыганка одна съума свела.

Курюкинъ. Стешка!.. Стешка прелесть, какъ она это «веревью, веревью...» то-есть, я вамъ скажу, отдай всё мелкия да и мало еще. Здравствуйте, господа!

Кисельниковъ. Такъ какъ-же, съума свела Стешка?

Курюкинъ. Кого? Меня! Хе-хе-хе... Это, батюшка, довольно трудно.

Кисельниковъ. Почему-же трудно?

Курюкинъ. Потому что ума-то у меня не загуляло. Тутъ

(показываетъ на голову) вѣтеръ больше ходить, да напитки разные пареніе свое даютъ.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ.

Тѣ-же и Балакѣевъ.

Балакѣевъ (взвѣсивъ). О чемъ шумите вы, народные витіи!

Курюкинъ. Чтобъ лепту крупную акциза дать Россіи.

Балакѣевъ. Это хорошо!

Курюкинъ. Нѣтъ, это что! Вы спросите, въ чемъ занодозрилъ меня Михаилъ Борисычъ.

Балакѣевъ. Въ чемъ?

Курюкинъ. Въ пустячѣхъ,—въ уголовномъ дѣлѣ.

Балакѣевъ. Какъ въ уголовномъ?

Курюкинъ. Да-съ, клевету изволить взводить на меня. Вѣдь это, батюшка, тоже... клевета-то какъ съ рукъ сойдетъ: другой разъ за клевету-то вы такъ можете пострадать, что мое почтеніе. Мы законы-то тоже знаемъ,—грамотные, да-съ. Не какіе нибудь, прости Господи, пентюхи.

Балакѣевъ (безпокойно). Да въ чемъ дѣло, господа, скажите пожалуйста.

Курюкинъ. Да какъ-же-съ, помиуйте! Вдругъ клевететь, что у меня тутъ (показывая на голову) умъ есть...

(Общій хохотъ).

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ.

Тѣ-же, Вьюгинъ и лакей съ чайкомъ.

Курюкинъ. (Показывая на чай). А сей сонъ что обозначаетъ?

Вьюгинъ. Чай пить будемъ.

Курюкинъ. (Половому). Поди, поди, милый, поди съ Богомъ!

Лакей. Куда прикажете?

Курюкинъ. Дальше, какъ можно дальше, куда глаза твои глядятъ; спрячь отъ насъ только этотъ твой соблазнъ!

Вьюгинъ. Какой соблазнъ?

Курюкинъ. Помиуйте-съ, — намъ, благообразнымъ, степеннымъ коммерсантамъ, и вдругъ горячими напитками баловаться! Это что-же такое? Кто-же тогда про наше поведеніе хорошее слово сказать можетъ? (Къ лакею). Ступай, милый, ступай съ Богомъ! Если есть у тебя холоденькаго бутылочка, другая — тащи, это не зазорно для насъ. (Показывая на чай). А это, братецъ, срамно, нехорошо, не солидно, понимаешь, не солидно!

Лакей. Шампанскаго, значить, прикажете?

Курюкинъ (заклиная ему ротъ, грозить). Тсссъ... дурья голова,

заоралъ! (Тихо). Шампанскаго, шампанскаго. (Возвысивъ голосъ). Холоднаго подай намъ, мозги наши купеческіе прочистить. Намъ требуется, чтобы сообразительность наша заиграла. (Поворачивая его). А этотъ брандохлысть-то самъ истребляй.

Балакѣвъ (лакею, показывая на комнату жены). Снеси туда.

Вьюгинъ. И я тоже пойду, я чаю еще не пилъ. (Идетъ).

Балакѣвъ (Вьюгину). Вы приходите сюда, нужно посовѣтоваться.

Вьюгинъ. Хорошо. (Уходитъ съ лакеемъ).

Курюкинъ. (Садясь и показывая на уходящаго Вьюгина). Жизнь человѣку надоѣла, дней живота своего не бережетъ. Помилуйте, сырость въ себѣ заводить. Вѣдь эта сырость-то что? — спросите-ка докторовъ. Вѣдь эта сырость-то ядъ-съ. (Къ возвращающемуся лакею). Такъ ты, милота, смотри-же, холоднаго то поскорѣ.

Лакей. Одну или двѣ прикажете?

Курюкинъ. Чѣмъ больше, тѣмъ убѣдительнѣе.

Балакѣвъ. (Къ лакею). Ненужно, ничего не носи!

Курюкинъ. Какъ такъ ненужно?

Кисельниковъ. Сначала дѣло, а потомъ и... (къ лакею). Ступай! (Лакей уходитъ).

Курюкинъ (встаетъ и беретъ шляпу). Съ избраннымъ избранъ будешь, съ нечестивымъ совратишься. (Идетъ къ дверямъ).

Балакѣвъ. Куда-же вы?

Курюкинъ (надвывая шляпу и перчатки). Блаженъ мужъ, иже не иде на совѣтъ нечестивыхъ!

Кисельниковъ. Да будетъ тебѣ балаганничать! Нужно-же вѣдь и дѣло дѣлать!

Курюкинъ. На дѣло я всегда готовъ, во всякую минуту. Вотъ, напримѣръ, обезцѣнивать государственныя бумаги,—это дѣло я лучше всѣхъ васъ могу сдѣлать. Попробуйте сейчасъ, дайте мнѣ вексельный бланкъ въ десять тысячъ рублей, — я его въ минуту обезцѣню: черкну только «купецъ второй гильди, Петръ Васильевъ Курюкинъ», съ надлежащимъ росчеркомъ, и бланкъ ни гроша не будетъ стоить. (Къ Кисельникову). Попробуйте сдѣлать это вы, такъ и не сдѣлаете, головой ручаюсь! А вѣдь у васъ не дѣло, а совѣтъ, такъ вѣдь? Совѣтъ? (Входитъ Вьюгинъ со стаканомъ чая).

Балакѣвъ. Совѣтъ, какъ дѣло устр...

Курюкинъ (церебивая). Позвольте, позвольте... а какъ скоро совѣтъ, такъ я сейчасъ по псалтырю поступаю, какъ меня покойница мать старовѣрка учила: «не иде на совѣтъ нечестивыхъ», — такъ и поступаю.

Вьюгинъ. Такъ нельзя-съ; дѣло это близко всѣхъ насъ ва-

сается, мы всё пострадать можемъ, если не обсудимъ его какъ слѣдуетъ.

Курюкинъ. Вотъ вы и обсуждайте, и пишите, а я приду и подпишу. Напишите въ острогъ Курюкина,—я сейчасъ (пишетъ на рукѣ). «Съ мнѣніемъ согласенъ. Банкротъ, т. е. тѣфу... купецъ второй гильдіи Петръ Курюкинъ». Потому я все это предвидѣлъ: по должности моей члена управы, я наблюдалъ за ремонтомъ острога и тогда еще мѣстечко себѣ облюбовалъ въ немъ, и смотрителю наказалъ, чтобы отнюдь никому, кромѣ меня, это мѣсто не отдавалъ. А отъ совѣщанія увольте на сей разъ вашего друга. (Идетъ къ двери).

Балакѣевъ. Да подождите-же, наконецъ.

Курюкинъ (поетъ):

Служить Ганька, служить Ванька,
Служить дядюшка Ваась,
Наберется много васъ
Безъ насъ... Калина
Вотъ и малина! (Уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ ДЕСЯТОЕ.

Тѣ-же безъ Курюкина.

Колпашниковъ. Да что онъ, пьянъ, что-ли?

Кисельниковъ. Не пьянъ, а такъ расшалился.

Вьюгинъ. Игривое настроеніе духа наше.

Балакѣевъ. Это съ нимъ бываетъ. Впрочемъ, и лучше, что онъ ушелъ: мѣшать не будетъ, а подписать-то онъ, дѣйствительно, все подпишетъ и на все согласится. Такъ приступимте, господа. Садитесь какъ поудобнѣе.

Кисельниковъ. Поставьте столъ-то на средину и усядемся всё вокругъ стола.

Балакѣевъ. Это отлично. (Подходить къ столу. Вьюгину). Помогите, пожалуйста, Василій Петровичъ. (Переносить столъ). Сейчасъ бумаги принесу. (Уходитъ).

Вьюгинъ. (Къ Кисельникову, подставляя съ боку стола стулъ). Вамъ, Михаилъ Борисычъ, предсѣдательское кресло.

Кисельниковъ. Ну нѣтъ, батюшка, благодарю! (Указывая на входящаго Балакѣева). Вотъ ужъ пусть Алексѣй Александрычъ предсѣдательствуетъ. (Балакѣевъ садится бокомъ къ зрителямъ). А я къ нему съ боку подсяду, или вамъ, Перфиль Степанычъ, не желательно ли рядомъ съ предсѣдателемъ сѣсть? (Отодвигая стулъ, показываетъ на него Колпашникову).

Колпашниковъ (все время бывший въ сильной задумчивости, идетъ безсознательно къ столу). Я, господа, такъ пораженъ всёми этимъ,

что рѣшительно не могу ничего сообразить. (Кисельникову). Нѣтъ-съ, нѣтъ, рядомъ я не сяду, не могу. (Опускается на стулъ, съ боку стола, противъ Балакѣева и сжимаетъ голову руками). Ахъ, Боже мой! что-же это будетъ... за что-же это?!

Кисельниковъ. Да успокойтесь! Ахъ, какой-же вы трусъ!

Балакѣевъ. Я-бы попросилъ васъ, Трофимъ Степановичъ, выслушать меня и возвратить мнѣ ваше довѣріе и ваше расположеніе, которое вы утратили ко мнѣ, и, скажу вамъ, положи руку на сердце, — утратили совершенно напрасно. (Пауза). Видитъ Богъ, какъ больно мнѣ видѣть васъ враждебно относящимся ко мнѣ: больно не за себя, а за васъ, потому что вы сейчасъ-же увидите, какъ были несправедливы ко мнѣ.

Колпашиниковъ. Да понимаете-ли вы мое-то положеніе! Потерять все, все: и состояніе, и общественное положеніе, и... можетъ быть... нѣтъ, нѣтъ, я не могу!

Балакѣевъ. Да кто-же вамъ говорить „потерять“? Напротивъ, приобрѣсть, — кромѣ собственнаго дѣла, быть товарищемъ въ моихъ дѣлахъ.

Колпашиниковъ. Какъ?

Балакѣевъ. Да я вѣдь сообщалъ вамъ... (Къ Вьюгину) и вамъ, Василій Петровичъ, о неожиданномъ для меня закрытіи кредита въ московскихъ банкахъ.

Колпашиниковъ. Но вѣдь вы говорили, что это только временно затруднить васъ.

Балакѣевъ. Да оно такъ и есть, и для васъ-то даже лучше вышло. Дѣло въ томъ, что, видя напряженное состояніе моихъ дѣлъ, я счелъ необходимымъ со всею строгою точностію учесть свои дѣла, и вотъ результатъ. (Вынимаетъ изъ портфеля счетъ). Долженъ я триста-пятьдесятъ тысячъ, имѣю четыреста-шестьдесятъ тысячъ. Этотъ счетъ я представлялъ вчера предсѣдателямъ и директорамъ здѣшнихъ банковъ и считаю нужнымъ познакомить съ нимъ и васъ. Вотъ онъ.

Вьюгинъ. Позвольте полюбопытствовать. (Беретъ счетъ и во время слѣдующей сцены вынимаетъ изъ кармана книжку и карандашъ, писать и соображаетъ цифры, прислушиваясь въ то-же время къ разговору).

Колпашиниковъ. Что-же сказали вамъ банки?

Балакѣевъ. Банки, конечно, убѣдились, что я въ состояніи заплатить всѣмъ рубль за рубль, и согласились поддержать мое дѣло. Кромѣ того, благодаря вотъ (показываетъ на Кисельникова) ходатайству многоуважаемаго Михаила Борисовича, они обѣщали, по мѣрѣ возможности, увеличить немного мой кредитъ. Но, въ виду разбросанности моихъ дѣлъ и въ виду того, что мнѣ одному трудно справиться съ ними, они дали мнѣ совѣтъ пригласить въ

мой дѣла компаніоновъ: васъ, Перфиль Степановичъ, васъ, Василій Петровичъ, и Петра Васильича Курочкина, какъ самыхъ крупныхъ моихъ векселедателей и лицъ, знакомыхъ съ нашимъ дѣломъ.

Колпашиниковъ. Да, это конечно ничего.

Балакѣевъ. У всѣхъ васъ склады и другія мѣста продажи, а у меня на заводахъ выкурка спирта, такъ что сбытъ товара насъ не затруднитъ. Вы попрежнему будете вести свои дѣла и вмѣстѣ съ тѣмъ участвовать и въ моихъ, — будете получать условленное между нами вознагражденіе, а прибыли отъ моихъ заводовъ пойдутъ на уплату долговъ.

Колпашиниковъ. Я, съ своей стороны, съ удовольствіемъ.

Балакѣевъ. Петру Васильичу я уже объ этомъ говорилъ; онъ отъ души радъ и вполне согласенъ. Да и какъ не согласиться? Вы будете приобретать отъ меня товаръ изъ первыхъ рукъ, копѣйками десятью на ведро дешевле, нежели до сихъ поръ приобретали. Этимъ самымъ вы миритесь со мною, какъ съ крупнымъ конкурентомъ, и вамъ является возможность повысить продажныя цѣны тоже отъ десяти до двадцати копѣекъ на ведро, то есть получать чистой прибыли вдвое или втрое, чѣмъ до сихъ поръ получали.

Колпашиниковъ. Само собой разумѣется, я радъ и... и... (встаетъ). Мнѣ совѣстно, и я усердно прошу извинить меня... Я такъ былъ разстроенъ. (Идетъ къ Балакѣеву).

Балакѣевъ (вставая). И, полноте, дорогой мой! Обнимитесь и будемте попрежнему друзьями. (Обнимаются и цѣлуются).

Колпашиниковъ. Мнѣ такъ совѣстно, такъ я сконфуженъ... Ради Бога, простите!

Балакѣевъ. Опять! Ахъ, Боже мой! Знаете пословицу: «кто старое помянетъ»...

Кисельниковъ. Тому глазъ вонъ. Совершенно вѣрно. Ну, а что-же Василій Петровичъ углубляется?

Балакѣевъ. Я въ согласіи Василя Петровича такъ-же увѣренъ, какъ увѣренъ въ самомъ себѣ. (Къ Вьюгину). Такъ, Василій Петровичъ?

Вьюгинъ. На этотъ разъ не совсѣмъ такъ.

Балакѣевъ (къ Колпашиникову, съ улыбкой). Онъ шутитъ. онъ увлекся какой нибудь артистической иллюзіей и, ручаюсь вамъ, что и разговора-то нашего не слыхалъ. Онъ шутитъ.

Вьюгинъ. И шутить теперь не время, и иллюзіями увлекаться не могу, потому что увлекся вотъ этой комедіей. (Показываетъ отчетъ). Но разговоръ вашъ, господа. я слышалъ, и прошу васъ позволить мнѣ нѣсколько словъ.

Всѣ. Говорите. (Садятся).

«Дѣло», № 6, 1883 г. I.

Вьюгинъ. Я сдѣлалъ маленькое извлеченіе изъ вашего отчета. Во-первыхъ, у васъ есть два завода, стоящіе на бумагѣ двѣсти-пятьдесятъ тысячъ рублей... На самомъ-же дѣлѣ оба завода гроша не стоятъ.

Балакѣевъ. Какъ такъ?

Вьюгинъ. Купили вы, десять лѣтъ назадъ, Юркинскій заводъ за десять тысячъ рублей и, восемь лѣтъ назадъ, кромскій— за восемь тысячъ рублей... Поправили ихъ и тотчасъ-же заложили, юркинскій—за двадцать, кромскій—за пятнадцать тысячъ рублей.

Колпашниковъ. Какъ, развѣ заводы заложены?

Балакѣевъ. Въ пустякахъ, въ тридцати-пяти тысячахъ. (Къ Вьюгину). Но позвольте, вѣдь они стоятъ мнѣ двѣсти-пятьдесятъ тысячъ рублей?

Вьюгинъ. Вполнѣ вѣрно, что въ теченіи десяти лѣтъ, руководствуясь соображеніями вашихъ управляющихъ и виногуровъ, которыхъ перебивало у васъ безчисленное множество, вы постоянно переламявали, перестраивали ваши заводы, вводили въ нихъ улучшения, оказавшіяся никуда негодными, и въ настоящему моменту довели ваши заводы до того, что они никуда негодны.

Балакѣевъ. Да вѣдь деньги-то, двѣсти-пятьдесятъ тысячъ, я убилъ въ нихъ, убилъ?

Вьюгинъ. Съ такимъ-же успѣхомъ вы эти двѣсти-пятьдесятъ тысячъ могли бросить въ печку. Ваши оба завода, искалѣченные, сгнившіе, стоятъ теперь, самое большее, тридцать тысячъ рублей. А такъ какъ они въ тридцати-пяти тысячахъ заложены, то придется еще пять тысячъ приплатить за нихъ. Эти пять тысячъ мы ставимъ въ графу «вы должны», а изъ графы «вы имѣете» двѣсти-пятьдесятъ тысячъ вычеркнемъ.

Балакѣевъ. Позвольте... что вы?!

Вьюгинъ. Не безпокойтесь, я пишу и черкаю въ своей памятной книжкѣ, а вашъ балансъ попрежнему остается чистъ и непороченъ. Затѣмъ, имущества значитъ на пятьдесятъ тысячъ рублей; вотъ изъ этой статьи и можно кое-что записать въ графу «вы имѣете», потому что имущество не заложено?

Колпашниковъ. Имущество не заложено.

Вьюгинъ. Да; потому что его въ залогъ никто не возьметъ. Я вѣдь самъ велъ счета и знаю какъ они ведутся. Напримѣръ, десять лѣтъ назадъ куплена коляска за пятьсотъ рублей. Прослуживъ лѣто, коляска ломается; починка ея стоитъ двѣсти рублей,— въ описи имущества прибавляется къ цѣнности коляски двѣсти рублей... и такъ далѣе. Словомъ, каждая починка увеличиваетъ цѣнность коляски до тѣхъ поръ, пока коляска, стоящая по счету имущества не пятьсотъ, а уже тысячу-пятьсотъ рублей, но на са-

момъ дѣлѣ изломанная, нигуда негодная, — валится въ хламъ. Покупаются новая коляска за пятьсотъ рублей, и въ счетъ имущества стоятъ уже двѣ коляски, стоящія двѣ тысячи... И такъ все имущество... Чѣмъ оно на дѣлѣ старѣе и негоднѣе, тѣмъ на бумагѣ цѣннѣе. Вотъ на этомъ-то основаніи я и цѣню имущество, вмѣсто пятидесяти тысячъ, въ три тысячи, которыя и ставлю въ графу «вы имѣете»:-

Балакѣевъ. Послушайте, г. Вьюгинъ! Вы позволяете себѣ...

Вьюгинъ. (Перебивая). Извольте, извольте! Пять тысячъ поставлю; мнѣ вѣдь что-же, — мнѣ не долго, а вамъ все-таки удовольствіе... Затѣмъ-съ, товаръ тутъ тоже придется поставить въ графу «мы имѣемъ».

Колпашиниковъ. На сколько товару-то?

Вьюгинъ. Показано на шестьдесятъ тысячъ рублей; я полагаю, что тысячи на три придется поставить въ графу «мы имѣемъ».

Балакѣевъ. Это ужь, наконецъ, я не знаю, какъ и назвать! (Къ Кисельникову). Помилуйте, вѣдь вы сами знаете, (къ Колпашиникову) и вы тоже видѣли, что на-дняхъ мнѣ заводчикъ Голубевъ доставилъ пятнадцать тысячъ ведеръ спирта!

Кисельниковъ. Да, ужь это вы, г. Вьюгинъ... Я-бы попросилъ васъ...

Колпашиниковъ. Разстроить и спутать все—недолго.

Вьюгинъ. (Перебивая). Винавать, винавать, господа! (Къ Балакѣеву). Такъ и голубевскій спиртъ въ этой-же суммѣ состоитъ?

Балакѣевъ. Разумѣется.

Вьюгинъ. Такъ вѣдь вы за него денегъ еще не заплатили.

Колпашиниковъ. Какъ, развѣ деньги не заплачены?

Вьюгинъ. А вонъ тамъ, въ номерѣ у Баранкина, сидитъ довѣренный Голубева, — за деньгами пришло: двѣнадцать тысячъ, говорить, нужно получить за доставленные пятнадцать тысячъ ведеръ спирта, — по восьми гривенъ за ведро... И сидитъ такъ очень опечалившись; надо полагать, говорить: «влетѣли мнѣ». Не прикажете-ли сюда его позвать? (Пауза). И потомъ-съ, въ балансовомъ счетѣ поставлено: «дѣло имѣетъ 17,200 ведеръ спирта въ 40% по 3 руб. 50 коп. = 60,200 руб.» А вѣдь пятнадцать-то тысячъ у Голубева вы купили по восьмидесяти копѣекъ за ведро и акцизу за него не платили; слѣдовательно, изъ шестидесяти тысячъ,—за пятнадцать тысячъ по 3 р. 50 коп., пятьдесятъ двѣ съ половиною тысячи мы скинемъ. Останется не на шестьдесятъ, а только на семь съ половиною тысячъ. Да тамъ свой акцизъ у васъ не плаченъ, такъ-что въ графу «мы имѣемъ» поставлю три

тысячи... ну, четыре... ну, пять... Пусть будетъ пять, для круглаго счету,—все сердцу отраднѣе. (Пауза).

Балакѣевъ. (Встаетъ и идетъ на авансцену; въ сторону). Каковъ разбойникъ, а!..

Вьюгинъ. Остается статья: «дѣла имѣютъ долговъ за покупателями сто тысячъ рублей». Разбирать-ли, господа? Ужь и то я дерзостей-то не мало надѣлалъ (съ улыбкой посмотрѣвъ на Колпашникова)—разстроить и спустить долго-ли, вѣдь!

Колпашниковъ. Разбирать, разбирать, пожалуйста!

Вьюгинъ. Да что разбирать-то! Будете довольны, если я вмѣсто ста тысячъ поставлю въ графу «дѣло имѣеть»—пять тысячъ, или желаете объясненій?

Колпашниковъ. Объясненій, непременно объясненій!

Вьюгинъ. Долго это; да пожалуй... Вотъ семнадцать тысячъ за Деруновымъ, Дерунова знаете?

Колпашниковъ. Какого Дерунова?

Вьюгинъ. Толстый такой, басистый, прежде былъ еще городскимъ головой въ заштатномъ городѣ Картошинѣ, а теперь въ кабачкѣ, у жены, приказчикомъ служить.

Колпашниковъ. Да вѣдь онъ семь лѣтъ ужъ прогорѣлъ,—у него нитки нѣтъ своей. Да какъ-же это за нимъ семнадцать тысячъ? Документы есть?

Вьюгинъ. Понятно, есть. Вотъ тутъ значитъ. (Смотритъ отчетъ): «по протестованнымъ векселямъ»; все законно и все въ порядкѣ. (Пауза). Такъ ужъ я, господа, пять тысячъ поставлю въ графу «дѣло имѣеть получить долговъ», а то вѣдь буду разъяснять, такъ въ концѣ концовъ больше двухъ или трехъ не придется ставить.

Колпашниковъ. (Съ отчаяніемъ махнувъ рукой). Ставьте!

Вьюгинъ. (Пишетъ). И такъ, дѣло имѣеть: имущества на пять тысячъ, товару на пять тысячъ, въ долгахъ пять тысячъ. Цифры-то все круглыя какія: пять, и пять, и пять! Трижды пять—пятнадцать. Дѣло имѣеть пятнадцать тысячъ рублей. Теперь, «мы должны»—банкамъ и частнымъ лицамъ триста-пятьдесятъ тысячъ рублей, да заводы заложены выше ихъ стоимости на пять тысячъ. Есть еще у меня статейка тысячъ тридцать одному лицу за процентныя бумаги для залоговъ; ну, да это мы пока оставимъ втуне. И такъ «мы должны» триста-пятьдесятъ-пять тысячъ рублей, а «мы имѣемъ» пятнадцать тысячъ рублей... разница поучительная! (Пауза). Значитъ, Алексѣй Александровичъ Балакѣевъ можетъ уплатить своимъ кредиторамъ, самое большее, четыре копейки за рубль, а по моему соображенію—болѣе двухъ копѣекъ за рубль онъ уплатить не въ состояніи.

Колпашниковъ. О! (Опускаетъ голову на руки). Что-же тутъ дѣлать? Что-же тутъ дѣлать!

Кисельниковъ. Картина оказывается далеко печальнѣе, чѣмъ я думалъ.

Вьюгинъ. Я положительно не ожидалъ того, что увидалъ изъ этого отчета. Я зналъ, что дѣла запутаны, что большіе долги отягощаютъ ихъ, но что выйдетъ пшикъ, этому и повѣрить было нельзя!

Кисельниковъ. Позвольте, господа! Капиталъ потерялъ—ничего не потерялъ... Закройте вы глаза на эту картину, представьте, что дѣло Балакѣева цвѣтетъ, вступайте въ компанію и...

Вьюгинъ. А деньги гдѣ?

Кисельниковъ. Э, пустяки! Кредитъ есть. Если вы составите только солидный торговый домъ, на прочныхъ началахъ, то вновь приобрѣтете кредитъ.

Вьюгинъ. Можетъ быть, мы и приобрѣтемъ кредитъ, если дѣло пустимъ въ ходъ да хорошо пойдетъ оно, а до тѣхъ поръ только-бы старый-то кредитъ удалось разсрочить, и то ладно!

Кисельниковъ. Ужъ это само собою разумѣется.

Вьюгинъ. Слѣдовательно, пустить-то дѣло въ ходъ ми должны на свои деньги? Не знаю какъ вы, Перфиль Степанычъ, а если я изъ своего дѣла семь тысячъ выну,—миѣ дѣло придется закрыть, потому—вести его не чѣмъ будетъ.

Колпашниковъ. Я тоже вынимать изъ своего дѣла денегъ не могу.

Вьюгинъ. Курюкинъ тоже не можетъ; а чтобы починить и пустить въ ходъ заводы, — двадцать тысячъ нужно, по меньшей мѣрѣ.

Балакѣевъ. Такъ лучше ужъ навремя ваши дѣла приостановить. Согласитесь, господа, что, вѣдь, что-же они могутъ дать въ сравненіи съ заводами-то?

Кисельниковъ. И притомъ, господа, теперь нужно выбирать одно: или расплачиваться по векселямъ деньгами, или дѣлаться нестойательными и рисковать своей свободой, или сообща отработывать накопившіеся на дѣлахъ Алексѣя Александровича Балакѣева долги.

Вьюгинъ. Хорошо-съ. Закроемъ ми дѣла свои, которыя даютъ теперь и впредь-бы дали намъ кусокъ хлѣба, затратимъ вырученный изъ нихъ капиталъ въ дѣла г. Балакѣева, себя самихъ закабалимъ ему... И если ми эти погибшія дѣла на своемъ хребтѣ вывеземъ, лѣтъ черезъ десять,—тогда въ какихъ-же отношеніяхъ будемъ ми стоять къ этимъ дѣламъ?

Кисельниковъ. Это ужъ, господа, зависитъ отъ условій.

Балакѣевъ. Я предложилъ-бы слѣдующее... Вы, господа, вступая въ мои дѣла, спасаете свое доброе имя, избѣгаете несостоятельности и сопряженнаго съ нею ареста, продолжающагося иногда нѣсколько лѣтъ... Но такъ какъ все-таки я виноватъ въ вашей несостоятельности,—то я предлагаю вамъ двойное жалованье, то есть, даю каждому изъ васъ по двѣ тысячи рублей въ годъ, во все время, какъ мы будемъ отработывать долги, лежащіе на дѣлѣ... Надѣюсь, это не обидно?

Вьюгинъ. Это мило! Человѣкъ до тла раззоряетъ насъ, самъ не имѣетъ ничего, кромѣ трехсотъ-пятидесяти тысячъ долга и грядущаго злостнаго банкротства...

Балакѣевъ. Какъ вы смѣете называть меня злостнымъ банкротомъ? Какое вы имѣете право?

Вьюгинъ. (Взявъ со стола отчетъ). А вотъ этотъ балансъ, составленный и подписанный вами, даетъ мнѣ право назвать васъ злостнымъ банкротомъ... На всякій случай я его приберу. (Хочетъ свернуть балансъ, но Балакѣевъ вырываетъ у него и рветъ). Вотъ такъ его, такъ! Медьче рвите, да лоскутки-то спрячьте, а то я соберу ихъ и сложу. (Балакѣевъ лоскутки прячетъ въ карманъ). Ну, теперь вы не злостный,—а простой, неосторожный банкротъ, — ужъ видно мы въ злостные-то попадемъ. Но виноватъ, я отклонился отъ дѣла. Такъ чѣмъ-же мы будемъ существовать, когда возвратимъ вамъ и ваше честное имя, и ваши заводы?

Балакѣевъ. Фу ты, чортъ возьми, какое нахальство! Избавляютъ его отъ острога, даютъ ему двойное жалованье, да и тутъ еще... Это чортъ знаетъ что такое! Ужъ не прикажете-ли вы, мосе Вьюгинъ, заводы-то мои съ вами подѣлить?

Вьюгинъ. Непремѣнно, обязательно раздѣлить все дѣло на четыре части,—это будетъ только справедливо!

Балакѣевъ. Михайлъ Борисовичъ! Пошадите-же меня, вѣдь вы видите, какъ нахально или, лучше сказать, какъ безумно требованіе этого господина.

Кисельниковъ. Я этого не нахожу и совершенно раздѣляю мнѣніе Василья Петровича.

Колпашиниковъ. (Выстро вскочивъ). Теперь я вижу, какой ты подлець, какой ты разбойникъ придорожный! Нѣтъ, хуже! Отъ разбойника есть оружіе, но ты обманомъ выманилъ, хитростью выманилъ у меня все, ты, какъ паукъ, опуталъ меня своей паутиной и сосешь мою кровь. Подлець ты! Подлець!! Но подожди, подлець... Есть судъ! У меня твои росписки, что всѣ векселя мои мною оплачены, что они безденежные. Неудастся тебѣ, подлець, погубить честнаго человѣка!

Вьюгинъ. Голубчикъ, Перфиль Степановичъ, успокойтесь, садь-

те! (Сажаетъ его на стулъ). Успокойтесь, соберите все ваше хладнокровіе и выслушайте мой совѣтъ... Росписки эти и у меня есть, и я вѣрилъ въ нихъ... И вчера только, посовѣтовавшись съ юристомъ, я узналъ, что росписками этими мы всего легче можемъ погубить себя.

Колпашниковъ. Какъ! Росписками этого подлеца, подлинными росписками!.. Да вѣдь судъ-то увидитъ!.. Судъ увидитъ!

Вьюгинъ. Слушайте! Судъ увидитъ изъ этихъ росписокъ, что вы выдали вексель безденежный, выдали съ тѣмъ, чтобы онъ заложилъ его и взялъ у третьяго лица денегъ... Понимаете,— вы помогли обмануть ему третье лицо, и потому вы будете обвинены въ обманѣ и мошенничествѣ... въ томъ, что вы, вмѣстѣ съ нимъ, мошенническимъ векселемъ ограбили третье лицо. Понимаете? Уничтожьте вы эти росписки.

Колпашниковъ. Я мошенникъ?! Я грабитель?! Господа, да что же это? И это все изъ за него! О!.. (Вскакиваетъ и бѣжитъ къ Балакѣву). Я убью тебя, мерзавецъ! (Балакѣвъ скрывается въ комнату жены и запирается. Колпашниковъ ломится въ дверь). Врешь, подлець... Не уйдешь!

ЯВЛЕНІЕ ОДИННАДЦАТОЕ.

Тѣ же и Судебный Приставъ.

Вьюгинъ. (Къ Колпашникову). Опомнитесь! Судебный приставъ здѣсь. (Ведетъ его отъ дверей къ авансенѣ).

Приставъ. Позвольте, господа, узнать, кто изъ васъ Алексѣй Александровичъ Балакѣвъ?

Кисельниковъ. (У дверей, громко). Балакѣвъ вышелъ; онъ сейчасъ войдетъ, прошу васъ подождать! (Стучитъ въ дверь). Алексѣй Александровичъ, пожалуйста сюда!

Колпашниковъ. Я убью его! Я задушу эту тварь!

Вьюгинъ. Опомнитесь! Сейчасъ кликнуть полицію, васъ свяжутъ. Пойдемте, пойдемте!

Колпашниковъ. (Думаетъ). Да... Уведите меня. (Вьюгинъ ведетъ его къ двери, и когда дверь за нимъ затворяется, входитъ Балакѣвъ).

Приставъ. Вы купецъ Балакѣвъ?

Балакѣвъ. Я Балакѣвъ. Что вамъ угодно?

Приставъ. Правленіе золото-надеждинскаго банка взыскиваетъ съ васъ тысячу рублей по векселю, выданному вамъ казанскимъ купцомъ Тибиѣвымъ и учтенному вами въ банкъ.

Балакѣвъ. Но вѣдь срокъ платежа еще не наступилъ.

Приставъ. Напротивъ, послѣдній граціонный день вчера вышелъ.

Балакѣевъ. (Раскрываетъ бумажникъ и смотритъ на авансентъ записную книжку). Какая роковая ошибка!

Приставъ. Истецъ проситъ, до разбирательства дѣла, принять охранительныя мѣры. Можете вы уплатить теперь-же?

Балакѣевъ. Сейчасъ я не имѣю денегъ.

Приставъ. Въ такомъ случаѣ, согласно съ желаніемъ истца, я долженъ взять съ васъ подписку о невыѣздѣ изъ города. (Садится писать).

Кисельниковъ (подходя къ Балакѣеву). Это кто таковой? Тибитѣевъ? Я что-то...

Балакѣевъ. (Поднимая руку и заставляя его жестами и нимкой молчать). Тамъ... одинъ мыловаръ.

Кисельниковъ. Да что-же у васъ общаго съ мыловаромъ-то? (Балакѣевъ снова знаками заставляеть его молчать. Кисельниковъ въ сторону). А-а... понимаю!..

Судебный приставъ (встаетъ). Вотъ потрудитесь подписать подписку о невыѣздѣ.

Балакѣевъ (подойдя къ нему). Если я черезъ часъ достану денегъ, могу я васъ застать дома?

Приставъ. Черезъ часъ я буду дома, и вотъ вамъ мой адресъ. (Роется въ портфель, пока Балакѣевъ подписываетъ, и отдаетъ ему адресъ).

Балакѣевъ. А выдавши деньги, могу получить вексель?

Приставъ. Мы это устроимъ, извольте.

Балакѣевъ. Такъ пожалуйста, я черезъ часъ...

Приставъ. Буду дома, буду дома. Имѣю честь кланяться! (Уходитъ, сопровождаемый Балакѣевымъ, который плотно притворяетъ дверь и возвращается).

ЯВЛЕНІЕ ДВѢНАДЦАТОЕ.

Кисельниковъ и Балакѣевъ.

Кисельниковъ (оглядываясь, беретъ Балакѣева за локоть руки). Значитъ, у васъ этотъ вексель фальшивый?

Балакѣевъ. Да.

Кисельниковъ. Кто-же писалъ его?

Балакѣевъ. Я самъ.

Кисельниковъ. Да, такъ у васъ и такія штуки водятся! Ну, батюшка, надо вывунжить, а то штука плохая. Положимъ, что по нуждѣ это практикуется нерѣдко, но допускать такіе векселя до престола, до огласки,—это вы знаете, чѣмъ пахнетъ?

Балакѣевъ. Ошибка, страшная ошибка! Въ срокъ платежа ошибся (вынимаетъ книжку): вотъ, льготные дни въ срокъ зачислить.

Кисельниковъ. У насъ, здѣсь, одинъ капиталистъ тоже не

хотѣлъ изъ гордости мѣняться ни съ кѣмъ векселями, все собственнаго издѣлія представлялъ, да и пропустилъ тоже срокъ, — такъ не дешево стало, только знакомство и спасло, а то-бы... Что-же, много у васъ такихъ векселей-то?

Б а л а к ѣ в ъ. Послѣдній.

К и с е л ь н и к о в ъ. Выкупайте, выкупайте, спѣшите! Да главное. сегодня-же уничтожьте его. (Пауза). Нѣтъ-съ, самое лучшее, кого-нибудь изъ своихъ служащихъ или старыхъ пріятелей записать въ купцы, вотъ какъ вы записали Вьюгина и Курюгина, и пишутъ они вамъ на сотни тысячъ такихъ цидулъ, и представляешь ихъ въ дальнихъ-то банкахъ безъ всякаго опасенія, — знаешь, по крайней мѣрѣ, что вексель не фальшивый.

Б а л а к ѣ в ъ. Нѣтъ, Вьюгинъ-то, Вьюгинъ-то каковъ? а?

К и с е л ь н и к о в ъ. Что-жъ, требованія Вьюгина, по-моему, совершенно справедливы и резонны; а вотъ счастье ваше, что пріставъ во-время пришелъ, а то-бы съ Колпашниковымъ вы добромъ не раздѣлялись.

Б а л а к ѣ в ъ. Говоря откровенно, я всегда боялся этого. Колпашниковъ въ раздраженномъ состояніи — звѣрь.

К и с е л ь н и к о в ъ. Будешь звѣремъ, какъ видишь что топить тебя хотятъ. (Пауза). Да-съ, натворили вы дѣловъ порядкомъ; не ожидалъ я, что изъ васъ выйдетъ такой неудачный коммерсантъ... Однако, что-же вы теперь будете дѣлать-то? Неужели несостоятельнымъ объявитесь?

Б а л а к ѣ в ъ. Что-же дѣлать-то? Должно быть, придется объявиться.

К и с е л ь н и к о в ъ. Скверно-съ.

Б а л а к ѣ в ъ. На что хуже...

К и с е л ь н и к о в ъ. На двѣсти тысячъ, вѣдь, вашихъ векселей у меня въ банкахъ. Чѣмъ я замѣню ихъ, въ случаѣ вашей несостоятельности? Купца первой гильдіи не скоро испечешь, а испечешь въ родѣ васъ, такъ толку-то будетъ мало. Вотъ теперь двадцать тысячъ вѣдь моихъ за вами ухвѣтъ!

Б а л а к ѣ в ъ. Что-же дѣлать-то? Несчастія, неудачи...

К и с е л ь н и к о в ъ. Эхъ право: «несчастія, неудачи!» Даже слушать досадно! Не сдумаетъ онъ купить хлѣба, надуютъ его какъ дурака, — несчастіе; продастъ себѣ въ убытокъ спиртъ, — неудача; дѣлаетъ на каждомъ шагѣ ошибки, — и все у него несчастіе. А сейчасъ, вотъ тутъ, люди хотѣли принять на себя всѣ эти ошибки и заглядить ихъ, такъ онъ обошелся съ ними такъ глупо и безтактно, что изъ помощниковъ-то сдѣлалъ злѣйшихъ враговъ. Безтактность, неумѣніе сообразить собственныхъ выгодъ — вотъ все ваше несчастіе! А какъ я вотъ не помогу вамъ, да попытаете

вы острога, такъ оно и лучше будетъ: по крайней мѣрѣ поймете, что не слѣдуетъ лѣзть въ волки съ телячьимъ толкомъ.

Балакѣевъ. Этого, положимъ, не будетъ. Ваша собственная безопасность велитъ вамъ не доводить меня до острога. Въ волки-то выткнули меня вы. Помните, письмо ваше изъ Питера такого содержания (читаетъ наизусть): «Заплатите поскорѣе первую гильдію и вышлите мнѣ на семьдесятъ тысячъ векселей,—пять по десяти и четыре—по пяти тысячъ, срокомъ на семь мѣсяцевъ; платежъ въ Петербургъ; пбдъ векселями подпишитесь купцомъ 1-й гильдіи. Письмо это пусть останется у васъ вмѣсто оборотныхъ отъ меня векселей, а при свиданіи вы мнѣ возвратите его. Не медлите,—деньги крайне нужны. Вашъ слуга Михаилъ Кисельниковъ».

Кисельниковъ. Такъ вѣдь это письмо давно уничтожено; вы-же сами отдали мнѣ, и я сжегъ его.

Балакѣевъ. Отдашь-то я—отдашь, да только не письмо, а фотографически вѣрную копію съ него, отдашь во время попойки... вы и сожгли, не разсматривая, а подлинное-то письмо и сейчасъ у меня.

Кисельниковъ. Да!.. такъ вы, кромѣ того, что дуракъ, вы еще и негодяй!

Балакѣевъ. Нѣтъ, это я для того только, чтобы доказать, что я къ своему телячьему толку кое-что благопріобрѣлъ отъ вашей волчьей мудрости. А впрочемъ, вы поберегите всѣ эти эпитеты для себя,—они мнѣ ухо рѣжутъ, и я пожалуй тоже вздумаю отплатить вамъ подобными-же эпитетами, да еще въ большемъ числѣ: вѣдь вы у меня болѣе въ рукахъ, нежели я у васъ. Последнія-то ваши росписочки о безденежности моихъ векселей тоже не уничтожены, вы точно также копіи съ нихъ сжигали, а подлинники у меня. Такимъ образомъ, если я, по вашему нестаранію, въ острогъ попаду, то намъ съ вами придется прогуляться рука съ рукой по торной—по владимірской.

Кисельниковъ. Вы, значить, и подлоги, и все устраивать мастера.

Балакѣевъ. Какіе-же подлоги? Я, просто дѣлалъ это изъ чувства самосохраненія.

Кисельниковъ. Такъ-съ.

Балакѣевъ. Да... Такъ ужъ вы похлопочите сами-то, прибудете въ судъ на разбирательство дѣла о моей несостоятельности, да Тетерина прихватите. Представьте тамъ, вдвоемъ-то, моихъ векселей тысячъ на сто, зачислите меня своимъ должникомъ и просите не заключать меня, до окончанія конкурса, подъ арестъ, такъ какъ вамъ извѣстно, что несостоятельность моя несчастная.

И банки-то о томъ-же попросите... чтобы они или вовсе не посылали своихъ повѣренныхъ въ разбирательству дѣла, или, ужь если пошлютъ, такъ говорили-бы съ вами въ унисонъ. И если все благополучно окончится, то, по окончаніи конкурса, я всѣ ваши росписки, письма, телеграммы, — всѣ компрометирующіе васъ документы—и возвращу вамъ съ моею искреннею благодарностію.

Кисельниковъ. Однако, какой-же вы мошенникъ, какъ я посмотрю!

Балакѣевъ. Мошенникъ — гм!! Конечно, это званіе высокое, но только не достигнуть мнѣ его! Нѣтъ-съ, не съ моимъ характеромъ!.. Какъ дуракъ, негодяй—званіе обидное, такъ, напротивъ, очень почетно званіе мошенника. Мошенникъ! Да вѣдь это великій человекъ! Богатый, уважаемый... и чѣмъ болѣе онъ намошенничаетъ, тѣмъ болѣе растетъ уваженіе къ нему... А я? Куда мнѣ!.. Я только слабохарактерный, лѣнивый эгоистъ и, если хотите, неудачный аферистъ. Произвели, было, вы меня въ волки, такъ я и этотъ титулъ не сумѣлъ сохранить. Тамъ урвалъ, тутъ урвалъ, да съ разу все и растерялъ, — всѣ урванные-то кусочки по настоящимъ волкамъ и разлетѣлись! (Пауза). Такъ ужь вы сдѣлайте одолженіе, Михайлъ Борисовичъ, постарайтесь!.. Я ужь въ полной надеждѣ буду!..

Кисельниковъ. А если я не успѣю? (Встаетъ и беретъ шляпу),

Балакѣевъ. Это ужь дѣло ваше. Я вамъ все сказалъ и теперь умываю руки. Спасете вы меня—спасете и себя! Не спасете—опять воля ваша. Можетъ быть, вамъ хочется въ Сибирь-то прогуляться,—почемъ я знаю! Всякаго народу то много; другіе, вонъ, даже вѣшаютъ и стрѣляютъ. На вкусъ, на цвѣтъ товарища нѣтъ. (Кисельниковъ идетъ къ двери, онъ провожаетъ его). Мое вамъ глубочайшее почтеніе, Михайлъ Борисовичъ! (Кисельниковъ хлопаетъ дверью, Балакѣевъ запираетъ ее).

ЯВЛЕНІЕ ТРИНАДЦАТОЕ.

Балакѣевъ, потомъ Авдотья Сергѣевна.

Балакѣевъ. Такъ-то вотъ лучше будетъ! Своя-то шкура лучше всякой просьбы возопіетъ, и господинъ Кисельниковъ всѣ свои силы употребить, чтобы спасти меня. Забота эта, значить, съ плечъ долой. Что еще-то остается? Да! Фальшивый вексель выкупить: это необходимо, это моя священная обязанность!

Авдотья Сергѣевна. (Изъ дверей). Всѣ ушли? (Входитъ). Что, Алеша, кончили все?

Балакѣевъ. Кончили. Ты куда собралась?

Авдотья Сергѣевна. Въ гостинный дворъ. Да ты скажи

мнѣ: что у васъ тутъ такое было? Шумъ, ругань! Зачѣмъ ты вбѣгалъ ко мнѣ? Что это Колпашниковъ-то грозилъ, да стучалъ?

Балакѣевъ. Послѣ, послѣ, теперь не до рассказовъ. Ты подожди тутъ, я сейчасъ! (Уходитъ въ комнату).

Авдот. Серг. Что у нихъ тутъ такое? Правду, видно, говорили мнѣ, что банкротиться онъ хочетъ! Злостнымъ не признали-бы, вотъ бѣда-то! И зачѣмъ онъ вызвалъ меня?.. Ничего не понимаю!

Балакѣевъ (входитъ, въ рукахъ бумажникъ; садится къ столу и вынимаетъ деньги). Эту тысячу сейчасъ судебному приставу; а это... Слушай, Душа, иди сюда! Вотъ тутъ тридцать тысячъ денегъ. Иди ты къ Юнкеру и обмѣняй ихъ на процентныя бумаги. Возьми тридцать билетовъ восточнаго займа,—они продаются по девяти сотъ рублей,—а на остальные деньги купи выигрышныхъ обоихъ займовъ; поняла?

Авд. Серг. Конечно, поняла, только гдѣ-же я положу такой громадный бумажникъ?

Балакѣевъ. Портъ-сакъ надѣнь подъ пальто, да главное, вуалеткой прикройся и постарайся, чтобы кто изъ знакомыхъ не видалъ и не узналъ тебя во время размѣна... Сдѣлай это ловко. Сначала сторгуйся, а потомъ попроси проводить тебя въ особую комнату,—тамъ и устрой эту операцію. Иди, иди! Надѣнь портъ-сакъ! (Даетъ ей бумажникъ; она уходитъ въ боковую комнату). А я сейчасъ выкуплю мой фальшивый вексель, подамъ завтра заявленіе о моей несостоятельности и буду чистъ, правъ и свободенъ. (Береть шляпу). Хоть немного мнѣ отъ всѣхъ моихъ прегрѣшеній осталось, а все-таки лучше, чѣмъ ничего. Жизнь долга, а Россія велика!

Авдот. Серг. (выходитъ, покрытая вуалью). Вотъ, готова! Узнаютъ или нѣтъ?

Балакѣевъ. Да, хорошо, только все-таки будь осторожна. Идемъ! (Идутъ). Да постой,—тебѣ сегодня придется уѣхать.

Авдот. Серг. Какъ-же такъ! Я ничего не успѣю ни купить, ни сдѣлать.

Балакѣевъ. Теперь не до покупокъ, а поѣзжай домой и все цѣнное имущество изъ дома увези къ знакомымъ. Дрянъ-то оставь, а то на-дняхъ, вѣроятно, будутъ описывать и продавать движимость, такъ ты это имѣй въ виду. Ну, идемъ, идемъ!

Авд. Серг. Постой! такъ, значить, ты банкротъ?

Балакѣевъ. Несчастный!

ДѢЙСТВІЕ III.

Комната 1-го дѣйствія.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Серафима Семеновна и Колпашниковъ.

Сераф. Семен. Что-же ты мнѣ прежде-то не сказалъ?

Колпашник. (Отрываясь отъ стола, гдѣ сидѣлъ, охвативъ руками голову). Нѣсколько разъ я хотѣлъ сказать, но не могъ,—совѣстно было. Да и можно-ли было думать что этотъ... этотъ... просто не могу вспомнить о немъ! Вѣдь я вѣрилъ въ него, все ему отдавалъ. (Опускаетъ голову на руки).

Сераф. Семен. Ну, полно, не волнуйся! Какъ нибудь перенесемъ,—вѣдь ужъ что-же дѣлать-то?

Колпашник. Да вѣдь все отнимуть и ничего не оставлять. И за что, за что?

Сераф. Семен. Ты хоть-бы тамъ съ адвокатами-то посовѣтовался. Тамъ губернской городъ, адвокаты-то все-таки свѣдущіе есть, а здѣсь и посовѣтоваться-то не съ кѣмъ,—однакъ Арфеницкій.

Колпашник. Когда-же мнѣ было совѣтоваться? Я спѣшилъ домой, чтобы здѣсь не описали все: къ нему ужъ при насъ повѣству принесли,—думаю и ко мнѣ тоже, да скорѣй на пароходъ, едва-едва засталъ пароходъ-то. И что этотъ Арфеницкій нейдетъ?

Сераф. Семен. Не пьянствуетъ-ли онъ? Вѣдь какъ проводить тебя куда, такъ у него своя воля и пойдетъ куралесить. А теперь никто и не ждалъ тебя,—не думали что ты одними сутками обернешься.

Колпашник. Вотъ еще наказанье-то! Неужели въ самомъ дѣлѣ пьянствуетъ?

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Тѣ же и Бравилловъ, солдатъ.

Бравилловъ (вставъ въ дверяхъ). Розыскалъ, ваше бродіе!

Колпашник. Кого розыскалъ?

Бравилловъ. Арфенистова.

Колпашник. Что-жь онъ не идетъ!

Бравилловъ. Онъ идетъ-съ.

Сераф. Семен. Что-жь онъ говоритъ?

Бравилловъ. Какъ скоро, говоритъ, такъ и сейчасъ, только, говоритъ, пуговицу жена мнѣ пришлетъ, а я безобразіе на себя наведу, такъ и приду.

Сераф. Семен. Что такое? какое безобразіе?

Бравиловъ. Умоется, значить, причешется и все такое.

Сераф. Семен. Да что онъ, не пьянъ?

Бравиловъ. Съ перегару-съ.

Сераф. Семен. Какъ съ перегару?

Бравиловъ. Такъ точно, потому дрожитъ.

Сераф. Семенов. Такъ вѣдь онъ пожалуй напьется?

Бравиловъ. Такъ точно-съ.

Колпашниковъ. Пошолъ! Тащи его сюда, за воротъ тащи, не давай ему пить!

Бравиловъ. Радъ стараться! (уходитъ).

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ.

Тѣ-же безъ Бравилова.

Сераф. Семен. Давеча-бы нужно было сказать Бравилову-то, чтобъ одинъ не приходилъ.

Колпашниковъ. Кто-жъ его зналъ, что онъ... (Смотритъ въ окно). Это что такое?

Сераф. Семен. (смотря). Лошади Балакѣвскіе съ возамъ.. рогожами прикрыты воза...: точно мебель, сундуки... Куда они это?

Колпашниковъ. Не понимаю. Жена Балакѣва въ Нижнемъ, управляющей тоже... Кто тутъ распоряжается и зачѣмъ все это? Куда везуть? Что везуть?

Сераф. Семен. Тутъ что нибудь не такъ! Ужъ не пріѣхали Авдотья-то Сергѣевна домой?

Колпашниковъ. На «Самолетъ» не было ее, а развѣ съ «Дружиной» пріѣхала сегодня утромъ...

Сераф. Семен. Должно быть пріѣхала, да имѣнье прачеть; ловкая она барыня!

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Тѣ-же и Бравиловъ, навеселъ; тащитъ Арфеницкаго за руку.

Бравиловъ. Притащилъ, ваше-бродіе Арфенистова!

Арфеницкій. Пусти, братецъ... какой ты невѣжа, а еще въ солдатахъ служилъ!

Бравиловъ (вставъ во фронтъ). Какъ приказали, ваше-бродіе, пить не далъ, самъ выпилъ.

Сераф. Семен. Хорошо; ступай!

Бравиловъ. Въ кабачаровѣ, ваше-бродіе, нашелъ Арфенистова: вотъ тутъ, на углу,—косушку собирался выпить...

Сераф. Семен. Хорошо, ужъ послѣ скажешь.

Бравиловъ (не обращая на нее вниманія, продолжаетъ рапортовать). Какъ приказали, вашескородіе, косушку вырвалъ и самъ всю выпилъ изъ горлышка.

Колпашниковъ. Ступай-же!

Бравиловъ. Радъ стараться! (повертывается налѣво кругомъ и, дойдя до двери, снова поворачивается лицомъ къ публикѣ, становится во фрунтъ и остается на мѣстѣ; дѣйствующіе его не видятъ).

Колпашниковъ. Что это вы, Арфеницкій! Никакъ нельзя оставить васъ: сейчасъ и пойдете кутить!

Арфеницкій. Что-жь, Перфиль Степанычъ, развѣ я радъ этому? Болѣзнь у меня такая.

Колпашниковъ. Какая болѣзнь... полно вамъ пустяки-то!..

Арфеницкій. Ей Богу, ей Богу... червякъ запойный называется. Видите, дрожь какая, это все онъ, червякъ.

Колпашниковъ. Э, полно вамъ... садитесь, дѣло есть! (оборачиваясь видѣть Бравилова). Тебѣ что еще?

Бравиловъ. Судиться, вашебродіе, прикажете?

Колпашниковъ. Что такое? Съ кѣмъ судиться?

Бравиловъ. Съ Арфенистовымъ. По мордѣ меня съѣздилъ, при свидѣтеляхъ.

Колпашниковъ. (Топаетъ). Ступай вонъ!

Бравиловъ. Слушаю-съ. (Уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Колпашниковъ, Серафима Семеновна и Арфеницкій.

Колпашниковъ (къ Арфеницкому). Ты ничего не слышалъ здѣсь? Да садись,—что ты стоишь.

Арфеницкій. Насчетъ чего?

Колпашниковъ. Насчетъ моихъ дѣлъ, насчетъ Балакѣева.

Арфеницкій. Слышалъ-съ. (Встаетъ).

Колпашниковъ. Сиди, сиди! Что ты слышалъ?

Арфеницкій. Не могу, Перфиль Степанычъ! Смерть моя, пустите душу на покаяніе, дайте, Бога ради...

Колпашниковъ. Что тебѣ?

Арфеницкій. Махонькую, хоть-бы вотъ... хоть чайную чашечку. Дайте, Бога ради! Пустите душу на покаяніе? Душить меня вѣдь онъ, червякъ этотъ самой.

Колпашниковъ. Да вѣдь ты напъешься...

Арфеницкій. Да вы не пойте, вы только душу-то мнѣ ослободите, дыханье-то мое... видите, какъ Каина трясетъ!

Колпашниковъ (женѣ). Принеси ему рюмку.

Арфеницкій. Я лучше тамъ,—руки-то у меня больно ужъ... (къ Серафимѣ Семеновнѣ). Мнѣ хоть въ полоскательницу вы, матушка, налейте, чтобы не расплескать-то, руки-то у меня анафемскія! (Уходитъ за Серафимой Семеновной).

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ.

Колпашниковъ (одинъ). Слышалъ! значить всё слышали, всё въ извѣстно, на всѣхъ перекресткахъ толкуютъ... Кто прежде кланялся, благодѣтелемъ звалъ, тотъ пальцами будетъ показывать, банкротомъ звать... А тамъ, судъ, позорище публичное, заплеваніе, осмѣяніе!..

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ.

Колпашниковъ, Серафима Семеновна и Арфеницкій.

Арфеницкій. Вѣкъ буду за васъ, Серафима Семеновна, Бога молитъ! Спасли вы душу мою, освѣтили вы разумъ мой! (достаетъ табакерку и нюхаетъ).

Колпашниковъ. Ну, что-жь ты слышалъ?

Арфеницкій. Не то что слышалъ,—своими очами самъ вижу. Извольте посмотрѣть! (показывается въ окно). Опять воза ѣдутъ, видите!

Колпашниковъ. Что такое? (Смотритъ въ окно).

Арфеницкій. Балакѣвъ имѣнье прячетъ, несостоятельнымъ объявиться желаетъ. (Гладитъ по груди руками и потомъ по вискамъ). Эка легость какая! И тутъ и тутъ... такъ вотъ словно мертвъ былъ и оживе... пропаде и найдеся. Чудное дѣло!

Колпашниковъ. Ты думаешь, что прячетъ?

Арфеницкій. Прячетъ, прячетъ... И чудное дѣло, какой народъ смѣлый! Нѣтъ того, чтобъ ночи дожидаться,—посреди бѣлаго дня такъ воза и пруть. Либо опъ не ученъ, либо очень перученъ, ничто ему ни почемъ! Вы, Перфиль Степанычъ, меня порекомендуйте ему.

Колпашниковъ. Для чего?

Арфеницкій. А дѣло-то по конкурсу вести... какъ же-съ... Вѣдь, я всю жизнь, можно сказать, практиковался въ этомъ, — сколько разъ присяжнымъ попечителемъ бывалъ! Нонче вотъ бо-дѣзнь-то эта меня посшибла, червякъ-то этотъ каторжный, да и то я нынѣшнихъ-то адвокатовъ всѣхъ за поясъ ватену.

Колпашниковъ. Ужь если ты такой знатогъ, такъ лучше я тебя возьму повѣреннымъ.

Арфеницкій. По какимъ дѣламъ?

Колпашниковъ. По тѣмъ-же, что и Балакѣвъ.

Арфеницкій. Какъ! Развѣ вы тоже... (смѣется). Да не можетъ быть! вы все шутите...

Колпашниковъ. Нѣтъ ужъ, теперь не до шутокъ. Садись да слушай. (Арфеницкій садится). Давалъ я Балакѣву векселей на оборотъ, безденежныхъ, дружескихъ... понимаешь?

Арфеницкій. Сколько?... на сколько?...

Колпашниковъ. На шестьдесятъ тысячъ рублей.

Арфеницкій (дѣлаетъ серьезную гримасу и углубляется). Гм... гм... (качаетъ головой). Гмъ... Обратные векселя отъ Балажѣва есть у васъ?

Колпашниковъ. Есть.

Арфеницкій. На какую сумму?

Колпашниковъ. Тоже на шестьдесятъ тысячъ.

Арфеницкій. Дѣло ваше правое!

Колпашниковъ. Что такое значить—правое?

Арфеницкій. По закону—правое, по-юридически, вы должны шестьдесятъ тысячъ, и вамъ должны шестьдесятъ тысячъ—дѣло правое. Я это дѣло вотъ какъ! Я его въ комокъ (комкаетъ платокъ), вотъ въ комокъ! Такъ-таки все дѣло и сожму, и выйдете вы изъ него чище даже хрусталу.

Колпашниковъ. И отвѣтственности по закону я никакой не подвергнусь?

Арфеницкій. Чище хрусталу!... ужъ будьте вы покойны! Сколько разъ на практикѣ дѣлалъ, присяжнымъ попечителемъ былъ, конкурсы устраивалъ, въ яму ввергалъ, изъ ямы исторгалъ.

Колпашниковъ. А имущество мое?

Арфеницкій. (Морщится. Пауза). Подлежитъ секвестру... (Поднимаетъ палець). Но!.. можетъ и не подлежать...

Колпашниковъ. Какъ-же такъ?

Арфеницкій. Продать его надлежитъ... Вотъ и продайте Серафимъ Семеновиъ; только, чтобы ужъ, если продавать, такъ продавать сейчасъ-же, сегодня-же, до могущаго быть ареста.

Колпашниковъ. А отвѣчать за это я не буду?

Арфеницкій. За что?... Господи помилуй!... Своимъ добромъ, да распорядиться я не могу! Странно!

Колпашниковъ. Однако...

Арфеницкій. (Перебивая). Недвижимое—ну это еще и такъ и сякъ; а движимость,—напримѣръ, сыкладъ, товаръ,—кто-же вамъ запретить продавать его, если покупатель подходящій есть?

Сераф. Семен. На то и товаръ, чтобы торговать имъ.

Арфеницкій. И законъ такъ гласить. Сейчасъ мы это и сдѣлаемъ: патентъ немедленно выправимъ на имя Серафимы Семеновны, вы по книгамъ продажей все снесите, а тамъ завтра-же и вывѣска нова, и все. Прикажите заложить лошадку—и сейчасъ-же въ казначейство, или мнѣ довѣренность дайте.

Сераф. Семен. Нѣтъ, я сама съѣзжу.

Арфеницкій. А домашнее-то все-что поприберите, куда нибудь эдакъ,—серебро тамъ, экипажи, мебель,—только вечеркомъ.

Вы на этихъ-то не глядите, они еще науки не знаютъ. (Хватается за животъ). Опять! Ахъ ты, погубитель мой! Пойдемте матушка! Собирайтесь, да меня-то полечите еще, — опять воюеть погубитель-то мой!

Колпашниковъ (къ Серафимѣ Семеновѣ). Иди, иди, собирайся! возьми тамъ денегъ. (Серафима Семеновна и Арфеницкіи идутъ). Да много-то не давай ему пить.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ.

Колпашниковъ (одинъ). Вѣдь и въ самомъ дѣлѣ, что-жъ тутъ особеннаго? Конечно, вещь скверная — пострадать за свое довѣріе, за свое добро, которое я сдѣлалъ... Да можетъ и пострадать-то не придется! По закону-то, вѣдь я не скрылъ, не промоталъ; я долженъ шестьдесятъ тысячъ и мнѣ должны шестьдесятъ тысячъ. — выходитъ, ничего я не долженъ и преслѣдовать меня не за что, несостоятельнымъ признать нельзя. Торговля, конечно, на жену переведется, такъ вѣдь и это все равно... Вотъ только домъ... (Пауза). О домѣ-то нужно потолковать хорошенько съ Арфеницкимъ. (Смотритъ въ окно). Кажись, исправникъ? Зачѣмъ это онъ? Ужъ не по этому-ли дѣлу? Ахъ, батюшки, какъ я напугался!

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ.

Колпашниковъ и исправникъ.

Исправникъ. Господинъ городской голова Колпашниковъ принимаетъ?

Колпашниковъ. Прошу покорно! Пожалуйте!

Исправникъ. Я къ вамъ по дѣлу, какъ лицо официальное, какъ чиновникъ.

Колпашниковъ (со страхомъ). Что такое? Какое дѣло?

Исправникъ. А вы не догадываетесь?

Колпашниковъ. Не знаю, право! развѣ...

Исправникъ. Ну-съ, ну, продолжайте...

Колпашниковъ. Развѣ по дѣлу... а... а... можетъ быть Балакѣевъ тамъ?...

Исправникъ (вынимаетъ конвертъ). Не угадали-съ! Балакѣевъ нѣтъ тамъ (тычетъ въ конвертъ), тамъ вы одни! Вы! Ваши, такъ сказать, дѣйствія!

Колпашниковъ. (Совсѣмъ оробѣвъ). Какія-же мои дѣйствія? Помилуйте... Если что и сдѣлано, такъ единственно изъ желанія добра.

Исправникъ. Вотъ оно самое желаніе-то добра... тутъ все и выведено, и возмездіе соотвѣтственное за него получите. Потрудитесь росписаться въ принятіи.

Колпашниковъ. Господи! Да не мучьте меня! Кончайте ужь разомъ! Къ чему меня...

Исправникъ. Къ медали. (Вынимаетъ изъ кармана футляръ). Вотъ. Извольте получить!

Колпашниковъ. (Не вдругъ понявъ). Какъ къ медали? (сообразивъ). Ахъ, да! (Открываетъ футляръ): Вотъ и медаль! (Вынимаетъ). Это пріятно.

Исправникъ. Очень пріятно! Отъ души радъ и отъ души поздравляю васъ!

Колпашниковъ. (Сидеть). Весьма, весьма вамъ благодаренъ! (Идетъ). Эхъ, жена-то уѣхала! (Кличетъ въ дверь): Аннушка! Аннушка! Анна!

ЯВЛЕНІЕ ДЕСЯТОЕ.

Тѣ-же и Аннушка.

Аннушка. Что угодно?

Исправникъ. Васъ, моя милая, угодно.

Колпашниковъ. Приготовь намъ закусить.

Исправникъ. Чтонибудь этакое смачное, апетитное, такое же апетитное, какъ ты сама.

Аннушка (къ исправнику). Вы, вотъ всегда такой, Петръ Алексѣвичъ: безъ проказъ не на часъ (къ Колпашникову). Что прикажете приготовить?

Колпашниковъ. Сыру подай, икры, ситъ тамъ копченый естъ, сеledку приготовь.

Исправникъ. То есть, понимаешь, съ лучкомъ, съ маслицемъ прованскимъ и кайэнскимъ перцемъ, дунь чуть-чуть, чтобы жгло, горѣло, какъ глаза у тебя горять. (Стоя съ лѣвой стороны, кладетъ ей руку на правое плечо).

Аннушка. Пустите, баловникъ! Недаромъ барыня-то васъ ревнуеть. не нанимаеть молодыхъ горничныхъ... И когда вы только уходите! (Къ Колпашникову). А вина прикажете какого?

Исправникъ. Ишь вѣдь разбойница, — старъ я, видишь!...

Колпашниковъ. Тамъ въ шкафѣ хересь, мадера, коньякъ.

Исправникъ. И русская хлѣбная мадера.

Аннушка. Это очищенное, что-ли?

Исправникъ. Оно самое, пшеничная ты моя опара! (Кладетъ снова руку на плечо). Ступай-ка ты ко мнѣ въ горничныя, я тебѣ жалованье дамъ хорошее.

Аннушка (вырываясь). Отстаньте, завидуіце ваши глаза! (Уходитъ).

ЯВЛЕНИЕ ОДИННАДЦАТОЕ.

Исправникъ и Колпашиниковъ.

Исправникъ. Соблазнительная дѣвка! Нѣтъ, мнѣ жена такихъ нанимать не дозволяетъ,—дама строгая. А медаль-то нужно примѣрять. Ну-те-ка, Перфиль Степанычъ, надѣньте. Вамъ очень она будетъ хороша при вашей фигурѣ и представительности. Ну-те-ка, ну-те. (Надѣваетъ на него медаль). Отлично, я вамъ доложу!

Колпашиниковъ. (Подойдя къ зеркалу). Да, очень, очень пріятно!

Исправникъ. Хорошо, очень хорошо! А все-таки вы распишитесь. (Подаетъ ему бумагу, Колпашиниковъ уходитъ).

ЯВЛЕНИЕ ДВѢНАДЦАТОЕ.

Исправникъ. Аннушка съ закуской, потомъ Колпашиниковъ.

Исправникъ. (Подлетая къ ней). Чудесно! Ахъ ты моя разсолода разстроговна. . а водка гдѣ-же?

Аннушка. Сейчасъ. (Идетъ).

Исправникъ. Послушай!.. постой!

Аннушка. Что прикажете?

Исправникъ. (Подходя къ ней). А помнишь, ты общалась меня поцѣловать? Помнишь?

Аннушка. Никогда этого не было, да и не будетъ! (Идетъ).

Исправникъ. Будто ужъ такъ никогда и не будетъ?

Аннушка. Да ужъ такъ точно, будьте въ надеждѣ... (Плутовски улыбается и уходитъ).

Колпашиниковъ (входя съ бумагой). А вы все вокругъ Аннушки увиваетесь? (Наливая рюмки). Прошу васъ!

Исправникъ. Вино, карты, субреточки, пріятельскія попойки,—помилуйте, да это всѣ жизненныя блага, всѣ наслажденія жизни въ этомъ! (Чокаются). Ну, будьте вы здоровы! Послужите нашему городишкѣ еще столько-же, и такъ-же честно и разумно, какъ служили до сихъ поръ. И душа ваша будетъ свѣтла и чиста, и завать дней вашихъ усладить воспоминанія о вашей дѣятельности!.. (Пьютъ).

Колпашиниковъ. Благодарю! Душевно благодарю васъ, Петръ Алексѣичъ, хорошій вы человекъ, и теплое, душевное слово сказали! (Цѣлуются).

Исправникъ. Старое солдатское слово. Какъ умѣю, такъ и смѣю. Мнѣ вѣдь не медаль ваша дорога, — медаль и Гамагинъ имѣеть... да за что? Казармы выстроилъ, хлопоталъ, ну, и медаль получилъ, и ходитъ, красуется; да вѣдь всякій видитъ и дѣлаето его доказываютъ, что онъ какъ былъ Гамагинъ, такъ и остал-

ся Гамагнѣ. А ваша медаль трудовая. Вы не просили ее, не добивались, васъ и безъ медали всякій знаетъ и уважаетъ за все, что вы сдѣлали и дѣлаете не изъ корысти, а для общей пользы. Вотъ что дорого, вотъ съ чѣмъ я поздравляю и за что искренно, по-солдатски васъ благодарю! (Кланяется въ поясъ).

Колпашиниковъ. Ну, полноте... ужъ вы слишкомъ... мнѣ совѣстно..

Исправникъ. Совѣстится тутъ нечего! Я, батюшка, старый солдатъ, подлизываться не умѣю, да и не желаю, тѣмъ болѣе, что отъ васъ я для себя корысти-то больно мало вижу. Жмете вы меня, исправника, и въ дровахъ, и въ квартирѣ, и въ десятскихъ, — во всемъ. И жаловался я на васъ, и ругался съ вами въ десять-то лѣтъ не мало. Скупой вы голова, упрямый! А вѣдь ужъ за что вамъ честь слѣдуетъ, такъ вы честь свою и получите, потому вы стоите ее. Больше и слова не услышите отъ меня въ похвалу. Сегодня-же ругательную бумагу къ вамъ пришлю и рапортомъ на васъ, куда слѣдуетъ, жаловаться стану, а теперь.. вотъ выпьемъ!

Колпашиниковъ. (Наливаетъ). Да вѣдь нельзя, Петръ Алексѣичъ! Я долженъ интересы города соблюдать.

Исправникъ. И соблюдайте! А я свое соблюдаю, прижимать тоже не дамъ, ужъ не взыщите: и обругаю, и нажалуюсь, и, что должно, свое возьму.

ЯВЛЕНІЕ ТРИНАДЦАТОЕ.

Тѣ-же и Арфеицкій, а за нимъ Серафима Семеновна.

Исправникъ. А, аблакать, строчило! Ты это откуда? (Къ вошедшей Серафимѣ Семеновнѣ). Здравствуйте, Серафима Семеновна! Полюбуйтесь на благовѣрнаго-то! Поздравьте его съ медалью!

Серафима Семеновна. Гдѣ медаль? (Увидя). Ахъ, это кто-же...

Исправникъ. По ходатайству его превосходительства господина начальника губерніи. Не стойлъ-бы вашъ супругъ этой награды, — скупъ очень, ну, да вѣдь ужъ мы послѣ его за это дождемъ, а теперь, вотъ, поздравляемъ...

Арфеицкій. (Замѣтно выпившій, Колпашиникову). Все сдѣлано! Патентъ взялъ, капиталъ объявили, условіе нужно написать только, что отдаете вы зданіе въ аренду на двѣнадцать лѣтъ и деньги получили сполна. (Колпашиниковъ задумывается). Это ничего! Это законно!

Колпашиниковъ. Пиши условіе.

Арфеницкій. Да книги нужно заключить: «продано такой-то купчихъ», и шабашъ!

Колпашниковъ. Книги принеси сюда. Мы въ кабинетъ заключимъ. (Арфеницкій уходитъ).

Серафима Семеновна. (Исправнику). Конечно, медаль получить очень пріятно, да за то, вы спросите, сколько труда. сколько заботы... Онъ и свое-то дѣло забросилъ, и отказывался сколько разъ отъ службы-то: упросать и упросать! (Смотря на столъ съ закускою). Что это вамъ и закусить-то нечего! Я сейчасъ вотъ... (Уходитъ).

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТЫРНАДЦАТОЕ.

Тѣ-же и Гамагинъ.

Гамагинъ. Господину хозяину! Съ медалью поздравляю (Къ исправнику). Вашему высочородію, Петру Алексѣевичу, желаю здравствовать!

Исправникъ. И вамъ желаю здравствовать. (Къ Колпашникову). Ну, а мнѣ ужъ пора и въ свое полицейское управленіе.

Гамагинъ. Чтой-то, ваше высочородіе, до меня гостили честь честью, а какъ я пришелъ — такъ точно выгоняю васъ?

Исправникъ. Выгонять не выгоняешь, а прежде то я съ тобой незнакомъ былъ и впередъ того-же желаю.

Колпашниковъ. (Исправнику). Посидите немного. Курить не хотите-ли? (Подаетъ ему папирсы; исправникъ закуриваетъ).

Гамагинъ. Вы напрасно, ваше высочородіе, нами гнушаетесь, мы купцы обстоятельные; и опять, какъ-же такъ вы со мной незнакомы, когда очень даже прекрасно меня знаете?

Исправникъ. Знать-то я тебя точно что прекрасно знаю, потому-то вотъ и знакомиться не желаю.

Гамагинъ. Гнушаетесь, значить? Напрасно. Мы сами тоже медаль имѣемъ и такъ думаемъ, ежели Господь благословить, съ новаго года желательно первую гильдію заплатить.

Колпашниковъ. Вы, Михай Тимофеевичъ, по дѣлу?

Гамагинъ. Само собой, по дѣлу. Къ вамъ безъ дѣла ходить не позволяется: либо вы уголовщину на человѣка взведете, либо и совсѣмъ выгоните; такъ ужъ я, хоть и по дѣлу, а все одинъ-то поопасился прийти, человѣчка прихватилъ съ собой на всякій случай.

Колпашниковъ. Какого человѣчка?

Гамагинъ. Сейчасъ взойдетъ. Судебный приставъ онъ прозывается; можетъ, не слышали-ли?

Исправникъ. Зачѣмъ судебный приставъ?

Гамагинъ. Стало быть надобность поимѣли въ немъ, такъ

и прихватили съ собой. (Входитъ судебный приставъ). Да вотъ онъ самъ, доподлинно отлепоруется вамъ—зачѣмъ.

ЯВЛЕНІЕ ПЯТНАДЦАТОЕ.

Тѣ-же и судебный приставъ, потомъ Арфеницкій.

Судебный приставъ (къ Колпашникову). Мое почтеніе, Перфиль Степановичъ! (Къ исправнику). Мое почтеніе, Петръ Алексѣевичъ!

Исправникъ. Здравствуйте-съ!

Приставъ. (Къ Колпашникову). Извините, Перфиль Степановичъ, я на сей разъ явился сюда исполнить свою обязанность.

Колпашниковъ. Исполняйте.

Приставъ. (Вынимая изъ портфеля бумаги). Московскіе купцы Балинъ и Чекмаревъ взыскиваютъ съ васъ пятнадцать тысячъ рублей, по векселямъ, выданнымъ вами за товаръ купцу Балакѣеву. Можете вы уплатить эти деньги? (Входитъ Арфеницкій съ книгами и становится въ глубинѣ сцены; онъ еще вышелъ).

Колпашниковъ. (Пораженный). Нѣтъ, не могу.

Приставъ. Довѣренный истцовъ, купецъ Гамагинъ, просилъ судъ, на случай отказа вашего отъ уплаты, арестовать имущество ваше, а въ случаѣ его недостатка, обязать васъ подпиской о невыѣздѣ изъ города, впредь до рѣшенія дѣла въ судѣ. Поэтому я долженъ описать. (Къ Гамагину). Указывайте имущество.

Гамагинъ. Во-первыхъ, возьмемъ складъ.

Арфеницкій. Склада нѣтъ.

Приставъ. Какъ нѣтъ?

Арфеницкій. Складъ принадлежитъ купчихѣ Колпашниковой. (Подходитъ, кладетъ книги на столъ и вынимаетъ изъ нихъ патентъ). Вотъ патентъ.

Исправникъ. (Встаетъ). Ну, въ крутую пошло! Уйти отъ грѣха... (Беретъ фуражку). Прощайте, господа.

Гамагинъ. Нѣтъ, ваше высокогородіе, вамъ теперь и уходить нельзя. Я убѣдительно прошу васъ остаться; вотъ, при свидѣтеляхъ прошу.

Исправникъ. (Указывая на судебного пристава). Тутъ дѣло ихъ, а не мое. Вы не имѣете права удерживать меня.

Гамагинъ. Имѣю-съ. По законамъ, по уставу, полное право имѣю. Тутъ имущество скрываютъ, складъ переводятъ на жену, а вы помочи дать не хотите, уходите!

Исправникъ. Да, и ухожу.

Гамагинъ. А ежели вы уйдете, я по всей формальности прошу буду,—у меня свидѣтели, вотъ, господинъ судебный при-

ставъ, — я тогда уголовнымъ порядкомъ... Это прикосновенность, помилуйте! Я вразумительно прошу васъ быть здѣсь.

Исправникъ. Ты самъ-то сколько разъ банкротился?

Гамагинъ. Это къ дѣлу не относится. Хотя-бы я сто разъ банкротился, да ежели я оправданъ или тамъ въ сдѣлку вошелъ, — значить расплатился честно-благородно. Вы это извольте въ понятіе взять и марали на меня пущать не извольте.

Исправникъ. (Улыбаясь). Мараль... Да, дѣйствительно, грязью въ тебя пустить нельзя, потому некуда. — все замарано да загажено.

Гамагинъ. Ошибочно-сь, ошибочно предполагаете: сюртукъ на насъ новый, чистый, и панталоны тоже; полагать надо, поновѣй вашего платье носимъ, да-сь!.. Ну, да не въ томъ слово. Теперь, главная причина, провѣрку надо сдѣлать. Ежели складъ принадлежитъ новоиспеченной купчихѣ Колпашиковой, сирѣчь супругѣ господина городского головы Колпашикова, то въ этихъ книгахъ должна быть запись объ этомъ... Должны мы эти книги осмотрѣть.

Арфеницкій. Нельзя.

Гамагинъ. Какъ нельзя?

Арфеницкій. По закону нельзя, — вотъ какъ нельзя: книги купца безъ суда не открываются.

Гамагинъ. (Къ исправнику). Вотъ, ваше высокородіе, вы и понадобились. Теперича эти господа подлогъ или тамъ незаконную штуку продѣлали, а по книгамъ-то обчистить не успѣли... Такъ я прошу васъ актъ составить объ этомъ и книги своей подписью скрѣпить, дабы послѣ насъ они не вписали, что теперь не вписано. А васъ, господинъ присавъ, первѣе всего прошу арестовать эти книги. (Арфеницкій, схвативъ книги, идетъ; Гамагинъ догоняетъ и схватываетъ его. Къ исправнику). Ваше высокородіе, извольте видѣть, — книги хотѣлъ уничтожить торговня.

Арфеницкій. Книги арестовать нельзя, по закону нельзя; я не уничтожаю ихъ, а онѣ нужны мнѣ.

Гамагинъ. Книги долговня, въ нихъ долги записаны, — сколько кто господину Колпашикову долженъ, какъ-же я ихъ не арестую? Почему я буду знать, кто ему долженъ, гдѣ я буду свое доброе отыскивать, если онъ складъ переведетъ на жену, мнѣнье спрячетъ, а книги уничтожить? Прошу васъ убѣдительно книги арестовать.

Присавъ. (Арфеницкому). Подайте книги! (Вереть у него книги, кладетъ ихъ на столъ и пишетъ).

Гамагинъ. (Смотря книги и перебирая ихъ). Извольте писать: «Первая, — кассовая, двѣсти листовъ, со шнуркомъ и печатью.

Вторая, — товарная, двѣсти-пятьдесятъ листовъ, тоже. Третья, — документная и долговая, триста листовъ, тоже со шнуркомъ. (Отходить отъ стола). Изволили видѣть, господинъ исправникъ, — и книгу не открывалъ, — купеческія книги открывать безъ суда нельзя. Но въ теперешнемъ случаѣ и оставить такъ невозможно потому-что впишутъ чего не было; а ради этого, либо вы подпишите подъ концомъ статей, либо, ежели открывать нельзя, — надо обязать да опечатать ихъ и отдать на сохраненіе, до востребованія ихъ судомъ.

Исправникъ. (Къ Колпашикову). Вы что скажете?

Гамагинъ. Тутъ сказъ ихъ не при чемъ, — мало-ли что онъ скажетъ! А у меня по документамъ числится, что вотъ 7-го января взялъ Колпашиковъ у Балакѣва товаромъ 5,000 руб., 5-го марта 3,000 руб. Эти статьи должны быть занесены по книгамъ. Извольте, спросить, — занесены ли онѣ? (Пауза). Да говорите-же!..

Колпашиковъ. Статьи эти по книгамъ не занесены, потому...

Арфеницкій. (Подскакиваетъ къ нему и дергаетъ его за рукавъ). Тссъ... Молчите, молч...

Гамагинъ. (Останавливая Арфеницкаго). Нѣтъ, ужъ лучше ты, господинъ Юсь, помолчи! Будетъ ужъ, подсобилъ ты ему; подсобничество-то твое и потащитъ теперича господина Колпашикова въ Сибирь. Не будь тебя, такъ валаудаться-то мнѣ труднѣе-бы съ нимъ было. (Къ исправнику). Вотъ, ваше высокородіе, господинъ Колпашиковъ самъ проговорился, что книги у него неладны, долговъ этихъ моихъ довѣрителевъ тамъ не обозначено, — слѣдственно книги онъ велъ фальшивыя, мошенническія. Какъ-же вы эти книги не заарестуете? Я, мало того, что желаю ихъ арестовать, я желаю прямо въ судъ ихъ препроводить! Извольте писать все это происшествіе, какъ есть, и немедленно суду донести, дабы сего умышеннаго, злостнаго банкрота, до суда, за крѣпкимъ карауломъ въ острогъ держали.

Исправникъ. Господинъ Колпашиковъ! Да неужели вы-то, вы-то мошенникъ?

Колпашиковъ. О, Боже мой! Все на меня! Несчастный я, ни въ чемъ я неповиненъ! Я Балакѣву помочь хотѣлъ... Добро дѣлалъ... Изъ уваженія, векселя для его оборотовъ безденежные давалъ... И вотъ... (Сидитъ и рыдаетъ).

Занавѣсъ.

В. Демидовъ.

МЕСТЬ ОРРЮВО.

Сардинская легенда.

(Г. Мерз).

I.

Уже прошло нѣсколько часовъ, какъ мы вышли изъ Каглиарскаго залива, прелестной бухты, которой недостаетъ только Везувія, чтобъ превзойти красотой Неаполитанскій заливъ, и плыли вдоль восточнаго берега Сардиніи. Мы оставили далеко позади себя островъ Камюли и мысъ Феррато; уже виднѣлась Святая Гора, за которой открывается прелестный Оранскій заливъ. Ея голубоватая вершина тонѣла въ туманномъ горизонтѣ. Пароходъ незамѣтно скользилъ по гладкому, безстрастному морю, и еслибъ не глухой стукъ винта и мягкаго плеска воды,—то можно было-бы подумать, будто онъ движется какимъ-то волшебствомъ. Крутые берега острова покоились на лонѣ водъ, и волны ласково лизали ихъ.

Залитая потоками свѣта, Сардинія, со своими зубчатыми утесами и громадными оврагами, походила на заснувшее морское чудовище, убаюкиваемое моремъ. Остроконечныя вершины ея горъ, ясно обрисовывавшихся, извилины ея глубокихъ долинъ, представлявшихъ какъ-бы полосы тѣни на громадномъ огненномъ пятнѣ, указываютъ на ея вулканическое происхожденіе. При видѣ этой земли, столь странно изрѣзанной, изрытой, опаленной солнцемъ, съ одной стороны задѣвающей небо вершинами своихъ горъ, а съ другой касающейся нѣдръ земли дномъ своихъ пропастей, легко объясняется особенный, — страстный, бурный, лихорадочный

и сильный, — темпераментъ ея жителей, соединяющихъ въ себѣ и дѣтскія качества, и черты гигантовъ.

Длинные, томительные, жаркіе часы прошли, когда раздался звонокъ къ обѣду; задулъ легкій вѣтерокъ и принесъ съ собою нѣкоторое облегченіе. Насъ было немного. На итальянскихъ пароходахъ гораздо свободнѣе чѣмъ на англійскихъ, на которыхъ путешественникъ чувствуетъ себя какъ-бы поступившимъ въ военную службу, такъ какъ тамъ капитанъ подчиняетъ и скромнаго пассажира стѣснительной дисциплинѣ и скудѣ педагогическаго морского распорядка. На «Мальтѣ» всѣ были какъ дома, и пароходъ не шелъ отъ этого тише. Капитанъ нашъ былъ старый морской волкъ, принадлежавшій къ той сильной генуэзской расѣ, для которой океанъ тоже самое, что обширныя лигурскія озера. Онъ много плавалъ на своемъ вѣку и любилъ поболтать. Рѣчь его была наивна и цвѣтиста.

Солнце давно закатилось; взошла луна, проливая нѣжный свѣтъ на едва вздымающіяся волны. Пароходъ продолжалъ свой путь, почти неуловимо скользя по волнамъ, которыя зажигались фосфорическимъ свѣтомъ и распространяли вокругъ цѣлыя снопы блѣдныхъ искръ.

Вдали, сквозь туманъ, виднѣлся неподвижный и мрачный профиль сардинскихъ горъ. Нѣсколько свѣтившихся на берегу маяковъ придавали еще болѣе прелести этой картинѣ.

— Вотъ остроконечныя вершины Огліастра! вскричалъ капитанъ, указывая пальцемъ на крутую цѣпь, гордо поднимающуюся надъ окружающими горами;—еслибъ дѣло было днемъ, я показалъ-бы вамъ оврагъ Орриво.

— Что это за оврагъ Орриво? спросилъ я.

— Это оврагъ, съ которымъ связана одна изъ трогательныхъ легендъ о сардинской «vendetta». Хотите, я вамъ ее расскажу?

Отвѣтомъ былъ всеобщій крикъ:

— Да, да, расскажите намъ легенду объ Орриво!

Капитанъ хлебнулъ нѣсколько глотковъ кипрскаго и началъ:

II.

Въ то время, т. е. при упадкѣ испанскаго владычества, жили въ горахъ Огліастра два пастуха, очень извѣстныхъ и уважаемыхъ окрестными жителями: Раймондъ Санси и Ниедду

Мянно. Они выросли вмѣстѣ и съ давнихъ поръ любили другъ друга. Но, мало-по-малу, положеніе ихъ, вначалѣ почти одинаковое, въ послѣдствіи такъ измѣнилось, что послужило даже причиною къ перемѣнѣ взаимныхъ ихъ чувствъ. Неудачи преслѣдовали Раймонда. Никакое дѣло ему не удавалось. Овцы его повадились ходить по краю обрыва и нерѣдко тамъ погибали. Какъ только начинала свирѣпствовать какая нибудь эпидемія, она предпочтительно обрушивалась на его стадо. Такимъ образомъ, черезъ двадцать лѣтъ, Раймондъ владѣлъ всего несчастнымъ десяткомъ овецъ, какимъ-то чудомъ спасшихся отъ всѣхъ несчастій, которыя сильно уменьшили его отцовское наслѣдство и ввергнули его въ бѣдственное положеніе.

Наоборотъ, счастье улыбалось Ниедду, и онъ, опьянѣвъ отъ успѣховъ, сдѣлался еще болѣе отважнымъ.

Всякое дѣло, раззорительное для другихъ, для него было прибыльно. Онъ брался за все, ибо все ему удавалось, и въ то время, какъ отъ одного мыса до другого не было ни одного стада, не пораженнаго болѣзью, стадо Ниедду весело бѣгало по пастбищу, давая въ изобиліи молоко и выставляя на солнце, точно на показъ, цѣлыя волны бѣлой серебристой шерсти.

Проявленіе первой холодности между двумя пастухами, съ дѣтства дѣлившими другъ съ другомъ и радости и горе, было сначала результатомъ простаго недоразумѣнія.

Видя, какъ Ниедду постоянно богатѣлъ, тогда какъ онъ болѣе и болѣе бѣднѣлъ, Раймондъ почувствовалъ себя униженнымъ и боялся, чтобъ его дружба не стала неприятною другу его дѣтства. Послѣдній принялъ сдержанность своего товарища за зависть и разсердился. Онъ рѣшилъ отвѣчать надменностью на то чувство, которое, какъ ему казалось, онъ угадалъ въ прежнемъ другѣ, и, мало-по-малу, холодность Раймонда дѣйствительно превратилась въ зависть, — зависть глухую, угрюмую, возбуждавшую еще болѣе спѣсъ Ниедду.

Къ счастью, Раймондъ могъ предаваться своему чувству только въ короткіе часы отдыха. Онъ былъ обремененъ заботами, такъ какъ былъ не одинъ. У него былъ сынъ Орриво, сильный юноша, двадцати лѣтъ. Остатки стада не всегда позволяли семьѣ Раймонда жить даже скудно.

Ниедду тоже имѣлъ двадцати-двухъ-лѣтняго сына, бывшаго

самымъ красивымъ парнемъ въ Огліастрѣ, и кромѣ того красавицу дочь, восемнадцати лѣтъ, съ черными глазами и съ загорѣлымъ лицомъ. Рита и Гуналь были гордостью своего отца, точно также какъ Оррюво—своего. По странному противорѣчію, молодые люди не послѣдовали примѣру родителей. Напротивъ, Гуналь, сынъ Ніедду, искренно любилъ Оррюво; онъ обѣгалъ съ нимъ всѣ лѣсныхъ тропинки, научилъ его дѣлать дудки изъ тростника; по воскресеньямъ они проводили послѣобѣденное время обыкновенно вмѣстѣ, за стаканомъ вина. Несмотря на глухую ненависть ихъ отцовъ, они не измѣнили привычки встрѣчаться каждый день, въ то время, какъ ихъ стада спокойно пощипывали съ кустовъ листики или паслись на лугу. Скука ихъ соединила, и чувство, возникшее вслѣдствіе привычки, сильно привязало ихъ другъ къ другу. Рита выросла такъ-же, какъ и ея братъ, вмѣстѣ съ Оррюво. Она тоже проводила съ нимъ долгіе часы подъ густой листвою молодыхъ вязовъ, между тѣмъ какъ ея овцы тихо пережевывали жвачку, невдалекѣ отъ нихъ.

Она никогда не обращала вниманія на то, что стадо ея отца многочисленнѣе стада Раймонда, и, если-бы не проклятія и жалобы Ніедду, она долго не знала-бы о ненависти отца къ семейству своего молодого друга.

Окрестные пастухи, собиравшіеся по воскресеньямъ на лѣсной полянѣ поплясать подъ звуки дудки, знали уже о ссорѣ двухъ старыхъ товарищей. Но они замѣчали также и то, что Гуналь и Оррюво не переставали быть, все-таки, лучшими друзьями въ мірѣ и что послѣдній приглашалъ Риту танцовать чаще, чѣмъ этого требовала простая дружба хорошихъ сосѣдей. Объ этомъ начали уже поговаривать въ горахъ, а двѣ или три мѣстныхъ вліятельныя кумушки, подоивъ коровъ и овецъ, часто останавливались посудачить о томъ, что Ніедду никогда не согласится на подобный бракъ, если-бы отецъ Оррюво осмѣлился когда нибудь заикнуться ему объ этомъ.

Раймондъ, можетъ быть, и отгадалъ тайну Оррюво, но дѣлать видъ, что ничего не знаетъ. Ніедду ничего не видѣлъ и ни о чемъ не догадывался; онъ исключительно былъ занятъ тѣмъ, чтобы устроить какую-нибудь неприятность своему сопернику, и совсѣмъ не заботился о томъ, какъ его дѣти проводить время, когда стерегутъ овецъ; онъ никогда не повѣрилъ-бы, что чувства его дѣтей совершенно противоположны его собственнымъ.

До сихъ поръ, однако, не представлялось удобнаго случая къ проявленію взаимной ненависти сосѣдей во всей ея силѣ. Все, что было между ними до этого времени, ограничивалось самыми незначительными, мелкими непріятностями, устраиваемыми другъ другу. Удобный случай, впрочемъ, скоро подвернулся.

Въ одинъ прекрасный день, овца Раймонда зашла на пастбище Ниедду: онъ увидалъ ее и застрѣлилъ. Раймондъ подалъ на него въ судъ. Дѣло разбиралось сначала очень медленно. Первымъ судьямъ показалось, что бѣдникъ пастухъ былъ правъ; но впоследствии вышло иначе, потому что Ниедду такъ затаскалъ Раймонда по различнымъ судамъ, такъ хорошо подкупалъ, кого нужно, что противникъ его, не имѣя средствъ довести борьбу до конца, принужденъ былъ объявить себя побѣжденнымъ. Всѣ граждане равны передъ закономъ, но они не равны передъ судьями, которые, благодаря своей расчитанной медленности и образу примѣненія этого закона, обращаютъ иногда принципъ юридическаго равенства въ насмѣшку. Въ то время, впрочемъ, правосудіе и не могло быть такимъ равнымъ для всѣхъ, какъ теперь.

Послѣ пораженія, Раймондъ сталъ еще болѣе мраченъ и молчаливъ. Преступныя мысли часто приходили ему въ голову, а когда одна подобная мысль овладѣетъ умомъ сардинца, это значитъ, что онъ рѣшилъ привести ее въ исполненіе. Человѣкъ этотъ считалъ себя жертвой несправедливости, и все его существо было до крайности возмущено.

Врагъ побѣдилъ его деньгами; онъ, въ свою очередь, долженъ былъ побѣдить врага. Въ справедливомъ своемъ негодованіи онъ не могъ безъ содроганія думать о своемъ униженіи. Злоба, накопившаяся въ его душѣ въ теченіи многихъ лѣтъ соперничества, выступила теперь съ полной силой.

Онъ, побѣжденный людскою несправедливостью, не могъ помириться съ мыслью, что его противникъ восторжествовалъ, хотя правда была на сторонѣ его, Раймонда.

Онъ думалъ, однако, что кромѣ справедливости человѣческой есть еще справедливость божеская, во имя которой онъ и хотѣлъ вооружить свою руку. Часто, въ часы отдыха, онъ бралъ ружье и стрѣлялъ въ ласточекъ, летавшихъ вокругъ его хижины, ютившейся на вершинѣ утеса. Онъ убѣдился такимъ образомъ въ вѣрности своего глаза.

Онъ могъ затѣмъ предоставить времени заботу о мщеніи за свою овцу. Не обладалъ-ли Оррюво самой прекрасной овцой изъ овчарни Ниедду? Но ему казалось недостойнымъ удовольствоваться столь подлымъ удовлетвореніемъ. Месть— это человѣкъ опережающій судьбу! Ниедду можетъ быть имѣть только одинъ день въ своемъ распоряженіи, и этотъ день принадлежалъ уже Раймонду! Но онъ обезчестилъ бы себя, убивъ измѣннически своего врага. Поэтому онъ ждалъ только удобнаго случая, чтобъ объявить ему вендетту.

Въ слѣдующее воскресенье, около двадцати пастуховъ, вооруженныхъ ружьями, собрались, по обыкновенію, на лѣсной полянѣ вмѣстѣ съ своими женами и дочерьми, разодѣтыми въ кисейныя платья съ красными шелковыми, вышитыми золотомъ, корсажами и съ большими яркими платками на головахъ.

Въ томъ мѣстѣ, гдѣ пересѣкались четыре лѣсныя тропинки, открывалась обширная круглая поляна. Большіе камни служили столами. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ заканчивался кустарникъ, возвышался столбъ, служившій основаніемъ мишени для стрѣльбы въ цѣль, которою занимались мужчины послѣ бала. Старый пастухъ игралъ на дудкѣ для танцующихъ; за это ему давали въ продолженіи недѣли обрѣзки стараго сыра, куски черстватаго хлѣба и нѣсколько мисокъ молока.

Воскресное сборище это напоминало нѣсколько разбойничій бивуакъ, такъ какъ на этомъ островѣ не было ни одного пастуха, который въ своемъ черномъ, доходившемъ до плечъ, беретѣ, въ своихъ стянутыхъ у колѣнъ штиблетахъ, съ ружьемъ на перевязи, не былъ-бы похожъ на человѣка, вышедшаго на открытую борьбу съ обществомъ.

Даже женщины имѣли воинственный видъ. Однако, ни одно кровавое дѣло не тревожило этихъ собраній. Плясали весело, не ссорясь, и, подъ звуки дудки, нѣжныя взгляды и любовныя предложенія смѣшивались съ грубыми шутками и красными словцами.

Гунало, Рита и Оррюво также были здѣсь. Ниедду и Раймондъ тоже. Первый—гордый и насмѣшливый, второй—блѣдный и молчаливый.

Послѣ бала началась стрѣльба въ цѣль. На столбъ поставили зажженную лампу; стрѣлки, скача на лошадяхъ въ га-

лопъ, со ста шаговъ должны были погасить пламя не опрокинувъ лампы.

Сардинскіе горцы необыкновенно искусные стрѣлки; они могли-бы побѣдоносно состязаться съ самыми мѣткими тиролецями. Точно такъ-же, какъ и могучіе сыны Тироля, они родятся охотниками, и объ ихъ удивительной мѣткости ходятъ множество рассказовъ.

Раймондъ, давно ужъ уступившій свою очередь молодымъ людямъ и любившій только присутствовать на этихъ традиціонныхъ играхъ, въ этотъ день сѣлъ верхомъ на свою черную, небольшую, но горячую лошадку, съ упрямою головою и огненнымъ взглядомъ, и занялъ свое мѣсто. Настала его очередь, и старшина праздника подалъ знакъ къ отправленію.

Вонзивъ шпоры въ бока своего скакуна, взвившагося при этомъ на дыбы, Раймондъ поскакалъ быстрымъ галопомъ. Достигнувъ до предѣльной черты, онъ взвелъ курокъ и выстрѣлилъ.

По обычаю слѣдуетъ, чтобы выстрѣлъ предназначался въ честь кого-нибудь. Молодые люди стрѣляли обыкновенно въ честь своихъ возлюбленныхъ, которыя угощали ихъ потомъ виномъ, если выстрѣлъ былъ удаченъ, или поворачивались къ нимъ спиной, если онъ былъ неудаченъ.

— Это тебѣ Ниедду, сказала Раймондо саркастическимъ голосомъ, испуская дикій воинственный крикъ.

Пуля Раймонда просвистала надъ лампой, погасила пламя, не причинивъ ей ни малѣйшаго сотрясенія.

Оррюво и Рита страшно поблѣднѣли, взгляды ихъ встрѣтились.

Ниедду незамѣтно кусалъ губы; онъ былъ мужественъ и смѣло пошелъ на встрѣчу опасности.

Онъ взялъ стаканъ съ виномъ, гордымъ, твердымъ шагомъ приблизился къ Раймонду, слѣзавшему съ лошади, и протянулъ, по обычаю, стаканъ Раймонду.

— Отъ врага не принимаютъ вина, грубо сказалъ Раймондъ, снова сядя на лошадь и медленно удаляясь.

Сдержанный крикъ вырвался изъ груди Риты; трепеть пробѣжалъ по толпѣ, окружавшей Ниедду и глубоко потрясенной этой сценой.

— Хорошо-же, сказала Ниедду, съ досадою выливая вино на землю. — Только горе тебѣ, Раймондо Санси!

— Горе тебѣ, Ниедду Манно!

Ниедду удалился въ свою очередь, сопровождаемый Гунальмъ и Ритой, которые присоединились къ нему; они не смѣли даже взглянуть проститься съ Оррюво.

Сынъ Раймонда тоже не искалъ случая переговорить съ Гунальмъ и Ритой. Онъ пошелъ, не сказавъ ни слова, по тому направленію, гдѣ скрылась лошадь его отца.

III.

Въ теченіи слѣдовавшей за тѣмъ недѣли не случилось ничего особеннаго. Тѣмъ не менѣе, въ горахъ съ минуты на минуту ждали кровавой драмы.

Дѣти Раймонда и Ниедду старались не встрѣчаться другъ съ другомъ. Они обходили тропинки, на которыхъ могли-бы встрѣтиться. Иногда они видали другъ друга сквозь листву орѣшника или на вершинахъ горъ, но они отворачивались, не обмѣниваясь ни словомъ, ни взглядомъ. Съ этихъ поръ ничто не могло ихъ опять сблизить, — нѣжныя чувства должны были заглухнуть и уступить мѣсто требованіямъ вендетты.

Кровь должна была пролиться, а она вызывала въ будущемъ цѣлый рядъ кровавыхъ преступленій, которыя должны были продолжаться до тѣхъ поръ, пока въ Огліастрѣ оставались хоть два человека, носящіе имена Санси и Манно.

Души молодыхъ людей призывались къ ненависти; они должны были готовиться къ исполненію трагическаго долга и для этого учились ненавидѣть и проклинать другъ друга.

Сила воли заглушала въ нихъ всякое сожалѣніе. Грусть, пріятныя воспоминанія, прекрасныя исчезнувшія мечты о будущемъ, все это было ничто передъ требованіями, которыя вытекали изъ обычая кровавой мести.

Нѣсколько разъ Рита видала на другомъ берегу оврага Оррюво. Она быстро убѣгала и скрывалась въ рошѣ. Любовь къ Оррюво исчезала изъ ея сердца.

Призракъ мщенія образовалъ глубокую пропасть между Манно и Санси.

Рита предвидѣла уже ту минуту, когда Гуналь и Оррюво, друзья дѣтства, будутъ готовы мстить другъ другу за смерть своихъ отцовъ.

Все равно, кто-бы первый ни палъ, — всѣмъ было извѣстно,

что молодые люди обязаны, по праву наслѣдства, окончить себѣ своихъ семействъ.

Что-же тогда будетъ? Если Гуналь убьетъ Орриво, Рита увидитъ погибшимъ отъ руки своего брата того, кого она любила; если-же, на-оборотъ, будетъ убитъ Гуналь, то на ея долю выпадетъ обязанность мстить за смерть отца и брата.

Въ обоихъ случаяхъ бѣдная дѣвушка должна была перенести жестокия страданія, но она успокоивала себя святостью обычая мести.

Можетъ быть, въ глубинѣ ея души существовали остатки нѣжнаго чувства къ молодому пастуху; съ которымъ она выросла оставалась еще любовь къ нему, въ чемъ она, вслѣдствіе своей гордости, не хотѣла самой себѣ сознаться, чтобы потомъ не стыдиться и не измѣнить невольно своему долгу.

Но горячая любовь къ семьѣ, увлеченіе ненавистью, теперь уже наслѣдственной, и героизмъ жертвы совершенно завладѣли всѣмъ существомъ, закаленнымъ свѣжимъ горнымъ воздухомъ и жгучимъ южнымъ солнцемъ.

Рѣшительно, она ненавидѣла Орриво, — ненавидѣла и сама себя за то, что противъ воли питала еще къ нему тайную любовь.

Около трехъ недѣль спустя послѣ рассказанной сцены, Ниедду и Гуналь медленно шли, уже подъ вечеръ, за своимъ стадомъ, загоняя его въ овчарню.

Овцы шли ровнымъ и однообразнымъ шагомъ, останавливаясь иногда для того, чтобы небрежно пощипать кустики люцерны или-же лѣниво почесать свою пыльную шею о шероховатый стволъ стараго дуба.

Оба пастуха шли молча. Взглядъ ихъ не выражалъ ни недовѣрія, ни безпокойства. Для чего они стали-бы осматривать овраги и кустарники? Пуля человѣка, собравшагося отомстить, такъ-же неумолима, какъ и судьба. Зачѣмъ напрасно разстраивать себя?

Вдругъ раздался выстрѣлъ, — пронзительный воинственный крикъ пронесся по ущельямъ горъ.

Маленькая черная лошадка — лошадка Раймонда — промчалась, какъ привидѣніе, съ всадникомъ, который, въ знакъ радости и вызова, потрясалъ въ воздухъ своимъ дымящимся карабиномъ.

Ниедду лежалъ на краю тропинки, уткнувшись окровавлен-

нымъ лицомъ въ туювнй кустъ. Гуналь поднялъ его. Пуля попада между лѣвымъ глазомъ и ухомъ, въ то самое мѣсто, куда, нѣсколько времени тому назадъ, пуля Ниедду угодила овцѣ Раймонда.

IV.

Два карабинера, бывшіе въ горахъ, услышали звукъ выстрѣла и приближали въ то время, когда Гуналь клалъ себѣ на спину теплый еще трупъ отца. Они составили протоколъ, но при этомъ не могли получить отъ Гуналя никакого указанія—кто убилъ Ниедду. Онъ ничего не видѣлъ, ничего не зналъ; едва онъ услышалъ звукъ выстрѣла, его отецъ упалъ замертво.

Во время производства слѣдствія, Гуналю угрожали, что обвинять его въ отцеубійствѣ, если онъ не откроетъ имени убійцы. Несмотря на это, онъ все-таки упорно стоялъ на своемъ первомъ показаніи.

Хотя всѣ пастухи систематически молчали, но власти все-таки узнали о ссорѣ между Ниедду и Раймондомъ и, понятно, заподозрили въ смерти Ниедду этого послѣдняго. Его тотчасъ же арестовали, допрашивали, пытали, но напрасно.

Въ день суда Гуналь былъ допрошенъ въ послѣдній разъ.

— Говорите-же! нетерпѣливо вскричалъ судья:—не надѣйтесь сбить насъ съ толку. Мы судьи, знаемъ, что для васъ, сардинцевъ, составляетъ честь рѣшать споры, возникающіе въ вашей средѣ, домашними средствами, судамъ-же не сообщать ничего.

— Если вы это знаете, то зачѣмъ-же спрашиваете меня объ этомъ? сухо отвѣтилъ Гуналь.

Такъ какъ противъ Раймонда имѣлись одни только подозрѣнія и, кромѣ того, Ниедду былъ никто другой какъ пастухъ, смерть котораго не могла особенно интересовать правительство, то судьи освободили обвиняемаго.

Раймондъ былъ вѣдъ себя отъ радости, почувствовавъ себя опять на свободѣ. Жизнь для него не была особенно дорога, но онъ не хотѣлъ погибнуть отъ руки палача.

Смерть за смерть. Онъ предпочиталъ умереть среди людей, на одномъ изъ утесовъ своей дорогой Огліастры или на одной изъ ея лѣсныхъ тропинокъ. Если ужъ придется умирать, то

лучше быть убитымъ пулею Гуналя. Поэтому, выйдя изъ суда онъ, по обычаю, отправился въ церковь, чтобы поблагодарить Бога за свое освобождение.

Въ то время, когда онъ всходилъ уже на послѣднія ступени церковной лѣстницы, кто-то окликнулъ его съ площади. Раймондъ обернулся. Въ ту-же минуту раздался выстрѣлъ, и пуля попала ему прямо въ грудь. Онъ тотчасъ-же упалъ. Убійца, потрясая своимъ еще дымившимся ружьемъ, пробѣжалъ сквозь толпу, собравшуюся у церкви, перемахнулъ черезъ трупъ Раймонда и взмошелъ въ нее. Это былъ Гуналь.

Въ то время преступники еще пользовались правомъ убійца въ храмахъ.

Павъ Раймонда передъ судомъ, Гуналь сберегалъ его для своей мести...

V.

Прошло двадцать лѣтъ. О Гуналь ничего не было слышно въ долинахъ Огיאстры. Знали только, что, при помощи священниковъ, давшихъ ему убійнице, онъ ночью ушелъ въ Каглиари и направился въ Камнидано де Пула, а оттуда въ Сульси. Нѣсколько разъ онъ пробовалъ вернуться въ Огיאстру, направляясь къ сѣверу, но это было не такъ легко. Его ждали засады, заставлявшія его отказываться отъ намѣреній. Карабинеры, пѣшие и конные, отправленные по его слѣдамъ, отлично знали, что сынъ Ниедду употребитъ всевозможныя усилія, чтобы вернуться на родину, такъ какъ, по понятіямъ чести у сардинцевъ, нельзя было уклоняться отъ мести своего врага. Пробовали даже не мѣшать ему, чтобы такимъ образомъ вовлечь его въ западню. Но онъ былъ хитрее сыщивовъ, преслѣдовавшихъ его съ ожесточеніемъ, и прошло уже двадцать лѣтъ, а Гуналь все еще не попался къ нимъ въ руки.

Что касается Риты, то она пропала. Одни говорили, что она умерла съ горя, другіе увѣряли, что видѣли ее издали худую, иссохшую, блуждающую по ночамъ по лѣснымъ тропинкамъ и осирающуюся кругомъ безпокойнымъ взглядомъ.

За это время Оррюво постоянно былъ на-сторожѣ. Онъ также не сомнѣвался въ томъ, что Гуналь живетъ, какъ только ему будетъ возможно.

Оррюво женился. Скоро, однако, жена его умерла, и онъ

остался съ двумя маленькими сыновьями на рукахъ. Дѣла его шли не лучше чѣмъ прежде; стадо его, и всегда небольшое, уменьшилось еще болѣе. Но, несмотря на лишенія, дѣти росли здоровыя и здоровыя, и, глядя какъ они прыгали по скаламъ, точно дикая коза, Оррюво забываетъ иногда и о своемъ суровомъ прошломъ и о кровавомъ счетѣ, который онъ долженъ былъ, рано или поздно, свести съ Гуналемъ.

Черезъ нѣсколько лѣтъ, когда Башиво и Эффюзю достаточно подросли, Оррюво счелъ за лучшее покинуть горы Пердею, гдѣ жизнь для него стала слишкомъ трудною, и переселился на восточный склонъ Аггилиса, ближе къ морю. Здѣсь представлялась кое-какая работа. Но все-таки ее было настолько мало, что отъ времени до времени ему приходилось заниматься контрабандой и браконьерствомъ. Сыновья его часто сталкивались съ карабинерами, нѣсколько разъ даже храбро дрались съ ними. Частое повтореніе подобныхъ стычекъ заставляло солдатъ зорко слѣдить за ними. Въ одинъ прекрасный день они были схвачены въ тотъ моментъ, когда имъ удалось совершить какое-то ловкое предпріятіе. При этомъ они обмѣнялись нѣсколькими выстрѣлами. Одинъ карабинеръ былъ убитъ, другой раненъ; но все-таки Башиво и Эффюзю были пойманы. Ихъ судили и приговорили къ смерти. Вице-король помиловалъ ихъ, въ виду ихъ молодости: замѣнилъ смерть вѣчной ссылкой на галеры.

Ударъ для отца былъ страшный. Онъ никогда не оправился-бы отъ него, если-бы не чувствовалъ необходимости жить во чтобы то ни стало, въ ожиданіи часа мести, — послѣдняго долга въ его жизни, которая была къ нему такъ жестока.

Онъ проводилъ цѣлыя недѣли вдали отъ людей, оставая горы только для того, чтобы собрать нужныя свѣдѣнія.

— Не знаете-ли вы чего-нибудь? спрашивалъ онъ.

— Ничего, отвѣчали ему, добавляясь, что онъ справлялся о Гуналѣ.

Онъ горячливо благодарилъ, и затѣмъ направлялся къ своей кажинѣ, стоявшей между огромной сосной и громадной гранитной глыбой, — кажинѣ-то чудомъ высѣченной на вершинѣ Аггилиса.

VI

Оррово не могъ спать. Онъ проводилъ ночи, сидя у дверей своей хижины на сѣромъ камнѣ, служившемъ ему скамьей, и глядѣлъ на горѣвціи въ небѣ звѣзды, лаская по временамъ Уго, сторожевую собаку, которая одна, вмѣстѣ съ его овцами, нарушала мрачное и меланхолическое уединеніе горь.

Однажды, ночью, Оррово сидѣлъ уже давно на своемъ мѣстѣ. Морской вѣтерокъ приносилъ съ собою животворный запахъ; луна освѣщала лѣсъ ровнымъ и приятнымъ свѣтомъ, отчего темнота долины казалась еще мрачнѣе.

Оррово состарился. Глубокія морщины избороздили его лицо, длинная борода посѣдѣла, спина согорбилась, только взглядъ его еще сверкалъ. Глаза его мшицкиально блуждали то по лѣсу, гдѣ шумѣла листва, то по далекому морю, фосфорическая поверхность котораго рябила и искрилась.

О чемъ думалъ Оррово?

Отчего въ то время, когда слезы тихо катились, омрачая взоръ, ротъ его искривлялся, точно онъ шепталъ горькія проклятія?

Вспоминалъ-ли ты, пастухъ, всю свою жизнь? Вспоминалъ-ли ты, какъ нѣкогда тебѣ улыбалось будущее? Ты любилъ дѣвушку, первую поцѣлуи которой открыли тебѣ радости любви. У тебя былъ другъ, который объявилъ-бы изъ-за тебя вандетту самому Богу. Но все это были только обманчивыя призраки. Счастье вдругъ исчезло изъ Орриво.

Что стало съ Ритой? Что сдѣлалось съ твоими дѣтьми, пастухъ Аттиаса? Зачѣмъ ты, подобно тому, какъ Кантъ искалъ Авеля, ищешь Гуналя, друга твоего дѣтства, и отчего твоя морщинистая, но твердая рука такъ часто сжимаетъ дуло ружья?

А между тѣмъ жизнь на этомъ плодородномъ островѣ, щедро согрѣваемомъ солнцемъ и омываемомъ лазоревыми волнами, могла быть для тебя такъ прекрасна. Видишь-ли ты эти стада овецъ съ роскошной шерстью, пасущіяся въ долинахъ? Видишь-ли ты эти созрѣвшіе на душистыхъ поляхъ хлѣба и ихъ тяжелые колосы, колышущіеся, какъ золотыя волны, отъ легкаго вѣтерка?

О чемъ думалъ Орриво? II 7

Вдругъ Уго вскочилъ; онъ поднималъ по временамъ уши, нюхалъ воздухъ и слегка ворчалъ. Наконецъ съ громкимъ лаемъ онъ бросился впередъ.

— Что такое, Уго? спросилъ Орриво.

Онъ въ свою очередь сталъ прислушиваться. Изъ глубины лѣса долеталъ неспределенный шумъ, походившій на шаги человека, осторожно ступавшаго по сухимъ листьямъ и преобрѣвшагося съ кочки на кочку, чтобы скорѣе добраться до кустовъ. Потомъ раздался свистокъ. Орриво зналъ этотъ сигналъ: карабинеры преслѣдовали контрабандиста. Инстинктивно Орриво бросился въ свою хижину, схватилъ ружье и зарядилъ его.

Уго началъ все громче и звѣе. Кто-то приближался къ хижинѣ. Когда Орриво вышелъ, какой-то человекъ, сильно запыхавшійся отъ трудной ходьбы, стоялъ уже на порогѣ. Онъ былъ одѣтъ такъ, какъ одѣваются пастухи южной части острова; его изношенная и вся въ локмотьяхъ одежда была самаго неопредѣленнаго цвѣта; запыленные штиблеты изодраны. Ему было, повидимому, около сорока лѣтъ, и глаза на его суровое и измученное лицо можно было думать, что ему не легко было пройти этотъ долгій жизненный путь.

Они стояли другъ противъ друга. Мѣсяць освѣщалъ ихъ лица, одинаково возбужденныя и суровыя. Когда ихъ взгляды встрѣтились, то изъ груди обоихъ одновременно вырвались крики:

— Гуналь!

— Орриво!

Прямо нѣсколько секунды въ молчаніи. Они разглядывали съ недовѣріемъ другъ друга. Ружья ихъ почти инстинктивно опустившись, не забывъ Гуналь подаль свое ружье Орриво!

— Возьми, сказалъ онъ, — сейчасъ будутъ здѣсь карабинеры. Я погибъ. Пусть лучше исполнится твоя мѣсть. Убей меня и отомсти за Раймонда.

— Никогда, отвѣтилъ Орриво; — ты знаешь, что сардинскій пастухъ никогда не измѣняетъ долгу гостепрѣимства. Ты въ моей хижинѣ — и твоя жизнь для меня священна.

VII.

Двѣ недѣли спустя послѣ этого происшествія, послѣ полудня, небольшой отрядъ карабинеровъ подъ командой офицера, конвоировавшихъ Башизо и Эффизіо, остановился передъ хижиной Оррово.

Пастухъ почувствовалъ и радость и ужасъ при видѣ своихъ сыновей. Онъ хотѣлъ броситься къ нимъ, обнять ихъ, прижаться къ своему сердцу; но офицеръ быстрымъ и рѣзкимъ движеніемъ остановилъ его.

По его приказанію, осмотрѣли хижину и мѣсто вблизи ея. Подобныя обыски были и раньше, но всегда ограничивались неудачно. Тоже было и на этотъ разъ.

— Ну, сказалъ офицеръ, оглядывая пастуха взоромъ хищной птицы, — ты все-таки упорно хочешь скрыть отъ насъ Гуналя?

— Я ничего не знаю, коротко отвѣтилъ Оррово.

— Выдай намъ Гуналя, и твои сыновья будутъ свободны; если же ты ничего мнѣ не скажешь о немъ, твои дѣти будутъ разстрѣляны вѣдь, на твоихъ глазахъ.

Пастухъ задрожалъ всѣмъ тѣломъ. Онъ долго и съ любовью смотрѣлъ на своихъ дѣтей. Имѣть ихъ возлѣ себя, слышать снова ихъ голоса, повторенные эхомъ горъ, спать возлѣ нихъ при свѣтѣ звѣздъ—это была мечта его старости.

И теперь это счастье было въ его рукахъ... Сердце его разрывалось, слезы выступили на глазахъ.

Башизо и Эффизіо, связанные, окруженные со всѣхъ сторонъ солдатами, смотрѣли на отца. Ихъ загорѣлыя лица были спокойны, эсперичны. Они съ гордостью переносили безвѣстіе востюма кагоржниковъ.

Ни капли боязни не было на ихъ лицахъ. Казалось, они страшались болѣе слабости отца, такъ какъ глаза ихъ, устремленные на него, выражали скорѣе безповойство.

— Надумался-ли ты? вскричалъ офицеръ.

— Я ничего не знаю, отвѣтилъ пастухъ твердымъ голосомъ.

— Въ такомъ случаѣ, пусть исполнится твое желаніе.

Башизо и Эффизіо были привязаны къ стволу старой сосны, верхушка которой раскинулась надъ хижиной и укрывала ее своею тѣнью отъ солнца.

Прежде чѣмъ велѣтъ стрѣлять, офицеръ еще разъ взглядомъ спросилъ пастуха.

Оррюво хотѣлъ броситься подъ пули передъ своими дѣтьми. Его проворно связали.

— Будешь ты говорить?

Пастухъ отвернулся и страшно поблѣднѣлъ. Цѣлый градъ пуль убилъ его дѣтей на порогѣ той хижины, въ которой они выросли и гдѣ прежде такъ безопасно играли

Оррюво смотрѣлъ теперь на ихъ трупы, распростертые на сухихъ листьяхъ, нанесенныхъ сюда осеннимъ вѣтромъ. Лица ихъ, поблѣднѣвшія и спокойныя спокойствіемъ смерти, озарялись еще послѣдней улыбкой гордости. Буря отчаянія поднялась въ душѣ пастуха, страшное негодованіе охватило все его существо. Послѣднія надежды его жизни лежали разбитыми у его ногъ. Умъ его помрачился; могучая натура ослабла при видѣ обезображенныхъ дѣтей. Въ эту ночь въ его голову проникъ лучъ правды; у него родилась великая мысль, давшая силы огорченному отцу принять героическое рѣшеніе.

— Что такое случилось? спросилъ Гуналь, неожиданно показываясь.

Грохотъ выстрѣловъ, услышанный имъ въ своемъ убѣжищѣ, обезпокоилъ его. Не ожидая прихода Оррюво, онъ поднялъ плечомъ тяжелый камень, скрывавшій входъ въ пещеру, которая служила ему убѣжищемъ, и, убѣдившись, что Оррюво былъ одинъ, побѣжалъ къ его хижинѣ.

Оррюво указалъ ему пальцемъ на оба трупа.

Гуналь задрожалъ; по зловѣщему величію этого зрѣлища, онъ тотчасъ угадалъ истину.

— Я два раза долженъ тебѣ мою жизнь, сказалъ онъ; — мсти за себя, за Раймонда; благодарю тебя за твое гостепріимство. Теперь прощай, ты можешь, ты долженъ мстить!

Онъ уже сдѣлалъ шагъ чтобъ удалиться.

— Остановись! быстро сказалъ Оррюво, поблѣднѣвшій при имени своего отца и поднявшій глаза къ небу, какъ-бы желая увидѣть его тамъ и призвать въ свидѣтели святости своего рѣшенія.

Гуналь остановился, и Оррюво долго на него смотрѣлъ. Глаза ихъ встрѣтились; въ засвѣтившемся въ нихъ огнѣ они увидѣли какъ-бы отблескъ, воспоминавіе своей молодости. Подъ

морщинами и сѣдыми волосами словно ожили прежнія добрыя, улыбающіяся, нѣжныя лица.

— Гуналь, медленно сказалъ Орриво, — я не могу тебя убить, хотя душа моего отца и не была успокоена мстью, которую она требуетъ вотъ ужъ двадцать лѣтъ. Я долженъ теперь мстить за своихъ дѣтей, кровь которыхъ еще дымитъ на порогѣ моей хижины. Но что я могу сдѣлать одинъ противъ легіона притѣснителей? Помоги мнѣ исполнить это ужасное мщеніе, и я тебя прощу.

Гуналь подаль руку Орриво.

Крестьяне Аттилиса рассказываютъ, что съ той поры, въ продолженіи четверти столѣтія, не прошло ни одного дня, чтобъ почва Огліастры не обагралась кровью карабинера.

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

НАРОДНОЕ ОБРАЗОВАНІЕ.

I.

Незачѣмъ слишкомъ далеко ходить, чтобы показать, на сколько несостоятельна теорія раздѣленія ума и чувства, какъ особыхъ двигателей прогресса. Предъ нами на лицо интеллигенція съ одной стороны и народъ съ другой. Различіе между ними со стороны ума и чувства слишкомъ рѣзко, чтобы можно было отрицать его. Въ одномъ случаѣ высшая ступень альтриизма, до котораго доработалось современное человѣчество, интенсивное чувство справедливости и необыкновенно чуткая совѣсть явно совмѣщаются съ высокимъ умственнымъ развитіемъ, съ послѣднимъ словомъ идейнаго прогресса; въ другомъ—умственный мракъ на ряду съ тѣмъ инстинктивнымъ, бессознательнымъ и неопредѣленнымъ альтриизмомъ, который не имѣетъ ни силы, ни энергіи альтриизма интеллигентнаго и котораго не лишено никакое человѣческое существо.

Вообще для всякаго непредубѣжденнаго человѣка очевидно различіе между альтриизмомъ интеллигентнымъ и блѣднымъ, узкимъ, въ высшей неустойчивымъ альтриизмомъ народнымъ. И иначе, конечно, быть не можетъ. Не только чисто альтриистическія или общественныя чувства, но и чувство справедливости, а также и чувство совѣсти не могутъ достигать высокой степени развитія безъ соотвѣтственно высокаго умственнаго развитія. Всѣ эти чувства не способны зародиться, да и вообще немислимы сами по себѣ, безъ руководящей *идеи*. Только тѣ общественныя отношенія, тѣ явленія и факты способны дѣйствовать на чувство, которые намъ понятны, и насколько широко это пониманіе, насколько работаетъ идея, на столько проявляется и чувство. Умъ,

выросшей въ простой соціальной средѣ, привыкшей анализировать лишь явленія, не выходящія, на примѣръ, изъ узкаго района деревни, даетъ скудную пищу альтрюизму, раскрывая предъ нимъ весьма ограниченный кругъ ясно понимаемыхъ фактовъ, т. е. возбудителей чувства. Этому альтрюизму деревни, міра, общины, еще очень далеко до альтрюизма общегражданскаго, одушевляющаго интеллигенцію и,—надо сказать правду— мало замѣтнаго въ народѣ. Совершенно параллельно ограниченности умственнаго кругозора и бѣдности матеріаловъ для мышленія, представляемыхъ деревней, чувство крестьянина работаетъ вяло, съ меньшей чистотой; рѣже возбуждается и чаще дремлетъ. За порогомъ деревни открывается новый міръ сложныхъ общественныхъ отношеній, заключающихъ обильный источникъ возбужденій для чувства. Но въ непремѣннымъ, однако, условіемъ пониманія этихъ отношеній, потому-что для всякаго не сознающаго ихъ они не существуютъ и не могутъ производить никакой реакціи на чувство. Это, кажется, чрезъчуръ ясно, чтобы стоило на этомъ останавливаться. Мы отнюдь не утверждаемъ, чтобы въ этомъ новомъ мірѣ у лицъ, сознательно относящихся къ нему, рождались-бы какія-либо особые чувства. Главнѣйшія и элементарнѣйшія чувства, имѣющія значеніе въ дѣлѣ общественнаго прогресса, существуютъ безспорно у всѣхъ лицъ и упражняются въ большей или меньшей мѣрѣ вездѣ, гдѣ есть какое-бы то ни было общежитіе, но они несравненно чаще возбуждаются и становятся острѣе въ сферѣ болѣе разнообразныхъ явленій и фактовъ, если только они ясно стоятъ передъ умственнымъ взоромъ носителя этихъ чувствъ. Последнее, повторяемъ, есть условіе sine qua non всякаго чувственнаго возбужденія. Плохо понимая какой-либо общественный фактъ, или институцію, человекъ, при встрѣчѣ съ ней равнодушно пройдетъ мимо, и ничто не шевельнется въ душѣ его; но тотъ же фактъ или институція, взвѣшенная и оцѣненная во всѣхъ отношеніяхъ умомъ другого человека, способна приводить въ волненіе всѣ его общественныя чувства при всякомъ воспоминаніи о ней. Что говорится иногда объ именахъ, то въ данномъ случаѣ приходится сказать о примѣрахъ: *exempla sunt odiosa*. Мы желали-бы только предостеречь читателя отъ свойственнаго многимъ нашимъ узкимъ народникамъ увлеченія деревенскимъ или крестьянскимъ альтрюизмомъ, не имѣющимъ, въ сущности, большой цѣны, или, лучше сказать, очень слабымъ и одностороннимъ. Воспитанный жизнью среди маленькой кучки односельцевъ, этотъ альтрюизмъ ими и ограничивается, на нихъ и обрывается, распространяясь лишь на очень незначительный кругъ самыхъ простыхъ житейскихъ и соціальныхъ отношеній. Чего стоитъ, на примѣръ, не-

понимание цѣлой сферы политическихъ явленій или хотя-бы экономическихъ, содержащихъ неисчерпаемый источникъ стимуловъ для работы социальныхъ чувствъ. Извѣстно, что правильная оценка экономическихъ фактовъ доступна лишь развитой мысли и довольно солидному образованию, такъ-что если взять человека невѣжественнаго, для *сознанія* котораго добрая половина экономическихъ отношеній какъ-бы вычеркнута, то въ общемъ итогъ у него неизбѣжно слабѣе будутъ и чувство справедливости, и чувство совѣсти, и чувство общественной симпатіи. Это не теорія, не разсужденіе, но простая психологическая очевидность.

Совершенно несправедливо было-бы заключать изъ этихъ словъ, что человекъ, желающій имѣть обильный запасъ общественныхъ фактовъ, способныхъ стимулировать и развивать его чувства, долженъ личнымъ опытомъ переживать соотвѣтственные общественныя отношенія. Никакой необходимости въ этомъ нѣтъ; идея является въ этомъ случаѣ, какъ и всегда, полнымъ эквивалентомъ факта; она есть. такъ сказать, кредитная бумажка, которая при желаніи, всегда можетъ быть размѣнена, посредствомъ личного опыта, на фактъ. Идея или принципъ есть даже больше, чѣмъ фактъ, потому-что, кромѣ констатированія его, она показываетъ его мѣсто среди другихъ фактовъ, его отношеніе къ нимъ. Вотъ почему все отличіе народа отъ интеллигенціи заключается не столько въ томъ, что, находясь въ различныхъ социальнo-экономическихъ условіяхъ, онъ переживаетъ иные общественныя факты и испытываетъ иные впечатлѣнія отъ нихъ, сколько въ томъ, что онъ лишенъ обширной сферы идей, какъ о фактахъ, непосредственно переживаемыхъ имъ, такъ и о той средѣ явленій, съ которою онъ лично не соприкасается. Главная бѣда, слѣдовательно, въ невѣжествѣ и неразвитости народа.

Намъ остается сдѣлать еще одно маленькое замѣчаніе. Послѣ всего сказаннаго, читатель можетъ спросить: неужели всѣ умные и образованные люди непременно пламенные альтруисты и образцы социальной нравственности? Строго говоря, наши замѣчанія не подають повода къ такому вопросу, однако, намъ нѣтъ причинъ чураться его даже и въ такой рѣшительной постановкѣ.

Прямой смыслъ нашихъ замѣчаній состоятъ въ томъ, что человекъ высокой социальной нравственности долженъ быть умственно развитымъ, за это мы стоимъ безусловно. Но всякій-ли умный и образованный человекъ нравствененъ? Это уже, конечно, вопросъ особый. Мы полагаемъ, что и этотъ вопросъ въ дѣйствительности рѣшается далеко не такъ, какъ рѣшаютъ его приверженцы теории превосходства чувства надъ умомъ, любящіе, какъ извѣстно, ворчать на умныхъ людей и плаксиво жаловаться, что

между ними сплошь и рядомъ попадаются отъявленные негодяи, въ которыхъ едва можно распознать образъ и подобіе Божіе. Попадаются, это правда; однако, есть основаніе думать, что если въ этихъ негодяяхъ есть что-нибудь терпимое, то именно благодаря ихъ умственной культурѣ, и что не получи они таковой, они были-бы еще ниже въ нравственномъ отношеніи. чѣмъ они есть. Тоже самое справедливо и относительно многочисленнаго класса людей *выдающихся* умственнаго развитія и *сомнительной* или *посредственной* нравственности; безъ умственной культуры они были-бы несравненно безнравственнѣе. Но, разумѣется, на чувство дѣйствуетъ не одинъ умъ, но и другіе моменты и условія, лежащія въ психической организаціи, въ природѣ человѣка, и оттого собственно и возможны случаи хорошаго умственнаго безъ соответственнаго нравственнаго развитія. У всякаго человѣка къ социальнымъ чувствамъ, находящимся, дѣйствительно, въ самой тѣсной зависимости отъ умственной культуры, присоединяются еще различныя страсти и эмоціи съ эгоистической или антиобщественной тенденціей; но даже и этого рода чувства подчиняются въ значительной мѣрѣ благотворному дѣйствию умственной культуры. Такъ называемое облагороженіе страстей подъ влияніемъ умственнаго развитія есть общественный психологическій фактъ. Но мы можемъ оставить его въ сторонѣ, въ виду того, что, какъ признаютъ сами приверженцы теоріи главенства чувства, эгоистическія эмоціи неподвижны и неспособны къ развитію и къ усиленію, тогда какъ социальныя и альтруистическія чувства постоянно прогрессируютъ, какъ это хорошо выяснено Спенсеромъ въ его эволюціонной теоріи этики. Слѣдовательно, социальныя чувства, сдѣлавшись интенсивнѣе и шире, возьмутъ верхъ надъ неподвижными эгоистическими эмоціями, умалятъ значеніе ихъ и будутъ играть главную роль въ социальномъ прогрессѣ. Такимъ образомъ, въ окончательномъ итогѣ, вся сила въ альтруистическихъ чувствахъ и въ томъ *умственномъ развитіи*, которое стимулируетъ ихъ и вообще составляетъ главнѣйшее условіе ихъ прогресса. Уже и теперь слишкомъ замѣтно въ обществѣ нарастаніе альтруизма, въ этомъ, конечно, не трудно было убѣдиться на самыхъ очевидныхъ примѣрахъ. Но это нарастаніе альтруизма совершается, однако, въ интеллигентной средѣ, а не въ массѣ народа, и этимъ фактомъ, повторяемъ, лучше всякихъ разсужденій доказывается существованіе тѣсной зависимости социально-нравственнаго отъ умственнаго развитія. Интеллигенція есть продуктъ новѣйшаго времени. Были, конечно, и прежде умные и образованные люди, между которыми также по преимуществу находились единичные носители высшей общественной нравствен-

ности. Но вынѣшняя интеллигенція съ ея сильно выраженнымъ альтриюзмомъ разрослась отъ единицъ до чего-то въ родѣ особаго класса, и если прослѣдить ея исторію, то невозможно не признать, что ея альтриюзмъ выросталъ и развивался вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ распространялись среди нея знанія и умножались идеи объ обществѣ и социальнo-экономическихъ отношеніяхъ—новое, болѣе частное доказательство въ пользу той-же неизбѣжной связи между умственнымъ и нравственнымъ развитіемъ.

II.

Итакъ, учить народъ не значитъ заниматься беспечальной культурой ума, изъ которой неизвѣстно еще, какой выйдетъ прокъ. Насколько удовлетворяетъ она идеальной потребности свѣта, приущей всякому человѣческому существу, настолько-же достигаются этой культурой, путемъ воздѣйствія ея на социальную нравственность, практическія цѣли величайшей важности. Но какъ учить? вотъ въ чемъ вопросъ. Послѣ всего сказаннаго, читатель можетъ, конечно, догадаться, что съ нашей точки зрѣнія далеко не то, что у насъ идетъ теперь подъ именемъ народнаго образованія, стоитъ дѣятельнаго распространенія среди массъ и необходимыхъ для этого усилій и средствъ.

Помимо указаннаго нами принципиальнаго недоразумѣнія о значеніи ума и чувства, какъ факторовъ прогресса, просвѣтительное рвеніе земства и общества неизбѣжно должно было охладѣть вслѣдствіе полной безрезультатности 20-лѣтняго опыта просвѣщенія народа. Прошли блаженныя времена 60-хъ годовъ, когда лучшія силы интеллигентной Россіи бросались съ кипучимъ одушевленіемъ на борьбу съ безграмотностью народа. Съ тѣхъ поръ мы порядочно поостыли. Теперь уже мы учимъ народъ, точно исполняемъ какую-то казенную обязанность, народное образованіе порой вызываетъ еще толки, школы кое-какъ умножаются, но надъ всѣмъ этимъ дѣломъ уже носятся сомнѣнія утомленной мысли, холодомъ вѣетъ отъ него, и между умными и честными друзьями народа не найдется уже теперь ни одного настолько мужественнаго человѣка, который рѣшился-бы, какъ это зачастую бывало прежде, всецѣло зарыться въ сельскую школу и посвятить себя азбучному просвѣщенію народа. Въ этомъ никто уже не найдетъ высшаго призванія, а многие не увидятъ и просто полезнаго дѣла; суровая нужда обыкновенно загоняетъ теперь въ школу нашу молодежь.

Съ середины 60-хъ годовъ, въ 30-ти губерніяхъ, общій земскій бюджетъ успѣлъ возрасти слишкомъ въ 6 разъ (Оп. изслѣд. дѣят. органовъ земск. самоупр. въ Россіи, В. Ивановскаго. Казань, 1882.

стр. 87), и въ этомъ бюджетѣ затраты на образованіе постоянно увеличиваются, такъ что теперь онѣ составляютъ $\frac{1}{4}$ — $\frac{1}{3}$ всѣхъ земскихъ расходовъ. Отъ народной школы уже и теперь трещитъ земскій бюджетъ и она все тяжеле и тяжеле ложится на народъ; что-же будетъ потомъ? Со всѣхъ сторонъ раздаются у насъ жалобы, что земство вообще тратитъ черезъ-чуръ мало на школы. На это можно только сказать, что оно тратитъ и мало и страшно много въ одно и то-же время. Мало, потому что у насъ всѣхъ начальныхъ школъ считается до 25,000, а ихъ необходимо имѣть въ настоящее время до 300,000, слишкомъ въ десять разъ больше. Тамъ, гдѣ народное образованіе поставлено наилучшимъ образомъ, учится всего $\frac{1}{3}$ дѣтей учебнаго возраста, и такихъ счастливыхъ губерній всего три изъ 32; въ большинствѣ случаевъ учится несравненно меньше. Въ 7 губерніяхъ учащіеся составляютъ 20—30%, въ пяти—15—20%, въ девяти—10—15%, въ восьми менѣе 10%. (Земскіе вопросы, В. Скалона, 58, 59). Въ частности эти отношенія еще болѣе печальны. Такъ въ Сарапульскомъ уѣздѣ, гдѣ сравнительно на народное образованіе тратится довольно много (36,610 р., см. Журн. Сарап. уѣздн. земск. собр. за 1881 г., стр. 203), отъ 35 волостей только въ двухъ учится половина всѣхъ мальчиковъ учебнаго возраста, въ восьми волостяхъ $\frac{1}{3}$ — $\frac{1}{5}$, въ одиннадцати $\frac{1}{5}$ — $\frac{1}{10}$, въ тринадцати $\frac{1}{10}$ — $\frac{1}{25}$. А что касается женскаго образованія, то его можно считать у насъ несуществующимъ. Напримѣръ, въ упомянутомъ уѣздѣ въ пяти волостяхъ учится $\frac{1}{100}$ часть дѣвочекъ учебнаго возраста, въ одной волости $\frac{1}{164}$ часть, и въ одной— $\frac{1}{328}$, среднимъ-же счетомъ по всему уѣзду учится $\frac{1}{20}$ часть. Нѣтъ сомнѣнія, что это ничтожное число учащихся слѣдуетъ приписать только недостатку школъ, но отнюдь не нерасположенію крестьянъ къ образованію. Какъ ни чувствительно опустошаетъ школа народный карманъ, но, по свидѣтельству всѣхъ, близко стоящихъ къ ней, крестьяне смотрятъ на нее съ какимъ-то суевѣрнымъ почтеніемъ, потому разумѣется, что они и не предчувствуютъ, какъ ничтожно ея образовательное значеніе. Незначительное число учащихся приходится объяснить только недостаткомъ школъ, дальностью разстоянія, какъ это въ нѣкоторыхъ случаяхъ прямо видно изъ фактовъ. Въ Курскомъ, напр., уѣздѣ, хорошо изслѣдованномъ въ этомъ отношеніи, процентъ грамотныхъ и учащихся весьма замѣтно уменьшается съ удаленіемъ школы отъ селенія. Всего больше грамотныхъ и учащихся въ томъ селеніи, отъ котораго школа отстоитъ менѣе, чѣмъ на версту, именно первыхъ 5,75%, вторыхъ 2,13%; при удаленіи школы на 1—2 версты грамотныхъ 4,87%, учащихся 1,64%, на 3—4 версты первыхъ 4,74%, вторыхъ 1,25% и т. д. Вообще значеніе

школы, по словамъ собирателя этихъ данныхъ, простирается не дальше, какъ на четыре версты. «На разстояніи трехъ, четырехъ верстъ $\frac{1}{10}$ начинаютъ колебаться, потому что колеблется самъ крестьянинъ, высчитывая, сколько верстъ будетъ до школы, 3 или 4. За пять верстъ отъ школы крестьянинъ остается уже безъ свѣта». (Сборн. статист. свѣд. по Курск. губ. Москва, 1883 г., стр. 15).

Но несмотря на то, что земство тратитъ на школы чрезвычайно мало, относительно существующей потребности въ образованіи, странѣ оно стоитъ весьма дорого. Вѣдь земская школа даетъ народу простую, азбучную грамотность, которая, хотя и необходима безусловно, сама по себѣ не имѣетъ, однако, никакой цѣны и только въ такомъ случаѣ получаетъ значеніе, если за ней слѣдуетъ дальнѣйшее образованіе. Безъ этого-же послѣдняго условія грамотность, если дешевизна ея не доведена до послѣдняго предѣла, становится и тяжелымъ, и излишнимъ бременемъ. И безъ 20-лѣтняго опыта ясно, что между крестьяниномъ, умѣющимъ подписать свою фамилію, и ставящимъ, вмѣсто подписи, крестъ, разница не Богъ знаетъ какая. На это, безъ сомнѣнія, тотчасъ же послѣдуетъ обычное возраженіе защитниковъ азбучнаго просвѣщенія: «во всякомъ случаѣ, скажутъ они, грамотность лучше безграмотности, хотя-бы уже потому, что грамотный можетъ самъ дополнить свое образованіе». Что «грамотность лучше безграмотности» — на это положеніе можно-бы махнуть рукой и принять его, безъ спора, если-бы только эта грамотность доставалась даромъ или почти даромъ, какъ воздухъ, которымъ мы дышемъ; если-бы она пріобрѣталась домашнимъ, семейнымъ образомъ, какъ это имѣетъ мѣсто въ привилегированныхъ классахъ. Но когда за нее приходится платить изъ самыхъ ограниченныхъ ресурсовъ, ставить послѣднюю копѣйку ребромъ, самъ собою навязывается расчетъ полезнаго воздѣйствія грамотности. Въ чемъ оно состоитъ? Этому никто еще изъ приверженцевъ грамотности не могъ путно разъяснить. Обыкновенно говорятъ, что она есть предвѣріе къ чему-то высшему и лучшему. *Ряпомз, совмѣстно* не можетъ существовать дорого оплачиваемая система распространенія грамотности и еще болѣе дорогая система распространенія общаго или средняго образованія, этого не въ состояніи вынести тощая народная сума. Платить возможно было-бы за что-нибудь одно, правильнѣе сказать, только въ такомъ случаѣ, если-бы грамотность постоянно удешевлялась, вмѣсто того, чтобы, какъ теперь, дорожать съ каждымъ годомъ, если-бы она доставалась безъ чувствительныхъ затратъ, возможно и несмѣшно было-бы думать о томъ человѣческомъ образованіи для народа, котораго онъ нынѣ лишаетъ.

Мало утѣшенія въ томъ наивномъ размышленіи, будто грамотность хоть тѣмъ полезна, что она даетъ возможность дополнить свое образованіе самостоятельно чтеніемъ книжекъ. Дѣло идетъ не о единицахъ, а о массѣ; но кто-же, скольконибудь знакомый съ народомъ, видѣлъ, чтобы у крестьянъ чтеніе книжекъ было обычнымъ препровожденіемъ времени? Много-ли такихъ крестьянъ, гдѣ у нихъ книги, гдѣ деньги на покупку ихъ и гдѣ досугъ для чтенія? Для того, чтобы внести, собственно говоря, очень сомнительную и малоуѣдливательную поправку въ нынѣшнюю систему распространенія грамотности, придется завести народныя библіотеки и читальни хотя-бы въ каждомъ селеніи, гдѣ есть школа, т. е. увеличить и безъ того непосильные для народа расходы на образованіе.

Непомѣрная дороговизна земскихъ школъ сдѣлается вполне очевидной, если принять въ расчетъ, что изъ всѣхъ учащихся грамотными становятся далеко не всѣ; часть изъ нихъ недоучивается и не умѣетъ ни читать, ни писать, а другая часть забываетъ грамотность спустя нѣкоторое время послѣ выхода изъ школы. Такимъ образомъ, изъ общаго числа учащихся придется вычесть всѣхъ недоучившихся и рецидивистовъ, и уже изъ этого остатка взять, безъ сомнѣнія, очень малую часть тѣхъ, которые, послѣ оставленія школы, будутъ читать книжки и которымъ грамотность можетъ принести нѣкоторую пользу. Много-ли ихъ окажется? Если разложить всѣ расходы на образованіе на эту кучку грамотныхъ, то, разумѣется, и ничтожныя вообще затраты земства на школы выйдутъ несоразмѣрно большими. За такую грамотность, не оказывающую никакого вліянія на общее развитіе, не способную подвинуть ни на волосъ впередъ косную мысль народа, за грамотность, которая столь-же скоро забывается, какъ и приобрѣтается, платить за нее и въ 20 разъ меньше того, что платится, будетъ слишкомъ много.

Къ сожалѣнію, интересный вопросъ о томъ, какой процентъ учащихся забываетъ вовсе грамотность и какой удерживаетъ ее на болѣе или менѣе продолжительное время, трудно разрѣшить въ настоящее время; это самое слабое мѣсто школьной статистики. Свѣдѣній такого рода чрезвычайно мало, и для собиранія ихъ не выработано еще и правильнаго метода. Между прочимъ собираніемъ этихъ данныхъ занималось бердянское земство, но, вслѣдствіе ихъ исключительнаго характера, онѣ едва-ли подлежатъ обобщенію. Рѣдко гдѣ въ Россіи народная школа такъ хорошо поставлена, какъ въ Бердянскомъ уѣздѣ, и по его школамъ ни въ какомъ случаѣ нельзя заключать о прочихъ земскихъ школахъ. Кромѣ того и по нѣкоторымъ приемамъ собиранія этихъ

данныхъ, онѣ не могутъ имѣть большой цѣны. Бердянская управа, пожелавъ узнать, насколько грамотность удержалась въ настоящее время у обучавшихся прежде въ школахъ, поручила своему члену, г. Ковалевскому, произвести съ этою цѣлью специальное испытаніе. Г. Ковалевскій избралъ для этого пять селеній, но, по-видимому, объ экзаменѣ заранее оповѣщено было, такъ что была возможность подготовиться къ нему, какъ сообщаетъ самъ г. Ковалевскій въ своемъ отчетѣ. Естественно также, что на это испытаніе, нисколько не обязательное, могли явиться лишь лучшіе изъ прежнихъ учениковъ, а всѣ, перзабывшіе грамотность, сидѣли по домамъ. И дѣйствительно, на испытаніе явилось всего 184 чело-вѣка изъ учившихся четыре и пять лѣтъ тому назадъ и притомъ изъ пяти селеній, имѣющихъ каждое по одной, а то и по двѣ школы. Безъ сомнѣнія, на испытаніе это собрался цвѣтъ грамотнаго населенія, разсчитывавшій, по крайней мѣрѣ, не ударить лицомъ въ грязь. Большинство между этими смѣльчаками училось четыре года (зимы), что отнюдь нельзя считать правиломъ для другихъ мѣстностей. Попадались даже учившіеся пять зимъ; они составляли почти 12%. Несмотря, однако, на соединеніе многихъ условій, благоприятствовавшихъ успѣшному исходу испытанія, нельзя назвать его утѣшительнымъ. Эти отборные грамотѣи, учившіеся по четыре и по пяти лѣтъ, могли только читать порядочно, письменная-же часть и арифметика у нихъ сильно хромала. Самъ г. Ковалевскій говоритъ, между прочимъ: «Грамматическихъ правилъ не знаетъ ни одинъ изъ прежде учившихся, не исключая и тѣхъ, которые окончили курсъ со свидѣтельствами на льготу, и потому всѣ письменныя сочиненія написаны *крайне безграмотно* и въ большинствѣ случаевъ гадкимъ почеркомъ» (стр. 432 Поста-берд. уѣздн. зем. собр., Бердянскъ, 1882 г.); нѣсколько далѣе: «арифметика въ этихъ селахъ въ полнѣйшемъ застоѣ. Вознесенцы почти всѣ не имѣютъ понятія объ умственномъ исчисленіи, а также не умѣютъ рѣшать и письменныхъ задачъ. Изъ 19 учившихся 4 года, рѣшили задачи на три дѣйствій только 4. остальные-же ни одинъ не имѣетъ понятія. Не лучше арифметика и въ Андреевкѣ» (стр. 434). Въ общемъ итогъ «кромя чтенія, по остальнымъ предметамъ: арифметикѣ и письму, результаты далеко не утѣшительны, въ особенности въ виду тѣхъ затратъ, какія несетъ бердянское земство на дѣло народнаго образованія» (стр. 435). Выходитъ, слѣдовательно, что г. Ковалевскій говоритъ объ *избранной* части грамотнаго населенія, обучавшейся въ *лучшихъ* въ Рос-сіи школахъ, совершенно тоже, что говоримъ и мы о всѣхъ земскихъ школахъ. Именно въ виду значительныхъ затратъ на грамотность, ничтожные результаты распространенія ея заставляютъ

серьезно задуматься о роли и значеніи нашихъ сельскихъ школъ. Вѣдь если-бы онѣ прочно, даже на всегда утверждали въ народѣ грамотность, но только одну грамотность, то это еще не Богъ знаетъ какое счастье было-бы для страны, и весьма позволительно сомнѣваться, стояли-ли бы онѣ и тогда поглощаемыхъ имъ денегъ. Но что сказать о школахъ существующихъ, распространяющихъ такую грамотность, которая течетъ по усамъ, а въ ротъ не попадаетъ?

Вообще правильно организованная, постоянная школа есть слишкомъ дорогое, слишкомъ большое учрежденіе; а грамотность есть слишкомъ маленькое и пустяжное дѣло, чтобы можно было ихъ совмѣщать. Школа не для грамотности, и грамотность не для школы. Странно было-бы, если-бы кто нибудь вздумалъ завести великолѣпную оранжерею для разведенія луку; именно такого рода безуміе практикуется всей нашей системой народнаго образованія. Коренная ошибка ея заключается въ несоотвѣтствіи ея стоимости съ ея результатами, въ стремленіи увеличивать расходы на образованіе до неопредѣленной степени. Самымъ фактомъ своего существованія она не позволяетъ и думать о возвышеніи уровня народнаго образованія до той высоты, съ которой оно только и можетъ посылать темной массѣ свой живительный свѣтъ. Къ сожалѣнію, существующая школьная система такъ прочно водворена у насъ, что она многимъ представляется вполне естественной, по крайней мѣрѣ, земство вовсе не замѣчаетъ, что оно въ основѣ своей фальшиво и является важнѣйшей изъ помѣхъ къ насажденію въ народѣ истиннаго образованія. Земство настолько ослѣвлено иллюзіей полезности грамотности, что непрерывное увеличеніе расходовъ на ея распространеніе вовсе не считается имъ аномаліей, какъ это и есть на самомъ дѣлѣ; но, напротивъ, оно ставитъ себѣ это въ заслугу, гордится этимъ и зачисляется услужливой печатью въ ряды прогрессивныхъ земствъ. Бердянское земство съ наивнѣйшимъ чувствомъ самодовольства ставитъ въ своемъ отчетѣ на видъ, что оно постоянно увеличиваетъ расходы на образованіе и въ 14 лѣтъ истратило полмилліона на школы. Съ обычной точки зрѣнія это, конечно, похвально, да и съ нашей собственной нѣтъ возможности порицать за это земство. Мы желаемъ только указать на то, какъ искренне заблужденіе нашихъ земствъ, какъ склонны они радоваться, что у нихъ уходятъ деньги, но какъ мало они думаютъ о томъ, на что онѣ уходятъ. Полмилліона *выдано* на школы, но сколько не *додано* на дороги, на продовольствіе, на больницы? Трудно предвидѣть, на чемъ остановится это непрерывное возрастаніе расходовъ на грамотность. Въ Слободскомъ уѣздѣ расходъ эти увеличились за 12 лѣтъ (съ 1868 по

886 г.) въ 3,12 раза, а въ Ланшевскомъ за 10 лѣтъ въ 4,37 разъ, тогда какъ число учащихся за это-же время увеличилось всего въ 2,88 разъ (Оп. изслѣд., стр. 281). Но теперь земства выполняютъ лишь небольшую часть своей задачи, если-же они пожела-ли-бы исполнить ее вполне, имъ пришлось затратить на школы нѣсколько своихъ бюджетовъ, оставивъ безъ удовлетворенія всѣ остальные нужды народа. Въ добавокъ ко всему, черезъ 3—4 года и эта грамотность довольно основательно была-бы забыта большинствомъ учившихся, и его пришлось-бы начинать учить съизнова. Таково положеніе дѣлъ, къ которому приводитъ господствующая система народнаго образованія. Къ счастью, она, повидимому, въ самой себѣ заключаетъ серьезную помѣху къ своему дальнѣйшему развитію и даже существованію. Народныя школы теперь уже довольно туго возрастаютъ въ числѣ. Крестьяне, сохраняя по-прежнему любовь и уваженіе къ образованію, мало чувствуютъ расположенія къ земскимъ школамъ; теперь они стараются учить дѣтей по-дешевле, своими домашними средствами, но, къ сожалѣнію, вмѣсто поощренія, встрѣчаютъ серьезныя препятствія къ этому. Даже земство начинаетъ сознавать, что избраннымъ путемъ оно ничего не сдѣлаетъ для просвѣщенія народа. Въ прошломъ году, въ петербургскомъ губернскомъ собраніи 7 гласныхъ заявили, что «устройство начальныхъ училищъ въ необходимомъ количествѣ не по силамъ земству» («Земство», № 11). Конечно, пора придти къ такому убѣжденію, и чѣмъ скорѣе согласятся съ этимъ остальные земства, тѣмъ лучше. Послѣ сдѣланнаго опыта нечего ждать и не на что надѣяться. Народное невѣжество также глубоко и повсемѣстно въ настоящее время, какъ и 20 лѣтъ тому назадъ.

Существуетъ даже мнѣніе, что оставлять народъ на степеняхъ одной только грамотности, не обезпечивъ за нимъ перехода къ дальнѣйшему образованію, хуже, чѣмъ вовсе не учить его. Считаться-ли серьезно съ этимъ мнѣніемъ? Полагаемъ, что въ этомъ дѣлѣ могутъ быть компетентны лишь глубокіе и талантливые наблюдатели народной жизни, хорошо понимающіе психику, нравственный и умственный складъ современнаго крестьянства. Намъ кажется, что они нашли-бы въ вышеупомянутомъ мнѣніи частицу правды, нѣчто такое, надъ чѣмъ можно призадуматься. Если дѣло идетъ объ интеллигентномъ обществѣ, полуобразованіе обыкновенно всѣми признается вреднымъ; но грамотность, которая въ сущности, сводится къ механическому упражненію органовъ, къ дрессировкѣ языка и рукъ съ ничтожной долей чисто умственной культуры, можно назвать въ такомъ случаѣ четвертнымъ образованіемъ. Для умственнаго развитія, для расширенія кругозора она

ничего не дѣлаетъ, но она очень повинна въ той отвратительной чертѣ взиранія свысока на окружающихъ, не имѣвшихъ случая обучиться грамотѣ, въ томъ заносчивомъ и пренебрежительномъ отношеніи къ нимъ, которое свойственно весьма многимъ грамотнымъ крестьянамъ. Вообще зло всякаго полуобразования состоитъ въ томъ, что оно не даетъ уму никакихъ устоевъ для самостоятельной дѣятельности; но выводитъ, однако, его изъ его привычнаго состоянія, въ которомъ онъ пребывалъ до тѣхъ поръ. Грамотный крестьянинъ всегда нѣсколько отдѣляется въ умственномъ отношеніи отъ своихъ односельцевъ; но, отдѣлившись, онъ, однако, не въ состояніи жить независимой умственной жизнью, напротивъ, онъ въ нѣкоторой степени обезличивается, быстрее и охотнее приспосабливается къ новымъ для крестьянъ требованіямъ и условіямъ, и тѣ лица изъ образованнаго общества, которымъ приходится соприкасаться съ народомъ, находятъ именно въ грамотномъ самаго услужливаго и покладливаго исполнителя всякихъ своихъ видовъ. Когда эти «грамотники» становятся во главѣ крестьянскаго управленія, отъ нихъ жутко приходится народу. Съ одной стороны, они отлично умѣютъ обращаться съ начальствомъ и обыкновенно считаются его любимцами; съ другой, отставъ нѣсколько отъ крестьянства, они скоро находятъ своему поколебленному и неустойчивому нравственному состоянію исходъ въ хищничество, въ обираніи «мужика-дурака», которое производится съ ожесточеніемъ и любовью. Всѣ эти волостные писаря, старшины, кулаки и всякіе «дошлые» люди деревни—грамотѣи и вмѣстѣ съ тѣмъ отъявленные негодяи, составляющіе изву современнаго крестьянства.

Впрочемъ, все это лишь одна сторона вліянія грамотности. Въ другихъ случаяхъ ея дѣйствіе иное, хотя и оно вытекаетъ изъ той-же общей причины скудости и недоконченности образованія. Въ прошлой книжкѣ «Дѣла», по поводу одного статистическаго сборника указывалось, между прочимъ, на нерасположеніе крестьянъ къ женскому образованію; тамъ говорилось, что какъ только женщина научится грамотѣ, она ударяется въ религіозность, «монашится», по выраженію крестьянъ, т. е. уходитъ на богомольѣ, въ монастырь или дѣлается черничкой. Разумѣется такая женщина совсѣмъ отбивается отъ дому, и такъ какъ это вредно отзывается на крестьянскомъ хозяйствѣ, то крестьяне и удерживаютъ женщинъ отъ грамотности, хотя и питаютъ уваженіе ко всѣмъ монашкамъ и черничкамъ. Слѣдуетъ, однако, замѣтить, что «ударяются въ религіозность» не однѣ женщины, но и добрая половина грамотныхъ мужчинъ, среди которыхъ сектаторство находитъ обильную жатву. Естественно, что по той узенькой

тропѣ, которую проторяетъ грамотность народному уму, онъ поневогѣ приходитъ къ религіозности, какъ единственно доступной для него формѣ выраженія духовныхъ стремленій, присущихъ всякому человѣку.

III.

Давно замѣчено: *la critique est aisée, mais l'art est difficile*. Если установившаяся у насъ школьная политика въ самомъ основаніи своемъ несостоятельна, то, спрашивается, какова должна быть правильно организованная система народнаго образованія? Конечно, здѣсь можетъ быть рѣчь только о принципѣ, объ общей тенденціи такой системы, а не о практическихъ частностяхъ ея. Какъ уже выше было замѣчено, нормальная система образованія, въ противоположность нынѣ существующей, должна стремиться во чтобы-то ни стало къ доведенію расходовъ на распространеніе простой грамотности до послѣдняго *minimum'a* въ тѣхъ видахъ, чтобы всѣ средства, которыя будутъ такимъ образомъ съ экономизированы, можно было обратить на дѣли высшаго образованія, единственно пригоднаго какъ для интеллигентнаго общества, такъ и для народа. «Довести до *minimum'a*», «съэкономизировать» — легко сказать, но какъ это сдѣлать?

Если-бы не оказалось никакой возможности чувствительно удешевить теперешнюю систему распространенія грамотности, то, спрашивается, рационально-ли было вовсе прекратить безобразныя затраты на этотъ предметъ съ тѣмъ, чтобы обратить ихъ на устройство высшихъ народныхъ школъ, которыя, положимъ, соотвѣтствовали-бы существующимъ реальнымъ училищамъ? Мы ставимъ этотъ вопросъ въ такой рѣшительной формѣ съ единственной цѣлью лучшаго уясненія нашей мысли; въ дѣйствительности же удешевленіе способовъ распространенія грамотности вполне возможное дѣло. Но если-бы это было невозможно? «Тогда слѣдуетъ оставить постарому» — вотъ отвѣтъ, который, конечно, громче всѣхъ раздастся въ общемъ хорѣ голосовъ. Вокругъ народной школы успѣлъ уже сформироваться значительный контингентъ дѣльцовъ, приставшихъ къ ней, какъ мухи къ меду; за ней стоитъ обширный штатъ чиновниковъ, кормящихся ею, она составляетъ одно изъ колесъ въ механизмѣ земскаго самоуправленія и представляетъ готовый и удобный шаблонъ для всякихъ словоизверженій періодической прессы и народно-педагогической литературы. Очень понятно, что значить шевельнуть умственную рутину, и еще больше затронуть кровные, желудочные интересы всѣхъ дѣятелей современной народной школы. Но какъ-бы рьяно ни защищали они свое гнѣздо, имъ легко показать, что, поддер-

живая существующую систему азбучнаго просвѣщенія, они играютъ въ руку обскурантизму и добиваются вѣчнаго закрѣпощенія народа невѣжеству и нищетѣ духовной и матеріальной. Комбинація замѣны начальныхъ школъ высшими вполне мыслима, принимаемая даже во вниманіе, что такихъ высшихъ народныхъ школъ (съ общежитіями) можно устроить на нынѣ расходуемую сумму весьма мало. Теперь у насъ слишкомъ 25,000 начальныхъ школъ, а если, вмѣсто нихъ, будетъ тысяча, даже 500 высшихъ училищъ, то и это будетъ выигрышемъ относительно нынѣшней системы, хуже которой вообще трудно что-нибудь придумать. Выигрышъ-же будетъ, какъ можно надѣяться, осязательный. Пусть будетъ въ 10, во 100 разъ меньше контингентъ лицъ, учащихся въ этихъ высшихъ школахъ, всетаки эта маленькая армія образованной крестьянской молодежи на всякихъ вѣсахъ, во всѣхъ отношеніяхъ будетъ тяжеле вѣсить нынѣ учащейся массы крестьянъ. Эта небольшая кучка интеллигентнаго крестьянства, наиболѣе свободная по своему экономическому и сословному положенію, отъ консервативныхъ устоевъ и реакціонныхъ традицій, будетъ живою культурною силою страны и истинной служительницей народа, которая съ лихвой окупитъ расходы на свое образованіе.

Говоря объ этой крестьянской интеллигенціи, мы предполагаемъ, что она составитъ «небольшую кучку», «маленькую армію», между тѣмъ на самомъ дѣлѣ можетъ и не произойти замѣтной убыли въ общемъ числѣ учащихся. Если положить на каждую высшую школу по 200 учениковъ, то всего ихъ будетъ, при 1000 школахъ, 200 тысячъ, т. е. почти столько-же, сколько обучается теперь въ начальныхъ школахъ Европейской Россіи. При 500 высшихъ школахъ, учащихся по этому расчету окажется 100,000, но сюда необходимо присоединить и тѣхъ, которые будутъ учиться грамотѣ въ школахъ. Затѣмъ слѣдуетъ еще взять въ расчетъ, что теперь многие учащіеся, по выходѣ изъ школъ, черезъ нѣсколько лѣтъ забываютъ все, чему они учились, и всѣхъ такихъ, безъ сомнѣнія, слѣдуетъ вычесть изъ числа нынѣ учащихся, такъ что сравненіе этого числа съ числомъ будущихъ учащихся еще болѣе выгодно для предполагаемой комбинаціи. Забывать выученное будутъ, конечно, и учащіеся въ высшихъ школахъ, однако это совсѣмъ не то, что нынѣшній рецидивизмъ безграмотности; ученіе въ высшихъ школахъ, хотя-бы оно и забывалось въ большей или меньшей степени, всегда оставитъ слѣды въ общемъ развитіи. Наконецъ, приверженцамъ господствующей системы народнаго образованія вѣтъ основанія особенно возставать противъ комбинаціи, о которой идетъ рѣчь, потому что любезная имъ азбучная грамотность отнюдь не будетъ заброшена, она толь-

ко не будетъ возведена, какъ теперь, на степень высшаго идеала народнаго образованія; распространяться-же она будетъ несомнѣнно лучше и быстрѣе послѣ того, какъ водворится указываемая нами система. Прежде всего крестьяне будутъ продолжать обучать дѣтей своими домашними средствами, какъ это они дѣлаютъ и теперь; а послѣ того, какъ сформируется и начнетъ приращаться упомянутая нами крестьянская интеллигенція, успѣхи грамотности должны быть гораздо значительнѣе, чѣмъ нынѣ; она будетъ насаждаться такимъ-же порядкомъ, какъ въ настоящее время въ образованномъ обществѣ.

Мы сдѣлали предположеніе о невозможности удешевленія способовъ распространенія грамотности. Между тѣмъ въ дѣйствительности это совершенно не такъ. Если до сихъ поръ главнымъ орудіемъ распространенія грамотности была дорогая земская школа, то не слѣдуетъ забывать, что инициатива самихъ крестьянъ въ этомъ дѣлѣ чрезвычайно стѣснена. Крестьяне, какъ извѣстно, все-таки ухитряются устраивать свои «тайныя» школы грамотности, дешевизна которыхъ можетъ считаться примѣрной. Постоянныхъ помѣщеній такія школы не имѣютъ, но устраиваются то въ той, то въ другой избѣ, при самой скромной обстановкѣ; учителя тоже дешевые, получающіе плату натурой и незначительный денежный гонораръ. Учителя эти—народъ, конечно, не мудреный, но на грамотность ихъ хватаетъ; за ними можно признать то достоинство, что они, по необходимости, ограничиваются въ своемъ преподаваніи самымъ существеннымъ и не могутъ растянуть обученіе грамотѣ на два, на три года, какъ это пришлось-бы сдѣлать, слѣдуя руководствамъ новѣйшихъ педагоговъ въ родѣ какого-нибудь Бунакова, ухитряющихся изъ азбуки сдѣлать многолѣтній курсъ ученія. Но главное достоинство такихъ «самодѣльныхъ» крестьянскихъ школъ — дешевизна, и, по нашему мнѣнію, затрачивать на такія школы больше, чѣмъ во сколько онѣ обходятся крестьянамъ, совершенно незначѣмъ. Стоитъ только предоставить самимъ крестьянамъ больше простора и свободы, и они въ значительной мѣрѣ возмѣстятъ-ли бы дорогое участіе земства въ дѣлѣ распространенія грамотности. Въ этомъ смыслѣ сдѣлаво было заявленіе и петербургскими гласными. Если-бы выполнено было хотя-бы и то, что требовалось этими гласными, то распространеніе грамотности обходилось-бы значительно дешевле, а земства получили-бы возможность заняться истиннымъ просвѣщеніемъ народа, о чемъ теперь и думать нельзя. Вотъ что говорилось, между прочимъ, въ этомъ заявленіи петербургскихъ гласныхъ: «Принимая во вниманіе: 1) что устройство начальныхъ училищъ, соотвѣтствующихъ требованіямъ положенія 25 мая 1874 года, въ такомъ числѣ, которое

вполнѣ удовлетворяло-бы потребностямъ населенія, превышаетъ силы земства; 2) что при такомъ положеніи дѣль необходимо предоставить населенію возможно большую свободу въ выборѣ средствъ къ полученію первоначальныхъ, для всякаго нужныхъ, свѣдѣній; 3) что какъ ни далека простая школа грамотности, руководимая необразованнымъ учителемъ, отъ начальной школы въ высшемъ. лучшемъ значеніи слова, она, тѣмъ не менѣе, можетъ значительно увеличить число грамотныхъ, между которыми многіе пожелаютъ получить дальнѣйшее образование въ правильно устроенной правительственной или земской начальной школѣ; 4) что въ крестьянскомъ населеніи замѣчается стремленіе къ учрежденію тамъ, гдѣ нѣтъ правильно устроенныхъ начальныхъ школъ, простыхъ школъ грамотности, но стремленіе это задерживается и затрудняется формальностями, сопряженными съ открытіемъ школъ и невозможностью присвать для крестьянской школы, располагающей крайне скудными средствами, учителя, имѣющаго свидѣтельство на право преподаванія въ начальной школѣ; 5) что, по принятому въ настоящее время порядку, учителя, не имѣющіе свидѣтельствъ, хотя и могутъ быть допускаемы къ преподаванію, но лишь временно, впредь до присканія другого лица; 6) что на самомъ дѣлѣ простыя крестьянскія школы грамотности существуютъ, но болѣею частью негласно, постоянно опасаясь закрытія и не пользуясь никакой поддержкой отъ земства, и 7) что признаніе закономъ такихъ школъ и возможно большее облегченіе ихъ открытія, съ подчиненіемъ ихъ контролю училищныхъ совѣтовъ, позволило-бы земству обратить вниманіе на тѣ изъ нихъ, которыя особенно полезны, оказать имъ содѣйствіе (напр., книгами и учебными пособиями) и превратить ихъ постепенно въ земскія или земско-общественныя школы,—гг. гласные предлагаютъ губернскому собранію ходатайствовать передъ правительствомъ о разрѣшеніи открывать повсемѣстно простыя школы грамотности, обучающія лишь чтенію, письму и счету, безъ особаго каждый разъ дозволенія, предусмотрѣннаго ст. 10 Полож. 25 мая 1874 г., и безъ требованія отъ лица, преподающаго въ школѣ, особаго свидѣтельства на право преподаванія, но съ подчиненіемъ этихъ школъ надзору училищныхъ совѣтовъ» («Земство», 1882 г., № 11). Другой гласный, г. Вольковъ, предложилъ собранію ходатайствовать передъ правительствомъ: «а) о предоставленіи права всякому грамотному свободно преподавать грамоту и начальные правила ариметики, а также заводить школы первоначальнаго обученія; б) о дозволеніи земствамъ и сельскимъ обществамъ приглашать странствующихъ учителей» и т. д. Къ числу подобныхъ-же мѣръ, направленныхъ къ удешевленію способовъ распространенія грамотности-

слѣдует отнести и придуманную недавно псковскимъ земствомъ довольно оригинальную мѣру. Въ силу постановленія псковскаго земскаго собранія, всякій, получившій свидѣтельство объ окончаніи курса въ народной школьѣ, можетъ самъ сдѣлаться учителемъ и получить за каждаго представленнаго къ экзамену ученика по 3 р., въ случаѣ, разумѣется, удачнаго испытанія. По всей вѣроятности, широкое распространеніе подобной мѣры имѣло-бы самыя благія послѣдствія; жаль только, что земство ограничиваетъ число такихъ учителей стѣснительнымъ требованіемъ свидѣтельствъ объ окончаніи курса народнаго училища. Къ чему это требованіе, развѣ знанія учениковъ, обучаемыхъ этими учителями, будутъ повѣряться земствомъ? Но, за исключеніемъ этого стѣснительнаго условія, мѣра псковскаго земства довольно разумна. 3 р. за каждаго обученнаго ученика относительно недорого, потому что теперь каждый *учащійся* обходится земству, среднимъ счетомъ, не менѣе 6 рублей, а собственно *обученный* долженъ, конечно, стоить несравненно дороже. Съ другой стороны тѣмъ, кто будетъ обучать дѣтей, нельзя жаловаться на недостаточное вознагражденіе за трудъ; платить дороже за простую грамотность земство не въ состояніи, а обучать ей придется своихъ односельцевъ, между дѣломъ, въ досужное время.

Наконецъ, существуетъ еще одинъ дешевый способъ распространенія грамотности; это — подвижныя школы, для водворенія которыхъ у насъ имѣются всѣ условія. Подвижная школа есть дитя суроваго сѣвера; это простое, но остроумное изобрѣтеніе народа, умудреннаго нищетой и стремленіемъ къ свѣту. Въ Швеціи и Норвегіи, этихъ классическихъ странахъ образованнаго и свободолюбиваго крестьянства, подвижная школа давно уже функционируетъ съ полнѣйшимъ успѣхомъ; въ маленькой Финляндіи считается 546 подвижныхъ школъ съ 116,201 учащихъся. Съ наименьшимъ успѣхомъ, конечно, могла-бы дѣйствовать подвижная школа и у насъ. Для страны бѣдной, съ громадными свободными пространствами, по которымъ гуляютъ вьюги да мятели, нельзя и придумать болѣе подходящаго школьнаго учрежденія. Но до самаго послѣдняго времени подвижная школа была у насъ въ опалѣ, два года тому назадъ, въ новое министерство, подвижныя школы были разрѣшены правительствомъ и онѣ существуютъ и по настоящее время. Открыты онѣ въ двухъ пунктахъ, въ лисинской и рождественской волостяхъ. Въ первомъ ученіе продолжалось 9¹/₂ недѣль, и учениковъ было 28; въ это короткое время дѣти выучились читать, писать и считать, тогда какъ обыкновенно на это затрачивается въ постоянныхъ школахъ три и четыре года.

По прошествіи 9¹/₂ недѣль, ученикамъ оставлены были книги „Дѣло“, № 6, 1883 г. II.

и они собирались по временамъ для повторенія пройденнаго, а школа перешла въ другой пунктъ, за семь верстъ отъ перваго. Царскосельскими подвижными школами завѣдуютъ учительницы. По предположенію земства, каждая школа успѣетъ въ годъ (съ 15-го сентября по 15-е мая) побывать въ трехъ мѣстностяхъ («Педагогическая Хроника», 1883 г., № 1 и 2). Повидямому, земство довольно сдѣланнымъ опытомъ, хотя въ то время, когда только отрывались подвижныя школы, нѣкоторые земцы находили ихъ непрактичными по причинѣ, по которой онѣ и желательны и необходимы. Земцы эти считали ихъ неудобными, вслѣдствіе нашихъ громаднхъ разстояній. Переѣзды учителей, говорили они, дорого будутъ стоить земству и вообще будутъ затруднительны. Очевидно, подобное возраженіе не имѣетъ никакого значенія. Могутъ-ли дорого стоить три-четыре переѣзда въ годъ (для каждой школы); расходъ на это нельзя и сравнивать съ затратами на постоянную школу. Еще менѣе можно считать такіе переѣзды затруднительными. Гораздо легче и удобнѣе *учителямъ переезжать* съ мѣста на мѣсто, чѣмъ *дѣтямъ проходить* ежедневно по 12—14 верстъ.

Возраженіе упомянутыхъ земцевъ, будто переѣзды учителей будутъ дорого стоить, сдѣлано, очевидно наобумъ. Относительно постоянныхъ школъ дешевизна подвижныхъ прежде всего бросается въ глаза. По расчету, сдѣланному для Вологодскаго уѣзда, учитель каждой подвижной школы въ годъ можетъ обучить 200 человѣкъ, тогда какъ въ обыкновенной трехзимней школѣ съ 40 учениками ввучивается грамотѣ ежегодно только 15 человѣкъ. Согласно этому расчету 8—10 учителей будутъ обучать почти столько-же учащихся, сколько ихъ теперь обучается въ 40 постоянныхъ школахъ 40 учителями (безъ законоучителей). (См. Матер. для ист. земск. дѣят. по народн. образов. въ Волог. губ., состав. Поліевктовъ и Ивановъ. Вологда, 1879, стр. 42—43). Кажется, нетрудно сообразить, что дешевле—подвижная или постоянная школа?

Итакъ дешевые способы распространенія грамотности всегда найдутся, если только поискать ихъ. Однѣ подвижныя школы могли-бы обезпечить за народомъ азбучную грамотность. Затѣмъ необходимо расширить въ этомъ дѣлѣ инициативу самихъ крестьянъ и не стѣснять устраиваемыя ими простыя школы грамотности, какъ постоянныя, такъ и временныя или «налетныя» съ бродячими учителями, весьма многочисленныя у насъ, въ Россіи. Нѣкоторые считаютъ эти налетныя школы прототипомъ подвижныхъ, но онѣ отличаются отъ послѣднихъ своимъ временнымъ, случайнымъ характеромъ. Учителями тутъ являются разные пере-

хожіе, бродячіе грамотѣи, чернички, причетники, послушники, ушедшіе изъ монастырей, отставные солдаты, мелкіе чиновники, оставшіеся не удѣль (въ постоянныхъ крестьянскихъ школахъ), богомольцы, странствующие лѣтомъ по святымъ мѣстамъ, а на зиму останавливающіеся въ первой подходящей деревнѣ. Весь этотъ грамотный и полуграмотный людъ предлагалъ прежде, предлагалъ и теперь свои услуги «учить ребятишекъ», гдѣ «за хлѣбъ» и «за ѣду», а гдѣ и «за что дадутъ».

Если предоставить распространеніе грамотности самимъ крестьянамъ и подвижнымъ школамъ, земство имѣло-бы возможность посвятить свои силы болѣе важному и благотворному дѣлу развитія въ народѣ того общаго (называемаго также среднимъ) образованія, которое теперь составляетъ удѣль лишь однихъ привилегированныхъ классовъ. Это новая, трудная задача, за которую некому взяться, кромѣ земства; она требуетъ искренняго благожелательства народу и самыхъ энергическихъ усилій. Главная трудность здѣсь, конечно, недостатокъ средствъ; это скала, о которую такъ часто разбиваются наилучшія намѣренія. Но самая маленькая возможность успѣха въ этомъ дѣлѣ налагаетъ на всѣхъ честныхъ служителей и друзей народа нравственную обязанность стучаться сколько достанетъ силъ въ эту завѣтную дверь, заграждающую многомилліонной массѣ доступъ къ благамъ истиннаго просвѣщенія.

Б. Ленскій.

Характеристики современныхъ дѣятелей.

М. Е. САЛТЫКОВЪ.

(Окончаніе).

IX.

Мы видѣли, что Салтыковъ многое ненавидитъ, многое клеймитъ и бичуетъ. Но что-же онъ любитъ? Въ чемъ заключается его положительный идеаль? Я говорилъ выше, что мораль Салтыкова—простая человѣчность и этого, конечно, достаточно, чтобы характеризовать общее направленіе его литературной дѣятельности; но совершенно недостаточно, чтобы очертить его идеаль, тѣ общественныя цѣли, формы, стремленія, на сторонѣ которыхъ онъ стоитъ и за которыя борется. Гуманность, человѣчность, любовь къ людямъ—все это такіе общіе девизы, которые написаны на знаменахъ рѣшительно всѣхъ честныхъ общественныхъ дѣятелей, безъ всякаго различія ихъ частныхъ, спеціальныхъ задачъ. Вѣдь и Торквемада любилъ людей и съ полнымъ правомъ, т. е. съ искреннимъ убѣжденіемъ, могъ говорить:

...въ міръ явился я, чтобы его спасти,
И на своемъ торжественномъ пути
Костры священные раздую.
Я съ сатаной и тартаромъ враждую,
Цанною тѣла души искуплю
И цѣлый свѣтъ спасенный обновлю.
Хвала Творцу! Весь міръ возвеселится,
Отъ пламени костровъ земля вся задымится!
Какъ я люблю тебя, прекрасный родъ людской!

Безчеловѣчіе во имя человѣчности—это кажется бессмыслицей, но въ сферѣ нравственныхъ побужденій и чувствъ люди способны еще и не на такія противорѣчія. Правда, любовь Салтыкова къ

людямъ не имѣть въ себѣ ничего вычурнаго, не имѣть даже никакой идейной подкладки: это просто сострадательное чувство добраго и мягкаго сердца, которое болитъ о всякомъ страданіи и о какомъ-бы то ни было человѣкѣ. Жалко того мужика, которому чистить зубы урядникъ, но жалко и того урядника, котораго прогнали съ мѣста и которому некуда дѣваться съ кучей ребятъ. Жалко іудушкина сына, доведеннаго своимъ отцомъ до самоубійства, но жалко и Іудушку, одинокаго, никѣмъ нелюбимаго, никому ненужнаго, заброшеннаго на старости лѣтъ. Въ одномъ мѣстѣ своихъ сочиненій Салтыковъ эпизодически говоритъ о «неслыханныхъ публицистахъ, чудовищной помѣси Мессалины и Марата, съумѣвшихъ соединить въ своемъ ремеслѣ распутство первой и *человѣконенавистничество послѣдняго*». Это характерно для Салтыкова. Очевидное дѣло, ему претитъ всякій фанатизмъ, та слѣпая любовь къ идеѣ, подчиняясь которой человѣкъ безтрепетно и безжалостно топчетъ, если это оказывается нужнымъ, и чужее счастье, и чужую жизнь. Для Салтыкова человѣческая личность, въ особенности страдающая личность, важнѣе и священнѣе, нежели какой-бы то ни было принципъ. «Судьба жертвъ искупительныхъ просить»—Салтыкову нѣтъ дѣла до этого. Онъ всегда на сторонѣ жертвы. Онъ никогда не скажетъ «пусть погибаетъ міръ, но да восторжествуетъ справедливость» т. е. та или другая, хотя-бы сто тысячъ разъ вѣрная идея, не скажетъ потому, что идея безцѣлесна, она не льетъ ни слезъ, ни крови, не можетъ страдать какъ страдаетъ живая человѣческая личность, а Салтыкова только такія реальныя страданія и трогаютъ.

На этой-то общей почвѣ мягкаго и сострадательнаго отношенія къ людямъ—ко всѣмъ людямъ безъ исключенія—именно и основываются всѣ общественные идеалы Салтыкова. Въ каждомъ обществѣ и въ каждомъ періодѣ имѣются, разумѣется, свои спеціальныя затрудненія, свои тормазы общаго развитія, точно такъ-же какъ и свои прогрессивныя элементы. Какъ-бы ни былъ человѣкъ любящъ, мягокъ, благодушень—ему волей-неволей придется причинять боль людямъ, наносить имъ удары—если только онъ хочетъ быть настоящимъ дѣтелемъ, а не празднымъ, хотя-бы даже и участливымъ зрителемъ. Въ силу всего этого, Салтыковъ, принадлежа по своему направленію къ одной опредѣленной партіи, въ то-же время свои надежды возлагаетъ не на услія и успѣхи этой партіи, а на все русское общество, въ которое онъ вѣритъ просто потому, что вѣритъ въ человѣческое достоинство вообще.

Благо тому, кто сохранилъ эту вѣру, успѣлъ невредимо про-

нести ее среди тѣхъ неизбѣжныхъ и тяжелыхъ разочарованій, которыя даются опытомъ жизни! Въ Салтыковѣ эта вѣра упорна и живуча можно сказать почти до идеализма. Въ самомъ дѣлѣ, лучшая и плодотворнѣйшая полоса литературной дѣятельности Салтыкова относится къ эпохѣ, когда нравственное паденіе человѣческой личности дошло до послѣднихъ, повидимому, предѣловъ. Ожесточенная погоня за рублемъ, всѣхъ родовъ и видовъ ренегатство, извращеніе коренныхъ понятій о долгѣ, о счастьи, о чести, карьеризмъ и пролазничество, эгоизмъ самый циническій и полное отсутствіе сколько-нибудь крѣпкихъ вѣрованій и убѣжденій, мѣсто которыхъ заняли апшетиты да вожделѣнія—все это Салтыковъ видѣлъ, какъ видѣли и мы, все это прошло передъ нимъ, волновало и озлобляло и все-таки, все-таки не разочаровало его, не пошатнуло его вѣры въ людей вообще, въ русское общество въ частности.

Возьмемъ знаменитыя «Письма къ тетенькѣ». Эти «письма»—яркія выраженія не только симпатіи, но и довѣрія, уваженія къ намъ, читателямъ; эти «письма»—разговоръ «по душѣ», какой ведется между людьми, связанными другъ съ другомъ сердечною связью; эти «письма»—рядъ доброжелательныхъ совѣтовъ, которые предлагаются намъ не для очистки совѣсти, а съ полной надеждой, что мы сьумѣемъ какъ должно воспользоваться ими. Братаясь такъ сказать, съ нами, Салтыковъ не боится загрязниться; изливаясь передъ нами, онъ не опасается профанировать свое чувство, потому что вѣрить въ насъ, вѣрить, что вся эта негѣлица нашей жизни столько-же мучительна для насъ, сколько и для него. Съ полною задушевностью, свидѣтельствующею о любви, и съ полною серьезностью, доказывающею уваженіе, онъ говоритъ напр. тетенькѣ: «Сохраняйте въ чѣлости вкусъ къ благороднымъ мыслямъ и возвышеннымъ чувствамъ, который завѣщанъ намъ лучшими преданіями литературы и жизни. Пускай называютъ людей, хранящихъ эти преданія «разбойниками печати»—не пугайтесь этой клички. Теплымъ и глубокимъ чувствомъ проникнуть эти слова *).

*) Отмѣтимъ кстати здѣсь одну второстепенную, но любопытную черту литературной «визиономіи» Салтыкова. Эта черта—какая-то стыдливость, чѣломудренность лирическаго чувства. Рѣзкіе переходы отъ грусти къ умышленно-легкомысленному смѣху у Салтыкова нерѣдки и имъ нѣтъ другого объясненія, какъ именно сдержанность, скромность, стыдливость чувства. Это—часто психологическая черта, часто встрѣчающаяся и въ жизни. Силою да рядомъ истинное и глубокое чувство маскируется подъ личиной шутки или насмѣшки, или даже самой злобы, точно такъ-же, какъ силою да рядомъ сердечная пустота драпирована въ мантия лышныхъ «разъ» и громкихъ словъ. Кто это понимаетъ и видитъ, того это всегда трогаетъ.

Это же не сатира, это именно совѣтъ друга, который желаетъ вамъ добра. Обращаясь непосредственно къ «тетенькѣ» и говоря о ней самой, Салтыковъ, выражаясь фигурально, всегда снимаетъ съ себя боевые доспѣхи сатиры и является именно родственникомъ, но не почтительнымъ племянникомъ, а скорѣе старымъ и добродушнымъ дѣдушкой, который, брюзжа и ворча, рассказываетъ намъ притчи и побасенки, въ которыхъ всегда скрыто поученіе и мораль. «Мнѣ достоверно извѣстно, пишетъ Салтыковъ «тетенькѣ», что хоть однимъ глазкомъ, а все-таки вы посматриваете въ «Помой». Ахъ, милая! видно паскудство еще долго не перестанетъ быть соблазнительнымъ! Все думается: вотъ сейчасъ сядетъ Ноздревъ на полъ и начнетъ приходящихъ женщинъ за подола ловить! или выйдетъ впередъ Расплюевъ, съ распухлой и распутной физиономіей и начнетъ рассказывать, какая вчера «игра была». Ну, не умора-ли! и какъ хоть глазкомъ на эту умору не посмотрѣть? А Ноздревъ съ Расплюевымъ пользуются этимъ и говорятъ: тетенька-то хоть и отрекается отъ насъ, а все-таки свои пятаки намъ отдаетъ! Сдѣлайте, милая тетенька, усиліе! Не ходите въ рошу на свиданіе съ Пафнутьевымъ, не перешептывайтесь съ Мартыномъ Задекою и не заглядывайтесь на публицистовъ, которые, только по упущенію, отвлеклись отъ примаго своего назначенія: выкрикивать въ Охотномъ ряду патоку съ имбиремъ!»

Не будемъ разсуждать о содержаніи этихъ совѣтовъ, справедливость и важность которыхъ, впрочемъ, совершенно очевидны, а замѣтимъ вотъ что. Необходимо-ли, по отношенію къ намъ, этотъ, если такъ можно выразиться, присюсюкивающий тонъ обращенія? Съ серьезными людьми и о серьезныхъ дѣлахъ и разговоръ ведется серьезно. Необходимо прибавить, что большая часть «писемъ» написана именно въ такой полусутопливой манерѣ: не опровергаешь ли это нашего мнѣнія объ уваженіи, питаемомъ Салтыковымъ къ русскому обществу, къ «тетенькѣ»? Это сомнѣніе разрѣшаетъ самъ Салтыковъ въ заключительныхъ словахъ своей книги и разрѣшаетъ такъ, что почти не оставляетъ мѣста комментаріямъ. «Быть можетъ, пишетъ онъ, тонъ настоящаго, послѣдняго моего къ вамъ письма, до извѣстной степени, изумитъ васъ. Сравнивая его съ первымъ, написаннымъ почти годъ тому назадъ, вы не безъ основанія найдете, что тетенькино облачье, съ теченіемъ времени, нѣсколько видоизмѣнилось. Началъ я съ безусловныхъ любезностей, а кончилъ чуть не правоученіемъ... Да, это такъ: не могу я похвалиться выдержкою. По мѣрѣ того, какъ намѣченная задача развивается передо мной, она настолько проникаетъ меня, что требованія мои къ ней постепенно растутъ и растутъ. Но такъ

какъ одновременно съ этимъ растетъ и самая задача, то я полагаю, что худого въ этомъ нѣтъ. Именно это самое случилось и по вашему поводу. Въ теченіи года, въ моемъ мнѣніи, вы настолько выросли, что первоначальные приемы родственной любви представляются мнѣ уже недостаточными. Нужно-ли прибавлять, что отъ этого вы не только не подурнѣли на мой взглядъ, но даже похорошѣли. Это объясненіе нуждается только въ одной поправкѣ. За годъ наше общество, разумѣется, не могло вырасти настолько, чтобы завоевать себѣ уваженіе со стороны тѣхъ, кто относился къ нему какъ къ несовершеннѣйшему. Можно сказать даже болѣе. Образъ дѣйствій нашего общества какъ разъ около времени появленія «писемъ» былъ таковъ, что могъ возбудить самыя горькія сомнѣнія на счетъ нашей правоспособности даже въ людяхъ склонныхъ оптимистически относиться къ вопросу о нашей зрѣлости или незрѣлости. Тѣмъ не менѣе нетрудно понять Салтыкова. Едва-ли не въ первый разъ онъ обратился въ своихъ «письмахъ» непосредственно къ обществу и отнесся къ своей задачѣ не только какъ сатирикъ, но и какъ публицистъ. Въ его сознаніи выросла важность именно этой задачи — не своей личной литературной. Въ дѣятельности истыхъ журнальныхъ работниковъ, къ какимъ принадлежитъ и Салтыковъ — это явленіе заурядное. Они учатся, поучая, размышляютъ, анализируя, овладѣваютъ предметомъ во время самаго процесса работы и отъ того сплошь да рядомъ, начавши за здравіе, кончаютъ за упокой. Такъ было и съ Салтыковымъ въ этомъ случаѣ. Онъ началъ шутивыми «любезностями» къ тетенькѣ, а кончилъ въ важномъ и грустномъ, почти торжественномъ тонѣ, который вполне соответствовалъ важности предмета.

Вѣра Салтыкова въ наше общество хотя покоится на самыхъ общихъ нравственныхъ основаніяхъ, тѣмъ не менѣе отнюдь не слѣпая вѣра. Психологическую подкладку этой вѣры нетрудно опредѣлить и резонности ея невозможно не признать. Представьте себѣ даже совершенно обыкновеннаго человѣка (каковъ самъ Салтыковъ, у котораго необыкновененъ только его великій талантъ), но человѣка искренняго, доброжелательнаго къ людямъ и готоваго на какую угодно черную работу, лишь-бы въ этой работѣ былъ смыслъ, т. е. общая польза. Судя по себѣ — а вѣдь каждый судить по себѣ — онъ естественно будетъ относиться съ довѣріемъ и къ силамъ, и къ намѣреніямъ общества, которое его воспитало и среди котораго онъ живетъ. Какъ-же иначе? Вѣдь онъ же ощущаетъ въ себѣ охоту и полную готовность на работу общую, онъ сознаетъ безкорыстность своихъ стремленій, онъ знаетъ, что не-

способенъ мутить воду, чтобы удобнѣе ловить въ ней для себя рыбу. А развѣ онъ исключеніе? Развѣ онъ имѣетъ какой-нибудь поводъ считать себя лучше, умнѣе, нравственнѣе другихъ? Природа не обидѣла, но и не осыпала его дарами—какъ и другихъ; впечатлѣнія его дѣтства, его воспитаніе, его образованіе—все это было какъ и у другихъ; наконецъ, опытъ жизни, та печать, которую онъ налагаетъ на человѣка, всѣ тѣ условія, которыя окончателно формируютъ и закаляютъ насъ—все это точно также не имѣло въ себѣ ничего чрезвычайнаго и исключительнаго, а, напротивъ, все было совершенно обыденно и заурядно. А если ни въ моей судьбѣ, ни въ моей личности нѣтъ ничего исключительнаго, если я въ іерархіи человѣческихъ доблестей и заслугъ занимаю столь-же далеко не послѣднее, сколько далеко и не первое мѣсто—то могу ли я не уважить своего родного общества? Я уважаю его потому, что уважаю себя; я вѣрю въ него, потому что вѣрю себѣ; я знаю его силы, потому что знаю свои силы. Презираютъ людей или титаны, далеко на цѣлыя поколѣнія опередившіе своихъ современниковъ (допускаю въ отвлеченіи возможность такихъ титановъ, хотя во всей исторіи человѣчества не могу указать ни на одного такого полубога), или люди, презирающіе самихъ себя и дѣйствительно заслуживающіе презрѣнія. Повторяю свой триумфъ: о другихъ мы по себѣ судимъ. Не сознавая себя «человѣкомъ», непремѣнно начнешь кричать, что «нѣтъ людей»; не понимая, какъ можно распоряжаться какой-нибудь общественной кассой и не разворовать ее, я естественно буду говорить, что «никому» до вѣряться нельзя. Итакъ далѣе.

Безъ сомнѣнія, современному русскому (да и только-ли русскому?) человѣку трудно сохранить эту вѣру въ людей, точно такъ-же, какъ ему трудно защитить себя отъ деморализаціи, трудно дотого, что успѣхъ въ этомъ дѣлѣ можетъ быть ему вмѣненъ въ нѣкоторую заслугу. Но въ концѣ концовъ вовсе немного сообразительности требуется для того, чтобы понять всю поверхностность и всю временность торжества Ноздрева, Разуваева и т. п. Если Разуваевъ предсѣдательствуетъ въ какомъ-нибудь банкѣ; если Ноздревъ издаетъ газету; если повсюду выдвигаются на первый планъ ничѣмъ не брезгающіе и ни передъ чѣмъ не останавливающимися люди, для которыхъ общее благо—фраза, исполняющая для нихъ только роль винограднаго листика,—очень естественно, что люди другого, не разуваевскаго закала отходятъ въ сторону. Но развѣ изъ того, что ихъ не видно, слѣдуетъ, что они не существуютъ, что ихъ «нѣтъ»?

Отлично понимая это положеніе вещей, Салтиковъ главнѣй-

шимъ образомъ и бьетъ въ эту именно точку. Свои желанія онъ формулируетъ отчетливо. «Надоѣло сознавать себя, говорятъ онъ, пятымъ колесомъ въ колесницѣ. Да, пожалуй, даже не колесомъ, а вольнымъ шляхомъ, по которому колесница катается себѣ. да катается взадъ и впередъ.

Х.

Относясь съ такой любовью и съ такимъ добріемъ къ нашему обществу, Салтыковъ желчно и ѣдко относится къ нашему, такъ называемому, земству. Въ настоящее время это едва-ли кому покажется противорѣчiemъ.

По отношенію къ земству Салтыковъ обнаружилъ почти пророческую проницательность. Въ самый разгаръ нашихъ увлеченій земскимъ самоуправленіемъ, Салтыковъ явился съ очеркомъ «Новый Нарцызъ», возбуждавшимъ, сколько помнится, почти всеобщее негодованіе. Раздавались упреки въ зубоскальствѣ, въ неуваженіи къ лучшимъ силамъ страны, въ безцѣльномъ и безсодержательномъ пессимизмѣ и пр. и пр. Салтыковъ не оправдывался, не защищался — и прекрасно сдѣлалъ: его защитило время, оправдала жизнь. Эта жизнь въ сотни, въ тысячный разъ доказала намъ, что къ ней необходимо относиться съ скептицизмомъ, если не хочешь обмануться и ввести въ обманъ другихъ. Такимъ образомъ и вышло, что всѣ, восклицавшіе «нынѣ отпускаеши», оказались неправы, а правъ одинъ «карикатуристъ» Салтыковъ, о чемъ теперь онъ и вспоминаетъ въ «Письмахъ къ тетенькѣ», написанныхъ, какъ извѣстно, уже въ то время, когда результаты земской дѣятельности окончательно свелись къ нулю *).

*) Отмѣтимъ здѣсь еще одну черту Салтыкова, тоже второстепенную, но опять-таки довольно характерную и чрезвычайно симпатичную. Рвзкій въ поленикъ до грубости, безцеремонный иногда почти до цинизма, Салтыковъ въ сущности крайне скромнень. Наши писатели, а въ особенности добившіеся извѣстности или даже знаменитости, очень охотно кокетничаютъ и рисуются передъ читателемъ. Будь они въ данномъ случаѣ на мѣстѣ Салтыкова — съ какимъ парадомъ, съ какимъ форсомъ прошлись-бы они передъ нами, какъ усленно и ловко подчеркнули-бы они свою проницательность, какимъ торжествомъ звучало-бы ихъ: «мы говорили», «мы предвидѣли» и т. п.! Ничего подобнаго нигде и нигдѣ не найдете вы у Салтыкова. Своими заслугами онъ не хвастаетъ, своей личности впередъ не выставляетъ и о себѣ вообще не распространяется. Да Салтыкову и нѣкогда говорить о себѣ: его дѣло ждетъ, дѣло, за которымъ онъ совершенно забываетъ себя. Когда человеку нужно пришибить Дракина, или щелкнуть Поздрева или осадить Удава, ему естественно не до того, чтобы твердить: «я, меня, мнѣ, мною, обо мнѣ». Этими пустымъ дѣломъ любить заниматься тѣ, которымъ сказать нечего.

случится—въ этомъ я, замѣчаетъ Салтыковъ, съ самаго вступленія Дракиныхъ (такимъ общимъ именемъ называетъ Салтыковъ земскихъ дѣятелей) на арену земской дѣятельности, не сомнѣвался; но публиковать о моихъ предвидѣнiяхъ, до настоящей минуты, остерегался. Во-первыхъ, чуть, бывало, заикнусь въ этомъ родѣ слово сказать, какъ ужь со всѣхъ сторонъ вопiютъ: ахъ, что вы! дайте-же окрѣпить нашимъ молодымъ учрежденiямъ! Во-вторыхъ, представьте себѣ, нѣдѣ тутъ и въ самомъ дѣлѣ штука случилась. Едва только занялись Дракины вплотную луженiемъ больничныхъ рукомошниковъ, какъ вдругъ пошли слухи, что этимъ самымъ они посягаютъ въ обществѣ недовольство существующими порядками и даже подрываютъ авторитеты! Я зналъ, что земцы невинны, что они лудятъ отъ чистаго сердца, и ровно ничего не посягаютъ, но могъ-ли я это доказывать? — Нѣтъ, ибо, доказывая, я рисковалъ doubly: впасть въ ироническiй тонъ, а слѣдовательно, обидѣть наши «неокрѣпшiя молодiя учрежденiя», или-же предпринять серьезную защиту лудильщиковъ. Разумѣется, я предпочелъ молчать. Но нынче, наши «молодiя учрежденiя» не только окрѣпли, но даже, можно сказать, обнаглѣли».

Салтыковъ не считаетъ,—въ чемъ онъ тысячу разъ, разумѣется, правъ,—нашихъ земцевъ представителями общества, и отсюда его недовѣрiе — болѣе того—его отвращенiе къ нимъ. Салтыковъ подробно мотивируетъ въ «Письмахъ» это свое недовѣрiе, и какъ по формѣ, такъ и по глубинѣ содержанiя эти страницы принадлежатъ къ самымъ замѣчательнымъ памятникамъ нашего искусства. Не имѣя ни надобности, ни возможности приводить ихъ здѣсь цѣликомъ, я выбираю только наиболѣе яркiя мѣста.

«Вы представьте себѣ, говоритъ Салтыковъ, что Дракины сдѣлались исключительными вертоградарами провинциальнаго русскаго эдема. Представьте себѣ, что вамъ приходится жить въ одной изъ кѣлочекъ этого эдема. Всѣ Дракины между собою родственники или свойственники, всѣ сплелись и переплелись такъ, что и расплести невозможно. Вы одна не родственница и не свойственница никому изъ нихъ. У всѣхъ у нихъ свои общiе интересы, свои общiя сплетни и ненависти, свое общее свиство; всѣ они въ одну дудку дудятъ, всѣ одну мысль въ головѣ держатъ: какъ-бы урвать, опохмѣлиться и урвать вновь. Вы одинъ не принимаете участiя ни въ сплетняхъ, ни въ опохмѣленiяхъ, ни въ ненавистяхъ ихъ. Какъ вы думаете, съѣдятъ они васъ или не съѣдятъ?»

Идя къ Дракину, я постоянно долженъ думать: а чортъ его знаетъ, почему-нибудь да сказываютъ-же, будто онъ у меня на лонѣ возлежалъ! И установивъ себя на этой точкѣ, я обязываюсь поступать по слову его не токмо за страхъ, но и за любовь».

Здѣсь въ немногихъ и, по обыкновенiю, остроумно-шутливыхъ

словахъ, сконцентрированы едва-ли не всѣ серьезные упреки, которые могутъ быть направлены противъ нашего земства въ томъ видѣ, какой оно приняло у насъ. Это не только ѣдкая сатира, но и блестящая характеристика. Дѣйствительно, забавная и вмѣстѣ съ тѣмъ глубоко-печальная особенность нашихъ «молодыхъ учреждений» состоитъ именно въ томъ, что они, быстро и вполне усвоивши себѣ чисто-бюрократическій характеръ, въ то-же время имѣютъ претензію нести чисто-общественную службу. Всѣ разнообразныя жалобы на земство, печатныя и устныя, приводятся именно къ этому знаменателю, такъ что обычные упреки Салтыкову за мнимую «карикатурность» его изображеній здѣсь рѣшительно невозможны, невозможенъ даже упрекъ въ простомъ преувеличеніи.

Салтыковъ, такъ сказать, предугадалъ факты и ихъ дальнѣйшее теченіе. Не смотря на это, я все-таки продолжаю держаться высказаннаго мною мнѣнія, что сатира Салтыкова только тогда развертывается во всей своей силѣ, когда данное явленіе вполне завершило циклъ своего развитія, хотя и не сошло еще со сцены. Между Разуваевымъ, съ одной стороны, и Дракинымъ, съ другой, имѣется та существенная разница, что первый выросъ самъ собою въ нашей средѣ, второй пришель извнѣ. Разуваевъ явленіе безобразное, но все-таки органическое; онъ продуктъ условій нашей жизни; онъ законное дитя своего времени. Разуваева нельзя «прекратить», не измѣняя въ то-же время кореннымъ образомъ общаго теченія нашей жизни. Совсѣмъ не то Дракинъ. Говоря выраженіемъ одного изъ персонажей Островскаго, сколь скоро онъ пришель, столь скоро, онъ и ушелъ, или — что совершенно все равно — готовъ и можетъ уйти, ровно ничего не измѣняя въ жизни. Будущее Разуваева опредѣляется очень многочисленными факторами нашей жизни, будущее Дракина зависитъ почти отъ случая.

Не ясно-ли послѣ этого, что разгадать содержаніе и роль Разуваева безъ всякаго сравненія труднѣе, нежели роль Дракина и Задеки. Вѣдь всякое явленіе безъ исключенія только тогда можетъ быть правильно понято, когда извѣстенъ источникъ его происхожденія. *Результаты* дѣятельности Разуваева сатира Салтыкова изобразила превосходно—вѣдь эти результаты рѣжутъ глаза—но въ объясненіи *причинъ*, которыя, какъ помнитъ читатель, свелись къ личности Разуваева, къ его жадности и наглости, она оказалась несостоятельной. А Дракинъ и Задека понятны и просты—и понятны не какъ личности—ихъ человѣческія свойства ни мало и не интересны и не играютъ никакой роли—а какъ дѣятели, по-

тому что досканально извѣстенъ, а Салтыкову лучше всѣхъ, источникъ ихъ происхожденія.

Но съ чѣмъ-же и съ кѣмъ же, можетъ спросить читатель, остается Салтыковъ? Онъ, какъ сказано, вѣрнѣе въ общество — тетеньку. Но развѣ Дракины и Задеки не члены этого самаго общества? И развѣ ихъ мало, развѣ они — не большинство? Самъ Салтыковъ, говоря о Дракиныхъ, замѣчаетъ: «они размножились какъ кролики. Понятно, что они придутъ всѣ; цѣлымъ кагаломъ. И званые и незваные, и облеченные довѣріемъ и не облеченные. И отцы и дѣти и матери, и дочери, и племянники и внуки—всѣ тутъ будутъ. Это цѣлая армія, которую со счетовъ не скинешь. На комъ-же остановиться? Въ земствѣ—Дракины, въ литературѣ—Ноздревы;—какіе чудесные представители общества, и хорошо должно быть то общество, которое довольствуется такими дѣятелями! Правда, Салтыковъ не довольствуется; да развѣ общество изъ Салтыковыхъ состоитъ? Развѣ не самъ Салтыковъ убѣждалъ «тетеньку» не заглядывать въ ноздревскую газету и не перешептываться съ Пафнутьевымъ.

Все дѣло въ томъ, что Салтыковъ говорить правду, но не полную правду, говорить да не договариваетъ, какъ это случается съ нимъ всякій разъ, когда его сатира съ почвы нашихъ *нэрдкэвъ*, переходитъ на почву нашихъ *мравэвъ*. Этотъ переходъ сразу обезсиливаетъ Салтыкова, обезоруживаетъ его сатиру. Салтыковъ говорить о Дракиныхъ съ ихъ женами, племянниками и проч.: «прохода никому не дадутъ...» Почему-же такъ? Потому-ли, что эти Дракины — глухие и злые люди, или потому, что, дѣйствительно, задача ихъ состоитъ въ томъ, чтобы, не давать никому прохода? Какъ Разуваевское хищничество нельзя объяснить жадностью и наглостью Разуваева, точно такъ-же и дракинскую назойливость нельзя объяснить дурными личными свойствами Дракина. Ни Ноздревъ, ни Дракинъ—не вырожденъ между нами. Они слишкомъ многочисленны, чтобы явиться только исключеніемъ. Напротивъ именно они представители большинства, которое и у насъ, и повсюду, вездѣ, гдѣ люди живутъ обществами, является злымъ или добрымъ, дѣлаетъ хорошее или дурное дѣло, не въ силу внутреннихъ своихъ побужденій, не по своей инициативѣ, которой у этого большинства никогда и не бывало, а по требованіямъ минуты. Дракины будутъ кричать «ого-го!» и не давать никому прохода—это вѣрно. Но это нисколько не характеризуетъ Дракиныхъ. Не Дракины извратились и деморализировались, — измѣнились идеалы. Дракины, какъ люди, употребляя сравненіе Салтыкова, — пустыя бутылки, въ которыя можно налить и здоровое, вкусное вино и мер-

зѣйшую сивуху. Что-же дѣлаетъ сатира Салтыкова? Она вооружается противъ лживой этикетки. На бутылкѣ съ сивухой написано «cachors fin» и Салтыковъ съ горячностью, съ блескомъ, съ остроуміемъ указываетъ на этотъ подлогъ, и предостерегаетъ насъ отъ него. Что-жь? Это нужно и полезно. Но все-жь таки—развѣ въ этомъ заключается корень дѣла? До анализа принципа сатира Салтыкова въ этомъ случаѣ не возвышается, ограничиваясь почти только формальною стороною вопроса. Упрекать за это Салтыкова было-бы не справедливо, но несправедливо было-бы и не указывать на этотъ пробѣлъ.

Съ указываемой мною точки зрѣнія, уже не составляетъ никакой трудности сохранить въ полной чистотѣ и цѣлости вѣру въ наше общество и его будущее. Салтыковъ любитъ «тетеньку» просто въ силу требованій своего любящаго сердца, которому во что-бы то ни стало нуженъ объектъ для привязанности, вѣрить въ нее просто потому, что вѣрить въ себя. Но все это—только личныя, а потому недостаточныя основанія. Дѣло можно поставить проще и обставить гораздо надежнѣе. Кажется ничего ни идеалистическаго, ни оптимистическаго не замѣчается во взглядѣ на большинство людей, какъ на «пустыя бутылки»? Очевидно, не только не заключается, но даже такой взглядъ представляется утрированно-мрачнымъ, оскорбительнымъ для человѣческаго достоинства. Тѣмъ не менѣе освоимся съ нимъ и успокоимся на немъ—онъ, этотъ, повидимому, столь мрачный взглядъ, въ самомъ дѣлѣ даетъ успокоеніе. Будемъ помнить, что не отъ злой воли и отъ дурного сердца люди дѣлаютъ мерзости. Будемъ однимъ словомъ помнить, что въ огромномъ большинствѣ случаевъ мы имѣемъ дѣло не съ отвѣтственными людьми, а съ безотвѣтственными людьми.

XI.

Мнѣ остается теперь рассмотреть отношенія Салтыкова къ нашему народу. Вспоминая времена крѣпостного права, Салтыковъ съ искреннимъ и глубокимъ чувствомъ говорить: были-ли мы развращены до мозга костей, или просто жили, какъ во снѣ, ничего не понимая и ни въ чемъ не отдавая себѣ отчета? «Мы были молоды», скажете вы, но вѣдь это-то именно и страшно. Въ молодости человѣкъ болѣе чутокъ къ страданіямъ ближняго, молодое сердце легче раскрывается, молодая мысль быстрѣе усваиваетъ внѣшнія впечатлѣнія. А насъ точно заколодило. Земля подъ нами разрывалась отъ стонровъ, а мы ходили, какъ по паркету;

жгббъ, который мы ѣли, вопіалъ, а мы ѣли, да похваляли... Право, что-то проклятое было въ этой молодости; какъ будто она только затѣмъ и дана была, чтобы впослѣдствіи черезъ десять лѣтъ, цѣлымъ порядкомъ фактовъ напомнить намъ о томъ, что мѣталось передъ нашими глазами и чего мы не видѣли, что немолчно раздавалось у насъ въ ухахъ, и чего мы не слышали. Напомнить: вотъ молъ, восчувствуйте!—и бросить намъ въ воздаяніе мучительную, наполненную фантомами прошлаго старость...

Въ субъективномъ смыслѣ, это чрезвычайно характерно. Это жгучее раскаяніе, это, можно сказать, самобичеваніе, свидѣтельствуеетъ не только объ искренности писателя, но и объ его развитомъ гуманномъ чувствѣ и о такой совѣстливости, которая готова общій грѣхъ вмѣнить въ личную вину себѣ. Но этимъ не исчерпываются всѣ отношенія Салтыкова къ народу. Салтыковъ знаетъ народъ настолько, насколько знаютъ его всѣ наши интеллигентные люди, т. е. въ общихъ чертахъ, и его сужденія о народѣ, какъ и наши сужденія, отличаются совершенно апіорнымъ характеромъ. Онъ знаетъ многострадальную исторію народа, его сѣрую, бѣдную, трудовую жизнь, природное богатство его нравственныхъ и умственныхъ способностей, любить и жалуется его, но ему нечего сказать о немъ. Салтыковъ упрекаетъ культурныхъ людей въ недостаточномъ вниманіи къ народу, но онъ самъ подлежитъ тому-же самому упреку. «Увы, восклицаетъ Салтыковъ не безъ горечи, люди культуры жестоки и недальновидны. Они считаютъ ни во что этотъ безконечный муравейникъ, который кипитъ у ихъ ногъ, за предѣлами культурнаго слоя, или, лучше сказать, считаютъ его созданнымъ для того, чтобы быть попираемымъ культурными ногами. И въ то-же время, они едва-ли даже понимаютъ, что каждый изъ членовъ этого муравейника живетъ своею отдѣльною жизнью, имѣетъ свои характеристическія особенности, свои требованія, свои идеалы. Еслибы они поняли это, они убѣдились-бы, что ихъ собственная культурная жизнь именно отъ того дѣлается все болѣе и болѣе скудною, что для нея закрытъ цѣлый міръ явленій, стоящихъ внѣ всякаго культурнаго наблюденія. Сколько узнали-бы мы благороднѣйшихъ біографій! Сколько отличнѣйшихъ подвиговъ могли-бы мы быть свидѣтелями! И какъ расширился-бы нашъ умственный горизонтъ!»

Понять эти страстные упреки, прекрасное чувство, вызвавшее ихъ — не трудно, но принять ихъ, согласиться съ ними — нѣтъ возможности. Лучшей защитой для насъ «культурныхъ людей» отъ нареканій Салтыкова послужитъ примѣръ самого Салтыкова. Вѣдь были же какія-нибудь причины на то, что писатель съ гениаль-

нымъ талантомъ и съ живою, искреннею любовью къ народу всѣ свои силы отдалъ на служеніе не «народнымъ» а именно, именно «культурнымъ» задачамъ, задачамъ «города» а не «деревни»? Безъ сомнѣнія, тутъ сыиграли извѣстную роль причины чисто личнаго свойства. Почти весь громадный запасъ наблюденій Салтыкова относится къ жизни культурныхъ классовъ — главнымъ образомъ чиновниковъ и помѣщиковъ. Естественно, что въ своихъ произведеніяхъ онъ эксплуатировалъ именно эту, коротко знакомую ему жизнь, оставляя въ сторонѣ менѣе извѣстную ему сферу собственно народной жизни. Но печалиться тутъ совсѣмъ не отъ чего. Работая на пользу общества, защищая такъ блистательно лучшія стремленія передовой интеллигенціи нашей, способствуя общественному самосознанію, — Салтыковъ тѣмъ самымъ сослужилъ великую службу *народу* нашему. Задачи народа, горе народа, нужды народа, есть наши задачи, наше горе, наши нужды — и не въ силу только того, что, радѣя народу, мы добровольно возложили на себя эти задачи, а въ силу самаго положенія вещей. На первомъ планѣ для насъ стоятъ интересы развитія и просвѣщенія: противорѣчатъ эти интересы интересамъ народа или совпадаютъ съ ними? Намъ дорогъ и нужна экономическая и личная независимость крестьянина: нужна ли, желательна ли она крестьянину? Эту параллель можно было-бы вести очень далеко. Вѣдь противопоставленіе интеллигенціи народу — не больше какъ полемическая передержка, вѣдь предполагаемый антагонизмъ между ними — плодъ недоразумѣнія или недомыслія. А если такъ, то всѣ упреки Салтыкова — намъ и самому себѣ — теряютъ всякое значеніе. Да они и фактически невѣрны. Неправда, что мы считаемъ «ни во что» безконечный муравейникъ народной жизни; неправда, что мы считаемъ его предназначеннымъ «быть попираемымъ культурными ногами»; неправда, что мы не уважаемъ или даже вовсе не признаемъ въ мужикѣ личности, «имѣющей свои характеристическія особенности, свои требованія, свои идеалы». Всѣ эти упреки — только выраженіе субъективнаго чувства Салтыкова.

Наша жизнь уже твердо отчеканила типъ интеллигентнаго пролетарія-разночинца, который нисколько не конфузится передъ народомъ за свою развитость и не чувствуетъ за собою никакой *вини* передъ народомъ. Какъ Левинъ гр. Толстого, только съ несравненно большимъ правомъ, онъ можетъ сказать: «я самъ народъ». Какую, спрашивается, «вину» могъ чувствовать за собою напр. пролетарій Новодворскій, писавшій въ своемъ дневникѣ: «я ясно почувствовалъ, что я теперь дальше отъ народа, чѣмъ когда-бы то ни было; что я теперь не только не могу быть черю-

рабочимъ, какъ мечтать когда-то, но что даже положеніе народнаго учителя едва-ли было-бы мнѣ подъ силу... А между тѣмъ почти всѣ крестьяне и крестьянки были въ шубахъ, тогда какъ на мнѣ было плохенькое пальтишко — единственное мое теплое одѣяніе, между тѣмъ какъ девять десятыхъ всѣхъ этихъ мужиковъ никогда не голодали таѣ, какъ голодать я, и ни одинъ такъ, какъ постоянно голодаютъ мать и сестренка... «Вотъ и обратитесь къ такому человѣку съ упреками за «жестокость», за то, что онъ «не видѣлъ» страданій народа, не «слышалъ» его стонъ! Правда, и въ словахъ Новодворскаго замѣтно нѣкоторое самобичеваніе, нѣкоторое недовольство собою. Новодворскій очевидно еще не успѣлъ освободиться отъ того идеалистическаго воззрѣнія, по которому единеніе съ народомъ необходимо требуетъ отреченія отъ культурныхъ привычекъ — какъ будто въ этомъ, въ бытовыхъ формахъ, а не въ интересахъ заключается суть дѣла! Но это — только личная ошибка Новодворскаго, а на самомъ дѣлѣ, какой упрекъ могъ сдѣлать себѣ этотъ пролетарій за свое общественное положеніе? Что изъ того, что Новодворскій не могъ стать чернорабочимъ? Дѣло не въ свойствѣ работы, а въ условіяхъ труда.

ХІІ.

Подводя итоги всѣмъ сдѣланнымъ нами замѣчаніямъ, мы находимъ въ результатѣ прекрасный, свѣтлый и чистый образъ писателя-труженика, которымъ могутъ гордиться и литература, и общество — не говоря уже о партіи. Заслуга Салтыкова, въ полномъ и буквальномъ смыслѣ слова, историческая заслуга. Въ исторіи развитія нашего общества онъ завоевалъ себѣ одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ. Немало у насъ талантливыхъ писателей и честныхъ голосовъ, немало ихъ даже теперь, но между ними незамѣнимъ только одинъ Салтыковъ. Онъ представляетъ собою не столько общественную мысль, сколько общественную совѣсть — и отсюда его незамѣнимость, въ этомъ его главнѣйшая заслуга. Идеями мы очень не бѣдны, но мы бѣдны характерами, слабы своею невыдержанностью и слишкомъ легко поддаемся унынію.

Въ радѣ явленій, поддерживавшихъ въ насъ бодрость и надежду на то, что ноздревская мораль не восторжествуетъ у насъ окончательно, сатира Салтыкова сыграла не послѣднюю роль. «У кого въ ухѣ спокойно спитъ насмѣшка — тотъ дуракъ», какъ выразился Гамлетъ, а насмѣшка Салтыкова такова, что рѣжетъ и коробитъ даже ослиныя уши. Не даромъ онъ почтенъ такою злобною ненавистью всѣхъ нашихъ Ноздревыхъ и Расплюевыхъ.

Да, какъ ни высоко ставить и цѣнить публика-тетенька своего гениальнаго племянника—ея оцѣнка все еще недостаточна, мы все еще не вполне отчетливо сознаемъ значеніе его уроковъ для себя и именно потому, что *еще пользуемся* ими. Роль его — есть роль, повторяю, историческая и человѣкъ, исполнившій ее, можетъ по праву сказать, что онъ «памятникъ себѣ воздвигъ нерукотворный».

М. Протопоповъ.

НОВЫЯ КНИГИ.

И. И. Григоровичъ. Очерки новѣйшей исторіи. (1815—1883 г.). Съ 45 портретами въ текстѣ. Изданіе четвертое. Спб. 1883 г.

Четвертое изданіе «очерковъ» г. Григоровича доказываетъ только, что наша публика очень ищетъ историческаго чтенія. И нельзя сказать, чтобы спросъ не встрѣчалъ предложенія: гг. Мордовцевъ и Данилевскій даютъ десятки историческихъ романовъ, а «Очерки» г. Григоровича печатаются четвертымъ изданіемъ — и у насъ все-таки нѣтъ ни порядочнаго историческаго романа, ни порядочной исторіи. Впрочемъ, какъ видно изъ предисловія издателя «Очерковъ», онъ и не задавался такой широкой задачей. Ему просто хотѣлось дать читателю возможность «болѣе или менѣе сознательно слѣдить за ходомъ современныхъ политическихъ событій и находить ихъ нити въ событіяхъ, имъ предшествовавшихъ», а такъ какъ первыя изданія «Очерковъ» заканчивались крымскою войною, послѣ которой въ политической жизни Европы произошли крупныя перемѣны, то издатель дополнилъ ихъ тремя главами, составленными г. Слонимскимъ и обнимающими событія отъ крымской войны до 1883 г. Это объясненіе издателя значительно сокращаетъ требованія, которыя можно предъявить къ книгѣ г. Григоровича. Но насколько «Очерки» удовлетворяютъ даже и этимъ «сокращеннымъ» требованіямъ?

Періодъ кипучаго и богатаго историческими событіями времени, обнимаемый «Очерками», составляетъ 68 лѣтъ и изложенъ авторомъ всего на 303 страницахъ. Въ «курсѣ всеобщей исторіи» Вебера (четыре тома) изложеніе событій отъ вѣнскаго конгресса до императорства Наполеона III, или періодъ времени въ 36 лѣтъ, занимаетъ 413 стр., т. е. дается текста вдвое болѣе, чѣмъ у г. Григоровича; а курсъ Вебера краткій. Ясно, насколько узкіе предѣлы, отведенные себѣ г. Григоровичемъ, не могли позволить ему развернуть вполне изложеніе. И «Очерки» получили дѣйствительный конспектный характеръ. Публикѣ предлагается не чтеніе, а

сжатый, сухой «учебник», написанный суровымъ, дѣловымъ языкомъ, точно г. Григоровичъ боялся всякаго живого слова. Вотъ образчикъ экономнаго изложенія г. Григоровича: «Послѣ отъѣзда графа Каподистрія изъ Россіи, кружокъ сотрудниковъ императора Александра видимо рѣдѣлъ. Съ этихъ поръ однимъ изъ главныхъ двигателей государственнаго управленія является графъ Алексѣй Андреевичъ Аракчеевъ. Онъ счумѣлъ не допустить до государя гр. Сперанскаго, возвращеннаго снова въ Петербургъ, и подорвать довѣріе императора къ вн. Голицину, который былъ тогда министромъ народнаго просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ. Аракчеевъ и друзья его напали на дѣяствія «Библейскаго общества», имѣвшаго обширный кругъ дѣятельности въ Россіи особенно за переводъ библіи на русскій языкъ. Кн. Голицинъ былъ предсѣдателемъ общества. Съ помощью архимандрита Юрѣва монастыря Фотія, который пользовался большимъ довѣріемъ императора, Аракчеевъ счумѣлъ представить Голицына покровителемъ раскола и ересей, а дѣяствія общества библейскаго—направленными во вредъ православію. Князь былъ удаленъ отъ управленія министерствомъ духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, вмѣстѣ съ тѣмъ онъ лишился и званія предсѣдателя библейскаго общества. Адмиралъ Шашковъ назначенъ былъ министромъ народнаго просвѣщенія, а предсѣдателемъ общества сдѣлался с.-петербургскій митрополитъ». И вся книга написана этимъ сухимъ и законически-телеграфнымъ языкомъ.

Но экономія языка г. Григоровича не есть только стилистическая экономія; она вмѣстѣ съ тѣмъ экономія идей и мыслей. Давая читателю внѣшнюю фактическую исторію политическихъ событій, г. Григоровичъ не углубляется до идей, сообщающихъ смыслъ и жизнь этимъ событіямъ и совсѣмъ не просвѣтляетъ политическаго сознанія читателя. Напр., говоря о славянскомъ движеніи, г. Григоровичъ замѣчаетъ: «Оно возбудило и понутило возбуждаетъ не только славянъ, но и ихъ враговъ къ серьезному знакомству съ славянскимъ міромъ». Неужели только въ этомъ весь смыслъ славянскаго движенія? О декабристахъ г. Григоровичъ выражается такъ: «во вторую половину царствованія императора Александра I, въ Россіи образовались тайныя общества, подобныя корбанаріямъ и масонамъ, имѣвшія цѣлю произвести революцію и радикально измѣнить существующій порядокъ»; затѣмъ дѣлается краткое фактическое извлеченіе изъ «Изысканій слѣдственной комиссіи». Вообще бытовья и общественныя причины, вызывающія и создающія тѣ или другія соціальныя идеи, стремленія и требованія, служащія импульсомъ событіямъ, г. Григоровичъ обходитъ молчаніемъ. Ни быта народовъ, ни политиче-

скаго сознанія, вызываемаго этимъ бытомъ, ни литературнаго и научнаго движенія идей въ „Очеркахъ“ читатель не найдетъ.

Упрощая по возможности свою задачу, г. Григоровичъ сводитъ всѣ политическія событія XIX вѣка къ двумъ причинамъ. Послѣ вѣнскаго конгресса, когда границы государствъ кроили, не обращая никакого вниманія на народности — начались національныя движенія съ домогательствами конституцій, которыхъ правительства не хотѣли давать народамъ — и отсюда постоянная борьба народовъ противъ ихъ правительствъ. Въ этой борьбѣ великія державы, основываясь на вѣнскомъ трактатѣ и условіяхъ „Священнаго союза“, дѣйствовали единодушно и подавляли революціонныя движенія“. Со времени же іюльской революціи „европейскія государства раздѣлились на двѣ группы: на монархическій востокъ, состоявшій изъ Россіи, Австріи и Пруссіи, и конституціонный западъ, гдѣ господствовали Франція и Англія. Первые три державы поддерживали въ своей политикѣ принципъ охраненія существующаго порядка, а другія двѣ — покровительствовали конституціонному движенію“. Вѣнскимъ образомъ политическая роль европейскихъ государствъ опредѣлена г. Григоровичемъ довольно точно, но читатель все-таки не имѣетъ ключа къ уразумѣнію событий. Изъ слѣдующей выписки читателю нетрудно будетъ убѣдиться, на сколько г. Григоровичъ устраняетъ практическіе вопросы четвертаго сословія изъ политической программы европейскихъ народовъ и какъ ненаучно онъ относится къ экономическимъ ученіямъ. Во-первыхъ, онъ приурочиваетъ ихъ къ іюльскому перевороту, а не къ движенію 1848 г.; а во-вторыхъ, дѣлаетъ имъ такое опредѣленіе: «въ сороковыхъ годахъ во Франціи быстро стали распространяться теоріи социализма. Онѣ распались на два направленія: социалистическое, которое совокупностію физическихъ и духовныхъ средствъ думаетъ уничтожить нищету и достигнуть высшаго благоденствія и счастья для каждаго бѣдняка; коммунистическое — старается уничтожить частную собственность и всѣ доходы дѣлить поровну». И затѣмъ г. Григоровичъ записываетъ Прудона въ коммунисты, чѣмъ онъ никогда не былъ. Вообще скупой на слова г. Григоровичъ сдѣлалъ на этотъ разъ исключеніе и очень неудачное. Если такой практической человѣкъ, какъ Бисмаркъ, идетъ навстрѣчу рабочему, то очевидно, что исторія имѣетъ уже дѣло съ извѣстнымъ политическимъ факторомъ, игнорировать который нельзя. Г. Григоровичъ не можетъ оправдываться и «независящими обстоятельствами», ибо они въ его серьезномъ изложеніи историческихъ событій не явились-бы помѣхой.

Конечно, «идейные» пропуски и недомолвки г. Григоровича

могъ-бы пополнить г. Слонимскій, но и онъ, подобно г. Григоровичу, не оказался на «высотѣ своей задачи».

Впрочемъ, не смотря на недостатки «Очерковъ» г. Григоровича, мы рекомендуемъ ихъ вниманію читателя, во-первыхъ, потому что у насъ нѣтъ ничего лучшаго, а во-вторыхъ—что они несомнѣнно освѣжаютъ въ его памяти политическія движенія XIX ст. въ той послѣдовательной связи, которая необходима, чтобы понимать исторію текущую.

В. А. Цвѣтковъ. Новѣйшіе русскіе писатели. Опытъ хрестоматіи періода русской словесности послѣ Гоголя, съ 27 портретами. Спб. 1883 г.

Если объ «очеркахъ» г. Григоровича слѣдуетъ сказать, что «онъ могъ, но не хотѣлъ», то о г. Цвѣтковѣ слѣдуетъ замѣтить, что «онъ и хотѣлъ-бы, но не могъ». Этимъ «не могъ» и опредѣляется размѣръ требованій, которыя можно предъявить къ «опыту» г. Цвѣткова.

Наши официальные программы устанавливаютъ слишкомъ далеко ту завѣтную черту, за которой произведенія извѣстной части писателей становятся запретнымъ плодомъ. Остановившись на Гоголевскомъ періодѣ, ученикъ вступаетъ въ жизнь съ полнымъ невѣдѣніемъ того, что свершалось въ области русскихъ идей и русскаго творчества въ послѣднія 30—40 лѣтъ. Большинство этотъ пропускъ никогда и не пополняется. Да и какъ и гдѣ заполнить его человѣку обыкновенныхъ способностей, попавшему въ водоворотъ практическихъ отношеній. Читать всѣхъ авторовъ въ оригиналъ. Но развѣ это возможно? Или познакомиться съ ними изъ исторіи «новѣйшей русской литературы». Но развѣ она есть? Въ томъ, что вмѣсто обобщеній, чѣмъ именно и были сильны шестидесятые года, мы отдались анализу, заключается причина, что у насъ нѣтъ между прочимъ и исторіи новѣйшей русской литературы.

Хрестоматія г. Цвѣткова, конечно, не можетъ пополнить этого пробѣла, но она по крайней мѣрѣ представляетъ возможность не только для учениковъ, но и для болѣе взрослыхъ читателей познакомиться съ писателями новаго времени, и въ этомъ отношеніи является чтеніемъ воспитательнымъ и полезнымъ.

Мы боимся отнести слишкомъ строго къ выбору, сдѣланному г. Цвѣтковымъ, потому что только этимъ выборомъ и опредѣлялась судьба «Опыта», какъ учебнаго пособія; но мы думаемъ, что напр. ни что-бы не помѣшало г. Цвѣткову для характери-

ки г. Салтыкова выбрать вещи, дающія болѣе точное понятіе о его художественно-литературной фizioноміи. За немногими исключеніями въ выборѣ образцовъ, чувствуется идейность и цѣльность, и «Опытъ христоматіи» г. Цвѣткова даетъ достаточно полное и характерное представленіе о литературномъ періодѣ, къ которому онъ относится. Довольно счастливая мысль приурочить критику къ произведеніямъ, которыя ее вызвали, какъ это сдѣлалъ г. Цвѣтковъ съ Добролюбовымъ. Приемъ очень удачный и нужно желать чтобы при слѣдующемъ изданіи г. Цвѣтковъ воспользовался имъ нѣсколько шире и познакомилъ своихъ читателей и съ другими нашими критиками. Приурочиваніе критики къ произведеніямъ уже важно потому, что создаетъ извѣстную дисциплину для критической мысли учениковъ, даетъ ей направленіе и точность. Каждый ученикъ, читая, непременно «критикуетъ», но по своему; это не всегда полезно, а часто даже и вредно. Не совсѣмъ ясно, почему г. Цвѣтковъ наложилъ остракизмъ на Глѣба Успенскаго, а между тѣмъ помѣстилъ Гр. Данилевскаго. Если это только недосмотръ, а не тенденція, то мы пожелаемъ г. Цвѣткову при слѣдующемъ изданіи, вмѣсто «Опыта христоматіи», дать уже «Христоматію», не оказывать предпочтенія слабымъ авторамъ передъ крупными, и слабымъ, иногда безцвѣтнымъ вещамъ передъ произведеніями, рельефно характеризующими писателя какъ художника и мыслителя, и время, которое онъ переживалъ.

Афанасій Прокофьевичъ Шаповъ. (Жизнь и сочиненія). (Съ портретомъ А. П. Шапова). Сочиненіе профессора *Н. Я. Аристова*. (Посмертное изданіе). Спб., 1883 г.

Какъ видно изъ предисловія къ книгѣ, принадлежащаго г. Симанскому, близкому другу автора, сочиненіе покойнаго профессора Аристова появляется въ печати не впервые: большая и существенная часть его была уже напечатана въ «Историческомъ Вѣстникѣ» за 1882 годъ. Мы не имѣемъ никакого понятія о степени распространенности этого журнала. Но мы знаемъ, однако-же, что статьи Аристова при своемъ первоначальномъ появленіи не только не вызвали въ литературѣ никакого шума, но и не нашли никакого отголоска. Этимъ, намъ кажется, только и можно объяснить то на первый взглядъ довольно странное обстоятельство, что Аристовъ выразилъ желаніе, чтобы его книга была напечатана не болѣе какъ въ 500 экземплярахъ. (См. «предисловіе»).

Между тѣмъ книга заслуживаетъ полнаго вниманія, заслуживаетъ, можно сказать, изученія. Она составлялась авторомъ, какъ

свидѣтельствуешь г. Симанскій, «съ особенною любовью и усердіемъ»—но это, впрочемъ, второстепенное обстоятельство: ни «любовь» къ предмету ни, еще того менѣе, «усердіе»—далеко еще не гарантируютъ достоинствъ произведенія. Между тѣмъ въ книгѣ Аристова читатель находитъ двойную и обстоятельную характеристику: во-первыхъ, одной изъ самыхъ замѣчательныхъ эпохъ нашего развитія, во-вторыхъ, характеристику одного изъ типовъ нашей интеллигенціи, именно одного изъ *типовъ*, а не отдѣльной только личности.

Нельзя не замѣтить, впрочемъ, что здѣсь гораздо болѣе счастья, нежели заслуги со стороны г. Аристова: тема, имъ избранная, была слишкомъ благодарна, а матерьяловъ у него подъ рукою было настолько достаточно, что характеристика явилась какъ-бы сама собою, какъ естественный результатъ сопоставленія и скобинированія множества яркихъ, самихъ за себя говорящихъ данныхъ. Но собственно взглядъ автора на эти данныя не можетъ быть принятъ, то освѣщеніе, которое онъ даетъ фактамъ, не можетъ быть признано правильнымъ. Знаменитая эпоха шестидесятыхъ годовъ, не по *изображенію*, которое вѣрно, а по авторскимъ комментаріямъ, которые просто наивны, представляется у г. Аристова временемъ какого-то страннаго общаго угара, конечно, непритворнаго, но и болѣзненнаго. Стремленіе къ «фразѣ», погоня за «модой», за «безцѣльной политикой» — вотъ что прежде всего усматриваетъ Аристовъ въ фізіономіи той эпохи. Для «доктора русской исторіи» такой взглядъ — взглядъ слишкомъ ужъ упрощенный.

Соотвѣтственно своему взгляду на эпоху, Аристовъ смотритъ и на личность, точнѣе сказать, на горькую судьбу Шапова: онъ именно полагаетъ, что его погубило тогдашнее господствующее направленіе нашего общества.

Онъ говорить:

«Если-бы Шаповъ оставался въ духовной академіи, при прежнихъ основательныхъ умственныхъ работахъ, изъ него-бы вышелъ современемъ одинъ изъ замѣчательныхъ ученыхъ русскихъ людей.

Но въ лихой, видно, часъ сдружился Афанасій Прокофьевичъ съ университетомъ, который невольно и безсознательно, съ самымъ искреннимъ сочувствіемъ, при громѣ рукоплесканій, повелъ его по прямой дорогѣ къ гибели!..

Я говорю это не съ цѣлью оправдать Шапова и всю вину свалить на университетъ, но желаю только показать, что новая сфера содѣйствовала въ немъ развитію интереса къ политикѣ, подталкивала на задорное внимательство въ современныя преобразованія. Время появленія Шапова на университетской кафедрѣ было критическимъ даже для опытныхъ профессоровъ русской исторіи, а не только для такого податливаго и совершенно неопытнаго молодого ученаго. Это была пора крайнихъ увлеченій русской молодежи (да и не одной молодежи!), которая вошла въ роль цѣнителя ученыхъ талантовъ и раздава-

теля лавровыхъ вѣнковъ профессорамъ. Громъ рукоплесканій и востаніемъ студенческихъ куревій оглушилъ и отуманилъ Шапова, но онъ не подозрѣвалъ, что весь этотъ мишурный блескъ и фальшивый трескъ онъ долженъ купить цѣною свободы и самостоятельности своихъ ученыхъ работъ, что теперь не самъ онъ будетъ руководителемъ занятій студентовъ, а они станутъ распоряжаться даже его выборомъ предмета для лекцій. Студентамъ тогдашняго времени, особенно множеству вольнослушающихъ недоучекъ, нужны были не ученые лекціи, а громкія забиравательныя фразы» (61).

Дѣло, такимъ образомъ, объясняется: сначала Шапова «погубили» студенты, университетъ, развивши въ немъ «интересъ къ политикѣ», а довершили его погибель, какъ, съ своей точки зрѣнія, совершенно логично утверждаетъ въ другомъ мѣстѣ Аристовъ — журналисты, къ которымъ за то-ли или еще за другое что авторъ чувствуетъ непримиримую ненависть. Не трудно объяснить происхожденіе этого взгляда. Г. Аристовъ, очевидно, принадлежалъ къ тому распространенному типу схоластикова-ученыхъ, которые за деревьями не видятъ лѣса, за наукой не видятъ жизни, для которыхъ ихъ рабочій кабинетъ съ его фоліантами, колбами и ретортами и милѣй, и дороже, и выше, нежели какой-бы то ни было «базаръ житейской сцены». Безполезно говорить объ этомъ. Вспомните превосходный разговоръ Фауста съ Вагнеромъ во время ихъ прогулки по ярмаркѣ и дѣло объяснится вамъ до самой сокровенной его глубины.

Но Аристовъ, повторяемъ, добросовѣстно собралъ и хорошо, толково сгруппировалъ факты, въ которыхъ затѣмъ мы постараемся разобраться уже безъ его помощи. Личность Шапова, какъ мы замѣтили выше, вдвойнѣ типична. Шаповъ обладалъ умомъ рѣдкой проницательности, громадной способностью къ систематизаціи и къ синтезу. Онъ не сказалъ намъ «новаго слова», но только потому, что не успѣлъ договорить его, а оно ужъ было у него на устахъ. Прежде чѣмъ пойти по новому пути, ему необходимо было пройти обратно всю ту длинную дорогу, по которой онъ до тѣхъ поръ шелъ, развязаться съ тѣми понятіями, которыя были искусственно привиты ему. Шаповъ былъ бурсакъ: этимъ, если не все, такъ много сказано. И за всѣмъ тѣмъ его основныя идеи были дотога глубоки, вѣрны и жизненны, что даже теперь, послѣ столькихъ пережитыхъ нами умственныхъ пертурбацій, не утратили ни на волосъ своего значенія.

Чрезвычайно любопытна та обидная иронія судьбы, благодаря которой Шаповъ, этотъ искреннѣйшій противникъ бюрократизма, принужденъ былъ сдѣлаться чиновникомъ, да еще долженъ былъ считать это за счастье. По недостатку мѣста мы, впрочемъ, не будемъ распространяться объ этомъ эпизодѣ, тѣмъ болѣе, что онъ все-таки является только характерною частностью и даже слу-

чайностью. Несчастье Шапова лежало глубже, въ самомъ корнѣ его нравственной природы. Превосходный теоретикъ, мыслитель, почти мечтатель, почти даже утопистъ, отличный историко-политическій публицистъ, онъ являлъ собою, по словамъ одного изъ его некроложистовъ, «человѣка совершенно неспособнаго стоять во главѣ какого-бы то ни было практическаго предпріятія и совсѣмъ негоднаго организатора, хотя буйнаго на рѣчахъ».

Всего этого, конечно еще мало для того, чтобы составить «несчастье» человѣка: не всѣмъ-же теоретикамъ быть практическими дѣятелями и не всѣмъ практикамъ быть хорошими мыслителями. Но несчастье Шапова заключалось не въ его непрактичности, а въ причинахъ этой самой непрактичности, или, точнѣе говоря, въ ея свойствахъ и характерѣ. Не то, разумѣется, бѣда, что Шаповъ напр. рѣшительно не зналъ цѣны деньгамъ, позволялъ себя эксплуатировать кому угодно и какъ угодно, легко сходилса и столь же легко расходился съ людьми, съ которыми вообще совсѣмъ не умѣлъ ладить и т. п. Все это — только полгоря. Настоящая бѣда, истинная непрактичность Шапова заключалась въ томъ, что онъ не владѣлъ искусствомъ, полезнымъ искусствомъ оппортунизма. Обломовъ говаривалъ: «какъ же такъ вдругъ?» Шаповъ готовъ былъ съ искреннимъ недоумѣніемъ спросить: «какъ-же такъ не вдругъ?» Никто лучше его не могъ-бы и поговорить и поразсудить о законахъ историческаго развитія, о фатальной постепенности прогресса и т. д. Это въ теоріи. А на практикѣ тотъ-же Шаповъ и удивлялся, и горевалъ, и негодовалъ по поводу того, что какъ-же такъ, въ самомъ дѣлѣ: и тяпъ былъ и ляпъ былъ, а корабля все нѣтъ какъ нѣтъ. Это была не логичная только ошибка, не заблужденіе ума, — это было слѣдствіемъ слишкомъ горячаго, нетерпѣливаго чувства, которое не слушалось указаній разсудка. Къ этимъ общимъ причинамъ необходимо прибавить частныя, очень вѣрно и тонко указанныя Аристовымъ. «Бурсацки-монашеское воспитаніе, невыносимое положеніе въ вѣчномъ приниженіи и тискахъ съ дѣтства, заставляли искусственно обнаруживать во всей широтѣ собственное достоинство и оно вырывалось бурно и въ уродливыхъ формахъ, когда человѣкъ былъ смѣлѣе и храбрѣе при ненормальномъ состояніи» (39). Понятно, что изъ всего этого должно было выйдти. Глубокое недовольство жизнью вообще и, въ частности самимъ собою, роковымъ образомъ привело Шапова къ необходимости искусственнаго забвенія, а это, въ свою очередь, привело къ разрушенію его силъ и въ результатѣ — одною разбитою жизнью на Руси стало больше, жизнью, имѣвшею всѣ данныя на плодотворный и пышный разцвѣтъ.

Шаповъ былъ не только русскій интеллигентный человѣкъ, но

и человѣкъ шестидесятихъ годовъ. Главный смыслъ той эпохи заключается, разумѣется, въ пробужденіи общественнаго духа, въ возникновеніи въ тогдашнемъ обществѣ — не собственно въ лучшихъ и передовыхъ только его людяхъ, а въ его массѣ, въ чемъ и заключается вся важность факта — интересовъ теоретическаго свойства. Шаповъ, при его страстной, отзывчивой и увлекающейся натурѣ, не могъ, разумѣется, къ огорченію своихъ благонравныхъ товарищей, въ родѣ Аристова, усидѣть въ своемъ кабинетѣ, вышелъ на волновавшуюся улицу и смѣшался съ толпой.

Ясное дѣло, что человѣкъ, способный такъ мыслить и такъ чувствовать, человѣкъ «живой» въ высшемъ и лучшемъ значеніи этого слова, не могъ удовлетвориться ученою, кабинетно-архивною дѣятельностью. Но для Шапова этотъ поворотъ пришелъ слишкомъ поздно. Переходъ отъ рукописей «Соловецкаго монастыря» и нисповыхъ книгъ къ Дарвину, Риттеру и Боклю былъ слишкомъ крутъ. Шапову пришлось, можно сказать, переучиваться, а это не легко даже въ молодости, когда не только легче воспринимается, что нужно воспринять, но и легче забывается, что нужно забыть. Въ результатѣ — опять-таки оно — наше русское отчаяніе, наше классическое «горе отъ ума» и отъ сознанія своего безсплія, и своей неудачливости.

Шаповъ жилъ какъ умеръ, а умеръ онъ вотъ какъ: «онъ сильнѣе опустился и здоровье измѣнило ему совсѣмъ: въ послѣднее время онъ едва таскалъ ноги, охромѣлъ и ходилъ тихо, пошатываясь, точно старикъ; зрѣніе его до такой степени притупилось, что онъ едва могъ читать свою крупную и размашистую рукопись. Не задолго до кончины своей, онъ иногда приходилъ голодный къ знакомымъ и просилъ, чтобы накормили его; обыкновенной его домашней пищей былъ чай съ хлѣбомъ. Отсутствие питанія ускорило развязку дѣла и сократило его злополучную жизнь; безъ добрыхъ людей и раньше онъ могъ-бы умереть съ голода» (123).

Въ память столѣтняго юбилея присоединенія Крыма. **Воспоминанія о Крымѣ.** *Кн. Е. Горчаковой.* Одобрено ученымъ комитетомъ министерства народнаго просвѣщенія для городскихъ и народныхъ училищъ. Москва, 1883.

Книга кн. Горчаковой, какъ видитъ читатель изъ заголовка, получила уже официальную санкцію: что можетъ прибавить по этому не официальный, «штатскій» рецензентъ? Даже напечатана книга кн. Горчаковой не въ обыкновенной частной типографіи, а

въ типографіи «Общества распространенія полезныхъ книгъ»: послѣ этого можетъ-ли быть какое-нибудь сомнѣніе въ ея достоинствахъ? И дѣйствительно, книга кн. Горчаковой весьма «полезна» и заслуживаетъ всяческаго «одобренія». Извѣстно, какъ составляются наши гиды. Это какая-то сушь, какая-то убійственная проза, какой-то бездушный реестръ замѣчательныхъ пунктовъ и мѣстностей, ничего не говорящій ни уму, ни сердцу. Совсѣмъ не то находимъ мы у кн. Горчаковой. Съ обстоятельностью и точностью составителей гидовъ она соединяетъ такую пластичность изображенія и такую силу лирическаго пафоса, которыя превращаютъ ея книгу въ неподдѣльное поэтическое произведеніе. Книга кн. Горчаковой не просто гидъ, это гидъ—поэма, гидъ—картина, гидъ—симфонія. Княгиня не хуже какого угодно обстоятельстваго фюрера расскажетъ, что, напримѣръ, въ Евпаторіи «на бульварѣ четыре раза въ недѣлю играетъ музыка отъ 6 до 10 часовъ вечера и два раза она играетъ для танцующихъ въ клубѣ, около бульвара», что куполь тамошней мечети «имѣетъ 50 ф. въ діаметрѣ», что жителей въ Евпаторіи «болѣе 8,000», что за 2 р. въ сутки княгиня получила «большой, чистый номеръ, хорошо меблированный, а за 1 рубль обѣдъ, довольно вкусный» и пр., и пр. Въ этомъ отношеніи — т. е. въ отношеніи обстоятельности—кн. Горчакова всегда остается вѣрна себѣ: покушаетъ-ли она, остановится-ли гдѣ, съѣздитъ-ли куда—она никогда не забудетъ прибавить: за обѣдъ, за номеръ, за коляску заплачено столько-то. Если-же княгиню кто-нибудь сопровождалъ, то она не упуститъ добавить: участвовалъ такой-то. Но это — только одна сторона дѣла и не нужно думать, что «воспоминанія» княгини исчерпываются воспоминаніями объ уплаченныхъ счетахъ. О, нѣтъ! Въ сердцѣ княгини ключомъ бѣжитъ, — дѣтъ, мало — фонтаномъ бьетъ, — нѣтъ, мало, — водопадомъ бушуетъ источникъ чистѣйшей поэзіи, благодаря которому ея книга приобретаетъ высокохудожественный интересъ. Кн. Горчакова — такова сила таланта! — умѣетъ находить поэзію въ самыхъ обыденныхъ вещахъ. Поэтический экстазъ такъ иногда овладѣваетъ ею, что она принуждена бываетъ бросать прозаическое изложеніе и прибѣгать къ языку боговъ, которымъ владѣетъ въ совершенствѣ. Беретъ, напримѣръ, княгиня сакскія грязныя ванны: что можетъ быть прозаичнѣе этого? Но даже этотъ низкій предметъ можетъ заставить ее прибѣгнуть къ лирѣ и прозвучать:

Вотъ лежу я на Сакской площадкѣ,
 Подо мной благодѣтельный илъ
 И меня онъ какъ пологъ свинцовый,
 Всю окуталъ и плотно закрылъ.

И горитъ мое сердце любовью;
Взоръ усталый туманитъ слеза,
И хвалу Всемогущему Богу,
Съ тайнымъ трепетомъ, шепчуть уста...

Мы привели только первый и послѣдній куплеты стихотворенія, потому что хотя княгиня пишетъ стихи божественно, но нѣсколько длиновато. Затѣмъ, отдавши дань справедливаго удивленія силѣ поэтическаго чувства нашего автора, намъ остается только сказать, что вся книга преисполнена описаній различныхъ Алуптъ, Алуптъ, княжескихъ и графскихъ дачъ. Разъ, только разъ, пришли княгинѣ не въ добрый часъ горькія мысли и она написала: «переходя отъ однихъ властителей къ другимъ, Таврида продолжала быть все также цвѣтущей и благодатной. Земля, все также щедро вознаграждала труды земледѣльца, торговля процвѣтала и даже, подѣ владычествомъ турокъ, Крымъ продолжалъ быть богатымъ и многочисленнымъ. Только со времени присоединенія его къ Россіи, онъ сталъ видимо пустѣть; выселеніе грековъ къ Азовскому морю, ногайцевъ—въ Мелитопольскій и Бердянскій уѣзды, южно-бережныхъ татаръ—въ горы и, наконецъ, въ 1865 году послѣднее переселеніе ихъ въ Турцію, въ количествѣ почти 100,000 душъ, нанесло окончательный ударъ промышленности и благосостоянію края, гдѣ, несмотря на призванныхъ потомъ колонистовъ нѣмцевъ и чеховъ, очень много пустопорожныхъ и заброшенныхъ земель. Крымъ, на каждомъ шагу, неприятно поражаетъ рѣзкими противоположностями; съ одной стороны роскошь и увеселительные парки, съ другой—бѣдность, доходящая до нищеты безземельнаго русскаго населенія, постепенное обѣдненіе татаръ и цѣлыя участки земель, истощенные, или даже совсѣмъ необработанные» (142—144). Эта страничка является чернымъ пятномъ на общемъ нѣжно-розовомъ фонѣ книги, рѣзкимъ диссонансомъ, среди ласкающихъ ухо мелодій сладкозвучной лиры кн. Горчаковой. Но за то это единственное мѣсто, которое нельзя ни «одобрить», ни признать «полезнымъ».

М. Малеонскій. *Владиславлевъ.* Повесть изъ быта семинаристовъ и духовенства. Спб. 1883.

«Вотъ еще одна жертва несчастная» — жертва литературнаго маньячества и нелѣпѣйшихъ претензій, Богъ вѣсть откуда явившихся, Богъ вѣсть на чемъ основанныхъ. Послушайте, что и какъ говорить г. Малеонскій въ предисловіи:

«Къ великому прискорбію, мы видимъ, что не только въ современной намъ теперешней литературѣ нѣтъ, но и въ литературѣ 50 и 60 годовъ не

было подробнаго и правдиваго описанія быта семинаристовъ и духовенства въ формѣ повѣствовательной, безлетрической, болѣе пригодной для такого рода описаній. Съ цѣлью представить современной читающей публикѣ картину быта и нравовъ семинаристовъ и духовенства въ предреформенное время, мы рѣшаемся выпустить въ свѣтъ свои очерки быта и нравовъ семинаристовъ и духовенства 50 и 60 годовъ одной изъ среднихъ губерній, Россіи въ видѣ повѣсти, подъ заглавіемъ «Владиславль». Сочиненіе это писано было нами еще въ бытность нашу въ богословскомъ классѣ семинаристовъ и по окончаніи курса семинаріи во время жизни нашей въ деревнѣ. Въ свое время оно могло-бы имѣть совсѣмъ иное значеніе, чѣмъ теперь; но ему не суждено было появиться на свѣтъ Божій въ то время, потому-что тогда въ толстыхъ журналахъ любили помѣщать одни только пасквили на семинаристовъ и духовенство, а правдиваго слова не хотѣли и видѣть въ печати; у насъ-же самихъ не было никакихъ средствъ на изданіе столь обширнаго труда, состоящаго изъ трехъ большихъ томовъ. И теперь мы можемъ выпустить его въ свѣтъ не иначе, какъ отдѣльными томами, если публикѣ угодно будетъ благосклонно принять настоящій первый томъ».

Это говорить человѣкъ, который на *мнѣстикахъ* страницахъ большого формата не обмолвился ни единымъ сколько-нибудь живымъ или умнымъ словомъ, не далъ ни одной сколько-нибудь яркой картины, ни одного характера, ни одного типа! Мы не будемъ приводить образчиковъ изъ «повѣсти» г. Малеонскаго для доказательства нашего мнѣнія о всесовершеннѣйшей бездарности автора, не будемъ, потому что въ повѣсти нѣтъ даже въ этомъ смыслѣ характерныхъ мѣстъ: г. Малеонскій пишетъ удивительно «ровно», т. е. всегда не умно, но и никогда — вопіюще-глупо. Если читатель не повѣритъ намъ на слово — онъ можетъ произвести опытъ, раскрывая книгу г. Малеонскаго на любой, положительно на любой страницѣ: томительная скука, которая охватитъ его при этомъ, послужитъ достойной карой его невѣрію. Г. Малеонскій, безъ сомнѣнія, добросовѣстный рассказчикъ, добросовѣстный въ томъ смыслѣ, что онъ, очевидно, ничего не сочиняетъ, описываетъ то, что видѣлъ и такъ, какъ видѣлъ. Но если для того, чтобы быть писателемъ, достаточно только не лгать — тогда писательство лядащее дѣло. Каждый изъ насъ кое-что пережилъ, кое-что видѣлъ и испыталъ, каждому изъ насъ есть что порассказать о себѣ и о своей жизни, но это еще не значить, что каждый изъ насъ можетъ быть писателемъ. Фактической правды повѣствованія еще слишкомъ мало; нужна правда внутренняя, та правда, которая дается только пониманіемъ общаго духа жизни, пониманіемъ смысла и значенія изображаемыхъ явленій. О фактической правдѣ разсказа забота лежитъ на репортерахъ, а не на художникахъ. Никогда и нигдѣ настоящіе писатели не копировали рабски жизни, не исключая даже и новѣйшихъ «протокольныхъ» романистовъ, глава которыхъ — Зола — всегда старается — и съ успѣ-

хомъ — давать не фотографіи, а типы, т. е. отвлеченія и обобщенія, полного олицетворенія которыхъ нельзя найти въ конкретной дѣйствительности. Этихъ азбучныхъ истинъ г. Малеонскій не знаетъ. Въ его глазахъ все одинаково важно, все требуетъ подробнѣйшаго изображенія, потому-что вѣдь все въ дѣйствительности *было*, а изъ пѣсни слова не выкинешь. Въ результатѣ—даже не протоколъ (потому-что и протоколъ имѣеть цѣлью констатировать только существеннѣйшія стороны факта), а какая то скучная и безконечная канитель. «Повѣсть» (хороша повѣсть!) г. Малеонскаго, какъ видѣлъ читатель изъ предисловія, должна состоять изъ четырехъ огромныхъ томовъ. Удивительнаго тутъ ничего нѣтъ. Если описывать рѣшительно все, что попадетъ на глаза: огородъ—такъ огородъ, заборъ—такъ заборъ, человекъ—такъ человека—тогда можно писать повѣсти въ сорокъ и романы въ четыреста томовъ. Для этого требуется только крѣпкая спина, огромное терпѣнье да умѣнье нанизывать слова.

Невѣжественность г. Малеонскаго равняется только его самоувѣренности. Онъ искренно убѣждаетъ, что открылъ какую-то Америку и пресерьезно увѣряетъ, что до его невѣроятной «повѣсти» въ нашей литературѣ «не было подробнаго и правдиваго описанія быта семинаристовъ и духовенства». А знаменитые очерки бурсы Помяловскаго? О, это только пасквиль, говоритъ г. Малеонскій. Но говоря это, онъ рассказываетъ о бурсѣ буквально тоже, что рассказывалъ и Помяловскій: тоже безчеловѣчное дранье учениковъ, тоже голоданье и холоданье ихъ, тоже бессмысленное зубренье, тѣ-же дикіе нравы, та-же невозможная обстановка. Разница вся въ томъ, что въ десяти строкахъ Помяловскаго больше жизни, таланта, художественной правды, нежели во всѣхъ пятистахъ страницахъ г. Малеонскаго. Въ качествѣ маньяка, г. Малеонскій не понимаетъ этого и убѣжденъ, что «толстые журналы» потому не печатали его невозможныхъ писаній, что «не хотѣли видѣть въ печати правдиваго слова». Какіе эхидные а, вѣрнѣе сказать, какіе глупые эти толстые журналы: «правды» не хотятъ печатать. Г. Малеонскому нужно серьезно полечиться. Онъ нуждается не въ критикѣ, а въ холодныхъ душахъ.

ИЗЪ ДОМАШНЕЙ ХРОНИКИ.

Старая пѣсня о нашей бѣдности.—Какъ въ хлѣбной торговлѣ насъ вытѣсняють наши «за-атлантическіе друзья». — Причины этого.—Безсознательное стремленіе народа къ восстановленію нарушеннаго равновѣсія въ производительности.—Испаніе «лучшихъ мѣстъ». — Положеніе нашего сельскаго товара-труда.—Какъ культурные слои разрушали бытовыя учрежденія народа и въ чемъ заключается тотъ «клинъ», который развѣдичилъ народъ и культурные слои.—Крестьянское общинное мировоззрѣніе и культурный индивидуализмъ.—Юридическія воззрѣнія народа и отношеніе къ нимъ культурныхъ людей.—Права народнаго міра.—Облегченія, дарованныя народу во время коронаціи.

Наши домашнія дѣла были всегда просты и на очереди всегда стоялъ одинъ и тотъ-же, до сихъ поръ неразрѣшенный, вопросъ о нашей бѣдности. Изъ биржевой хроники мы знаемъ, что «всѣ дѣла идутъ вяло, курсъ не поправляется и можетъ еще поправить дѣло хорошій экспортъ, виды на который, однако, мало положительны». Но если-бы они даже выяснились и установились, то это былъ-бы только частный фактъ, не имѣющій никакого вліянія на общій ходъ дѣлъ. Наша бѣда именно въ томъ, что мы вѣчно рассчитываемъ на волю Божию и на случайности; а не на твердо выясненную, сознательную и установившуюся систему народно-государственного хозяйства. Ея у насъ и совсѣмъ нѣтъ. Вышли мы когда-то, совершенно случайно, роковымъ, фатальнымъ образомъ «житницей» и, успокоившись въ этомъ званіи, совсѣмъ и не замѣтили, какъ шагъ за шагомъ, повемного и постепенно наши плодородныя земли перестали быть плодородными и какъ культурный, предпринимчивый, знающій и энергическій американецъ почти совсѣмъ вытѣснилъ насъ съ европейскихъ рынковъ; такъ что, пожалуй, намъ придется скоро и совсѣмъ закрыть свою житницу. Ну какъ-же тутъ рассчитывать на *хорошій* экспортъ, когда и худой памъ не по силамъ. Известный историческій законъ, что «бытіе опредѣляетъ сознание, а не сознаниемъ опредѣляется бытіе», больше всего примѣняется къ Россіи. Россія именно только «громадный фактъ» — фактъ, которымъ пока еще не овладѣло русское сознание и вся работа русской

мысли, до сихъ поръ только подготовительная, заключается въ томъ, чтобы выработать общественное сознание. Но сознание не создается однимъ умствованіемъ — оно создается фактомъ въ послѣднемъ моментѣ его развитія или тогда, когда по живописному сравненію Бисмарка — «жизнь прижметъ къ стѣнѣ». Насъ-же пока жизнь еще несовсѣмъ къ стѣнѣ прижала и только этимъ и объясняется, что какъ мы ни скрипимъ, какія не встрѣчаются въ нашей жизни ненормальности, а мы все полземъ, какъ ползли до сихъ поръ.

Въ концѣ апрѣля, г. Федоровъ читалъ въ статистическомъ отдѣленіи московскаго юридическаго общества весьма любопытный рефератъ о хлѣбной конкуренціи Россіи и Соединенныхъ Штатовъ.

«Приблизительно, хлѣбный спросъ всего міра, говоритъ г. Федоровъ, выражается количествомъ до 1 миллиарда пудовъ зерна. Излишкомъ хлѣба обладаютъ Соединенные Штаты, Россія, Австро-Венгрія, Британская Индія, Румынія, Египетъ, Данія, Канада, Алжиръ, Чили, Австралія, Испанія, Швеція, Аргентинская республика; другія: Великобританія, Франція, Германія, Норвегія, Греція, Португалія и пр. — ввозятъ къ себѣ хлѣбное зерно. По вывозу пшеницы, кромѣ Соединенныхъ Штатовъ и Россіи, занимающихъ первое мѣсто, начинается въ послѣднее время Британская Индія. Она вызываетъ опасенія своею конкуренціею даже въ Соединенныхъ Штатахъ. Что касается Россіи, то съ 1878 года значеніе ея быстро падаетъ на международномъ хлѣбномъ рынкѣ, значеніе-же Америки, напротивъ, возвышается; по пшеницѣ она насъ значительно пересилила, какъ и по кукурузѣ, и уступаетъ намъ въ вывозѣ ржи и овса. По главнымъ рынкамъ русской и американскій хлѣбъ распределяются такимъ образомъ. За 16 лѣтъ вывозъ въ Англію изъ Соединенныхъ Штатовъ разнаго зерна (пшеницы, ржи, овса, ячменя и кукурузы) возросъ съ 31 до 208 мил. пуд.; русскій-же вывозъ спустился съ 52 мил. пуд. до 36 мил. пуд. Средній годичный вывозъ въ Англію изъ Соединенныхъ Штатовъ за этотъ періодъ былъ 111,5 сличкомъ мил. пуд., изъ Россіи—54 мил. пуд. Вывозъ пшеницы изъ Россіи въ Англію съ 42 мил. пуд. въ 1867 г.—упалъ ниже 10 мил. пуд. въ 1880 г., и поднялся до 27 мил. пуд.—въ 1882 г., тогда какъ американскій вывозъ за то-же время, начавъ въ 1867 году съ 12 мил. пуд., превысилъ въ 1881 г. 100 мил. пуд. и былъ болѣе 90 мил. въ 1882 г. Такимъ образомъ, въ Англіи мы постепенно теряемъ подъ собою почву на хлѣбномъ рынкѣ; насъ вытѣсняють Соединенные Штаты, не смотря на то, что спросъ хлѣба на англійскомъ рынкѣ съ 1867 г. удвоился. Принимая во вниманіе

это обстоятельство, получимъ еще болѣе рѣзкій результатъ въ пользу Америки: тогда какъ въ 1867 г. только 12% англійскаго спроса удовлетворялись Америкой, въ 1880 г. ея отпускъ составлялъ уже 65%. Франція также постепенно увеличиваетъ спросъ на хлѣбъ, и при возросшемъ въ 3, 4 раза спросѣ, мы, тѣмъ не менѣе, теряемъ и этотъ рынокъ. Въ 1877 г. мы удовлетворяли 26% спроса французскаго рынка, Соединенные Штаты—9%; въ среднемъ по 1881 г., мы—26%, Соединенные Штаты—33%. Въ Германію Соединенные Штаты не вывозятъ почти ничего, но и на германскомъ рынкѣ мы теримъ косвенное пораженіе отъ Америки, благодаря тому, что Германія, перепродающая нашъ хлѣбъ, вытѣсняется постепенно Америкой съ ея рынковъ сбыта и, вслѣдствіе этого, сокращаетъ закупки русскаго зерна».

Что-же благопріятствуетъ такому быстрому преобладанію на рынкахъ американскаго хлѣба и развитію американской производительности. Причинъ этого много. При вдвое меньшемъ населеніи, половинномъ числѣ сельскихъ рабочихъ, Соединенные Штаты производятъ зерновыхъ продуктовъ въ общей сложности на 54% болѣе, нежели производитъ Россія. Американскій фермеръ получаетъ съ земли почти вдвое болѣе нашего земледѣльца, живущаго на истощенныхъ земляхъ. У насъ если и есть громадныя пространства хорошей земли, то они пустуютъ (²з площади удобныхъ земель. по изслѣдованію г. Южакова). Въ Америкѣ, напротивъ, земля занимается легко и площадь посѣвовъ быстро расширяется. За 30 лѣтъ съ 1851 г. число фермъ съ 1,329 тыс., возросло до 3,619 тыс. По цѣнѣ 1¹/₄—2¹/₂ дол. за десятину, какъ было до 1862 г.,—теперь-же, уплативъ только издержки межеванія (около 35 к. метал. съ десятины) и обязавшись воздѣлывать землю, всякій желающій можетъ приобрести участокъ государственной земли въ западныхъ штатахъ. По размѣрамъ владѣній фермы распределяются такимъ образомъ, что фермъ величиною до 20 акровъ 9,5% отъ 20—50 акровъ 19%, отъ 50—100 акровъ 26%, отъ 100 до 500 акровъ 42%; крупное-же землевладѣніе, т. е. фермы выше 1,000 акровъ, занимаютъ только 0,64%. Средній размѣръ фермы—55 десят. Крупное землевладѣніе не имѣетъ будущности въ Соединенныхъ Штатахъ. Капиталы тамъ съ большею выгодой пахотятъ себѣ прижитіе въ разныхъ отрасляхъ промышленности и, главнымъ образомъ, въ торговлѣ; только въ бывшихъ рабовладѣльческихъ, южныхъ штатахъ, въ западныхъ и Мексикѣ сосредоточиваются крупныя хозяйства. Въ распредѣленіи земельной собственности и лежитъ, между прочимъ, разгадка быстрого роста американской производительности. Условія этого рода въ нашемъ отечествѣ далеко неблагоприятны. Крестьянство наше сидитъ на малыхъ, тощихъ,

непроизводительныхъ надѣлахъ, рабочихъ силъ больше, но онѣ утилизируются слабо въ земледѣліи. Переходъ къ положенію самостоятельнаго земледѣльца у насъ затрудненъ, при цѣнахъ на землю болѣе высокихъ сравнительно съ американскими. Со стороны государственнаго обложенія, условія, въ какихъ находится американскій земледѣлецъ, вдвое почти легче нежели у насъ. Заработная плата въ Америкѣ настолько высока, что работникъ въ 3—4 года легко составляетъ себѣ сбереженіе, достаточное для того, чтобы сдѣлаться собственникомъ. Далѣе, американскому вывозу благоприятствуетъ, при громадной производительности хлѣба, существованіе огромныхъ излишковъ, сверхъ количества, необходимаго для внутренняго продовольствія. У насъ, напротивъ, всегда является вопросъ, что мы собственно вывозимъ за границу: дѣйствительно-ли имѣющіеся у насъ излишки или ресурсы народнаго продовольствія, такъ какъ на продовольствіе сельскаго населенія обыкновенно не хватаетъ у насъ хлѣба въ большинствѣ мѣстностей. Наконецъ, условія транспортировки хлѣба, меньшее количество лежащихъ на цѣну хлѣба накладныхъ расходовъ, благодаря механическимъ приспособленіямъ, въ примѣненіи къ транспортировкѣ и крайне удобная организація торговли при помощи варрантной системы — все это, въ совокупности съ вышеуказанными преимуществами Америки со стороны хлѣбной производительности, даютъ ей возможность господства на международномъ хлѣбномъ рынкѣ.

Въ рефератѣ г. Ѳедорова мы имѣемъ дѣло съ выводомъ изъ громадной массы очень сложныхъ фактовъ, опредѣляющихъ международныя отношенія въ одной изъ основныхъ потребностей и производительностей человѣчества. Народъ не знаетъ этихъ выводовъ. Онъ, правда, участвуетъ въ нихъ, но совершенно пассивно. Не образуя верховъ, онъ, гдѣ-то тамъ внизу, живетъ жизнью муравейника и не подозрѣвая никакихъ общихъ выводовъ бессознательно, стихійно, стадно пользуется возможностями, которыя ему представляются, бессознательно творя факты, ведущіе къ лучшимъ выводамъ и къ болѣе полнымъ итогамъ. Хотя и бессознательно, но тѣмъ не менѣе безошибочно вѣрно народъ стремится восстанавливать нарушающееся равновѣсіе и направленіемъ его стремленій опредѣляется и направленіе общественнаго сознанія, въ которомъ-бы оно должно работать. Тотъ выводъ, къ которому приходитъ г. Ѳедоровъ на основаніи тщательныхъ статистическихъ изслѣдованій, составляетъ давно содержаніе народной думы и народныхъ стремленій. Законъ тутъ общій, какъ для Америки, такъ и для Россіи, но то что въ Америкѣ нашло свое выраженіе въ мѣрахъ сознательнаго государственно-народнаго хозяйства, у насъ пока вы-

ражается стихійно, исключительно въ ничѣмъ неудержимомъ стремленіи народа къ исканію «лучшихъ мѣстъ».

Можетъ быть еще никогда стремленіе народа къ переселенію не обнаруживалось въ такомъ размѣрѣ, какъ нынче. Я приведу только нѣсколько фактовъ изъ тѣхъ, которыми располагаю и они лучше всякихъ общихъ разсужденій покажутъ, какая непреодолимая сила управляетъ этимъ движеніемъ и на сколько все больше и больше она овладѣваетъ народомъ.

«Въ прошломъ году, пишетъ корреспондентъ «Нов. Вр.», черезъ Моршанскъ прошло нѣсколько сотъ повозокъ поселенцевъ, теперь съ началомъ весны снова потянулись цѣлыя вереницы повозокъ поселенцевъ, ѣдущихъ куда глаза глядятъ. На-дняхъ одну изъ проходящихъ партій корреспондентъ спросилъ: куда идете? они отвѣчали: «на вольныя земли». — Да гдѣ онѣ? «А Богъ знаетъ, далеко». Эти поселенцы Козловскаго уѣзда выселились почти цѣлымъ селеніемъ, собралось слишкомъ пятьдесятъ повозокъ, они идутъ безъ предварительнаго ходака, котораго нѣкоторые общества посылаютъ развѣдать, вправду-ли есть еще на Руси такія земли, гдѣ можно свободно селиться. За ними поднимаются еще много со-сѣдей.

«Въ послѣднее время въ Таврической губ. замѣчается сильное движеніе переселенцевъ изъ малороссійскихъ губерній. почти ежедневно переправляющихся черезъ Геническій проливъ Азовскаго моря на Арбатскую стрѣлку Крымскаго полуострова. На разпросы всѣ они отвѣчаютъ одно и то-же: «Тісно, нигде ні самому, ні зъ скотинкою дѣтись». Направляются они въ «Черноморію», — такъ называетъ народъ восточные берега Крыма, — и въ глубь Кубанскихъ степей, увѣренные, что тамъ просторно. Говорятъ это со словъ прохожихъ «служилыхъ», монаховъ и прочаго «бывалаго» люда. Идутъ они, конечно, на авось, никто не указываетъ имъ тѣхъ мѣстъ, куда возможно переселиться, никто не подворяетъ переселившихся, не предупреждаетъ о тѣхъ условіяхъ жизни, которыя ожидаютъ переселенца на «новыхъ мѣстахъ», а условія эти въ южныхъ степяхъ далеко не тѣ, что въ сѣверной полосѣ Россіи. («Рус. Вѣд.»).

«Не проходитъ дня, чтобы не видѣть въ Курскѣ болѣе или менѣе значительныхъ партій крестьянъ, ѣдущихъ, по ихъ словамъ, на вольныя земли, въ Черноморье и преимущественно въ Ставропольскую губернію. На-дняхъ прослѣдовала партія переселенцевъ подводахъ на сорока съ семьями изъ Кромскаго уѣзда, Орловской губерніи. Изъ Курской губерніи болѣе всего отправляются крестьяне Фатежскаго уѣзда. Главною причиною переселенія служатъ: малоземелье, весьма высокія арендныя цѣны на участки па-

хатной земли, достигающіе въ послѣднее время до 30 и 35 р. за дес. и отсутствіе кредита на земледѣльческія нужды. Между тѣмъ, по свѣдѣніямъ, полученнымъ крестьянами, оказывается, что въ Ставропольской губ. можно за такую-же цѣну и даже дешевле (20—25 р.) купить землю. («Курск. Листокъ»).

«1-го мая черезъ Николаевъ прослѣдовалъ транспортъ безземельныхъ крестьянъ, изъ Ананьевского уѣзда, направляющійся въ Черноморы, т. е. въ Кубанскую область. Причина, побудившая переселенцевъ предпринять походъ, по ихъ объясненіямъ, заключается въ притѣсненіяхъ со стороны землевладѣльцевъ и арендаторовъ, дерущихъ по 8—9 руб. за десятину въ годъ, не считая «отбутокъ» (повинности) натурой. Изъ Кубанской области переселенцы имѣютъ свѣдѣнія отъ своихъ ходочевъ, что тамъ ихъ брату, земляшцу, живется привольно. («Никол. Вѣстн.»).

«Вопросъ о переселеніи на Амуръ весьма интересуетъ крестьянъ Полтавской губерніи, а особенно Константиноградскаго уѣзда, гдѣ соединились всѣ неблагопріятныя для земледѣлія условія, хотя пространство этого уѣзда весьма велико, сравнительно съ численностью населенія. Около 500 семействъ запаслись уже общественными приговорами для переселенія и готовятся, съ началомъ весны, въ дальнюю дорогу. Еще большее число семействъ думаетъ, совѣтуется и находится въ нерѣшительномъ состояніи, увлекаемая мыслью, что крестьянскій банкъ дастъ имъ возможность приобрести землю. По рукамъ ходятъ телеграммы изъ Благовѣщенска, изъ которыхъ видно, что на каждую семью переселенцевъ будетъ опредѣлено до 100 десятинъ земли и выдано, по прибытіи на мѣсто, по 60 р. Масса телеграммъ, отправляемыхъ въ Благовѣщенскъ съ разными вопросами, принесла телеграфному вѣдомству до 4,000 р. дохода только со станцій, лежащихъ въ чертѣ Константиноградскаго уѣзда. Стремленіе къ переселенію особенно замѣтно въ д. Черняховкѣ и въ окрестныхъ селеніяхъ, гдѣ бѣдность крестьянъ, не получившихъ даже усадебъ (какъ въ имѣніи землевладѣльца 3—го) и не имѣющихъ водопоя, ставитъ ихъ въ безвыходное положеніе. («Новости»).

«Побывавъ въ 5—6 большихъ селахъ Константиноградскаго и Полтавскаго уѣздовъ и проѣхавъ до ста верстъ по разнымъ деревнямъ и хуторамъ, вездѣ поневолѣ обратишь вниманіе на бросающуюся въ глаза ужасную бѣдность мѣстныхъ крестьянъ. Постройки запущены, плетни полуразрушены, а около нѣкоторыхъ дворовъ и вовсе ихъ нѣтъ. На всемъ пространствѣ корреспонденту не пришлось видѣть ни въ одномъ дворѣ запаснаго хлѣба въ стогахъ (одонкахъ), даже у такихъ крестьянъ, которые прежде всегда имѣли «залѣтковый» хлѣбъ и часто по нѣскольку стоговъ:

теперь-же не только «залѣтковаго», запаснаго не осталось ни у кого, а многимъ почти нечего было молотить изъ урожая 1882 г., вслѣдствіе недорода. Сѣна было тоже очень мало, а потому не достаетъ и кормовъ для скота, количество котораго значительно уменьшилась, благодаря прошлагодной чумѣ. Вездѣ жалуются на недостатокъ хлѣба, и запасныя магазины усердно очищаются нуждающимися въ продовольствіи. Кромѣ голода, не менѣе даетъ себя чувствовать и холодъ, вслѣдствіе недостатка въ топливѣ—соломы было мало. кирпича (визяка) хорошо заготовить было не изъ чего, дровами-же тамъ отапливаются весьма немногіе; а тутъ еще на бѣду и зима выпала «лютая». Разныя невзгоды, а главное неурожай заставили многихъ крестьянъ предпринять «благое дѣло»—переселиться на Амуръ, гдѣ, будто-бы, имъ обѣщавтъ много льготъ. Изъ Варваровки, напр., собралось болѣе 60 семействъ; не мало также собралось изъ Бѣлуховки, Поповки, Карловки, Ланной и др. («Южн. Край»).

«Переселенческое движеніе для южныхъ уѣздовъ Рязанской губ. имѣетъ весьма серьезное значеніе. Скопинскій уѣздъ не представляетъ въ этомъ отношеніи исключенія; напротивъ, потребность переселенія здѣсь давно назрѣла, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ уѣзда крестьяне даже ждутъ, какъ особой милости, правительственной помощи для переселенцевъ. Въ послѣднія 10—15 лѣтъ характеръ и направленіе переселенческаго движенія значительно измѣняется: вмѣсто Юга переселенцы направляются на Востокъ,—въ Уфимскую, Оренбургскую и Томскую губ.; вмѣсто случайнаго поселенія въ мѣстахъ своихъ отхожихъ заработковъ, крестьянинъ ищетъ новыхъ путей. Такъ, напр., весной 1882 г. бывшій староста Чуловскихъ выселокъ, Петръ Ивановъ, увелъ за собой не одинъ десятокъ семей. Прослышавъ про земельный просторъ Томской губ., онъ пошелъ посмотрѣть тѣ мѣста. Мѣста полюбились, и Петръ Ивановъ вернулся на родину, чтобы окончательно перебраться въ Томскую губ., захвативъ семью и распродавъ имущество. Его рассказы о сибирскомъ просторѣ и въ особенности его рѣшимость идти въ такую даль, хотя и здѣсь жили хорошо, произвели сильное впечатлѣніе; не только родные, но и посторонніе стали просить Петра Иванова взять и ихъ съ собой. Нѣкоторыхъ онъ повелъ даромъ, съ другихъ бралъ «за показъ мѣста» по 40 р. съ ревизской души. Теперь они поселились въ Бійскомъ уѣздѣ, Томской губ., и въ письмахъ на родину хвалятъ мѣста, вонуть къ себѣ своихъ земляковъ. Осенью прошлаго-же года увелъ за собой нѣсколько семей зажиточный хворощевскій крестьянинъ Грязевъ. Хворощевцы устроились въ Троицкомъ уѣздѣ, Оренбургской губ., на арендной землѣ, платя по 60 к. въ годъ за десятину; въ нис-

махъ къ своимъ они рисуютъ яркими красками тамошнее приноше. Письма Грязева, Петра Иванова и Захара Митрофанова (ушелъ въ Томскую губ. вмѣстѣ съ послѣднимъ), переходятъ изъ рукъ въ руки, разнося по рязанскимъ деревнямъ вѣсть о земельномъ просторѣ далекой стороны.

Здѣшній крестьянинъ очень недовѣрчиво относится къ такимъ соблазнамъ и идетъ «на Самару» крайне осторожно. Однако, въ нѣкоторыхъ селахъ всю зиму шла исподволь распродажа имущества готовящихся выселяться. («Руск. Вѣд.»).

«Съ открытіемъ воднаго пути, переселенческое движеніе по направлению къ Сибири, приостановившееся на время зимы, снова возобновилось. 11-го мая большой американскаго типа пароходъ Любимова «Березники», направлявшійся изъ Казани въ Пермь, до такой степени переполненъ былъ семьями крестьянъ — переселенцевъ, что выдача билетовъ III класса была прекращена за отсутствіемъ мѣстъ на пароходѣ, и масса непомятившихся на пароходъ крестьянъ расположилась со всѣмъ своимъ скарбомъ на берегу въ ожиданіи другаго, слѣдующаго въ Пермь, парохода. Всѣ переселенцы, насколько можно заключить по ихъ нищенскому, сваленному на песокъ, имуществу, по ихъ незатѣливому обѣду (холодная вода изъ Волги съ размоченными въ ней ржаными сухарями), — народъ крайне бѣдный. Недостатокъ земли и совершенное отсутствіе даже дровянаго лѣса на мѣстѣ ихъ прежней осѣлости — въ Тамбовской губерніи, — вынудили этихъ несчастныхъ, продавши свои лачуги и весь хозяйственный инвентарь, пуститься въ дальній путь, въ мѣста, о которыхъ они имѣютъ самое смутное представленіе. Заглазно «облюбовали» они Томскую губернію и двинулись туда, побуждаемые перспективой совершеннаго обнищанія въ будущемъ, если оставаться на мѣстѣ своего прежняго жительства. Ѣдутъ они безъ всякихъ субсидій, на свои собственные деньги, вырученныя отъ продажи своихъ хозяйствъ. («Казанск. Бирж. Листокъ»).

«Въ концѣ 1882 года у многихъ крестьянъ Саранскаго уѣзда Пензенской губ. явилось желаніе переселиться въ Западную Сибирь, а съ марта мѣсяца 1883 года въ волостяхъ Трофимовской, Рамодановской, Пушкинской, Салмынской, Голещинской, Кочуновской, Пятинской, Воротниковской и Лукояновскаго уѣзда Лобасковской, шла усиленная распродажа имущества крестьянъ-переселенцевъ и закупка хорошихъ лошадей. Земельные свои душевные надѣлы крестьяне запродали обществамъ и отдѣльнымъ лицамъ. Съ 5-го по 10-е число мая изъ показанныхъ волостей выѣхало до 140 семействъ, или около 680 душъ обоюго пола, на 180 повозкахъ, запряженныхъ въ одну лошадь каждая. Въ одномъ селѣ

Ладѣ собралось 6-го мая на площади 120 повозокъ. Отсюда они разбились на 6 обозовъ и поѣхали на Симбирскъ въ Томскую губернію, въ Бійскій уѣздъ, село Бѣловское и ближайшія къ нему деревни, къ своимъ односельчанамъ и родственникамъ, уѣхавшимъ туда прежде и устроившимся хозяйствомъ. Проѣхать должны эти путешественники 3,000 верстъ и послѣть къ полевымъ работамъ, отъ которыхъ они надѣются добыть себѣ хлѣба на годъ. Причины переселенія—малоземелье, безлѣсіе, высокая аренда земли и обременительныя работы за пастбищныя угодья. («Рус. Вѣд.»).

Недѣли двѣ тому назадъ неожиданно-негаданно въ Тулу стали прибывать массы крестьянъ съ женами, дѣтьми и съ кой-какимъ домашнимъ скарбомъ. Сойдя съ вокзала желѣзной дороги, крестьяне располагались на окрестномъ полѣ, нисколько, повидимому, не желая продолжать дальнѣйшій путь. Когда ихъ стали допрашивать кто они, откуда и зачѣмъ пріѣхали, то на это получился слѣдующій отвѣтъ: ѣдутъ они изъ разныхъ мѣстъ Полтавской губ., въ качествѣ переселенцевъ въ Благовѣщенскъ; денегъ у нихъ на проѣздъ и прокормленіе нѣтъ, а поэтому двинутся дальше изъ Тулы они не могутъ. На вопросъ — куда-же они дѣвали деньги, которыя должны были выручить при отѣздѣ за землю и скотъ, а также другія вещи, которыми вѣроятно владѣли до тѣхъ поръ, переселенцы рассказали: «насъ все время подбивали переѣхать въ Сибирь, хваля тамошнія земли, которыми мы можемъ владѣть даромъ; у насъ-же на родинѣ земли мало, а народу много,—въ батраки идти не хочется. Мы послушались совѣтовъ и распродали весной земли, постройки и все лишнее, надѣясь на вырученныя средства добраться до новыхъ мѣстъ. Но тутъ-то насъ и попридержали, потребовавъ уплаты старыхъ недоимокъ. Дѣлать было нечего: отказатья неимѣніемъ денегъ нельзя было и вотъ мы расплатились, оставшись и безъ земли, и безъ крова, и безъ денегъ. Мы и рѣшили ѣхать куда глаза глядятъ, пока хватитъ платить за проѣздъ. Теперь-же у насъ ничего не осталось. Что хотите, то и дѣлайте съ нами». Послѣ невѣроятныхъ мытарствъ, при содѣйствіи тульскаго губернатора и жандармскаго офицера, часть переселенцевъ около 800 человекъ двинулась въ дальнѣйшій путь. Осталось еще болѣе 500 и съ каждымъ днемъ все еще прибываютъ. Что съ ними будутъ дѣлать и какъ управятся—рѣшать не беремся, замѣчаетъ корреспондентъ. («Рус. Вѣд.»).

Этотъ ничемъ неудержимый порывъ народа къ отысканію «лучшихъ мѣстъ», принимающій какъ-бы повальный характеръ, указываетъ на существованіе не менѣе важныхъ и всеобщихъ причинъ, вызывающихъ переселенческое движеніе. И причины эти, дѣйствительно, есть. Они очень многосложны и разнообразны,

хотя въ общемъ сводятся къ одной короткой формулѣ: «жить тѣсно». Въ конечномъ выводѣ это «тѣсно» есть неблагопріятныя условія народнаго труда, зависящія то отъ недостаточнаго количества пашни, то отъ недостаточнаго количества сѣножосовъ, отъ безлѣсицы, отъ дурнаго качества почвы, отъ стѣсненія народныхъ обычаевъ, отъ высокихъ арендныхъ платъ, отъ большихъ налоговъ, отъ утѣсненій собственниковъ земли, отъ гнета булаковъ, кабатчиковъ и мироѣдовъ, отъ нажима скупщиковъ и перекупщиковъ хлѣба, отъ высокаго тарифа желѣзныхъ дорогъ, отъ недостатка собственнаго хлѣба на прокормленіе, отъ низкой заработной платы, отъ низкой цѣны на хлѣбъ, отъ голодоровъ, отъ накопленія непосильныхъ недоимокъ, отъ черезполосности, отъ отсутствія кредита. Причины, создавшія «тѣсно», такъ сложны и многообразны, и имѣютъ иногда настолько мѣстный или частный характеръ, что къ нимъ нужно относиться съ большой деликатностію и довѣріемъ. Вотъ, напр., интересныя подробности, сообщаемыя корреспондентомъ газеты «Сибирь», близко наблюдавшимъ одну партію переселенцевъ изъ Курской губерніи: Партія эта состояла изъ 16 семей государственныхъ крестьянъ, изъ нихъ 15 семей были изъ Фатежскаго уѣзда, и одна семья изъ Курскаго. Весь обозъ составляли 20 кибитокъ. Особенность партіи заключалась въ томъ, что изъ 16 домохозяевъ было 8 солдатъ.

Крестьяне переселенцы (фатежскіе) владѣли 3 десятинами пахатной земли, съ весьма ничтожнымъ сѣножосомъ—копны по 2—3 на душу. Скотину поэтому приходилось кормить соломой. Недостатокъ кормовъ не давалъ возможности обзаводиться сколько-нибудь значительнымъ количествомъ скота; лошадь да корова и только. Сюда-же надо отнести давленіе сосѣднихъ помѣщичьихъ экономій, доѣзжавшихъ крестьянъ высокими штрафами за поправки. При сильномъ стѣсненіи крестьянъ въ землѣ, арендные цѣны возрасли въ необычайныхъ размѣрахъ: до 25—30 руб. за десятину. Обыкновеннымъ дополненіемъ къ такимъ аренднымъ цѣнамъ являлась низкая плата за трудъ: за всѣ лѣтнія крестьянскія работы (вспахать, засеять, забороновать, свосить и т. д.) помѣщики платили всего по 5 руб. съ десятины. По словамъ переселенцевъ, безлошадные крестьяне тоже нерѣдко нанимаютъ односельца съ лошадью обработать ихъ землю; обыкновенная плата въ такихъ случаяхъ 15 руб. съ десятины. Крестьяне объясняли такую громадную разницу тѣмъ, что у помѣщиковъ рѣдко работаютъ за деньги; обыкновенно крестьяне, арендуя у помѣщика землю, обязываются въ уплату отработать ему известное число десятинъ; при этомъ, дѣлая ему уступку въ заработной платѣ, они взаимно того пользуются скидкой въ суммѣ аренды.

Другой видъ хозяйственныхъ сдѣлокъ между землевладѣльцами и крестьянами заключался въ томъ, что, сдавая землю прямо за деньги, помѣщикъ все-таки выговариваетъ себѣ у крестьянина-арендатора обработку 1 десят. въ рабочую пору. Кромѣ помѣщиковъ, въ окрестности водятся крупные землевладѣльцы изъ купцовъ и богатыхъ мужиковъ. Одинъ изъ такихъ мужиковъ, лѣтъ 16 тому назадъ, когда земля еще была дешевле, купилъ по 40 р. 150 дес., которая онъ теперь сдаетъ крестьянамъ; «съ помѣщикомъ еще иногда добромъ поладишь, если ему не внесешь во время денегъ, а ужъ этотъ не ждетъ»—разсказывали мужики.

Какъ и вездѣ, такое стѣсненіе въ землѣ, съ одной стороны, рядомъ съ избыткомъ земли у частныхъ владѣльцовъ; а съ другой стороны, разныя прижимки со стороны послѣднихъ, вызываютъ въ крестьянахъ далеко неприятныя чувства.

Всѣхъ податей и сборовъ взимается по 10 р. въ годъ съ души, съ солдатъ на 3 р. 70 к. меньше. Платежъ этотъ крестьяне понимаютъ, какъ плату за землю. «Сколько лѣтъ мы уже платимъ, жаловались они, а земля все не наша!» Очевидно, они представляютъ себѣ дѣло такъ, что платежъ податей «за землю» долженъ быть срочный, пока имъ окупится цѣна этой земли и она станетъ крестьянской. Вѣсьма интересную особенность поземельныхъ порядковъ въ описываемыхъ селеніяхъ составляетъ тотъ фактъ, что усадебныя земли тамъ раздѣлены въ частную собственность между крестьянами. въ то время какъ остальная земля—общинная. На усадебной землѣ крестьяне сѣютъ коноплю и потому цѣна такой земли довольно высока; передъ переселеніемъ мужики продавали ее по 20 р. за «шесть»; «шестомъ» называется покосъ въ 2 саж. ширины и 100 саж. длины; такимъ образомъ цѣна 1 дес. при усадебной землѣ доходитъ до 240 р. Изученіе условій быта этихъ селеній на мѣстѣ, быть можетъ, могло-бы дать указанія на счетъ внутренней связи между приведенными фактами: въ какомъ отношеніи, напр., находится способъ владѣнія усадебной землей къ способу ея обработки, къ ея цѣнности и доходности? Все это вопросы чрезвычайно важныя и выводы тутъ порой сами напрашиваются. Въ очевидной связи съ ослабленіемъ общиннаго начала находится чрезвычайная рѣдкость земельныхъ передѣловъ: отъ ревизіи до ревизіи передѣла не бываетъ, бываютъ-же только частныя переверстки земли,—напр. земля, оставленная на родинѣ переселенцами, пойдетъ въ раздѣлъ «на новыя души». Понятно, что, оставляя землю переселенцевъ за собою, общество беретъ на себя уплату лежащихъ на нихъ платежей.

Оренбургскій корреспондентъ «Русск. Вѣд.» говоритъ объ одной партіи переселенцевъ изъ Самары, что «они ушли изъ домовъ

потому, что за ними была недоимка, которой они были не въ силахъ уплатить».

О. Беллюстинъ пишетъ въ «Н. В.»: «безхлѣбца и безкормица!—столичные жители имѣютъ-ли настоящее понятіе объ этихъ бичахъ крестьянской жизни, особенно о послѣднемъ?.. Чтобы имѣть такое понятіе, нужно воочию видѣть, чѣмъ отзывается онъ во всемъ строѣ экономическаго быта крестьянина». И описавъ подробности этого бѣдствія, о. Беллюстинъ замѣчаетъ: «хоть утопись съ горя,—на помощь никто не придетъ: вѣдь взаимно-помощь существуетъ только среди сектантовъ. Никто не придетъ!.. А казалось-бы есть специальное учрежденіе, назначеніе котораго, главнымъ образомъ, и должно состоять въ томъ, чтобы изыскивать способы и средства, если уже не для подъема, то, по крайней мѣрѣ, для предупрежденія окончательнаго упадка экономическаго уровня крестьянства. И способы для того есть,—не скажемъ вездѣ, по крайней мѣрѣ, въ нашей мѣстности. Въ чемъ состоитъ самая насущная потребность нашего крестьянства?—въ количествѣ земли, достаточномъ для скотоводства и вообще для производительнаго хозяйства. Имѣется-ли возможность прикупать для крестьянства земли?—Имѣется вся возможность, скупаютъ-же ихъ въ весьма и въ весьма значительномъ количествѣ кулаки изъ барства, гражданства, крестьянства и даже поповства. Зачѣмъ-же остановка?.. За инициаторами и руководителями прикупокъ. Наше крестьянство, особенно въ дѣлахъ такого рода, все еще стадо, для котораго безусловно необходимъ двигатель и руководитель—разумѣющій дѣло и, по возможности, честный. Вотъ въ этомъ, конечно, и должно состоять главное назначеніе тѣхъ избранниковъ крестьянства, что зовутся членами земскихъ управъ. Полагаемъ,—въ этомъ, а не въ томъ, чтобы получать крупныя цифры жалованья, развѣивать сотни тысячъ рублей въ годъ изъ выбиваемыхъ съ крестьянства суммъ, да упражняться неустанно въ разработкѣ зеленаго поля съ орошеніями. А если и дѣйствительно въ этомъ, то въ силу чего еще и примѣра не бывало, чтобы упомянутые члены предприняли что-либо на дѣйствительную пользу крестьянства, или явились къ нему на помощь въ той или другой бѣдѣ?.. Или ужъ наше крестьянство такъ особенно несчастно, а въ другихъ мѣстностяхъ земскія управы дѣйствуютъ цѣлесообразнѣе?..»

Въ томъ-то и дѣло, что разрѣшеніе этого вопроса вовсе не такъ просто, какъ думаетъ почтенный о. Беллюстинъ. Сложныя причины, лежащія въ корнѣ вопроса, требуютъ и сложнаго разрѣшенія и при томъ разрѣшенія такого-же гуртоваго и, такъ сказать, повальнаго, всеобъемлющаго и сразу исчерпывающаго, какъ повально само народное стремленіе къ восстановленію нарушен-

наго равновѣсія. Тутъ нечего ожидать отъ сословной помощи, которая къ тому-же и некомпетентна, нечего ждать и отъ земства или части его, на которую указываетъ о. Беллюстинъ. Двадцать лѣтъ, прошедшія со времени освобожденія крестьянъ, настолько уже выяснили положеніе крестьянскаго вопроса, что стало вполне очевиднымъ, съ какой стороны можетъ явиться для народа лучшая помощь. Система опекуства была вполне понятна и дѣйствительна во время крѣпостнаго права; но теперь она не приноситъ ничего, кромѣ горькихъ плодовъ. При крѣпостномъ правѣ, съ его quasi-патріархальнымъ бытомъ, имѣніе съ помѣщикомъ во главѣ составляло хозяйственную единицу. Тутъ было кому придти на помощь и помощь эта вытекала изъ той экономическаго связи, какая существовала между собственникомъ земли и его рабочей силой. У помѣщика не могло быть экономическаго антагонизма съ его крестьянами и если они были его даровой рабочей силой, то для эксплуатаціи этой силы имѣлся извѣстный предѣлъ не только чисто-экономическій, но и нравственный. Съ освобожденіемъ крестьянъ въ нашемъ народномъ быту произошелъ такой-же переломъ, какой случился въ экономическомъ бытѣ Европы съ изобрѣтеніемъ машинъ. Патріархальность отношеній кончилась, нравственная связь между крестьяниномъ и баринномъ порвалась, что составляло прежде нѣчто цѣльное, стало разрозненнымъ, юридически крестьянинъ сталъ свободенъ, но экономически онъ очутился въ большей зависимости и вмѣсто одного прежняго помѣщика, которому и лично былъ не расчетъ разорять мужика, теперь сплелась цѣлая эксплуатирующая его сѣть, въ которой онъ запутался, какъ муха въ тенетахъ паука. Свобода дала ему мало средствъ для борьбы съ покупателями его труда, или, лучше сказать, никакихъ. Ну какія возможности существовали для мужика, чтобы охранить себя противъ наживы, которая росла теперь не по днямъ, а по часамъ и которая умѣла пользоваться сложившимися для нея благоприятными условіями. Отношенія къ сосѣдямъ-землевладѣльцамъ совершенно измѣнились — и въ концѣ концовъ мужикъ превратился исключительно въ рабочую силу, въ товаро-трудъ и до него какъ до человѣка нанимателю не стало никакого дѣла. Я помню, какъ на соляныхъ варницахъ за границей, на вопросъ, отчего разсолъ возятъ людьми, а не лошадьми, рабочіе мнѣ отвѣтили, что лошадь стоитъ денегъ и околѣй она — хозяину убытокъ, а умри рабочій — убытку нѣтъ, потому-что рабочій хозяину ничего не стоитъ.

Совершенно подобныя-же отношенія возникли и у насъ между хозяиномъ и рабочимъ. Прежде, когда крестьянинъ былъ собственностью, владѣлецъ заботился о немъ какъ о вещи; но съ

тѣхъ поръ, какъ эта вещь не стала никому принадлежать и заботиться о ней было некому, а самъ о себѣ крестьянинъ заботиться не могъ, О. Беллюстинъ жалуется, что «никто не придетъ», да кому-же придти? Кулакъ и кабатчикъ не придуть, потому-что нельзя-же имъ идти противъ себя. Купецъ, скупавшій земли помѣщиковъ, тоже не пойдетъ противъ себя. Бывшій помѣщикъ всталъ къ крестьянину въ чисто экономическія отношенія и смотритъ на него тоже какъ на товаро-трудъ. Земство. Но земскія управы состоятъ изъ людей, ходящихъ подъ тѣмъ-же экономическимъ закономъ: большинство членовъ тоже покупатели товаро-труда. Крестьянскій элементъ имѣетъ въ земствѣ не только ничтожное представительство, но представители его, какъ люди наиболѣе зажиточные, тоже по преимуществу наниматели. Нанимаемые-же сидятъ въ деревняхъ и земскаго представительства собою не изображаютъ. Наконецъ, земство, какъ административный центръ, вѣдающій дѣла *вообще*, не имѣетъ ни средствъ, ни возможности, ни, наконецъ, компетенціи знать и устранять нужды каждой деревни. Прежде знатокомъ и устранителемъ этихъ нуждъ былъ помѣщикъ, но теперь у него нѣтъ никакой связи съ деревней; связь перерублена освобожденіемъ и создать ее уже невозможно. Затѣмъ не только въ земствѣ, но даже и выше, даже въ печати, преобладаетъ вліяніе нанимающихъ и торгующихъ классовъ, защищающихъ свои классовые или сословные интересы, и это на столько естественно, что возлагать на классы, не составляющіе земледѣльческаго населенія, нравственное обязательство заботы объ его выгодахъ едва-ли даже для нашего времени и справедливо. Отъ людей нельзя требовать большей нравственности, чѣмъ та, которую они могутъ имѣть при данныхъ обстоятельствахъ. Не боги-же въ самомъ дѣлѣ наши кушцы и наниматели рабочихъ рукъ. Есть еще, повидимому одна высшая инстанція — общественный интеллектъ, чувство справедливости и правды. Но и выводы интеллекта, правды и справедливости въ разрѣшеніи вопросовъ народнаго быта зависятъ отъ знанія. Ну, а что-же мы знаемъ о народномъ бытѣ? Незнаніе нами, образованными людьми условій крестьянскаго быта, народнаго экономическаго и юридическаго міровоззрѣнія принесло уже немало горькихъ плодовъ, и разумѣется только этому незнанію слѣдуетъ приписать причину нашего народнаго неустройства. Припомнимъ, какъ еще въ XVI ст. ввѣдреніе въ крестьянское земледѣльческое устройство повело къ его распаденію, и какъ еще недавно поступали землемѣры въ Архангельской и въ Вологодской губерніяхъ, на основаніи данныхъ имъ инструкцій. Сложныя общины сѣвера были разрушены не на основаніи бытовыхъ требъ

ваній, не путемъ народнаго сознанія, а часто внѣшнимъ образомъ. Хотя теперешній министръ государственныхъ имуществъ и отгѣнилъ прежнія межевыя инструкции, но того, что сдѣлалось, онъ уже измѣнить не могъ. И не частности важны въ этомъ вопросѣ, а общее наше отношеніе къ бытовымъ народнымъ учрежденіямъ, къ народному историческому прошлому, къ самостоятельности его мысли и къ правамъ народнаго разума. Въ враждебномъ отношеніи къ народнымъ бытовымъ учрежденіямъ славянофилы и націоналисты усматриваютъ западное вліяніе; но кажется въ XVI ст. западниковъ у насъ не было и Борисъ Годуновъ не былъ западникомъ. Напротивъ, именно только западничество и научило насъ относиться съ уваженіемъ къ народу, къ его стремленіямъ, къ его быту и только этому вліянію Россія одолжена, что Положеніе 19 февраля удержало общину. Не западныя вліянія выражались въ тѣхъ мѣрахъ, которыя уничтожали бытовыя учрежденія создававшіяся народомъ столѣтія, а идеи того экономическаго и соціальнаго индивидуализма, которыя въ русскихъ культурныхъ слояхъ брали перевѣсъ надъ идеей коллективизма и настолько-же общи культурнымъ слоямъ Запада, какъ и культурнымъ слоямъ Востока. Потому что жизнь культурныхъ слоевъ, распространяясь все шире и шире, захватывала народный слой, она усиливалась и народныя общественныя отношенія подчинить своимъ вліяніямъ и закрѣпить для нихъ путемъ законодательства отношенія, выработанныя культурнымъ индивидуализмомъ. По мѣрѣ того, какъ культурные слои вырабатывали точнѣе свои индивидуалистическія отношенія и закрѣпляли ихъ положительнымъ законодательствомъ, рѣзче и рѣзче становилась бытовая разница между народомъ и «обществомъ». Вотъ въ чемъ тотъ «клинь», который будто-бы создала Петровская реформа. Не западничество развѣдило насъ, а идеи экономически-соціальнаго индивидуализма, которыя управляютъ взаимными отношеніями культурныхъ слоевъ, тогда какъ народными отношеніями управляетъ идея «міра».

Что при такомъ расколѣ гармоническое и стройное государственное существованіе невозможно, мы начали сознавать давно, но это сознаніе было до сихъ поръ частичнымъ и не доспѣло еще до размѣра общественнаго и государственнаго сознанія. Изъ этого-же частичнаго сознанія выросло и стремленіе къ изученію народнаго быта, народныхъ отношеній, учреждений и духа и идей ими управляющихъ. Самое первое, начальное знакомство съ народнымъ бытомъ показало, что къ нему нельзя примѣнять никакихъ общихъ, абсолютныхъ мѣръ, возводить культурное общественное мнѣніе въ какое-то высшее руководящее и безошибочное мнѣніе

и X т. св. зак. дѣлать обязательнымъ для гражданскихъ и дѣловыхъ отношеній народа.

Лѣтъ пятнадцать назадъ Русское географическое общество, видя неуспѣхъ разрозненнаго, одиночнаго собранія народныхъ юридическихъ обычаевъ, составило программу для болѣе единообразнаго ихъ собранія и разослало ее въ губернскіе статистическіе комитеты. Результаты, которые дало это далеко неудавшееся собраніе свѣдѣній, во всякомъ случаѣ, не заявили себя въ нашихъ улучшенныхъ отношеніяхъ къ народному міровоззрѣнію и къ праву народа на умственную и бытовую самостоятельность. Въ то время, какъ программа географическаго общества усердно приводилась въ исполненіе архангельскимъ статистическимъ комитетомъ, межевые чины министерства государственныхъ имуществъ, исполняя свои инструкціи, производили въ той-же Архангельской губ. отводъ крестьянамъ земель далеко не на основаніи бытовыхъ народныхъ воззрѣній на землевладѣніе.

Наше культурное общественное мнѣніе, записанное въ X т., и одинаковое для сѣвера и юга, запада и востока Россіи, во многихъ случаяхъ далеко не сходится съ общественнымъ мнѣніемъ народа, не имѣющимъ такого абсолютнаго характера и потому гораздо болѣе разнообразнаго. Въ народѣ это объясняется его болѣе разнообразнымъ составомъ и жизненными условіями, во многихъ случаяхъ непохожими на наши. Напримѣръ, въ Сибири у ивродцевъ братъ можетъ жениться на сестрѣ умершаго брата или на второй женѣ отца. Въ остзейскихъ губерніяхъ браки существуютъ между двоюродными братьями и сестрами, родной дядя можетъ жениться на своей племянницѣ. И между русскими допускается что родные братья женятся на двухъ родныхъ сестрахъ. Но въ другихъ мѣстностяхъ родство оберегается гораздо строже. Въ Шадринскомъ уѣздѣ, Пермской губерніи, родными часто считаются такія лица, называющія другъ друга сватами, между которыми по X т. уже не признается никакого родства. Поэтому «свать» не рѣшится дать благословеніе своему сыну на женитьбу, если невѣста предполагается въ какомъ-нибудь самомъ отдаленномъ родствѣ, иногда просто воображаемомъ. Въ Россіи есть много селеній, происходящихъ отъ одного родоначальника и гдѣ всѣ жители носятъ одну фамилію. Такимъ однофамильцамъ вступать въ бракъ считается грѣхомъ и невѣсты берутъ изъ другихъ деревень. Въ брачныхъ союзахъ раскольники смотрять на родство вообще гораздо шире, чѣмъ православные.

Относительно власти родителей въ дѣлѣ брака, воззрѣніе народа тоже не сходится съ X томомъ. По закону для вступленія въ бракъ необходимо согласіе родителей. опекуновъ или попечи-

телей. Но по народному возрѣнію, конечно не вездѣ, согласіе родителей въ такихъ случаяхъ не требуется и оно не составляетъ необходимаго условія брака. Въ Архангельской губерніи, обвѣнчавшихся безъ родительскаго согласія, зовутъ самокотками или самокрутками. Въ остзейскихъ губерніяхъ есть обычай брать невѣсту на пробу. Дѣвушка, взятая на пробу, бываетъ на испытаніи недѣли двѣ или мѣсяць. Если въ это время она не сумѣетъ доказать, что способна умно и толково вести хозяйство, держать въ порядкѣ домъ и исполнять крестьянскія работы, то бракъ разстроивается и дѣвушка уходитъ домой. Неудача не ставится дѣвушкѣ въ упрекъ и не влечетъ порицанія со стороны общественнаго мнѣнія. Если-же послѣдствіемъ временнаго сожительства будетъ дитя, то отецъ обязанъ взять его къ себѣ и усыновить.

Относительно возраста брачующихся, возрѣнія народа тоже не сходятся съ нашими. Въ Шадринскомъ уѣздѣ невѣсту для перваго брака выбираютъ всегда годами четырьмя или пятью старше. Въ остзейскихъ губерніяхъ жена бываетъ часто двадцатью годами старше своего мужа; а вдовы выходятъ замужъ вновь мѣсяца черезъ два или три по смерти умершаго супруга.

Обыкновенно дѣвушкамъ дается въ приданное только движимое имущество — разная одежда и домашній скотъ для женскаго хозяйства: корова, овца. Въ большинствѣ случаевъ, *вкладъ* дѣлается со стороны жениховъ. Вкладъ заключается въ разномъ верхнемъ платьѣ и въ деньгахъ. Деньги эти идутъ мѣстами на покупку невѣстою подарковъ для родныхъ жениха, а мѣстами передаются отцу невѣсты на устройство пира для будущей родни. Сговоръ, свершающійся въ домѣ невѣсты, дѣлается на счетъ жениха; свадьба—тоже. Въ большинствѣ случаевъ, богатые женихи женятся на богатыхъ невѣстахъ; хотя бываютъ и исключенія; но чтобы богатая невѣста вышла за бѣднаго — этого почти никогда не бываетъ.

Такъ какъ крестьяне устраиваютъ свои сдѣлки на словахъ, то и брачные договоры считаются законченными, когда состоялось рукобитіе, мѣстами-же внѣшнимъ актомъ согласія считаются *записки*. У бѣлорусскихъ католиковъ, послѣ договора или согласія родителей, женихъ и невѣста считаются какъ-бы супругами и ихъ зовутъ молодыми; но до вѣнца дѣвушка должна жить у своихъ родителей.

Имущество, вносимое женой въ семью, переходитъ къ мужу, а если онъ женится въ другой разъ, то къ его новой женѣ. Но если отъ первой жены есть дѣти—оно сберегается для нихъ.

О разводахъ въ крестьянскомъ быту не слышно; но если женѣ

живется слишкомъ дурно, она уходитъ къ своимъ родителямъ и уноситъ свое имущество.

Рядомъ съ церковнымъ бракомъ, народъ допускаетъ и простое сожителство. Такое сожителство замѣчается преимущественно между городскими жителями и чаще между отставными солдатами. Я не говорю уже о раскольникахъ, у которыхъ церковный бракъ утратилъ всякое значеніе.

Въ основѣ имущественныхъ отношеній въ большинствѣ случаевъ народъ кладетъ начало равноправности. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ за раздѣломъ по-ровну дѣтямъ имущества умершихъ родителей, домъ дается въ наслѣдство младшему сыну. Въ остзейскихъ губерніяхъ имущество принадлежитъ безраздѣльно мужу и женѣ. Дѣти отъ перваго брака—законные наслѣдники; дѣти-же отъ втораго имѣютъ право только на ту часть, какую внесъ въ семью ихъ родитель. Что-же касается до раздѣла имущества при живыхъ родителяхъ,—если-бы дѣти вздумали отдѣлиться, то онъ зависить вполне отъ воли родителей.

Крестьяне смотрятъ на раздѣлы, какъ на неустранимое зло, и отцы даютъ на нихъ свое согласіе неохотно. Отдѣляться могутъ только женатые дѣти, но болѣе стойкіе и умные отцы стараются удерживать дѣтей отъ раздѣловъ. Въ большинствѣ случаевъ причиной раздѣловъ бываетъ несогласіе женщинъ. Тамъ-же гдѣ семья живетъ дружно, она не раздѣляется и послѣ смерти отца; въ подобныхъ случаяхъ главенство и управленіе общимъ хозяйствомъ ввѣряется старшему брату. Въ Эстляндіи раздѣловъ нѣтъ, но если отецъ чувствуетъ себя уже неспособнымъ управлять хозяйствомъ, онъ передаетъ свои права старшему сыну, а если у него только дочери, то старшему зятю.

Превосходнымъ дополненіемъ къ приведеннымъ фактамъ можетъ служить статья г. Матвѣева, помѣщенная въ 9 № «Руся». Авторъ старается разрѣшить вопросъ: «должно-ли дѣйствіе нашего будущаго гражданскаго кодекса, къ пересмотру котораго приступлено, распространяться на крестьянъ или нѣтъ?»

Составители «Положенія 19 февраля» и «Судебн. Уставовъ» признали существенныя особенности крестьянскаго быта и невозможность распространенія на крестьянъ общихъ крестьянскихъ законовъ. «Нарушеніе этихъ обычаевъ, говорится въ объясненіяхъ къ 130 ст. Уст. Гражд. Суд., было-бы тождественно съ разстройствомъ семейныхъ отношеній въ той формѣ, въ которой они сложились у крестьянъ съ незапамятныхъ временъ» Кассационный департаментъ сената разъясняетъ, что въ спорахъ крестьянъ о наслѣдствѣ для волостныхъ и мировыхъ судей и для общихъ судебныхъ учрежденій обязательно руководствоваться мѣстными обы-

чаши крестьянъ. И, не смотря на подобное законодательное признаніе цѣлости народнаго юридическаго міровоззрѣнія, практика усердно ломаетъ его. Г. Матвѣевъ, человѣкъ слишкомъ компетентный въ судебномъ дѣлѣ и наблюденія его по этому нѣмѣютъ большую цѣну. А онъ говоритъ вотъ что: «Двадцать лѣтъ прошло съ того времени, какъ въ судебной комисіи была высказана необходимость собранія существующихъ въ крестьянскомъ быту юридическихъ обычаевъ, но этого до сихъ поръ еще не сдѣлано». Такіе-же, значить, результаты, какіе дала и «программа» Русскаго географическаго общества. «Впрочемъ, продолжаетъ г. Матвѣевъ, всякій разъ, когда поднимается вопросъ о формулированіи юридическихъ правилъ, дѣйствующихъ въ крестьянскомъ быту, и опредѣленіи отношеній крестьянъ къ Своду Законовъ, высказываются опасенія за неприкосновенность основъ крестьянскаго семейнаго юридическаго быта. Но ошибочно было-бы думать, что въ этой сферѣ народнаго быта обстоитъ все благополучно. «И г. Матвѣевъ приводитъ затѣмъ факты разрушающей дѣятельности нашихъ судовъ. Конечно, въ этомъ виноваты не *новые* суды, старые поступали-бы точно такъ-же. Причина въ томъ, что ни при составленіи Положенія 19 февраля, ни при составленіи Судебныхъ Уставовъ невозможно было опредѣлить отношеній новыхъ гражданъ къ общимъ гражданскимъ законамъ и предполагалось «подождать указаній опыта», то-есть, что новыя отношенія урегулируются путемъ практики. Разумѣется и тогда, на основаніи чисто теоретическихъ соображеній, можно было предвидѣть: въ какую сторону свершится урегулированіе, когда общинное міровоззрѣніе народа встрѣтится съ основами личнаго права, закрѣпленными нашими гражданскими законами. Не даромъ-же общинное право, это чисто народное право, встрѣчало такую горячую защиту въ печати, видѣвшей въ охраненіи его лучшую гарантію противъ всякихъ общественныхъ и экономическихъ невгодъ. И вотъ случилось то, что должно было случиться. Какъ не устояла въ столкновеніи поземельная община, такъ не устояло и общинное право. Вотъ примѣръ. Послѣ освобожденія, въ одной Саратовской губерніи съ 1861 по 1879 г. куплено крестьянами, по словамъ г. Матвѣева, 213 тыс. десятинъ. Но покупки земель по новымъ судебнымъ порядкамъ поставлены въ такія условія, что неизбѣжно вызываютъ стремленіе къ раздѣламъ и къ распаденію семьи. Причина въ томъ, что дѣйствующій общій законъ и судебная и нотариальная практика не допускаютъ института общей семейной собственности, выработаннаго народнымъ бытомъ. «Крестьянина, говоритъ г. Матвѣевъ, когда онъ покупаетъ землю на деньги, добытыя общимъ заработкомъ цѣлой семьи, все толкаетъ на то, что-

бы записать эту землю на свое имя. Нотариусъ, городской адвокатъ и, наконецъ, личный интересъ поютъ въ этомъ случаѣ въ унисонъ. «Эдакъ писать купчую короче, проще, да и тебѣ-же выгодно», совѣтуются они—заодно, а *ответственности* никакой». Тоже самое дѣлается и съ порядкомъ *наследованія* въ крестьянскомъ быту. Въ принципѣ особенный порядокъ крестьянскаго наследованія признанъ и закономъ и разъясненіями сената, но на практикѣ это оказывается еще недостаточнымъ и споры о крестьянскомъ наследствѣ, какъ утверждаетъ г. Матвѣевъ, разрѣшаются все чаще и чаще на основаніи общихъ гражданскихъ законовъ.

Формулированіе крестьянскихъ обычаевъ и народныхъ юридическихъ воззрѣній конечно составляетъ прямое требованіе живой и сознательной общественной жизни. Но еще раньше этого нужно выработать приемъ отношеній къ народнымъ воззрѣніямъ, нужно выучиться относиться къ нимъ съ тѣмъ почтеніемъ и съ тою бережливостію, какія требуются уваженіемъ къ тысячелѣтней умственной работѣ народа. Разноплеменности Россіи и многообразіе мѣстныхъ условій, создавшіе массу несходныхъ народныхъ установленій по одному и тому-же вопросу, совѣмъ не допускаютъ обобщеній и подведеніе обычнаго народнаго права къ единообразнымъ нормамъ. Этого не умѣлъ понять даже почтенный профессоръ Пахманъ и потому потерпѣлъ крушеніе, когда задумалъ въ своей книгѣ «обычное гражданское право въ Россіи» свести народныя юридическія установленія въ одной общей системѣ. «Между юридическими обычаями крестьянъ изъ бывшихъ помѣщичьихъ и черносошныхъ, которые дѣляютъ свою землю по душамъ, и юридическими обычаями бывшихъ дворянъ, владѣющихъ землей недвижно и, кромѣ того, при Екатеринѣ надѣленныхъ землей, которую они владѣютъ на помѣстномъ правѣ, лежала цѣлая бездна, куда, какъ справедливо замѣчаетъ г. Матвѣевъ, и проваливается выработанная съ такимъ трудомъ пр. Пахманомъ система». А эта раздѣляющая бездна заключается въ томъ, что крестьяне-общинники—представители общиннаго, мірскаго начала, а дворяне, какъ бывшіе когда-то служилые люди—представители личнаго начала. Это историческая двойственность русской жизни сказывается вездѣ и вездѣ вноситъ свое раздвояющее начало.

Любопытна вообще судьба всѣхъ попытокъ къ изученію народнаго быта и народныхъ юридическихъ понятій. Сперанскій во время управленія Сибирью задумалъ собрать обычаи сибирскихъ степныхъ инородцевъ. Обычаи были собраны, Сперанскій приступилъ къ редакціи свода степныхъ законовъ, но умеръ въ 1834 г., не кончивъ работы. Редактированіе, впрочемъ, продолжалось и

послѣ смерти Сперанскаго, и въ 1841 Сводъ былъ внесенъ на разсмотрѣніе государственнаго совѣта. Здѣсь, какъ выражается г. Матвѣевъ, Сводъ «застрялъ» и вскорѣ былъ сданъ въ архивъ.

На призывъ Императорскаго русскаго географическаго общества отозвались очень горячо статистическіе комитеты Архангельскій и Орловскій. Матеріалъ, собранный по Архангельской губерніи, былъ разработанъ П. С. Ефименко. («Сборникъ народныхъ юридическихъ обычаевъ Архангельской губерніи». 1869 г.); а матеріалъ, собранный по Орловской губерніи, за недостаткомъ людей и средствъ для его разработки, былъ переданъ Орловскимъ статистическимъ комитетомъ въ Географическое общество, гдѣ и до сихъ поръ лежитъ подъ спудомъ. Была предпринята подобная-же работа Самарскимъ статистическимъ комитетомъ, но и тамъ было остановились, потому что одинъ изъ главныхъ работниковъ уѣхалъ, наконецъ, въ недавнее время явилась въ Саратовѣ мысль изучить юридическіе обычаи Саратовской губерніи. Если это дѣло состоится и дойдетъ благополучно до конца, то дастъ очень богатый и интересный матеріалъ, потому что Саратовская губ. принадлежитъ къ числу самыхъ большихъ и отличается весьма разнообразнымъ этнографическимъ составомъ своего населенія. По словамъ корреспондента «Руси», «пестрота этнографическаго состава населенія, сосѣдство и участіе въ этомъ составѣ инородцевъ: вѣмцевъ—колонистовъ и азіатовъ, т. е. калмыковъ, татаръ, киргизовъ, мордвы-мокши и мордвы-ерзы, изъ которыхъ первая весьма мало обрусѣла и, наконецъ, значительный процентъ раскольниковъ въ составѣ русскаго населенія» придаютъ исключительный и оригинальный интересъ народнымъ юридическимъ обычаямъ Саратовской губерніи. Кромѣ того, благодаря положенію губерніи, раскинувшейся по Волгѣ и ея притокамъ, а также обилію водяныхъ источниковъ, столь благоприятныхъ для земледѣлія и разведенія садовъ и множеству водяныхъ мельницъ, въ саратовскомъ краѣ создано жизнью много своеобразныхъ и весьма любопытныхъ обычаевъ относительно права пользованія водой. Въ этомъ отношеніи особенно любопытны уѣзды Хвалыинскій и Царицынскій. Въ нихъ существуютъ различнаго рода искусственныя воды своеобразнаго типа и характера, восточнаго происхожденія, и между прочимъ такъ называемые «чигири».

Какой-же изъ всѣхъ этихъ фактовъ слѣдуетъ вывести? Главный, коренной выводъ тотъ, что между *старой*, крѣпостной Россіей и Россіей *новой*, свободной, легла пропасть, которая еще неизвѣстно когда заполнится. До сихъ-же поръ масса вновь возникшихъ интересовъ привела только къ антагонизму и къ накопленію такихъ фактовъ, которые лишь усложнили неблагоприятныя условія народной жизни.

До освобожденія крестьянъ жизнь была проста и немногосложна. Жилъ мужикъ въ своей деревнѣ, на своей полосѣ, пахалъ ее, пахалъ землю помѣщика, возилъ хлѣбъ до ближайшаго рынка, становаго не видѣлъ и не вѣдалъ, подати уплачивалъ за мужика помѣщикъ — и жизнь была хотя и трудная, невеселая и томительно однообразная, но за-то для мужика ни было ничего неопредѣленнаго, случайнаго, внезапнаго, не было тѣхъ усложненій, которыя явились съ гражданскими правами, которыя достались ему теперь, и со свободой, которая передъ нами открыта. Мужикъ не зналъ прежде ни нотаріусовъ, ни адвокатовъ, ни мирового, ни окружнаго суда, ни гражданскихъ сдѣлокъ по покупкеъ земли, ни судебныхъ споровъ о наслѣдствѣ и т. д.

Всѣ эти невѣдомыя прежде усложненія возникли изъ новыхъ отношеній мужика къ землѣ. Мужикъ и земля—это нераздѣльные понятія и такими они остались и до сихъ поръ. Но прежде дѣло было проще. Деревня была ячейкою, сама въ себѣ завершавшей всѣ свои хозяйственныя отправления. Недостаетъ крестьянину его полосы—помѣщикъ сдѣлаетъ прибавку, не изъ чего сдѣлать прибавку и разчислить не изъ чего, переселить въ другое мѣсто. Такъ оно и шло кругомъ. Сдѣлавшись независимымъ отъ помѣщика, крестьянинъ отъ этого нисколько не измѣнилъ своихъ отношеній къ землѣ, напротивъ, они стали еще напряженнѣе и по слѣдующей причинѣ: не только надѣлы крестьянина сами по себѣ стали противъ прежняго менѣе, но и увеличилось население; слѣдовательно, нужда въ землѣ стала болѣе, а отъ этого возникъ цѣлый рядъ юридическихъ сдѣлокъ, вызываемыхъ покупками крестьянами земель, и въ народѣ явилось усиленное стремленіе къ переселенію, которое имъ всегда и свободно практиковалось, какъ единственное доступное ему средство для уравновѣшенія неблагоприятныхъ условій труда. Изъ двухъ способовъ получить въ свое распоряженіе достаточное количество земли: покупка и переселеніе,—переселеніе всегда было наиболѣе сподручнымъ. Для покупки нужны деньги, которыхъ нѣтъ и которыхъ взять негдѣ, а для переселенія достаточно мужества, терпѣнія и выносливости, которыхъ у крестьянина запасъ очень достаточный. И съ тѣхъ поръ, какъ крестьянину объявлена въ окончательной формѣ высочайшая воля, что никакихъ даровыхъ нарѣзовъ больше не будетъ, стремленіе къ переселенію должно усилиться, ибо слишкомъ ограниченное дѣйствіе крестьянскихъ банковъ, открытыхъ всего только для девяти губерній, можетъ оказаться полезнымъ для самаго ограниченного числа крестьянъ, а нуждающейся массѣ останется старое, исконное народное средство—переселеніе.

Изъ фактовъ, которые приведены выше, читатель можетъ

усмотрѣть, что наше стихійное переселеніе, имѣющее нерѣдко бродяжескій характеръ, не подчиняется ни регистраціи, ни регламентаціи. Напримѣръ, маленькая и островная Ирландія очень удобно можетъ устроить переселеніе въ Америку. Ея извѣстныя порты, изъ которыхъ отправляются суда съ переселенцами, и настолько-же точно извѣстны пункты, гдѣ эти суда останутся въ Америкѣ. Затѣмъ, переселенцу по прибытіи въ Америку объявляется, что свободныя земли имѣются тамъ-то, и переселенцу снова ясенъ его маршрутъ. Ничего подобнаго не представляетъ Россія. У насъ свободной земли множество и на Кавказѣ, и въ Крыму, и въ восточныхъ степныхъ губерніяхъ, и въ Новороссійскомъ краѣ, и въ Архангельской губерніи, и въ Сибири. Кто куда направляется, гдѣ свободныя земли, не вообще, а въ точно извѣстныхъ волостяхъ, деревняхъ, мѣстностяхъ, въ какихъ деревняхъ чувствуется усиленная потребность въ переселеніи, куда слѣдуетъ направить крестьянъ, чтобы это не противорѣчило ихъ желаніямъ и родственнымъ тяготѣніямъ къ своимъ ранѣе переселившимся крестьянамъ—всѣми этими частными, такъ сказать, душевными движеніями овладѣть совершенно невозможно.

Г. Матвѣевъ усматриваетъ плодотворныя послѣдствія для народа въ изученіи его юридическихъ обычаевъ. «Надо, наконецъ, поднять и серьезно поднять дѣло изученія крестьянскихъ обычаевъ, говоритъ г. Матвѣевъ. Самъ народъ не въ состояніи ясно и отчетливо формулировать ихъ: въ этомъ случаѣ ему могутъ и должны помочь правительство и *русская* интеллигенція». Курсивъ принадлежитъ автору и означаетъ, что *западники*, кромѣ вреда, ничего не могутъ принести народу. Но напрасно такъ думаетъ почтенный авторъ и не ошибается-ли онъ именно потому, что принадлежитъ къ *русской* интеллигенціи или точнѣе къ интеллигенціи «Руси». То, чего желаетъ г. Матвѣевъ, есть собственно юридическая систематика и кодификація народныхъ обычаевъ и воззрѣній. Точка зрѣнія г. Матвѣева юридическая, судебная, а не жизненная, хотя онъ и самъ говоритъ въ одномъ мѣстѣ, что «въ крестьянскомъ быту нѣтъ никакой надобности ни въ легитимацин званія наслѣдника, ни въ охраненіи наслѣдства. У крестьянъ, какъ извѣстно, существуетъ свой самородный, обычаемъ установленный органъ, который и блюдетъ за всѣмъ этимъ. Органъ этотъ — *миръ*». До полной истины г. Матвѣеву осталось сдѣлать только одинъ шагъ: обобщить то, что онъ говоритъ лишь о правахъ наслѣдства, но онъ именно этого и не сдѣлалъ.

Собирать народные юридическіе обычаи дѣло полезное и необходимое, даже неизбежное для кодификаціи народного права. Но если мы въ двадцать лѣтъ, да и то благодаря г. Ефименко,

ниѣмъ сборникъ обычаевъ только Архангельской губ., а собирать ихъ по Саратовской надумались лишь нынче, то когда-же мы додумаемся до сборниковъ для всѣхъ остальныхъ семидесяти губерній, когда соберемъ и когда проведемъ ихъ въ систему для всей Россіи? Если для одной губерніи сборникъ появляется въ одно двадцатилѣтіе, то для остальныхъ 69 губерній — въ шестидесять-девять двадцатилѣтій: $70 \times 20 = 1,400$ лѣтъ. Подумайте, г. Матвѣевъ, объ этой астрономической величинѣ. И эти 1,400 лѣтъ потребуются только для того, чтобы у *русской* интеллигенціи явилось сознание, что народный бытъ ломать нельзя и что у народа есть свой центральный пунктъ, въ которомъ находятъ свое выраженіе народный разумъ, народное сознание и народная правда—міръ. Что-же останется черезъ 1,400 лѣтъ отъ народнаго міра и отъ народнаго быта, когда уже и нынче г. Матвѣевъ усматриваетъ одни обломки? Очевидно, что «собираніе юридическихъ обычаевъ»—средство не настоящее и нужно поискать что-нибудь болѣе дѣйствительное, ближайшее и непосредственное.

Время коронаціи ознаменовалось двумя правительственными актами, которые должны обнаружить благотворное вліяніе на народную жизнь. Акты эти, нѣкоторая свобода—предоставленная раскольникамъ, сокращеніе и съ нѣкоторыхъ видовъ крестьянъ и полное сложеніе подушнаго оклада, и въ дополненіе къ нимъ закономъ 14-го мая предоставленное министру внутреннихъ дѣлъ составленіе соображенія объ измѣненіяхъ въ паспортной системѣ для доставленія большой свободы передвиженія тѣмъ изъ крестьянъ, съ которыхъ сложена подушная подать. Эти дѣйствія правительства находятся въ непосредственной связи съ вопросами, которыхъ мы касались, и въ своемъ послѣдовательномъ развитіи должны вызвать неизбѣжно отміну и другя стѣсняющихъ народную жизнь условій.

Н. В.

МОРСКАЯ РЕФОРМА.

Лучшими людьми во флотѣ давно уже обращено вниманіе на • неудовлѣтвительное состояніе личнаго состава офицеровъ флота со стороны военно-морскаго образованія.

Было время, когда образованіе это зависѣло только отъ количества времени, проведеннаго чинами флота въ плаваніи, и когда морское образованіе заключалось только въ умѣнны хорошо управляться парусами. Но съ того времени утекло много воды. Какъ коммерческіе, такъ въ особенности военные флоты совершенно преобразились и умѣнье управляться парусами стало далеко недостаточнымъ для современнаго моряка. Въ настоящее время отъ морскаго офицера, кромѣ умѣнья управляться парусами, требуется еще масса спеціальныхъ знаній, которыхъ приобрѣсти нѣтъ никакой возможности во время продолжительныхъ заграничныхъ плаваній. Сюда относятся отдѣлы: кораблестроительный, минный, артиллерійскій, водолазный, судебный, требующіе теоретическихъ знаній, которые могутъ быть приобрѣтены только въ шеолѣ и, главнымъ образомъ, въ академіяхъ и офицерскихъ классахъ.

Вотъ почему, какъ въ морскомъ обществѣ, такъ и въ морской литературѣ уже давно стали указывать на необходимость переустройства нашего морскаго и техническаго училищъ и морской академіи съ цѣлью поставить морское образованіе на ту-же высоту, на которой оно стоитъ въ западныхъ флотахъ. Статьи А. Н. Страннолюбскаго по этому предмету, помѣщенныя нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ «Морскомъ Сборникѣ» и написанныя, какъ намъ помнится, по вызову высшаго морскаго начальства, въ свое время вызвали въ морскомъ обществѣ ожиданіе, что наконецъ-то будетъ что-нибудь сдѣлано для улучшенія морскаго образованія. Но увы, надежды эти не только не успѣли вполне разцвѣсть, но, напротивъ, въ системѣ морскаго образованія стала замѣтна обратная тенденція къ временамъ до-реформеннаго морскаго корпуса.

Нужно думать, однако, что система эта не принесла благихъ плодовъ, потому что теперешнее высшее морское начальство снова обра-

Тило вниманіе на морское образованіе. Такъ нѣсколько времени тому назадъ распространился слухъ, что составлена особая коммисія, на которую возложено разсмотрѣніе мѣръ къ возможно лучшему военно-морскому образованію. Слухъ этотъ до нѣкоторой степени оправдался и подъ предсѣдательствомъ директора инспекторскаго департамента была образована особая коммисія, въ которую, по странной судьбѣ, не вошли не только лица, завѣдывающія морскимъ образованіемъ, но даже и начальники, завѣдывающіе отдѣлами морскаго дѣла, требующими специальныхъ знаній.

Вѣроятно, вслѣдствіе своего состава коммисія и оставила совершенно въ сторонѣ вопросъ о теоретическомъ образованіи, точно образованіе это стоитъ уже на должной высотѣ и не требуетъ никакихъ измѣненій, и предложила только рядъ мѣръ, для лучшаго, по ея мнѣнію, комплекта личнаго состава флота.

Коммисія разрабатывала слѣдующіе вопросы:

О штатѣ личнаго состава флотскихъ офицеровъ.

О цензѣ.

О порядкѣ назначенія въ плаваніе судовъ и чиновъ.

О предѣльномъ возрастѣ.

О пенсін чиновъ и обезпеченіи лицъ, остающихся при проектируемомъ преобразованіи сверхъ штата.

Посмотримъ, къ какимъ заключеніямъ пришла коммисія.

«Практиковавшееся въ теченіи долгихъ лѣтъ огульное производство офицеровъ цѣлыми выпусками ежегодно» — говоритъ докладъ коммисіи — «породило массу штабъ-офицеровъ, которымъ нельзя дать соотвѣтственнаго ихъ служебному положенію назначенія, по недостатку штабъ-офицерскихъ мѣстъ. Офицеры эти, не принося службѣ существенной пользы и въ большинствѣ случаевъ сами тяготясь своимъ положеніемъ *не у дѣла*, тѣмъ не менѣе не рѣшаются оставить службу до выслуги пенсій, находя себя неподготовленными къ дѣятельности на другихъ поприщахъ и устарѣвши для изученія новаго дѣла. Съ другой стороны, усиленные выпуски изъ морскаго училища, которые, вмѣстѣ съ производствомъ вольноопредѣляющихся, ежегодно давали флоту отъ 80 до 100 человекъ молодыхъ офицеровъ, довели въ настоящее время численность оберъ-офицерскаго состава до цифры далеко превышающей потребность флота».

«Единственнымъ выходомъ, по мнѣнію коммисіи, изъ этого затруднительнаго положенія можетъ служить установленіе штата личнаго состава и приведеніе этого состава возможно скорѣе въ норму. Для того-же, чтобы въ будущемъ не повторялись случаи накопленія лишнихъ офицеровъ, коммисія полагаетъ прекратить производство въ чины цѣлыми выпусками и установить таковыя

лишь на открывающіяся вакансии, а также ограничить до известной цифры ежегодный приливъ молодыхъ офицеровъ изъ морского училища и изъ юнкеровъ».

Предлагаемый комиссіей штатъ личнаго состава флота слѣдующій:

Адмиральскихъ чиновъ	25	человѣкъ.
Капитановъ 1-го ранга	85	»
Капитановъ 2-го ранга	215	»
Лейтенантовъ	500	»
Мичмановъ	325	»

Для пополненія этого штата комиссія предлагаетъ уменьшить выпускъ молодыхъ людей изъ морского училища въ мичмана, такъ, чтобы вмѣсто нынѣшнихъ 80 — 100 человѣкъ выпускалось всего по 51 человѣку.

Съ этой переменной, по вычисленіямъ комиссіи, приложеннымъ къ докладу *), каждый офицеръ въ среднемъ выводѣ пробудетъ мичманомъ 7 лѣтъ, лейтенантомъ—15 лѣтъ, капитаномъ 2 ранга—13 лѣтъ и капитаномъ 1-го ранга—13 лѣтъ.

Что касается до переполненія списковъ личнаго состава флота штабъ-офицерскими и, прибавимъ отъ себя, адмиральскими чинами, то фактъ этотъ подмѣченъ комиссіей вѣрно. Дѣйствительно, адмираловъ и штабъ-офицеровъ у насъ слишкомъ много, больше чѣмъ ихъ требуется, но нельзя сказать того-же объ оберъ-офицерахъ.

По вычисленіямъ самой комиссіи, ихъ къ 1-му января 1881 года состояло 858 человѣкъ, т. е. противъ разчета, который она дѣлаетъ—лейтенантовъ 500 человѣкъ, а мичмановъ—325, а всего 825 человѣкъ, больше на 33 человѣка. Если взять въ расчетъ, что въ спискахъ флота числятся оберъ-офицеры, служащіе на коммерческихъ судахъ, на судахъ добровольнаго флота, въ центральныхъ и портовыхъ учрежденіяхъ, то окажется, что цифра оберъ-офицеровъ флота скорѣе мала, чѣмъ велика. Да, по правдѣ сказать, мы всегда слышали, что у насъ во флотѣ недостатокъ въ оберъ-офицерскихъ чинахъ и никогда и не слышали, чтобъ оберъ-офицеровъ былъ излишекъ. Последняго даже и не могло быть, потому что число оберъ-офицеровъ зависѣло всегда отъ числа молодыхъ людей принятыхъ въ морское училище, а число ихъ по-

*) Надо замѣтить, что всѣ свои выводы комиссія основываетъ на среднихъ цифрахъ, при чемъ всѣ цифры, изъ которыхъ сдѣланы выводы, имѣли 1,000. Намъ казалось-бы, что придавать вѣру такимъ вычисленіямъ по меньшей мѣрѣ рискованно, и можетъ случиться, что на практикѣ получаются совсѣмъ не тѣ результаты, какіе получены комиссіей при ея вычисленіяхъ.

стоянно сообразовалось съ потребностью флота въ оберъ-офицерахъ.

Числомъ молодыхъ людей, принятымъ въ морское училище, опредѣлялся и штатъ личнаго состава, такъ какъ по прослуженіи опредѣленнаго числа лѣтъ, каждый офицеръ, вмѣстѣ со своими сверстниками, производился въ слѣдующій чинъ. При такомъ порядкѣ производства, накопленіе излишнихъ офицеровъ въ штабъ-офицерскихъ и адмиральскихъ чинахъ должно было происходить непремѣнно, потому что во времени производства убыль въ оберъ-офицерскихъ и штабъ-офицерскихъ чинахъ сравнительно слишкомъ мала, и выживаетъ гораздо болѣе людей, чѣмъ это нужно для потребностей флота. Этотъ фактъ былъ замѣченъ давно. Въ началѣ прошлаго царствованія былъ учрежденъ такъ-называемый резервный флотъ, въ который было зачислено въ 1859 и въ 1860 годахъ до 640 офицеровъ излишнихъ для укомплектованія штата личнаго состава флота. Мѣру эту коммисія находить неудобною, потому что она можетъ произвести, какъ произвела въ 1859 и въ 1860 году, панику и предлагаетъ избавиться отъ лишнихъ офицеровъ выпускомъ изъ морскаго училища въ мичмана всего по 51 человѣку въ годъ и болѣе продолжительнымъ пребываніемъ въ каждомъ чинѣ. При этомъ въ чинѣ мичмана и лейтенанта офицеръ долженъ пробыть столько времени, сколько прежде онъ былъ въ чинахъ мичмана, лейтенанта и капитанъ-лейтенанта, чинъ капитанъ-лейтенанта вовсе уничтожить, изъ лейтенантовъ производить прямо въ капитаны 2-го ранга; а для того, чтобы не накоплялось слишкомъ много адмираловъ—увеличить срокъ пребыванія въ чинахъ капитана 2-го и 1-го ранга, съ такимъ расчетомъ, чтобы офицеръ получалъ первый адмиральскій чинъ, прослуживъ 48 лѣтъ. Содержаніе-же чиновъ увеличить не предполагается. Эти мѣры, если онѣ будутъ приведены въ исполненіе, едва-ли не возбудятъ еще болѣе паники, чѣмъ то было при увольненіи въ резервъ въ 1859 и въ 1860 годахъ до 640 офицеровъ.

Въ той части русскаго общества, которая ищетъ себѣ дѣла въ службѣ, не существуетъ такихъ богатствъ, чтобы люди шли на службу безъ расчета на денежное вознагражденіе. Большинство видитъ въ государственной службѣ только заработокъ на сущнаго хлѣба. Чины флота не представляютъ въ этомъ отношеніи исключенія изъ общаго правила.

Намъ кажется, что только честолюбіемъ и денежнымъ расчетомъ можно объяснить огромный наплывъ желающихъ въ военныя академіи и недостатокъ слушателей въ академіи морской. Тѣ академіи представляютъ большія выгоды окончившимъ въ нихъ

курсъ, морская-же — почти никакихъ. Понятно, что тамъ, гдѣ имѣется большой наплывъ, является и большая возможность лучшаго выбора, и остальнымъ учрежденіямъ приходится довольствоваться только остатками и посредственностями.

Морская служба, по сравненію съ другими государственными службами, не представляетъ особенныхъ выгодъ. Во флотѣ, въ настоящее время, существуютъ слѣдующіе чины. Первый чинъ — мичманъ, въ этомъ чинѣ каждый пробываетъ около 5 лѣтъ и получаетъ, если онъ не идетъ въ компанію — 564 р. въ годъ и если идетъ во внутреннюю компанію, которая обыкновенно продолжается около 3-хъ мѣсяцевъ, то 744 рубля въ годъ. Слѣдующій чинъ — лейтенанта, служба около 10 лѣтъ, получаетъ на берегу 672 рубля и въ компанію во внутреннихъ моряхъ 933 рубля. Затѣмъ капитанъ-лейтенантъ, служба въ чинѣ около 10 лѣтъ, получаетъ на берегу 1,074 рубля. Капитанъ 2 ранга, въ чинѣ отъ 3—5 лѣтъ, содержаніе на берегу 1,200 рублей. Капитанъ 1-го ранга или полковникъ, въ чинѣ отъ 10 — 12 лѣтъ, жалованье на берегу 1,380 рублей. Содержаніе штабъ-офицерскихъ чиновъ во время плаванія значительно увеличивается и зависитъ отъ того мѣста, которое занимаетъ штабъ-офицеръ. Но дѣло въ томъ, что большинству штабъ-офицеровъ приходится довольствоваться береговымъ содержаніемъ.

Намъ кажется, что выгоды, доставляемыя офицерамъ во флотѣ, не особенно велики. Они не только менѣе выгодъ предоставляемыхъ лицамъ, служащимъ въ войскахъ спеціальнаго рода оружія, но и менѣе выгодъ, предоставляемыхъ лицамъ служащимъ въ арміи. Обыкновенно въ гвардіи чинъ полковника получается на 18 году службы. Въ армейской кавалеріи чинъ полковника получается на 24 году службы, а въ гвардейской — этого чина достигаютъ на 9—15 году. Въ армейской пѣхотѣ чинъ майора получается на 16-мъ году службы и чинъ подполковника на 22-мъ году. Хотя денежное содержаніе въ армейской пѣхотѣ не много меньше флотскаго, но надо принять во вниманіе, что армейская пѣхота расквартирована внутри Россіи, флотъ-же въ портахъ, а въ послѣднихъ — все въ два и болѣе раза дороже, чѣмъ внутри Россіи.

Если это такъ, если дѣйствительно служба во флотѣ представляетъ менѣе выгодъ, чѣмъ въ другихъ отрасляхъ государственной службы, то почему-же такъ велико число желающихъ поступить въ морское училище и въ юнкера во флотъ? На этотъ фактъ дѣйствительно слѣдуетъ обратить вниманіе. Но, прежде всего, какой разрядъ молодыхъ людей идетъ на экзамень въ морское училище? Мы беремъ смѣлость сказать, что большая часть этихъ молодыхъ людей по неспособности своей не могла продол-

жать занятій въ тѣхъ училищахъ, въ которыхъ начала свое образованіе, что молодые люди взяты оттуда и нѣсколько времени, такъ оказать, на парахъ подготавлились въ спеціальныхъ, для военнаго образованія устроенныхъ, пекарняхъ. Въ Петербургѣ въ настоящее время такихъ пекаренъ нѣсколько. Онѣ занимаются подготовкой на парахъ молодыхъ людей спеціально въ морское училище и рекламируютъ объ этомъ ежегодно въ газетахъ. Цѣны за подготовку очень тупыхъ и очень богатыхъ, какъ мы слышали, поднимаются въ пекарняхъ пропорціонально тупости и богатству молодыхъ людей. Результаты извѣстны. Кажется, что, со времени смерти бывшаго директора морского училища Римскаго-Корсакова, не было еще ни одного приѣма, при которомъ приняты получили-бы установленныя по всѣмъ предметамъ удовлетворительныя отмѣтки. Обыкновенно только часть воспитанниковъ принимается на основаніи установленныхъ правилъ. Комплектъ-же дополняется, молодыми людьми, не выдержавшими экзамена по одному или нѣсколькимъ предметамъ. Только существованіемъ подобныхъ порядковъ и можно объяснить случаи, подобные описанному въ корреспонденціи изъ Кронштадта отъ 27 апрѣля 1883 года («С.-Петербургскія Вѣдомости» № 114). Въ корреспонденціи рассказывается, между прочимъ, что «во время пребыванія на лодкѣ «Нерпа», командующій отрядомъ контръ-адмиралъ Копытовъ приказалъ вахтенному начальнику, молодому офицеру, произвести астрономическія наблюденія и опредѣлить мѣсто судна. Подобное приказаніе ввергло молодого офицера въ полное недоумѣніе; онъ даже позволилъ себѣ замѣтить, что это не его дѣло (?), а дѣло штурманскаго офицера. Контръ-адмиралъ Копытовъ оказался настолько великодушнымъ, что далъ означенному офицеру двухъ-недѣльный срокъ для изученія способа опредѣленія широты и долготы судна въ полдень, срокъ вполне достаточный даже для неуча, не видѣвшаго учебниковъ астрономіи и навигаціи. Для офицера-же, кончившаго курсъ наукъ въ морскомъ училищѣ, этотъ срокъ оказался недостаточнымъ, и онъ не постыдился заявить, по истеченіи срока, адмиралу, что онъ не имѣетъ никакого понятія объ астрономіи и навигаціи». Корреспондентъ прибавляетъ, «что подобныхъ невѣждъ, хотя и не такихъ тупыхъ, во флотѣ довольно».

Если-же все это справедливо, то наплывъ экзаменуемыхъ въ морское училище оказывается очень невыгоднымъ для спеціальнаго морского образованія. Значитъ и теперь лучшія молодыя силы въ общемъ,—конечно, есть исключенія,—въ морское училище не идутъ и, слѣдовательно, не попадаютъ на службу во флотъ. А если это вѣрно для настоящаго времени, то что будетъ тогда, когда выгоды службы во флотѣ еще болѣе сократятъ, какъ это

предлагаетъ проектъ комисіи, и заставитьъ молодого человѣка до 45 лѣтъ быть только лейтенантомъ и получать не болѣе 1,000 р. содержанія въ годъ! Можетъ-ли такая служба удовлетворить честолюбію и что она даетъ, кромѣ вѣчной нужды!

Второй вопросъ о *цензѣ*:

«Такъ какъ, говорить комиссія, — съ каждымъ чиномъ связывается назначеніе къ извѣстнымъ должностямъ, требующимъ опытности и *знаній*, которыя въ морской службѣ приобретаются преимущественно плаваніями, то и цензомъ или условіемъ производства въ чины во всѣхъ иностранныхъ флотахъ ставится главнымъ образомъ совершеніе опредѣленнаго для каждаго чина числа плаваній. Эту-же систему ценза комиссія рѣшила принять и въ нашемъ флотѣ».

Комиссія предлагаетъ установить слѣдующій цензъ.

Мичманъ для производства въ лейтенанты долженъ имѣть не менѣе 1½ года плаванія.

Лейтенантъ для производства въ капитаны 2-го ранга долженъ имѣть 4½ года плаванія и, въ томъ числѣ въ чинѣ лейтенанта неменѣе 1½ года.

Капитанъ 2-го ранга для производства въ капитаны 1-го ранга долженъ прокомандовать въ плаваніи судномъ 2-го ранга и

Капитанъ 1-го ранга для производства въ контръ-адмирала долженъ совершить два плаванія командиромъ судна 1-го ранга или въ должности командующаго подъ брѣйвь-вымпеломъ, или-же въ должности флагъ-капитана на эскадрѣ.

При производствѣ въ чины комиссія полагаетъ: въ военное время допустить производство за военные подвиги внѣ всякой зависимости отъ штата, оно допускается сверхъ комплекта. Въ мирное время предоставить усмотрѣнію высшаго морского начальства, не устанавливая для того никакой нормы производства лицъ за отличіе, лицъ, заслуживающихъ повышенія и выполнившихъ цензъ. Лица, служація въ строю и не выплававшія ценза въ слѣдующій чинъ, не производятся до тѣхъ поръ, пока не выполнятъ ценза. Лица-же служація въ администраціи, такъ какъ они не могутъ выполнить цензъ, производятся вмѣстѣ съ младшими своими сверстниками, но не въ слѣдующій флотскій чинъ, а въ слѣдующій чинъ по адмиралтейству, что въ просторѣчьи называется «ластовыми».

По расчету комисіи, во внутреннемъ плаваніи будетъ находиться ежегодно почти половина оберъ офицеровъ, въ заграничномъ плаваніи каждый офицеръ, будучи въ оберъ-офицерскихъ чинахъ, пробуетъ около 2-хъ лѣтъ. Впрочемъ, назначеніе въ плаваніе должно происходить не строго по очереди, а по выбору совѣта ко-

мандировъ судовъ, приписанныхъ къ экипажу подъ предсѣдательствомъ экипажнаго командира съ тѣмъ, чтобы рѣшеніе этого совѣта пересматривать въ собраніи флагмановъ и капитановъ.

Такъ какъ при цензѣ и главное при производствѣ не по лѣтнимъ, а по усмотрѣнію начальства, а такъ-же при назначеніи въ плаваніе не по очереди, а по баллотировкѣ, линія производства можетъ затянуться и многіе «молодые и дѣятельные офицеры», выполнившіе цензѣ, могутъ долго оставаться въ оберъ-офицерскихъ чинахъ безъ надежды когда-нибудь подняться; съ другой стороны, такъ какъ каждая должность можетъ быть съ успѣхомъ выполнена только въ извѣстномъ возрастѣ, то комиссія полагаетъ установить для каждаго чина предѣльный возрастъ, по достиженіи котораго офицеръ, не достигшій слѣдующаго чина, обязательно долженъ оставить службу. Для мичмана комиссія не признала возможнымъ установить какой-нибудь предѣльный возрастъ, для чина лейтенанта предѣльный возрастъ 47 лѣтъ, для капитановъ 2-го ранга—54 года, для капитановъ 1-го ранга—57. Для контръ-адмираловъ въ строю 63 года и на административныхъ должностяхъ 65 лѣтъ, для вице-адмираловъ въ строю 65 и на административныхъ должностяхъ 68 лѣтъ. Для полныхъ адмираловъ предѣльнаго возраста, какъ и для мичмановъ, не полагается.

Мы совершенно согласны съ комиссіей, что исполненіе извѣстныхъ должностей требуетъ опытности и знаній, мы согласны и съ тѣмъ, что производство въ слѣдующій чинъ и занятія извѣстной должности желательно подчинить цензу. Но, въ то-же время, мы думаемъ, что многія знанія не могутъ быть приобрѣтены только въ морѣ, поэтому и цензомъ не можетъ быть одно количество плаваній, безъ обращенія вниманія на теоретическія познанія офицера. Комиссія-же держится совершенно другого взгляда, точно она полагаетъ, что теоретическаго образованія для русскаго флотскаго офицера неужно. И въ самомъ дѣлѣ, по проекту комиссіи, молодой человѣкъ, чтобъ дослужиться до перваго штабъ-офицерскаго чина, долженъ прослужить около 22 лѣтъ (7 лѣтъ въ мичманахъ и 15—въ лейтенантахъ). Такъ какъ изъ морскаго училища въ мичмана выпускаются молодые люди, имѣющіе около 21 года, то первый штабъ-офицерскій чинъ можетъ быть полученъ человѣкомъ, имѣющимъ болѣе 40 лѣтъ, — человѣкомъ, имѣющимъ семью и воспитывающимъ уже своихъ дѣтей. Въ этомъ возрастѣ поздно уже учиться, поздно идти въ академію. Слѣдовательно, въ академію молодой человѣкъ долженъ идти въ то время, когда онъ состоитъ въ оберъ-офицерскихъ чинахъ. Но, чтобъ онъ могъ быть произведенъ въ штабъ-офицерскій чинъ,

онъ въ чинахъ мичмана и лейтенанта долженъ проплавать 4½ года, т. е. 54 мѣсяца.

По проекту комисіи и по ея разсчету, каждый оберъ-офицеръ проплаваетъ заграницей 2 года, т. е. 24 мѣсяца, слѣдовательно тридцать мѣсяцевъ ему надо выплавать во внутреннемъ плаваніи. Имѣя въ виду, что во внутреннее плаваніе онъ будетъ, по разсчету комисіи, ходить черезъ годъ, что внутреннее плаваніе, по условіямъ климатическимъ, въ Балтійскомъ флотѣ продолжается 3 мѣсяца, офицеру, чтобъ выплавать цензъ, надо на эти плаванія употребить 20 лѣтъ службы, да 2 года, проведенные въ плаваніи заграницей, что дастъ 22 года, т. е. столько времени, сколько онъ долженъ былъ пробить въ оберъ-офицерскихъ чинахъ и это при условіи, что во всѣ эти 22 года онъ ни разу не будетъ боленъ на столько, чтобъ болѣзнь ему помѣшала идти въ плаваніе.

Слѣдовательно, если офицеръ хочетъ быть произведеннымъ въ первый штабъ-офицерскій чинъ со своими сверстниками, онъ не имѣетъ времени поступить въ какую-бы то ни было академію; а если и поступить, то или не будетъ произведенъ вовсе въ слѣдующій чинъ, пока не сдѣлаетъ нужнаго числа плаваній,—причемъ рискуетъ достигнуть предѣльнаго возраста и быть уволенъ въ отставку,—или-же, если пойдетъ служить по администраціи, то какъ не выплававшій ценза будетъ произведенъ въ соотвѣтствующій чинъ по адмиралтейству и слѣдовательно флотъ этого офицера потеряетъ.

Намъ кажется, что комисіа слишкомъ увлеклась желаніемъ заставить офицеровъ плавать и упустила изъ вниманія климатическія условія Балтійскаго моря.

Намъ не хочется вѣрить, что это не недосмотръ, тѣмъ болѣе, что въ числѣ членовъ комисіи мы нашли и лицъ, окончившихъ съ успѣхомъ курсъ наукъ въ тѣхъ офицерскихъ классахъ, что теперь переименованы въ морскую академію, слѣдовательно хорошо понимающихъ пользу и необходимость для флотскаго офицера высшаго образованія.

Переходя къ вопросу о порядкѣ производства въ слѣдующіе чины и къ вопросу о порядкѣ назначенія въ плаваніе судовъ и чиновъ, мы находимъ, что комисіа устранила вовсе производство по линіи и замѣнила его усмотрѣніемъ высшаго морского начальства, а очередной порядокъ въ плаваніи предлагаетъ замѣнить баллотировкой. Мы не сторонники такого порядка вещей. Онъ только въ исключительныхъ случаяхъ можетъ дать хорошіе результаты,—когда на мѣстахъ высшаго морскаго начальства будутъ сидѣть боги, а пока на этихъ мѣстахъ сидятъ грѣшные люди, то непремѣнно явится протекція. Бабушки во флотѣ и всегда много

значили. Поэтому, если проект будет принятъ, то только въ исключительныхъ случаяхъ люди будутъ производиться по заслугамъ. Врядъ-ли отъ этого выиграетъ морская служба! Основатель нашего флота, Петръ Великій, ввелъ производство въ чины по баллотировкѣ. По законамъ она до сихъ поръ не отмѣнена; но въ послѣдній разъ она была въ царствованіе императора Николая. Вслѣдствіе того, что выболтировывались обыкновенно люди въ угоду начальникамъ, боллотировки признаны были неудобными и замѣнены производствомъ по линіи, какъ не допускающимъ никакого произвола. Ни одно законодательство въ Европѣ не допускаетъ такого широкаго произвола, какой предлагаетъ ввести комиссія при производствѣ во флотскіе чины и назначеніи чиновъ въ кампаніи.

Произволь этотъ совершенно ясно обрисовывается изъ постановленій комисіи о предѣльномъ возрастѣ. Если сопоставить ихъ съ условіями ценза и возраста выпускаемыхъ молодыхъ людей изъ морского училища, то окажется, что по линіи можетъ быть мичманъ произведенъ только въ лейтенанты и капитаны 2-го ранга, въ капитаны-же 1-го ранга онъ по линіи произведенъ быть не можетъ. Такъ, чтобъ дослужить до капитана 1-го ранга, ему, — предполагая, что онъ выпущенъ изъ морского училища 21 года — нужно прослужить 7 лѣтъ мичманомъ + 15 лѣтъ лейтенантомъ + 13 лѣтъ капитаномъ 2 го ранга. Имѣя, такимъ образомъ 56 лѣтъ отъ роду, онъ могъ-бы быть произведенъ въ капитаны 1-го ранга; но какъ капитанамъ 2-го ранга предѣльный возрастъ 54 года, то, доживъ до нихъ, онъ долженъ быть, именно по проекту комисіи, уволенъ въ отставку, не дослуживъ по линіи 2-хъ лѣтъ. Такія же условія постановлены и для производства въ адмиральскіе чины, т. е. челоѣкъ, служащій безъ протекціи, по линіи раньше достигнетъ предѣльнаго возраста и будетъ уволенъ въ отставку, чѣмъ выслужить положенный для прохожденія въ этомъ чинѣ срокъ. Другими словами, производство въ капитаны 1-го ранга и въ адмиральскіе чины можетъ быть достигнуто только по особенной милости начальства. Но за-то если начальство кого захочетъ милловать, то онъ можетъ достигнуть адмиральскихъ чиновъ очень скоро, даже быстро. Посланный въ заграничное плаваніе мачманомъ 21 года, онъ черезъ 4¹/₂ года плаванія заграницей можетъ быть произведенъ въ капитаны 2-го ранга, проплававъ одну кампанію въ званіи командира судна 2 ранга можетъ быть произведенъ въ капитаны 1-го ранга, и затѣмъ, если будетъ сдѣланъ командиромъ судна 1-го ранга, то, проплававъ два плаванія, то-есть одинъ годъ, онъ можетъ быть произведенъ въ контръ-адмиралы т. е. мачманъ 21 года, черезъ 6 лѣтъ постоянного плаванія,

27-ми лѣтъ отъ роду, можетъ быть контръ-адмираломъ. Намъ кажется, что противъ этой части проекта не стоитъ возражать.

Въ заключеніе остается сказать нѣсколько словъ о пенсіяхъ, которыми комиссія предполагаетъ наградить всѣхъ тѣхъ, у кого нѣтъ протекціи и кто будетъ по прослуженіи 25 или болѣе лѣтъ выброшенъ за бортъ морской службы. Пенсія эта та-же самая, что существуетъ и нынѣ; все измѣненіе состоитъ въ томъ, что нынѣ дается за 25 лѣтъ половина пенсіи, а за 35 лѣтъ полная. Комиссія-же предлагаетъ за 25 лѣтъ службы выдавать половину пенсіи и затѣмъ за каждый годъ службы прибавлять $\frac{1}{10}$ часть изъ другой половины, такъ что за 35 лѣтъ службы будетъ выдаваться полная пенсія.

Такъ какъ большинство офицеровъ по этому проекту будетъ увольняться въ отставку въ чинѣ капитана 2-го ранга, то любопытно, сколько они будутъ получать пенсіи, за свою четверть вѣковую службу на морѣ? Оказывается что за 25 лѣтъ службы капитанъ 2 ранга будетъ получать пенсіи 290 рублей, а за 35 лѣтъ 580 рублей въ годъ!

Къ счастью для флота, проектъ, о которомъ мы говорили, разослали всѣмъ командирамъ судовъ и флагманамъ Балтійскаго и Чернаго морей; для разсмотрѣнія его въ особыхъ выборныхъ комисіяхъ. Мы слышали, что комисіи тщательно разбираютъ проектъ и твердо надѣмся, что въ томъ видѣ, какъ онъ былъ составленъ, онъ не обратится въ дѣйствующій законъ. Желательно, чтобы при реорганизациіи личнаго состава было-бы обращено вниманіе на усиленіе научнаго образованія моряковъ, безъ котораго въ настоящее время хорошій флотъ немислимъ.

Бывшій Морякъ.

ТОНКИНЪ.

(Политическая и социальная хроника).

I.

Послѣ того какъ московскій Кремль пересталъ поглощать вниманіе публики, оно всецѣло обратилось на далекіе берега Тонкинскаго залива и Красной Рѣки, на «Черные и Желтые флаги», на товарищей оплакиваемого Ривьера—съ одной, и дворъ достославнаго императора Аннамскаго—съ другой стороны.

Крайне ничтожнымъ казалось вначалѣ это тонкинское дѣло. Правда, оно значилось въ программѣ французской палаты на настоящую сессію, но не только не стояло во главѣ ея, а скромно отодвигалось на послѣдній планъ закономъ о дешевыхъ квартирахъ и пенсіонныхъ кассахъ. Въ настоящую-же минуту только и рѣчи, что о Тонкинѣ: о немъ говорятъ всюду и со всѣхъ возможныхъ точекъ зрѣнія. На биржѣ не говорятъ ни о чемъ, кромѣ самородковъ золота, открытыхъ кохинкинскимъ депутатомъ Блансюбъ. Дамы уже мечтаютъ о появленіи какого-нибудь очень страшнаго, очень ужаснаго туземнаго предводителя.

Особенно взволнованы, повидимому, англичане. Вчера ихъ занимали мадагаскарцы, овладѣвавшіе всѣми столбцами англійскихъ газетъ, доставлявшіе всевозможныя сенсационныя извѣстія. «Французскія операціи противъ Мадагаскара. Взятіе Маюнди, послѣ шестичасовой бомбардировки»; и такъ далѣе. Таковы рубрики, красовавшіяся на переднихъ страницахъ наиболѣе вліятельныхъ органовъ. Теперь мѣсто Мадагаскара занято Аннамомъ. Вмѣсто Маюнди явился на сцену Намъ-Динъ. Если судить по шуму, поднятому англійскою печатью по поводу франко-аннамскаго столкновенія, то можно предположить, что дѣло идетъ о чемъ-то специально касающемся чести и интересовъ Англіи. Во всякомъ случаѣ, можно сказать, что если въ Лондонѣ до такой степени интересуются французскими предпріятіями, то это происходитъ собственно не съ цѣлью оказанія имъ поощренія. Рѣдко приходилось слышать настолько

громые и дружные протесты противъ конкуренціи, которую Франція имѣетъ претензію оказать Великобританіи на почвѣ колонизаціи. Одни, въ самыхъ мрачныхъ краскахъ, описываютъ опасность, грозящую англійскому владычеству отъ этой конкуренціи. Другіе пытаются осмѣять усилія державы-соперницы. Если получается извѣстіе о какомъ-нибудь успѣхѣ, его стараются свести къ ребяческой забавѣ; если-же, напротивъ, дѣло идетъ о неудачѣ, Францію начинаютъ предостерегать противъ опасностей, грозящихъ ей на крайнемъ востокѣ, и предсказывать, что экспедиція противъ Аннама будетъ «Мексикою» французскаго республиканскаго правительства. Менѣе коварные и болѣе горячіе осыпаютъ сосѣдей по ту сторону Ламанша градомъ ругательствъ и называютъ эспедиціонный корпусъ «шайкой флибустьеровъ». И, изливая различнымъ образомъ, смотря по особенностямъ темперамента, свою досаду на колонизаціонныя поползновенія сосѣдей, англичане рѣшительно забываютъ, что подобныя рѣчи именно имъ-то приличествуютъ менѣе, чѣмъ кому-бы то ни было. Въ самомъ дѣлѣ, кому можетъ прийти въ голову искать уроковъ политической нравственности у сыновъ Альбіона, и если шовинизмъ смѣшонъ вездѣ, то какія извиненія можно подыскивать для него, когда онъ развертывается на столбцахъ англійскихъ газетъ, и въ выраженіяхъ, которыя можно назвать по меньшей мѣрѣ неприличными. Эти господа доходятъ до того, что напоминаютъ своимъ прежнимъ друзьямъ о бѣдствіяхъ франко-германской войны. Повидимому, они и не подозреваютъ, что уменьшеніе вліянія Великобританіи въ Европѣ началось именно со времени пораженія Франціи въ 1870 — 1871 годахъ. Они закрываютъ глаза на факты, показавшіе до какого уровня понизилась ихъ страна въ своемъ военномъ развитіи. Этой странѣ пришлось и безъ содѣйствія того народа, для котораго, по словамъ Мирабо — «война есть національная промышленность», — извѣдать горечь пораженія: дикія южно-африканскія племена, варвары-афганцы, да нѣсколько отрядовъ крестьянъ-боэровъ показали міру, во что слѣдуетъ цѣнить въ настоящее время англійское военное могущество. Что касается нравственной стороны вопроса и уваженія къ правамъ народовъ, то, не заглядывая въ глубину прошлаго, можно сказать, что именно англичане подали сигналъ къ политикѣ захвата, послѣ берлинскаго конгресса, наложивъ руку на островъ Кипръ, подобно обыкновеннымъ флибустьерамъ, вопреки трактатамъ. Да и теперь, въ минуту горячихъ протестовъ своихъ, чѣмъ занимается Великобританія? Она собирается санкціонировать присоединеніе Новой Гвинеи къ Квэнслейдской колоніи, или, скорѣе, замѣнить власть этой колоніи собственнымъ владычествомъ, чтобы непосредственно

управлять островомъ Папуа, какъ владѣніемъ центральнаго правительства, то-есть на тѣхъ-же приблизительно условіяхъ, какъ управляетъ индійскими колоніями. Съ другой стороны, Англія, какъ кажется, не намѣрена очищать долину Нила; напротивъ, она готовится основаться тамъ на долгое время, иначе говоря, на всегда! Послѣ долгихъ колебаній, британское правительство только что сдѣлало распоряженіе относительно перевезенія въ Египетъ солдатъ оккупационнаго корпуса. Мѣра эта не требуетъ разъясненій и имѣетъ не менѣе важное значеніе, чѣмъ назначеніе извѣстнаго дипломата, маіора Бэринга, на постъ генеральнаго консула или, вѣрнѣе, *комиссара* англійскаго правительства въ Египтѣ. Это такъ прекрасно понимается на мѣстѣ, что, нѣсколько дней тому назадъ, хедивъ и его министры праздновали 63-ю годовщину дня рожденія королевы Викторіи съ такимъ-же великолѣпіемъ, какъ если-бы дѣло шло о днѣ рожденія ихъ бывшаго владыки—султана.

На присоединеніе Кипра—Франція отвѣчала присоединеніемъ Туниса. Она нашла также, что оккупация Египта не должна оставаться безъ отвѣта. Обманутая союзницей, она не захотѣла оставаться у нея въ долгу; отсюда и возникло внезапное оживленіе колониальной политики, проявившееся поочередно—въ Африкѣ, на Конго, на Мадагаскарѣ и, наконецъ, въ Азіи, на рубежѣ англійскихъ владѣній въ Индіи. Мысль о расширеніи колониальныхъ владѣній охватила правительственный міръ, подобно какой-нибудь горячкѣ; она господствуетъ и за предѣлами политическихъ сферъ. Расширять и расширять свою территорію, распространять французское вліяніе повсюду, гдѣ оно можетъ проявиться,—вотъ что исключительно имѣется въ виду въ настоящее время. Никто, впрочемъ, повидимому, не думаетъ о томъ, что прежде чѣмъ захватывать новыя территоріи, было-бы благоразумнѣе колонизировать тѣ, которыя уже имѣются въ распоряженіи; никто не говоритъ также о преобразованіи колониальнаго законодательства, въ смыслѣ внесенія въ него основъ самоуправленія и свободы, въ которыхъ ощущается недостатокъ. Увлеченіе экстенсивной колониальной политикою принадлежитъ къ числу тѣхъ, не оправдываемыхъ ничѣмъ съ точки зрѣнія практическаго смысла, увлеченій, которыя рождаются и исчезаютъ единственно въ силу инстинктивной потребности, побуждающей ребенка рѣзвиться и волноваться во всѣхъ направленіяхъ и самымъ безпорядочнымъ образомъ.

Такая склонность, къ которой другія державы, какъ наприкладъ Германія и Австрія, относятся съ нѣкоторымъ презрѣніемъ, объясняется, впрочемъ, географическимъ положеніемъ страны, владѣющей обширною береговою линіей и, такимъ образомъ, какъ-бы

самою природою влекою въ приключеніямъ въ дальнихъ краяхъ. Поэтому и въѣвременнаго увлеченія, мы можемъ констатировать правильное и непрерывающееся движеніе, охватывающе долгій періодъ морского мира, начавшійся въ 1815 году и не нарушавшійся съ тѣхъ поръ, несмотря на войны, которыя Франціи пришлось выдержать въ Европѣ, но которыя не породили столкновенія между нею и морскими державами, способными выдержать съ нею соперничество. Небезынтересно бѣгло прослѣдить это движеніе, отправная точка котораго совпадаетъ съ началомъ реставраціи.

На другой день по заключеніи трактатовъ, обобравшихъ Францію въ пользу Англій, внѣшнія владѣнія ея ограничивались слѣдующими: въ Америкѣ — Мартиника, Гваделуна съ прилежащими къ ней островами, французская Гвіана, острова: Св. Петра и Микелонъ. Въ Азіи — индійскія конторы (Пондичери, Чандернагоръ и др.). Въ Африкѣ — Горей и Сенегаль, гдѣ французскія владѣнія не превышали въ то время предѣловъ нѣсколькихъ укрѣпленныхъ постовъ; островъ Соединенія, остр. Св. Маріи Мадагаскарской. За исключеніемъ восьми—двѣнадцати тысячъ, почти необитаемыхъ и большею частью неизслѣдованныхъ гектаровъ въ Гвіанѣ, общее количество всѣхъ этихъ владѣній составляло поверхность, едва достигавшую 500,000 гект. съ населеніемъ въ 500,000 жителей. Что касается экономическаго положенія, оно находилось въ самомъ жалкомъ видѣ. Управление, суды, финансы, войско, укрѣпленія, военный и коммерческій флотъ, — все требовало перестройки. Каждой изъ колоній пришлось подвергнуться вооруженному нападению и затѣмъ иностранному владычеству. Захваченныя Англійей, онѣ подверглись участи завоеваннаго края и имъ не было предоставлено преимуществъ, которыми пользуются англійскія колоніи. Торговля и земледѣліе пришли въ нихъ въ полный упадокъ.

Мало-по-малу, однако-же, онѣ оправились, и въ 1880 г. население оказалось удвоившимся. Впрочемъ, эти старыя колоніи составляютъ теперь лишь ничтожную часть внѣшнихъ владѣній Франціи. Въ 1830 г., волею дея Гуссейна, она приобрѣла Алжиръ, завоеваніе котораго довершилось цѣною кровавой борьбы. Въ 1881 году протекторатъ надъ тунисскими владѣніями отодвинулъ до береговъ Габесскаго залива политическую границу этихъ завоеваній и прибавилъ 1.200,000 жителей въ 3,310,000 населенія французской Алжиріи. Въ Сенегамбіи французскіе аванпосты за послѣднее время подвинуты до самаго Нигера, и жалкій поселокъ, основанный въ 1841 г. при заливѣ Габу, сдѣлался базисомъ важныхъ предпріятій въ богатомъ конгскомъ бассейнѣ. Въ Индій-

скомъ морѣ правительство Луи-Филиппа заняло нѣсколько островковъ, окружающихъ прекрасный и обширный о. Мадагаскаръ, гдѣ нынѣшнее правительство, повидимому, намѣревается отстаивать вѣковыя, по его мнѣнію, права Франціи. Въ Океаніи присоединеніе нѣсколькихъ архипелаговъ, дополненное въ 1853 г. занятіемъ Новой Каледоніи, расширило французскія колоніальныя владѣнія на два или на три милліона гектаровъ съ сотнею тысячъ населенія. На крайнемъ востокѣ, экспедиція 1860 года имѣла результатомъ приобрѣтеніе нижней Кохинхины, протекторатъ надъ Камбоджей и, наконецъ, другой, менѣе дѣйствительный, надъ Аннамомъ. По окончательной оккупациі этого послѣдняго, Франція насчитывала бы на индо-китайскомъ полуостровѣ около девятнадцати милліоновъ подданныхъ и состоящихъ подъ ея покровительствомъ жителей. Такимъ образомъ, Франція возстановила бы колоніальныя владѣнія, приблизительно, съ тридцатимилліоннымъ населеніемъ и съ торговымъ движеніемъ достигающимъ, почти миллиарда. Въ-сто седьмого мѣста, которое она занимала въ этомъ отношеніи въ средѣ европейскихъ державъ, Франція заняла бы непосредственно второе послѣ Великобританіи. Таковъ былъ бы великолѣпный результатъ, обезпечивавшійся за нею успѣхомъ тонкинской экспедиціи.

II.

Такъ какъ, къ тому-же, Франція намѣревается присоединить тонкинцевъ ради ихъ-же собственнаго блага, то мы, въ нѣсколькихъ словахъ, познакомимъ читателя съ этимъ интереснымъ народомъ, изъ-за сочувствія къ которому спорятъ двѣ великія европейскія націи, причемъ сочувствіе такъ пламенно, что принимаетъ видъ свирѣпой ревности.

Граница на сѣверъ съ Китаемъ, на югъ—съ бывшимъ королевствомъ Кохинхинскимъ, на востокѣ—съ Тонкинскимъ заливомъ, а на западѣ съ—Лаосомъ, обширнымъ и независимымъ краемъ, Тонкинъ представляетъ площадь въ 150,000 квадратныхъ километровъ (то-есть около трети всей Франціи), населенныхъ, приблизительно, двѣнадцатью милліонами душъ. Страна эта пересѣкается отъ сѣверо-запада къ югу прекрасною рѣкою, Сонгъ-Кои (по китайски Гонгъ-Кіангъ или Красная рѣка), берущею свое начало въ Юнань, богатѣйшей изъ китайскихъ провинцій. Сонгъ-Кои омываетъ нѣсколько важныхъ городовъ, въ томъ числѣ бывшую столицу Ганон, и раздѣляется на множество рукавовъ, впадающихъ въ Тонкинскій заливъ. Эти рукава, соединяясь съ устьями другой рѣки, Тай-Гинга, образуютъ обширную дельту, плодородіе которой напоминаетъ дельту Нила.

Въ физическомъ отношеніи, тонкинцы счастливѣе своихъ китайскихъ сосѣдей. У нихъ менѣе сплюсненные носы и болѣе выдающіяся скулы. Сложенія они нѣсколько хрупкаго, бороды растутъ довольно плохо, цвѣтъ лица — зеленовато-бурый. Лица мужчинъ слишкомъ квадратны, а женскія—слишкомъ круглы, но они искупаютъ эти недостатки другими преимуществами, напимѣрь, стройностью стана, тонкостью кожи и прекрасными черными глазами, опущенными густыми рѣсницами. Они никогда не стригутъ своихъ черныхъ, какъ смоль, волосъ и, собравъ ихъ на маковѣ въ видѣ шиньона, удерживаютъ ихъ въ этомъ положеніи при помощи булавки. Роста они обыкновенно бываютъ ниже средняго.

Тонкинцы крѣпки, воздержны, умны, трудолюбивы, способны къ торговлѣ и промышленности. Торговый духъ ихъ превосходитъ даже кохинхинскій. Они любятъ деньги, но растрчиваютъ ее съ такимъ-же увлеченіемъ, какъ и накопляютъ, нисколько не заботясь о завтрашнемъ днѣ. Въ этомъ они рѣзко отличаются отъ арабовъ, которые берегутъ деньги и мало тратятъ на свое содержаніе. Тонкинецъ — мотъ; это взрослый ребенокъ, безпечный, любящій шумъ, веселье, празднованіе. Онъ тратится на роскошныя церемоніи, на похороны. Характеромъ онъ подходит къ китайцу, который, однако-же, болѣе заботливъ относительно будущаго и не до такой степени сорить деньгами.

Тонкинцы весьма общительны; они любятъ обѣдать въ гостяхъ, и за столомъ заключаютъ обыкновенно всѣ свои сдѣлки. Они очень веселаго, по природѣ, нрава. Старались доказать, что они очень неискренни. Въ напечатанной недавно корреспонденціи газеты «Temps», намъ пришлось прочесть рассказъ о происшествіи, которое, повидимому, весьма характернымъ образомъ подтверждаетъ это мнѣніе.

Дѣло было во время послѣдняго папскаго объѣзда католическаго епископа въ Кэ-сэ, г. Пюжинь. Путешествуя безъ провожатыхъ и изъ предосторожности одѣтый туземцемъ средняго сословія, онъ остановился въ одномъ изъ домиковъ христіанскаго селенія, какъ вдругъ ночью нѣсколько человѣкъ аннамитовъ и китайцевъ постучались у дверей. «Не у тебя-ли французскій первосвященникъ?» спросили они у хозяина, отворившаго имъ дверь. Онъ отвѣтилъ громкимъ смѣхомъ: «Хорошо-же васъ наставилъ духъ Будды и какую вы мнѣ дѣлаете честь! Вотъ факель; войдите, посмотрите на епископа: онъ въ митрѣ, съ жезломъ, весь одѣтъ въ бархатъ, шелкъ и золото!»—«Довольно смѣяться, добрый человѣкъ, отвѣчаютъ пришедшіе,—мы видимъ, что его нѣтъ у тебя, но мы побѣжимъ, чтобы догнать его въ сосѣднемъ селеніи». Затѣмъ они

исчезаютъ, не преминувъ поругаться по поводу того, что имъ пришлось дать крюку и по-пусту нашумѣть.

Когда прелать, не потерявшій ни одного слова изъ разговора, потребовалъ объясненій у своего хозяина, отвѣтъ его не показался ему успокоительнымъ: «Въ этомъ краѣ черное значить бѣлое, отвѣчалъ тотъ. — Если-бы я сказалъ, что васъ нѣтъ у меня въ домѣ, въ него-бы ворвались, отрубили-бы мнѣ голову, и васъ постигла-бы участь вашего предшественника, монсиньора Діаза, претерпѣвшаго такую ужасную, мученическую смерть».

Притворство не лежитъ, однако-же, въ основѣ характера туземцевъ. Напротивъ, они по природѣ честны и откровенны и сдѣлались неискренними лишь вслѣдствіе продолжительнаго гнета. Они далеко не такъ коварны, какъ сосѣдя ихъ кохинхинцы, и большая часть наблюдателей признаетъ за ними и теперь нѣкоторую наклонность къ чистосердечію, берущую верхъ, какъ только съумѣютъ разсвѣять ихъ недовѣріе

Тонкинцы необыкновенно проворны и ловки. Умъ ихъ, быть можетъ, нельзя назвать очень изобрѣтательнымъ, но они ставятъ свое самолюбіе въ томъ, чтобы какъ можно лучше выполнить дѣло, которое имъ поручено. Подобно сосѣдямъ-китайцамъ, у нихъ много вкуса и терпѣнія. Они владѣютъ инстинктомъ, можно сказать—геніемъ подражанія. Дайте тонкинцу-портному платье на образецъ,—онъ сдѣлаетъ вамъ точно такое-же. Почти въ каждомъ селеніи вы найдете своихъ плотниковъ, кузнецовъ, столяровъ. Каменьщиковъ здѣсь больше и они искуснѣе, чѣмъ въ Китаѣ. Множество рабочихъ постоянно занято вдоль Красной рѣки и ея приточковъ, устраивая или исправляя плотины, имѣющія цѣлю предохранить селеній отъ страшныхъ наводненій, нерѣдко заливающихъ дельту. Эти плотины — превосходныя сооруженія, которыя обыкновенно обнимаютъ собою нѣсколько селеній и въ то-же время служатъ дорогами. Онѣ достигаютъ семи—восьми метровъ вышины и на многихъ изъ нихъ могутъ проѣхать рядомъ три большихъ экипажа. Такія плотины встрѣчаются даже выше Гунгъ-Гоа.

Въ настоящее время, промышленность страны ограничивается фабрикаціей сахара, масла изъ пальмы-кристи, производствомъ сигаръ, вышиваніями, изготовленіемъ шелковыхъ и бумажныхъ тканей и гончарнымъ дѣломъ. Почти повсюду производятся издѣлія изъ бамбука и изящныя вещицы съ перламутровой инкрустаціей. Въ этихъ-то инкрустаціонныхъ работахъ проявляется преимущественно вкусъ и изумительное терпѣніе туземцевъ. Не рѣдкость встрѣтить у нихъ изящную, можно сказать художественную мебель, пережившую нѣсколько вѣковъ и стоявшую многихъ лѣтъ груда.

Главный земледѣльческій продуктъ — рисъ. Въ большей части дельты, сборъ риса производится два раза въ годъ. Во многихъ селеніяхъ можно встрѣтить бассейны, устроенные во время постройки плотинъ; въ нихъ сохраняется вода, необходимая для орошенія рисовыхъ полей. Въ верхнихъ мѣстностяхъ дельты жатва перевозится на телѣгахъ, запряженныхъ быками, или же на ручныхъ тачкахъ; въ нижнихъ—ее переносятъ на рукахъ, въ корзинахъ, прикрѣпленныхъ къ бамбуковымъ палкамъ, снабженнымъ, съ обѣихъ концовъ, желѣзными наконечниками. Съ такими корзинами носильщики (подобно китайскимъ) бѣгутъ рысью.

Тачки ихъ отличаются практичностью устройства. Колесо, вмѣсто того, чтобъ находиться спереди, занимаетъ середину и на него падаетъ вся тяжесть. Остается только направлять тачку. Человѣкъ накидываетъ себѣ на шею ремень, который и прикрѣпляется къ обѣимъ концамъ тачки. Съ каждой стороны этой телѣжки устроены скамейки, для путешественниковъ или для клади. Такимъ способомъ путешествуютъ люди небогатые; зажиточные устраиваютъ себѣ въ этихъ телѣжкахъ особыя сѣтки.

За рисомъ слѣдуетъ шелкъ. Тутовое дерево культивируется въ высокихъ долинахъ, выше Ганой, и главнымъ образомъ въ долинѣ Тап-Нгуанъ. Вездѣ, гдѣ растетъ тутовникъ, воспитываютъ и шелковичныхъ червей. Шелковыя ткани, здѣсь изготовляющія, принадлежатъ къ числу легкихъ; онѣ очень дешевы, по причинѣ низкой заработной платы, не превышающей 30 сантимовъ въ день. Эти ткани, впрочемъ, невысокаго качества.

Культура тутоваго дерева совпадаетъ почти повсюду съ воздѣлываніемъ хлопчатобумажника. Сахарный тростникъ разводится понемногу повсюду, преимущественно же въ высокихъ мѣстностяхъ и въ особенности въ Гунгъ-Гоа. Всѣ наиболѣе обширныя плантаціи находятся въ верхней дельтѣ; въ нижней — встрѣчаются только изолированные клочки, окруженные рисовыми полями. Обѣимъ этихъ продуктовъ и вышеуказанныхъ произведеній составляетъ главный предметъ торговли тонкинцевъ. Къ нимъ слѣдуетъ прибавить бобровую струю, корицу, индиго и проч. Кирпичный чай, приготовленный въ Пу-Эюлѣ, составляетъ главный предметъ торговли нѣкоторыхъ городовъ. Онъ идетъ изъ южнаго Юнана, чрезъ Мангао,—китайскій городъ, лежащій при верховьяхъ Красной рѣки. По увѣреніямъ морского путешественника Арріэна, приготовленіе кирпичнаго чая и торговля этимъ предметомъ извѣстны были уже тысяча-шестьсотъ лѣтъ тому назадъ. Другой весьма важный предметъ торговли — бѣтель, пользующійся большимъ почетомъ какъ здѣсь такъ и въ Кохинхинѣ. Бѣтель потребляется также и на югѣ Юнана, но весьма мало въ остальномъ Китаѣ. Ни одинъ

ТОНКИНСКІЙ чиновникъ, именитый человекъ или буржуа не выходитъ изъ дома безъ того, чтобъ его не сопровождалъ слуга съ изящнымъ ящичкомъ для бѣтеля, табака и арака. Если на прогулку выходитъ человекъ, принадлежащій къ сословію ученыхъ, то къ этимъ предметамъ прибавляются еще кисти и чернила.

Рудниковъ здѣсь, до сихъ поръ, не существуетъ.

Ярмарочныхъ и торговыхъ мѣстъ — множество. Но этимъ и ограничивается поприще обмѣна. Однако, все, казалось-бы, располагаетъ тонкинца къ расширенію сношеній съ вѣдшимъ міромъ. Онъ не только склоненъ къ тому въ силу прирожденной способности къ торговлѣ, но и по пристрастію къ чужеземнымъ продуктамъ. Въ противоположность китайцу, который всегда будетъ предпочитать произведенія своей страны, тонкинецъ съ жадностью набрасывается на всякій иностранный товаръ, не исключая и европейскаго костюма, въ который онъ облекается не безъ гордости. <Они безпрестанно надѣдали намъ, рассказываетъ Дюжи, — прося старыхъ шляпъ и поношенной обуви>. Къ несчастію, для развитія торговли создано было множество препятствій. До самаго послѣдняго времени король Гюэ присвоивалъ себѣ монополію рисовой торговли. Подъ страхомъ самыхъ тяжкихъ наказаній, тонкинцамъ воспрещалось выѣзжать изъ Тонкина для веденія торговли вѣд страны, такъ какъ опасались, что онъ привезетъ на родину заимствованный откуда-нибудь духъ независимости. Такой-же запретъ тяготѣлъ надъ всѣми аннамитами. Изъ сосѣднихъ народовъ однимъ китайцамъ разрѣшалось пріѣзжать торговать въ Тонкинъ, въ силу сюзеренныхъ правъ, которыя Китай сохранялъ надъ Аннамомъ.

Вообще, ни правительство, ни его представители не проявляютъ особой нѣжности къ тонкинскому рабочему люду. Налогъ на рисъ достигаетъ двѣнадцатой части всего дохода. За королемъ слѣдуютъ мандарины, истинныя пивавицы, высасывающія рабочаго до мозга костей. Для аннамскаго мандарина, являющагося сюда для поправленія финансовъ, все служитъ поводомъ къ подаркамъ. Рожденіе, свадьба, праздники, пріѣздъ или отъѣздъ членовъ семейства, — онъ всѣмъ пользуется для поборовъ. Туземецъ долженъ нести ему шелковыя и бумажныя ткани, рисъ, свинью, курицу. Мандаринъ все принимаетъ и затѣмъ заставляетъ своихъ женъ продавать всѣ эти предметы. Если какой-нибудь злоумышленникъ вздумаетъ освободить себя отъ этого прекраснаго обычая, съ нимъ поступаютъ какъ съ лицомъ подозрительнымъ и слѣдуетъ обвинить въ преступномъ сообщничествѣ, въ участіи въ какомъ-нибудь воображаемомъ заговорѣ; затѣмъ онъ осипается ударами и обирается до послѣдней нитки.

Подавляющіе налоги, мандаринскіе поборы, препятствія для внѣшней торговли, таможенныя стѣсненія (таможни встрѣчаются на каждомъ шагѣ),—всѣ эти вмѣстѣ взятая причины, къ которымъ слѣдуетъ еще прибавить отсутствіе личной безопасности, создаютъ важныя препоны къ увеличенію процвѣтанія Тонкина и поражаютъ безплодіемъ терпѣливыя усилія энергичнаго народа, клянящіяся къ извлеченію выгодъ изъ естественныхъ богатствъ, которыми природа надѣлила его край.

III.

Все это трудящееся населеніе сосредоточено въ болѣе или менѣе значительныхъ селеніяхъ. Здѣсь не встрѣтить, какъ въ Китаѣ, изолированныхъ домиковъ и фермъ разбросанныхъ среди полей. Большая часть домовъ строится изъ дерева или изъ глины, смѣшанной съ соломой, въ перемежку съ бамбукомъ, и кроется соломой. Жилища болѣе достаточныхъ людей кроются черепицею. Селеніе опоясывается бамбуковыми деревьями, срывающими его отъ взоровъ.

Главнѣйшіе города находятся на берегу Сонгъ-Кои, и преимущественно въ районѣ дельты. Они занимаютъ обширныя пространства, сравнительно съ цифрою своего населенія. Бывшая столица, Ганой имѣетъ болѣе 150,000 жителей. Цитадель, выстроенная по системѣ Вобана, занимаетъ около 3,500 метровъ по окружности. Намъ-Динъ, также лежащій на берегу Красной рѣки и имѣющій до 100,000 жителей, лучший по своимъ постройкамъ городъ и самый красивый изъ тонкинскихъ городовъ. Правильно вымощенныя и достаточно широкія улицы отличаются отсутствіемъ тѣхъ громадныхъ скопленій нечистотъ, которыя такъ часто оскорбляютъ взоры въ самыхъ мелкихъ селеніяхъ крайняго востока. Въ центрѣ города—базарная площадь. Хотя аннамскій властитель и никогда не предоставлялъ особыхъ вольностей этому городу, но такъ какъ онъ всегда избѣгалъ столкновеній съ своими провинціями, то оставилъ въ его распоряженіи многія муниципальныя льготы, пользованію которыми жители, безъ сомнѣнія, обязаны главнымъ образомъ своимъ свободнымъ пріемами и печатью общаго довольства, которые не встрѣчаются въ сосѣднихъ округахъ. Не мало туземцевъ исповѣдуютъ католическую религію, а громадный и роскошно украшенный соборъ построенъ въ лучшемъ кварталѣ города. Латынь пользуется большимъ почетомъ у этихъ добрыхъ людей.

Городъ Намъ-Динъ—не единственный центръ, гдѣ католицизму удалось насадить свое ученіе. Французскіе и испанскіе миссіонеры, проникшіе въ эти края еще въ семнадцатомъ столѣтіи, успѣли,

несмотря на кровавыя преслѣдованія мандариновъ, основать нѣсколько цвѣтущихъ миссій. Въ настоящее время *Силлабусъ* насчитываетъ не менѣе 500,000 сторонниковъ на этихъ далекихъ берегахъ. Остальное населеніе держится религій, заимствованной, частію у индусскаго, частію у китайскаго культа. Конфуціи пользуется здѣсь большимъ вліяніемъ. Традиція превратила его въ какое-то божество, которому воздвигаютъ храмы. Главные адепты его принадлежатъ къ ученому сословію, то-есть къ расаднику, въ которомъ воспитываются люди, предназначающіе себя къ общественнымъ должностямъ. Этотъ классъ отворачивается отъ европейской цивилизаціи, и его вліяніе часто вредило успѣху научныхъ изслѣдованій, такъ-же какъ и военныхъ экспедицій.

Въ политическомъ отношеніи страна дѣлится на провинціи, префектуры, подпрефектуры и общины. Эти послѣднія управляются самостоятельно по виду, собираютъ подати, распредѣляютъ ихъ согласно съ произвольными указаніями аннамскихъ мандариновъ. Возмутительный гнетъ, оказываемый этими должностными лицами, которые почти поголовно—воры, развратники и бездѣльники, тяжело ложится на тонкинцевъ, низводя къ нулю кажущееся самоуправленіе, которымъ пользуются общины.

Продолжительное угнетеніе не осталось безъ послѣдствій для тонкинца. Но не всегда отличался тонкинскій народъ безотвѣтною кротостью стригомой и ведомой на закланіе овцы. Исторія кровавыхъ войнъ, которыя ему пришлось выдержать, начиная съ временъ глубокой древности, въ защиту своей свободы, весьма любопытна. Не разъ боролся онъ съ могущественнымъ сѣвернымъ сосѣдомъ, которому удалось добиться владычества надъ нимъ лишь послѣ героическаго сопротивленія, но не удалось потушить вполне духа независимости. Такъ въ XV вѣкѣ тонкинцы возстаютъ подъ предводительствомъ генерала своего Лэ-Лои и пытаются сбросить китайское ярмо. Знаменитый воинъ сдѣлался родоначальникомъ династіи Лэ, царствовавшей до начала нынѣшняго столѣтія и сохранившей свою популярность въ краѣ и до сихъ поръ. Въ 1802 году, вслѣдствіе новой, долгой и кровавой борьбы, тонкинцы перешли подъ господство кохинкинцевъ, основавшихъ, по присоединеніи завоеванной страны, королевство Аннамское. Напрасно, въ 1861 году, Лэ-Фунгъ, доблестный потомокъ славнаго рода Лэ, сталъ во главѣ поработеннаго народа, разбилъ аннамцевъ въ пятнадцать или двадцати сраженіяхъ и уничтожилъ ихъ флотъ. Во время рѣшительной битвы, данной имъ лучшему изъ генераловъ непріятельскаго войска, Нгуэнъ-Тце-Фуонгу, онъ былъ преданъ однимъ изъ своихъ офицеровъ и принужденъ укрыться въ горахъ, между тѣмъ какъ буря потопила его флотилію.

Въ 1864 г. этотъ славный патріотъ снова поднялъ знамя возстанія, разбилъ враговъ и, желая, перенести военныя дѣйствія въ самое сердце Аннама, поплылъ на судахъ къ столицѣ королевства, Гюэ, намѣреваясь произвести на нее нападеніе. Но и на этотъ разъ пришлось потерпѣть неудачу. Буря уничтожила флотъ, а предводитель возставшихъ былъ взятъ въ плѣнъ и подвергнутъ смертной казни.

Въ 1874 г. произведена была новая попытка возстанія, и въ настоящее время Тонкинъ лишь по внѣшности мирится съ ярмомъ своихъ притѣснителей. Послѣдній изъ потомковъ династіи Лэ еще существуетъ, и его сторонники сильно волнуются. Этотъ принцъ велъ за послѣднее время уединенную жизнь въ вице-королевствѣ Кантонскомъ и вотъ уже нѣсколько мѣсяцевъ какъ проживаетъ то въ городѣ Намъ-Динѣ, то въ окрестныхъ селеніяхъ. Друзья, которыхъ онъ насчитываетъ не мало въ этой провинціи, не оставляютъ его никогда болѣе двадцати-четыре часовъ въ одномъ и томъ-же домѣ. Способъ пропаганды, употребляемый сторонниками этого претендента, весьма любопытенъ. Такъ какъ восточные народы способны страстно увлекаться лишь тѣмъ, что по ихъ мнѣнію принадлежитъ къ области чудеснаго, то вотъ что изобрѣли тонкинскіе пропагандисты: ребенокъ лѣтъ двѣнадцати, рѣдкаго ума и красоты, краснорѣчивый, привлекательный и которому тонкинцы даютъ мистическое наименованіе «ангела», обходитъ, въ настоящую минуту, въ сопровожденіи именитаго чловека, всѣ центры населенія дельты; онъ проповѣдуетъ о необходимости сплотиться вокругъ рода Лэ, которому окажетъ поддержку всегда побѣдоносное французское оружіе. Юный и пламенный предтеча Лэ въ то-же время пророчествуетъ, предсказывая окончательное и близкое удаленіе аннамскихъ угнетателей.

Въ Тонкинѣ еще уцѣлѣло нѣсколько независимыхъ племенъ. Они занимаютъ мѣстность при верховьяхъ Красной рѣки. Это: *Тай*—и, пастушескій народецъ, мирный и честный, живущій въ горахъ продуктами собственнаго труда, *Муонн*, — первобытное охотничье и гостепріимное племя. И тѣ и другіе вполне безобидны! Нельзя сказать того-же о разбойничьихъ шайкахъ, которымъ недавніе подвиги ихъ доставили всемірную извѣстность.

Бичъ этотъ исходитъ изъ Китая и держитъ жителей въ непрестанномъ страхѣ. Между тѣмъ какъ вдоль берега разгуливаютъ на своихъ челнахъ китайскіе пираты, проявляющіе въ самыхъ селеніяхъ, чтобы уводить женщинъ и дѣвушекъ, большая часть края заражена другими бандитами, таковаго-же происхожденія, занимающими побережье Красной рѣки, отъ границы Китая до окрестностей Сутая, значительнаго города, лежащаго въ нѣсколькихъ ми-

ляхъ разстоянія отъ Ганои. Вотъ, въ краткихъ словахъ, исторія этихъ послѣднихъ.

Около 1865 года, мандаринъ изъ провинціи Куангъ-Си, при содѣйствіи войскъ провинціи Куангъ-Тонгъ, подавили инсurreкцію, свирѣпствовавшую въ краѣ еще съ 1849 года. Одинъ изъ главныхъ вождей бѣжалъ изъ названной провинціи и проникъ въ Тонкинъ во главѣ шайки въ 3—4,000 человекъ. Онъ прошелъ всю сѣверовосточную его часть, до Красной рѣки, и болѣе года стоялъ лагеремъ на лѣвомъ берегу ея, противъ Ганои. Предводитель умеръ въ 1866 году.

Аннамцы, какъ вассалы китайскаго императора, потребовали содѣйствія китайскихъ войскъ, чтобы прогнать неудобныхъ гостей, и генераль Тээнъ перешелъ границу съ 10,000 солдатъ. По смерти Уа Тсуга, начальствованіе надъ шайкой перешло въ руки двухъ вождей — Ліюу-Іуэнъ и Гоангъ-Тсугъ-Инъ. Принужденные спастись бѣгствомъ отъ китайскихъ войскъ, оба вождя добрались вверхъ по Красной Рѣкѣ до земли независимыхъ дикарей и поселились въ ихъ лѣсахъ. Вскорѣ вслѣдъ затѣмъ они осадили Лао-Кан, находившійся въ то время въ рукахъ одного изъ кантонскихъ начальниковъ. По взятіи Лао-Канъ въ 1868 г., Ліюу-Іуэнъ-Фу предводитель «Черныхъ флаговъ», удержалъ за собою городъ Гоангъ-Тсугъ-Инъ, а глава «Желтыхъ флаговъ» выбралъ себѣ резиденціей Го-іангъ, на Свѣтлой Рѣкѣ.

«Желтые флаги» старались жить въ мирѣ и согласіи съ горными жителями своей новой родины и устроили у нихъ посты, для огражденія ихъ отъ разбойничьихъ набѣговъ. Они, впрочемъ, рассчитывали получить впослѣдствіи помилованіе и вернуться въ Китай. Что касается «Черныхъ флаговъ», то они отличались поборами и вербовали множество всякаго рода людей, сѣявшихъ ужасъ въ средѣ дикарей.

«Черные» и «Желтые» не долго жили въ добромъ согласіи. Доходы съ таможенъ, устроенныхъ на Красной и Свѣтлой рѣкахъ, должны были дѣлиться между обоими предводителями, но такъ какъ доходы Лао-Канъ были значительнѣе доходовъ Го-Іанга, то Ліюу-Іуэнъ Фу захотѣлъ оставлять все себѣ и не давать отчета. Вопросъ скоро обострился и произошло кровавое столкновеніе. Гоангъ-Тсугъ-Инъ напалъ на Лао-Канъ. Не будучи въ силахъ взять его приступомъ, онъ устроилъ лагерь въ Тоуэнъ-Га, на рѣкѣ, съ цѣлью отрѣзать всякое сообщеніе съ Тонкиномъ и задержать доходы. Во время нападенія «Черныхъ флаговъ» на постъ Тоуэнъ-Га, 300 человекъ изъ нихъ, окруженные непріателемъ, успѣли отчалить отъ берега и теченіемъ рѣки ихъ отнесло къ аннамскимъ аванпостамъ въ Куэнъ-Сэ. Тогда они предложили аннамитамъ при-

соединиться къ нимъ и идти воевать съ «Желтыми флагами». Аннамиты согласились. Съ тѣхъ поръ дворъ Гюэ не разъ утилизировалъ «Желтые флаги». Недавнія событія показали, что они на жалованьи у аннамскаго правительства, которое платило имъ какъ регулярной милиціи, то-есть по два франка и по мѣркѣ риса на человѣка въ мѣсяцъ.

Въ сущности это единственныя военныя силы, которыя аннамскій императоръ можетъ противопоставить европейцамъ. Правда, говорили о тонкинской арміи въ 500,000 человѣкъ. Но эта армія существуетъ болѣе въ воображеніи, чѣмъ въ дѣйствительности. Мандарины привели изъ Кохинхины нѣкоторое количество солдатъ въ видахъ держанія народа въ уздѣ, но большая часть этой арміи состоитъ изъ тонкинскихъ милиціонеровъ, не обнаруживающихъ ни малѣйшаго одушевленія, когда приходится драться за аннамскихъ утѣснителей. Военныя упражненія исполняются весьма неохотно, и хотя эти милиціонеры очень искусны въ гимнастическомъ дѣлѣ, сеачутъ, кувыркаются и пляшутъ изумительно, но малѣйшая опасность обращаетъ въ бѣгство этихъ ловкихъ жонглеровъ, лишенныхъ всякой воинской доблести.

IV.

Для европейцевъ исторія Тонкина начинается съ того дня, какъ молодой французскій путешественникъ Жанъ-Дююи ступилъ на тонкинскую землю.

Изъ всѣхъ извѣстныхъ изслѣдователей новыхъ странъ, Дююи безспорно представляетъ одинъ изъ любопытнѣйшихъ и оригинальнѣйшихъ типовъ. Съ самаго дѣтства овладѣла имъ страсть къ путешествіямъ и приключеніямъ. Онъ долго ждалъ случая для осуществленія своей мечты и наконецъ встрѣтился съ промышленникомъ, который согласился взять его съ собою въ далекіе края. Дююи пристрастился къ торговлѣ, самъ сдѣлался фабрикантомъ и сталъ путешествовать уже на собственный счетъ. Въ 1858 г., въ то время какъ Лессепсъ только-что приступилъ къ своему грандіозному предпріятію—прорытію Суэцкаго перешейка, Жанъ-Дююи отправился въ Александрію, для сбыта своихъ произведеній. Затѣмъ, оцѣнивъ всю важность значенія предпріятія для Египта и видя въ этомъ послѣднемъ обширное складочное мѣсто, гдѣ, современемъ, европейскія произведенія будутъ обмѣниваться на продукты крайняго востока, онъ рѣшилъ отправиться изучать—какого рода торговля можетъ установиться позднѣе съ Китаемъ и Индокитайскимъ полуостровомъ.

Посѣтивъ Пекинъ, онъ моремъ вернулся въ Шанхай, намѣре-

ваясь снова отправиться въ Египеть съ ближайшимъ пакетботомъ по встрѣчѣ съ соотечественникомъ, Евгениемъ Симономъ, посланнымъ въ Китай съ научнымъ порученіемъ, заставила его измѣнить свой планъ. Англійскій адмиралъ Гоппъ предпринималъ поѣздку вверхъ по Янгъ-Съ-Кіангу, до Гонъ-Конга, съ цѣлью опредѣлить мѣсто для трехъ портовъ, которые, въ силу только что подписаннаго въ то время пекинскаго договора, должны были открыться для европейской торговли на этомъ громадномъ водномъ пути. По прибытіи въ Гонъ-Конгъ, оба путешественника должны были направиться къ Тибету, Лассѣ и Коконору и вернуться въ Пекинъ черезъ Монголію. Это путешествіе было-бы полною противоположностью пути, по которому слѣдовалъ Гукъ въ 1844 — 46 годахъ. Но гражданская война, свирѣпствовавшая въ этихъ краяхъ и прервавшая сообщенія, заставила путешественниковъ отказаться отъ своего намѣренія. Они поселились въ Гонъ-Конгъ; Жанъ-Дюпюи остался тамъ до 1866 года. Во время пятилѣтняго пребыванія тамъ, онъ не только основательно изучилъ китайскій языкъ, но внушилъ къ себѣ довѣріе высокопоставленнымъ лицамъ, сдѣлался другомъ мандариновъ и заключилъ нѣсколько коммерческихъ сдѣлокъ.

Связи съ вліятельными людьми позволили ему привести въ исполненіе завѣтныя мечты. Онъ изслѣдовалъ и изучилъ значительную часть Китая. Путешествуя по Небесной Имперіи, онъ обратилъ особое вниманіе на одну изъ южно-китайскихъ провинцій—Юнань. Этотъ край обладалъ богатѣйшими рудниками; здѣсь добывались металлы, необходимыя для чеканной монеты цѣлой имперіи.

Къ несчастію, окруженный со всѣхъ сторонъ землями, Юнань не имѣлъ никакого сбыта, никакого пути, дающаго возможность доставлять богатые произведенія въ приморскіе порты. Напрасно англичане искали такого пути со стороны своихъ индійскихъ и бирманскихъ владѣній: нѣсколько организованныхъ ими экспедицій остались безъ успѣха. Напрасно также французы, только-что завоевавшіе въ Индо-Китаѣ часть Аннама, послали въ 1866 г. миссію для изслѣдованія Мэ-Конга, величайшей рѣки, орошающей полуостровъ, и опредѣленія ея судоходности. И французская миссія потерпѣла неудачу. «Торговая артерія» не была найдена.

Послѣ этихъ попытокъ, Дюпюи, проѣзжая по тѣмъ мѣстностямъ и изучая ихъ гидрографическую систему, узналъ, что кратчайшій и безопаснѣйшій путь въ Юнань есть путь черезъ Тонкинъ. Съ 1864 года онъ возымѣлъ намѣреніе отправиться на мѣсто, для изслѣдованія водяного, почти неизвѣстнаго пути, пересѣкающаго эту провинцію. Съ такою цѣлью онъ отправился въ 1868 г. въ

Юнанъ, испытавъ всякаго рода опасности. Онъ вступилъ въ сношенія съ мандаринами, имѣя въ виду заинтересовать ихъ своимъ проектомъ, и заключилъ тѣсную дружбу съ вице-королемъ. Въ 1871 году, не смотря на настоянія послѣдняго, пытавшагося отговорить его отъ смѣлаго плана, онъ уѣхалъ въ Юнанъ, съ конвоемъ китайцевъ. Верхомъ проѣхалъ онъ обширную мѣстность, населенную многочисленными племенами, съ ожесточеніемъ воевавшими между собою. Онъ встрѣтилъ, однако, дружелюбный пріемъ, заключилъ торговые договоры и получилъ свѣжій конвой, для замѣны китайцевъ, не замедлившихъ вернуться домой. Послѣ неслыханныхъ путевыхъ трудностей, онъ достигъ Мангао, торговаго города, на Красной Рѣкѣ. Отсюда онъ пошелъ внизъ по этой рѣкѣ, далѣе прошелъ мѣстность, переполненную разбойниками, грабежи и жестокость которыхъ наводили ужасъ на цѣлый край, внушилъ имъ уваженіе къ себѣ своимъ мужествомъ и, преодолевъ множество затрудненій, добрался до аннамской границы.

Отважный путешественникъ достигъ своей цѣли: онъ узналъ, что рѣка судоходна, начиная отъ Мангао, находящагося на восьмидневномъ разстояніи отъ столицы Юнана. Вернувшись затѣмъ въ этотъ городъ тѣмъ-же путемъ, онъ былъ встрѣченъ съ восторгомъ. Отважное изслѣдованіе, открывавшее населенію драгоценный способъ сбыта для его произведеній, казалось, предвѣщало новую эру богатства и благоденствія. Французскій путешественникъ сдѣлался для этихъ людей *До-тайэнъ* омъ, то есть великимъ человѣкомъ.

Однако, сообщеніе продолжало быть труднымъ и опаснымъ до той поры, пока разбойники, занимавшіе берега рѣки, не будутъ усмирены. Власти поручили Дююи закупить въ Европѣ необходимые для экспедиціи военные снаряды и доставить ихъ чрезъ Тонкинъ. Маршалъ Малуи вручилъ ему вѣрительную грамоту, какъ аккредитованному агенту при аннамскомъ правительствѣ, и потребовалъ отъ этого правительства свободнаго пропуски чрезъ Тонкинъ, именемъ Небесной Имперіи, т. е. верховнаго владыки Аннама.

Въ началѣ 1872 года Дююи прибылъ въ Парижъ. Онъ сообщилъ правительству республики о добытыхъ имъ результатахъ, а также и о томъ, что надѣялся осуществить. Открытіе новаго пути въ Китай само по себѣ представляло неисчислимыя выгоды. Но этотъ первый шагъ былъ лишь отправной точкой для будущихъ работъ. «Такимъ-то образомъ, говоритъ онъ въ одномъ изъ сообщеній своихъ географическому обществу, — я мечталъ о привлеченіи въ эти края мощной французской колонизаціи, которая, пользуясь благодѣяніями доступа въ страну, содѣйствовала-

бы упроченію этого открытія. Работы хватило-бы для*каждаго, и много громаднѣхъ состояній могло-бы быть создано. Я уже видѣлъ себя прокладывающимъ желѣзныи путь по долинѣ Красной рѣки и истощающимъ всѣ способы, чтобы окончательно и непоколебимо осуществить любимую мечту моей жизни... Я видѣлъ въ этомъ не одно усиленіе вліянія Франціи, но и вопросъ челоуѣчности.

«Высокимъ и прекраснымъ казалось мнѣ приобщеніе къ благамъ цивилизаціи полуварварскихъ народовъ, вполне готовыхъ выйти изъ мрака, въ которомъ пребываютъ, чтобы идти къ свѣту современныхъ идей, и я гордился тѣмъ, что мнѣ выпало на долю доставить Франціи случай лишній разъ и блестящимъ образомъ проявить свое призваніе, заключающееся, повидимому, въ завоеваніи путемъ интеллекта всѣхъ обездоленныхъ народовъ».

Въ то время послѣдствія франко-германской войны не позволяли Франціи вмѣшаться въ тонкинскія дѣла. Правительство ограничилося тѣмъ, что высказало пожеланія относительно успѣха предпріятія и обѣщало путешественнику военное судно, которое должно было придать ему въ глазахъ аннамитовъ надлежащій авторитетъ, приличествующій эмиссару китайскаго правительства.

Взявъ грузъ оружія и военныхъ снарядовъ, Дююки отплылъ въ Китай и высадился въ Шанхаѣ, обширномъ складочномъ пунктѣ страны, гдѣ купилъ двѣ канонерки, паровую шлюпку и китайскую джонку. Условія переѣзда экспедиціи были установлены съ королевскимъ комиссаромъ, представителемъ Тю-Дюка. Недоставало только санкціи самого короля, но и эта формальность должна была совершиться дней чрезъ пятнадцать. Прошло назначенное время, и стали просить новыхъ отсрочекъ. Но Дююки близко зналъ аннамитовъ; онъ зналъ, что вся ихъ дипломатія заключалась въ изобрѣтеніи увертокъ и проволочекъ.

Ихъ недобросовѣстность и двуличіе обратились въ пословицу на крайнемъ Востокѣ. Поэтому онъ рѣшилъ ѣхать во всякомъ случаѣ и извѣстилъ вице-короля о своемъ намѣреніи. Вице-король явился къ нему немедленно самъ, въ роскошномъ паланкинѣ, окруженный многочисленнымъ конвоемъ, блиставшимъ красными, зелеными и желтыми куртками. Онъ былъ какъ нельзя болѣе любезенъ, привезъ въ подарки рисъ, свинины, цыплятъ, утокъ и пригласилъ путешественника на слѣдующій день къ себѣ, завтракать. На другой день онъ снова явился съ тѣмъ-же конвоемъ; онъ былъ верхомъ и для торжественнаго случая надѣлъ золотое платье сверхъ обычнаго костюма. Послѣ завтрака его пригласили осмотрѣть шлюпку. Осмотрѣвъ ее, онъ вернулся на свою лодку, и, стоя въ ней, наблюдалъ за тѣмъ, какъ

шлюпка «сама собою поѣдетъ». Свистокъ машины произвелъ такую панику, что неуспѣвшая сойти со шлюпки свита короля бросилась въ воду, чтобы добраться до своихъ лодокъ. Переполохъ былъ всеобщій.

Бѣдный вице-король упалъ навзничь, крича людямъ, чтобы они какъ можно скорѣе везли его къ берегу.

Во все время переѣзда, мандарины изобрѣтали всякія затрудненія для экспедиціи. Несмотря на это, 22-го декабря 1872 года, Дююи бросилъ якорь на рейдѣ тонкинской столицы, Ганоя.

При видѣ этой горсти людей, которые, несмотря на сопротивленіе аннамскихъ властей и всякія препятствія на ихъ пути, достигли самого сердца края, ужасъ объялъ мандариновъ. Съ этимъ ужасомъ могла сравниться только радость туземцевъ, видѣвшихъ въ пришельцахъ своихъ избавителей. По крайней мѣрѣ, это утверждалъ Дююи въ лекціи о Тонкинѣ, прочитанной имъ въ Сентъ-Мандѣ, близъ Парижа. Мандарины распространяли слухъ о томъ, что въ прибывшихъ судахъ спрятано множество солдатъ, которые не показываются на палубѣ. Увѣряли также, что вмѣстѣ съ солдатами привезены и адскія машины, съ цѣлью поджечь городъ и истребить жителей. Все это, очевидно, говорилось для удаленія населенія изъ города и изолированія отъ нихъ французовъ.

Въ то-же время отданъ былъ приказъ—подъ страхомъ смертной казни не доставлять имъ никакихъ припасовъ, ничего необходимаго и вмѣстѣ съ тѣмъ приступлено было и къ обширнымъ военнымъ приготовленіямъ.

Дююи сумѣлъ вынутаться изъ всѣхъ этихъ затрудненій. Онъ перегрузилъ свою кладь на нѣсколько китайскихъ джонокъ, которыя ему пришлось взять реквизиціей, оставилъ свои суда на ганойскомъ рейдѣ, подъ начальствомъ помощника, и 18-го января 1873 года отправился въ Юнанъ съ десятью французами и тридцатью туземцами.

Во время пути, толпы солдатъ, возбужденныхъ мандаринами, сдѣлали ему враждебную манифестацію, но напасть не посмѣли.

Что касается китайскихъ мятежниковъ, то, при видѣ пушекъ, они тотчасъ-же присмирѣли. Поднимаясь вверхъ по рѣкѣ, онъ посѣтилъ независимыхъ горцевъ, живущихъ по сосѣдству съ китайской границею и сдѣлавшихъ ему ранѣе такой дружескій пріемъ, и, наконецъ, достигъ Юнана, успѣвъ констатировать по пути существованіе самыхъ разнообразныхъ рудъ: свинцовыхъ, серебряныхъ, мѣдныхъ, желѣзныхъ, золотыхъ, а также и мраморныхъ ломокъ.

16-го марта, онъ въѣхалъ въ столицу, при громадномъ стече-

ни жителей и всѣхъ именитыхъ представителей города, привѣтствовавшихъ его, какъ «вѣстника счастья».

Когда три мѣсяца спустя онъ вернулся въ Ганой, опасность приняла еще болѣе грозный характеръ. Дерзость аннамитовъ усилилась вслѣдствіе прибытія пресловутаго Нгуэнь-тце-Фу.

Этотъ лучший изъ генераловъ Тю Дюка прославился счастливымъ походомъ противъ инсургентовъ въ 1881 году и въ особенности продолжительною и успѣшною борьбою противъ французскихъ войскъ въ провинціи Сайгонѣ. Онъ питалъ смертельную ненависть къ французамъ и къ христіанамъ вообще. Ободренные его присутствіемъ аннамиты ежедневно разставляли заставы людямъ экспедиціи. Моряки не могли показаться на улицѣ, не подвергаясь немедленнымъ нападеніямъ; аннамиты пытались отравить имъ воду и освобождали изъ тюремъ опасныхъ злоумышленниковъ, подъ условіемъ, что тѣ станутъ поджигать дома французовъ.

Почти каждую ночь повторялись попытки этого рода. Противъ судовъ направлялись поджигательные плоты. Каждый заподозрѣнный въ сочувствіи къ французамъ туземецъ заключался въ тюрьму, осыпаясь палочными ударами.

Въ то-же время мандарины по всему Тонкину собирали милицію, которую стягивали затѣмъ къ Ганой. Всѣ кварталы города были переполнены, гарнизонъ цитадели—усиленъ, тревоги—ежедневныя. Наконецъ, и рѣка заграждена была въ нѣсколькихъ мѣстахъ. Однимъ словомъ, Нгуэнь-Тце-Фу былъ увѣренъ, что добыча не уйдетъ отъ него.

Въ эту-то минуту Дюшии вернулся въ городъ Ганой.

Узнавъ въ какомъ положеніи дѣла, онъ понялъ неминуемость опасности и нашелъ, что выйти изъ нея поможетъ только отвага.

Наканунѣ его пріѣзда, Нгуэнь издалъ прокламацію, въ которой, между прочимъ, значилось слѣдующее: «Я истреблю ихъ родъ съ корнемъ». И далѣе: «Если они не уйдутъ, я прикажу изрѣзать ихъ на мелкіе кусочки». Въ Тонкинѣ, если прокламація непосредственно исходитъ отъ высокопоставленнаго лица, надъ нею вѣшаютъ обыкновенно зонтикъ этого лица, для внушенія народу большаго почтенія. Такимъ образомъ, авторъ прокламаціи какъ-бы самъ говорить съ толпою и коснуться такой прокламаціи или зонтика, которые къ тому-же охраняются солдатами, считается такимъ-же преступленіемъ, какъ и оскорбленіе самого лица.

Взявъ съ собою нѣсколькихъ изъ своихъ людей, Дюшии отправился сорвать и зонтикъ и объявленіе. Приставленные къ нимъ аннамиты часовые поспѣшили убѣжать при его появленіи. Чтобы еще лучше доказать, какъ мало онъ боится Нгуэна и его угрозы,

онъ торжественно несетъ зонтикъ и прокламацію по главнымъ кварталамъ столицы, при звукѣ трубъ и барабановъ, а затѣмъ велитъ зажечь костеръ, куда ихъ и бросаютъ въ присутствіи толпы народа.

Узнавъ затѣмъ, что нѣсколько доставившихъ ему джонки вьетайцевъ были арестованы и заключены въ брѣвность, Дююи, не медля ни минуты, беретъ двѣ пушки и идетъ на цитадель во главѣ шести человекъ. Не успѣлъ онъ установить свои орудія, какъ испуганные мандарины прибѣжали съ просьбою не стрѣлять и отдали ему заключенныхъ. Нѣсколько дней спустя, онъ самъ арестовалъ начальника полиціи, который во главѣ сотни солдатъ подкарауливалъ и забиралъ изолированныхъ матросовъ. Въ другой разъ, желая наказать подпрефекта за дерзость и недоброжелательство, онъ арестовалъ его среди стражи въ тысячу человекъ и разрушилъ подпрефектуру.

Наконецъ, генералъ съ 5—6000 человекъ рѣшился напасть на него въ его собственной квартирѣ. Дююи бѣжалъ, успѣвъ перебить и переранить множество солдатъ. Затѣмъ онъ занялся сооруженіями, воздвигнутыми на рѣкѣ, чтобы помѣшать ему плыть по ней вверхъ. Съ этою цѣлью берега были застроены бастионами, палисадами, ретраншаменами. Дююи разорилъ укрѣпленія, разсѣялъ ихъ защитниковъ ружейными и пушечными выстрѣлами и сжегъ загражденія. Затѣмъ, пройдя послѣдній аннамскій постъ, онъ устроилъ лагерь и расположилъ въ немъ около сотни человекъ для поддержанія и обезпеченія свободы сообщеній.

Между тѣмъ, командовавшій въ Сайгонѣ адмиралъ Дюпре, получивъ отъ аннамитовъ жалобу, въ которой Дююи изображался совершеннымъ пиратомъ, союзникомъ разорявшихъ страну разбойниковъ, — принялъ на себя роль посредника. 11-го октября 1873 года, одинъ изъ лучшихъ офицеровъ, образованный и храбрый Франсисъ Гарнье, отплылъ по направленію къ Гаюи на «Destrées» съ сотнею человекъ матросовъ. Тотчасъ-же по прибытіи своемъ, онъ имѣлъ случай убѣдиться въ недоброжелательствѣ властей. Ему и его отряду назначили квартиру въ плохой гостиницѣ.

Тогда Гарнье выстраиваетъ свой отрядъ предъ воротами цитадели, входитъ туда въ сопровожденіи пятнадцати матросовъ ранѣе чѣмъ успѣли запереть ворота и проникаетъ до самого Нгуэна, который сильно смутился отъ такого внезапнаго вторженія, несмотря на свою храбрость и энергію. Онъ сталъ разспрашивать въ вѣжливости и любезности и доставилъ требуемое отъ него удовлетвореніе.

Но тѣ-же происки, которымъ подвергнулся Дюпюи, возобновились и на этотъ разъ, а равно и боевныя приготовленія. Гарнье захотѣлъ предпринять что-нибудь рѣшительное, а именно нападеніе на цитадель. Изъ Сайгона пришли подрѣвленія и дѣйствительный составъ отряда равнялся 212 человекъ съ 11-ю пушками. Цитадель, на которую долженъ былъ напасть этотъ небольшой отрядъ, представляла собою обширный четырехугольникъ съ бастионами, надъ которымъ господствовала высокая башня. Широкій ровъ окружалъ крѣпость со всѣхъ сторонъ. Эти укрѣпленія были воздвигнуты по планамъ французскихъ офицеровъ и по системѣ Вобана. Множество плохо поставленныхъ пушекъ виднѣлось на стѣнахъ. Нгуэнъ собралъ въ цитадели 6 или 7 тысячъ аннамитовъ, вооруженныхъ кремневыми и другими старыми ружьями, пиками, саблями и т. п. Сила этихъ воиновъ, главнымъ образомъ, опиралась на ихъ количество и на крѣпость стѣнъ. 20-го ноября, въ 6 часовъ утра, канонерки, поставленныя на рейдѣ, открыли огонь. Въ 7 часовъ утра Гарнье и Дюпюи овладѣли цитаделью. Достаточно было одного часа времени для горсти людей, чтобы взять древнюю тонкинскую столицу. Непрiтель оставилъ четыреста выбывшихъ изъ строя людей и болѣе двухъ тысячъ плѣнныхъ. Самъ Нгуэнъ пораженъ былъ осколкомъ бомбы. Онъ умеръ вскорѣ послѣ того. Осаждающіе потеряли одного убитого.

Не считая взятіе Ганои достаточнымъ ручательствомъ за свободу и безопасность торговыхъ сдѣлокъ, Гарнье послалъ часть своего отряда на рекогносцировку, чтобы увѣриться въ содѣйствіи властей въ укрѣпленныхъ пунктахъ дельты. Одинъ офицеръ и нѣсколько пѣхотинцевъ послѣдовательно овладѣли нѣсколькими крѣпостями. Другой—молодой гардемаринъ—явился въ Нинъ-Бингъ, столицу провинціи того-же имени, защищаемую 1,500 солдатами; здѣсь, имѣя съ собою только семь человекъ, этотъ юноша взялъ въ плѣнъ губернатора, окруженнаго своей стражей, и принудилъ сдать крѣпость съ 46-ю пушками, ее защищавшими. Въ нѣсколько дней Гарнье и его офицеры овладѣли большею частью Тонкина; милиція была организована, волонтеры являлись во множествѣ, администрація возобновила свою дѣятельность и, по увѣренію начальниковъ экспедиціи: «тонкинці, полные радости по случаю избавленія отъ своихъ притѣснителей, привѣтствовали отрывавшущя предъ ними эру свободы и благоденствія, подъ покровомъ французскаго флага.

Одинъ городъ Сутэ, центръ провинціи, лежащій къ сѣверо-западу отъ Ганои, остался очагомъ сопротивленія. Аннамскій генералъ принцъ Гуангъ сдѣлалъ его своею главною квартирою и

сосредоточилъ здѣсь значительныя военныя силы, къ которымъ примкнули и нанятые имъ шайки «Черныхъ флаговъ». Эти шайки доходили до самыхъ стѣнъ Ганои, и Гарнье съ нѣсколькими солдатами бросился имъ на встрѣчу. Непріятель обратился въ бѣгство и укрылся въ чащѣ бамбуковыхъ деревьевъ. Гарнье увлекся преслѣдованіемъ, но упалъ въ ровъ, гдѣ его настигли разбойники, изранили его пиками, вырвали ему сердце и отрѣзали затѣмъ голову. Товарищи отстали отъ Гарнье, и когда наконецъ они явились на мѣсто происшествія, «Черныхъ флаговъ» уже тамъ не было. Имъ остался только изуродованный трупъ ихъ начальника. Въ то-же время лейтенантъ Балъни, во главѣ небольшого отряда, направился на китайскій флангъ, чтобы зайти съ тылу. Дойдя до разстоянія нѣсколькихъ километровъ отъ цитадели, китайцы засѣли за небольшимъ землянымъ возвышеніемъ и въ ту минуту, какъ отрядецъ, съ командиромъ во главѣ, подошелъ къ нимъ, сдѣлали общій залпъ, причемъ было ранено и убито нѣсколько человекъ. Офицеръ былъ окруженъ и убитъ.

Между тѣмъ какъ «Черные флаги» носили по всему Тонкину головы Гарнье и его товарищей, а король Тю-Дюкъ награждалъ предводителя разбойничьей шайки званіемъ мандарина, адмиралъ Дюпрэ, опечаленный несчастіемъ, извѣстіе о которомъ только-что получилъ, и опасаясь отвѣтственности, которую навлекалъ на себя, велѣлъ очистить крѣпости и возвратить власть аннамитамъ. Онъ надѣялся, что такой образъ дѣйствія скорѣе приведетъ къ мирной развязкѣ.

15-го марта 1874 г., въ Сайгонѣ, былъ наконецъ подписанъ адмираломъ Дюпрэ и представителемъ короля Тю-Дюка столь давно ожидаемый мирный договоръ. Находясь наканунѣ возвращенія во Францію и не желая возвращаться съ пустыми руками, Дюпрэ согласился на всѣ уступки, которыхъ потребовали посланники. Этимъ договоромъ Франція обязывалась отдать Аннамъ пять паровыхъ судовъ, сто пушекъ, тысячу ружей, боевые снаряды и наконецъ доставить необходимыя для обезпеченія мира и спокойствія въ странѣ силы. Съ своей стороны Аннамъ провозглашалъ свободу католической религіи, открывалъ для торговли порты Ганои, Гаи-Фунга и Ти-наи, а также и судоходство по Красной рѣкѣ. Наконецъ общана была амнистія тѣмъ изъ туземцевъ, которые дѣйствовали за-одно съ французами. 31-го августа того-же года оба правительства подписали и торговый договоръ.

Первое примѣненіе трактата 15-го марта заключалось для Франціи въ томъ, что она должна была обратить свое оружіе противъ самыхъ вѣрныхъ изъ союзниковъ своихъ. Они состояли, глав-

нымъ образомъ, изъ приверженцевъ династїи Лэ, сохранившихъ надежду возвратить престолъ этому древнему туземному роду. Эти приверженцы всегда доброжелательно относились къ Франціи. Въ 1857 г. ихъ вожди просили ея поддержки. Съ тѣхъ поръ неоднократно обращались они и къ дипломатїи французской и къ оружію, надѣясь при ихъ помощи сбросить съ себя ярмо. Последнее предложеніе сдѣлано было Дюпюи и Гарнье: туземцы выражали желаніе сражаться подъ французскими знаменами.

Противъ этихъ-то преданныхъ друзей, по требованію двора Гюэ, начальникъ французскихъ войскъ не поколебался отправить экспедицію.

Ихъ флотилїя была сожжена, сожжены были и селенїя, дававшїя имъ прїютъ. Многіе были перебиты, другихъ преслѣдовали даже въ родныхъ горахъ. Такимъ-то образомъ предпрїятіе, начатое во имя избавленїя притѣсненныхъ отъ ихъ угнетателей, имѣло тотъ печальный результатъ, что Франція сдѣлалась жандармомъ на службѣ угнетателей и помогала, такимъ образомъ, давить угнетаемыхъ.

V.

Нельзя сказать, чтобы другая сторона соблюдала договоръ съ такою-же точностью. Вѣрнѣе было-бы сказать, что онъ остался мертвою буквою со стороны аннамитовъ. Цѣль экспедиціи Гарнье и основа договора заключалась въ открытіи для торговли Красной рѣки. Между тѣмъ, этотъ путь остался закрытымъ, въ большей, чѣмъ когда-либо, мѣрѣ. Вскорѣ суда уже не могли плыть вверхъ, далѣе Ганои. Однако настойчивыя заявленїя не переставали разъяснять французскому правительству истинное положеніе дѣлъ. Въ засѣданїи своемъ, 28-го сентября 1878 г., международный торгово-географическій конгрессъ, собравшїйся въ Парижѣ и состоявшїй изъ множества ученыхъ и официальныхъ делегатовъ главнѣйшихъ государствъ, при единогласномъ одобренїи, выразилъ слѣдующее пожеланіе: «Принимая во вниманіе, что открытый г. Дюпюи тонкинскій путь есть наиболѣе краткій и доступный для слѣдованїя въ юго-западные провинціи Китая и что трактатъ 15-го марта 1874 г., заключенный между Франціей и Аннамомъ, открываетъ этотъ путь для торговли всѣхъ націй, конгрессъ высказываетъ пожеланіе: 1) чтобы на этотъ путь было указано международной торговлѣ; 2) чтобы Франція приняла мѣры къ обезпеченїю соблюденїя трактата».

Къ этому пожеланію присоединились просвѣщенные представители всѣхъ цивилизованныхъ націй. Четыре года спустя,

въ апрѣлѣ, кохинхинскій губернаторъ отправилъ въ Тонкинъ небольшой отрядъ, подъ начальствомъ Ривьера, повидимому съ цѣлью положить предѣлъ набѣгамъ Черныхъ флаговъ. Въ то время, Ривьеръ могъ-бы занять цитадель, не сдѣлавъ ни одного выстрѣла, но онъ рѣшился на это лишь тогда, когда аннамиты сосредоточили въ ней довольно значительныя силы. Крѣпость была атакowana.

Чтобы препятствовать непріятелю двигаться впередъ, аннамиты пускали зажигательныя ракеты, уничтожившія болѣе четырехъ сотъ палыотовъ (легкіе домики изъ бамбука) въ торговой части города. Затѣмъ они заставили тонкинцевъ идти на крѣпостныя стѣны для отраженія нападенія. Тонкинцы потеряли отъ 3 до 400 человекъ. Войска заняли цитадель. Но, нѣсколько дней спустя, Ривьеръ велѣлъ очистить ее и перевелъ войска въ городъ. Очевидно, не имѣлось никакого заранѣе намѣченнаго способа дѣйствія, — отсюда вытекали и повторявшіяся противорѣчія. Впрочемъ, присутствіе французскихъ войскъ ни въ чемъ не измѣнило положенія дѣлъ. Пираты продолжали свои набѣги у береговъ Тонкинскаго залива, а Черные флаги разбойничали по-прежнему на Красной рѣкѣ. Шайки послѣднихъ, поддерживаемыя аннамскими мандаринами, еще усилились отъ прилива всѣхъ мѣстныхъ разбойниковъ. Кто знаетъ, какъ сказалъ въ сенатѣ министръ иностранныхъ дѣлъ Шальмель Лакуръ, — кто знаетъ, не вооружилъ-ли этихъ бандитовъ король Тю-Дюкъ тѣми-же самыми ружьями, которыя были ему предоставлены, въ исполненіе трактата 1874 г.? Болѣе чѣмъ когда-либо, король и мандарины рѣшили оказывать сопротивленіе иностранному вліянію и авторитету. И они поступаютъ совершенно послѣдовательно; они знаютъ, чего хотятъ, и всѣ усилія свои направляютъ къ этой цѣли. Надъ нерѣшительностью и непослѣдовательностью своихъ противниковъ они смѣются. Король Тю-Дюкъ даже выразился слѣдующимъ образомъ по поводу непослѣдовательной политики: «Французы лаютъ какъ собаки и бѣгутъ, какъ козы».

Между тѣмъ, въ засѣданіи 13 марта 1883 г., Шальмель Лакуръ провозглашалъ въ сенатѣ необходимость для Франціи безотлагательнаго открытія Красной рѣки для торговли, такъ какъ аннамское правительство оказывается неспособнымъ въ выполненію принятыхъ имъ въ этомъ отношеніи обязательствъ, и окончательнаго водворенія нашего въ Тонкинѣ, въ качествѣ защитниковъ порядка, безопасности и общественнаго спокойствія. Слова эти, произнесенныя съ трибуны французскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ, имѣли значеніе, котораго не понять никто не могъ. Колоніальная политика Гамбетты возвращалась на сцену въ

лицѣ Шальмель Лакура. Извѣстно, какъ сильно озабочивалъ этотъ вопросъ эксъ-директора. Неоднократно объявлялъ онъ о своемъ намѣреніи читать лекціи о колоніяхъ, о необходимости расширить ихъ и занять Тонкинъ. Первое публичное чтеніе должно было происходить въ Лионѣ, 5 января. За три дня до смерти, одинъ изъ пріятелей, посѣтившихъ Гамбетту, нашелъ его окруженнымъ планами и картами. Больной указалъ пальцемъ на Тонкинъ и сказалъ: «Вотъ гдѣ колоніальная будущность нашей страны». За эту-то мечту принимался теперь старый другъ его Шальмель Лакуръ. Для начала, палата, безъ особенно сильной оппозиціи, ассигновала 5 милліоновъ и 5,000 солдатъ.

Тѣмъ временемъ произошло важное событіе, уничтожившее всѣ сомнѣнія и колебанія. Министръ иностранныхъ дѣлъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ сообщалъ о немъ съ сенатской трибуны: «Я имѣю сообщить о горестномъ происшествіи», сказалъ онъ. «Изрублена горсть отважныхъ солдатъ, героизмъ которыхъ, въ теченіи пятнадцати мѣсяцевъ, возбуждалъ всеобщее вниманіе и восторгъ. Одинъ изъ лучшихъ офицеровъ нашихъ, истинный сынъ Франціи по своему уму и по своей храбрости, доходившей до безпечности, попалъ въ засаду съ нѣсколькими товарищами, что и было причиною непропорціональности нашихъ потерь. Этотъ ударъ, парализировавъ насъ въ такое время, произвелъ глубокое впечатлѣніе на страну». Вотъ какъ было дѣло. Вслѣдствіе оскорбительнаго вызова Лу-у-Винъ-Фуока, предводителя «Черныхъ флаговъ», рѣшена была вылазка. 19 мая, колонна, подъ начальствомъ Ривьера, направилась по сутайской дорогѣ, узкому шоссе, окаймленному деревьями. Внезапно появляется непріятель, засѣвшій въ засаду по обѣимъ сторонамъ дороги, и открываетъ огонь на разстояніи пятидесяти метровъ. Въ одну минуту дорога была усыяна убитыми и ранеными. Ривьеръ велитъ трубить отбой. Самъ онъ былъ раненъ въ голову, когда защищалъ горныя орудія, находившіяся во главѣ отряда. Орудія были спасены, но всѣ усилія унести раненаго начальника оказались тщетными. Онъ остался въ рукахъ аннамитовъ. Страшные рассказы дошли о мученіяхъ, которымъ подвергли его враги. Изуродовавъ его, они посадили на колъ, и этотъ всѣми уважаемый и любимый человекъ умеръ среди ужасающихъ мученій. Двѣнадцать остальныхъ плѣнниковъ подверглись той-же участи.

На томъ-же мѣстѣ и послѣ такого-же вызова погибъ нѣсколько лѣтъ назадъ Гарнье. Ему устроилъ засаду тотъ-же самый предводитель «Черныхъ флаговъ» Лу-у-Винъ-Фуокъ. Но на этотъ разъ дѣло имѣло инныя послѣдствія. Въмѣсто отступленія, положили идти

впередъ, и съ того дня присоединеніе Тонкина было дѣломъ рѣшеннымъ для французскаго правительства.

VI.

Первыми мѣрами, о которыхъ, казалось-бы, слѣдовало озаботиться, должны-бы быть мѣры, имѣющія цѣлью обезпеченіе доброжелательства или, по крайней мѣрѣ, нейтральности сосѣднихъ державъ. Находясь между громадной Китайской имперіей и почти такими-же обширными индійскими и индо-китайскими владѣніями, Тонкинъ не могъ быть безразличнымъ ни для той, ни для другой имперіи. Что касается собственно Китая, то соглашеніе съ нимъ было особенно важно, какъ первое условіе *sinè qua* поп успѣха предпріятія. Какую цѣль можетъ имѣть колониальное расширение, какъ не открытіе сбыта для національной торговли? Завоеваніе Тонкина или протекторатъ надъ нимъ должны были имѣть прежде всего цѣлью открытіе внутреннее торговое сообщеніе съ Китаемъ, посредствомъ свободнаго судоходства на Красной рѣкѣ. До сихъ поръ и не существовало для этого дѣла иной точки зрѣнія. Взять Тонкинъ помимо согласія пекинскаго правительства—это значило закрыть для себя Китай и повернуться, такъ сказать, спиной къ цѣли, которой желали достигнуть и которая составляла единственную «причину существованія» дѣйствій въ тѣхъ краяхъ.

Между тѣмъ, настроеніе Китая, столь благопріятное вначалѣ, не осталось въ такомъ видѣ. Напротивъ, пока дѣло шло только объ изслѣдованіи Красной рѣки и обезпеченіи ея безопасности, Небесная имперія оказала поддержку и своимъ авторитетомъ, и своими солдатами; но съ тѣхъ поръ какъ обнаружались завоевательныя стремленія, мѣсто доброжелательства заступили враждебныя чувства. Это выразилось въ приказѣ китайскимъ войскамъ перейти границу. Дѣло было въ ноябрѣ 1882 г. Съ той минуты война между Китаемъ и Франціей казалась неизбежной и французскій посланникъ въ Пекинѣ, г. Бурэ, весьма уважаемый и свѣдущій въ китайскихъ дѣлахъ дипломатъ, долженъ былъ пустить въ ходъ всю свою ловкость и искусство, чтобы избѣжать столкновенія. 5-го декабря онъ телеграфировалъ: «Полагаю, что опасность устранена. Сопротивленіе было упорное». Послѣ долгихъ переговоровъ, онъ добился проекта соглашенія и 29-го числа того же мѣсяца, посылалъ краткое резюме въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Посылаю проектъ конвенціи, выработанной вмѣстѣ съ вице-королемъ Пе-Чи-Ли и принятый Тзонгли Іаменомъ: открытіе доступа въ Юнань; признаніе протектората Франціи надъ Тонки-

номъ, за исключеніемъ подлежащаго обозначенію района вдоль китайской границы; взаимная гарантія такого положенія вещей противъ всякихъ извнѣ исходящихъ предпріятій». Новая депеша, помѣченная 30-мъ января, заключала въ видѣ *memorandum*'а болѣе полныя разъясненія и опредѣляла цѣлымъ рядомъ статей различныя условія сдѣлки. Прежде всего условлено было, что находящіяся въ Тонкинѣ китайскія войска будутъ выведены оттуда къ сѣверу, въ соответствующія провинціи, предѣлы которыхъ они не должны будутъ переступать далѣе извѣстнаго разстоянія. Съ своей стороны французское правительство должно заявить, что оно не имѣетъ никакихъ присоединительныхъ стремленій, по отношенію къ Аннаму и что у него нѣтъ намѣренія посягать на верховную территориальную власть короля Тю-Дюка. Съ такими оговорками Франція пріобрѣтала девять десятыхъ Тонкина; сверхъ того, ей даровались чрезвычайныя преимущества и льготы для торговли съ сосѣдними провинціями. При такихъ условіяхъ тонкинская экспедиція происходила безъ всякихъ враждебныхъ дѣйствій; китайское правительство сохраняло свое достоинство и престижъ въ глазахъ своего народа. Всѣ интересы были согласованы и важный съ довѣріемъ ожидалъ исхода переговоровъ. Въ благопріятномъ исходѣ сомнѣвались такъ мало, что, не ожидая официальной ратификаціи трактата, китайскія войска отодвинулись и мало по малу исчезли изъ Тонкина.

Какъ вдругъ положеніе вещей измѣняется. Изъ Парижа получается телеграмма, въ которой высказывается неодобреніе дѣйствіемъ посланника, и его отзываютъ. Другая телеграмма отдаетъ приказъ флоту открыть военныя дѣйствія. Для начала были задержаны китайскія суда, торговавшія съ Тонкиномъ, и захвачены грузы риса, который они везли. Франція, такимъ образомъ, становилась на военное положеніе по отношенію къ Китаю.

Отвѣтъ не заставилъ себя долго ждать. Какъ только сдѣлалось извѣстно громкое порицаніе, заслуженное благоразумной политикой французскаго посланника, дѣла приняли другой оборотъ, и Китай болѣе или менѣе открыто сталъ готовиться къ войнѣ. Въ первыхъ числахъ апрѣля совѣтъ министровъ, собравшійся въ Пекинѣ, рѣшилъ привести на военное положеніе всѣ китайскія войска. Вооруженія залива Петчины, и безъ того весьма серьезныя, стали еще усиливаться, такъ что доступъ въ него долженъ былъ сдѣлаться невозможнымъ.

Двѣнадцать тысячъ китайскихъ войскъ возвращались въ Тонкинъ, чтобы замѣнить тѣ, которыя были отозваны вслѣдствіе переговоровъ Бурэ, и эти двѣнадцать тысячъ были лишь передовымъ отрядомъ арміи, которая доходила до 80—100,000 человекъ.

и была готова къ открытію кампаніи. Ранѣе чѣмъ Франція могла бы приготовиться къ серьезному наступленію, войска эти успѣли бы расположиться по всей долинѣ Сонгъ-Кюи. Напрасно будутъ ихъ считать «Черными флагами»; если китайцамъ будетъ невыгодно дѣйствовать открыто, — они покажутъ себя, когда придется вытѣснять ихъ изъ позицій и когда, безпрестанно отступая къ Юнану, они станутъ постоянно возвращаться съ силами, превосходящими тѣ, которыя могутъ быть имъ противопоставлены. Дѣятельность, кипящая въ настоящее время въ китайскихъ учебныхъ лагеряхъ, достаточно указываетъ на то, какія подкрѣпленія имъ готовятъ.

Когда рѣчь заходитъ о китайской арміи, европейская публика неминуемо считаетъ долгомъ улыбнуться. Всѣ помнятъ каррикатуры, наполнявшія иллюстрированныя изданія, во время ссоры, загорѣвшейся между Франціей и Пекиномъ въ 1860 г. Послѣ того, величайшимъ военнымъ усиленіемъ Китая было можно считать военныя дѣйствія, вызванныя въ 1874 г. японской экспедиціей на Формозѣ, и, по свидѣтельству иностранцевъ-очевидцевъ, никогда, даже во времена лиги, не видывали такихъ безконечныхъ процессій оборванцевъ и такихъ коллекцій страннаго по виду и покрытаго ржавчиной оружія.

Но съ тѣхъ поръ все это радикально измѣнилось. Три года тому назадъ, китайское правительство поставило себѣ задачей реорганизовать свою армію и свои военныя учрежденія. Оно приобрѣло значительное количество скорострѣльныхъ ружей и сдѣлало крупныя заказы нѣмецкимъ заводамъ. Стараніями китайскаго посланника въ Берлинѣ, многія изъ германскихъ военныхъ сочиненій были переведены на китайскій языкъ. Въ 1881 г. въ Тіэнтзинѣ основана была военная школа; два китайскихъ офицера и отставной унтеръ-офицеръ нѣмецъ составляли преподавательскій персоналъ. Нѣсколько мѣсяцевъ спустя, вице-король той-же провинціи производилъ смотръ дополнявшимъ тамъ свое образованіе войскамъ: 3 баталіонамъ пѣхоты, 2 артиллерійскимъ батареямъ и 2 эскадронамъ кавалеріи. Маневры оказались весьма удачными, и это не должно удивлять, такъ какъ китайскій солдатъ крайне воспріимчивъ къ ученью. Обучавшіеся въ Тіэнтзинѣ были отправлены въ полки, гдѣ сдѣлались инструкторами, на манеръ *drill sergeant*'овъ англійскихъ войскъ. Рядомъ съ улучшеніемъ военного образованія, шло увеличеніе цифры дѣйствительнаго состава арміи, причѣмъ сохранялось прежнее дѣленіе. Цифра эта доведена была до 1.290,000, что, впрочемъ, не особенно много для государства съ 400 миллионнымъ населеніемъ. Вся армія дѣлится на 24 корпуса (сверхъ того имѣется еще императорская гвардія)

и подраздѣляется на 300,000 пѣхоты, 400,000 нерегулярной пѣхоты, 500,000 кавалеріи, 17,000 артиллеріи, 32,000 моряковъ, 30,000 резервовъ и 11,000 офицеровъ.

Китайскій флотъ также уже не тотъ, каковъ былъ въ 1860 г. Кромѣ большого числа военныхъ джонокъ, весельныхъ и парусныхъ, специально назначаемыхъ для полицейскаго надзора за морскимъ берегомъ и рѣками и бесполезныхъ въ войнѣ съ европейскою державою, Небесная Имперія владѣетъ весьма почтеннымъ, и въ качественномъ и въ количественномъ отношеніи, паровымъ флотомъ. Первые суда были выстроены французскими офицерами; затѣмъ обратились къ Англіи, и сэръ Вильямъ Армстронгъ доставилъ китайцамъ извѣстное количество вполнѣ вооруженныхъ канонерокъ. Теперь китайцы обращаются съ своими заказами къ Германіи. Фирма «Вулканъ» въ Штетинѣ строитъ броненосцы, Крупнъ—снабжаетъ артиллерію, а вильскій арсеналъ довершаетъ вооруженіе. Въ настоящее время Китай можетъ располагать 2 броненосными корветами, 2 стальными крейсерами, 8 армстронговыми канонерками, двумя другими англійскими канонерками, 4 минососками, 6 деревянными фрегатами, 6 транспортными пароходами. Сверхъ того, кантонская флотилія можетъ выставить 14 вооруженныхъ канонерокъ системы Вавассера и 13 строящихся въ фу-чонскомъ арсеналѣ транспортныхъ судовъ. Наконецъ торговля суда *China merchant Company*'и, въ количествѣ 40, могутъ быть употреблены для перевозки войскъ и военныхъ снарядовъ.

Прибавимъ къ этому, что весьма серьезныя мѣры были приняты для защиты береговъ. Устья рѣкъ снабжены прекрасными укрѣпленіями. При входѣ въ Пе-Тангъ, Пе-Го, у стоящаго при впаденіи нѣсколькихъ рѣкъ Шанхая, Нингъ-По и Фучана, были воздвигнуты новыя и дополнены старыя укрѣпленія. Надлежащее употребленіе торпедъ обрѣкло-бы на бездѣйствіе непріятельскій флотъ, подобно тому, какъ то случилось съ французскимъ флотомъ въ Сѣверномъ морѣ въ 1870 г.

Персоналъ флота также заслуживаетъ вниманія. Большая часть судовъ имѣютъ командирами европейцевъ. Ежегодно фучанскій арсеналъ поставляетъ извѣстное количество молодыхъ китайскихъ офицеровъ, получившихъ европейское образованіе; другіе окончили образованіе въ англійскомъ флотѣ.

Таковъ непріятель, котораго Франція добровольно навязала себѣ, между тѣмъ какъ всѣ интересы ея повелѣвали щадить его, елико возможно. Такая ошибка, по истинѣ, могла-бы назваться необъяснимой, если-бы не было извѣстно, что въ нашъ, по преимуществу гуманитарный вѣкъ, за словами гуманность и прогрессъ, на которыя безпрестанно ссылаются, постоянно укрываются част-

ныя соображенія. Они-то и составляютъ дѣйствительный двигатель, между тѣмъ какъ все остальное есть только ярлыкъ, или, какъ говорятъ, отводъ глазъ. Такъ и съ Тонкиномъ. Открыть новый путь національной и международной торговлѣ — цѣль, безъ сомнѣнія, похвальная, и она могла быть встрѣчена только одобреніемъ. Избавить несчастныхъ тонкинцевъ отъ гнуснаго притѣсненія — это еще соблазнительнѣе и положительно должно было доставить предпріятію популярность. На самомъ-же дѣлѣ, если поискать настоящей причины всей агитаціи, возникшей съ нѣкоторыхъ поръ вокругъ этого вопроса, то здѣсь, какъ и въ тунисскомъ дѣлѣ, положена въ основу идея частной спекуляціи, вполне чуждая интересамъ страны и интересамъ гуманитарнымъ, а еще болѣе благу злополучныхъ тонкинцевъ. При нѣкоторой рѣшимости и нѣсколькихъ тысячахъ солдатъ, опираясь сверхъ того на авторитетъ Китая, можно-бы въ достаточной степени импонировать королю Ть-Дюку и обезпечить свободное судоходство по Красной рѣкѣ. Но главная привлекательность Тонкина заключалась въ каменноугольныхъ копяхъ и золотыхъ самородкахъ. Ажіотеры уже подѣлили всѣ эти богатства; они намѣтили участки, концессіи которыхъ собирались просить у правительства. Увѣряютъ даже, что нѣкоторые уже и перепродали ихъ подъ рукою, ранѣе чѣмъ приобрѣли увѣренность получить ихъ: Между тѣмъ трактатъ Бурэ являлся разрушителемъ ихъ плановъ. Императоръ Ть-Дюкъ, оставаясь господиномъ своей страны, тѣмъ самымъ разрушалъ мечты концессионеровъ. Поэтому, прежде всего, необходимо было вызвать войну, которая позволила-бы вырвать у аннамитовъ силою то, въ чемъ они отказывали до сихъ поръ убѣжденію. Смерть Ривьера какъ разъ подоспѣла во-время, чтобы облегчить дѣло этимъ карманникамъ высшаго финансоваго міра. Какая реклама и какой великолѣпный поводъ для предложенія цѣлебнаго средства: «Вашихъ братьевъ избиваютъ! Скорѣе дюжину броненосцевъ, дюжину фрегатовъ и двадцать пять канонерокъ, а ко всему этому пятьдесятъ тысячъ экипажа. Намъ нельзя медлить, когда дѣло идетъ о возстановленіи престижа нашего знамени!»

А палата, въ припадкѣ бѣшенаго патриотизма, восклицаетъ: «знамя... да разумѣется надо его спасти, надо отомстить за Ривьера и наказать дикарей, которые посадили его на колъ. И войско, и броненосцевъ, и миліоны — вамъ всего дадутъ, сколько вы хотите!»

Но, замѣчаютъ нѣкоторые нескромныя, Китай волнуется. «Тѣмъ лучше!» говорятъ про себя спекулянты на копи и розсыпи; «вѣдь Китай имѣлъ претензію присвоить себѣ, подъ именемъ нейтральнаго района, полосу аннамской земли, и именно самую богатую, на которой основаны были наши лучшія надежды. И еще хо-

тѣли заключать договоръ на подобныхъ основаніяхъ. Прочь—Бурэ и да здравствуетъ война съ Китаемъ! Каждый добрый французъ долженъ кричать теперь: «въ Пекинъ», какъ нѣкогда кричалъ: «въ Берлинъ!» И затѣмъ подновляютъ старинныя шутки надъ китайской арміей и находятъ министра иностранныхъ дѣлъ, увѣряющаго, что всякія опасенія лишены основанія, призрчны.

«А какъ-же Англія? продолжаютъ возражать. Нельзя вѣдь отрицать, что она принимаетъ достаточно грозный видъ и объявляетъ всѣмъ, желающимъ слушать, что если Китай будетъ воевать съ нами, то она ни за что не отвѣчаетъ».

«А Германія? Италия? А тройственный союзъ?—А все, что въ настоящую минуту замышляется въ Европѣ? Развѣ не чувствуется теперь какъ-бы общаго сотрясенія на всѣхъ пунктахъ нашего материка? Не видно-ли руки, тайно двигающей, и макіавелистической мысли, ждущей для своего проявленія только минуты, когда Франція будетъ занята въ далекихъ краяхъ и одновременно въ трехъ или четырехъ мѣстахъ?»

Но для спекуляціи, этой царицы нашихъ дней, все это пустяки, и на самыя основательныя доводы она отвѣчаетъ: «Честь и знанія», что въ ея устахъ означаетъ: «каменный уголь и золотые самородки».

Жика.

НАУЧНАЯ ХРОНИКА.

Микроскопическіе организмы, населяющіе воздухъ.—Война противъ туберкулезной бациллы.— Ея діагностическое и прогностическое значеніе.— Заразительныя свойства мокроты чахоточныхъ.— Прививаніе бугорчатки обезьянамъ.— Причины яркой окраски тѣла у нѣкоторыхъ животныхъ, населяющихъ глубины моря.— Отпечатки ногъ третичнаго человѣка.— Человѣкъ будущаго.

Бактеріи, бактеріи, бактеріи безъ конца, бактеріи всюду! — Вкусивъ отъ плодовъ древа знанія, вооружившись микроскопомъ и заглянувъ въ область незримаго при обыкновенныхъ условіяхъ міра, человѣкъ, уже мнившій себя царемъ природы, побѣдившій и льва, и тигра, и многихъ другихъ опасныхъ хищниковъ, съ ужасомъ увидѣлъ, что вокругъ него, въ каждой частичкѣ воздуха, въ принимаемой имъ пищѣ и даже въ его собственномъ организмѣ гнѣздятся, живутъ и размножаются съ изумительною быстротою мириады враговъ, неуловимыхъ и невидимыхъ, благодаря своимъ микроскопическимъ размѣрамъ, непобѣдимыхъ и бессмертныхъ, благодаря многочисленности и необыкновенно быстрому размноженію. А тутъ еще оказывается, что большинство заразительныхъ болѣзней, а можетъ быть даже и всѣ, обуславливаются специфическими бактеріями. Вообразите себѣ положеніе человѣка, у котораго глаза вдругъ пріобрѣли всѣ свойства сильнаго микроскопа. Онъ видитъ, какъ съ каждымъ дыханіемъ въ легкія его врываются густыя тучи всевозможныхъ бактерій, бациллъ и споръ, между которыми, быть можетъ, находятся паразиты тифа, дифтерита, бугорчатки, сибирской язвы и тому подобныя прелести; въ пищѣ кишмя кишатъ все тѣ-же бактеріи; въ деревнѣ, на дачѣ еще нѣсколько легче; тутъ бактеріи носятъ въ воздухѣ въ видѣ довольно рѣдкой сѣти; но въ городѣ отъ нихъ просто проходу нѣтъ; въ комнатѣ ступить некуда; бактеріи обступаютъ царя природы со всѣхъ сторонъ, лѣзутъ въ ротъ, въ носъ, въ уши, забиваются подъ вѣки, скрываются на зубахъ и чуть не застилаютъ солнца. Я думаю, что такой человѣкъ неминуемо и очень скоро сошелъ-бы съ ума. Свезли-бы его въ больницу; но тамъ невыносимый кош-

марь достигъ-бы еще болѣе ужасныхъ размѣровъ. Весь воздухъ больничной палаты представился-бы ему сплошь наполненнымъ густыми роями всевозможныхъ зародышей, между которыми уже навѣрное оказалось-бы немало специфическихъ паразитовъ разныхъ заразительныхъ болѣзней. — Къ счастью для нашего душевнаго спокойствія, мы еще обладаемъ способностью забывать по временамъ объ открытіяхъ современной науки, поддаваться нѣкоторымъ иллюзіямъ и воображать иногда, что дышимъ чистымъ воздухомъ. Въ противномъ случаѣ мы-бы положительно были обречены на мучительное существованіе человѣка, одержимаго маніей преслѣдованія.—Но, какъ-бы то ни было, фактъ остается фактомъ, атмосфера дѣйствительно наполнена мириадами зародышей, и намъ приходится утѣшаться развѣ только тѣмъ, довольно впрочемъ всѣскимъ, соображеніемъ, что не такъ однако-же и страшны эти бактеріи, если ихъ можно вдыхать тысячами, милліонами въ теченіи десятковъ лѣтъ, въ теченіе цѣлой жизни и во многихъ случаяхъ все-таки оставаться совершенно здоровымъ; что здоровый, крѣпкій человѣкъ, поставленный во всѣхъ остальныхъ отношеніяхъ въ нормальныя условія, обладаетъ значительною силою сопротивленія, которая позволяетъ ему побѣдоносно выдерживать борьбу не только съ кровожадными хищниками, но и съ невидимыми паразитами разныхъ смертельныхъ болѣзней; а кромѣ того не слѣдуетъ забывать, что болѣзнетворнымъ характеромъ обладаютъ далеко не всѣ бактеріи, и что огромное большинство организмовъ, наполняющихъ вдыхаемый нами воздухъ, по всей вѣроятности совершенно безвредны для человѣка. Что-же касается численности этихъ микроскопическихъ организмовъ, сопровождающихъ насъ на каждомъ шагу, то недавнія изслѣдованія доктора Микеля. *) въ парижской обсерваторіи Монсури привели этого ученаго къ такимъ поразительнымъ цифрамъ, которыя положительно способны навести ужасъ на человѣка, обладающаго нѣсколько живую фантазіей. Близкіе къ земной поверхности слои атмосферы, какъ извѣстно, наполнены всевозможными микроскопическими тѣлами, минеральными, растительными и животными, количество которыхъ измѣняется соотвѣтственно съ перемѣною времени года, состояніемъ атмосферы и различными метеорологическими явленіями, какъ дождь, направленіе вѣтра и т. п. Такъ, напримѣръ, споры встрѣчаются въ 1 к. метрѣ воздуха приблизительно въ числѣ 14,200; но число это подвержено значительнымъ колебаніямъ въ различныя времена года, такъ что, зимою 1 куб. метръ воздуха содержитъ среднимъ чи-

*) *Les organismes vivant de l'atmosphère*, par M. P. Miquel, chef du Service micrographique de l'observatoire de Montsouris.—Paris. 1883.

сломъ 6,200 споръ, весной — 13,000, лѣтомъ—28,000, а осенью—9,800. Но присутствіе въ воздухѣ споръ, цвѣтной пыли, шерстяныхъ и шелковыхъ волоконъ и т. п. не имѣетъ того интереса и значенія, какъ присутствіе бактерій, въ особенности съ тѣхъ поръ, какъ стало извѣстно, какую роль играютъ эти низшіе организмы въ эпидемическихъ болѣзняхъ. Въ противоположность примѣшаннымъ къ воздуху спорамъ низшихъ тайнобрачныхъ растений бактеріи особенно многочисленны въ атмосферѣ въ сухую погоду. Кромѣ того во время наблюденія, производившихся въ Монсури, число бактерій оказывалось зависящимъ отъ направленія вѣтра, по весьма понятной причинѣ. Дѣло въ томъ, что при одномъ направленіи вѣтра, изслѣдуемая масса воздуха, прежде чѣмъ достигнуть обсерваторіи, должна была пронестись надъ значительной частью Парижа и, такъ сказать, нагрудиться бактеріями, при другомъ-же—воздухъ проходилъ только надъ предмѣстіями и достигалъ обсерваторіи въ сравительно чистомъ видѣ. При южномъ вѣтрѣ въ 1 куб. метрѣ воздуха надъ обсерваторіей оказывалось отъ 42 до 77 бактерій, а при сѣверномъ—отъ 108 до 152. Подвергнувъ затѣмъ такому-же изслѣдованію воздухъ другихъ частей города, Микель пришелъ къ тому выводу, что парижскій воздухъ содержитъ среднимъ числомъ въ девять или въ десять разъ больше бактерій, чѣмъ воздухъ мѣстностей, находящихся за чертою фортификацій. Напримѣръ, въ Rue de Rivoli на 1 куб. метрѣ воздуха приходится осенью 760 бактерій, зимою—410, весной—940 и лѣтомъ—920, то-есть въ среднемъ—750. Въ Монсури, какъ мы уже видѣли, соотвѣтственное среднее число—75. Самое меньшее число бактерій, которое удавалось встрѣтить Микелю въ парижскомъ воздухѣ въ теченіе своихъ изслѣдованій, равнялось 45 (на 1 куб. метрѣ), а наибольшее—3,000. Въ госпиталяхъ, какъ и слѣдовало ожидать, количество бактерій, носящихся въ воздухѣ, оказалось несравненно больше; здѣсь кубическій метрѣ содержитъ среднимъ числомъ отъ пяти до шести тысячъ особей, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ Микелю приходилось насчитывать ихъ 16 тысячъ, 21 тысячу и даже 28 тысячъ. Какъ ни страшны однако эти цифры съ перваго взгляда, онѣ въ значительной степени утрачиваютъ свой грозный характеръ, если сопоставить ихъ съ результатами тѣхъ опытовъ надъ животными, которые производилъ Микель при помощи того-же воздуха, въ которомъ было констатировано такое громадное количество бактерій. Прививая эти бактеріи животнымъ, онъ никогда не могъ вызвать въ послѣднихъ никакого болѣзненнаго процесса. Фактъ этотъ, разумѣется, еще не исключаетъ возможности, чтобы въ воздухѣ встрѣчались болѣзнетворные организмы, но во всякомъ случаѣ доказываетъ, что такихъ непосред-

ственно вредных бактерій въ немъ немного и что большинство носящихся въ атмосферѣ грибковъ или прямо безвредно, или-же утрачиваетъ свои заразительныя свойства подѣ влияніемъ кислорода.

Къ числу самыхъ убійственныхъ паразитовъ человѣческаго организма принадлежитъ туберкулезная бацилла Коха, о которой намъ уже приходилось упоминать мимоходомъ въ одной изъ нашихъ прошлогоднихъ хроникъ *). Этотъ паразитъ, порождающій и распространяющій чахотку, несомнѣнно также встрѣчается въ воздухѣ, и послѣ открытія Коха, указавшаго на присутствіе туберкулезной бациллы въ мокротѣ чахоточныхъ и на возможность передачи чахотки путемъ вдыханія воздуха, въ которомъ носятся частичка высушенной мокроты, борьба противъ возрастающаго распространенія чахотки естественно сводится къ двумъ главнымъ задачамъ: во-первыхъ — болѣе, чѣмъ прежде, заботиться объ общихъ гигиеническихъ мѣрахъ и о гигиенѣ дыхательныхъ органовъ, такъ какъ люди, наклонные къ бронхитамъ, люди съ слабою грудью, предрасположенные къ простудамъ, заражаются несравненно легче, чѣмъ крѣпкіе субъекты съ здоровыми легкими; а во-вторыхъ — тщательно дезинфицировать мокроту и по возможности изолировать чахоточныхъ отъ людей, не пораженныхъ этою болѣзью. Но врачи, и въ особенности нѣмецкіе, не удовольствовались такою скромною программой, не обѣщавшею блестящихъ, бьющихъ въ глаза результатовъ, не сулившую въ ближайшемъ будущемъ возможности радикально излечивать отъ болѣзни, которая до сихъ поръ въ большинствѣ случаевъ оказывалась неизлечимою. Съ доказательствомъ паразитическаго характера бугорчатки передъ практическими врачами и клиницистами открывалась такая соблазнительная перспектива; антисептическій методъ, со всѣмъ его уже многочисленнымъ арсеналомъ средствъ, начиная съ пресловутой карболки и кончая перекисю водорода, такъ естественно напрашивался, что устоять было мудрено. Являлся вопросъ, нельзя-ли не только дезинфицировать мокроту больного, не только убивать паразита, уже извергнутаго изъ организма, но доканать его дезинфицирующимъ леченіемъ въ самомъ тѣлѣ больного, въ самыхъ легкихъ, убивать бациллу тамъ, создать и тамъ такия условія, при которыхъ жизнь и развитіе стали-бы для нея невозможны. Вопросъ этотъ, разумѣется, интересный, въ высшей степени важный, и нѣкоторыя попытки разрѣшенія его были-бы не только желательны, но даже прямо обязательны, поскольку ихъ

*) „Дѣло“, № 10, 1882 г.

можно было производить безъ вреда, безъ риска для больного; но въ томъ-то и бѣда, что слишкомъ рьяный врачъ, какъ не въ мѣру услужливой другъ, зачастую опаснѣе врага, тѣмъ болѣе, что даже относительно чистоты и безкорыстности побужденій онъ нерѣдко уступаетъ извѣстному медвѣдю басни. Не говоримъ увсѣхъ, но у многихъ экспериментаторовъ, и особенно у тѣхъ, которые блещутъ стоическою безстрастностью при видѣ страданій больного, подвергаемаго «опыту», такъ называемые интересы науки, яко-бы дающіе право рисковать жизнью человѣка безъ его согласія, обыкновенно сводятся къ интересамъ чисто личнаго свойства,—къ честолюбію, къ желанію прославиться, а хладнокровіе иногда объясняется просто на просто равнодушіемъ къ чужому страданію. Очутившись въ рукахъ такого врача, несчастный чахоточный легко можетъ подвергнуться печальной участи злополучнаго «пустынника»; увлекшись погоней за неподдающею ему микробомъ и войдя въ азартъ, врачъ «не пожалѣетъ живота» больного лишь-бы только не посрамить науки, воплотившейся въ его персонѣ! — На послѣднемъ медицинскомъ конгрессѣ въ Висбаденѣ докторъ Френцель представилъ между прочимъ докладъ объ опытахъ, которые производились въ Берлинѣ, въ госпиталѣ Charité, для отысканія средствъ, способныхъ задерживать развитие легочной чахотки. Съ этою цѣлью туберкулезныхъ больныхъ по цѣлымъ мѣсяцамъ заставляли вдыхать пары различныхъ лекарственныхъ веществъ, перепробовали бензолъ, камфору, нафталинъ, ерезотъ, анилинъ, карболовую кислоту, ртутные препараты, не достигнувъ никакихъ успѣшныхъ результатовъ. Вредно отзывались на состояніе пациентовъ, по увѣренію Френцеля, только вдыханія анилина, которыя влекли за собою анемію; но, несмотря на это, въ безвредности опытовъ съ другими веществами усомниться болѣе чѣмъ позволительно.—Еще болѣе рѣшительный характеръ подобныя опыты имѣли въ клиникѣ профессора Лейдена. Перепробовавъ вдыханіе всевозможныхъ паровъ и газовъ, онъ отказался отъ этого метода, прійдя къ тому заключенію, что вещества эти, не приносящія никакой пользы, крайне вредно дѣйствуютъ на организмъ больного. Тогда онъ рѣшился впрыскивать непосредственно въ легочную ткань такіа далеко не дифференціи вещества, какъ сулема, іодоформъ, бромъ, алкоголь, сѣрнистый водородъ, метиловый спиртъ, борную кислоту, салициловокислый натръ, и опять таки не добился ни малѣйшаго намека на благопріятный результатъ, бактерии не исчезали даже изъ мокроты, а состояніе больныхъ нисколько не улучшалось, по всей-же вѣроятности даже ухудшалось, хотя докладывавшій объ этихъ опытахъ помощникъ Лейдена, докторъ Гиллеръ, о послѣднемъ обстоятельствѣ и умал-

чивается. Въ одномъ только случаѣ эффектъ впрыскиванія выразился въ такой рѣзкой формѣ, какой вѣроятно не ожидать и самъ операторъ: съ больнымъ, который былъ подверженъ эпилептическимъ припадкамъ, вслѣдъ за впрыскиваніемъ сдѣлались сильныя судороги, повлекшія за собою быструю смерть!

Къ несравненно болѣе плодотворнымъ результатамъ привелъ рядъ работъ различныхъ врачей и ученыхъ, задававшихся сравнительно скромною цѣлью — показать, что присутствіе коховской бациллы въ мокротѣ чахоточныхъ составляетъ рѣзкій діагностическій признакъ, при помощи котораго въ большинствѣ случаевъ возможно съ увѣренностью отличить эту болѣзнь отъ другихъ страданій, представляющихъ сходные съ нею симптомы. Докторъ Гиллеръ (*Zeitschrift für Klinische Med.*) въ нѣсколькихъ случаяхъ находилъ туберкулезную бациллу въ мокротѣ больныхъ тотчасъ послѣ перваго кровохарканія, въ тотъ періодъ, когда при помощи постукиванія и выслушиванія невозможно еще было открыть никакихъ измѣненій въ легочной ткани; а между тѣмъ присутствіе бациллы въ этихъ случаяхъ позволяло съ увѣренностью поставить діагнозъ бугорчатки. Къ такому-же заключенію пришли и нѣкоторые другіе врачи, изъ числа которыхъ мы укажемъ еще только на Рансома и Джіакоми. Рансому (*Brit. med. Journal*, 1882, 16 dec.) удалось доказать, что туберкулезная бацилла извергается изъ организма больного не только съ мокротою, но даже и съ воздухомъ. Онъ заставлялъ дышать чахоточныхъ на охлажденный стеклянный шаръ и затѣмъ изслѣдовалъ подъ микроскопомъ водяные пары, сгущавшіеся и осѣдавшіе въ видѣ капель на поверхности стекла; въ большинствѣ случаевъ, правда, онъ не находилъ бациллъ, но въ двухъ случаяхъ поиски его увѣнчались успѣхомъ. Джіакоми (*Fortschritte der Medicin*. 1883, № 5) въ свою очередь показалъ, что помимо мокроты большое діагностическое значеніе въ томъ-же смыслѣ имѣютъ кишечныя испраженія тѣхъ чахоточныхъ, которые подвержены поносамъ, зависящимъ отъ туберкулезныхъ изъязвленій въ кишечномъ каналѣ. Во всѣхъ подобныхъ случаяхъ онъ встрѣчалъ въ испраженіяхъ характеристическую бациллу Коха, между тѣмъ какъ въ испраженіяхъ 50 здоровыхъ субъектовъ ему ни одного разу не удавалось находить этого паразита *).

Не менѣе важно для практической медицины то соотношеніе которое повидимому существуетъ между интенсивностью туберкулезнаго процесса у даннаго больного и числомъ бациллъ, встрѣ-

*) Другой ученый, Крамеръ, напротивъ, утверждаетъ, что въ испраженіяхъ и больныхъ, и здоровыхъ людей онъ съ одинакою правильностью встрѣчалъ бациллу, которая ничѣмъ не отличалась отъ туберкулезной бациллы Кох-

чающихся въ его мокротѣ. Если первые выводы, которые сдѣланы въ настоящее время, окончательно подтвердятся дальнѣйшими изслѣдованіями, то въ рукахъ врача очутится вѣрный признакъ, на основаніи котораго онъ въ состояніи будетъ не только распознать болѣзнь, но вмѣстѣ съ тѣмъ предсказать ея теченіе и исходъ. Основываясь на клиническихъ наблюденіяхъ надъ 120 чахоточными, Бальмеръ и Френцель (Berl. Klin. Wochenschr. 1882, № 45) приходятъ къ тому заключенію, что предсказаніе въ легочной бугорчаткѣ тѣсно связано съ числомъ и развитіемъ туберкулезныхъ бациллъ, найденныхъ въ мокротѣ больнаго. Съ увеличеніемъ числа бациллъ ухудшается и предсказаніе и наоборотъ. Въ случаяхъ скоротечной чахотки въ мокротѣ всегда оказывалось безчисленное количество ея специфическихъ паразитовъ, тамъ-же, гдѣ болѣзнь имѣла характеръ медленнаго, хроническаго процесса, число ихъ было всегда сравнительно ничтожно. Наконецъ, у одного и того-же больнаго, каждому ухудженію, каждому новому шагу въ процессѣ разрушенія легочной ткани непременно соответствуетъ появленіе въ мокротѣ большаго числа бациллъ, а въ послѣднемъ, предсмертномъ стадіи, число ихъ достигаетъ максимума.

Такой-же практической интересъ представляютъ опыты двухъ французскихъ врачей, Маллясе и Виньяля (Comptes Rendus de la Soc. de Biologie, 1883, 19), задавшихся разрѣшить весьма важный въ гигиеническомъ отношеніи вопросъ о живучести бациллы, встречающейся въ мокротѣ чахоточныхъ. Въ виду того, что такая мокрота по большей части не дезинфицируется, остается не прибранною, высыхаетъ и превращается въ пыль, которая вмѣстѣ съ воздухомъ можетъ попасть въ дыхательные органы здороваго человѣка, въ высшей степени важно констатировать, дѣйствительно ли бациллы еще находятся въ остаткахъ мокроты, прошедшей черезъ цѣлый рядъ различныхъ метаморфозъ, и въ какой степени бациллы эти сохраняютъ свои заразительныя свойства. При естественныхъ условіяхъ мокрота чахоточныхъ, очутившись на землѣ, быстро высыхаетъ, растирается ногами прохожихъ, превращается въ пыль, затѣмъ снова смачиваются дождемъ, опять высыхаетъ и т. д. Подобныя условія пытался воспроизвести въ своихъ опытахъ и Виньяль. Высушивъ въ плоскомъ сосудѣ извѣстное количество мокроты, въ которой онъ предварительно констатировалъ присутствіе туберкулезныхъ бациллъ, онъ истолокъ ее въ порошокъ, потомъ смочилъ этотъ порошокъ, опять высушилъ его, снова истолокъ и т. д. Наконецъ, по прошествіи двѣнадцати дней, въ теченіе которыхъ мокрота была высушена и смочена до восьми разъ, онъ подвергнулъ ее микроскопическому изслѣдованію и нашелъ въ ней бациллы, ничѣмъ не отличавшіяся ни по внѣшнему

виду, ни по многочисленности отъ тѣхъ, которыя находились въ свѣжей мокротѣ. Затѣмъ оставалось рѣшить уже самый существенный вопросъ, сохранили-ли бациллы свои заразительныя свойства и способно-ли ихъ прививаніе вызвать обусловливаемый ими болѣзненный процессъ, т. е. чахотку. Виньяль привилъ ихъ нѣсколькимъ морскимъ свинкамъ, но, къ сожалѣнію, результаты этихъ прививаній еще не выяснены; мы познакомимъ съ ними читателя въ нашей ближайшей хроникѣ.

Въ заключеніе упомянемъ еще о рядѣ интересныхъ опытовъ прививанія туберкулезной матеріи обезьянамъ. Опыты эти, еще разъ доказавшіе заразительный характеръ бугорчатки, тѣмъ болѣе интересны, что касаются такого животнаго, которое по организаціи своей стоитъ ближе къ человѣку, чѣмъ всѣ остальные животныя, а въ виду этого и полученные выводы пріобрѣтаютъ особенное значеніе. Не останавливаясь на всѣхъ частностяхъ этой работы, очень обстоятельно изложенной въ отчетѣ, представленномъ ея авторами *), мы срезюмируемъ только въ нѣсколькихъ словахъ полученные ими результаты: 1) изъ 16 обезьянъ, которымъ была привита туберкулезная масса, взятая отъ человѣка, 12 умерло при явленіяхъ бугорчатки (подтвержденной вскрытіемъ); 2) изъ 24 обезьянъ, которыя не подвергались прививанію, но жили въ одной клѣткѣ съ больными, имѣя съ ними половыя сношенія, 5 умерло отъ чахотки; 3) изъ 10 обезьянъ, которымъ былъ привитъ гной простого флегмонознаго абсцесса, умерла отъ бугорчатки только одна; 4) наконецъ изъ 28 обезьянъ, изолированныхъ отъ больныхъ субъектовъ, также только одна умерла отъ бугорчатки. Факты эти даютъ намъ право заключить: 1) что бугорчатка человѣка можетъ быть передана обезьянѣ посредствомъ прививанія и 2) что она передается отъ обезьяны къ обезьянѣ путемъ сожитія.

Къ числу видовыхъ признаковъ, оказывающихъ животному важныя услуги въ борьбѣ за существованіе, принадлежитъ, какъ извѣстно, и окраска его тѣла. Приспособляясь къ окружающей средѣ, вырабатывая путемъ естественнаго подбора тѣ внѣшніе признаки, которые наиболѣе способны укрыть его отъ преслѣдованія врага, животное, мало по-малу, не только усваиваетъ окраску, благодаря которой она наименѣе бросается въ глаза, но даже копируетъ форму и рисунокъ, свойственные другимъ животнымъ, которыхъ, въ силу какихъ-нибудь особенностей (непріятный вкусъ,

*) *Dieulafoy et Krishaber*. De l'inoculation du tubercule sur le singe. — Archives de Physiologie, 1883, № 3.

отвратительный запах), обыкновенно шадятъ преслѣдователя. Бѣлоснѣжныя животныя полярныхъ странъ почти совершенно исчезаютъ на бѣломъ фонѣ снѣжныхъ равнинъ; обитатели песчаныхъ пустынь такъ приспособляются въ цвѣту почвы, что на нѣкоторомъ разстояніи даже большое животное вовсе не бросается въ глаза; мы знаемъ бабочекъ, которыхъ, по внѣшнему виду и по полету, легко смѣшать съ колибри, ихъ естественнымъ врагомъ,—гусеницъ, которыя пріобрѣтаютъ цвѣтъ растенія, дающаго имъ пріютъ, и т. д., и т. д. Съ другой-же стороны, намъ извѣстно, что обитатели темныхъ пещеръ, проводящіе свою жизнь въ абсолютной темнотѣ, при которой зрительная способность и окраска тѣла теряютъ всякое значеніе въ дѣлѣ борьбы за существованіе, утрачиваютъ не только зрѣніе, но и характеристическій цвѣтъ наружныхъ покрововъ, свойственный родственнымъ съ ними видамъ, живущимъ въ освѣщенной средѣ. Теорія эта, давно уже признанная и доказанная самымъ несомнѣннымъ образомъ, тѣмъ не менѣе, встрѣчается съ такими фактами, которые до сихъ поръ, казалось, шли съ нею въ разрѣзъ, и къ числу этихъ фактовъ принадлежитъ, между прочимъ, яркая окраска тѣла многихъ животныхъ, населяющихъ глубину моря. Здѣсь, уже на глубинѣ 50 саженей, начинается область почти абсолютнаго мрака, среди котораго, казалось-бы, яркій цвѣтъ не долженъ приносить животному никакой выгоды; а между тѣмъ, оказывается, что большинство обитателей морской глубины, изъ которыхъ нѣкоторыя живутъ на разстояніи 1,000—1,500 саж. отъ поверхности, обращены въ яркіе однообразные цвѣта, между которыми, почти исключительно, преобладаютъ оранжевый, красный и пурпуровый. Но и этотъ фактъ, не поддававшійся до сихъ поръ никакимъ удовлетворительнымъ объясненіямъ, въ настоящее время разрѣшенъ крайне просто и остроумно цюрихскимъ профессоромъ Келлеромъ, работу котораго мы и постараемся изложить здѣсь въ короткихъ словахъ *). Разсматривая фауну, населяющую, болѣе или менѣе глубокіе слои морской воды, мы можемъ раздѣлить ея представителей на двѣ категоріи. Къ первой относятся тѣ виды, которые живутъ на сравнительно умѣренной глубинѣ 10—40 саженъ, то-есть въ той области, которая еще освѣщена, хотя уже слабо, солнечными лучами; здѣсь царствуютъ голубые и зеленоватые сумерки, а у животныхъ преобладаютъ цвѣта *ярко-красный* и *оранжевый* (изъ коралловъ — *Morsea*, *Corallium*, *Gorgonia*; изъ ежевиковъ — *Comatula*, *Cladodactyla*). Вторую кате-

*) C. Keller. Der Farbenschutz bei Tiefseecorganismen. — Kosmos, 1883, 1-tes Heft.

горю составляютъ животныя, рѣдко поднимающіяся въ область умѣренной глубины и живущія въ самыхъ глубокихъ слояхъ моря, на разстояніи 100 — 1,500 саженой отъ поверхности. Въ эту область солнечные лучи проникаютъ уже въ такомъ ничтожномъ количествѣ, которое неспособно производить никакого физиологическаго дѣйствія на зрительные органы, и въ физиологическомъ смыслѣ здѣсь, слѣдовательно, всегда царствуетъ абсолютная темнота; а тѣмъ не менѣе, мы и здѣсь встрѣчаемся съ ярко-окрашенными животными, причѣмъ преобладающими цвѣтами являются *пурпуровый* и близкій къ нему *пунцовый*. — Посмотримъ-же сначала, какую роль можетъ играть, въ смыслѣ защиты, въ смыслѣ «шапки невидимки», окраска тѣла животныхъ, принадлежащихъ къ первой категоріи. Сопоставляя ярко-красный и оранжевый цвѣта, которыми окрашены здѣсь животныя, съ синимъ и зеленоватымъ свѣтомъ, который ихъ освѣщаетъ, мы припоминаемъ, что по общему оптическому закону, первые являются *дополнительными* цвѣтами вторыхъ. Извѣстно, что если два цвѣта, дополняющія другъ друга, какъ, напримѣръ, красный и зеленовато-синій или оранжевый и синій, одновременно дѣйствуютъ на сѣтчатую оболочку нашего глаза, то они въ совокупности производятъ впечатлѣніе бѣлаго цвѣта; если-же, напротивъ, освѣтить какой-нибудь цвѣтной предметъ лучами, окрашенными въ его дополнительный цвѣтъ, то предметъ этотъ представится намъ чернымъ и на темномъ фонѣ станетъ незамѣтнымъ. Такимъ образомъ животныя, населяющія море на такой глубинѣ, гдѣ еще господствуетъ синій или зеленовато-синій свѣтъ, точно такъ-же защищаются при помощи своей яркой (красной или оранжевой) окраски, какъ животныя полярныхъ странъ; благодаря такому сочетанію цвѣта тѣла съ освѣщеніемъ, они просто становятся невидимыми. Красные и оранжевые раки и морскія звѣзды, такъ часто встрѣчаемые въ тропическихъ моряхъ, могутъ ползать по склонамъ черноватыхъ коралловыхъ рифовъ, не рискуя быть замѣченными, такъ какъ для смотрящаго на нихъ глаза они подъ даннымъ освѣщеніемъ представляются въ видѣ черныхъ пятенъ, сливающихся съ темнымъ фономъ умершаго рифа. По той-же причинѣ невидимы и красивые красные кораллы Морзеа, сидящіе на такихъ-же темныхъ рифахъ.

Но какъ-же объяснить значеніе яркой окраски въ болѣе глубокихъ областяхъ, напримѣръ на глубинѣ пятисотъ, тысячи или даже двухъ тысячъ саженой? Вѣдь если тамъ дѣйствительно царствуетъ абсолютная темнота, то яркіе цвѣта, какъ мы уже говорили, не имѣютъ въ смыслѣ защиты, никакого *raison d'être*. Но въ томъ-то и дѣло, что даже на самой крайней глубинѣ моря есть свои источ-

ники свѣта, которые до нѣкоторой степени замѣняютъ недостающій свѣтъ солнечныхъ лучей. Это можно-бы было вывести даже а priori уже потому, что въ этихъ областяхъ на ряду съ слѣпыми видами животныхъ мы встрѣчаемъ и зрячіе и даже такіе, у которыхъ органы зрѣнія развиты до поразительной степени. Къ числу послѣднихъ принадлежитъ, напримѣръ, замѣчательный атлантическій ракъ *Cystosoma Neptuni*, у котораго громадные выпуклые глаза занимаютъ около трети всей верхней поверхности тѣла. И дѣйствительно, источники свѣта отыскались: даже на глубинѣ 2,500 саж. встрѣчаются животныя, обладающія способностью фосфоресценціи. Сложныя асцидіи (*Rugosoma*), разные кораллы (*Morsea*, *Umbellula*, *Alcyonium Virgularia*), извлекавшіеся изъ большой глубины, обнаруживали способность испускать довольно яркій свѣтъ. Такъ, напримѣръ, во время экспедиціи *Challenger'a* вытащили *Rugosoma*, имѣвшую 4 фута въ длину и 10 дюймовъ въ поперечникѣ и испускавшую яркій свѣтъ уже при слабomъ раздраженіи. Такіе сильныя источники свѣта, который при нормальныхъ условіяхъ обнаруживается вѣроятно и безъ внѣшняго раздраженія, оказываютъ такимъ образомъ важную услугу различнымъ хищникамъ морской глубины, тѣмъ болѣе, что многіе изъ нихъ обладаютъ прекрасно развитыми глазами. Къ числу такихъ хищниковъ принадлежатъ, напримѣръ, и тѣ рыбы, у которыхъ вдобавокъ возлѣ глазъ или на бокахъ находятся особенныя свѣтящіяся пятна, воспламеняющіяся и потухающія повидимому произвольно. При свѣтѣ своихъ фонариковъ, эти рыбы вѣроятно отыскиваютъ добычу, скользя по темному морскому дну. Свѣтъ, испускаемый фосфоресцирующими животными глубокихъ морскихъ областей, какъ утверждаютъ всѣ наблюдатели, зеленоватый; англійскій зоологъ Мозлей подвергнувъ его даже спектроскопическому анализу и нашелъ, что преобладающіе лучи въ немъ зеленые. Таинмъ образомъ единственный свѣтъ, съ которымъ могутъ встрѣтиться обитатели очень глубокихъ районовъ моря, есть свѣтъ зеленый, а дополнительный цвѣтъ его, какъ мы знаемъ,—пурпуровый. Путемъ естественнаго подбора въ этихъ областяхъ выработалась единственная цѣлесообразная окраска, которая въ состояніи охранить животное при зеленомъ освѣщеніи. Морскія звѣзды, раки и другія животныя, окрашенныя въ пурпуровый цвѣтъ, не рискуютъ быть замѣченными на темномъ днѣ даже тогда, когда случайный источникъ свѣта вдругъ ярко освѣтитъ ихъ въ присутствіи хищника; подѣ зеленымъ освѣщеніемъ они будутъ казаться такими-же черными пятнами, какъ красныя животныя — подѣ зеленовато-синимъ, а оранжевыя—подѣ синимъ.

Всѣ старанія отыскать остатки скелета третичнаго человѣка, какъ извѣстно, до сихъ поръ были безплодны; даже примитивныя каменные орудія, которыя приписываютъ ему, признаны далеко не всѣми антропологами, а потому понятно, какую сенсацию должно было произвести въ ученое мѣръ, интересующемся этимъ вопросомъ, извѣстіе, что въ Америкѣ открыты отпечатки ногъ нашего нерозысканнаго до сихъ поръ далекаго предка. Но, какъ это всегда бываетъ, первыя газетныя извѣстія составлялись, повидимому, энтузіастами-диллетантами, часто далеко не компетентными и именно поэтому отличающимися необыкновенною категоричностью и увѣренностью сужденій; а по позднѣйшимъ свѣдѣніямъ, доставленнымъ наблюдателями, болѣе знающими и хладнокровными, оказалось, что вопросъ о томъ, оставлены-ли найденные отпечатки дѣйствительно ногами человѣка, еще далеко не рѣшенъ и что, напротивъ, есть сильныя основанія склоняться къ рѣшенію его въ отрицательномъ смыслѣ. Чтобы дать читателю понятіе о томъ, насколько такой скептицизмъ въ данномъ случаѣ имѣетъ свои законныя основанія, мы приведемъ здѣсь очень толковое и обстоятельное описаніе знаменитой находки, составленное специалистомъ-очевидцемъ и напечатанное въ послѣднемъ номерѣ англійскаго журнала «Nature» *). Отпечатки, надѣлавшіе столько шума и продолжающіе привлекать толпы любопытныхъ, ученыхъ и неученыхъ, открыты на тюремномъ дворѣ въ городѣ Карсонѣ, въ штатѣ Невада. Почти горизонтальные пласты, въ которыхъ они были найдены, состоятъ изъ песчаника, чередующагося съ мелкими слоями сланцевой глины. На поверхности одного изъ этихъ послѣднихъ слоевъ, обнаженнаго на пространствѣ приблизительно въ два акра и образующаго тюремный дворъ, и оказались пресловутые слѣды третичнаго человѣка. При удаленіи верхнихъ слоевъ песчаника, который шелъ на постройку самаго зданія тюрьмы, были найдены многіе ископаемые остатки, какъ, на примѣръ, челюсти и зубы, принадлежащіе слону,—вѣроятно *Elephas Americanus*,—и двумъ видамъ лошади,—*Equus Pacificus* и *E. occidentalis*. Тотъ слой, на поверхности котораго оказались яко-бы человѣческіе слѣды, составляетъ, по всей вѣроятности, переходъ отъ пліоцена къ пост-пліоцену. Вся обнаженная поверхность сланцевой глины буквально усѣяна самыми разнообразными отпечатками; но почва, въ которой были оставлены эти слѣды, очевидно была когда-то такъ мягка и податлива, что форма ногъ въ большинствѣ случаевъ сохранилась въ ней только въ видѣ очень смутныхъ очертаній. Нѣкоторые изъ слѣдовъ принадлежать, по всей вѣроятности, лошади, нѣко-

*) I. Le Conte, Carson Footprints.—„Nature“, May 31, 1883.

торые—волку, нѣкоторые—олену, другіе видимо произведены какими-то длинноногими птицами; кромѣ того, и мамонтъ оставилъ здѣсь несомнѣнный отпечатокъ своихъ ногъ. Отпечатки, приписываемые ногамъ человѣка, довольно многочисленны; длина ихъ 18—20 дюйм., ширина—8 дюйм.; но подошвы повидимому болѣе искривлены, чѣмъ у современнаго человѣка. Длина шаговъ равняется приблизительно $2\frac{1}{2}$ —3 фут. Но главное обстоятельство, заставляющее больше всего сомнѣваться въ томъ, что слѣды эти оставлены человѣкомъ или вообще двуногимъ животнымъ, заключается въ необыкновенно большомъ разстояніи между отпечатками правой и лѣвой ноги. Въ самомъ дѣлѣ, разстояніе это доходитъ до 18—19 дюйм., т. е. ровно приблизительно разстоянію между правыми и лѣвыми слѣдами мамонта. Съ другой же стороны нѣкоторыя обстоятельства, повидимому, говорятъ противъ предположенія, будто эти слѣды оставлены четвероногимъ животнымъ: во-первыхъ, отпечатки всегда одиночныя, во-вторыхъ, въ нихъ незамѣтно слѣдовъ когтей. Впрочемъ, Ле-Контъ думаетъ, что эти два аргумента еще не исключаютъ возможности приписать ихъ четвероногому. Что касается одиночности шаговъ, говоритъ онъ, то можно бы было допустить, что заднія ноги животнаго попадали приблизительно въ слѣды, оставленные передними ногами, что отчасти объяснило-бы необыкновенную величину и неуклюжую форму отпечатковъ. Послѣ самаго тщательнаго изслѣдованія Ле-Контъ приходитъ къ заключенію, что слѣды эти, по всему вѣроятію, оставлены не человѣкомъ, а какимъ-нибудь большимъ стопоходящимъ четвероногимъ. Тѣмъ не менѣе онъ допускаетъ однако, что вопросъ этотъ нельзя еще считать рѣшеннымъ и признаетъ законность аргументовъ другихъ ученыхъ, утверждающихъ, что животное, оставившее эти слѣды, было нечто иное, какъ человѣкъ, жившій здѣсь въ наиболѣе близкую къ намъ эпоху третичнаго періода.

Изъ области далекаго прошлаго перенесемъ мысленно въ далекое будущее *). Мы знаемъ, что эволюціонный процессъ, послѣднимъ продуктомъ котораго является человѣкъ съ его настоящей анатомической организаціей, шелъ путемъ послѣдовательнаго прогрессивнаго развитія, этапы котораго до нѣкоторой степени мы можемъ прослѣдить и въ настоящее время на утробной жизни человѣческаго зародыша. Но если ранній періодъ жизни человѣка можетъ служить для насъ зеркаломъ прошлаго, то съ другой стороны старость, какъ типическій образецъ

*) *Kay Robinson*. — The man of the Future. — The Nineteenth Century, May, 1883.

регрессивнаго процесса, съ такимъ-же правомъ можно принять за зеркало будущаго, угрожающаго человѣчеству, если процессъ его видовой жизни будетъ совершаться при тѣхъ ненормальныхъ условіяхъ, которыя созданы современной цивилизаціей. Если условія эти не видоизмѣнятся, то мы можемъ съ увѣренностью предсказать, что съ теченіемъ времени человѣкъ превратится въ беззубое, безволосое существо съ слабыми, неспособными къ продолжительной ходьбѣ ногами, на которыхъ исчезнутъ разщелины, отдѣляющія другъ отъ друга пальцы; онъ утратитъ мышечную силу и храбрость и если будетъ по-прежнему господствовать надъ остальнымъ органическимъ міромъ, то только благодаря необыкновенному развитію нѣкоторыхъ извилинъ своего мозга. Посмотримъ же теперь, дѣйствительно-ли современныя условія видовой жизни человѣчества даютъ намъ право рисовать портретъ «человѣка-будущаго» въ такомъ непривлекательномъ—по крайней мѣрѣ по нашимъ теперешнимъ понятіямъ—видѣ. Какъ извѣстно, всякій органъ, всякое украшеніе животнаго организма пріобрѣтались и развивались путемъ естественнаго или полового подбора и сохраняются видомъ только въ томъ случаѣ, если доставляютъ каждой особи какое нибудь преимущество въ борьбѣ за существованіе; въ противномъ случаѣ видовой признакъ, сдѣлавшійся безполезнымъ, постепенно сглаживается и наконецъ исчезаетъ. Предшественникъ современнаго человѣка, обладалъ превосходными коренными зубами, служившими для раскусыванія твердыхъ плодовъ, и большими клыками, которыми онъ пользовался для борьбы съ другими самцами изъ-за обладанія самкой. Даже въ современныхъ намъ дикихъ расахъ до нѣкоторой степени еще сохранились слѣды этихъ видовыхъ признаковъ; зубы и въ особенности клыки у дикаря несравненно болѣе развиты, чѣмъ у цивилизованнаго человѣка, которому они въ сущности уже совершенно не нужны; да и остальные зубы находятся на пути регрессивнаго развитія: такъ-называемые зубы мудрости появляются у цивилизованнаго человѣка очень поздно, исчезаютъ рано, и въ болѣе или менѣе далекомъ будущемъ, вѣроятно, утратятся вовсе. Параллельно съ развитіемъ кулинарнаго искусства, процессъ энергическаго размельченія твердой пищи посредствомъ зубовъ становится совершенно излишнимъ, съ теченіемъ времени зубы начнутъ исчезать попарно и, наконецъ, окончательно замѣнятся отвердѣвшими деснами. Подобно тому, какъ клыки служили дикому предшественнику человѣка для борьбы вообще и для борьбы изъ-за самки въ частности, точно также длинные волосы, борода, усы играли роль половыхъ признаковъ, рѣшавшихъ нерѣдко вопросъ о побѣдѣ или пораженіяхъ самца въ дѣлѣ полового подбора. Кра-

сивый самецъ, съ роскошной растительностью, имѣлъ всѣ шансы обладать красивою самою и оставить многочисленное потомство, которому онъ передавалъ по наслѣдству свой крѣпкій, способный къ дальнѣйшему прогрессивному развитію организмъ, а слабыя, больныя, скудо волосыя и безбородыя особи умирали, не умѣвъ прельстить ни одной самки. Въ современномъ цивилизованномъ обществѣ эти нормальныя условія подбора, ведущія къ совершенствованію вида, какъ извѣстно, все болѣе и болѣе исчезаютъ. Половой подборъ играетъ крайне слабую роль при заключеніи браковъ. Красивый, сильный мужчина, съ роскошной растительностью, но пустымъ бумажникомъ, сплошь да рядомъ имѣетъ меньше шансовъ найти себѣ жену и оставить потомство, чѣмъ истощенный, и лѣнивый субъектъ, обладающій чинами, орденами или капиталомъ; богатство, умъ, привилегированное положеніе оказываются болѣе могучими орудіями въ дѣлѣ полового подбора, чѣмъ физическая сила, молодость, красивые волосы и густая, длинная борода. Что-же касается роли женщины въ процессѣ полового подбора, то здѣсь оказывается не менѣе условій для постепеннаго вырожденія. Въ распоряженіи некрасивой женщины, которая при естественныхъ условіяхъ имѣла-бы мало шансовъ оставить потомство, находится такой богатый арсеналъ всевозможныхъ подспорій въ видѣ притираній, шиньоновъ, фальшивыхъ челюстей, фальшивыхъ грудей и т. п., что она успѣшно можетъ состязаться съ любой красавицей, въ особенности если имѣетъ передъ ней еще одно важное преимущество—богатое приданое. И дѣйствительно, въ тѣхъ слояхъ современнаго общества, гдѣ вышеупомянутыя условія подбора выражены съ особенной силой, послѣдствія его начинаютъ уже сказываться. Безбородые, плѣшивые молодые люди, дѣвушки, принужденныя прибѣгать къ шиньонамъ и всевозможнымъ «фальшамъ», чтобы скрыть свое физическое убожество, начинаютъ попадаться въ городахъ между привилегированными условіями все чаще и чаще.

Съ другой-же стороны, у дикихъ племенъ, еще не покинувшихъ той стадіи общественной жизни, когда физическая сила и красота являются главными факторами полового подбора, почти всѣ безъ исключенія обладаютъ крѣпкими зубами и неослабленною растительностью, свойственной той или другой расѣ. У тѣхъ-же дикихъ, какъ извѣстно, пальцы ногъ сравнительно очень подвижны и большой палецъ сохраняетъ способность противопоставляться остальнымъ; у цивилизованныхъ-же народовъ, давно уже привыкшихъ заключать свои ноги въ тѣсную обувь, способность эта исчезла и пальцы на ногахъ стали органами въ сущности совершенно бесполезными, а потому обреченными на исчезновеніе. И

теперь уже рождаются люди, у которых два, или три пальца на ногах оказываются сросшимися, а в далеком будущем раздвѣлопалые люди сдѣлаются, вѣроятно, такимъ-же ненормальнымъ исключеніемъ, каковымъ теперь представляются намъ люди сросстнопалые. Кромѣ того, цивилизованный человѣкъ вообще несравненно менѣе упражняетъ мышцы своихъ нижнихъ конечностей, чѣмъ человѣкъ, стоящій на сравнительно низкомъ уровнѣ культуры. У городскихъ жителей, ведущихъ сидячую жизнь, или катающихся въ экипажахъ, ноги, разумеется, слабѣе, чѣмъ у горца, принужденнаго лазить по горамъ; пѣшему европейцу не угоняться за какимъ-нибудь краснокожимъ Америки. Съ развитіемъ цивилизаціи средства искусственнаго передвиженія становятся все разнообразнѣе и доступнѣе, а вмѣстѣ съ тѣмъ, должны все болѣе слабѣть и мускулы ногъ, функція которыхъ доводится до минимума. Личная храбрость, готовность силой отстаивать свою свободу, тоже должны неминуемо ослабѣвать при современныхъ условіяхъ, когда самыя сильныя и смѣлыя особи вида наиболѣе рискуютъ погибнуть въ международныхъ войнахъ. Вотъ та будущность, которая, какъ цементъ шогі, — стоитъ передъ человѣчествомъ. Эта будущность не неизбежна, но возможна; регрессивный процессъ такое-же естественное явленіе въ природѣ, какъ и прогрессивное развитіе. Замѣнится-ли зубъ у человѣка роговыми пластинками, сроснутся-ли у него на ногахъ пальцы—это, конечно, вопросы еще не существенныя; но общая физическая слабость, которая необходимо должна будетъ возрастать подъ влияніемъ ненормальныхъ жизненныхъ условій, современемъ можетъ дойти до такихъ размѣровъ, когда даже до крайности развитыя мозговые способности не обезпечатъ за человѣкомъ побѣды въ борьбѣ съ другими видами животнаго міра.

А. М.

„ПОЛИЦІЯ ПРАВОВЪ“ ВО ФРАНЦІИ.

Съ давнихъ поръ во Франціи замѣчается странное явленіе: число браковъ изъ года въ годъ, и съ замѣчательнымъ упорствомъ и правильностью, постоянно уменьшается. Такъ, въ 1872 г. число браковъ было 352,754, въ слѣдующемъ году ихъ было уже 321,238; затѣмъ, постепенно понижаясь, оно упало въ 1875 г. до 300,427, въ 1876 г. оно упало еще ниже (291,393), въ 1877 г. число заключенныхъ браковъ было всего 278,094. Нѣкоторые изслѣдователи, останавливаясь передъ этимъ страннымъ фактомъ, старались его объяснить вліяніемъ общеевропейскаго экономическаго кризиса. Въ подтвержденіе своего мнѣнія, они ссылались на примѣры Англій, Германіи и Австріи (цислейтанской), гдѣ число браковъ послѣ 1873 г. (время начала кризиса) тоже значительно понизилось. Но европейскій кризисъ отразился на Франціи замѣтнымъ образомъ только въ 1876 г., а явленіе, на которое мы указываемъ, наблюдалось уже гораздо раньше, еще до войны *). Кромѣ того, въ Германіи, Англій и Австріи постоянно происходитъ въ громаднхъ размѣрахъ эмиграція молодыхъ людей въ брачномъ возрастѣ; во Франціи-же эмиграція почти равна нулю. Очевидно, стало бытъ, что кризисъ тутъ ничего не объясняетъ. Несостоятельность этого объясненія еще рѣзче бросается въ глаза, если принять во вниманіе, что уровень благосостоянія французской націи вообще и рабочаго класса въ частности не только не понизился за послѣднія 25 лѣтъ, но даже значительно повысился. Французскій рабочій, конечно, еще очень далекъ отъ благоденствія, но онъ, во всякомъ случаѣ, теперь лучше ѣстъ, чѣмъ 25 лѣтъ тому назадъ, больше зарабатываетъ и больше сберегаетъ. Французскій рабочій на всемъ протяженіи Франціи не ѣстъ чернаго хлѣба; хлѣбъ, который онъ употребляетъ, пшеничный и превосходнаго качества. Вытѣсненіе ржаного хлѣба пшеничнымъ случилось именно въ послѣднія 30 лѣтъ. Французскій рабочій нигуда

*) Legoyt— «Le suicide ancien et moderne», Paris, 1881 г., стр. 175 и 313.

не эмигрируетъ въ поискахъ «гдѣ лучше», между тѣмъ какъ его сосѣди, итальянцы, испанцы, бельгійцы и нѣмцы, эмигрируютъ громадными массами, и именно во Францію, находя, что Франція и есть именно страна «гдѣ лучше». Французскій рабочий сберегаетъ больше, чѣмъ его собратья въ остальныхъ странахъ Европы.

Но тутъ мы наталкиваемся на любопытный фактъ. Въ то время, какъ молодой французъ все болѣе и болѣе приучается сберегать и копить капиталъ, онъ выказываетъ все болѣе и болѣе страхъ передъ бракомъ. Это соотношеніе само-собою бросается въ глаза. Но мы еще болѣе убѣдимся въ справедливости его, если узнаемъ, что, разъ женившись, французъ питаетъ положительный ужасъ передъ послѣдствіями брака — передъ дѣтьми. Нежеланіе имѣть дѣтей настолько распространено во Франціи, и именно въ той средѣ, которая пользуется возможностью сберегать и накапливать, мѣры противъ имѣнія дѣтей до такой степени общеприняты и укоренились, что результатомъ ихъ явилось прогрессивное уменьшеніе прироста населенія. «Если это продолжится — восклицаетъ Бортильонъ въ книгѣ, специально посвященной этому вопросу — то черезъ сто лѣтъ во Франціи не останется ни одного француз!» Въ объясненіи причинъ этого явленія всѣ серьезные исследователи согласны между собою. Вотъ что, напр., говоритъ Поль Леруа-Болье: «Главной причиной застоя нашего населенія слѣдуетъ считать тщеславіе буржуазіи, которая стремится удержаться въ своемъ положеніи или разбогатѣть только путемъ сбереженія и скромнаго труда. Легуа въ своихъ статьяхъ «L'infécondité en France» выражается гораздо рѣзче: «Любовь къ благосостоянію, которая есть почти неизбѣжное послѣдствіе прогресса цивилизаціи, страхъ потерять его, когда оно приобрѣтено, въ одинаково сильной мѣрѣ содѣйствуетъ безплодію нашей страны. Въ этой бѣшеной погонѣ за богатствомъ, за матеріальными наслажденіями, которыя оно доставляетъ, большая семья была-бы препятствіемъ, которое мѣшало-бы двигаться, давая возможность соперникамъ опередить насъ. Убѣжденная въ томъ, что, при современномъ состояніи нашего общества, и несмотря на наши демократическіе нравы на поверхности, богатство есть самый вѣрный путь къ уваженію, самая твердая ступень къ власти, — буржуазія мечтаетъ для своихъ сыновей о блестящихъ бракахъ, которые въ одинъ прекрасный день соединятъ въ одно два богатыхъ наслѣдства. Дѣти, раздѣляя эти заботы родителей, рано приучаются смотрѣть на этотъ важнѣйшій актъ въ жизни, какъ на счастливую спекуляцію... Отсюда являются поздніе браки» и т. д.

Такимъ образомъ, благодаря тенденціи, лежащей въ самомъ характерѣ буржуазіи, является цѣлая армія молодыхъ людей, ко-

торые до 30 — 35 лѣтъ не могутъ и не желаютъ вступить въ бракъ, а заняты только тѣмъ, чтобы составить себѣ position sociale. Но такъ какъ, при всемъ томъ, они не перестаютъ быть молодыми людьми, то отсюда роковымъ образомъ является громадный спросъ на проституцію.

Это съ одной стороны.

Съ другой стороны, въ средѣ бѣднѣйшаго класса населенія замѣчается фактъ противоположнаго характера. Если у крупной и мелкой буржуазіи очень мало дѣтей или совсѣмъ нѣтъ ихъ, классъ не сберегающій имѣетъ ихъ слишкомъ много. «Плодовитость, которая нашла себѣ убывающе въ рабочемъ населеніи, — говоритъ Поль Леруа - Болье, — поддерживаетъ еще нѣсколько среднюю рождаемость во Франціи, но отнимите рабочихъ и сельскихъ батраковъ, и на французскую семью не придется даже двѣхъ дѣтей». Жюль Симонъ въ своей «Работницѣ во Франціи» рассказываетъ, что многія изъ женщинъ, работающихъ на руанскихъ фабрикахъ, на вопросъ, сколько у нихъ было дѣтей, отвѣчаютъ: 15, 18 и даже 20!

Не имѣя возможности прокормить столь многочисленную семью, французскій рабочий (который зарабатываетъ всего 4—5 франковъ въ день) принужденъ опредѣлять своихъ дѣтей съ самаго ранняго возраста на фабрики и заводы, а не то и просто бросать ихъ на произволъ судьбы. Сомнѣваюсь, чтобы была еще одна страна въ Европѣ, гдѣ было-бы такъ много брошенныхъ дѣтей, какъ во Франціи. Статистика насчитываетъ ихъ сотнями тысячъ.

Въ томъ и другомъ случаѣ дѣти обречены на развратъ и преступленія. Мальчики пополняютъ собою многочисленные ряды такъ наз. «classe criminelle», состояще главнымъ образомъ изъ дѣтей и юношей, дѣвочки, часто съ 10—12 лѣтъ, вербуются въ великую проституціонную армію.

Въ лучшемъ случаѣ дѣвушка остается дома до 15—16 лѣтъ, но затѣмъ нужно подумать о бракѣ. Безъ приданого ее никто не возьметъ, да она и сама не пойдетъ. Выйти замужъ, не имѣя *agrès et glaise* и деревянной кровати—почти невозможно. И вотъ французская дѣвушка начинаетъ стремиться въ большой городъ, въ Парижъ. Туда съ дѣтства тянутъ ее волшебные рассказы о богатствѣ и роскоши, о большихъ и легкихъ заработкахъ. Пришрѣ той или другой землячки подтверждаетъ дѣйствительность этихъ рассказовъ. Проще всего, разумѣется, поступить въ услуженіе. И такой женской провинціальной прислуги въ большихъ городахъ Франціи около 1½ милліоновъ. Но французскій буржуа очень требователенъ, а заработокъ не особенно великъ, всего 25—30 фр. въ мѣсяцъ. Къ тому-же предложеніе и конкуренція со стороны

товароць такъ велики, что не всегда найдѣшь мѣсто. Кто можетъ всегда разсчитывать на хорошее мѣсто, это — кормилица. Ей у буржуа не жатье, а масляница. Заработоць прекрасный, 70 — 80 франковъ, не считая ежемѣсячныхъ подарковъ. Дѣлать почти ничего не приходится, — гуляй по цѣлымъ днямъ и дѣло съ концомъ. Это такая заманчивая перспектива, противъ которой устоятъ рѣдкая крестьянка. Не долго думая, дѣвушка отдается первому встрѣчному парню и, когда появляется ребенокъ, она съ этимъ капиталомъ летитъ въ Парижъ или въ другой большой городъ. Особныя пригашницы *bureau des nourrices*, называемыя «*méneuses*», постоянно рыскають по французскимъ селамъ въ поискахъ за беременными дѣвушками, часто уговаривая ихъ даже сдѣлаться таковыми, соблазняя картинами ихъ будущаго благополучія. Въ Парижѣ, въ особенности почему-то зимою, иногда цѣлыя вагоны поѣздовъ биткомъ набиты кормилицами, и большею частью это дѣвушки. Другія дѣвушки, которымъ не удается попасть ни въ услуженіе, ни въ кормилицы, идутъ въ городъ — на фабрики, заводы, въ мастерскія. Заработываютъ онѣ здѣсь 1½, 2, самое большее 3 фр. въ день. А такъ какъ въ большомъ городѣ на эти деньги даже не набьшься вдоволь, то всѣмъ имъ приходится, какъ говорятъ французы, «дѣлать пятую четверть дня», т. е. выходить на тротуаръ.

Такимъ образомъ, приливъ женскаго населенія въ города поддерживается постоянно. Какъ-бы плохо здѣсь ни приходилось, все-таки лучше живется здѣсь, чѣмъ въ деревняхъ. На это указываетъ между прочимъ, тотъ фактъ, что, въ противоположность всѣмъ другимъ государствамъ Европы, во Франціи самоубійства женщинъ въ деревняхъ чаще, чѣмъ въ городахъ.

Послѣ всего этого не удивительно, если во Франціи въ поражающихъ размѣрахъ развита проституція. Въ одномъ Парижѣ, по разсчетамъ полицейскаго чиновника Лекура, бывшаго директора отдѣленія «*Agence des moeurs*», насчитывается не меньше 60,000 женщинъ, торгующихъ своимъ тѣломъ. Въ другихъ городахъ, по разсчетамъ полиціи, пропорція приблизительно такая-же; но дѣйствительная цифра неизвѣстна, отчасти потому, что этимъ никто не занимался, отчасти потому, что, благодаря существующему способу регламентаціи, о чемъ будетъ сказано дальше, узнать это не представляется никакой возможности. Всѣ согласны лишь въ одномъ, что изъ году въ годъ проституція во Франціи растетъ и расширяется, внося развратъ и заразу во всѣ слои общества.

Можно-бы ожидать, что французское законодательство девятнадцатаго столѣтія обратитъ вниманіе на это зловѣщее явленіе и приметъ какія-нибудь мѣры для борьбы съ нимъ. Но этого

нѣтъ. Французскій законодатель съ непонятнымъ упорствомъ отворачивался постоянно отъ него, обходилъ его, а общество во смотрѣло и продолжаетъ смотрѣть на него, какъ на явленіе неизбежное, даже прямо полезное. Французы до сихъ поръ полагаютъ, вмѣстѣ съ Лекки, что «проститутка—самая дѣйствительная хранительница добродѣтели», что «незапятнанная чистота множества семейныхъ очаговъ была-бы осквернена», не будь падшей женщины, «удовлетворяющей страстямъ, въ противномъ случаѣ наполнившимъ-бы міръ мерзостью».

Исходя изъ такой точки зрѣнія, французское общество въ вопросѣ о проституціи занято лишь тѣмъ, чтобы гарантировать потребителю хорошее качество товара и предохранить его отъ извѣстныхъ клиническихъ послѣдствій. Забота объ этомъ всецѣло возложена на полицію.

Идеаль французской полиціи ¹⁾ заключается въ томъ, чтобы искоренить тайную проституцію и возвести стройное учрежденіе проституціи законной, регламентированной, строго исполняющей предписанія полиціи и во всемъ ей повинующейся. Съ этой цѣлью еще въ 1843 г. парижскій префектъ Делесеръ издалъ знаменитый «Регламентъ», въ которомъ, подъ видомъ «регулированія», честь и спокойствіе французскихъ гражданъ отдаются на полный и безконтрольный произволъ полиціи. Полиція имѣетъ право врыватья въ отели, меблированныя комнаты и частныя квартиры, дѣлать тамъ обыски и аресты лицъ, заподозрѣнныхъ въ тайной проституціи. Полиція имѣетъ право, подъ тѣмъ-же предлогомъ, арестовать всякую женщину на улицѣ, въ театрѣ, въ кафѣ и безъ дальнихъ околичностей, безъ допроса свидѣтелей, безъ суда, отправлять ее на медицинское освидѣтельство и затѣмъ въ тюрьму, страшную St.-Lazare, одно имя которой приводитъ въ страхъ и трепетъ даже выдавшую виды парижскую проститутку. «Регламентъ», правда, предлагаетъ своимъ агентамъ дѣйствовать осмотрительно и осторожно, но самая организація «полиціи нравовъ» такова, что исключаетъ необходимость быть осторожнымъ; регламентъ не назначаетъ агенту никакого наказанія за неправильный арестъ и ставить, напротивъ, его гонораръ въ зависимость отъ количества арестовъ. Агентъ получаетъ жалованья 92 фр. въ мѣсяцъ и 2 франка за каждую открытую имъ тайную проститутку. Персоналъ этотъ набирается изъ самыхъ низкихъ поддонковъ общества, такъ-какъ легко понять, что ни одинъ порядочный человѣкъ

¹⁾ Нижеслѣдующее изложено нами главнымъ образомъ по недавно вышедшей книгѣ Ива Гюйо: «La prostitution, etude de physiologie sociale», Paris, Charpentier éditeur, 1882.

на такую службу не пойдет. Когда какой-нибудь агентъ тайной полиціи провинится, его, въ наказаніе, переводятъ въ *Service des mœurs*. Канцлеръ, начальникъ тайной полиціи при имперіи, признается въ своихъ мемуарахъ, что въ числѣ его агентовъ былъ «одинъ изъ многихъ въ Парижѣ противоестественныхъ мужчинъ - проститутковъ, который за 125 фр въ мѣсяцъ доносилъ ему обо всемъ, что дѣлалось въ ихъ грязной средѣ». Полицейскій врачъ Жаннелъ, отчаянный защитникъ *police des mœurs*, отзывается однако о своихъ агентахъ, какъ о людяхъ, «которые очень рѣдко удовлетворяютъ желательнымъ требованіямъ ума и нравственной чистоплотности». Они, по его словамъ, крайне «грубы и продажны, занимаются сводничествомъ, шантажемъ, указываютъ развратникамъ мѣстожителство известнаго сорта дѣвиць».

Такимъ-то людямъ довѣряется наблюденіе за нравственностью гражданъ. Во всякое время дня и ночи расхаживаютъ они вдвоемъ, часто втроемъ, по улицамъ Парижа въ поискахъ за добычей. Самымъ закономъ кускомъ представляется, понятно, поимка «*in-soumise*» (непокорной), т. е. проститутки безъ карты. Но такъ-какъ понятіе о проституткѣ очень растяжимое, то дѣйствовать въ каждомъ данномъ случаѣ приходится по вдохновенію. Агенты задумываться не любятъ, и коль скоро женщина имъ кажется подозрительной, да притомъ еще плохо одѣта, на нее внезапно набрасываются, сзади ей скручиваютъ руки и тащатъ. Перепуганная, часто не понимая въ чемъ дѣло, жертва начинаетъ кричать, отбиваться, тогда агенты приходятъ въ ярость, удары, сопровождаемые гнусной бранью, сыплются на бѣдную женщину съ двухъ сторонъ, въ драгѣ ей разрываютъ платье, разстраиваютъ прическу и въ такомъ видѣ тащатъ въ участокъ. Если тамъ, напр., послѣ медицинскаго освидѣтельствованія, оказывается, что арестованная не могла быть проституткой, ее передаютъ суду «за оскорбленіе дѣйствіемъ полицейскихъ агентовъ». Въ другой разъ арестованную отпускаютъ, извиняясь въ ошибкѣ. Это еще самый лучший исходъ, и французки, изъ ложнаго стыда, чрезвычайно рѣдко передаютъ гласности подобныя «ошибки». Иногда это и дѣйствительно опасно. Въ прошломъ году, напр., арестована была одна шестнадцати-лѣтняя дѣвушка; ее отправили въ полицейское депо, потомъ къ врачу, который констатировалъ ея невинность. Эта дѣвушка была невѣстой; черезъ 15 дней была назначена свадьба, оглашеніе было уже сдѣлано. Начать дѣло противъ полиціи—значило-бъ скомпрометтировать жениха, который къ тому-же служилъ чиновникомъ. Оскорбленная дѣвушка боялась, чтобы это не разрушило брака,—и пришлось дѣло замать. Тѣмъ не менѣе, не проходитъ недѣли-двухъ, чтобы въ печать не проникли рассказы

о возмутительныхъ подвигахъ police des moeurs. Въ мартѣ прошлаго года былъ такой случай. Въ половинѣ одинадцатаго часа, вечеромъ, одинъ молодой рабочій вышелъ отъ знакомыхъ съ своей невѣстой и собирался проводить ее домой. Вдругъ три человека бросились на нее и стали тащить съ собой. Это были agents des moeurs. Рабочій пробовалъ заступиться, но одинъ противъ тронхъ ничего подѣлать не могъ, и его избили до крови. Тогда несчастный женихъ бросился къ своимъ знакомымъ и къ привратницѣ дома, откуда только что вышелъ. Знакомые успѣли догнать агентовъ, которые увлекли свою жертву уже довольно далеко. Начались протесты, увѣренія въ честности арестованной дѣвушки, агенты поняли свою ошибку и ступались. 10-го апрѣля текущаго года въ газетѣ «Intransigeant» ообщалось слѣдующее: «Намъ рассказываютъ фактъ помстинѣ невѣроятный. Въ прошломъ мѣсяцѣ, молодая женщина, г жа П., живущая въ улицѣ Павофе, № 65, внезапно исчезла. Ея мужъ, очень перепуганный этимъ происшествіемъ, бросился на поиски, искалъ ее гдѣ только возможно, узнавалъ въ префектурѣ, въ мерѣ, — напрасно! Вдругъ нѣсколько дней тому назадъ, благодаря самой странной случайности, что онъ узнаетъ? Та, которую онъ уже оплакивалъ, была арестована вечеромъ, возвращаясь съ работы, во время полицейской облавы, и заключена въ St.-Lazare. Въ тюрьмѣ ее изсѣдовали. Слѣды недавнихъ родовъ скомпрометтировали (?) ее. Она хотѣла писать. Письма же доходили по назначенію... Несчастный мужъ обратился къ префекту Камескасу, — отвѣта не послѣдовало. Онъ до сихъ поръ еще ждетъ распоряженія о выпущеніи арестованной на свободу. Таковы — прибавляетъ газета — факты какъ они переданы намъ адвокатомъ, который занимается этимъ невѣроятнымъ дѣломъ и помогаетъ заинтересованнымъ своими совѣтами».

Впрочемъ, не одними бѣдными женщинами достается отъ agents des moeurs. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ арестована была среди бѣла дня жена одного дижонскаго банкира, поджидавшая мужа на тротуарѣ. Исторія надѣлала много шума; но когда начальника тайной полиціи спросили, почему онъ дозволяетъ своимъ агентамъ дѣлать подобныя мерзости, онъ небрежно отвѣтилъ:

— Развѣ мужъ оставляетъ жену ждать себя на тротуарѣ!

Вскорѣ затѣмъ была арестована извѣстная артистка Руссель. Когда либеральная печать забила тревогу по этому поводу, аристократическій «L'Ordre» взялъ на себя защиту полиціи въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Я знаю честныхъ женщинъ, которыя вовсе не хвастались подобными приключеніями, когда дѣлались жертвами ихъ. Я знаю одну молодую и прелестную женщину, которая однажды была грубо схвачена полицейскимъ агентомъ и предпро-

вождена въ полицію. гдѣ провела ночь, стораю со стыда, въ обществѣ пьяныхъ дѣвокъ. Напрасно она называла свое имя, давала свой адресъ,—ее не слушали. Она была освобождена только послѣ того, какъ ея мужъ, извѣщенный объ арестѣ, приполъ ее требовать. Что-же, вы думаете, на другой день она бросилась писать письма въ газеты: «меня приняли за публичную женщину, требую справедливости»? Нѣтъ, она молчала».

Ни одинъ фактъ не рисуется въ такой яркой степени злоупотребленія *police des mœurs*, полное отсутствіе отвѣтственности полицейскихъ чиновниковъ и легкое отношеніе французскаго общества къ ихъ проделкамъ, какъ исторія г-жи Эйбенъ. Дѣло это такъ характерно, что я позволю себѣ изложить его по возможности подробнѣе.

Во вторникъ, 29 марта, прошлаго года, въ улицѣ С. Маркъ, при входѣ въ пассажъ Панорама, г-жа Эйбенъ ожидала своихъ двухъ дѣвочекъ, которыя около этого времени обыкновенно возвращались изъ школы. Одѣта она была очень скромно, какъ мать семейства. Вдругъ надъ ея ухомъ кто-то весело провзнесъ:—«Арестуемъ-те-ка эту красавицу!» Въ-то-же время шесть человекъ окружили ее и схватили. Она протестовала, кричала, угрожала, что будетъ жаловаться своему посланнику (она бельгійка), барону Бейансу,—но ничто не помогло. Агенты, подшучивая, повлекли ее въ участокъ. Тамъ г-жа Эйбенъ снова протестовала, но на всѣ свои протесты получила ироническій отвѣтъ бригадира:

— Въ ожиданіи пока вы будете жаловаться господамъ журналистамъ и вашему послу, пожалуйте въ полицію!

Въ восемь часовъ вечера ее повели пѣшкомъ, между двумя городскими, въ другой участокъ, затѣмъ къ полицейскому комиссару. Комисарь, любезно расшаркавшись, приступилъ къ допросу:

— Ваша профессія?

— Драматическая актриса.

— Да, случайно; а потомъ вы еще занимаетесь проституціей.

Г-жа Эйбенъ снова протестуетъ. Комисарь съ прежней любезностью иронизируетъ:

— Еще-бы, это возмущаетъ вашу скромность!

Эйбенъ ссылается на то, что она мать семейства.

— Только этого не доставало, чтобы вы проституировали себя передъ вашими дѣтьми.

Затѣмъ арестованную запираютъ опять въ полицію. Въ половинѣ одиннадцатаго ее призываютъ назадъ, возвращаютъ ей платокъ, зонтикъ, деньги.

— Я могу возвратиться домой? спрашиваетъ она.

Оказывается, что нѣтъ. Ее переводятъ затѣмъ-то въ третій

участокъ, гдѣ опять запираютъ. Въ половинѣ перваго ее усаживаютъ въ полицейскую карету, которая дѣлаетъ свой объѣздъ по городу, забирая во всѣхъ участкахъ арестованныхъ въ теченіи дня. Въ три часа утра г-жу Эйбенъ привозятъ въ депо и помѣщаютъ въ одиночную камеру. Проходятъ двое сутокъ. По истеченіи ихъ арестованную призываютъ... къ судебному слѣдователю.

— Вы обвиняетесь въ возмущеніи противъ агентовъ полиціи!— говоритъ онъ ей.

Эйбенъ признается, что дѣйствительно протестовала противъ ареста.

— Въ томъ-то и дѣло! Вы не должны были протестовать. Если-бы вы не протестовали, васъ, можетъ быть, выпустили-бы.

На другой день г-жу Эйбенъ выпускаютъ на волю такъ-же незаконно, какъ и арестовали.

Опозиціонные журналы увидѣли въ этой возмутительной исторіи удобный случай напасть на ненавистнаго имъ Андриэ, тогдашняго префекта, и подняли страшную, бурю. Общественное мнѣніе заволновалось, пошли народныя собранія, сходки, протесты. Дѣло дошло до того, что палата увидѣла себя принужденной сдѣлать Андриэ запросъ. 10-го апрѣля зала засѣданій въ бурбонскомъ дворцѣ была биткомъ набита. Въ публикѣ замѣчалось много дамъ. На набережной передъ палатой депутатовъ толпилась масса народа; всѣ съ нетерпѣніемъ ждали извѣстія о позорномъ паденіи Андриэ. Вышло, однако, иначе. Запросъ былъ сдѣланъ очень робко. вмѣсто того, чтобы говорить о незаконныхъ подвигахъ «полиціи нравственности», Паскаль потребовалъ отъ префекта разъясненій о причинахъ его столкновенія съ муниципальнымъ совѣтомъ (послѣдній отказался вотировать бюджетъ на содержаніе *police des mœurs*). Андриэ могъ-бы поэтому совершенно обойти вопросъ объ арестѣ г-жи Эйбенъ и, придерживаясь буквы закона, сослаться на то, что упорство муниципалитета нелегально. Съ этой точки зрѣнія онъ былъ-бы, по крайней мѣрѣ формально, правъ. Но Андриэ самъ пошелъ навстрѣчу вызову. Съ дерзостью, которая всегда характеризовала этого человѣка, онъ началъ свой отвѣтъ такимъ образомъ:

— Вы всѣ, конечно, читали въ газетахъ письма нѣкоей Эйбенъ, писанныя ею подъ диктовку журналистовъ, которыхъ я могъ-бы назвать. Публика расчувствовалась надъ судьбою этой женщины, которую считаетъ честной матерью семейства... Вы сейчасъ увидите, была-ли означенная Эйбенъ жертвой ошибки.

Онъ вынимаетъ изъ портфеля тайный доносъ своихъ агентовъ и прочитываетъ изъ этого «документа» слѣдующее: «Вслѣдствіе жалобы нѣсколькихъ комерсантовъ, въ пассажѣ былъ устроенъ

надзоръ; въ указанный день двое городскихъ обратили вниманіе агентовъ на вдову Эйбенъ, которая ходила взадъ и впередъ по пассажию. Убѣдившись, что она три раза старалась привлечь къ себѣ нѣкоторыхъ проходившихъ мужчинъ...

Тутъ поднялся шумъ. Это безстыдное опозориванье незащитной женщины съ высоты трибуна, на основаніи какихъ-то грязныхъ доносовъ заинтересованныхъ лицъ, вывело изъ себя нѣкоторыхъ депутатовъ и они стали протестовать. Но, — какъ сказано въ «Journal officiel» — множество голосовъ въ центрѣ иhalbо закричало: «говорите, говорите!» А Гамбетта, тогда президентъ палаты, усовершенствовавши протестантовъ такимъ аргументомъ:

— Когда нападаютъ на институтъ, который имѣетъ цѣлью оздоровленіе общественныхъ клоаковъ, надо ему дать возможность защищаться!

Поощренный ораторъ продолжалъ: «Тогда, обращаясь къ агентамъ, она сказала: Я бельгійка, моего освобожденія потребуешь одинъ баронъ, онъ вамъ задастъ». Это показалось такъ смѣшно, что вся палата покатила съ смѣху. «Journal officiel» констатируетъ въ этомъ мѣстѣ рѣчи: «продолжительный смѣхъ и шумъ».

— И такъ какъ она отказалась слѣдовать за агентами, продолжалъ Андриэ, — они принуждены были ее вести до участка.

Долго говорилъ онъ въ этомъ духѣ, и все на основаніи доносовъ тайной полиціи, ни на минуту не заподозрѣвая ихъ достоверность, не подумавъ провѣрить ихъ показаніями постороннихъ свидѣтелей. Въ концѣ концовъ Андриэ вышелъ побѣдителемъ.

Между тѣмъ судебный слѣдователь продолжалъ свое дѣло. Онъ далъ обвиняемой очныя ставки съ городскими, на которыхъ ссылались агенты, съ комерсантами, которые будто-бы требовали ея ареста, какъ завѣдомой проститутки, — и ни одинъ изъ нихъ ее не призналъ; всѣ ссылки Андриэ оказались вымышленными. Слѣдствіе пришлось, наконецъ, прекратить за неизмѣнимъ рѣшительно никакихъ данныхъ. Тогда Эйбенъ обратилась въ палату съ просьбой о дозволеніи преслѣдовать Андриэ судебнымъ порядкомъ, какъ клеветника. Но палата не согласилась; большинствомъ 324 голосовъ противъ 91 рѣшено было просьбу оставить безъ вниманія.

Институтъ полиціи нравственности дѣйствуетъ крайне развращающимъ образомъ на публику. Любовникъ, желающій отдѣлаться отъ надѣвшей ему женщины, отвергнутый ловеласъ, соперница, квартирная хозяйка, всѣ мстятъ бѣдной женщинѣ тайными доносами въ полицейскую префектуру. Послѣдняя не разбираетъ, и если женщина имѣетъ любовника, или просто живетъ въ меблированныхъ комнатахъ, ее непременно арестуютъ. Слу-

чается нерѣдко, что хозяйинъ соблазнить свою служанку, она дѣлается беременной, является опасность, что жена узнаетъ, выйдетъ скандалъ. Тогда маленькое, даже неподписанное письмецо въ полицію исправляетъ все дѣло...

Ужасъ, вселяемый police des mœurs французской женщины и даже мужчинъ, такъ великъ, что онъ почти ежедневно эксплуатируется мошенниками. Въ Лиллѣ существовала въ теченіи трехъ лѣтъ шайка «шадунговъ», которая нападала въ булонскомъ гѣсу на влюбленныхъ парочки и выдавала себя за agents des mœurs; такимъ манеромъ ей всегда удавалось мужчину обобрать, а женщину изнасиловать. По собственному сознанію этихъ негодяевъ, они успѣли изнасиловать болѣе 500 женщинъ, и ни одна изъ нихъ не пожаловалась въ судъ. Въ 1880 г. такая-же организованная шайка судилась въ Парижѣ.

Въ облавахъ на «неповорныхъ» полиція дѣятельно помогаетъ дозволеннымъ проституткамъ, такъ называемымъ «les filles en carte». Онѣ съ ожесточеніемъ выслѣживаютъ своихъ соперницъ и потомъ натравливаютъ на нихъ агентовъ. Въ меблированныхъ комнатахъ, въ два-три часа ночи, часто жильца будитъ необычный шумъ. Въ корридорѣ слышенъ топотъ десятка мужскихъ сапоговъ, двери сосѣднихъ комнатъ отпираются одна за другой, оттуда раздаются женскія рыданія, крики ужаса, мольбы, истерики... Это police des mœurs спасаетъ нравственность парижанъ. У полиціи правило: честная женщина не живетъ въ номерахъ; поэтому всякая, которая тамъ живетъ, тѣмъ самымъ подозрительна. Агенты врываются въ комнату спящей женщины (въ большинствѣ случаевъ это работницы) и первымъ дѣломъ хватаютъ ее за руки:

— У васъ не видно уколовъ иглы на пальцахъ, вы не работаете—пожалуйте!

— Но вѣдь я не швея, я цвѣточница, я полировщица, я красильщица...

— Ладно, тамъ увидимъ,—одѣвайтесь.

Женщина, которая арестуется при такихъ условіяхъ, неминуемо получить карту. Поэтому при первой тревогѣ ночного обыска, обитательница меблированной комнаты старается спастись бѣгствомъ. Но это не всегда удается; тогда несчастная приходитъ въ отчаяніе, падаетъ въ истерику, мечется внѣ себя по комнатахъ. Иногда происходятъ при этомъ страшныя драмы. Въ 1878 г. одна дѣвушка, желая спастись отъ агентовъ, выпрыгнула изъ окна второго этажа. Она упала на стеклянную крышу, которая разбилась подъ тяжестью ея тѣла, совершенно изуродовавъ его. Она была поднята полумертвой, съ переломленными обѣими

ногами. Черезъ два дня она умерла. Дѣвушка эта, какъ оказалось потомъ, не была проституткой,—она занималась швейными работами.

Послѣ такой бѣшеной травли тайной проституціи, естественно предположить, что полиція по крайней мѣрѣ достигаетъ своей ближайшей цѣли, т. е. что большая часть практикующихъ проститутокъ записаны, имѣютъ билеты. Статистика показываетъ, однако, что этого нѣтъ. Изъ 60,000 женщинъ, которыя, по вычисленію полиціи, живутъ въ Парижѣ проституткой, записано при полиціи только 3,580; но и изъ этой сравнительно ничтожной цифры нужно еще вычесть около 1,900 женщинъ, которыя постоянно находятся въ бѣгахъ, потому-ли, что больны или просто потому, что не желаютъ подчиниться черезъ-чуръ строгимъ требованіямъ полиціи.

Женщина, попавшая «en cage», дѣлается вещью, собственностью полиціи, которою можно распорядиться безконтрольно. Закона относительно нея не существуетъ, такъ какъ даже обычныхъ человѣческихъ правъ за ней не признается. Если подрядчику тюрьмы St.-Lazare потребуется вдругъ много работницъ, онъ даетъ знать police des mœurs и она устраиваетъ облаву (rafle). Въ теченіи двухъ-трехъ часовъ забираютъ на бульварахъ 100 — 150 женщинъ и отправляютъ въ тюрьму на мѣсяць, два, три,—смотря по надобностямъ подрядчика. Иногда облавы устраиваются агентами для погѣхи знатныхъ иностранцевъ, для знакомыхъ своихъ. Поводомъ, чтобы арестовать проститутку, безконечно много. По регламенту полиціи, она имѣетъ право появляться на улицѣ только отъ семи часовъ вечера до 11 ночи. Но вѣдь и проституткѣ надо ѣсть, и вотъ, если она выйдетъ утромъ на рынокъ, въ ресторанъ или въ лавку—она уже нарушила правила и подлежитъ аресту. Если она пойдетъ въ гости къ товаркѣ или приметъ ее у себя, если она гуляетъ внѣ своего квартала, сидитъ у окна, заговариваетъ съ проходящими, живетъ въ меблированныхъ комнатахъ безъ особаго разрѣшенія полиціи (отъ нее требуется жить своей мебелью) — все это проступки, подлежащіе одному наказанію—заключенію въ St.-Lazare. Срокъ заключенія зависитъ отъ усмотрѣнія администраціи. Иногда ихъ держатъ по цѣлому году, иногда выпускаютъ черезъ нѣскольکو дней. Иныя выходятъ изъ тюрьмы, чтобы черезъ день быть забранными вновь, другія могутъ дѣлать что угодно и никогда не попадаютъ въ тюрьму, если кочему-нибудь пользуются покровительствомъ полиціи. Однимъ словомъ, произволъ тутъ царствуетъ полный.

Этотъ-то произволъ вызвалъ къ жизни во Франціи существованіе особенно гнуснаго типа альфонсовъ — souteneur'a, который

недавно подалъ поводъ въ Парижѣ къ извѣстнымъ беспорядкамъ въ латинскомъ кварталѣ.

Сутенёръ живетъ на счетъ проститутки. Обыкновенно онъ живетъ съ нею на одной квартирѣ, но не всегда. Есть сутенёры, которые сразу имѣютъ 5—6 женщинъ и ни съ одной изъ нихъ не живутъ. Они даже могутъ быть почтенными отцами семейства и снискивать ему пропитаніе посредствомъ сутенёрства. Функціи сутенёра очень разнообразны. Онъ предупреждаетъ свою «marmite» о приближеніи агента, когда она въ недозволенный часъ разыскиваетъ себѣ кліентовъ. При удобномъ случаѣ онъ защищаетъ ее противъ агента или противъ беспокойнаго «гостя». Когда ее арестуютъ, онъ хлопочетъ объ ея освобожденіи. Этому ему не трудно бываетъ добиться, такъ какъ съ полиціей онъ всегда большой пріятель; онъ вертится въ мірѣ воровъ и мошенниковъ и оказываетъ полиціи услуги въ качествѣ шпіона. Во время беспорядковъ онъ помогаетъ полиціи, дерется рядомъ съ ней. Насколько сутенёры и полиція взаимно связаны, показываетъ слѣдующая выписка изъ «Мемуаровъ Канлера». «...Другой сутенёръ—говоритъ Канлеръ—имѣлъ что-то въ родѣ справочной конторы. Онъ продавалъ доносы своимъ товарищамъ. Marmite одного изъ нихъ, положимъ, отправлена въ St. Lazare. Тогда онъ отправляется въ контору, покупаетъ доносъ и относитъ въ полицію; взаменъ этого его marmite немедленно освобождаютъ. Другой примѣръ: проститутка приговорена къ шестимѣсячному заключенію въ St. Lazare, сутенёръ идетъ въ контору:

- Есть у васъ хорошій доносъ?
- Есть, адресъ двухъ извѣстныхъ воровъ, которыхъ полиція не можетъ розыскать.
- Сколько?
- Пятьсотъ франковъ.
- Дорого, не могу.

«Начинаютъ торговаться; наконецъ, порѣшили на 300 фр., и сутенёръ отправился въ полицію съ адресомъ, въ обмѣнъ на освобожденіе арестованной.

«Я зналъ одного сутенёра по имени Кутелье—продолжаетъ Канлеръ—который всегда имѣлъ въ нѣсколькихъ кварталахъ по 5—6 marmites; каждый вечеръ, когда онъ дѣлалъ свой обходъ, онъ передавали ему одну или двѣ пятифранковыя монеты. Кутелье пользовался большою репутацией у этихъ женщинъ; онъ добивался его покровительства, такъ какъ онъ никогда не оставлялъ своихъ marmites больше двухъ-трехъ дней въ С.-Лазарѣ». Его карманы были всегда наполнены доносимами.

Проститутка-одиночка, преслѣдуемая полиціей на каждомъ ша-

гу, находить одинъ исходъ изъ этого положенія, если у нея нѣтъ покровителей въ видѣ вліятельнаго сутенѣра или агента,—поступить въ публичный домъ. Сосредоточить развратъ въ домахъ терпимости—это завѣтная мечта полицейскихъ философовъ и писателей. «Дома терпимости—по выраженію Лекюре—это основаніе всякой регламентированной проституціи. Полиція не только не ограничиваетъ ихъ числа, но всегда содѣйствуетъ открытію новыхъ». Паранъ-Дюшатлэ полагалъ, что «высшая слава, на которую можетъ претендовать полицейскій префектъ, заключается въ устройствѣ публичныхъ домовъ. Г. Паскье, — говоритъ онъ объ одномъ изъ префектовъ, — котораго вы можете навѣрное найти вездѣ, гдѣ дѣло касается мѣръ, обнаруживающихъ административный талантъ и высшій геній, умножилъ, сколько могъ, публичные дома. Въ интересахъ общественнаго блага, полиція должна окружать ихъ всевозможнымъ покровительствомъ». Такимъ образомъ, открыть публичный домъ—своего рода способъ заниматься общественной дѣятельностью, приносить пользу обществу. Занятіе не только не позорное, но какъ-будто очень почтенное. Такъ думаетъ полиція, и содержатели домовъ вполне раздѣляютъ ея образъ мыслей. Прошеніе о дозволеніи открыть публичный домъ всегда пишется въ возвышенномъ стилѣ.

«Находясь въ преклонномъ возрастѣ,—пишетъ одинъ—и чувствуя себя готовымъ отдать душу Богу и явиться предъ праведнымъ судомъ Его, я считаю своей обязанностью позаботиться о нуждахъ дѣтей моихъ и доставить имъ средства къ существованію» — а потому... этотъ почтенный патріархъ умоляетъ префекта разрѣшить его дочери и внучкѣ открыть «une tolérance» (терпимость). Другіе пишутъ:

«Г. Префектъ,

Вы одинъ — моя опора и защита; обремененная малолѣтней семьей, я умоляю васъ не отказать мнѣ въ честномъ способѣ къ жизни и воспитанію моихъ дѣтей; не отнимите у меня, г. префектъ, утѣшеніе, въ которомъ такъ нуждается несчастная мать».

«Г. Префектъ,

Дѣвица Д., имѣетъ честь доложить вамъ, что претерпѣнные ею жестокіе удары судьбы довели-бы ее до послѣдняго акта отчаянія, если-бы ее не удержало религиозное чувство, которое запрещаетъ человѣку распоряжаться тѣмъ, что дано свыше. Ея строгое и рассудительное поведеніе, ея забота о родителяхъ и своихъ собственныхъ дѣтяхъ заслужили ей почетъ и уваженіе всѣхъ людей добра (*gens de bien*); не будучи въ состояніи работать, она проситъ дозволеніе принять къ себѣ шесть женщинъ»..

Когда Ивъ Гюйо началъ кампанію противъ *police des moeurs*, —

о чемъ будетъ сказано ниже, — содержатели публичныхъ домовъ переполопились. Многие послали ему ругательныя и угрожающія письма, другіе старались поддѣйствовать на него убѣжденіемъ. Одинъ изъ послѣдней категоріи писалъ слѣдующее: «Женщины, которыя находятся въ публичныхъ домахъ, лучше охраняются чѣмъ одиночки. Тѣ, которые ихъ содержатъ и торгуютъ ими, но большей части честные люди; разворившіеся торговлей, они берутся за это ремесло, какъ взялись-бы за всякое другое, чтобы найти себѣ средства къ жизни».

Дружба полиціи съ публичными домами очень важна. Предупредительность не имѣетъ границъ, она доходитъ до того, что полиція сама вербуетъ для нихъ женскій персоналъ. Проститутки-одиночки часто слышатъ въ полиціи такого рода назидательные разговоры:

- Вы не имѣете права жить въ меблированныхъ комнатахъ.
- Но у меня нѣтъ собственной мебели.
- Въ такомъ случаѣ отправляйтесь въ публичный домъ, иначе мы васъ засадимъ въ St. Lazare.

Содержательницы домовъ терпимости еще очень недавно имѣли право являться въ полицію во время обычнаго медицинскаго освидѣтельствованія проститутко-одиночекъ, чтобы выискивать себѣ среди нихъ подходящій товаръ. Торговля велась открыто, громкимъ голосомъ, полицейскіе агенты присутствовали при немъ, поддерживая сторону «госпожи патронши», дѣйствуя то убѣжденіями, то угрозами. Въ Бордо это дѣлается еще до сихъ поръ.

Торговля женщинами во Франціи правильно организована, она имѣетъ своихъ факторовъ, свою биржу, курсъ и выработанные обычаи. Въ Парижѣ существуютъ кафе и рестораны, въ которыхъ постоянно встрѣчаются сводники и устанавливается курсъ на женщинъ. Тарифъ измѣняютъ, смотря по качеству товара и по городу. Въ Версали маклеръ получаетъ за комиссію 25 фр. со штуки. Есть особые специалисты, которые занимаются соблазненіемъ дѣвушекъ и затѣмъ доставляютъ ихъ въ публичные дома. Другіе выдаютъ себя за агентовъ, прискивающихъ мѣста для женской прислуги; крестьянская дѣвушка является къ нимъ, совершенно увѣренная, что это agents de placements, и попадаетъ неожиданно-негаданно въ публичный домъ. Тамъ на нее немедленно записывается долгъ въ 300—400 фр. и, если она не хочетъ остаться, ее страшатъ полиціей, судомъ и тюрьмой. Подставные свидѣтели всегда налицо, полиція беретъ сторону патронши, и нужно имѣть много силы воли и характера, чтобы вырваться изъ рукъ этихъ ястребовъ. Гляно приводитъ любопытные образчики торговой корреспонденціи комерсантовъ проституціи. Это, какъ увидите, на-

стоящая торговли. Нѣкая madame A. M. пишетъ своднику: «Если вы можете доставить достаточно красивыхъ гризетокъ, мнѣ бы это было очень на руку». Madame A., изъ Монпелье, пишетъ сводницѣ въ Бордо: «За поѣздку туда и назадъ будетъ вамъ, конечно, уплачено. Я могла бы у васъ брать ихъ по 3—4, ежемѣсячно. Если найдете—извѣстите меня: тогда вамъ стоить только явиться на вокзалъ, и вы получите изъ кассы даровые билеты до самаго Монпелье». Такимъ образомъ, желѣзнодорожныя компании открываютъ текущіе счета содержателямъ публичныхъ домовъ, какъ всякимъ другимъ торговымъ домамъ!.. Г-жа С. изъ Тулона: «Мнѣ нужно одну или двухъ дѣвицъ, красивыхъ, не очень большихъ и не очень толстыхъ, которыя не очень много должны и имѣютъ метрическое свидѣтельство и паспортъ 21 года». Этой С. вовсе не нужно, чтобы товаръ дѣйствительно былъ совершеннолѣтній, нужны только паспорта совершеннолѣтія,—что не одно и то-же. Ибо такіе паспорта даже для дѣтей 14—15 и 17 лѣтъ получаютъ посредствомъ установленнаго тарифа или просто фабрикуются извѣстными специалистами. Содержательницы домовъ терпимости обмѣниваются, напр., такими телеграммами: «Привезите дѣвину; скажите ей условія дома: носятъ пемьюаръ и выѣзжаютъ только въ каретѣ» (я сейчасъ объясню значеніе этикъ терминовъ). Почта доставляетъ по адресу письмо съ надписями: «Г-жѣ Алисѣ В, сводницѣ», или: «Сводницѣ, улица такая-то». Но характернѣй всего письмо, опубликованное недавно газетою «Lanterne». Пишетъ г-жа Лоттекъ своему супругу: «Дорогой муженекъ, мнѣ очень неприятно, что приходится тебѣ противорѣчить. Но вѣдь я всегда тебѣ говорила: я не хочу бельгійскъ и никогда ихъ къ себѣ не возьму. Нашъ домъ на улицѣ NN открывается только въ началѣ іюня, стало быть время терпѣть. Дѣвицъ Гиленъ и Сары довольно будетъ для начала; недѣли черезъ двѣ можно будетъ прикупить еще пару. Привули гдѣ хочешь, только не въ Бельгія. Эти слишкомъ испорчены: онѣ читаютъ «Lanterne» и черезчуръ прогрессивны (!)... Никогда не нужно брать дѣвицъ изъ возвышенныхъ сферъ. Перемѣна для нихъ слишкомъ рѣзка. Если у тебя наклеивается выгодное дѣльце, напиши Р. и другимъ, дай заработать своимъ друзьямъ; я же изъ за нѣсколькихъ сотенъ франковъ не хочу заниматься маклерствомъ. Я нахожу, что у меня довольно денегъ. Я не хочу безпокойствъ, мнѣ тацерь очень хорошо, я вполне счастлива. Если ты не хочешь возвратиться домой, прими дѣвину одну; нужно посмотрѣть можно-ли имѣть къ ней довѣріе». Къ этому письму приложенъ отчетъ о торговлѣ въ теченіи недѣли: «Вторникъ—320 фр., среда—190» и т. д.

Передъ тѣмъ, какъ отправить купленную женщину въ другую „Дѣло“ № 6 1883 г., II.

городъ, ее приводятъ къ врачу на освидѣтельствованіе. Но тутъ иногда оказываются мошенничества. Товаръ, гарантированный мѣстнымъ врачомъ, по прибытіи на мѣсто назначенія оказывается болынымъ. Тогда покупатель отсылаетъ негодный товаръ обратно и требуетъ черезъ полицейскаго комисара, въ округѣ котораго состоялся торгъ, возвращенія денегъ. Комисаръ принимаетъ сторону своего протезе, говоритъ, что товаръ былъ отправленъ въ исправности и испорченъ былъ только потому, что деньги получены были законно, и въ видѣ наиболѣе дѣйствительнаго аргумента угрожаетъ безпокойному покупателю арестомъ, если онъ будетъ настаивать.

Между содержателями и сводниками различныхъ странъ существуетъ международная организація. Брюссельскій процессъ обнаружилъ, что въ Лондонѣ существуетъ агентство, которое доставляетъ въ публичные дома всего континента молодыхъ и главнымъ образомъ несовершеннолѣтнихъ англичанокъ. Одинъ изъ членовъ этого агентства, очень красивый мужчина, который, смотря по обстоятельствамъ, назывался то Максомъ, то Шульцемъ, то Селькартсомъ, — имѣлъ совершенно новаго рода спеціальность: онъ соблазнялъ молодыхъ дѣвушекъ, обѣщая жениться, привозилъ ихъ на континентъ и продавалъ въ публичные дома. Дѣвушки эти были всѣ несовершеннолѣтнія. По закону, который во Франціи и Бельгіи въ этомъ отношеніи одинъ и тотъ-же, за пріемъ въ публичный домъ несовершеннолѣтней дѣвушки содержатель наказывается тюремнымъ заключеніемъ до 2-хъ лѣтъ; полицейскій чиновникъ, выдавшій карту, наказывается каторжными работами. Тѣмъ не менѣе, брюссельская полиція (и, какъ увидимъ ниже, парижская также) сплошь и рядомъ записывали малолѣтнихъ дѣтей въ разряды дозволенной проституціи. Дѣлалось это въ Брюсселѣ слѣдующимъ образомъ. На другой день по прибытіи въ публичный домъ, похищенную дѣвушку приводили въ полицію, говоря ей, что это таможня. Полицейскій чиновникъ не зналъ или притворился, что не зналъ англійскаго языка, англичанки не знали французскаго, поэтому допросъ свой чиновникъ снималъ черезъ переводчицу, которая была никто иная, какъ сама содержательница. Дѣвушка 16—17 лѣтъ записывалась подъ вымышленнымъ, а еще чаще подъ дѣйствительнымъ именемъ какой-нибудь честной, совершеннолѣтней дѣвушки, которая проживала себѣ въ Лондонѣ, ничего не подозрѣвая. Краденые или поддѣланные паспорта представлялись полиціи, какъ документы мнимой проститутки — и дѣло было кончено. Послѣ этого бѣдной англичанкѣ оставалось только покориться своей участи, въ противномъ случаѣ ей угрожали тюрьмой за совершенный будто-бы ею подлогъ. Въ брюссельскомъ процессѣ выяснился даже такого рода невѣроятный

фактъ: 17-лѣтняя дѣвица Танеръ, обманомъ привезенная и помѣщенная въ публичный домъ, имѣла нѣкоторый органическій порокъ въ устройствѣ тѣла. Ее помѣстили въ больницу для проституткоу, и полицейскіе врачи взялись сдѣлать ей операцію, чтобы она была въ состояніи заниматься ремесломъ, для котораго была продана.

Въ Парижѣ записыванье въ проституцію малолѣтнихъ дѣтей практикуется съ давнихъ поръ. У Паранъ-Дюшатлэ приводится таблица, изъ которой видно, что въ 1832 гг. въ регистрахъ полиціи находилось:

20 проституткоу	14 лѣтъ.
6	»	13 »
3	»	12 »
3	»	11 »
2	»	10! »

Въ періодъ 1857—1866 гг., изъ числа 4097 дозволенныхъ проституткоу было 1354, т. е. 33%, несовершеннолѣтнихъ.

Въ 1877 году обнаружено было, что въ одномъ публичномъ домѣ находится дозволенная полиціей дѣвочка 15 лѣтъ; въ другомъ случаѣ одна 15-лѣтняя негрятянка была записана какъ имѣющая 18 лѣтъ. Обыкновенно-же, относительно малолѣтнихъ дѣтей въ домахъ терпимости полиція придерживается такой системы: она ихъ не записываетъ въ регистръ, но *терпитъ* ихъ, какъ она выражается, и подвергаетъ обычнымъ медицинскимъ освидѣтельствованіямъ наряду съ записанными. Для того-же, чтобы избавить себя отъ отвѣтственности въ случаѣ надобности, полиція прибѣгаетъ къ слѣдующей уловкѣ. Малолѣтнюю дѣвочку заставляютъ подать прошеніе о выдачѣ «билета»; билета ей не выдаютъ, но прошеніе приобщается къ дѣлу и держится всегда наготовѣ, какъ доказательство, что дѣвочка окончательно испорчена и что ей другого исхода, какъ поступить въ публичный домъ, никакого не остается.

Любезность полиціи относительно содержателей публичныхъ домовъ этимъ не ограничивается. Она не только вербуетъ для нихъ женскій персоналъ и дозволяетъ, вопреки закону, содержать малолѣтнихъ дѣтей,—она еще помогаетъ содержателямъ удерживать ихъ у себя. Для этого выработана цѣлая система, которая практикуется съ вѣдома и при помощи полиціи. Какъ только дѣвушка попала въ домъ, она прежде всего дѣлается неоплатнымъ должникомъ его. Деньги, уплаченныя національному или интернаціональному агенту за дѣвушку, представляютъ первый долгъ, который, смотря по качеству товара, колеблется между 300 и 1,200 франковъ. Затѣмъ отъ новоприбывшей отнимаются всѣ ея вещи, до

рубашки и чулокъ включительно, и ей нужно себѣ сшить особый мундиръ. Это — коротенькая тюлевая рубашка до коленъ, сильно декольтированная и безъ рукавовъ; на ноги одѣваются длинные цвѣтные чулки и башмаки на высокихъ каблукахъ. Вотъ и все. Костюмъ, конечно, недорогой, но проституткѣ одинъ только «пеньюаръ» обходится въ 60 франковъ. Причина понятна: всѣ свои покупки дѣвушка обязана дѣлать въ самомъ домѣ, а цѣны тамъ бѣшенныя. Каждый день она должна заплатить парикмахеру за прическу 1 фр.; стаканъ кофе, пива, вина, пачка папирозъ стоятъ 2 франка; бѣлила, румяна, духи, бѣлье въ такой-же пропорціи. Нѣтъ, стало быть, ничего удивительнаго, что проститутка никогда не вытѣзаетъ изъ долговъ содержателя дома. Какъ-бы много она ни зарабатывала, она съ каждымъ днемъ все больше и больше должна. Ей ничего ужъ не принадлежитъ: ни чулки, которые она носить, ни кусочекъ тюля, прикрывающій ея наготу, ни цвѣтная ленточка, украшающая ея напомаженные, надушонные волосы. Все это обременено непомернымъ долгомъ. Пожелай она уйти при подобныхъ обстоятельствахъ, отъ нея прежде всего потребуютъ уплаты долга. А гдѣ она его возьметъ?... Приходится или оставаться, тянуть лямку до конца, благо недолго, — средняя продолжительность жизни въ этихъ домахъ — *четыре года*, — или-же убѣжать тайкомъ. Это, вообще говоря, довольно мудро: двери дома устроены такъ, что войти въ нихъ легко, но выйти безъ помощи ключа нѣтъ никакой возможности; къ тому-же содержатель, какъ аргусъ, постоянно на-сторожѣ и бдитъ надъ своимъ рабочимъ скотомъ, какъ надъ зѣницей ока своего. Но вотъ, положимъ, ей удалось перескочить заповѣдный порогъ, она очутилась на улицѣ. Этимъ фактомъ она совершила два преступленія: она оскорбила общественную нравственность (это наз. *attentat publique à la pudeur*), появившись на улицѣ въ чрезвычайъ откровенномъ костюмѣ, — за это первый попавшійся городской обязанъ ее арестовать; во вторыхъ, она оскорбила священный принципъ собственности, она — воровка. Воровка чего? спросите вы. — Пеньюара и чулокъ, которые принадлежатъ не ей, а хозяйкѣ дома.

Пуара-Дюваль и Требуше — полицейскіе философы, пишутъ: «Такъ какъ администрація заставляетъ хозяекъ дома одѣвать своихъ дѣвицъ (въ тюлевые пенюары), то она сочла нужнымъ вмѣшаться въ дѣла о кражѣ предметовъ туалета. Дѣвицы, виновныя въ такихъ кражахъ, не имѣющія возможности возвратить украденную вещь или уплатить ея стоимость, присуждаются къ наказаніямъ соотвѣтственно важности совершенной поправки».

Такихъ цитатъ можно-бы набрать очень много; это тѣмъ легче сдѣлать, что всѣ авторы высказываютъ въ этомъ отношеніи самое

трогательное единодушіе. «Воровою слѣдуетъ наказывать», особенно потому, что надо поддерживать «содержательницъ домовъ, существованіе которыхъ настоятельно необходимо».

Отеческое попеченіе полиціи объ интересахъ содержательей домовъ терпимости идетъ еще дальше. Проститутка не можетъ перейти изъ одного дома въ другой безъ аттестата отъ оставшаго хозяина «о хорошей жизни и поведеніи (un certificat de bonne vie et moeurs)», т. е. что она аккуратно исполняла свою работу и не подавала патронамъ повода къ неудовольствію. А удовлетворить хищность послѣднихъ дѣло очень мудреное. Они слѣдятъ повозможности скорѣе выжать изъ купленной женщины всѣ соки. всѣ выгоды, которыя она можетъ принести. Патроны во всякое время боятся, что «работница» заболѣетъ, слѣдается негодной къ ремеслу, помретъ или убѣжитъ,—тогда капиталъ потерянъ, комерціи ущербъ. Поэтому ее заставляютъ работать безъ всякой пощады, во всякое время дня и ночи, когда только имѣются кліенты, и такъ въ теченіи цѣлѣкъ годовъ, пока она, истощенная, больная, перестаетъ приносить доходъ, дѣлается ненужной. Тогда ее, какъ старую клячу, выгоняютъ вонъ, безъ всякихъ формальностей и разговоровъ. «Матроны никогда не щадятъ своихъ женщинъ»—разсказываетъ Паранъ-Дюшатле, этотъ знатокъ описываемаго нами міра, — эти несчастныя должны *работать*, какъ онѣ выражаются на своемъ техническомъ языкѣ, или идти въ больницу. Онѣ никогда не имѣютъ право отказать отъ практики. Содержательницы употребляютъ возмутительныя средства, чтобы абортировать женщинъ, отъ которыхъ получаютъ большую прибыль, и даютъ имъ такія сильнодѣйствующія лекарства, что призванный врачъ часто предполагаетъ отравленіе. Во всемъ Парижѣ не болѣе 3—4 матроны, которыя зовутъ врача въ случаѣ болѣзни ихъ женщинъ и держать ихъ у себя до выздоровленія. Онѣ обязаны работать не только у себя, у своего хозяина,—содержательницы часто одолаживаютъ ихъ другъ другу въ обмѣнъ или за извѣстную плату, какъ отдающій въ наемъ кареты вступаетъ съ своимъ собратомъ въ сдѣлку относительно извѣстнаго числа лошадей.

«На нихъ смотрятъ, какъ на рабынь или вьючныхъ животныхъ, которыя должны приносить столько-то и столько-то въ день. Говоря о женщинѣ, которая по той или другой причинѣ нравится посятителямъ и привлекаетъ къ себѣ кліентовъ, содержательницы выражаются, что *она хорошо работаетъ*. Это единственное право женщины на симпатію хозяйки, которая немедленно выгоняетъ ее вонъ, какъ только она дѣлается невыгодной».

Обитательница публичнаго дома должна «работать»; поэтому болѣть ей не полагается. Больною она считается лишь въ слу-

чаяхъ сильнаго остраго страданія, которое дѣлаетъ ее абсолютно неспособной продолжать коммерцію. Тогда ее отправляютъ въ больницу. Но болѣзни хроническія въ счетъ не идутъ. Чихотка, болѣзни сердца, желудочно-кишечнаго канала или печени — все это такіе пустяки, которые работать не мѣшаютъ непосредственно; стало быть надо работать! Даже въ случаяхъ заболѣванія той страшной болѣзью, отъ которой проститутка рано или поздно непременно погибаетъ, если ее не убьетъ раньше чихотка или алкоголизмъ, — даже въ этихъ случаяхъ содержатель не спѣшитъ отправить ее въ больницу. Ее безъ помощи врача начинаютъ усиленно пичкать ртутью, пока исчезнутъ внѣшніе признаки болѣзни, и больная продолжаетъ накапливать капиталъ для своего патрона, распространяя вокругъ себя заразу на всѣ стороны. Неудивительно послѣ этого, если полицейская-же статистика показываетъ намъ, что публичные дома и служатъ главнымъ очагомъ сифилитическаго яда.

Есть еще источникъ зараженія дозволенныхъ проституттокъ, это у полицейскаго врача, который производитъ освидѣтельствованія. Замѣчено и констатировано цифрами во многихъ государствахъ, что чѣмъ чаще производится обязательныя изслѣдованія проституттокъ черезъ врача, тѣмъ чаще и случаи заболѣванія сифилисомъ. Фактъ этотъ подтверждается такимъ авторитетомъ, какъ Лансеро, который увѣряетъ даже, что дѣйствительное число зараженій посредствомъ зеркала гораздо выше, чѣмъ то показываютъ статистическія данныя. Причина понятна: «женщина, зараженная при изслѣдованіи ея медицинскимъ инструментомъ, всегда подозревается, что получила болѣзнь болѣе обычнымъ способомъ». Иначе и быть не можетъ. Въ полицейскіе врачи идутъ обыкновенно самые бездарные и невѣжественные эскулапы безъ практики. Жалованье они получаютъ ничтожное. Главная работа лежитъ, разумѣется, на обязанности помощниковъ; главный начальникъ только наблюдаетъ, т. е. аккуратно получаетъ жалованье каждое 1-е число и ничего не дѣлаетъ. При томъ презрѣніи, съ которымъ смотрятъ на проституттокъ и въ обществѣ и въ полиціи, понятно, что врачъ вовсе не усердствуетъ, чтобы открыть дѣйствительно-ли больна изслѣдуемая женщина или нѣтъ. Часто ему это бываетъ и невыгодно: отъ полиціи онъ получаетъ 150—200 франковъ въ мѣсяцъ, а отъ содержателей вдвое или втрое больше. Но даже добросовѣстный врачъ тутъ ничего не подѣлаетъ. Наука требуетъ на точное освидѣтельствованіе каждой женщины по крайней мѣрѣ 10—15 минутъ, а полицейская практика — дѣло совершенно другое. Врачу приходится обязательно изслѣдовать въ извѣстный день, отъ какого-то часа до такого, болѣе 50 женщинъ въ теченіи одного часа, т. е. почти

1 женщину въ минуту. Какъ-же тутъ можетъ быть рѣчь о научномъ изслѣдованіи? Добавьте къ этому, что врачъ—чиновникъ, подвѣдомственный полиціи, которая властна его прогнать или повысить по своему произволу, и что поэтому врачъ обязанъ подчиняться требованіямъ и даже капризамъ полиціи. А у полиціи, какъ мы видѣли, правило—не придирается къ содержателямъ.

Но представьте себѣ наилучшій случай: врачъ, освидѣтельствовавъ проститутку, нашолъ несомнѣнные признаки сифилиса и сдалъ больную въ руки полиціи, которая немедленно отправляетъ ее въ тюремную больницу С. Лазарь. Сифилисъ—болѣзнь страшная, какъ извѣстно; она поражаетъ весь организмъ, всѣ органы и соки человека. Чтобы вылечить или, вѣрнѣе, остановить ея разрушающее дѣйствіе, сдѣлать ее не заразной, нужно, кромѣ энергичнаго леченія, еще *время*. Продолжительность этого времени опредѣляется различными специалистами и авторитетами, какъ *минимумъ*, въ 3—4 года. Судите же теперь, на сколько выполняется это требованіе науки, изъ слѣдующей таблицы, заимствованной изъ отчета парижской префектуры.

Содержалось въ С. Лазарь сифилитическихъ женщинъ:

123 женщины	10 до 19 дней.
77 »	20 » 29 »
53 »	30 » 39 »
43 »	40 » 49 »
31 »	50 » 59 »
25 »	60 » 69 »
8 »	70 » 79 »
5 »	80 » 89 »
7 »	90 » 99 »
8 »	100 » 125 »
2 »	126 » 150 »
7 »	151 » 199 »
3 »	200 » 250 »

Съ медицинской точки зрѣнія, этотъ результатъ—нуль. Громадное большинство больныхъ выпускается немедленно, какъ только исчезаютъ *внѣшніе* признаки болѣзни, хотя послѣдняя сохраняетъ еще полную силу своей заразительности. Выписанная въ такомъ состояніи больная получаетъ свидѣтельство, что здорова, и такимъ образомъ легально, съ спокойной совѣстью, можетъ распространять направо и налево страшный ядъ, ведущій къ вымиранию и вырожденію цѣлыхъ народовъ. Вотъ до какой нечеловѣчности и лицемерія

доходить грубая система регулюванія соціальнихъ язкъ полицейскими мѣрами.

Къ счастью Франціи, ни одно зло, какъ бы старо и закоренѣло оно ни было, не пользуется правомъ непривосновенности. Честь перваго выстрѣла и послѣдующей борьбы принадлежать Иву Гюйо, нинѣ извѣстному писателю и вице-президенту муниципальнаго совѣта, а пять лѣтъ тому назадъ, до его кампаніи противъ полицейской префектуры, безвѣстному журналисту и только что выбранному въ муниципалитетъ совѣтнику.

Въ ноябрѣ 1877 г. Гюйо напечаталъ въ тогдашнемъ «Droit de l'homme», горячую статью противъ police des mœurs. Статья надѣлала много шуму и первымъ практическимъ результатомъ ея явилось слѣдующее: муниципальный совѣтъ отказалъ вотировать бюджетъ на содержаніе полиціи нравственности. Въ тотъ-же день, какъ состоялось это рѣшеніе, Гюйо получилъ повѣству отъ судебного слѣдователя. Его обвиняли «въ недобросовѣтномъ распространеніи ложныхъ слуховъ, могущихъ повлечь за собою нарушеніе общественнаго спокойствія, въ диффамациі агентовъ общественной власти, названіемъ ихъ обязанности *нечестными ремесломъ*», однимъ словомъ, во всемъ томъ, что мною выше рассказано относительно подвиговъ agents des mœurs. Напрасно Гюйо предлагалъ доказать всѣ факты, которые утверждалъ въ своей статьѣ, напрасно онъ ссылался на полную незаконность существованія police des mœurs, несанкціонированную ни однимъ закономъ. Судъ приговорилъ смѣлаго журналиста къ шестимѣсячному заключенію въ тюрьму и тремъ тысячамъ штрафа; его издатель — къ мѣсячному заключенію и 1,000 фр. штрафа.

Тѣмъ не менѣе регламентированная проституція и police des mœurs отжили свой вѣкъ во Франціи, и недолго придется ждать, чтобы дожидаться полнаго ихъ отмѣненія. Вотъ и теперь уже, двѣ недѣли спустя послѣ выхода книги Гюйо «La prostitution», французское правительство всполюшилось передъ поражающими фактами, которые онъ собралъ, и созвало комиссію для изученія этого вопроса.

Конечно, съ отмѣненіемъ police des mœurs причины, вызывающія развитіе проституціи, по-прежнему останутся во всей своей силѣ; проституція, стало быть, будетъ развиваться и расти до тѣхъ поръ, пока будутъ существовать соціальныя явленія, на которыя я указалъ въ началѣ этой статьи. Но съ уничтоженіемъ police des mœurs исчезнетъ, по крайней мѣрѣ, грубый полицейскій произволъ и насиліе надъ французской женщиной вообще и въ частности надъ жертвами обще-соціальной болѣзни, надъ возмъ-

шеннымъ предлогомъ спасенія общественной нравственности и здоровья. Да и то уже будетъ хорошо, что общество открыто признается въ нецѣлесообразности мѣръ, доселѣ употреблявшихся на борьбу съ проституціей, и волей-неволей принуждено будетъ отыскивать средства и болѣе гуманныя, и болѣе дѣйствительныя. Одной ложью и лицемѣріемъ, во всякомъ случаѣ, будетъ меньше.

И. Полещій.

СОДЕРЖАНІЕ ШЕСТОЙ КНИЖКИ.

«Потѣшная исторія». (Изъ деревенской хроники)	<i>И. Потапенко.</i>
Сѣверная мелодія. Стихотвореніе .	<i>Д. Михаловскаго.</i>
«Au bonheur des dames». Романъ. (Окончаніе)	<i>Э. Золя.</i>
Петръ на Олонцѣ. (Гл. I—IV) . .	<i>В. Майнова.</i>
Злая Воля. Повѣсть (Гл. XV—XVIII)	<i>В. Г. Дмитриевой.</i>
Гусятница. Повѣсть. (Окончаніе) .	<i>Жана Роллана.</i>
Злостный банкротъ. (Сцены изъ провинціальной жизни)	<i>В. Демидова.</i>
Мечь Орриво. (Легенда)	<i>Г. Мерэ.</i>

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Народное образованіе	<i>Б. Ленскаго.</i>
Характеристики современныхъ дѣятелей. (М. Е. Салтыковъ). Окончаніе.	<i>М. А. Протопопова.</i>
Новыя книги.	
Изъ домашней хроники	<i>Н. В.</i>
Морская реформа	<i>Бысшаго Моряка.</i>
Тонкинъ (Политическая и социальная хроника)	<i>Жика.</i>
Научная хроника.	<i>А. М.</i>
Полиція нравовъ во Франціи . . .	<i>И. Полоцкаго.</i>

ВЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ

Н. И. МАМОНТОВА

С.-Петербургъ. Большая Садовая. Противъ Гостиного Двора, № 12 (Бывшій А. И. Глазунова). Москва. Кузнецкій мостъ, д. Фирсанова.

за послѣднее время поступили въ продажу слѣдующія новыя книги:

- Систематическій сборникъ приказовъ по военному вѣдомству и циркуляровъ Главнаго Штаба, за время съ 1 января 1869 года по 1 октября 1882 года. Для руководства въ войскахъ и восковыхъ управленіяхъ. По порученію Военнаго Министра составилъ генераль-маіоръ В. Д. Коссианскій. 2 т. Спб. Ц. 8 р., вѣс. 10 ф.**
- Современное международное право цивилизованныхъ народовъ. Ф. Мартенса. Т. 2. Ц. 3 р. 50 к., вѣс. 4 ф.**
- Мудровъ, А. Очерки мелкаго народнаго кредита. Вып. 2. вспомоательныя кассы. Ц. 80 к., вѣс. 1 ф.**
- Ланге. Исторія матеріализма. Пер. Н. Н. Страхова. Томъ второй. Матеріализмъ послѣ Бюнта. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 3 р.**
- Спенсеръ. Воспитаніе умственное, нравственное и физическое. 2-е изданіе въ переводѣ Е. А. Сысоевой. Ц. 85 к., съ пер. 1 р. 10 к.**
- IX т. сочиненій Державина съ объяснительными примѣчаніями Я. Грота, содержащій дополнителныя примѣчанія и приложения ко всему изданію, снимки портретовъ, ноты и общій указатель ко всѣмъ IX томамъ — Напечатанъ и въ видѣ II тома жизни Державина, съ указателемъ къ обоимъ томамъ біографіи. Ц. 3 р., съ пер. 3 р. 50 к.**
- Цѣна всѣхъ IX томовъ 25 р., съ пер. 28 р. Продажа изданія отдѣльными томами продолжается.
- Рысаль, его выдержка, выѣздка и подготовка на призы. Соч. Н. Тихомирова. М. Изд. 2-е, исправл. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 25 к.**
- Техническій учебникъ гистологіи. Л. Ранвье. Вып. шестой. Съ рисунками въ текстѣ. Пер. съ француз. проф. И. Р. Тарханова. Ц. 1 р. 70 к., съ пер. 2 р. Цѣна всѣмъ шести выпускамъ 8 р., съ пер. 9 р.**
- Очеркъ исторіи физики съ синхроническими таблицами по математикѣ, химіи, описательнымъ наукамъ и всеобщей исторіи Фердин. Розенберга. Часть I. Исторія физики въ древніе и средніе вѣка. Перев. подъ ред. И. М. Сѣченова. Ц. 1 р. 60 к., перес. 25 к.**
- Методы общей электризаціи (общая гальванизація, фарадизація, электрическія ванны и франклизациа). Матеріалы для электрическаго леченія нервной слабости д-ра I. T. Stein, съ 35-ю рисунками, перев. подъ ред. приватъ-доцента В. И. Дроздова. Ц. 1 р. перес. 20 к.**
- Нъ вопросу о геологическихъ развѣдкахъ на нефть на Кавказѣ. Н. А. Соколовскій. Тифлисъ. 1883. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.**
- Взрывчатая вещества. Курсъ миннаго офицерскаго класса. Сост. П. Чельдовъ. Часть II. Спб. 1883. Ц. 3 р., съ пер. 3 р. 30 к. — Тоже. Часть I. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 70 к.**
- Основы практической медицинн. К. Ф. Кунце. Перев. съ 3-го нѣмецк. изд. Спб. 1883. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 70 к., въ перепл. 1 р. 75 к., съ пер. 2 р.**
- Начало русскаго регулярнаго войска. (Для солдатъ и народа). Сост. А. Янугъ. Спб. 1883. Ц. 25 к., съ пер. 35 к.**

- Электрическое освѣщеніе.** Курсъ миноваго офицерскаго класса. Тверитиновъ. Вып. I. Съ атласомъ чертежей. Спб. 1883. Ц. 3 р. 50 к., съ перес. 4 р.
- Сочиненія Р. Коха.** Выпускъ II. „Машинное дѣло на желѣзныхъ дорогахъ“, переводъ А. Цитовича. Спб. 1883. Ц. 3 р., съ перес. 3 р. 40 к. Вып. I. того же сочиненія 2 р. 70 к., съ пер. 3 р.
- М. Ю. Лермонтовъ,** его личность и поэзія. Сост. М. А. Орловъ. Спб. 1883. Ц. 50 к., съ пер. 60 к.; въ папкѣ 60 к., съ пер. 75 к.
- Крымъ и его цѣлебныя свойства (1783—1883).** Сост. д-ръ Корсаковъ. Спб. 1883. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к.
- Его же.** Легочная чахотка и южный берегъ Крыма, какъ климатолечебная мѣстность. Симферополь. 1882. Ц. 60 к., съ пер. 75 к.
- Уставъ о гербовомъ сборѣ** (по прол. Св. Зак. 1879 и 1881 гг.), измѣненный по Высочайше утвержденнымъ 19 января и 25 мая 1882 г. мн. государ. совѣта. Съ приложеніемъ алфавитнаго перечня, дополнительнымъ къ уставу правительства и разъясненій Сената и Мин. Финансовъ. Ц. 75 к., въ папкѣ 85 к., съ пер. 1 р.
- Барсовъ, Е. В.** Древне-русскіе памятники священнаго вѣнчанія царей на царство въ связи съ греческими ихъ оригиналами. М. Ц. 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 75 к., на веленев. бум. 2 р. 50 к., съ пер. 3 р.
- Семевскій, М. И.** Очерки и рассказы изъ русской исторіи XVIII вѣка. «Царица Прасковья» 1664—1723. Изд. 2-е, исправл. и дополн. съ портретомъ. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 35 к.
- Малининъ, И.** Очерки и картины изъ географіи Азіи, Африки, Америки и Австраліи. Географическая хрестоматія. М. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.
- Физицизмъ.** Обитіе веществъ и превращеніе энергіи въ растеніяхъ. Спб. Ц. 4 р., съ пер. 4 р. 50 к.
- Барсукова, А.** Родъ Шереметевыхъ. Книга третья съ приложеніями. Спб. Ц. 4 р., съ пер. 6 р.
- Сборникъ Имп. Русск. Историч. Общества.** Т. 37. Дипломатическая переписка прусскихъ посланниковъ при русскомъ дворѣ 1767—1772 гг. Спб. Ц. 3 р., съ пер. 3 р. 50 к.
- Тоже.** Т. 38. Памятники дипломатич. сношеній московск. государства съ Англіею. Т. 2 Изд. подъ ред. К. Н. Вестужева-Рюмина. Спб. Ц. 3 р.
- Иттенъ, Ф.** Вредныя насѣкомыя. Т. 3-й. Спеціальная часть: Бабочки, двукрылыя и полужесткокрылыя. Спб. Ц. 3 р., съ пер. 3 р. 50 к.
- Достоевскаго, Ф. М.** Записки изъ мертваго дома. Спб. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 50 к.
- Шора, А.** Черный кардиналъ. Романъ. Спб.
- Чарльсъ Диннесъ.** Записки города Мудфода и проч., съ портретомъ Дикенса и его факсимиле. Перев. съ англійскаго Н. В. Спиридоновой. М. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 25 к.
- Шенспиръ, В.** Король Лиръ. Трагедія въ 5 дѣйствіяхъ. Переводъ С. Юрьева. М. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.
- Максимовъ, А.** На далекомъ востоцѣ. Рассказы и очерки. Спб. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.
- Исбартъ.** Сборникъ творивъ. Т. Г. Швеченко. Т. I, съ портретомъ. Спб. 1883. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 70 к.
- Исторія Греціи, Э. Корнуса.** Перев. А. Н. Веселовскаго. Т. II, изд. второе, исправленное. Ц. 5 р., съ пер. 5 р. 50 к.
- Тамъ же продаются: т. I—3 р. и III—4 р.
- Учебный курсъ теоріи словесности для среднихъ учебныхъ заведеній,** составилъ А. Д. Савицкій. Министерствомъ народнаго просвѣщенія включенъ въ число руководствъ по словесности. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 25 к.
- Флеринскій, В.** Домашняя медицина-лечебникъ для народнаго употребленія. Сочиненіе удостоено отъ Ученаго Комитета Мин. Нар. Просв. полной преміи Императора Петра Великаго. Изд. 2-е исправ. Спб. 1888. Ц. 4 р., съ пер. 4 р. 50 к.
- Требованія гг. иногородныхъ исполняются немедленно и аккуратно.** Кромѣ упомянутыхъ книгъ, магазиномъ высылаются всѣ какъ прежде вышедшія, такъ и вновь выходящія по цѣнамъ, гдѣ-бы и кѣмъ-то ни было опубликованнымъ.

ВЪ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНЪ ДЛЯ ИНОГОРОДНИХЪ

А. Я. ПАНАФИДИНА.

Поступили въ продажу слѣдующія книги:

- Альбертъ Э., проф. Диагностика хирургическихъ заболѣваній. Переводъ съ 2-го изданія съ рисунками въ текстѣ. Цѣна 2 р. 50 к.
- Берлеозъ Ф., проф. терапия въ Греноблѣ. Наглядныя таблицы фармакологическаго дѣйствія лекарственныхъ веществъ. Перев. съ франц. Ц. 50 к.
- Вельфлеръ А., Вызваніе рака привратника желудка (операция проф. Вильбота). Перев. съ нѣм. д-ра Е. Ильина. Ц. 40 к.
- Маакъ I. M. Компендіумъ акушерства (по руководству Шредера). Руководство для студентовъ и практическихъ врачей. Перев. съ нѣмецк. подъ ред. д-ра В. В. Святловскаго. Ц. 1 р.
- Генохъ Э., Дѣтскія болѣзни, руководство для врачей и учащихся. Перев. съ нѣм. съ предисловіемъ проф. Н. И. Быстрова. Ц. 4 р. 35 к.
- Горвицъ М., проф. О неукротимой рвотѣ беременныхъ. Ц. 1 р.
- Груберъ В. Л., проф. Біографія съ портретомъ, 1882. Ц. 50 к.
- Dieulafoy, G. Руководство къ внутренней патологіи. Перев. съ франц. д-ровъ В. и Е. Святловскихъ. Томъ I. Ц. 2 р. 25 к.
- Капозі, М. Патологія и терапия снѣдласа. Перев. съ нѣм. Ц. 1 р. 25 к.
- Моломинъ С., проф. О реакціи верхней челюсти по поводу опухолей. Ц. 50 к.
- Моломинъ С., проф. Мед. Конгрессъ. Ц. 50 к.
- Краузолдъ. Болѣзни червеобразнаго отростка. Перев. съ нѣм. В. Сигриета. Ц. 30 к.
- Круглевскій Н. Очеркъ развитія ученія о воспаленіи. Ц. 45 к.
- Круглевскій Кретитіоніумъ по топографической анатоміи. Ц. 2 р. 50 к.
- Лейнартъ Р. Общая естественная исторія паразитовъ, особенно видовъ водящихся у человѣка. Перев. съ нѣм. проф. Э. К. Брамдта. Ц. 1 р. 50 к.
- Лесгафтъ П. Ф., проф. О соединеніи костей между собою. Ц. 20 к.
- Мединиусъ Л. Судебно-медицинскія изслѣдованія пищевыхъ и вкусовыхъ продуктовъ. Пер. съ нѣм. д-ра Крушевскаго подъ редакціей и съ дополненіями проф. А. П. Доброславина. Ц. 1 р.
- Минитинъ. Болѣзни носа. Ц. 60 к.
- Нимейеръ Ф., Руководство къ частной патологіи и терапіи. Перев. съ послѣдняго нѣм. изданія, подъ редакціей д-ра В. Святловскаго. Ц. 5 р. 25 к.
- Пастернацкій. Анатомическія основы ученія о душевныхъ болѣзняхъ. Ц. 50 к.
- Микулинскій. Краткій курсъ общей терапіи для врачей и студентовъ. Ц. 1 р. 15 к.
- Пель А., доцентъ. Химическія изслѣдованія по вопросамъ о гніеніи ржаной муки и о дѣйствіи спорыньи на муку. Ц. 30 к.
- Полетобновъ А, проф. Современное состояніе дерматологіи въ Россіи. Ц. 40 к.
- Рибо. Болѣзни памяти. Перев. съ франц. д-ра Черемшанскаго. Ц. 1 р. 75 к.
- Рише А. Руководство по хирургической анатоміи. Перев. съ франц. подъ редакціей проф. П. Лесгафта, вып. I. Ц. 1 р.
- Таремецкій А., пров. Анатомія и исторія развитія циклопіи у человѣка съ примѣчаніями о развитіи простыхъ урождовъ вообще. Ц. 50 к.
- Фомо. Промываніе желудка. Перев. съ франц. д-ра В. Святловскаго. Ц. 30 к.
- Фритшъ Г. Женскія болѣзни. Пер. съ нѣм. подъ редакціей проф. К. Ф. Славянскаго. Ц. 2 р. 80 к.
- Фурнье. Снѣдласъ мозга. Перев. съ франц. д-ра О. Хлопницкаго, подъ редакціей проф. В. М. Гарновскаго. Ц. 2 р. 50 к.
- Хвостенъ. Болѣзни поджелудочной железы. Пер. съ нѣм. В. Сигриета. Ц. 60 к.
- Шампльоньеръ. Противогнилостная хирургія. Перев. съ франц. д-ра И. Жарновскаго. Ц. 1 р. 50 к.
- Шеффъ Ю. Руководство къ изученію зубныхъ болѣзней. Ц. 1 р. 75 к.
- Эйхгорстъ Г. Руководство къ физическимъ методамъ изслѣдованія внутреннихъ болѣзней. Перев. съ нѣм. Ч. I и II. Ц. 4 р. 50 к.

- Бильротъ.** Повторительный курсъ хирургической патологіи. Состав. М. Гирш-оельдъ. Ц. 1 р.
- Гофманъ.** Учебникъ судебной медицины. Перев. подъ ред. проф. Ш. М. Сорокина. Ц. 5 р.
- Дорблякъ.** Притворныя болѣзни новобранцевъ. Руководство для врачей и членовъ присутствій по воинской повинности. Перев. съ нѣм. съ прилож. русскихъ законоположеній. Ц. 1 р. 50 к.
- Конгеймъ.** Общая патологія. Пер. съ нѣм., съ предисловіемъ проф. В. А. Манассеина. За два тома 5 р. 50 к.
- Конгеймъ.** Общая патологія Т. П. Ц. (отдѣльно) 1 р. 50 к.
- Лесгафтъ П.** Записки анатоміи черепной, грудной и брюшной полостей. Ц. 1 р.
- Рудневъ, М. М.** Записки патологической анатоміи и гистологіи. Съ примѣчаніями и подъ редакціей провектора П. М. Амадеинъ И. И. Буркова. Ц. 2 р. 50 к.
- Феръ.** Основы оперативной хирургіи. Ц. 1 р.

ПУТЕШЕСТВІЕ ПО СѢВЕРО-ВОСТОЧНОЙ АФРИКѢ. Д-ра Врэма.

Спб. 1869 и 1873 г. Ц. 3 р. 50 к.

ЕСТЕСТВЕННО-ИСТОРИЧЕСКАЯ ХРЕСТОМАТІЯ.

Сборникъ лучшихъ статей по естествознанію изъ сочиненій пѣвѣстнѣйшихъ современныхъ авторовъ.

Спб. Ц. 1 р. 50 в.

Краткое оглавленіе.

Первый взглядъ на звездное небо. *К. Шмецера.*—Мірѣ тѣлесный, сознаніе и чувство. *М. И. Шлейдена.*—Образованіе земли. *К. Ф. Бурдаха.*—Человѣкъ и природа. *Г. Ф. Скау.*—Золото. *Ф. Ф. Коббеля.*—Клѣточка какъ органъ жизни. *Г. Шахта.*—Арабъ и верблюды. *К. Риттера.*—Растеніе Кока въ Перу. *Г. Фоль-Чуди.*—Вѣтры тропическаго міра. — Пассаты и муссоны. *И. Гюйо.*—Мараньонъ или Амазонская рѣка. *По Э. Пеннелу.*—Изь основаній химіи. *Ю. Либиха.*—Степи и пустыни *К. Гумбольдта.*—Нептунизмъ и вулканизмъ. *Г. Бурмейстера.*—Туманныя пятна и двойныя звезды. *В. А. Циммермана.*—Сонъ растительнаго свѣтени. *М. Зейберта.*—Пауки. *П. Шейтлина.*—Ниагарскій водопадъ. *По Г. К. Фремонту.*—Растительная жизнь на снѣжныхъ вершинахъ Альпъ. *Г. Чуди.*—Термометръ.—*Г. Мюллера.*—Единство человѣческаго рода.—*К. Ф. Бурдаха.*—Морскія теченія *Ф. К. Гелера.*—Национальныя растенія. *И. Ф. Скау.*—Океанъ и материкъ. *А. Гюйо.*—Неподвижныя звезды *К. Шмецера.*—Распространеніе важнѣйшихъ питательныхъ растеній на землѣ. *М. И. Шлейдена* и т. д., всего 404 стр.

Означенныя книги были напечатаны въ 1881—83 годахъ; выписывающіи отъ книжной торговли спеціально для иногороднихъ **А. Я. ПАНАФИДИНА** за пересылку не платятъ, гдѣ и находится списокъ вышеозначенныхъ книгъ.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

1) Редакція проситъ гг. подписчиковъ, живущихъ въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ нѣтъ почтовыхъ конторъ, обозначать въ своихъ адресахъ ближайшее почтовое мѣсто, въ которое можно было бы адресовать прямо книги журнала. Въ противномъ случаѣ, редакція не можетъ ручаться за исправную доставку журнала и за удовлетвореніе жалобъ на неполученіе книжекъ журнала, на томъ основаніи, что Газетная Экспедиція петербургскаго почтамта не принимаетъ отъ редакціи подобныхъ жалобъ и не входитъ въ ихъ разсмотрѣніе, отзываясь, что не имѣетъ возможности собирать справки и требовать объясненій изъ тѣхъ мѣстностей, гдѣ нѣтъ правильного почтового приѣма и отвѣтственного почтового учрежденія.

2) Когда книга журнала не получается подписчикомъ своевременно или вовсе не доходить по своему назначенію, редакція, въ виду скорѣйшаго удовлетворенія жалобъ, покорнѣе проситъ заявлять объ этомъ не позже полученія слѣдующей книжки журнала. Въ противномъ случаѣ, на основаніи объявленныхъ почтовымъ вѣдомствомъ правилъ, Газетная Экспедиція къ своему разсмотрѣнію жалобъ не принимаетъ.

3) При перемѣнахъ адреса необходимо сообщать старый печатный адресъ бандероли или-же номеръ билета. При каждомъ заявленіи о перемѣнѣ адреса редакція проситъ прилагать три почтовыхъ семи-копѣечныя марки за напечатаніе новаго адреса.

4) При перемѣнѣ городского адреса на иногородный уплачивается 1 р. 50 к.; при перемѣнѣ-же иногороднаго на городской уплачивается 1 р.

5) Жалобы и перемѣны адресовъ адресуются исключительно въ контору редакціи журнала «Дѣло».

6) Лица, адресующіяся въ редакцію съ разными запросами, благоволятъ прилагать почтовые марки, если желаютъ получить отвѣты.

7) Рукописи, признанныя редакціею неудобными для помѣщенія въ журналъ «Дѣло», а равно и рукописи напечатанныхъ статей, хранятся въ конторѣ редакціи не болѣе года и затѣмъ, по истеченіи этого срока, уничтожаются, если не будутъ вытребованы обратно. Мелкія статьи и стихотворенія не возвращаются, и по поводу ихъ редакція не входитъ ни въ какія письменныя объясненія, хотя-бы и были приложены для этого почтовые марки.

8) Высылка рукописей иногороднымъ возможна только въ томъ случаѣ, когда на почтовые расходы будутъ представлены въ редакцію деньги соразмѣрно стоимости пересылки.

9) Для личныхъ объясненій съ редакціей просятъ обращаться въ главную контору журнала «Дѣло» по субботамъ отъ 3—5 часовъ, по Надеждинской ул., № 39.

ПОДПИСКА НА ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЬ

ДѢЛО

въ 1883 году

принимается въ С.-Петербургѣ, въ Главной Конторѣ Редакціи
Журнала «ДѢЛО» (по Надеждинской улицѣ, д. № 39).

Редакція считаетъ себя отвѣтственной за исправную и своевременную
высылку журнала передъ тѣми изъ своихъ подписчиковъ, которые
подпишутся по указанному выше адресу.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	На годъ.	На полгода.
Безъ пересылки и доставки . . .	15 р. 50 к.	8 р.
Съ доставкою въ С.-Петербургѣ . . .	16 > — >	9 >
Съ пересылкою иногороднымъ . . .	17 > — >	10 >
> за границу . . .	19 > — >	11 >

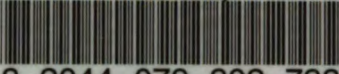
Издат. насл. Г. Е. БЛАГОСВѢТЛОВА. За редактора Н. А. ЛЕВЕДЕВЪ.

**This book should be returned to
the Library on or before the last date
stamped below.**

**A fine is incurred by retaining it
beyond the specified time.**

Please return promptly.

Widener Library

3 2044 079 302 733